

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Per. 277 ^d / 1861, 5.6.7.8

<36604852540014

<36604852540014

Bayer. Staatsbibliothek

Per. 277^d (1861, 5)

ОСНОВА

1861

М А И

СОДЕРЖАНИЕ:

- I. Ковзъръ, XIV—XIX. Предсмертнѣ думи, Т. Г. Шевченка.
- II. Дневникъ Т. Г. Шевченка.
- III. Салатка, Д. Л. Мордовцева.
- IV. Липовыя пуши, Д. И. Хоретко.
- V. Сиротѣна—Олександра Конисьского.
- VI. Письма о Богданѣ Хмельницкомъ, М. А. Максимовича.
- VII. Автобиографія Блюкопытенка, М. Т. Номиса.
- VIII. Плачь Россійскій, съ предисловіемъ Н. А. Кулиша. /
- IX. Багѣта Кутѣ, М. Т. Номиса.
- X. Обзоръ украинской словесности. IV. Гоголь, Н. А. Кулиша.
- XI. Гимназическая переписка, Лимейкина.
- XII. Хуртовина, С. Д. Носа.
- XIII. Письма о пчеловодствѣ, Н. Н. Костенецкаго.
- XIV. Географическое обозрѣніе края, населеннаго южнорусскимъ народомъ, Н. М.
- XV. Объясненіе къ рисункамъ «Живописной Украины», Л. М. Немчужиникова.
- XVI. Приглашеніе, Н. Н. Анненкова.
- XVII. Вѣсти. (письма изъ разныхъ мѣстъ южнорусскаго края).
- XVIII. Отъ Редакціи.
- XIX. Объясненіе южнорусскихъ словъ.
- XX. Музыкальное и библиографическое извѣстія.

Fg/86/50009

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

«Добра хочу братья и Русскій Земли.»
Владиміръ Мономахъ.

1861

М А Й

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИВЛЕНА И КОМП.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Мая 30-го дня, 1861 года.

Ценсоръ *Ст. Лебедевъ.*

Bayerische
Staatsbibliothek
München

КОБЗАРЬ.

ПРЕДСМЕРТНІ ДУМИ (*).

XIV.

Минули літа молоді...
Холоднимъ вітромъ одъ надіі
Ужé повіяло... Зіма!...
Сиди одінь въ холодній хаті...
Нема-сь-кимъ тихо розмовляти
А ні порадитись... Нема!
А нікогісінько нема!
Сиди жъ одінь, поки надія
Одурить дурня, осміє...
Морозомъ очи огує,
А думи гóрдї розвіє,
Якъ ту сніжину по степу...
Сиди жъ одінь-собі въ кутку,
Не жди весні—святбі дблі!
Вона не зійде вже ніколи
Садочокъ твій позеленить,
Твою надію оновить—

(*). Прочитавши опі *предсмертні думи*, всякъ зрозуміє—що голубила, на останку життя свого, велика душа Тарасова,—и кожному невiрi бiде йсно—чому-то такъ високо ставiвимо ми, Українцi, свого єдиного, всенароднiго, Кобзаря.

И думу вольную на волю
 Не прийде випустить.... Сіди—
 И нічогосінько не жди!...

18 октября, 1860 р.
 Петербургъ.

XV.

И тутъ, и всюди—скрізь погано!...
 Душа убога встала рано,
 Напряла мало, та й лягла
 Одпочивать собі небга.
 А воля душу стерегла...
 «Прокійнься», каже: «плачь, уббога!
 Не зійде сонце!.. тьма и тьма!
 И правди на землі нема!»
 Ледача воля одуріла
 Маленьку душу: сонце йде
 И за собою день веде!...

30 октября, 1860 р.
 Петербургъ.

XVI.

— — — — —
 Въ ночі и ожеледь и мряга,
 И снігъ, и холоди... и Невá
 Тихесенько кудись несла
 Тоненьку крігу попідь мбстомъ.
 А я, отó-жь-таки въ ночі,
 Иду та кашляю йдучи.
 Дивлюсь:-ниначе ті ягнята,
 Идуть задріпані дівчата,
 А дідъ (сердешний инвалидъ)
 За ними гнётця—шкандибáе,
 Мовъ у кошáру заганяе
 Чужу худобу.... Дѣжь той світь!..?

И дѣ та правда?!... Горе! горе!
 Ненагодіванихъ и гóлихъ
 Дівчаточокъ, якъ ту отáру,
 Женуть!... Чи буде судъ и кáра
 Усімъ неправдамъ на землі?
 Чи буде правда міжъ людьми?..
 Повінна бути!.. бо сонце стáне
 И осквернённу зéмлю спáлити.

3 жовтня, 1860 р.

Петербургъ.

XVII.

И день идѣ, и нічъ идѣ...
 И, гóлову схопивши въ рúки,
 Дивуєся—чому не йдѣ
 Апóстоля правди и науки?!

5 жовтня 1860 р.

Петербургъ.

XVIII (*).

Чи не покáнуть намъ, небóго,
 Моя сусідонько убóга,
 Вірши пікчёмні віршувáть,
 Та заходятьця рештувáть
 Вози въ далёкую дорóгу?—
 На *тóй світь*, друже мій, до Бóга,
 Почимчикуємъ спочивáть...
 Втомíлися и підтоптáлись
 И рбзуму-тани набрáлись,—

(*) Стихи оці, (набуть—*До Музи*), здається, останнє поетичне слово нашого вічно-пам'ятного Тараса. На підлиннику, під першою його половиною (після стиха: *Славою святю*), стоїть «14 февраля»; під другою половиною—дня не означено.

То й буде зъ насъ!—ходімо спать—
 Ходімо въ хату спочивать...
 Весела хата, щобъ ти знала!...

Ой не йдімо, не ходімо,
 Рано, друже, рано;
 Походімо, посидимó—
 На сей світъ поглянемъ!
 Поглянемо, моя доле...
 Бачъ, який ширóкий,
 И ширóкий та веселий,
 Ясний та глибокий...
 Походімо жъ, моя зоре!
 Зійдемо на гóру—!
 Спочи́немо... а тимъ-часомъ
 Твої сестри-зóрі,
 Безвiчнii, попiдъ небомъ
 Попливуть, засяють...
 Подождімо жъ, моя сестро,
 Дружино святая!
 Та нескверними устами
 Помóлимось Богу,
 Та й рúшимо тихесенько
 Въ далéку дорóгу...
 Надъ Лéтою бездóбною
 Та каламутною
 Благослові мене, друже,
 Славою святою!...

А поки те, да се, да бне,
 Ходімо прóсто—навпростець
 До Эскулапа на ралець—
 Чи не одурить вінъ Харóна
 И Парку-прялку?... И тогди,
 Попки бъ химеривъ мýдрий дiдъ,
 Творили бъ, лежа, эпопею—
 Парили бъ скрiзь по-надъ землею—
 Та всё бъ гекзаметри плели,
 Та на горiще бъ однесли

Мишамъ на снідання.... А потімъ
Співали бъ прозу—та по нотахъ,
А не якъ-небудь...

Друже мій,
О мій сопутниче святій!
Покій огонь не захолюнувъ,
Ходімо лучче до Харона—
Черезъ Лету бездонную,
Та каламутную
Перепливімъ, перенесімъ
И славу святую—
Безвічною—молодую...
Абб—цурь їй, друже!
И безъ неї обійдуся—
Та якъ буду здужать,
То надъ самимъ Флегетіномъ
Абб надъ Стіксомъ у рабъ,
Ниніче надъ Дніпромъ широкимъ,
Въ гаю—предвічнєму гаю,
Поставлю хаточку,—садочокъ
Кругомъ хатини насажу:
Примінешь ти у холодочокъ,
Тебѣ, мовъ кралу, посажу:
Дніпрѣ, Україну згадаємъ,
Веселі сѣлица въ гаїхъ,
Могіли-гори на степахъ—
И веселенько заспіваеть....

ДНЕВНИКЪ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА (*).

Первый отрывокъ.

Іюня 12, 1857 г.

Первое замѣчательное происшествіе, которое я вношу въ мои записки, суть слѣдующее: обрѣзывая сію первую тетрадь для поминутыхъ записокъ, я сломалъ перочинный ножъ. Происшествіе, повидимому, ничтожное и незаслуживающее того вниманія, которое я ему оказываю внося его какъ что-то необыкновенное въ сію цеструю книгу. Слу-

(*) Въ-увѣренности, что всякое слово нашего незабвеннаго поэта дорого и любопытно каждому читателю «Основы» помѣщаемъ отрывокъ изъ дневника Шевченка,—дневника, который не предназначался къ печати и задуманъ имъ съ цѣлю — сократить время въ ожиданіи разрѣшенія—возвратиться къ друзьямъ, послѣ 10-лѣтней разлуки. Дневникъ этотъ занимаетъ 102 большихъ полулиста и представляетъ драгоценныя біографическія данныя съ 12 іюня 1857 по 13 іюля 1838 года, и не многія, но высшей степени любопытныя, воспоминанія поэта о своей молодости. При жизни Тараса Григорьевича, дневникъ его почти никому не былъ извѣстенъ; онъ былъ подарокъ, за тайну, ближайшему другу покойнаго, М. М. Л.—скому, которому всѣ почитатели поэта обязаны, выстѣ съ нами, благодарностью за позволеніе — взглянуть поближе на эту простую, сильную, истинно-художественную натуру, на эту глубоко-печальную, но поучительную, геройски-выдержанную, жизнь. Только изъ «дневника» можно узнать, сколько дѣтской искренности и мужественнаго само-сознанія, сколько человѣчности, можно-сказать—благости, было въ чистомъ сердцѣ *нашого Тараса*. Изъ «дневника» и нѣкоторыхъ поэтическихъ его откровеній становится ясно—что дало ему силы—вынести горестную свою долю: безграничная любовь, къ народу, непрестанное сочувствіе *ко всему страждущему* въ этомъ чудномъ мірѣ, красота котораго была неизмѣнно присуща ему, какъ художнику: вотъ-что увлекало его до забвенія о собѣ-самомъ, о своей собственной участи...

... віть не просить,
Не плаче, не стогне:
Разъ добромъ наліте сѣрце
Вікъ не прохолоне.

Онъ былъ добръ тою возвышенною добротою гениальнаго ума и сердца, безъ которой для человека не возможно истинное величіе. — Гениальность природы Шевченка видна и въ томъ, что онъ такъ-много понималъ, и такъ-вѣрно угадывалъ *правду*, почти безъ всякаго научнаго, школьнаго, образованія: до послѣдней своей минуты, онъ не зналъ русскаго правописанія; его «дневникъ» наполненъ ошибками въ историческихъ именахъ, техническихъ названій, въ словахъ изъ иностранныхъ языковъ; но много ли у него ошибокъ въ пониманіи природы, искусства, человека, родины и—себя-самого?

чпсь этотъ казусъ въ столицѣ или даже въ порядочномъ губернскомъ городѣ, то, натурально, онъ не попалъ бы въ мою памятную книгу. Но это случилось въ Киргизской Степи, т. е. въ Новопетровскомъ укрѣпленіи, гдѣ подобная вещьца для грамотнаго человѣка, *какъ на-примръ—я*, дорого стоить; а главное—что не всегда ее можно достать и даже за порядочныя деньги. Если вамъ удастся растолковать свою нужду армянину—маркитанту, который имѣетъ сообщеніе съ Астраханью, то вы все-таки не ближе какъ черезъ мѣсяць — лѣтомъ, а зимою—черезъ пять мѣсяцевъ, получите прескверный перочинный ножикъ и, разумѣется, не дешевле *монеты*, т. е. рубля серебромъ. А случается и такъ,—и весьма часто,—что вмѣсто ожидаемой вамъ съ нетерпѣніемъ вещи, онъ васъ попотчуетъ или московской бязью, или кускомъ верблюжьяго сукна, или, наконецъ, кислымъ—какъ онъ говоритъ—*дамскимъ* чпхиремъ. А на вопросъ вашъ, почему онъ вамъ не привезъ именно то, что вамъ нужно, онъ вамъ пренаивно отвѣтитъ,—что «мы люди коммерческіе, люди неграмотные,—всего не упоминаю.» Что вы ему на такой резонный доводъ? Ругнете его,—онъ усмѣхнется,—а вы все-таки безъ ножа останетесь. Теперь понятно, почему въ Новопетровскомъ укрѣпленіи утрата перочиннаго ножа—событіе, заслуживающее бытописанія. Но Богъ съ нимъ—и съ укрѣпленіемъ, и съ ножомъ, и съ маркитантомъ; скоро, дастъ Богъ, вырвуся я изъ этой тюрьмы и тогда подобное происшествіе не будетъ имѣть мѣста въ моемъ журналѣ.

Сегодня уже второй день, какъ сшилъ я себѣ и акуратно обрѣзалъ тетрадь для того, чтобы записывать, что со мною и около меня случится. Теперь еще только девятый часъ; утро прошло, какъ обыкновенно, безъ всякаго замѣчательнаго происшествія; увидимъ, чѣмъ кончится вечеръ? а пока—совершенно нѣчего записать; а писать—охота страшная, и перья есть очиненныя. По милости ротнаго писаря, я еще не чувствую своей утраты. А писать все-таки не о чемъ! А сатана такъ и шепчетъ на ухо— ищи что ни попало, ври сколько душѣ угодно: кто тебя станетъ повѣрять? И въ шанпчныхъ журналахъ врутъ, а въ такомъ—въ домашнемъ—и Богъ велѣлъ.

Если бы я свой журналъ готовилъ для печати, то—чего доброго—пожалуй, и искусилъ бы лукавый врагъ истины, по я, какъ сказалъ поэтъ нашъ,

Пишу не для мгновенной славы,
Для развлечения, для забавы,

Для милых искренних друзей,
Для памяти минувших дней.

Мнѣ слѣдовало бы начать свой журналъ со времени посвященія моего въ новый санъ, сирѣчь съ 1847 года. Теперь бы то была претолстая и прескучная тетрадь. Вспоминая эти прошедшіе грустные десять лѣтъ, и сердечно радуюсь, что мнѣ не пришла тогда благая мысль обзавестись записной тетрадью. Что бы я записалъ въ ней? Правда, въ продолженіи этихъ десяти лѣтъ я видѣлъ даромъ то, что не всякому удается видѣть; но какъ я смотрѣлъ на все это? какъ арестантъ смотритъ изъ тюремнаго рѣшетчатого окна на веселый свадебный поѣздъ. Одно воспоминаніе о прошедшемъ и видѣнномъ въ продолженіи этого времени приводитъ меня въ трепетъ; и что же было бы, если бы я записалъ эту мрачную декорачію и грубыхъ лицедѣевъ, съ которыми мнѣ привелось разыгрывать эту мрачную, монотонную, десятилѣтнюю драму! Мимо пройдемъ, мимо минувшаго моего, мой коварная память! Не возмутимъ сердца любящаго друга недостойнымъ воспоминаніемъ, забудемъ и простимъ темныхъ людей, какъ простилъ милосердый Человѣколюбець... — — — Обратимся къ свѣтлому и тихому, какъ нашъ украинскій осенній вечеръ, и запишемъ все видѣнное и слышанное, и все, что сердце продукуетъ.

Отъ 2-го мая получилъ я письмо изъ Петербурга отъ Михаила Лазаревскаго съ приложеніемъ 73 р. Онъ извѣщаетъ меня — или, лучше, поздравляетъ съ свободою. До-сихъ-поръ однакожь нѣтъ ничего изъ корпуснаго штаба, и я, въ ожиданіи распорихеній помянутаго штаба, сопровождаю свѣдѣнія о волжскомъ пароходствѣ. Сюда приѣзжаютъ иногда астраханскіе флотскіе офицеры (крейсера отъ рыбной экспедиціи); но... по ихъ рассказамъ... я, при всемъ моемъ желаніи, не могу до сихъ поръ составить никакого понятія о волжскомъ пароходствѣ. Въ статистическихъ свѣдѣніяхъ я не имѣю надобности, но мнѣ хочется знать, какъ часто отходитъ пароходъ изъ Астрахани въ Нижній-Новгородъ, и какая цѣна мѣстамъ для пассажировъ. Но увы! при всемъ моемъ стараніи, я узналъ только, что мѣста разные, и цѣна разная, а пароходы изъ Астрахани въ Нижній ходятъ очень часто. Не правда ли — точныя свѣдѣнія?

Не смотря однакожь на эти точныя свѣдѣнія, я уже успѣлъ (разумеется, въ воображеніи) устроить свое путешествіе по Волгѣ уютно, спокойно и — главное — дешево. Пароходъ буксируетъ (одно, единственное, вѣрное свѣдѣніе!) нѣсколько барокъ, или, какъ ихъ

называютъ, подчалками, до Нижняго-Повгорода съ разнымъ грузомъ. На одной изъ такихъ барокъ я думаю устроить свою временную квартиру и пролежать въ ней до нижегородскаго дилижанса. Потомъ въ Москву, а изъ Москвы, помолвившись Богу за фультонову душу, черезъ 22 часа и въ Питеръ, — не правда ли, яркая фантазія? Но на сегодня—довольно.

Нынѣшній вечеръ ознаменованъ прибытіемъ парохода изъ Астрахани. Но какъ событіе сіе совершилось довольно поздно, въ девятомъ часу, то до слѣдующаго утра я не получу отъ него никакихъ извѣстій. Важнаго я ничего и не ожидаю отъ астраханской почты. Вся переписка моя идетъ черезъ Гурьевъ—городокъ, а черезъ Астрахань я весьма рѣдко получаю письма. Слѣдовательно, мнѣ отъ парохода ждать нечего. Не вздумаетъ ли *Батько Кошовый*, К — ко, написать мнѣ? То-то бы одолжилъ меня старый черноморецъ! Замѣчательное явленіе между людьми этотъ истинно благородный человекъ. Съ 1847 г., всѣ друзья мои должны были прекратить со мною всякое сношеніе. К. не зналъ о такомъ распоряженіи, равно не зналъ и о моемъ мѣстопробываніи и, будучи въ Москвѣ, во время коронаціи, депутатомъ отъ своего войска, познакомился со старикомъ М. С. Щ—мъ и отъ него узналъ о мѣстѣ моего заключенія. И, благороднѣйшій другъ! написалъ мнѣ самое искреннее, самое задушевное письмо. Черезъ десять лѣтъ—и не забыть *друга*, и еще въ несчастіи друга! это—рѣдкое явленіе между себялюбивыми людьми. Съ этимъ же письмомъ, послучая, какъ онъ пишетъ, послучая полученія имъ Станислава первой степени, прислалъ онъ мнѣ, на поздравку, 23 р. ср. Для семейнаго и небогатаго человека большая жертва. И я не знаю, чѣмъ и когда я ему воздамъ за эту искреннюю илицемѣрную жертву.

Послучая этого дружескаго неожиданнаго привѣтствія, я расположился—было мое путешествіе такимъ образомъ: черезъ Кизляръ и Ставрополь проѣхать въ Екатеринодаръ прямо къ К—у. Пасмотрѣвшись досыта на его благородное выразительное лицо, я думалъ проѣхать черезъ Крымъ, Харьковъ, Полтаву, Кіевъ—въ Минскъ, Песвижъ и, наконецъ, въ село *Чирковичи*, и обьявъ своего друга и товарища... Бр. 3—го, черезъ Вильно проѣхать въ Петербургъ. Планъ этотъ измѣнилъ письмо М. Л—го отъ 2 мая. Изъ письма этого я увидѣлъ, что мнѣ нигдѣ не останавливаясь нужно поспѣшить въ академію художествъ и облобызать руки и ноги графини П—и И—ы Тол—оіи и ея великодушнаго супруга, графа Т—ра П—ча. Они — единственные виновники моего избавленія, и имъ первый поклонъ; —

независимо отъ благодарности, этого требуетъ простая вѣжливость. Вотъ главная причина, почему я, вмѣсто ухарской тройки, выбралъ тридцатидневное монотонное плаваніе по матушкѣ—Волгѣ. Но состоитъ ли оно,—я этого еще навѣрное не знаю. Легко можетъ стать, что я еще, въ своей хламидѣ, поуплыву въ Уральскъ; всего еще можно ожидать! И потому не слѣдуетъ давать слишкомъ много воли своему неутомонному воображенію. Но—утро вечера мудренѣе. Посмотримъ, что завтра будетъ? Или, лучше сказать, что привезетъ Гурьевская почта.

14 іюня.

Я что—то черезчуръ усердно и акуратно взялся за свой журналъ; не знаю, долго ли продлится этотъ писательскій жаръ? Какъбы не сглазить. Если правду сказать, я не вижу большой надобности въ этой пунктуальной акуратности, а такъ—отъ нечего дѣлать. На бездѣльи и это руководъ. Записному литератору, какому—нибудь поставщику фельетона—тому необходима эта бездушная акуратность, какъ упражненіе, какъ его насущный хлѣбъ; какъ инструментъ виртуозу, какъ кисть живописцу, такъ литератору необходимо ежедневное упражненіе пера. Такъ дѣлаютъ и гениальные писатели, такъ дѣлаютъ и пачкуны. Гениальные писатели потому, что это ихъ призваніе; а пачкуны потому, что они паче себя и не воображаютъ, какъ гениальными писателями; а то бы они и пера въ руки не брали. ———

Кажется, кто—то написалъ книгу подъ заглавіемъ *солдатскіе досуги*. Заглавіе ложное. У русскаго солдата досуга слишкомъ не много.... ———

Солдату простиительно окунуть иногда свою одинокую душу въ полштофъ свухи. ———

Какая же, спрашивается, была цѣль у прославленнаго сочинителя писать подобныя досуги? И что нравственнаго въ подобныхъ досугахъ, если они писаны съ натуры (я книги не читалъ); а если это просто *сочиненіе*, т. е. фантазія, то опять—какая цѣль подобной фантазій? а не лучше ли бы сдѣлалъ почтеннѣйшій авторъ сихъ ненужныхъ фантастическихъ досуговъ, если бы написалъ истинныя досуги линейныхъ, армейскихъ и даже гвардейскихъ молодыхъ офицеровъ? Этими онъ оказалъ бы величайшую услугу чадолюбивымъ—родителямъ.

15 іюня.

Чтоже я сегодня занесу въ мой журналъ? Совершенно нечего занести, а ни ни ничего хоть сколько—нибудь выходящаго изъ круга

обыденной монотонной жизни. Сегодня поутру началъ я рисовать портретъ Б., чернымъ и бѣлымъ карандашомъ, въ киргизской кибиткѣ на огородѣ. Прекрасное освѣщеніе, — и я съ охотою принялся за работу. Пріятельница помѣшала, — я закрылъ портфель и вышелъ изъ кибитки. Скромная пріятельница неутерпѣла взглянуть однимъ глазкомъ на мою работу и нашла рѣшительное сходство еслибы ротъ и носъ поменьше. И, неудовольствовавшись собственнымъ замѣчаніемъ, спросила мнѣнія у горничной и у своего фаворита — молчалиша. Это меня рѣшительно взбѣсило и я, не простившись, ушелъ въ укрѣпленіе. Въ укрѣпленіи видѣлъ — офицію; солдатамъ выдавали жалованье, мнѣ тоже выдали; я передалъ его свосму, еще трезвому, дядкѣ и велѣлъ ему сшить изъ подкладочнаго холста *тѣрбу* для дороги. Потомъ зашелъ къ М — скому, выслушалъ въ другой разъ исторію (съ нѣкоторыми прибавленіями) о будущемъ тестѣ и зятѣ, выпилъ рюмку водки и возвратился на огородъ. Обѣдалъ, — послѣ обѣда, по добродушному обычаю предковъ, заснулъ часика два, и тѣмъ кончилось 15 число іюня. О вечерѣ совершенно нѣчего написать.

16 іюня.

Сегодня воскресенье. Я ночевалъ на огородѣ. Поутру былъ въ укрѣпленіи. Дождь (весьма рѣдкое явленіе) помѣшалъ мнѣ возвратиться на огородъ, и я остался обѣдать у М — скаго. М — скій — человекъ, котораго я люблю и уважаю; человекъ — не сплетня, не верхоглядъ, человекъ акуратный, положительный и въ высокой степени благородный. Говоритъ плохо по-русски, но русскій языкъ знаетъ лучше многихъ. — Въ 1830 году служилъ онъ въ артиллеріи бывшей польской арміи, и изъ военно-плѣнныхъ зачисленъ былъ рядовымъ въ русскую службу. Я много отъ него слышалъ интересныхъ подробностей о 1830 годѣ. Достоинно замѣчанія то, что онъ рассказываетъ о собственныхъ дѣйствіяхъ и неудачахъ безъ малѣйшихъ украшеній: рѣдкая черта въ военномъ человекѣ, тѣмъ-болѣе — въ Сарматѣ. Однимъ словомъ, М — скій — человекъ, съ которымъ можно жить, не смотря на видимую сухость и прозаичность его характера.

Сегодня же милѣйшая миледи М. сообщила мнѣ, впрочемъ — не по секрету, со всѣми подробностями, исторію объ одномъ семейномъ поборѣ. Изъ этой исторіи можно бы выкроить водевилъ, разумѣется, водевилъ для здѣшней публики. Назвать его можно *свадебный подарокъ* или *недошитая кофта*. Премиленькій и назидательный могъ бы выкроиться водевильчикъ! — — — И это гнусное происшествіе, не

выходящее изъ круга обыкновенныхъ происшествій въ Н. П. укрѣпленіи, и я, въ этомъ омутѣ, среди этого нравственнаго безобразія; седьмой годъ уже кончаю... Страшно! Теперь, когда уже узнали о моемъ освобожденіи то ближайшіе мои начальники—фельдфебель и ротный командиръ, не увольняя меня отъ ученя и караула, позволили мнѣ, въ свободные часы отъ службы, проводить на огородѣ, зачтѣ я имъ сердечно благодаренъ. На огородѣ, или въ саду, лѣтняя резиденція нашей комендантши, и все свободное время теперь я провожу въ ея семействѣ; у нея двое маленькихъ дѣтей: Наташенька и Наденька, и это—единственный мой отдыхъ и разсѣяніе въ этомъ захолустѣ.

Сегодня, въ четвертомъ часу утра, пришелъ я на огородъ. Утро было тихое, прекрасное. Иволги и ласточки нарушали, изрѣдка только, сонную, сладкую тишину утра. Съ нѣкотораго времени, съ тѣхъ поръ какъ мнѣ позволено уединяться, я чрезвычайно полюбилъ уединеніе. Милое уединеніе! Ничего не можетъ быть въ жизни слаще, очаровательнѣе уединенія. Особенно передъ лицомъ улыбающей, цвѣтущей красавицы матерн-природы. Подъ ея сладкимъ волшебнымъ обаяніемъ, человекъ невольно погружается самъ въ себя «и видитъ Бога на землѣ», какъ говоритъ поэтъ. Я и прежде не любилъ шумной дѣятельности, или, лучше сказать, шумнаго бездѣлья. Но послѣ десятилѣтней *здѣшней* жизни, уединеніе мнѣ кажется настоящимъ раемъ, а я все-таки не могу ни за чтѣ приняться. Ни малѣйшей охоты къ труду. Сяжу или лежу молча по цѣлымъ часамъ, подъ моею любимою вербою и хоть бы на-смѣхъ чтѣ-нибудь шевельнулся въ воображеніи. Таки совершенно ничего. Настоящій застой! И это томительное состояніе началось у меня съ 7 апрѣля, т. е. со дня полученія письма отъ М. Лазаревскаго. Свобода и дорога меня совершенно поглотили. Спасибо еще К—у, что догадался прислать книгъ, а то я не зналъ бы, чтѣ съ собою дѣлать. Въ-особенности благодаренъ я ему за *Записки о Южной Руси*. Я эту книгу скоро наизусть буду читать. Она мнѣ такъ живо, такъ волшебнѣ-живо напомнила мою прекрасную Украину, что я какъ-будто съ живыми бесѣдую съ ея славными лириками и кобзарями. Прекраснѣйшій, благороднѣйшій трудъ, бриліантъ въ современной *исторической* литературѣ. Пошли тебѣ, Господи, друже мой искренній, силу, любовь и терпѣніе продолжать эту неоцѣненную книгу. Прочитавши въ первый разъ эту алмазную книгу, я дерзнулъ—было дѣлать замѣчанія, но когда прочп-

талъ въ другой и въ третій разъ, то увидѣлъ, что замѣтки мои—замѣтки пьянаго человѣка и—ничего больше. Окромя Суботова, т. е. на счетъ мѣста бывшаго дома Богдана Хмельницкаго. Но такое ничтожное пятнышко не должно быть замѣчаемо на драгоценной ткани. Я общалъ, начитавшись до-сыта этой книги, послать ее К—ку, и теперь жагю, что общалъ. Во-первыхъ, потому, что я и никогда не начтаюсь до-сыта, а вовторыхъ, потому, что поля книги испачканы негѣшими замѣчаниями. Дастъ Богъ, я ему изъ Петербурга вышлю чистенькій экземпляръ.

Вчерашній водевилъ кончился, какъ и слѣдовало ожидать, сегодня миромъ и гомерической попойкой съ пѣсельниками. Интересно знать—чѣмъ кончится свадьба. Вѣроятно—дракой.

18 іюня.

Сегодня я, какъ вчера, точно также рано пришелъ на огородъ; долго лежалъ подъ вербою; слушалъ иволгу и, наконецъ, заснулъ. Видѣлъ во снѣ Мижигорскаго Спаса Дзвонковую—Криницу, и потомъ Выдубицкій монастырь, а потомъ—Петербургъ и свою милую Академію. Съ недавняго времени мнѣ начали грезиться во снѣ знакомые, давно-невиданные предметы. Скоро ли увижу все это я на-яву? Сновидѣніе имѣло на меня прекрасное вліяніе впродолженіе всего дня, а тѣмъ болѣе, что сегодня гурьевскую, т. е. оренбургскую, почту ожидали. Къ вечеру, дѣйствительно, почта пришла, но ни мнѣ, ни обо мнѣ ничего не привезла. Опять я спустилъ носъ на квшиту! Опять тоска и безконечное ожиданіе! Неужели отъ 16 апрѣля до сихъ поръ не могли сдѣлать въ штабѣ, на счетъ меня, распоряженія? Холодные равнодушные люди! Вечеромъ возвратился я въ укрѣпленіе и получилъ приказаніе отъ фельдфебеля готовиться къ смотру. Это результатъ давно ожидаемой почты и съ такимъ трепетомъ ожидаемой свободы. Тяжело, невыразимо тяжело! Я одурѣю, наконецъ, отъ этого безконечнаго ожиданія....

Какъ быстро и горячо исполняется приказаніе—арестовать, такъ, напротивъ, вяло и холодно исполняется приказаніе—освободить. А исполнители одни и тѣже. Отчего же эта разница? Въ 1847 году, въ этомъ же мѣсяцѣ, меня на седьмые сутки доставили изъ Петербурга въ Оренбургъ, а теперь, дай Богъ, на седьмой мѣсяцъ получить приказаніе—отобрать отъ меня казенныя вещи и прекратить содержаніе.... Форма... Но я не возьму себѣ въ толкъ этой формы!

КОБЗАРЬ.

XIX.

Въ неволі тяжко, - хоча й волі,
Сказать по правді, не було,
Та все-таки якось жилось
Хоть на чужому—та на полі;
Теперь же злої тії долі
Якъ Бóга ждати довелось,
И жду її, и виглядаю,
Дурний свій рбзумъ проклипаю,
Що дався дурнямъ одурить—
Въ калюжі волю утопіть...
Холоне серце, якъ згадаю,
Що не въ Україні поховáють,
Що не въ Україні бóду жить,
Людéй и Гóспода любить.

1847 р.

Т. Шевченко.

САЛДАТКА.

(Іереміі Галці, на-незабудь.)

I.

Товкачісі радість—Богъ давъ сїна; двійко бігає, трєте у колїсці,— крпчїть. А Товкачєві й байдужки: сидїть край вікна; думки та гадки одолїли. Любївъ, небѣга, мірковати самъ зъ собѣю, хочъ и голова ѣму не розумїла, про щѣ думала.

«Якъ-то вже, «думаетъ», усє чуждо та наче нерозумно на свїті постановлено: панї рожає паннчя, Товкачіха—паробка; одному—хольвѣля; другому—панщина. Отъ якъ невідно—ревїзія; несі, батько, за Товкачєнка подушне, бо й Товкачєнко дївїтця на бжїий свїть...»

Думавъ, думавъ, ажъ плїнувъ.

Лежїть синокъ у колїсці, пручаєтця. Ёго охрестїли—ставъ Семєнкомъ.

Семенко вже хлопчикъ чималий—старші братї погѣнчачами.

Братї поженїлись, и Семенко вже парубокъ, білолиций, чорнявий, та висѣпий. Батько й мати не надївлятця на Семєна.

Часомъ мати тужїла, що найкращу дїтїну писано до муштри,— та ще бїльшъ пильновала за нею: «Нехай, каже, хочъ у матерї на роскѣпї поживє:—спомнїатимє».

Товкачъ ходївъ до кума, зъ кумомъ до писаря: »Чи не мѣжно сѣго миновати?«

— Не мѣжно, — каже.

«Нехай буде воля бѣжа».

II.

Ніч якъ день: ясна та тёпла. Місяць високо стоїть надъ левадою. Тіхо.

Хтось іде при місяці, співає:

«Ой сонъ, мати, ой сонъ, мати, сонъ голівоньку клонить...»

Товкачєнківъ глосъ; ёго пісня. Лёгко на серці молодій дитині,—лёгко и вєсело.

Семєнь порівнявъ съ Солошиною хатою. У садку, підъ черешнею, щось стояло коло самої ліси.

— Се ти, Кáтре?

— Я, — каже.

— Добрівечіръ. Кого виглядаєшь?

— Се я такъ,—нікого... Мóтря казала—прійде...

А сама почервоніла. Семєнь ставъ передъ дівчиною.

— Кáтре,—почавъ Товкачєнко, та й забувъ що́ думавъ сказати...

«Кáтрé...»

Кáтря мовчить. Семєнь одчинивъ двєрці и ввійшовъ у горбчикъ.

— Я... ти вийдешъ сєгóдни на ўлицю?

— Ні, въ мене голова болить,—каже Кáтря.

Семєнь глянувъ їй прýмо у вічі. Кáтря рукавóмъ закрілась. Товкачєнко хотівъ узятъ їй за руку—не посмівъ, и вернувся на ўлицю.

— Я пійду додóму.

— Постривай! Я чула... Люде казали, що у восєні хлòпцїв у москалі брáтимуть.

— Брáтимуть,—каже,—и менé вїзьмуть.

Жаль стáло Семєна. Отяжáли слїзьмі очїці у Кáтрі... Вона хотіла щось промовити... Семєнь тихєнько узивъ їй за руку. Кáтря стоїть якъ укóпана.

— А ти за мнóю тужїтимєшь?

— Тужїтиму.

— И по Андрїєві тужїтимєшь?

Кáтря мовчить.

— Прощай, Кáтре.

Кáтря заплакала.

— Хибá тобі менé жаль?

Кáтря мовчить.

— Не жаль?

— Жаль!

И ще дужче вона заплакала. Семёнъ обнявъ її рукою коло стáну. Катря одвела ёго рúку.

— Пустí менé,—я пíйдú.

— Катре, постривáй, не втíкай такъ сáбро.

Вíнь узявъ íй за руку. Катря зновъ почервонíла якъ магъ. Товкачénко сто́явъ мовъ несамовíтий.

— Катре!

Катря тíлько глянула на ёго. Товкачénко нахилíвъсь и тихесенько поцлувáвъ íй у гóлову.—А вона, мовъ тáя дитíна, пригорну́лась до Семéна, хотíла дé-що сказáти — склепи́лися устá дитячі; обхопíла рученáтами ёго шию, крíпко-крíпко поцлувáла — и якъ божевíльна побíгла у хáту.

Товкачénко пригнíпíвъ на мíсті,—не побíгъ за нею. Вíнь самъ не тямивъ, щó зъ нимъ робíлось.

Ту нíч на у́лиці не бáчили Семена, не було й Катрі.

III.

— Старíй!

— А гóу?...

— Чи Семéну-пакъ бúде гóдíвъ зъ двáдцять?

— А тóжъ!—розмовля́ли помíжъ сэбе Товкáчъ сь Товкáчихою, у неділю сидю́чі за ворíтьми на прízьбі. А дáлі впíять обé змóв-кли. Товкáчъ сидíть та палíчкою по пíску пíше.

— Старíй!

— А гóу!

— Щó я тобі казáтиму...

— А ну́жъ...

— Чи не часъ вже намъ Семéна одружíти?

— А щó сь тóго?

— Щó! хибá вíнь не такий якъ усí лю́де?

— Звíсно, що не такий. Не те ёму одвíку напíсано. Семéнко — некруть.—Хибá кому дúрно свíтъ завязáти? шкодá!... нехáй Богъ борóнить...

— Та дéжъ—такí вíдано, щóбъ дитíна до двáдцятí лíтъ дру-жíни не мáла?

— Ні, старá, гріхъ одъ Бóга, гріхъ и одъ людéй: утопіти дівчину мóжно, та якъ-то на тімъ світі держáтимешъ одвіть передъ Бóгомъ.. Семéнкові зъ рóду-віку така дóля випала, а чужу дитину страхъ зарізати... Такá мой думка.

Товвачіха вáжко зітхнула.

— И хлопья́ жаль, — промóвила старá: — бідна дитина що-дня вбивáецця, и Кáтры плаче.

— Кáтры?

— Та Солохівна жъ, Ивáнівни дочкá... Сóхне, и мáтирь сýше.

— А нашъ?

— И нашъ тежъ сáме: хочъ у пéкло, важе, та зъ Кáтрею. Старá перехрестялась.

Товкáчъ довго сидівъ смýтний-невесéлий.

IV.

Судили-рядили Товвачі поміжъ себе, гадали и сé и тé, казали Семéнкові, щобъ подумавъ—не губивъ дівчини... Уже старій и сюді й туді умомъ роскидувавъ, и до пан'отця ходивъ, чи не розсудить ёго Письмомъ Святимъ да розумнимъ слóвомъ, навідувався и до бабусі Зáтирки, — такъ ніщо не помогло. «Коли́,» каже, «менé не ожéните, самъ на себе рúки підійму́, бо мені за-одно пропадáти.» — Старій Товкáчъ и погрози́вся би на сина, мóже бъ то дé-чимъ и полякáвъ ёго, та самóму жаль було хлопця. Оцé часомъ якъ побáче ихъ у-купі на ўлиці, почуе якъ Кáтры шебече, — підбіжить до Товвачёвої призьби, любéнько поздорóвкаецця — «живе́нькі-здорове́нькі дідусю зъ бабúсею,» — то Товвачёві й рúки опустятця. А ще до то́го й старá прóсвітку ёму не давала: стóгне та плаче, та на свою дóлю нарікае, що ажъ нудьгá взяла чоловіка, світь ёму немілий, и óчі ні на що бъ не дивялись. 'Иноді гримне на не́й, а далі мерщій за шапку, та й піде до кúма тóгу розважáти. Чогó-то вже вони не перебалáкають, сидючи́ собі у холодóчку підъ повіткою: и якъ-то тепэрички усé на світі дiетця не по бóжому, и якъ-то вáжко стáло чоловікові хлiбъ заробляти... и чимáло дé-чого було згадáють та недóбримъ слóвомъ помьянуть. Отó вонó náче трóхи й полéгша після такóй розмóви, бо се такі́ вонó бачъ лучáецця, що коли́ вже чоловікові не-въ-си́лу тяжкá дóля тра́питця, то якъ побáче,

що й кругомъ ёго ко́жне зъ своїмъ лихомъ, якъ москаль зъ ори́жжямъ, о́ддаєтця, що ко́жньому той хлібъ гіркий та свій панъ важкий, — то ніби й те лишенько не такé доса́дне буде и геть-геть відъ се́рця одкóтнтця.

Оце такъ якось верну́всь старий одъ кума, та й ка́же: «Поси́лаймо, жінко, старості до Солóшихи, — хай Семéнко хочъ рóвнїв зó-два поживé чоловікомъ, поки ёго у некрути не взято; а тамъ — щó Богъ дасть, — Ё́го свята́ во́ля.»

По́слано. Старості верну́лись зъ рушника́ми. — «Тільки, — ка́жуть, — стара́ Іва́нівна дуже вбива́лась.»

А Товба́ч и ка́же: «Щó-то вже ті ба́бі пова́дні пла́кати! Ото й мо́я — скільки тїжнїв очі те́рла та хліпала, що Семéнко ба́йдки бпвъ, а тепе́рь обїдві, и мо́я й Солóшиха, распустїлись, що дїтєй до-купи зведї!»

А кумъ: «Оце́, якъби світъ та на жінка́хъ сто́явъ,» — ка́же, — «то́ бъ чудасія вїйшла!»

Ні вь ко́го жъ-то такъ я́сно та те́пло на душі не бу́ло, якъ у Ка́трі. Мо́вь та́я я́сочка дивїлась вона́ вь вічі старій не́нці, розва́жала іі тугу щета́ннямъ щїримъ, лю́бою ла́скою дитячо́ю.

— Ма́мочко мо́я рїдна, не́не мо́я лю́бая! не пла́чте, не жу́рїтця, ма́мо.

— Якъ ми́ні, до́ню, не пла́кати? Бо́лїть моё се́рденько, — тимъ и пла́чу.

— Ма́мо! якъ-би́ ви зна́ли ёго, — мо́го Семéночка, — якъ-би́ ви тї́лько зна́ли!!

— Зна́ю ё́го, дитя́но мо́я, зна́ю, се́рденько.

— Ні, ма́мочко, ні, мо́я возу́ленько! не то́го Семéнка ви зна́єте...

— Го́ді, до́чко, го́ді-бо.

— А хїба́ жъ, ма́мо, вїнъ не га́рний?

— Та га́рний (ка́же), га́рний.

— То́то жъ, ма́мо, я ка́зала...

— Яка́ ти ду́рїа, Ка́трусю, — ка́же Солóшиха.

Ото ма́ти на́че тро́хи й повеселїшала, пригорну́ла до себе дитя́ну свою́ лю́бу, щїро поцілува́ла й перехрїстїла. — Ка́тря ху́тенько вобїгла до кімна́ти, зачїни́лась тамъ, щóбъ іі ма́ти не ба́чила, одїжну́ла малёвану свї́тню, и ста́ла вбїратись та рядїтись, мо́вь на Вели́к-де́нь: и те примі́рає — скї́не, и дру́ге на́діне, — по́двїтця, та зно́вь скї́не, — бу́цїмъ ма́ла дитя́на ця́цкани гра́єтця, —

ажъ втомілась: личко її розкраснілось якъ макъ у городі, очіці мовъ зіронькі сяють. Тамъ кинулось до дзеркальця, що ще ма́ти молодію біля віконця вмázала, подивілась, осміхну́лась, — та й за-соромілась... «Яка́ я гарна... Семénко правду ка́же.» — А далі, дурна́ диті́на, за́разъ и засмутилась, зітхнула тяжénько-тяжénько — и голóвку повісила. Чогóсь стра́шно її ста́ло після такóбї радóсти, за-щеміло коло сёрденька, мовъ вонó що недóбре вщувáло. Кáтры мерщій на-вкóлюшки, мóлитця — самá не знáе про щó, та ажъ за-плáкала сёрдешна диті́на. Чи молилась вонá, чи тákъ, бідна, плáкала, — тілько чу́ти було — шептáла: «Мáти Бóжа! нехáй не беруть у москалі могó Семénка...»

Ко́ли ось увійшла ма́ти — зиркь, ажъ дочкá вже плаче. Хита́е старá голóвою, та:

— «Дурна́, дурна́ диті́на,» ка́же. — «Не плачъ, доню: такі́хъ якъ оцé ти, безневіннихъ дитéй, самъ Госпóдь доглядáе.»

V.

Справи́ли весі́лля. Кáтры молоді́цею ста́ла — и якá-то вже гарна молоді́чна бу́ла!

Любівъ її Семénъ надъ ба́тька и нёнку; любі́ла й вонá Семéна більшъ усёго на сві́ті. И щó-то вже, Бóже, за кохáння бу́ло!

Не мину́ло ще либóнь такъ и піврóку, якъ отъ при́йшла зъ Москви бума́га: «Очередний набóръ треба привезти́.»

И призвели́.

Семénъ Товкачénко бувъ на очереди́. — «Тво́я чéрга, Пили́повпчу,» ка́же десятникъ Товкачéві:} «благослові́,» ка́же, «си́на...» И Семéна привели́, — узяли десь сь поля — ора́въ зъ брата́ми.

— Благослови́ть, панóче.

Благослови́въ... підня́лась рука́! — — —

Забря́жчали важкі кайдáни у хáті: заку́вали Семénка.

Стои́ть ба́тько середъ хáти, а самъ білий, білий, якъ крéйда. Ва́жно ёму́ на сёрці, тákъ ва́жно, тákъ ва́жно — оди́нь Богъ знáе. Не споді́вався на оста́нку ли́тъ дїждáтисъ сёго. — — —

— Бóже милостивий, — ка́же, — та й запла́навъ, — старій ба́тько запла́кавъ!

У-перше Семёнъ побачивъ, якъ батько плаче... Світъ ёму наче туманомъ заволоклó, ніби тёмно у очахъ стало, ноги ёму затрусились. Семёнъ перехрестивсь, та: «Тату, каже, не вбивайтесь».

— Бога ви не боїтесь, Пилиповичу, — озвався кумъ, бо и въ ёго серце надривалось, дивлячись на такий сумъ та слёзи.

А Товкачъ мовъ нічого не чує й не бачить: стоїть, пону́ривсь сівомо головою, а слёзи ёму, одна за другою, якъ градъ на помість капають. А далі й промовивъ: «Дежъ,» каже, «мати та Катря? Вони може й не знають, що въ насъ рóбитця.»

Катрі такі не було домá—пішла до матері навіда́тця; старбі теж не видно у господі. Може й справді нічого не знають.

Отъ и каже десятникъ: «Чи не часъ бува, Пилиповичу, до кантори рушати, — а то началство гніватиметця. Чуюте бо, Пилиповичу?»

Пилиповичъ ні пари зъ усть.

А той: «Ходіть,» каже, «пан'оче: може бува зайдете до церкви — пожолптесь». — Шкодá! — озвався Семёнъ.

А батько ніби прогінувсь та й каже: «Схаменісь, сінку. Не гніви́ Бога: теперъ тво́я моли́тва дохóднійша до Гóспода.

Отъ и пішли до церкви — а люде дивлятця, та плачуть, идучи за ними слідкомъ. — Ідуть такъ, та плачуть, — коли якъ закрпчять: «Лишенько жъ наше! то Катря біжить...» А вона, Бóже мій милій! біжить якъ песамовіта, мовъ нічого не бачить и не чує. Люде розступились. Вона́ до Семёнка, та такъ и повисла въ ёго на шії, такъ и обомліла, и не плаче — хочъ би тобі слізи́ночка. — Вінь стоїть та труситця, а самъ білий-білий, якъ мертвець.

— Катре, — каже...

— Охъ, Семёночку! тебе беруть!

— Беруть, матінко, — каже, та й обнявъ її, а вона́ заплакала, да такъ же гірко да невтішно, що Гóсподи! На що́ вже старий десятиникъ — не одну дитину на своїмъ віку довелось одірвати одъ матері, — и той стоїть та кулакомъ слёзи втирає: «Оце, гáспидська мұха», каже: «якже жъ жалко кусаетця!» — а въ са́мого слёзи тільки капъ, капъ, — десь вража мұха саме за око вкусила...

Катря жъ, знай, плаче та обнімає Семёна. А тамъ незабаромъ и де-які жіночки заголосили, а за ними діти — то такий плачъ піднявся, що ажъ сумно стало.

Семенъ и каже, якъсь гірко всміхаючись: «Не плачь, Батре,— салдатою будешь».

Такъ ёго й привели до кантори.

VI.

А скілько-то тамъ було такихъже, якъ ото Семенко, в'язнівъ; який-то тамъ, го́мінъ та га́ласъ, старе й мале, матері та діти,— плачь та сумъ такий, що Господи! И ніхто жъ то такъ не плакавъ, якъ ті матері. Молоде поплаче да й втішитця, бо ёму ще надія зосталась: «Хочъ калікою колись, на дерев'янци», думає, «вёрнетця до насъ рóківъ черезъ двáдцять, то все-таки побачимо»,— а старóму—де вже пережити сі двáдцять літъ? Тимъ и вбиваютьця такъ матері, тимъ и плачуть.

Чи скільки тамъ тижнівъ зоставались дома новобранці, а треба було рушати до гóрода. Припасли грóшей одáткики. Пошли хлопцямъ кожухи нові, тёплі, а де-які й нанюкою або кита́йкою кріті; перев'язали ихъ стрічками та хустіцями червоними,—да такъ, у па́хмурний да холóдний осінній день, и стали випровожати.—Що Бо́же мій! скільки міру рушило провóдити їхъ та попрощáтись геть за слободóю, бо у ко́жного було своє, котре йшло у дáльню незна́ему стóрону. За батьками та матерями уся дівторá виспала. Одно кричить: «дядінька! якъ будешь салдато́мъ, припóсь мині я́блучка;» друге:—«братіку, вертайся якъ Різдву́ або къ Вели́кодню: у насъ тогді корба отéлетця и молочко́ буде;» трéте—«Васі́лечку! заріжь скорі́йшъ Турка́ та приходь х́тко до́дому, щобъ ма́ти не пла́гала.»

А матері плачуть, плачуть!

А новобранці, де-які молодші, котрі пічо́го, окрімъ дівча́тъ, не зоставляли на роді́нці, йдуть по́переду та го́лосно, го́лосно співа́ють:

Ой Бо́же мій, Бо́же, на щó я вроді́вся?
 Кінь вороний, самъ молодий, та ще не жени́вся!
 Треба мені, дівчино, ма́тері спита́ти:
 Чи звеліть ма́ти коня́ продава́ти?—
 Не звеліла ма́ти коня́ продава́ти,
 Та звеліла ма́ти вь похóдь виступа́ти...

А матері такъ до нігъ и припада́ють та го́лбсять, мовъ у домо́вину синівъ опуска́ють. И дівча́та змóвли—не хихі́вають: одна

буцїмъ по дяднї тужить, що торїкъ вмєрна; у дрўгої очїці краснї — сусїдиної тїтки жалко. А нєкрути гóлосно, та жалїбно спївають:

Идї, сїну, за рїднеє брátтя,—
 Дадуть тобї, сїну, салдáцькеє плáття;
 Идї, сїну, за рїдну дитáну,
 Дадуть тобї, сїну, салдáцьку ружїну;
 Идї, сїну, за рїдну сестрїцю,
 Дадуть тобї, сїну, салдáцьку мушїцю.

А якъ вїйшли геть за слóбоду та зблїжились до «прощáльної могїли» (бо у тнєї могїли кóжне булó прощáетця зъ рóдичами, якъ колї впрїжають хлóпцїв у прїсўствїє, абó хто їде вь гóродь у судáхъ тягáтьця), — якъ зблїжились до тїї могїли, помолились, стáлн опрощєння брать, — то вже нїбї ї плачў не чўти булó, — такá смўта та жаль мїжъ нарóдомъ стáла, що Мáти Бóжа!

Попростїлись. Дє-якї пїйшли зъ хлóпцями до гóроду, а дрўгї вернўлись додóму.

У слободї такъ-то сўмно та невєсело стáло, — хочъ и не чўти вже тогó плачў.

Кáтря пїйшла за Семєномъ.

VII.

И поповєштáлась же сердєшна Кáтря, чужї порóги оббївáючи та свою дóлю гїркў проклїнáючи.

Сказáли Семєнковї «лобъ», и стáла Кáтря салдáткою.

Що-рáнку ходїла вона дивїтись на муштру, не такъ на ту муштру, якъ на Семєнка, и немáло її сєрдєнько переболїло, дивлячїсь на се муштровáння — тáка мўка, — здавалось їй, — що боронї Боже! — Оцє постанóвлять їх лáвою, а вони, сокóлики, стóять не живї, не мертвї. Отó старшїй и почнє их рївнáти, — а самъ сердїтнїй, розсердїтнїй та страшнїй. Гóсподи, поки-то нáвчять их ходїти помоскóвськї — щобъ-то ї рукамі не махáти и пїдъ нóги не дивїтись!

Семєновї Товкачєнкову (се батъ Товкачєнко ставъ Товкачєнковимъ) давъ Богъ грўди висóкї, — то оцє колї старшїй порївнáє москалївъ, самъ и зáйде зъ бóку, дївнтця, та булó оцє ї крикне: «Товкачєнковъ! ховáй грўди... «лангóвого не вїдно», — той и посўпитця назáдъ, щобъ грудєй не булó вїдно, та такъ и гóлову нєхїть сховá за дрўгого. А той зновъ: «Подáй», гукá, «гóлову до лїнїи!» — подáсть гóлову, а грўди собї впьять упєредъ вїлїзуть.

Якось разъ вінъ дуже сіяно розлютовавсь, — такъ, що й не приведі Господи! Рáзівъ шість зачинавъ муштру, рівнявъ плéчi та випрямлювавъ нóги, а далі принявсь уп'я́ть за Семéнови гpуди — ажъ скавуча́ть. Що Бóже мій милостивий! — — — Сердéшний Семéнь не встоявъ на погáхъ, упавъ...

Кáтры якъ кинетця туді, якъ заголóснить: «Пáночку-голубчику!»

А вінъ и зопинивсь, та: «Хто сміє нарушáти порáдокъ? Чогó тобі трéба?» пита́етця.

— Семéночку... се мій Семéнко! — ка́же вона, гiрко пла́чучи.

— Се твій мужи́къ? — зновъ пита́етця, а вь самого́ óчi такъ и загорі́лсь, якъ у котá на сáло.

— Мій, пáночку.

Той нiби трóхи втихомiривсь, та й ка́же: «Не плачъ, дúшенька...»

Кáтры ёму вь нóги: «Спаси́би,» ка́же, «пáночку;» а той пiднiявъ iї, та й за́казавъ удруге клáнатись. «Колi,» ка́же, «твій чоловíкъ слухатиме муштри, то й клáнатись не трéба, бо я такий же чоловíкъ, якъ и ти».

Кáтры подивилась на ёго, та й нiчого не сказа́ла.

А Семéнь стоiть блiдий-блiдий.

VIII.

Перебули вони такъ тiжнівъ сь п'ять чи шість у тому́ гóроді, та бiцiмъ трóхи й попривияли, — тiлько чáсто згáдували про свiй рiдъ и слободу, де росли й любились, де кóжне ихъ знáло и кóжного вони знáли. Чáсомъ бу́ло потúжять, потúжять, а Кáтры й попла́че нiшкомъ, — то Семéнь iї розважа́е, абó вона ёго́, якъ колi прийде зь муштри смúтний та невесéлий. Кáтры нáче трóхи зь лiчка спáла, а все жь та́ки бу́ла гáрна-розгáрна, — iй и Семéну на гóре....

Одно́го рáзу, нáдъ вечiръ, сидя́ть вони собі двiйкó та-та́ки жу́рятця, колi у хáту ввiйшовъ деньщи́къ, звичайно помоли́всь та й позва́въ Кáтры сорочки шити.

Довго одмовля́лась Кáтры, казáла, що не здужа́е й не вмiе, а той пристáвъ, и мани́ть та й мани́ть iї. Пiшла сердéшна. «Тiлько, будь ласкова, моторнiше одяга́йсь,» додáвъ.

Одяга́етця Кáтры, а у само́i рúки й нóги тpусáтця. Семéнь мов-

чіть, не сміє й дихнути, а коло серця мовь отрутою палить-такъ вѣжко!

Одяглась Кятря, попрощалась зъ Семѣномъ а сама холодна-холодна... Семѣнъ лѣдвѣ промовивъ: «швидче, любко, вертайся,» та й сівъ на лавку, мовь після тяжкої праці заслабъ.

Переждавши такъ чимало, посумовавши, бачить—не йде Катря; погодивъ ще тріхи—нема, мовь у воду впала. Вінъ и пішовъ такъ якъ би сұпроти півночі: «може,» думає, «чи не зустріну дѣ на дорозі. Вийшовъ на улицю—тѣмно, холодно. Сухий та різкий вітрѣць де-не-де сніжокъ по дорозі зриває та крутить, а ні душі людської не чути, тільки шибі бѣ-зна звідки по вітру доносить, якъ еобака у-ночі гавкне. Городокъ малѣнький — усѣ спить. У-горі ні хмарки, ані місяця,—тільки зірочки далеко у небі блімають: Візъ ставъ сұпроти півночі; надъ хатами *Ченіа* вияснилась.

Сумно у холодну нічъ одному на улиці та щѣ вь когѣ журба пекуча. Усюди тїхо якъ у домовині, такъ тїхо, що чути, якъ серце колотитця. Довго стоявъ вінъ на улиці якъ знависнілпй; десь, на цѣркві, годинникъ прозвонивъ перву годину, — а Катрі нежѣ та й нема. Ажъ острахъ обнявъ Семѣна.

«А може вона дома,—менѣ дождѣе,» - дума Семѣнъ, — та мерщій й побігъ до себе на кватірю.

Ні, не верталась Катря!.. Такъ и нічъ перейшла.

У-досвітку вже вернулаь вона, та на Семѣна й очей не зведѣ,—упала на стілъ—а сама плаче-плаче....

IX.

Саме підъ Різдво казано новобранцямъ у походъ виступати. Далі имъ казѣнну одѣжу — одягли й обули якъ слідъ велить. Сірі шапочкы й свиточки та абі-які чобіткы — бѣ-зна-що, каже Катря: и холодно и узько, и мало й коротко.

Налагодились у дорѣгу й Товкачѣнки, а самі якъ у воду впущені: дѣ-то дівалися Катрини жарты й сміхи, скѣпки та співання? Усѣ мовчать, неначѣ иі заворѣжено. И Семѣнъ ставъ не той, якимъ колись ѣго люде зазнали, а найгіршъ сь того часу зажуривсь.

Зібрали свою худібоньку — сорочекы, та хусточки, незбілшъ того якъ у зайвого цїгана; помолились, написали листъ до своїхъ у

слабоду, що оттакъ и такъ, тату та мамо, виходимо до війська, — та й рúшили ранкомъ изъ гóрода. Завирюха така, що й свiту бóжого не видно... Якъ-то вже церемáялись вони цiлий день, а на́дъ вечiръ пiдъ Рiздвó, саме тодi, якъ кутя стоiть на покутi, сiнцeмъ облóжена, — увiйшли въ якeсь лóдне та багáте сeлó, що на шляху стояло. Розвели салдáтiвъ по двóрахъ, и нáшихъ постановили до якiхъ-сь дóбрихъ, богóбоязнихъ людéй: — що-то вже за щiра та прiязна сiмья!

Привiтали Кáтрю якъ рiдну дитiну и до Семéна були такi-то ласкáви та дóбри: не знáють, куди й посадити, якiмъ слóвомъ роспитати.

— Та якá жъ молодeнька!» каже старá бабúся: «звiдки, дóбри лóдe?» питаeтця.

— Зъ Улáсiвки, бабúсю,» каже Кáтря.

— Чúла, чúла про Улáсiвку, моя рiбка. — А далеко!

— Далeко, бабúсе.

— А се твiй чоловiкъ?» друге питаeтця.

— Чоловiкъ, тiточко.

— Охъ, ли́хо, ли́хо,» каже бабúся: — «здáлека: та якiжъ-то ще молодeньки обe. Отъ и въ мeнe Ївасичокъ дeсь на чужинi бiдкаeтця: рóкiвъ зо три вiсточкi одъ ёго немаeмо.... охъ, ли́хо, ли́хо! А то дe-коли булó й пише, — плачeтця на насъ, що оддалi. Та якъ ёго не оддасi, коли панъ велiть? Се вже такъ намъ, чóрнимъ лóдямъ, дeсь на роду написано, щобъ чужi слeзи ковтати.

— «Про се й я такъ, бабúсе, думаю,» каже Кáтря: «та нiчимъ пособити.»

— Нiчимъ, моя рiбка, нiчимъ, бо такъ вонó зрóду-вiку вeдeтця. — — — Усе отъ Бóга, моя рiбка, — нiхтó ёго писання не змiнить. — Отъ хибá чи не...»

— А дiтeй, бабúсю, нiхтó жъ не iсть?» питаeтця малeнький хлóпчикъ, лiтъ шeстi, що сидiвъ собi у запiчку та слухавъ, якъ бабúся розмовляла зъ молодiцею. — «Аджe-жъ людéй, бабúсю, не iдять?»

— Нi, моe дiтятко, не iдять людéй; а коли дитiна неслухняна, то звáразъ ягá-баба у стúпку посадить.

Хлóпчикъ сховáвся ще дальшъ у запiчокъ. А баба зновъ за свое:

— Охъ, ли́хо, ли́хо,» каже: «оцe ми усe журимосъ, що Ївась

давно не писавъ. Де вінъ, що зъ нимъ, нічого не знаємо; може хворий де-небудь лежить, або на війні вбито, то й поховати нікому.... А чомъже ми-своїхъ любихъ гостей не нагодуюмо? Часъ вже вечеряти и кутю на стілъ ставити.

Повечеряли. Горліва бабуся, якъ матінка рідна, годіла дорогімъ гостямъ — «и сѣго поїжте, и тогô покоштуйте,» — тільки й чути, якъ старá лепече.

Скоро дівчора полягала спати, а Семѣнь зъ мужиками вийшовъ у другу хату опочити; невістки посідали за гребні куделю прѣсти и старá зъ Катрею коло їхъ притулилась.... И довго ще чути було, якъ веретѣна у хаті сюрчали, а бабуся зъ Катрею тихенько базикала та здихала. А на дворі метѣ та сипле такѣ, що Мати Божа!

— Охъ, лихо, лихо,» каже бабуся: «се бъ то мені, молодіце, здаѣтця, що твого чоловіка журба сѣшить: десь тужить сердѣшний по батькові-матері.

— Такъ-то тужить, бабусянько, що дивитись на ёго — такъ уся душа переболить.... Отъ и въ мене зосталась старá матінка, однá якъ персть, а все жъ то будимъ я не стáкъ жалкую та вбиваюсь: оцѣ коли дуже тяжко стане на сѣрці, помолюсь, поплачу, то нибі и полѣгшае. А вінъ усѣ журитця, усѣ журитця.

— О, лихо, лихо!» каже старá, зітхнувши: «якъ-то чудно оцѣ на божому світі ведѣтця, коли подивлюсь. Люде-то хочъ и кажуть, що у старовину було лѣчче жити — ні, не вірь, моя дитино: отъ уже дев'яятий десятокъ очáми на божий світъ блімаю, а мені здаѣтця, що вінъ усѣ такий. «Батькі,» кажуть, «плакали у жиєню, а діти—пригоршнями; батьківъ бито стоячі, а дітокъ и въ-лѣжку бьють...» Охъ, лихо, лихо... Та може я тебе втоміла, молодічко: ти бъ спочила трѣхи, бо може завтра васъ погонять, и не розговієтесь.

— «Спасібі вамъ, бабусянько, за вáшу лáску,» сказала на се Катря, помолілась и лягла спати... та щось довго не спáлось. Добрі люде та їхъ щіра лáска збуділи Катрине гѣре. Усѣ тоді згадалось — и старá мати, садѣкъ коло хатки, и весіння нічъ, и дівованнячко, весілля, и муштра.... Господи, такъ и згоріла, якъ згадала ёго...

X.

Чи довго, чи коротко вони тамъ плéнтались по білому світу, сёго не скажy, — мóже рóківъ зо три й бyде; тiлько Семéнь скóро Бóгу дyшу оддáвъ: усé кашлявъ та хорiвъ, до-тóго звiвсь, що було на мyштрi й ружиню не здyжае брязнути. Усé ёмy щось у грyдяхъ болiло. Було лiкарi й лiчать, и мiагом наповáють, и бу-зiною, и липовимъ цвiтомъ, такъ нищó не допомогло. Кашлявъ, кашлявъ, та такъ весною объ тёплому Олексiвi и поховáли ёго. Тимъ часомъ, тiжнивъ за чотiри до ёго смёрти, Кáтря привелá дитину, — хлопчика Богъ давъ. А якъ умёръ Семéнь, то вона й загадалá вернутись додóму. Узялá свогó Пилипка, обгорну́ла свитиною, та сáме у великóдну субботу и вийшла рáнкомъ изъ гóрода, дé ихъ полкъ стоiвъ.

День бувъ тёплий та ясний. Трáвка чи вспiла-то й виткнутись изъ землi, а вже степъ зеленiвъ, и вёрби набрóстились. Надъ шляхóмъ, вiсоко, якъ паукъ, снуе жайворонокъ, весну стрiчае, гнiздá пiдъ бiлиню шукае. Сóнце такъ грiе, що буцимъ вiдно, якъ трáвка самá до ёго тягнетця зъ вóхрoй землi, густiе та могилки вкривáе. И Кáтрi полéгшало.

Чи скiльки тамъ вона йшла, а, пóки, лиха не бáчила. Сyмно, було, й стрáшно стáне середъ степу; окрyги тiлько небо, та сóнце пече, та могилки стоiть по полю розсипáнi, а тутъ iнодi шляхъ перестрiчають другi шляхи, або дорóга розiхóдитця, вона й не знáе, який шляхъ додóму доведé: то, було, постоiть, та й вiзьме на ту дорóгу, якá найбiльшъ вёрне насхiдъ сóнца, абб бiжить до якогo блiзького жилия. Iнодi хто перестрiне, чи обгóнить, Кáтря спитáе про шляхъ, то було добрi люде й навчáть. Часомъ бувá притóмитця йдучи; сiде собi де-небудь у холодóчку, коли тра́пнтця, пiдъ дубомъ коло якоi грéбельки, чи бiля чумáцькoй криници, абб й такъ вь степу пiдъ могилою, — нагодyе Пилипка, то й спочине. Ночувáла iнодi вь подорóжнiхъ сéлахъ, а часомъ тра́пилось й у пóлi вь плугáтирiвъ, якъ ниць середъ степу застигне. И на чужинi не безъ добрихъ людéй, пёвпе мiжъ прóстими та бiдними.

За тиждень добрелá Кáтря до якогoсь пезнáмого гóрода. Гóродъ великий та гáрний. Ще звiдки чyти було, якъ по церквáхъ у дзвонi дзвонили, бо вечiрня слyжба йшла. Увiйшла Катерiна вь гóродъ,

та й сама не знає, де їй дітись, бо тимъ часомъ смеркалось. Вона до якоїсь маленької хатки — підійшла, та чує що гомонять, и каже:

— Помагайбі, люде добрі: пустіть странну у хату переночувати.»

— А ти хто така?» питаютьця.

— «Салдатка,» каже: «мій чоловікъ умеръ, то я оце зъ дитиною додому йду.»

— «Э, шкоча,» кажуть: — «салдатка, та ще десь зъ байстраймъ?»

— «Ні, люде добрі,» каже Катеріна, та й засоромилась, а въ самі на серці стало тяжко-тяжко, що Господи!

— «Знаємо ми,» кажуть, «тихъ салдатокъ, які вони есть. Пиді геть одъ нашихъ віконъ.»

Пішла Катеріна одъ тихъ віконъ, слези ковтаючи, — та до другихъ:

— «Добривечіръ,» каже, «люде добрі: чи не пустите христовимъ імьямъ убогу переночувати?»

— А звідки ти, молодіце?» питаютьця. Та якъ почули, що вона салдатка, то заразъ и обізвали негожимъ словомъ, урикаючи, що вона зъ себе вродлива та чорнява, та ще й молоденька. — «Пиді собі, любко,» кажуть, «до іншихъ.»

Нічого не сказала Катеріна, — тільки більшъ ужé до віконъ и не підходила. Треба було десь підъ тиномъ ночувати — и переночувала: такъ, зъ дитиною на рукахъ, и заснула.

XI.

Сказано: «На кого люде гомонять, на того й свині хрюгають.» Такъ и Катрі. Не вспіла вона очі протерти, якъ ось иде по улиці чоловічокъ, самъ мерзений, мідяні гудзики, на шапці бляшка зъ доброго семпгривенного. Пізнала Катря, що воно такé ё, та дуже злякалась, бо чувала одъ людей про якихъсь гайдамаківъ, що по судяхъ пішуть та людей до смерти записують, — а сé жь вінъ и бувъ.

— Якого біса ти тутъ по-підъ тинню валяєся? «Що ти такé есть?» питає її.

— Я салдатка, пане; йду зъ дитиною на свою сторону.» А сама боїтця, що Господи!

— Салдатка... гмъ... а білетъ маєшь!

— «И білетъ, пане, маю,» каже.

— А кѣ ёго сюді: — подивлюсь, чи твій то білетъ?»

Подала ёму Кятря білетъ, а у самій рўки й нѳги трўсятця — такъ-то бѳязно. — Ставъ вінъ той білетъ прочітувати, а самъ усѣ на неї очіма свїдуе та щѳсь собі шѳпче: «росту середнѳго,» каже: — «таакъ, невелична;» «волоси темнорўспи: — таакъ, чорнїва й гърна;» підборѳдокъ крўглий: — гмъ, не дўже крўглий!... Та се не твій білетъ,» каже: «ти ёго вкрала.»

Кятря ажъ похолѳнула. «Нї, пѳночку,» каже: — «нехай менѣ Богъ убѣе, коли я ёго вкрала. Се мій.

— Шкодѣ,» каже: «тутъ прописано, що підборѳдокъ крўглий, а въ тебѣ гѳстрий, — га?

— Нїтъ-бо, пѳночку: далѣбі я не вкрала. Оцѣ я схудала трѳхи, висохла, тимъ и борода гѳстра стала.»

— Оввѣ! висохла... такъ би й прописано було, що висохла; а тѳ бачъ пїше — крўгла. — Ти, я бачу, бродяга, безъ пїсьменного вїду. Тебѣ въ турмў треба посадїти.»

У Катрі рўки й нѳги однялись, побїлїла, якъ ряднѳ, стоїть и очѣй не зведѣ. А той и каже: «Жѳлко менї тебѣ, молодїце, отъ якъ Богъ святъ жѳлко, — та щѳ маю робїти! Слўжба — святѣ дїло. Отъ колибъ у тебѣ бўли грѳши, то я бъ попрохавъ начѳлство, щѳбъ тебѣ у турмў не садовїли.»

— Охъ, пѳночку! а скїльки начѳлству треба? мѳже въ мѳне й достѳне.

— Та скїльки? — таїй й немѳло. Якъ би ти була безъ дїтїни... а тѳ й цїлкового нѳмалї. Слўжба — святѣ дїло... Хпѳа цїлкового та семигрївенного. Кѣ сюді цїлкового та семигрївенного: — я добрий чоловїкъ, оборонїю тебѣ передъ начѳлствомъ.»

У Катрі й на душі полѣгшало, що доброго чоловїка зпайшла, — заразъ ёмў у нѳги. «Спасїбі вамъ», каже, «пѳночку, за вѳшу лѳску». Вїтрусила изъ калїточки того цїлкового, зпайшовсь и семигрївенний. А той — таїй добрий, та щїрий, — узявъ та ще й дякує: «спасїбі тобї», каже, «молодїце: тепѣръ иді зъ Бѳгомъ, та нїчѳго не бїйся».

— Чимъ же васъ, пѳночку, дяковати?» питѳетця Кятря.

— Менѣ Богъ наградїть», той каже. Сь тимъ и повїявся собі геть по ўлицї.

Перехрестілась Кятря, и пішла своєю дорігою: «Отъ же», думает: «и въ городі знайшлась душа щіра та богобоязна. Якъби більшъ такихъ...» А їх и такъ доволі...

XII.

Довго йшла Кятря, бо не близько була та Уласівка. Притоміла на ніженьки білі; натерпілася ліха й сорому, а більшъ тимъ, що була салдатка, та Бога боялась.

Коли якось уранці забованила геть-геть въ степу «прощальна могила», замиготіли въ очахъ хатки білі й зелені верби знаєми. Се жъ и була Уласівка.

Згадала Катерина про Семєна, и гірко заплакала.

Дійшла отó вона до могили и сіла спочіти та дитину погодувати, бо хочъ и близько вже було до Уласівки, та вона дуже втомилась. Коли ось идуть шляхомъ, до Уласівки жъ, якісь перехожі: бабуся, старєнька, а зъ нею дівчина, идуть и поміжъ себе тихєнько розмовляють. Зблизились до Катерини и «добридень» сказали.

— Спасибі, люде добрі», каже Кятря: «чи не въ Уласівку Богъ несє?»

— Та въ Уласівку жъ.

Тутъ старá стала пильно придивляйтись до Катрі, а далі и каже:

— Колибъ, молодіце, не опізнатись оце на старости літахъ. Здаєтця мені, що ти Кятря Солохівна, покойної Іванівни дочка?

— Та Солохівна жъ була... А хибá моя мати вмерла?» питаєтця, а у самóй и дитина трóхи зъ рукъ не випала.

— Умерла, дочко. Отó торікъ, саме підъ Пречісту, поховали, нехай царствує. А якъ по тобі моя голубочка вбивалась....

Кятря гірко, гірко плакала.

— А дежъ твій чоловікъ?» питають.

— И Семєна поховала», каже Катря, а самá плаче, плаче....

— Нехай ёму земля перомъ: тамъ, може, лóчче буде», каже бабуся, и перехрестілась, а дівчина, що була зъ нею, й заплакала.— «Годі тобі, дбню, плакати, годі, сєрце.... Се, коли зазнала, Яструбєнкова дочка: ту весну була засвátана, а отó у осєні и її женихá узятó до мўштри, такъ оце и ходили у гóродъ, — я — угóд-

нику помолітись, а вона хлопця навідати. — Охъ, лиха година та нещаслива... Ходімъ, Катрусю, и ти зъ нами, — вже недалечко. — А сѣжъ твоє?

— Моє, бабусе.

— А скільки ёму?

— Оце вчора третій місяць пішовъ, и Семёнові вже другий буде.

Прийшли въ Уласівку. Тяжко стало Катрі, Боже, якъ тяжко. Хочъ усє було ніби постарому, и левада съ зелєними вѣрбами, и ставокъ, и липа кучерява била цѣркви, и той садокъ, де упѣрве съ Семёномъ спізналась, — та на сѣрці вже не по старому: сумъ та жаль такий, що, Господи, якъ вѣжно!

Свєкірь принявъ її до себе. Жила вона въ ёго, а все така невесєла. Товкѣчь було частєнько її про Семєна роспитує, про мѣштру, про звичаї салдѣцьки, про панівъ; а самъ, якъ хмара, сѣмний, сѣмний. Катря було плаче, якъ розказує ёму про все, що бачила, а старий мовчить, тильки слухає та иноді головою хитає.

Такъ до смѣрти й осталась Катря салдѣткою, а Пилипка діти звали салдѣтенкомъ, и мовъ цурались.

Такий случай!

Д. Мордовцевъ.

1839 р.

ЛИПОВЫЯ ПУЩІ.

Начало романа, найденнаго въ бумагахъ покойнаго
Д. П. Хоречко.

Имя Д. П. Хоречко извѣстно только небольшому кружку его друзей, которые любили его за его прямой, искрѣнный характеръ. Никто, однакожь, не видѣлъ въ немъ автора. Онъ казался намъ любознательнымъ человѣкомъ, умнымъ человѣкомъ, человѣкомъ съ душою—и только. Смерть обнаружила, что онъ готовилъ себя къ литературному поприщу съ тѣмъ уваженіемъ къ своему призванію, которое въ наше время становится рѣдкостью. Въ его бумагахъ найдено много этюдовъ, писанныхъ съ натуры, много плановъ для повѣстей, набросанныхъ въ психологическомъ, внутреннемъ смыслѣ, который для читателей долженъ былъ быть выраженъ пластически. Начатыя имъ повѣсти показываютъ, что онъ поражался многими художественными идеями въ одно и то же время, и что только обиліе сюжетовъ, просившихся подъ перо его, мѣшало ему что-нибудь окончить. Въ предлагаемомъ романѣ не развита еще *исторія*. Выведены только лица, которыя должны начать дѣйствіе; но ихъ обстановка можетъ заинтересовать читателей, какъ живопись правовъ недавно пещзнувшаго панскаго быта въ Украинѣ, того быта, который сохранилъ на себѣ отпечатокъ стариннаго козачества. Вотъ почему мы, друзья покойнаго автора, рѣшились послать его въ *Основу*. Впрочемъ есть надежда отыскать и продолженіе романа. Въ Черноморскомъ Екатеринодарѣ жилъ и до сихъ поръ живетъ яѣкто г-нъ Р***, соученикъ и, можно сказать, наперсникъ покойнаго Хоречко. Мы знаемъ, что они много разъ пересылали другъ другу черезъ почту свертки, на которыхъ было подписано *рукопись*. Хоречко, на вопросы наши, отвѣчалъ бывало, что его другъ г. Р***

занимается литературою и проситъ его совѣтовъ. Теперь дѣло является въ обратномъ смыслѣ. Мы отнесли къ г. Р*** и просили его подтвердить нашу догадку и, если у него сохранилось продолженіе *Литовыхъ Пущъ* (въ чемъ мы почти увѣрены) прислать также въ редакцію *Основы*.

П. Шишакъ-Васильевскій-Гребля.

П Р О Л О Г Ъ.

Въ одной изъ малороссійскихъ губерній, — въ которой именно, нѣтъ надобности знать, — процвѣтало еще очень недавно помѣщичье семейство Вѣниковыхъ. Последніе, современные намъ представители этого семейства, выбросили изъ своей фамиліи букву *и*, и назывались *Вѣиковыми*; но они не смѣли отречься отъ нея въ документахъ, по которымъ принадлежали имъ лѣса, луга и земли, называющеіся *Литовыми Пущами*. Если сказать всю правду, то родоначальникъ этой фамиліи былъ не Вѣниковъ, а просто Вѣникъ; но у насъ, малороссіянъ, была страсть облагораживать свои фамильные имена прибавкою къ нимъ великорусскихъ окончаній или переименованіемъ и вставкою буквъ.

Трудно было бы доискаться, кто первый изъ господъ Вѣниковъ стеръ съ своего имени признакъ козацкаго происхожденія. Но имѣніе Вѣниковыхъ называлось *Литовыми Пущами*, Богъ знаетъ съ которыхъ поръ. Еще оно и не принадлежало имъ, еще въ козацкихъ реэстрахъ не было вписано ни одного Вѣника, а *Литовыя Пущи* уже значились въ спискѣ старыхъ *рановыхъ* (1) помѣстьевъ. Какъ бы ни гордились Вѣники древностью своего дворянскаго рода, наперекоръ демократической малороссійской исторіи; но историческое имя начинается съ недавняго *и*, надобно сказать, пустаго событія. Когда козаки стояли шатрами въ степи надъ рѣчкой Самарой, одинъ изъ сотниковъ, по прозванію Мурло, выразилъ свою

(1) Такъ назывались земли, отдававшіяся въ пожизненное владѣніе гетману и генеральнымъ старшинамъ.

преданность полковнику Носачу необычнымъ способомъ: собственно-ручно связалъ изъ степнаго бурьяну вѣвчикъ и подмелъ земляной полъ въ полковничьей палаткѣ. Козаки прозвали его, за этотъ подвигъ. Вѣвчикомъ, и до такой степени новое прозвище сдѣлалось общеупотребительнымъ, что дѣти и внуки услужливаго сотника уже не приипмали его себѣ въ обиду; ихъ записали подъ этимъ именемъ въ козацкій реестръ, и пошли они писаться Вѣвчиками, забывъ свое прежнее прозвище Мурло, данное ихъ предку еще во времена гетмана Павлюка.

Въ эпоху самарскаго похода, ранговое помѣстье *Липовыя Пущи*, доставшееся впоследствии Вѣвникамъ, соответствовало своему имени, потому что состояло изъ первобытныхъ липовыхъ лѣсовъ; но въ наше время, липы уцѣляли только въ видѣ бревенъ, въ стѣнахъ помѣщичьяго дома. Домъ срубленъ изъ толстыхъ липовыхъ брусевъ и, благодаря плотной, *очеретной* крышѣ, которую смѣнявшіяся поколѣнія владѣльцевъ возобновляли своевременно, пережила окрестные лѣса, состоявшіе преимущественно изъ липъ. Странное чувство овладѣвало моей душою, чувство особенной, поэтической, грусти, когда я, сидя въ свѣтлицѣ господъ Вѣвниковыхъ, срубленной изъ благороднаго липоваго дерева, съ *мытыми* (1), стѣнами вспоминалъ, по какой причинѣ все это имѣніе, состоящее изъ двухъ тысячъ десятинъ всякаго рода земель, называется *Липовыми Пущами*. Кругомъ—ни одной липы на корняхъ, а названіе помѣстья и чрезвычайная толщина брусевъ въ стѣнахъ дома воздвигаютъ въ воображеніи необозримыя массы густыхъ вѣтвей, высокотолпящіяся вокругъ липоваго дома. Домъ построенъ во вкусѣ гетманскихъ временъ съ тяжелою вычурною отдѣлкою орнаментовъ по дубовымъ косякамъ оконъ и дверей, по карнизамъ навѣсовъ, по оглавіямъ и поднесіямъ тонкихъ, витыхъ на разные манеры, колонокъ, по слуховымъ окнамъ, вырѣзавшимся далеко впередъ изъ мшистой очеретяной крыши и по самымъ *дымарямъ*, которые высоко чернѣютъ съ своими острыми кровельками на малороссійскомъ, почти всегда ясномъ, небѣ. Въ главной, такъ называемой крестовой, свѣтлицѣ (2), на толстомъ рѣзномъ сволокѣ, вы читаете сла-

(1) То-есть, не покрашенными краскою и безъ обоевъ. Такія стѣны отъ времени до времени моютъ и скоблятъ и это сообщаетъ комнатѣ чистоту шпатулки.

(2) Старинные люди вѣшали, или вѣлывали въ стѣны, четыре креста въ свѣтлицѣ.

вянскую надпись: «храмина сія сооружена благочестивымъ рабомъ Божіимъ, полковникомъ Вѣникомъ, року Божіого 1760». Не прошло, значить и столѣтія, а ужъ все кругомъ до такой степени измѣнилось! Выходите на *рундукъ* (1), срубленный изъ того же благороднаго дерева, видите широкій дворъ, обставленный раскидистыми каштанами; видите, въ промежуткѣ между каштановъ, отлогій скатъ къ пруду и за прудомъ водяную мельницу съ густыми, наклоненными къ водѣ, вербами; тутъ, подлѣ васъ, въ самихъ углахъ, образуемыхъ выступившимъ впередъ старосвѣтскимъ рундукомъ, выросли уже довольно старые клены, бросающіе густую тѣнь съ зубчатыми, трепещущими пятнами свѣта, на дубовый полъ подъ вашими ногами и позволяющіе только мѣстами рисоваться на немъ зигзагамъ столбовъ, подпирающихъ навѣсъ. Но липамъ какъ-будто объявлена была война строителемъ этого дома. На всемъ кругозорѣ усадьбы, въ саду, въ дубовой рошѣ, выглядывающей изъ-за плодовыхъ деревъ, и вдоль села, поднимающагося на отлогую высоту, по ту сторону пруда и мельницы, — нигдѣ не видно ни одной липы!

Не довѣряя глазамъ своимъ, вы спросите у хозяевъ, (какъ сдѣлалъ я и какъ дѣлали, безъ сомнѣнія, многіе другіе): «неужели у васъ въ Липовыхъ Пущахъ нѣтъ вовсе липъ?» И вамъ скажутъ, что даже въ лѣсахъ, принадлежащихъ къ имѣнію, исчезли липовыя деревья. «Исчезли съ тѣхъ поръ, какъ этотъ благочестивый рабъ Божій, полковникъ Вѣникъ, повалилъ столько великолѣпныхъ деревъ для своей храмны!..» Вы невольно это подумаете, и вамъ представится варварскій стукъ топоровъ въ густой первобытной рошѣ, гдѣ раздавался до тѣхъ поръ только голосъ иволги, гдѣ ворковали влюбленныя горлицы, и дикія козы водили въ тишинѣ свои робкія семейства. Но-крайней-мѣрѣ мнѣ живо представилась картина опустошенія со всеми побочными обстоятельствами.

Панъ полковникъ пріѣзжаетъ на охоту въ липовый лѣсъ, пожалованный ему царскою грамотою за такіе и такіе, чинимые имъ надъ пепрїятелемъ, промыслы; пріѣзжаетъ онъ, разумѣется, не одинъ; разбиваютъ для *его милости* палатку; достаютъ изъ возовъ бочонки и провизію; варится въ котлѣ походная каша, *кумишъ*, съ жирной бараниной. Веселъ полковникъ и громогласенъ; никто такъ

(1) Крыльцо съ навѣсомъ.

громко не смѣется, какъ онъ, потому что никого нѣтъ здѣсь равнаго ему по сану и богатству. Онъ говоритъ больше всѣхъ, и всѣмъ его рѣчи доставляютъ истинное удовольствіе. Мѣсто ему очень нравится. Сквозь темную липовую зелень видна озаренная солнцемъ рѣчка въ камышахъ, и за ней, весь въ деревьяхъ и кустахъ, отлого идущій въ высоту берегъ.

«Построю тутъ *будінокъ*» (1), вскрикнулъ онъ вдругъ вдохновеннымъ голосомъ; «посажу слободу! На рѣчкѣ можно построить славную мельницу! Пускай у Паньга *заболитъ печінки*, отъ зависти!» (Панькомъ онъ величалъ полковника нѣжинскаго полка, своего вѣчнаго врага, такъ какъ безъ непримиримой вражды къ кому нибудь ни одинъ малороссійскій панъ прожить не можетъ). «Да», продолжалъ онъ: «не будь я Вѣникъ, если не вгоню своего врага въ могилу этой усадьбой! Самъ гетманъ позавидуетъ мнѣ *Липовымъ Пуцямъ!*»

Это подаетъ поводъ къ отбиванію чоповъ у боклагъ и бочонковъ съ наливками и медамп. Стукнулъ полковникъ съ своими гостями въ ковши и позабылъ о предпріятой охотѣ; поѣздка кончилась походною кашею и крѣпкимъ сномъ въ густой тѣни вѣковѣчныхъ липъ. Но, пробудясь, и возвращаясь домой въ пріятномъ изнеможеніи, панъ Вѣникъ не забылъ о мгновенно-возникшемъ въ его умѣ предпріятіи. Вскорѣ за тѣмъ, по распоряженію полковаго *осаула*, явились казаки на караулы, или какъ у нихъ говорилось, *на стойку* въ Липовыя Пущи. Странное выбрано было мѣсто для стоящихъ пикетами: липовый лѣсъ, въ который проникали только женщины изъ сосѣднихъ хуторовъ за грибами. Но козакамъ было все равно: гдѣ стоять, то стоять. Они отвыкли уже брать отчетъ съ старшинъ на громадскихъ вѣчахъ, какъ было встарину. Они забыли уже, какъ нѣкогда ихъ дѣды и прадѣды вооружались на пановъ за то, что вольныхъ казаковъ употребляли на работы въ своихъ дворахъ, вмѣсто военной службы. Старшины, вышедшіе изъ среды, нагнули ихъ шеи подъ ярмо свое гораздо успѣшнѣе тѣхъ старыхъ пановъ, которые происходили отъ варяжскихъ князей и древнихъ полководцевъ княжнецкихъ.

Смирненно работали козаки на полковниковъ, какъ на законныхъ своихъ владѣльцевъ, и потому никому не показалось необычнымъ

(1) Господскій домъ.

отданное полковымъ эсауламъ приказаніе, чтобы *стойчики* явились на *стойку* не съ *мушкетами* и *списами* (1), а съ топорами, пилами и долотами. Закипѣла работа и скоро все вокругъ измѣнилось въ Липовыхъ Пущахъ. Отъ стука и говора рабочихъ разлетѣлись пиволги и горлицы; стройныя козы увели въ болотистыя низины и трущобы свое робкое поколѣніе; а полковничій домъ со всею обычною, по тогдашнему времени, обстановкою, воздвигся какъ-бы какимъ чудомъ на очищенномъ просторѣ, среди густаго лѣса.

Въ самомъ дѣлѣ, нѣжинскій Панько возгорѣлся новою завистью къ благоденствію своего непріятеля и подалъ протестъ въ генеральную канцелярію, что *якобы таковой и оный Вѣтникъ неправдою осилъ* сосѣдствующее съ Липовыми Пущами и принадлежащее ему, нѣжинскому полковнику, рыболовное мѣсто. Дѣло, разумѣется, затянулось, и челобитчикъ умеръ, оставивъ своимъ дѣтямъ въ наслѣдство вражду къ поколѣнію Вѣтниковъ и вѣрное средство спустить съ рукъ, черезъ суды, нажитое предками имущество.

Въ самомъ дѣлѣ, и гетманъ, запрошенный Вѣникомъ *на бенкетъ* въ новую усадьбу, позавидовалъ, не хуже Панька, прекрасному мѣстоположенію Липовыхъ Пущъ (какъ назывался и самый хуторъ), гдѣ, по его словамъ, заведи паспки, можно бы было получать чистый липсець. Онъ удостоилъ даже молвить съ гетманскою небрежностью, что отдалъ бы за полковничій хуторъ свою нѣмецкую карету съ осмью длинногривыми лошадьми. Но полковникъ Вѣтникъ не понялъ тонкаго намека и, имѣя въ Петербургѣ сильныхъ покровителей, спокойно продолжалъ удить рыбу въ широко-запруженной камышчатою рѣчкѣ, да попивать съ пріятелями меда и наливки.

И умеръ полковникъ Вѣтникъ въ свою очередь, и пошло его любимое помѣстье изъ рукъ въ руки, по наслѣдству, даже до нашихъ дней, и мало по малу не осталось въ немъ ни одной липы на корифѣ. Но домъ сплоченъ былъ, видно, очень усердно козаками. Въ немъ подалась только крѣпкая дубовая подвалина, осадивъ едва замѣтно одну стѣну и покосивъ немного шестиугольные рѣзные косяки въ окнахъ; но липа, не смотря на свою мягкость въ работѣ, нигдѣ не далась шашелю и устояла противъ дождей, зноя

(1) Ружьями и копьями.

и вѣтровъ. Правда, снаружи домъ всегда былъ вымазывается такъ называемою зѣньковскою глиною (¹) и, если бы не рѣзба на *уластныхъ* дубовыхъ косякахъ оконъ и дверей, то казался бы каменнымъ. Внутри же его нагрѣвали большія старосвѣтскія печи изъ зеленыхъ выпуклыхъ изразцовъ, а вѣчная бѣготня слугъ, топоть, говоръ, пѣніе гостей и дѣтскій крикъ и гамъ, не давали завестись въ липовыхъ стѣнахъ разрушительнымъ шашелямъ, которые работаютъ всего дѣятельнѣе въ тишинѣ и неподвижности, покинутыхъ, людьми строеній, и разрушаютъ дома, въ которыхъ долго еще могли бы жить люди.

ГЛАВА I.

Слобода, *осаженная* полковникомъ Вѣникомъ, прилежала къ рѣчкѣ, на которой онъ запрудилъ прудъ и построилъ мельницу. Заселеніе совершилось по зазыву, обыкновену въ то время. На ярмаркахъ на храмовыхъ праздникахъ, на многочисленныхъ свадьбахъ и вездѣ, гдѣ собирались толпы народа, являлись дворчанине осадчаго и громогласно призывали поселянъ на слободу. Для того, чтобъ обратитъ на себя всеобщее вниманіе, они наряжались въ кунтуши самага яркаго краснаго цвѣта съ золотыми галунами поперегъ груди, на подобіе петель, и съ такими же *усами* на перехватѣ, въ видѣ двухъ крестовъ. Въ рукахъ держали они высокій крестъ, на которомъ развѣвалась цвѣтная *коробка* (²). Всякъ, съ перваго взгляда, признавалъ въ нихъ *окличниковъ* и прислушивался къ ихъ кликамъ. Въ боѣе отдаленную старину такъ наряжались есаулы охочекомонныхъ полковъ; проѣзжая по селамъ съ хоругвями, они вызывали охотниковъ или *охочихъ козаковъ*, въ походъ на невѣрныхъ, а иногда, среди ярмарки, взгромоздивъ одинъ возъ на другой, выставляли они на этомъ подножіи полковое знамя, и, собравъ вокругъ себя народъ, читали съ этого возвышенія полковничье воз-

(¹) До-сихъ-поръ, въ Зѣньковскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, сохранилось искусство штукатурить домъ съ особенною прочностью. Помѣщики соседнихъ уѣздовъ нанимаютъ Зѣньковскихъ женщинъ для штукатурки своихъ домовъ. Зѣньковская глина составляется ими на мѣстѣ.

(²) Небольшая хоругвь.

звание. Во времена Вѣника, охоченомонные полки не собирались болѣе въ окрестныхъ городахъ и селахъ; выдвинулись далеко въ степи за рѣку Орель полтавскія поселенія и заслонили собою внутреннiе малороссiйскiе повѣты отъ вторженiя Татаръ. Национальный обычай взывать къ народу посредствомъ есауловъ усвоенъ былъ осадчими ихъ окличникамъ, и, по старой памяти, окличники становили на ярмаркахъ телѣгу на телѣгу, а среди свадебнаго разгула или храмоваго праздника, взбирался на крышу ближайшей къ народу хаты, выставляли свою короговку и кричали: «на слободу! на слободу, добрые люди! У нашего нана богатѣютъ селяне днями, а не годами, ходить въ *саетахъ* ⁽¹⁾, турецкими *килимами* ⁽²⁾ столы застилаютъ, серебромъ коней куютъ, сами золотыми подковами въ ташахъ побрякиваютъ!» Чѣмъ болѣе преувеличивалъ окличникъ благоденствiе селянъ своего нана, тѣмъ болѣе слушатели развѣшивали уши, хотя, разумѣется, знали, что это только игра словъ. Но любить народъ краснобайство про золотыя горы и, терпя нужду, воспѣваетъ въ своихъ пѣсняхъ то, чего не имѣеть. Поэтому, окличникъ, безъ зазрѣнiя совѣсти, увѣрялъ, что на лугахъ у его нана растетъ трава въ человѣческой ростъ, что рыба въ прудахъ и озерахъ сама лѣзетъ въ невода, что пшеница остается на поляхъ не сжатая, а житняго *борошна* ⁽³⁾ никто въ глаза не видалъ. Все это выслушивалось со смѣхомъ, но безъ опроверженiй.

— А сколько лѣтъ льготы отъ *чиншу* (оброка)? — спрашивали главы семействъ.

— Столько, — отвѣчалъ окличникъ, — сколько минуло его старшему сыну, — а минуло ему семь лѣтъ.

— *Поздоровъ ёго, Боже*, — говорили поселяне. Семь лѣтъ — слобода хорошая; за такую слободу не жаль принести добрый *ралецъ* осадчему.

Ралцемъ называлась добровольная дань отъ *рала* ⁽⁴⁾, приносимая поселянами землевладѣльцу въ день Рождества Христова и, смотря по расположенности къ нему народа, увеличиваемая и уменьшаемая.

(1) *Саётою* называлось тонкое англiйское сукно.

(2) *Коврами*.

(3) *Муки*.

(4) Главная часть илуга.

Узнавъ въ чемъ дѣло, и гдѣ слобода осаживается, и какія земли, и какія будутъ пастбища и водопой, поселяне распространяли слухъ объ этомъ въ своемъ сосѣдствѣ и вскорѣ начинали появляться на пустынной почвѣ, сперва — курени, а потомъ — хаты и хутора. Первые, явившіеся на мѣсто, выбирали для себя лучшіе *горбы* (1) для хаты и двора, лучшія *низины* для *пастовниковъ* или *левадъ* (2) и огородовъ; а потомъ ужъ отводили *грунта* новымъ поселянамъ *громадскіе мужи*, наблюдавшіе, чтобы никому не было обидно въ займѣ низменныхъ прпрѣчныхъ мѣсть и чтобы чей нибудь дворъ не былъ отрѣзанъ новымъ дворомъ отъ сообщенія съ водою. Эти громадскіе мужи, выбиравшіеся изъ стариковъ въ большемъ или меньшемъ числѣ, смотря по величинѣ села, были полными вѣдателями всѣхъ интересовъ между *осадчимъ* и поселянами, ограничивая произволъ одного и внушая другимъ, что они должны и чего не должны исполнять по его требованію. Они же собирали подати въ казну и владѣльцу за пользованіе землею. Ихъ власть была велика, потому что они олицетворяли собою образъ мыслей и волю всего своего сословія и насадили только со введеніемъ въ Малороссію крепачства, когда произволу помѣщика открылось безграничное поприще. Самое имя громадскихъ мужей позабыто съ обычаемъ, и только въ старинныхъ актахъ любитель старины встрѣчаетъ слѣды ихъ существованія, дивясь, какъ это гражданственность сдѣлала въ Малороссіи нѣсколько шаговъ назадъ со времени введенія, при Екатеринѣ Второй, новой системы управленія!...

«Но мы исторіи не пишемъ», — наше дѣло — вести повѣсть о томъ времени, когда Лповыя Пущи пана Вѣника дѣйствительно были еще Лповыми Пущами, о томъ времени, когда заселенная имъ слобода, сдвинувшись тѣснѣе своими хуторами отъ прибавки новыхъ хатъ и дворовъ, образовала наконецъ *село*.

Былъ уже очень старъ полковникъ Вѣникъ; уже давно полковничья булава висѣла въ свѣтлицѣ полковаго судьи, который, являясь съ нею передъ козаковъ и въ полковой судъ, заступалъ собой полковника и принималъ всѣ почести, слѣдующія полковничь-

(1) Хату стараются становить на возвышеніи, на горбѣ.

(2) За огородамъ у малороссіянъ отдѣляется особое огороженное мѣсто, *пастовникъ* или *левада*, для пастбы телятъ или нужной всякую минуту скотины. *Левалы* обыкновенно окружены, или усѣяны, кунами деревь, которыя сажаетъ сама природа.

ему званію. Не разъ носились слухи, что будутъ выборы полковые, по случаю дряхлости пана Вѣника, и что козаки вольными голосами выберутъ себѣ полковника по-моложе — изъ полковыхъ старшинъ; но всѣ такіе слухи оканчивались толками. Панъ Вѣникъ, не смотря на то, что уже нѣсколько лѣтъ не выходилъ изъ своей пасики, гдѣ у него была особая, удаленная отъ всякаго шума, хатка,—не смотря на то, что отпустилъ себѣ сѣдую бороду и похожъ былъ больше на пустынника, чѣмъ на начальника обширнаго округа козацкихъ поселеній, называвшихся вообще полкомъ, — удерживалъ за собою *столь рейментарскій* (1), и не къ полковому судѣ являлись на *стойку* козаки съ косами въ косовицу, съ серпами въ жнивѣ и съ топорами для хуторскихъ построекъ, а все-таки, по прежнему, къ пану Вѣнику, въ которе имѣніе онъ назначить. Судья пользовался только ненужными пану полковнику рабочими, наравнѣ съ сотниками, которые, не мѣшая полковнику въ его повелѣнія, довольно имѣли всегда молотниковъ, косарей, жнецовъ, плотниковъ и разныхъ мастеровыхъ изъ вольнаго козацкаго сословія, если мало оказывалось рабочихъ рукъ, назначенныхъ для подсосѣдковъ, пользовавшихся ихъ землями. Дряхлый пасичникъ, удалившійся отъ міра, ворочалъ всѣмъ полкомъ по своему произволу, хотя давно уже не ходилъ съ козаками въ походы и не водилъ ихъ, какъ другіе, на работу сѣверныхъ каналовъ и южныхъ крѣпостей, или, такъ называвшейся, *лини*. Секретъ непоколебимости его власти состоялъ не въ преданности къ нему козаковъ: козаки давно уже не знали ни одного популярнаго имени между старшинами, такъ какъ выборъ только считался вольнымъ, а въ сущности зависѣлъ отъ генеральныхъ старшинъ и гетмана; и всѣ полковые старшины, всѣ сотники и сотенное начальство были для нихъ уже не *батьками*, возвышенными на степень власти общаю оцѣнкою ума и мужества, а помѣщиками, которыхъ власть, какими-то скрытыми отъ гражданъ путями, переходила отъ отца къ сыну до самого паденія грѣшной Гетманщины. Секретъ могущества престарѣлаго полковника заключался въ благоразумномъ его распределеніи, кому сколько возовъ гостинцевъ, укрытыхъ кожами, отправить ежегодно въ столицу, и какіе посылать подарки гетману и генеральнымъ старшинамъ къ новому году, въ день ния-

(1) Т. е. полковничество.

нинъ и въ разныхъ торжественныхъ случаяхъ. Мудрое правило: *живи и жить давай другимъ*, соблюдалось полковникомъ Вѣнникомъ до конца дней его, и перешла его полковничья власть къ сыну, котораго избрали въ полковники *полчане* единодушно по словамъ форменнаго акта, но который явился за получениемъ булавы изъ Петербурга—въ башмакахъ, въ нѣмецкихъ коротенькихъ штанахъ, или, по козацкому наименованію, *галанцяхъ*, и въ парикѣ, обсыпанномъ, какъ говорили земляки, *борошною*. Но не о томъ рѣчь.

Въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ,—не помню, въ которомъ именно году,—на полковничій дворъ въѣхалъ крытый, такъ—называемый,—*кованный* возъ. Въ такихъ возахъ козацкіе старшины совершали свои походы, наполнивъ ихъ одеждою, войлоками для палатокъ, запаснымъ оружіемъ, а, всего больше, саломъ, ишеномъ, солью и бочонками съ подкрѣпительною *оковитою* ('). Кованными назывались эти возы потому, что покрыты были множествомъ желѣзныхъ бляхъ и скобокъ для предохраненія отъ пули не только боченковъ, но и самихъ старшинъ, которые, изнемогши отъ движенія, а, пожалуй, и отъ подкрѣпительной оковиты, забивались между войлоковъ и спали въ своихъ возахъ безопасно, какъ въ крѣпостяхъ. Извѣстно, что козаки, застигнутые неприятелемъ на походѣ дѣлали четвероугольникъ изъ возовъ, соединяя ихъ одинъ съ другимъ, посредствомъ цѣпей, и отбивались, изъ такой крѣпости до тѣхъ поръ, пока съѣдали всю свою провизію. Въ—старину, возы служили убѣжищемъ только для раненныхъ. Здоровый старшина, спрятавшись въ кованный возъ, вышелъ бы оттуда на козацкихъ *списахъ*. Но съ того времени, какъ старшины начали падать, на голову *товариства*, изъ *паничей*, трусость ихъ не обращала на себя вниманія, и козаки въ бою управлялись не распорядительностью вождя, а тѣмъ инстинктомъ самосохраненія, который заставляетъ табуны дикихъ лошадей строиться въ грозную толпу противъ нападенія стаи голодныхъ волковъ. Тогда-то устройство кованныхъ возовъ доведено было до послѣдняго совершенства, и *човень*, то-есть кузовъ такого воза, составленный изъ воловыхъ шкуръ и листоваго желѣза, былъ дѣйствительно несокрушимою твердынею.

(') Такъ называлась водка высшаго сорта.

И вотъ, этакой-то кованный возъ, съ высокою будкою сверху, съ толстыми *бушóванными* (¹) колесами, запряженный не лошадыми, а дюжими волами, въѣхалъ на полковничій дворъ и остановился противъ выступившаго далеко впередъ рундука, оскѣннаго *очерётлиною* крышею вмѣстѣ съ *поддáшьемъ* (²), которую поддерживали, вмѣсто каріатидъ, толстые, плоскіе столбы, вырѣзанные красивыми зигзагами. Вмѣстѣ съ кованнымъ возомъ, въѣхало на дворъ и двое верховыхъ козаконъ, похожихъ другъ на друга лицомъ до-того, что это каждому тотчасъ бросалось въ глаза, и невольно у каждаго рождался вопросъ: не родные ли они братья? Впрочемъ, одинъ изъ нихъ былъ уже въ лѣтахъ, тогда-какъ другою принадлежалъ болѣе къ *молодикáмъ*, или юношамъ, чѣмъ къ мужамъ (³). Солнце стояло уже на закатѣ. Въ красномъ его свѣтѣ засіяли, какъ на картинѣ, двѣ конныя фигуры, проѣзжая мимо бѣлыхъ стѣнъ полковничьяго дома и украшенныхъ рѣзьбою оконъ, сверкавшихъ круглыми стеклами. Младшій козакъ остался неподвижно на конѣ; старшій соскочилъ на землю и помогъ выйти, изъ крытаго кованнаго воза, старику воинственной наружности, но съ длинной сѣдой бородой, которую отпускали наши дѣды, сознавъ однажды навсегда свою дряхлость.

Все это рисую по преданію, не примѣшивая вымысла, и потому не могу прибавить ни одной черты въ дополненіе простой, такъ-сказать, *ляпаной* живописи старыхъ обычаевъ, которая сохранилась въ моемъ воображеніи, — живописи, въ родѣ картинъ, писанныхъ нашими неучеными малярами по воспоминанію о видѣнномъ, но не глядя на натуру. Все въ нихъ крупно, рѣзко, ярко и мѣстами уродливо, но тѣмъ не менѣе переноситъ воображеніе въ прошедшее и заставляетъ всматриваться въ подробности изображеній. Такъ и словесное преданіе рисуетъ намъ старину ляпаною живописью и многого недосказываетъ, но рождаетъ въ умѣ живые образы, которые для насъ дороже наблюдаемой собственными глаза-

(¹) Окованными желѣзомъ.

(²) Поддáшьемъ называлась собственно часть брусевъ съ карнизами, находившаяся подъ крышею (отъ стариннаго, вышедшаго изъ употребленія, слова — *даха*); но поддáшьемъ называютъ обыкновенно лѣтнюю комнату не имѣющую четвертой стѣны. Это — родъ углубленнаго въ домъ навѣса.

(³) Молодиками назывались вообще неженатые; но въ то время неженатыми и были только *молодики*.

ми дѣйствительности. Я, по-крайней-мѣрѣ, вижу, какъ на яву, этого высокаго, сгорбеннаго лѣтами, морщинистаго и закаленнаго жизнью на долгіе годы старика, который вылѣзъ крехтя изъ кованнаго походнаго воза и, опираясь на длинный *келепъ* ⁽¹⁾, вошелъ тяжелыми ногами на дубовые ступеньки полковничьяго рундука. Остановясь подъ навѣсомъ, спускавшимся изъ подъ очеретяной стрѣхи хитро-вырѣзанными, въ липовыхъ брусьяхъ, кривульниками, онъ оборотился лицомъ къ двору. Заходящее солнце обдало его своимъ вѣчно плѣнительнымъ свѣтомъ, вырисовывая въ то же время сверху, надъ нимъ и по сторонамъ, зигзаги своеобразной малороссійской рѣзбы на архитравѣ и столбахъ рундука. Углубленіе навѣса все ушло въ синеватую, холодную тѣнь, изрѣдка разорванную яркой золотистой полоской или узорнымъ кускомъ пробившагося свѣта. Старикъ показался точно въ сіяющей рамѣ, сіяя весь на темномъ полупрозрачномъ фонѣ, съ своими сѣдинами, озолоченными солнцемъ, въ козацкой, перегнутой на половиѣ, шапкѣ, въ длинномъ кобенякѣ, въ большихъ сапогахъ изъ выношеннаго краснаго сафьяна и съ келепомъ, на который онъ положилъ обѣ жилистыя, изморщенные руки, нагнувшись впередъ надъ этой опорой. Волосы его, по причинѣ старости, не были подстрижены и влетались жидкими, сквозящими кудрями въ бороду, по которой замѣтными издали сѣрыми струями спускались два длинные уса.

Всѣ люди, которымъ на ту пору случилось быть на полковничьемъ дворѣ,—отъ сторожеваго козака, сидѣвшаго съ мушкетомъ у *камяницы* ⁽²⁾ съ запаснымъ добромъ пана полковника, до ключника, убиравшаго съ очередными стойчками просушенную пшеницу въ амбары, — обратили вниманіе на старика, прїѣхавшаго такимъ необычайнымъ образомъ и остановившагося подъ навѣсомъ, на солнцѣ.

Постоялъ онъ съ минуту, не болѣе, какъ-бы для того только, чтобы обвести глазами весь дворъ, съ окружающими его хатами, съ приземистою камяницею, въ которой видно было всего только двое маленькихъ рѣшетчатыхъ оконъ по одну сторону двора, и съ деревянными, затѣйливо-украшенными рѣзной галлерейкой, амбара-

(1) Палка съ насаженнымъ на нее молоткомъ въ видѣ топорика.

(2) Для безопасности отъ пожара, въ старину строились небольшія кладовыя камяницы изъ кирпича, съ желѣзными дверями и ставнями. Въ нихъ сбегалось все, что было подороже изъ одежды, оружія и домашней утвари.

ми по другую. Стоя къ нему ближе, можно было замѣтить, по движенію нависшихъ на глаза бѣлыхъ бровей и легкому качанію головы, что все ему было по вкусу.

Дворъ былъ просторенъ, не засоренъ соломой или щепками, не заросъ репейникомъ, беленою или инымъ бурьяномъ, вырастающимъ на смѣтникахъ и въ другихъ нечистыхъ мѣстахъ. Какъ ковромъ, устлала его ровная мурава, перекрещенная въ разныхъ направленіяхъ тропинками отъ безпрестанной ходни рабочаго народа. Одна часть этой зелени ушла въ холодную тѣнь отъ хатъ, амбаровъ, голубятни, садовыхъ деревь, и все это вырисовало на ней свои верхушки удлинненными чертами; другая сіяла червоннымъ золотомъ, которое, изливаясь теплымъ потокомъ отъ запада, обдало всю лицевую сторону узорчатаго будинка, захватило одинъ бокъ камянницы, вырисовавъ все множество карнизовъ и зубчиковъ, окружавшихъ ея низенькую дверь и маленькія окна, прошло по садовому, выгнутому изъ березовыхъ палокъ, частоколу, превращая его въ легкую, сквозящую на зелени драгоцѣнную рѣшетку; потомъ поднялось по деревьямъ, перегнувшимся изъ-за частокола на дворъ. Маки въ ближайшемъ огородѣ загорѣлись огнемъ среди зелени, и всякая мелочь на землѣ, въ саду или на строеніяхъ, засіяла отъ прощальнаго взгляда солнца на покидаемую имъ природу, такъ—что даже высокіе дымари, поднимавшіеся деревянными башнями изъ сѣней будинка и съужившіеся постепенно по мѣрѣ приближенія къ крышѣ, и тѣ даже, не смотря на то, что вся наружная часть ихъ была покрыта сажею, залѣпившею отчасти и зубчатую рѣзбу на доскахъ, и тѣ позолотились и вырисовались ярко—сіяющими островерхими башенками на потемнѣвшей лазури восточнаго неба, а жестяные пѣтухи, вывезенные пану полковнику изъ нѣмецкой земли въ видѣ флюгеровъ, не смотря на то, что имъ больше всего доставалось коптиться въ дыму, поворачиваясь на право и на лѣво, теперь казались чисто золотыми. На востокѣ свѣтился уже полукругъ луны, но закуренные дымомъ пѣтухи помрачали его своимъ блескомъ.

И въ такомъ-то сіяніи остановился передъ полковничьимъ домомъ кованный возъ съ дюжими волами, которыхъ крутые рога, костистые бедра, выгнутые мохнатые хребты и толстые, развалистые бока съ дыхательными углубленіями, выказались во всей красотѣ своей,—съ лошадыми, убранными и навьюченными по поход-

ному и верховыми козаками, отъ которыхъ, при всякомъ движеніи, ходила рѣзко рисовавшаяся тѣнь, ложась то поперегъ воза, то узкою, безконечною полоскою по травѣ, то вѣрнымъ силуэтомъ по бѣлой стѣнѣ дома, точно примѣшавшіеся къ ѣдущимъ верховымъ новые верховые козаки.

Но вотъ одна, другая минута — и чары заходящаго солнца исчезаютъ. Весь дворъ со всѣми животными и людьми погрузился въ сумерки. Сѣрая тѣнь, точно какая-то стихія, залпла сперва сіяющую мураву двора, потомъ поднялась выше, выше — по ступенямъ рундука, по рѣзнымъ дубовымъ косякамъ оконъ, по крышѣ, и уже только дымари съ золотистыми своими нѣтухами сияли въ высотѣ, затмѣвая вырѣзавшійся явственнѣе прежняго мѣсяць. Кованный возъ, верховые козаки, старикъ, остановившійся подъ навѣсомъ — все это утонуло въ тѣни.

Долго сіяетъ, но быстро гаснетъ, украинскій день. Южная короткая ночь спѣшитъ воспользоваться своими правами, чтобы дать время соловьямъ напѣться, а молодежи послушаться милыхъ рѣчей, которымъ нѣтъ мѣста днемъ и которыя приходятъ на языкъ только въ тѣни вѣшневыхъ садовъ, да подъ развѣсистыми вербами, да на опустѣлыхъ берегахъ рѣчекъ и прудовъ, когда смолкнетъ шумъ человѣческихъ работъ и поднимутся мѣрады голосовъ изъ благоухающихъ травъ и деревьевъ, изъ прозрачныхъ безднъ водянаго царства, и все сольется въ стройный хоръ, сладко волнующій молодя, поэтическія чувства.

ГЛАВА II.

Но кто же этотъ старикъ, сопровождаемый двумя рослыми, статными, другъ на друга похожими, козаками? Подѣхалъ онъ прямо къ крыльцу полковничьяго дома, въ-знакъ своего равенства съ хозяиномъ, если не по сану, то по сословію и богатству: иначе онъ бы вышелъ изъ повозки у воротъ и пѣшкомъ приблизился бы къ панскимъ будинкамъ. Таковъ былъ обычай старосвѣтскаго общегитія въ Малороссіи. Не вошелъ онъ однакожъ прямо въ полковничью свѣтлицу. Сѣлъ онъ на скамьѣ, которая шла кругомъ всего рундука, оставляя только проходъ изъ двери въ дверь; подперся ке-

лепомъ, положивъ обѣ руки на чеканный серебрянною насѣчною топорикъ и опустилъ тяжелую отъ старости голову, покрывъ сѣдою бородою обѣ свои морщинистыя руки. Шевельнулъ онъ нависшею на глазъ бровью и понялъ его старшій козакъ, помогшій ему выйти изъ кованныго воза. Наклонивъ высокую черную шапку, онъ вошелъ въ сѣни и скоро появился опять, провожая на рундукъ старушку, которая вышла къ гостю въ домашней кофтѣ изъ зеленой байки съ красными мушками и въ, такъ-называемой *киба.кль* на головѣ,—нѣчто въ родѣ клобука изъ темной, протканной золотомъ матеріи. Сѣдя пряди волосъ, высунувшись изъ подъ шапочки, убрали точно кружевами ея бѣлое, панское, ласковое лицо, покрытое тонкими морщинами. Она поклонилась гостю съ уваженіемъ къ его полу, которое въ то время оставалось преимущественно за мужчинами, и назвала его, привѣтствуя, паномъ хорунжимъ. Панъ хорунжій приподнялся съ своего мѣста и отвѣчалъ поклономъ на поклонъ и привѣтствіемъ на привѣтствіе съ медленностью, приличною его старости, которою онъ видимо гордился, назвалъ ее паніею сотничкою; потомъ обнялъ ее со всѣми знаками подобающей учтивости и напечатлѣлъ на ея мягкихъ щекахъ троекратный почительный поцѣлуй.

Оказалось, что пріѣздъ его не былъ неожиданностью, что давно знали пана хорунжаго въ полковничьемъ домѣ, хотя много лѣтъ его не видали. Оказалось также, что пани сотничка была сестра полковника Вѣника, исправлявшая должность хозяйки дома со времени смерти полковницы.

Зналъ престарѣлый гость очень хорошо, что панъ полковникъ давно уже остается безвыходно въ своей паснкѣ, полюбивъ уединеніе, по обычаю всѣхъ старинныхъ людей, но не спѣшилъ къ нему, а вошелъ въ свѣтлицу, держась за руку, которую подала ему пани сотничка въ знакъ гостепрѣимства.

Посадила она гостя на почетномъ мѣстѣ, въ концѣ стола, который стоялъ подъ образами, покрытый старымъ ковромъ, а на коврѣ—большой хлѣбъ и *дробокъ* соли, въ знаменованіе, что живутъ здѣсь люди гостепрѣимные.

Но прежде нежели сѣлъ панъ хорунжій на скамью съ высокою спинкою, завѣшенною косматымъ ковромъ, онъ подпjalъ голову къ образамъ. А образа были все большихъ размѣровъ, кievской живописи, и шли въ два ряда отъ главнаго угла, въ которомъ

стоятъ Богъ Отецъ съ скипетромъ и державою въ рукахъ, въ треугольномъ сѣяніи на головѣ и съ Святымъ Духомъ на груди, отъ котораго лучи проникали въ извивы его бороды и развивались по облакамъ внизу иконы. Большая серебряная лампада, какъ церковное паникадило, озаряла яркія краски живописи, и, мѣшая свой свѣтъ съ полусвѣтомъ потухающаго дня, проливала желтыя лучи по выступамъ рѣзной обдѣлки оконъ, по завиткамъ и углубленнымъ буквамъ на сволокѣ, по блестящимъ зеленымъ изразцамъ большой печи, по многосложнымъ ея карнизамъ и колонкамъ и по точенымъ стульямъ съ высокими спинками, обитымъ желтымъ, поблѣднѣвшимъ отъ времени, сафьяномъ.

Остаповился сѣдой гость противъ образовъ и помолясь съ низкимъ старческимъ поклономъ, вынулъ изъ-за пазухи небольшой хлѣбъ, завернутый въ бѣлый платокъ съ красными мережками, развернулъ его дрожащими отъ старости руками и подалъ хозяйкѣ въ руки.

Хозяйка приняла съ уваженіемъ этотъ замогъ дружескаго общенія сосѣдей, поцѣловала и положила на столъ.

Что дѣлаетъ теперь простой народъ, то дѣлали въ то время всѣ, сохранившіе родные обычаи общезнѣтїя, дѣлали до тѣхъ поръ, пока молодое поколѣніе, образовавшись въ чужихъ національностяхъ и возвратясь домой въ парникахъ и чулочкахъ, предало осмѣянію жизнь предковъ, назвавъ ее мужичествомъ, не введя на то мѣсто ничего, соотвѣтствующаго гражданскому и бытовому развитію своего племени вообще и своего сословія въ—особенности.

Оказалось (продолжаю свой разсказъ), что два козака, прїѣхавшіе съ старикомъ, были два его сына. Старшій изъ нихъ, у котораго на усахъ проступила уже сѣдина, — спутница охлажденія играющей крови, — остался вмѣстѣ съ отцомъ въ свѣтлицѣ, но сѣлъ поотдалъ, на концѣ почетной скамьи.

Хозяйка заняла мѣсто по другую сторону прислоненнаго къ углу стола, и двое старыхъ людей, сложивъ руки на столѣ, почти симметрически другъ противъ друга, въ самомъ покойномъ для нихъ положеніи, повели тихую бесѣду о прошломъ, взаимно имъ неизвѣстномъ, что совершилось въ длинный промежутокъ между ихъ послѣднею и настоящею встрѣчею. А день—между, тѣмъ, совсѣмъ потухъ, и уже только свѣтъ лампады, падая сверху, обрисовывалъ ихъ выступавшія изъ мрака черты, ихъ сѣдины и старыя, утомленныя долгою жзнзью, руки.

Слушатель ихъ не вмѣшивался въ разговоръ, хотя не сводилъ съ нихъ глазъ, скрестивши на груди руки и потупивъ слегка голову. Онъ могъ говорить только въ такомъ случаѣ, когда бы старики сами къ нему обратились.

— Сколько это лѣтъ мы не видались, панимátko?—сказалъ гость, величая старушку, изъ учтивости, материнскимъ именемъ, хотя самъ былъ вдвое старѣе. Она отвѣчала ему съ той же учтивостью, дѣлая должный почетъ его преклоннымъ лѣтамъ:

— А будетъ больше двадцати, панóтченьку!... Какъ-же! Еще мой покойный панъ Игнатъ не ходилъ тогда въ канальскій походъ. (Канальскими называли козаки извѣстные свои походы для рытїя каналовъ).

— Охъ, походы, походы—!сказалъ старикъ нахмурясь, и покрутилъ одинъ усъ такъ, что онъ изъ косы принялъ форму серпа. Но рѣчи старикъ не докончилъ, и выразилъ свою мысль только сердитымъ качаньемъ головы.

— Да,—продолжала пани сóтничка: погибъ и мой панъ Игнатъ, какъ садовый цвѣтъ на морозѣ!

— Чтó ты говоришь, панимátko! А я слышалъ.... мнѣ кто-то говорилъ, что панъ Игнатъ умеръ дома! Другихъ много тамъ сгнило и перегибло, а онъ—говорили мнѣ—воротился!

— Воротились только его кости, панóтченьку! а тѣло и здоровье оставилъ тамъ. Однѣ измученныя кости воротились, чтобъ отдохнуть на цвѣнтарѣ ⁽¹⁾ отъ канальской работы. Перенесъ,—Боже избавь, сколько нужды перенесъ на чужой чужбинѣ и привезъ домой только дыханіе въ тѣлѣ. Посмотрѣлъ на меня.... а глаза впалые.... Боже, какіе глаза! благословилъ дочку и погасъ, какъ на свѣгу искра. Встрѣтила я его у воротъ съ немовлѣткомъ ⁽²⁾ на рукахъ: везутъ моего пана паровицею ⁽³⁾, какъ мертваго! Выѣзжалъ въ походъ на бодромъ конѣ.... пятьдесятъ золотыхъ заплатилъ въ Коронѣ.... и двое добрыхъ коней въ торокахъ шло, а воротился на чужомъ возу,—раскинулся на возу, лицомъ къ небу, какъ мертвый! Каково же было мнѣ его встрѣтить! И кони, и риштунки, и кованныя возы, и саетовыя жупаны, и самопалы и

(1) На кладбищѣ.

(2) Не говорящій ребенкомъ.

(3) Парою воловъ.

сабли—все прохарчили козаки на той канальской работѣ (¹)! Кормили ихъ тамъ не казною, а зневагою (²); богатѣли ихъ потому и кровью, и кто не спалъ, таскаючись по болотамъ, то нищимъ домой воротился.... Увидѣлъ дочку и заплакалъ: «какая судьба твоя будетъ, что уже нѣтъ ни одного вольного козака на Украинѣ!...»

— Гбди, гбди, паниматко! годи, моя голубка!—прервалъ ее старикъ хорунжий: — ты безъ ножа рѣжешь мое сердце. Неужели ты не знаешь, гдѣ у меня всего больше болитъ? Скажи лучше, хорошо ли тебѣ у брата и почему не осталась ты на родномъ пелищѣ?

— Какъ же мнѣ было тамъ оставаться? Пока покойный панъ Иванъ былъ живъ, на дворъ приходили очередные козаки, хозяйство шло по-людски; а какъ его не стало, то и подсосѣдки перестали слушаться. Я одна съ маленькой дочкой, а кругомъ—гайдамаки рыскаютъ.... До васъ, панотченьку, дошелъ слухъ, что они сдѣлали въ Миргородскихъ хуторкахъ?

— Такъ то-жъ не гайдамаки, голубко, а настоящіе Запорожцы.

— Никогда этому не повѣрю!—сказала съ живостью старушка. Мой отецъ былъ запорожецъ; я знаю, каковы Запорожцы! Запорожцы боятся Бога, а эти изверги и Бога не боятся, и людей не стыдятся. Перерядились Татарами и заняли въ плѣнъ людей на продажу (³). Развѣ это запорожское дѣло?

— Эхъ, паниматко! не во гнѣвъ тебѣ, женскимъ розумомъ ты о военномъ народѣ судишь. Твой отецъ былъ изъ старыхъ Дорошенковскихъ запорожцевъ. Развѣ я не знаю твоего отца? Я знаю его лучше твоего. Онъ остался у насъ, между полчанами, въ то время, какъ Игнатъ Галазанъ, радѣючи царю Петру, пошелъ разорять Сѣчь.... Тебя тогда и на свѣтѣ еще не было, а мы съ твоимъ отцомъ были молодиками. Онъ съ нами гулялъ у Лизогуба, да приглянулась ему Лизогубова дочка, твоя паниматка, такъ онъ и остался между Гетманцами, и чуприну свою запорожскую подрѣ-

(¹) Въ просьбѣ гетмана Апостола къ графу Головкину: «Козаки, за дальними и трудными походами, оружія своего лишились». *Матеріалы для отечественной исторіи*, изданные г. Судіенкомъ, т. I, стр. 57.

(²) *Зневага*—пренебреженіе, выражаемое оскорбительными поступками.

(³) Въ 1736 году. Запорожцы вмѣстѣ съ Татарами, дѣйствительно захватили въ плѣнъ 700 душъ, сдѣлавши набѣгъ на хутора миргородскаго поля (Архивъ Н. А. Маркевича, № 579).

залъ и, раскинувши по головѣ, женился послѣ Шведчины. Такъ понимаешь ты разницу? Запорожцы хотъ и воротились отъ Турка, какъ умеръ царь Петръ, да не съ добрымъ духомъ противъ нашего брата. И въ самомъ дѣлѣ, весело развѣ имъ смотрѣть на пановъ, которымъ роздалъ царь войсковыя земли безъ мѣры, рыболовни и мельницы безъ счету, за то, что ихъ поколотили и къ Туркамъ прогнали (!)?

— Да чѣмъ же народъ бѣдный виноватъ?—сказала панисѣтничка.

— Это, паниматко, старая пѣсня, что когда паны дерутся, то у мужиковъ чуприны трещать. Вотъ и мы всѣ: за кого терпимъ? За Мазепу. Мы не любили этого польскаго блюдолиза, а намъ посадили его на шею гетманомъ, и самъ же царь Петръ носился съ нимъ, какъ съ писаною торбою, и личманъ ему на шею съ своимъ образомъ повѣсилъ, и голубою лентою его, какъ дружка на свадьбѣ, перевязалъ, а послѣ съ нимъ задрался, а на насъ сердце согналъ. Мы первые подорвали Шведа, не давши ему ступить шагу спокойно, переморивши его холодомъ и голодомъ; мы своею кровью облили полтавское поле; безъ насъ не совладали бъ съ нимъ ни Шереметы, ни Меньшики; а насъ дѣлають пріятели Мазепы. За кого мы гнемъ и гибнемъ въ канальскихъ походахъ? все за Мазепу. Охъ, походы, походы! долго васъ не забудетъ Украина!

И старикъ застоналъ и поникъ головой, такъ, что борода открыла его сложеныя на столѣ руки. Долго онъ оставался въ раздумьи: потомъ посмотрѣлъ на свою собесѣдницу и продолжалъ спокойно:

— Такъ тебѣ, паниматко, не пожилось на вдовьемъ дворѣ? А славный дворъ былъ, и будинокъ не хуже полковничьяго. И церковь славную твой покойный мужъ выстроилъ: надъ самимъ прудомъ, на пригорѣ. Я былъ на освященіи. Подъѣзжаю: на горѣ церковь и въ водѣ церковь, на горѣ народъ и въ водѣ народъ, и сады и хаты, какъ въ зеркалѣ. Вѣдь отсюда близко. Братъ могъ бы тебя и отъ гайдамакъ оборонить, и очередныхъ козаковъ «отъ своего боку» посылать.

— Оно-то и такъ, панотченьку,—отвѣчала старушка,—а вышло

(!) *Универсалъ* гетмана Скоропадскаго: «Повеже маестности, валежные на чины егеральныхъ особъ, по змѣнѣ Мазепиной одойшли въ разныя владѣнія и утверждены жалованными монаршими грамотами», и пр. (Материалы изд. г. Судіенкомъ, т. I, стр. 85).

иначе. Братъ разослалъ сыновей по московскимъ столицамъ: теперь уже такъ повелось, чтобъ дѣти дома не росли; теперь только и защиты нашимъ козацкимъ дѣтямъ, что подъ парикомъ да подъ нѣмецкимъ кафтаномъ. Дружатся и роднятся съ московскими панами, и только черезъ нихъ выходятъ въ панство: вотъ наши выборы вольными голосами! Только старые паны держатся еще на своихъ мѣстахъ по выборамъ, а новые полковники всѣ изъ столицъ посылаются.

— Да и то—какіе выборы, паннатко!—сказалъ хорунжій. Гетманская ласка, шашни—Генеральной Канцеляріи. Мы выборовъ не знаемъ съ того времени, какъ Мазепа купилъ себѣ булаву у князя Голицына за войсковыя деньги! Вотъ у меня два сына: перебивали и въ Туреччинѣ, и въ Польшѣ и въ Пруссіи, заглядывали близко въ глаза непріятелю, довольно и добычи домой вывели: могли бы кажется старшинновать надъ козаками. Нѣтъ, купи сотничество, поклонись этимъ фертникамъ, чтобъ набились въ гетманскую канцелярію, этому плюговому бунчуковому и войсковому товариству, которое только и знаетъ буннить по всему краю, подъ гетманскою протекціею (¹). Такъ не куплю же! чорта получите! Будетъ съ васъ и *протекціоннаго листа*, которымъ вы, какъ тютюномъ, торгуете (²);

(¹) Это былъ родъ охранной грамоты, которую высшіе малороссійскіе сановники покупали у петербургскихъ сановниковъ, а люди незнатные—у Генеральной Канцеляріи. Такъ, жена гетмана Скоропадскаго, присвоивъ себѣ, по смерти мужа, войсковую собственность, объявила, что она въ Малороссіи не судима, *понеже имѣетъ грамоту протекціонную*. Такъ гетманъ Апостоль, по просьбѣ епископа Бужинскаго, выдалъ свойственнику его, Михаилу Петрову, роменскому жителю, универсалъ, «пріимучи его въ протекцію гетманскую, дабы полковникъ, старшина полковая, особливо сотникъ роменскій съ урядомъ тамошнимъ, его до жадныхъ повинностей сотенныхъ не потягали». (*Матеріалы*, изд. г. Судіенкомъ, т. I, стр. 16).

(²) Записка Теплова: «...чины бунчуковыхъ товарищей и войсковыхъ канцеляристовъ великую самовардію имѣютъ; они, гдѣ бы кому въ отдаленіи какую обиду ни сдѣлали и въ какомъ бы полку то ни было, полковая канцелярія до нихъ дѣла не имѣетъ, а искать суда на нихъ надобно въ войсковои канцеляріи и у гетмана. И такъ бѣдной козакъ всегда имя обиженъ и за отдаленіемъ рѣдко управы ищетъ.. При гетманѣ Скоропадскомъ, бунчуковыхъ товарищей и войсковыхъ во всей Малороссіи шестидесяти человекъ не было, и тѣ были самыхъ знатнѣйшихъ отцовъ дѣти, которыхъ гетманъ въ товарищи подъ свой бунчукъ принималъ: но, въ междугетманство, больше двухъ сотъ ихъ прибыло, и изъ подлыхъ людей, которые только сей чинъ за деньги получать могли, ибо имъ не столько чинъ, сколько та привилегія надобна, что они вездѣ, кромѣ гетмана, не судимы» (*Записки о Южной Руси*, т. II, стр. 191).

а сотничество — дѣло громадское. Не у всякаго глаза, какъ у васъ, безстыдны: покупной сотникъ *хиба въ собаки очей позичить*, явившись передъ товариство! Да и что за счастье? Только на каналы да на линію козаковъ водить! Рейментарское дѣло, нечего сказать — погонять людей наземляной работѣ! Съ протекціоннымъ листомъ по крайней мѣрѣ дома будешь сидѣть... да и то не дають, окаянныя!... Охъ, времена! времена! ужъ не конецъ ли свѣту приходитъ!

Это было время послѣдняго разложенія такъ-называемой Гетманщины, то есть старыхъ гражданскихъ формъ, въ которыхъ существовала Малороссія, какъ отдѣльная, самоуправляемая, область. Съ паденіемъ Мазепы, началось быстрое уничтоженіе стараго порядка вещей извнѣ и казалось полное безсиліе поддержать его изнутри. Не смотря на то, что весь народъ и все войско, за исключеніемъ немногихъ тысячъ отважныхъ людей, вооружились противъ Шведовъ, не смотря на то, что общая ненависть къ Мазепѣ, усиленная еще больше извѣстною апаеемою, обезсилила враговъ царя Петра задолго до полтавской битвы и что козацкіе полки больше всего остальнаго войска пролили крови подъ Полтавою, нашъ край былъ какъ бы завоеваннымъ. Отважное предпріятіе Мазепы открыло уму Петра для его государства страшную перспективу, которой онъ не могъ забыть во всю жизнь. Возможность разрушенія, созданной въ умѣ и принятой очень близко къ сердцу, имперіи, слишкомъ сильно поразила тогда его воображеніе, и онъ, съ свойственной одному ему гениальностью, создалъ планъ постепеннаго разрушенія Гетманщины. Мы не жалѣемъ о ней, какъ объ уничтоженіи корпораціи генеральныхъ старшинъ, которые, вмѣстѣ съ выбраннымъ отъ царя гетманомъ, дѣлили между собой войсковое имущество, не заботясь о благѣ народа, — которые окружали себя родственниками, подъ названіемъ генеральной канцеляріи и потакали имъ въ самыхъ вопіющихъ несправедливостяхъ относительно беззащитной части малороссійскаго населенія, которые — роздали своимъ пріятелямъ и распродали перебрещенцамъ изъ жидовъ и разнымъ выходцамъ полковничьи и сотничьи мѣста почти съ неограниченною властью надъ подчиненными. Намъ нечего жалѣть о паденіи Гетманщины. Это было дерево, подгнившее въ корнѣ и не приносившее никакихъ плодовъ. Еслибъ не повалило его петербургское правительство, оно само рухнуло бы и сгнило, оставленное безъ вниманія народомъ. Но нельзя намъ не грустить о тяжкихъ

обстоятельствахъ, которыми сопровождалось выполнение предназначенія великаго разрушителя старины русской. Раздача присвоенныхъ гетманской булавѣ и оставшихся, послѣ приверженцевъ Мазепы, земель великороссіянамъ, въ противность коренному малороссійскому праву и притомъ со введеніемъ неслышаннаго въ Малороссіи закрѣпощенія свободныхъ поселянъ, повлекла къ безчисленнымъ притѣсненіямъ простаго народа и грабежу козаковъ со стороны новыхъ владѣльцевъ, сильныхъ царскими милостями и посылавшихъ въ Малороссію своихъ управителей и старостъ, пѣмцевъ и великороссіянъ, какъ въ землю завоеванную. Въ лѣтописи Конисскаго, вѣрнаго историка своей современности, занятіе и управленіе новопожалованныхъ иноземцамъ имѣній въ Малороссіи описаны не чернилами, а кровью и слезами. Введеніе въ малороссійскій трибуналъ великорусскихъ членовъ, породило сцены насилій и ужасовъ, отъ которыхъ становится дыбомъ волосъ у историка. «Еслибы», говоритъ лѣтописное преданіе, «перстомъ руки Божеской изрыть частіцу земли на мѣстѣ такъ-названной Тайной Экспедиціи, то ударила бъ изъ него фонтаномъ кровь человѣческая, пролитая на пыткахъ, по однимъ подозрѣніямъ (¹).» Систематическое ослабленіе козацкой тактики и изнурительныя земляныя работы въ описскихъ болотахъ, работы, превосходившія своею тягостью великанскія сооруженія древнихъ Артаксерксовъ и Фараоновъ, быстро уменьшили народонаселеніе края и наполнили его калѣками. Квартированіе войскъ великорусскихъ въ Малороссіи на военномъ положеніи, безъ всякихъ мѣръ къ ограниченію своеволія и безчинствъ солдатъ, и произвольные сборы *порціоновъ* и *раціоновъ*, сопровождаемые безнаказанными притѣсненіями и грабежомъ, породили въ народѣ бѣдность, часто доходившую до нищенства, а многія села заставили разбѣжаться. Не только лѣтописи, но и самые архивы, уцѣлѣвшіе отъ того времени, наполнены описаніями страшнаго произвола каждаго чиновника, каждаго командира и каждаго курьера, являшагося въ Малороссію. При такихъ обстоятельствахъ, генеральнымъ и другимъ старшинамъ малороссійскимъ ничего другаго не оставалось, какъ только ладить съ правительственными лицами въ Петербургѣ и съ чиновниками, присланными въ Малороссію, и народъ сдѣлался общео добычею тѣхъ и другихъ. Съ уничтоженіемъ выбора вольными го-

(¹) Лѣтопись Конискаго.

лосами, уничтожился страхъ общественнаго мнѣнія для начальствовавшихъ. На мѣсто его развилась канцелярская формальность и, какъ непроницаемъ облакомъ, закрыла собою отъ народа правду на судѣ. Кто не падалъ въ это время подъ бременемъ нужды и притѣсненій, тотъ невольно клонился и падалъ душою подъ нравственнымъ гнетомъ повсемѣстнаго беззаконія. Все бѣдное, все смиренное и незнатное, пришло молчаливо къ землѣ и образовало отдѣльную, пассивную, націю; все стремившееся къ обогащенію, къ власти, къ знатности, наслѣло сверху и образовало націю активную; а эта активность обращена была на составленіе связей съ богатыми и сильными, на угодничество опаснымъ, на захватываніе разными способами козачьихъ земель, на грабежъ и на насилія всякаго рода и на тяжбы съ сосѣдями за всякую мелочь, въ надеждѣ выиграть протори и убытки. Это было безобразное разложеніе стараго порядка вещей, подъ разрушительнымъ вліяніемъ дикой силы, которая воплотилась въ нравственный образъ лица и, за много десятилѣтій, а, можетъ-быть, и вѣковъ, впередъ, повелѣла тремъ бесплодно враждовавшимъ славянскимъ націямъ перестать быть тѣмъ, чѣмъ онѣ были, которая покрыла почву этихъ націй гниущею массою старыхъ формъ жизни, чтобы, подъ безобразнымъ ихъ гніеніемъ — незримо для современниковъ, но видимо для исторіи — родились новыя начала во славу благородства души человѣческой... И потому, безъ злобы къ мрачной старинѣ и съ сочувствіемъ къ ея бѣдствіямъ и мгновенно промелькавшимъ радостямъ, будемъ живописать картины народнаго быта, который уже никогда не повторится. Я люблю прошедшее, не увлекаюсь фантазіями о золотомъ вѣкѣ, люблю такимъ, какимъ оно было, люблю за то, что оно было, ибо всякое бытіе есть поэзія.

Тихо сіяла въ липовой свѣтлицѣ лампада, повѣшенная на трехъ тонкихъ цѣпяхъ изъ мѣдной проволоки передъ образомъ Бога Отца. Старики вели свои длинныя рѣчи ослабѣвшими голосами. Представитель слѣдовавшаго за ними поколѣнія молча слушалъ. Его очередь говорить и быть выслушиваемымъ до послѣдняго слова — впереди; его старость недалека, и недалеко то время, когда онъ мало будетъ встрѣчать вокругъ себя старѣйшихъ.

Спокойно старушка ведетъ свою бесѣду съ гостемъ, не думая объ угощеніи: есть кому за нее думать. У нея есть, въ полномъ

цвѣтъ лѣтъ, дочь, которая знаетъ о чемъ слѣдуетъ позаботиться по случаю пріѣзда гостей. Вотъ отворилась боковая дверь, и служанка, въ цвѣтахъ на головѣ, въ красныхъ монистахъ и вышитыхъ красными узорами бѣлыхъ рукавахъ, принесла восковую свѣчу и поставила на столѣ, съ низкимъ поклономъ престарѣлому гостю. За нею слѣдомъ вошла стройная высокая дѣвушка, держа въ рукахъ подносъ съ графинчиками и низенькими серебряными чарками. Еслибъ она и не отличалась отъ первой своимъ нарядомъ, то одна ея поступь, въ которой видно было что-то величавое, обратила бы на нее вниманіе каждаго. Въ движеніяхъ человѣка невольно выражаются его понятія о своей личности. Въ этой дѣвушкѣ, при всей мягкости и, вмѣстѣ, какомъ-то грустномъ оттѣнкѣ движеній, выражалось что-то самостоятельное, опредѣлившееся и навѣки созннное въ глубинѣ души. Было что-то таинственное въ изгибахъ ея тонкихъ черныхъ бровей, осѣнявшихъ нѣжно обрисованные глаза, которые какъ-будто стыдились своей выразительности, и, опускаясь безпрестанно внизъ, прикрывались длинными рѣсницами.

— — — — —

СИРОТИНА.

Не той сиротина,
Кого рідь не знає,
У кого хатини
Й худоби немає;
Не той сиротина,
Хто ходить вь десятці,
У кого свитина—
Вся—латка на латці....
Аби була вь ёго
Голова, да руки,
Любовь до народу,
Вбли и науки—
Винь не сиротина,
Винь родичивь мае:
Винь Краю дитина
И Край ёго знає!
Винь — чадо громади:
Вона ёго любить,
Щиро поважає
И щиро голубить!

Хто жь всимь коверзье,
Зневажа Краину,
Свого не шанье,
А служить чужини;
Хто вь краще не вирить,
Душею не рветца
Те, що буде, змирить,
Й живе якь живетца;
Хто правди боитца,
Якь — панська дитина: —
Оттой-то безридний,
Оттой сиротина!
Тому треба плакать
На себе-самого;
Бо не привитає
Громада такого!

Олександрь Кониський.

ПИСЬМА

О БОГДАНѢ ХМЕЛЬНИЦКОМЪ

къ Н. И. Костомарову.

ПИСЬМО 5-е.

О Никольскомъ пирѣ Хмельницкаго.

Думалось повести рѣчь о той шляхетской повѣсти, какъ молодой Богданъ бѣжалъ на Запорожье изъ Бродъ, отъ меча *какого-то пана Потоцкаго*; а пришлось остановиться еще на той исторической быльи, какъ бѣжалъ на Запорожье изъ Чигирина старый Хмельницкій, когда надъ его головою повисъ мечъ корошного гетмана *Николая Потоцкаго*. Въ нынѣшній день мнѣ вспомнился знаменитый *Никольскій пиръ*, заданный Богданомъ на утѣху Козацкой Украины, ровно черезъ десять лѣтъ послѣ несчастливой битвы Кумейской. (Памятенъ былъ нынѣшній день и для Украины Княжеской, взятіемъ нашего первопрестольнаго Кіева Батыемъ). Хочу побесѣдовать съ вами сегодня о Никольскомъ пирѣ Богдана — и вотъ по какому поводу: въ вашей книгѣ онъ положенъ годомъ рапѣе, т. е. не 1647-го, а 1646-го, и не въ Чигиринѣ, а въ Сѣботовѣ; а я на такое назначеніе времени и мѣста не могу съ вами согласиться. Тамъ достопамятный пиръ устроенъ былъ для отобранія *штучнымъ способомъ* у Барабаша затаенныхъ имъ королевскихъ грамотъ; и какъ только онъ очутился въ рукахъ Хмельницкаго, ему нельзя было уже ни одного дня оставаться на Украинѣ, и онъ поскакалъ съ ними на Запорожье на разсвѣтъ 7 декабря, а прибылъ туда 11-го. И такъ между днемъ Никольскаго пира и днемъ прибытія Богдана на За-

порожье, прошло только 4 дня; а въ вашемъ повѣствованіи тѣ роковыя два дня раздвинуты на цѣлый годъ. Противъ этого я представлю вамъ слѣдующія соображенія и доводы.

1) Барабашъ, одураченный на весь свѣтъ Хмельницкимъ, не попустилъ бы ему оставаться цѣлый годъ на Украинѣ — съ такимъ опаснымъ орудіемъ, какимъ въ рукахъ его были тѣ королевскія грамоты. При сдѣйствіи всѣхъ Польскихъ властей, да и самъ не безвластный тогда надъ Козаками, Барабашъ немедленно отобралъ бы тѣ грамоты у Хмельницкаго, не *штучнымъ способомъ*, а просто насильемъ, съ какимъ Чаплинскій отнялъ у Богдана отцовское его наслѣдіе Сѹботовъ, и самого его обезчестилъ тюремнымъ заключеніемъ.

2) Самъ Хмельницкій, имѣя уже въ своихъ рукахъ вождѣльницую для него движущую силу на поднятіе Запорожья и Украины на Поляковъ, не могъ не поспѣшать къ достиженію своей цѣли; и не сталъ бы онъ бесполезно маяться цѣлый годъ на Украинѣ, отдаваясь на тѣ невыносимыя обиды и различныя приключенія, какія претерпѣлъ онъ — въ тотъ бѣдственный, *переломный* годъ своей жизни, рискуя столько разъ потерять ее ни за что, а черезъ то лишитъ и Украину спасительной помощи, которая была у него и въ немъ.

3) Вы говорите, что Хмельницкій приступилъ къ похищенію грамоты у Барабаша тогда, «когда узналъ о неудачномъ концѣ королевскаго предпріятія на сеймѣ, когда нахлынули на Украину жоліѣры, а Барабашъ, нотакая панамъ, казилъ козаковъ смертью за малѣйшій ропоть, для предупрежденія бѣльшихъ преступленій и заговоровъ, — тогда Хмельницкій понялъ, что изъ этого всего выйдетъ окончательная гибель Русскаго народа.» (I. 52).

Хорошо; но вы на все это даете только *десять* дней срока, назначая Никольскій пиръ на 6-е декабря 1646-го года: вѣдь тотъ Варшавскій сеймъ, на которомъ королевское предпріятіе рѣшилось такимъ неудачнымъ концомъ, только *начался 25-го ноября* того года (I. 48).

4) Относя Никольскій пиръ къ 1646 году, вы полагаете, что онъ данъ былъ въ *Сѹботовъ*; а послѣ, когда этотъ хуторъ отнятъ былъ Чаплинскимъ, Хмельницкій, «потерявъ пріютъ, жилъ гдѣ попало, и собирался на Запорожье (I. 77)». По этому представленію, вы говорите, что Хмельницкій, въ письмѣ изъ Запорожья къ комисару Шембергу, просилъ его «взять подъ свое покровительство домашнихъ слугъ и *какой-то домикъ его въ Украинѣ*.» (I. 83). По въ письмѣ Хмельницкаго къ Барабашу, того же числа (*27 декабря*) писанномъ, ясно сказа-

но, что тотъ домикъ былъ въ *Чигиринѣ*; тамъ и жилъ нашъ Чигиринскій сотникъ, по отнятіи у него Суботова; въ томъ дому Барабашъ, упившіися крѣпко на козацкомъ пирѣ, проснулся на другой день, когда хозяинъ скакалъ уже на Запорожье. Вотъ что писалъ онъ къ Барабашу: »Тѣшуся прето, же Господь Богъ, вѣдый тайная сердець людскихъ и всенародное Украинское стенаніе, удостоилъ мя по желанію моему слухнымъ способомъ зъ недискретной неволи вашей вызволити и на вождедѣнну до Войска Запорожскаго свободу привезти оныя привилеи королевскіе.... А я при семъ прошу вашей милости выбачена, въ чомъ не выгодилемъ ему въ убогомъ дому моемъ, въ Чигиринѣ, на праздникъ святителя Христова Николая, и жемъ отѣхалъ сюда на Запорожье безъ вѣдома и позволеня вашего.« (Величко. I. 33). Изъ этого насмѣшливаго извиненія ясно, мнѣ кажется, что Хмельницкій — и объ освобожденіи грамотъ, и объ угощеніи Барабаша въ своемъ Чигиринскомъ дому въ Николинъ день, и о своемъ отѣздѣ на Запорожье — говоритъ какъ о провществіяхъ *недавнихъ*, т. е. случившихся въ *декабрь того же 1647* года.

6 декабря.

ПИСЬМО 6-е.

Повѣсть о побѣдѣ Хмельницкаго изъ Бродъ.

Обращаюсь къ провествію, которымъ начинается лѣтописъ Величка и которое онъ заимствовалъ »зъ повѣсти певной шляхты Польской.« Я сказалъ въ письмѣ къ Погодину, что этой повѣсти совѣмъ не слѣдовало бы принимать въ историческое повѣствованіе о Хмельницкомъ. Вы въ своемъ объясненіи не соглашаетесь со мною, и полагаете, что еслибъ къ той повѣсти не былъ примѣшанъ рассказъ о Кодацкомъ событіи, то мнѣ — не пришло бы въ голову сомнѣваться въ ея достоверности.«

Много значить, изъ какого источника выходитъ извѣстіе. Разсказъ о Кодацкомъ событіи, составляющій главную завязку той повѣсти, переланъ въ ней съ такимъ лганьемъ, что и остальная половина ея становится отъ того весьма подозрительною. Легко сказать: знаменитый отвѣтъ Богдана Коцеполюскому на Коданѣ 1639 года, перенесенъ въ повѣсти на молодость Хмельницкаго; вмѣсто Кодацкой крѣпости на Днѣпрѣ — поставленъ замокъ Бродскій; вмѣсто Коцеполюскаго, Хмельниц-

кій отвѣчаетъ Потоцкому: «Ясневельможный мосце добродѣю! що рука людская сдѣлаеть, то тая жъ и зопсовати можетъ!» Должно быть потому явились и Броды съ своимъ крѣпкимъ замкомъ, что они принадлежали коронному гетману Конецпольскому, который тамъ и скончался, весною 1646 года.

Защищая остальную половину повѣсти, вы говорите: «правила исторической критики не требуютъ на томъ основаніи, что событіе представлено съ невѣрностями, отвергать его сущность, какъ скоро нѣтъ на это положительныхъ доказательствъ.»

Но я отвергаю остальную половину повѣсти не по одному только подозрѣнію, падающему на нее отъ первой половины; я отвергаю ее потому, что и въ той *сущности*, которую вы извлекли для своего повѣствованія, вижу такую же передѣлку событія дѣйствительнаго. Молодой Хмельницкій, предостереженный товарищами, бѣжитъ на Запорожье отъ *какого-то пана Потоцкаго*, который, напившись пьянъ за обѣдомъ, хотѣлъ отрубить ему голову, на потѣху своимъ собесѣдникамъ (I. 43). Я вижу ясно, что это не иной кто, какъ Николай Потоцкій, извѣстный своимъ пьянствомъ и распутствомъ, и своєю охотою казнить Украинцевъ, показанною имъ послѣ войны Кумейской. Этотъ коронный гетманъ и хотѣлъ казнить Хмельницкаго въ исходѣ 1647 года, и уже далъ переяславскому полковнику Кречовскому приказъ взять его подъ крѣпкій арестъ и держать до дальнѣйшей резолюціи; но Кречовскій, по приѣзди къ Хмельницкому, предостерегъ его, и тотъ бѣжалъ изъ Чигиряна на Запорожье. Вотъ это происшествіе и перенесено на молодость Хмельницкаго — также точно, какъ и событіе Кодацкое, сплетенное съ нимъ въ одну повѣсть. Если бы и не было въ ней Кодацкаго событія, я и тогда усомнился бы въ ея достовѣрности — потому именно, что въ ней представленъ побѣгъ Хмельницкаго на Запорожье отъ меча Потоцкаго; — происшествіе столь же извѣстное, какъ и первое. Съ тѣмъ и другимъ *историческая критика* должна поступить одинаково; и я не отступилъ, кажется, отъ ея *правиль*, признавая эту повѣсть баснословною въ обѣихъ ея половинахъ, отвергая равно и завязку и развязку. Какую же сущность можно извлечь изъ нея для біографіи Хмельницкаго, столь скудной извѣстіями о его молодости? Развѣ ту, что онъ служилъ *конюшимъ у какого-то пана*; если не у Потоцкаго, то хоть у Конецпольскаго. Но изъ такого мутнаго источника, какъ эта повѣсть, едва ли надежно взять и эту подробность для исторіи Богдана.

Въ сказаніяхъ, относящихся къ Хмельниччинѣ, современныхъ и

поздѣйшихъ, Польскихъ и Украинскихъ, есть не мало такого, съ чего нѣчего взять для повѣствованія *историческаго*. Вотъ, напримѣръ, хоть у того же Величка: какой живой разсказъ о томъ, какъ Чаплинскій взятъ былъ козаками изъ Чигирина, привезенъ къ Хмельницкому на Желтую-Воду, и тамъ обезглавленъ — въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ обозу Польскаго, «дабы врагъ а. . . а и покою не лежалъ съ тѣми шляхетскими трупами, которыя зъ его причины тамъ на Жолтой-Водѣ свои отъ оружія козацкаго всебѣдственно положили головы». (I. 64). И все это — выдумка!

7 декабря.

ПИСЬМО 7-ое.

О Цецорскомъ плѣнѣ и Черноморскихъ походахъ Богдана Хмельницкаго.

Привѣтую къ главному мѣсту вашего объясненія. Вы говорите: «Максимовичъ укоряетъ меня еще и за то, что говоря о плѣнѣ Хмельницкаго подъ Цецорою, я сказалъ, что онъ былъ въ плѣну *недолго*, вмѣсто того, чтобъ сказать опредѣнительно: *два года*. Вѣря положительно Сѣрку, что Хмельницкій именно въ 1621-мъ году одержалъ надъ Турками побѣду на морѣ, Максимовичъ увидѣлъ, что по этому расчету нельзя пробыть Хмельницкому два года въ неволѣ, а самъ Хмельницкій говоритъ о своемъ двухлѣтнемъ плѣнѣ; Максимовичъ смѣло прибѣгаетъ къ догадкѣ, что Хмельницкій взятъ былъ въ плѣнъ прежде Цецорскаго дѣла и, какъ слѣдуетъ, свою догадку выставляетъ фактомъ не подлежащимъ сомнѣнію. Но Хмельницкій въ своемъ письмѣ изображаетъ свой плѣнъ, какъ слѣдствіе Цецорскаго сраженія, тотчасъ упомянувши о смерти своего отца на этой битвѣ. Что дѣлать съ такимъ разпорѣченіемъ? Не допуская произвольныхъ догадокъ, я счелъ за нужное ограничиться общимъ выраженіемъ *недолго*, и теперь доволенъ тѣмъ, что такъ поступилъ: въ приведенной выше рукописи (¹), подъ 1624 годомъ, я нашелъ извѣстіе, что козаки возвращались изъ морскаго похода, гдѣ панесли Туркамъ ужасный вредъ около самаго Константинополя. Полагаю, что

(¹) Compendium rerum in Polonia gestarum a die Mart 1618 ad diem 18 Julii 1632 (Имп. Публ. Библ. кат. Польск. рукоп., отд. IV № 138.

морской походъ Хмельницкаго именно относится къ этому времени или ранѣе нѣсколько (въ 1624 г. казаки воротились, а воевать могли въ 1623), но не въ 1621 г., а въ письмѣ Сѣрка — просто ошибка, происшедшая можетъ быть отъ переписчика копии этого письма. Но предположеніе, какую бы степень вѣроятности оно ни имѣло, еще не есть несомнѣнная истина; во всякомъ случаѣ, думаю, что есть больше основанія допустить послѣднее, чѣмъ то, которое предлагаетъ Максимовичъ.»

Вы имѣли полную власть отдать своему предположенію преимущество передъ моимъ и назвать его болѣе основательнымъ; но за чѣмъ было вамъ обо мнѣ говорить, будто я свою *догадку*, что Хмельницкій взятъ былъ въ плѣнъ *прежде Цецорскаго дѣла*, выставляю *фактомъ* не подлежащимъ сомнѣнію! Въ моемъ письмѣ къ Погодину, на 172 страницѣ Украинца, сказано такъ: »въ какіе именно года былъ онъ въ плѣну, объ этомъ нѣтъ современнаго свидѣтельства (вѣроятно, это было еще до 1620 года).« — Видите: *вѣроятно* — и только! Моя догадка предложена на утвержденіе или на отверженіе будущимъ историческимъ открытіямъ. Чего добраго: можетъ быть откроется, что Хмельницкій пробылъ два года въ неволѣ — спустя нѣсколько лѣтъ послѣ битвы Цецорской! А пока откроется что-либо новаго и опредѣленнаго объ этомъ предметѣ, я признаю *достовернымъ* и *положительнымъ* только то, что Хмельницкій самъ написалъ о себѣ — въ письмѣ къ королю, побѣжденному имъ подъ Зборовомъ: что онъ пробылъ въ плѣну *два года*; а *вѣроятнымъ* я нахожу, что это было еще до Цецорской битвы 1620 года, даже прежде, чѣмъ поступилъ Богданъ на службу въ Шинзовое Запорожское Войско. По этой *смѣлой догадкѣ* моей никакъ не выдаю за *фактъ*, неподлежащій сомнѣнію.

Я вполне согласенъ съ вами, что »*предположеніе*, какую бы степень вѣроятности оно ни имѣло, еще не есть несомнѣнная истина«; но не могу согласиться съ вами въ томъ, чтобы Черноморская побѣда Хмельницкаго, означенная въ письмѣ Сѣрка 1621-мъ годомъ, означена была *ошибочно*. Я вполне вѣрю ему, что та побѣда была *именно 1621 г.* Да вы и сами вѣрили Сѣрку, когда въ своей книгѣ о Хмельницкомъ принимали эту побѣду и называли ее *блистательною* (I, 44): это ясно видно по вашимъ ссылкамъ на тѣ страницы Величка (II. 381) и Симоновскаго (7), на которыхъ находится письмо Сѣрково. Что же васъ разувѣрило, заставило отрицать 1621-й годъ и называть его въ письмѣ Сѣрка — *просто ошибкою*? Не ужели то, что вы въ помянутомъ рукописномъ *Компендіумѣ* нашли подъ 1624-мъ годомъ »извѣстіе, что ко-

закп возвращались пзъ морскаго похода, гдѣ нанесли Туркамъ ужасный вредъ около самого Константинополя? Не ужели только эта находка дала вамъ увѣренность, съ какою вы говорите: »Полагаю, что морской походъ Хмельницкаго *именно* относится къ этому времени, или нѣсколько ранѣе (въ 1624 году казаки воротились, а воевать могли въ 1623-мъ), но не въ 1621-мъ?«. Другихъ основаній въ объявленіи не представлено. Посмотримъ же, въ какой мѣрѣ основательно ваше новое *предположеніе*.

1) Начать съ того, что вы нашли извѣстіе о такомъ морскомъ походѣ козаковъ, о которомъ давно извѣстно *положительно*, что онъ былъ *именно* 1624 года. Я сошлюсь въ этомъ хоть на примѣчанія Устрялова, приложенныя къ его переводу Бопланова Описанія Украины; тамъ на 138 страницѣ сказано: »въ 1624 году, пользуясь отплытіемъ Турецкаго флота къ Крыму, казаки пристали въ миль отъ Константинополя, опустошили загородныя дома и мызы...« и т. д. И такъ ваше предположеніе о возможности этого похода въ 1623-мъ году оказывается лишнимъ и неоправданнымъ. Напрасное оно и въ томъ отношеніи, что заставляеть Запорожцевъ зимовать въ морскомъ походѣ, тогда какъ они свои Черноморскіе походы совершали обыкновенно въ одно лѣто, и къ зпмѣ возвращались въ Запорожье.

2) Вы полагаете, что морской походъ Хмельницкаго *именно* относится къ этому времени, но не къ 1621-му году. Но развѣ нашли вы въ Кохпендіумѣ, что Хмельницкій былъ въ походѣ 1624 года? Кажется, ни откуда еще не видно, чтобы онъ въ немъ участвовалъ. И такъ ваше утвержденіе не имѣеть достаточнаго основанія.

3) Но если бы и нашлось современное извѣстіе, что Хмельницкій дѣйствительно былъ съ морскомъ походѣ 1624 года, — это была бы новая прибавка къ его Запорожскимъ подвигамъ; а первая побѣда его надъ Турками 1621 года остается все въ той же нерушимой силѣ, какъ она поставлена въ письмѣ кошеваго атамана Сѣрка, передъ морскимъ походомъ 1629 года.

4) Вы отрицаете теперь побѣду 1621 года, пазывая ее въ письмѣ Сѣрка *ошибкою*... Ошибки въ годахъ встрѣчаются безпрестанно въ старомъ и новомъ лѣтописаньи Малороссійскомъ. Но — развѣ ошибся и Самуилъ Зерка въ своей надгробной рѣчи Богдану, когда, вспоминая о его военныхъ грѣмахъ, отъ которыхъ потрясались ясновѣтная Сармація, и берега бурнаго Эввнсимопонта, и самыя сѣтныя Царег, адскія, сказалъ: »особливе року 1621 (Вел. I. 291)?«. Развѣ ошиблась и гет-

манъ Сагайдачный и король Жигмонтъ III-й, когда въ королевской грамотѣ, данной гетману послѣ Хотинской войны, отъ 12 января 1622 года, сказано такъ: »Посылаемъ изъ нашей казны королевской чрезъ придворнаго подскарбія 400,000 битыхъ талеровъ, которые должны быть раздѣлены поровну и розданы 30-ти тысячамъ всей войсковой черни, какъ тѣмъ, которые были подъ Хотиномъ, такъ и находившимся на военномъ промыслѣ съ *Хмельницкимъ* на поштѣ Эвксинскомъ.« (Вел. I. приб. 41) А вотъ и самая первая вѣсть о той козацкой побѣдѣ на Черномъ морѣ, записанная въ Дневникѣ Хотинской войны такъ называемаго Матвѣя Титлевскаго. « *6 сентября*. — Избѣжа отъ обозовъ Турецкихъ козакъ итѣиі, который седмъ лѣтъ въ Сарацинской пребывалъ неволя... Онъ же козакъ и се возвѣщаше, что во обозѣ своемъ Турки проговору ютъ: дванадесять суденъ, уброенныхъ арматою на морѣ Евксинскомъ козаки емши потопиша, избывшии же въ Константинополь убѣжаша, ихъ же даже до самыхъ стѣпъ града козаки гоняще, всѣхъ Цареградцовъ устрашиша; сея новины перваго провозвѣстителя гнѣвомъ неистовящійся Отоманинъ повелѣлъ удавити; въ день же грядущій заповѣда ко обозу Поляковъ сильное готовити приступленіе. Тое жъ самое и Турки многиі, на стражѣ ятыи, единодушнымъ согласіемъ глаголюще, утверждаху,« (Вел. I. приб. 41).

Приведенныя три свидѣтельства (за которыя съ благодарностью вспоманемъ Величка!) подтверждаютъ показаніе Сѣрка о 1621 годѣ. Вамъ надо опровергнуть всѣхъ ихъ четырехъ свидѣтелей и пятого Твардовскаго; а безъ того ваше отрицаніе не будетъ имѣть достаточнаго основанія.

Изъ всего сказаннаго видно, почему эту Черноморскую побѣду Хмельницкаго я признаю такимъ же *достовернымъ* фактомъ, какъ и *двухлѣтній* срокъ его плѣна. А какъ только я призналъ эти два историческіе факта, для меня стало яснымъ, что начало Богданова плѣна напрасно полагается съ битвы Цецорской: она была въ октябрь 1620 года, слѣдовательно, только за *девять* мѣсяцевъ до побѣды Черноморской, этой *блистательной* спутницы войны Хотинской.

Вы говорите о себѣ: »Не допуская произвольныхъ догадокъ, я счелъ за нужное ограничиться общимъ выраженіемъ *не должно* и теперь доволенъ тѣмъ, что такъ поступилъ.« Не вижу, чѣмъ же тутъ быть довольнымъ, и на что вамъ нужно теперь это неопредѣленное *не должно*, вмѣсто опредѣленнаго самимъ Богданомъ: *два года!* Иное дѣло въ вашей книгѣ, гдѣ вы принимали и Цецорскій плѣнъ, и Черноморскую побѣду

1621 года: тогда вамъ необходимо было прибѣгнуть къ сокращенію двухлѣтняго плѣна, ибо другаго выхода вамъ не было. А теперь, когда вы переставили Черноморскую побѣду на три года впередъ (какъ нѣкогда Ригельманъ переставлялъ ее за три года назадъ, на 1618-й) — ничто не мѣшаетъ Хмельницкому выдержать *двулѣтній* срокъ своего плѣна. Избѣгая произвольныхъ догадокъ, вы вдались въ произвольное измѣненіе двухъ историческихъ фактовъ, которые должны оставаться нерушимыми.

Въ *Украинцѣ*, я обратилъ вниманіе на письмо Хмельницкаго къ королю, 1649 года, — и пояснилъ, какимъ образомъ изъ этого письма произошло мнѣніе о Цепорскомъ плѣнѣ. Вы говорите въ возраженіе мнѣ: »Но Хмельницкій въ своемъ письмѣ изображаетъ свой плѣнъ, какъ *слѣдствіе* Цепорскаго сраженія, тотчасъ упомянувши о смерти своего отца на этой битвѣ.« Пѣтъ, это слѣдствіе выведено уже Польскимъ историкомъ, не знавшимъ или не признававшимъ за Богданомъ Черноморской побѣды 1621 года. Въ письмѣ своемъ Богданъ говоритъ сперва о службѣ своего отца и его смерти подъ Цепорою; а вслѣдъ за тѣмъ говоритъ о себѣ, начавъ съ своего плѣна, по освобожденіи изъ котораго поступилъ онъ въ войсковую службу; его рѣчь о своемъ плѣнѣ пришла къ упоминанію о Цепорѣ, относящейся къ отцу: отъ того и кажется, что плѣнъ происходилъ подъ Цепорою. Но когда признаешь Черноморскую побѣду, тогда видишь, что здѣсь Цепорскій плѣнъ только кажущійся. Во всякомъ случаѣ, это такое мѣсто въ письмѣ Хмельницкаго, которое допускаетъ различное толкованіе. Но тѣ слова его письма, что онъ »увведенный въ плѣнъ, содержался въ тюрьмѣ *два года*« — не подлежатъ никакому толкованію и разногласію: это чистый, ясный фактъ, который и слѣдуетъ принять изъ его письма прежде всего, и оставить нерушимымъ. Мнѣніе о Цепорскомъ плѣнѣ есть ошибочное заключеніе изъ Богданова письма, сдѣланное Коховскимъ. По крайней мѣрѣ для нашего лѣтописанья онъ есть первый источникъ Цепорскаго плѣна, которымъ у него позаимствовался Грабянка для своей исторіи; а изъ нея это свѣденіе перешло и во Введеніе, придѣланное неизвѣстнымъ компиляторомъ къ лѣтописи Самовидца. За то же у нихъ нѣтъ и помину о Черноморскихъ походахъ Хмельницкаго (то же у Баштыша-Каменскаго, и у того, кто написалъ *старыми словесы* повѣсть »О томъ, что случилось на Украинѣ«, которые прибавили еще и подробности, какъ молодой Богданъ въ Цепорской битвѣ показалъ *первыя опыты* своей храбрости, ворвался далеко въ непріятельскій станъ, и прочая). Такъ смотрю я на происхожденіе и распространеніе мнѣнія о Цепорскомъ плѣнѣ; я отвер-

гаю его, какъ историческій призракъ подобный, разнымъ другимъ призракамъ, которыми достаточно населена исторія Козацкой Украины и представителя ея Богдана Хмельницкаго. Когда вдетъ розыскъ о его жизни, для насъ важны свидѣтельства современныя, осмотрѣнныя и оправданныя критикою. Къ числу ихъ принадлежитъ отрывокъ изъ письма Запорожца Сѣрка. Прочтемъ же слова этого «витязя сильнаго» — о двухъ Черноморскихъ походахъ Хмельницкаго.

«По немъ, року 1621, тожъ предъ гетманствомъ своимъ, Богданъ Хмельницкій, на морю Чорномъ воюючи въ своихъ монокслахъ, многие корабли и катарги Турецкіе опановалъ и благополучно до Сѣчи повернулея; потомъ року 1629 братя наши Запорожци съ певнымъ вождомъ своимъ, воюючи въ чолнахъ по Евксинопонту, коснулись мужественно и самыхъ стѣнъ Константинопольскихъ, и оныя довольно мушкетнымъ окуривши дымомъ, превеликій султанови и всѣмъ мешкащемъ Цариградскимъ сотворили страхъ и смятеніе, и нѣкоторые одяглыише селенія Константинопольскіе зажаливши, тожъ щастливе изъ многими здобычами до Коша своего повернули.»

Нельзя не замѣтить, что нѣкоторыя подробности и самыя выраженія Сѣрка — *превеликій страхъ и смятеніе*, относящіяся ко второму походу Хмельницкаго, были отнесены у Величка къ первому походу; а самый походъ 1629 года ни у Величка, ни у послѣдующихъ историковъ не былъ отнесенъ къ подвигамъ Хмельницкаго. Не знаю, согласны ли вы съ моимъ мнѣніемъ, что у Сѣрка подъ именемъ *певнаго вождя* разумѣется Богданъ Хмельницкій, названный при первомъ походѣ. А если онъ былъ побѣдоноснымъ вождемъ Запорожцевъ уже въ 1621 году, то нельзя не предположить, что въ Запорожское товариство онъ поступилъ за нѣсколько лѣтъ до битвы Цецорской.

12 декабря.

ПИСЬМО 8-ое

О плъненіи двухъ Кантемиричей, 1629 года.

Къ историческимъ призракамъ я отношу и плъненіе двухъ Кантемировыхъ сыновъ 1629 года, будто-бы Богданомъ Хмельницкимъ. Хотя этотъ подвигъ и утверждёнъ за нимъ большинствомъ Малороссійскихъ бытописателей; но въ Украинцѣ моемъ я передалъ этотъ подвигъ по

принадлежности *Стефану Хмелецкому*, ссылаясь на два современных о томъ свидѣтельства и объясняя ошибку нашего историка Грабянки *созвучіемъ* двухъ именъ. Вы, въ своемъ объясненіи, не соглашаетесь со мною и защищаете принятое вами мнѣніе, какъ сказаніе козака Самовидца «близкаго къ этому времени и, вѣроятно, видѣвшаго самаго Хмельницкаго: едва ли бы этотъ лѣтописецъ могъ обмануться созвучіемъ именъ.»

Козакъ-Самовидецъ, безъ сомнѣнія, видѣлъ Хмельницкаго, напри-
мѣръ, на похоронахъ Золотаренка въ Корсуиской Рождественской церк-
ви. Но сказаніе о поимкѣ Кантемиричей находится не въ самой лѣтопи-
си Самовидца, а во Введеніи къ ней, котораго я не признаю уважитель-
нымъ, ибо нахожу, что оно есть позднѣйшая выборка изъ исторіи Гра-
бянкиной, написанной спустя полвѣка по смерти Богдана. Во Введеніи
сказано: «Року 1629, Зѣновій Михайловъ сынъ Хмельницкій, при дру-
гихъ вѣрныхъ службахъ своихъ въ королевствѣ Полесомъ, двоихъ Кан-
тимировъ живо до короля привелъ, за что имѣлъ у короля особливую
милость, ибо изъ природы былъ разуменъ и по латынѣ изученъ» (стр.
4). Это отголосокъ Грабянкина сказанія: «ходячи въ чамбулы, орду би-
валъ и языковъ до кроля приводилъ, а въ року 1629 двоихъ Кантимѣ-
ровъ живо до кроля привелъ (отъ которыхъ король много о тайныхъ за-
мыслахъ Турецкихъ на Ляховъ извѣстился), чрезъ что мѣвалъ у кроля
милость великую, бо былъ съ природы разуменъ и въ наукѣ языка Ла-
тинскаго бѣглый» (стр. 33). Посмотримъ теперь, какъ это происшествіе
передано въ Лѣтописцѣ Ерлича, современнаго Богдану Хмельницкому.
Тамъ сказано, что *Стефанъ Хмелецкій*, разбившій орду одинъ разъ
подъ Тарнополемъ, въ другой разъ (въ 1626 году) подъ Бѣлою-Церковью,
въ 1629 году онъ, оумѣвъ съ козацкимъ гетманомъ Гришкою Чернымъ,
разбилъ 8,000 татаръ подъ Бурштиномъ, и Кантемировыхъ сыновъ од-
ного убито, а другаго, живьемъ взятаго, королю отдали (1, 36). Тутъ дѣй-
ствуетъ *Хмелецкій* (какъ и по другому свидѣтельству участника въ томъ
походѣ, которое напечатано въ Старожитностяхъ А. Грабовскаго); а у
Грабянки — тутъ дѣйствуетъ *Хмельницкій*.... Какъ же не признать, что
это не иное это, какъ ошибочная замѣна перваго имени вторымъ? А какъ
легко было случиться этой замѣнѣ, можно видѣть на той же 36-й стра-
ницѣ Ерлича, гдѣ поставлено одинъ разъ *Chmielecki*, а потомъ *Chmiel-
nicki*! Такая ошибка и могла ввести въ заблужденіе нашего не слишкомъ
осмотрительнаго историка Грабянку, и онъ принялъ подвиги *Хмелецка-*
го за подвиги *Хмельницкаго*, измѣнивъ по-своему и подробности, т. е.

вмѣсто названныхъ опредѣлительно двухъ предыдущихъ побѣдъ надъ Татарами, Тарнопольской и Бѣлоцерковской, сказалъ общимъ выраженіемъ: орду бивальъ.... вмѣсто одного живаго, а другаго убитаго Кантемирича, привелъ къ королю обоихъ живыхъ.... Въ моемъ первомъ письмѣ къ вамъ я представилъ, какъ историкъ нашъ Грабянка передѣлалъ по-своему сказаніе о Кодацкомъ событіи, взятое имъ очевидно у Коховскаго; а составитель Введенія къ лѣтописи Самовидца взялъ изъ Грабянки голую сущность этого сказанія, отбросивъ всю художественную обстановку.

Вы говорите: »Если въ лѣтописи Ерлича говорится объ участіи въ этой битвѣ Гришки Чернаго, то это развѣ исключаетъ Хмельницкаго?« Непремѣнно исключаетъ, когда мы видимъ ясно, что имя *Хмельницкаго* поставлено здѣсь только по ошибкѣ, вмѣсто имени *Хмелецкаго*, героя той битвы. Вы спрашиваете: »почему же съ этими козаками не могъ быть именно Хмельницкій?« Отвѣчаю: когда мы видимъ ясно, что имя *Хмельницкаго* замѣшалось сюда только случайною ошибкою нашего историка, когда есть уже передъ нами *дѣйствительность* о Хмелецкомъ, то не слѣдуетъ и предполагать здѣсь *возможности* о Хмельницкомъ. Вѣдь это то же, что походъ, бывшій 1624 года, могъ быть 1623-го. Кромѣ того, Хмельницкій весьма могъ не участвовать въ походѣ Хмелецкаго, потому что онъ ходилъ тогда съ Запорожцами на море подъ Константинополь и задалъ тамъ *превеликій страхъ и смятеніе* — слова Сѣрка, которыя и въ вашей книгѣ отнесены къ Хмельницкому (I, 44), но съ перемѣщеніемъ ихъ отъ похода 1629 года на походъ 1621 г.

Вы отыскали въ Компендіумѣ, что »въ 1629 году 6 ноября козаки Запорожскіе отправляли предъ королемъ посольство и привели множество плѣнныхъ Татаръ; а 11 ноября являлся къ королю Хмельницкій.« Что же? эта отысканная вами подробность служитъ только дополненіемъ къ сказанію двухъ современниковъ о побѣдѣ Хмелецкаго, и ни сколько не относится къ Хмельницкому.

Изо всего вмѣстѣ, для васъ — »кажется *достовернымъ*, что съ козаками, бывшими у короля 6 ноября 1629 года и представлявшими ему плѣнныхъ, походилъ Хмельницкій.« Но я и въ этомъ не вижу *достоверности*: она была бы тогда, когда бы въ Компендіумѣ поименованъ былъ *Богданъ Хмельницкій*. (Было нѣсколько *Хмельницкихъ* и въ гетманство Богдана.)

Изъ всего сказаннаго, для меня остается *достовернымъ*, что побѣда надъ Татарами и Кантемиричами 1629 года вовсе не относится къ

Хмельницкому; она принадлежит *Хмелецкому* и тогдашнему его сподвижнику гетману *Черному*; а вмѣсто повмки Кантемиричей и представления ихъ обоимъ живымъ королю, будто бы *Хмельницкимъ*, справедливѣе вспомнать тотъ случай, что въ 1646 году онъ отвезъ двухъ плѣнныхъ Татаръ кастеляну Краковскому (какъ это извѣстно изъ Памятниковъ, изданныхъ Кіевскою Комиссією).

15 декабря.

Въ исторіи Грабянкиной, послѣ разсмотрѣнныхъ нами словъ о Кантемиричахъ, слѣдуетъ еще такое свѣденіе о Хмельницкомъ: »Изваживши кроль его разумъ, допустилъ себѣ за совѣтника, ибо когда умыслилъ мстити на Турчину за перешкожаную войну Московскую, будущую въ року 1635 (т. е. 1634) подъ Смоленскомъ, то мимо своихъ сенаторовъ зъ нимъ радился, и великій regimentъ морской всей арматы ему вручалъ. « Вотъ новая задача; но рѣшить ее не умѣю.

ПИСЬМО 9-ое.

О Введеніи къ Лѣтописи Самовидца.

Вы ссылаетесь на это Введеніе, какъ на свидѣтельство *самаго Самовидца*, современнаго Хмельницкому; а по моему мнѣнію оно составлено *къ-то другимъ*, должно быть тѣмъ же, кто написалъ продолженіе Лѣтописи Самовидца до 1734 года. По этому разногласію, я считаю необходимымъ дѣломъ объяснить: на чемъ основано мое мнѣніе. Оно основано преимущественно на очевидномъ сходствѣ Введенія, отъ начала и до конца, съ Исторіей Грабянкиной, такъ что это Введеніе представляется мнѣ выборкою изъ Грабянкиной Исторіи, сочиненной около 1710 года. Преположить бы наоборотъ, т. е. что козакъ-самовидецъ прибавилъ впослѣдствіи къ своему *Лѣтописцу* краткое историческое *Введеніе*, а Грабянка распространилъ и пополнилъ его для своей книги. Но этого я не могу признать и допустить, находя въ Введеніи и у Грабянки такія подробности, каковыхъ не могу предположить въ писаніи Задѣпровскаго козака, современнаго Хмельницкому. Тотъ *»Лѣтописецъ о началѣ войны Хмельницкаго«* обвиняетъ въ своемъ сочинителѣ козака грамотнаго, бывалаго и разумнаго, но не книжнаго, писавшаго

но живому устному преданію, какое ходило въ козачествѣ о событіяхъ того времени. Ему ли было на старости вдаваться въ составленіе историческаго Введенія — отъ стараго Владиміра до современнаго Богдана! А Гадячкій полковою старшина, *Григорій Ивановичъ Грабянка*, былъ человѣкъ ученый и книжный, знакомый съ Малороссійскимъ и Польскимъ лѣтоисчисленіемъ. Сочиняя въ молодые свои годы *»Исторію о дѣйствіяхъ пре зѣльной браннѣ*, — онъ не только поработалъ надъ исторіей козацкаго гетманства, но предислалъ еще главу *»о началѣ проименованія козаковъ, отъ косяго рода и племени, купно же и о древнѣйшихъ ихъ дѣйствіяхъ сокращеннѣ*. « За тѣмъ слѣдуетъ у него сказаніе: *»какъ Малая Россія подпаде Лядскому игу*», начинающееся одушевленнымъ вопросомъ: *»Откуда раздѣленіе царствъ и домовъ паденіе?»*

1) Съ этого сказанія позднѣйшій составитель Введенія и началъ свою выборку — отъ завладѣнія Кіевскою землею *Гедимомъ* (т. е. Гедиминомъ) и до Желтоводской битвы, о которой у Грабянки сказано: *»что ся стало року 1648 мая 2*»; а во Введеніи: *»что стало ся въ року 1648, мая 2 дня*. « Могъ ли это написать козакъ-самовидецъ? Итъ, у современныхъ людей, пишущихъ по живой памяти, не рѣко случаются ошибки въ годахъ, но числа мѣсяцевъ и дни происшествій замѣчательныхъ по большей части сохраняются вѣрно. Возможно ли, чтобы козакъ-лѣтописецъ, современный Хмельницкому, не зналъ, что Желтоводская побѣда была во вторникъ 8 мая, а Корсунская въ среду 16 мая? Онъ могъ совѣсть не означить дней и чиселъ этихъ двухъ блистательныхъ побѣдъ, какъ они и дѣйствительно не означены въ его Лѣтописцѣ; но ужъ никакъ не могъ онъ здѣсь поставить 2 мая вмѣсто 8-го. Это ошибка или описка Грабянкина, которую скопировалъ позднѣйшій составитель Введенія, повторившій и другія ошибки своего подлинника.

2) Такъ въ самомъ началѣ Введенія сказано, что со времени Гедимина, поставившаго въ Кіевскомъ княжествѣ намѣстника Миндовга, князя Ольшанскаго, — *»Литва обладала Кіевомъ ажъ до смерти князя Симеона Олелковича, который церковь Печерскую, чрезъ 230 лѣтъ по Батыи пустовавшую, обновилъ. Въ 1340 году, по смерти князя Олелковича, король Польскій Казиміръ I княженіе Кіевское на воеводство перемѣнилъ и всю Малую Россію на повѣты роздѣлялъ*. « Это взято почти слово въ слово изъ Грабянки, который написалъ эту путаницу, не давши себѣ труда повѣрить и того, что чрезъ 260 лѣтъ по разореніи Кіева Батыемъ въ 1240 году выйдетъ 1471-й годъ, въ которомъ дѣйствительно скончался обновитель Печерской церкви, Кіевскій князь Си-

жеонъ Омельковичъ; а по смерти его, въ слѣдующемъ году, Казиміръ Ягелловичъ обратилъ Кіевское княжество въ воеводство. Нашъ историкъ торопливо приставилъ сюда Казиміра Владиславича съ 1340 годовъ, въ которомъ этотъ король завладѣлъ Галицкимъ княжествомъ и обратилъ его, какъ полагаютъ, въ воеводство, называвшееся до послѣднихъ временъ воеводствомъ *Русскимъ*. Такимъ смѣшеніемъ двухъ разновременныхъ Казиміровъ, и двухъ воеводствъ *Рускаго* и *Кіевского*, не смотря и на приведенныя 230 лѣтъ послѣ Батюга, Кіевское княжество — у Грабянки, а за нимъ и во Введеніи, и еще въ нѣкоторыхъ писаніяхъ прошлаго столѣтія — обращается въ воеводство 1340 года, т. е. 130-ю годами ранѣе, чѣмъ было. Но у Малороссійскихъ писателей XVIII вѣка оно полагалось вѣрно, 1471 года. Не знаю, почему въ вашей книгѣ оно положено 1476-ю (I. 4). Не опечатка ли это?

3) Грабянка въ своей исторіи, помѣщая любопытную *»Супльку* до всей Речи-Посполитой Польской отъ утѣсеннаго Ляхами народа Русскаго, поданную въ року 1632, — вспоминаетъ при этомъ, что *»и прежде* отъ всей Руси много челобитныхъ подавалось до королей Польскихъ, и князь Острозскій Константинъ Ивановичъ (нынѣ въ Печерскомъ зъ камня выбитый лежащій), будучи самъ Греческаго закона, до всего сенату за творимыя Руси обиды супльковалъ» (стр. 34). Здѣсь ошибка Грабянки состояла въ томъ, что онъ имѣлъ въ виду заступничество за Русь князя Константина Константиновича Острожскаго, скончавшагося 1608 года и положеннаго въ соборной церкви Острожской; а пазвалъ отца его, князя Константина Ивановича, погребеннаго въ церкви Печерской, 1533 года. Составитель Введенія взялъ этотъ отрывокъ изъ Грабянки и помѣстилъ его вслѣдъ за извѣстіемъ о копчнѣи гетмана Сагайдачнаго въ 1622 году, въ такихъ словахъ: *»Около сихъ годовъ (!)* князь Острозскій Константинъ Ивановичъ, котораго статуя въ Печерскомъ монастырѣ имѣется мраморная, за общенародныя обиды Русскія супльковалъ до всего Сенату.» (стр. 4). Тутъ въ составителѣ Введенія обличается компляторъ, совѣтъ отличный и отъ козака-Самовидца, и отъ Грабянки.

4) Къ ошибкамъ Грабянкиной исторіи, перешедшимъ во Введеніе, я отнесъ уже — и Цецорскій плѣнъ Богдана, и поимку двухъ живыхъ Каптемирчей. Назову еще одну: это постановка въ гетманы Тараса и его Переясловщины — подъ 1628-й годъ. Ошибка эта тоже повторилась не одинъ разъ въ послѣдующемъ Малороссійскомъ бытописаніи, до вашей книги включительно (I. 29). Но Тарасъ былъ гетманомъ послѣ Гришки и Чернаго, слѣдовательно, послѣ 1629 г. Современный Львовскій

лѣтописецъ описалъ Тарасову войну подъ 1630-мъ годомъ, который подтверждается и другими современными свидѣтельствами, напримѣръ, *Тературинною* Ао. Кальнофойскаго, гдѣ описано чудесное событіе той войны, при осадѣ Печерской лавры Поляками и Пѣмцами. (Объ этомъ записано и въ Лѣтописи Львовской). Гетманство Тараса означено 1630 годомъ и въ томъ скудномъ списочкѣ гетмановъ, который составленъ Величкомъ (I. 24).

5) Этотъ списочекъ можетъ служить свидѣтельствомъ, какъ бѣдно было у насъ въ Малороссіи, въ началѣ прошлаго столѣтія, познаніе о козацкихъ Гетманахъ, бывшихъ до Хмельницкаго. — Но какая разница между Величковымъ списочкомъ и тѣмъ, что за десять лѣтъ до него собралъ и написалъ Грабянка! А во Введеніи прибавлено еще два гетмана: *Семень Перевазка* 1632 г. и *Булюкъ*, 1640 г. Предположить ли, что они поставлены были во Введеніи козакомъ-самовидцемъ, да Грабянка не захотѣлъ принять ихъ въ свою исторію? Но развѣ могъ козакъ-лѣтописецъ, современный Хмельницкому, написать слѣдующее:

»1640 року былъ еще гетманъ козацкій *Булюкъ*, на которомъ Ляхи гетманство Запорожское окончивши, наслали козакамъ вмѣсто гетмана комисаровъ и вождовъ своєю Лядскія державы, породы и вѣры....« и прочая (стр. 5)?

Нѣтъ, современникъ Хмельницкаго не могъ не знать, что козацкое гетманство было прекращено послѣ войны Острияницкой, что въ концѣ того 1638 года поставлены были надъ козачествомъ — комисаръ и полковники Польскіе. Это хорошо знали и Грабянка, и Величко. У Грабянки сказано, что послѣ Острияницкой войны — поставыша надъ козаками реестровыми полковниковъ, сотниковъ и всю старшину Лядскія вѣры« (стр. 30). Тутъ нашъ историкъ перехватилъ немного, добавкою »сотниковъ и всей старшины«; но сущность дѣла въ томъ, что составитель Введенія выключилъ это мѣсто изъ сказанія Грабянки о жестокихъ послѣдствіяхъ Острияницкой войны, и отвесъ къ прекращенію гетманства на *Булюкъ*, 1640 года.

Кстати: въ лѣтописцѣ Еряича подъ 1630 годомъ поставлено: »W tym-że roku znowu kozacy wojnę podnieśli, którzy pocięchi nie otrzymali, którym dano szlachę za pulkownicy, a za hetmana kommiszarza. Postanowiono aby 6,000 na usługę Rzeczy Psłtėj było« (I. 38). Ясное дѣло, что здѣсь идетъ рѣчь о войнѣ Острияницкой, и что этотъ отрывокъ попалъ не на свое мѣсто; ему слѣдуетъ быть въ концѣ 1638 года (I. 43), передъ кото-

рымъ говорится о войнѣ Павлюковой; но годъ этой войны тамъ ошибочно означенъ 1636, вмѣсто 1637-го.

Что за гетманъ *Булюкъ*? По моему мнѣнію, это нашъ завязтый *Павлюкъ* (или Павелъ Михновичъ Буть), въ смутномъ представленіи Пуфендорфа явившійся гетманомъ *Балукомъ*. Величко первый у насъ воспользовался этимъ *Балукомъ* изъ Пуфендорфовой исторіи, напечатанной въ Русскомъ переводѣ 1718 года, и включилъ его въ свой списокъ гетмановъ, въ замѣнъ недостающаго тамъ *Павлюка*, но поставилъ ошибочно между Тарасомъ и Сулмою, означивъ годъ его гетманства: 1631 или 1637. Вскорѣ послѣ Величковой Лѣтописи, напри мѣръ, въ томъ «Собраніи Гетмановъ» которое прилагается въ исторіи Грабянкиной, является *Булюкъ* подъ 1640 годомъ, но съ удержаніемъ и *Павлюка* подъ 1637-мъ, а Семена Перевязки еще нѣтъ; во Введеніи являются уже и *Перевязка* 1632 г., и *Павлюкъ* 1637 г. и *Булюкъ* 1640 г., что повторяется и во многихъ послѣдующихъ писаніяхъ Малороссійскихъ. Кажется мнѣ, что эта прибавка можетъ служить примѣтою о составленіи Введенія — не ранѣе, какъ въ тридцатилѣтнихъ годахъ прошлаго столѣтія.

6) Первые козацкіе гетманы у Грабянки означены въ такомъ порядкѣ: 1) *Предславъ Ланцкоронскій* съ 1506 г. 2) *Венжикъ Хмельницкій* — 1534 г. (1) 3) Князь *Дмитрій Вишневецкій*. 4) Князь *Евстафій Ружинскій*. 5) *Свѣриовскій*, 1574 г. 6) *Богданко*, 1575 г.

Этотъ порядокъ вѣренъ, и за него мы съ благодарностью вспоманемъ о Грабянкѣ. Но во второй четверти прошлаго столѣтія кто-то измѣнилъ этотъ порядокъ — напрасною перестановкою *Вишневецкаго* и *Ружинскаго* передъ *Венжика* Хмельницкаго, т. е. изъ второй половины XVII столѣтія въ первую (2). Въ такомъ безпорядкѣ первые козацкіе гетманы находятся въ помянутомъ «Собраніи гетмановъ» и остаются почти во всемъ дальнѣйшемъ Малороссійскомъ бытописаніи прошлаго столѣтія — въ лѣтописцѣ Рубановомъ, у Конискаго, Шафонскаго, Ригельмана, и во всѣхъ спискахъ гетмановъ, какіе составлялись въ Малороссіи въ довольномъ числѣ, на послѣдяхъ и на концѣ гетманства. Вотъ эта постановка князей *Дмитрія Вишневецкаго* и *Евстафія Ружинскаго* передъ *Венжика*

(1) Въ Кіевскомъ изданіи ошибочно напечатанъ 1514 вм. 1534.

(2) Подобныя перестановки гетмановъ дѣлались у насъ и во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Такъ *Иванъ Петрижицкій*, бывшій гетманомъ въ 1632 году (какъ извѣстно по его универсаламъ) — у Ригельмана и въ Хронологіи гетмановъ переставленъ за полвѣка назадъ, передъ гетмана *Шаха*!

Хмельницкаго, т. е. до 1534 года, находящая и во Введеніи къ Лѣтописи Самовидца, служить мнѣ новымъ показателемъ, что оно составлено въ *тридцатыхъ* годахъ прошлаго столѣтія, когда прибавлено къ этой лѣтописи и продолженіе до 1734 года.

Приведенныхъ мною доказательствъ, кажется, достаточно для поясненія и оправданія моего мнѣнія.

17 декабря.

ПИСЬМО 10-е.

О похищеніи королевской грамоты у Барабаша.

Въ дополненіе къ предыдущему письму, надо мнѣ разобрать еще особенный случай, который представляетъ рѣзкое различіе между Введеніемъ и самою Лѣтописью Самовидца, по которому было разногласіе и у меня съ вами: это — похищеніе Хмельницкимъ королевскихъ грамотъ у Барабаша. Во Введеніи сказано: «...какіи королевскій листъ Зѣновій, да оиъ же и Богданъ, Хмельницкій досталъ фортелно у Барабаша, во время (крестинъ) дитины его восприемникомъ бывшаго, и вычиталъ предъ козаками, и усовѣтовалъ ступать на Запороже, и рушилъ декабря 7 дня 1647 года» (стр. 6). Это очевидное извлеченіе изъ сказанія Грабянки. Но въ лѣтописи Самовидца, отмѣнно отъ всѣхъ современныхъ свидѣтельствъ и позднѣйшихъ сказаній, вмѣсто Барабаша поставленъ Ильяшъ Переясловскій, и Хмельницкій у него похищаетъ королевскую грамоту, хранившуюся въ Переясловѣ. Ригельманъ такъ уладилъ дѣло, что заставилъ Хмельницкаго звать къ себѣ въ гости и Барабаша и Ильяша, и посылать гонцовъ за грамотами и въ Черкасы и въ Переясловъ. Но такая гоньба за двумя генеральными асаулами не рѣшаетъ намъ сполнаго дѣла. Предположить бы такъ, что Самовидецъ, написавши сперва сказку объ Ильяшѣ, во Введеніи поставилъ настоящую быль о Барабашѣ; но тогда бы онъ выбросилъ изъ своей лѣтописи сказку объ Ильяшѣ, или же какъ-нибудь оговорился, какъ, напримѣръ, Величко въ своей лѣтописи, приводя сказку о Тимошѣ Хмельницкомъ: «же по смерти отческой (если то есть правда) Чаплинскую, мачеху свою, на воротахъ обвѣсилъ» (I. 14).

Въ, въ своемъ объясненіи, желая согласить сказаніе Введенія о Барабашѣ и сказаніе самой лѣтописи Самовидца объ Ильяшѣ, говорите: «Я понимаю дѣло такъ, что здѣсь говорится объ одномъ лицѣ, именно

о Барабашѣ. Съ этимъ заключеніемъ вашимъ нѣтъ возможности согласиться; ибо слишкомъ ясно и опредѣлительно сказано въ лѣтописи объ *Ильшѣ*, значномъ козацѣ *Переясловскомъ*, хранившемъ грамоту въ *Переясловѣ*; и нѣтъ никаго вѣроятія, чтобы козацъ-лѣтописецъ, современный Хмельницкому, могъ объ этомъ старшинѣ и о Барабашѣ Черкасскомъ говорить какъ *объ одномъ лицѣ*: то были два старшія лица въ тогдашнемъ козацествѣ! Но ваши слова, что здѣсь говорится — именно о Барабашѣ — заставили меня передумать это дѣло и рѣшить его заново.

Невозможно, чтобы современный Хмельницкому козацъ-лѣтописецъ не зналъ, что королевская грамота похищена Хмельницкимъ — именно у *Барабаша*, въ Черкасахъ. О томъ самъ Богданъ, спустя полгода, объявилъ всему Малороссійскому народу, въ Бѣлоцерковскомъ университетѣ, говоря такъ: »Теды я Хмельницкій, взявши Го-пода Бога на помощь, и одобравши штучнымъ способомъ у Барабаша привиліе королевскіе, мусилемъ сіе военное зъ Поляками зачати дѣло.« Какъ же можно было козаку-самовидцу написать въ своей лѣтописи такую небылицу, будто Хмельницкій отобралъ грамоты — у Ильша Переясловскаго? Нѣтъ, онъ въ своей лѣтописи не могъ написать такой чепухи о дѣлѣ общезвѣстномъ; у него, конечно, было написано имя *Барабаша*, — а какой-нибудь проказникъ переправилъ *Черкасы* на *Переясловѣ*, а имя Ивана *Барабаша* на *Ильша*, отчего и стало: зъ *Иваномъ Ильшемъ*....»

Подобную штуку я замѣтилъ уже прежде на извѣстномъ спискѣ 15-ти полковъ (вмѣсто 16-ти), на которые раздѣлил Малороссію Хмельницкій 1650 года. Тогдашнія числа реестровыхъ козаковъ каждого полка сохранились у Коховского. Какой-то проказникъ въ прошломъ столѣтіи переправилъ числа въ трехъ полкахъ:

Въ Черниговскомъ — вмѣсто 996 — *9,096!*

Въ Шѣжинскомъ — вмѣсто 983 — *9,083!*

Въ Кальнищкомъ — вмѣсто 2,046 — *6,046!*

И съ этими вздорными числами 15-полковой списокъ, напечатанный въ Лѣтописцѣ Рубановомъ, повторялся потомъ въ историческихъ сочиненіяхъ о Малороссіи — Симоновскаго, Ригельмана, Бантыша-Каменскаго, Срезневскаго, Маркевича!...

Такъ-то вышло и съ похищеніемъ грамоты — у *Ильша*, изъ *Переяслова*: съ этими именами разошлась лѣтопись Самовидца во многихъ

спискахъ по Малороссіи. Такой же списокъ ея былъ и въ рукахъ Грѣбняки, ибо онъ въ свое сказаніе о похищеніи грамоты у Барабаша прибавилъ еще грамоту — «на робленіе суденъ водныхъ, данную королевскому зычливцу Ильяшу Перясловскому!» Но извѣстно положительно, какъ и въ вашей книгѣ означено, что грамота королевская, въ которой дозволялось козакамъ и строеніе челновъ, дана была Барабашу; а на долю Ильяша доставалось совсѣмъ другое: полученіе и исполненіе приказанія сечь козацкіе челны, 1638 года. И такъ теперь приспѣло намъ дѣло до Ильяша Каранмовича Переясловскаго, состоящее въ томъ, чтобы вычеркнуть его имя изъ лѣтописи Самовидца, отнять у него королевскія грамоты и передать ихъ по принадлежности — *Ивану Дмитріевичу Барабашу* и женѣ его *Анаѳіи*. Черкасскому старшинѣ не посчастливилось и въ лѣтописи Ерлича, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ спискахъ ея, къ которымъ принадлежитъ напечатанный Войццикимъ 1853 г. Тамъ, при сказаніи о королевскомъ позволеніи и денежномъ вспоможеніи на построеніе челновъ и морскіе походы, данныхъ козакамъ 1641 года, сказано: «давши имъ и ихъ старшему, по имени *Дорошенкови*» (I. 52). Это явная ошибка: *Дорошенко* — вмѣсто *Барабашенка*.

По изложенному мною соображенію, я предлагаю возстановитъ подлинное чтеніе лѣтописи Самовидца такимъ образомъ:

»Въ Чигиринѣ мѣстѣ мешкалъ сотникъ Богданъ Хмельницкій, козакъ ростропный въ дѣлахъ козацкихъ военныхъ, и у писмѣ вѣжливый, и часто у двора королевского въ поселствѣ будучій; и подь часъ бытности своей съ козакомъ значнымъ Черкасскимъ зъ *Иваномъ Барабашемъ* (а той *Барабашъ* барзо зычливый королеви его милости), и упростили писмо albo привилей на робленіе челновъ на море мимо вѣдомости гетмановъ коронныхъ, що и одержавши, тое скрыто держали отъ полковниковъ въ *Черкассахъ*.« И далѣ: «...бо маючи въ дому своемъ у гостяхъ того *Барабаша*....»

Согласны ли вы признать такое чтеніе, и тѣмъ порѣшить этотъ затруднительный случай въ Малороссійскомъ лѣтописаньи? А что въ драгоцѣнной Лѣтописи Самовидца не все находится въ исправности, я приведу еще два случая.

Подь конецъ 1656 года поставлено: «Тылко тое войско зостаючое къ Богу и ко Днѣпру ходило зъ сыномъ Хмельницкого Тимошемъ на помощь господареви Волоскому, тестеви его Василюви Липулу...» и т. д. (стр. 26). Ясное дѣло, что этотъ отрывокъ попалъ не на свое мѣсто,

конечно, при позднѣйшей перепиискѣ лѣтописи; ему слѣдуетъ быть подъ 1653 годомъ.

Подъ 1637 годомъ сказано: »Але Выговскій... высылаеть полкъ Нѣжинскій и Стародубовскій у повѣтъ Полтавскій на залогу« (стр. 28). Здѣсь, по моему примѣчанію, Стародубовскій полкъ поставлень обмолвкою; ибо этого полка не было еще въ 1637 году; онъ уславленъ уже въ 1663-мъ году, когда сталъ гетманомъ Брюховецкій. Въ лѣтописи надо поправить такъ: »...высилаеть полкъ Нѣжинскій и Чернизовскій«.

20 декабря.

ПИСЬМО 11-е.

О сотничествѣ Хмельницкаго.

Мнѣ остается отвѣчать еще на одно мѣсто вашего объясненія — о *сотничествѣ* Хмельницкаго и его генеральномъ и войсковомъ *писарствѣ*. Тутъ вы позабавились надъ тѣмъ, что Богданово сотничество я назвалъ — *скромнымъ званіемъ*. Вы говорите: »Что Хмельницкій прежде былъ писаремъ, Максимовичъ не отрицаетъ этого, но думаетъ, что Хмельницкій, по взятіи Павлюка, оставался въ скромномъ званіи сотника до 1648 года. Почему же знаетъ это Максимовичъ? Если Хмельницкій послѣ своего писарства въ 1637 году могъ находиться въ скромномъ званіи сотника, то въ промежутокъ отъ 1637-го до 1648-го года онъ могъ изъ скромнаго званія сотника еще разъ сдѣлаться писаремъ, и снова перейти въ скромное званіе сотника. Не только Миллеръ и Конискій, какъ говоритъ Максимовичъ, но и Коховскій называетъ его писаремъ.«

Шутки въ сторону, а дѣло вотъ въ чемъ. Меня остановило въ вашей книгѣ о Хмельницкомъ слѣдующее мѣсто: »Онъ получилъ въ ней (т. е. въ службѣ реестровыхъ козаковъ) чинъ *сотника*, а потомъ занималъ мѣсто между войсковыми старшинами, какъ говорятъ нѣкоторые, *генеральнаго писаря*.« (I. 44). *Какъ говорятъ нѣкоторые*—и при этой оговоркѣ — ссылка только на двухъ позднѣйшихъ писателей, *Миллера* и *Конискаго*: это показалось мнѣ требующимъ подтвержденія, что Хмельницкій дѣйствительно былъ войсковымъ писаремъ, и опредѣленія, когда именно былъ онъ въ этомъ званіи, что и сдѣлано мною въ Украинцѣ: я назвалъ Миллера и Конискаго только потому, что вы на нихъ двухъ

сознались; будь у васъ еще и *Коловскій*, у меня сказано было бы, что вы ссылаетесь на трехъ свидѣтелей; но ваши оговорки («какъ говорятъ нѣкоторые») все таки заставили бы меня опредѣлять: когда же именно Хмельницкій былъ писаремъ? Оказалось, что не было той постепенности, какую и вы дали, что былъ онъ сотникомъ сперва, а *потомъ* занималъ мѣсто въ войсковой старшинѣ, въ званіи писаря. Такъ представлять могъ Миллеръ, оставлявшій его писаремъ до самаго гетманства; но въ старой козачинѣ не разъ случалось, что полковникъ становился сотникомъ и просто — *товаришемъ*. По моему примѣчанію, Хмельницкій сталъ войсковымъ писаремъ *по взятіи Павлюка* подъ Боровицею, т. е. въ половинѣ декабря 1637 года; это видно мнѣ изъ того, что Боровицкую присягу 15 декабря подписалъ Писарь Богданъ Хмельницкій; а до той поры, въ продолженіе Павлюковой войны, были войсковыми писарями — прежній *Федоръ Онушкевичъ*, а потомъ *Иванъ Догоринскій*. Опредѣлявъ такимъ образомъ, когда началось писарство Хмельницкаго, я замѣтилъ и то, что оно продолжалось весьма не долго, ибо подъ конецъ Острияницкой войны, т. е. въ половинѣ слѣдующаго 1638-го года, былъ уже другой войсковой писарь, а Богданъ Хмельницкій остался попрежнему — *Чигиринскимъ сотникомъ*. Былъ ли онъ въ другой разъ войсковымъ писаремъ, на это нѣтъ у меня въ виду современныхъ, опредѣлительныхъ извѣстій. Возможности къ тому — я не отрицаю, но дѣйствительности — не вижу, потому и не признаю. А между тѣмъ вижу, что Хмельницкій и подъ конецъ своей до-гетманской жизни былъ въ званіи *сотника*, напримѣръ, въ 1647 году, когда онъ съ своимъ *полковникомъ* ходилъ изъ Чигиряна противъ Татаръ. Веллчко, писавшій подъ вліяніемъ Дневника Зорки, говоритъ, что Хмельницкій былъ *на тотъ часъ сотникъ Чигиринскій*. А всего важнѣе для меня, что Козакъ-Самовидецъ знаетъ его и называетъ *Чигиринскимъ сотникомъ*. Вотъ почему я и оставляю его въ этомъ званіи, съ половины 1638-го и до конца 1647-го, не имѣя еще *положительнаго* извѣстія, чтобы онъ въ промежутокъ этихъ лѣтъ былъ войсковымъ писаремъ.

Вамъ непремѣнно хочется, чтобы на 1646-й годъ, къ пріѣзду канцлера Оссолинскаго, Хмельницкій былъ не сотникомъ, а войсковымъ писаремъ. Вы говорите: «И кажется очень правдоподобно, что Хмельницкій занималъ чинъ войскового писаря въ то время, какъ Оссолинскій велъ съ нимъ и съ Барабашемъ переговоры. Иначе странно было бы предположить, чтобы канцлеръ съ такимъ важнымъ государственнымъ дѣломъ, для котораго нужны были люди съ вѣсомъ и вліяніемъ на козачество,

обратился къ сотнику одного изъ Украинскихъ полковъ. Очень могло быть, что Хмельницкій, послѣ неудачной развязки Владиславова предпріятія, возвратился въ свою сотню.»

Ничего *страннаго* не вижу я въ предположеніи, что Оссолинскій, когда ему нужны были люди съ вѣсомъ и вліяніемъ на козачество, обратился къ Чигиринскому сотнику Хмельницкому. Такихъ *сотниковъ* не было ни прежде, ни послѣ, въ Украинѣ Козацкой.... Что могла прибавить къ именитости заслуженнаго Богдана въ козачествѣ лишняя чиновная ступенька? Если бы въ 1646 году онъ оставался даже не сотникомъ, а просто *товаришемъ* Чигиринскаго полка, и тогда бы Оссолинскій къ нему первому обратился съ порученіемъ отъ короля, который давно зналъ его и у котораго, безъ сомнѣнія, онъ первый въ козачествѣ былъ на примѣтѣ. Оссолинскій, какъ сказано въ вашей книгѣ, довѣрилъ тайну двора не только Барабашу и Хмельницкому, но и еще нѣкоторымъ козакамъ. Въ какомъ же чинѣ предстали тѣ козаки на совѣтъ канцлера? Ужъ вѣрно, не старше сотникаго! Богданъ Хмельницкій, будучи Чигиринскимъ сотникомъ подъ конецъ Острианицынской войны, наряженъ былъ тогда въ депутаты къ самому королю отъ всего Запорожскаго Войска; а тутъ, въ пріѣздъ канцлера къ козакамъ, съ тайнымъ порученіемъ отъ короля, мало Хмельницкому быть сотникомъ, надо быть ему войсковымъ писаремъ, какъ будто прибавка этого чина много значила въ глазахъ канцлера! Личность Богдана и его заслуга козацкая значили все— для Владислава; и Оссолинскаго, и для козачества добавлю вашими словами: «самъ Конецпольскій, врагъ козацкаго сословія, уважалъ его дарованія....» И такъ—пока не откроется современнаго свидѣтельства, что Хмельницкій въ сороковыхъ годахъ былъ войсковымъ писаремъ, оставимъ его въ скромномъ званіи — Чигиринскаго сотника, въ какомъ знаетъ его современное козачество подъ конецъ его догетманской жизни.

М. Максимовичъ.

21 декабря, 1860 года.

Михайлова-Гора.

ОТРЫВКИ ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ

ВАСИЛІЯ ПЕТРОВИЧА БЪЛОКОШЫТЕНКА

ПЕРВЫЕ ДНИ ВЪ ШКОЛѢ И ПЕРВАЯ ПОѢЗДКА ДОМОЙ.

.... Погрозилъ мнѣ отецъ пальцемъ, и я онѣмѣлъ.... Хома началъ было уговаривать меня итти въ хату, но я не слушался; Хома хотѣлъ увести меня насильно, но я схватился обѣими руками за ворота.... И все смотрѣлъ я и смотрѣлъ на удаляющагося.... А когда, за первымъ изгибомъ дороги, онъ скрылся изъ виду, въ груди у меня какъ-будто что оборвалось.... Я застоналъ и, рыдая, повалился въ снѣгъ.... Пусть Хома несетъ теперь въ хату, или пусть тутъ бросить!...

Добрый Хома внесъ въ хату, и, положивъ на лавку, сквозь слезы принялся убѣждать; но я отворотился отъ него.... И рыдалъ я до тѣхъ поръ, пока не стало ни слезъ въ глазахъ, ни стоновъ въ груди.... Затѣмъ истощеніе душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, какое-то тяжелое забытье, а тамъ и сонъ.... Спустился, наконецъ, благодѣтельный, на измученную скорбію мою душу и успокоилъ ее осиротѣлую забвеніемъ всего и всѣхъ....

Проснулся я только передъ ужинномъ, и проснулся бодрый, веселый, много болталъ.... Такъ ночь послѣ томительнаго, зноишаго дня заканчивается всегда восхитительнымъ утромъ, освѣжительною росой.... Но когда пришла пора ложиться спать, когда я увидѣлъ, что не Васька стелеть мнѣ постель, а Хома, и что не мать собирается укладывать меня, а тотъ же Хома, добрый Хома, ласковый, а все таки не мать! и не *попестивъ* (не поласкалъ) меня на ночь, не поцѣловалъ.... И когда я услышалъ еще слова Усти: »На що ему стелешъ, вкладешъ, якъ маленьку дятину? Хіба́'не чувъ«, говоритъ, »що татусъ просивъ до всёго привчаты!«, и слова хозяйки: »Себѣ знай, ледача!« слова, повѣявшія на ме-

ня женскимъ заступничествомъ, такъ легко вызывающимъ наружу дѣтское горе,—слезы снова полились у меня... и я плакалъ, долго плакалъ, тоскливо припоминая то сцену разставанья съ матерью, тамъ, дома, въ свѣтлицѣ... то образъ удаляющагося и грозящаго мнѣ пальцемъ отца... нѣтъ ли чего, подающаго хоть какую-нибудь надежду.... Нѣтъ, нѣтъ, ничего нѣтъ!... »Покинули менѣ, всі покинули!...«

Таковъ былъ первый день перваго моего пребыванія межъ чужими людьми! Такова почти была и слѣдовавшая за нимъ ночь! Всю ночь мнѣ видѣлись: то столъ, съ кучкою карбованцовъ на немъ, а за столомъ смотритель, предлагающій вопросъ: »А какъ«, говорить, »Авраамъ хотѣлъ убить Исаака?« то учитель Александръ Прохоровичъ, пыхкающій мнѣ подъ самый носъ какимъ-то табачнымъ дымомъ; то Устя, всѣмъ толкующая: »Нехай самъ привикá, нехай до всѣго привикá!« —и я сжимался и сжимался, какъ-будто спрятаться хотѣлъ въ постели, вскрикивалъ со сну....

Но не покинули меня, не покинулъ меня мой старикъ! Просыпаюсь на другой день утромъ, — на лавкѣ сидитъ и разговариваетъ съ хозяйкою и съ Хомою.... Всѣ сны, всѣ страданія забыты.... »Батюшка!« и, какъ былъ въ постели, къ нему, прижался къ колѣнямъ, охватилъ обѣими руками....

— Що се, що се!.. такой великій, та пеститьця!...

А между тѣмъ одну руку мнѣ на шею, прижимаетъ къ колѣнямъ, а другую на голову, тихо гладить....

— Головка не болять?

»А ма́ма де?« подвѣвъ голову, чтобы взглянуть ему въ лицо.

— Я дома не бувъ....

Снова опустилъ голову и еще крѣиче прижался къ его колѣнямъ, а онъ снова....

»Нѣтъ, говорю, не болятъ!...«

Кажется, не повѣривъ, принялся ощупывать голову, грудь, въ особенности лѣвый бокъ, около сердца....

— Може ти, говорить, плакавъ?... Чи ни плакавъ, вінъ?—къ Хомѣ, хозяйкѣ, Устѣ....

Устя захохотала... я и дыханіе притавилъ когда-то, когда я учился еще у дяди, выскѣкъ онъ меня больно за слезы подобного рода!

Старикъ, впрочемъ, какъ-будто не слышалъ хохота, снова спросилъ, обращая на этотъ разъ вопросъ прямо къ Хомѣ.

»Ні, не плакавъ!« отвѣтилъ добрый Хома: »чогó-бъ же ёму плакать?...«

— Коли не плакавъ, то розумний!.. И мѣти не бѣде плакать, не дѣжати!...

— — —

....Послѣ завтрака отецъ велѣлъ одѣться:—Въ училище, говорить, одведу!...

Я надѣлъ сюртучокъ, кожушокъ; завязалъ, какія были у меня, книжки въ платокъ.

»Помолимся жъ Бѣгу!« началъ креститься....

Я слѣдовалъ его примѣру.

— Эъ Бѣгомъ!... Прощавайте!

»Прощавайте!« Хома и хозяйка. »Нехай вамъ Богъ помагá!«

Проводили обое до самыхъ воротъ....

— — —

Учителя сидѣли по классамъ, когда мы пришли въ училище: такъ объявилъ намъ одинъ изъ учениковъ, бывшій на крыльцѣ и почему-то предпочитавшій прыжки на генварьскомъ морозѣ сидѣнію за скамьею.... Сторожа же налицо не имѣлось: и въ этотъ день, какъ и каждый день послѣ, во все время смотрительствованія тогдашняго смотрителя, онъ былъ на смотрительскомъ дворѣ, занимался тамъ разными домашними занятіями, конечно не своими....

— Гдѣ, спрашиваетъ отецъ у школяра, такой-то учитель?

»Тамъ!« отвѣчаетъ тотъ, указывая на одну изъ дверей взглядомъ и движеніемъ головы,—руки заняты были согрѣваніемъ ушей.

— Какъ бы его вызвать?

»Надо постучать въ дверь.... А вы развѣ хотите его вызывать?

— Да!

»Такъ обождите немного!..« и школяръ съ крыльца, и стрѣлой черезъ дворъ, и въ какой-то сарай....

Старикъ искоса посмотрѣлъ на улещетывающаго школяра, взглянулъ потомъ мелькомъ на меня... вошелъ въ сѣни и постучалъ довольно громко въ дверь.... Дверь тихонько скрипнула, и изъ-за нея—какъ-будто слизнячокъ вынырнулъ ...

— Зачѣмъ ты такъ громко стучишь? Учитель *сѣрдятця!*—но потомъ, замѣтивъ, вѣроятно, у меня книги, мягче: — Кого трѣба?

»Вчителя вѣшого!...«

Слизнячокъ смѣшался....

— Такъ мѣжна виклякати вѣшого вчителя?

»Заразъ, заразъ! подождіть трѣшечки!...«

И скользнулъ за дверь, какъ-будто она и не отворялась....

Наконецъ Александръ Прохоровичъ явился въ сѣни.... Поздоровавшись съ отцомъ и узнавъ, зачѣмъ пришли, велѣлъ мнѣ идти въ классъ, а самъ остался съ старикомъ въ сѣняхъ....

Я пошелъ въ классъ, споткнулся на порогѣ, поднялъ голову....

Головы и головы рядами... всѣ смотрятъ, улыбаются, насмѣшливо перешептываются.... »Селó, селó!«

Я растерялся, и, самъ не зная, что дѣлаю, и къ заднимъ скамьямъ, чтобы не чувствовать непривѣтливыхъ взглядовъ....

— Кудí, селó!! кто-то изъ середины....

Какъ заяцъ, налетѣвшій на выстрѣлъ, я оторпнулъ, а весь классъ: ха, ха, ха!!!..

Въ головѣ шумить, линіи насмѣшливыхъ взглядовъ и хохочущихъ ртовъ мѣшаются, перепутываются, уходятъ въ глубь, ничего не вижу... только хохотъ, да тяжелый мракъ... тоска въ душѣ безпредѣльная!...

О, друзья мои, много въ дѣтской натурѣ есть жестокаго!...

Да, тяжело вступать въ храмъ познанія такими дверями, какими я вступилъ и какими тысячи мнѣ подобныхъ, можетъ быть, вступали!... Тяжело даже вспоминать объ этомъ!... Горькое прошлое, сглаженное въ своихъ угловатостяхъ временемъ и облитое милымъ свѣтомъ отдаленнаго и счастливаго дѣтства, пріятно воспоминается мнѣ всегда, даже пріятно было мнѣ вспоминать о моемъ первомъ прощаньи съ матерью; но тутъ и вспоминать тяжело!... Рана, нанесенная сердцу въ дѣтствѣ, еще не успѣла совсѣмъ закрыться, хоть съ того времени много-много утекло уже воды изъ нашихъ рѣкъ и рѣчекъ въ Черное море! я дотропнулъ до больного еще мѣста....

Не будемъ же дотрогиваться до такихъ мѣстъ! А если бы гдѣ пондобилось непремѣнно, будемъ дотрогиваться помягче! Зоркое око и по наружному виду распознаетъ великость язвы и силу нанесеннаго удара, а съ зрѣніемъ близорукихъ — пусть кто другой возится, а я умываю руки! не чувствую въ себѣ къ подобному дѣлу ни малѣйшаго призванія!.. Да и вообще, будемъ веселѣ! веселіе — свѣтъ!...

Сколько я ни стараюсь вызвать воспомнаніемъ, что происходило въ классѣ послѣ описанной мною сцены, — т. е., какъ учитель вошелъ въ классъ, что я тамъ дѣлалъ, или что со мною дѣлалось, — ничего не помню: мракъ, мракъ и мракъ! Помню только, что когда выпустили изъ клас-

са, я оирометью бросился на квартиру и, не нашедши тамъ отца, рыдалъ еще сильнѣе вчерашняго...

Таковъ былъ второй день моего пребыванія между чужими людьми!..

На третій день отецъ опять прѣхалъ ко мнѣ утромъ и, отведши меня въ клась, опять исчезъ. На четвертый день явился онъ уже послѣ обѣда и провелъ со мною около часу; на пятый — вечеромъ, тоже неболѣе какъ на одинъ часъ... А потомъ уѣхалъ домой и уже цѣлыхъ двѣ недѣли ко мнѣ не являлся.

Что со мною дѣлалось въ эти двѣ недѣли, почти ничего не помню; помню только: первую встрѣчу съ своимъ хозяиномъ, помню, какъ Устя утѣшала меня въ тоскѣ, и помню, какъ я возвращался обыкновенно изъ школы на квартиру.

Первая встрѣча съ хозяиномъ была на третій день пребыванія моего въ городѣ. Пришедши изъ училища, я сидѣлъ возлѣ стола и ожидалъ, пока дадутъ обѣдать.

— Отъ, говорить Устя, выглянувъ въ окошечко: и татусъ идуть!
Я бросился и себѣ къ окошку....

Солдатъ идетъ — было первое впечатлѣнiе; но оно было мгновенно, и его тотчасъ закрыло другое впечатлѣнiе: у солдата что-то на лѣвой ногѣ, какая-то огромная, изъ бѣлаго войлока, *кѣндя*... (¹) «Что это за кѣндя?... Зачѣмъ она?... И только одна!» и открылъ даже окошечко, чтобы лучше поглядѣть, какъ она плыветъ по снѣгу, въ сѣни...

«А, въ сѣни!» и отъ окошечка... началъ глядѣть на порогъ..

Дверь скрыпнула, поднимается *кѣндя* и шлѣпъ черезъ порогъ!... Снова поднимается, и снова шлѣпъ!... шлѣпъ, по хатѣ шлѣпъ!... какъ какая-то лягушка пузатая!..

Я захохоталъ!...

— Впшъ, який винъ! раздалось у меня надъ самою головою.

Я сконфузился... поднялъ голову: меня разсматриваетъ—какое добродушное лицо!... Солдатская фуражка, по усамъ и бакенбардамъ — снѣгъ; бѣлая шинель, фертомъ въ бока... а внизу всё таки эта кѣндя... Ахъ, какая она сиѣшная!...

Второе воспоминанiе тусклѣе выдвигается въ моей памяти. Помню только, что когда бывало затоскую крѣшко, и хозяйка велить Устѣ пойти со мною гулять, — Устя водила меня на базаръ и угощала тамъ... т. е. брала изъ моего кармана деньги, пока водились еще данныя матерью

(¹) Кенга

и оставленные отцомъ, покупала на нихъ *маковники* или другія лакомства, Ёла ихъ и мнѣ иногда удѣляла: »Нае, говоритъ, »покоштуй — оно смашнѣ!...« (1) И я коштувавъ, крѣпко всегда недоумѣвая, отчего она Ёсть лакомства, а я только коштую, а не я Ёмъ ихъ, а она только коштуетъ!... »Може оно такъ и треба!« думалъ я, »може тутъ такі звичаї!«

За то третье воспоминање рѣзко выдвигается въ памяти — какъ-будто это еще вчера со мною было.

Я лечу и лечу, вырвавшись изъ школы! не бѣгу, а лечу! и на другой день такъ, и на третій... Сзади хохочуть школяры; прохожіе указываютъ пальцами: »Народникъ« (2), говорятъ, »втіка! народникъ втіка!...« собаки гонятся за мною, духъ у меня захватываетъ, а я лечу и лечу!... Куда?... гдѣ мнѣ будетъ теплѣе, куда инстинктъ поведетъ!...

Уста однажды стала было ему, инстинкту этому, на перепутьи, но что-то другое стало на перепутьи, и я не погибъ...

— Оце дурний! — сказала она мнѣ однажды, видя, какъ я лечу изъ училища:— Коли вже тикатъ (3), такъ тикавъ бы въ свій хутиръ!—и смѣялась своимъ бездушнымъ смѣхомъ....

»Втікатъ (4)? втікатъ додому?« подумалъ я: »Чувъ я, що втікають, и що....« — и мнѣ страшно стало: я съ ужасомъ отворотился отъ этой мысли.... Но въ особенно тяжелыя для меня минуты, какъ демонъ-искуситель приходили мнѣ на мысль слова Усти и манили мое воображеніе картинами жизни въ хуторѣ, на свободѣ...

Почему тутъ дѣло не дошло до исполненія, рѣшительно не могу объяснить: время давнес, да и мудро въ подобныхъ случаяхъ распознавать главные мотивы дѣйствованія дѣтской души отъ второстепенныхъ. Помню только, что однажды, когда особенно мнѣ тяжело было и когда особенно долго занимала меня мысль: »Чомъ же? хіба гірше (5) буде, якъ оце?...« — такой приснился мнѣ сонъ.... Смѣтеть? Не смѣйтесь! Вообще, сны въ нашей жизни важвѣе занимають мѣсто, чѣмъ мы обыкновенно думаемъ, или, по крайней мѣрѣ, чѣмъ мы сознаемъ; а у дѣтей — они въ числѣ сильныхъ двигателей ихъ дѣйствій, и въ особенности у дѣтей съ живою натурою и приученныхъ оглядываться во всѣ стороны, отовсюду выводить заключенія.

(1) Отвѣдай — оно вкусное.

(2) Ученикъ *народнаго* училища. Уѣзднымъ училища, какъ извѣстно, называлась прежде народными.

(3) и (4) Уходитъ — (5) Хуже.

Мнѣ снилось, будто я въ училищѣ, живу на той же самой квартирѣ и проч. — словомъ, вся обстановка тогдашней моей дѣйствительности, — и по окончаніи уроковъ, пустился летѣть... но не туда, куда я обыкновенно леталъ прежде, а въ другую сторону, и не по землѣ, а по воздуху, — надъ домами, церквами, садами.... Вотъ уже и городъ назадъ, я уже лечу надъ лѣсами и глубокими ярами....

Вдругъ: — »Васильку, Васильку!« надо мною.

Поднимаю голову — надо мною бѣлое облако, а на облакѣ — бабушка... — »Куди ты, дитино моя?« — »Додому!« говорю. — »Додому?... Ой не лети, мой дитино, додому!« убѣждать меня начала, доказывать, рассказывать, что ожидаетъ меня.... »Ты«, говорить, не »долетишь, устанешь, сядешь отдохнуть....«

»А покѣ бѣ ти отдохнувъ, знайшовъ який чоловікъ и до отамана.... — »Що ти за хлопець?« спитавъ би отаманъ — сказавъ — »Чого жъ ти?« — »Не знаю!« — бо якъ же«, говорить, »сказати, що ти відтіля.... (1) изъ міста (2).... навіть заклѣвся бѣ, забожився.... Ой, не літай, Васильку, не літай додому ніколи!... (3) И одіславъ би тебе«, продолжала далѣе, »отаманъ до бѣтька... и звелівъ би.... »Може лаяшка« (4), дума, »втікь, — знову втечѣ, ліха (5) набіжишь«.... И такъ по селахъ звѣзаного.... хуторомъ: »Втікачь«, (6) кажуть, »втікачь, втікачь!«....

Я вздрогнулъ, проснулся, облитый холоднымъ потомъ, съ невыразимою тоскою въ душѣ....

И теперь невольная дрожь пронимаетъ меня, когда я припоминаю этотъ сонъ, и когда подумаю, какъ я близокъ былъ ко всему, что пророчило мнѣ сновидѣніе! И случись все это, — много-много язвъ нанесено было бы моему сердцу, и много стыда исчезло бы изъ дѣтской души.... А тамъ — дальше и дальше!... И кончалъ бы я, можетъ быть, такъ, какъ кончилъ — помните, мои школьные товарищи? — школяръ Гуря, начавшій тоже бѣгствомъ домой.... И не писалъ бы я, можетъ быть, своей автобіографіи, какъ теперь ее пишу, а выводилъ бы, можетъ быть, красивыя какія-нибудь литтеры въ какой-нибудь некрасивой полковой канцеляріи, или выписывалъ заступомъ въ какой-нибудь таинственной шахтѣ таинственныя дорожки.... И мало ли еще чего не могло случиться со мною!... И кто же этотъ невѣдомый, или что это за невѣдомое, недопустившее случиться всему этому, ставшее на пере-

(1) Оттуда. — (2) Изъ города. — (3) Никогда. — (4) Лакейшка. — (5) Бѣды. (6) Бѣглець.

пути Усть?... Или я еще не успѣлъ тогда выпить чаши огорченій до дна? душевная сила? случай?... мое извѣданіе дороги домой?... Или въ самомъ дѣлѣ эта картина ужаснаго будущаго, промелькнувшая предъ моими духовными очами сквозь таинственное окошечко сновидѣній?... Богъ вѣсть, Богъ вѣсть!

О, добрые земляки мои! учите своихъ дѣтей ласковѣе и привѣтливѣе встрѣчать новоприбылыхъ товарищей!... пусть остроуміе свое надъ ними упражняютъ послѣ, когда новоприбылые оботрутся уже, станутъ въ школу, какъ у себя дома, могутъ имѣть своихъ сторонниковъ и, сѣдовательно, могутъ бороться равнымъ оружіемъ! Я бы попросилъ объ этомъ и педагоговъ, но это не по ихъ части, а начальствующихъ просить — у начальства и безъ того много разныхъ серьезныхъ, очень серьезныхъ обязанностей!...

И долго я леталъ изъ школы на квартиру! и леталъ бы, можетъ быть, и долѣе, еслибъ не приняла во мнѣ участія одна добрая женщина... Разсказомъ объ этой женщинѣ, — кто она была, какое она приняла во мнѣ участіе, и какія послѣдствія для меня имѣло вмѣшательство ея въ мою судьбу, — я забѣгаю нѣсколько впередъ въ своей автобіографіи, но да будетъ тако! надобно съ этимъ предметомъ покончить возможности полнѣе, чтобы потомъ къ нему не возвращаться!

Въ одномъ со мною классѣ, т. е. въ приходскомъ, былъ у меня товарищъ, по имени Иванъ... По фамиліи я его не назову вамъ Ивана — по разнымъ причинамъ, да и потому, что и никто почти въ классѣ не называлъ его по фамиліи... У насъ, — вы, можетъ быть, знаете давніе наши обычаи школьные: лишь попадется, бывало, межъ насъ какая особенная личность, — прощайся она съ своимъ предковскимъ прозваніемъ! Ее будутъ называть пятью, шестью прозвищами, сочиненными тутъ же, но настоящимъ — никогда. Къ числу такихъ личностей принадлежалъ и нашъ Иванъ. Во первыхъ, Иванъ имѣлъ фамилію, которая рифмовалась съ его именемъ Иванъ, и съ словами *галаганъ*, *тарканъ*, — его звали Иванъ Галаганъ, Ивакъ Тарканъ; потомъ Иванъ имѣлъ лицо, усыпанное веснушками, — его звали за это Иванъ Горобіе-Яйцѣ, Иванъ Сороче-Яйцѣ; онъ былъ маленькаго роста — его звали Иванъ Знісокъ... Иванъ былъ страшный охотникъ подраться на кулачки, и когда дрался, прыгалъ въ глаза и все норовилъ, какъ бы *лихтарі посвітить* подъ глазами, или *паскудникъ збить* (1) съ носа, —

(1) *Паскудникъ* — лошадиная болѣзнь; *збить паскудникъ* — пустить ло-

его и звали Иванъ Осá или Иванъ Слѣта⁽¹⁾; у Ивана, когда сердился, волосы щетинились, и весь онъ какъ-будто щетинился и раздувался, — его окрестили за это *іжакóмъ*, *іршѣмъ* (ѣжь, ёршь); у Ивана были рыжіе волосы — учителя звали его Рудая шельма, а учитель Лепѣкинъ, изъ Калужской губерніи, — Рыжая бестія.... Словомъ, сколько особенностей, выпуклостей было въ Иванѣ, столько и прозваній, и каждый крѣстилъ его по той особенности, которая больше кидалась ему въ глаза, или не гармонировала съ его понятіями о нормальности человѣческой натуры. И не думайте, чтобы Ивана не любили. Напротивъ, его очень любили даже учителя, — за его доброту сердца, за какой-то рыцарскій и вѣсть веселый характеръ, за умъ бойкій и за какое-то чрезвычайно пріятное, влекущее, открыто-сердечное выраженіе утыканнаго веснушками его лица. А ужъ я какъ его любилъ!! Потому и буду называть его просто по имени, Ивасемъ, какъ я звалъ его въ школѣ.

У Иваса былъ отецъ, отставной солдатъ, угрюмый старикъ, съ сабельнымъ рубцомъ на щетинистой сѣдой головѣ, и безъ двухъ пальцевъ на лѣвой рукѣ, и была мать, женщина съ блѣдно-желтымъ лицомъ. Отецъ этотъ былъ отецъ многочисленнаго семейства, и обладалъ въ высшей степени искусствомъ добывать льняное и конопляное сѣмя въ своей *оливницѣ*, что не только давило ему возможность содержать безбѣдно себя и свое семейство, а отцовскій грунтъ въ приличномъ положеніи, но даже давало возможность обзавестись нѣкоторыми жизненными удобствами, конечно по своему состоянію: купить и держать коровъ, расширить прикупкою и умножить посадкою деревь свой саль и т. д. Мать же Ивасева была—отличная мастерица готовить вареники съ *гурдою*⁽²⁾ и капустою, добрая жена, добрая мать семейства, хорошая хозяйка, женщина въ высшей степени нѣжнаго и впечатлительнаго сердца и, когда жолѣх не одолевала ея, деликатности необычайной. Эта-то женщина, мать Ивасева, и приняла во мнѣ участіе.

шади кровь съ *храла*. Отсюда перенесено выраженіе къ тѣмъ случаямъ, когда разшибается носъ до крови, на кулачкахъ и проч.

(¹) *Слѣтою* называется человѣкъ, лѣзущій къ вамъ съ просьбою и проч. такъ, что нельзя отъ него отвязаться, — словомъ, *якѣ слѣта*. Какой корень этого слова, или что собственно имъ обозначается, — т. е. какой предметъ или какое живое существо — не знаю. Должно быть, первоначальное значеніе слова утратилось, а осталось только переносное. *Слѣта*—какъ-будто *овадь*, велико-русскій *слѣпемъ*, — что-то въ этомъ родѣ.

(²) *Гурда* — начинка, извѣстнымъ образомъ приготовленная изъ *макухи*. Что значить *макуха* — объяснено ниже.

Живя въ сосѣдствѣ съ мовни хозяевами, она тотчасъ узнала, что на ихъ *куткѣ* явился новый обитатель, *народникъ*, и что этотъ народникъ живетъ у Решотки. Да и какъ было не узнать ей объ этомъ! Такое важное событіе, какъ появленіе тамъ новаго обитателя, — да объ этомъ если не въ самый день моего приѣзда въ городъ, послѣ того, какъ Устя сходила вечеромъ къ колодцу по воду, — такъ по крайней мѣрѣ на другой же день, послѣ всеобщей сходки на *місті* (¹), затараторили по всѣмъ хатамъ этого захоустья всѣ наймычки, хозяйскія дочки и самыя хозяйки, что молъ такъ и такъ, такой и такой у него отецъ, на тѣхъ и такихъ лошадахъ приѣзжалъ, и т. д.! Отъ Ивася, она узнала, какъ я встрѣченъ былъ школярами, какъ по окончаніи классовъ улетаю домой, и т. и. . . . Ея нѣжное сердце было тронуто моимъ одиночнымъ положеніемъ въ кругу товарищей. . . и, какъ я узналъ объ этомъ послѣ отъ самого Ивася, она крѣпко пожурила его, что онъ виѣстѣ съ другими преслѣдуетъ меня насмѣшками, и велѣла непремѣнно познакомиться со мною, защищать меня. Ивась, конечно, готовъ былъ исполнить приказаніе матери, но познакомиться со мною онъ не имѣлъ никакой возможности: входилъ я въ классъ почти виѣстѣ съ учителемъ, а на дворѣ и на улицѣ никто изъ школяровъ не могъ ко мнѣ приблизиться, потому что я уходилъ отъ всѣхъ, какъ отъ чумы, и ноги у меня, какъ у мальчика-степняка, были быстрѣе, чѣмъ у народниковъ-горожанъ, и даже у селянъ, непріученныхъ къ бѣганью и ходьбѣ, какъ насъ приучалъ отецъ. Узнавъ о неудачныхъ попыткахъ Ивася сблизиться со мною, мать его обратилась къ слѣдующей стратагемѣ.

Въ одно прекрасное воскресенье (это было на второй или на третьей недѣлѣ великаго поста), выслушавъ обѣдню въ приходской церкви, она воротилась домой и стала поджидать, пока выйдутъ изъ соборной церкви, въ которую обыкновенно водили насъ, школяровъ. . . . Къ этому времени, она вышла со двора и остановилась у угла, образуемаго дорожкой, ведущею ко двору молъ хозяевъ, и улочкою, ползущей въ гору, къ дворамъ, расположеннымъ выше хозяйскаго двора, а въ томъ числѣ и къ ея собственному.

Вотъ она тамъ себѣ стоитъ, опершись локтяти на плетень, и будто что-то за нимъ разсматриваетъ, а я тѣмъ временемъ изъ церкви лечу. . . . Добѣжавъ до поворота къ хозяйскому двору и почувствовавъ себя свободнымъ отъ всякой опасности, т. е. отъ опасности встрѣтиться съ ка-

(¹) На рынкѣ.
II.

кимъ-нибудь школяромъ, — я приостановился перевести духъ и, по обыкновенію, оглянуться, далеко ли остались все эти разные.... чужіе..., — какъ съ боку у меня: — Чи ти, будь ласкавъ, хлопчику, не Білокопитенківъ! —

Я отпрянулъ въ сторону, какъ-будто выстрѣлили у меня подъ самымъ ухомъ, и быстро обернулся.... Ничего, ласково улыбается, кажется, не думаетъ гнаться!... должно быть, что-нибудь разсматривала за шлетнемъ.... — я быстро пробѣжалъ по немъ взглядомъ — что тамъ? не видно ли въ скважины?...

»Бѣлокопитенківъ!...«

— Тимъ бо то!... Я тільки, — говорить, — глянула, — заразъ пізнала: якъ дві каплі води — матуся!...

И такъ ласково улыбается, — мнѣ и въ голову не прииди, что я, какъ увѣряютъ домашніе, вылитый отецъ, а на мать несколько не похожъ.

»Здоровенька вона?

— Здоровенька!

»Слава тобі, Царнице небесная!... Однако, що це ми не привитаємось! (¹) — Съ улыбкою подошла ко мнѣ.

Я робко снялъ шапку; мы поцѣловались.

— Який же ти, синяшу, моторний! и т. д. и т. д.

Словомъ, устроила мое знакомство съ Ивасемъ!

Благодарный тебѣ вздохъ, добрая, если ты жива! а если уже почи- ваетъ въ могилѣ, подъ густою тѣнію пышныхъ яблонь и роскошныхъ липъ Толочанскаго кладбища, мнѣ праху твоему. Твой добрый примѣръ научилъ меня, и я пригрѣлъ нашего Петямущого, какъ ты пригрѣла мою запуганную и уединившуюся душу, и ввелъ его въ кругъ товарищескій, какъ ты ввела меня въ него черезъ своего Иваса. Только не съ такимъ тактомъ и умѣньемъ поступилъ я съ Петямущимъ, какъ ты поступила со мною! Да и гдѣ, впрочемъ, равняться медвѣжьей мужской лапѣ съ иѣжною женскою рукою, да еще такой лапѣ, какъ моя!... Петямущій былъ — мальчикъ веселенькій какъ ласточка, живой какъ *горобчикъ* (²).... острая и низко остриженная черная голова, черныя брови и глаза, щечки пунсовые, пухленькія внизу, *кожшюкъ* назадъ оттопырившійся.... Словомъ, маленькая птичка веселенькая, подняла крылышки, рвется впередъ, за кормомъ!... Такимъ

(¹) Не здороваемся. — (²) Воробушекъ.

влетѣлъ онъ въ первый разъ и въ классъ, — къ тому, къ другому, залезаетъ, болтаетъ, щебечеть!... Но тамъ его оттолкнули, тамъ захохотали, тамъ отворотились — конфузится, бѣдненькій, еще больше сжимается, притаился въ углу!... А урокъ кончился, — изъ класса, и, онъ, какъ я во времена оны, лѣтомъ домой!... сегодня такъ, завтра, послѣ-завтраго.... Припомнилъ я, добрая, твой примѣръ, и умудрился!... Жолчно ты насмѣхалась надъ моею неловкостью и грубостію, но и много зато меня ласкала и кормила лакомствами.... Выбралъ день, и выскочивъ прежде Нетямущаго изъ класса, засѣлъ за первымъ угломъ.... а когда тотъ, ничего не подозревая, налетѣлъ, — я, какъ коршунъ на него, за ко-жушокъ.... Вырвался, — догналъ, снова за кожушокъ, и о землю!... Пищать бѣдный мальчикъ! »Що я«, говорить, »тобі таке загодіавъ!...«⁽¹⁾ — »И я«, отвѣчаю, »нічого не загодію, ході тільки зо мною, не бійси мене!...« И подружились мы потомъ, особенно, когда я вытащилъ его изъ рѣки, а онъ чуть не утопилъ меня при этомъ....

Миръ же, говорю, праху твоему и костямъ твоимъ, добрая!.. а если ты жива еще — благодарный тебѣ вздохъ!...

Знакомство съ Ивасевою семьєю было для меня, во многихъ отноше-ніяхъ, благодѣтельно. Это было единственное въ городѣ семейство, гдѣ я былъ не чужимъ и гдѣ, слѣдовательно, могъ участвовать во всѣхъ радостяхъ и печаляхъ семейной жизни и поддерживать ту внутреннюю теплоту, которою никакими средствами не напитаешь сердца дитяти, живущаго отособленною жазнію, и, выросши безъ которой, сердце наше никакимъ образомъ не можетъ становиться въ уровень — ни съ лучшимъ стремленіемъ своего времени, ни съ нуждами и воздыханіями народ-ныхъ массъ: человекъ, выросшій безъ такой теплоты, все только бу-детъ вращаться или около порожденій грязныхъ или, по крайней мѣрѣ, мелочныхъ страстишекъ, или около фикцій, ни къ небу нестремящихся, ни къ землѣ непрікрѣпленныхъ. — Тутъ же, въ семьѣ Иваса, при нуж-дѣ, миѣ не отказывали въ кускѣ хлѣба; а раздавали дѣтямъ лакомство, — маковниковъ, напрниѣръ, мать приносила съ *міста*, доставала изъ *хи-жи*⁽²⁾ куски маковой *махуци*⁽³⁾, такъ любимой, бывало, нами, *бычка*⁽⁴⁾

(1) Сдѣлалъ, причинилъ зло. — (2) Кладовая въ хатахъ, входъ въ которую изъ сѣней.

(3) и (4) *Бычкомъ* называется комъ толченаго и поджаренаго въ *олимпичі* коноплянаго сѣмени. Лакомствомъ этимъ подчиваютъ у насъ обыкно-венно дѣтей, во время самаго добыванія масла. *Макухою* называется твердая масса выжимокъ, остающаяся послѣ добыванія масла.

дѣлалъ старикъ въ своей *оливицѣ* и давалъ дѣтямъ, — меня тоже не обходили. А ужъ садъ просторный и тѣнистый для гулянья, яблока и *дүүлѣ* ⁽¹⁾ доставать съ деревьевъ, вишни срывать очеретяными *лѣпка-ми*, — все это было вполне къ моимъ услугамъ.

Но больше всего, по крайней мѣрѣ осязательнѣе всего, было для меня полезно—знакомство, можно сказать даже дружба, съ самимъ Ивасемъ. Это былъ неразлучный спутникъ во всѣхъ моихъ забавахъ, шалостяхъ и похожденияхъ. а прежде всего — онъ первый ввелъ меня въ кругъ моего товарищества, защищалъ меня тамъ, и если не причинилъ, можетъ быть, вполне моей души съ этою школьною жизнью, — по крайней мѣрѣ по возможности сдѣлалъ сноснымъ ея бремя.

Не безкорыстна, впрочемъ, была ко мнѣ дружба Ивася! Играемъ, бывало, съ нимъ гдѣ-нибудь у *булки*, или шлеяемся по горамъ и выслѣживаемъ зайцовъ, — просто, только бы найти, спугнуть и потомъ *потюкать*, — вдругъ: «Стои!... Будемо, Васютко, на кулачки битьца!» Такая ужъ проклятая у него страсть была! Оттѣкиваюсь, бывало, отговариваюсь; — нечего дѣлать, умолить! и «братіку», и «голубчику!» . И какъ согласишься, бывало, такъ и разгорятся глазки! прыснетъ въ сторону, надвинетъ шапку на носъ, подскочитъ, упрется головою тебѣ въ животъ, — и начнетъ какъ мельница работать руками... и по головѣ тебя, и по плечамъ, а иногда и въ носъ или въ зубы... Самъ, бывало, плачетъ, какъ увидитъ, что изъ носа у тебя или изъ зубовъ кровь, но что будешь дѣлать!... И на другой день — опять тоже.... Я, впрочемъ, скоро умудрился, какъ съ нимъ быть. Какъ обуюеть, бывало, его демонъ кулачокъ: «Добре!» говорю, «согласенъ; тільки дай свѣй коожушокъ!...» А надобно вамъ знать, что коожушокъ у него былъ сдѣланъ изъ кожуха его отца, въ которомъ тотъ работалъ бывало въ *оливицѣ*, — замасленый, затужавѣлый, — словомъ, какъ желѣзный, да еще и покрытъ толстою пестрядью: закутаюсь хорошенько, и, сколько душѣ угодно, пусть колотить! И что жъ бы вы думали? Какой бы ни былъ морозъ, сниметь съ себя и дать! Такая ужъ, говорю, проклятая была страсть!...

Кромѣ Ивася, въ классѣ явился у меня скоро и другой защитникъ, съ которымъ хоть я и не былъ въ такихъ тѣсныхъ отношеніяхъ, какъ съ Ивасемъ, но заступничество его было для меня гораздо дѣйствительнѣе заступничества Ивася. Другой этотъ заступникъ прозывался

(1) Лучшаго сорта груши, имѣющія продолговатый видъ.

Денисенкомъ, былъ выше меня классомъ, дубина почти въ сажень ростомъ и съ усами, — да, съ усами! Тогда и въ приходскомъ классѣ важивались школяры съ усами!

У меня съ Денисенкомъ не было никакой пріязни, да ея и не могло быть между школярами такихъ различныхъ возрастовъ; мы даже не знали одинъ о другомъ, гдѣ квартируемъ: съ одной стороны, это было своего рода патронатство, а съ другой — своего рода кліентство, водившіяся въ школахъ и тогда, какъ водятся они теперь, — только въ то время они не имѣли такихъ гадкихъ и гнусныхъ побужденій, какъ это часто бываетъ въ настоящее время. Просто, каждому сильному нужна была своя партія, которую бы онъ могъ защищать отъ другихъ сильныхъ, покровительствовать ей, и въ вознагражденіе считаться отъ нея и отъ другихъ ея главою, и такимъ образомъ удовлетворять своему тщеславію и самолюбію, а при случаѣ и получать отъ кліентовъ разные подарочки и пользоваться разными ихъ послугами, — какъ напримѣръ, сбѣгать на базаръ и купить *бубликѣвъ*, сбѣгать на квартиру и принести забытую книгу, подать воды, сказать, по наущенію его, какому-нибудь другому сильному «дурня» и т. п.

По какому поводу я попалъ въ кліенты Денисенка, рѣшительно не помню; но помню хорошо, чѣмъ и ему платилъ за его патронатство.

Я сказалъ, что онъ былъ почти въ сажень ростомъ, и сказалъ это не въ фигуральномъ смыслѣ. И Денисенко это очень зналъ, и ему очень нравилось показывать всѣмъ, что онъ почти въ сажень ростомъ; а чтобы было это всѣмъ очевиднѣе, придумалъ такое средство. Станетъ, бывало, посреди класса, подберетъ фалды своего сюртука, раздвинетъ ноги: — «А ну», говоритъ, «Білокопитенко!... Дивітця, дивітця!» И всѣ школяры *дизлятця*, а я, сложивши руки на груди, тихо, тихо, не нагиная головы, прохожу межъ его ногами, какъ, во времена оны, проходилъ греческій корабль на всѣхъ шарусахъ межъ ногъ Колосса Родосскаго.... И если я бывало пройду между Денисенковыхъ ногъ, не задѣвши ихъ ни головою, ни плечами, восторгу его не бывало конца! и я могъ послѣ этого напустить его на цѣлую толпу другихъ сильныхъ, съ увѣренностью, что онъ загонитъ ихъ всѣхъ подъ скамьи, и что ребрамъ и плечамъ ихъ сильно, сильно достанется. ..

Не правда ли, странныя были прихоти у Денисенка? Ну, подите жъ вы съ ними! Ужъ на роду, вѣрно, написано всѣмъ сильнымъ имѣть странныя прихоти!... Заступничествомъ, впрочемъ, Денисенка, я не долго пользовался — да оно, впрочемъ, не слишкомъ-то послѣ и нужно

мнѣ было, потому что съ Денисенкомъ исчезли какъ-то у насъ почти всѣ сильные.... Напрочно ли они сильно, или, можетъ быть, кому не понравилось, что люди вздумали поучиться уму-разуму хоть послѣ, коли прежде, въ свое время, этого не успѣли сдѣлать,—не знаю; но только они какъ-то всѣ, говорю, у насъ исчезли, —скоро послѣ поступленія моего въ школу. Ну, а всякому извѣстно: — сильныхъ въ школѣ нѣтъ, безслынные въ покровительствѣ не нуждаются.

Но я слишкомъ хватилъ впередъ! Воротился снова назадъ.

Недѣли черезъ двѣ послѣ поступленія моего въ училище, снова явился ко мнѣ отецъ. Приѣхалъ онъ очень рано, еще передъ разсвѣтомъ, — изъ чего, зная его обычаи, я тотчасъ догадался, что дома случилось что-то необыкновенное. Дѣйствительно, тамъ случилось важное событіе: въ мое отсутствіе помолвлена старшая изъ незамужнихъ сестеръ, — отецъ приѣхалъ въ городъ за покунками, —свадьба должна быть чрезъ недѣлю.

Дождавшись разсвѣта, отецъ велѣлъ мнѣ одѣться и взять книги, нужныя для классныхъ уроковъ, и поѣхалъ со мною въ лавку. Что онъ тамъ покупалъ и какъ,—не буду рассказывать, потому что не намѣренъ рассказывать про свадьбу сестры. Не могу, однако, не передать сцены, бывшей при покупке лентъ, или, лучше сказать, не могу не указать на черты въ характерахъ отца, какъ покущика, и купца, какъ продавца, черты, обнаружившіяся по поводу этой покупки. Подобныя черты у нашихъ покущиковъ и продавцовъ и теперь еще не рѣдкость.

•Надобно, впрочемъ, сказать вамъ напередъ, что отецъ мой очень не любилъ дѣлать покупки и особенно не терпѣлъ разнаго мѣрянья, прицѣпки и прочихъ подобныхъ принадлежностей купли. Словомъ, онъ въ этомъ случаѣ былъ человекъ такого рода: нужно ему, бывало, чего-нибудь непременно, напримѣръ ситцу, что ля; и нужно, положимъ, десять аршинъ. »Дайте, « говоритъ, »такого и такого ситцу! Та небагато: мені треба десять аршинъ!« и какъ подастъ купецъ цѣлую штуку, и понравится сптець: »Гарний (!)« говоритъ: »а скільки тутъ аршинъ?... Та годі мірять — такъ кáжить!

— Тридцать!

»Тридцать! А стоїтця що?

— Сімнадцять!

»Сімнадцять!... Не сімнадцять, а пятнадцять?

Словомъ, почнется торгъ на глазомѣръ, за цѣлую штуку, или, гово-

(!) Хорошій.

ря точнѣе, не торгъ, а, съ одной стороны; *пятнадцать, пятнадцать*; а съ другой: »Ну, безъ золотого!... Ну, безъ копѣй (безъ 20 коп., безъ 50 коп.)...« Потому что, надобно знать, если старикъ сказалъ цѣну,—не сдвинется съ нея, хоть бы изъ-за этого пришлось въ три-дорога заплатить въ другой лавкѣ. Развѣ бы сказалъ свою цѣну такъ себѣ, чтобы *довѣдатыця ума у молодѣю крамаря* ⁽¹⁾, или чтобы обмѣняться шутками съ старымъ знакомымъ....

— И то грѣші! — скажетъ купецъ...

»Чомъ же не грѣші? хорѣші грѣші! карбѣванці—не жидѣвскі обрѣзанці, а пѣвнн ⁽²⁾, — бумажкн зъ свѣтомъ!«

И кушитъ старикъ такимъ образомъ ситцу цѣлую штуку; кушитъ, раззадорившись, еще штукъ нѣсколько; кушитъ и другихъ разныхъ разностей! Найметъ потомъ *триубою* жида Гершка, съ бродячею его трупною, на нѣсколько недѣль, и обошьетъ всѣхъ лѣтъ на нѣсколько! И сдѣлаетъ въ заключеніе старикъ генеральную ревизію: »Глядѣте же менѣ, бережѣте, шкодуйте ⁽³⁾! бо це вже«, говоритъ, »гѣді ⁽⁴⁾! гѣді грѣші марно ⁽⁵⁾ тратѣте на прокляті ганчѣркн ⁽⁶⁾! Всѣ улыбнутся, выслушавъ такую рѣчь:—есть новыя наряды... а вмѣстѣ и вздохнуть, потому что если старикъ сказалъ, то года два быть всея навѣрное безъ обновокъ.... И обратитъ потомъ старикъ рѣчь къ Гершку: »А ты,« говоритъ, »Гершку, и въ двѣрь бѣльше не заглядуй; бо дѣлебі ⁽⁷⁾, сѣломъ нагодѣю!« Усмѣхнется Гершко своею добродушною *триубою* улыбкою, приподниметъ правою рукою съ правой стороны яломокъ, поскребетъ надъ правымъ *пѣсикомъ*: »Гм, ну!... А къ великодню робѣта бѣде?« Проведетъ послѣ этого старикъ ладонью крѣпко у себя по лицу, отъ самаго лба до самой бороды: »Пронѣза, молъ, ты жидѣвська!« — »Бѣде жъ«, говоритъ, »бѣде робѣта, якъ сѣломъ тебѣ нагодѣю!« И закончитъ онъ свои похождения, по незлюбимымъ имъ *палестинамъ* покупокъ и приготовленія для семьи нарядовъ, приказаніемъ подать графинчикъ, *покропѣть* съ Гершкомъ новое платье, что тамъ еще покроено и пошито....

Таковъ былъ покойникъ старикъ въ этого рода дѣлахъ! не любилъ, крѣпко не любилъ нарядовъ, возни съ купцами, прицѣниванья къ товарамъ, и т. д. и т. д. И если ужъ онъ былъ въ необходимости покупать, то покупалъ разомъ много, поскорѣе.

Такъ онъ хотѣлъ поступить и при покупкѣ свадебныхъ лентъ. Но

(1) Купца. — (2) Полимѣ, т. е. необрѣзанные. — (3) Жалѣйте. — (4) Полно! — (5) На пустяки, напрасно. — (6) Тряпки. — (7) Божба »Ей!«

не тутъ-то было! Купецъ, у котораго старикъ дѣлалъ закупки, былъ изъ тѣхъ украищевъ-купцовъ, которые, увы! начинаютъ уже переводиться. Это былъ человѣкъ аккуратный въ высшей степени, даже въ мелочахъ; любилъ все дѣлать отчетливо, не спѣша. Онъ любилъ *добрать* свой процентъ и твердо на этомъ стоялъ, но никогда не позволялъ ни себѣ, ни своимъ приказчикамъ, викакихъ *недомірівъ*, *недовісківъ*, не позволялъ *заганять* и *завертать* цѣны, брать съ покупателя *лишню копійку*.... Потому-что ему хотѣлось *одному* отправиться на тотъ свѣтъ, а не въ сопровожденіи этихъ *недомірівъ*, *недовісківъ*, *лишнихъ копійекъ*, и чтобы эти *недомірки*, *недовіски* и *лишні копійки* не выступили впередъ на Страшномъ Судѣ и не засвидѣтельствовали предъ лицомъ Бога и святыхъ ангеловъ его, что, молъ, «мы вонъ какіе и вонъ какіе; что, молъ, якъ тому-то долженъ бы пойти, а я у того-то остаться по что человѣкъ сей, на томъ, человѣческомъ, свѣтѣ, купцомъ Рудею званійся, не довѣсилъ насъ, не домѣрилъ, сорвалъ....» И чтобы, выслушавъ эти свидѣтельства, Богъ не велѣлъ итти ему въ геенну огненную... не схватили бы его нечистыя силы и не начали бы вѣчно руки мѣрить раскаленными аршинами, а несытую *нелю* (1) набивать раскаленными копейками и горящими *недомірками* и *недовісками*.

— Покажіть ще мені, — говоритъ отецъ, накупивъ у купца разныхъ разностей: — стрічокъ весільнихъ (2), стѣжокъ!

Купецъ досталъ огромный пукъ пунцовыхъ и розовыхъ лентъ всевозможныхъ оттѣнковъ и ширины; между ними путались ленты и другихъ цвѣтовъ; отецъ взялъ, повертѣлъ въ рукавъ: «Та тутъ», говоритъ, «есть и невесільні.... Однакъ дарма (3), въ хазійстві пригодіцца! А що стоітьця (4) сей жмутъ (5)? та скоріше, будьте ласкави, бо ніколи!

Купецъ, уступавшій до-сихъ-поръ отцу въ другихъ покупкахъ, зная болѣе или менѣе на память мѣру своихъ товаровъ, тутъ рѣшительно воспротивился продажѣ *глазомѣромъ*.

— Якъ можна — скоріше! — говоритъ: — тутъ трѣба помірить: не напам'ятуєся (6) всѣго!

И пошли спорить! Отецъ говоритъ, что тутъ на полдня будетъ мѣрять, безъ мѣры дѣло пойдетъ скорѣе; а тотъ—что безъ мѣры не продаетъ, своего напрасно потерять не хочетъ и чужимъ воспользоваться не желаетъ. Спорили, спорили, и дѣло кончилось тѣмъ, что купецъ пре-

(1) Глотку. (2) Свадебныхъ. (3) Но ничего! (4) Стоить. (5) Пукъ. (6) Нельзя помнить.

доставилъ отцу взять ленты, — тамъ ихъ, дома у него, помѣряютъ, а торгуются и расчитаются, когда отецъ пріѣдетъ на масляную ярмарку.... А купцу отецъ былъ не то: что называется знакомый покущакъ это я положительно знаю!

Отецъ согласился на сдѣлку, но заставилъ купца взять, въ обезпеченіе уплаты, *білу бумажку* (25 р. асс.).... И отцу купецъ тоже былъ не то, что называется знакомый купецъ, и это я положительно знаю!...

Этотъ случай, котораго я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, не знаю почему, привелъ мнѣ на память обычай, бывшій, конечно въ низшихъ слояхъ общества, у насъ повсемѣстнымъ въ старину, какъ рассказываютъ наши сторожилы, — именно обычай, въ слѣдствіе котораго тяжущіеся обыкновенно ѣздили *съ судъ* вмѣстѣ и на одной повозкѣ, то-есть, на одной повозкѣ и истецъ и отвѣтчикъ, пожалуй и съ свидѣтелями обѣихъ сторонъ.... Ѣдучи вмѣстѣ, ѣли и пили водку, толковали о своей тяжбѣ, высказывая свои шансы и ожиданія.... Рассказывавшіе мнѣ про этотъ стародавній, обычай сторожилы наши всегда присовокупляли, что, въ слѣдствіе такого обычая, тяжба не изгоняла между тяжущимися всякихъ другихъ отношеній, не поглощала между ними всего и не поселяла той ненависти, какую обыкновенно поселяетъ тяжба между нами въ настоящее время. Сверхъ того, по замѣчанію сторожиловъ, часто случалось, и особенно, при участіи въ поѣздѣ и свидѣтелей, что, доѣхавъ до какого-нибудь хутора или села, остановившись въ немъ кормить лошадей, и выпивъ за *побуднемъ* или за *сніданнямъ* по двѣ, по три чарки, веселящей сердце человеческое, *тиіі іаспидьскоіі, розіўторятци*, объясняются, обнимаются, поцѣлуются и воротятся домой, плюнувши туда, назадъ, на свой слѣдъ: «Нехай, мовъ, западутьця вони, тії позви, зъ судами ёму и зо всімъ!...

Покончивъ съ купцомъ, отецъ взялъ пукъ лентъ и распорядился съ нимъ, какъ распорядился съ пукомъ засаленныхъ ассигнацій Константинъ Федоровичъ Скудровжогло, врученныхъ ему заѣзжимъ кулакомъ въ сибиркѣ, т. е., не глядя на него, прехладнокровно сунулъ въ карманъ, — только не въ задній карманъ и не своего *сюртука*, а въ находившійся съ боку карманъ сняго *каптана*....

Послѣ этого, отецъ отвезъ меня въ училище и, высаживая тамъ изъ саней, сказалъ, что онъ еще увидится со мною. Дѣйствительно, черезъ часъ онъ пріѣхалъ проститься и, прощаясь, объявилъ мнѣ, что въ

пятницу, на слѣдующей недѣлѣ, пришлетъ за мною лошадей, взять домой на свадьбу, что смотритель уже согласился на это...

Можете представить себѣ, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ я этой пятницы!... А вечеръ накануне!... Случалось ли вамъ самимъ, помните ли?

Какъ въ чаду какомъ-то вы: укладываете вещи, прислушиваетесь, — авось сегодня еще прїѣдутъ!... А тутъ и урокъ еще назавтра: »Что есть покаяніе?... Покаяніе есть.... А жилетикъ!« вскрикиваете, вспоминая, что его-то и не уложили. ..

И такъ вы отъ связки съ вещами къ книгѣ, отъ книги къ связкѣ... а тамъ къ дверямъ: кажись въ сѣняхъ что-то стукнуло....

А эти томительныя ночи накануне, помните ли? Сонъ не идетъ, думаете, что тамъ дома будетъ, — мать....

— А ну, забудутъ прислать лошадей?... вдругъ приходитъ вамъ на мысль: — или лошади захромали?... »Нѣтъ«, отвѣчаете рѣшительно: »не забудутъ, не захромали....«

— Однако? и переворачиваетесь на другой бокъ. — Или смотритель скажетъ.... Ну, что же онъ скажетъ?... Ну, скажетъ: »не ѣзди, да и полно!...« Или — *Арапъ білий прїиде?*...

Переворачиваетесь снова.

— Нѣтъ, *загадаю!* наконецъ рѣшаете вы — надо же этимъ несноснымъ предположеніямъ положить конецъ!...

»И подынясь на постелькѣ, вертите указательными пальцами и потомъ ихъ сводите, — со всею силою желанія, какъ-бы они столкнулись.

Мимо!...

»Да вѣдь нужно три раза загадать!...

Снова вертите, снова сводите, зажмуривъ глаза, — какъ-будто въ темнотѣ можно что увидѣть.... Попали!

»Я такъ и думалъ!

Гадаете въ третій разъ, и какъ въ третій разъ вышло мимо, гадаете *трижды-три*, на томъ основаніи, что вы не думали, о чемъ гадаете.... а думать непремѣнно надо.

И такъ волнуется и волнуется ваша дѣтская душа — долго, долго!... И долго мечетесь вы съ боку на бокъ въ постелькѣ, пока сонъ не налетитъ какъ-нибудь нечаянно-нежданно, какъ-нибудь съ-размаха, въ промежутокъ двухъ душевныхъ ощущеній, когда одно не успѣло еще смѣниться другимъ.... не налетитъ и какимъ-то тяжелымъ угаромъ не прикуетъ къ подушкѣ накалившемуся отъ бессонницы и тревожныхъ мы-

слей вашу головку, а раскаленную вашу фантазію не пустить на свободу: пусть, молъ, пока! И во снѣ ему разные *Бльые Араны* пальцами вертять подъ носомъ: »Не пришлютъ по тебѣ лошадей, — отецъ забьлъ, — захромали, и ты — въ школу, въ школу!...« И такъ — долго, долго, пока мало-по-малу угаръ не испарится, фантазія не уляжется, и вашего существа не начнетъ обвивать сонъ легкими покровами....

А какъ легко просыпаться послѣ такого сна!... Остался только день, только одинъ день!... И сколько хитростей вы употребляете потомъ съ этимъ днѣмъ, чтобъ онъ ушелъ себѣ поскорѣе.... Вы ужъ обзавелись на квартирѣ собственнаго изобрѣтенія солнечными часами: дойдеть тѣнь отъ коморы до этого мѣста — *такая* пора дня, дойдеть сюда — *такая*; а знаете навѣрное — не смотрѣть на тѣнь, день уходитъ скорѣе....

»Ну«, говорите, »не буду смотрѣть! Сначала насчитаю тысячу, потомъ палецъ возлѣ пальца оборочу тысячу разъ, потомъ.... ну, потомъ и посмотрю!

И считаете тысячу, вертите палецъ вокругъ пальца тысячу разъ.... стараетесь дѣлать это какъ можно медленнѣе, а между тѣмъ, несносная тѣнь — ну, какъ нарочно!...

Впрочемъ, на этотъ разъ судьба была ко мнѣ благосклонна.... Дѣло вотъ какъ случилось:

Просыпаюсь въ пятницу (я спалъ на лавкѣ у *пѣкутты*). Хома — за *верстаттю*, свѣча подъ *начиннямъ*, — словно мальчишка на веревочной качелѣ, — ярко освѣщаетъ заднюю стѣну, нагнувшуюся надъ *робѣтою* ⁽¹⁾ соломенную Хомину покрывку.

Хома тчетъ: чѣвникъ ⁽²⁾ играетъ, *начиння* танцуетъ, *шайда* въ ладоши похлопываетъ.... Хома работаетъ руками, Хома работаетъ плечами, — носомъ, губами, соломенною покрывкою.... работаетъ, противъ воды будто плыветъ, болтая ногами тамъ, подъ верстатю, въ полумракѣ, словно въ темной влагѣ рѣчныхъ зыбей....

Возлѣ Хома, у печки на лавкѣ, лысиною къ хатѣ, — такъ знаете, по домашнему, — съ необутыми ногами, сидитъ мужъ браней первой четверти настоящаго столѣтія, — цѣвкѣ сѣче.... Забывъ про свое военное и уицерь-офицерское званіе, и отложивъ, такъ-сказать, въ сторону

(1) *Робѣта* — работа; но въ гвацкомъ дѣлѣ, *робѣта* — основа на верстатѣ, — словомъ, то, что ткутъ. Напомню при этомъ читателю, для лучшаго уразумѣнія картинны, что верстатъ у насъ помѣщается обыкновенно за печкою, гдѣ бываетъ и *илъ*, переднюю частію къ хатѣ. — (2) Челнокъ.

и свой, никуда негодный, тесакъ, и свое, никуда негодное, ружье, мужъ браней предается занятіямъ мирнаго гражданина, — предается со всею любовью праведной души, проведеншей, можетъ быть, цѣлую половину своей жизни въ бездѣльи, и со всею внимательностью души, малоопытной въ подобномъ занятіи и притомъ имѣющей предъ собою такого знатока-судью, каковъ Хома.... Носъ его, губы, подбородокъ, бакенбарды, — все его добродушное лицо, вытянулось впередъ, суживается.... превратилось въ какое-то мышьяное рыльце, быстро и пугливо обнюхивающее подвергнувшееся лакомство.... или какъ-будто, вмѣсто головы у героя браней, рука съ пятью пальцами, и эти пять пальцевъ протянулись къ станку, *пучечкою* (1).... что-то снять съ него хотить.... но что-то сзади мѣшаетъ, толкаетъ подъ локоть.... Станокъ гудеть, клубокъ въ *обичайці* (2), словно двадцать чертей гонять его кнутами, — мечется какъ угорѣлый, скачетъ, кувыркается....

За сивною у героя торчатъ съ печки ноги Усти, а надъ лысною — рыжий котъ свѣсилъ съ *кѳмина* (3) голову, и внимательно слѣдитъ за работою....

Въ сторонѣ отъ героя, предъ истопленной жарко печью, — хозяйка, съ лицомъ, тоже какъ-будто жарко истопленнымъ и накаленнымъ докрасна: сидитъ на скамейкѣ, беретъ одинъ за другими лежащіе возлѣ, на столѣ, на чистыхъ подушкахъ, *буханці* (4), и посылаетъ одинъ за другимъ въ печку....

Всторонѣ отъ хозяйки, въ темномъ углу, *кто-то*, изъ деревни вѣрно.... вѣрно, дрова хозяйкѣ привезъ, муку.... или, можетъ, кто изъ родичей хозяина заѣхалъ.... должно быть, дремлетъ, — то и дѣло, кланяется хозяйкѣ и печкѣ....

Я зѣвнулъ — о-хо-хо-хъ! славно, моля, выпался!... потянулся и подвинулся на постели.... При моемъ зѣвкѣ все въ хатѣ притихло, а рыжий насторошилъ уши.... и удостовѣрившись, что они его не обманули, перекинулся на сивну и протянулъ ко мнѣ свои лапы....

«А щѳ, — говоритъ Хома, отводя въ сторону свѣчку съ качелею и

(1) *Пучки* — оконечности пальцевъ. Взять *пучкою*, *пучками*. — взять оконечностями пальцевъ, и большею частію — взять осторожно; взять *пучечкою*, *пучечками* — очень осторожно, нѣжно.

(2) *Обичайка* — обручъ у сита или у *рѣшета*. Въ *обичайку* кладутъ клубокъ, чтобы не закатывался далеко.

(3) *Кѳминъ* — верхняя часть печки. — (4) *Булки*.

выставивъ свое добродушное лицо: — А що, — говорить, — тобі снилось?...

— Нічого!

»Якъ—нічого? Може, снилось, що прислали?...

— Ні! — подхватилъ герой бравей, выпуская съ руки *сучокъ* ⁽¹⁾, насупливаясь и какъ-будто чего ища вокругъ себя, — знакъ, что былъ въ очень сильномъ юмористическомъ настроеніи: — Ні, — говорить, — ёму снилось, що не буде зъ нами обідать!... безъ обіду буде!...

»Безъ обіду не буде!« перебиваетъ хозяйка: »я ёму буханецъ дамъ....

Рыжій, тѣмъ временемъ—съ *кѳміна*, на печку... парাপнулъ мимоходомъ Устю по ногѣ, и на плечо къ герою — »Брысь! тьфу!« — на верстать, на лаву, и ко мнѣ на колѣни.... тернулся разъ головою и бокомъ мнѣ о грудь, въ другой разъ махнулъ сюда-туда хвостомъ, задѣвая меня по лицу и по носу, и опрокинулся вверхъ ногами....

»Довго-жъ ти спишь, Васильку! — отозвался наконецъ и тотъ, изъ угла.

— Грицько!...

И я — съ постели, на полъ, къ Грицьку на колѣни и приваясь цѣловать его въ усь, въ *чупринку*, въ щоки....

И всегда такъ случалось со мною въ дѣтствѣ: Радости и печали приходили ко мнѣ какъ-то нечаянно, не оттуда, откуда я могъ ихъ ожидать, или не тогда, когда онѣ должны бы, по моему разсчету, прійти. Разсчеты мои, въ этомъ отношеніи, всегда какъ-то оказывались невѣрными. Въ одномъ только расчетѣ мой всегда былъ вѣренъ: если я предполагалъ, что радость мнѣ не пройдетъ даромъ, что позже или раньше я долженъ порядочно за нее заплатить. Впрочемъ, у меня оказывался вѣрнымъ еще слѣдующій расчетъ: если, бывало, мнѣ приснятся ночью вьюны, и на этомъ основаніи я рассчитывалъ на *пáли* ⁽²⁾ — непременно сбывалось!...

(1) Ручка, когоруою приводится въ движеніе сучальный станокъ.

(2) Удары ливейкою по рукѣ.

(Продолженіе будетъ.)

ПЛАЧЪ РОССІЙСКІЙ.

Стихотвореніе подѣ этимъ заглавіемъ найдено мною въ рукописи, принадлежащей бібліотекарю С.-Петербургской Публичной Библіотеки, А. Ѳ. Бычкову, писанной въ полулистъ и оправленной въ кожу. Это сборникъ, составленный въ началѣ XVIII вѣка на польскомъ, латинскомъ и церковно-славянскомъ языкахъ. По содержанию статей, видно, что онъ принадлежалъ какому-то духовному лицу. На предпоследнемъ листѣ рукописи (которыхъ всего 29) обозначенъ 1718 годъ, въ который сдѣлана копія. За тѣмъ слѣдуетъ предлагаемое стихотвореніе. Не рѣшаюсь опредѣлять, когда именно оно сочинено, но видно, что относится ко временамъ колебанія Украины между Московскимъ государствомъ и Польшею. Какъ выраженіе духа времени, вражды партій и понатій духовенства о Польшѣ и Россіи, оно заслуживаетъ вниманія. Подобныхъ сочиненій ходило много по рукамъ, и они поддерживали въ народѣ вражду ко всему польскому, пережившую въ немъ и самыя воспоминанія о борьбѣ за личную независимость съ вельможною шляхтою. Я сохранилъ въ точности правописание подлинника, такъ-какъ оно можетъ повести къ разнымъ соображеніямъ о мѣстѣ и времени сочиненія этихъ виршъ. Не могу не указать мимоходомъ на безсиліе выраженія и отсутствіе поэзіи въ этомъ произведеніи подавленной схоластикой семинарской музы, сверстницы свободной музы народной, которая и до, и во времена, и послѣ Богдана Хмельницкаго производила столько пѣсень и думъ, дышащихъ вѣчною свѣжестью и красотою.

П. К у л и ш ъ.

20 января 1861.
С.Петербургъ.

О Боже мой мпlostывій!
возри на плачь мой ревнивій.
Где бѣдница есть такая,
якъ я россія малая?
Всѣ маткою называютъ,
а не всѣ за матку мають:

Другіи хочеть загубити,
 въ ложцѣ води утопити.
 Бо чи треба горшой муки,
 якъ подати ляхомъ въ руки?
 Давно вони остраты зуби,
 давно моеи ищуть згуби.
 А ви, дѣтки, якъ чужіи,
 садите їхъ миѣ на шию.
 Отъ якъ скоро все забули,
 что видѣли и что чули,
 Якъ под тими ворогами
 стогнала я тяжко зъ вами!
 Стогнала я, ни отради
 не мѣючи, ни поради,
 Коли жиди проклатіе
 держали церкви святыя,
 А отъ святой креста банѣ
 витягали у насъ данѣ.

І тое все вже би стало,
 щобъ имя наше пропало,
 Еслибъ Богданъ, мужъ избранный,
 не билъ отъ бога намъ даній.
 Той стеръ сѣмя проклатое,
 зскинулъ зъ мене ярмо злое,
 И за мудримъ самъ совѣтомъ
 поставилъ подъ крипкимъ щитомъ,
 Подъ рукою царей славныхъ,
 самодержцовъ православныхъ.
 А ви, дѣтки, ахъ, утѣха,
 прошлаго зхотѣли лиха.
 Еще я крилъ не простерла,
 еще и слезъ не оттерла,
 А вамъ, дѣтки, жалко стало,
 що я оддихнула мало.
 Охъ миѣ бѣда! дѣтей лаю,
 не звать што зъ жалю гадаю.
 Ой не сини, ой не дѣти
 хочуть мене загубити.
 Ляхолюбци, ляхолюбци,
 тии мои, тии згубци!
 Якъ саранча налетѣли,
 доми, церкви посквернили.
 Куда пойдѣмъ — ляховъ хвалать,
 вѣрнихъ тилько що не палать,

Простимъ уши набиваютъ,
 лихимъ ядомъ заражаютъ.
 Безъ хвалъ людскихъ анѣ слова:
 вдать, чи пють — о ихъ мова.
 Знайте жъ, дѣтки родиміе,
 якъ ви имъ же любиміе.
 Пдать и пють и гойпують,
 еднакъ нѣ вчомъ не смакують.
 Що людское, то имъ смачно (!),
 хочъ ладащо, то имъ вдячно.
 Хочуть бути унѣяти,
 папу въ ногу цѣловати.
 Къ ляхомъ весь духъ, вся охота;
 то имъ мудрость, то и цюта.
 Ти теперъ хочуть цѣло
 привести замисль свой въ дѣло.
 Ти мене загубити
 мислять, — не ви, моп дѣти.
 Да и на васъ нарѣваю
 и на самихъ васъ жалъ маю,
 Що зъ такими дружба ваша,
 а невячна любовь наша.
 Що видите у ихъ мосцѣ,
 опрочъ дурной хвальшимосцѣ?
 Що мнѣ за снѣ, що зъ врагами
 сердце его, а не зъ нами?
 Не той то снѣ мнѣ здажився,
 що въ моемъ дому родився;
 Нехай приїде и за свѣта
 да мнѣ жпчять многа лѣта;
 Той мнѣ будетъ снѣ родимій,
 не иначе, якъ любимый.
 Осе жъ, дѣти, ви глядѣте,
 ляхолюбцевъ не любите.
 Потн добра въ насъ не буде,
 поки у насъ снѣ люде.
 Нехай идуть на сухѣй лѣсъ.
 куда зоветъ ихъ гордіи бѣсъ,
 Нехай идуть славить папу
 Нехай же имъ безъголова,
 а намъ живучи на здоровья. Finis.

(!) Въ подлинникѣ — едлично, но это, очевидно, описка.

РІЗДВЯННІ СВЯТКИ.

ПИСЬМО 2-е.

БАГАТА КУТЯ.

Пойдете-ка сегодня, друзья мои, на рѣку... да пойдемъ пораньше, очень рано!.. этакъ-вотъ, какъ вторые вѣтхуи прокоуютъ... Сегодня Багата кутя, сегодня день тамъ, на рѣкѣ, начинается, — такъ чтобы чего не прозвѣвать! И не на большую какую рѣку пойдемъ, на Дитирь, что ли, — вѣтъ! для дѣла, конечно, все равно; но на большихъ рѣкахъ зимою только гладь да гладь снѣжная: скучно тамъ въ это время, особенно ночью — ничего вѣтъ возлѣ, жизни никакой, движенія никакого. Пойдете лучше на Сулу или Песль, или еще лучше, пойдете на Удай или на Оржпцу какую: тутъ тоже иногда между берегами вереты двѣ-три; но посрединѣ не рѣдко виднѣется большой островъ, а на острову — большой лѣсъ: ужь и разнообразіе! Притомъ, часто случается, что вся эта двух-верстная, трех-верстная ширина, вплоть отъ берега до берега, очеретѣ да лозы, съ узкимъ только, главнымъ, ложею рѣки посрединѣ, да съ густою затѣйливою сѣтью дорогъ, дорожекъ, прогалинъ, *ровіевъ*, *ривчакіевъ* (каналовъ, канальчиковъ), *бакаіевъ*, *ковбѣтъ* (ямъ въ болотѣ) и т. д., на остальномъ пространствѣ...

Вотъ мы спустились съ горы, вотъ мы уже углубились въ этотъ лабиринтъ перекрестковъ, поворотовъ, излучинъ, тѣсныхъ проходовъ... Тутъ вотъ очеретъ выровнялся, вдоль тропинки, высокой, темной стѣною, а тутъ нависла цѣлая трущоба кустовъ лозы, курчавыхъ, растопырившихся, перепутанныхъ, словно чортъ туда вскочилъ и метался тамъ, какъ угорѣлый, три дня и три ночи, чтобы добрымъ людямъ и толку нельзя было добраться!.. вотъ *вѣрша* темнѣется вдали на снѣговой кучѣ, словно изъ чернаго мрамора памятникъ на бѣломъ пьедесталѣ... а вотъ озябшей

бабой скорчился и надулся на снѣгу стогъ сѣна!... И такъ тихо-тихо кругомъ: заяцъ развѣ, испуганный ходьбою, шырснетъ изъ болотной кущи и промчится гдѣ-то мимо... будто легкій вѣтерокъ всколебалъ воздухъ и легкой струйкой пронесся туда-вотъ, дальше и дальше, по верхушкамъ осоки и мягкаго *осітняю*... или ледъ гдѣ треснетъ отъ морозу... услышится изъ лѣсу глухой шумъ вѣтвей отъ испуганной птицы и посыпавшагося затѣмъ снѣга... долетитъ оттуда, съ горы, сонное тявканье какого-нибудь Барбоса, которому во снѣ пригрезилась волкъ... А вокругъ васъ воздухъ чистый-чистый, легкій, какъ юношескій сонъ предъ разсвѣтомъ, или легкая поша жизни счастливца... а надъ головами звѣзды надушіяся ⁽¹⁾, словно красавицы мон землячки, когда отъ Іордани разсыплются домой.... Боже, какъ тутъ и въ зимнюю ночь хорошо!...

Но вотъ мы и на рѣкѣ!... Бѣлая, снѣжная полоса вѣется въ темнотѣ по-межъ лозъ и очеретовъ, изрѣдка перерѣзываемая поперегъ торчащими, словно зубья гребня, колыями *ізківъ*, да покрытая продольными рядами снѣговыхъ купъ, *духівъ*.... ⁽²⁾

Тихо; еще никого нѣтъ! на рѣкѣ. Неужели еще спать до снѣхъ поръ *рибáлки*? А посмотримъ туда, на гору, на село!.. Итъ, вы не туда смотрите: это темнѣетъ Никонова *стінка* ⁽³⁾, тамъ ничего не увидите... Смотрите туда, дальше: воцъ ровная полоса, это—*водопіло* (спускъ къ водопою)... дальше, вонъ что-то *буваніе*, это живутъ Коржі... а вотъ, дальше, блестятъ, словно волкъ въ темнотѣ очами *світить*, — это въ Калѣниковой хатѣ *світитця*... Но — тише!...

Слышится вдали мѣрный скрипъ чѣхъ-то шаговъ по снѣгу, тамъ, по направленію къ селу, — и отъ времени до времени раздаются мѣрные удары чѣмъ-то металлическимъ въ ледъ.... О, это *рибáлка*, непремѣнно *рибáлка*!.. твердый, мѣрный шагъ по льду въ эту пору, и въ то же время проба прочности его ударами *плешні*—только *рибáлка* въ ночную пору будетъ такъ смѣло ступать по льду этихъ болотъ и только *рибáлка* бываетъ такъ остороженъ съ ними, что какъ онъ хорошо ихъ ни знаетъ, а все таки отъ времени до времени пробуетъ *плешню* напередъ, *не ви-*

⁽¹⁾ О звѣздахъ, если онѣ не свѣтятъ ярко, Украинцы говорятъ, что онѣ *покадувались, покапухали*.

⁽²⁾ *Ізківъ* — запруда рѣки для ловли рыбы; *духъ* — прорубь, тоже для ловли рыбы. *Духъ* закрывается обыкновенно конусообразною кучею снѣга.

⁽³⁾ Роща, расположенная по отлогости горы.

мерзла ли гдѣ вода, не підпáрило (¹) ли гдѣ, нѣтъ ли гдѣ *опаря*, или брошеннаго и незамерзшаго *дўха*?...

Да, это рыбалка, дѣйствительно рыбалка! Слышите—собака у него только теперь залаяла? Собака такъ-себѣ какого-нибудь моего земляка, очутившись въ ночную пору въ лозахъ и очеретахъ, то и дѣло, что лаяла бы, — на свѣгу много заячьихъ, лисьихъ и волчьихъ слѣдовъ и ей бы вездѣ видѣлись зайцы, лисицы и волки; притомъ, *посміттюшокъ* (птички) выгоняла бы изъ болотныхъ купъ, а можетъ, гдѣ-нибудь и въ самомъ дѣлѣ выскочилъ бы заяцъ. Но собака рыбалки идетъ тихо: она собственнымъ и долговременнымъ опытомъ убѣдилась, что лаять на болотѣ на всякій заячій, лисій или волчій слѣдъ, бѣгать и кричать при видѣ посміттюшки или зайца, — это значило бы напрасно только надрывать себѣ грудь и ноги. Она залаетъ только тогда, когда дѣйствительно почуетъ близко звѣря, или чужого человѣка....

Но вотъ шаги все ближе и ближе, и шагахъ въ десяти отъ насъ, изъ-за ближайшаго куста лозы, вырѣзались наконецъ, на фонѣ рѣчной полосы; сперва лающая собака, а потомъ высокая человѣческая фигура, вся въ сѣромъ, въ *шати-маириці*, въ коротенькой *свитці* поверхъ коротенькой *кожушанки*, въ суконныхъ шараварахъ, длинныхъ сапогахъ, съ *сокірою* за поясомъ, съ *торбою* черезъ плечо, съ лопатою въ лѣвой рукѣ и съ длиною пленнею въ правой... Завидѣвши насъ, человѣческая фигура обратилась къ лающему животному и ласково сказала: «моячй, Мўшка, свон!» и по кличкѣ собаки, и по голосу ея владѣльца, мы узнаемъ Нестора всѣхъ рыбаковъ села Рижкѣвъ, семидесятилѣтняго Каленика, по отчеству Даниловича, по прозванію Перегрѣя.

— Добридень, чи добридосвітокъ! — привѣтствовала насъ старикъ.

«Здоровн були, Даниловичу!»

— Бўдьте здоровн зъ Багатою Кутѣю!

«Спасибі, бўдьте й ви здорові!»

— А що, порá вже приймáтьця за діло!

«Порá, порá, Даниловичу! порá!...»

— Порá, порá!

И положивши плешню на ледъ, перекрестившись и взявши въ обѣ руки лопату, Даниловичъ принялся за дѣло, и своими семидесятилѣтними ру-

(¹) Т. е., не подогрѣло ли гдѣ снизу льду. Подогрѣваніе такое бываетъ особенно на такъ-называемыхъ *проймáльц*. Если ледъ подогрѣтъ уже до такой степени, что въ немъ образовывается промѣна, болѣе или менѣе замѣтная, то является *опаря*.

камп открылъ на Рожкивскихъ болотахъ святой день Багатою Кутю — и для села Рожкивъ, и для села Хвощивъ, и для хутора стараго и веселаго Череваня, и для всѣхъ селъ и хуторовъ на пятнадцать верстъ въ окружности....

Но оставимъ Каленика, а съ нимъ и всѣхъ земляковъ моихъ рыбаковъ! пусть они открываютъ лопатами *духи*, вытаскиваютъ изъ воды *кѣбзи* и *верши* (рыболовные снаряды изъ тонкихъ прутьевъ), вытрусиваютъ изъ нихъ вьюновъ, карасей, щукъ и т. д.: все это болѣе или менѣе обыденныя вещи зимняго рыболовства и насъ сегодня не касаются. Намъ нужно было только посмотреть, какъ и кѣмъ начинается у насъ день Багатою Кутю: увидѣли, — домой пойдѣмъ теперъ и соснемъ немного, потому что начнетъ разсвѣтать еще нескоро, да и всѣ еще спать. Сегодняшній день не вчерашній, и сегодняшній *дѣсвѣтокъ* не вчерашній: вчера всѣ обыкновенныя работы закончены, сегодня можно поспать подольше.... А пока дойдемъ, — такъ сказать, на сонъ грядущій, я вамъ разкажу вотъ-что...

Въ обыкновенное время, рыбаки наши, потрусивши рыбу, оставляютъ свой рыболовный *пѣсудъ* почти всегда на рѣкѣ, тамъ же у *ізікѣвъ* и *духивъ*: »У насъ щобъ тѣе... щобъ хто иноді чужій собі... крий Бігъ!« развѣ иногда, какъ говорится, »панщина затѣшетця« (панскіе люди до нихъ доберутся). Но на Багату Кутю они забираютъ его весь домой: наступаютъ праздники — кто же станетъ ловить рыбу въ это время! Къ тому жъ, впереди столько свободнаго времени — можно, что нужно, въ снастяхъ починить, передѣлать; ну, да и то сказать, праздниками по *лѣдахъ* столько шляется парубковъ, дѣвчатъ и такъ всякаго веселаго народу — *кѣвзаютця*, *зъ колядками хѣдять* и т. д., обуяетъ шаль кого, натащитъ вершу на голову, или нацѣпнтъ кобзу черезъ плечо, — офицеръ-де онъ въ киверѣ, и къ дѣвчатамъ, дескать, пришлоъ погулять; или бандуристъ или *рѣльникъ* онъ съ бандурою или *рѣлею* (лирою), компанію пришлоъ потѣшвть, и — гу, гу! пошла въ догонку вся веселая толпа по очеретамъ и по всѣмъ загогулинамъ за офицеромъ въ киверѣ или за бандуристомъ съ бандурою!.. и поминай вершу или кобзу, какъ звали!...

Раскажу вамъ еще вотъ-что!

— Рыбалки наши, въ обыкновенное время, оцѣниваютъ достоинство улова, какъ и всякіе другіе рыбаки, т. е. по количеству пойманной рыбы, по качеству ея и по величинѣ; но въ день Багатою Кутю для оцѣнки его принимается ими другая мѣрка. Чтобы лучше вы могли

понять значеніе ея, этой мѣрки, надобно вамъ сказать, что въ день Багатої Куті, во всей почти Украинѣ, употребляется въ пищу почти исключительно одна мелкая рыба, т. е. мелкихъ породъ. Какая этому причина, я, можетъ быть, постараюсь объяснить ниже, а здѣсь довольно намъ знать, что у насъ такой обычай, и что этотъ обычай до того у насъ соблюдается, что, не смотря на нашу любовь къ рыбѣ вообще и къ рыбѣ большой въ особенности, не смотря на то, что мы и при всякомъ удобномъ случаѣ стараемся запастись любимымъ нашимъ лакомствомъ, а тѣмъ болѣе для дорогихъ намъ почему-либо дней, не смотря, говорю, на все это, даже тѣ изъ насъ, которые побогаче и вѣжли бы полную возможность достать, напримѣръ, хоть свѣжаго осетра, даже в тѣ, у которыхъ стародавніе обычай начали ужь понемногу ослабѣвать, все мы ѣдимъ на Багату Кутю рыбу мелкихъ породъ, и именно ѣдимъ больше всего щуку и карася, особенно первую, такъ-что безъ щуки и кутя бываетъ у насъ *цѣрява* (остриженная, окарнанная), и хозяйка безъ щуки не можетъ выступить во всемъ блескѣ своего умѣнья сваряжать для Багатої Куті *вечѣрю*. Послѣ щуки и карася больше всего годятся у насъ для Багатої Куті — *линь*, за лямомъ слѣдуютъ окунь и плотва, и только совершенный недостатокъ такой рыбы принудитъ моего земляка обратиться къ другимъ породамъ, плѣже крайняя его бѣдность заставитъ его ограничиться одними вьюками. Послѣ этого, понятно, я думаю, для васъ, какою мѣркою въ день Багатої Куті оцѣнивають мои земляки-рыбалки свой уловъ! — «А що, Давидовчу, спрашивають Каленика Перегряя Федоръ Ополонка, когда рыбалки возвращаются домой послѣ своей ловли: — яковó (каково? т. е. какой уловъ у тебя? Земляки мои вообще не любятъ разглагольствовать шпроковѣщательно, любятъ выразаться сжато, покороче, лишь бы ихъ поняли)?» — «Та слава Богу! нічого! *сѣіоднішніі* такі вѣло чпмáло (сегодняшней, т. е. нужной для сегодняшнего дня, поймалось таки довольно).» — А въ мене, — замѣчаетъ со вздохомъ Федоръ Ополонка: — тільки пара щупелять, ато все одинъ уюнь нагодо!»

Скажу еще вамъ въ заключеніе, что рыбаки наши, возвращающіеся въ обыкновенное время съ рѣки домой врозь, когда кто дѣло свое кончить, не поджидая другъ друга, — въ день Багатої Куті отступаютъ отъ общаго правила и возвращаются кучами, съ своими сосѣдами, близкими и далекими: до разсвѣта еще не скоро, и время теперь свободное, можно погуторить, можно разспросить, кому и сколько *впáло сѣіоднішніі*. Это и интересно для рыбалки, и необходимо, чтобы знать, какъ

распорядиться съ излишкомъ пойманной имъ рыбы. Тутъ же пересказываютъ рыбаки другъ другу разныя свои рыболовныя *приведѣнціи*, тутъ же преподаются, молодымъ и неопытнымъ, испытанные долготѣннее практикою разныя приемы рыбной ловли, и рассказываются несвѣдущимъ такія *приведѣнціи*, слухи о которыхъ разносятся молвою, также стоустою и у насъ какъ и вездѣ, иногда на далекія-далекія пространства, и память о которыхъ сохраняется иногда мѣстнымъ рыболовнымъ преданіемъ до внуковъ и правнуковъ. Рассказывается, наприимѣръ, какъ въ одномъ мѣстѣ появилось зимою что-то; что это *что-то* черное и живетъ въ рѣкѣ; что рыбакамъ не разъ случалось видѣть издали, какъ оно вынырнетъ изъ ополонки и ѣстъ на льду рыбу, а приблизится рыбака — *что-то* въ воду... Къ этимъ дѣйствительнымъ происшествіямъ, бабы начали приплетать и созданія своей трусливой фантазіи: что, дескать, и посудь рыболовныи оно воруетъ, и дѣлаетъ добрымъ людямъ разныя пакости, что и перекидѣетца оно въ рыбаку и заводитъ заблудившихся путниковъ въ проионы и т. д. Просто, чортъ, да и только! только какой-то особенный чортъ, изъ чертей чортъ, «мабудь чи не самъ чортівъ батько», потому что и холоду не боится и для зимовли выбралъ, *бісизъ синь*, мѣсто подь льдомъ, тогда какъ всякому доброму человѣку извѣстно, что черти, — обыкновенные, т. е. черти, вотъ что вездѣ водятся у крещенаго люду, — тѣ холоду боится и на зиму изъ рѣкъ и болотъ выпраются (1)... словомъ, въ болотѣ черти *літуютъ* только (слово *літуютъ*, въ переводѣ на петербургскій языкъ, значитъ, что для чертей болото только — дача)... Ну, такъ такимъ-вотъ способомъ весь околотокъ началъ бояться этого *что-то*, и рыбаки порѣшили, во что бы то ни стало изгнать его изъ своихъ владѣній, чтобы оно рыбы не портило и не пугало бы жінокъ и дівчатъ, — изгнать, хоть бы ради этого нужно было *мамять* молебень и отслужить надъ ополонкою подосватіе, если только на это согласится отецъ Прохоръ. Пока рыбаки рѣдились и обдумывали средства, какъ привести свое намѣреніе въ исполненіе, какой-то охотникъ, въ одно прекрасное до-разсвѣта, засѣлъ на *что-то*, выждалъ его л. . застрѣлялъ!... Оказалось, *что-то* была невиданная теперь въ нашихъ мѣстахъ кунница. — Или же рассказывается, наприимѣръ, при такомъ возвращеніи рыбаковъ домой на Багату Кутю, — какъ надъ Дяфи-

(1) Какъ гражданинъ *пекла* (ада), по понятіямъ народнымъ, чортъ необходимо долженъ не любить холоду. Впрочемъ, не сидятъ онъ зимою въ рѣкахъ и болотахъ еще и по другой причинѣ, — о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, когда будетъ идти рѣчь объ *Ордани*.

ромъ, у Переяславля, появился какой-то невиданный у насъ звѣрь: ро- говъ у него какъ на *перекотиполі* колѣнбевъ, быстрый—лошади быст- рѣе, зовется — олень; что когда кто-то погнался за этимъ звѣремъ, онъ птицей понесся, рѣки незамѣтилъ передъ собою и полетѣлъ по Дятпру, какъ по *стену*... что на срединѣ Дятпра онъ ослабилъ свой бѣгъ, и началъ *пру́знуть* въ воду... что олень только тогда замѣтилъ подъ собою воду, и хотѣлъ снова полетѣть, но поздно! что разъ начало погружаться въ воду, то погрузится непременно... что потонулъ бы олень, если бы не бросился къ нему на своей *душоубиці* (легенькая лод- ка изъ лыщ), краса всѣхъ припятровскихъ рыбакокъ окрестностей Переяславля, преславный рыбакъ Бова... что налетѣлъ Бова на оленя, схватилъ его рогатого за рога и такъ его на берегъ, а оттуда домой... что олень достался Бовѣ, а рога его принесены Бовою въ даръ какой-то церквѣ, чтобы, на концахъ и излучинахъ ихъ, люди могли много-много прилѣплять восковыхъ свѣчей Богу и поминать добрымъ словомъ па- мять Бовы, когда дерзкая его отвага сложить наконецъ легкія его кости на вѣчно-волнующемся днѣ Дятпровскомъ.

— — —

Вотъ дѣло близко уже къ разсвѣту; вотъ показался и свѣтъ въ ок- нахъ, сперва у *дѣда* Опанаса, потомъ у старой Мотри, и затѣмъ и въ другихъ хатахъ. Вотъ и народъ началъ *ворушиться* по дворамъ и ого- родамъ: выпускаютъ изъ хлѣбовъ овецъ въ кошары и даютъ имъ болот- няго или лугового сѣна, носятъ *гулящому* (нерабочему) скоту и гуля- щимъ лошадямъ *яшницю*, *пшенишницю*, *просяницю*, *овсяницю* (яч- менную или пшеничную и т. д. солому), подкладываютъ рабочимъ во- ламъ, дойнымъ коровамъ и *изжальнимъ* лошадямъ сѣна степнаго, а пос- лѣднихъ, пожалуй, и овсомъ кормятъ.

Но вотъ и разсвѣтать начало, и изъ мрака ночного начали выдвигаться мало-помалу, и тянущаяся предъ вами далеко-далеко вдоль глад- кая зимняя дорога, и подобршіяся къ ней, справа, отъ восхода солнца, хаты селенія Ріжкѣвъ съ обѣвшими ихъ хлѣвами, коморами, кошарами и торчащими кое-гдѣ вытянувшимися къ небу колодезными журавля- ми... а слѣва — поворотившимися къ дорогѣ вѣтранными мельницами... Вотъ и солнце взошло и позолотило верхушки колодезныхъ журавлей справа, и крылья вѣтряныхъ мельницъ слѣва: стоятъ себѣ, выставивши лбы и разметавъ позолоченныя крылья во всѣ стороны, — словно какіе *шляхетно-урождѣные* на Іордань, акрещенскій зефиръ, подѣлавши про- робы на ихъ высокихъ чолахъ, разметалъ шановныя чуприны на право

и на лѣво, внизъ и на затылокъ. А за ними, за млинами ѣтими, гладь и гладь бѣлая съ золотымъ отливомъ, свѣжняя степь съ темнѣющими кое-гдѣ скирдами и стогами сѣна, съ степными *грушкѣми* (грушевыми деревьями), съ степными хаткѣми и *хлѣвчиками*, и съ вырѣзывающимися на горизонтѣ бѣлыми, блестящими на солнцѣ, могилами, сѣрыми гаями и какими-то движущимися черными точками, — обитателями степныхъ сосѣднихъ селеній и хуторовъ, поспѣвающими за чѣмъ-то въ селеніе Ріжки и другія сосѣднія селенія и хутора прирѣчные....

Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ это такъ пустились наши степняки? Да и *Ріжківці* (жители селенія Ріжківъ) — что это они такъ засуетились, бѣгаютъ изъ хаты въ хату, а вные запрагли лошадей и тоже куда-то ѣдутъ? И не топится ли гдѣ!... Вчера въ эту пору надъ всѣми хатами стояли уже столбы дыма, а теперь хоть бы одна пыхнула изъ трубы, хоть бы для того, чтобы попробовать, куда вѣтеръ дуетъ и не будетъ ли назавтра оттепели!....

Да всё по той же причинѣ, что сегодня Багата Кутя.

Сегодня Багата Кутя, — такъ хозяйка-Украинка утромъ сегодня топить и варить ѣсть не будетъ. Все утро она провозится за разными мелочами обыденной сельской жизни, и приводитъ въ порядокъ то, что приготовлено прежде для праздника: она накормитъ свиней, птицу; она вымажетъ саломъ или жиромъ, а пожалуй и добрымъ дегтемъ, сапоги себѣ, мужу, семьѣ; можетъ быть, осталась невыкатанною какая рубаха — выкатаетъ ее; если есть у нея *запѣканка*, она наполнитъ ею *пляшку*, чтобы была готова, а за неимѣніемъ *запѣканки*, наточитъ, изъ бочонка или *барильця*, или нальетъ изъ *тикви*, просто *біленької*; она пришьетъ къ новому *очінку* ленты, поможетъ дочкѣ наннзвать новое монисто, она *насуше* посковыхъ свѣчей для сегодняшняго вечера и для завтрашняго утра и т. д. и т. д. Топить же и ѣсть варить она начнетъ только около полудня; потому что сегодня обѣдаютъ у насъ только вечеромъ, или, лучше сказать, сегодня у насъ не обѣдаютъ и не ужинаютъ, какъ обыкновенно обѣдаютъ и ужинаютъ, а только *ідѣть* кутю и *стрічають* или *ідѣть* *вечерю*, а въ обѣденную пору только немного закусываютъ. кому что Богъ послалъ, но большею частію — пироги съ капустою и жареную рыбу.

По той причинѣ, что сегодня Багата Кутя, спѣшать такъ въ Ріжки и въ другія селенія и хутора прирѣчные жители нашихъ селъ и хуторовъ степныхъ, и по той же причинѣ суетятся такъ, бѣгаютъ изъ хаты въ хату и тоже куда-то ѣдутъ и сами *Ріжківці*: всѣмъ нужна сегодня

свѣжая *свѣднішня* рыба, и все потому стараются достать ее, во что бы то ни стало. Степняки поэтому свѣшаютъ въ Ріжки; Ріжківці, не занимающіеся по какимъ-нибудь причинамъ рыболовствомъ, или же, хотя и занимающіеся имъ, по имѣвшіе сегодня неудачный уловъ, свѣшаютъ къ своимъ сосѣдямъ-рыбалкамъ или же и въ другія селенія. Для сегоднешняго дня мы даже вотъ-что придумали! Въ селеніяхъ, которыя покрупнѣе и порыбловитѣе, мы открыли у себя на Багатой Куті, помимо вѣдѣнія предрержащихъ становыхъ приставонъ и помимо вѣдѣнія всякаго рода статистическихъ таблицъ, базары для продажи и покупки *свѣднішнихъ*: сбѣгутся со всѣхъ сторонъ на лѣгенькихъ *самочкалахъ*, купятъ, продадутъ и разбѣгутся.... останется только въ двухъ-трехъ мѣстахъ на свѣгу немного сору отъ соломы, и нѣсколько конскихъ слѣдовъ! добывай тутъ становой приставъ изъ такихъ данныхъ статистическія свѣдѣнія, какъ знаешь! но неволѣ добрый человекъ напишетъ, что такихъ, во вѣренномъ ему станѣ, не оказалось.... А между тѣмъ, *сегоднешней* мы себя принасли!... а пожалуй. принасли и еще кой-чего, что намъ нужно и чѣмъ мы не успѣли запастись почему-либо въ свое время и въ своемъ мѣстѣ, напр. купили на грошъ ладану, на два круглого перцу, чтобы истолочь его и «иноді, знаєте, тѣе, въ чаркѣ.... живитъ заболитъ, абѣ-що!» а пожалуй, на три на четыре гроша, купили, по порученію любимой дочки, серьги-польки....

Закончу сказаніе свое о заготовленіи у насъ рыбы для Багатой куті замѣчаніемъ: что все мы запасаемся ею главнымъ образомъ въ день Багатой же Куті, и способомъ, о которомъ я сейчасъ разсказалъ. Только жители степныхъ селъ и хуторовъ, слишкомъ удаленныхъ отъ рѣкъ, а равно жители мѣстностей, страдающихъ *безрыбьями*, только тѣ запасаются ею заблаговременно, въ городахъ, иъ рыболовныхъ селлахъ и т. п., и тутъ, конечно, часто случается, что на безрыбьи и ракъ становится рыбою.

Но вотъ мы рыбою уже запаслись — и домой!... «Ну жена», говоритъ хозяйникъ дома, входя въ хату: «а я рыбы досталъ!» — «А щука есть?» — «Есть!» — «Ну слава тебѣ, Господи!» и жена съ радостію смотритъ на дѣтей, а дѣти, кто съ печки, кто съ *пріпичка* кто съ *пѣлу*, — побросали и очеретяныя трубы, и ката *рудію*, которому собиразился было привязать къ хвосту *куницю* вѣсто кисти, — и все *до-до-лу* къ мѣшку съ рыбою: вынотрошил его, переворачиваютъ съ боку на бокъ зубастую щуку, тормозать красноглазаго карася.... гвалтъ, крикъ, веселіе!... даже маленькій Петрусь высунулся изъ висящей надъ по-

ломъ люльки и, вцѣпившись своими ручонками за *бильця*, хохочетъ и дергаетъ ее, будто собирается выскочить и себѣ туда, въ общую кучу, къ шукѣ и карасямъ, къ общей семейной радости...

Погрѣвшись въ хатѣ, *хозяинъ* уходитъ и возвращается къ семьѣ не прежде, какъ около полудня, да и то на самое короткое время, чтобы только немного закусить; потому что въ хатѣ сейчасъ поднимется на весь день такая возня около рыбы и разныхъ разностей, что и угла свободного не найдешь! Ну, да и ему самому нужно кое-чѣмъ заняться, тамъ, на дворѣ. Впервыхъ, ему надобно напоить скоть, овецъ и проч., и дать имъ утреннюю порцію корму; потомъ, надобно расчистить снѣгъ возлѣ хаты, коморъ, чтобы встрѣтить праздникъ поприличнѣ; далѣе надо осмотрѣть саи и упряжь, можетъ что надо починить, не пзрвалось бы что, не изломалось бы во время праздниковъ, не насмѣшить бы людей; ну, и тоилпава женѣ на праздники нужно припасті, чтобы всего тогда было вдоволь и все было подъ рукою: если дрова есть — дровъ наколоть и сложить подъ кожорею или въ *новіці* (навѣсъ), не то — очерету натаскать съ берега, соломы наносить и т. д. Словомъ, пока позовутъ закусить, довольно наберется разной работы!

Послѣ закуски *хозяинъ* идетъ къ какому-нибудь куму или свату, у котораго есть хата *черезъ сѣни*, — вообще, у котораго есть свободный уголъ, — идетъ бриться (*юлітыця*), — *юліть бороду и піділювати чуба*.... Туда же приходятъ еще человекъ пять-шесть, а иногда десять и пятнадцать, и вотъ начинается зрѣлище, повторяющееся всякій разъ, когда мои добрые земляки принимаются бриться.... зрѣлище грустное и вмѣстѣ исполненное того неподражаемаго юмора, который рѣдко, очень рѣдко, оставляетъ ихъ, и передать который было бы въ состояніи только такое мастерское перо, какъ перо покойника Гоголя.

Грустно видѣть, что изъ этихъ десяти-пятнадцати *хазянівъ*, имѣющихъ по парѣ, а можетъ быть и по двѣ пары воловъ, и собравшихся теперь *причипуритыця*, ни у одного не имѣется зеркальца, въ которое можно было бы смотрѣться, подбривая свой подбородокъ и свой чубъ.... и что замѣнять его имъ приходится *зеркальною поверхностію* чистой воды, налптой въ миску (вода вѣдь у насъ даровая, а па зеркальцо нужны деньги!...). Грустно видѣть, что у этихъ десяти-пятнадцати *хазянівъ* ни у одного нѣтъ бритвенныхъ снарядовъ. — мыльницъ, кистей, бритвъ, — а только у двухъ-трехъ по крошечному кусочку мыла величюю въ грецкіи орѣхъ, да у двухъ-трехъ по *косі* — отрубку старой косы, наостренному и оправленному въ доморощенный черешокъ!... Гру-

стно и даже тяжело видѣть, какъ эти десять-пятнадцать хозяевъ, поочередно одинъ за другимъ, отдають въ распоряженіе свои лица, исполненные ума и сердечной теплоты, какому-нибудь мѣстному доктъ въ британномъ дѣлѣ, и тотъ принимается теплою водою и орѣхообразными кусочками мыла ихъ намыливать и безжалостно тиранить варварскими *косарями!*... и тѣмъ болѣе грустно и тяжело, что какъ ни хорошо знаешь быть этихъ бѣдняковъ, и какъ ни ослзательно чувствуется, если не разумность, то по крайней мѣрѣ печальная необходимость и связь всѣхъ явленій ихъ жизни, невольно иногда подумаешь, что изъ миллионовъ, вносимыхъ ими, куда слѣдуетъ, за вѣсныя акцизныя статьи, право, кажется, они могли бы ежегодно отдѣлять извѣстную долю серебряныхъ рублей для покушки, на первый разъ, хотъ пятикопѣечныхъ кистей и мыльницъ и тридцатикопѣечныхъ бритвъ.

Но какъ ни грустно смотрѣть на все это, какія бы мысли вамъ въ это время ни приходили, но если только у васъ осталась кака-нибудь возможность сходить съ вашей точки зрѣнія и придвинуться сердцемъ къ точкѣ зрѣнія этихъ добряковъ, и если при этомъ у васъ имѣется способность видѣть всю глубину внутреннего смѣха за этими серьезно-привзносимыми соболѣзнованіями къ участи брѣмаго, за этими, наполовину притворными, болѣзненными его стонами, за этими восклицаніями его: *мотузкѣ, мотузкѣ* (спурка, спурка т. е. дайте)!... и т. п. восклицаніями, по-видимому не нѣющими никакого смысла, но тѣмъ не менѣе имъ вѣсѣмъ понятнымъ, я — вы будете хототать, мой добрый читатель!

Остатокъ дня, послѣ бритвъ до вечера, употребляется моими земляками на разныя заботы о скотѣ, овцахъ и т. п.: но главнымъ образомъ на приготовленіе для нихъ корма къ завтрашнему дню. чтобы завтра ни о чель уже не заботиться, а просто, взять только готовое, подложить и дѣлу конецъ!

Но оставимъ *жазлінівъ!* воротимся лучше въ нашу дорогую хату, къ нашимъ дорогимъ хозяйкамъ, и посмотримъ, что тамъ у нихъ дѣлается! и чтобы не помѣшать имъ *шпиритъ* пироги и возиться съ печкою, войдемъ къ нимъ тогда, когда со всѣмъ этимъ опѣ уже покончили и переносятъ кутю... а еще лучше — послушаемъ, что рассказываетъ объ этомъ въ своей автобіографіи Василій Петровичъ Бѣлокоштенко.

—Надобно вамъ сказать, говоритъ Василій Петровичъ, что до сихъ поръ я не зналъ, въ чемъ собственно заключается *ставаляння* кути на *покуття*: самъ я кути на *покуття* еще никогда не ставилъ, а какъ ста-

вѣли ея другіе мои братья, — никогда не былъ свидѣтелемъ, потому что въ то время, по крайней мѣрѣ въ нашемъ семействѣ, отъ присутствія при исполненіи этого обряда всѣ мужчины, за исключеніемъ конечно участвующаго въ немъ, были устраняемы. Я зналъ только, что кутю ставятъ на покуття, — зналъ, что ставленіе это окружаютъ какого-то таинственностію, — слышалъ отъ сверстниковъ своихъ гордое и вѣстѣ какое-то многозначительное: «что мы-де ставили уже кутю, а вы (т. е. я и другіе мнѣ подобныя) еще нѣтъ!» Видѣлъ, что допущеніемъ къ ставлянню кутю на покуття дается дѣяти какой-то патентъ на извѣстную возрастность, и вѣстѣ на извѣстное право гражданства въ томъ очаровательномъ для насъ мірѣ разныхъ исполненныхъ поэзіи обычаевъ и вѣрованій, которыми такъ богата жизнь нашего народа, и которыя такими пахучими цвѣтами увиваютъ тяжелую ношу нашей жизни, сплетенной изъ волчцовъ и терній и горечи заботъ о хлѣбѣ насущномъ.... Все это я зналъ, слышалъ и видѣлъ; но болѣе — не зналъ, не видѣлъ и не слышалъ ничего! Дѣтскому моему сердцу и дѣтской моеи фантазіи представлялось поэтому обширное поприще окружать актъ ставляннн кутю на покуття чудесами: — фантазія окружала его какимъ-то ореоломъ святости, какою-то таинственною многозначительностію, какимъ-то неуловимымъ въ формы величіемъ, а сердцу — какою-то трепетно-благоговѣйною теплотою чувства любви и стремленія къ неизвѣстному, таинственному, великому, святому....

— — — — —

— — ну, такъ вотъ я вожусь съ Антономъ и другими мальчканами, моими сверстниками, у коморы, снаряжая *грэнджоблята* (извѣстнаго устройства маленькіе санн) и *тримаки* (куски льда, извѣстныхъ образомъ приготовленные), чтобы было на чемъ спускаться съ горы во время праздниковъ. Но не успѣли мы кончить своихъ приготовленій, какъ на *рундуці* (крыльцѣ) показалась быстроглазая Васька и начала звать меня въ хату. Я, конечно, отвѣтилъ ей, что мнѣ некогда; но она повторила свое требованіе настоятельнѣе, намѣкая, что мнѣ дадутъ какой-то гостинецъ.... Я пошелъ....

»На порогѣ *некарни* встрѣтила меня мать... не узнать ея, такая въ ней перемена! На вѣчно-блѣдныхъ щекахъ — легкій румянецъ, въ вѣчно-грустномъ взглядѣ — счастье. А сколько нѣжности въ движеніи, съ которымъ она положила мнѣ на голову свои руки и наклонила ее назадъ, чтобы глядѣть мнѣ прямо въ лицо!... Пусть хоть разъ во всю свою жизнь встрѣтитъ столько нѣжности въ своихъ матеряхъ дѣти нашихъ дѣтей!

— Ну, Васюню, поставь намъ кутю на поткуття! говорить... и улыбулась....

— Кутю на покуття?!.. и я вздрогнулъ отъ какого-то невѣдомаго мнѣ страха, и вмѣстѣ отъ счастья.

— Мать утвердительно кивнула головой и провела ладонями по моимъ щекамъ... потомъ поворотилась и пошла въ пекарню....

— Молча, съ сильно-бьющимся сердцемъ... быстро и съ трепетнымъ любопытствомъ оглядывая все во кругъ, вошелъ я робкими шагами въ святилище....

— Вечерній полусвѣтъ едва освѣщаетъ пекарню сквозь замерзнувшія окна; печка уже не топится... въ комнатѣ тихо, никакой работы и суеты, какъ-будто только-что совершился тутъ какой-то великій актъ, и все, счастливое благополучно его развязкою, переводитъ дыханіе, учащенное прежде мучительнымъ ожиданіемъ, и радостно улыбается предстоящему будущему... Дѣвчата и молодичи стоятъ вокругъ хаты у лавокъ, скрестивъ на груди руки... смотреть на меня и тихо улыбаются; у печки сидятъ на лавкѣ *куховарки* Оришка, тоже скрестивъ на груди руки... смотреть на меня и тихо и нѣсколько гордо улыбается мнѣ; возлѣ нея, на припечку, какъ пара новорожденныхъ близнецовъ, — пара горшковъ, одинъ съ узваромъ, другой съ кутею... у покуття, какъ жрица у олтаря, стоитъ предметъ благоговѣйнаго уваженія всѣхъ отъ старого до малого, сѣдолодая баба Миниха, и бѣлою тряпкою вытираетъ покуття, и безъ того чистое—чистое....

— Я остановился по срединѣ пекарни, не зная, что мнѣ дѣлать, куда мнѣ направиться....

— Сюда, сюда йди, Васильку!—вывела меня изъ недоумѣнія баба Миниха.

— Я подошелъ къ покуттю.

— Ну, перекрестись и ударь три поклоны!

— Я машинально исполнилъ приказаніе.

— Теперъ ходишь зо мною!.. и натянувъ сапоги и надѣвъ кофухъ, пошла изъ хаты.

— Я послѣдовалъ за нею.... Привела меня баба Миниха къ скрадѣ степнаго сѣна и начала отыскивать такое въ ней мѣсто, гдѣ бы сѣно было почище, не имѣло въ себѣ никакихъ жесткихъ травъ, *бадилля*, и гдѣ бы нога человѣческая или какого животнаго никогда не прикасалась. Выбрала наконецъ она такое мѣсто, обдергала верхнее сѣно прочь и велѣла мнѣ *смѣкать* изъ средины.... Я насмикалъ порядочную кучу.

»— Ну, возьми-жь и неси его за мною.

»Я забрала сѣно и пошла за бабою Минихою.

»— Положи-жь его на покутті!« сказала она, когда мы снова очутились въ пекарнѣ.

»Я положилъ.

»— Розстели ёго гарнёшко.

»Я разостлалъ....⁽¹⁾ Затѣмъ, баба Миниха заставила меня, собственноручно и безъ всякой посторонней помощи, перенести съ припечка на покутті горшки съ кутею и узваромъ, оставить ихъ тамъ хорошенько въ сѣно (¹), чтобы не опрокинулись, взять пару хлѣбовъ и накрыть ими эти горшки; потомъ пойти въ свѣтлицу, взять оттуда миску съ сотами и тоже оставить на покутті: баба Миниха только командовала мнѣ и въ сѣромъ полу-свѣтѣ тихо ходила предо мною, какъ какой-то таинственный церемоніймейстеръ въ какой-то таинственной церемоніи....

»Когда были уставлены и соты, баба Миниха велѣла мнѣ снова перекреститься и ударить три поклона, и когда я и это исполнилъ, велѣла мнѣ итти прочь, къ мнѣмъ гренжолятамъ и гринакамъ.... Сопровождаемый нѣжною улыбкою матери и тихими улыбками дѣвчатъ и молодицъ, я пошелъ изъ хаты, съ поникшею головою, полною какъ-то таинственныхъ образовъ, гдѣ въ сѣромъ полу-мракѣ все какія-то тихія и нѣжныя улыбки женщинъ.... И когда я сошелъ съ рундука и медленными шагами направился къ коморѣ, я нѣсколько разъ останавливался въ раздумьи и оглядывался назадъ, какъ-будто тамъ, въ пекарнѣ, я что-то забылъ, или чего-то не разглядѣлъ, или чего-то не слышалъ....«

Вотъ-какъ у насъ, мой читатель, ставили когда-то и ставятъ еще и теперь кутю на покутті въ семействахъ, сохраняющихъ обычаи предковъ! Вамъ, можетъ быть, тутъ не понятно, почему кутю долженъ ставить непременно мальчикъ? Не берусь разъяснить вамъ этого, потому что хотѣлось бы мнѣ, чтобы разъясненіемъ такимъ, а равно и разъясненіемъ еще многого другого, остающагося у насъ неразъясненнымъ, занялся кто-нибудь болѣе свѣдущій меня въ объясненіи внутренняго смысла нашихъ вѣрованій, или покрайней мѣрѣ значенія обрядовой оболочки,

(¹) Мальчикъ, неся кутю на покутті, долженъ при этомъ *квоктать*, какъ *квокчетъ кѣбчки*, насѣдка, когда созываетъ своихъ дѣтей. Квоктать должны также и другіе мальчики, если они при этомъ случатся; но женщины и дѣвчата ни подъ какимъ видомъ не должны квоктать. Въ семействѣ Василія Петровича, обычай квоктать, какъ видно, не соблюдался, или Василій Петровичъ объ этомъ забылъ.

въ которой они проявляются. Я только скажу съ своей стороны, что обычай этотъ, — ставить кутю на покуття руками неженатого мужчины, и именно — невозрастнаго дитяти, у насъ повсемѣстный.

Время послѣ ставляння кутю на покуття, пока совершенно стемнѣетъ, употребляется хозяйками на окончательное приготовленіе печки къ завтрашнему дню (т. е. на бѣленіе мѣломъ или бѣлою гліною наружной ея стороны, закоптившейся отъ топки послѣ предварительнаго бѣленія, а равно и на бѣленіе прищечковъ, на мазаніе *рудю* гліною челюстей и *заличківъ*), на снаряженіе стола къ предстоящей трапезѣ, а также и для того, чтобы покутать и вымыть дѣтей, если только эти послѣднія должны къ кому-нибудь нести или везти *вечерю*.

Но послушаемъ снова Василя Петровича, его разсказа о томъ, какъ садятся у насъ за *вечерю* на Багату Кутю, или какъ у насъ *встрѣчаютъ кутю*.

«...Какъ живо выдвигается въ моей памяти эта картина моего дѣтства!... и этотъ полумракъ-полусвѣтъ, и эта невыразимая прелесть какого-то таинственнаго смѣшенія всего во едино: чада вмѣстѣ съ домочадцами; праздничная чистота хаты и всего ея убранства—а люди свои, домашніе, въ одеждѣ домашней, будничней; торжественное выраженіе лицъ и движеній—и повидимому обыденная жизнь, ужинъ, столъ съ пищею и ложками; курящій ладанъ—и семейный очагъ; глава семьи—и вмѣстѣ какой-то жрецъ; хата—и вмѣстѣ храмъ; семья—и вмѣстѣ общество вѣрующихъ....

«Въ пекарнѣ два длинныхъ стола, одинъ у покуття, другой въ столовѣ, уставленные приборами (¹), съ горами пироговъ въ мискахъ и кучею рюмокъ и графинчиковъ съ настойками... надъ столомъ у покуття вколоченъ въ стѣну гвоздь, и къ гвоздю прилѣплена зажженная восковая свѣчка—больше свѣту въ хатѣ нѣтъ... предъ этимъ столомъ, противъ свѣчки и окруженный дымомъ ладану, стоитъ, будто въ сіяніи и на облакѣ, сѣдой какъ лунь старикъ, мой отецъ, въ бѣлой рубахѣ и въ бѣлыхъ въ сапоги шароварахъ... въ лѣвой рукѣ у него куряльница, онъ поднималъ ее вверхъ и тихо поводитъ ею, и кадитъ ладаномъ... позади отца мы всѣ, кучею: домочадцы, наймити и наймички, душъ двѣнадцать, и вся семья—мать, сыновей четверо, пять дочерей, двое зятьевъ и душъ семь внуковъ и внучекъ отца....

(¹) Во время Багатой Кутю болѣе чѣмъ когда-либо соблюдается у насъ обычай ставить лишній приборъ для нежданнаго гостя.

«Стали всё, стихли....»

«Старикъ поднялъ правую руку, перекрестился и тихимъ, торжественнымъ голосомъ началъ: »Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй!... Богородице діво, радуйся, благодатная Маріе!»

«За отцомъ крестились и мы, и мысленно провозносили за нихъ слова молитвы....»

«Послѣ »Богородице« старикъ прочиталъ »Отче нашъ«, и когда закончилъ словомъ »отъ лукаваго, (1) перекрестился снова, отдалъ курильницу матери и молча сѣлъ за столъ передъ покуттямъ. Мы тоже всё перекрестились и молча сѣли за столы, семья у покуття, домочадцы — у другого стола.

«Снова глубокое, торжественное молчаніе воцарилось въ хатѣ....»

«Отецъ взялъ графинчикъ съ любимую своею настойкою, налилъ большую рюмку, перекрестился, взялъ рюмку въ правую руку, поднялъ ее вверхъ и тихо произнесъ — »Нехай же легенько згадаецца сїнові моему Иванові, де вінъ здоровъ повертаецца!...« и слезы брызнули изъ его старыхъ очей.... За старикомъ заплакало все, что было въ хатѣ, за обими столами, отъ моей доброй матери, до сѣдоусаго и твердаго какъ загартованная сталь, старого діда Мины....»

«А отецъ сквозь слезы продолжалъ: — »Нехай легенько згадаецца й дочці мої Галі, де вона здоровенька повертаецца! «Мать, сестры и всё женщины за обими столами повзрыдь заплакали.... — »Нехай легенько згадаецца й моему пайшитові Петрові, де вінъ здоровъ повертаецца!«... и старикъ поставилъ рюмку на столъ и закрылъ лицо обими руками.... а сирота Федоря, сестра наймита Петра, зарыдала и выбѣжала изъ пекарни въ прихожую....»

Вы, можетъ быть, думаете, мой читатель, что представленная здѣсь Васи́лемъ Петровичемъ картина всеобщаго плача семьи и домочадцовъ, при воспоминаніи объ отсутствующихъ за первую чаркою, есть какое-нибудь явленіе случайное, или что для большаго эффекта Васи́лій Петровичъ употребилъ тутъ краски слишкомъ яркія... Нѣтъ, нисколько: тутъ все вѣрно съ дѣйствительностію до самой малѣйшей черты, и все это наша общая и постоянная принадлежность. Все, что онъ тутъ сказалъ, вы и теперь можете встрѣтить во всѣхъ нашихъ семействахъ, держащихся предковскихъ обычаевъ, и всякая такая семья, за первую чаркою на Ба-

(1) Обращаю вниманіе читателя, что молитва здѣсь читается не до конца, а только до слова *отъ лукаваго*.

гату кутю, непременно прольетъ слезы въ память тѣхъ членовъ своихъ, которые живы и которые почему-либо не могли насладиться счастьемъ встрѣтить кутю у себя, въ семьѣ, за общимъ семейнымъ столомъ. Украинцы, особенно женщины, любятъ всегда вспоминать за чаркою отсутствующихъ членовъ семьи, но плакать при этомъ—не плачутъ, а если и плачутъ, то или въ слѣдствіе какихъ-либо особенныхъ случайностей, или потому, что ужъ, какъ у насъ говорятъ, они *підъ чарочкою*; но на Багату Кутю плачутъ они непременно, и всѣ, и просто только потому, что отсутствующіе — въ отсутствіи, а не у себя, не съ ними. По понятію Украинцевъ, большое для человѣка несчастье жить вдали отъ семьи, большое несчастье не быть или не посидѣть во-время на такую семейную радость, какъ, напр., женитьба брата или выходъ замужъ сестры; но самое большое, по ихъ понятію, несчастье — не быть или не посидѣть во-время на Багату Кутю; и въ слѣдствіе такого отсутствія, на Багату Кутю заплачетъ вся ваша семья, заплачутъ домохадцы, заплачетъ и вашъ сѣдолосый отецъ, хоть будь у него не одинъ, а десять желѣзныхъ характеровъ.... И не обрядъ только онъ будетъ исполнять, обливая слезами свое старческое лицо, — нѣтъ! Онъ плачетъ потому, что онъ уязвленъ въ самое чувствительное мѣсто своего сердца: у него, по преимуществу семьянина, въ праздникъ *семьи*, отнять одинъ членъ семьи....

Считаю нужнымъ сказать еще нѣсколько объяснительныхъ словъ къ выписанному мною отрывку изъ автобіографіи Василя Петровича.

Вопервыхъ, членами семьи, съ точки зрѣнія Багатої Куті, считаются у насъ всѣ тѣ, которые, если не живутъ въ одной хатѣ, по крайней мѣрѣ работаютъ на одно хозяйство и живутъ изъ одного хозяйства, а слѣдовательно: глава семьи, мать, всѣ неженатые сыновья и незамужнія дочери, не отдѣленные женатые сыновья съ семействами, зятя, живущіе въ *пріймахъ*, съ семействами, и наконецъ домохадцы, конечно тамъ, гдѣ они не слуги и рабы, а дѣйствительно *домохадцы*, *чѣлдь*. Къ этимъ членамъ семьи, хотя и не въ такой уже степени, причисляются, во время Багатої Куті и замужнія дочери съ своими мужьями, если у нихъ нѣтъ еще дѣтей, — вообще, если у нихъ нѣтъ своей семьи, — и отдѣленные женатые сыновья, находящіеся въ такихъ же условіяхъ, какъ и замужнія дочери: они тоже должны бы быть на Багату Кутю за общимъ семейнымъ столомъ. Идѣющіе же свои семейства сыновья и дочери — хорошо если бы были, а нельзя имъ—они покрайней

нѣрѣ должны послать своихъ дѣтей сегодня, или послѣ, *съ вечерю*, къ дѣду и бабкѣ, и къ болѣе чтпнымъ дядямъ и теткамъ.

Потомъ, я еще долженъ сказать, что на отдѣленіе у Василя Петровпча домочадцевъ за особый столъ не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на отдѣленіе господъ отъ лакеевъ и горничныхъ, и хозяевъ отъ прислуги, — ить! Если бы у Василя Петровпча смотрѣли такъ на домочадцевъ въ день Багатои Кути, то вѣрно бы не сѣли встрѣчать ее въ пекарнѣ, а помѣстились бы въ свѣтлицѣ, что ли, какъ и дѣлаютъ ныне между мопли землякамъ: но тутъ на нихъ смотрѣли такъ, какъ смотритъ, во время Багатои Кути, на своихъ домочадцевъ и вся масса украинскаго населенія, т. е. какъ на членовъ же семьи, и шъ не посадили за общій столъ только потому, что тамъ негдѣ было имъ помѣститься, и отдѣлили ихъ за особый столъ, какъ отдѣляютъ у насъ иногда за особый столъ молодежь или дѣтей, когда количество обѣдающихъ слишкомъ уже велико. Изъ разсказа Василя Петровпча видно, что отецъ его былъ то, что называется *старосвѣцкій чоловікъ*, а старосвѣтскій человекъ почелъ бы съ своей стороны большою не деликатностію, даже дѣломъ богопротивнымъ — не посадить на Багату Кутю своихъ домочадцевъ за одинъ съ собою столъ.

Наконецъ скажу еще, что если у семьи выберется такая счастливая Кутя, что все члены ея на лицо, слезъ вы тутъ не увидите, и предъ первою чаркою глава семьи только говоритъ: «Царство жъ небесне нашимъ батькамъ и матерямъ» (или «нашимъ родителямъ». Нашимъ — т. е. его самого и его жены), нашему Ивасеві» и т. д.

Но будемъ слѣдить далѣе за ходомъ Багатои Кути!

Отдавши должную дань сожалѣнія объ отсутствующихъ, хозяинъ дома отпраетъ себѣ слезы.... Но онъ долженъ отереть ихъ и другимъ, потому что онъ глава семьи: — я вотъ онъ съ серпатымъ и удивленнымъ видомъ (какъ будто онъ) въ хатѣ и не былъ и не плакалъ, а такъ себѣ, только что вошелъ, и видитъ, что все плачутъ — восклицаетъ: — «Э-ге-ге!.. та оцѣ ви бачу плачете?!.. А та дурна якъ розрѣмалась!.. Годи жъ уже, кажу, годи!.. Иди сюди, Федорко!..», и семья вся сквозь слезы улыбается, а Федорка входитъ въ пекарню, отпрая очн рукавомъ, и садится за столъ. — «Ну, продолжаетъ хозяинъ дома, когда все стихли: — пехай же легенько згадаעתа веімъ!.. помершимъ царство небесне, а намъ веімъ на здоровья!..» выниваетъ чарку и дѣлаетъ пзвѣстное возніаніе, быстро брызгая въ нея черезъ голову остатокъ водки въ потолокъ, сопровождаая иногда еще словами: «Щобъ збирікували!» За главою семья пьетъ вод-

ку хозяйка дома, за хозяйкою дома — старшій сынъ и т. д. по старшинству семейной іерархіи, до послѣдней наймычки, до самаго малаго ребенка: хоть понемножку, но пейте все — *такъ годітца* (1).

Обратимся теперь къ яствамъ...

Прежде всего подаются на столъ пироги. Главную роль играютъ тутъ пироги печеные и именно пироги съ макомъ, помазанные сверху медовою патокою, а у людей недостаточныхъ — пироги съ варенымъ и растертымъ горохомъ, или съ вареною и растертою *квасолею*, помазанные сверху *смѣженымъ* съ лукомъ, коноплянымъ, или льнянымъ, масломъ. Второе мѣсто занимаютъ пироги, жареные на сковородѣ въ постномъ маслѣ, съ поджареною *шаткованною* капустою, съ варенымъ и растертымъ картофелемъ, а у людей, которые недостаточнѣе и которые начали уже знакомиться съ разными кухонными усовершенствованіями, — и съ гречневою крупю, перемѣшанною съ визигюю. — Пирогамъ закусываютъ водку и, кому нравится, съ пирогами же ѣдятъ и слѣдующія блюда.

За пирогами слѣдуетъ приготовленный на постномъ маслѣ, съ рыбою, борщъ Борщъ для Багатої Кути приготовляютъ у насъ различный; но большею частію въ это время является у насъ на столѣ любимый нами жидкій, въ который входятъ: квасъ изъ квашенныхъ *буркивъ* (свеклы), одна-двѣ луковины луку, нѣсколько зеренъ перетертаго круглаго перца, конечно — соль, и нешоджареные свѣжіе караси, пожалуй съ прибавкою нѣсколькихъ лпновъ.

За борщемъ слѣдуютъ наш *товченики*, уха изъ щуки, приготовленная на постномъ маслѣ. Щука въ товченикахъ является и въ естественномъ своемъ видѣ, особенно головка ея и хвостъ; но главнымъ образомъ является она въ клѣцкахъ, приготовленныхъ изъ щучьяго мяса и муки, или крошекъ бѣлаго хлѣба, и обернутыхъ въ щучью кожу. Сюда входятъ также лукъ и перецъ, какъ и въ описанномъ выше борщѣ. — Товченики, составляя одно изъ лакомѣйшихъ блюдъ украинской кухни (2), въ то же время составляетъ необходимую принадлежность *вечѣри* на Багату Кутю, особенно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Украины, такъ-что нѣтъ товчени-

(1) Если ребенокъ такъ малъ, что ему нельзя давать водки, ему по крайней мѣрѣ намочать ею немного темя.

(2) Въ сѣверныхъ губерніяхъ товченики вкусно приготовлены быть не могутъ, потому что мясо сѣверной щуки жестко и безвкусно.

ковъ — кути выходить *іурва*. По этой-то причинѣ у меня выше украинская семья и радуется такъ шукѣ.

Послѣ товчениковъ подають жареную на постномъ маслѣ рыбу, — главнымъ образомъ шуку и карася.

Тамъ является на столъ героиня вечера, *кутя*: круто сваренная, изъ описанныхъ мною въ первомъ письмѣ сортовъ крупы, каша... Хозяйка дома беретъ тутъ же, съ покуття, миску съ сотами, требуетъ себѣ холодной воды и чистую миску, кладетъ въ послѣднюю сотовъ, вливаетъ воды, раздавливаетъ въ ней ложкою соты и приготавливаетъ такимъ образомъ *ситу*. За тѣмъ, выбравши изъ ситы ложкою всю вощину, накладываетъ въ нее кути.... Кути обыкновенно ѣдятъ моп земляки и землячки немного; впрочемъ, всего случается!... Народу это не понравилось, и онъ опозорилъ подобныхъ обжоръ анекдотомъ, который онъ часто рассказываетъ, и въ которомъ объѣвшійся глава семьи, метаясь на *полу*, взываетъ къ женѣ и къ дѣтямъ: »Жінко мої, діти мої, кути менѣ зъ свѣта зженѣ!« Есть еще и другіе анекдоты на ту же тему, но отъ народа вы ихъ не услышите; онъ ихъ отвергъ, потому что въ анекдотахъ этихъ онъ не нашелъ ничего, что хоть сколько-нибудь и какъ-нибудь было бы на него похоже, а нашелъ представленными такія послѣдствія обжорства кутею, какихъ онъ за собою не чувствуетъ. Анекдоты, поэтому, остались только средствомъ для услажденія бесѣдъ пановъ и семинаристовъ, т. е. сохраняются въ памяти только той среды, въ которой они получили свое начало.

За кутею слѣдуетъ послѣднее блюдо, *узварь* — отваръ изъ сушеныхъ фруктовъ, о которыхъ я тоже говорилъ въ первомъ письмѣ. Его наливаютъ въ миску тоже сама хозяйка, и ѣдятъ его тоже понемногу.

Во время вечера водки пьютъ мало: рюмку, а много-много двѣ-три, да и то только старшіе мужчины; больше *никто* не пьетъ *никогда* и *ни въ какомъ случаѣ: не іодітцл, не звичайно, гріхъ!* Тѣмъ не менее, хоть за вечерю этою пьютъ водки и мало и хоть начинается она обыкновенно слезами, весело тутъ бываетъ очень-очень!... такъ весело, какъ ни въ одинъ праздникъ въ году!... Тутъ забывается весь міръ съ его суетою, всѣ печали и горести, всѣ и все.... и все, что тутъ есть, отдается прелесть настоящаго, празднику, во имя семьи и благъ семейнаго счастья.... Тутъ нѣтъ хохоту, нѣтъ шумныхъ выражений радости, часто снимающихъ съ празднованій оболочку граціи и часто отнимающихъ у нихъ прелесть задумчивости: тутъ только тихій смѣхъ, тихія улыбки, тихіе взгляды.... По въ этомъ тихомъ смѣхѣ, въ этихъ тихихъ улыбкахъ

и взглядахъ, столько истинной веселости или, лучше сказать, столько истиннаго, по истинѣ—счастливаго счастья, столько теплоты и сердечности, что заброшенный на чужую сторону,—только вспомнить—улыбнется, а пожалуй еще и слезу выронить.... Старикъ — глава семьи — оставляетъ тутъ свою обычную суровость и спускается до женскихъ или дѣтскихъ понятій и интересовъ: онъ говорливъ, шутливъ.... женщины и дѣти спѣшаютъ къ нему съ роємъ своихъ поэтическихъ грезъ и замысловъ. Тутъ и обычай, чтобы отецъ дарилъ тому, кто изъ дѣтей члпнетъ за вечерю — корову, теленка, ягнѣнка.... и хитрости дѣтскія — нюхать церецъ, чтобы чихать.... Отецъ цѣнилъ дѣтскую хитрость и, вмѣсто ожидаемаго ягнѣнка, даритъ рудого кота Брѹнну, или рябую кошку Машку.... О, если бы мнѣ еще хоть разъ въ жизни прожить такую вечерю!... Народъ нашъ созналъ хорошо, что такое для него Кутя, и сознание свое выразилъ въ любимомъ своемъ тонѣ, въ тонѣ, что называется »на догадѣ буряківъ, щобъ дали канусти« и »знай догадайсь!«, — выразилъ насмѣшкою надъ цыганомъ, который разсуждаетъ, что хорошия, дескать, вещи Великдень и Різдво: сегодня кормятъ хорошо и завтра недурно; но нѣтъ въ мірѣ ничего лучше Багатої Куті — сегодня хорошо, а завтра еще лучше!... »А что ужъ заговѣньє,« зааключаетъ цыганъ: »то хоть бы его и никогда не было: сегодня ѣжь хоть тресни, а завтра — зъ хриномъ борць, зъ хриномъ борць!« (1)

Послѣ вечера тотчасъ и отправляютъ дѣтой съ *вечерею* къ дѣду, бабкѣ, къ любимымъ и уважаемымъ дядямъ, теткамъ. Какъ ихъ снаряжаютъ и какъ отправляютъ,—предоставляю объ этомъ разсказать послѣ, болѣе опытному разсказчику, Василю Петровичу; а я буду продолжать свое, замѣтивъ напередъ, что если лица, къ коимъ слѣдуетъ везти кутю, живутъ далеко, то съ кутею къ нимъ отправляютъ и на первый и на второй день праздника,—что кутю привозятъ такъ и замужнія дочери и женатыя сыновья, пріѣзжаютъ ли они къ *вечери*, или послѣ, во время праздниковъ — и что привезшихъ кутю не угощаютъ, а дарятъ деньгами, по крайней мѣрѣ малолѣтнихъ.

(1) Въ первый день поста, какъ извѣстно, звонятъ въ маленькіе колокола. На Украинѣ, такіе колокола приводятся въ движеніе обыкновенно посредствомъ извѣстнаго рычага, *корѹмисла*, и издають мѣрные звуки въ три тона. Въ этомъ трехтѣмномъ звукѣ постоваго звона мнѣ землякамъ послышались слова зъ *хриномъ борць*, составляющія три слога и указывающія, какою пищею слѣдуетъ питаться, во время первой недѣли поста, благочестивымъ христіанамъ.

Выпроводивъ съ вечерю дѣтей, хозяйка тѣмъ изъ нихъ, которыхъ остался дома (что впрочемъ бываегъ только въ случаѣ ихъ болѣзни), вымоетъ всѣмъ головы и ноги, дастъ имъ чистое бѣлье и тотчасъ уложитъ всѣхъ спать. Въ это же время моютъ себѣ головы и ноги и все мужское населеніе семьи. Очистившись такимъ образомъ и надѣвъ чистое бѣлье, *тотчасъ ложатся спать все безъ исключенія*, и никто изъ нихъ, равно какъ никто изъ женщинъ, послѣ вечера на Багату Кутю, не пойдетъ ни куда ни подѣ какимъ видомъ, на *досвѣтки*, на *улицю*, на какое-нибудь бражничанье, погулянки, въ гости и т. п.; потому что это было бы такимъ нарушеніемъ всякаго приличія, такимъ безстыдствомъ, такимъ неуваженіемъ къ добрымъ нравамъ, къ законамъ Божескимъ и къ сросшимъ съ нашею плотью и кровію обычаямъ, что окааньянаго вытолкали бы изъ хаты, и онъ бы сдѣлался предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ и презрѣнія.

Когда всѣ мужчины и дѣти улеглись спать, женщины проворно приносятъ изъ погреба и изъ *лижъ* и коноръ все, что имъ нужно для завтрашняго стола и убранства, перемываютъ посуду, мажутъ *дѣль* рудою глиною снова, моютъ себѣ головы и ноги, надѣваютъ чистое бѣлье, убираютъ все изъ хаты прочь, что только есть въ ней грязнаго, и — кто ложится спать, а кто ждетъ возвращенія дѣтей, повезшихъ или понесшихъ вечерю. Воротились дѣти, — ожидавшая уложить и ихъ спать, подмететъ на ночь вѣликомъ еще разъ полъ. . . потому что мы вѣруемъ, что предъ каждымъ воскресеніемъ и предъ каждымъ праздникомъ по нашимъ хатамъ ходитъ ангелъ, и мы боимся, чтобы онъ не задѣлъ своєю святою пошкою за какую-нибудь соломинку и не огорчился бы этимъ онъ, святой небожигель. . . . Послѣ этого, ожидавшая дѣтей и сама ложится спать, зажегши напередъ цѣлую свѣчу или подложивъ побольше масла или сала въ каганецъ, потому что мы вѣруемъ, что въ этотъ вечеръ огонь долженъ горѣть въ нашихъ хатахъ всю ночь, отъ зари до зари. . . . И онъ дѣйствительно горитъ у насъ во всѣхъ хатахъ отъ зари до зари, и незнающій насъ и нашихъ обычаевъ и вѣрованій, если бы ему случилось проѣзжать черезъ село наше или нашъ хутовъ *въ ночь предъ Рождествомъ*, могъ бы подумать, что мы пьинствуемъ въ это время или что нецотребное дѣлаемъ, или что всѣ наши хаты, «Духъ Святій при нихъ и при нашихъ осѣлахъ!» населены вѣдьмами, да колдунами, и тамъ врагъ добрыхъ людей, чортъ, строитъ съ ними какія бѣсовскія проказы. . .

Вотъ, мой читатель, какова у насъ Багата Кутя, съ той минуты, какъ открыеть ее на Рижкѣвскихъ болотахъ, съ своєю лонатою и плеш-

нею семидесятилітній рыбака, Калепникъ, по отечеству Даннловичъ, по прозванію Переграфъ, до того момента, какъ закончить ее, всыпавъ въ каганецъ масла или сала поджпавшая дѣтелі, возившихъ вечерю, хозяйка нашей хаты, или хозяйкина невѣстка! Иной кути, быть можетъ гдѣ-нибудь, въ какой-нибудь повѣсти, кѣмъ иллубудъ описанной, вѣрте, у насъ нѣтъ! Можетъ, я нескладно спѣлъ, но сказаль правду, — не вкусно, можетъ, спекъ, но горячо!...

И скажу еще вамъ, мой читатель, что какъ бы вы ни объясняли формацию нашей Багатої Кути, какіе элементы вы ни желали бы видѣть въ ея основаніи, до полного уразумѣнія ея внутренняго смысла; мнѣ кажется, вы шкакъ не дойдете, если не допустите въ ней присутствія, и при томъ въ сильной степени, какого-то изъ сердца плущаго чествованія *своему близкому, родному*. Я говорю это потому, что своимъ, *роднымъ*, какъ-то особенно сильно дышетъ у насъ этотъ день и вся его обстановка, начиная отъ выбора сортовъ рыбы и отъ пироговъ съ макомъ и медомъ, до слезъ за первую чаркою и развозки *кути по роднымъ, близкимъ!*... Какія именно стороны нашего прошлаго были мотивомъ для такого чествованія, — не берусь разсуждать; «кто ёго знаѣ! про те пісьмѣнні люді знають — іхъ роспитайте!»

Въ заключеніе послушаемъ, что Василій Петровичъ разсказываетъ о сборахъ въ поѣздкѣ съ вечерю и о самомъ выѣздѣ. Предупреждаю только, что въ достаточныхъ семействахъ, кромѣ кути и узвару, дѣйствительно посылають и еще разныя разности, какъ говорить и Василій Петровичъ; но въ семействахъ недостаточныхъ или очень далеко живущихъ отъ дѣла, бабки, отца, матери и т. д., ограничиваются, первые, — только узваромъ и кутею, а вторые — одною кутею.

«... Вотъ,» говорить Василій Петровичъ, «мать моя уже хлопочеть около вечера! Горшечки, баночки, *макитерки*, тарелки. — съ кутею, узваромъ и разными разностями — уставлены въ безмѣрной величины бѣлую мяску, въ которой обыкновенно святать наску... Вотъ мяска эта завязана въ безмѣрной величины скатерти синѣйкой бѣлизны; терпѣливо поджплетъ насъ и обливається испареніями отъ варѣнаго, какъ обливається потоць красавица-невѣстка, въ бѣломъ съ усами повенькомъ нагольномъ тулупѣ, уже собравшаяся въ Рождество ѣхать къ матери, но еще поджпдающая своего мѣлкотнаго свбаряга-мужа.

«Вотъ на насъ, дѣтяхъ, уже *бѣленькі сорочечкы*, а тамъ и остальное убранство; по обычаю, мать убрала насъ вѣсьхъ лентами... На насъ верхняя теплая одежда; на мнѣ шубка на бѣломъ кроличьомъ мѣху, пред-

нетъ зависти моихъ сестеръ и разныхъ ихъ женскихъ ухищреній!...

• Вотъ уже и нянька моя собралась — смотрѣть за дѣтми въ дорогѣ; и сѣдоволосая баба Миниха явилась, съ своимъ ангельски-добрымъ лицомъ, смотрѣть за *вечерею* во время пути, представить такой же сѣдоволосой, какъ и она сама, бабушкѣ нашей ея внуковъ, поздравленіе ихъ съ святъ-вѣчеромъ и самую вечерю; по мнѣнію всѣхъ только одна Миниха могла занять мѣсто моей матери въ такомъ торжественномъ случаѣ!

• Вотъ, лучшія сани, усланные лучшими коврами изъ материнныхъ сундуковъ и запряженные непремѣнно лучшими жеребцами изъ отцовской конюшни, свиснули мимо оконъ и со скрипомъ остановились у крыльца, — а на козлахъ, между двухъ кониковъ, сидятъ самъ дѣдъ Мина, никогда обыкновенно не исполняющій обязанностей возницы, но на этотъ разъ взявшійся за прочно-сдѣланныя возжи, какъ болѣе достойный править такими крутошеими жеребцами и какъ болѣе сообщающій торжественности такому торжественному событію, какъ поѣздка къ бабушкѣ съ вечерю!...

• Вотъ дѣвчата понесли на крыльцо кучу нагольныхъ тулуповъ и великана-миску съ вечерю, а за ними и мы на крыльцо!... Огромный тулупъ растянулся поперекъ саней въ ногахъ; мы, дѣти, закутаны всѣ, каждое въ отдѣльный тулупъ, какъ пряники въ кульки, и усажены въ сани, а тотъ тулупъ, распустивъ свои рукава и полы, охватилъ насъ въ свои теплыя мохнатыя объятія... Нянька помѣстилась возлѣ насъ съ одной стороны, баба Миниха съ другой....

• — Зѣ Богомъ! — говоритъ мать и осѣняетъ крестомъ весь нашъ поѣздъ.

• Дѣдъ Мина тряхнулъ возжами, Павло, державшій лошадей подъ узды, отскочилъ въ сторону, и сани скрипнули и понеслись стрѣлою, свистя полозьями и изрѣдка подпрыгивая на попадавшихся кочкахъ.

• Вотъ мы уже за дворомъ, вотъ несемся вдоль хутора, поворотили на *взвѣзъ*, уже мы на рѣкѣ... Поворачиваемъ головки: — на горѣ, на крыльцѣ, видѣются всѣ насъ провожавшіе: вотъ и Павло, вѣролно любитъ лоснящуюся на лунномъ свѣтѣ шерстью вычищенныхъ имъ жеребцовъ; вотъ *мирошникъ* стоитъ, конечно разсуждая, что кониковъ-то пристроилъ онъ къ санямъ надежныхъ; и Васька-*кишмишница* должно быть скрестила руки на груди, ради теплоты, и жмурится быстроокая, не разглядитъ ли яркихъ цвѣтовъ на коврахъ; а вотъ и добрал моя мать!... и безъ-сомнѣнія, думаетъ она не о крутошеихъ жеребцахъ, и не о надежныхъ коникахъ, и не о яркихъ цвѣтахъ на коврѣ.... •

М. Номпсъ.

ОБЗОРЪ УКРАИНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

ГОГОЛЬ,

КАКЪ АВТОРЪ ПОВѢСТЕЙ ПЪЗЪ УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ И ИСТОРИИ.

Статья вторая.

Вся повѣсть *Сорочинская Ярмарка* основана на сватовствѣ. Выше сказано уже, что *пáробокъ честнаго и хорошаго роду* (а, по моему объясненію, это одно и то же, что *зажиточный женихъ*), какъ и представленъ Гоголевъ *фатъ въ попойкѣ*, не рѣшится приволокнуться слишкомъ явно за дѣвушкой, увидя ее впервые отроду, какъ бы она ни была хороша собой. Гоголь, *не зная простонародной Украины*, живописалъ ея нравы и обычаи по образцамъ антинароднымъ, которые составляютъ предметъ насмѣшекъ въ простонародныхъ бесѣдахъ. Если угодно, я приведу здѣсь очень характеристическій случай. Въ одномъ изъ украинскихъ городовъ, дѣлающихъ свачки изъ XVII въ XIX вѣкъ, не имѣя на то никакихъ разумныхъ правъ, данъ былъ лакейскій балъ. Нѣкто, отличающійся большою наблюдательностью, отпустилъ на балъ своего слугу, только-что поступившаго въ высшее сословіе изъ сословія пахарей. Возвратясь домой, слуга, на вопросъ своего господина: что происходило на балу? отвѣчалъ слѣдующими словами: *Танчили крутька* ⁽¹⁾ *и таке неподобне робили, якъ и настоящі пани. У дівчатъ—грудн юги, а сзадю—вибачайте въ сімъ слові— якъ пічъ, и все те, мабуть, фалшиво надуто!*

(1) Т. е. вальсъ.

Видите какая бедна раздѣляетъ пахаря отъ папа и лакея, которые служили Гоголю прототипами въ изображеніи простонародной Украины? Не правда ли, что смѣшна рѣчь слуги-пахаря?.. Но мы вовсе смѣемся не тѣмъ смѣхомъ, какимъ смѣялся Гоголь, когда живописалъ извѣстнаго рода почныя свиданія простонародья, когда изображалъ сватовство влюбленнаго паробка и когда—помните это?—заставилъ украинскаго рыцаря, полковника XVII вѣка, биться на кулакахъ съ возвратившимся изъ бурсы сыномъ. Но объ этомъ рѣчь будетъ въ своемъ мѣстѣ. Мы смѣемся тому, что образъ жизни паповъ названъ здѣсь *неподобнымъ*. Смѣшно и вмѣстѣ поразительно вѣрно: даже и *подобія* нѣтъ между людьми, брошенными на произволъ судьбы съ XVII вѣка, и между тѣми, которые ускакали на московской тройкѣ въ XIX вѣкъ! Подобіе между ними находилъ только незнавшій простонародной Украины Гоголь, вмѣстѣ съ своими близорукими книжничками—цѣнителями. Мы смѣемся тому, что дѣвчата горничныя подражаютъ здѣсь госпожамъ своимъ, которыя такимъ точно образомъ подражали нѣкогда иноземнымъ женщинамъ, притупившимъ тонкое цѣломудріе. Но сквозь этотъ смѣхъ видѣнъ намъ чистый, бѣдностью и отчужденіемъ сохраненный отъ псевдо-просвѣщенія, образъ женской граціи, которую эстетическіе Греки прозвали *стыдливою* и которая стыдлива до—сихъ—поръ въ украинскомъ простонародьи. Намъ смѣшна въ устахъ пахаря-слуги злѣйшая каррикатура, отъ которой не отказался-бы и Гоголь въ *Мертвыхъ Душахъ*. Мы хохочемъ надъ комическимъ простодушіемъ необразованнаго мужичины, лишсннаго «*умоченнаго вкуса*», а между тѣмъ не можемъ не отдать справедливости его простому, природному, вкусу. Такой многозначительный, заставляющій призадуматься, смѣхъ началъ производить Гоголь, забравъ въ свой умъ «все тѣ безчисленныя мелочи и подробности, которыя говорятъ, что взятое лицо дѣйствительно жило на свѣтѣ» и «соображая все отъ мала до велика, ничево не пропустивши» (1). Но въ *Вечерахъ на Хуторѣ*, по его собственному признанію, его «подталкивала молодость, во время которой не приходять на умъ никакіе вопросы» (2) и которая для многихъ остается неизмѣненнымъ состояніемъ. Этихъ-то многихъ, первыя произведенія Гоголя, которыя такъ горячо отстаивалъ критикъ

(1) «Сочин. и Письма Гоголя», т. III, стр. 315.

(2) Тамъ-же, стр. 300.

Русской Бесѣды, «заставили смѣяться такъ-же беззаботно и безотчетно, какъ и самого автора»; но «другихъ», которымъ, влѣтъ съ приближающею старостью, даются и ея преимущества, «приводили въ недоумѣніе рѣшить: какъ могли человѣку умному приходить въ голову такія глупости (1)!» Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите: пахарь-слуга обнаружилъ гораздо больше условій украинскаго юмора, нежели великій писатель, неприготовленный къ своему дѣлу жизнию, — нежели геній, невооруженный наукою, знаніемъ своего дѣла, опытностію.

Я дѣлаю это сближеніе не для шутки. Слова паробка—слуги о фальшивыхъ прелестяхъ городскихъ красавицъ характеризуютъ вкусъ каждаго паробка, а въ томъ числѣ и Голопупенкова сына, какъ-бы ни было смѣшно данное ему авторомъ имя. Вообще нашъ поселянинъ ничего не любитъ фальшиваго; чувство это лежитъ не только въ основаніи его быта, но и въ основаніи самой его природы, создающей и возсоздающей безпрестанно этотъ бытъ, несмотря на всѣ извращающія его обстоятельства. Онъ до-того не любитъ называть вещи несоотвѣтствующими имъ именамъ, до-того противна ему фальшивая оцѣнка чего-бы то ни было, что даже, взявшись за торговлю, онъ не запрашиваетъ лишней цѣны своему товару. Не угодно ли прочесть у П. С. Аксакова, въ его изслѣдованіяхъ украинскыхъ ярмарокъ, слѣдующее мѣсто: «Другое существенное различіе между великорусскимъ и малороссійскимъ купцомъ заключается въ самомъ способѣ торговли.... Малороссіянинъ почти никогда не торгуется, а держится, при продажѣ, одной определенной цѣны, которая, разумѣется, условливается торговыми обстоятельствами, но большею частью назначается съ честною умѣренностію. Мы нарочно наблюдали простыхъ Малороссіянъ и Великорусскихъ торговцевъ на ярмарочныхъ рынкахъ. Что стоитъ вещь? напримѣръ, гусь? спрашивае вы.— «Тридцать шаговъ» (грошей), отвѣчаетъ вамъ, сидя, Малороссіянинъ.— «Вотъ тебѣ гривешникъ» (5-ю коп. ср. дешевле), говорите вы, по русской привычкѣ торговаться.... «И то грѣши (т. е. деньги), отвѣчаетъ флегматически Малороссіянинъ, и отворачивается въ сторону. Напротивъ того, великорусскій торговецъ тотчасъ распознаетъ своего покупателя, по платью, по рѣчи, по приему, мигомъ смекнетъ, должно-ли сдѣлать ему «уваженіе», т. е. уступить, или стянуть съ него вдвое болѣе настоящей цѣны» и проч. (2)

(1) Тамъ-же, даѣе.

(2) *Русская Бесѣда*, 1838 года, кн. II, отд. наукъ, стр. 101.

Послѣ этого не трудно понять, какъ остороженъ, какъ щекотливъ долженъ быть нашъ простой пахарь, чумакъ, или, выражаясь по-великорусски, вообще простой *хололъ*, относительно фальши въ товарѣ, который онъ продаетъ. Если-же онъ не любитъ продавать фальшиваго, то судите, можетъ ли онъ, безъ строгой разборчивости, пріобрѣтать фальшивое, а тѣмъ болѣе, когда это пріобрѣтеніе называется: *невѣста!* Паробокъ встрѣтилъ дѣвушку, о которой невольно воскликнуть: «аі, да дівчина!»—этого еще слишкомъ для него мало. Онъ знаетъ, что въ городахъ еще больше красавицъ, нежели въ селахъ; но, можетъ-быть, другіе не знаютъ, что ни на одной изъ нихъ онъ не согласился-бы жениться, несмотря ни на богатство, ни на что, — и это не отъ чего иного, какъ отъ одного опасенія фальши. Заѣзжіи корнетъ, продувной помѣщикъ, купчина, воздыхающій о капитальцѣ, могутъ, воскликнувъ: «аі да дѣвушка!» черезъ часъ приступить къ сватовству; но Голопупенковъ сынъ, какъ бы онъ ни былъ смѣшонъ въ глазахъ автора, объ этомъ и не подумаетъ.

Можетъ быть, не одинъ изъ моихъ читателей слышалъ рассказы о вечерницахъ,—не о тѣхъ, которыя совершаются подъ балагайку и которыя авторъ *Вечеровъ на Хуторъ* могъ видѣть на барской кухнѣ, а о настоящихъ украинскихъ хуторскихъ вечерницахъ. Это — сходки молодыхъ людей обонхъ половъ, у одной изъ сосѣдокъ; вовсе не въ домѣ зажиточнаго пасичника, къ которому ѣздить въ гости горожане, а непременно у какой нибудь одинокой вдовы, у которой нѣтъ дѣтей и въ хатѣ просторно. Собираются на вечерницы какъ-будто для работы, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы, вдали отъ надзора женатыхъ, наговориться и послушаться рѣчей, которыя не приходятъ на языкъ среди степеннаго люду, озабоченнаго дѣлами и хозяйствомъ. Тутъ-то душа у каждой дѣвушки на-распашку; тутъ-то люются поэтическія пѣсни; тутъ-то ея богатства сіяютъ въ живыхъ рѣчахъ, нестѣсенныхъ предержашкою домашнею властью; тутъ-то обнаруживается вся та *природная грація*, весь тотъ *художественный складъ мыслей*, вся та, *доведенная до-цельза, утонченность въ области чувства*, которыя Н. С. Аксаковъ, во время своихъ разъѣздовъ по Украинѣ, находилъ, безъ различія сословія, въ украинскихъ женщинахъ (1). И вотъ гдѣ наши па-

(1) Тамъ-же, стр. 98—99.

робки—пахари выбираютъ себѣ невѣсть, или — лучше сказать — возлюбленныхъ. Это *лучше сказать* прибавлено мною потому, что наши паробки очень долго не женятся, очень долго живутъ одной близкой дружкой съ *коханюю дівчиною*, и наконецъ удостовѣрясь, *що вона любить вірно и що нема її на всему свиті такої щирої души*, рѣшаются сдѣлать такъ, чтобъ ихъ не разлучили ни отецъ, ни мать, ни чужая сторона ⁽¹⁾, подъ которою разумѣется разлука для чумацкаго промысла и заработковъ, а прежде разумѣлись военные походы. Если-же случится такъ, какъ поется въ пѣснѣ:

Полюбила козаченька, не спитала її відки,

или такъ, какъ случилось у Квитки между Василемъ и Марусею, или такъ, какъ случилось у Макаровскаго въ его поэмѣ: *Наталя* ⁽²⁾:

Віня ні мови, я ні слова, тіло затряслось, —
Сталося ліхо, и на віки въ сѣрденько вплілося;

тогда паробокъ поступаетъ такимъ образомъ, какъ поступалъ Василь, который подробно развѣдалъ о Марусѣ: кто она? каковъ ея родъ? каковъ ея отецъ? какова ея мать? какихъ она нравовъ? каковъ ея обычай? и прочая, и прочая, и потомъ уже искалъ симаго благовиднаго предлога, что называется, *занять* ее, да не такъ занять, чтобъ тотчасъ влѣпнуть подѣлуей среди народа, какъ у Гоголя, а съ полнымъ уваженіемъ къ женщинѣ, въ которой онъ видѣлъ не что нибудь *клубничное*, какъ выразился бы, можетъ быть, Гоголь, а будущую жену свою. Или-же такъ поступаетъ въ такомъ любовномъ казусѣ паробокъ, какъ у Макаровскаго поступилъ Опанасъ Левенецъ, не имѣющій никакой надобности для своего прозвища въ смѣшномъ сочетаніи такихъ словъ, какъ *пунъ, пузо, рѣпачь* и тому подобнѣхъ, очень понравившихся у Гоголя любителямъ живописи народныхъ нравовъ.

(1) Перефразировка слѣдующихъ словъ народной пѣсни:

Ой поможи, Боже, намъ на рушничку стати!
Тоді не разлучить ні отець, ни мати,
Ні чужая чужина,
Коли судилася дружина.

(2) См. *Южный Русскій Сборникъ*, изданный Амвросіемъ Метлинскимъ.

Онъ, въ качествѣ чумака, проѣзжалъ черезъ село, въ которомъ жила вдова съ дочкой-красавицей. Пригнавши къ сельскому водопою поить своихъ воловъ, онъ встрѣтилъ Наталю, которая раннимъ утромъ возвращалась отъ рѣчки съ полными ведрами. Чумакъ тоже былъ пораженъ красотою дѣвушки, какъ и Гоголевъ Голоцупенко; но, какъ онъ былъ сынъ честныхъ родителей - пахарей, а не былъ взятъ съ толкучаго рынка и наряженъ, для повѣсти, въ украинскую свитку, то и не вскричалъ: «ай да дѣвушка!» по-солдатски. Онъ попросилъ позволенія напиться изъ ведра, и только послѣ этого пристально взглянулъ на красавицу. Тутъ-то совершилось обоюдное очарованіе выраженное выше въ двухъ стихахъ. Но Опанасъ не сказалъ ни слова красавицѣ. Все, что онъ сдѣлалъ, по внушенію украинской народной влюбчивости, было—освѣдомленіе въ селѣ (и то, безъ сомнѣнія, очень деликатное), кто такаа эта красавица? Вернувшись домой и улышавъ, что отецъ и мать, въ бесѣдѣ съ пріятелями, высказали готовность принять, въ свой богатый домъ, даже самую бѣдную дѣвушку,

Абі добрал, покїрна й сорому боялась
Да Панасові душею й серцемъ сподобалась, —

онъ началъ помышлять о сватовствѣ. Но для него мало забранныхъ мнимоходомъ справокъ: онъ посылаетъ *на розвідани* родственника, челоуѣка бывалаго и расторопшаго, и, между прочимъ, говорить ему:

Роспитайся: дівка, кажуть, доня удовіці....

Прошу обратить вниманіе на подозрительность украинскаго пса-теля невѣсты. Одно уже то, что въ семьѣ нѣтъ отца, главы и блюстителя правовъ, наводитъ его на сомнѣніе; ибо дочь отцовская, или по-нашему *отѣцька дитина*, была-бы болѣе надежной женою, была-бы наименѣе фальшивымъ товаромъ въ этого рода пріобрѣтеніи. Но, такъ какъ украинецъ ни въ чемъ не держится безсмысленно одной формы, то Опанасъ говорить своему послу далѣ:

Хай и такъ. Якъ-же у серці віру й Бóга ма́е
И худóй за собою славо́ньки не зна́е,
То я ви́кину, да й швї́дко, молодѣ́цьку шту́ку:
Дамъ їй серде́нько за серце, руче́ньку за рúку!

Прошу позволенія остановиться на этихъ стихахъ. Въ чемъ тутъ

заключается *молодецкая штука*? Въ томъ, что *зажиточный* паробокъ долженъ жениться на *зажиточной* дѣвушкѣ, если слѣдовать обычаю слѣпо; ибо, какъ я уже объяснялъ, зажиточность и достоинство поведенія каждой семьи, въ простомъ пахарскомъ быту, неразлучны. У меня могутъ спросить: почему-же дочь вдовы предполагается *незажиточною*? Отвѣчаю: дочь вдовы—дворянки, дочь вдовы—мѣщанки, дочь вдовы—горожанки, вообще—не должна, во мнѣнїи паробка—предполагаться *незажиточною* потому только, что у ней нѣтъ отца. Но Опанасъ и авторъ смотрятъ на вещь практическимъ взглядомъ челоуѣка, очень близко знающаго условїя пахарской сельской жиизни. Здѣсь капиталовъ и текущихъ безъ труда доходовъ нѣтъ. Здѣсь трудъ награждается самою природою, и притомъ на столько, на сколько нужно для извѣстнаго времени, можно—сказать—для одного сезона. Когда хозяинъ обезпечить свое существованіе до весны и когда у него есть рогатый скотъ для весенней запашки, то онъ считаетъ себя и слыветъ во мнѣнїи другихъ богатымъ. Онъ до такой степени удовлетворяется тѣмъ, что для него необходимо, что никакая плата за новый, необычный для него трудъ—для него вовсе не соблазнительна. Ему не нужно ничего собирать и копить впрокъ. Онъ, по евангельскимъ словамъ, не печется объ утрїи, ибо утрїи самъ о немъ печется. Онъ знаетъ, что послѣ зимы настанетъ лѣто со всей своей благодатью, и спокойно ѣстъ свой домашній кусокъ хлѣба, не помышляя о болѣе лакомомъ.

Само собою разумѣется, что я говорю о большинствѣ; ибо между пахарями есть люди очень запасливые, равно какъ есть и такіе, которые спустятъ на ярмаркахъ весь осенній сборъ и, по народной пословицѣ, *кладутъ зубы на полицю* до новаго урожая, а попросту—перебиваются кое-какъ. Вообразите же себѣ положеніе семьи пахаря, когда выбываетъ изъ нея мужичина, на которомъ лежала главная часть полевыхъ работъ и домашняго управленія. Наймитъ-пахарь хорошъ только въ глазахъ хозяина. Вдова не въ состоянїи держать его въ страхѣ Божїемъ и порядкѣ. На нивѣ онъ заспшитъ, а волю попадутъ въ *спаши*, за который надобно отвѣчать пенею. Волось онъ не напасетъ всегда до сыта, не напоитъ во время, не предохранитъ отъ дождя, который дѣлаетъ подъ ярмомъ мучительныя прогонны: отъ этого скотъ зимою худаетъ, хвораетъ и мало по малу изводится. Естественно, что вдова, при всей твердости характера, должна наконецъ уступить силѣ вещей, должна лишиться собствен-

наго *п. луга воловъ*, отдать землю въ чужія руки и довольствоваться частью урожая, который весь принадлежалъ хозяину. Такъ и во всемъ другомъ. Вдову и сельская полиція обременяетъ излишнимъ постоемъ; у вдовы и огородъ опустошается безнаказанно солдатами и всякими бродягами; у вдовы некому и плетня поддерживать; у вдовы скорѣе, нежели въ иномъ дворѣ, и комора будетъ обокрадена, и проч., и проч. Подобныя явленія у сельскаго паробка-пахаря безпрестанно передъ глазами. Поэтому онъ и не можетъ съ понятіемъ о вдовѣ соединять понятіе о богатствѣ. И въ народныхъ пѣсняхъ вдова всегда изображается небогатою; напримѣръ:

Чи се тая вдова́ живѣ, що на рижку́ хата́?
Хоро́шую дочку́ мас, сама́ небога́та.

Упадокъ дома, изъ котораго выбылъ тотъ, къмъ все держится въ порядкѣ, очень хорошо изображенъ въ думѣ о козацкой жизни, въ которой постоянное отсутствіе хозяина соотвѣтствуетъ его смерти:

Знати, знати козацьку хату
Скрізь десяти́:
Вона́ солóмою не покра́та,
Пріспою не осіпана,
Коло двора́ нечѣста ма и кола́,
На дрівітні дровъ ні поліна, —
Седить въ ній козацька жінка—околіла.
Знати, знати козацьку жінку,
Що всю зиму бо́са хóдить,
Горшко́мъ воду но́сить,
Полóнникомъ діти напува́е (')

Эти стихи сами собой наводятъ насъ на другую сторону сомнѣнія сельскаго паробка въ томъ, чтобы дочь вдовы могла быть для него достойной женой и хозяйкой въ домѣ; ибо, при разстройствѣ хозяйства, мало-по-малу ослабѣваютъ въ хозяйкѣ привычки, въ которыхъ слѣдуетъ ей воспитывать дочь свою. Предположивъ вдову женщиною самою твердою въ правахъ и обычаяхъ, все-таки надобно допустить, что хозяйство у ней не можетъ быть такъ полно, какъ въ домѣ, неплещеномъ главы своей; а при нечисленныхъ мною не-

') *Записки о Южной Руси*, т. I, стр. 220.

благоприятныхъ обстоятельствахъ, случающихся сплошь да рядомъ, она лишается не только воловъ, но часто коровъ и овецъ, для которыхъ не въ силахъ запастаь на зиму корму. Чаше всего вдова съ дочерью ограничиваются небольшимъ доходомъ съ пахатнаго поля и лѣтнимъ загономъ у богатаго землевладѣльца; остальное же время онѣ проводятъ въ домашнихъ рукодѣльяхъ: прядутъ, ткнутъ, вышиваютъ. Когда въ пѣснѣ поется:

Чи се тая дівчинька жпвѣ
Що хоробші ширіночки шіе?

то это непременно говорится о дочери вдовы, ибо *хозяйскимъ* дочерямъ бываетъ не до того, чтобы совершенствоваться въ сельскихъ изящныхъ искусствахъ. Суровый взглядъ главы семейства на жизнь и ея нужды всѣ цацики называетъ *пустошью*, и въ дозахъ, полныхъ, какъ говорится, всякой благодати, мать съ дочерью занимаютъ только украдкой мерѣжками, шптыми рушниками, писанками передъ Великоднемъ, или же заказываютъ все это одинокимъ вдовамъ и пхъ дочерямъ, плати пшеничною мукой, горохомъ, а иногда и просто насущнымъ хлѣбомъ. Отъ этого выходитъ, что вдовины дочки вырастаютъ блѣдненькими, развиваются, какъ уединенныя лиліи и вознаграждаютъ недостатокъ богатства красотою, — неприневольваемыя къ полевымъ и надворнымъ работамъ, а, пожалуй, и поэтичностью души, которая не была подавлена непреклонною волею старшаго въ семействѣ и воспиталась въ дружескихъ бесѣдахъ и *порѣдахъ* съ пѣжкою, горяющею, но зато свободною, матерью. Эти преимущества привлекаютъ къ нимъ вниманіе паробковъ—богачей и, такимъ образомъ, уравниваются блага жизни въ простомъ сельскомъ быту, украшаемомъ въ то же самое время поэзіею, рождающеюся изъ лишений и страданій.

Но паробокъ—богачъ есть болѣе или менѣе представитель правовъ, которыми весь его родъ дожилъ до его времени, не потерявъ своего кореннаго характера. Есть ли у него родители, или же онъ самъ дошелъ до того *пѣвнаго зрѣсту*, въ которомъ уже не пошатнется на—сторону и не спуститъ съ рукъ *батьковщины*, все равно онъ — великій практикъ въ своей сферѣ дѣйствій, при всей поэтичности своей души, влекущей его къ тому, что насъ очаровываетъ въ женщинѣ. Развитому гражданственностію челоѣку дается особенное, вполне для него ясное, уразумѣніе своего положенія въ жизни

и своей будущности. Перазвитому — дается, такъ сказать, инстинктивное пониманіе полезнаго и вреднаго для его быта, и это въ такой степени, что влюбленный козакъ готовъ умолять свою возлюбленную, чтобъ она напоила его травой забвенія:

Ой дай мині такé зілля, щобъ тебé забути!

Борьбою и колебаньемъ между поэтическими симпатіями и практической необходимостью — поступать по внушенію родителей и даже *роду* ⁽¹⁾ — наполнены народныя самыя изящныя пѣсни, — эта вѣчная, драгоценная книга жизни народной, въ которую любившія и страдавшія сердца вписали неизгладимыми словами свою исторію, въ науку и въ симпатичное наслажденіе отдаленнѣйшимъ поколѣніямъ людей, съ поэтическою всезнающею и всечувствующею душою ⁽²⁾.

Если-бы Гоголь, при своемъ, истинно-творческомъ, дарѣ, читалъ народныя пѣсни, какъ знатокъ простонародной Украины, — онѣ однѣ повели-бы его перо совсѣмъ въ иную сторону, и тогда-бы сіяющія жизнью, хоть и слишкомъ яркія, картинны природы въ *Сорочинской Ярмаркѣ*, сочетавшись съ вѣрною живописью нравовъ, сразу поставили-бы его высоко въ глазахъ истиннаго цѣнителя искусства въ избранномъ имъ родѣ. Но Гоголь, изображая простую сельскую жизнь украинцевъ, былъ, по словамъ Полеваго, больше москаль и горожанинъ, нежели украинецъ, ознакомленный съ бытомъ своего народа, хотя въ то же время онъ былъ и поэтъ, да еще гениальный.

Смотрите однакожъ, въ какой зависимости находится природный гений отъ изученія предмета своей дѣятельности! Спѣвирякъ, вышедшій изъ лавочныхъ сидѣльцевъ въ литераторы, первый обличилъ гениальнаго поэта въ беззаконіи его творчества.

По-случаю появления украинскихъ повѣстей Гоголя, нагромождена вавилонская башня сужденій; но народъ, безъ согласія и мимо вѣдома котораго строилось это чуждое его жизни зданіе высшихъ взглядовъ на жизнь и искусство, не сговариваясь между собою, протестовалъ противъ современныхъ властелиновъ знанія — или своимъ очень, очень медленно измѣняющимся бытомъ, или своєю единодушною поэтическою

(1) Свѣтавъ-бы я дівчиночку, такъ рідъ не велить.

(2) Послѣднія слова покажутся странными тому, кто не помнитъ превосходнаго стиха Шевченка:

Тому, хто все знає, тому хто все чує...

рѣчью, или, наконецъ, устами своихъ вдохновенныхъ литературныхъ представителей, которыхъ повѣсти о немъ «живы, какъ сама жизнь, прекрасны и вѣрны, какъ сама правда.» Гоголь возвысился впоследствии до уразумѣнія художественнаго самообразованія. Онъ поднялся въ этомъ выше всѣхъ своихъ критиковъ. Въ немъ отъ природы такая заключена была сила истиннаго творчества, сила создавать изящное на долготѣнную жизнь въ потомствѣ, такой вѣрный истинникъ генія, что онъ не былъ остановленъ въ саморазвитіи, въ стремленіи выйти на собственный свой путь даже и неумѣренными похвалами почти всей читающей Россіи, — опаснѣйшимъ изъ всѣхъ препятствій, какія только существуютъ для развитія великаго таланта. Пбо строгая школа предназначена въ жизни великому истинному поэту, и величайшая требуется отъ него осторожность въ наслажденіяхъ благами, которыя люди обыкновенные могутъ вкушать безъ—оглядки. Гораздо спасительнѣе для поэта, если только онъ истинный поэтъ, быть встрѣченнымъ со стороны большинства цѣнителей такъ, какъ писалъ, по горькому опыту, Шевченко о своихъ первыхъ произведеніяхъ:

Знаю вашу славу:
 Поглужаютъ, покепкуютъ,
 Да и кинуть підъ лаву!

Не бойтесь, его не сломятъ порицанія, насмѣшки и даже совѣты великихъ авторитетовъ, часто очень опасные совѣты для поэта, явившагося не оттуда, откуда приходили другіе поэты, и не съ тою рѣчью, какою они бывали одарены. Сильные аргументы приводятъ эти судьи, справедливо уполномоченные въ своемъ кругу идей — судить объ искусствѣ и изречь праведные законы искусства. Но, какъ всякій народъ живеть по своимъ особеннымъ, часто неписаннымъ и въ книгу, законамъ, такъ и законы высокаго дара — потрясать сердца людскія — внушаются избраннымъ людямъ не отъ прославленнаго уже ареопага. Поэты это знаютъ, или, лучше сказать, чувствуютъ, и несмотря на то, что они иногда бывають не посвящены въ тайны книжной науки, «огни, а не слова» излетаютъ изъ ихъ устъ въ отвѣтъ на императивные совѣты записныхъ судей дѣла. Такъ, Шевченко, въ слѣдующихъ стихахъ, увѣковѣчилъ современные толки о немъ премудрыхъ міра сего:

Одъ козацтва, одъ гетьманства
 Високи могилы,

Більш нічого не осталося,
 Да й ті розривають,
 А він хоче, щоб слухали,
 Якъ старці співають!

Ему совѣтали писать общепринятымъ въ російской имперіи языкомъ. Ему совѣтали изображать жизнь, которая у всѣхъ въ виду, т. е. у всѣхъ цѣнителей и судей искусства. Ему очень добродушно внушали, что онъ погребетъ свой талантъ въ стихахъ, которыхъ никто не понимаетъ, и въ изображеніи явленій, которымъ никто не чувствуетъ. Устами этихъ добродушныхъ людей говорила сама истина, но только горизонтъ ея былъ видимъ съ небольшой высоты. Поэтъ нашъ, озирая, съ своего подъоблачного полета, несравненно обширнѣйшія, невѣдомыя другимъ, пространства, отвѣчалъ этимъ господамъ языкомъ демократа:

Правда, мѹдри!

Спасібі за раду!
 Тѣплий кожухъ, тільки шкода —
 Не на мене шітій,
 А розумне віше слово
 Брехнею підбіте.

И потомъ, развернувъ, въ дикой прелести родныя свои степи съ кровавыми и блистательными ихъ воспоминаніями, и давъ почувствовать своими слезами неразрывную связь между необузданною энергією стараго времени и разумною энергією современнаго генія, онъ восклицаетъ:

Одъ-де моѣ добрѣ, грѣши,
 Одъ-де мой слава!
 А за раду спасібі вамъ —
 За раду лукаву.

Въ этихъ стихахъ каждый, кто понимаетъ дѣло собственнымъ толкомъ, увидитъ тяжкую борьбу таланта за свое существованіе, за свою будущность и, главное, за идею, которую онъ долженъ возвѣстать міру. Но Гоголь, борясь съ посыпавшимся на него со всѣхъ сторонъ похвалами, совершилъ подвигъ еще болѣе высокій и наиздательный. Исторія его жизни, собраніе его писемъ и при этомъ его сочиненія — это такія книги, которымъ не много равныхъ завѣщало

человѣчество будущимъ поколѣніямъ для уразумѣнія высокихъ психологическихъ, критическихъ и философскихъ степней.

Но возвратимся къ несчастнѣйшему изъ несчастнѣйшихъ Голопу-пенкову сыну, котораго уже одно имя дѣлаетъ смѣшнымъ въ глазахъ читателя, а непониманіе, какъ взяться за сватовство, просто — срамить во мнѣніи каждаго мужика.

Мы видѣли, какъ зажиточные и, что все равно, порядочные паробки поступаютъ въ этомъ случаѣ. Вотъ, напримѣръ, Опанасъ Левенецъ: этотъ посылаетъ своего дядька (но не дядьку) Хмару на *розвідину* въ то село, въ которомъ онъ полюбилъ случайно встрѣченную дѣвушку, и дядько Хмара тотчасъ даетъ читателю понять, что не напрасно выбранъ для такого порученія. Онъ разсуждаетъ не по-гоголевски, а прямымъ толкомъ своего народа, — тѣмъ толкомъ, котораго авторъ украинскихъ повѣстей добился впоследствии, несмотря на весь угаръ отъ журнальныхъ и нежурнальныхъ славословій. Онъ говоритъ молодому человѣку:

..... Чи тобі-жъ то талану не знати, —
Незнакому сиротину за хозяйку брати!
Може, цїяца та по сѣламъ бродить безъ свитїни,
По коморі не ходїла и коло скотїни.
А красá — плѣвати на неї, якъ добрá не мае,
Колї плѣчи и грудницю рубьємъ покривае!

Дядько Хмара — большой прозаикъ; но его проза совпадаетъ съ народною поэзіею. Въ пѣсняхъ воспѣта жалкая участь невѣстки, взятой изъ такого дома, въ которомъ она не привыкла вставать рано для надворной работы, нетерпящей отлагательства. Ее будить свекруха, жестоко упрекая въ былой ея бѣдности, положившей на ней печать свою, нестерпимую для людей работающихъ:

Вставай, невістко, часъ до чередї гнати!
Подій тиі корови, що одъ бáтька нагнала,
Попробуй овѣчки, що родїна здаровала.

Вотъ какимъ взглядомъ на вещи вооружаютъ старшіе молодыхъ людей, собирающихся жениться! Но часто молодость беретъ свое, и любящіяся приходятъ къ такому заключенію:

Зъ великою худобою — сѣрденьку досáда,
А зъ любою дружиною — оченькамъ одрїда.

Зъ великою худобою — бітись та сварітись,
 А зъ любовою дружиною — на світі нажитись.
 Зъ великою худобою — горе мині буде,
 А зъ любовою дружиною — не стїдно й межъ люде.

Это, однакожъ, пропсходитъ въ такомъ случаѣ, когда они очень хорошо другъ друга знаютъ и когда зависелтъ сами отъ себя. Но, не зная дѣвушки, сельскіи паробокъ не броситса на одну красоту и не рѣшится на сватовство, какъ у Гоголя. Дядько Хмара заѣхалъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, переночевать къ матери Наталіи, а на другой день завернулъ въ сельскіи шинокъ для повѣрки своихъ наблюденій и привезъ небожу самыя удовлетворительныя извѣстія. Тогда только Опанасъ открылся въ своихъ чувствахъ родителямъ и просилъ ихъ благословенія.

Не извѣстно, были-ли родители у Гоголева паробка. Онъ рѣшился на сватовство скорѣе, нежелая каждый изъ его земляковъ, невведенныхъ въ повѣсть, рѣшится на покупку коня, и запылъ съ будущимъ тестемъ, Солопиемъ, могоричь въ кабакъ у Жидовки. Въ Украинѣ эти вещи, можетъ быть, слишкомъ для кого нибудь прозаическія, дѣлаются иначе. Украинскіи сельскіи паробокъ обращается къ самымъ достойнымъ изъ своего сословія людямъ съ просьбою — быть посредниками между нимъ и домою невѣсты, и въ этомъ видѣнъ не только народный, скрытый во всякомъ обычаѣ, практическіи разумъ, но и тонкое чувство приличія. Еслибы молодой человекъ обратился къ родителямъ своей возлюбленной непосредственно, этимъ-бы онъ поставилъ себя съ ними какъ-бы наравнѣ, этимъ-бы онъ всю отвѣтственность за судьбу ихъ дочери принималъ на себя, этимъ-бы онъ явился въ ихъ глазахъ собственнымъ представителемъ и самъ себя аттестовалъ-бы достойнымъ столь великой довѣренности. Но, посылая вмѣсто себя сватовъ, людей степенныхъ, имѣющихъ собственныхъ дѣтей, онъ этимъ самымъ свидѣтельствуетъ передъ родителями невѣсты, что недостойнъ заводить непосредственно съ ними рѣчи о такомъ важномъ предметѣ, въ которомъ онъ, по молодости своей, не можетъ еще быть судьей; въ лицѣ сватовъ онъ представляетъ имъ поручителей, на которыхъ, яко имѣющихъ собственныхъ дѣтей, могутъ они положиться относительно участи дочери; наконецъ — и это самое главное — рекомендація людей постороннихъ, извѣстныхъ трудолюбіемъ и добрыми правами, тоже гораздо больше

должна значить въ глазахъ родителей невѣсты, нежели все, что могъ бы сказать имъ о себѣ женихъ, или внушить имъ своими поступками.

Поэтому—то, въ повѣсти Квитки *Маруся*, молодой паробокъ, будучи долго вхожъ въ домъ къ Науму Брусу, будучи любимъ въ этомъ домѣ какъ семьянинъ, не осмѣлился заикнуться, въ простыхъ и задуманныхъ бесѣдахъ, о сватовствѣ. Это оскорбило-бы чувства хозяевъ: это показало-бы, что онъ считаетъ себя въ ихъ глазахъ слишкомъ важной особой, если смѣетъ заговаривать съ ними о такомъ предметѣ, о которомъ, по чувству народнаго украинскаго цѣломудрія, ни въ какомъ случаѣ не прилично говорить холостому человѣку съ отцомъ семейства. Это, кромѣ того, уронило-бы его, во мнѣніи хозяевъ, какъ паробка *незвычайнаго*, то есть незнающаго, какъ слѣдуетъ вести себя, выражаясь по-городски, съ людьми порядочными. Ибо манера быть съ людьми, тонъ разговора, деликатность въ выборѣ словъ, умѣнье избѣгать въ бесѣдѣ щекотливыхъ предметовъ,— все это внушается доброму украинскому паробку самою природою, а также правами и понятіями народа, среди котораго онъ вырастаетъ. Поэтому-то, зная близко народъ нашъ, не по его худшимъ, облакенимымъ, или обкулаченнымъ, образцамъ, мы находимъ дикими въ повѣстяхъ Гоголя такія вещи, какъ вопросъ Хиври: не сломили-ли вы себѣ шею? Да и самъ паробокъ Квиткинъ смотрѣлъ на сватовство, какъ на религіозный обрядъ, и профанировалъ-бы его въ собственномъ чувствѣ, еслибы, сидя запросто съ отцомъ своей возлюбленной, сказалъ ему, какъ оный паробокъ Салонію: «Ну, Наумъ, вотъ, какъ видишь, я и дочка твоя полюбили другъ друга, такъ—что хоть-бы и на вѣки жить вмѣстѣ.»

Не знаю, какъ дѣлается у скитающихся Цыганъ, подъ ихъ «издранными шатрами»; но въ украинской хатѣ чувство приличія играетъ очель важную роль, что касается до деликатныхъ сердечныхъ струнъ, къ которымъ грубое прикосновеніе такъ нестерпимо для человѣка, развитаго общественностію. Посмотрите въ повѣсть Квитки, въ это совершеннѣйшее зеркало народныхъ нравовъ: не только Василь, въ бесѣдахъ съ стариками, не смѣлъ пикнуть о своемъ намѣреніи, но даже Маруся ни единымъ словомъ не выразила передъ матерью своихъ ожиданій. Этого мало: даже мать, желая отъ всего сердца видѣть Василья своимъ зятемъ, никогда не проговорила объ этомъ передъ дочерью.

Обращу вниманіе читателя, въ повѣсти Квитки, на тотъ моментъ,

когда Настя, мать Маруся, объявила, что идутъ старосты и когда старосты стучались подъ дверь. Читатель не предвидѣлъ отказа со стороны Паума Бруса; но, какъ для каждаго изъ трехъ дѣйствующихъ лицъ это событіе было невыразимою тайною въ ожиданіяхъ, то въ повѣсти возбужденъ интересъ необыкновенный, и вся церемонія сватовства совершается въ такой торжественности, какъ будто это какое-то религиозное дѣйствіе, исполненное таинственнаго значенія. Видите, какъ величава самая простая природа вещей, если только писатель, въ ея изображеніи, возьметъ въ совокупности «всѣ мелочи, ничего не пропустивши!» Квитка не имѣлъ высшихъ теоретическихъ понятій объ искусствѣ; онъ писалъ свою повѣсть въ простотѣ сердца, изъ поэтической любви къ изображаемому имъ быту; онъ рассказывалъ, со всею полнотою милой ему народной рѣчи, о томъ, что узналъ самую жизнь свою, а не научнымъ наблюденіемъ; и потому его твореніе выходитъ «живо, какъ сама жизнь, прекрасно и вѣрно какъ сама правда».

Взгляните еще, какъ торжественно дѣйствуютъ у Квитки сваты, какъ величаво они держатъ себя. Они сознаютъ, что не для забавы своей взялись за это дѣло и что дѣло это касается счастья отъживающей и другой, будущей, семьи. Таковы дѣйствительно бываютъ сваты. Слушая ихъ такъ называемыя *законныя рѣчи*, нельзя удержаться отъ улыбки; но это потому, что мы оставили этихъ людей съ XVII вѣка и воспитаны въ иныхъ правахъ и обычаяхъ. И при всемъ томъ видишь въ нихъ членовъ общества, которымъ нельзя отказать въ уваженіи. Они дѣлаютъ честное дѣло; они дѣлаютъ дѣло честно. Будущему тестю давно извѣстны личность и достатокъ жениха. Они не надуваютъ ему въ уши небылицъ, подобно обычнымъ московскимъ свахамъ. Они пышными метафорами объ охотящемся за купницею князѣ рекомендуютъ жениха молодцомъ, достойнымъ того, чтобы такіе почтенные люди, какъ они, пришли съ «святымъ» хлѣбомъ въ такой почтенный домъ и произнесли, стоя, тѣ *законныя рѣчи*, которыя произносились ихъ дѣдами, прадѣдами и далѣе — до отдаленнѣйшей старши.

Еслибы Гоголь зналъ демократическую Украину, какъ знаемъ ее «мы, преемники Гоголя въ самопознаніи,» то онъ не заставлялъ-бы конокрада Цыгана быть посредникомъ между Голопузенковымъ сыномъ и Солопиемъ, онъ содрогнулся бы за своего паробка, когда этотъ бродяга сказалъ ему: «мы заставимъ Черевіка отдать *намъ* Параску!»

его сердцу было бы больно, что свѣжая сельская красавица, убранныя свѣжими, какъ она сама, цвѣтами и лентами, будетъ отдана жениху руками, занятыми воровствомъ, а пожалуй и челоуѣкоубійствомъ. Самъ же онъ говоритъ: «Человѣкъ, взглянувшій на него (на Цыгана), уже готовъ былъ сознаться, что въ этой чудной душѣ кинитъ достоинства великія, но которымъ одна только награда есть на землѣ — висѣлица.» Но паробокъ, взглянувъ на Цыгана — не только не почувствовалъ къ нему естественнаго, въ его сельской простотѣ, отвращенія, напротивъ, тотчасъ заключилъ съ нимъ унизительную для себя сдѣлку, оскорбляющую чувство читателя. Это не украинскій паробокъ: это — петербургскій *мазурикъ* въ нашей честной украинской свитѣ, точно такъ какъ Хивря — не украинская баба, а московская горожанка, и притомъ самая распутная, самая грубая, грубая до-того, что не знаетъ даже различія между ласковымъ и грубымъ словомъ, точно такъ какъ и хата съ подмостками подъ потолкомъ, на которыхъ она спитала поповича, — не украинская хата, а московская изба съ московскими полатями. Надобно думать, что Гоголь видалъ только снаружи хаты украинскихъ поселянъ, иначе — онъ зналъ бы, что доведенная до-нельзя въ нашемъ народѣ брезгливость къ нечисто приготовленной пищѣ заставляетъ его содержать свои хаты въ необыкновенной чистотѣ, чему препятствовали бы въ значительной степени полати, такъ какъ въ полатяхъ заводятся нескоряемо тараканы и всякія иныя не очень пріятныя насѣкомыя. Украинская хата очень немногосложна, и потому очень чиста; всё въ ней на виду; нѣтъ въ ней темныхъ угловъ, въ которыхъ сосѣдскій или хозяйскій глазъ не замѣчаетъ нечистоты. Скорѣе снаружи запуститъ хозяйка стѣны, въ рабочее время, но внутри она не можетъ сносить на стѣнѣ никакого пятна. Вообразите, какъ бы ее мучилъ видъ почернѣлыхъ и законченныхъ полатей подъ потолкомъ, который у ней содержится въ такой же опрятности, какъ и столъ! Она каждый день стелетъ на чистыхъ подмосткахъ у стѣны постель, и каждый день сворачиваетъ ее и убираетъ къ мѣсту, оставляя подмостки, называемыя *поломи*, для сидѣнья за работой и для дѣтей. Съ полатей постель сволачивать трудно; зайти на полати для приготовления постели еще труднѣе. Она должна тамъ оставаться нерушимо какъ въ берлогѣ. Словомъ, видъ полатей непріятно поражаетъ украинца въ великорусской пѣбѣ, и не поразилъ только Гоголя, такъ какъ онъ былъ, по воспитанію, больше москаль и горожанинъ, а престоународный бытъ

украинскій изображалъ только по распросамъ и по соображенію, котораго, какъ видимъ теперь и какъ увидимъ далѣе, у него часто не хватало на изображеніе самыхъ простыхъ и общезвѣстныхъ предметовъ.

Чтобы понять, какъ благоговѣтъ простой поселянинъ нашъ передъ сватовствомъ, вспомните у Квитки сцену, наступившую послѣ неожиданнаго отказа со стороны Наума Бруса. Торжественность обычая уступила на—время сильному волненію патетическаго момента. Но когда всѣ приступили къ Науму съ просьбою — объяснить причину непостижимаго ни для кого отказа, авторъ, хорошо знавшій демократическую Украину, вдругъ возстановилъ все достоинство сватанья слѣдующимъ отвѣтомъ отца семейства: *Не той часъ: при такому важному ділі, якъ є сватанье, не можна всѣю говорити.* Повторю опять мое замѣчаніе: видите, какъ величава самая простая природа вещей, если только писатель, въ ея изображеніи, возьметъ въ совркупности «всѣ мелочи, ничего не пропустивши!» Гоголь зналъ за собой большіе промахи въ изображеніи того, надъ чѣмъ всѣ смѣялись и надъ чѣмъ самъ онъ смѣялся также безопасно, какъ и читатели, но онъ смѣялся этакъ только до извѣстной поры, послѣ которой онъ, возвысаясь надъ самимъ собой, становился уже на точку зрѣнія тѣхъ, которые по его словамъ, «приходили въ недоумѣніе рѣшить: какъ могли человѣку умному приходить въ голову такія глупости!» Не даромъ написаны имъ эти слова въ томъ самомъ сочиненіи, въ которомъ онъ главнѣйшимъ условіемъ «полнаго воплощенія» своихъ дѣйствующихъ лицъ считалъ полное вѣдѣніе ихъ сферы дѣйствій и соображеніе всего, отъ мала до велика, безъ всякаго пропуска. Въ «Сорочинской Ярмаркѣ» нѣтъ ни одного воплощеннаго лица, потому что Гоголь, не зная простонародной Украины, придавъ своимъ поселянамъ рыночныя городскія свойства и побужденія, и лишилъ ихъ всей поэзіи народнаго быта, которой полны повѣсти непризнаннаго современною ему критикою Квитки, а этимъ самымъ лишилъ ихъ поэзіи правды, поэзіи дѣйствительности. Теперь, когда настали нынѣшнія требованія, указанныя самимъ же Гоголемъ въ позднѣйшихъ его произведеніяхъ, — надъ его украинскими повѣстями *пырхають* только такіе люди, которые, въ познаніи Украины, не выше столичныхъ типографскихъ наборщиковъ, а защищаютъ ихъ отъ строгой этнографической критики одинъ только г. Максимовичъ.

Какъ ничтожна сцена между двумя кумовьями, которыхъ освобо-

дять отъ узъ Голопупенко, и между имъ самимъ и Цыганомъ (словомъ—XII глава *Сорочинской Ярмарки*)! Не одно то составляетъ здѣсь ничтожество, что украинскіе нравы оцыганены, что малороссійскіе поселяне уничтожены. Авторъ могъ найти между поселянами такія же относительно низкія личности, какъ его чиновники и помѣщики въ первомъ томѣ *Мертвыхъ Душъ*, но надобно изображать и самый упадокъ нравовъ такъ, чтобы въ этомъ изображеніи была позія дѣйствительности. У Квтки, въ повѣсти *Мертаецькій Великденъ*, представленъ пьянчужка, котораго колотитъ жинка, который неисправимъ въ своей беззаботности и пристрастіи къ пьянству. Этотъ типъ очень распространенъ въ Украинѣ (1) и вошелъ даже въ пѣсенность:

Бѣла жинка мужика, пішла позивати.

Національное чувство наше ни мало не оскорбляется изображеніемъ Квтки; ибо это—мы, въ нашемъ упадкѣ; это порокъ нашъ; этотъ выставленный великимъ писателемъ на вѣчный позоръ украинецъ—дрянце—*братъ нашъ*, недостойный членъ, но тѣмъ не менѣе членъ великаго нашего семейства, и какое бы большинство нашего простонародья ни подходило подъ Квткинъ унижительный для нашей гордости типъ, мы отъ него не отречемся,—все равно какъ не отречемся отъ стиха Шевченка:

А наша правда пьяна спить!

Но отъ Гоголевыхъ украинцевъ, влюбляющихся по-солдатски и сватающихся по-цыгански, отъ Гоголевыхъ рыцарей—полковниковъ, которые позволяютъ себя тузить бурсаку сыну «такъ, что хоть бы и не пробовать (2),» мы рѣшительно отречаемся. Можетъ быть, и есть на свѣтѣ такая нація, которая назоветъ ихъ своими кровными типами, но мы, всё тѣ, кто въ настоящее время имѣетъ драгоценное право называть себя украинцемъ, объявляемъ всѣмъ вообще, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что разобранные и упомянутые мною типы Гоголевскихъ повѣстей—не наши народные типы, что хотя въ нихъ кое-что и взято съ природы или угадано великимъ талантомъ, но въ главнѣйшихъ своихъ чертахъ они чувствуютъ, судятъ и дѣй-

(1) О причинѣ мы не говоримъ, покажемъ.

(2) См. начало «Тараса Бульбы».

ствуютъ не по-украпнски, и что поэтому, при всемъ уваженіи нашемъ къ таланту Гоголя, мы признать ихъ земляками не можемъ. Есть у Гоголя прекрасныя страницы объ Украинѣ, возстановляющія значеніе нашей націи въ глазахъ нашихъ соплеменниковъ. Есть у Гоголя художественныя изображенія человѣческаго ничтожества въ образѣ украпнцевъ, изображенія, которыя мы сами готовы выставять «на всенародныя очи», да возгнушается каждый тѣмъ, что унижаетъ насъ передъ цѣлымъ свѣтомъ. Но того, что даже и могло бы льстить народному нашему самолюбію, но что взято не изъ нашей жизни, мы признать художественно вѣрнымъ дѣйствительности не можемъ.

Гоголю, въ его повѣстяхъ изъ простонароднаго быта, повредило именно незнаніе простонародной Украпны, именно то, что онъ не понималъ, какъ смотритъ самъ на себя народъ, и разумѣлъ народъ по-барски. Онъ не подозревалъ, что простолюдины, въ своей отчужденной жизни, сохранили, въ своихъ нравахъ, обычаяхъ, преданіяхъ и чувствахъ, тѣ первообразы національнаго характера, которыхъ напрасно онъ искалъ въ фамильныхъ дворянскихъ воспоминаніяхъ и даже въ самыхъ пѣсняхъ народныхъ, разсматриваемыхъ съ литературной и ученой точки зрѣнія, безъ пособія народовѣднія. Онъ не подозревалъ, что мужикъ, запесенный пахарскою или чумацкою пылью, мужикъ, валяющійся *по-підъ тинню*, какъ наша пьяная правда въ стихахъ Шевченка, мужикъ въ одеждѣ невѣжества и непониманія даже азбуки нашихъ книжныхъ знаній, есть не что иное, какъ старосвѣтскій кладъ, зачатый тѣмъ, кто положилъ его, на многіе годы, чтобы не дался онъ въ руки тому, кто не въ состояніи сдѣлать изъ него должнаго употребленія.

Всякъ изъ насъ болѣе или менѣе знакомъ съ глупыми бабыми запечными *байками* о кладахъ. Одни клады навалены камнями непомерной тяжести, и эти камни можно сдвинуть съ мѣста только двѣнадцатью черными волами отъ одной коровы. Другіе скрыты въ землѣ, подъ нашими ногами, но чтобы ихъ увидѣть, надобно провести въ бѣдніи Иванову почъ и не продремать того мгновенія, въ которое цвѣтетъ напоротникъ. Третьи являются ослѣпленнымъ гордынею нашимъ глазамъ въ видѣ невзрачнаго, заслуженнаго и—извините—сопливаго старичка, отъ котораго все отворачиваются, не подозревая, что этотъ гадкій старикашка — ходячій кладъ. Но бывали примѣры высокой поэтичности душевной, которая, высшпмъ, святымъ взглядомъ на жизнь, уразумѣвала простую, очень простую истину: что

этотъ отверженный всѣми дряхлый старецъ—братъ нашъ. Народъ сохранилъ о такихъ примѣрахъ воспоминаніе, или лучше сказать—передалъ намъ глубокое свое убѣжденіе въ возможности чистаго, невиннаго добра на землѣ, — подъ видомъ кроткой сельской сиротки, которая, приближась безъ отвращенія къ старичку, утирала ему *хусточкою* носъ,—и вдругъ старичокъ разсыпался *скарбомъ*!

Смотрите, при какихъ трудныхъ условіяхъ, послѣ какихъ тяжкихъ усилій, при какой трезвости чувствъ и при какой святой любви къ ближнему *дается* наконецъ кладъ, скрытый отъ людей въ теченіе долгихъ лѣтъ, завѣщанный отдаленными предками отдаленнымъ потомкамъ и недоступный ни силѣ, ни мудрости тѣхъ, которые не въ надлежащее время захотѣли бы его открыть! Гоголь, при всей барскости своего дѣтскаго воспитанія, могъ такъ же, какъ и другіе, слышать глупыя бабыя занечныя байки о кладахъ. Гоголь, при всемъ отчужденіи своемъ отъ народа, при всемъ удаленіи отъ непосредственнаго его изученія, могъ быть и былъ наведенъ на мысль, что простой народъ нашъ—какой-то старосвѣтскій кладъ. Но Гоголь не прожилъ столько времени народною самобытною жизнью, чтобы дожидаться, на собственномъ хозяйствѣ, двѣнадцати черныхъ воловъ отъ одной коровы и сдвинуть съ клада камень непомѣрной тяжести. Гоголь, описавшій Иванову ночь по рассказамъ, лично не приносилъ жертвъ таинственному, поэтическому, убранному весенними цвѣтами, божеству сельской молодежи, чтобъ оно открыло ему, бодрствующему среди всеобщаго сна, то короткое мгновеніе, въ которое вспыхиваетъ и гаснетъ волшебный всеоткрывающій цвѣтъ папоротника. Гоголь, наконецъ, не бродилъ по селамъ въ такомъ видѣ и съ такой репутаціей въ народѣ, чтобы отъ него не скрывались робкіе, гонимые и вѣдѣтъ презираемые, безсильные несчастливцы, и не сближался съ подобными ходячими скарбами до-того, чтобъ они рассыпались передъ нимъ всѣми своими душевными сокровищами.

Принадлежа однакъжъ, по своей природѣ, къ тѣмъ избраннымъ вѣдателямъ тайнъ бытія, которыхъ нашъ поэтъ характеризовалъ стихомъ:

Тому, кто все знае, тому, кто все чуетъ, —

Гоголь не могъ остановить народъ безъ допроса о его старосвѣтскихъ сокровищахъ, и въ повѣстяхъ своихъ не разъ пробовалъ дѣлать съ предполагаемыми ходячими скарбами то, что и она сельская сиротка, но онъ дѣлалъ это не въ простотѣ сердца, онъ дѣ-

даль это съ-высока, по-барски, а иной разъ и такъ, какъ описано у Квитки въ его повѣсти: *Отъ тобі и Скарбъ!*

Поэтическая шутка Основьяненка, какъ все истинно поэтическое, вѣрное дѣйствительности, идетъ изъ рода въ родъ и имѣеть много-различныя примѣненія. Нѣкій Хома Маслякъ слыхалъ, подобно многимъ поэтамъ, что въ народѣ являються иногда ходячіе скарбы, и выдумалъ обогатиться безъ всякой заслуги, безо всякаго на то права; но вмѣсто обогащенія попалъ только подъ отвѣтственность передъ обществомъ. Это случилось слѣдующимъ образомъ:

«То просьючи, то плачучи, протурила ёго жінка объ Середохрестті на заробітки, чи не добувъ бы чого нкъ святу, щобъ було чимъ разговітись. Потягъ Хома до слободы верстовъ за сѣмъ, и иде, и все свое думаетъ: якъ бы то на скорбъ наскочити, забрати ёго та тогді бъ и гадки не мати! Ажъ ось, дивитця—назустрічъ идѣ дідусь, старенькій, малёнькій, горбатенькій, та ще зігнувъ одъ старости, такъ мовъ при самій землі. Ника ёму не вмига, волоссє роскудоччане, нісъ не втертий, слина зъ рота такъ и бє, ажъ заінівся, по всій бороді.

«Хома зъ радощівъ самъ себе не тямить. Чувъ, що и якъ у такому ділі робити; заразъ підбігъ до дідуся, втеръ ёму нісъ, обітеръ ёму ріть,—нічого! Дідусь не розсипавсь, а тільки мугіче щось такє та веселёнько усміхаючись, знай ёму низєсенько кланяетця.

«Хома думаетъ собі: «Чому сей скарбъ та не розсипаетця?... Эге! знаю!» Та зъ сѣмъ словомъ хряпъ дідуся по щоці! а той—бебєхъ обѣ землю!... Эге, та й лежить цілісінькій, и скиглить, и плаче, и стогне, и нічого не говорить. Хома думавъ, що ще трохи ёго потовкмачивъ,—принявъ лежачого шкварити. Дідусь не розсипаетця, а Хома знай ёго бебєхами годѣе....

— «А що ти, чоловіче, робишь? За що ти нашого німого старця бьєшь?» обізвавъ до ёго чоловікъ изъ надзулієся, та й гукнувъ на товариство...»

Вотъ обращикъ того, какъ люди, чуждые народа и его чувствъ, допрашиваютъ народъ о его старосвѣтскихъ скарбахъ. Достается отъ нихъ иногда народу, какъ тому дідусю отъ Хома Масляка, и должны они, рано или поздно, отвѣчать передъ своимъ обществомъ, какъ и Хома Маслякъ передъ своимъ.

Никакой талантъ не можетъ загладить погрѣшностей противъ коренныхъ нравовъ и обычаевъ, сохраняющихъ изъ вѣка въ вѣкъ яз-

вѣстную національность, и чѣмъ изобрѣтательнѣе, чѣмъ живѣе воображеніе незнакомаго съ простонародьемъ писателя, тѣмъ въ большія впадетъ онъ несообразности и противорѣчія дѣйствительности. Такъ Гоголь, выдумавъ, въ *Сорочинской Ярмаркѣ*, невозможную интригу, лишилъ народный бытъ лучшихъ поэтическихъ цвѣтовъ его, оборвалъ эти цвѣты цыганскими руками, обратилъ сѣдаго отца невесты въ театральнаго пажу или въ ребенка, «забывающаго про всѣ дѣла свои» оттого только, что увидѣлъ дочку, танцующую съ зеркаломъ въ рукѣ подъ собственную пѣсенку. «Когда онъ услышалъ знакомые звуки пѣсни, жилки въ немъ зашевелились; гордо подбоченившись, выступилъ онъ впередъ и пустился въ—присядку» (1) наединѣ съ дочерью! Такая сцена возможна на театральныхъ подмосткахъ; такая сцена возможна, можетъ быть, въ жизни городничаго, размечтавшагося вслухъ о генеральствѣ; но въ простомъ быту украинскаго пахаря она не возможна, она дика до такой степени, что сама дочь, передъ которой отецъ пустился бы выплясывать въ—присядку, убѣжала бы отъ него, какъ отъ сумасшедшаго. Этотъ вставочный случай самъ по себѣ испортилъ бы весь характеръ Солопія, какъ бы онъ ни былъ веденъ натурально отъ самаго начала повѣсти. Но въ *Сорочинской Ярмаркѣ* испортить ничего невозможно: она вся отъ начала до конца представляетъ самый краснорѣчивый аттестатъ, съ какимъ жалкимъ запасомъ знанія простонародной Украины уѣхалъ Гоголь, въ 1829 году, въ Петербургъ, откуда пріѣзжалъ къ матери мѣсяца на два, авторомъ «*Вечеровъ на Хуторѣ*,» а потомъ еще разъ, на короткое время, прославленнымъ авторомъ *Миргород*а.

Еслибы этнографія въ то время, какъ нынѣ, входила въ кругъ научныхъ знаній, дающихъ право на имя просвѣщеннаго человѣка, то голосъ Полеваго противъ «*Вечеровъ на Хуторѣ*» не вопіалъ бы въ пустынь: его бы поддержали другіе критики. Еслибы, въ ту эпоху, Украина, въ области ученыхъ изслѣдованій и литературныхъ бесѣдъ, играла ту роль, какую играетъ въ наше время, то *Вечера на Хуторѣ* показались бы передовымъ умомъ дѣтскимъ опытомъ, и первенствующій поэтъ русскій не обратилъ бы вниманія на то, что надъ ними пырхаютъ наборщики въ типографіи.

Еслибы русское читающее общество было воспитано въ духѣ роднаго ему славянства до такой степени, чтобы читать свободно

(1) Стр. 37.

Квитку и Шевченка, какъ ближайшихъ ему всеславянскихъ поэтовъ, то въ этихъ совершеннѣйшихъ зеркалахъ народныхъ чувствъ, народныхъ нравовъ и обычаевъ, оно увидѣло бы вопіющія погрѣшности повѣстей Гоголя, и пожалѣло бы только, что столько воображенія потрачено на блестящіе призраки изъ несуществующаго въ дѣйствительности міра. Но читающее общество, неохраемое и невразумляемое критикою, бываетъ легковѣрно и легкомысленно до чрезвычайности. Оно въ литературѣ ищетъ забавы или, такъ-называемаго, легкаго чтенія, точно какъ-будто великіе таланты посылаются Богомъ ему на потѣху, а не въ науку, точно какъ-будто жизнь, которую они изображаютъ, какая-то игрушка, точно какъ-будто, неуразумѣвъ того вполнѣ, что было и есть въ этой жизни, можно сдѣлать хоть маленькій шагъ впередъ! Украинскія повѣсти Гоголя приняты были всѣми на-вѣру, потому что «въ его время невозможно было знать Украины больше, нежели онъ зналъ; мало того: не возникло даже и задачи изучить ее съ тѣхъ сторонъ, съ какихъ мы, преемники Гоголя въ самопознаніи, стремимся уяснить себѣ ея прошедшее и настоящее». Голосъ Полевого заглушенъ былъ повсемѣстнымъ хвалебнымъ жужжаньемъ и журнальными толками. Вслѣдъ за *Миргородомъ* явился Квитка, подъ именемъ Основьяненка, съ своими повѣстями, точно художникъ-обличитель, и заставлялъ плакать ту самую Украину, которая по-дѣтски хохотала, вмѣстѣ съ господствовавшими въ ней журналами, надъ позоромъ собственнаго простонародья. Вслѣдъ за Квиткою явился Шевченко уже изъ среды того простонародья, надъ которымъ потѣшался Гоголь, — и тяжело повернулись многія сердца отъ его демократической, вмѣстѣ и суровой, и иѣжной, и саркастической, и грозной рѣчи. Но и тутъ Гоголь, подъ прикрытіемъ лавровъ, пожатыхъ на всероссійскомъ чиновничьемъ и дворянскомъ полѣ, остался, во мнѣніи публики, всё тѣмъ-же Гоголемъ, какимъ провозгласили его столичные первенствующіе критики. Правда, кругъ читателей Квитки и Шевченка былъ очень малъ, такъ какъ они повели рѣчь о Гоголевой родинѣ языкомъ этой родины, извѣстнымъ въ столицахъ больше всего по такимъ словамъ, какъ *Довгоцхунь*, *Свербишувъ*, *Перерепенко* и тому подобнымъ, которыя Гоголь употреблялъ, въ повѣстяхъ своихъ, не стѣняясь, но которыя крестьянину стыдно произнести въ своемъ обществѣ, понимающемъ смыслъ каждаго произносимаго въ немъ слова. Правда и то, что многіе изъ украинцевъ оскорблялись не на шутку украинскими повѣстями Го-

голя; но ихъ называли поклонники журнальной критики людьми отсталыми, и продолжали изучать простонародную Украину по Гоголю.

Извѣстно, что огромное большинство читающаго общества въ Украинѣ составляли помѣщики, которые не могли возвыситься надъ гоголевскою точкою воззрѣнія на предметъ, а любя наслажденія изящныя, увлекались картинностью его описаній природы и нѣкоторыхъ идеализированныхъ личностей, до которыхъ дойдетъ очередь въ нашей критикѣ. Естественно, что наука объ Украинѣ не могла двинуться такимъ повѣствователемъ, какъ Гоголь. Но, по своей поэтической натурѣ, онъ первый почувалъ, что въ области его живописи кроются великія сокровища для поэта, и не разъ подошелъ къ нимъ очень близко. Оставалось только сбросить съ глазъ повязку, наложенную на него первоначальнымъ воспитаніемъ, незнаніемъ народа и обществомъ, — сокровища были бы въ его рукахъ, и украинскія повѣсти Гоголя, въ этнографическомъ отношеніи, стали бы наравнѣ съ другими его повѣстями. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, общество обратило глаза въ ту сторону, въ которую онъ такъ долго смотрѣлъ. Украина явилась въ воображеніи великороссіянъ какимъ-то блистательнымъ призракомъ, съ изумрудами, топазами, яхонтами зонрихъ наѣкомыхъ, съ сладострастнымъ куполомъ неба, нагнувшимся надъ землею, съ подоблачными дубами, по которымъ прыщеть золото отъ ослѣпительныхъ ударовъ солнца, съ людьми веселыми, дѣльными и беззаботными до-того, что даже выдача дочерей замужъ не въ состояніи ихъ озаботить, съ комизмомъ или юморомъ, для котораго нѣтъ никакихъ предѣловъ, съ нравами, для которыхъ нѣтъ ничего останавливающаго, съ исторією, въ которой происходятъ великія событія по случайной затѣѣ безумца, колотящаго вокругъ себя все и позволяющаго колотить себя роднымъ сыновьямъ, съ повоедскими дочерями, которыя забавляются бурсакомъ, пробравшимся къ нимъ въ спальню черезъ каминъ; съ чертями, которые переносятъ кузнецовъ къ императрицѣ во дворецъ, съ русалками на водѣ, переворачивающимися на спину передъ галопирующимъ по воздуху на вѣдмѣ сѣмпнаристомъ, и со множествомъ истинно смѣшныхъ и истинно поэтическихъ сценъ, которыя обнаружили въ авторѣ самое блестящее литературное дарованіе, какое только являлось до тѣхъ поръ въ російской словесности. Это дарованіе само ручалось за вѣрность своей живописи, и никому не приходило въ голову, что украинскія повѣсти Гоголя не болѣе, какъ радужныя грезы поэта о родицѣ, что

это только отводъ нападавшаго на него уныніа, очень естественнаго на сѣверѣ въ уроженцѣ Украины.

Уныніе это обыкновенно называютъ въ украинцахъ тоской по родинѣ. Оно больше всего губило козаковъ, работавшихъ Ладожскій каналъ по волѣ Петра Перваго, какъ это мы знаемъ изъ исторіи Ладожскаго канала, напечатанной въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Оно гнететъ почти cadaго изъ насъ до слухъ порѣ на сѣверѣ, вдали отъ нашей не столь пышной, какъ описано у Гоголя, но гораздо болѣе плѣнительной, природы, вдали отъ нашего не столь комическаго, какъ у Гоголя, но гораздо болѣе влекущаго къ себѣ народа. Оно заставляетъ нашего брата въ Петербургѣ или работать за десятерыхъ, или пустить въ ходъ то, что называется малороссійскимъ умишкой, или играть запоемъ въ карты и спустить съ рукъ всю *батьковщину*, а пожалуй и удесятерить ее. Гоголь, какъ уроженецъ Полтавской губерніи, да еще и великій природный талантъ, не могъ не чувствовать гнета этой особенной болѣзни. Онъ нашелъ отводъ ея въ своемъ богатомъ воображеніи и пустился писать «какъ попало, куда ни поведетъ перо», по собственному его признанію въ *Авторской Исповѣди* (1), гдѣ читатель найдетъ слѣдующія слова: «На меня находили припадки тоски, мнѣ самому необъяснимой, которая происходила, можетъ быть, отъ моего болѣзненнаго состоянія. Чтобы развлекать себя самого, я придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выдумать. Выдумывалъ цѣлкомъ смѣшныя лица и характеры, поставляя ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія, вовсе не заботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего и кому выйдетъ отъ этого какая польза (2).»

Само собою разумѣется, что Гоголь старался развлекать себя не однимъ смѣшнымъ: фантазія уносила его въ родныя стени, онъ живо писалъ впечатлѣнія дѣтскихъ лѣтъ, онъ олицетворялъ характеры, навѣянные ему родными пѣснями; но смѣхъ, въ его украинскихъ повѣстяхъ, преобладаетъ надъ всѣми иными чувствами и объясняетъ уснѣхъ ихъ больше, нежели что-либо другое. Гоголь сознавалъ это самъ: «Я увидѣлъ», говоритъ онъ въ *Авторской Исповѣди*, «что въ сочиненіяхъ моихъ смѣюсь даромъ, напрасно, самъ не зналъ, за-

(1) См. «Соч. и П. Гоголя», т. III, стр. 516.

(2) Тамъ же, стр. 500.

чѣмъ. Если смѣяться, такъ ужъ лучше смѣяться сильно — и надѣтъмъ, что дѣйствительно достойно осмѣянья всеобщаго (¹).»

Гоголь, какъ талантъ первоклассный, не могъ не понимать, или лучше сказать — не чувствовать, что одно смѣшное да смѣшное надоѣсть читателю, и поэтому онъ вездѣ, гдѣ представлялся ему удобный случай, бралъ ноту грустную (напр., въ окончаніи *Сорочинской Ярмарки*, или повѣсти о миргородскихъ помѣщикахъ), онъ вводилъ между смѣшнаго величавое или трогательное; но этимъ онъ, такъ сказать, только приправлялъ свою похлебку, какъ человѣкъ со вкусомъ. Всего лучше читатель это увидитъ изъ первоначальнаго его намѣренія, касательно *Мертвыхъ Душъ*: «Я думалъ просто, что смѣшной прозектъ, исполняемъ котораго занять Чичиковъ, наведетъ меня самъ на разнообразныя лица и характеры; что родившаяся во мнѣ самою охота смѣяться создать сама собою множество смѣшныхъ явленій, которыя я намѣренъ былъ перемѣшать съ трогательными (²).»

Подобная пересыпка трогательнаго съ смѣшнымъ довершила очарованіе, произведенное на умы читателей украинскими повѣстями Гоголя; а когда онъ выпробовалъ свое перо на Украинѣ, тѣмъ самымъ перомъ написалъ нѣсколько вещей изъ петербургской жизни съ безпощадною вѣрностію натурѣ, которая у него была передъ глазами, тогда исчезло и послѣднее сомнѣніе, что Украина не совсѣмъ похожа на его повѣсти.

Гоголь высказалъ однакожь столько любви къ Украинѣ, сколько можетъ чувствовать поэтъ къ тому, что представляется ему въ поэтическомъ свѣтѣ. Онъ первый открылъ въ украинской старинѣ нѣчто величавое; онъ первый далъ характеру древняго козака широкіе размѣры; онъ первый заговорилъ о поэтической сторонѣ исчезающаго уже нашего прошедшаго. Онъ и въ настоящемъ быту поселянъ старался угадать изящныя черты нравовъ и обычаевъ, пробивающіеся сквозь грубую кору повседневноности. Но все, что онъ ни изобразилъ подѣ влияніемъ оборотной стороны своего комическаго таланта, было почтѣно имъ въ какихъ-то неопредѣленныхъ сферахъ, было представлено безъ связи съ другими предшествовавшими и послѣдовавшими явленіями, не имѣло вокругъ себя этой мелочи, которая свидѣтель-

(¹) Тамъ же, стр. 301.

(²) Тамъ же, стр. 302.

ствуешь, что взятое лице или явление действительно существовало въ такомъ видѣ и иначе существовать не могло. Въ его украинскіхъ повѣстяхъ слышится тонъ пѣсень, которыя поэту, содержащему въ своей единицѣ нравственный образъ всего своего народа, открываютъ никому невѣдомыя тайны исчезнувшей жизни, но вообще читателю не расскажутъ ничего такъ, какъ рассказываетъ повѣсть: это уже дѣло вдохновеннаго пѣснями поэта. Онъ схватилъ чуткимъ слухомъ только поэтическій тонъ пѣсень, набралъ изъ нихъ полныя горсти очаровательныхъ въ своей дикости ароматныхъ цвѣтовъ. Онъ поставилъ между читающимъ обществомъ и Украиною радужную ткань своего воображенія и заставилъ взглянуть на Украину иными глазами, заставилъ почувствовать въ этой странѣ и въ населяющемъ ее народѣ достоинства великія, дотогѣ неподозрѣваемыя; но та же самая радужная ткань воображенія поэта не дала обществу ничего разсмотрѣть въ такой ясности и полнотѣ, въ какой является у него многое, если не все, въ *Мертвыхъ Душахъ*.

Тѣмъ не менѣе, однакожь, какъ я уже сказалъ, общество обратило глаза на Украину, и послѣ Гоголя началось многостороннее изслѣдованіе и опредѣленіе этой страны, которой онъ своими повѣстями не объяснилъ, и объяснить не могъ. Онъ самъ говоритъ, что «угадывать челоѣка могъ только тогда, когда ему представлялись самыя мельчайшія подробности его вѣшности (1)». Какимъ же образомъ могъ онъ угадать Тараса Бульбу, прочитавъ только Кошискаго да Боплана? Какимъ образомъ могъ онъ угадать украинскаго простолюдина, зная украинскій простонародный бытъ въ такой степени, какую обнаружилъ передъ нами *Сорочинская Ярмарка*? Сколько онъ ни собиралъ, черезъ переписку по почтѣ, народныхъ пѣсень, сколько онъ ни распрашивалъ объ Украинѣ заѣзжихъ въ Петербургъ земляковъ, онъ не могъ достигнуть такого познанія простонародной Украины, чтобы, творя въ умѣ образъ изъ старинны, или изъ настоящаго, не пропустить нѣсколько подробностей; а творческій талантъ его, по собственному его опредѣленію, былъ такого свойства, что «стояло ему нѣсколько подробностей пропустить, не принять въ соображеніе—и ложь у него выступала ярче, нежели у кого другаго» (2). Но она выступала только для такого изощреннаго кри-

(1) Тамъ же, стр. 508.

(2) Тамъ же, стр. 509.

тического зрѣнія, какое онъ самъ имѣлъ, когда говорилъ, что «чувствовалъ что-то въ родѣ отвращенія къ своему юмору, когда находилъ, что все у него выходило натянуто, насильственно, и даже то, надъ чѣмъ онъ смѣялся, становилось печально (1)».

Мы самъ, познавшіе еще ни Квитки, ни Шевченка, встрѣтили съ восторгомъ «Вечера на Хуторѣ (2)». Мы, будучи дѣтьми, въ эпоху появленія въ свѣтъ повѣстей пасичнина Рудого Панька, бросили для него всѣ свои книги и даже *Библиотеку для Чтенія* съ ея первыми повѣстями (3). Мы выучили ихъ наизусть и потѣшались Голопушенками и Перерепенками отъ всей души, а отъ фантастическихъ и печальныхъ сценъ приходили въ восторгъ и умиленье. Но, когда попали намъ въ руки повѣсти Квитки, мы такъ же выучили ихъ наизусть; когда забрелю въ Украину московское изданіе *украинскихъ народныхъ пѣсень*, мы и его приняли съ восторгомъ и выучили наизусть; когда явились, наконецъ, *объясняющіе* Украину со многихъ сторонъ стихи Шевченка, печатные и непечатные, мы также и стихи Шевченка, всѣ, до послѣдняго слова, выучили наизусть. Пока происходили эти и другія, второстепенной важности, литературныя явленія, каждый изъ насъ сдѣлался человѣкомъ взрослымъ и началъ жить болѣе или менѣе независимымъ умомъ. И если самъ авторъ украинскихъ повѣстей могъ освободиться наконецъ отъ очарованія своего неосмысленнаго юмора и своей неопредѣленной фантазій, до-того что находилъ свои поэтическія конценціи, несвязанными тѣсно съ дѣйствительностію, натянутыми и насильственными, а то, надъ чѣмъ онъ прежде смѣялся, становилось для него печальнымъ, — то что мудренаго, если люди, содержащіе въ умѣ въ тысячу разъ больше противъ него памятниковъ народной поэзіи, люди, озаренные такими писателями, какъ Квитка и Шевченко, и при всемъ томъ выросшіе посреди своего народа, находятъ многія конценціи украинскихъ повѣстей Гоголя натянутыми, насильственными и грустно качаютъ головою надъ тѣмъ, что прежде ихъ смѣшило?

Я помню, съ какимъ восторгомъ мы встрѣтили Солопія въ пре-

(1) Тамъ же, стр. 302.

(2) Говоря мы, я разумѣю здѣсь своихъ сверстниковъ, сходныхъ со мною во вкусахъ и стремленіяхъ, хотя бы они воспитывались и не вмѣстѣ со мною.

(3) *Библиотека для Чтенія* явилась позже *Вечеровъ на Хуторѣ*, но въ Украинѣ, въ нашемъ малокнижномъ затишьѣ, въ одно время съ ними.

лестной сценѣ размечтавшейся съ зеркальцемъ въ рукахъ, Параски. Мы находили его театральнѣй танецъ очень умѣстнымъ и очень естественнымъ. Но теперь, когда мы въ состояніи, на мѣсто выставленной Гоголемъ куклы на пружинахъ, вообразить живую натуру,—намъ танецъ Параски съ сѣдымъ отцомъ напоминаетъ святочные столичные балаганы, гдѣ крещенный людъ коверкаетъ себя на всѣ манеры, не справляясь съ эстетическими и натуральными чувствами. Теперь для насъ былъ бы естествененъ въ танцующей дѣвушкѣ крикъ ужаса при видѣ впавшаго въ безуміе отца, и неестественна плѣнительная сцена цвѣтущей молодости, насильственно сгармонизированной съ старостью, у которой, не говоря уже о семейныхъ отношеніяхъ, «другія хладныя заботы, другія строгія мечты.»

Во времена оны, мы отъ души раздѣляли радость Параски, которой, въ ярмарочной квартирѣ, объявили, что пришелъ женихъ—вести ее къ вѣнцу. Но теперь ея радость для насъ такъ же противна, какъ и движенія мертваго тѣла подъ вліяніемъ гальванизма. Для незнающихъ простонародной Украины, кажется очень простымъ дѣломъ взять за руку сельскую дѣвушку и повести къ вѣнцу. Для знающихъ—это былъ бы вопіющій фактъ нарушенія обычая, передъ которыми сельская невѣста благоговѣетъ, какъ язычникъ передъ своимъ кумиромъ.

Я уже не говорю о старшихъ; я уже не говорю о *родѣ*, который былъ бы оскорбленъ до глубины души подобнымъ событіемъ и не простилъ бы никогда своего *безчестья* обвинявшейся такимъ образомъ женщины. Но сама невѣста, при всей своей молодости, не согласилась бы на вѣнчанье безъ почетнаго конвоя своихъ сверстницъ—*дружокъ* и *свѣтилокъ*, безъ того конвоя, впереди котораго несутъ свадебный *мечъ* съ пылающею на его остріѣ свѣчкой, какъ эмблему свидѣтельствуемой передъ цѣлымъ міромъ вѣрной, пылающей до гроба, любви. Сама невѣста не пошла бы подъ вѣнецъ безъ *честного* короваля, который печется, накануне вѣнчанья, съ такими торжественными, полуязыческими, очень древними пѣснями и разными изъ рода въ родъ неизмѣнными обрядами. Сама невѣста ужаснулась бы мысли — выдти въ церковь не изъ отцовскаго дома, а изъ этой чужой хаты съ московскими полатями, съ которыхъ накануне упалъ подобранный къ ея мачихѣ поповичъ.

У Гоголя все это представлено очень юмористически; и кто же, поднявшійся на высоту критическаго воззрѣнія, не почувствуетъ не-

вольнаго отвращенія къ подобному юмору? Кому не покажется въ этой сценѣ печальнымъ то, надъ чѣмъ онъ прежде смѣялся? Сама Хивря, кричащая: «Нѣтъ! нѣтъ! этого-то не будетъ!» является обличительницей автора, «незнавшаго простонародной Украины и изображавшаго ее какъ баринъ, выдающій въ мужикѣ одно смѣшное». Пара Цыганъ, держащихъ ее за руки, профанируютъ въ ея, вовсе не народномъ, типѣ весь народъ нашъ съ его священнѣйшими обычаями. Я скажу гораздо болѣе, если прибавлю, что подобнымъ образомъ поступали у насъ только нѣкоторые помѣщики, которые, вовсе не зная и не желая знать простонародной Украины, иногда среди жнивъ брали съ одной нивы паробка, а съ другой дѣвушку и заставляли ихъ быть мужемъ и женою, по экономическимъ и домашнимъ соображеніямъ. Еслибы Гоголь наполнилъ свои простонародныя повѣсти подобными фактами да озарилъ ихъ своимъ талантомъ, тогда-бы онъ *объяснилъ* Украину. Но, безъ этого, онъ сдѣлалъ пми одно только истинно достойное дѣло: «далъ новое, сильное побужденіе къ ея объясненію», какъ сказано у меня въ осмѣянномъ *Русскою Бесѣдою* эпиграфъ къ *Черной Радѣ*.

Оканчивая свою повѣсть, Гоголь говоритъ: «Странное, неизяснимое чувство овладѣло бы зрителемъ, при видѣ, какъ отъ одного удара смычкомъ музыканта въ сермяжной свиткѣ, съ длинными, закрученными усами, все обратилось, волею и неволею, къ единству и перешло въ согласіе».

Хорошо сказано, но только противно истинѣ. На нашихъ простонародныхъ свадьбахъ нестройная, разговорившаяся и разшумѣвшаяся толпа дѣйствительно обращается къ единству и переходитъ въ согласіе отъ одного удара смычка. Но музыка тамъ совершаетъ гармонию жизни со всѣми ея варіаціями; музыка обращаетъ къ единству разнородныя чувства свадебной толпы, начиная отъ молодой четы, которая, взаимнымъ влеченіемъ другъ къ другу, предъявила свои права на состоятельность, до старшихъ въ семействахъ, давшихъ, послѣ долгихъ обдумываній и совѣщаній, свое благословеніе на эту самостоятельность, и до послѣдняго посѣтителя свадьбы, свидѣтельствующаго передъ міромъ ея законность.

Простонародныя свадьбы наши никогда не совершаются въ тишомолку. Объ нихъ возвѣщаетъ всему селу хоръ дружекъ, которыя, сбравшись на *діванчъ-вечірѣ*, ходятъ по всѣмъ улицамъ и воспѣвають въ поэтическихъ образахъ готовое совершиться событіе. Лишь только

соберется народъ, музыка водворяетъ гармонію между нестройными голосами и обращаетъ чувства толпы къ единству. На дѣвичь-печерѣ у бѣдныхъ людей голоса дружескъ замѣняютъ музыку, такъ какъ голоса коровайницъ замѣнили ее во время печенья коровай. Она дѣлаетъ свое дѣло уже въ день бракосочетанія, и тогда-то оживляются звуками музыки даже тѣ, «на угрюмыхъ лицахъ которыхъ, кажется, вѣкъ не проскальзывала улыбка», и даже самыя «старушки, на ветхихъ лицахъ которыхъ вѣяло равнодушіемъ могилы (1)».

Наблюдая это явленіе многоходомъ или многоздомъ, какъ наблюдаютъ помѣщики, подобные автору *Вечеровъ на Хуторѣ*, можно подумать, что оно происходитъ «отъ одного удара смычка». Но это все равно, какъ еслибы думать, что душа католика трепещетъ и стремится къ небесамъ отъ одного того, что органистъ ударилъ по клавишамъ органа. Пустькай тотъ самыи органистъ играетъ свою религіозную симфонію въ мастерской у того, кто дѣлаетъ органы. Пабожный католикъ, проходя мимо и зная, что это только проба органа, не содрогнется душою, не перестанетъ размышлять о своихъ дѣлахъ и будетъ продолжать свой путь спокойно. Точно такъ свадьба, сыгранная внезапно, при содѣйствіи ярмарочныхъ конокрадовъ вмѣсто почетныхъ старостовъ и прочихъ представителей сельскаго общества, еслибы только была возможна такая свадьба, — не произвели-бы на народъ такого впечатлѣнія, какъ у Гоголя напѣвъ дочери на старика отца и ударъ смычка на толпу людей, «на угрюмыхъ лицахъ которыхъ повидимому вѣкъ не проскальзывала улыбка и вѣяло равнодушіемъ могилы». Было-бы совершенно наиротивъ. Одни развѣ Цыганы-конокрады участвовали-бы въ такой свадьбѣ и удостоили-бы танцовать на ней. Честные же поселяне съ ужасомъ отхлынули-бы отъ сумасшедшихъ, которые, отвергнувъ весь законъ (2), затѣяли свадьбу вдали отъ своего дома, точно *жиды на смітнику* (3). Не понеслось бы все и не затанцовало бы, какъ у Гоголя. И тѣ самыя старушки, которыя «подплясывали у него за веселящимся народомъ, даже безъ дѣтской радости, безъ искры сочувствія, подъ вліяніемъ одного хмѣля, заставлявшаго ихъ дѣлать что-то подоб-

(1) *Сорочинская Ярмарка*, стр. 38.

(2) Всѣ свадебныя церемоніи вмѣстѣ называются *закономъ*; оттого и *законныя рѣчи*.

(3) Такъ выражается о еврейской свадьбѣ народъ.

ное человѣческому, какъ механикъ своего безжизненного автомата», тѣ самыя старушки явились бы на такой свадьбѣ главными представительницами пораженного ужасомъ и оскорбленіемъ общества: онѣ бы вдругъ ожили, точно вставшія изъ гробовъ покойницы, и предались-бы всенародно проклятію безумнаго Солопія и безумную молодую чету. Ихъ ветхія лица, на которыхъ вѣяло равнодушіе могилы, сдѣлали-бы страшное впечатлѣніе на «новаго, смѣющагося, живаго человѣка», между которымъ они безмысленно толкаются у Гоголя. Долго новый, живой человѣкъ не забылъ-бы ихъ замогильныхъ воплей, и въ грядущія поколѣнія перешла бы какая нибудь волшебная легенда въ память ужаснаго беззаконія, совершившагося всенародно.

И вотъ вамъ впечатлѣніе, производимое на критика-этнографа тою самою молодою, смѣющеюся поэзіей *Сорочинской Ярмарки*, которая во времена оны заткала радужною сѣткою передъ его глазами дѣйствительность, и непреодолимою силою увлекала его воображеніе въ свой фантастическій причудливый міръ, невозможный на нашей почвѣ. «Не такъ ли и радость», скажемъ словами Гоголя, «прекрасная и непостоянная гостья, улетаетъ отъ насъ (съ лѣтами), и напрасно одинокій думаетъ выразить веселье? Въ собственномъ эхѣ слышитъ уже онъ грусть и пустыню, и дико внемлетъ ему. Не такъ ли рѣзвые други бурной и вольной юности, по одиночкѣ, одинъ за другимъ, теряются по свѣту и оставляютъ наконецъ одного, стариннаго брата ихъ? Скучно оставленному! И тяжело, и грустно становится сердцу, и нечѣмъ помочь ему (1)»!

Да, намъ жалко разстаться съ тѣми восторгамъ, какіе мы чувствовали во времена оны при чтеніи *Вечеровъ на Хуторѣ* — все равно, «какъ жалко исторгнуть изъ памяти первыя игры невозвратной юности (2)». Но всякій возрастъ имѣетъ свои преимущества и свою замѣну того, что было безразлично-хорошо въ прежнее время. Это должно сказать какъ объ одномъ человѣкѣ, такъ и о цѣломъ обществѣ....

II. Кулишъ.

29 іюня 1858.

Хуторъ Мотроновка,
подъ Борзною.

(1) Заключительныя слова *Сорочинской Ярмарки*.

(2) Слова Гоголя въ предисловіи къ изданію его *Сочиненій* въ 1842 году.

ГИМНАЗИЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА.

II.

№ 8. Отъ исправляющаго должность старшаго учителя татаровской гимназии, Тропова, къ его брату, батальонному лікарю.

Какъ куколка сбрасываетъ съ себя свою некрасивую оболочку и превращается въ блестящую бабочку, такъ, въ одно прекрасное утро, по выдержаніи выпускнаго университетскаго испытанія, сбросилъ я съ себя свою подержанную студенческую оболочку и явился въ новой, учительской формѣ. Въместо сюртука, давно уже отжившаго вѣкъ, назначенный ему законами суконной природы и положеніемъ о срокахъ казенныхъ сюртуковъ, на мнѣ былъ новый вицъ-мундиръ, со всеми опредѣлительными и дополнительными къ нему частями туалета. Превращеніе это совершилось при пособіи 133 рублей, съ копѣйками, Уретнаго, не въ зачетъ, жалованья. Не разъ, въ минуты безтабачья, испыталъ я, какъ бываютъ дороги и 15 копѣекъ — цѣна вожделенной пачки Жукова; — поэтому сто тридцать три рубля показались мнѣ нестоющимъ капиталомъ, и я тогда только убѣдился въ противномъ, когда у меня въ кошелькѣ осталось не болѣе, какъ сколько было необходимо на прогоны и путевыя издержки въ Татаровку. Зато я былъ во всеоружіи учительскаго облаченія, съ ногъ до головы, то есть отъ клуговскихъ сапогъ до циммермановской шляпы.

Представленіе мое директору — вотъ истинный Рубиконъ, отдѣляющій міръ монахъ прежнихъ, юношескихъ понятій отъ міра оффиціальной жизни. Прежде всего директоръ самымъ чувствительнымъ образомъ поразилъ меня именно съ той стороны, съ которой я считалъ себя менѣ всего уязвимымъ, то есть со стороны безукориз-

ненности моего туалета. «У васъ нѣтъ мундира, г. Троповъ» сказать онъ, остановивъ меня почти у порога: «всѣ вы, господа казеннокоштные, таковы! чуть только получили третное не въ зачетъ жалованья, тотчасъ спѣшите записаться клуговскими сапогами, циммермановской шляпой, галстучкомъ изъ Нѣмецкаго магазина, позолоченною цѣпочкою, а о главномъ — о мундирѣ, и забываете. Впрочемъ я васъ и не виню; естественно, что галстучекъ и воротнички интересуютъ студента болѣе, нежели форма; но ваше университетское начальство могло бы наблюдать, чтобы всякій казеннокоштный, получившій не въ зачетъ третное жалованье, прежде всего сшилъ себѣ мундиръ. Не имѣть мундира значитъ неуважать начальства, не дорожить своимъ званіемъ. На безмундирныхъ я смотрю, какъ на санюлотовъ; ихъ нѣтъ въ моей гимназіи. Поэтому, г. Троповъ, вы немедленно должны сшить себѣ мундиръ. Я знаю, у васъ денегъ нѣтъ: галстучки, воротнички, пуговицы, поглотили весь капиталъ; но мундиръ будетъ шить вамъ въ счетъ вашего жалованья, съ васъ снимутъ мѣрку, а постройкою займется надзиратель Михайловъ.»

Говоря это, директоръ въ то же время взглядомъ, голосомъ и жестомъ старался испытать степень моей впечатлительности. То сдѣлаетъ нѣжные глазки и заговоритъ тономъ дружеской бесѣды, то вдругъ посмотритъ сурово и возвыситъ голосъ до самой высокой начальнической ноты, то подойдетъ ко мнѣ, возьметъ за пуговицу, положить мнѣ на плечо руку, то отойдетъ и, потомъ вновь приблизившись, вдругъ сдѣлаетъ рукою ораторскій жестъ, будто для того, чтобы испытать степень моей природной расположенности къ перенесенію пощечины. Посредствомъ этихъ магнетизерскихъ приемовъ, директоръ, вѣроятно, желалъ испытать мой нравъ и произвести на меня обаяніе, подобно тому, какъ ремонтеръ испытываетъ нравъ лошади и укротитель животныхъ подчиняетъ ихъ своей волѣ. Въ заключеніе этого магнетизерскаго сеанса, директоръ показалъ видъ, будто желаетъ проститься со мною и подать мнѣ руку, но лишь только и протянулъ свою, какъ онъ обѣ свои спряталъ въ карманы и, кивнувъ мнѣ головою, сухо сказалъ: «прощайте.» Я ушелъ, но не успѣлъ еще запереть дверь, какъ онъ вновь кликнулъ меня. «Г. Троповъ», сказалъ онъ: «пожалуйста, остригитесь; учитель долженъ подавать примѣръ ученикамъ; вакаціонное время дано намъ начальствомъ не на то, чтобы отращать себѣ волосы.» Такъ кончилось мое первое свиданіе съ директоромъ. По всему замѣтно, что я попалъ въ руки

великаго мастера въ дѣлѣ укрощенія и дресировки подчиненныхъ. Но напрасно со мною, человѣкомъ смиреннымъ, онъ сразу обошелся такъ жестко; Богъ ему судья!

На слѣдующій день, директоръ пригласилъ меня къ себѣ поговорить о способѣ преподаванія моего предмета. «Вы назначены въ татаровскую гимназію преподавать русскую словесность», сказалъ онъ; «предметъ вашъ я считаю однимъ изъ запутаннѣйшихъ предметовъ гимназическаго курса; съ нимъ однимъ директору хлопотъ болѣе, нежели со всѣми остальными; разумѣется, запутанъ онъ не по своему содержанію, котораго я не касаюсь, а собственно по трудности преподаванія на законномъ основаніи. Вамъ извѣстно, что основаніемъ преподаванія у насъ служатъ: во—первыхъ, начальническое распоряженіе, во—вторыхъ, программа нашего учебнаго округа, въ—третьихъ, одобренные начальствомъ учебники. Къ несчастію, по словесности, начальство, программа и учебники — не во всемъ между собою согласны: въ учебникѣ нѣтъ отвѣтовъ на вопросы программы, а въ программѣ нѣтъ вопросовъ на статьи учебника. Равнымъ образомъ программа наша расходится и съ начальническимъ распоряженіемъ, которое состоялось послѣ напечатанія программы и, по словесности, имѣло въ виду только еще подготавливавшійся въ то время учебникъ. Вотъ собственно въ чемъ заключается трудность и запутанность вашего предмета. Ограничься однимъ учебникомъ — не удовлетворишь требованіямъ программы: а вы знаете, ктѣ составлялъ программу! Станешь придерживаться программы — отступишь отъ учебника, который не только одобренъ, но и напечатанъ самимъ начальствомъ. Чтобы выйти изъ этого затрудненія, я вижу только одно средство, которое, впрочемъ, не нравится начальству, котораго я самъ не люблю и на которое только крайность заставляетъ меня рѣшиться: это — выдавать дополнителныя записки. Но здѣсь новое затрудненіе. По всѣмъ другимъ предметамъ, заглавія разныхъ европейскихъ сочиненій, которыми, на законномъ основаніи, можетъ руководствоваться учитель, въ программѣ разысканы щедрю рукою; по отечественной же словесности, какъ нарочно, ни одного. Нечего дѣлать, г. Троповъ: по тѣмъ вопросамъ программы, которые не вошли въ учебникъ, составьте ваши собственныя записки, разумѣется, въ духѣ руководства; составивши, препроводите ихъ при рапортѣ ко мнѣ, а я представлю на усмотрѣніе его превосходительства Кузьмы Демьяновича. При этомъ рекомендую вамъ имѣть въ виду, что употребленіе вашихъ записокъ

учащимся должно оставаться безъ всякаго вліянія на употребленіе учебника; кромѣ того, предлагаю вамъ сдѣлать необходимымъ для учениковъ всѣхъ классовъ употребленіе двухъ русскихъ хрестоматій: теперешней и прежней, которой осталось еще у насъ, въ книжномъ магазинѣ, значительное число экземпляровъ.» — Прощай, любезный братъ. Въ слѣдующемъ письмѣ я дамъ тебѣ понятіе о моемъ положеніи въ здѣшнемъ обществѣ и объ отношеніяхъ моихъ къ сослуживцамъ и ученикамъ.

№ 9. *Отъ Софіи Строинской къ гувернанткѣ почетнаго попечителя, Констанціи Подлинской.*

Только послѣ разлукѣ съ тобою, ma chère Constance, я узнала всю цѣну твоей дружбы. Полжизни отдала бы я зато, чтобы ты теперь была со мною, чтобы имѣть друга, съ которымъ могла бы дѣлиться чувствами. Еще никогда я такъ не тяготилась одиночествомъ моей жизни въ Татаровкѣ. Особенно весна этого года навѣяла на меня какую-то грусть и тревогу. Иногда по цѣлымъ часамъ просиживаю въ нашемъ садикѣ, въ какомъ-то странномъ душевномъ состояніи. Сердце чего-то проситъ, душа куда-то рвется; среди безмятежной природы, я испытываю непонятную борьбу и чувствую, какъ, подъ вліяніемъ какихъ-то неясныхъ грезъ, то красивую, то блѣдную. Ахъ! если бы въ эти минуты я могла прильнуть къ твоей груди, въ горячихъ поцѣлуяхъ и ласкахъ высказать тебѣ мою душу. Но вокругъ меня все такъ пусто и безжизненно. Маменька постоянно занята по хозяйству, мы рѣдко-гдѣ бываемъ, еще рѣже видимъ у себя чужаго человѣка. Только и отрады, что книга. Зато съ какою жадностію я предаюсь этому удовольствію, съ какимъ восторгомъ переселяюсь изъ бездушнѣйшей татаровской дѣйствительности въ очаровательный міръ фантазіи. На дняхъ я читала *Валентину*. Ахъ! ma chère Constance, сколько чувства, какое наслажденіе для сердца и воображенія. Въ одномъ только я не согласна съ сочинительницею (говорятъ, что Жоржъ-Зандъ сочинительница, а не сочинитель) мнѣ кажется, что героини ея романовъ слишкомъ уже самоотверженно подчиняются мужчинамъ и переносятъ ихъ капризы. Иногда я ставлю себя въ ихъ положеніе и тогда чувствую, что никогда не позволила бы мужчинамъ имѣть надо

мною столько власти. Чаша блаженства обща, но она должна оставаться въ рукѣ женщины. Всякая зависимость нестерпима для моеи *сарматской* натуры.

Раза два я была у мадамъ Риво. Сколько воспоминаній воскресло въ моей душѣ, при видѣ комнатки, гдѣ провели мы столько счастливыхъ, беззаботныхъ дней. У мадамъ Риво по прежнему десятка два ученицъ, съ которыми она занимается тайкомъ отъ властей учебныхъ и по секретному договору съ властями гражданскими мѣстечка Татаровки. Помнишь, какъ посѣбно, съ крикомъ: мракъ! мракъ! (1) прятали мы подъ передники всѣ книги и тетради и брали въ руки работу, коль скоро намъ давали знать, что на улицѣ появился кто либо изъ гимназическихъ чиновниковъ. Матап говорила мадамъ Риво, почему она не выхлопочетъ себѣ права открыть формальный пансіонъ, чтобы избавиться наконецъ отъ этой вѣчной тревоги. Но мадамъ Риво отвѣчала, что ей гораздо выгоднѣе знать одного становаго пристава, нежели подчиниться всѣмъ законнымъ формальностямъ и личнымъ капризамъ татаровскаго директора и компаніи.

Вчера мы были съ матап на именинахъ у аптекарши. Общество состояло изъ нѣсколькихъ семействъ знакомыхъ тебѣ татаровскихъ старожилонъ и полного штата гимназическихъ учителей. Сынъ аптекаря воспитывается въ гимназін, и за то, что учителя набиваютъ разнымъ вздоромъ голову сына, аптекаръ считаетъ себя обязаннымъ набивать учительскіе желудки. Танцовали. И танцовала мазурку и одну кадрилъ съ недавно назначеннымъ сюда учителемъ литературы, который чрезвычайію смѣшилъ меня своимъ польскимъ произношеніемъ. Онъ—русскій; не смотря на то, не дурно ташцуетъ и умѣетъ найтись въ обществѣ. Вѣроятно, или родился, или долго жилъ въ нашихъ мѣстахъ, а только притворяется, что не умѣетъ по-польски. Этотъ господинъ простеръ свою любезность до того, что и за ужиномъ не оставилъ дамскаго общества и не присоединился къ своимъ сослуживцамъ, которые, за особымъ столомъ, очищали, наперерывъ другъ передъ другомъ, блюда и бутылки. Впрочемъ ихъ и зовутъ только за тѣмъ, чтобы накормить, и на этотъ разъ они честно исполняютъ свое призваніе.

Посылаю тебѣ выкройку мантильи моего собственнаго изобрѣтенія.

(1) Въ подлинникѣ: сѣма, что, кромѣ тьмы, мрака, значить еще: ночная бабочка.

Тебѣ извѣстенъ мой талантъ въ дѣлѣ шитья и вышиванья. Недавно я выучилась шить перчатки, и теперь другихъ не ношу, кромѣ своей собственной работы. Кожевку выписываемъ изъ Бердичева. Тетинька кланяется тебѣ. Цѣлую тебя миллионъ разъ въ губки, въ щечки, въ носикъ, въ лобикъ, и прошу не забывать твоей — Sophie.

№ 10. *Отъ учителя исторіи татаровской гимназіи, Трезваго, къ учителю русской словесности Носачевской гимназіи, Наивному.*

Только по прошествіи года, уже порядкомъ окупившись въ здѣшней жизни, я передаю тебѣ впечатлѣніе, которое эта жизнь произвела на меня. Кажется, Иванъ Андреевичъ, въ университетѣ мы общали другъ другу переписываться чаще; но мало ли что обѣщается и не исполняется. Утѣшимся однако (хоть солжемъ, а утѣшимся!): теперь всѣ замѣчанія наши, какъ болѣе зрѣлый плодъ опытности и размышленія, будутъ гораздо основательнѣе.

Прежде всего я желалъ бы въ нѣсколькихъ словахъ выразить тебѣ отличный характеръ края, въ которомъ, по волѣ судьбы и начальства, нынѣ обрѣтаюсь. Англію мы представляемъ себѣ не иначе, какъ краемъ разумной свободы гражданской; Германію — царствомъ мысли; Францію — страну утонченныхъ правовъ. Что же такое Польша, по крайней мѣрѣ тотъ слой Польши, который я видѣлъ въ нашихъ западныхъ губерніяхъ? Это земля славянская, сильно запроващенная папизмомъ. Папизмъ и славянская національность діаметрально противоположны другъ другу. Какъ противоположны лукавая казуистика и неподкупный голосъ сердца, задолбанный принципъ и вдохновеніе, Парагвайская республика отцовъ іезуитовъ и Запорожская Січъ: такъ противоположны папизмъ и славянская національность. И однако папизмъ глубоко пустилъ здѣсь свои корни.

Напрасно у насъ смѣшиваютъ духъ папизма съ духомъ польской національности: папизмъ только пользуется національностью; но польсти ему — и онъ станетъ подъ знамена какой-угодно національности. Австрія, непопулярная въ католической, но издревле свободномыслящей, отчизнѣ Гусса, очень уважаема въ Моравіи, гдѣ папизмъ всеслепъ. Лпшь бы и самому властвовать надъ омраченными умами, моравскій

папизмъ протянулъ руку Австріи и заключилъ съ нею братскій договоръ на порабощеніе славянину пѣмцу. Папизмъ — естественный союзникъ обскурантизма. Живой примѣръ у меня передъ глазами. Директоръ нашъ — страшный деспотъ и обскурантъ; его здѣсь никто не любитъ; но въ ксендзѣ Пушайлѣ онъ нашелъ себѣ ревностѣйшаго поборника и защитника. Ксендзъ понимаетъ, что іезуитская дисциплина директора готовить и ему обильную жатву.

Только вліяніемъ папизма я могу объяснить себѣ нѣкоторыя черты здѣшнихъ нравовъ, несвойственныя славянской природѣ; только папизмъ могъ внушить славянину чуждый ему духъ нетерпимости, самообожанія, пропаганды, резонерства.

Папизмъ говоритъ: «я—свѣтъ міру; все остальное—мракъ, ересь, расколъ, достойная добыча огня вѣчнаго, а подчасъ и временнаго; одинъ путь къ Небу—мой путь, и мое призваніе — всѣхъ, волею и неволею, обращать на этотъ единственный путь спасенія.» Затѣмъ слѣдуетъ очень справедливое въ устахъ славянину замѣчаніе: «мы всегда отличались ревностію и религіознымъ чувствомъ.» Изъ соединенія этихъ двухъ посылокъ выводится заключеніе: «ergo, мы народъ избранный, насъ ожидаетъ великая будущность, мы должны твердо вѣровать въ свое превосходство и стараться передѣлать другихъ на свой ладъ.» Разумѣется, все это—слова; поэтому фразерство всегда играло здѣсь важную роль и будетъ играть, пока безпристрастный судъ свободной мысли не восторжествуетъ надъ искусственною энергіею папизма. Прискорбенъ видъ смерти: грустно видѣть, какъ умираетъ человѣкъ, какъ исчезаетъ идея, жившая въ убѣжденіи людей въ теченіи многихъ поколѣній; но непріятенъ и видъ насильственной жизни: непріятно видѣть, какъ галваннзуетъ людей уже отжившее свой вѣкъ начало.

Теперь слѣдуетъ дать тебѣ понятіе о томъ, что дѣлаемъ здѣсь мы, наставники, чтобы поставить школу въ должныя отношенія къ жизни. Ты полагаешь, что для этого мы употребили какія нибудь особенно тонкія воспитательныя мѣры: открыли новыя каедры, позаботились о приготовленіи педагоговъ, объ изданіи хорошихъ учебниковъ? Извини, любезный другъ: сражаться невидимымъ оружіемъ педагогин и всякихъ другихъ *логій* и *логій* не наше дѣло. Это не только головоломно, но и опасно. Пожалуй, пустившись въ разсужденія, еще самъ попадешь въ просакъ, какъ нѣкій западный докторъ богословія, неосторожно затѣявшій диспутъ съ чертомъ. Мы распо-

рядился по своему. *C'est le petit ventre qui gouverne le monde.* На этомъ основаніи, мы и на воспитаніе дѣйствуемъ здѣсь посредствомъ питанія, и дѣйствуемъ такъ удачно, что о способѣ воспитанія здѣсь теперь никто не думаетъ и не говоритъ, а всѣ заняты только способомъ питанія учащихся. Для всѣхъ самый жизненный воспитательный вопросъ заключается въ томъ, гдѣ дѣти будутъ жить и кто ихъ будетъ кормить. Этихъ блестящихъ результатовъ мы достигли учрежденіемъ большаго питательнаго заведенія, или, такъ—называемой, *общей ученической квартиры.* Ты дворянинъ, хочешь учиться — такъ давай денежка и ступай въ общую квартиру: тамъ ѣшь, пей, ложись, вставай, а за тѣмъ и учи по росписанію и командѣ, безъ излишнихъ разсужденій. Въ сущности общія квартиры не лишены рациональнаго основанія: это учебно—смирительныя заведенія, въ которыхъ успѣхъ элемента воспитательнаго основанъ на благотворномъ вліяніи элемента смирительнаго. Боюсь однако, чтобы образовательная сила подобнаго метода, направленная по преимуществу на органы физическіе, не произвела въ нравственныхъ особаго рода рефлексивныхъ движеній, съ которыми, пожалуй, потомъ и не сладить.

До сихъ поръ однако, все обстоитъ благополучно, особенно на бумагѣ. Какъ докторъ Хангloseъ, всѣ мы хоромъ твердимъ, что все у насъ идетъ къ лучшему, въ нашемъ наилучшемъ мірѣ, зачѣмъ хвалимъ другъ друга и благодаримъ другъ другу, по обыкновенію, исправно. Но что, если все это не болѣе, какъ самообольщеніе? Тогда раньше или позже послѣдуетъ разочарованіе, и незавидна будетъ участь тѣхъ, которые примутъ отъ насъ въ наслѣдство только хаосъ утраченныхъ иллюзій.

Вотъ тебѣ, дружище, основныя черты здѣшней жизни и здѣшней школы; самъ ты уже догадаешься, что отношенія ихъ другъ къ другу не могутъ быть любезны. Школа и знать не хочетъ жизни, — зато и жизнь всѣми силами старается нагадить школѣ. Блаженна страна, которой чуждо подобное раздвоеніе; блаженна носачевская гимназія, живущая одною общею жизнью со всѣмъ народонаселеніемъ мирнаго города Носачевки; блаженъ и ты, Иванъ Андреевичъ, просвѣщающій юпошество, которое въ школѣ ведетъ борьбу только съ буквами *еры* и *иже*, въ области произношенія и правописанія. Какъ бы и мнѣ хотѣлось понасть въ ту родную страну, *wo die Citronen blühen*, то есть, гдѣ такъ неподобно варенье и такъ неощражасмо соленье. Прощай.

№ 11. *Отъ учителя татаровской гимназіи, Тронова, къ его брату, баталіонному лѣкарю.*

Чтобы дать тебѣ вѣрное понятіе о моемъ здѣсь положеніи, я долженъ познакомить тебя съ здѣшнимъ обществомъ.

Просвѣщеніе, или правильнѣе, воспитаніе, *edukasya*, играетъ важную роль въ жизни здѣшняго общества: это одинъ изъ главныхъ, и нравственныхъ, и экономическихъ, здѣсь двигателей. Всякій считаетъ долгомъ, какъ можно лучше воспитать своихъ дѣтей. Для воспитанія, богатый не жалѣетъ денегъ; бѣдный—жертвуетъ послѣднимъ. Почти четвертую долю всѣхъ учениковъ гимназіи составляютъ дѣти людей достаточныхъ, издерживающихъ на воспитаніе сына отъ 400 до 1000 рублей. Люди эти, по большей части, помѣщики, нерѣдко сами съ семействами поселяются въ гимназическомъ городѣ и привлекаютъ туда множество разныхъ учителей языковъ, музыки, танцованія. Татаровка съ виду деревня, состоящая изъ мазанокъ подъ соломенными крышами; но въ каждой мазанкѣ, съ утра до вечера, совершается служеніе музамъ на разныхъ языкахъ и инструментахъ. Это — Аопны крѣкославской губерніи; всѣ здѣсь живутъ или для воспитанія, или посредствомъ воспитанія. Не смѣшивай однако этого всеобщаго стремленія къ воспитанію съ стремленіемъ къ тому просвѣщенію, душу котораго составляетъ поклоненіе истинѣ. Подъ наружнымъ покровомъ этой гонимы за воспитаніемъ, таится какой-то консерватизмъ мысли, какая-то вѣра въ букву и авторитетъ, верховнымъ выраженіемъ котораго признаются здѣсь виленьскіе и кременецкіе педагоги и ихъ воспитанники. Скорѣе Вагнеръ, нежели Фаустъ, могъ бы быть представителемъ стремленія къ наукѣ здѣшняго общества; это не столько внутренняя жертва духа, сколько вышшій обрядъ, но все таки обрядъ искренній, а не пустая дань модѣ. Кажется, католическое духовенство, въ рукахъ котораго долгое время находилось здѣсь воспитаніе, дало умственной жизни этого края какой-то старообрядческой характеръ; тѣмъ не менѣе, здѣсь съ давнихъ поръ ведется вѣра въ науку и уваженіе къ наставникамъ. Но увы! уваженіе это ни чуть не распространяется на насъ, официальныхъ распространителей современнаго ученія. Въ насъ они упорно отвергаютъ наставнической характеръ и также мало вѣрятъ нашей образованности, какъ и храбрости австрійскихъ солдатъ. Мы для нихъ не болѣе, какъ чиновники, по-

жалованные начальствомъ въ учителя. По ихъ мнѣнію, процессъ ученія въ гимназіи совершается какъ-то самъ собою, при пособіи благотворнаго вліянія здѣшняго климата и кременецкихъ преданій; а мы только ставимъ шары, переводимъ изъ класса въ классъ и выдаемъ аттестаты. Съ этой только стороны мы и интересны для нихъ. Пока ихъ дѣти въ гимназіи, между ими и нами есть связь, но такая, какая между покупателемъ и лавочникомъ, пока идетъ торгъ. Выбыли дѣти изъ гимназіи — они забываютъ о существованіи нашемъ, какъ забываетъ покупатель о лавочникѣ, когда товаръ взятъ изъ лавки. Правда и то, что, допустивъ въ нашъ учебный міръ разные подъяческіе приемы, мы сами отчасти способствовали тому, что на учебное заведеніе здѣсь смотрятъ, какъ на подъяческую инстанцію. Довольно тебѣ сказать, что здѣсь есть люди, считающіе татарскаго директора агентомъ тайной полиціи: *to szpieg, panie* — это шпионъ, сударь, говорятъ они о нашемъ директорѣ. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ въ одномъ обществѣ всѣ вдругъ встревожились и замолчали, потому что кому-то показалось, что подъ окошкомъ подслушивалъ... директоръ гимназіи.

Учителей, однако, общественное мнѣніе щадитъ въ этомъ отношеніи. Дверь здѣшнихъ гостинныхъ для насъ не закрыта, — разумѣется, кромѣ высшихъ аристократическихъ, которыя и внутри Россіи, какъ и во всемъ образованномъ мірѣ, не слишкомъ-то открыты для учительскаго сословія. Но сближеніе съ здѣшнимъ обществомъ тоже имѣетъ свои невыгоды. Коль скоро вы сблизились, тотчасъ перестаютъ щадить въ васъ ваши убѣжденія, ваше общественное положеніе. Будто для того, чтобы доказать вамъ свое довѣріе и хорошее мнѣніе о вашемъ вкусѣ и чувствахъ, начинаютъ васъ подбивать избитыми анекдотами, въ которыхъ главную роль играетъ невѣжество русскихъ офицеровъ; читаютъ quasi-патріотическіе стихи, въ которыхъ Россія представляется въ видѣ неосѣдлой татарской орды, еще странствующей на повозкахъ, со всѣмъ скарбомъ своимъ и всѣми плодами своего умственнаго и общественнаго развитія. Если духъ фанатической нетерпимости ко всему чужому и слѣпаго пристрастія къ своему такъ силенъ теперь, то чтѣ было бы тогда, когда бы этотъ духъ нашелъ себѣ болѣе обширное примѣненіе въ жизни гражданской и политической? Въ исторіи покойной инквизиціи, кажется, можно найти отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Вѣжливость, или, лучше сказать, любезность обращенія состав-

ляетъ здѣсь одну изъ важнѣйшихъ общественныхъ добродѣтелей; даже въ сношеніяхъ официальныхъ должно быть любезнымъ. Какъ ни внимателенъ кто къ дѣлу, но если въ тоже время не будетъ внимателенъ и къ лицу — его назовутъ варваромъ.

Я расскажу тебѣ анекдотъ, выдуманный здѣшнимъ же юморомъ, въ насмѣшку надъ излишнею щекотливостью здѣшнихъ понятій о вѣжливости. Во времена оны, когда каждый польскій шляхтичъ былъ *eo ipso* и прямой кандидатъ на польскій престолъ, случилось одному шляхтичу быть на балу у короля. Онъ пригласилъ королеву протанцовать съ нимъ краковяка; но едва успѣлъ пройти съ королевой разъ, другой, какъ музыка перестала играть краковяка и заиграла мазурку. Шляхтичъ очень обидѣлся такимъ невниманіемъ къ танцующей парѣ и, желая поставить на своемъ, продолжалъ танцовать краковяка. Положеніе королевы было крайне затруднительно: танцовать мазурку—обидѣть шляхтича; танцовать, вмѣстѣ съ шляхтичемъ, краковяка—обидѣть танцующихъ мазурку. Она однако побѣдоносно вышла изъ этого затруднительнаго положенія, протанцовавъ, по вдохновенію уточненной королевской вѣжливости, —одною ногою мазурку, а другою — краковяка. Нерѣдко приходится здѣсь и намъ, чтобы не разстроить гармоніи, танцовать одною ногою краковяка, а другою мазурку; но подобные фокусы вѣжливости тягостны.

Между тѣмъ, тѣ же самые люди, которые такъ требовательны и щекотливы въ дѣлѣ вѣжливости, по своимъ понятіямъ, часто бываютъ очень невнимательны къ требованіямъ вѣжливости, по понятіямъ другихъ. Записные остряки, составляющіе здѣсь штатную принадлежность всякой компаніи, на каждомъ шагу готовы угостить васъ, подъ видомъ плоской шутки, самыми не деликатными намеками. Даже крайняя безцеремонность и невѣжество здѣсь какъ-то уживаются съ любезностью. Недавно я былъ на вечерѣ у здѣшняго аптекаря. Нужно тебѣ замѣтить, что, для сокращенія формальностей, здѣсь въ рѣдкомъ домѣ есть передняя: прямо изъ сѣней являешься въ пріемную. Въ аптекарской пріемной, подъ звуки флейты—гезеля и скрипки—провизора, танцовали кадрили, когда предъ танцующими явился новый гость, одѣтый по дорожному. Гость этотъ, господинъ почтенныхъ лѣтъ и наружности, снимаетъ шинель, шарфъ, теплые сапоги, наконецъ садится на стулъ и съ словомъ: *przepraszam*, извините, начинаетъ снимать брюки. Я остолбенѣлъ. Вышло однако, что подъ этими верхними брюками, надѣтыми почтеннымъ господиномъ для пре-

дохраненія себя отъ простуды, были другія, въ которыхъ онъ явился предъ обществомъ и оказался не только почтеннымъ, но и очень любимымъ господиномъ.

О любезности здѣшнихъ женщинъ не скажу тебѣ ни слова; любезность ихъ—это фактъ, засвидѣтельствованный всѣми образованными путешественниками, впрочемъ, по моему, отчасти фактъ взаимной любезности между образованными путешественниками и здѣшними женщинами. Туземцы, а въ особенности мужья, могутъ быть на этотъ счетъ другаго образа мыслей. Лучше обращай твоё вниманіе на рѣдкій даръ прозорливости въ дѣлахъ сердечныхъ здѣшнихъ матерей и тетокъ. Ни одинъ докторъ не опредѣлитъ такъ болѣзни, какъ онѣ, по самымъ легкимъ, едва замѣтнымъ, симптомамъ, опредѣлять, кто кому нравится и въ какой степени, и ни одинъ докторъ не сумѣетъ такъ повести болѣзни, какъ онѣ поведутъ къ желанному исходу сердечную склонность. На томъ же вечерѣ у аптекаря, довелось мнѣ танцовать кадрили съ очень миловиднымъ созданіемъ — Софіей Строинской. Не успѣли мы обмѣняться нѣсколькими словами, какъ возлѣ насъ очутилась какая-то тетушка Софин, видимо съ дружелоубнымъ намѣреніемъ облегчить намъ наше знакомство. Я вполне увѣренъ, что въ томъ же самомъ обществѣ возлѣ меня очутилась бы другая тетушка, если бы только въ моей душѣ мелькнула тѣнь предпочтенія къ другой племянницѣ. Достоинно замѣчанія, что на русскихъ чиновниковъ—жениховъ здѣсь смотрятъ гораздо гуманнѣе, нежели на просто русскихъ чиновниковъ: это родъ жертвы, приносимой прекраснымъ поломъ въ пользу цивилизаціи варваровъ.

Прекрасную черту здѣшнихъ нравовъ составляетъ религіозное чувство, если только оно соотвѣтствуетъ степени наружнаго благочестія. На развитіе этого послѣдняго, безъ сомнѣнія, имѣло большое вліяніе католическое духовенство, которое, оставляя догматъ неприкосновеннымъ, умѣло искусно пользоваться и логикою страстей, и логикою ума, чтобы облечь благочестіе въ мягкія, успокоительныя, формы.

Труднѣе всего здѣсь примириться свѣжему человѣку съ officialными, гимназическими, нравами. Это, по—истинѣ, міръ сплетень, доносовъ, раболѣпства, взаимнаго недовѣрія и бездушнаго формализма, созданный и поддерживаемый политикою директора, принявшаго за основное правило управленія—*divide et impera*. Не видѣвши, трудно себя представить, какимъ образомъ вся эта грязь страстей могла развиваться въ учебномъ кругу, гдѣ, кажется, интересы такъ благо-

родны, отношенія такъ просты. Но тѣмъ именно и отвратительны здѣсь страсти, что уродуютъ простыя и благородныя отношенія учебной жизни: это именно мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ. Жена учителя географіи купила шляпку и подверглась осужденію жены учителя арифметики; учитель физики поссорился за преферансомъ съ учителемъ высшей математики; учитель латинскаго языка не поклонился инспектору; дочь учителя русскаго языка пѣла венгерскій романсъ; у младшаго учителя нѣмецкаго языка явились пара утокъ и индѣйскій пѣтухъ, не купленные, сколько извѣстно, на базарѣ; обо всемъ присяжные директорскіе доношники тотчасъ рапортуютъ директору; а какъ, по долгу службы, инспекторъ долженъ знать прежде директора все, что дѣлается въ гимназій, то инспекторскіе шпіоны съ своей стороны развѣдываютъ и собранныя свѣдѣнія передаютъ инспектору. Пока производятся разслѣдованія, въ которыхъ сторожа, лакеи, кухарки, являются главными дѣятелями, члены гимназическаго сословія шепотомъ спрашиваютъ другъ у друга: что такое случилось, зачѣмъ у избранныхъ директорскихъ агентовъ такія озобоченныя, таинственныя фізіономіи, какъ будто бы они печаянно открыли комплотъ, угрожающій опасностью политическому равновѣсію Европы? Въ конфиденціональныхъ разсказахъ фактъ искажается, силетня растетъ, мнѣнія раздѣляются, образуются партіи, разгораются страсти, является новая тема для новыхъ доносовъ и разслѣдованій. И это наше нормальное состояніе. Между тѣмъ, директоръ, пользуясь междоусобицей, старается порознь прибрать къ рукамъ cadaго изъ членовъ гимназическаго сословія. Сначала онъ будто не замѣчаетъ промаховъ подчиненнаго, даже перѣдко, тѣмъ или другимъ образомъ, смотря по характеру подчиненнаго, самъ вводитъ его въ искушеніе, и когда неосторожная жертва уже достаточно запугалась въ разставленныхъ сѣти, тогда вдругъ поражаетъ ее и дѣлаетъ съ нею что ему угодно. Обыкновенно онъ казнитъ виновнаго только посрамленіемъ и униженіемъ въ глазахъ всѣхъ, не исключая и учениковъ, и это для того, чтобы потомъ имѣть возможность распорядиться и лицомъ и голосомъ поработеннаго, какъ ему угодно. Всякая незапятнанная, и потому болѣе или менѣе независимая, личность для него — какъ бѣльмо на глазу.

Какъ ни всемогущъ директоръ, однако не отдыхаетъ на лаврахъ своего всемогущества: онъ и самъ долженъ вѣчно находиться въ томъ же вооруженномъ положеніи, въ которое поставилъ другихъ. Прежде

всего ему необходимо зорко слѣдить за дѣйствіями своего прямого врага—инспектора. По наружности они хороши между собою, но въ душѣ ненавидятъ другъ друга, ненавидятъ уже и потому, что власть и блескъ одного могутъ увеличиваться только на счетъ власти и блеска другого. Рѣшеніе самыхъ непріятныхъ дѣлъ и исполненіе самыхъ щекотливыхъ порученій директоръ возлагаетъ на инспектора; инспекторъ же, при исполненіи подобныхъ комиссій, чтобы оградить себя отъ нарекавій, настоящимъ виновникомъ непріятныхъ приговоровъ старается выставить директора, а иногда, чтобы увеличить раздраженіе, прибавляетъ и отъ себя, на счетъ директора, какую-либо непріятность. Затѣмъ опаснѣйшими врагами директора являются тѣ учителя, которые болѣе другихъ пользуются довѣріемъ родителей и любовью учениковъ. Чтобы не потерять своей популярности, они съ умысломъ и безъ умысла даютъ замѣтить ученикамъ, что не одобряютъ директорскихъ дѣйствій и выставляютъ директора, какъ какую-то чуждую, демоническую власть въ кругу учебной жизни. Не спорю, подобные поступки учителей слишкомъ неблагоразумны и, быть можетъ, безразличны; но они явились, какъ неизбежное слѣдствіе униженія учителей; грубое насиліе отняло у учителей ихъ законную власть, и теперь учителя стараются беззаконно возвратить себѣ то, чего беззаконно лишились: обыкновенная исторія всякой борьбы за права.

Изъ учителей здѣшнихъ мнѣ особенно понравился учитель исторіи, Трезвый, человекъ очень даровитый и съ благороднымъ отъ природы характеромъ. Идаль только, что жизнь его какъ-то странно сложилась. Едва успѣлъ сюда пріѣхать, какъ, подавшись вліянію романтической поэзіи и здѣшнихъ нравовъ, влюбился въ какую-то польку. Дѣвушка сначала кокетничала съ нимъ, потомъ бросила его для какого-то гусара, сама была оставлена гусаромъ, и наконецъ уѣхала въ губернію къ почетному попечителю нашей гимназіи. Сильная, здоровая, натура Трезваго глубоко почувствовала рану, нанесенную его сердцу и самолюбію. Къ страданіямъ сердечнымъ присоединились огорченія по службѣ: директоръ безпощадно издѣвался надъ неудачною любовью Трезваго, разсматривая ее, съ своей точки зрѣнія, какъ униженіе учительскаго званія въ глазахъ здѣшней публики, и слѣдовательно, какъ преступленіе по службѣ. Выдержавъ это испытаніе, Трезвый сталъ избѣгать общества, сдѣлался желченъ, язвительнъ, недовѣрчивъ, и, наперекоръ своей фамиліи, началъ придерживаться рюмочки.

Не привлекательна картина моей татаровской жизни, однако в ней есть и светлая сторона. Бывают минуты, когда я вполне доволен своим учительским званием и не променял бы его ни на какое другое; этими минутами я обязан — моим ученикамъ. Какая славная, даровитая молодежь, и сколько в ней благородных порывов! Право, удивляешься иногда, какъ, при всѣхъ злоупотребленіяхъ власти, при вредномъ вліяніи пристрастнаго суда общества, и при тѣхъ фальшивыхъ отношеніяхъ, въ которыя мы, учителя, нерѣдко ставимъ ее къ себѣ, она успѣла сохранить столько добрыхъ, искреннихъ чувствъ и такой вѣрный инстинктъ правды. Странно только то, что та же самая молодежь, вышедши изъ гимназій, тотчасъ проникается понятіями и предубѣжденіями большинства, начинаетъ смотрѣть на вещи съ узкой, исключительной, точки зрѣнія здѣшнихъ сплетницъ, воспитанниковъ разныхъ піарскихъ и базилианскихъ школъ, органистовъ и другихъ мѣстныхъ политиковъ. Я встрѣчался здѣсь съ молодыми людьми, недавно вышедшими изъ гимназій, и мнѣ казалось, что примирительный голосъ вѣка и науки никогда не проишквалъ въ ихъ душу. Для многихъ еще въ университетѣ начинается это перерожденіе, потому что многіе еще въ университетѣ начинаютъ жить помѣщичьей жизнью.

№ 12. *Отъ студента университета къ ученику татаровской гимназій.*

Зная нашу Татаровку — акустическій центръ всѣхъ сплетенъ трехъ губерній — представляю себѣ, сколько тамъ у васъ разныхъ противорѣчивыхъ толковъ объ успѣхѣ нашихъ пріемныхъ университетскихъ испытаній. Одни, вѣроятно, говорятъ, что университетъ пришелъ въ ужасъ отъ нашего невѣжества, и начальство уже командировало чиновника для произведенія строжайшаго разслѣдованія о причинахъ малоуспѣшности учениковъ татаровской гимназій; другіе рассказываютъ, что мы на экзаменѣ удивили всѣхъ своими познаніями и развѣтлемъ, и что зато директоръ нашъ представленъ къ ордену, инспекторъ — къ чину, а надзиратель Цаповскій — къ денежному награжденію. Чтобы успокоить на этотъ счетъ татаровскихъ сплетниковъ и сплетницъ, спѣшу сообщить тебѣ, любезный другъ, самыя точныя и подробныя свѣдѣнія о результатѣ нашихъ пріемныхъ испытаній. Смѣло

можешь сообщить ихъ, для опубликованія, старой пашнѣ Кунигундѣ или пану Герботовичу, этимъ двумъ подвижнымъ телеграфнымъ станціямъ татаровскихъ новостей.

И въ этомъ году экзаменаціонная лотерея разъигралась не безъ фарсовъ капризной фортуны, обманывающихъ своею неожиданностью всякій человѣческій расчетъ. Вопреки всѣмъ предположеніямъ нашимъ, основаннымъ на степени познаній ~~каждаго~~ изъ насъ, приняты по экзамену въ университетъ: Ясь, Стась, Олесь и даже Михась, который самъ долго не могъ повѣрить своему счастью; не приняты же Булковскій и Щуцацкій, на которыхъ такъ много надѣялись наши учителя и всѣ мы. Миѣ тоже удалось выдержать. — — — —

Къ счастью нашему, съ профессорской точки зрѣнія, безошибочность правописанія еще не можетъ служить пробнымъ камнемъ нормальности нашихъ убѣжденій и нашего воспитанія, и потому басни Крылова намъ диктуются съ музыкальными интонаціями, облегчающими различеніе буквы: ъ отъ буквы е и запятой отъ двесточія. Но бѣда въ томъ, что въ гимназіяхъ рѣшительно не обращаютъ вниманія на развитіе слуха, какъ одной изъ познавательныхъ способностей, даже преслѣдуютъ участіе этого органа въ отвѣтахъ нашихъ на учительскіе вопросы; поэтому, лучшіе изъ насъ менѣе всего приготовлены къ тому, чтобы, при диктовкѣ, пользоваться указаніями слуха, а пользуются ими только тѣ, которые еще въ гимназіи привыкли надѣяться болѣе на свой слухъ, нежели на свою память и постояннымъ упражненіемъ развили свой органъ слуха до того, что явственно могутъ различать каждое слово, шопотомъ имъ подсказанное съ третьей скамейки. Послѣ того не удивительно, что Булковскаго погубили буквы ъ и е въ словѣ *темя*, а Щуцацкаго доѣхалъ мягкій знакъ въ словѣ *тюрьма*, тогда какъ Михась, у котораго дѣйствію вполне развитаго слуха не мѣшало излишнее знаніе грамматики, не сдѣлалъ ни одной ошибки въ своей диктовкѣ.

Не понравился миѣ нашъ университетскій городъ: это смѣсь пустыни съ постояннымъ дворомъ. Къ этимъ двумъ главнымъ элементамъ, пожалуй, можно прибавить и третій, какъ плодъ различныхъ комбинацій двухъ первыхъ, — элементъ перспективы. Здѣсь достраивается красивый домъ, къ которому тѣмъ не менѣе уже прибита дощечка съ надписью: «*сей домъ продается и снимается*»; за этимъ домомъ большое пустопорожнее мѣсто; за пустопорожнимъ мѣстомъ опять три—четыре дома съ неизбѣжною на каждомъ надписью:

«сеи домъ нанимается и продается», а тамъ опять пустырь или оврагъ. Далѣе, крутая гора, воздвигнутая мощнымъ духомъ пустыни. На этомъ пунктѣ предприимчивый духъ караванной централизаціи побѣждаетъ, положимъ, преграду, поставленную духомъ пустыни и пролагаетъ черезъ гору дорогу; но, у подошвы горы, среди песчаныхъ или топкихъ низменностей, опять принужденъ вступить съ духомъ пустыни въ борьбу, изъ которой не всегда выходитъ побѣдителемъ. Зато перспектива хороша здѣсь вездѣ. Поднявшись, въ потѣ чела, на гору, путникъ можетъ, съ вершины горы, любоваться прекраснымъ видомъ низменностей; а утопая въ песку или тундрахъ низменностей, можетъ наслаждаться прекраснымъ видомъ горъ. Городъ состоитъ изъ нѣсколькихъ частей, отдѣленныхъ другъ отъ друга болѣе рѣзкими естественными границами, нежели естественныя границы прусскаго королевства. Въ каждой изъ этихъ частей имѣется свой особенный комплектъ разныхъ географическихъ принадлежностей: есть свои горы, свои овраги, свои тундры, и свои песчаныя степи. Здѣсь кетати было бы сказать: еже Богъ разлучи, человекъ да не соединяетъ; но къ несчастію, эти естественно—разрозненныя части соединены въ одно гражданское цѣлое, и горе путнику, принужденному странствовать черезъ горы и доли изъ одной части города въ другую.

Какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ таже борьба двухъ враждебныхъ элементовъ: пустыннаго съ караваннымъ. Какъ на постояломъ дворѣ, ты найдешь здѣсь предметы роскоши, для удовлетворенія прихоти проѣзжаго графа, и, какъ въ пустышѣ, нуждаешься иногда въ предметахъ первой необходимости, потому что и самый запасливый содержатель гостиницы все таки не хозяинъ, для котораго домъ—гнѣздо, свитое не на одинъ день и не для аферы.

Самое народонаселеніе города постоянно измѣняется, какъ въ гостиницѣ. Въмѣсто однихъ бюрократовъ, являются другіе; прежніе подки гарнизона смѣняются новыми; на мѣсто прежнихъ пациентовъ Эскулапа, Минервы и Оемиды, поступаютъ новые. И между всѣми этими лицами внутренней общественной связи не болѣе, какъ и между случайными обитателями постоялаго двора. Есть здѣсь и театръ, и клубъ, бывають и собранія, но на всемъ этомъ лежитъ печать непостоянства, аферы, будто все это только затѣя содержателя гостиницы для развлеченія временныхъ гостей. Кто здѣсь коренные жители, гдѣ они, какой ихъ образъ жизни, — не знаю; вижу только содержателей постоялыхъ дворовъ и проѣзжихъ. Развѣ одно только

можетъ служить доказательствомъ, что здѣсь съ давнихъ поръ ведется человѣческая осѣдность, что въ основѣ караванъ—серая лежатъ кадры добраго стараго города—это духъ сплетни.

Адресъ мой: студенту университета, за журавлиными песками, на бараньемъ болотѣ, въ домѣ надворнаго совѣтника Заморки.

№ 13. *Примѣчаніе издателя.* Въ связкѣ сохранившихся у меня писемъ, № 13 выставленъ на моемъ собственномъ письмѣ къ одному изъ лицъ начальствующихъ. Помѣщаю здѣсь, безъ всякой перемѣны, и это письмо.

Ваше Высочордіе

Милостивый Государь,

Архипъ Спсоевичъ!

Въ письмѣ своемъ отъ 23 мая сего года, Ваше Высочордіе изволили обратиться ко мнѣ съ вопросомъ о дѣйствительныхъ причинахъ бѣгства подрядчика продовольствія общихъ ученическихъ квартиръ при татаровской гимназіи. По долгу службы и моеи личной къ Вамъ преданности, потщусь оправдать довѣріе Вашего Высочордія и разскажу все, ничево не утаивая и не прибавляя.

Продовольствіе общихъ ученическихъ квартиръ отдается въ нашей гимназіи съ подряда тому, кто согласится взять на себя эту обязанность на самыхъ выгодныхъ для заведенія кондиціяхъ. Въ этомъ учебномъ году явилось нѣсколько подрядчиковъ—соискателей. Воспользовавшись возникшею при торгахъ перебивкою, г. директоръ предложилъ такія условія, отъ которыхъ болѣе всего могли выиграть экономическія суммы заведенія. Условія эти были приняты нѣмѣ бѣжавшимъ подрядчикомъ, Лазанковичемъ, какъ человекомъ несостоятельнымъ, и слѣдовательно ничѣмъ не рискованнымъ, кромѣ 150 рублей залога, и то занятыхъ имъ у Еврея Шмуля Бохера.

На основаніи пункта шестаго упомянутыхъ условій, плата подрядчику за продовольствіе учениковъ въ каждомъ истекшемъ мѣсяцѣ производится перваго числа слѣдующаго мѣсяца, *по наличному числу учениковъ*, то есть, если, напримѣръ, перваго апрѣля, при уплатѣ подрядчику за продовольствіе въ мартѣ, въ общей квартирѣ было на лицо только десять учениковъ, то подрядчикъ получалъ только

за продовольствіе десяти, хотя бы, въ теченіи марта, продовольствовались и двѣсти. Условіе это оказалось въ этомъ учебномъ году очень выгоднымъ для заведенія, потому что не только перваго января, по причинѣ роспуска учениковъ на праздники Рождества Христова, въ общей квартирѣ не имѣлось на лицо ни одного ученика, и слѣдовательно подрядчикъ ничего не получилъ за продовольствіе въ декабрѣ; но также и перваго апрѣля, по причинѣ роспуска учениковъ на праздники Христова Воскресенія. Обстоятельство это, непредвидѣнное подрядчикомъ, дотога разстроило его денежные средства, что онъ дождался только перваго мая, чтобы получить деньги за продовольствіе въ апрѣлѣ и, затѣмъ, ночью, съ перваго на второе мая, тайно бѣжалъ, о чемъ дежурный надзиратель и не упустилъ своевременно довести господину директору.

Хотя, по произведенному осмотру, въ анбарахъ и кладовыхъ общихъ ученическихъ квартиръ не оказалось никакихъ запасовъ; однако смѣю увѣрить Ваше Высокородіе, что внезапное бѣгство подрядчика не имѣло никакого вліянія на твердый у насъ порядокъ ученическаго продовольствія, за исключеніемъ только того, что втораго мая, то есть на другой день послѣ бѣгства подрядчика, ученики остались безъ завтрака; но въ замѣнъ онаго данъ былъ имъ неположенный по росписанію полдникъ. Съ третьяго числа сего мая, впредь до приисканія благонадежнаго подрядчика, въ завѣдываніе продовольственной частью вступилъ надзиратель Цановскій. Если до Его Превосходительства, Кузмы Демьяновича, дошли жалобы на счетъ продовольствія пищею воспитанниковъ общихъ квартиръ татаровской гимназій, то это слѣдуетъ приписать извѣстной нерасположенности жителей сего края къ общимъ квартирамъ.

Что касается до печальнаго происшествія 20 мая, то я уже имѣлъ честь довести объ ономъ Вашему Высокородію по эстафетѣ, отъ 22 мая.

Въ-маѣ мѣсяцѣ сего года, заведеніе наше удостоилось посѣщенія его высокопревосходительства, г. корпуснаго начальника 15-го кавалерійскаго корпуса. Его высокопревосходительство изволилъ остаться вполне довольны, въ чемъ Ваше Высокородіе можете убѣдиться изъ письма надзирателя Михайлова къ его женѣ, которое при семъ честь имѣю приложить. Письмо это было вручено мнѣ, для отсылки на почту, вмѣстѣ съ гимназическою корреспонденціею, но оказалось не

запечатаннымъ. Такъ какъ въ немъ не заключалось ничего особенно интереснаго для г-жи Михайловой, то я позволилъ себѣ удержать оное, для представленія Вашему Высочородію.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ и совершенною преданностью честь имѣю быть

Вашего Высочородія
всепокорнѣйшій слуга
Иванъ Ливейкинъ.

№ 14. *Письмо надзирателя Михайлова къ женть.*

Извѣсти, мать моя, Анна Семеновна, некогда миѣ было переносываться съ тобою: ждали смотра его высокопревосходительства господина корпуснаго командира 15 легкаго кавалерійскаго корпуса; повозились довольно, зато представили заведеніе въ полной парадной формѣ.

И у насъ не безъ грѣха. Къ концу учебнаго года въ пняхъ мѣстахъ обвалилась штукатурка, въ пняхъ полъ прогнулся отъ сырости. Все это было прикрыто, такъ сказать, нашею собственною грудью. Возлѣ печки стоялъ надзиратель Тронаревичъ и прикрывалъ своимъ корпусомъ вывалившіяся зимою печныя дверцы; чернильное пятно на стѣнѣ въ учебной комнатѣ находилось подъ прикрытіемъ надзирателя Кондаковского; у самого входа въ общую квартиру, гдѣ прогнулся полъ, былъ постъ твоего благовѣрнаго; прочіе чиновники были разставлены въ прочихъ неприличныхъ мѣстахъ. Его Высокопревосходительство позволили найти заведеніе въ отличномъ состояніи и благодарили господина директора; замѣтили только на счетъ ученическаго рашкира, о чемъ я всегда говорилъ господину директору.

Съ нѣкотораго времени у насъ неладно: ученики заводятъ свою сумбуршнцію; мѣсяца два назадъ, одного исключили, теперь другой накуролесилъ. Я, слава Богу, здоровъ, чего и тебѣ желаю.

№ 15. *Отъ надзирателя крюкославской гимназій, Арханкарманскаго, къ надзирателю татаровской гимназій, Цаповскому.*

Позвольте, многоуважаемый Амфлохій Аввакумовичъ, по старому знакомству, просить Вашего ходатайства у господина директора татаровской гимназій о перемѣщеніи моемъ изъ крюкославской гимназій

въ татаровскую. Не безызвѣстно, вѣроятно, Вамъ, что у насъ восплѣдовала перемѣна въ начальствѣ. Господинъ новый директоръ фонъ—Лобенбрехъ, въ противность видамъ своего предмѣстника, явно выражаетъ свое неудовольствіе мною. Между учителями завелъ буттерброды (1); но меня, равно и писмоводителя съ бухгалтеромъ, въ оныя не пригласилъ. Злые языки донесли ему на меня, что я будтобы обманывалъ господина бывшаго директора, при дѣлѣ денегъ, собираемыхъ съ родителей за, якобы, незаконную переправку шаровъ и переводы въ высшій классъ. По наущенію тѣхъ же недоброжелателей, господинъ фонъ—Лобенбрехъ возобновилъ дѣло объ оскорбленіи, нанесенномъ въ моемъ лицѣ надзирательскому званію. Словомъ, всячески тѣснить меня и прочитъ на мое мѣсто родственника здѣшняго аптекаря, Цулобенбреха, въ которомъ принимаетъ участіе родственникъ господина директора, статскій совѣтникъ, Лобенанбрехъ, по рекомендаціи ихъ общаго сродника, его превесходительства Ивана Ивановича Анцулобенбреха. Въ этихъ крайнихъ обстоятельствахъ, я рѣшился перемѣститься изъ крюкославской гимназіи, гдѣ новый начальникъ заводитъ новые порядки, въ татаровскую, подъ крыло его высокородія, Спиридона Павловича. Не откажите, достопочтѣннѣйшій Амфилохій Аввакумовичъ, оказать мнѣ въ семъ случаѣ свое ходатайство, за что, по мѣрѣ силъ моихъ, постараюсь благодарить Васъ.

№ 16. Отъ адвоката Загоновскаго къ поселившемуся въ Татаровкѣ, бывшему адвокату Пржепіорковскому.

Прежде всего, любезный, спѣшу сообщить тебѣ новость, новость важную, радостную, новость, дѣйствіе которой на нашу братію шляхту можетъ сравниться развѣ съ дѣйствіемъ, произведеннымъ нѣкогда на народъ библейскій новостью о торжествѣ Мардохея надъ Аманомъ. Если ты еще не совершенно позабылъ священную исторію, то знаешь, кто былъ Аманъ и какія были его отношенія къ народу библейскому; если же наука ксеендзовъ шаровъ уже испарилась изъ твоей головы, то по крайней мѣрѣ имѣешь понятіе о той необыкновенной радости,

(1) Подъ именемъ буттербродовъ надзиратель Архикарманскій разумѣтъ, вѣроятно, ученые вечера, заведенные директоромъ крюкославской гимназіи, на которыхъ подавалась умѣренная закуска, сообщившая свое названіе и самимъ вечерамъ. *Примечаніе издателя.*

которую обнаруживают наши евреи, во время *пурима*, и которую ты ежегодно имѣешь удовольствіе чптать на лицахъ всѣхъ ветхозавѣтныхъ твоихъ знакомыхъ, не забывающихъ, надѣюсь, поздравить тебя съ пуримомъ и при этомъ поднести тебѣ вкусныя амаповы уши (1). Боюсь, что всѣ вы, сколько васъ ни есть въ Татаровкѣ, затѣете своего рода пуримъ, когда узнаете счастливое событіе, послѣдовавшее 22 іюля сего года за № 777; боюсь, что, отъ частыхъ тостовъ, у Лафура не станетъ въ погребѣ шампанскаго, а у васъ, отъ крпгу и толковъ, изсѣкнутся языки; боюсь, что вы насадите всѣхъ лошадей вашихъ, разсылая гошцовъ ко всѣмъ роднымъ и знакомымъ съ извѣстіемъ о радостномъ событіи; боюсь, что, желая сдѣлать участниками въ общей радости и дѣтей вашихъ, вы позволите имъ цѣлую недѣлю не ходить въ классъ; боюсь, что, вдавпсь въ соображенія о связи этого важнаго событія съ политикою европейскихъ кабинетовъ вы зафантазируетесь и, пожалуй, потеряете должное уваженіе къ нашему исправнику. Тогда мнѣ же бѣда: бѣгай и хлопочи у центральныхъ властей о переводѣ вашихъ дѣтей въ слѣдующіе классы, или о примрениіи васъ съ исправникомъ.

Но, быть-можетъ, вы знаете уже эту несравненную новость, отъ 22 іюля сего года за № 777? Быть-можетъ, на этой недѣлѣ, въ Татаровкѣ, случилось землетрясеніе, на крюкославскомъ горизонтѣ являлись необычайныя небесныя знаменія; быть можетъ, у васъ ручки потекли вспять, и оба татаровскіе пруда, выступивъ изъ береговъ, затопили обѣ татаровскія мельницы; быть можетъ, съ 21 на 22 іюля татаровскія курицы пѣли пѣтухами или чья-нибудь гончая сука родила щенка съ заячьимъ хвостомъ? Умы татаровскихъ политиковъ, настроенные этими необыкновенными явленіями къ ожидаію столь же необыкновенныхъ событій, быть-можетъ, уже смекнули въ чемъ дѣло; жидовская почта, не уступающая въ быстротѣ соображеніямъ татаровскихъ политиковъ, быть-можетъ, уже успѣла дополнить положительными извѣстіями смутныя гаданія политиковъ, и вы уже знаете, что 22 іюля сего года за № 777.... Однако, любезный другъ, если ты еще не знаешь никакой необыкновенной новости, превосходящей все то, на что, въ дѣлѣ новостей, можетъ рѣшиться изобрѣтатель-

(1) Амаповыми ушами называются здѣсь пряники, которые Евреи рассылаютъ другъ другу и хрстіанамъ, поздравляя съ пуримомъ — праздникомъ, учрежденнымъ въ память гибели Амана. *Примѣчаніе издателя.*

ный умъ панши Куингуиды, то не мѣшаетъ предупредить тебя, чтобы ты приготовился услышать вещь, которая, если ее сказать тебѣ безъ приготовления, можетъ слишкомъ поразить тебя, разстроить первы. Смотри, когда узнаешь эту необыкновенную новость, не растеряйся, торопись сообщить ее другимъ, не выбѣги изъ дому безъ шляпы или безъ чего другаго.

И такъ слушай. Распоряженіемъ отъ 22 Іюля сего года за № 777—еще разъ, любезный другъ, предупреждаю тебя, приготовься услышать вещь необыкновенную—распоряженіемъ отъ 22 Іюля сего года за № 777, его превосходительство, господинъ главный начальникъ, Кузьма Демяновичъ. получилъ другое назначеніе. Быть-можетъ, съ разу ты не понялъ всего значенія этихъ словъ: «получилъ другое назначеніе,» быть-можетъ, еще болѣе понимаешь. «Получилъ другое назначеніе» значитъ, что Кузьма Демяновичъ уже не нашъ начальникъ, что на его мѣсто назначенъ къ намъ другой. Чтобы довершить вашу радость, спѣшу увѣдомить васъ, что на мѣсто Кузьмы Демяновича назначенъ къ намъ графъ, намъ старій знакомій. Во всемъ образованномъ мѣрѣ, гдѣ только извѣстны почтенныя званія судей, адвокатовъ и вообще чиновниковъ, благость и мудрость законовъ, сами по себѣ, а злость и глупость ихъ исполнителей сати по себѣ; изъ этого слѣдуетъ, что во всемъ образованномъ мѣрѣ характеръ управления во многомъ зависить отъ личности главнаго мѣстнаго начальника, а изъ сего непосредственно вытекаетъ, что назначеніе къ намъ графа, мы должны считать истиннымъ для себя благодареніемъ. — — — — —

Что касается перевода дѣтей твоихъ въ слѣдующій классъ, то, не смотря на всѣ старанія, я не могъ устроить этого дѣла канцелярскимъ порядкомъ. У старшаго твоего сына четыре единицы, у младшаго пять; у обонхъ въ среднемъ выводѣ $1\frac{2}{3}$. Эти математическія выраженія, въ переводѣ на обыкновенный языкъ, значать, что сыновья твои ничего не знаютъ. Развѣ представишь медицинское свидѣтельство, въ которомъ должно быть выражено, что дѣти твои были больны именно во время производства годичныхъ испытаній, и будешь просить о допущеніи ихъ къ перепытанію. Только, въ такомъ случаѣ, прежде всего надо позаботиться на мѣстѣ, чтобы перепытаніе было удачнѣе испытанія.

Если ты имѣлъ терпѣніе дочитать мое письмо и не побѣжалъ еще разгласить по мѣстечку новость отъ 22 іюля сего года за № 777,

то смотри, потерю, не выбѣги безъ шляпы и вообще сохрани должную умеренность. Помни этотъ совѣтъ и не забывай твоего скрепленнаго друга.

№ 17. *Отъ Софьи Строинской къ губернатору почетнаго попечителя, Констанціи Подлипской.*

Ты знаешь, безцѣнная Констанція, и мои чувства, и мои убѣжденія: скажи, посоветуй, что мнѣ дѣлать? Я растерялась, сердце съ головою въ разладѣ; совѣты близкихъ мнѣ такъ пристрастны; людскіе толки такъ противорѣчивы. Какъ мнѣ отвѣтить Тропову: да или нѣтъ? Сказавши *да*, не измѣню ли я другимъ моимъ обязанностямъ? Тетушка Щупальская сначала сама старалась сблизить меня съ Троповымъ, теперь перешла на сторону корнета Раща, бывшаго ученика здѣшней гимназіи, которому, кажется, я нравлюсь и который еще болѣе нравится тетушкѣ. Еслибы не различіе вѣры, я не колебалась бы соединить судьбу мою съ судьбою Тропова. Я сама дочь учителя и съ дѣтства привыкла къ той скромной жизни, которая можетъ ожидать меня, какъ жену учителя. Другъ безцѣнный, уничтожь мои сомнѣнія, успокой меня, скажи что дѣлать мнѣ?

№ 18. *Отъ Констанціи Подлипской къ Софьи Строинской.*

Ты избрала, дорогая Соня, судьбу не безпристрастнаго. Помнишь, года два тому назадъ, я сама была въ твоёмъ положеніи, сама испытывала твою борьбу, твои сомнѣнія. Въ то время и мнѣ внушали, что я не вправе сказать—да, и однако потомъ, когда я сказала—нѣтъ, сами же меня осудили, назвали легкомысленной, кокеткой. Вѣрь мнѣ, дорогой другъ, лучший судья въ этомъ дѣлѣ—собственное сердце. Голоеъ его неподкупенъ. Вотъ скоро три года, какъ каждый день мое бѣдное сердце спрашиваетъ меня, кто далъ мнѣ право пожертвовать еѣ чувствами для людскихъ понятій. И кто знаетъ, справедливы ли эти понятія. Вѣдь Богъ одинъ. Что думаю—я сказала; что дѣлать тебѣ—рѣши сама.

О корнетѣ Ращѣ замѣть слѣдующее: часть его эскадрона размѣ-

цена по квартирамъ въ нашей деревнѣ, и онъ часто у насъ бы-
ваетъ. Если меня не обманываетъ мой женскій инстинктъ, онъ очень
неравнодушенъ къ старшей дочери господина попечителя и еще болѣе,
какъ кажется, къ ея приданому. Но—*за wysokie progi na jego nogi*
(высокъ порогъ для его ногъ.)

№ 19. *Отъ учителя татаровской гимназіи, Трезваго,
къ учителю носачевской гимназіи, Навиному.*

Изъ письма твоего, Иванъ Андреевичъ, вижу, что и у васъ, въ
административныхъ сферахъ, тѣже тенденціи, таже заботливая опека;
вся разница въ тенденціяхъ опекаемыхъ. Вами овладѣлъ духъ высшихъ
соціальныхъ теорій и стремленіе къ уясненію міровыхъ общественныхъ
вопросовъ; у насъ, напротивъ, преобладаютъ мѣстные интересы, а
общегуманные отодвинуты на второй планъ. Вы вѣруете въ обнов-
леніе человѣческаго рода, по рецептамъ Прудона; на Ламартина смот-
рите, какъ на пророка новой политической жизни; вы съ сердечнымъ
трепетомъ читаете листочки иностранной газеты и, съ каждымъ по-
вымъ номеромъ, ждете извѣстія о благополучномъ наступленіи вѣка
фаланстерскаго блаженства, чаяніе коего не прекращалось въ родѣ
человѣческомъ, со временъ грѣхопаденія до дисей господина Фурье.
Блаженъ, кто вѣруетъ. Оно, разумѣется, пріятно, благоденствуя подъ
кровомъ носачевской гимназіи, мысленно отправиться, вмѣстѣ съ мосье
Жакомъ, *à la recherche de la meilleure des républiques*; жаль
только, что подобное препровожденіе времени порождаетъ въ васъ
превратные, по моему мнѣнію, вкусы и понятія. Пожалуй, нѣкоторое
причастіе массъ къ благамъ міра сего или эманципация прекраснаго
пола, при ограниченности учительскаго жалованья, вещи хорошія и,
если хочешь, вещи въ порядкѣ вещей; но зачѣмъ, напримѣръ, вслѣд-
ствіе тревоги по дѣламъ общественнымъ, у васъ объявлено, на воен-
номъ положеніи, и искусство? Ты говоришь, что въ нашъ вѣкъ искус-
ство—не игрушка празднаго воображенія, а мощный двигатель общест-
венный; что, поэтому, и художественное достоинство произведеній ис-
кусства болѣе всего зависитъ отъ прогрессивности ихъ содержанія.
Не спорю, во всѣ времена, начиная отъ вѣка царя Викромадитіи и
поэта Калидасы до вѣка императора Августа и Виргилія и отъ сихъ
последнихъ до Людовика XIV и Расина, поэты всегда обнаруживали

нѣкоторое поползновеніе къ облизыванію чужихъ блюдъ; однако и вѣкъ Кромвелей имѣлъ своихъ Мильтоновъ, и во времена Аристофана, Данте, Шекспира, Кальдерона, людямъ не чужды были общественные вопросы. Не правильнѣе ли поэтому было бы сказать, что вѣкъ величія гражданскаго есть вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣкъ поэзіи; что упадокъ искусства—вѣрный признакъ упадка всей духовной жизни; что посредственности чужда безкорыстная любовь къ искусству, не потому, однако, что посредственности призвана къ разрѣшенію важныхъ общественныхъ вопросовъ, а потому, что она посредственность.

Ваши общественные вопросы, о которыхъ, увы! общество и не знаетъ, сбили съ толку даровитѣйшаго романиста нашего времени и заставили его писать окружныя посланія о присылкѣ ему общепользныхъ и душеспасительныхъ поэтическихъ данныхъ; благодаря тѣмъ же общественнымъ вопросамъ, у васъ прослыли великими поэтами люди, которыхъ стихъ, вѣроятно, мучимый демономъ общественныхъ вопросовъ, производитъ эффектъ лѣсопильнаго завода. Но у всякаго свой вкусъ или, пожалуй, свое безвкусіе.

Твоя новелла, о любовныхъ похожденияхъ вновь назначеннаго къ вамъ инспектора, очень интересна. Чтобы не остаться у тебя въ долгу, сообщу тебѣ нѣсколько татаровскихъ новостей.

Тотъ самый вопросъ, который вашъ инспекторъ, рискуя спипю, пытался разрѣшить эманципированнымъ способомъ, у насъ учитель Троповъ разрѣшилъ на законномъ основаніи, по старому заведенному порядку, то есть, по-просту, женился. Бракъ его, какъ бракъ старой школы, не обошелся безъ участія свахи, роль которой, въ настоящемъ случаѣ, разыграла тетушка невѣсты, мадамъ Щупальская, одна изъ тѣхъ дамъ, которыхъ средства и общественное положеніе здѣсь очень удачно выражаютъ непереводимой фразой: *na kapitale siedzi, a z procentow zuje*. Она свела, развела и опять свела Тропова съ его дульцинею.

Но интереснѣйшая новость—это назначеніе къ намъ новаго директора; прежній, бѣдняжка, палъ жертвою страстей, возбужденныхъ его же собственнымъ чаемъ и конфетами. Сначала, говорить, предполагали назначить къ намъ Лобенбреха, или, какъ называли его университетскіе сторожа, Лобобрюхова; но потомъ передумали и назначили какого-то господина, который, на своемъ директорскомъ мѣстѣ, находится теперь въ положеніи пирожника, тачающаго сапоги.

Въ сѣрогорскую гимназію назначенъ тоже новый директоръ. Этотъ

последній разсматриваетъ, говорятъ, псовую охоту, какъ средство сближенія школы съ жизнью. Онъ, вѣроятно, полагаетъ, что если чаще будетъ являться въ гимназію въ егерскомъ костюмѣ, нежели въ форменномъ вицъ-мундирѣ, то въ публнкѣ и ученикахъ возбудитъ болѣе довѣрія и симпатіи къ себѣ и заведенію, котораго онъ представитель. Къ сожалѣнію, этотъ путь сближенія заведенія съ обществомъ имѣлъ до сихъ поръ вліяніе только на распространеніе между учениками кражи гончихъ и лягавыхъ собакъ.

№ 20. *Отъ Эльвиры Щупальской къ Темиръ Гузицкой, въ С. Петербургѣ.*

Помнишь ли, дорогая Темира, кievскіе контракты и бердичевскую ярмарку, помнишь ли гусаръ кориноскаго полка и балы графа Буцефала, помнишь ли восторги и увлеченія нашей молодости и твою подругу Эльвисю? Какъ все пзмѣнилось теперь! Тебя счастливый случай привелъ въ Петербургъ, гдѣ твой умъ и красота были оцѣнены по достоинству и доставили тебѣ твое блестящее и независимое положеніе въ обществѣ; я, послѣ смерти нашей благодѣтельницы, принуждена была изъ барскихъ палатъ перейти подъ соломенную крышу моихъ родственниковъ и навсегда остаться въ Татаровкѣ — ничтожномъ мѣстечкѣ. Но и здѣсь жизнь моя прошла не безъ радостей и тревогъ сердечныхъ. Остальные мои годы я рѣшилась посвятить людямъ, съ которыми связана узами родства и дружбы. Недавно племянница моя вышла замужъ за учителя здѣшней гимназіи, Тропова. Боже милостивый! Теперь только я вижу, какое это несчастное учительское сословіе. Есть и умъ, и чувство, и умѣнье найтись въ обществѣ, а жалованья не стааетъ и на хлѣбъ насущный; между тѣмъ, здѣсь же какое нибудь чучело, жена становаго пристава, въ бархатѣ и кружевахъ, разъѣзжаетъ себѣ въ коляскѣ. Темира, дорогая Темира! Именемъ нашей прежней дружбы умоляю тебя, сдѣлай что-нибудь для Тропова: доставь ему мѣсто штатнаго смотрителя или инспектора въ одной изъ гимназій здѣшняго учебнаго округа. По твоимъ связямъ въ Петербургѣ и твоему вліянію, ты можешь это сдѣлать. Ты все можешь сдѣлать. *My rzqdzim łwiatem, a nami kobiety* (мы управляемъ міромъ, а женщины — нами).

Тебѣ только стоить сказать, чтобы написали нѣсколько словъ

въ пользу здѣшняго округа. Только ради Бога, чтобы не переводили его въ другой учебный округъ и въ даже въ другія губерніи здѣшняго округа. Здѣсь, покрайней мѣрѣ, племянница моя живетъ съ людьми. Суровый сѣверъ не могъ охладить твоего вѣжнаго сердца, и блескъ настоящаго не могъ сдѣлать тебя равнодушною къ воспоминаніямъ прошедшаго; поэтому надѣюсь на твое участіе и съ нетерпѣніемъ жду отвѣта.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ сего года, утромъ, лишь только я вошелъ въ инспекторскую, мнѣ дали знать, что татаровскій почтмейстеръ проситъ меня немедленно явиться на почту, по очень экстренному дѣлу. Оставивъ въ инспекторской, для наблюденія за порядкомъ, надзирателя Цановскаго, я поспѣшилъ къ почтмейстеру. Почтеннѣйшій Иванъ Петровичъ встрѣтилъ меня вопросомъ: что у васъ случилось?—Ничего, сколько мнѣ извѣстно,—отвѣтилъ я.—Какъ—ничего,—возразилъ Иванъ Петровичъ:—пѣз-за-чего же эта суматоха: всѣ ваши учителя и чиновники, въ томъ числѣ и вы, вчера сами отправили, а сегодня получили по нѣскольку писемъ. Это не безъ причины.—Мои письма, Иванъ Петровичъ, самыя обыкновенныя; что же касается другихъ, то, кажется, мы можемъ удостовѣриться.—Мы удостовѣрились, и, къ удивленію нашему, нашли, что во всѣхъ письмахъ говорилось объ одномъ и томъ же, и почти однимъ и тѣми же словами: именно, во всѣхъ письмахъ заключалось извѣстіе о воспослѣдовавшей перемѣнѣ формы, съ изъясненіемъ особеннаго удовольствія, по поводу форменныхъ сюртуковъ.

№ 21. *Отъ учителя носачевской гимназіи, Иванова, къ учителю татаровской гимназіи, Трезвому.*

Состояніе педагогич. и социальное положеніе инструктирующаго корпуса—это два коррелата, которыхъ прогрессъ составляетъ постулатъ разумаго развитія общественнаго организма. Гдѣ нѣтъ конкуренціи, гдѣ педагогія является въ видѣ монополіи лица нравственнаго или физическаго, тамъ положеніе педагоговъ должно быть гарантировано по крайней мѣрѣ привилегією. При отсутствіи конкуренціи и безъ атрагирующей силы привилегіи, монополія можетъ парализовать интеллекту-

альную дѣятельность, поставленную въ условіе отъ субъективности дѣятелей. Только люди теоріи и доктрины, съ заднею мыслію обскурантизма, могутъ оспаривать универсальность этого принципа. Ясно, количество гонорара составляетъ главный элементъ педагогической привилегіи, поэтому и главный нервъ педагогической дѣятельности. Движеніе прогрессивныхъ идей, такъ побѣдоносно заявившихъ въ наше время свою экспансивную силу, коснулось и этого капитальнаго педагогическаго вопроса. Говорятъ, вопросъ этотъ первоначально былъ поднятъ на периферіи административнаго центра, но, энергически промовированный, теперь достигъ окончательнаго фаза своего развитія. Кому бы впрочемъ ни принадлежала честь инициативы, громадное значеніе самого вопроса вытѣ всякаго сомнѣнія. Оптимисты наши поднимаютъ проектированный гонораръ до непривычной цифры; пессимисты выставляютъ фантомъ бюрократической развязки; умѣренные болятся, чтобы экстрема предъявленныхъ требованій не произвела конфликта, могущаго рефлектироваться ретрограднымъ рѣшеніемъ вопроса. Я полагаю, что переставивъ этотъ вопросъ изъ сферы гувернаментальной въ сферу общественную, то—есть, признавъ въ рѣшеніи его компетентнымъ судьей само общество, можно достигнуть болѣе удовлетворительныхъ результатовъ. Разумѣется, было бы слѣшкомъ поспѣшно доводить автономію общества до предѣловъ супрематіи; но согласенъ, одно неполное пониманіе общественныхъ интересовъ и обязанностей можетъ назначать обществу въ этомъ случаѣ только пассивную роль. Очевидно, стоитъ перевести рационально—опредѣленную плату за ученіе въ общественное сознаніе, и вопросъ разрѣшится самъ собою. Здѣсь неумѣстны ни скрупулы рутинистовъ, которыхъ идеаль въ прошедшемъ, ни обидная апатія скептиковъ, отрицающихъ всякій идеаль и унижающихъ общественные инстинкты. Само собою разумѣется, что при этомъ необходимо отказаться отъ всякой нивелирующей нормы и допустить нѣкоторую децентрализацию соціальныхъ индивидуальностей, солидарныхъ по условіямъ жизни исторической и изолирующихся по условіямъ административнаго прогресса. Въ противномъ случаѣ, тенденціи привилегированнаго меньшинства могутъ измѣнить назначеніе ценза непривилегированной массы. Какъ бы то ни было, несостоятельность прежней системы очевидна, и реформа должна быть произведена какъ можно скорѣе и на возможно широкихъ основаніяхъ: пребываніе *in statu quo* угрожаетъ обязаннымъ дѣятелямъ всеми бѣдствіями пауперизма. Не можешь вообразить, какую жалкую роль

играют наши педагоги въ здѣшнемъ обществѣ, въ которомъ, вопреки даже примитивной мудрости пословицъ, по платью не только встрѣчаютъ, но и провожаютъ. Особенно печальна участь тѣхъ педагоговъ, которые, по своей вульгарной непредусмотрительности, позволили себѣ жениться.

№ 22. *Отъ учителя татаровской гимназіи, Трезваго, къ учителю носачевской гимназіи, Паивному.*

Письмо твое, любезный Иванъ Андреевичъ, я получилъ, но, извини, не поручусь, что безошибочно понялъ, о чемъ ты въ немъ говоришь и что хочешь сказать. По прочтеніи твоего письма, я сталъ ясно понимать только одно—сказаніе о смѣшеніи языковъ во времена вавилонскаго столпотворенія. Пойми меня, любезный другъ, и прости мнѣ мою откровенность: я упрекаю тебя не въ неумѣніи выразиться, а въ злоупотребленіи таланта выражаться. Я всегда признавалъ и цѣнилъ въ тебѣ дарованіе складно говорить и писать, отдаю и теперь полную справедливость твоему искусству владѣть перомъ на всѣ манеры и только не вижу ничего хорошаго въ томъ манерѣ, которымъ ты теперь вздумалъ выражаться. По самому точному счету письмо твое состоитъ изъ двухъ третей словъ иностранныхъ и только изъ одной трети русскихъ. Но болѣе всего меня удивило то, что твои иностранныя выраженія показались мнѣ удобопонятнѣ употребленныхъ тобою выраженій отечественныхъ. При пособіи словарей и ученой терминологіи, насколько она мнѣ извѣстна изъ разныхъ наукъ и художествъ, я разобралъ смыслъ твоихъ коррелятовъ съ постулатами, социальныхъ индивидуальностей, солидарныхъ въ центрѣ и изолирующихся на периферіи; но какой точный смыслъ твоихъ нравственныхъ и физическихъ лицъ съ задними мыслями, что значать поднятые и переставленные вопросы, заявленные (какъ всекеля) идеи, несостоятельные (какъ должники) системы,—рѣшить не берусь ни на широкихъ, ни на узкихъ основаніяхъ. Спасибо, братъ, зато, что въ письмѣ своемъ ты разставилъ, какъ часовыхъ, оберегающихъ общественное спокойствіе, слова: ясно, очевидно, разумѣется. Безъ успокоительной силы этихъ ободряющихъ откликовъ, мною могла овладѣть мрачная мысль, что—либо въ моей головѣ не все благополучно,—либо въ твоей.

Скажи, сдѣлай милость, Иванъ Андреевичъ, навѣиѣмъ какого демона ты вдругъ заговорилъ такимъ тарабарскимъ языкомъ, съ какихъ поръ и въ слѣдствіе чего приключился съ тобою этотъ грамматическій переворотъ? Не лишній ли аршинъ содержанія, прибавленный къ формѣ, такъ подѣйствовалъ на тебя? Ты жестоко, любезный другъ, ошибаешься, если движеніе бумаги и типографскихъ станковъ принимаешь за движеніе идей. Видѣли мы уже не разъ это словесное движеніе и знаемъ его результаты. Было время, когда не только всѣ саардамскія и амстердамскія слова двинулись на русскую землю, но и самыя православныя имена передѣлывались на амстердамскій манеръ; и, однако, вся эта этимологическая революція не одолѣла нашей природной грамматической констукціи. Напрасно ожидаешь ты какихъ-то особенныхъ результатовъ и отъ современнаго словеснаго движенія; напрасно въ явленіяхъ его усматриваешь какой-то особенно-знаменательный смыслъ. Другъ ты мой милый, это не прогрессъ, а только ремонтъ, и притомъ ремонтъ, не выходящій изъ смѣтныхъ суммъ, положенныхъ на содержаніе такъ-называемаго общественнаго организма. Слыхалъ я, что, вмѣстѣ съ новыми идеями, появляются и новыя слова, но въ этомъ случаѣ, полагаю, честь инициативы принадлежитъ не словамъ, а идеямъ. Правда, русскій человѣкъ мастеръ говорить одно, а думать другое,—умѣетъ, въ случаѣ нужды, наборомъ глупыхъ словъ и выраженій прикрыть прехитрую работу ума. Это особая риторическая фигура національнаго краснорѣчія, о которой не упоминается въ твоёмъ руководствѣ, составленномъ по образцамъ иноземнымъ. Но не пора ли уже отстать намъ отъ этого литературнаго лукавства? Къ чему оно? Публика, располагающая обстоятельствами, отъ другихъ независящими, очень хорошо понимаетъ, что упражненія въ краснорѣчій на языкѣ времени смѣшенія языковъ такъ же неопасны, какъ и томы нѣкоторыхъ книгъ, покоящіяся на полкахъ университетскихъ бібліотекъ, для поддержанія бодрости духа посвященныхъ. Но, быть можетъ, ты только желаешь попасть въ присяжные ораторы этого краснорѣчія, которое, какъ свѣтъ, выставляется на удивленіе Европы,—какъ мракъ, годится и для домашняго обихода? Это другое дѣло. Но, въ такомъ случаѣ, не совѣтую тебѣ пускаться въ перестановки вопросовъ изъ центра на периферію, а смѣло и рѣшительно сосредоточиться въ центрѣ.

Если не ошибаюсь, въ письмѣ своемъ ты говоришь о предполагаемой прибавкѣ жалованья. Дай Богъ, чтобъ это случилось, какъ

можно скорѣе. Что же касается твоихъ собственныхъ предположеній объ обращеніи суммы за ученіе исключительно въ пользу учителей, то предположенія эти я считаю несбыточною мечтою. Всѣ суммы, названія которыхъ ты знаешь изъ ежемѣсячныхъ вѣдомостей, представляютъ, говоря твоимъ языкомъ, номинальную модификацію суммы государственнаго казначейства; одна эта сумма имѣетъ объективную реальность и то только вѣрно, что будетъ отпущено намъ изъ этого источника.

При случаѣ, пришли мнѣ неводокъ и хорошую складную удочку, со всѣми къ ней принадлежностями, о которыхъ распроси у Афанасія Ивановича Куцаго. Въ здѣшнихъ мѣстахъ усовершенствованы средства только для ловли жениховъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Логика школы Кузьмы Демьяновича была неколебима, риторика — сильна, философскія начала этой школы внушались намъ, подъ руководствомъ Спиридоновъ Павловнчей и Архиповъ Спсоевичей, съ должнымъ настояніемъ; и, однако, опытъ показалъ, что дѣйствіе ихъ на наши умы было довольно слабо и поверхностно. Лишь только новое начальство посмотрѣло на воспитаніе съ другой точки зрѣнія и последовали нѣкоторыя измѣненія въ учебной администраціи, какъ все гимназическое сословіе, даже въ своей частной корреспонденціи, заговорило на другой ладъ и, сказать правду, заговорило на этотъ новый ладъ съ большимъ убѣжденіемъ и достоинствомъ, какъ будтобы весь вѣкъ свой училось думать и говорить въ школѣ какого-нибудь парламентскаго лорда, а не въ школѣ Кузьмы Демьяновича. Гимназическую переписку, относящуюся къ этому послѣднему времени, я намѣренъ издать особо.

И. Лпнейкинъ.

ХУРТОВИНА.

«А що, Пётре, чи далеко заїдемо? бачь яка хуртовина, бачь якь куєвдить! уже такъ-що й світа Божого не видно, ажъ коней збиває въ дороги... Дивись, якъ стреляє у видъ, — чи воно крупі, чи хто ёго зна?... Ажé ти не забудь, Трохиме, якъ нище, мабуть, літъ тому шість, ми блудили съ тобою за Деπτівкою; тоді приходилось такъ, що трохи душі не рішились... Прііхали у Деπτівку, уже смеркло, а хуртовина такъ розгулялась: крутить да стріхи рве, следе, Божого світу невидно. Якъ би тоді сей розумъ бувъ, щó теперъ! Виіхали ми за Деπτівку а темно стало, хотъ би що дрючкóмъ потягну́ло, то не вглядівъ би; якъ убра́лись ми у долину, такъ конямъ по чéрево, — тільки уші видно, — такъ-тільки: плигъ, плигъ, плигъ! насилу ми вибрались изъ тієї долини; а воно, въ-ночі, хотъ яка маленька долинка, стане такъ якъ велике провалля. Вібрались ми, поіхали, — хто ёго знає куди и ідемо; а тутъ такъ приікає! — то було по вітру угадаешъ куди іхать, а то такъ якъ заморóчило; та сбились ми на Коронецькій шляхъ, — дивимось, ажъ люде ідуть; ми тоді давай гукать на іхъ: «скажіть, люде добрі, куди дорога на Понори?» — «Э, се ви не туди попали: дорога осталась сзади!» Дакъ ми давай іхать за ними, та й переночували у Коронецькій; отъ, я, съ того часу, и зарікся, — ні въ світі не поїду у-ночі, якъ хурія на дворі, бо трохи не наложили головою.

«Ті! ёго, вражого сина, — якъ стреляє у ліву щоку! Давай лишъ сяду за вітромъ! (Пересівъ на правий бікъ рóзвальнівъ, — звівъ ноги) О теперъ трошки затишній буде. Надержуй, Петре, оглобельну у ліво, бо вітеръ все збиває у-право!... Ну, вже, учора померзли руки у мене! Колибъ не стидно, тобъ и заплакавъ; якъ потеръ снігомъ, дакъ нище й лучче... Дивись, дивись, заецъ, заецъ! отже, дорогу перебігъ: катя, катя, га-га, га-га! бачъ, и перебігъ! Кажуть, буде якась притічина, не тутъ кажучи... Дивись, — и сівъ! щó-то сучого сина за звіръ! бачъ, и не боїтця; а якъ-би було ружжя, тоді-бъ и

не лучилось такъ. Хитрий звірь. Нащо ворона — инший разъ якъ за хвістъ не вхопишь; а піди зъ ружжямъ, — такъ, бсторонь, одъ тебе усе и піде.

«Ні, да й припікає! учора руки помёрвали, а сёгодня ноги... А ти, Пётре, змерзъ?— Да ще ні! — «Держи, держи у-ліво, щобъ не збитьця зъ дороги, бо такъ у слідъ и заміта, и сліду не видно! Уже, підъ таку хурӯ мовъ у димӯ усє: и млинъ тобі здаеця такимъ чуднимъ, и дерево мовъ манія яка встала, — такъ и нависло, мовъ на тебе хоче падать. Нема въ світі, якъ літомъ! Хоть и на-полі доведетця заночувать, дакъ не страшно; иноді и рѹба сухого не буде, — порозві-шуешъ одежу, пригріє сонечко, — не знать де й длось, — и пішовъ далі. Літомъ, хоть и проті-ночі виідешъ, — тілько півень заспіває — и не бійсь нічого; бо то, кажуть, нічъ весела: зла тварь недуже вештаеця; самъ перехрїстисся, перехрїстишь дорогу, та й ідешъ сміло.

«Дивись, Пётре, онъ щось чорніє?» — Да то нєхворощъ, здаеця! А ми якъ іхали у Конотіпъ, передъ Миколаємъ, — подушне, правда, во-зивъ, — іхавъ я, та ще Санбїрскихъ чоловіка два, вніхали за Сан-бїрць; сижу я собі, — тілько стали доїздїть ось до первого ярка, — зиркъ на-бікъ, дивлюсь — два вовки, такъ якъ дві тичини, стоять; ми на їх: тю, тю, тю! а вони, хочъ би тобі зъ місця рѹшили. Покійний Лисько (уже було якъ ідешъ изъ пимъ, дакъ не задрі-маешъ, якъ стане розказувать, може щб збреше, а щб й правду скаже, — да вже було инший и правди такъ гладко не розкаже, якъ вінъ було збреше: уже чистобрєха бувъ покойний!) розказувавъ, що у вовківъ єсть свій богъ — *Риторій*, каже. Пасли пастухи, а далі пішли у лїсь, дивлятця: стійло збито коло дуба; щб воно за-знакъ, що коло дуба такъ стопцєвано? А одинъ парубокъ и обїззавсь: щб дастє? я переночую на сімъ дубі! Отъ, злізъ на того дуба, узявъ — привязавъ себе поясомъ до дерева, та й сидить; тілько такъ, якъ у глупу — нічъ, приходить чоловікъ у білому одягу, поназбїгалась сяла вовківъ — вінъ и давай ділять: ти піди тє візьми, ти піди, — тє, ти піди до удові — у неї одно поросє, да й тє візьми. Остаеця старий: а тобі тє, щб на дубі! — Розсвіло, това-риші и приходять. «Отенерь же, пропавъ я!» — якъ? — Вінъ и розка-завъ імъ усе. — Да ну, годі, чбр-зна чого боятьця! — Стали почувать на другу нічъ; узяли — полягали усі головами на того парубка; уста-ють у ранці: тілько одні кістки валяютьця; звісно — сѹжене: не чуєсся, якъ тебе й розірве, и другі не почувють. Вже на-щб, годівъ тому

три, поїхали ми зъ батькомъ за копами на́-нічъ, вїхали до Корсунки, наложили ячмєню на візъ, (та й ячмїнь ще добрий бувъ тоді); коровї пасутця, а ми полягали спать, — думка така щобъ світомъ до дому; батько жъ заснувъ, а мїні усе не спится, уже я повертавсь и сюді, и тудї, — ні! Слухаю, коли коровї чмишуть; я вставъ, бстрахъ менє такъ и взявъ; дивлюсь — нічого не відно, а корови все чмишуть; я тоді до батька: тату! о, тату! тату! чи ви спите? — А чога? Та поїдьмо до-дому, щось корови не їдять!» — То й запрягай, и поїдьмо. —

Запрягли; на вóзі положили півтори ячмєню (та й ячмїнь же добрий!) а вони такъ идуть, такъ идуть; проїхали, такъ-сказать, гонївъ зó двое; стали, ось, такъ якъ противъ Голубової-верби, — тільки воно: ме-ме-ме! Батько на мене поглянувъ, да й мовчить; а мїні здалось що дїяконъ стереже конопель, та книжку читає, — такий синь, коли брешу! Се, кажу, дїяконъ стереже конопель у полі; дакъ, видно, читає книжку, щобъ не скучно було. Тільки воно зразу: ме-ме, ме-ме, ме-ме! Я тоді, собі на думці: добрий дїяконъ! а вовки напали на теля, — що тутъ-же и люди ночували! — сказать-що коло сáмого вóза звїли на́зімка живого: — такъ якъ укусне одинъ, то воно тільки: ме! другий кусне, то воно — ме-ме! Такъ живого и звїли. Батько каже: «одпустімъ корову, до вона одніме:» дакъ побоялись. Уже якъ гуртова скотина, дакъ ні въ вікъ-вічний не візьме вовкъ; скотина становитця задами у середїну, а кóні мордами у середїну; и свинї гуртової не візнуть. Покійний дідъ, Микїта, розказувавъ, що набїгъ вовкъ на табунъ гуртовїхъ свиней; вони його якъ напьяли, одна и попїнила: дакъ того вовка и розпрвали другї вовки.»

— Постої, Трохіме, и я тобі розкажу: ище покойний мїй батько бувъ живий, — поїхали ми на гречку орать; орали ми у Сїдковїхъ-мóгилокъ; стали ночувать, волївъ поодпрягали да й полягали. Тільки ставъ я очима зводить, чую щось: хрьо-хрьо, хрьо-хрьо, хрьо-хрьо; я підвівсь, — дивлюсь: такъ якъ гонївъ двое сидить свиня на заднїхъ ногахъ, а воно — щось якъ розженєтця, да якъ витягнетця, да такъ про́жогомъ до свинї, — то вона тоді — хрьо-хрьо, хрьо-хрьо, та до ёго риломъ; то, отсе, свиня якъ поженєтця, воно тоді назадъ, зогнетця, да скорчитця, да тоді, впьять, якъ випрямитця, та до свинї, — то свиня такъ и сунетця до ёго. Я тоді: «тату! тату! о, тату! чи ви чуєте, що воно такє!» — Да то лисиця граетця изъ свинєю. — Дакъ и не абї-якажъ и свиня: — нічого и не вдїявъ. На другий вже день батько каже: — то не лисиця, а вовкъ; се я тобі не

казавъ, щобъ ти не лякавсь. — А вона, сучого сина свиня, одбіглась одъ черідки. Якъ би вовкъ піни не боявсь, то вінъ би її не помилувавъ. —

«Отже вітеръ бувъ у лівий бікъ, а теперъ прямо, у пику. Постой лишъ, здаєтця, собаки гавкають! Держи, Петре, оглобелю, бо такъ и збиваєтця. — Уже воно якъ чоловікъ розумний, то любо й словомъ перекинутьця; та якъ и скотина придастця гарна!.. Була въ мене кобила ворона, — пусти її віжки, сама такъ и простує, а де була разъ, туди такъ и верне, — вже не забуде, ні въ-вікъ.» — Ти кажешъ, Трохиме, кобила: — нащó заєць — явій! піди ти одури ёго: — якъ тільки думає лягати, такъ слідъ и заплутає: попута, попута, та тоді ступнівъ на п'ять и перестрибне, и зарвется; або птиця, отже — яке хитре: пішли ми торікъ у леваду зъ Тарасомъ; тільки утка дика лопь-лопъ-лопъ, крилами; я на Тараса: отже, утка підбита! та за нею, а вона одъ мене, а я за нею; одвела мене отъ дітей, да тоді знялась, да й полетіла. Не лихого жъ батьга, яке хитре! засміялись ми зъ Тарасомъ, да й пішли. —

— Зайця тільки ноги ратують, — каже Петро: — кого вінъ не боїтця! и чоловіка, и вовка, и лисці. Разъ ми поїхали у лугъ, — тільки їхъ шість чоловіка вовківъ, якъ напьяли одного зайця: одинъ біжить, а другі одстануть; а далі другий, якъ уляже: отъ-отъ нажене, отъ-отъ нажене; отъ, заєць у-бікъ, якъ уломить, — вовкъ и останетця. Вовкъ зайця не дожене, — хіба тагъ, лежачого нагіба. — Заєць, кажуть-би-то, наміривсь утопитця: піду утоплюсь, каже, ніщó мене не боїтця; піду самъ собі смерть заповідю — утоплюсь у морі. Прийшовъ до моря; тільки жаба — плигъ! злякалась, та въ море. «Отже, вернусь: годі топитьця, — есть таке щó й мене боїтця.» Щó отсі стрільці їхъ перенівечать! Оралн ми зъ Лиськомъ надъ гайкомъ; тільки два стрільці їздять, та й їздять. Тільки десь и назбірли зайця, та зразу: бухъ! та ногу й перебивъ; вінъ такъ якъ димъ, — такъ и котитця, да прямо на мене. Я истикъ наготовивъ, — думаю собі: якъ порівняєтця, такъ ёго и вчищу. Не вспівъ и окомъ змигнуть, вінъ такъ по підъ ногами и шамнувъ. Отакъ, каже Лисько: упустивъ сокола зъ рукъ.

«Ти кажешъ, Пётре, що самий плохий звірь — заєць; надъ вівцю нема й пліхшого. Сміхъ та й годі: колись я волочивъ, а ватага не подалеці ходила; вовкъ и підкравсь. Я — тю-тю, тю-тю, тю-тю! а вінъ не слуха, — тагъ и кинувсь до баранця; ватага у-ростичъ, баранець проти ёго: тупъ-тупъ-тупъ, ногою; а вовкъ ёго за шию, — пере-

кусивъ горло, скинувъ на спину, да й помчавъ. Вівчарі за нимъ: тютю, тютю-тютю, тютю-тютю! дакъ вінъ такъ и подався до Тимошенкового ярка.

«Отже й Саранівка! (Спустился у яръ) «У яру заравъ и потіхшало, и вітеръ не той. — Привертай до шинку: нехай коні духъ переведуть, а ми трохи погірємось. Отó замело! обтруси, Петре, мене, а я тебе. (Уходять у хату) «Здорова шинкарко! Дай Боже здрастувать! — «Ну, да й пить-же хочетця.» — «Не пий, Петре, води, — випий лучше горілки! Я звиривъ на собі, що нема й гірше, якъ води випьешъ съ холоду; а горілки хоть трошки випьешъ — и смагу проженешъ. Уже якъ Савка нашъ! вінъ не розбіра ніколи: якъ допавсь до води, такъ и дудлить; дивнсь, и не минетця ёму, черезъ тѣ такъ часто и занепада. Бачъ, у шинку якъ замурувало вікна!.. А дѣ твій чоловікъ, молодиче!» — У мене нема чоловіка — Бачъ, и вклепався. — «Отсе другий разъ топишъ?» — Та дѣ-тамъ! уже третій. — «А ну, пора, Трохима: нерапо. Якъ би давъ Богъ на-нічъ у Депаівку.» (Виїхали на Степокъ.) «Отже, хуртовина и не здаетця.» — «А куди поїдемо?» — Паняй побіля могили... Ти кажешъ, Петре, заецъ хитрий? Надъ лисицю нема, мабутъ, и хитрішого звіра! Іхавъ я у восені, — да не самъ, а зобралась валка чимала. Я дивлюсь — коли лисиця біжить; тільки зўздріла насъ, такъ и прилягла, якъ грудочка; я тоді: онъ-онъ, онъ-онъ, онъ-онъ, лисиця! — Де? — Онъ прилягла! — Датоввиділось тобі, такъ! — Дивлюсь, коли и друга побачила, и та прилягла; а далі третя, четверта, такъ и попріягали. Якъ тільки ми поминули, — вони тоді повставали, да такъ, стопá-въ-стопу, и біжать. Я тоді: а щó, не правда?... Да ще які здорові!... Торікъ ми зъ Тарасомъ нагібали норú лисичу, на Лізкахъ; отъ, и давай копать. Якъ почали, якъ почали! оце поведе туди, а далі въ бікъ, а потімъ прямо, а далі впять зверне; чуємо, щось хропе; оце, думка така, лисинята; — докопались, ажъ тамъ кубло, такъ якъ собаці повернутьця; дивимось — ажъ тамъ два іжакі! Я, зъ серця, узявъ та й побивавъ. «А вона уже вивела.»

— А то, разъ, та й видрали Царѣнкови лисинята; вона, по сліду, и дійшла, ажъ до самої хати, — та все ходить. А надъ Дубиною оравъ Хведоръ Курченко. Отъ, лисиня прийшла, та й лягла, надъ горою, у борозенці. Вінъ примітивъ, та й підкравсь, — та якъ учістить істикомъ: вона такъ и витяглась... А вона молока напругла. —

«А ну, ну, паняй, Петре, бо невидно... Міні здаетця, що пьапому чоловіку, у ночі, частій усёго лучаютьця приведенці; чоловікъ якъ

не п'є довго, та зразу почне пить багато, то ёму, що-небудь, и привидитця. Ажé ти чувъ, якъ Наумъ бивъ пеньки: ёму здалося що чорти... А я, такъ, якъ-би и теперь, тверезий, якъ сёгодня знаю, на масниці,—уоставъ у ночі,—бачу—вітеръ;—піду,—кажу,—пуцу млишъ. Вийшовъ на гору, ось-такъ, якъ порівнятьця зъ Дворянскою пивою; — чую, гримъ загремівъ! зімою, та гримъ загримівъ? Дивлюсь—змій тагъ и розспавсь искрамп, да й упавъ у Лепурчичному саду.» — Да вінъ, кажуть, часто сідає тамъ,—обіззавсь Петро. «Уже я злякавсь тоді, такъ, що й себе не знаю!» — Ніколі я не зликавсь такъ, якъ позаторікъ,—каже Петро. Шпвъ чоботи у дворі; літомъ, дагъ лубка нестало: побіжу,—кажу,—до-дому, та візьму лубка на за-кабуки. Біжу собі,—тільки зъ конопель вовкъ, проти провалля, такъ и вискочивъ; я такъ злякався, що волося на голові такъ и полізло въ гору. Я тоді на дівчатъ: (а дівчата у Гудевіщичні тютюшъ підбивали)—Дівчата, ось вовкъ!—Дё?—Ось!—Вінъ такъ и прянувъ на гору... Да ще злякався здорово, якъ покійний дідъ живий бувъ. Поіхали гречки влязати; у ночі, я коло дітей,—коли дідъ прибігає: «тікайте, діти, на візь!» Узлявъ, та й посажувавъ на візь. А нічъ була місячна. Тільки-що посхóплювались ми на візь, ажъ табунъ коней біжить — гнали вовки; отъ и погнали ажъ у Миронівъ яръ; тіжъ погнали, а одинъ перебігъ навперейми, та й засівъ;—якъ тільки порівнялись коні, вінъ якъ прискочивъ до лошака, якъ ухопивъ за горло, такъ и повалівъ! и почали тутъ їсти. Корній да Їванъ, побачивши, узли—віхтівъ навязали изъ соломп,—отсе запалть, та до їхъ: то вони назадъ отбіжать ступнівъ двадцять, да тоді постають, та зубами—кляць-кляць-кляць!.. Отже, ноги стали промерзати, — давай прбїдемо.

«И Санбірські млині уже манячять! Якъ собаки гавкають! чи не пробіраетця до овецъ собачий дядько... А ну, сідай! лучче ранше настигнемо у Дептівку... Що за славний дідъ отсей Конопляний! — якъ сяде, та якъ почне гўтарить, и тебе пришанує и конямъ сіна пб-боки. Воно бъ и до-дому можно у волю настигнуть, та дорога забитна; тамъ, за Дептівкою, по глибокимъ дорогамъ, снігу вáлява:—лучче рано встанемо.» — А куди поїдемо, чи прямо, чи кругомъ? — «Панай прямо!» — Лучче поїдьмо кругомъ: хто кругомъ їздить, той дома почує. Ажé, якъ питали жінки, чи скоро чоловікъ приїде: якъ поїхавъ, каже, кругомъ, такъ сёгодня буде, а якъ навпрошки, то хйба завтра.

«Вжежъ, якъ придемо до діда, дакъ я заразъ на пічъ; я люблю, съ холоду, на печі попаритьця: хочъ якъ перемерзнешъ, а на печі, якъ спотієшъ, то все минетця, и здоровъ станешъ.» — А я люблю, — обізавсь Петро́, — долі, на солоні: долі, кажуть, дві волі, и рука и нога спить... А вставай, Трохиме, та одчиний ворота; на пугу одъ собагъ! — (Собаки такъ и гунули, та впять назадъ) Отже, и собаки хвижі боятця, — такъ и ховаютця.» — Отже, щось иде, — каже дідъ Ничпоръ. — А вийди, Секлето! — «Та се, якісь люде приіхали, — за хвижею и невидно.» (Убїгла Секлета, та заразъ и скочила на пічъ гритьця.)

«Обтрусил мене, Петре, а я тебе.» (И давай тупотіть у синахъ.) — А Гривко ажъ двері гризе. — «Добровечіръ, діду!» — Здоровъ! — (Дідъ придивляецця) — Се ти, Трохиме? бачъ, я й не пізнавъ! «Пустіть ночувать!» — Добровечіръ, діду! — Здоровъ, Петре! скидай кобенякъ. — Ну, дай хуга жъ! и світа Божого невидно... Підъ таку хвижу не одно одубіє, не тільки пьяне, а й тверезе. — Роспрягайте жъ коні, — та отамъ, у клуні, сіно. —

«Иди, Петре, роспрягай, а язъ дідомъ табаки понюхаю... А дай лишъ діду табаки.» — Біжи, Марку, до Тимоша́, позпчъ табаки. Отсе якъ-разъ не стало, а міні вже якъ нема табаки...! Устанешъ у ночі, сядешъ на припчку — отсе мое місце, — разівъ десятокъ понюхаєшъ, и мислі розибьєшъ; — звісно, старому не спитця, а друге те — и думки... Сідай, Трохиме! — «Ну, въ тебе, діду, и собачкі!» — Бачишъ, Трохиме, — одъ поля живемо, звірі тягаютця. — «Та и въ насъ, сю зйму, у Мусія Нагірного потягнули свиню.»

— Не чого й вовки ходять у село, — почавъ дідъ: — може воно й брехня, дакъ и я буду брехать, — а може воно колись и правда була, та теперъ за брехню править... Собаки та й зробили договоръ зъ вовками, щобъ вовки у село не ходили; вовки й дали росписку собакамъ, що уже, бачъ, вони не будуть ходитъ у село. Отъ, собаки та й отдали сю росписку, на схованку, котамъ, а коти мишямъ, а миші, возьми, та и ззіжъ! Отъ, и завелась сварка: собаки на котівъ сердятця, а коти на мишей, — а вовки все-таки ходять у село; якъ тільки собаки скажуть вовкамъ: а чого ви ходете у село? ви жъ дали росписку! — дакъ вовкі и кажуть: «а покажіть росписку!»

(Уходить, Петро, выпрігши коней.) «А щб, постановивъ коней?» — Постановивъ, діду! — И сіна підложивъ? — Підложивъ! — А, ну, лишъ, стара, чи буде намъ щбъ вечерять?... А моя стара да хоче мене поквнуть!... — Якъ-то, діду, — каже Трохимъ: — я заходивъ до тебе у

хату, ідучи у Коногіпъ, — дакъ баба журилась за тобою: «поіхавъ», каже, «мій старий, — колибъ не змерзъ, бо на-двѣрѣ хура піднялась.» — Тѣ вона при людяхъ такъ каже. — (Усміхнувся Ничипоръ, да й поглянувъ на стару.) — Ти вже зъ жартами своїми, старий!... — Усе у людяхъ: учора гребенівъ вводили, а сѣгодні веретена запрядали, — видно, хоче собі молодого підчипити. — (Зареготались усі.) — И почавъ витрибінковати! узявъ би лучче та людей почастувавъ. — А ну лишъ, дочко, бери настільникъ, та накривай стілъ; клади хлѣбъ, ложкѣ, та станови борщъ. — (Дідъ бере пляшку, чарку, и насипа.) — Пий, Трохиме! — У хазяїна у рукахъ, у хазяїна и въ устахъ. — Будьмо живі, та Богу милі! — (Випивъ дідъ.) — Колясь и дешевша була горілка, та міцніша... Нехай же въ гѣроді, що подешевшала, а въ насъ и подорогшала, та погана така: иноді ажъ кисла, ажъ живіть обдима: тїлко званіе, що горілка. — (Сказавъ и сплянувъ дідъ.) — Ну, пий, стара: гості будуть та й підуть, а ми съ тобою вікъ зжили! — (Почастовавъ дідъ Трохима, а потімъ — Петра; посідали за стілъ.) — А ну лишъ, стара, чоловікъ на дній нозі не ходить, а на двохъ: наливай лишъ по другій! — Пошли, Боже, вікъ, здоровье и спасеніе! — (Випила сама, — тоді старого почастовала, а тоді вже гостей. Поїли борщъ.)

— Подавай іще тамъ, що є! Выпий три, да й усі протри, по-словиця гѣвѣритця; наливай лишъ по третій!... — Чому ти, дїду, кобили не перемінишь? У мене уже, після тиеї, що на Чѣсного (!). купивъ, — друга. «А на що міні перемінять? Міні кобили не гризти. Міні, якъ и ся возить, дакъ и дѣбра.

(Повечеряли, випили на-потуху, стали дякувати:) «Спасибі Господу-Богу, Матері Божій и всімъ святимъ, за хлѣбъ, за сїль и за вечерю; и тобі, дїду, и тобі, бабо, и тобі, Марку, и тобі Секлето!» — Богу милосердному! —

— Дакъ ти, дїду, їздивъ у Мельню?

— Та їздивъ: купивъ тамъ дощогъ съ пьять! Думка така, — якъ прїдетця поміратъ, дакъ ні-съ-чогѣ буде и домовини збитъ. Я вже домовину готую, а вона, не бійсь, молодого собі шукае...

— Стелїть соломи: хто ляже долі, а я на полу, а ти, стара, на печі... «Та же-жъ!» — Баба тоді й хвабра, якъ на печі. Подавайте сюди онучки, та ўстїлки, яположу на кѣмні, то вони висохнуть. —

(!) На Чесного, значить — на Воздвиженіе.

(Помолились Богу, полягали де-кому припало.)—Тушінь же й каганець.—

Трохимъ и Петро такъ и захропли, мовъ побиті; а тамъ, заснувъ и дідъ, понюхавши разівъ съ п'ять табáки. А хуртóвина все завиває, та порошить у вікна; вже й людъ, утихомривсь, а вона все насвистує, та все дёрготить вікнами. Спить людъ Божий, кому припало тепло; а инший, у кого думка думку пошибає, той и не спить, та повертуєтця зъ боку-на-бікъ; та не спить той, кого застигла хвижа, у полі: хўкає собі у руки, та стукає ногами, повертаєтця зъ своєю скотиною, мовъ той червякъ у кучугурі; ажъ заспа лась Булана, та повёртуєтця у заметахъ,—поспішаєтця до-дому, бо и ій хочетця у затишку, у хлівці, задрімати. Уже й собаки не чутно на селі, хиба, де-небудь, зла тварь пробіраєтця для своєї поживи.

Нічъ-мати усіхъ пригорнула; тільки зайчючюкъ-стрибайчючюкъ, обгризує молодіі пáгонці на вишняхъ, да й той козирить ушима, щобъ не попастись у слопець. Заспівали треті півні; уже старий устававъ тричі, посидівъ на припичку, понюхавъ табакн, та й оп'ять задрімавъ. Тутъ и стара давай бухикать; а тутъ и бабина унука заходилась плакать; заворушились усі. Уже и Трохимъ прокинувся. — А що, діду, чи унишкла хуртóвина?—Та унишкла: уже тихо стало, и морозець малий; після хуртóвини, на дощъ перевелось; а передъ-світомъ морозець ухопивъ. Теперъ такъ, якъ листовнимъ жалізомъ покрило снігъ...

— Міні, Секлето, спилась Тимошенкова Настя,—озвалась баба:—здаєтця, я бачу, що у її дворі огонь: такъ поломья и піднімаєтця, и піднімаєтця стовпомъ; а потімъ—димъ! такий димъ, такий димъ, да кучерявий—такъ и качаєтця по землі.—Кажуть, буде якесь диво,—обізвалась Секлета.

(Засвітили каганець; де хто лежить; Секлета на гребні пряде.)

— Скілько не лежать, а треба вставать,—каже Трохимъ.—Пора й до-дому братьця. —

— Чого ви такъ поспішаєте? Іщєбъ поснідали, —каже дідъ.

— Та спасибі! Істи не хочетця.—Прощавайте жъ!

— Спасибі-жъ вамъ за хлібъ, за сіль, и за вашу ласку! дай, Боже, вамъ здоровья! —

— Богу святому дякуйте!...

Степанъ Нісць.

Село Поворя, Черніговського повіту. 1860.

ТРИ ПИСЬМА О ПЧЕЛОВОДСТВѢ.

Помѣщаемыя въ «Основы» *Письма о Пчеловодствѣ* взяты изъ полнаго сочиненія, подъ этимъ же названіемъ, извѣстнаго малороссійскаго пчеловода, *Як. Пав. Костенецкаго*, вполне изучившаго, собственнымъ опытомъ, эту, столь любимую и распространенную, въ нашемъ краѣ, отрасль сельскаго хозяйства. По отзыву людей, близко знакомыхъ съ предметомъ, *Письма о Пчеловодствѣ* представляютъ замѣчательнѣйшее у насъ явленіе, и въ теоретическомъ и въ практическомъ отношеніи. Сочиненіе нашего пчеловода можетъ служить чрезвычайно-полезнымъ руководствомъ для любителей и хозяевъ, и потому редакція «Основы» приобрѣла все сочиненіе и намѣрена издать его отдѣльною книгой въ теченіи настоящаго лѣта.

Въ помѣщаемыхъ *трехъ письмахъ*, г. Костенецкій излагаетъ многія собственныя наблюденія надъ природой и дѣятельностью пчелъ, и свою новую гипотезу о таинственномъ и самомъ спорномъ вопросѣ въ жизни этихъ насѣкомыхъ—«о взаимномъ отношеніи и свойствахъ трехъ членовъ пчелинаго семейства»,—при чемъ разбирается существующія, до настоящаго времени, теоріи иностранныхъ и нашихъ пчеловодовъ по этому любопытному предмету.

ПИСЬМО II.

ПЧЕЛИНОЕ СЕМЕЙСТВО: МАТКА, ТРУТНИ, РАБОЧИЯ ПЧЕЛЫ. ДѢЛАНІЕ ПЧЕЛАМИ МЕДУ И ВОСКУ. РОЖДЕНІЕ ПЧЕЛЪ. ПРЕЖНЯЯ ГИПОТЕЗА О ПОЛОВОМЪ ОТНОШЕНІИ СУЩЕСТВЪ ПЧЕЛИНАГО СЕМЕЙСТВА. МОЯ ОБЪ ЭТОМЪ ГИПОТЕЗА. ГИПОТЕЗА ДЭИРЗОНА.

Подобно нѣкоторымъ другимъ насѣкомымъ, пчелы-живутъ большимъ семействомъ, заключающимъ въ себѣ иногда до сорока и болѣе тысячъ существъ. Каждое семейство живетъ отдѣльно, дружелюбно и имѣетъ свою общую собственность, но не имѣетъ никакихъ сношеній съ другими семействами и даже враждебно одно другому, такъ-что ежели внезапно соединить между собою два семейства, то между ними произойдетъ драка, могущая уничтожить оба семейства. Пчелиное семейство состоитъ существъ изъ трехъ видовъ: матки или царицы — всегда одной; нѣсколькихъ тысячъ рабочихъ пчелъ и множества трутней — страшный тройственный составъ, какого, сколько извѣстно, не имѣютъ никакія другія животныя.

Матка, пожалованная пчеловодами въ царицы, отличается отъ рабочихъ пчелъ и трутней видомъ и величиною. Единственное, до-сихъ-поръ подсмотрѣнное пчеловодами, ея занятіе есть—класть яички въ ячейки. Она несетъ два рода яичекъ: пчелиныя и трутневья, — послѣднія нѣсколько болѣе первыхъ. Въ сотахъ три вида ячеекъ: обыкновенныя пчелиныя, трутневья — нѣсколько шире пчелиныхъ, и маточныя, имѣющія видъ жолудя, или наперстка. Матка кладетъ яички или сѣмена во все три вида ячеекъ; хорошая, или добрая, матка кладетъ каждый рядъ яичекъ въ назначенныя для нихъ ячси и всегда по одному, дурная же (дѣлаетъ безпорядокъ) кладетъ въ одну ячейку часто по нѣскольбу яичекъ, или и во-все не кладетъ пчелиныхъ, а одни трутневья. Другаго какого-либо занятія матка не имѣетъ или, по крайней мѣрѣ, до-сихъ-поръ болѣе не открыто. Она очень рѣдко вылетаетъ изъ улья, только во время роенія, и изрѣдка на *проигру*, будучи еще молодою. Она имѣетъ жало, но рѣдко его употребляетъ, развѣ будучи раздражена до-крайности. Одна матка ненавидитъ другую, и если ихъ въ одномъ семействѣ случится двѣ, то онѣ дерутся до-тѣхъ-поръ, пока одна не убьетъ другой. Почти все пчеловоды приписываютъ маткѣ неограниченную власть въ семействѣ и разныя, даже умственные свойства, отъ которыхъ будто бы зависятъ все благосостояніе семейства; но, по моему мнѣнію, въ этомъ взглядѣ много фантазіи. Матка живетъ долѣе пчелы, (которой вѣкъ менѣе года), отъ пяти и до восьми лѣтъ; въ молодости бываетъ цвѣта темнаго, а подъ старость—желтѣетъ.

Отъ качества матки зависитъ все благосостояніе пчелинаго семейства: если въ немъ будетъ дурная матка, т. е. такая, которая или вовсе не кладетъ яичекъ, или кладетъ одиѣ только трутневья, то семейство это непременно вскорѣ уничтожится. А потому пчеловоды прежде всего должны знать основательно все тѣ признаки, по которымъ узнается качество матки. По наружному виду матки, нельзя узнать ея достоинства: оно узнается только по ея дѣйствіямъ. По такое знаніе не легко, и составляетъ еще секретъ для многихъ пасмичниковъ, не изучившихъ этого предмета отъ образованныхъ пчеловодовъ. Читая иностранныхъ руководства къ пчеловодству, убѣждаешься, что не только прежде, но и въ настоящее время, иностранные пчеловоды невѣли никакого понятія о разныхъ качествахъ матокъ. У насъ же, можно сказать, все примѣты, по которымъ узнаются добрыя и худыя матки, подсмотрѣны окончательно и до-того вѣрно, что для

ученаго и опытнаго пчеловода это не составляет уже никакой трудности. Честь всѣхъ этихъ наблюдений, систематическаго ихъ изложенія и практическаго распространенія между пчеловодами, безспорно принадлежитъ нашему Прокоповичу, который своимъ ученіемъ о разныхъ качествахъ матокъ и вѣрными способами исправленія дурныхъ пчелиныхъ семействъ, разогналъ бывшую до него тьму въ пчеловодствѣ и указалъ совершенно новый и вѣрный способъ выгоднаго веденія пасеки.

Всѣхъ матокъ, по ихъ происхожденію, можно раздѣлить на два рода: на *натуральныя* и *свищевыя*, или самовыпложенныя. Первые рождаются естественнымъ образомъ, отъ сѣменъ, положенныхъ въ маточники самими матками, а вторыя, — въ случаѣ лишенія матки, — производятся уже пчелами изъ сѣменъ, или яичекъ, первоначально предназначенныхъ для рабочихъ пчелъ. Такъ — какъ яичекъ этихъ нельзя переносить съ одного мѣста на другое, то маточники этихъ матокъ, дѣлаемые изъ пчелиныхъ ячеекъ, бываютъ не на ребрахъ сотовъ, какъ это обыкновенно бываетъ у природныхъ матокъ, но на пластахъ. Натуральныя и свищевыя матки, по качеству своему, раздѣляются на *добрыя* и *трутневыя*. Добрыми матками признаются тѣ, которыя кладутъ пчелиныя и трутневыя яички сообразно времени и потребности и содержатъ въ должномъ порядкѣ все пчелиное семейство; трутневыми же считаются тѣ, которыя кладутъ однѣ только трутневыя яички, или вовсе никакихъ. Матки бываютъ трутневыми или по природѣ, или отъ приключеній: отъ старости, увѣчья послѣ драки и отъ болѣзни; поэтому и добрыя матки впоследствии дѣлаются трутневыми. Пчеловоды — писатели утверждаютъ, что матка въ брюшкѣ своемъ имѣетъ два отдѣленія: одно для пчелиныхъ яичекъ, а другое для трутневыхъ, Сламмердамъ и Кристль утверждаютъ, что въ лучшіе микроскопы можно прямиить въ яичникѣ матки, двѣ вѣтви яичъ, одну трутневую а другую пчелиную. Но я не думаю, чтобы это было совершенно такъ, и полагаю, что въ происхожденіи яичекъ того и другаго рода есть тайна, еще никѣмъ неразгаданная. Такъ я заключаю изъ того, что матка, при неблагополучіи своемъ, теряетъ всегда способность класть только пчелиныя яички; но еще никогда не замѣтили, чтобы матки, способныя класть пчелиныя яички, были бы не въ состояніи класть яичекъ трутневыхъ. Свищевыя, или самовыпложенныя, матки производятся пчелами при двухъ случаяхъ: во 1-хъ, когда онѣ по какимъ либо обстоятельствамъ лишаются самъ нечаянно своей натуральной матки, и во 2-хъ, когда пче-

ловодъ отбрасать ее у нихъ при дѣланіи насильныхъ роевъ, или для другой надобности.

Трутни — второй видъ существъ въ пчелиномъ семействѣ. Они больше рабочей пчелы, отлпчаются отъ нея наружностью, имѣютъ совершенно другіе органы и неимѣютъ жала. Они рождаются изъ ячеекъ, положенныхъ маткой въ ячейки, собственно для нихъ предназначенныя, которыя дѣлаются болѣе ячеекъ рабочихъ пчелъ, а отъ этого и трутни бываютъ болѣе рабочей пчелы; но иногда они рождаются и въ пчелиныхъ ячейкахъ: тогда они величиною бываютъ почти равны рабочей пчелѣ. Пребываніе трутней въ пчелиномъ семействѣ есть только временное: они рождаются весной и истребляются пчелами осенью. Какое занятіе трутней?—Этого, кажется, еще никто настояще не опредѣлилъ; вѣрно только то, что они не собираютъ меду, а ѣдятъ его готовый, собранный пчелами. Поэтому, они, не только осенью, когда въ нихъ, какъ бы уже минуется какая-то неизвѣстная намъ надобность, но даже и лѣтомъ истребляются пчелами, какъ—скоро сдѣлается въ ульѣ недостатокъ въ кормѣ. Вопросъ о назначеніи трутней всегда занималъ не только пчеловодовъ, но и знаменитыхъ натуралистовъ. Въ послѣднее время, трутни считаются за самцевъ, оплодотворяющихъ матку, и эта гипотеза признана на столько правдоподобною, что болѣе не дѣлаютъ никакихъ надъ ними наблюдений; но, по моему мнѣнію, это обстоятельство также сомнительно, какъ и все другія мнѣнія объ отношеніяхъ между собою всехъ трехъ видовъ существъ пчелинаго семейства, о чемъ я ниже буду говорить подробнѣе.

Третій и главнѣйшій видъ существъ пчелинаго семейства составляютъ *рабочія пчелы*, такъ названныя потому, что онѣ однѣ производятъ все работы, необходимыя для существованія семейства. Рабочая пчела менѣе матки и трутня, потому что выводится въ ячейкѣ гораздо менѣе маточной и трутневой ячейкѣ. Ячейки, въ которыхъ пчелы еще въ первый разъ вылаживаются, бываютъ болѣе тѣхъ, въ которыхъ онѣ уже нѣсколько разъ выводились, а отъ этого и самыя пчелы бываютъ менѣе или болѣе, ибо пчелы, какъ и бабочки, вышедшія изъ кокона, не растутъ болѣе. Цвѣта онѣ всегда одинаковаго съ небольшою только разницею, то темнѣе, то желтѣе; я полагаю, что пчелы во всехъ странахъ бываютъ одинаковой наружности, величины и цвѣта съ самыми небольшими развѣ измѣненіями, и поэтому не думаю, чтобы были различныя породы пчелъ, какъ нѣкоторые утверждаютъ. Пчелы снабжены разными орудіями, нужными для

производства работъ. Изъ нихъ первое—хоботокъ или язычокъ, находящійся надъ самимъ ртомъ, помѣщающійся въ особаго рода трубочкѣ, какъ бы футлярчикѣ, куда пчела его прячетъ когда неупотребляетъ. Хоботокъ этотъ длиннень, остроконечень, гибокъ, но, какъ описываетъ Кристль, не имѣетъ внутри отверстія, а покрытъ волосиками на подобіе лпсьяго хвоста, и потому пчела не втягиваетъ имъ медоваго сока, а слизываетъ его изъ цвѣточныхъ чашечекъ. Кромѣ хобота пчела имѣетъ на головѣ межъ глазъ два *усика* или *щупальца* служащіе ей какъ бы ослзательными органами; *клещи*, состоящіе изъ двухъ зубовъ, довольно твердыхъ, которые также составляютъ пособіе въ ея работахъ. Она имѣетъ четыре крыла и шесть ногъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ членовъ. На обѣихъ парахъ заднихъ ногъ находится на каждой, но *щеточка* или небольшому четвероугольнику, покрытому волосами, которыми она собираетъ съ цвѣтовъ цвѣточную пыль. Между вторымъ и третьимъ членомъ двухъ заднихъ ногъ находится углубленіе на подобіе ложечки, называемыя *лопаточками*, въ которыя она набиваетъ цвѣточную пыль. Брюшко пчелы состоитъ изъ шести параллельныхъ чешуекъ, растягивающихся и сжимающихся по надобности. Въ брюшкѣ помѣщены кишки, медовой пузырькѣ, желудокъ, пузырькѣ съ ядомъ и жало.

Всѣ вообще работы, въ пчелиномъ семействѣ, производятся рабочими пчелами; онѣ собираютъ изъ растений медъ, составляющій ихъ главную пищу, дѣлаютъ изъ него воскъ, а изъ воску—вошину, собираютъ цвѣточную пыль, или *перу*, составляющую пособіе въ пищѣ лѣтомъ и которая особенно необходима для приготовленія пищи для молодой *дѣтки*, посятъ воду и выводятъ дѣтку изъ сѣмянъ, положенныхъ маткой. Каждое пчелиное семейство всегда имѣетъ у себя стражу, которая, прогоняя чужихъ пчелъ, впускаетъ въ улей только своихъ, опознавая ихъ щупальцами. Каждая пчела узнаетъ свой улей не по его наружному виду, но по его мѣсту или по навыку своего полета, такъ-что если улей сдвинуть съ мѣста хотя на аршинъ, то пчела его уже не найдетъ, а слѣдетъ на то мѣсто, гдѣ стоялъ улей. Но если перевезти улей надалекое разстояніе, версты на три, то пчела обознавшъ мѣстность, привыкаетъ опять къ новому направленію. Пчелы могутъ отлетать отъ своего улья верстъ на шесть и болѣе и никогда, при возвращеніи, не сбиваются съ пути. Пчела можетъ издавать звукъ, который она разнообразитъ, смотря по надобности, и всѣ другія пчелы одного семейства хорошо понимаютъ эти условные тоны.

Если пчела чужаго семейства захочет пристать въ улей, то она всегда, ставъ на *летикъ*, упрасивается, издавая особый звукъ, или, какъ говорятъ пчеловоды, присягаетъ, послѣ чего ее и принимаютъ въ улей.

ДѢЛАНІЕ МЕДУ И ВОСКУ.

Пчелы собираютъ медъ, изъ многообразныхъ цвѣтовъ, иногда изъ листьевъ различныхъ растений, болѣе или менѣе имѣющихъ свойство производить эту сладкую жидкость, которую пчелы слизываютъ хоботкомъ и, если хотятъ употребить въ пищу, то чрезъ ротъ пропускаютъ ее въ желудокъ, если же хотятъ сохранить въ запасъ, то пропускаютъ ее чрезъ ротъ въ особый пузырекъ, находящійся въ брюшкѣ, гдѣ она, подвергаясь измѣненію, дѣлается уже медомъ и опять чрезъ ротъ извергается въ ячейки.

О дѣланіи пчелами воска было много предположеній. Первые и, разумѣется, самые неопытные наблюдатели принимали за воскъ пергу, которую пчелы носятъ на своихъ ножкахъ, цвѣтомъ дѣйствительно похожую на воскъ. Женевакскій натуралистъ—пчеловодъ Губеръ, который, какъ я уже говорилъ, былъ слѣпъ и свои наблюденія надъ пчелами дѣлалъ съ помощью слуги, еще въ срединѣ прошлаго столѣтія, первый началъ оспаривать это мнѣніе и утверждалъ, что пчелы дѣлаютъ воскъ изъ меду и другихъ сладкихъ соковъ, но съ нимъ не только не соглашались, но даже называли это мнѣніе неслѣпостью. Иные утверждаютъ, (даже Крестъ и за нимъ Прокоповичъ) что пчелы, эту цвѣточную пыль, или особо собираемое восковое вещество, слизываютъ съ медомъ въ особомъ восковомъ желудкѣ и изъ него выпускаютъ чрезъ ротъ уже воскъ. По моему—жъ мнѣнію, которое я уже давно печатно изложилъ въ одной изъ статей моихъ о пчеловодствѣ, пчелы дѣлаютъ воскъ прямо и единственно только изъ меду, который онѣ, переработавъ въ своемъ желудкѣ, испускаютъ не чрезъ ротъ, а чрезъ поры брюшка, гдѣ онѣ, охладѣвая и твердѣя, образуетъ между брюшными чешуйками маленькія и иногда видимыя для глаза пластинки, которыя онѣ берутъ потомъ въ ротъ, мѣсятъ зубами и дѣлаютъ изъ нихъ вошину. Это ясно изъ того, что пчелы дѣлаютъ вошину и тогда, когда у нихъ вовсе не бываетъ перги, и когда онѣ даже не вылетаютъ изъ улья; такъ напримѣръ, если раншею весною подрѣзать соты въ ульѣ, въ которомъ много будетъ меду, а мало вошины, то пчелы, даже не вылетая изъ улья, будутъ дѣлать вошину. Также и во время сильнаго взятка, когда недостаетъ порожнихъ сотовъ

для наполненія ихъ медомъ, пчелы съ необыкновенною быстротою и въ большомъ количествѣ дѣлаютъ вошину, между-тѣмъ какъ въ то время почти не посятъ перги. Когда, во время сильнаго взятка, производится самая большая и поспѣвшая работа вошины, то пчелы, въ торопливости, даже роняютъ множество восковыхъ пластинокъ, которыя тогда, на подобіе разсыпанной крупы, можно видѣть на подмосткахъ подъ ульями. Однажды у меня случилось, что вышедшій рой, собранный въ *роевню*, отъ недосмотра задушился. Когда я началъ его разсматривать, то у каждой пчелки между брюшными чешуйками явственно были видны продолговатыя, тоненькія, бѣленькія пластинки воска. Однимъ словомъ, дѣланіе пчелами воска изъ меду, а не изъ чего-либо другаго, и выкатываніе его изъ желудка сквозь поры тѣла, а не выпусканіе его чрезъ ротъ, такъ очевидно, что я, съ самаго начала занятія моего пчеловодствомъ, составилъ себѣ это понятіе, и удивляюсь, какъ другіе пчеловоды, въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, этого не достигли и даже большая часть ихъ, а особливо иностранныхъ, еще и теперь остается при невѣрномъ понятіи объ этомъ предметѣ.

Изъ воску пчелы дѣлаютъ разной величины ячей для вылаживанія въ нихъ своей дѣтки или *черви*:—пчелиныя трутневныя ячей, составляющія непрерывныя, сверху внизъ идущіе пласты вошины, а на концахъ ихъ, на ребрахъ вошинъ, маточныя ячей. Кто не знаетъ этихъ сотовъ, и кто при видѣ ихъ не удивляется той геометрической правильности и вѣрности, съ какою эти чудныя насѣкомыя устраниваютъ свои ячейки, и у кого при этомъ не рождается желаніе имѣть хотя какое-либо понятіе о естествѣ и свойствахъ этого непостижимаго животнаго?

Рожденіе пчелъ.

Не смотря на всю таинственность пчелинаго семейства, не смотря на многочисленность его ядовитыхъ жалъ, всегда устремленныхъ противъ любопытнаго, наблюдательные пчеловоды успѣли проникнуть въ самыя сокровенныя ихъ убожища, высмотрѣть все, что только можно видѣть невооруженнымъ глазомъ, и, послѣ разныхъ недоразумѣній и ошибокъ, исправляя одинъ другаго, достигли наконецъ до самаго точнаго понятія о многихъ занятіяхъ пчелинаго семейства. Послѣ дѣланія воска, самое любопытнѣйшее и необходимѣйшее для знанія дѣйствіе составляетъ рожденіе пчелъ и другихъ существъ этого семейства.

Пчела, подобно прочимъ насѣкомымъ, до полного своего развитія имѣеть два превращенія, что называется двумя періодами ея образованія: въ первый періодъ она находится въ состояніи зародыша или яичка и, потомъ червяка или личинки, а во второй—въ состояніи куколки.

Матка, которая одна только песеть яичка, передъ сѣменіемъ, дѣлается очень полною, до-того, что ежели чуть-чуть пожать ее пальцами, то она испускаетъ изъ конечной части своего брюшка свѣтлую, желтоватую жидкость. Когда пчелы очищаютъ отъ сора ячейки, тогда матка, въ сопровожденіи ихъ, отправляется класть въ нихъ яички. Вложивши въ ячейку брюшко, она опускаетъ туда одно маленькое, продолговатое, бѣленькое яичко, которое приклеивается въ ней посредніи и первоначально стоитъ въ ячейкѣ, не прислоняясь къ стѣнкѣ, вертикально къ отверстию; положивши въ ячейку одно яичко, матка кладетъ въ смежную ячейку другое, и такъ далѣе, пока не истощится. Хорошая матка кладетъ всегда по одному яичку въ ячейку и притомъ пчелиныя яички—въ пчелиныя, а трутневыя—въ трутневыя ячейки, которыя, какъ я сказалъ, нѣсколько болѣе пчелиныхъ; дурная же матка кладетъ ихъ по два и по три вмѣстѣ и въ какія ни попали ячейки, и преимущественно кладетъ яички трутневыя. Неизвѣстно только, можетъ ли хорошая матка, положивши сначала пчелиныя яички въ пчелиныя ячейки или, какъ говорится, засѣменивши пчелиный пластъ вошницы, засѣменить потомъ безъ остановки трутневой пластъ, и обратно; или она, для каждаго такого сѣмененія, употребляетъ особое время, и слѣдовательно не разомъ имѣетъ въ себѣ запасъ тѣхъ и другихъ яичекъ. По мнѣнію Криста, матка до тѣхъ поръ кладетъ одного рода яички, пока истощатся у нея всѣ бывшія въ готовности для того дня. Мнѣніе Зибольта противоположно мнѣнію Криста. Такое сѣменіе маткою яичекъ начинается съ самой выставки пчелъ и продолжается до положенія ихъ въ омшаникъ (даже и въ омшаникѣ она кладетъ ихъ, но только въ самомъ маломъ числѣ) и количество ихъ всегда сообразно бываетъ теплотѣ времени, а еще болѣе обилію или скудости взятка. Иногда она кладетъ ихъ очень много, такъ что засѣменяетъ вдругъ почти всю порожнюю вошницу; но пчелы высиживаютъ ихъ столько, сколько въ холодное время могутъ закрыть собою ячеекъ, а въ теплое, сколько успеютъ ихъ запечатать, то есть вскормить и снабдить необходимымъ продовольствіемъ; прочія же яички остаются въ ячейкахъ, гдѣ онѣ, въ хорошее время, могутъ сохраняться довольно долго, или же съѣдаются пчелами.

Надъ опредѣленными для высиживания яичками пчелы сидятъ постоянно, поддерживая тѣмъ необходимую теплоту. Три дня яичко находится въ одинаковомъ положеніи, не претерпѣвая никакого видимаго измѣненія; наконецъ, на четвертый, изъ него рождается червячокъ бѣлый и безногий, состоящій изъ нѣсколькихъ колецъ. Червячокъ этотъ, или личинка, растетъ до-тѣхъ-поръ, пока одинъ его конецъ сойдется съ другимъ и своею величиною займетъ все основаніе ячейки,—что продолжается для пчелы—четыре, а для трутней—шесть дней. Впродолженіе этого времени, пчелы неупустительно заботятся о питаніи и согрѣваніи дѣтки. Пищу составляютъ для нея изъ меда и перги, только-что принесенной съ поля или же имѣющейся въ запасѣ—и вотъ единственное назначеніе этой перги, носимой пчелами на своихъ ножкахъ, а вовсе не для дѣланія воска, какъ нѣкоторые объ этомъ еще и теперь думаютъ. Пища эта съ возрастомъ червячка дѣлается разнообразною во вкусѣ и цвѣтѣ и, слѣдовательно, въ составныхъ своихъ частяхъ.

Когда червячку будетъ отъ семи до восьми дней отъ положенія яичка, смотря по погодѣ, и когда онъ приблизится къ превращенію, тогда онъ переходитъ ко второму періоду своей жизни: онъ переизмѣняетъ свое положеніе, перевертывается со всею силою и оборачивается однимъ концомъ ко входу ячейки, тѣмъ именно, изъ котораго должна образоваться голова пчелы. Въ это время, пчелы, наполнивъ ячейку пищею, дѣлаютъ надъ нею плотный сводъ изъ воску, или, какъ говорится, *печатаютъ* дѣтку; послѣ того прекращаютъ уже питаніе и только неотступно сидятъ на дѣткѣ, усиливая тѣмъ надъ нею теплоту. Вскорѣ по заключеніи своемъ, червячокъ, въ продолженіи трехъ дней, завертывается въ куколку, состоящую изъ самой нѣжной, бѣлой пленочки, которую онъ образуетъ, выпуская изо рта своего тончайшую линную нить и обвивая ее вокругъ своего тѣла. Это явленіе, впрочемъ, только предположительное, котораго никто, по возможности наблюденія, подсмотреть не можетъ.

Послѣ этого начинается второй періодъ образованія пчелы, въ продолженіи котораго, въ одинадцать или тринадцать дней отъ запечатанія ячейки, смотря по погодѣ, куколка, находясь въ состояніи сна, живетъ только внуреннюю жизнью, и въ это время постепенно образуются въ ней разныя части тѣла будущей пчелы. По достиженіи полнаго развитія, продолжающагося отъ положенія яичка въ ячейку не менѣе 20-ти дней, пчелка сама, или съ помощью старыхъ пчелъ,

разгрызываетъ сводъ своей ячейки и вылезать изъ нея, оставляя въ ней свою плевую или коконъ, который плотно прилепаетъ къ стѣнкамъ ячейки, отчего она послѣ нѣсколькихъ выходовъ пчелъ, значительно уменьшается и чернѣетъ. Еще день или два, смотря по погодѣ, молодая пчелка остается въ ульѣ, гдѣ ее очищаютъ старыя пчелы, а потомъ она вылетаетъ, сначала на такъ—называемую *проиру* около улья, а потомъ и въ поле, за добычей. Пчелы любятъ только совершенныхъ во всемъ молодыхъ пчелъ, какъ же умерщвляютъ, или живыми выносятъ вонъ изъ улья и бросаютъ. Это жестокосердіе очень не нравится тѣмъ пчеловодамъ—писателямъ, которые изъ этого пастъкомаго сдѣлали самое радушнѣйшее и нравственнѣйшее существо, и ставятъ его въ примѣръ не только человѣку, но даже государствамъ.

Такъ образуются и растутъ рабочія пчелы и трутни; матки же, хотя зараждаются изъ такого же личка, какъ и рабочія пчелы, но получаютъ совершенно другое воспитаніе и, влѣдствіе этого, выходятъ совершенно иными существами. Ячей для матокъ дѣлаются гораздо болѣе пчелиныхъ, круглыя, на подобіе жолуди или наперетка, и висятъ на ребрахъ сотовъ. Едва личко обратится въ червяка, какъ для него готовится самая обильная, а, можетъ—быть, и особая пища, такъ что червячекъ въ ней плаваетъ совершенно незамѣтнымъ, и когда эту пищу наполнитъ ячейка (или маточникъ), тогда ее печатаютъ. Матка подвергается такимъ же періодамъ превращенія какъ и пчела, но они бывають короче, и матка вырастаетъ въ двѣнадцать или тринадцать дней отъ положенія въ маточникъ личка.

Гипотезы о половомъ отношеніи существъ пчелинаго семейства.

Составъ пчелинаго семейства изъ трехъ видовъ, представляющую большую рѣдкость въ природѣ, весьма рано началъ обращать на себя вниманіе и пчеловодовъ, и натуралистовъ, которые, весьма правильно, подозрѣвали въ немъ загадку все го непонятнаго въ жизни пчелы; но, къ сожалѣнію, должно сказать, что они ограничились только гипотезами по этому предмету, и, сочтя ихъ достаточно правдоподобными, перестали имъ болѣе заниматься. По моему же мнѣнію, всѣ, до-сихъ—поръ, составленныя гипотезы о половомъ отношеніи существъ пчелинаго семейства еще далеки отъ истины, и натуралистамъ еще предстоитъ большое поприще для изслѣдованій. Здѣсь я постараюсь изложить важнѣйшія объясненія этихъ отношеній, какъ прежнія, такъ и теперешнія, также и мои объ этомъ предположенія.

Матка, или царица, почитается всѣми единственною настоящею самою, которая одна несетъ яички всѣхъ видовъ, производящія какъ матку, такъ и прочія виды существъ пчелинаго семейства. Сначала думали, что матка несетъ яички въ одномъ мѣстѣ, который потомъ рабочія пчелы разносятъ по ячейкамъ; но это мнѣше, при первомъ же, болѣе внимательномъ, наблюденіи было опровергнуто, ибо въ каждомъ ульѣ можно видѣть, какъ сама матка кладетъ яички въ каждую ячейку. Также думали, что матка рождается только изъ яичка, положеннаго маткой въ особу для того назначенную ячейку—маточникъ; но Ширахъ, нѣмецкій пчеловодъ, первый (въ 1761 г.) доказалъ, что матка можетъ быть выведена пчелами и изъ яичка, положеннаго въ пчелиную ячейку и даже изъ червячка рабочей пчелы, когда онъ не старѣе трехдневнаго возраста, какое открытіе и послужило основаніемъ къ дѣланію отводковъ или искусственныхъ роевъ. Открытіе Шираха, показавшееся сначала несправедливо, возбудило впоследствии много къ нему неудовольствія, и желаніе унижить такое открытіе заставило многихъ обнаружить, что искусственное вылаживаніе матки давно уже было извѣстно многимъ простымъ германскимъ, и въ особенности, польскимъ пчеловодамъ. Но если это и дѣйствительно такъ, то все-таки Шираху принадлежитъ честь что это открытіе сдѣлалось достояніемъ науки. Знаменитый нѣмецкій пчеловодъ, Дирзонъ, утверждаетъ, что онъ дозналъ многолѣтними наблюденіями, что время годности личинокъ для вывода изъ нихъ матокъ простирается съ 8—ми дней почти до времени запечатанія ячеекъ и превращенія червячка въ куколку. Изъ этого обстоятельства Кристиъ выводитъ слѣдующія заключенія: 1) что вышнія обстоятельства, какъ-то: обильный кормъ, большая ячейка, въ которой зародышъ имѣетъ болѣе свободы развиваться, производятъ, что изъ всякаго пчелинаго яичка или червячка, изъ котораго вышла бы обыкновенная пчела, можетъ произойти и матка, и 2) что всѣ рабочія пчелы первоначально суть *несовершенныя самки*, изъ которыхъ каждой слѣдовало бы быть одной только степенью болѣе образовавшею для того, чтобъ сдѣлаться *совершенною самкою* и матерью другихъ пчелъ. Впрочемъ, говоритъ Кристиъ, вѣроятно, что дѣтородные члены пчелъ должны быть или очень малы, либо и совершенно изглажены, ибо, какъ не могъ бы примѣтить яичниковъ у пчелъ знаменитый голландскій натуралистъ и анатомикъ *Сва.и.мердамъ*, столь превосходно описавшій и изобразившій маточныя яичники? Какъ не могли примѣтить ихъ великіе натуралисты Миральди и Реомюръ? Между тѣмъ, въ примѣчаніи, Кристиъ присовокупляетъ,

что Реймъ, въ опытахъ своихъ въ 1776 году, утверждаетъ, что у него и рабочія пчелы произвели до ста яицъ, изъ которыхъ выходятъ только трутни, но что ни онъ (Крпстъ), ни Бонне никогда не замѣтили, чтобы пчелы несли яичка. Заключение Крпста очень логическія и поэтому справедливы; но онъ несправедливо допускаетъ совершенное уничтоженіе въ пчелахъ дѣтородныхъ частей, и наблюденіе Рейма въ этомъ случаѣ совершенно вѣрно. Нашимъ пчеловедамъ давно извѣстно, что рабочія пчелы имѣютъ способность нести яички, изъ которыхъ рождаются только трутни, и такихъ пчелъ называютъ *выродками*. Когда пчелиное семейство лишится матки и нѣтъ въ немъ ни яичка, ни червячка, изъ котораго можно бы вывести матку, тогда нѣкоторыя изъ рабочихъ пчелъ кладутъ трутневые яички, только въ небольшомъ количествѣ и безъ должнаго порядка, по два и по три въ одну ячейку. Этихъ пчелъ—матокъ нельзя отличить отъ другихъ пчелъ, и сколько ихъ бываетъ въ семействѣ—неизвѣстно, хотя Пономаревъ и утверждаетъ что не болѣе пяти. Такія пчелы-выродки тѣмъ бываютъ вредны, что ихъ прочія пчелы любятъ какъ матокъ, и поэтому не принимаютъ уже настоящихъ матокъ. Любопытно мнѣніе Прокоповича объ этомъ явленіи, изложенное въ сочиненіи послѣдователя его, Пономарева. Онъ полагаетъ, что каждая пчела, еще въ состояніи червя, *извѣщивается*, или кастрагится другими пчелами, то—есть, лишается своихъ половыхъ органовъ; но когда пчелы потеряютъ свою матку, то, въ безпокойствѣ, забываютъ покопить нѣкоторыхъ пчелъ, которыя поэтому и не лишаются способности быть матками, хотя и несовершенною. — Гипотеза, вызванная только необходимостію чѣмъ—либо объяснить это непонятное явленіе.

Принимая матку за единственную совершенную самку, всѣ вообще пчеловоды и натуралисты, начиная съ Сваммердама, считаютъ самцами трутней. Реомюръ, составившій превосходные анатомическія рисунки половыхъ органовъ трутня, и Реймъ, говорятъ, что они были сами очевидцами совокупленія трутней съ матками, какъ внутри, такъ и внѣ улья, хотя послѣднее, по словамъ ихъ, и рѣдко случается. Матка, по свидѣтельству Реомюра, вскакиваетъ на трутня, пбо мужескій членъ его выходитъ вверхъ, на подобіе дуги, что можно видѣть и въ такомъ случаѣ, если трутня прижать по срединѣ. Но членъ этотъ не можетъ уже обратно войти въ тѣло, пмѣя неровности, препятствующія втащить его, а потому самецъ послѣ совокупленія всегда умираетъ. Губеръ утверждаетъ, что онъ дѣлалъ наблюденія надъ маткою, только—что совокупившеюся будто бы съ трутнемъ, и въ маточ-

никѣ ея ясно видѣлъ бѣловатую сѣмянную жидкость и остатки дѣтородныхъ частей трутня, которыя матка сама изъ себя старалась извлекъ; послѣ чего, говоритъ Губеръ, нѣтъ мѣста сомнѣнію копуляціи матки съ трутнемъ. Такъ думаетъ и Кристь, присовокупляя, что природа для того и обезпечила матку большимъ количествомъ трутней, простирающимся въ ульѣ отъ 300 до 1000. Какъ бы ни было рѣдко это явленіе совокупленія трутня съ маткой, но безъ сомнѣнія могли бы когда-нибудь замѣтить его и многіе другіе пчеловоды, всегда съ особеннымъ стараніемъ употреблявшіе къ тому всѣ средства, между-тѣмъ это никому не удалось; а потому увѣренія Реомюра и Рейма безъ-сомнѣнія ошибочны, а мнѣніе Губера, какъ слыща, видѣвшаго не своими глазами, а глазами своего слуги, еще менѣе достоверно (1). Мнѣніе Реомюра, Рейма и Губера о копуляціи матокъ оспаривали многіе — между прочимъ Ширахъ, который утверждалъ, что его молодыя матки, выпложенныя пчелами, въ особыхъ ящикахъ, изъ червы, куда онъ не впускалъ ни одного трутня, нанесли потомъ значительное число оплодотворенныхъ яичекъ. Это бываетъ и ежегодно съ матками, которыя весною, почти до половины мая мѣсяца, когда еще во всей пасикѣ нѣтъ ни одного трутня, кладутъ пчелиныя и трутневыя лички безъ всякаго, разумѣется, сообщенія съ трутнями. Сваммердамъ, предполагая, что мужескій членъ трутня слишкомъ великъ противъ женскаго матки, думаетъ, что матка оплодотворяется душными частицами, исходящими изъ тѣла самцевъ; это предположеніе, быть-можетъ, и не такъ странно, какъ его обыкновенно считаютъ. При разговорѣ моемъ объ этомъ предметѣ съ Пономаревымъ, прежде нежели я высказалъ ему мое предположеніе, онъ сталъ мнѣ доказывать, что матка кладетъ пчелиныя яйца безъ совокупленія съ трутнемъ. «Въ этомъ,» говоритъ, «я убѣдился неоднократно опытами: часто я, набравши въ маленькій улей немного *мухи*, и впустивши туда только что выплотившуюся матку, отвозилъ его верстѣ за восемь отъ всякой пасѣки, и возвратясь къ нему чрезъ нѣкоторое время, находилъ заложенную пчелиную черву; иногда же ставилъ такіе ульи въ омшаникѣ — и тамъ тоже находилъ чрезъ нѣсколько времени такую же черву.»

Принимая во вниманіе, что матка часто бываетъ плодовита, когда

(1) Копуляція всѣхъ вообще перепончато-крылыхъ насѣкомыхъ, къ какимъ принадлежатъ и пчелы, продолжается долгое время и потому видима нами; отчего же мы не видимъ копуляціи пчелъ?

еще пять трутней, Кристь думаетъ, что матка, оплодотворяясь одинъ разъ трутнемъ, не только сама дѣлается плодовитою на нѣсколько лѣтъ, но передаетъ плодовитость и другимъ, рожденнымъ отъ нея, маткамъ, подобно тому какъ улики, а въ особенности древесныя вшп, которыя, по наблюденіямъ Левенгока, Цестини и Бонпе, могутъ распложаться безъ совокупленія съ самцами даже до шестаго поколѣнія. Еще въ 1848 году, не зная этого мнѣнія Криста, я помѣстилъ, въ «Земледѣльческой Газетѣ» (стр. 361), статью о самооплодотвореніи пчелиной матки, гдѣ изложилъ, что, основываясь на наблюденіяхъ ученыхъ, дѣлаемыхъ надъ пауками, травяною вошью (*arhis*) и разными бабочками, которыя плодятся нѣсколько поколѣній безъ участія самца, быть-можетъ, можно сдѣлать такое же заключеніе и о пчелахъ. Ученый Карлье получилъ изъ яицъ бабочки-липарисъ (*Liparis dispar*) три поколѣнія, изъ которыхъ предпоследнее произвело только однихъ самцевъ; подобное явленіе бываетъ постоянно и у пчелъ, ибо когда состарѣется матка, то она кладетъ только трутневья яйца. Еще разительнѣе представляетъ примѣръ самооплодотворенія *свищевая* матка, которую сами пчелы выплаживаютъ весною и которая потомъ кладетъ яйца, такъ-сказать, отроду не видавъ трутня, потому-что ихъ въ то время еще не бываетъ въ пасикѣ. Сюда можно присоединить еще и примѣръ осы, очень близко подходящей къ пчелѣ. Извѣстно, что осы на зиму все пропадаютъ, а весною являются одни только ихъ матки, которыя, отыскавъ сдѣланное прошлымъ лѣтомъ гнѣздо, кладутъ въ ячейки яйца и производятъ молодыхъ осей, которыя къ зимѣ опять погибаютъ. Мнѣніе мое о самооплодотвореніи пчелиной матки, изложенное въ помянутой статьѣ, было только *предположеніемъ*, а не полнымъ убѣжденіемъ, и написано болѣе для того, чтобы вновь возбудить вниманіе натуралистовъ къ этому важному, но оставленному ими, явленію природы. Все сравненія пчелъ съ другими насѣкомыми, какъ бы они ни были къ нимъ подходящи, не могутъ быть вполне примѣнны. Изъ замѣчанія моего о свищевой маткѣ можно вывести только одно вѣрное заключеніе, что все вообще матки дѣйствительно дѣлаются плодородными безъ участія трутня, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы онѣ получали это свойство, какъ бы по наслѣдству отъ прежде оплодотворенной своей матки, — даже напротивъ, мнѣ кажется, что обстоятельство это можетъ служить опроверженіемъ такого мнѣнія. Извѣстно, что свищевыя матки выплаживаются пчелами по смерти настоящей матки изъ всякаго пче-

лишняго яичка или молодого пчелинаго червя. Эти матки не могли получить отъ прежней матки плодотворной способности болѣе нежели получаютъ ихъ всѣ пчелы, потому что онѣ не могли быть опредѣлены прежнею маткою къ тому назначенію, которое получили по смерти ихъ.

Пѣмецкій пчеловодъ, Лукасъ, признавая неосновательною гипотезу объ оплодотвореніи матки трутнями, въ сочиненіи своемъ о пчеловодствѣ 1796 года, излагаетъ слѣдующее мнѣніе объ этомъ предметѣ: почитая матку совершенною самкою, онъ думаетъ, что самцевъ должно искать только между рабочими пчелами, изъ которыхъ одна часть бываетъ мужскаго пола, а другая — женскаго. Сіи послѣднія — не совершенныя матки, а выродки; будучи неспособны раждать подобныхъ себѣ, они раждаютъ трутней—ублюдковъ, которыхъ какъ строеніе тѣла, такъ и недостатокъ нѣкоторыхъ органовъ дѣлаетъ какими-то уродами, несколько неспособными къ совокупленію, но которыхъ назначеніе, впрочемъ, ему неизвѣстно. Пчелы женскаго пола или несовершенныя самки — трутневия матки, которыя порождаютъ трутней, по мнѣнію его, суть тѣ продолговатыя черныя пчелы, которыхъ называютъ *лакомками*, которыя весной вьются подобно хищнымъ пчеламъ передъ ульями, хотя онѣ вовсе не хищныя пчелы. Такъ-какъ въ то время нѣтъ еще надобности въ самкахъ, то рабочія пчелы мужскаго пола ихъ прогоняютъ, а потомъ, когда выйдетъ молодая муха, настанетъ изобиліе меду, и родится потребность въ совокупленіи, то ихъ принимаютъ. Это сочетаніе, или совокупленіе, самцевъ съ трутневыми матками совершается чрезъ одно цѣлованіе, что можно видѣть даже передъ ульями. Совокупленіе настоящей матки съ самцами изъ рабочихъ пчелъ производится также, по мнѣнію Лукаса, чрезъ соединеніе язычковъ или цѣлованіе, ибо всегда видѣть можно, что матка безпрестанно окружена свитою пчелъ, ласкающихся около нея и цѣлующихся съ нею, протягивая къ ней язычки свои. Сіи-то пчелы суть совершенныя самцы, имѣющіе дѣтородные свои члены напередѣ, такъ какъ и матка. Что же касается того, что эти члены находятся не назадъ, какъ у прочихъ животныхъ, а напередѣ, то этому нечего удивляться, ибо это бываетъ не только у пчелъ, но вообще у всѣхъ тѣхъ насекомыхъ, которыя снабжены жаломъ и ядовитымъ пузырькомъ. Въ подтвержденіе этого послѣдняго обстоятельства, Крпсть присовокупляетъ, что пауки, улятки и проч. имѣютъ дѣтородный членъ напередѣ, улятки — на шеѣ, а пауки — на головѣ, на подобіе усиковъ. Эта замысловатая гипотеза Лукаса, явившаяся въ то время, когда

еще такъ мало было сдѣлано наблюденій надъ жизнью пчелъ, могла дѣйствительно въ свое время обратить на себя большое вниманіе, но теперь, когда извѣстно, что одна и таже матка несетъ пчелиныя и трутневыя яички, гипотеза эта можетъ служить только прихѣтромъ оригинальности взглядовъ. Однако, отвергая мнѣніе Лукаса о существованіи въ пчелиномъ семействѣ особыхъ трутневыхъ матокъ и объ отсутствіи всякаго назначенія въ существованіи трутней, въ вышеназванной гипотезѣ есть нѣчто похожее на истину, о чемъ я скажу ниже.

Въ послѣднее время обратила на себя особенное вниманіе теорія половыхъ отношеній пчелъ, обнародованная сиезскимъ священникомъ, пчеловодомъ Дзирзономъ. Теорія эта имѣетъ тѣсную связь съ предшествовавшими гипотезами по этому предмету и подтверждена весьма сильными авторитетами, каковы: баронъ Берлешъ, повѣрившій всѣ опыты Дзирзона, Зибольтъ и Лейкартъ, доказавшіе микроскопическими изслѣдованіями основательность теоріи Дзирзона. Ученіе Дзирзона состоитъ въ слѣдующемъ: 1) матка оплодотворяется трутнями и оплодотвореніе ея совершается въ воздухѣ, внѣ улья. Въ копуляціи оплодотворяется не личинка, а хранилище сѣмени—пузырекъ, который у молодыхъ матокъ бываетъ наполненъ водянистою жидкостью, по оплодотвореніи же наполняющая его влага имѣетъ бѣлый цвѣтъ; 2) дѣятельность личинокъ пробуждается копуляціею, но не всегда. Пныя неоплодотворенныя матки вовсе не кладутъ яицъ, другія же кладутъ яйца только трутневыя, что иногда случается и съ рабочими пчелами, оплодотвореніе которыхъ Дзирзонъ считаетъ невозможнымъ по недостаточному развитію у нихъ хранилища сѣмени. Яйцо, изъ котораго должна развиться пчелка или матка, должно придти въ соприкосновеніе съ оплодотворенною влагою, наполняющею хранилище семени, а потому произведеніе такихъ яицъ возможно только для матки; 3) матка оплодотворяется однажды и получаетъ запасъ плодотворности на два или на четыре года: для этого матка только разъ въ жизни вылетаетъ изъ улья; если же она не вылетитъ, то остается безплодна навсегда, или будетъ плодить однихъ трутней. Для кладки яицъ на трутня нужно не оплодотвореніе, а способность класть яйца; на это же бываютъ способны и матка и пчелы безъ участія самцовъ. Дзирзонъ навелъ на эту мысль наблюденіе надъ тремя матками, которыхъ крылья были изкалѣчены отъ рожденія, и которыя потому не могли вылетѣть и оплодотвориться, но, не смотря на то; во всю свою жизнь клали трутневые яйца.

Анатомико-микроскопическіе опыты Зибольта, относящіяся къ этому предмету, повидимому во всемъ согласны съ теоріей Дзирзона и тѣмъ самымъ даютъ ей особенную вѣроятность. Зибольтъ, еще въ 1837 году, открылъ присутствіе *живчиковъ* (spermatozoa) въ самкахъ многихъ насекомыхъ и, въ томъ числѣ, въ самкахъ пчелъ, которыхъ онъ долгое время содержалъ отдѣльно отъ самцовъ, и которыхъ, слѣдовательно, нельзя подозрѣвать изловленными послѣ конуляціи. Живчики и самая жидкость, содержащая ихъ, лежатъ у самки въ особомъ хранилищѣ (reservoir seminis, Sieboldt), отдѣленномъ отъ яйцевода. Этихъ живчиковъ онъ находилъ и въ такихъ маткахъ, которыя были плодотворены уже нѣсколько лѣтъ назадъ. Дѣлая микроскопическія наблюденія надъ самыми яичками, Зибольтъ открылъ несомнѣнное присутствіе живчиковъ въ пчелиныхъ яичкахъ и отсутствіе ихъ въ трутневыхъ. Баронъ Берлепихъ дѣлалъ слѣдующіи опыты: имѣя въ виду, что живчики должны быть чувствительнѣе къ холоду, нежели самый организмъ содержащихъ ихъ матокъ, и что слѣдовательно, можно умертвить живчики не умертвивъ матки, т. е. можно отнять у матокъ возможность класть яйца на рабочихъ пчелъ, не отнимая возможности класть яйца на трутней, онъ подвергалъ оплодотворенную матку сильному холоду, положивши ее на ледъ. Изъ трехъ такихъ матокъ двѣ пропали, а одна осталась живою и клала потомъ во всю свою жизнь яйца только на трутней. Наши пчеловоды тоже давно уже замѣтили, что свищовыя матки, вылазживаемыя весною въ холодную погоду, всегда бываютъ трутневыя.

Ученіе Дзирзона о половыхъ отношеніяхъ и о зарожденіи пчелъ, подтвержденное, или лучше сказать, выведенное изъ опытовъ натуралистовъ Лейкарта и Зибольта, Рулье въ сочиненіи своемъ: *Три открытія въ естественной исторіи пчелы*, считаетъ совершеннѣйшимъ, которымъ будто бы разрѣшается окончательно вся таинственность зарожденія пчелы. Но съ этимъ я согласиться не могу.

Во 1-хъ: довѣряя вполне показаніямъ Лейкарта и Зибольта о присутствіи живчиковъ какъ въ хранилищѣ сѣмени у матки, такъ и въ самыхъ яйцахъ пчелиныхъ и объ отсутствіи ихъ въ яйцахъ трутневыхъ, я могу изъ этого вывести только то, что они дѣйствительно тамъ бываютъ, но откуда эти живчики берутся?—этотъ вопросъ, по моему мнѣнію, требуетъ еще изслѣдованій. Дзирзонъ рѣшаетъ его тѣмъ, что матка оплодотворяется трутнями и что для этого она должна непременно, хоть одинъ разъ въ жизни, вылетѣть изъ улья. Это

онъ выводитъ изъ наблюденія своего надъ тремя матками, у которыхъ онъ подрѣзалъ крылья и которыхъ, оттого, будучи не въ состояннн вылетѣть изъ улья, не могли имѣть копуляціи съ трутнями, и поэтому не могли класть яицъ на рабочихъ пчелъ, а только на трутней. Но если наблюденіе это и вѣрно, то тѣмъ не менѣе оно недостаточно. Дзирзону могли попасться три матки, отъ природы уже несовершенныя, какихъ въ пчелиномъ семействѣ множество; иногда изъ десяти вновь-вышедшихъ матокъ едва одна бываетъ доброю, которую пчелы избираютъ для поддержанія ихъ рода, а остальныхъ или умерщвляютъ, или прогоняютъ. Чтобы совершенно убѣдиться въ своемъ предположеннн, Дзирзону нужно было сдѣлать опытъ не надъ тремя, а по крайней мѣрѣ надъ тридцатью матками и то съ самою точною наблюдательностью и съ соображеніемъ еще многихъ другихъ обстоятельствъ этого явленія.

Во 2-хъ: ежели допустить утвержденіе Дзирзона, что матка только одинъ разъ во всю свою жизнь оплодотворяется трутнемъ и залогъ оплодотворенія сохраняетъ на три и четыре года своей жизни, то по закону природы, молодая матка, первое время послѣ оплодотворенія, должна бы быть наиболѣе плодородною, т. е. класть наибольшее количество пчелиныхъ яицъ, а потомъ, постепенно, по мѣрѣ ея старости, класть ихъ менѣе. Но на дѣлѣ мы видимъ совершенно противное: матка бываетъ вначалѣ менѣе плодородна, нежели впоследствии, и даже можно утвердительно сказать, что чѣмъ матка старѣе, тѣмъ она плодovitѣе, кромѣ, разумѣется, послѣдней старости. При этомъ сдѣлаю очень важное замѣчаніе, что большая или меньшая плодovitость матки, кромѣ ея собственнаго достоинства, зависить еще отъ количества пчелъ въ ульѣ: чѣмъ пчелиное семейство сильнѣе, т. е. чѣмъ больше оно имѣетъ мухн, тѣмъ и матка его плодovitѣе, а при маломъ семействѣ матка, самая добрая, кладетъ немного яицъ.

Въ 3-хъ: основное положеніе ученія Дзирзона состоитъ въ томъ, что матка, безъ копуляціи съ трутнемъ, не можетъ класть яицъ на рабочую пчелу и подобныхъ себѣ матокъ. Но я и многіе лучшіе пчеловоды знаемъ положительно изъ опытовъ, что *матка кладетъ яйца и на рабочую пчелу безъ участія трутня*, что, какъ я упомянулъ выше, было первоначально и давно уже замѣчено Ширахомъ, а этотъ фактъ — *кладка пчелиною маткою яицъ на рабочую пчелу безъ копуляціи съ трутнемъ*, въ дѣйствительности котораго я не

сомнѣваюсь, и который каждый пчеловодъ легко можетъ повѣрить, въ особенности надъ свищевыми матками, — разбѣиваетъ совершенно все ученіе Дзпрзона о зарожденіи пчель.

Кромѣ всего этого, мнѣ приходятъ на мысль еще слѣдующія соображенія. 1-е: Одна матка, по увѣренію Прокоповича и многихъ другихъ пчеловодовъ, кладетъ въ годъ до сорока тысячъ яичекъ, а по наблюденіямъ Понамарева даже до ста тысячъ; въ одинъ день она кладетъ иногда до трехъ тысячъ яицъ. Какъ эти яички ни малы, но если взять ихъ всѣ три тысячи вмѣстѣ, то они объемомъ своимъ далеко превзойдутъ брюшко матки, слѣдовательно они не могли образоваться въ ней разомъ заблаговременно. Но неужели же такъ сильна въ маткѣ образовательная способность и такъ много у нея образовательнаго матеріала, что она въ одинъ день можетъ породить сама собою такое огромное количество яичекъ?—2-е. При извѣстной надобности, для того, чтобы матка не закладывала червы, пчеловоды запираютъ ее въ клѣточку, гдѣ, какъ бы долго она ни находилась, (иногда недѣли три) но будучи удалена отъ сообщенія съ пчелами п отъ ячеекъ, она дѣйствительно не несетъ яичекъ, ни весною, когда еще нѣтъ трутней, ни лѣтомъ въ самое сильное время закладыванія червы; но коль скоро вышустятъ ее изъ клѣточки къ пчеламъ, она на другой или третій день начинаетъ уже нести яички въ большомъ количествѣ. Какъ же это объяснить? Если бы матка имѣла сама въ себѣ полную образовательную способность, то она, будучи заперта въ клѣточку, до-того бы наполнилась плодотворной матеріей, что или невольно несла бы яички и клала ихъ, если не въ ячейки, то въ клѣточку, или же умерла бы; но этого съ ней не бываетъ: находясь въ клѣточкѣ очень долгое время, она даже особенно не полихѣтъ и имѣетъ обыкновенное брюшко.

Послѣ всѣхъ изложенныхъ мною замѣчаній и фактовъ, я прихожу къ слѣдующимъ соображеніямъ: Рабочія пчелы, по устройству своего организма, и по способности, въ извѣстныхъ случаяхъ, класть яички, весьма близко подходятъ къ маткамъ; если же онѣ самки, т. е. способны нести какія бы то ни было яички, то нужно, чтобы онѣ, или были оплодотворяемы самцами, или же получали эту способность еще въ зародышахъ отъ своей матки, по примѣру травяной виш или бабочки-шпариса. Если допустить это послѣднее предположеніе, то въ такомъ случаѣ матка, передавъ, какъ будущей другой маткѣ, такъ и всѣмъ пчеламъ, плодотворное начало, не имѣла бы уже надобности

порождать самцев—трутней, до тѣхъ поръ пока бы не истощилось ея оплодотворяющее начало, какъ это бываетъ, по наблюденіямъ Карлье, съ бабочкою-липарисъ. Но мы видимъ, что самцы или трутни паразитируютъ въ пчелиномъ семействѣ ежегодно и въ значительномъ количествѣ: по изчисленію нѣкоторыхъ пчеловодовъ, на двадцать рабочихъ пчелъ приходится по трутню.

У матки нѣтъ физической возможности производить собственными силами организма то огромное количество яицъ, которое она въ одинъ день кладетъ лѣтомъ, и такъ-какъ она, будучи удалена отъ ячеекъ и заперта въ клѣточку, не мечетъ ихъ совершенно, и не обнаруживаетъ особенныхъ страданій отъ избытка въ ней образовательной матеріи, то нѣтъ возможности не усомниться въ основательности ученій (о зарожденіи пчелъ и ихъ половыхъ отношеніяхъ) всѣхъ тѣхъ натуралистовъ и пчеловодовъ, которые признаютъ матку единственною виновницей поддержанія пчелинаго семейства.

Всѣ эти противорѣчія и неполнота теорій могутъ, какъ мнѣ кажется, быть обойдены предположеніемъ, что въ распространеніи пчелинаго семейства, т. е. въ произведеніи новаго поколѣнія пчелъ, участвуютъ не только однѣ матки и личинки, по мнѣнію Дэйрзона, Губера и другихъ, часть трутней, но всѣ вообще существа составляющія пчелиное семейство. Наблюдательные пчеловоды весьма хорошо знаютъ слѣдующее явленіе въ жизни пчелъ: во время кладки яицъ маткою ее окружаютъ рабочія пчелы. Послѣ кладки каждыхъ 7—10 яицъ, матка отдыхаетъ, и въ это время, окружающія ее рабочія пчелы, кормятъ ее и ухаживаютъ возлѣ нея съ особенною заботливостію. Почему не допустить, что кормъ, который въ это время рабочія пчелы передаютъ посредствомъ своихъ язычковъ, маткѣ, есть не простой медъ, но та образовательная матерія, тотъ высшій продуктъ организма пчелъ, изъ котораго производится яйца? Допустивъ это предположеніе, мнѣ кажется, имъ будутъ объяснены многіе факты, бывшіе въ наукѣ пчеловодства до сего времени загадками, и, сверхъ-того, получаютъ болѣе правдоподобное объясненіе тѣ факты, которые имѣли уже нѣкоторые толкованія. При такомъ предположеніи, надобно будетъ допустить, что всѣ рабочія пчелы должны быть оплодотворены трутнями, и въ такомъ случаѣ трутни получаютъ законное мѣсто въ порядкѣ природы, тогда какъ до-сихъ-поръ ихъ считаютъ какими-то уродами или ублюдками, вовсе имъ къ чему негодными и какъ-бы лишними, каковыя предположенія совершенно противны природѣ, которая ни-

чего не создаетъ бесполезнаго или ненужнаго. При господствѣ убѣжденія, что трутни имѣютъ совокупленіе только съ маткой, всѣ старались подемотрѣть исключительно это явленіе, и нѣкоторые, какъ-то Реомюръ и Губеръ, утверждали даже, будтобы видѣли это совокупленіе; но никто до сихъ поръ не обратилъ никакого вниманія на совокупленіе трутней съ пчелами, а потому никто его и не замѣчалъ, между-тѣмъ, есть одно явленіе въ пчелиномъ семействѣ, которое очень похоже на такое дѣйствіе. Когда выходитъ изъ улья рой и носится еще въ пасикѣ, то пчелы, сильно и радостно кружась въ воздухѣ, играютъ съ трутнями, гоняются за ними, ловятъ ихъ, сбиваются съ ними и отбиваютъ ихъ одна отъ другой. Этого явленія никакъ нельзя назвать дракой: трутни видимо выражаютъ восторгъ свой; они весело снуютъ по всему рою и трубятъ самымъ сильнымъ и энергическимъ голосомъ. Такое зрѣлище каждый пчеловодъ видитъ ежегодно, а во время роенія и ежедневно, но, по предубѣжденію, никому не приходитъ въ голову вывести изъ него сказанное мною заключеніе, и каждый относитъ его къ игрѣ или шалости этихъ насекомыхъ. Это предположеніе объясняетъ причину, почему матка, закладывая пчелиную дѣтку, закладываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и трутневую, а особливо передъ роеніемъ. Производя на свѣтъ пчелъ-самокъ, она производитъ для нихъ и соразмѣрное количество самцевъ-трутней. Быть можетъ, даже очень вѣроятно, что пчела, одинъ разъ сокупившіеся съ трутнемъ, сохраняетъ надолго способность плодотворенія, подобно многимъ яйценоснымъ животнымъ, вслѣдствіе чего, старая пчела, въ прошедшемъ году сокупившаяся съ трутнемъ, не имѣетъ болѣе къ тому побужденія, трутни же необходимы только для молодой пчелы. Этому можетъ быть подтвержденіемъ то обстоятельство, что, когда выходитъ первый рой, большею частію съ старою маткой и быть можетъ со старою пчелою, то его сопровождаетъ немного трутней; вторые рой, выходящіе съ молодою маткой и съ большимъ количествомъ молодой мухи, имѣютъ болѣе трутней; третіе же или четвертые рой, состоящіе почти исключительно изъ одной молодой мухи, имѣютъ на половину трутней. и столькоже ихъ остается и въ старомъ ульѣ, гдѣ тоже остается одна молодая пчела. Это очень сообразно съ потребностію пчелы, хотя одинъ разъ въ жизни, сокупились съ самцомъ.

Безъ помощи матки, пчелы не могутъ производить подобныхъ себѣ совершенныхъ существъ; матка же, принимая отъ пчелъ плодотвореніе,

творную матерію и присоединяя къ ней свою, образуетъ настоящія яички, изъ которыхъ рождаются совершенными всѣ виды существъ пчелинаго семейства. Еслибы не было такого отношенія между пчелами и маткой, вслѣдствіе котораго она становится для нихъ единственнымъ существомъ, могущимъ дать полную жизнь ихъ зародышамъ, то, во-первыхъ, пчелы жили бы отдѣльно одна отъ другой, какъ мухи, а во-вторыхъ, между ними не было бы такой сильной любви и взаимности, которая, какъ извѣстно, въ царствѣ животномъ, бываетъ только вслѣдствіе половыхъ отношеній существъ между собою. Какъ пчелы любятъ свою матку, во всемъ ей повинуются, вездѣ за нею слѣдуютъ, кормятъ и берегутъ ее, такъ и матка любитъ своихъ пчелъ, любитъ быть только единственною между ними и потому уничтожаетъ всякую другую матку, а предвидя, съ увеличеніемъ семейства, необходимость для молодыхъ существъ другой матки, уходитъ съ приверженными пчелами изъ стараго жилища и ищетъ себѣ новаго. По такому моему предположенію, рабочая пчела, будучи въ отношеніи къ трутню самкой, становится въ отношеніи къ своей маткѣ самцомъ — какъ бы двуполымъ существомъ, гермафродитомъ.

Вотъ моя гипотеза о половыхъ отношеніяхъ существъ пчелинаго семейства. Быть-можетъ, она и невѣрна, но ею, какъ мнѣ кажется, можно объяснить всѣ явленія, какія до-сихъ-поръ замѣчены въ этомъ насѣкомомъ. Этой гипотезой объясняется и назначеніе трутней, и способность рабочихъ пчелъ класть яйца, и приверженность ихъ къ маткѣ, и необыкновенная плодовитость сеи послѣдней, и, наконецъ, ростъ пчелъ. Матка сначала закладываетъ пчелиную черву, потомъ соответственное ей количество трутневой; когда же семейство ея значительно увеличится, и еще будетъ много червы, отъ которой оно еще болѣе можетъ умножиться, тогда она закладываетъ матокъ, и дождавшись удобнаго времени, сама, съ приверженными къ ней пчелами, оставляетъ улей. Еслибы она захотѣла остаться въ томъ же семействѣ, то она, быть можетъ, не имѣла бы возможности удовлетворить желаніямъ народившагося новаго поколѣнія, которое, оплодотворившись съ трутнями, чувствовало бы необходимость совокуиться съ нею или передать ей свою плодотворную влагу. А потому, она вылетаетъ навсегда изъ улья, вѣроятно вмѣстѣ со старыми пчелами, т. е. уже совокуившимися съ трутнями, и оставляетъ въ немъ новое поколѣніе съ новыми зародышами пчелъ, трут-

ней и матокъ. Когда народится новая муха и вылупится нѣсколько матокъ, тогда опять новая пчела съ трутнями, видя, что въ ульѣ должно еще народиться много новыхъ пчелъ и матокъ, избравъ себѣ новую матку, ищетъ новаго мѣста для своего поселенія.

Эти предположенія были составлены мною еще до 1857 года, до выхода въ свѣтъ сочиненія К. Ф. Рулье: *три открытія въ естественной исторіи пчелы*. По выходѣ этой брошюры, которую я получалъ только въ 1859 году, я думалъ найти въ ней окончательное разрѣшеніе этой двухвѣковой задачи о половыхъ отношеніяхъ пчелъ, и, въ случаѣ опроверженія моихъ предположеній объ этомъ предметѣ, бросить ихъ какъ неудачную мою попытку. Но послѣ самаго внимательнаго и безпристрастнаго обсужденія всего изложеннаго въ этой брошюрѣ, я рѣшаюсь сдѣлать извѣстными мои предположенія, какъ ни мало не опровергнутыя новѣйшими наблюденіями надъ пчелами.

Впрочемъ, моя гипотеза, сколько ни кажется мнѣ удовлетворительною, но чтобы ей быть вполне доказанною или же совершенно отвергнутою, требуетъ многихъ наблюденій и открытій. Нужно прежде всего сдѣлать множество дзирзоновскихъ опытовъ надъ матками съ подрѣзанными крыльями; потомъ, сдѣлать, наиримѣръ, такой опытъ: изъ сильнаго пчелинаго семейства, гдѣ много пчелиной червы, готовой къ выходу и нѣсколько созрѣвшихъ маточниковъ, выгнать всю муху, вырѣзать въ гнѣздѣ трутневую черву, закрыть его и продержать нѣсколько дней въ тепломъ мѣстѣ. Потомъ, когда часть мухи вылупится, раскрыть готовую къ выходу матку и отвезти этотъ улей въ такое мѣсто, куда бы ни одна посторонняя пчела не залетала. Черезъ нѣсколько времени въ этомъ ульѣ вышла бы вся черва, которая, равно какъ и матка, не видѣла бы трутней, и слѣд. не могла бы имѣть съ ними совокупленія. Еслибы тогда матка заложила пчелиную черву въ гнѣздѣ, то этимъ подтвердилась бы гипотеза оплодотворенія матки и пчелъ еще въ зародышѣ ихъ, подобно бабочкѣ-липарисѣ; но еслибы въ такомъ изолированномъ отъ трутней гнѣздѣ вовсе не оказалось никакихъ яичекъ, то это совершенно подтвердило бы мою гипотезу о двуполомъ устройствѣ рабочей пчелы, о совокупленіи ея сначала съ трутнемъ, а потомъ — съ маткой. Я пробовалъ дѣлать такой опытъ, но онъ мнѣ не удавался по близости соседнихъ пасикъ, пчелы которыхъ уничтожали такое гнѣздо, но, быть-можетъ, кому другому онъ и удастся. Но еслибы, послѣ такихъ тщательныхъ и многочисленныхъ наблюденій, подтвердилось и мое предположеніе о

копуляціи пчелъ съ трутнями, и ученіе Дэрзона о копуляціи матки съ трутнями, чего бы я даже желалъ, тогда бы составилось такое понятіе объ отношеніи существъ пчелинаго семейства: матка и рабочія пчелы суть самки; та и другія совокупляются съ самцами трутнями, и послѣ такого совокупленія и въ маткахъ и въ пчелахъ образуется матерія, изъ которой хотя и могутъ образоваться существа, но не совершенныя; но когда матка получивъ отъ рабочихъ пчелъ плодотворную влагу, присоединитъ къ ней свою, въ которой, положимъ, есть и живчики, тогда только, изъ положеннаго ею яичка образуется существо уже совершенное. Такое ученіе, которое соединяетъ въ себѣ всѣ противоположныя мнѣнія наблюдателей, и объединяетъ собою не часть, а уже всѣ извѣстные доселѣ явленія въ жизни пчелинаго семейства, было бы уже вполне истиннымъ и, слѣд., окончательнымъ рѣшеніемъ этихъ таинственныхъ отношеній между собою трехъ различныхъ существъ пчелинаго семейства.

Поэтому я хотя питаю особенное довѣріе къ составленнымъ мною предположеніямъ, но имѣю въ виду также и то, что всѣ доселѣ сдѣланные опыты и наблюденія еще недостаточны для полнаго убѣжденія въ ихъ истинѣ, и если я рѣшаюсь теперь сдѣлать эти предположенія извѣстными, то единственно съ тою цѣлю, что, по мнѣнію моему, гипотезы о какомъ бы то ни было явленіи, какъ бы онѣ ни были полезны, бываютъ часто полезны тѣмъ, что вызываютъ къ труду новыхъ дѣятелей, которые проводятъ новыя идеи, и производятъ новыя, болѣе удачно поставленные опыты, которые, или подтверждаютъ прежнія предположенія изыскателей, или опровергаютъ ихъ и даютъ новое направленіе предмету. Я позволю себѣ надѣяться, что многіе пчеловоды обратятъ на мои предположенія свое вниманіе, и не только попробуютъ пополнить мои наблюденія производствомъ своихъ опытовъ, о которыхъ я упомянулъ выше, но произведутъ также многіе другіе, которые послужатъ въ подтвержденіе или въ опроверженіе моихъ предположеній. Желательно только чтобы эти опыты, и всѣ соображенія пчеловодовъ по этому предмету не оставались безъизвѣстными. Если они въ отдѣльности будутъ неполны и нерѣшительны, то, быть можетъ, изъ соображеній ихъ, можно будетъ впоследствии вывести какое-либо положительное заключеніе. Какъ бы я желалъ, чтобы окончательное рѣшеніе этой двухъвѣковой загадки половыхъ отношеній существъ пчелинаго семейства, надъ которою такъ много трудятся иностранные пчеловоды и натуралисты, досталось бы на долю нашихъ пчеловодамъ!..

При всемъ моемъ несогласіи съ мнѣніемъ Рулье о томъ, что ученіе Дэйрзона будто бы окончательно уже разрѣшило эту задачу, я не могу не отдать полной справедливости покойному профессору за сочиненіе его: *три открытія въ естественной исторіи пчелы*. Это сочиненіе есть первое, которое объяснило намъ историческое развитіе ученія о зарожденіи пчелъ и о половыхъ отношеніяхъ существъ пчелинаго семейства, и заявило, что разрѣшеніемъ вопроса о зарожденіи пчелы занимаются и теперь многіе пчеловоды и натуралисты германскіе. Жаль только, что они оставляютъ безъ вниманія наши наблюденія и мнѣнія.

Въ сочиненіи г-на Рулье находится изображеніе внутренняго устройства брюшка матки, сдѣланное еще Сваммердамомъ.

ПИСЬМО VII.

Второй періодъ состоянія пасѣвки: — роеніе пчелъ. Причины роенія. Два рода роенія. Изобрѣтеніе искусственнаго роенія. Дѣланіе искусственныхъ роевъ. Методы пчеловодства: хозяйственная, промышленная и смѣшанная. Исправленіе слабыхъ пчелъ роемъ. Прекращеніе роенія пчелинаго семейства. Занятіе въ пасѣкѣ во время этого періода.

Роеніе пчелъ есть отдѣленіе части пчелинаго семейства и удаленіе ея изъ роднаго жилища. Это явленіе принадлежитъ къ числу необыкновенныхъ въ природѣ, но крайней мѣрѣ, сколько намъ до сихъ поръ извѣстно, оно свойственно однимъ только пчеламъ. Причина роенія пчелъ, по моей гипотезѣ о половыхъ отношеніяхъ ихъ между собою, есть потребность чувства любви, дарованное природою вообще всемъ тварямъ, но котораго до сихъ поръ натуралисты не признаютъ въ пчелахъ. Когда увеличеніе пчелинаго семейства доходитъ до огромнаго количества, простирающагося иногда до сорока и болѣе тысячъ пчелъ, изъ которыхъ каждой хочется жить и любить: тогда невозможность одной матки удовлетворить любви всѣхъ заставляетъ пчелъ заботиться о выведеніи большаго количества матокъ. Вслѣдствіе этого, пчелы дѣлаютъ маточники, матка кладетъ въ нихъ яички, которыя

потомъ, пчелы, по своему произволу или по чувству потребности, возвращаютъ или уничтожаютъ. Когда выплодятся молодыя матки, тогда старая матка, не желая имѣть себѣ соперницы, удаляется изъ улья, а съ нею и приверженныя къ ней, вѣроятнѣе всего, старыя пчелы. Что улей оставляетъ старая матка, а не молодая, это происходитъ быть можетъ еще и оттого, что въ то время пчелы необыкновенно расположены къ любви, вслѣдствіе чего слишкомъ изобильно осѣменяютъ матку, въ старомъ же ульѣ, гдѣ все гнѣздо занято червою или медомъ, нѣтъ ячеекъ для положенія яичекъ. Сыскавши новое мѣсто, пчелы необыкновенно быстро дѣлаютъ вошину, и по мѣрѣ того какъ она поспѣваетъ, матка кладетъ въ ячейки сѣмена. Молодая же матка, которая остается въ ульѣ, не вдругъ дѣлается плодовитою, и самыя пчелы не вдругъ оплодотворяются трутнями, а потому они удобнѣе могутъ ожидать того времени, когда, по выходѣ червы, будетъ вновь мѣсто и для кладки яичекъ. Эти, по мнѣнію моему, естественныя причины производятъ роеніе пчелъ, которое, поэтому, можно назвать слѣдствіемъ ихъ любви. Это сильное расположеніе пчелъ къ любви и, вслѣдствіе того, сильная плодовитость матки бывають только подъ условіемъ извѣстной, довольно высокой, температуры и при изобиліи хорошаго корма, а потому, когда весна бываетъ теплая и погода постоянная, тогда при хорошемъ кормѣ, даже искусственномъ, пчела будетъ хорошо роняться; напротивъ въ холодную, дождливую и непостоянную весну, она нѣсколько разъ готовится къ роенію и потомъ уничтожаетъ маточники, такъ-что часто мало, или же и вовсе не роняется. Замѣчу еще одно важное свойство роевъ по выходѣ ихъ изъ роднаго своего улья: гдѣ бы вы ихъ ни поставили, они тотчасъ привыкають къ новому своему мѣсту и *роевая муха* никогда не возвращается къ старому семейству, даже если вы какого роя и не поставите отдѣльно и соедините съ другимъ семействомъ, чего, въ другое время, какъ вамъ извѣстно, не бываетъ, и пчела *перосвая* переселенная въ другое мѣсто, всегда возвращается на старое. Поэтому *роевая муха* есть самая удобнѣйшая для усиленія слабыхъ пчелъ.

Кто занимается пчеловодствомъ, какъ хозяйственною статьею и какъ удовольствіемъ, тому зрѣлище выхода роя доставляетъ большое наслажденіе. Сначала виднѣи необыкновенный и быстрый вылетъ пчелы изъ улья, предъ которымъ она сгущается почти облакомъ; потомъ разнообразный, круговращательный полетъ по пасикѣ, гдѣ она видимо наслаждается своею жизнію и—то вертится быстро, то гоняется одна

за другою и сцѣпляется съ трутнями: все это сопровождается самымъ радостнымъ жужжаніемъ, которымъ любитель природы всегда будетъ падаться также какъ шумомъ водопада или ревомъ моря. Къ этому величественному зрѣлищу особенно равнодушны пчеловоды. Кристь говоритъ, что любитель природы не промѣнялъ бы его ни на какое театральное зрѣлище, а для него этотъ пчелный концертъ пріятнѣе иного музыкальнаго концерта, хотя онъ также любитель и музыки. Любуйтесь этимъ зрѣлищемъ смѣло и не бойтесь пчелинаго жала. Пчела въ это время бываетъ очень кротка, и не укуситъ васъ если вы ее не прижмете или не ударите.

Первоначально, въ пчеловодствѣ, было одно только естественное или натуральное роеніе и пчеловоды долго имъ довольствовались; но какъ пчела роится не каждый годъ, а безъ роевъ не знали прежде никакого способа получить отъ пасики значительный доходъ, то придумали еще другой, искусственный, способъ роенія. Поэтому, въ настоящее время два рода роенія: *естественное*, когда пчелиное семейство само собою отпускаетъ роя, и *искусственное*, когда пчеловодъ отбираетъ его отъ семейства, и поэтому первые рои называются *натуральными*, а вторые *искусственными*, или *насильными*.

Когда пчелиное семейство готовится къ естественному роенію, то въ маточникахъ, поставленныхъ на ребрахъ или концахъ вошны, появляются сначала яички, по одному въ каждомъ, потомъ они наполняются постепенно густою, бѣлою наподобіе молока жидкостію, въ которой совершенно тонетъ родившійся изъ яйца червячекъ; наконецъ маточки печатаются, и чрезъ двѣнадцать или четырнадцать дней отъ положенія яичка, выходятъ изъ нихъ матки, послѣ появленія которыхъ въ ульѣ, если только благопріятствуетъ погода, выходитъ первый рой, или *первакъ*, съ старою маткою. Сначала рой летаетъ по насикѣ, а потомъ гдѣ нибудь собирается въ кучку около своей матки, гдѣ будетъ сидѣть часа два; въ это время его убираютъ въ улей. Всегда стараются чтобы рой собрался въ поставленную для того нарочно сборню, патерію растѣніемъ мелиссой или маточникомъ, куда онъ большею частію и садится. Матка перваго рою, будучи старою и сѣмешною, отъ слабости или тягости выходитъ изъ улья очень медленно, а иногда возлѣ нею падаетъ; поэтому искусный насичникъ, во время выхода перваго рою, сидитъ всегда возлѣ летика улья и схватываетъ матку руками, которую, посадивъ въ кѣлочку, ставитъ въ сборню, что значительно ускоряетъ поймку

роя. Первые рой, выходящіе изъ ульевъ имѣющихъ природную матку, которые собственно и называются перваками, имѣютъ ее всегда одну, и поэтому матку сажаютъ въ улей прямо безъ всякой переборки пчелы. Но иногда даютъ роя и такіе ульи, которые, лишившись природной своей матки, вывелили потомъ у себя нѣсколько свищевыхъ матокъ, и какъ въ такихъ рояхъ, хотя и первакахъ, бываетъ по нѣскольку матокъ, то, при посадкѣ ихъ въ улей, перебираютъ пчелу, излавливаютъ всѣхъ матокъ и даютъ рюю только одну лучшую; такимъ же образомъ поступаютъ при вторыхъ и третьихъ рояхъ. Пчеловодамъ часто кажется, что первые рой выходятъ прежде нежели изъ маточниковъ выйдутъ молодыя матки. Это потому, что они въ то время видятъ наружные маточники, бывающіе на концахъ вошцы; но пчелы закладываютъ прежде маточники внутри гнѣзда, которыхъ нельзя видѣть, и изъ которыхъ, какъ прежде заложенныхъ, матки выходятъ ранѣе. Появленіе этихъ матокъ можно узнать по ихъ писку или шѣнію, которое отличается совершенно отъ пчелинаго жужжанія и слышно даже внѣ улья, особенно вечеромъ. По выходѣ изъ улья первака, дней черезъ шесть, а иногда ранѣе или позже, выходитъ другой рой, или *другакъ*; потомъ черезъ день послѣ сего третій, и такъ далѣе. Всѣ эти рой выходятъ уже съ молодыми матками, которыхъ имѣютъ отъ одной и до десяти, вслѣдствіе чего посадка ихъ въ улей должна производиться съ переборкою пчелы. Вторые и послѣдующіе рой бываютъ менѣе первыхъ, а потому не всегда сажаются отдѣльно, но соединяются по два или по три роя въ одно семейство. Иногда, въ хорошее лѣто, первые рой даютъ сами роевъ, которые называются *парои*.

Вообще при натуральномъ роеніи, слѣдуетъ имѣть правиломъ: 1-е, сажать большіе, сильные рой, потому что слабые будутъ худо плодиться, и мало внесутъ меду. Величину ихъ можно соображать съ временемъ. Если роѣба началась рано, то вначалѣ можно ставить рой и не такъ сильные съ двумя фунтами мухи, потому что ко времени взятка онѣ усилятся еще сами собою усилиться, но съ приближеніемъ взятка необходимо ставить ихъ сильнѣе; рой же, выходящіе въ самое взяточное время, должны быть какъ можно сильнѣе, фунтовъ до шести. 2-е. Не ослаблять старыхъ пчелъ. Поэтому не слѣдуетъ желать, чтобы улей слишкомъ ронлся; достаточно, если онъ дастъ одного роя и, развѣ очень сильный, двухъ; еслижъ онъ будетъ рониться болѣе, то не допускать его къ тому, извѣстными способами;

иначе онъ до-того изростетъ, что не только будетъ хуже роевъ своихъ, но можетъ и совершенно погибнуть. 3-е. Не допускать въ одномъ роѣ нѣсколькихъ матокъ, отчего пчелы бунтуются и часто оставляютъ улей; но, отобравъ всѣхъ матокъ, дать рою одну любимую матку и то, сначала, въ клѣточкѣ.

Другой видъ роевъ составляютъ искусственные или насильные рои. Самовыплаживание пчелами свищевой матки открытъ, въ концѣ прошедшаго столѣтія, какъ я уже говорилъ выше, нѣмецкій пчеловодъ и натуралистъ Ширахъ, который, заключивъ въ нѣсколько отдѣльныхъ ящичковъ по одному соту съ пчелыной дѣткой и пчелой, увидѣлъ потомъ, что въ каждомъ изъ нихъ пчелы сами вывели себѣ матокъ. Это подало ему мысль къ дѣланію искусственныхъ роевъ, чѣмъ онъ доказалъ неслыханную до того новость, что изъ cadaго пчелинаго червя, до трехдневнаго его возраста, можетъ выплодиться пчелиная матка, между-тѣмъ какъ въ то время думали, что пчелиная матка рождается только изъ особыхъ личекъ, которыхъ будто бы матка несетъ много, но пчелы ихъ прячутъ въ особомъ мѣстѣ и хранятъ до надобности. Открытіе Шираха развило въ-особенности французскій пчеловодъ Пальто, а Крестъ изложилъ очень много правилъ и пріемовъ дѣланія искусственныхъ роевъ. Нашъ Прокоповичъ обогатилъ это открытіе многими новыми наблюденіями и правилами, и первый сдѣлалъ извѣстною у насъ эту методу роенія. Въ настоящее время, ученикъ и послѣдователь его Пономаревъ, въ своемъ сочиненіи о пчеловодствѣ, объяснилъ этотъ предметъ самымъ лучшимъ образомъ.

Искусственный рои отбирается отъ пчелинаго семейства преимущественно въ то время, когда оно уже само готовится къ роенію и имѣетъ уже печатные маточники или только налитые, называемые *назолки*. Рои съ назолковъ я и буду называть собственно *искусственными*. Но очень часто они отбираются гораздо ранѣ появленія зародыша въ маточникахъ, когда въ ульѣ бываетъ много мухъ и много червы. Такіе рои, взятые съ червы, я буду называть, для различія отъ первыхъ, *насильными*. Преимущество искусственныхъ роевъ предъ натуральными состоитъ въ томъ, что, 1-е, рои эти можно дѣлать произвольной величины, тогда-какъ натуральные бываютъ величины случайной; 2-е, при натуральномъ роеніи, когда нѣсколько роевъ выходитъ вмѣстѣ, они смѣшиваются и уничтожаютъ или калѣчатъ много матокъ; разбирать ихъ потомъ трудно: этого не бываетъ при искус-

ственномъ роеніи; 3-е, насильными роями вѣрнѣе и значительнѣе увеличивается пасика, тогда—какъ неблагоприятная погода можетъ очень уменьшить натуральное роеніе или, даже, совершенно не допустить его; когда же пасика не увеличится роями, то, при употребленіи исключительно цѣльныхъ ульевъ, нельзя получить много дохода отъ пасики, какъ уничтоженіемъ старыхъ пчелъ и чрезъ то уменьшить ее комплектъ. Недога же искусственныхъ роевъ противъ натуральныхъ заключается въ томъ, что они, 1-е, требуютъ вывозки ихъ изъ пасѣки; если же оставляются въ ней, то требуютъ много заботъ и предосторожностей; 2-е, ихъ труднѣе отбирать нежели натуральные, и 3-е, въ ульяхъ, изъ которыхъ взяты насильные рои съ червы, выводятся не натуральныя матки, а свищевыя, которыя, какъ извѣстно, не всегда бываютъ добрыми.

Выгоды и недостатки одного и другаго вида роенія пчелъ породили много мнѣній и споровъ, которые и теперь еще остаются нерѣшенными. Одни пчеловоды придерживаются только натурального роенія и свойственной ему методы пчеловодства, доказывая основательность своихъ убѣжденій, кромѣ трудностей операций, требуемыхъ искусственнымъ роеніемъ, преимущественно тѣмъ, что отъ сего послѣдняго роенія заводится въ пасикѣ много свищевыхъ матокъ, которыя, если и бываютъ добрыми, то недолговѣчны, а также и тѣмъ, что искусственные рои составляютъ большой рискъ, и если отъ нихъ, при хорошемъ взяткѣ, бываетъ большая выгода, за то не только при худомъ, но даже при посредственномъ взяткѣ, погибаютъ какъ самые рои, такъ и старыя семейства, которыя такимъ роеніемъ ослабляются и получаютъ дурныхъ матокъ. Методы натурального роенія придерживаются, большею частію, простолюдины и помѣщики, неимѣющіе ученыхъ и опытныхъ пасичниковъ; ее можно назвать *натуральною* или *хозяйственною* методою пчеловодства. Другіе же пчеловоды, напротивъ, не ожидая натурального роенія, которое не всегда бываетъ успѣшно, въ видахъ полученія отъ пасики бѣльшей прибыли, берутъ насильные рои изъ каждаго улья, изъ котораго только можно ихъ взять, не смотря на то, готовится ли онъ къ роенію или нѣтъ, и такимъ способомъ быстро увеличивая, даже удвоая, свою пасику, въ хорошее лѣто получаютъ очень значительный доходъ. Эту методу можно назвать *промышленною*, потому что ее употребляютъ большею частію пчеловоды—промышленники, думающіе только о наивозможно-большемъ полученіи дохода отъ своей пасики. Этой методѣ слѣдуютъ у насъ

всѣ пчеловоды-старообразцы, живущіе въ Новозыбковскомъ уѣздѣ и служащіе паспчниками у многихъ помѣщиковъ другихъ уѣздовъ. При благопріятномъ лѣтѣ, быстрое увеличеніе пасики и большое количество продаваемого меда, удивляя и восхищая многихъ, заставляють ихъ слѣпо слѣдовать этой промышленной методѣ. Но какъ послѣдствія ея, при неблагопріятномъ лѣтѣ, бывають иногда до-того пагубны, что разомъ уничтожается почти вся пасика, то нельзя сказать, чтобы она была дѣйствительно лучше хозяйственной методы. — Которой же изъ нихъ слѣдовать?—По моему мнѣнію, въ простомъ пчеловодствѣ, при неопытныхъ паспчникахъ, гораздо лучше придерживаться натуральнаго роенія; но кто имѣеть у себя знающаго паспчника, тотъ долженъ въ этомъ случаѣ избрать путь, указанный намъ Прокони-чемъ и объясненный Пономоревымъ, который я постараюсь изложить здѣсь систематическимъ образомъ.

Начну съ того, что искусственные рои не всегда берутся только по произволу пчеловода, но иногда они составляютъ необходимость; такъ, во 1-хъ, бывають такія пчелиныя семейства, которыя независимо отъ погоды, то приготовятся къ роенію, то уничтожать назоки, что повторяи нѣсколько разъ, потомъ совершенно не роятся. Съ такихъ пчель необходимо взять искусственные рои, иначе вы потеряете новое и хорошее пчелиное семейство. Во 2-хъ, ныя семейства бывають до-того сильны, что мухи въ нихъ полонъ улей, а между-тѣмъ, хотя уже и роевая пора, но они и не думаютъ роптеть, и ежели ихъ такъ оставить, то они впоследствии ослабѣють; съ такихъ пчель, по тому же расчету, необходимо брать насильные рои, хотя бы то и съ червы. Въ 3-хъ, при перевозкѣ пасѣки ныя пчелы до-того бывають сильны, что едва помѣщаются въ ульѣ; если изъ нихъ не взять насильныхъ роевъ, хотя бы они впоследствии и могли дать натуральныхъ, то они могутъ задохнуться или обломать соты. Этихъ трехъ случаевъ достаточно уже, чтобы видѣть, какъ много теряють тѣ, которые придерживаются одного натурального роенія. Но польза искусственнаго роенія очевидна еще и въ другихъ случаяхъ, а именно: 1-е. Въ большой пасикѣ, гдѣ въ одинъ день выходитъ пятьдесятъ и болѣе натуральныхъ роевъ, они непременно смѣшаются, отъ чего погибнуть многія хорошія матки, и самый разборъ ихъ будетъ труднѣе ежели взятіе искусственныхъ роевъ; кромѣ того, изъ пятидесяти роевъ натуральныхъ едва удастся пасѣчникамъ поставить тридцать, тогда какъ взявши эти пятьдесятъ роевъ искусственнымъ образомъ

вы не подвергнете ихъ никакимъ приключеніямъ и всё они будутъ цѣлы и хороши; 2-е. Многія сильныя пчелы даютъ очень слабыхъ натуральныхъ роевъ; а искусственнымъ образомъ можно взять у нихъ рой желасмой величины; 3-е. Съ первыми роями, которые всегда бываютъ лучшими, обыкновенно выходятъ старыя матки, которыя, вылетая изъ улья, иногда отъ слабости, и въ самую тихую погоду падаютъ на землю и теряются, а потеря такой матки очень значительна; но этого не бываетъ, когда эти рой отбираются искусственнымъ образомъ.

Но эта метода искусственныхъ роевъ, при всѣхъ своихъ выгодахъ, будетъ не только бесполезною, но даже губительною, если брать насильно рой безъ всякаго соображенія, на—удачу, какъ дѣлаютъ большею частію пчеловоды — промышленники, а потому въ ней слѣдуетъ руководствоваться слѣдующими правилами: 1-е. Брать рой только съ *прибора*, т. е. изъ тѣхъ шней, въ которыхъ появляются печатные или налитые маточники, назопки, чрезъ — что не только рой будутъ хороши, но пчорки будутъ имѣть натуральныхъ матокъ, и слѣдовательно не заведется въ пасикѣ множество свищевыхъ матокъ, какъ бываетъ при промышленной методѣ. 2-е. На основаніи этого правила, а также вслѣдствіе того, что рой, выходящіе натурально съ старыми матками, часто ихъ теряютъ, должно всё первые рой, особливо въ большой пасикѣ, отбирать непременно искусственно. 3-е. Въ трехъ вышеуказанныхъ мною случаяхъ, а именно, когда пчелы, приготовляясь къ роенію, уничтожаютъ потомъ свои назопки, когда онѣ, будучи очень сильны, не готовятъ роевъ въ самое роевое время и, наконецъ, при перевозкѣ пасики изъ ульевъ, полныхъ муху, необходимо брать искусственнымъ образомъ рой не только съ приборныхъ пчелъ, но даже съ червы. 4-е. Всѣхъ вообще искусственныхъ роевъ, особенно раннихъ, сажать на медки, и позднѣйшихъ, за неимѣніемъ медковъ, на вощанки, и отбирать ихъ не иначе какъ въсомъ; ранніе рой могутъ быть меньше, а поздніе — больше. Меньшіи въсь раннихъ роевъ, сажаемыхъ на медки, можетъ быть два съ половиною фунта; по мѣрѣ приближенія взятка нужно постепенно увеличивать въсь ихъ до шести фунтовъ, а для сажаемыхъ на вощанки, — что можно дѣлать только при началѣ яришнаго взятка, — меньшіи въсь можетъ быть пять фунтовъ. 5-е. При отборѣ искусственныхъ роевъ, кромѣ знанія правилъ, должна быть соблюдаема акуратность, большая осторожность и необходимое проворство, — чего ловкій пасѣчникъ при

частыхъ опытахъ можетъ легко достигнуть. Легче отобрать искусственные рои изъ тѣхъ ульевъ, у которыхъ снимается дно и пчела гонится чрезъ голову улья. Въ липечныхъ ульяхъ ловкимъ паспчникомъ отбирается рой въ пять и не болѣе десяти штукъ. 6-е. Въ-особенности надобно стараться, чтобы рой эти *по посадкѣ въ ульи* не слетали на старые ульи: въ такомъ случаѣ они ослабѣютъ и пропадутъ, и вы только напрасно разстроите старое семейство. Для этого, лучше всего вывозить ихъ изъ паспки въ другое мѣсто, не ближе четырехверстнаго разстоянія: поэтому, выгоднѣе всего отбирать ихъ при перевозкѣ паспки. Но можно ставить и въ одной паспкѣ каждый рой возлѣ его изройка, по способу ихъ раздвиганія, въ особенности если ульи въ паспкѣ стоятъ рѣдко, не менѣе сажени одинъ отъ другаго. Этотъ способъ, однакожъ, требуетъ большой внимательности паспчника; при заботливости и знаніи, онъ также безопасенъ, какъ и первый. Я всегда употребляю этотъ способъ, и всегда удачно, а перевозкой пользуюсь только при случаѣ. Способъ этотъ объясненъ мною въ письмѣ XI-мъ.

Руководясь этими правилами, при искусствѣ и ловкости паспчника, вы всегда будете имѣть отъ своей паспки болѣе выгоды, нежели въ томъ случаѣ, еслибы вы придерживались исключительно одного только натурального роенія, и будете подвергаться менѣе риску, нежели при промышленной методѣ. Вы будете всегда имѣть больше и лучшихъ роевъ, которые, такъ же какъ и ихъ изройки, сдѣлавшись къ яриному взятку сильными, даже при посредственности его, внесутъ достаточно меду и, слѣдовательно, вы получите большую пользу. Совершенно скудный взтокъ будетъ конечно губеленъ для паспки, но это самое случилось бы и при натуральномъ роеніи, ибо, по этой методѣ, насильнымъ роеніемъ вы берете почти тѣхъ же натуральныхъ роевъ только искусственнымъ образомъ. Методу эту, для отличія ея отъ натуральной, промышленной, я назову *сильшанною*, такъ-какъ въ ней приняты всѣ три рода роенія: натуральное, искусственное и насильное. Всѣ эти три методы, имѣющія цѣлю главнымъ образомъ увеличеніе паспки, предполагаютъ полученіе отъ нея дохода не иначе, какъ посредствомъ уменьшенія количества паспки увеличившейся рояли, чрезъ умерщвленіе части ея пней, — о чемъ я буду говорить впоследствии.

Для тѣхъ пчеловодовъ, которые держатъ пчелъ въ цѣльныхъ ульяхъ, всѣ эти способы роенія не представляютъ достаточно надежнаго

способа для получения хорошаго дохода въ перонстое лѣто. Не увеличивая числа семействъ, они должны лишиться почти всякаго дохода отъ пасики; съ другой стороны, не зная, будетъ ли впереди хорошій и продолжительный взятокъ, они не могутъ рѣшиться брать насильныхъ роевъ съ червы, потому что, въ случаѣ неудачи, они рискуютъ потерять всю пасику. Поэтому во всякое перонстное лѣто эти человоды бывають сначала въ большомъ недоумѣніи, а по истеченіи его, если они были осторожны, то почти не получаютъ дохода отъ пчель; если же дѣйствовали на авось, то торжествуютъ удаче риска или оплакивають потери. Эти обстоятельства бывають причиною всѣхъ тѣхъ безкопечныхъ толковъ о преимуществахъ различныхъ способовъ роенія пчель, которые постоянно ведутся между пасичниками, и частыхъ перемѣнъ убѣжденій пасичниковъ, послѣ испытанныхъ ими потерь или удачъ. Въ продолженіи моихъ занятій пчеловодствомъ, обсуждая и испытывая всѣ эти методы, я подвергался также частымъ колебаніямъ, но наконецъ рѣшилъ мои недоумѣнія только тѣмъ, что оставилъ цѣльные ульи и ввелъ составные, и теперь рѣшаюсь сказать, что одно только веденіе пчель въ составныхъ ульяхъ есть единственное средство, которое можетъ избавить человода отъ рисковъ и колебаній, при избраніи системы роенія пчель, и принести ему, во всякомъ случаѣ, обильный доходъ. Въ такой пасикѣ, еслибы роевъ и вовсе не было, при изобильномъ взяткѣ, получится тотъ же самый доходъ безъ уменьшенія насики, какой бы могъ получиться и при роеніи, а иногда и болѣе; въ случаѣ же скуднаго взятка, нѣтъ риска лишиться всей пасики. Особенно легко и удобно достигается все это въ линеечныхъ ульяхъ, о чемъ я буду говорить впоследствии. Прежде нежели я достигну въ своей пасикѣ до надлежащаго количества линеечныхъ ульевъ, я придумалъ еще одну особую методу для получения и изъ цѣльноулейной пасики значительнаго дохода, не уменьшая увеличившагося роями количества насики и не подвергая ее, въ случаѣ неблагоприятнаго взятка, значительному риску, — о чемъ также скажу въ другомъ мѣстѣ.

Теперь обратимся къ занятіямъ въ пасикѣ въ продолженіе періода роенія. Они бывають слѣдующія:

1. *Отборъ и посадка роевъ.* Въ это время пасичникъ долженъ неотлучно находиться въ пасикѣ, и къ нему, смотря по величинѣ ея, нужно еще прибавить рабочихъ людей, проворныхъ и хотя нѣсколько приученныхъ къ обращенію съ ульями. При пересмо-

трѣ пасики, почти ежедневномъ, необходимо отмѣчать приборные ульи установленными для того знаками, изображающими различный возрастъ маточниковъ, и, при натуральномъ роеніи, слѣдить за приборными ульями, не прозввать выхода роя; при выходѣ перваковъ, сидѣть у самаго летика и стараться изловить матку, а потомъ, собравши рой, сажать ихъ, со всѣми предосторожностями, въ заблаговременно приготовленные, съ медками или вощанками, ульи. По выходѣ вторыхъ и послѣдующихъ роевъ, въ которыхъ большею частію бываетъ нѣсколько матокъ, никогда не сажать ихъ въ ульи, не отобравъ всѣхъ матокъ, какъ то дѣлаютъ простолюдины, отъ чего матки дерутся, иногда погибаютъ лучшія изъ нихъ, и рой бунтуетъ. Наблюдать, чтобы натуральные рой имѣли достаточно силы, и ежели выходятъ малые рой, то ихъ или соединять по два вмѣстѣ, или же усиливать ими слабыхъ перваковъ, или взройковъ. При искусственномъ роеніи, изъ отмѣченныхъ вечеромъ приборныхъ ульевъ, на слѣдующее утро отобрать рой, и стараться кончить это пораньше, до вылета пчелы на взятокъ, если только погода не сдѣлается холодною. При этомъ надобно стараться какъ можно скорѣе изловить матку, ибо чѣмъ она скорѣе будетъ поймана, тѣмъ скорѣе сдѣлается искусственный рой, но надобно быть также очень осторожнымъ, чтобы не задавить ея. Для отбора искусственныхъ роевъ поставить попарно пасичника съ рабочими и каждой парѣ брать рой особю, что ускоряетъ работу. По отборѣ роевъ, непременно по вѣсу мухи и по посадкѣ ихъ въ ульи, необходимо или вывозить ихъ изъ пасики, или же ставить возлѣ ихъ взройковъ, поступая при этомъ такъ, какъ будетъ сказано въ письмѣ XI-мъ. По посадкѣ въ ульи какъ искусственныхъ, такъ и натуральныхъ роевъ, необходимо сдѣлать на нихъ постоянную надпись года и дня посадки роя, а также первый ли или второй рой; на взройкахъ отмѣтить время выхода, или отбора изъ нихъ, роевъ, что необходимо какъ для наблюденія надъ роями, такъ и для другихъ работъ. Изъ ульевъ, у которыхъ взяты первые искусственные рой, вторые выходятъ большею частію натурально; но если они не выходятъ, а въ взройкѣ сила и черва большая, то можно брать и вторые рой искусственно, но уже такъ, что для роя забрать почти всю муху, а на взройка, въ которомъ останетя много червы, накинуть маленькаго натурального ройка.

2. *Усиленіе слабыхъ.* Когда нѣкоторые пчелиныя семейства отъ какихъ либо обстоятельствъ ослабѣли, то въ это время представляется

самый лучший случай ихъ усилить. Для этого уже не нужно подбавлять имъ мухи изъ другихъ ульевъ, пересаживать, или переставлять ихъ — какъ дѣлалось до роибы, а стоить только накупить имъ натурального роика, такого, котораго особо сажать не слѣдуетъ, или прибавить имъ сколько нужно роевъ мухи, имѣющей свойство тотчасъ привыкать къ новому своему жилищу и не возвращаться въ старое. Такія усиленные пчелы, если уже и не будутъ роняться, то, по крайней мѣрѣ во время взятка, внесутъ довольно меду и будутъ хорошими *зимовиками*—пчелами, оставляемыми въ зиму. Вообще надобно постоянно помнить основное правило, что выгоднѣе имѣть менше пчелъ, но сильныхъ, нежели много слабыхъ, а потому не слѣдуетъ стараться каждый небольшой роекъ сажать въ отдѣльный улей, но лучше употребить его на усиленіе слабаго.

3-е. *Недопущеніе изройковъ до ослабленія.* Иныя пчелы даютъ двухъ и болѣе роевъ, которые, будучи всегда небольшими, не могутъ быть сажасмы отдѣльно; изройки же при этомъ сильно ослабѣваютъ. Для предупрежденія этого нужно въ старомъ ульѣ, по выходѣ изъ него перваго или втораго роя, смотря по силѣ его, посчитать всѣ маточки; если же и послѣ сего онъ будетъ продолжать отпускать роевъ, то нужно выгнать изъ него всю муху и, соединивъ ее съ вышедшимъ роемъ, посадить въ особый улей, т. е. сдѣлать насильнаго втораго роя, а на гнѣздо изройка накупить маленькаго натурального роика. Ко взятку они будутъ оба хороши, а безъ этого они будутъ оба слабы и, слѣдов., не въ состояніи будутъ внести себѣ достаточно на зиму меду. Вообще на изройковъ надобно обращать большое вниманіе и не допускать ихъ до слабости: они болѣею частію предназначаются для полученія отъ нихъ меду въ доходъ, а потому нужно чтобъ было кому работать и наполнять медомъ ихъ длинные заіосы. Но многіе пасѣчники объ этомъ не заботятся и, какъ остроумно замѣчаетъ Пономаревъ, хотя, во время большаго выхода роевъ, въ пасикѣ у нихъ есть такіе изройки, которые едва существуютъ, но они бѣгаютъ, ищутъ новой посуды и дорого за нее платятъ, не подозрѣвая вовсе того, что у нихъ есть очень достаточно ульевъ — слабыхъ изройковъ, куда они могли бы посадить рой, и не только избавили бы себя отъ хлопотъ и убытка, но даже получили бы гораздо больше пользы, нежели сажая каждый маленькій рой отдѣльно.

4-е. *Исправленіе безматковъ.* Во время роенія, когда такъ

много молодыхъ и хорошихъ матокъ, надобно всѣмъ тѣмъ семействамъ, которыя не имѣютъ матокъ или имѣютъ худыхъ, дать новыхъ хорошихъ матокъ. Въ это время слѣдуетъ: 1-е, удостовѣриться въ качествахъ свищевыхъ матокъ, ежели таковыя завелись въ нѣкоторыхъ семействахъ, и если онѣ дурны, то перемѣнить; 2-е, наблюдать, есть ли матки и хороши-ли онѣ у первыхъ искусственныхъ или натуральныхъ роевъ, — что узнается по червѣ и другимъ признакамъ гнѣзда, и въ случаѣ неблагополучія дать новыхъ матокъ, за которыми опять имѣть такое же наблюдение; 3-е, наблюдать за качествомъ матокъ у тѣхъ изройковъ, которые не предназначаются для подкурки на медъ, а пойдутъ въ зиму или на перегоны; у тѣхъ же, которые назначаются на медъ, если матки нѣтъ, особенно если это случится уже во взяточное время, то нѣтъ надобности давать ее имъ, и даже иногда лучше, если можно лишить ихъ матки. Въ такихъ изройкахъ, по выходѣ изъ ячеекъ всей червы, прежде нежели свищевая матка будетъ способна класть яички, пчелы заляютъ медомъ всю вошину, а отъ этого по окончаніи взятка, у нихъ не только будетъ болѣе меду, но медъ, сверхъ того, будетъ совершенно чистый и безъ червы.

5-е. *Кормленіе пчелы.* Въ роевое время, если въ природѣ нѣтъ обильнаго взятка, вся пасека требуетъ хорошаго корму отъ хозяина; особливо онъ нуженъ молодымъ ролямъ, которые, если не будутъ достаточно кормлены, то, ослабѣвъ, или погнѣнутъ, или же если доживутъ до яричнаго взятка, то не будутъ въ состояніи внести себѣ достаточно меду на зиму. Поэтому, въ роевое время нечего жалѣть меду и надобно кормить, какъ вообще всю пасику на корыто, такъ особливо рой, тѣмъ—болѣе въ ненастную погоду, подставкою меду въ корытцахъ.

6-е. *Перевозка пасики.* Пасики, расположенныя въ лѣсной или луговой мѣстности, гдѣ бываетъ изобиліе весенній взятокъ, болѣею частию отронваются на мѣстѣ, до яричнаго взятка; по полевая пасики роятся позже, и очень часто роеніе ихъ происходитъ въ то время, когда нужно перевозить пасику къ степному или яровому взятку. Такая необходимость перевозки, кромѣ пользы хорошаго взятка, можетъ быть выгодна и для роенія. Если вы вспомните необходимость отвоза изъ пасики всѣхъ насильныхъ роевъ, то догадаетесь какъ можно воспользоваться въ этомъ случаѣ перевозкою пасики. Если перевозка пасики случится въ роевое время, то сначала нужно постепенно отвозить въ избранное новое мѣсто всѣхъ взятыхъ прежде искусствен-

ныхъ роевъ и усиленныхъ пчелъ, а потомъ, во время самой перевозки, взять сильные рои изъ всѣхъ тѣхъ ульевъ, которые къ тому назначены вами, и, по отвозѣ ихъ изройковъ, дня черезъ два, перевезти ихъ въ новую пасику.

Когда будутъ приняты во вниманіе всѣ изложенныя въ этомъ письмѣ правила, тогда къ яриному взятку — этому важнѣйшему періоду пчеловодства, при благоприятной, разумѣется, погодѣ, пасика будетъ не только обильна роями, (иногда удвоится), но всѣ рои, изройки и старыя пчелы или *нерои* будутъ обильны мухою — этою рабочею силою, которой чѣмъ больше въ ульѣ, тѣмъ лучше; и ежели будетъ хорошій взятокъ — медъ полетится рѣкою въ пасику, и каждый улей внесетъ его не только достаточно для своего, почти годоваго, существованія, но и для дохода хозяина. Въ противномъ же случаѣ, при слабости пчелиныхъ семействъ, при недостаткѣ рабочей мухи, и самыи изобильной взятокъ принесетъ хозяину мало пользы, а при посредственномъ взяткѣ всѣ слабые рои и изройки подкурятся сѣрой, и удвоенная пасика вдругъ уменьшится наполовину своего весенняго количества, не принеся хозяину никакого дохода.

(VIII-е письмо въ слѣдующей книжкѣ.)

КРАТКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ КРАЯ,

НАСЕЛЕННАГО ЮЖНОРУССКИМЪ (УКРАИНСКИМЪ ИЛИ МАЛОРОССІЙСКИМЪ) НАРОДОМЪ.

Страна, населенная Южноруссами (Украинцами, Малороссами), занимаетъ часть Восточной Европы. Протяженіе ея съ запада на востокъ занимаетъ собою почти 20 градусовъ долготы, т. е. отъ 38 до 58 градусовъ восточной долготы (считая отъ острова Ферро), что составитъ слишкомъ 1,800 верстъ. Наибольшее протяженіе съ сѣвера на югъ простирается до 900 верстъ, т. е. отъ 44 градусовъ 30 минутъ, до 53 градусовъ 45 минутъ сѣверной широты.

Изъ разсмотрѣнія *границъ* Южной Руси читатели увидятъ, что край этотъ имѣетъ весьма разнообразную фигуру и входитъ въ составъ двухъ государствъ: Россіи и Австріи; меньшая часть (одна четырнадцатая) принадлежитъ послѣдней.

На западѣ граница Украины начинается отъ г. Саидеча, въ Галлиціи, въ 10-ти миляхъ отъ Кракова, и идетъ на сѣверо-востокъ чрезъ г. Ярославъ въ Царство Польское до мѣстечка Туробина и далѣе; отсюда граница поворачивается на востокъ, переходитъ Западный Бугъ и идетъ на Ковель и по южной долинѣ р. Припети до ея впаденія въ р. Днѣпръ при м. Старе-мѣсто; отсюда граница идетъ на сѣверъ по Днѣпру до м. Лоева и потомъ на сѣверо-востокъ до г. Мглина, самаго сѣвернаго пункта южнорусскаго населенія. Отъ Мглина Украинское населеніе граничитъ съ великорусскимъ (Орловскою губерніею) и идетъ на юго-востокъ; далѣе,—въ Курской губерніи, съ точностію границу эту опредѣлить нельзя, потому что нѣкоторыя селенія Украинскія находятся восточнѣе Курска, и нѣкоторыя великорусскія села

лежать близъ границъ Черниговской губерніи. Отъ г. Богодухова на югъ, жители сплошь Украинцы и граница, направляясь на востокъ, входитъ нѣсколько въ Воронежскую губ. и оттуда круто поворачиваетъ на югъ до верховьевъ р. Калміуса. Отъ этого мѣста на югъ лежитъ отдѣльная земля Кубанскаго (б. Черноморскаго) Козачьяго Войска, населенная безъ исключенія Украинцами. Между Азовскимъ моремъ и Украинскимъ населеніемъ Екатеринославской и Таврической губерній, поселили Ногайскіе татары и нѣмецкіе колонисты (1). Затѣмъ, отъ Перекопскаго перешейка до Турецкихъ владѣній, берега Чернаго моря заселены Украинцами и составляютъ южную границу страны. Рѣка Дунайъ составляетъ юго-западную границу Украины до м. Ямполья, а оттуда граница идетъ на западъ по южному склону Карпатскихъ горъ и доходить, на крайнемъ западѣ, до г. Сандеча. Изъ этого обзора границъ видно, что населеніе южно-русскаго народа занимаетъ большую часть Австрійской Галиціи, половину Люблинской губерніи Царства Польскаго, малую часть Гродненской и Минской губерній, всю Волынскую, Каменецъ-Подольскую, Херсонскую, Кіевскую, Полтавскую, Харьковскую, Черниговскую губернію, части Курской и Воронежской, Екатеринославскую, третью часть Таврической губерній и Землю Кубанскаго (Черноморскаго) войска.

Мы не говоримъ, что на всемъ этомъ пространствѣ обитаютъ одни Украинцы; такъ, напримѣръ, въ Галиціи и Люблинской губерніи высшій классъ и городскіе обыватели болшею частію Поляки; въ Подольской, Волынской и Кіевской губерніяхъ почти все помѣщики и нѣкоторые мѣщане также Поляки; въ Херсонской и Таврической живутъ Нѣмцы-колонисты, Сербы, Болгары, Греки и проч.; въ Харьковской—много переселенцевъ великорусскихъ; и, во всей западной Украинѣ весьма много Евреевъ. Но земледѣльческій классъ почти весь состоитъ изъ населенія, говорящаго Южно-русскимъ или Украинскимъ языкомъ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ горахъ Карпатскихъ, Приплетскихъ болотъ и земель, лежащихъ на лиманахъ рѣкъ, впадающихъ въ Черное море, вся описываемая нами страна отличается плодородіемъ и считается житницею Россіи и даже Европы. Чер-

(1) Отсюда къ сѣверовостоку, отдѣльныя украинскія поселенія разсѣяны въ Донской Землѣ, преимущественно на правой сторонѣ верхняго и нижняго Дона, частію въ Саратовской, Самарской, Астраханской, Оренбургской и другихъ губерніяхъ.

воземъ доставляетъ обильную жатву зерноваго хлѣба, а умѣренный климатъ способствуетъ произрастанію плодовъ.

Пространство земель, населенныхъ Украинцами, въ точности опредѣлить нельзя, но, приблизительно, оно составляетъ слишкомъ 10,870 кв. геогр. миль, изъ коихъ на Австрійскія владѣнія въ Галиціи, Венгрии и Буковинѣ приходится около 1,650 миль. На всемъ этомъ пространствѣ находится около 14,300,000 жителей, говорящихъ южно-русскимъ языкомъ. Такимъ образомъ, по пространству, Украина или Малороссія превышаетъ Францію на тысячу географическихъ миль, а по абсолютному населенію уступаетъ Испаніи двумя милліонами жителей. По причинѣ значительнаго пространства, занимаемаго страной, *мѣстность* въ ней весьма разнообразна: начиная отъ гористаго запада Галиціи, Венгрии и Буковины, до пространныхъ степей Екатеринославской и Херсонской губерній и до болотистой равнины р. Припечи, можно встрѣтить мѣстоположеніе всѣхъ родовъ; такъ, *Карпатскія* горы, на границѣ Венгрии и Галиціи, достигаютъ до 6,000 футовъ высоты надъ поверхностію моря. Главный хребетъ этихъ горъ тянется отъ запада къ юго-востоку и имѣетъ въ ширину отъ 40 до 70 верстъ. Покатости его положе къ югу и обрываете къ сѣверу. Отъ хребта къ югу отдѣляется нѣсколько замѣчательныхъ вѣтвей, какъ напримѣръ, идущая отъ деревни Полянки до г. Варано между притоками р. Ондавы; вѣтвь, отдѣляющаяся отъ хребта при деревнѣ Ростоки и оканчивающаяся двумя отраслями: западною, называемою *Свинскій камень* и восточною, оканчивающеюся при г. Унгварѣ. Восточнѣе, отъ горы Шерейникъ (Ширника), идетъ гребень горъ, который кончается круто при кр. Мункачѣ. Отъ горы *Попадъи*, тоже отдѣляется нѣсколько вѣтвей на югъ, — не длинныхъ, но весьма суроваго характера. Гора *Петро* служитъ узломъ, при которомъ Карпатскій хребетъ круто поворачиваетъ на югъ, распространяя отрасль на востокъ по Буковинѣ до долины рѣки Прута. На сѣверъ отъ главнаго хребта, вѣтвей гораздо менше, но зато тѣ, которыя существуютъ, длиннѣе, хотя онѣ не сохраняютъ альпійскаго характера южныхъ отраслей. Самая важная начинается отъ горы Ширники, проходитъ между источниками рѣкъ Сана и Дибетра и тянется сперва на сѣверъ до Новаго-мѣста, потомъ на востокъ до Львова (Лемберга), откуда раздѣляется на три отрасли, изъ коихъ одна идетъ на сѣверо-западъ до р. Тисва, впадающей въ р. Санъ; другая, по сѣверному направленію, между притоками Сана съ одной и притоками р. Буга

(Западнаго) съ другой стороны, направляется въ Люблинскую губ., гдѣ, при м. Томашовѣ, принимаетъ направленіе съ запада на востокъ и служитъ началомъ р. Вепржа и другихъ рѣкъ, впадающихъ въ рѣки Вислу и Бугъ. Наконецъ, третья отрасль направляется на востокъ, проходя между притоками Днѣстра и Буга, входитъ въ предѣлы Россіи и служитъ раздѣленіемъ водъ, текущихъ въ Черное и Балтійское моря.

Самый хребетъ Карпатскій, проходящій по западной части Южнорусскаго края, хотя и не бываетъ покрытъ вѣчными снѣгами, однако имѣетъ почти вездѣ альпійскій характеръ, т. е. рѣчки, имѣющія въ немъ начало, не пересѣкаютъ хребта и имѣютъ берега обрывистые и скалистые; подъемы на горы возможны только по дорогамъ; во многихъ мѣстахъ вершины оканчиваются пиками, и снѣга почти на всемъ гребнѣ лежатъ 8 и болѣе мѣсяцевъ.

Не смотря на такой суровый характеръ горъ, дорогъ въ нихъ весьма много, въ особенности въ западной части, какъ-то: изъ Н. Самдеча въ Мусшну; изъ Грибова туда же и въ Бартфельдъ; изъ Горлице, чрезъ Зборо, въ Бартфельдъ; изъ Змигорода туда-же; изъ Змигорода въ Свидникъ; изъ Дуклы въ Стропко, и проч.; въ восточной же части, отъ дороги изъ Турки въ ст. Веречку до восточнаго поворота, псключая тропинку, пѣтъ ни одной удобной дороги. Южный склонъ Карпатовъ сохраняетъ тотъ же характеръ, что и ихъ гребень. Сѣверный же, не смотря на крутые спуски, понижается мало по малу и, при рѣкахъ Санѣ и Бугѣ, обращается въ равнины.

Вся Галиція съ запада на востокъ имѣетъ видъ холмистый, въ Люблинской же губерніи — на западѣ мѣстность волнообразная, а на востокѣ представляетъ большею частію плоскія возвышенія, теряющіяся въ долины Западнаго Буга.

Эти возвышенія входятъ въ Польшу при Тарнополѣ и потомъ разворачиваются, какъ-бы вѣеромъ: на западъ до Вислы, на востокъ до Буга, а на сѣверъ ограничиваются большою дорогою изъ Грубешова въ Люблинъ. Въ этой части самое возвышенное мѣсто есть гора *Гута*, Красноставскаго уѣзда, болѣе 1,095 футовъ.

Въ южной Галиціи и Буковинѣ рѣки прорѣзали глубокія, въ нѣсколько сотъ футовъ, долины и текутъ чрезвычайно изгибисто; въ сѣверной же части, тамъ гдѣ почва наносная, рѣки имѣютъ теченія почти прямыя и долины ихъ широкія.

Въ Россію отрасли Карпатовъ входятъ небольшими горами между

городами Владиміромъ—Волынскимъ и Кременцомъ и образуютъ три главныя вѣтви: 1-я вѣтвь, идущая на сѣверъ между источниками р. Луга, впадающей въ Бугъ и притоками р. Стыри, Туры и Припети, имѣетъ на югъ характеръ гористый съ нѣсколькими возвышеніями до 1120 ф. (при м. Бѣлозеркѣ); на сѣверѣ же и востокѣ, постепенно понижаясь, превращается въ равнину; 2-я идетъ на востокъ, составляя нагорный берегъ р. Припети, возвышаясь до г. Староконстантинова и отбрасывая отрасли къ сѣверу между рѣками Стырью, Горынью, Случемъ и другими, впадающими въ Припеть. Отъ г. Староконстантинова горы обращаются въ возвышенную равнину и только подъ Кіевомъ становятся холмисты; 3-я отрасль направляется на юго-востокъ,—подъ г. Кременцомъ достигаетъ 1,328 футовъ высоты и составляетъ нагорный берегъ р. Днѣстра, образуя глубокія долины его притоковъ; эта же отрасль, давъ начало р. Бугу (Южному), идетъ на востокъ не превышая 1,180 футовъ. Южныя отпрыски даютъ странѣ видъ горный, съ нѣсколькими остроконечными гранитными вершинами и крутые берега рѣкъ и овраговъ. Отрасль же, идущая на востокъ, волнообразна и проходитъ по сѣвернымъ уѣздамъ Херсонской губерніи до Никополя и Днѣпровскихъ пороговъ. Вся эта полоса имѣетъ въ основаніи гранитъ, который показывается въ обрывистыхъ берегахъ рѣкъ и рѣчекъ и проходитъ отъ м. Ямполья на востокъ, пересѣкаетъ р. Бугъ между Ольвiоподемъ и Вознесенскомъ, и потомъ, близъ Никополя, р. Днѣпръ.

Все это гористое, возвышенное пространство ограничено—на сѣверо-западъ—ровнымъ плато, служащимъ раздѣльною чертою водъ, текущихъ въ Балтійское и Черное моря; на сѣверѣ Волынской и Кіевской губерній оно превращается въ плоскую равнину, почти сплошь поросшую лѣсами и называется *Польсьемъ*. Возвышенности оканчиваются и Польсье начинается по слѣдующей чертѣ: отъ м. Торчина на г. Луцкъ, м. Олыку, Клевань до Бронниковъ, по р. Горыню до м. Тучина, а оттуда чрезъ Повгородъ—Волынской и, отдѣляя двѣ трети Радомысльскаго и третью часть Кіевскаго уѣздовъ, доходитъ до р. Днѣпра.

Отъ вышесказанной гранитной полосы мѣстность, постепенно понижаясь на югъ, доходитъ до береговъ Чернаго моря, образуя плодородныя степи, покрытыя черноземомъ.

Изъ этого обзора мѣстности отъ запада до Днѣпра, мы видимъ, что Карпатскій хребетъ составляетъ самую возвышенную часть края и пускаетъ отъ себя вѣтви короткія на югъ, длинную на сѣверъ, и

еще длиннѣйшую на востокъ и составляетъ, такимъ-образомъ, выпуклую часть, оканчивающуюся на юго-востокѣ берегами Чернаго моря, на сѣверо-востокѣ—болотистою равниною Полѣсья и на сѣверѣ равнинами Польши.

По лѣвой сторонѣ Днѣпра тянутся двѣ главныя возвышенности: одна идетъ изъ сѣверной части Курской губерніи на юго-западъ, на югъ и юго-востокъ и даетъ начала рѣкамъ: Окѣ, Соснѣ, Сейму и др.; а другая, перерѣзавъ Днѣпръ между Екатеринославомъ и с. Знаменкою, идетъ сперва на востокъ, а потомъ на сѣверо-востокъ и составляетъ такимъ образомъ продолженіе гранитной полосы, о которой мы упоминали выше. Эти двѣ возвышенности нигдѣ не образуютъ горъ, но имѣютъ характеръ холмистый и только по берегамъ рѣкъ бываютъ круты. Вѣтви этихъ возвышенностей, проходя между рѣками Полтавской, Харьковской и Екатеринославской губерній, образуютъ какъ бы котловину къ лѣвому берегу Днѣпра между м. Лосвымъ, гг. Черниговомъ, Лубнами и Золотоношею. Полуостровъ Крымъ состоитъ изъ двухъ частей: горной и степной; большая дорога изъ Феодосіи, чрезъ Симферополь, въ Севастополь служитъ чертою раздѣленія этихъ мѣстностей. Къ сѣверу отъ дороги есть холмы, но горъ не имѣется, къ югу же сплошь все горы. Эти горы суть продолженіе Кавказскихъ горъ. *Крымскія* горы, начинаясь на южномъ берегу полуострова отъ монастыря св. Георгія, тянутся по берегу на востокъ; первая часть ихъ до Бююкъ-Ламба—та носитъ названіе *Яйла*; далѣе, отъ Балаклавы, хребетъ, приближаясь къ Черному морю, отъ мыса Біоцента до мыса Аія, образуетъ отвѣсные берега моря; отъ Аія—горы опять нѣсколько удаляются отъ южнаго берега, такъ-что гребень ихъ отдаленъ отъ одной до четырехъ верстъ.

Наиболѣе возвышенные пункты хребта суть: *Ай-нетра*—3,661, *Чатыръ-Дагъ* — 3,047 и *Бабуянъ* — 3,117 футовъ. Отъ горы *Демерджи* горы удаляются отъ моря верстъ на десять и притомъ становятся все ниже и ниже, и подъ Феодосією терются въ степи. Южный склонъ горъ крутъ и скалистъ и, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, совершенно отвѣсенъ. На немъ примѣчательна гора *Аюдагъ*; она выдается далеко въ море, и, образуя мысъ, занимаетъ пространство въ три версты длиною и въ двѣ съ половиною шириною; высота ея равняется 1,918 футовъ. Оканчивая орографію страны, мы укажемъ на примѣчательныя высоты относительно поверхности Океана: *Черная гора* въ Карпатахъ, на границѣ Галиціи и Венгріи, 6,000 футовъ;

Гута, Красноставскаго уѣзда, Люблинской губерніи—1,095¹/₂ футовъ; *Кавенчинъ* Замойскаго уѣзда—1,088¹/₂ футовъ; *Бѣлозерскія* горы Волынской губерніи—1,120 футовъ; у деревни *Кривочинцы*, на границѣ Подольской и Волынской губерніи, 1,155 футовъ; при м. *Фельштинъ* Подольской губерніи—1,159 фут.; при с. *Тучь*, Бердичевскаго уѣзда Кіевской губерніи—1,055¹/₂ фут. Г. *Кіевъ*, старый, 651¹/₂ фут. и гора *Криленецъ*, Харьковской губ., на берегу р. Донца—800 фут. Земля Черноморскаго, или Кубанскаго, козацкаго войска почти вся есть равнина, прорѣзанная небольшими рѣчками, имѣющими медленнаго теченіе съ юго-востока на западъ; она ограничена съ юга р. Кубанью, которая имѣетъ берега весьма низменныя, въ-особенности у своего устья.

Обратимся теперь къ описанію примѣчательныхъ равнинъ края, начиная съ запада.—Въ Царствѣ Польскомъ наибольшая равнина находится по обѣимъ сторонамъ р. Западнаго Буга. На лѣвомъ берегу этой рѣчки, она начинается отъ м. Опалина и тянется на юго-востокъ до Владимира; длина ея—болѣе 80, а ширина отъ 7 до 30 верстѣ. Въ Галиціи примѣчательна равнина, лежащая между городами Соколомъ и Бродами и идущая по юго-восточному направленію; она соединяется съ другою, идущею отъ г. Сокола на западъ до м. Любцы.

Въ Русскихъ предѣлахъ особенно замѣчательна равнина р. Припечи, называемая *Польсьемъ*. Она занимаетъ страну плоскую, низменную, покрытую огромными болотами и дремучими лѣсами. Открытыя поля составляютъ исключенія; рѣка Припечь и ея притоки имѣютъ паденіе ничтожное и потому теченіе медленное, а берега плоскіе, неопредѣленные. Въ этой странѣ населеніе весьма скудное, сообщенія затруднительны, а во время весеннихъ разливовъ почти вездѣ прекращаются; такъ-что въ Минской и Волынской губерніяхъ нѣкоторыя селенія не имѣютъ между собою сообщенія по два и болѣе мѣсяца. Польсье имѣетъ въ длину до 450 верстѣ, а въ ширину, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, болѣе 80-ти. Въ Подольской губерніи находится одна большая равнина, имѣющая въ длину 110, а въ ширину до 15-ти верстѣ. Она начинается отъ м. Улапова, по лѣвому берегу р. Синеводы и Буга до с. Приборовки; Балтскій уѣздъ, какъ степной, также образуетъ равнину. Въ Кіевской губерніи, кромѣ Польсья, большая равнина находится около м. Бѣлой-Церкви, ограниченная съ юга р. Росью, съ запада — р. Красною, съ востока — берегомъ р. Стугны и съ сѣвера с.с. Пологи и Мозеницы. Длина равнины 80,

ширина 40 верстъ. Вся южная часть Херсонской губерніи, принадлежа къ разряду степей, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и обширная равнина, перерѣзанная рѣками: Днѣстромъ, Бугомъ и Днѣпромъ, незначительными рѣчками и болотами. Черниговская губернія хотя сама по себѣ равна, но—будучи покрыта большими лѣсами—имѣетъ не много равнинъ. Можно указать только на южные, степные уѣзды: Конотопскій, Борзенскій, Нѣжинскій и частію Козелецкій, небольшія равнины открытыя мѣста близъ г. Глухова и м. Воронежа, имѣющія каждое пространства около 130 квадр. верстъ. Сѣверные и восточные уѣзды Полтавской губерніи принадлежатъ къ степнымъ мѣстамъ, а потому тамъ находятся обширныя равнины.

Харьковская и Екатеринославская губерніи, почти безъ исключенія, составляютъ одну общую равнину, пересѣкаемую въ нѣкоторыхъ мѣстахъ холмами, рывшинами и рѣками, имѣющими крутые и пологіе берега.

О полуостровѣ Крымъ мы уже говорили; сѣверная же часть Таврической губерніи представляетъ степь, кончающуюся около Азовскаго моря и Сивашскаго залива частію песчаными, частію глинистыми солончаками. Кромѣ отроговъ возвышенностей, проходящихъ между рѣками, Землю Войска Донскаго можно назвать равниною открытою; исключеніе составляетъ Міускій округъ, который имѣетъ мѣстность волнообразную и возвышенную.

Рѣки южнорусскаго края принадлежатъ къ бассейнамъ водъ Балтійскаго и Чернаго морей. Балтійское море не входитъ въ предѣлы нашего края, а потому займемся описаніемъ только Чернаго съ его залвомъ — Азовскимъ моремъ. *Черное море*, есть море внутреннее, имѣющее исходъ на юго-западъ, гдѣ посредствомъ Константинопольскаго пролива оно соединяется съ Средиземнымъ. Наибольшая длина его отъ запада къ востоку 1,060 верстъ; наибольшая ширина отъ Тилигульскаго лимана до устья р. Сакарты, на Анатолійскомъ берегу,—585 верстъ. Берега Чернаго моря вообще возвышены съ востока и юго-юго-запада, и низменны съ сѣверо-запада и сѣвера, а потому это море болѣе открыто для сѣверныхъ вѣтровъ. Море имѣетъ теченіе постоянное, отъ Керченскаго пролива, по сѣвернымъ берегамъ съ востока на западъ до Одессы, а оттуда на югъ въ проливъ, куда стремится и общее теченіе моря.

Черное море острововъ (кромѣ трехъ небольшихъ) не имѣетъ. Отмели находятся только на сѣверномъ берегу между устьемъ Дуная и Перекопскимъ перешейкомъ, а также въ Керченскомъ проливѣ; а

потому плаваніе около береговъ безопаснѣе, чѣмъ въ другихъ моряхъ. Самыя сильныя бури бывають въ ноябрѣ мѣсяцѣ, при южныхъ и юго-западныхъ вѣтрахъ.

Море ежегодно замерзаетъ на мелководьяхъ; порты же съ глубокою водою никогда не замерзають. Вода въ Черномъ морѣ менше солона, чѣмъ въ Средиземномъ и болѣе солона, чѣмъ въ Балтійскомъ. Приливамъ и отливамъ Черное море не подвержено, за исключеніемъ тѣхъ приливовъ, которые происходятъ отъ постоянно и сильно дующихъ нѣсколько дней, съ одной стороны, вѣтровъ.

Главныя углубленія въ материкѣ, на сѣверныхъ берегахъ моря, суть: *Азовское* море съ заливомъ *Сивашъ*, *Каркинитскій* заливъ, омывающій сѣверо-восточные берега Крымскаго полуострова и южный берегъ материка; западнѣе этого залива находятся другіе, образуемые лиманами рѣкъ: *Днѣпра*, *Тилигула*, *Днѣстра* и *Кагульника*. Берега Азовскаго моря вообще низменны, за исключеніемъ части южнаго берега отъ Казантипскаго мыса до входа въ Керченскій проливъ. *Сивашскій* заливъ, или *Гнилое* море, соединяется съ Азовскимъ посредствомъ Геническаго пролива, имѣетъ берега плоскіе и весьма извилистые. Длина этого моря, отъ устья р. Дона до Керченскаго пролива, равна 290, а ширина—212 верстамъ; наибольшая глубина 46 футовъ. Вода гораздо прѣснѣе воды Чернаго моря. Отъ Азовскаго моря Сивашъ отдѣляется узкою полосой земли, называемою Арабатскою косою. Пролитъ имѣетъ только 45 сажень ширины. На Сивашѣ находится множество полуострововъ, изъ которыхъ примѣчательнъ *Чангаръ*, соединенный съ Крымомъ посредствомъ постояннаго моста. Азовское море ежегодно замерзаетъ на полтора и два мѣсяца.

Керченскій проливъ, соединяющій Азовское море съ Чернымъ, имѣетъ фарватеръ длиною въ 40 верстъ, чрезвычайно извилистъ, съ нѣсколькими песчаными отмелями и каменными рифами,—что при малой глубинѣ (уменьшающейся иногда до $2\frac{1}{4}$ футовъ), дѣлаетъ плаваніе кораблей весьма затруднительнымъ. Теченіе пролива—съ сѣвера на югъ; но при южныхъ продолжительныхъ вѣтрахъ оно останавливается. Пролитъ начинается отъ мыса *Фанаря* и кончается на югѣ м. *Таклынскимъ*, отъ котораго берега становятся возвышеннѣе, и тамъ, гдѣ къ нимъ примыкають Крымскія горы, круты и скалисты. Для укрытія судовъ отъ буръ на полуостровѣ удобны слѣдующія углубленія: *Феодосійскій* заливъ,—открытъ только южнымъ вѣтрамъ и, при твердомъ грунтѣ, способенъ для якорной стоянки; *Судакскій* рейдъ

удобенъ менѣе Теодосійскаго, но хорошо защищенъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ; *Ялтинскій* портъ неудобенъ, по причинѣ каменстаго грунта; *Балаклавская* гавань глубока, закрыта отъ всѣхъ вѣтровъ, но весьма узкій входъ (93 сажень) представляетъ важное неудобство. На западномъ берегу Крыма въ-особенности замѣчательна *Севастопольская* бухта, длиною въ 6 верстъ, шириною до 400 сажень; глубина бухты отъ 6 до 10 сажень при илестоу грунтѣ. Эта бухта еще имѣетъ три небольшіе рукава, въ которыхъ суда совершенно защищены отъ западныхъ вѣтровъ, единственныхъ, волнующихъ главную Севастопольскую бухту. Последняя на полуостровѣ гавань, *Эваторійская*, совсѣмъ неудобна для якорной стоянки по своей открытости.

Отъ Карканитскаго залива на западъ, берега Чернаго моря хотя и имѣютъ много углубленій въ материкѣ, но устроить въ нихъ порты невозможно по мелководью. Отъ Перекопа до оконечности Кипчури-ской косы море у береговъ мелко. Отъ этой же косы начинается обширный Днѣпровскій лиманъ, о которомъ, равно какъ и обо всѣхъ лиманахъ рѣкъ, впадающихъ въ Черное море, мы скажемъ при описаніи рѣкъ. Берега моря отъ устья Кагальника нигдѣ не превышаютъ 30-ти сажень, какъ напримѣръ около Одессы; въ другихъ же мѣстахъ они почти въ уровень съ моремъ и образуютъ соленыя озера, какъ пространство на югъ отъ Одессы до устья Дуная. Городъ Одесса есть единственный портъ на этомъ пространствѣ; рейдъ Одесскій открытъ для восточныхъ, сѣверо и юго-восточныхъ вѣтровъ, покрывается въ большіе морозы льдомъ, и грунтъ его состоитъ изъ клейкаго ила. — Нѣкоторые писатели прославили Черное море, какъ опасное для плаванія кораблей; но это мнѣніе не совсѣмъ справедливо, потому—что на этомъ морѣ очень мало подводныхъ камней и рифовъ; песчаныя отмели всѣ извѣстны; бури бываютъ сильны только въ извѣстнаго время, т. е. въ концѣ осени, и для береговаго плаванія по берегамъ, какъ Чернаго, такъ и Азовскаго морей, устроено много маяковъ и другихъ знаковъ.

Рѣкъ, протекающихъ по странѣ, населенной южно-русскимъ народомъ и принадлежащихъ къ Балтійскому бассейну, весьма мало и всѣ онѣ суть притоки р. Вислы. *Санъ* вытекаетъ изъ горы Ширники на сѣверъ до м. Дынова; потомъ поворачиваетъ на востокъ до г. Пржемысля, а оттуда, принявъ сѣверо-западное направленіе, впадаетъ въ Вислу между городами Завихостомъ и Сандомѣржемъ. Все теченіе простирается на 360 верстъ. Въ вершинѣ своей, Санъ

есть горный, быстрый поток и течетъ до Пржемысля въ узкой долинѣ и чрезвычайно извилисто до г. Ярослава, а отсюда по широкой долинѣ до своего впаденія въ Вислу. Судоходство по Сану начинается отъ Дубецка, но оно удобно только въ половодье; внизъ спускается не болѣе 300 барокъ и 200 плотовъ. Изъ притоковъ Сана примѣчательнъ *Вислокъ*, впадающій въ него съ лѣвой стороны ниже г. Пршеворска. Съ правой стороны при м. Улановѣ, Санъ принимаетъ сплавную р. *Таневъ*. Санъ и Вислокъ протекаютъ по Галиціи, а Таневъ по Царству Польскому. Рѣка *Венржъ* имѣетъ источники близъ м. Томашева, протекаетъ 243 версты, — сперва на сѣверъ и сѣверо-западъ, потомъ 60 верстъ на западъ, и вливается въ Вислу при кр. Иванъ-городѣ. Ширина ея. на 170 среднихъ верстахъ, до 20, у устья 70 сажень. Русло рѣки сжато берегами до Красностава, а далѣе долина ея шире и рѣка дѣлается судоходною. Кромѣ 40 различнаго рода переправъ, чрезъ р. Венржъ, на шоссе, перекинуть отличнѣй *американской* постройки мостъ, при д. Косьмино.

Р. *Бугъ* (западнѣй) получаетъ начало въ Галиціи, верстахъ въ 20 отъ г. Бродъ, изъ отрасли Карпатскихъ горъ, называемыхъ *Недоборжецъ*. До кр. Бреста-Антовека течетъ на сѣверъ, потомъ на сѣверо-западъ до слиянія съ р. Нуржецъ, потомъ поворачиваетъ на западъ и при м. Сероцкѣ сливается съ р. Наревомъ, гдѣ, принявъ наименованіе *Буго-Нарева*, впадаетъ въ Вислу при кр. Новогеоргиевскѣ. Длина ея 676 версты, ширина средняго теченія отъ 15 до 20, а въ нижнемъ—до 100 сажень. Долина Буга только въ верхьяхъ своихъ сжата между берегами; отъ г. Бродъ она уже расширяется и становится ровною, и въ немногихъ мѣстахъ пересекается холмами, какъ при Устѣлугѣ и Городю. Отъ впаденія же въ Бугъ рѣчки Кржины долина становится измѣнною и болотистою. На всемъ теченіи р. Буга до м. Грана (сѣверный предѣлъ южно-русскаго населенія) можно указать только на слѣдующія возвышенныя на рѣкѣ мѣста: при м. Крыловѣ, Володавѣ, Славатычѣ, Коденѣ—на лѣвомъ, и при м. Гранѣ—на правомъ берегу рѣки. Переправъ чрезъ Бугъ весьма много; примѣчательнъ при Брестѣ висячій, чугунный мостъ. Р. Бугъ служитъ водянымъ сообщеніемъ Балтійскаго и Чернаго морей. Съ первымъ соединяется посредствомъ Августовскаго канала и р. Пѣмаша, а также и посредствомъ Вислы; со вторымъ—посредствомъ Дитъпровско-Бугскаго канала и Дитъпра. До впаденія въ Бугъ Муховца, судоходству препятствуютъ мельницы и плотины, кото-

рыхъ, на указанномъ нами протяженіи, считается 52. Замѣчательныя притоки Буга съ лѣвой стороны: *Лисецъ*, имѣетъ въ длину 98 верстъ и впадаетъ въ Бугъ въ Варшавской губерніи; *Кржна* или *Тржна*, длиною въ 88 верстъ; по ней весною сплавляютъ лѣсъ; *Гучва*, впадающая въ Бугъ ниже Грубешова, имѣетъ теченіе длиною въ 69 верстъ. Съ правой стороны, кромѣ судоходной р. *Муховца*, впадаютъ въ Бугъ двѣ сплавныя рѣки—*Перетва* и *Лузь*.

Обратимся теперь къ описанію замѣчательнѣйшихъ рѣкъ, принадлежащихъ къ бассейну Чернаго моря. *Днѣстръ* имѣетъ источникъ въ 8½ верстахъ отъ м. Турки и впадаетъ въ Черное море при Овидіюполѣ, пробѣгая 1,550 верстъ, — одну треть изъ нихъ по Галиціи, а остальные по русскимъ владѣніямъ. До м. Фельштина, въ видѣ горнаго потока, рѣка течетъ на сѣверъ, до с. Конюшки на сѣверо-востокъ, а оттуда по восточно-юго-восточному направленію до г. Ямполья, гдѣ поворачиваетъ на югъ до впаденія. Теченіе этой рѣки чрезвычайно извилисто, въ берегахъ крутыхъ, иногда возвышающихся до нѣсколькихъ сотъ футовъ. Сплавная до г. Самбора, она становится отъ него судоходною; но судоходство вообще весьма затруднительно, какъ по быстротѣ теченія, такъ и по причинѣ крутыхъ, на ней имѣющихся, поворотовъ. Поднимаются же по рѣкѣ суда на незначительное разстояніе отъ устья. При м. Ямпольѣ на Днѣстрѣ находится пороги, образовавшіеся отъ Карпатскаго гранитнаго отрога, пересекающаго рѣку въ этомъ мѣстѣ. Множество мелей, острововъ и полуострововъ составляютъ отличительный характеръ Днѣстра. Эти послѣдніе образуются отъ чрезвычайно извилистаго теченія рѣки. Ширина ея весьма разнообразна: берега то суживаются до 15, то расширяются до 200 саж. Въ Галиціи есть нѣсколько постоянныхъ мостовъ; въ русскихъ же предѣлахъ ни одного, и переправы производятся на паромахъ. Грунтъ рѣки каменистый и скалы иногда встрѣчаются на обоихъ берегахъ, какъ напримѣръ отъ Бамоса до Козлова. Выше р. Ягорлыка, Днѣстръ входитъ въ степь, и ширина его до лимана отъ 80 до 120 сажень. Отъ г. Тирасполя долина рѣки расширяется, дѣлается болотистою и образуетъ на низменномъ берегу нѣсколько озеръ. Въ Днѣстрѣ полноводье бываетъ три раза каждое лѣто: весеннее, около Иванова дня, и около осенняго Іакова (Якуба). Днѣстровскій лиманъ имѣетъ въ длину 40, а въ ширину отъ 6 до 9 верстъ; отъ Чернаго моря лиманъ отдѣляется песчаною низменностію, соединяющею два противоположные берега узкою пересышью. Въ обыкновенное время,

глубина его отъ $6\frac{1}{2}$ до 8 футовъ. Входъ въ лиманъ совершается съ моря двумя протоками и не затруднителенъ, потому что глубина протоковъ до 9 футовъ. Одинъ изъ важнѣйшихъ притоковъ Днѣстра въ Галиціи—*Стрый*, вытекаетъ съ вершины горы Пикуй и впадаетъ въ Днѣстръ съ правой стороны, при Жидачовѣ. Съ той же стороны Днѣстръ принимаетъ въ себя р. *Свинцу* и *Быстрицу*. Съ лѣвой стороны въ Днѣстръ впадаютъ, въ Галиціи: *Злота-Луца*, *Стрѣя*, *Середъ* и *Збручъ* или *Подгорца*; послѣдняя составляетъ пограничную черту австрійскихъ и русскихъ владѣній, протекаетъ 176 верстъ и вездѣ проходима въ бродъ, кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ устроены плотны, которыхъ на рѣкѣ весьма много; р. *Смотричъ* съ высокими и скалистыми берегами, длиною въ 143 вер.; р. *Ушица*, впадающая въ Днѣстръ при мѣстечкѣ того же имени, протекаетъ 105 верстъ; р. *Мурафа* течетъ въ глубокомъ, каменномъ корытѣ на протяженіи 145 верстъ.

Между Днѣстромъ и Бугомъ въ Черное море впадаютъ: р. *Кульникъ*; *Тилгуль*, лиманъ коего имѣетъ до 40 верстъ длины и отъ 2-хъ до 4-хъ верстъ ширины, и *Аджалькъ*, съ лиманомъ въ 10 верстъ длины. Р. *Бугъ (южный)* имѣетъ источникъ на сѣверо-западѣ отъ г. Проскурова, сперва течетъ на востокъ, а потомъ на юго-востокъ до впаденія своего въ Днѣпровскій лиманъ. Длина его около 600 вер., глубина въ нижнемъ теченіи до 28 фут. Бродовъ много въ верховьяхъ; на 200 же нижнихъ верстахъ бродовъ Бугъ не имѣетъ. Ширина его весьма разнообразна: при Вознесенкѣ 70 сажень, а 40 верстъ ниже Николаева — до 975 саж. Берега его въ Подольской губерніи большею частію примыкаютъ къ руслу рѣки, ниже Ольвіополя возвышаются до 20 саж., круты и состоятъ изъ гранитныхъ скалъ. Въ этихъ же мѣстахъ находятя и пороги. Полноводье бываетъ только весной. Судходство по Бугу производится отъ Вознесенска до устья. Примѣчательнѣйшіе притоки р. Буга суть: р. *Волкъ* и *Бужокъ*—двѣ болотистыя рѣчки; *Икаа*, течетъ по ровной мѣстности, имѣетъ много прудовъ и заливныхъ озеръ; *Стевода* весьма быстрая въ полноводье; *Синюха* имѣетъ пороги и гранитные берега; *Пингуль* имѣетъ начало близъ с. Сентона, теченіе его, въ 200 верстъ, съ сѣвера на югъ; ширина у устья до ста сажень. Въ верховьяхъ рѣка имѣетъ быстрое теченіе, а при впаденіи въ Бугъ при Николаевѣ медленное. Между с. Христофоровкою и Балацкимъ, на рѣкѣ находится озеро, длиною въ 2, шириною въ $1\frac{1}{2}$ версты.

Р. *Днѣпръ* беретъ источники въ Бѣльскомъ уѣздѣ, Смоленской губернии проходитъ чрезъ Могилевскую, Минскую, Черниговскую, Полтавскую, Кіевскую, Херсонскую и Екатеринославскую губернии и имѣетъ всего протяженія около 2,000 верстъ. До г. Копыса, Днѣпръ течетъ въ тѣсныхъ и открытыхъ берегахъ, а оттуда долина расширяется отъ 1 до 6 верстъ; нагорные берега его большею частію круты, но противъ слиянія Припяти берега плоски и покрыты лѣсами. Отъ Кіева до Кременчуга Днѣпръ устьянъ песчаными отмелями, перемежающимися ежегодно. Около г. Черкассы и Чигирина и с. Мошны видно прежнее русло Днѣпра. Отъ Кіева почти до самаго устья правый берегъ Днѣпра выше лѣваго. При впаденіи Самары лѣвый далска отходитъ отъ русла. Ниже Екатеринослава оба берега составляютъ отвѣсныя, высокія скалы (до 35 саж.), гдѣ рѣка пересѣчена порогами. Отъ Александровска лѣвый берегъ дѣлается низменнымъ и болотистымъ, а правый — нагорнымъ, доходитъ до р. Базавлука и потомъ понижается. Въ 12-ти верстахъ ниже Екатеринослава начинаются пороги, тянущіеся по Днѣпру на 65½ верстъ. Пороговъ считается 13, по главнѣйшихъ, опасныхъ для судовъ, спускающихся по Днѣпру, 9-ть: 1) *Старокайдакскій*, на 150 сажняхъ имѣетъ паденія 8 футовъ. 2) *Сурскій*, при впаденіи р. Суры, имѣетъ двѣ каменные поперечныя гряды; длина порога 120 саж., паденія 3 фут. 6 дюймовъ. Сурскій порогъ лежитъ отъ перваго въ 7 вер. 3) *Лоханскій*, одинъ изъ опаснѣйшихъ; на срединѣ три гранитныхъ острова. Онъ начинается въ полуверстѣ отъ Сурскаго и на 200 саж. длины имѣетъ паденія 86 ф. и 2 дюйм. 4) Въ разстояніи 5 верстъ, начинается порогъ *Звонецкій*, длиною во 125 саж., паденія 4 ф. 9 дюйм. 5) *Пенасытенскій*, самый опасный изъ всѣхъ Днѣпровскихъ пороговъ; онъ удаленъ на 6 верстъ отъ предыдущаго. Гряды подводныхъ и надводныхъ камней, косвенное съ одного берега на другой теченіе, и въ особенности одна пучина, называемая *адамъ*, при малѣйшей неосторожности въ управленіи и при боковомъ вѣтрѣ губятъ суда мгновенно. Длина порога 643 саж., паденія 24 саж. 3 дюйма. 6) Ниже на разстояніи 13 верстъ лежитъ *Волынскій* порогъ, длиною въ 150 саж., паденія 5 ф. 7 дюймовъ. 7) *Будиловскій* въ 5 вер. отъ предыдущаго, длиною во 100 саж., паденіе 4 ф. 10 дюйм. 8) Въ 14 верстахъ отъ этого находится *Лишній* порогъ, длина его 150 саж., паденіе 3 фут. 5 дюйм. и 9) *Вильный* порогъ, чрезвычайно извилистый, проходитъ по гранитному грунту, со множествомъ острововъ,

лежитъ въ $5\frac{1}{2}$ верстахъ отъ предъидущаго. Длина порога 430 саж., паденіе въ 1 саж. 11 дюймовъ. Паденіе всѣхъ же пороговъ, на разстояніи $63\frac{1}{2}$ верстъ, составляетъ 22 саж. и 1 фут. За порогами Днѣпръ принимаетъ медленное теченіе и далѣе образуетъ много рукавовъ. При устьяхъ Буга и Днѣпра находится *Днѣпровскій лиманъ*, имѣющій въ длину съ востока на западъ 60 верстъ, а въ самомъ широкомъ мѣстѣ 15 верстъ, суживаясь у моря до 5-ти. Вдоль обонхъ береговъ тянутся мелы, между которыми три прохода въ море, отъ 23 до 45 футовъ глубиною. Фарватеръ расчищенъ до 140 сажень ширины и до 22 футовъ глубины. Днѣпръ вливается въ лиманъ шестью рукавами, или гирлами, изъ коихъ *Блѣотрудовскій* считается для судоходства лучшимъ. Говоря вообще о судоходствѣ Днѣпра, нельзя назвать его удовлетворительнымъ, по причинѣ отмелей перемежняющагося русла рѣки и описанныхъ выше пороговъ. Постоянное же судоходство существуетъ внизъ и вверхъ по рѣкѣ, отъ Кременчуга до Шклова, и отъ моря до Херсона и нѣсколько выше. Сверху же внизъ по теченію, пользуясь весеннимъ половодьемъ, суда ходятъ отъ г. Дорогобужа до самаго моря. Изъ притоковъ Днѣпра мы укажемъ только на примѣчательнѣйшіе, протекающіе по странѣ, населенной Украинцами.

Съ правой стороны, Днѣпръ принимаетъ *Березину*, имѣющую источники въ м. Докшицахъ Минской губерніи; она протекаетъ по этой губерніи 310 верстъ, а по Могилевской только 4 версты и при г. Рогачевѣ сливается съ Днѣпромъ. Березина входитъ въ составъ водянаго сообщенія, соединяющаго Днѣпръ съ Западною Двиною, посредствомъ *Березинскаго* канала, (прокопаннаго на $7\frac{3}{4}$ верстахъ) между озерами *Плавію* и *Берештою*; изъ Плавію въ озеро Манецъ, а оттуда въ р. Сергутъ — притокъ Березины, изъ Берешты въ р. Берешту, потомъ въ Эсеу, въ Лещельское озеро и оттуда въ р. Уллу, впадающую въ Двину. Рѣка *Припять* (Припеть) вытекаетъ изъ болотъ и озеръ близъ м. Шацка и направляется на востокъ до г. Мозыря 360 в., потомъ на юго-востокъ до впаденія въ Днѣпръ (120 верстъ). Припеть получаетъ свое названіе при соединеніи рѣкъ: Пины, Ясѣльды и Стыри, откуда она становится судоходною. Берега ея низменны, неопредѣленны, болотисты и покрыты лѣсами и кустарниками. Глубина ея лѣтомъ отъ 5 до 10 фут. Весною разливается рѣка на значительное пространство, въ ширхъ мѣстахъ до 20 верстъ. Единственное исключеніе въ низменности береговъ составляетъ правый

берегъ около г. Мозыря, который возвышенъ и скалистъ. Теченіе рѣки весьма медленно, и во время полноводья, для указанія пути судамъ, надобно фарватеръ обозначать вѣхами. Припеть также входитъ въ составъ водянаго сообщенія, соединяющаго Днѣпръ съ Вислою и Нѣманомъ. Съ Вислою Припеть соединяется посредствомъ Днѣпровско-Бугскаго (Королевскаго) канала, проведеннаго между р. Пиною (притокъ Припети) и р. Мухавцемъ (притокъ Буга). Изъ Припети въ Нѣманъ суда поднимаются по Ясѣльдѣ, Огнискскому каналу въ р. Щару, которая впадаетъ въ Нѣманъ. Съ правой, т. е. съ южной стороны, въ Припеть впадаютъ слѣдующія рѣки: *Стырь*, начало которой въ Галиціи, протекаетъ 425 верстъ; ширина отъ 15 до 30 саж.; нижнее же теченіе во всемъ подобно р. Припети; а южнѣесть берега возвышенные и крутые, какъ напримѣръ, между с. Вербяевымъ и Мстѣшиномъ. Общее паденіе рѣки отъ 4 до 6 дюймовъ на версту. Хотя рѣка Стырь считается сплавною, но по ней, при небольшомъ исправленіи бичевника и нѣкоторыхъ отмелей, могли бы суда подниматься и вверхъ по теченію. Р. *Иква*, притокъ Стыри съ правой стороны, длиною 130 верстъ; по ней сплавляются плоты. *Горынь* имѣетъ источники на югѣ Волынской губерніи, судоходна на 537 верстъ. *Случь* вытекаетъ изъ Староконстантиновскаго уѣзда и, пройдя 400 верстъ, впадаетъ въ Горынь. По Случу весною сплавляются внизъ плоты. *Стоходъ* — болотистая рѣка, притокъ Припети. *Тетерева*, источники котораго около м. Янушполя, вливается въ Днѣпръ близъ с. Шлявы. По рѣкѣ этой сплавляется внизъ болѣе 800 плотовъ. Р. *Рось* течетъ изъ Бердичевскаго уѣзда весьма быстро, имѣетъ утесистые берега. Эта рѣка несудоходна, но, по обилію воды, на ней много устроено мельницъ и вододѣйствующихъ фабрикъ. *Тясминь* впадаетъ въ Днѣпръ при Новогоріевскѣ; это довольно быстрая рѣка во время весеннихъ разливовъ. *Пугулецъ* беретъ начало изъ мѣстности Александрійскаго уѣзда (Херс. губ.), называемой *Чернымъ льсомъ* и верстахъ въ 15 отъ Херсона вливается въ Днѣпръ. Правый берегъ рѣки этой крутъ, обрывистъ и во многихъ мѣстахъ каменистъ, а лѣвый — отлогій; при устьи оба берега низменны, болотисты и поросли камышомъ. Пугулецъ имѣетъ въ длину 320 вер. а ширины 30 сажень; онъ не судоходенъ, по причинѣ запрудъ.

По лѣвую сторону въ Днѣпръ вливаются: *Сожь*, вытекаетъ изъ Смоленской губерніи и впадаетъ въ Днѣпръ у м. Лоева, на границѣ Могилевской, Черниговской и Минской губерній. Длина ея болѣе 300

версть; ширина въ нижнемъ теченіи до 40, а глубина отъ г. Чирякова внизъ — до 2 саж. Должна рѣка широкая, въ иныхъ мѣстахъ до 4-хъ версть и весною затопляется; берега круты и возвышены, правый выше лѣваго. *Сожь* становится сплавною отъ м. Кричева, а ниже — и судоходна. *Десна* имѣетъ источники въ Ельнинскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи и сливается съ Днѣпромъ въ 10 верстахъ выше Кіева. Въ обыкновенное время ширина ея отъ 12 до 70 саж. Берега Десны вообще пологи, крутые встрѣчаются рѣдко; правый господствуетъ надъ лѣвымъ. Судоходною рѣка становится отъ г. Брянска, вверхъ же по Деснѣ ходитъ только небольшое число судовъ съ солью. Важный притокъ Десны—*Сеймъ*—имѣетъ нѣсколько шлюзовъ, посредствомъ которыхъ нѣсколько десятковъ судовъ спускается внизъ по рѣкѣ. *Трубежь* сливается съ Днѣпромъ близъ Переяславля. Р. *Сула* имѣетъ начало въ Харьковской губерніи и вливается въ Днѣпръ при м. Чигринъ-Дуброва; Сула течетъ по широкой долинѣ. *Псѣлъ* выходитъ изъ Курской губ., имѣетъ большею частію возвышенные и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ каменистые берега; рѣка могла бы быть судоходною по причинѣ глубины ея — отъ 2 до 3-хъ саж. Псѣлъ извѣстенъ своею живописностью. *Ворскла* впадаетъ въ Днѣпръ близъ м. Переволочны; правый берегъ ея возвышенъ, иногда обрывистъ, лѣвый — пологій; глубина отъ 4-хъ футовъ до 2-хъ саж. *Орель*, составляющая границу Полтавской и Екатеринославской губерній и впадаетъ въ Днѣпръ при м. Орликѣ, гдѣ берега рѣки утѣлены гранитными отломками. Р. *Самара* вытекаетъ изъ Харьковской губерніи въ Изюмскомъ уѣздѣ, впадаетъ въ Днѣпръ при с. Михайловкѣ и м. Игрени, противъ Екатеринослава, имѣя въ длину 200 вер. Правый берегъ рѣки почти вездѣ выше лѣваго, но лѣвый круче; въ верхнемъ теченіи берега пологи. Глубина рѣки отъ 1 аршина до 4 саж., ширина доходитъ до 100 саж. Самара судоходна на незначительномъ разстояніи. Притокъ Самары—р. *Волчь*—не уступаетъ ей въ протяженіи; на ней устроено много мельницъ. Р. *Конскя* или *Конка* замѣчательна медленнымъ теченіемъ, въ-особенности въ нижнихъ частяхъ; длина ея 160 версть. Рѣка *Молочнал*, впадающая въ озеро Молочное, съ притокомъ Токмакомъ, маловодная рѣка, хотя теченіе ея простирается на 120 версть.

Въ Азовское море впадаютъ: р. *Кальмиусъ*; беретъ начало въ с. Яковлевѣ, Бахмутскаго уѣзда, течетъ на протяженіи 130 версть и впадаетъ въ море при г. Мариуполѣ; судоходенъ только на 6 версть отъ устья. Р. *Миусъ* при впаденіи своемъ въ море образуетъ лиманъ, имѣющій до

30 верстъ длины и до 3 верстъ ширины. Р. *Донъ* вытекаетъ въ Тульско-й губерніи изъ Ивановаго озера и проходитъ Рязанскую, Тамбовскую и Воронежскую губерніи и Землю Войска Донскаго и впадаетъ въ море при г. Азовѣ. Длина Дона около 1,300 верстъ. При входѣ въ Донскую Землю онъ имѣетъ ширины 100 сажень, а при устьѣ 260; глубина не превышаетъ 10 сажень. Въ половодье Донъ вполнѣ судоходенъ отъ впаденія въ него Воронежа и выше. На рѣкѣ, впрочемъ, много отмелей, которыя измѣняютъ ежегодно свое положеніе. Донъ соединяется съ моремъ 30 рукавами (гирлами); изъ нихъ только по тремъ проходитъ суда: по *Мертвому Дону*, *Каламъ* и *Донскому-гирлу*; еще слѣдуетъ указать на рукавъ *Южный Аксай*, который служитъ сообщеніемъ Ново-Черкаска съ Дономъ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, правые берега рѣки выше лѣвыхъ. Съ лѣвой стороны Донъ принимаетъ въ себя: р. *Воронежъ*, вытекающую изъ Рязанской губерніи и впадающую въ Донъ ниже г. Воронежа въ 16 верстахъ. Въ Тамбовской губерніи эта рѣка плавная, въ Воронежской же судоходна. *Битюгъ*, имѣетъ протяженіе до 200 верстъ, ширина отъ 3 до 10 сажень; рѣка проходитъ чрезъ *Черкасское озеро*. Р. *Хоперь*, имѣетъ источники на границѣ Пензенской и Саратовской губерніи; всего теченія имѣетъ до 300 верстъ; сплавъ на немъ бываетъ только весною. *Медвѣдица* беретъ начало въ Саратовской губерніи и впадаетъ въ Донъ у Спасова монастыря. Теченіе рѣки медленное, берега возвышенные, судоходство бываетъ по низовьямъ весною. *Июль* весьма излучиста и мелководна. *Манычъ* сливается съ Дономъ при Манычской станицѣ. Составленная изъ непрерывнаго почти ряда озеръ, рѣка имѣетъ теченіе только при устьѣ, а потому предположеніе о соединеніи Азовскаго съ Каспійскомъ моремъ не только возможно посредствомъ Маныча, но и не потребуетъ большихъ издержекъ. Съ правой стороны Донъ имѣетъ слѣдующіе притоки: въ верховьяхъ можно указать только на сплавную рѣку *Сосну*; на Землѣ же Войска Донскаго, Донъ принимаетъ въ себя р. *Сѣверный Донецъ*, который беретъ начало въ Карачевскомъ уѣздѣ Курской губерніи и впадаетъ въ Донъ при Кочетовской станицѣ. Имѣя глубину не менѣе 3½ футовъ, Донецъ могъ бы быть судоходенъ на протяженіи болѣе 300 верстъ. Берега во многихъ мѣстахъ скалисты, возвышаются надъ уровнемъ воды отъ 10 до 20 сажень, вообще же правый берегъ выше лѣваго, который въ иныхъ мѣстахъ имѣетъ низменныя пространства. Судоходству по рѣкѣ препятствуютъ устроенныя въ верхнихъ и среднихъ частяхъ ея плотины и запруды. Впрочемъ, въ Изюмѣ строятся суда и спускаются внизъ до Ростова

Важнѣйшій притокъ Донца—р. *Осколь* вытекаетъ изъ Тимскаго уѣзда, Курской губерніи и сливается съ Донцомъ въ 12 верстахъ отъ Пскова.

Всѣ рѣки Земли Черноморскаго войска берутъ начало на юго-востоки, не далеко отъ р. *Кубани* и впадаютъ въ Азовское море. Медленное теченіе рѣкъ, какъ наиримѣръ—*Челбаса*, *Бейсука* и *Заразной*, есть главное ихъ отличіе, а судоходство, по малой промышленности края, почти не существуетъ. Р. *Кубань*, составляя южную границу Земли Черноморскаго войска, имѣетъ источники на горѣ Эльбрусъ и соединяется многими рукавами съ Азовскимъ моремъ. На востокѣ Черноморской земли Кубань имѣетъ правый берегъ возвышенный, при устьѣ же оба берега низменны, покрыты болотами и камышемъ.

Рѣки Таврическаго полуострова весьма не велики. Укажемъ ихъ: *Салгирь*, источникъ котораго у подошвы Чатырь-Дага, а устье близъ деревни Шимжой, гдѣ онъ впадаетъ въ Сивашъ. Длина его 140 верстъ, но лѣтомъ, въ верховьяхъ, Салгирь на пересыхаетъ. Принявъ въ себя р. *Біюкъ-карасу*, Салгирь изъ горъ вступаетъ въ степь, гдѣ также на нѣмъ много бродовъ. Рѣки *Алма*, *Кача* и *Бельбекъ* или *Кабарта* вытекаютъ изъ хребта Ийлы и текутъ сперва на сѣверъ, потомъ поворачиваютъ на западъ и впадаютъ въ Черное море,—первая у мыса Лукулъ, третья у Севастопольской бухты, а вторая между устьями Алмы и Белбека.

Подробное разсмотрѣніе теченія показываетъ, что почти всѣ рѣки, лежація на западъ отъ Днѣпра, въ верховьяхъ своихъ имѣютъ направленіе или съ юга на сѣверъ, или съ запада на востокъ и, небольшая часть—съ востока на западъ; а потому эти рѣки, описывая дугу, всѣ склоняются на югъ и впадаютъ въ Черное море. Такое положеніе рѣкъ никакъ нельзя приписать какому либо геологическому перевороту, а скорѣе общему склону Карпатскихъ отроговъ, которые въ Галиціи имѣютъ покатость на сѣверъ, на границахъ владѣній Пруссскихъ и Австрійскихъ—на сѣверо-востокъ и востокъ, и потомъ общая, почти ровная, покатость степной полосы имѣетъ склонъ на югъ. По лѣвую сторону Днѣпра текуція рѣки, почти безъ исключенія, имѣютъ правые берега выше лѣвыхъ.

Значительныхъ озеръ въ Ю.—русскомъ краѣ нѣтъ; въ Галиціи на всѣхъ рѣкахъ дѣлаются запруды, въ которыхъ собирается рѣчная рыба для употребленія. Въ сѣверной части Люблинской губерніи много небольшихъ озеръ, но они не заслуживаютъ вниманія, потому что самое большое изъ нихъ—*Ставъ Вельско-Семенскій* въ ширину не имѣетъ и $1\frac{1}{2}$ версты, при длинѣ въ $5\frac{1}{2}$ версты. На долині р. Припети число озеръ,

значительно; изъ нихъ, большія по пространству суть: *Князь* или *Жидъ*, Мозырскаго уѣзда, *Погоское* Пинскаго уѣзда, *Свитязькое* и *Пулемецкое* Волынской губерніи. Въ нагорной полосѣ Волынской, Подольской, Кіевской и Херсонской губерніи озеръ совсѣмъ нѣтъ, но зато на каждой рѣкѣ встрѣчаются запруды, какъ для вододѣйствующихъ фабрикъ и мельницъ, такъ и для храненія рыбы. По долигѣ Днѣпра, на тѣхъ мѣстахъ, которыя заливаются водою, находятся озера, но какъ они ежегодно измѣняются, то многія изъ нихъ не имѣютъ даже названій. Въ долигѣ же нижняго Днѣпра, постоянныя заливыя озера, хотя и имѣютъ названія, но по малости своей не заслуживаютъ вниманія. Озера, составляющія богатство страны, суть соленыя: они снабжаютъ солью даже сѣверныя мѣстности Южнорусскаго края. *Тула* отдѣляется отъ Чернаго моря пересышью; *Аджитоль* или *Горькое*; оба находятся въ Одесскомъ уѣздѣ. Озеро *Лонго*, въ г. Новомиргородѣ, съ соленою минеральною водою. Въ Таврической губерніи наибольшее число озеръ; изъ нихъ примѣчательны: *Молочное*, длиною въ 30, шириною отъ 6 до 8 верстъ; вода въ немъ мало-солоня. *Бердяцкое*, образуемое р. Бердою, какъ лиманъ ея; имѣетъ длины 8, ширины до 3 верстъ. По Кинбургской косѣ раскинуто до 180 озеръ. Семь озеръ находятся въ Мелитопольскомъ уѣздѣ, четыре въ Днѣпровскомъ; изъ всѣхъ добывается поваренная соль. Близъ Генгисскаго пролива два соленыя озера: *Генгисское* и *Аверьянское*. Въ Перекопской дистанціи: *Старое* озеро имѣетъ въ окружности болѣе 14 верстъ; въ немъ добывается отличная соль. *Красное* озеро, въ окружности до 33 верстъ, даетъ соли около трехъ милліоновъ пудовъ. По бѣлизѣ и легкости лучшая соль добывается изъ *Кіятскаго* озера. Во внутреннихъ губерніяхъ: Черниговской, Полтавской и Харьковской находятся небольшія озера; но можно упомянуть только объ озерѣ *Лиманъ* (Зміевскаго уѣзда, Харьковской губ.), имѣющемъ въ длину 7, а въ ширину 3 версты; вода въ немъ горько-солонцеватая, и объ *Моисеевскомъ* (въ Зѣньковскомъ уѣздѣ, Полтавской губ.), которое постоянно увеличивается. Въ Землѣ Войска Донскаго всѣ озера лежатъ на заливныхъ долинахъ большихъ рѣкъ; ихъ считается болѣе тысячи, но они не важны ни по обширности, ни въ промышленномъ отношеніи (1).

(Продолженіе впереди).

(1) Названія мѣстностей, въ этой статьѣ, болѣею частію, не народныя. Мы были бы весьма благодарны за сообщеніе въ «Основу» мѣстныхъ названій, — чего мы прежде всего ожидаемъ отъ людей, живущихъ въ окрестностяхъ упомянутыхъ мѣстъ.

ОБЪЯСНЕНИЕ КЪ РИСУНКАМЪ «ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ».

II.

Рисунокъ IV — представляетъ *бабуся въ намиткѣ и свиткѣ*; гравированъ мною съ рисунка Н. П. Соколова, который снялъ его съ натуры, въ селѣ Вереміевкѣ, Полтавской губерніи. Свитка—бѣлая, сапоги—двухъ цвѣтовъ: голенища—желтыя, а низъ—черный. Тамъ, гдѣ носятъ цвѣтные сапоги, почти всегда—у старуль сапоги желтые, а у дѣвушекъ—красные.

Кому не извѣстны украинскіе *бандуристы, кобзаря*? Кто не видѣлъ ихъ, живя въ Малороссіи? Эти поэтическія личности, бродящія по свѣту—прямые наследники Бояновъ и Гомеровъ,—это воплощенная дума — пѣснь и исторія народа. Самое достойное и поэтическое мѣсто въ народной украинской жизни принадлежитъ бандуристамъ. Они одушевляютъ своей игрой сходку, свадьбу, ярмарку; разгоняютъ *тугу* зажурившагося *дѣда*, учатъ молодое поколѣніе старинѣ и внушаютъ любовь къ тѣмъ могучимъ руинамъ, которыя заростають мхомъ и ивненицей.—Мнѣ попадались бандуристы двухъ родовъ:—у однихъ преобладала печаль, доброта, мягкость,—въ другихъ я встрѣчалъ крутой нравъ, жесткую, суровую рѣчь. Тѣ, которые думаютъ, что узнали кобзарей наблюдая ихъ только на улицѣ, знаютъ ихъ мало, хотя и больше тѣхъ, которые иногда заставляютъ сидѣть бандуриста за деньги. Чтобы имѣть понятіе о бандуристѣ болѣе полное, надо съ нимъ познакомиться ближе, пріобрѣсть довѣріе его, сдружиться съ нимъ. Образъ жизни имѣетъ на нихъ, какъ и на каждого, сильное вліяніе. Вліяніе это не только внутреннее, но и внѣшнее: рѣчь бандуриста не та, что у простаго селянина; руки его можно отличить межъ сотней пахарскихъ рукъ; игра развила ихъ и онѣ деликатны, тогда какъ пахарю плугъ натеръ мозо-

ли. Часто, во-время иѣнія, выраженіе кобзаря бываетъ вдохновенно, иѣжно; ему знакома трудовая жизнь и вся поэзія народа; онъ знаетъ цѣну поэзіи; она его кормитъ, она ему и мила и доходна.

Я никогда не могъ равнодушно слушать бандуристовъ: они сразу были мнѣ по сердцу и я полюбилъ ихъ съ ихъ рубищемъ, съ ихъ слѣпотою, съ ихъ бродячей иѣнью. Въ первый разъ мнѣ случилось видѣть и слышать бандуриста въ мѣстечкѣ *Сѣдневъ*, Черниговскаго уѣзда. Слепой, онъ шелъ на ярмарку; я остановилъ его на перенутьи, чтобъ его послушать, — зазвалъ къ себѣ и начертилъ его портретъ, какъ могъ. Выраженіе его лица особенно меня удивляло своею вдохновенностью и идеальностью. — Прилагаемый рисунокъ (V) представляетъ именно этого бандуриста, съ поводиремъ, у меня въ комнатѣ.

Левъ Жемчужниковъ.

ПРИГЛАШЕНИЕ (1)

(отъ дѣректора Земледѣльческой Школы и редактора
журнала «Сельское Хозяйство»).

Два года тому назадъ былъ издавъ мною «Ботаническій Словарь» или собраніе названій, какъ русскихъ, такъ и многихъ иностраныхъ растений на языкахъ латинскомъ, русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и другихъ, употребляемыхъ различными инородцами, живущими въ различныхъ мѣстахъ Россіи.

Первоначальною цѣлю этого труда, издавнаго первымъ изданіемъ

(1) Съ особеннымъ удовольствіемъ помѣщаемъ *Приглашеніе* автора извѣстнаго *Ботаническаго Словаря*, *И. Ив. Дашкова*, въ «Основѣ», гдѣ было уже указано на важность изученія народной ботаники (*О естествознаніи на Русскомъ Югѣ. Основа, февраль*), и душевно желаемъ, чтобы новое обращеніе къ просвѣщенному содѣйствію нашихъ читателей и читательницъ увѣчалось успѣхомъ. *Приглашеніе* придетъ на Югъ во время собиранія ягодъ, грибовъ, травъ, хлѣбовъ и проч., — когда грамотные чаще обыкновеннаго сходятся съ простымъ народомъ, — когда самъ-собою открывается сподручный, богатѣйшій источникъ народныхъ преданій, опытовъ, наблюденій, повѣрій, примѣтъ и названій, относящихся къ растительному міру. — Разные обычаи, которыми сопровождаются лѣтніе сельскіе праздники, украшеніе жилищъ травами и цвѣтами, лекарственные запасы, и т. д. представляютъ удобный случай для собиранія матеріаловъ народной ботаники. — Вспоминяя, при этомъ, охотниковъ, рыбаковъ, пастуховъ, красильщиковъ, маляровъ, бабокъ, костоправовъ, знахарей и аптекарюкъ, отъ которыхъ также можно добыть драгоцѣнный для ботаники и этнографіи свѣдѣнія. — Занятіе, къ которому мы приглашаемъ всѣхъ, чрезвычайно пріятно, вовсе не трудно и незамѣрно-полезно: знакомство съ внутреннею жизнью народа, съ его вѣковыми опытомъ, своеобразными вѣрованіями и понятіями, открываетъ намъ новый міръ, котораго мы, не смотря на такое близкое сосѣдство, и не подозрѣвали... Знаменитый Мишлѣ говоритъ, что «польза, поучительность, приобретаемая нами отъ разумнаго сближенія съ народомъ, равняется той, которую доставляетъ намъ знакомство гения». Мы, грамотные до-сихъ-поръ еще, ксожалѣнію, не привыкли такъ думать. *Ред.*

подъ именемъ: «Простонародныя названія русскихъ растений», было желаніе доставить возможность понять русскія мѣстныя названія и опредѣлить ихъ латинское наименованіе. При второмъ изданіи, значеніе это было расширено и Ботаническому Словарю было дано уже назначеніе болѣе обширное—служить вообще пособіемъ при чтеніи сочиненій о растеніяхъ, будутъ ли онѣ писаны по русски, французски, нѣмецки или латински. Трудъ этотъ состоитъ нынѣ изъ списка латинскихъ названій растеній въ алфавитномъ порядкѣ. Латинскія названія приняты самыя общеупотребительныя при настоящемъ состояніи науки. При каждомъ названіи растенія, приведены его русскія мѣстныя, простонародныя, названія съ указаніемъ мѣстностей, въ которыхъ употребительны онп, имени лица, сообщившаго ихъ, или сочиненія, въ которомъ онп обнародованы. Далѣе, приведены французскія и нѣмецкія названія этого растенія, заимствованныя изъ лучшихъ ботаническихъ сочиненій и, наконецъ, названія на языкахъ различныхъ инородцевъ, живущихъ въ Россіи, какъ—то: татаръ, финновъ, мордвы, черемисъ, чувашъ, эстонновъ, остяковъ, вотяковъ, тунгузовъ, армянъ, грузинъ и т. д.

Кромѣ того, приведены фармацевтическія названія растеній лечебныхъ и главнѣйшая синонимія растеній, получившихъ въ послѣднее время, въ наукѣ, новыя названія.

Со времени изданія этого словаря, я имѣлъ случай собрать еще множество новыхъ матеріаловъ, которые увеличиваютъ сумму изданныхъ названій, можетъ—быть вдвое, но тѣмъ—не—менше я совершенно далекъ отъ мысли, что мною исчерпано все. Зная по опыту, что пополненія подобнаго рода изданія совершаются медленно и только при содѣйствіи многихъ сотрудниковъ, проживающихъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи,—я обращаюсь ко всѣмъ просвѣщеннымъ читателямъ журнала «Основы» съ моей покорнѣйшей просьбой—оказать содѣйствіе къ возможному пополненію изданнаго мною Ботаническаго Словаря сообщеніемъ:

1) всѣхъ мѣстныхъ простонародныхъ названій растеній, на какомъ бы то ни было нарѣчій, съ указаніемъ, если возможно, свойствъ, употребленія растеній и, вообще, тѣхъ данныхъ, которыя заставили простолюдина обратить вниманіе на растеніе и дать ему имя. Въсѣтъ съ тѣмъ, прошу сообщить существующій выговоръ названія принятыми знаками ударенія;

2) всѣхъ названій на языкахъ различныхъ народовъ, живущихъ

въ Россіи. На эту просьбу прошу обратить особенное вниманіе. Большая часть нашихъ инноплеменниковъ, особенно тѣхъ, которые живутъ въ Сибири, на Кавказѣ и Восточной Россіи, находясь вдали отъ сношенія съ другими народами, и не будучи знакомы съ научной стороною цивилизаціи, естественнымъ—образомъ должны обратиться къ природѣ для отысканія въ ней удовлетворенія своихъ нуждъ въ практической жизни, и путемъ опыта и наблюденія изучить пользу или вредъ различныхъ растеній. Отъ этого, собраніе названій растеній, даваемыхъ этими народами, имѣеть для насъ интересъ изслѣдованія; и я покорнѣйше прошу—вмѣстѣ съ названіемъ растенія сообщить, буде возможно, значеніе этого названія по—русски, не говоря уже, что знаніе свойствъ и употребленія этихъ растеній, у различныхъ туземцевъ, было бы въ высшей степени любопытно. Здѣсь также прошу обратить вниманіе на способъ выговариванія шнородческихъ названій;

3) указанія на неправильности и ошибки, вбравшіяся въ нынѣ изданное сочиненіе.

4) Имѣя въ виду—въ слѣдующее изданіе Ботаническаго Словаря ввести названія отдѣльныхъ частей растенія, я при этомъ покорнѣйше прошу обратить вниманіе на существующія простонародныя названія этихъ частей, которыя, вѣроятно, не всегда одинаковы въ различныхъ мѣстностяхъ и, что всего замѣчательнѣе, вѣроятно, не всегда совпадаютъ съ названіями, принятыми въ наукѣ. Это вопросъ тоже важный. Мы говоримъ — вѣчикъ, чашечка, прицвѣтшкъ и т. д., а народъ, можетъ—быть, называетъ эти части иначе.

5) Всѣ другія свѣдѣнія и пополенія будутъ приняты съ особенной благодарностью.

Всѣхъ, желающихъ оказать мнѣ услугу сообщеніемъ просимыхъ мною свѣдѣній, я покорнѣйше прошу адресовать свои письма по слѣдующему адресу: *въ Москву, въ домъ Земледѣльческой школы, Николаю Ивановичу Анненкову.*

Вслучаѣ затрудненія, какъ назвать по—латыни то растеніе, котораго извѣстно мѣстное, простонародное, русское или шнородческое, названіе, я прошу присылать мнѣ экземпляры самого растенія въ засушенномъ видѣ. Всѣ издержки переписки и пересылки я съ удовольствіемъ принимаю на свой счетъ, высоко цѣня одно участіе къ общеплезному дѣлу.

Н. Анненковъ.

ВІСТІ.

Изъ г. Ромна (Полт. губ.).

(5 марта, 1861).

Маслянская роменская ярмака. Маслянская ярмарка, по результатам своимъ, плоха. Обыкновенно, эта ярмарка всегда начиналась съ 15 февраля и длилась до 1 марта, а теперь, до 22 числа, не было покупателей и, начавшись съ 22, она все таки кончилась 1 марта. Покупателей было немного, покупали мало, собирався на плохую торговлю по городамъ, да притомъ, по случаю дурного пути очень дороги были провозы. — Казалось бы, послѣ Крещенской (въ Харьковѣ) и контрактной (въ Кіевѣ), гдѣ торговали очень хорошо, следовало ожидать и здѣсь хорошей торговли, но вышло совершенно иначе: въ Крещенской ярмаркѣ рѣдкіи изъ торговцевъ были *недовольны* ярмаркой, а въ Маслянской рѣдкіи *довольны*; — мануфактурщики торговали плохо, еврейскіи рядъ (галантерейный) тоже; бакалейщики и сахарники, которыхъ здѣсь было не много, тоже крѣпко жалуются.

Касательно Украинскихъ товаровъ сообщаю вамъ слѣдующее:

Воску здѣсь было до 2000 пуд.; въ началѣ ярмарки, цѣна была 22 р. 75 коп.; потомъ, по причинѣ неудобной и дорогой отправки, упала до 22 рублей.

Шестины было до 4000 пуд., цѣна—Слободской отъ 16 до 20 рублей, Рашевской—отъ 22 до 23 рублей.

Перо мелкое—4½ рубля за пудъ.

Пухъ—16 рублей за пудъ.

Грива—(3000 пудъ) отъ 3½ до 4 рублей.

Залць—въ заминкѣ; безъ требованія, и хотя количество было

гораздо меньшее противъ прошлаго года, пменно 120 тыс.;—но за него не давали и 20 рублей—(за сотню).

Табакъ—лучшій сортъ—до 12 рублей за куль (5 пуд.); средній—до 10 рублей.—Желтыхъ тонколистныхъ табаковъ здѣсь бываетъ очень мало.—Торговля этимъ товаромъ составляетъ принадлежность Нѣжна.

Сахара рафинада было не болѣе 10 тыс. пудъ; продавали отъ 8 р. 70 к. до 7 р. 70 коп.

Песку сахарнаго привезено было около 3 тыс. пуд. Проданъ ть 5 р. 10 к., до 5 р. 60 к.—Назывался песками при заводахъ, Оно въ покупки никто не входилъ.

Теперешняя зима причинила огромныя потери и извозчикамъ и хозяевамъ. Дороги, отъ большого снѣга, дотога дурны, что гдѣ было ѣзды извозчику 20 дней, тамъ онъ ѣхалъ 30 и 40,—многіе извозчики измучили лошадей, разбросали товаръ и «попроѣлись».—Позднія отсюда отправки табаку заставляютъ многихъ призадуматься (товаръ этотъ боится подмочки, а теперь, отъ наступившихъ оттепелей, по дорогамъ много воды). Провозы здѣсь достигли нешмовѣрныхъ цѣнъ: въ Москву (разстояніе 740 верстъ) подъ табакъ и сахаръ платили 80, 90 к., рубль, съ пуда, и дороже; до Мценска подъ табакъ 40 коп.

За февраль, съ табакомъ, вышло въ Москву около 2 т. лошадей; съ сахаромъ и пескомъ около 500 лошадей; въ Мценскъ съ табакомъ до 700 лошадей. Были значительныя отправки табаку въ Ростовъ (Яросл. губ.), Калугу и Арзамасъ; главныя же отправки были въ январѣ. До Елисаветграда (на Егорьевскую ярмарку) за мануфактурный товаръ платятъ рубль съ пуда; туда требуется ежегодно около 1000 лошадей.

О. Н—ій.

Изъ с. Карабиновка,

(Новомосковскаго уѣзда, Екатеринославской губ.).

(4 марта, 1864 г.).

Разставшись съ вами въ Петербургѣ 12 января, въ день выхода первой книжки «Основы», я, возвратившись домой, получилъ ее толь-

ко 12 февраля, т. е. ровно *через мѣсяць*. Я вамъ и лично жаловался на чрезвычайно позднее получение у насъ ежемѣсячныхъ журналовъ: вообразите себѣ, что мы до сихъ поръ еще не получили здѣсь *первыхъ* книжекъ ни «Отечественныхъ Записокъ», ни «Современника», которыя уже почти *шесть недѣль* какъ вышли въ Петербургѣ! Вѣдь и мы, провинціальныя подписчики на столичныя періодическія изданія, имѣемъ свои права на вниманіе къ намъ гг. издателей *первыхъ*, мы доставляемъ не малую, едвали не бѣольшую, сравненіи съ столичными подписчиками, матеріальную поддержку всякихъ періодическихъ изданій; во-вторыхъ, болѣе или менѣе дальнее разстояніе отъ столицъ справедливо возбуждаетъ въ насъ и бѣольшее любопытство къ свѣжимъ новостямъ, которое жители столицъ могутъ удовлетворять такъ или иначе, мы же единственно посредствомъ періодическихъ изданій... Если старыя журналы равнодушны въ этомъ случаѣ, не смотря на неоднократно заявлявшіяся издателямъ ихъ какъ письменно, такъ и печатно, претензіи провинціальныхъ подписчиковъ на позднее получение этихъ журналовъ; то вашему новому изданію въ видахъ успѣшнѣйшаго распространенія его и сугубаго интереса для провинціальныхъ подписчиковъ, которыхъ оно, конечно, имѣетъ преимущественно въ виду, не мѣшало бы подать первый примѣръ скорого и исправнаго доставленія его въ провинціи. Нѣтъ сомнѣнія, что высшее почтовое начальство, приглашающее къ обнаруживанію всякихъ несправностей и неудобствъ для частныхъ лицъ по его вѣдомству, не откажется содѣйствовать благовременной разсылкѣ по провинціямъ періодическихъ изданій, издаваемыхъ въ столицахъ. Естественно, чѣмъ скорѣе мы будемъ получать періодическія изданія, входящія въ столицахъ, тѣмъ быстрѣе и дѣятельнѣе можетъ быть и участіе съ нашей стороны въ нихъ—какъ корреспондентовъ и сотрудниковъ.

Этимъ самымъ я перехожу къ обѣщанію, данному мною вамъ, сообщать для вашего изданія нѣкоторыя мѣстные свѣдѣнія... Есть пословица: «что у кого болятъ, тотъ о томъ и говоритъ». Вамъ извѣстна моя библиоманія; поэтому начинаю *библиографическии свѣдѣніями*, а за скудость ихъ не взыщите, по другой пословицѣ: «чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ».

Въ слѣдствіе вызова редакціи «Основы», спѣшу сообщить о настоящемъ состояніи книжнаго дѣла въ г. Екатеринославѣ. Въ 1859 году, напечатана въ «Библиографическихъ Запискахъ» № 18, статья

моя объ общественной библіотекѣ и книжномъ магазинѣ въ г. *Екатеринославѣ*. Въ ней было объяснено, что первоначальная формальная переписка объ учрежденіи публичной библіотеки въ г. *Екатеринославѣ* относится къ 1830 году; а въ 1834 г. 9, мая въ первый разъ открыта библіотека, составившаяся изъ книгъ большею-частью пожертвованныхъ, а въ теченіи времени пополнявшаяся почти исключительно періодическими изданіями, присылаемыми безденежно отъ разныхъ официальныхъ редакцій. Но и эта первоначальная библіотека истреблена пожаромъ въ 1836 году, во время помѣщенія ея въ домѣ дворянскаго собранія; въ 1843 году, будучи возобновлена, она нѣсколько время успѣхъ, но, постоянно упадала, съ 1851 г. перестала существовать вовсе. Изъ остатковъ этой библіотеки и новыхъ пріобрѣтеній, она открыта 1 сентября 1859 года и, по составленному тогда же каталогу, состояла изъ 546 сочиненій. Въ минувшемъ 1860 году она продолжала преуспѣвать, и впродолженіи года, пріобрѣтено для нея на деньги подписчиковъ и посѣтителей 22 лучшихъ періодическихъ изданія русскихъ и иностранныхъ и 102 тома разныхъ сочиненій, такъ, что теперь библіотека состоитъ изъ 1552 томовъ. Въ доходъ библіотеки поступило, отъ подписчиковъ и посѣтителей, 452 руб. 70 коп. Читавшихъ въ библіотекѣ и бравшихъ книги для чтенія на домъ было 133 лица. Библіотека эта обязана своимъ существованіемъ въ настоящемъ ея видѣ г. Ульману, который завѣдываетъ также и книжнымъ магазиномъ А. А. Смирдина (сына) и комп. Магазинъ этотъ существуетъ здѣсь съ 1 сентября 1858 года. Книги въ этомъ магазинѣ продаются по петербургскимъ цѣнамъ, съ надбавкою 10%. Эта выгода могла бы значительно распространить мѣстную книжную торговлю, еслибы не препятствовала тому весьма медленная доставка книгъ посредствомъ тяжелыхъ транспортовъ, такъ-что интересующіеся свѣжими литературными новостями вынуждены выписывать книги изъ столицъ чрезъ почту: обоюдная потеря и для покупателей книгъ и для магазина! По свѣдѣніямъ отъ г. Ульмана, въ минувшемъ 1860 году продано книгъ на 4782 руб. 92 коп. Въ статьѣ «Библиографическихъ Записокъ» упоминалъ я, что главными покупателями были помѣщики; за ними слѣдовали чиновники, ученики—особенно гимназисты и мальчики изъ евреевъ, потомъ колонисты—пѣмцы, купцы и мѣщане, и, въ последнее время, государственные крестьяне. Больше всего распродано дѣтскихъ книгъ и учебниковъ; затѣмъ, надо назвать полныя собранія произведеній

русскихъ классиковъ,—книги, относящіяся къ сельскому хозяйству и политико-экономической дѣятельности,—далѣе, сочиненія богословскія; романовъ и повѣстей книгъ легкаго чтенія — безъ особеннаго внутренняго достоинства, почти вовсе не спрашивалось; математическія сочиненія не имѣли хода; историческія, съ народнымъ интересомъ, какъ вообще все современное, продавались тотчасъ. Екатеринославъ, не смотря на относительную свою ограниченность по пространству и народонаселенію между губернскими городами, можетъ похвалиться, что кромѣ типографіи при губернскомъ правленіи имѣетъ двѣ частныхъ типографіи съ литографіями, и одну собственно литографію. Въ типографіи губернскаго правленія напечатана «памятная книжка для Екатеринославской губерніи на 1860 годъ», заключающая въ себѣ 1) адресъ-календарь лицъ служащихъ въ губерніи по всѣмъ вѣдомствамъ, 2) статистическое обозрѣніе Екатеринославской губерніи за 1859 годъ и 3) разныя свѣдѣнія, какъ—то: о цѣнѣ гербовой бумаги, о полученіи и отправленіи почтъ въ Екатеринославской губернской почтовой конторѣ и въ почтовыхъ мѣстахъ Екатеринославской губерніи, о разстояніи отъ г. Екатеринослава до смежныхъ губернскихъ городовъ, почтовой дорожничъ Екатеринославской губерніи, свѣдѣнія о количествѣ земли и о числѣ мукомольныхъ мельницъ въ Екатеринославской губерніи, и, наконецъ, объ уѣздномъ городѣ Новомосковскѣ, или, собственно, о кожевенномъ въ немъ промыслѣ. Изданіе книги не дѣлаетъ чести губернской типографіи:—бумага и печать напоминаютъ *дѣла давно минувшихъ дней — преданья старины глубокой*. За сообщенныя же въ памятной книжкѣ свѣдѣнія нельзя не быть признательнымъ заботливости мѣстнаго начальства и не пожелать, чтобы какъ въ Екатеринославѣ, такъ и въ другихъ губернскихъ городахъ такія памятные книжки издавались ежегодно.

Н. Мизко.

Изъ Полтавы.

(Мартъ 1861.)

I.

Полтавскіе колонисты. Болѣе 50-ти лѣтъ, какъ въ Полтавѣ поселены нѣмецкіе колонисты; но до-сихъ-поръ, кажется, объ нихъ не вспомнили ни однимъ печатнымъ словомъ, какъ-будто этихъ

полезныхъ людей и не существуетъ, или, какъ-будто совершенно вѣчего сказать объ нихъ; но стоить только взглянуть на нихъ, чтобы убѣдиться въ противномъ. Я представлю здѣсь лишь краткій очеркъ нашихъ колонистовъ, прося всѣхъ, кому болѣе моего извѣстно ихъ положеніе, дополнить мой очеркъ (*).

На основаніи доклада министра внутр. дѣлъ, утвержденного 20 июня 1808 г., для усиленія въ Россіи сукнодѣлія, вызваны были изъ Богеміи и Моравіи суконные фабриканты и поселены: — въ Полтавѣ, 54 семейства (249 душъ обоого пола), и въ Константиноградѣ — 41 семейство (218 душъ). При поселеніи ихъ, правительство сдѣлало имъ разныя пособія: построены для нихъ на городской землѣ каменные дома; куплены, необходимыя для сукнодѣлія, инструменты; для выдѣлки суконъ, на счетъ казны покупалась шерсть, а за работу, отъ штуки сукна, платилось 30 р. асс.; но кто хотѣлъ, — могъ выдѣлывать сукно въ сырцѣ (суровѣ) и изъ собственной шерсти; за штуку такого сукна казна платила 20 р. асс. Завѣдывалъ этими фабрикантами особый инспекторъ фабрикъ. — Повидимому, благосостояніе колонистовъ было упрочено; но на дѣлѣ, оно годъ-отъ-году становилось хуже, и чрезъ 10 лѣтъ, въ Высочайшемъ указѣ, данномъ 27 Декабря 1818 г. министру внут. дѣлъ, сказано: что «иностранные суконщики находятся въ разстроенномъ положеніи.» Для поправленія ихъ благосостоянія тѣмъ же указомъ повелѣно: 1) казенный долгъ съ колонистовъ сложить и не взыскивать; 2) каменные дома, въ коихъ они живутъ, предоставить имъ въ собственность и присоединить къ дому необходимую часть земли для огорода и сѣнокоса; 3) казенные инструменты для сукнодѣлія отдать тоже въ собственность; 4) выдать заимообразно изъ казны, на каждое семейство, по сто р. на три года; 5) предоставить колонистамъ учредить у себя судъ и расправу, по примѣру прочихъ иностранныхъ колонистовъ въ Россіи, съ изъятіемъ ихъ отъ управленія, доселѣ ими завѣдывавшаго; и 6) предоставить имъ свободу заниматься ремесломъ своимъ независимо отъ мѣстнаго начальства. При этомъ, колонисты поручены въ особенное попеченіе бывшего малороссійскаго генералъ-губернатора, на обязанность котораго возложено приведеніе ихъ въ лучшее устройство. Князь Рѣпинъ, исполняя это повелѣніе, 13 мая 1820 года издалъ особую инструкцію, по которой для управленія колонц-

(*) За эти свѣдѣнія приношу благодарность г. Дробышу.

штамп учреждены приказы изъ старосты и двухъ бейэвцеровъ, избираемыхъ обществомъ на три года.

Но и эта мѣра не достигла своей цѣли; благосостояніе колонистовъ не улучшилось: не смотря на то, что они никакихъ, ни частныхъ, ни государственныхъ повинностей не несутъ, они все таки приходили въ бѣдность. Какая была коренная причина этого зла — трудно опредѣлить: сами колонисты находили её въ присоединеніи колоніи къ управленію государственныхъ имуществъ; стороннія же лица причину обѣдненія видѣли въ томъ, что фабриканты продавали издѣлія свои (сукно, фланель, одѣяла, и проч.) по самымъ низкимъ цѣнамъ, нерѣдко съ убыткомъ. Какъ бы то ни было, только князь Долгоруковъ, будучи генералъ-губернаторомъ здѣшняго края, обратилъ вниманіе на бѣдное положеніе колонистовъ; и по ходатайству его, комитетъ министровъ призналъ «единственнымъ благонадежнымъ средствомъ къ улучшенію благосостоянія фабрикантовъ» выдать имъ заимообразно, изъ полтавскаго приказа общественного призрѣнія 40,000 р. асс. на пять лѣтъ по 6%. На это послѣдовало 4 ноября 1842 г. Высочайшее повелѣніе, съ тѣмъ, чтобы выдѣляемое строе фабричное сукно было поставляемо въ кременчугскую комиссаріатскую комиссію для облундированія рекрутъ полтавской губерніи, съ платою за выдѣлку штуки сукна въ сырцѣ, мѣрою 42 аршина, 7 р. 43 к. серебр. Въ то же время, учрежденъ «особый комитетъ» для улучшенія состоянія суконыхъ фабрикантовъ. Комитетъ составляется изъ шести членовъ, избираемыхъ самимъ обществомъ изъ среды себя, подъ предѣдательствомъ попечителя колоніи, назначаемаго мѣстнымъ начальствомъ. — Въ томъ же году, 13 апрѣля, объявлено Высочайшее повелѣніе объ отчисленіи полтавскихъ колонистовъ изъ вѣдомства палаты государственныхъ имуществъ и подчиненіи ихъ общему городскому управленію.

Въ настоящее время, всѣхъ колонистовъ въ Полтавѣ считается 254, а въ Константиноградѣ 268 душъ; но межъ ними найдется не болѣе пяти-шести сколько-нибудь достаточныхъ семействъ; всѣ же прочіе въ самомъ скудномъ положеніи, хотя долгъ приказу общ. призрѣнія уже выплаченъ. — Гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, зло бѣдности? Между колонистами *положительно нѣтъ* ни пьяницъ, ни воровъ, ни расточителей; всѣ они люди трудолюбивые, аккуратные; но отчего они бѣдны? отчего правительственныя пособія не улучшили ихъ состоянія? Наши нѣмцы объясняютъ это явленіе слѣд. образомъ: 42 арш.

сукна видѣлывается, семействомъ изъ 4 душъ, въ 14 дней; при этомъ, кромѣ труда, фабрикантъ расходуетъ на масло, клеѣ, освѣщеніе, отопленіе, на починку инструментовъ, на валку, стрижку и отдѣлку сукна, да на свой счетъ укупорить и отвезеть сукно въ Кременчугъ, гдѣ изъ комисіи ему дадутъ, за каждый аршинъ, 75 к.; а съ этого не разживешься. По этому расчету выработашъ въ сутки отъ 7 до 10 к. Развѣ можно изъ этого содержать семейство? Слава Богу, теперь долгъ казнѣ ушлатили, авось поправимся!..»

Въ обѣихъ колоніяхъ, для поддержанія состарѣвшихся фабрикантовъ, заведены особыя суммы, составляемыя изъ ежегодныхъ взносовъ. Каждый мастеръ вноситъ ежегодно 10 р., подмастерья—5, а ученикъ — 1 р. ассиг.; сверхъ того, при удостоеніи въ мастера, при выдачѣ свидѣтельства, платится, одновременно, 5 р. асс. Въ колоніяхъ находятся учителя нѣмецкаго языка, обучающіе дѣтей обоего пола и содержимые на счетъ общества. Всѣ колонисты, при малѣйшихъ средствахъ, охотно отдають своихъ дѣтей учиться въ городскія учебныя заведенія. Вѣроисповѣданія они частію лютеранскаго, частію римско-католическаго; въ обѣихъ колоніяхъ устроены церкви (довольно бѣдныя).

О чистотѣ, опрятности и честности колонистовъ пѣчего и говорить: стоить только придти въ воскресный день въ церковь, чтобы увидѣть, какъ эти бѣдные труженики прилично одѣты. За все существованія колоній, едва-ли между колонистами было два-три уголовныхъ преступленія, и наши присутственныя мѣста не могутъ жаловаться на обремененіе ихъ дѣлами отъ колонистовъ, или о колонистахъ... (*)

Александръ Конисскій.

II

— — — Чи воно жъ-таки до ладу слухать усякого *полѣпанка*, якъ почне розводити—про народъ и школи? Чого вінъ не наговорить! Чижь

(*) Редакція весьма была бы благодарна почтенному автору за сообщеніе свѣдѣній о взаимныхъ отношеніяхъ туземцевъ — украинцевъ и поселенцевъ — нѣмцевъ; безъ-сомнѣнія, можно подмѣтить много характеристическихъ чертъ сходства и различія обохъ племенъ.

и між ними мало такихъ, що кажуть: «судовникамъ не соромъ братъ хаба рі, бо имъ малè жалованне дають;» такъ чи тожъ імъ и ймуть віри? Гай-гай! та її годі!... Нехай же наша недільня школа буває здорова, а ми поговоримо дè-про-що инче, приміромъ: хочъ про журнали й газети.

То-рікъ у Полтаві получалось усіхъ московськихъ и чужеземнихъ газетъ и вiстникiвъ мало не 800. Ми приведемо ліку тільки такихъ, которіхъ получалось більше 10-ти штукъ: *Московськихъ Відомостей*—45, *Сина Отчества*—43, *Современника* 36, *Петербурськихъ Відомостей* 34, *Руського Вістника* 29; *Бібліотеки для чтенія* 26; *Отечественнихъ Записокъ* 23; *Странника* 23; *Духовної Беседи, Вістника Министерства Юстиції и Вістника для Землеволодільцівъ* по 20; *Іллюстрації* 18; *Нашого Времени*—17; *Народнєго Чтенія, Московського Вістника, Искри, Семейного Листка и Иноземнихъ романивъ*—по 15, *Вази* 14; *Бібліотеки медицинськихъ наукъ* 12, *Руського Слова* 11. Приміромъ можно класти що усіхъ газетъ и вiстникiвъ торікъ у Полтаві виписувалось на 10,000 карбованцівъ; а въ сèму рокі мабуть буде більше. Книжокъ то-рікъ найбільше купували: «*Кобзаря, Хати, сочиненій Білінського и Гизо. Кобзаря* купували бъ въ трое більшъ, колибъ бувъ дешевіи; а то—якъ-таки бiдному селянинові заплатити за книжку 2 карбiванці? Отъ колибъ найшлась добра душа, та напечатала удруге дешевого «Кобзаря», такъ би сказати не дорожше коповика, щiбъ то за добре дiло було! П. А. Кулішъ надруковавъ у друге «Хату» да все таки не поцінно для селянъ. А скiльки доводилось мнi стрiчати людiй, котрi и проби ради бi купити «Кобзаря,» або «Хату», та ба! у кишенi пусто! и виходить, що *рада бi мама за пана, да панъ не бере...* Намъ здається, найкраще бъ було, коли бъ хто ставъ видавати для народу дешевіи вiстникъ на українській мові: изъ сèго бъ вийшла польза не тільки для селянъ, а й для всiхъ насъ; бо такимъ вiстникомъ ми скорiй усèго установили бъ чисту литературию и, разомъ, народню українську мову.

Теперъ поведемо рiчъ о *дорiгахъ*. Звiсно, що въ Полтаві грунтъ землі глiбватiй, а черезъ те—у весну, а особливче—осiнню, по улицяхъ стоить пекельна грязюка. Кому доводилось iхати въ грязь у Полтаву изъ—за Ворскли, черезъ Подiль на гору, той, певно, набрався доброї чиховици що и досi пам'ятає. У самому городi есть-таки улицi, вимощенi каменемъ. До 1860 року будо мiщенихъ улицъ, здається,

шість; улиці лагодивъ панятий Думою по *договору* Еврей Горштейнъ; та лагодивъ-то не дуже пильно: бувало, въ грязь, и на мощеній улиці ускочивъ такъ, що коли не колесо, то швирень лусне. Торішнєю весною, п. губернаторъ, зібравши городську громаду, сказавъ,—не хаїй би вона порадылася, якъ-би такъ лучче зробіть, щобъ и улиці похожі були на улиці и щобъ хазяїнамъ поменьшити мостову плату. Громада нарядила одъ себе виборнихъ,—людей чеснихъ и правдивихъ; виборні перемеряли улиці и, зібравшись на раду, вшчитали, що якъ будуть вони самі наймать роботниківъ лагодити улиці, то и хазяїнамъ буде легше и улиці краще можна держать. И справді, теперъ улиці тіжъ самі, що й були, та ізда по імъ и геть-то краща! От-такъ и у всякому громадському ділі—треба що бъ громада не здавалась на *пакимитівъ*. Коли бъ ще наша громада нарядила одъ себе виборнихъ на повірку, якъ поліціянти у темні ночі світять по улицямъ ліхтарі. Не дала бъ вона и тутъ маху! Ми знаємо, що й до сєго діла старші приглядувались, такъ одному жъ чоловікові не розірватця; а ліхтарі придумані для всеї громади и на громадські гроши; громада и повинна сама глядіть своє добро, а коли що найшла не такъ—объявить кому слідъ: — отъ и буде усе гараздъ! Ми чули що у насъ думаютъ Городську Думу переробити по приміру петербурської. Нічого й говорить яка бъ одъ сєго була польза для всеї громади. Я ніякъ не візьму собі въ голову: чого такъ, що тільки изъ самихъ кунцівъ та зъ міщанъ можна вибрати городського голову? Чому не можна настановити головою усякого розумного чоловіка, коли вінъ у горіді має свою осєлю? И чого се такъ, що головами вибірають людей—абн багатихъ, а тамъ—нехай хоть жуки гудуть у голові, коли кишеня у его повна. Хіба жъ таки у кишені водитци розумъ? Хіба кишеня загляне уво всі народні нужді? Хіба вона ділитця зъ біднимъ? Ні, вона буде ділитця та не съ тимъ, кому справді треба, а.... вона знає съ кимъ....

Покиль-то ще переобразують Думу, скажемъ слово о погоді. Ні одинъ полтавський дідъ зъ 1836 року не зазнає такої зими, якъ була остатня. За неділю до Різдва, якъ ставъ валить снігъ, якъ стали кренить морозы, да такі що градусівъ въ 30-ть, та такечки більшь місяця крешили. Холоднеча така була, що крий Боже! Глянешъ—було на двіръ, та заразъ и назадъ, бо на дворі що-дня

«Ревé-стогне хуртовина,
Кóтить, вёрне полемъ»....

Черезъ такую холоднечу, топливо въ Полтавѣ дуже подорогшало: за сажинь дровъ платили карбованцівъ по 14, або й зъ половиною. Гіршъ усѣго зима далась у знакі, тимъ, у котрихъ нема своїхъ хатъ. Плата за квартирі геть-то повнзшала; проїзжаючі платили по гостиницямъ, за одну кімнатку, по шівтора карбованця въ сутки. А сплатешъ: чомъ такъ дорого? Кажуть: — топливо дороге. Не жаль би ще платити, колибъ хоть хату теплу одвели, а то — одинъ мій приятель розказувавъ, що у гостиниці вінъ шідъ двома кожухами цілісеньку нічъ дрижаки івъ. Да такі и всі хазяїні полтавскі *не вмюють* поцінно наймать квартиръ. Прійде, кажуть, Ильїнскій ярмалокъ, ми свого не загубимъ. И справді, у ярмаркову шору зъ приїзжого беруть якъ за рідного батька.

Хто бувавъ объ Иллі въ Полтаві, той знае чи правду я кажу. Правда, що у насъ хазяїнамъ тільки и заробітку, що зъ квартиръ: ну, да все жъ таки, треба и честь знать....

Олександръ Переходовець.

Изъ Лубенъ (Шолтавской губ.)

(21 апрѣля, 1861 г.).

Лубенская воскресная школа. Воскресная школа, объ открытія которой мы хлопотали еще въ октябрѣ мѣсяцѣ 1860 года, наконецъ, послѣ многихъ препятствій и затрудненій, встрѣчаемыхъ добрымъ дѣломъ тамъ, гдѣ еще не всѣ сознали его необходимость, открыта въ Лубнахъ 25 марта 1861 года при лубенскомъ уѣздномъ училищѣ.

Средства школы такъ ограниченны, что мы не имѣемъ возможности поощрить учащихся предоставленіемъ имъ на домъ учебныхъ пособій, между-тѣмъ-какъ число учащихся для Лубенскаго народонаселенія, не превышающаго 4000 душъ, очень достаточно; 25 марта явилось въ воскресную школу учащихся 72, а 26 марта—77 человекъ; изъ этого числа было 40—ничего незнающихъ, 26—знающихъ склады, а 11—умѣющихъ читать.

Не смотря на то, что учрежденіе воскресныхъ школъ одобрено и поощряемо правительствомъ и обществомъ, отсталые люди, во что бы то ни стало, не хотятъ уступить современному направленію образованія: такъ, 9 апрѣля, въ воскресной лубенской школѣ оказалась половина только учащихъ, посѣтившихъ ее въ первый разъ, по той причинѣ, что неблагонамѣренные люди увѣрили многихъ учениковъ въ томъ, что за обученіе въ воскресной школѣ будутъ впоследствии налагаемы на нихъ казенныя работы!.. Ученики, посѣтившіе воскресную школу 9 апрѣля, объявили, что именно по этой причинѣ не явились дѣти мѣщанина Костырки и работники портнаго Лейзера.

Преподаваніе въ школѣ раздѣлили между собою учителя Лубенскаго уѣзднаго и духовнаго училища. Блюститель школы, — онъ же первый подалъ и мысль объ ея учрежденіи, — Денисъ Дмитріевичъ Тирютинъ, кромѣ главной своей обязанности принялъ участіе и въ преподаваніи. По предложенію Дениса Дмитріевича, занятія въ школѣ распредѣлены слѣдующимъ порядкомъ:

Школа раздѣляется на два класса: въ 1-мъ учатся, по группамъ, грамотѣ — ничего еще незнающіе, во 2-мъ — начинающіе и умѣющіе уже читать.

Во 2-мъ классѣ, 1	полчаса	опредѣляются для чтенія,
2	»	» ариметики,
3	»	» русскаго письма,
4	»	» вѣроученія.

Въ первые три полу-часа преподаватели занимаются по группамъ; 9 апрѣля на каждого преподавателя приходилось по 2 и по 3 человека. Старшіе ученики уѣзднаго училища помогаютъ въ преподаваніи подъ наблюденіемъ преподавателей:

Въ 1-мъ классѣ, 1	часъ	опредѣляется на обученіе грамотѣ,
	полчаса	» изустному счисленію,
	полчаса	» вѣроученію.

Такое распредѣленіе оказывается очень удобнымъ.

Намъ остается теперь просить «Основу» и другіе журналы — печатно пригласить всѣхъ сочувствующихъ доброму дѣлу — помочь намъ высылкою книгъ и другихъ учебныхъ пособій. Въ нашемъ народѣ, любознательности и потребности сознательнаго образованія — много; позвольте же надѣяться, что и наша школа не останется безъ отъклика и участія.

Пособія для мужеской лубенской воскресной школы могут быть
высылаемы или на имя блюстителя школы, Дениса Дмитриевича Ти-
рютина, или на мое.

Распорядитель лубенской мужской воскресной школы,
Василій Шевичъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Ф—ну Га—з—ку, въ Ніжинъ. Дуже Вамъ дякуемъ за тепле слово и за «Максіма Галúзу.»

В—са—р—ну И—чу В—св—ву, въ Уфу. Вы совершенно правы; мы искренно благодарны Вамъ за совѣтъ; постараемся исполнить его по мѣрѣ возможности. Впрочемъ, намъ слѣдуетъ дорожить лишь тѣмъ сочувствіемъ, которое проявляется не подъ вліяніемъ мгновеннаго впечатлѣнія. Нашъ незабвенный поэтъ выше всего цѣнилъ искренность и постоянство.

М—д—у Г—л—чу Д—ж—скому, въ Хоролъ. Гарáздъ говорите! Вашъ листъ и стихи прочтáли ми рáзъ и вдрúге. Не забывáйте про насъ, а ми Вамъ щíрою правдою оддичимо.

Ал—д—у П—т—п—чу К—р—т—ку, въ Екатеринославъ. Постараемся исполнить Ваше желаніе; но просимъ немного обождать. Отвѣтимъ особымъ письмомъ.

М—х—лу М—чу Л—ч—ку, въ Ананьевъ. Всѣ Ваши послышки получены; мы чрезвычайно признательны Вамъ за нихъ. Насъ очень радуеть Ваша неутомимость; отъ Вашего внимательнаго изученія мы ожидаемъ много полезнаго и весьма дорожимъ Вашимъ сотрудничествомъ.—Не забывайте писать къ намъ чаще обо всемъ, что вокругъ Васъ происходитъ; мы съ удовольствіемъ читали «Степныя письма».

Ан—р—ю Г—р—чу М—др—кль, въ Козелецъ и Вл—ру Шм—ч—ку, въ Кишиневъ. Ваши письма, съ статьями, получены нами съ благодарностью. Просимъ обождать окончательнаго отвѣта до слѣдующей книжки.

П—ну Га—ку, въ Москву. Багато дѣ-объ-чимъ треба Вамъ одписати, да чи тóжъ лѣгко вільного часу дідатись? Найкраще, якби Ви самі у нашу хату заглянули.

М—х—лу С—пр—у, въ Воронежъ. Ваше желаніе и Вашъ

упрекъ вполне справедливы; мы вѣримъ Вашему участию и отвѣчаемъ искреннею благодарностью. Мы давно сознаемъ замѣченный Вами недостатокъ, котораго никакъ не могли предвидѣть въ началѣ дѣла, — принимаемъ мѣры къ его устраненію, и надѣемся, что время, а можетъ быть и наше стараніе исправятъ его.

М—кс—му Ч—ри—у, въ Кіевѣ. Безъ сомнѣнія, будетъ напечатано, — хотя не всегда вполне, — все, что Вы сообщите; возраженія могутъ найти мѣсто въ «Основѣ», если они не противорѣчатъ существеннымъ убѣжденіямъ. Ваше возраженіе съ эпиграфомъ: «правду рѣжь», тоже будетъ помѣщено, если Вы потрудитесь яснѣе высказать, развить, свои мысли. Надѣемся, «второе письмо», за которое искренно Вамъ благодарны, войдетъ въ VI кнѣжку. Съ терпѣніемъ ожидаемъ отъ Васъ извѣстїи о многихъ явленіяхъ мѣстной общественной жизни.

Отчетъ о перевезенїи тѣла покойнаго Т. Гр. Шевченка на родину, отлагается по обстоятельствамъ, до слѣдующей книжки. Ожидаемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній и представимъ свой отчетъ въ возможно-полномъ видѣ.

Послѣ Т. Гр. Шевченка здѣсь остались еще непроданными нѣкоторыя его гравюры, рисунки и рисовальныя принадлежности. Желашіе приобрести себѣ что-либо изъ этихъ предметовъ, или узнать подробности, могутъ обращаться въ квартиру *Михаила Матвѣевича Лазаревскаго, домъ Воронина, въ 5-й линїи, противъ сада Академіи Художествъ.*

ОБЪЯСНЕНИЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 5-й КНИЖКѢ «ОСНОВЫ».

Бáйдки битъ—проводитъ время въ праздности, битъ баклуши.

Бáчитця—кажется, видится.

Бáкатиcя—жаловаться на нужды, недостатки, неудачи.

Благущій—умоляющій.

Блѣмать—слабо свѣтиться.

Блудитъ—сбиться съ пути.

Бухикать—кашлять (густымъ кашлемъ).

Вáлява—куча, множество (снѣгу).

Вбивáтися—жалѣть, тосковать.

Вгамувáтися—уняться, успокоиться.

Вдоволювати—довольствоваться, удовлетворять.

Видирáть—забирать, вытаскивать (изъ гнѣздъ и норъ дѣвнешеи).

Видъ—лицо.

Витребѣньковати—выдумывать, болтать.

Викликáти—вызывать.

Вогкій—сырой, влажный.

Волочитъ—боронить.

Га-га!—междометіе.

Гидкувати—брезгать.

Гнучкій—гибкій.

Годивникъ—часы.

Гóби—известное разстояніе; гоняи измѣряютъ вспаханное поле: «виоравъ гóней зо дві».

Грѣмъ—громъ.

Грúдочка—комочекъ.

Грúдь—градъ.

Гúнуть—устремиться толпой; толкнутъ сильно.

Гучній—звучный, громкій.

Дзигáрі—часы.

Дѣхати—дышать.

Дудити—пить съ жадностью (дуть).

Забитнá (дорога)—занесенная (снѣгомъ) дорога).

За-вѣтромъ—по теченію вѣтра.

Заволокти—подернуть, затянуть.

Задрипана (одежа)—съ запачканнымъ въ грязь подоломъ.

Зáйвий—лишній

Заморóчить—обмануть, затуманить.

Зáполочъ—красныя бумажныя нитки, которыми вышиваютъ воротники и рукава рубашекъ, полотенецъ и другія вещи.

Захолóпуть—застыть.

Зашамóтити—зашумѣть платьемъ; зашестѣть.

Збито—вытоптано.

Злякáтися—испугаться.

Змигáть—мигать.

Зоупинити—удержать, остановить.

Истикъ—деревянная, заостренная, довольно большая палка, которую (*ялу-гáтарь*) (работникъ, управляющій сохою или плугомъ) во время оранія держитъ въ рукѣ и очищаетъ ею приставшую къ плугу или сохѣ землю.

Каламúтний—грязный, взболтаный (о водѣ и о другой жидкости).

Кѣ мині; кѣ сюди—подай мнѣ.

Клаць-кляць!—междометіе, выражающее шелканье зубами (о волкѣ).

Кóверзувати—своенравничать, вертѣть по своему.

Ковтáть—глотать.

Козирити (ушима)—насторожить (уши), прислушиваться.

Копá—шестьдесятъ сноповъ ржи или другаго хлѣба.

Кублó—гнѣздо.

Ли́чко—(умен.)—лицо.
Лопъ-лопъ!—хлопъ-хлопъ! (междо-
метіе звукоподражателное, означающее
хлопанье птицъ крыльями).

Манія—привидѣніе, призракъ, фа-
томъ.

Маня́чить—видѣться издали въ
неопредѣленныхъ формахъ.

Ме-ме!—междометіе, обозначающее
блеяніе овецъ.

Мани́къ—мельница.

Му́штра—солдатское ученье.

Набро́ить—наколобродить, надѣ-
лать безпорядку.

Навце́рѣи—навстрѣчу (забѣгать
кому, чтобъ задержать),

Навпро́шки—напрямикъ (о до-
рогѣ).

Наги́бать—набрести, найги.

Нагодува́тъ—накормить.

Назори́тъ—усмотрѣть, завидѣть.

Нари́кать—роптать, обвѣщать.

Настигну́тъ—догонять, поспѣвать,
подоспѣть.

Насъ́ннй—домашній, доморощен-
ный.

Не-пода́лецъ—исподалеку.

Незабу́тнй—незабвенный.

Нес-та́къ—не такъ много, не столь-
ко какъ.

Несчу́тисъ—не замѣтить, не опом-
ниться; слово это происходитъ отъ гл.
чу́ть, слышать и всегда употребляется
въ отрицательной формѣ.

Нѣхворо́шъ—*artemisia campestris*,
L., растеніе, изъ котораго дѣлають
вѣники.

Ни-щó—ничто.

Обди́ма (живи́тъ)—дуетъ (живо́тъ).

Одя́гъ—одежда.

Ополóнка—прорубь.

Осторо́пъ—встропъ, поотдадь.

Отъ-отъ—вотъ-вотъ.

Па́гощи—молодые побѣги, отрост-
ки.

Пере́лигъ—нива, вспаханная прош-
лымъ годъ.

Пере́ивечить—испортить, при-
везь что въ дурное состояніе. Слово это
употребляется въ рѣчи не только о
вещахъ, напр. изи́вечить кожухъ
(тулупъ), но и о человѣкѣ, напр. чо-
ловикъ (мужъ) изи́вечивъ жи́нку.

Перестри́бнуть—перепрыгнуть,
перескочить.

Пита́ти—спрашивать.

Підводи́тьця—привставать.

Поверта́тьця—ворочаться (съ боку-
на-бокъ).

По́затори́къ—третьяго году.

Поли́нуть—полетѣть.

По́назбига́лисъ—сбѣжались, стол-
пилисъ.

Поскóрнитьця—поторопиться, по-
спѣшить.

Помі́сть—погъ.

Почимчи́кувать—побрести, по-
плестись.

Почу́тъ—слышать, почувствовать.

Притьомъ—скоро, поспѣшно.

Прова́ля—глубокой, обрывистый
оврагъ, провадь.

Прóжогомъ—весьма быстро, стре-
мительно, произительно.

Пруча́тьця—высвобождаться, вы-
рваться.

Пу́га—плеть.

Ра́лецъ—приношеніе должностному
лицу; папу.

Разва́жать—развлекать, успокаи-
вать.

Рештува́тъ—снаряжать.

Ру́нить—тронуть, трогать; тронуть-
ся съ мѣста.

Савка—Савелій.

Секлѣта—Сигклитинія.

Сйла (вовкiвъ) — множество (вол-
ковъ).

Сі́биринй (ругат. слово) — заслужи-
вающейіи Сибири.

Скорбóта—скорбь.

Слезі́на—слеза.

Слопéцъ—

Срiбло—серебро.

Срiбнохвилнй—Среброволный.

Ставо́къ—небольшой прудъ.

Стойло—стойло.

Сто́впъ—столбъ.

Стопц́еваннй—истоптанный, вы-
битый.

Стриба́йчинокъ—Зайчинокъ—
стриба́йчинокъ — (умен.) пригун-
чикъ.

Тори́къ—прошлый годъ.

То́рба—мѣшокъ.

Уляга́тъ—налегать.

Упа́дися—повадися.

Уни́шкнутъ—утихнуть; присми-
рѣть.

Хва́бри—храбрый, бойкій.

Хихика́тъ—хихикать, смѣяться.

Хля́га—слякость.

Хо́ля—нѣга.

Хуга́—вьюга.

Ху́рія—мятелъ.

Хусти́ця—платочекъ.

Цькува́ти—травить (собаками).

Чепі́га—одно изъ созвѣздій.

Чері́дка—свиное стадо; уменьшительное слово отъ чередá (стадо коровъ). Коровы и свиньи, возвращаясь съ поля, идутъ одна за другой, въ нѣкоторомъ порядкѣ или очереди; вѣроятно, оттого и слово чередá.

Чистобрéха — тотъ, кто гладко вретъ.

Чийшуть—чмхать — сильно дышать (о волахъ, коровахъ).

Чёр-зна-чогó—чортъ знаетъ чего.

Чудасія—диво, чудо.

Шáта — одѣяніе; окладъ на образахъ.

Эгé!—эге-гé!—да; а!

Ярочокъ—небольшой оврагъ.

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЯ И МУЗЫКАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

О ВЫХОДѢ

ВТОРОЙ КНИЖКИ

БИБЛОТЕКИ ДЛЯ ДѢТСКАГО ЧТЕНІЯ.

При 4-мъ номерѣ «Русскаго Педагогическаго Вѣстника», вышла 2-я книжка *Библиотеки для Дѣтскаго Чтенія*. Содержаніе ея слѣдующее:

- 1) Бесѣды о природѣ. (Бесѣда вторая: общія свѣдѣнія изъ анатоміи и физиологіи, съ тремя рисунками.)
- 2) Географія въ разсказахъ.
- 3) Солнце, земля и луна.
- 4) Секундные часы, съ 15-тью рисунками.
- 5) Теплая вода. Изъ Бока.
- 6) Лошадь. Изъ Бюффона.
- 7) Смерть Шевченка.
- 8) Украинскій козакъ въ степи. Изъ поэмы «Марія» Мальчевского.

При этой книжкѣ приложены: портретъ Тараса Григорьевича Шевченка, гравированный на камнѣ, и 18-ть рисунковъ (къ статьямъ 1-ой и 4-ой), гравированныхъ на деревѣ.

Подписка на «Библиотеку для Дѣтскаго Чтенія» принимается: въ Петербургѣ — въ конторѣ журнала «Русскій Педагогическій Вѣстникъ», при книжномъ магазинѣ А. И. Давыдова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Завѣтнава, а въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ г. Свѣшниксва.

Цѣна за годовое изданіе «Библиотеки», состоящее изъ шести книгъ, *6 рублей съ пересылкой и доставкой*, а для выписывающихъ ее вмѣстѣ съ «Русскимъ Педагогическимъ Вѣстникомъ» — *5 рублей*, или за «Русскій Педагогическій Вѣстникъ и Библиотеку для Дѣтскаго Чтенія» *13 рублей*. Можно получать каждую книжку отдѣльно по 1 руб.

Для воскресныхъ школъ уступается по слѣдующей цѣнѣ: за годовое изданіе «Библиотеки» — 2 руб. съ пересылкой, а отдѣльно — первая книжка по 25 коп. сер., вторая книжка по 41 к. сереб.

Редакторъ и издатель Александръ Григоровичъ.

ОСНОВА

1861

І Ю Н Ъ

СОДЕРЖАНИЕ:

- I. Ковзѣрь, XX—XXIII. Предсмертны думи, Т. Г. Шевченка.
- II. Дневникъ Т. Г. Шевченка.
- III. Не було змѣлку—не буде до'станку, А. Мочуй-вѣтеръ.
- IV. Значеніе Шевченка для Украины. Проводы тѣла его на Украину, изъ Петербурга
- V. Автобиографія Бѣлокопытенка, М. Т. Номиса.
- VI. Замѣтка о пѣвцѣ Митусѣ, М. А. Максимовича.
- VII. Святій Вечѣрь, М. Т. Номиса.
- VIII. Письма о пчеловодствѣ, Я. М. Костенецкаго.
- IX. О преданіяхъ въ древней русской летописи, М. М. Сухомлинова.
- X. Объ ярмаркахъ (до сѣльскіхъ парафіянь).
- XI. Училища, образовавшіяся на югѣ въ послѣднее время.
- XII. Прощаніе Н. Нв. Шерегова.
- XIII. Недоразумѣніе по поводу слова «жидь».
- XIV. Концертъ 27 апрѣля, А. В. Шобратима.
- XV. Вовчиця, Н. В. Свѣтченна.
- XVI. Вісти. (письма изъ разныхъ южнорусскихъ мѣстностей).
- XVII. Объ изданіи «Черниговскаго листка».
- XVIII. Объясненіе къ рисункамъ «Живописной Украины», Л. М. Жемчужникова.
- XIX. Отвѣты редакціи.
- XX. Объясненіе неудовопонятныхъ украинскихъ словъ.
- XXI. Библиографическое извѣстіе.

№ 177 1/2 1861, 6

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛІТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

«Добра хочю братья и Русьскѣи Земли.»
Владиміръ Мономахъ.

1861

ПОСЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИВЛЕНА И КОМП.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Іюля 16 дня, 1861 года.

Цопсоръ Ст. Лебедевъ.

КОБЗАРЬ.

ПРЕДСМЕРТНІ ДУМИ.

XX.

Не нарікаю я на Бóга,
Не нарікаю ні на кóго:
Я самъ-себе, дурний, дурю,
Та ще й співаючп... Орю
Свій перелігъ—убóгу ніву,
Та сю слово: добрі жніва
Колись-то бóдуть!... И дурю—
Себе-такі, себе-самóго,
А бiльше, бачитця, нікóго....

Оріся жъ ти, моя ніво,
Дóломъ та горбю,
Та засійся, чóрна ніво,
Вóлею яснóю!
Оріся жъ ти, розверніся,
Пóлемъ розстеліся,
Та посійся дóбримъ жiтомъ,
Дóлею полійся!
Розверніся жъ на всі бóки,
Нiво-десятино!
Та посійся не словáми,
А рóзумомъ, нiво!
Вiйдуть люди жiто жáти....
Весéлні жніва!...
Розверніся жъ, розстеліся жъ,
Убóгая нiво!!

Чи не дурю себе я зно́ву
 Своїмъ химернимъ добримъ словомъ?...
 Дурю! Бо лү́чче одури́ть
 Себе-таки, себе-само́го,
 Ніжъ зъ ворогомъ по-пра́вді жить
 И все́ парі́а́ть на Бо́га!

Сентября 1861 р.
 Петербургъ.

XXI.

Якѣби съ кімъ сісти, хлѣба звісти, —
 Промовить слово, — то воно бѣ,
 Хочъ и якъ-небудь, на сімъ світі,
 А все бѣ такі якось жилось.
 Та ба!.. нема съ кімъ! Світь широгий,
 Люде́й чимало на землі,...
 А доведѣтця одино́кимъ—
 Въ холо́дній х́а́ті кривобі́кій,
 Або підъ ті́номъ—проста́гтісь!...
 Або... ні!... Треба одру́житись,
 Хоча бѣ на чо́ртовій сестрі!
 Бо доведѣтця одури́ти
 Въ самотни́ні... Пшени́ця, жи́то,
 На до́брімъ сіялось ла́ну,
 А лю́де та́къ-собі́ по́жнуть
 И ска́жуть:—десь ё́го уби́то,
 Серде́шного, на чу́жині...
 О го́ре, го́ренько мені!...

Т. Шевченко.

4 ноября 1860 р.
 Петербургъ.

ДНЕВНИКЪ Т. РГ. ШЕВЧЕНКА.

Второй отрывокъ.

1857 г., 19 июня.

Вчера ушелъ пароходъ въ Гурьевъ и привезетъ оттуда вторую роту и самого баталіоннаго командира, а по случаю прибытія его сюда, — остающаяся здѣсь рота, къ которой принадлежу и я, готовится къ смотру. Для этого важнаго грядущаго событія, мнѣ сегодня пригоняли аммуницію. Какое тягостное грядущее важное событіе! Какая безконечная эта пригонка аммуниціи! Неужели и это еще не въ послѣдній разъ? — — — — Въ дѣтствѣ, сколько я помню, меня не занимали солдаты, какъ это обыкновенно бываетъ съ дѣтьми.

— — —

20 июня.

Сегодня рота придетъ въ Гурьевъ, а по случаю полноводія въ Уралѣ, она пройдетъ прямо на Стрелицкую-Косу, и сегодня же сядетъ на пароходъ. Завтра рано пароходъ подыметъ якорь, и послѣзавтра высадитъ роту въ Новонетровской гавани. Держись наша офиція! гроза, гроза ужасная близится. Баталіонный командиръ, подобно тучегонителю Кропіону, грядетъ на тебя въ облацѣ мрачнѣ, въ томъ числѣ и насъ солдатиковъ. Многіе уже блажатъ и умоляютъ эскулана засвидѣтельствовать ихъ небывалыя немощи душевныя и тѣлесныя, а иаче—душевныя. — — — —

«Къ добру ли это я такъ сегодня разфантазировався? Въ прежніе годы, въ эти истинно-критическіе дни, со мною этого не было. Не было однакожъ и того, не въ похвалу будь сказано, чтобы я прятался подъ кровомъ стоновъ и воздыханій. Въ этомъ случаѣ я никогда не искалъ медицинскаго пособія. Съ трепетнымъ зампраніемъ сердца

я всегда фабрилъ усы, облачался въ броню и являлся предъ лицо отца-командира сдать экзамень въ пунктахъ, ружейныхъ приемахъ и, въ заключеніе, выслушать длиннѣйшее наставленіе о томъ, какъ долженъ вести себя бравый солдатъ, — — любить Бога и своихъ ближайшихъ начальниковъ, начиная съ дядьки и капрального еврейтора. — — — —

Странно еще вотъ—что. Все это несповѣдимое горе прошло какъ-будто не касаясь меня. Малѣйшаго слѣда не оставило по себѣ. Опытъ, говорятъ, есть лучшей нашъ учитель. Но горькій опытъ прошелъ мимо меня невидимкою. Миѣ кажется, что я точно тотъ же, что былъ и десять лѣтъ тому назадъ. Ни одна черта въ моемъ внутреннемъ образѣ не измѣнилась. Хорошо ли это? Хорошо. По-крайней-мѣрѣ, миѣ такъ кажется. И я отъ глубины души благодарю моего Всемогущаго Создателя, что онъ не допустилъ ужасному опыту коснуться своими желѣзными когтями моихъ убѣжденій и младенчески-свѣтлыхъ вѣрованій. Нѣкоторыя вещи просвѣтлѣли, округлились, приняли болѣе естественный размѣръ и образъ; но это — слѣдствіе не возмутимо-лѣтящаго старика Сатурна, а никакъ не слѣдствіе горькаго опыта.

Получивши отъ К—ка письмо съ приложеніемъ 25 р.,—значить— съ приложеніемъ весьма вещественнымъ,—я отблагодарилъ его письмомъ же, со вложеніемъ собственного поличья, и вторымъ письмомъ, со вложеніемъ еще менѣе вещественнымъ — со вложеніемъ небывалаго разказа мнимаго *варнака*, подъ названіемъ *Москалёва Крилиця*. Я написалъ его вскорѣ по полученіи письма отъ *батька отамана Кошового*. Стихи оказались почти одной доброты съ прежними моими стихами,—немного упруже и отрывистѣе. Но это ничего: дастъ Богъ, вырвусь на свободу, и они у меня потекутъ шавитѣ, свободнѣе, проще и веселѣе. Дождусь ли я этой хромой волшебницы—свободы? — — — —

25 іюня.

Только—что успѣлъ я написать — *слѣдовательно, тоже птица не мелкаго полета*,—какъ раздалось во всѣхъ концахъ огорода слово—*пароходъ*. Я, разумѣется, бросилъ свое писаніе и побѣжалъ въ крѣпость. Съ пароходомъ я ожидалъ Оренбургской почты, а съ почтой—свободы. Вышло однакожь противное тому, чего я ожидалъ. Пароходъ почты не привезъ, а слѣдовательно и волшебнаго, очаровательнаго слова... А вмѣсто онаго слова привезъ *дѣло* въ

видѣ баталіоннаго командира, первымъ дѣломъ котораго было объ-
гати казармы — — — И послѣ этого вступленія, назначенъ былъ
формальный смотръ той ротѣ, къ которой и я принадлежу. Бѣд-
ная рота всю ночь готовилась къ этому истинно — страшному су-
ду, и въ пять часовъ утра, 23 іюня, умытая, причесаная, нафа-
бренная, выстроилась на полянкѣ, точно игрушка, вырѣзанная изъ
картона. Отъ 5 и до 7 часовъ, въ ожиданіи судін праведнаго,
рота равнялась. Въ 7 часовъ, явился, во всемъ своемъ грозномъ
величіи, самъ судія и испытывалъ ее ровно до 10 часовъ. — — —
Для всѣхъ гроза прошла, а для меня она еще только собира-
лась. Въ числѣ прочихъ конфирмованныхъ, долженъ былъ и я
предстать, послѣ обѣда въ 5 часовъ, на вторичное, и еще горшее,
испытаніе. Къ этому вторичному испытанію я готовился довольно
равнодушно, какъ человѣкъ вполнину — свободный. Но когда пред-
сталъ предъ неумолимаго экзаменатора, куда что дѣвалось! Ни же
малѣйшей тѣни, ничего похожего на человѣка вполнину — свободнаго
во мнѣ не осталось... Та же самая, мучительная, холодная, дрожь
пробѣжала по моему существу. То же самое что и въ прежніе годы
чувство, — — — охватило меня; однимъ словомъ, я превратился
въ ничто. Экзаменъ повторился слово — въ — слово, какъ и десять лѣтъ
тому назадъ: четверти буквы не прибавлено, не убавлено. — — —
По примѣру прежнихъ годовъ, экзаменаторъ спросилъ насъ по ран-
жиру, кто и за что несетъ — — — обязанность солдата.

— Ты за что? — спросилъ онъ у перваго.

— За утрату казенныхъ денегъ, ваше высокоблагородіе.

— Да, знаю: ты не осторожно загнулъ уголъ. Надѣюсь, впередъ
не будешь гнуть углы, — сказалъ онъ насмѣшливо, и оборотился къ
слѣдующему: — А ты за что?

— По волѣ родительницы, ваше высокоблагородіе.

— Хорошо. Надѣюсь, впередъ не будешь и... — и обратился къ
слѣдующему. — Ты за что? •

— За буйные поступки, ваше высокоблагородіе.

— Хорошо. Надѣюсь, впередъ...и — Ты за что? — спросилъ онъ
у слѣдующаго.

— По волѣ родителя, ваше высокоблагородіе.

— Надѣюсь... А ты за что? — спросилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Я отвѣтилъ.

— Надѣюсь, впередъ не будешь... — А ты за что? — спросилъ онъ у послѣдняго.

Послѣдній отвѣчалъ, что тоже по волѣ родительницы, и не выслушавши послѣдняго, онъ обратилъ къ намъ сильную рѣчь, замкнувшуюся вовсе не новой истиной, что за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ. — — — —

Всѣ эти конфирмованные, такъ называемые здѣсь *господа-дворяне*, съ которыми я теперь представлялся предъ лицо отца-командира, всѣ они — люди замѣчательные по своимъ нравственнымъ качествамъ, но одинъ субъектъ всѣхъ ихъ перещеголялъ. Всѣ ихъ пороки онъ вмѣстилъ въ своей двадцатилѣтней особѣ. Странное и непонятное для меня явленіе этотъ отвратительный юноша. Гдѣ и когда успѣлъ онъ такъ глубоко заразиться всѣми гнусными нравственными болѣзнями? Итъ мерзости, низости, на которую бы онъ не былъ способенъ. Романы Сю, съ своими отвратительными героями, — пошлыя куклы передъ этимъ двадцатилѣтнимъ извергомъ. И нельзя предполагать, по чину отца, чтобы не было средствъ дать ему не какое нибудь, а порядочное, воспитаніе. И что же? Никакого. Хорошъ долженъ быть и родитель! Да вообще должны быть хороши отцы и матери, отдающіе дѣтей своихъ въ солдаты на исправленіе! И для чего, наконецъ, попечительное правительство наше беретъ на себя эту неудобополнимую обязанность? Самое лучшее — предоста-вить ихъ попеченію нѣжныхъ родителей: пускай спотѣшаются на старости лѣтъ своимъ собственнымъ произведеніемъ. Разумѣется, до перваго криминальнаго проступка.

До прибытія моего въ Орскую крѣпость, я и не воображалъ о существованіи этихъ гнусныхъ исчадіи нашего православнаго общества. И первый этого разбора *мазурикъ* меня поразилъ своимъ зловреднымъ существованіемъ. Особенно, когда мнѣ сказали, что онъ тоже *несчастный*, такой же какъ и я разжалованный и, слѣдовательно, мой товарищъ, по званію и по квартирѣ, т. е. по казармамъ. Слово *несчастный* имѣло для меня всегда трогательное значеніе, пока я не услышалъ его въ Орской крѣпости. Тамъ оно для меня опоздало и я до сихъ поръ не могу возвратити ему прежняго значенія.

По распоряженію О., я имѣлъ случай просидѣть подъ арестомъ въ одномъ казематѣ съ колодниками и даже съ клейменными каторжниками, и нашелъ, что къ этимъ заклеяннымъ злодѣямъ слово *не-*

счастнѣй больше къ лицу, нежели къ этимъ растлѣннымъ сыновьямъ беззачныхъ эгонистовъ—родителей.

26 іюня.

Два дня уже прошло, какъ выѣхалъ отъ насъ отецъ—командиръ нашъ, но я все еще не могу освободиться отъ тяжелаго вліянія, наведеннаго его короткимъ присутствіемъ. Этотъ смотръ такъ плотно притиснулъ мои блестящія розовыя предположенія, такъ меня обезкуражилъ, что еслибы не Лазаревского письмо у меня въ рукахъ, то я бы совѣмъ обезсмыслилъ подъ гнетомъ этого тяжелаго впечатлѣнія. Но слава Богу, что у меня есть этотъ неоцѣненный документъ; значить, у меня есть канва, по которой я могу выводить самые прихотливыя, самые затѣливыя арабески.

Надеждою живутъ ничтожныя умы, сказала покойникъ Гёте. И покойный мудрецъ сказалъ истину виоловину. Надежда свойственна и мелкимъ, и крупнымъ, и даже самымъ матеріальнымъ и положительнымъ умамъ. Это наша самая нѣжная, нестоянная, до гробовой доски неизмѣнная, нянька—любовница. Она, прекрасная, и всемогущаго царя, и міроваго мудреца, и бѣднаго пахаря и меня, мизернаго, постоянно легчаетъ довѣрчивое воображеніе, и ублаживаетъ недовѣрчивый умъ своими волшебными сказками, въ которыя вслѣдствіе насъ такъ охотно вѣрять. Я не говорю—безотчетно: тотъ, дѣйствительно, ничтожный умъ, который вѣрять, что на вербѣ груши выростутъ. Но почему не вѣрять мнѣ, что я, хотя къ зимѣ, но непремѣнно, буду въ Петербургѣ? увижу милыя моему сердцу лица, увижу мою прекрасную академію, эрмитажъ, еще мною невиданный, услышу волшебницу—оперу. О, какъ сладко, какъ невыразимо сладко вѣрять въ это прекрасное будущее! Я былъ бы равнодушный, холодный атеистъ, еслибы не вѣрилъ въ этого прекраснаго бога, въ эту очаровательную надежду.

Матеріальное мое существованіе я предполагаю устроить такъ (разумѣется, съ помощію моихъ друзей). О живописи мнѣ теперь и думать нечего. Это было бы похоже на вѣру, что на вербѣ выростутъ груши. Я и прежде не былъ даже и посредственнымъ живописцемъ, а теперь и недавно. Десять лѣтъ неупражненія въ—состояніи сдѣлать и изъ великаго виртуоза самаго обыкновеннаго, кабашианаго, балаганщика. Слѣдовательно, о живописи мнѣ и думать нечего. А я думаю посвятить себя безраздѣльно гравюрѣ *аква-тинта*. Для

этого, я полагаю ограничить свое матеріальное существованіе до крайней возможности и упорно заняться этимъ искусствомъ, а въ промежуткѣ времени дѣлать рисунки сеніею съ знаменитыхъ произведеній живописи, рисунки для будущихъ эстамповъ. Для этого, я думаю, достаточно будетъ двухъ лѣтъ прилежнаго занятія. Потомъ, уѣду на дешевый хлѣбъ въ мою милую Малороссію и примусь за исполненіе эстамповъ, и первымъ эстампомъ моимъ будетъ *казарма*, съ картины Теньера, — съ картины, про которую говорилъ незабвенный учитель мой, великій Карлъ Брюловъ, что можно пріѣхать изъ Америки, чтобъ взглянуть на это дивное произведеніе. Словачъ великаго Брюлова, въ этомъ дѣлѣ, можно вѣрить.

Изъ всехъ изящныхъ искусствъ мнѣ теперь болѣе всего правится гравюра, — и не безъ основанія. Быть хорошимъ гравёромъ, значитъ быть распространителемъ прекраснаго и поучительнаго въ обществѣ, — значитъ быть распространителемъ свѣта истины, — значитъ быть полезнымъ людямъ и угоднымъ Богу. Прекраснѣйшее, благороднѣйшее призваніе гравёра! Сколько изящныхъ произведеній, доступныхъ только богачамъ, копилось бы въ мрачныхъ галлерейхъ безъ твоего чудотворнаго рѣзца! Божественное призваніе гравёра!

Кромѣ копій съ мастерскихъ произведеній, я думаю, современемъ, выпустить въ свѣтъ, въ гравюрѣ *аква-тинта*, и собственное чадо — *притчу о блудномъ сынѣ*, принаровленную къ современнымъ правамъ купеческаго сословія. Я раздѣлилъ эту поучительную притчу на двѣнадцать рисунковъ; они уже почти всё сдѣланы на бумагѣ. Но надъ ними еще долго и прилежно нужно работать, чтобы привести ихъ въ состояніе, въ которомъ они могутъ быть переданы мѣди. Общая мысль довольно удачно принаровлена къ грубому нашему купечеству, но исполненіе ея оказалось для меня не по силѣ. Нужна ловкая, мѣткая, вѣрная, а главное — не карикатурная — скорѣе драматическій сарказмъ, нежели — насмѣшка. А для этого нужно прилежно поработать и съ людьми свѣдущими посоветоваться. Жаль, что покойный Оедотовъ не наткнулся на эту богатую идею: онъ бы изъ нея выработалъ изящнѣйшую сатиру въ лицахъ для нашего темнаго полутатарскаго купечества.

Мнѣ кажется, что для нашего времени и для нашего средняго полуграмотнаго сословія необходима сатира, только сатира умная, благородная. Такая, напримѣръ, какъ *Женихъ*, Оедотова, или *Свои люди, сочтемся!*, Островскаго, и *Ревизоръ*, Гоголя. Наше юное

среднее общество, подобно лѣнивому школьнику, на складахъ остановилось, и безъ пошуканья учителя не хочетъ и не можетъ перешагнуть черезъ эту безтолковую *тму, мну*. На пороки и недостатки нашего высшаго общества не стоитъ обращать вниманія. Во-первыхъ, по малочисленности этого общества, а во-вторыхъ, по застарѣлости нравственныхъ недуговъ; кроткій способъ сатиры тутъ не дѣйствуетъ. Да и имѣеть ли какое нибудь значеніе наше маленькое высшее общество въ смыслѣ національности? Кажется, никакого. А средній классъ — это огромная и, къ несчастію, полуграмотная масса, это половина народа, это сердце національности; ему-то и необходима теперь не суздальская любочная притча о блудномъ сынѣ, а благородная, изящная и мѣткая сатира. Я считалъ бы себя счастливѣйшимъ въ мірѣ человѣкомъ, еслибы удался мнѣ такъ искренно, чистосердечно, задуманный мной безсознательный негодяй, мой *блудный сынъ*.

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ. Мнѣ здѣсь года два тому назадъ говорилъ Н. Д—скій, человѣкъ стоющій вѣры, что буд-то бы комедія Островскаго—*Свои люди, сочтемся*, не дается на сценѣ по просьбѣ московскаго купечества. Если это правда, то сатира, какъ нельзя болѣе, достигла своей цѣли. Но я не могу понять, что за расчетъ въ этой уступкѣ невѣжеству? Странная мѣра!

27 іюня.

Отъ купечества перехожу къ офицерству. Переходъ не рѣзкій, — оно также принадлежитъ къ среднему сословію, съ тою только разницею, что купецъ въжливѣе: онъ называетъ офицера — *вы, ваше благородіе*, а офицеръ его называетъ — *эй, ты, борода!* Ихъ, однакожъ, нисколько не разъединяетъ это наружное разъединеніе, потому-что они, по воспитанію, родные братья. Разница только та, что офицеръ — вольтерьянецъ, а купецъ — старовѣръ; а въ-сущности — одно и то же.

Сегодня къ вечеру появились комары на огородѣ, и я, чтобы избавиться этихъ несносныхъ насѣкомыхъ, ушелъ на ночь въ укрѣпленіе. Но увы! Неумолимая Пемезида преслѣдуетъ меня на каждомъ шагу. Избѣгая комаровъ, я наткнулся на шмелей... Съ подобающимъ почтеніемъ проходя мимо офицерскаго флигеля, я услышалъ новую для меня пѣсню, начинающуюся такъ:

Коврики на коврики

И шатрики на шатрики.

Далѣ я ничего не могъ разслышать, потому—что пѣвецъ слишкомъ густо забасилъ. — — Хозяинъ — — выбѣжавъ на площадь, не знаю для какой надобности, и увидя меня, вздумалъ оказать мнѣ небольшую услугу и покровительство, познакомивъ меня съ вновь прибывшими *лихими ребятами*, по его выраженію. Для этого, схватилъ онъ меня за рукавъ и потащилъ въ коридоръ. Вновь прибывшіе лихіе ребята сидѣли и лежали на разостланой кошмѣ — — живал сцена изъ *Двуужницы*, кн. Шаховскаго. Я, чтобы не дополнить собою такой группы, вырвался изъ объятій покровителя и выбѣжалъ на площадь — — — —

Записывая въ журналъ эту весьма обыкновенную въ моемъ положеніи траги-шутку, я въ глубинѣ души прощаю моихъ гонителей. — —

Сегодня ожидаютъ парохода съ почтою изъ Гурьева, и никто его не ожидаетъ съ такимъ трепетнымъ нетерпѣніемъ, какъ я. Что, если не привезетъ онъ мнѣ такъ долго ожидаемой свободы? что я тогда буду дѣлать? Придется — — знакомиться со вновь прибывшими — — Мрачная, — — перспектива! А если, наче чаянія, привезетъ эту лѣнивую колдунью—свободу, —о, какая радостная, какая свѣтлая перспектива! Иду въ укрѣпленіе и, на всякій случай, упакую въ *чувавъ* (торба) мою мизерію, авось либо и совершится.

28 іюня.

Совершилось, — только совершилось не то, чего я ожидалъ, — — Пошелъ я вчера въ укрѣпленіе, въ ожиданіи парохода, наковать свою мизерію и, какъ это обыкновенно бываетъ, когда человекъ ожидаетъ чего—нибудь хорошаго, то на этомъ хорошемъ и хорошіе строятъ планы. Такъ и я, въ ожиданіи вѣстника благодатной свободы, развернулъ коверъ—самолетъ, и еще одна—одна только минута— и я очутился бы на седьмомъ магометовомъ небѣ. Но, не доходя укрѣпленія, навстрѣчу мнѣ посланный за мною вѣстовой отъ коменданта.—Не пришелъ ли пароходъ?—спрашиваю я у вѣстового.—Никакъ нѣтъ,—отвѣчалъ онъ. — Какая встрѣтилась во мнѣ надобность коменданту?—спросилъ я самъ—себя, и прибавилъ шагъ. Прихожу. И комендантъ, вмѣсто всякаго привѣтствія, молча подаетъ мнѣ какую—то бумагу. Я вздрогнулъ, принимая эту таинственную бумагу какъ несомнѣнную вѣстницу свободы. Читаю—и глазамъ не вѣрю. Это рапортъ на имя коменданта отъ К—ни о томъ, что я *не въ трезвомъ видѣ надѣлалъ ему дерзости* — — — —

29 іюня.

Широкій бітій шляхъ изъ раю, а въ рай—узенькія стѣжечка, та і та колючилъ терноль порослі,» говорила мнѣ, еще ребенку, одна замиравшая старуха. И она говорила истину. Истину, смыслъ которой я теперь только вполне разгадалъ.

Пароходъ изъ Гурьева пришелъ сегодня, и не привезъ мнѣ совершенно ничего, ни даже письма. Писемъ, впрочемъ, я не ожидаю, потому—что вѣрные друзья мои давно уже не воображаютъ меня въ этой конурѣ. О, мои искренніе, мои вѣрные друзья! Еслибъ вы знали, что со мною дѣлается, на разставаньи, — вы бы не повѣрили, потому что я самъ едва вѣрю въ эти гнусности. Мнѣ самому это кажется продолженіемъ десятилѣтняго, отвратительнаго сна... И что значить эта остановка? Никакъ не могу себѣ и растолковать. Мадамъ Эй—тъ, отъ 13 мая, изъ Оренбурга, поздравляетъ меня съ свободой, а свобода моя гдѣ-нибудь съ дѣльцомъ-писаремъ въ кабацкѣ гуляеть. И это вѣрно, — вѣрно потому, что — — писемныя дѣла вѣдаетъ какой-нибудь писарь Петровъ, разжалованный въ солдаты за мошенничество. Такъ принято ископни, и нарушить священный завѣтъ отцовъ изъ-за какого-то рядоваго Шевченка было бы противно и заповѣди отцовъ, и правиламъ службы.

На сердцѣ страшная тоска, а я себя шуточками спотѣшаю! А все это дѣлаетъ со мною вѣтренища надежда. — —

Сегодня празднуется память величайшихъ двухъ провозвѣстниковъ любви и мира. Великій въ христіанскомъ мірѣ праздникъ! А у насъ — колосальнѣйшее нынѣство по-случаю христова праздника.

О, святые, великіе верховные апостолы! еслибъ вы знали, какъ мы запачкали, какъ изуродовали провозглашенную вами простую, прекрасную, свѣтлую истину! Вы предрекли жеучителей — и ваше пророчество сбылось: — — во имя ваше учреждали инквизицію и ужасное автодафе; — — во имя же ваше мы поклоняемся безобразію и совершаемъ въ честь вашу безобразнѣйшую вакханалію.... Истина стара и, слѣдовательно, должна быть понятна, вразумительна, а вашей истинѣ, которой вы были крестными отцами, минуетъ уже 1857 годочекъ. Удивительно, какъ тупо человечество!..

30 іюня.

Чтобы придать болѣе прелести моему уединенію, я рѣшился завести мѣднымъ чайникомъ. И эту мысль привелъ я въ исполне-

ніе только вчера вечеромъ, и то случайно. Къ тихому, прекрасному утру на огородѣ, прибавить стакагъ чаю—мнѣ казалося это роскошью позволительной. Съ самаго начала весны, меня преслѣдуетъ эта милая, ценишная затѣя? Но я никакъ не могъ привести ее въ исполненіе по неплѣнію здѣсь въ продажѣ такой затѣйливой вещицы. Только вчера вечеромъ пошелъ я къ З—скимъ, и проходя мимо кабака, увидѣлъ оборваннаго, но трезваго, деньщика одного изъ вновь прибывшихъ офицеровъ, съ мѣднымъ чайникомъ въ рукѣ такой величины, какой мнѣ нужно. — Не продаешь ли чайникъ?—спросилъ я. — Продаю,—отвѣчалъ онъ. — Не *хапаный* ли онъ?—Никакъ нѣтъ—съ. Самн барниш велѣли продать. Они думаютъ самоваръ завести.—Хорошо, я спрошу. А что стоить?—Рубль серебромъ.—Полтину серебра,—сказалъ я сколько могъ хладнокровіе, и пошелъ своей дорогой. Едва успѣлъ я сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ деньщикъ догналъ меня и безъ торгу вручилъ мнѣ давно желанную посуду; а деньщикъ, получивши полтину серебра, отправился прямо въ кабакъ и черезъ минуту вышелъ изъ него съ штофомъ въ рукѣ, и направился прямо къ своей квартирѣ.—Туда и дорога!—подумалъ я. Проводя вечеръ въ обществѣ Филемона и Бавкиды (такъ я въ шутку называю З—скихъ), по дорогѣ зашелъ я къ маркитанту, взялъ у него полфунта чаю, фунтъ сахара, и сегодня я, въ 4 часа утра, сбаритетвую себѣ на огородѣ и вписываю въ свой журналъ прошествіе вчерашняго вечера, благословляя судьбу, пославшую мнѣ мѣдный чайникъ.

Собираясь *путеплавать* по Волгѣ отъ Астрахани до Нижняго, я обзавелся чистой тетрадью для путевого журнала и положомъ отъ комаровъ, которые неутомимо преслѣдуютъ путешественника отъ устьевъ Волги до самаго Саратова. Запасаясь этими необходимыми вещами, мнѣ и въ умъ не приходилъ мѣдный чайникъ. И вчера только—спасибо старику З—скому—онъ объяснилъ мнѣ важность этой нехитрой посуды во время плаванія на рѣчной водѣ, гдѣ необходимъ крѣпкій чай во избѣжаніе поноса, и просто для препровожденія времени, какъ онъ выразился въ заключеніи. И многимъ кое—чѣмъ совѣтовалъ онъ мнѣ запастись въ Астрахани на дорогу, но это все лишнее. Я отправляюсь, да не на пароходѣ, а на одной изъ барокъ, буксируемыхъ пароходомъ, просто отставнымъ солдатомъ.

Странно, что меня считаютъ здѣсь всеъ, въ томъ числѣ и З—скіе, темнымъ богачемъ. Это, вѣроятно, потому, что если я дѣлаю долги, разумѣется—ничтожные, то въ сказанный срокъ аккуратно ихъ выплачиваю, не прибѣгая къ помощи Израиля, и не закладываю послед-

ней рубашки, какъ это дѣлаютъ иные изъ офицеровъ. Когда я сказалъ З—скимъ, что весь мой капиталъ состоитъ изъ 100 р. ср., на который я, кромѣ дорожныхъ издержекъ, намѣренъ еще сдѣлать въ Москвѣ необходимое платье, то они въ одинъ голосъ назвали меня Плюшкинымъ. Я не нашелъ нужнымъ разочаровывать ихъ своей нищетою, и разстался съ ними какъ настоящій богачъ.

Странные старые люди эти З—скіе! Бездѣтныя, старые, одинокіе, имѣютъ—обеспечивающее—даже прихотливую старость—состояніе, вздумали поселиться въ этой безводной, бесплодной пустынѣ! И добро бы на отдыхъ: нѣтъ, онъ взялъ обязанность. Я думаю, что это необходимая потребность усвоенной въ юности физической дѣятельности, или просто, жажда къ приобрѣтенію. Последнее, можетъ быть, только вполонину, потому что не замѣтно было скряжничества, перѣдно сопровождающаго въ могилу одинокую, беспомощную старость. Она, т. е. З—ская, мнѣ очень нравится; это—добродушно улыбающаяся, гостеприимная, кубическая старушка, бывшая нѣмка, а теперь православная. Онъ тоже добродушный старикъ, но пренаивный и самый безвредный лгунишка. Нашримѣръ, онъ очень простодушно, и каждый разъ съ новыми варіаціями, рассказываетъ, какіе онъ прошелъ мытарства, пока достигъ настоящаго званія. Происхожденіе свое ведетъ отъ какого-то короля польскаго, Сигизмунда, вѣроятно, третьяго. О ближайшихъ предкахъ онъ не упоминаетъ, равно какъ и о виновникѣ собственнаго существованія; дѣтство тоже покрыто мракомъ неизвѣстности. Первую часть юности провелъ онъ въ званіи домашняго учителя, у извѣстнаго табачника Анисима Головкина, въ Петербургѣ. И въ этотъ—то періодъ его жизни случилось съ нимъ таинственное происшествіе, которое разомъ поставило его на ноги. Происшествіе такого сорта. Однажды, ночью, на улицѣ, ему кажется, что на Литейной,—но за достовѣрность не ручается,—схватываютъ его два гайдука, сажаютъ въ карету, завязываютъ глаза, везутъ, везутъ, и наконецъ привозятъ прямо въ роскошнѣйшій будуаръ, надо думать какой нибудь богатѣйшей особы. Является, наконецъ, и таинственная обладательница будуара, вся въ дезабилье (собственное выраженіе), только лицо покрыто маской. Тутъ—таинственная любовь;—завязываютъ ему опять глаза, сажаютъ въ карету, провозятъ на то самое мѣсто, гдѣ взяли и одианъ изъ гайдуковъ вручаетъ ему пачку ассигнацій не болѣе, не менѣе какъ 20 тысячъ.

Долго онъ думалъ, какую основать будущность на этомъ незыблемомъ фундаментѣ и, гладнокровно отринувъ почести и золото, всту-

плать (внемля внутреннему призванію) въ скромный кружокъ поклонниковъ Мельпомены, гдѣ имѣлъ блестящій успѣхъ въ роляхъ Эдипа, Фингала, Дмитрія Донскаго и въ *Ибедь*, Кашшета, къ несчастію не помнитъ, въ какой именно роли; но по просякамъ знаменитаго учителя Каратыгина, Яковлева, долженъ былъ оставить избранное поприще и вступитъ въ морскую службу, разумѣется—лейтенантомъ. Здѣсь онъ совершилъ плаваніе (два раза) вокругъ свѣта, и одинъ только разъ къ южному полюсу вмѣстѣ съ Лазаревымъ. И во время этихъ плаваній, онъ узналъ досконально, откуда добывается деревянное масло, неправильно называемое прованскимъ. Вотъ гдѣ его родина: между Ливорно и Сингапуромъ (удивительное знаніе географіи!) есть островъ Провансъ,—на этомъ островѣ Провансъ растетъ огромное масличное дерево, изъ котораго и выпускаютъ масло, какъ у насъ, напримѣръ, весною изъ березы. Островомъ и деревомъ владѣетъ англичанинъ, французъ и италіанецъ, а мы и немцы уже отъ нихъ получаемъ этотъ дорогой продуктъ.—Изъ корабля переселился онъ въ земскій одесскій судъ, неизвѣстно въ какомъ рангѣ. Тутъ онъ велъ жизнь отчаяннаго кутяны, попалъ въ сомнѣніе *политиковъ* и былъ сосланъ безрочнымъ арестантомъ въ крѣпость Измаилъ, гдѣ въ скоромъ времени сдѣлался правой рукой коменданта и, по стеченію удивительныхъ обстоятельствъ, былъ переведенъ въ городъ Астрахань, въ званіи квартальнаго надзирателя. Но щекотливыя иногда обязанности этого званія заставили его выйти въ отставку и принять званіе повѣреннаго въ Новопетровскомъ укрѣпленіи.

К—ни, мой *покровитель*—не меньшій врагъ, но не такой безвредный и совѣстливый, заврался однажды до—того, что называлъ себя племянникомъ графа З—скаго и кандидатомъ дерптскаго университета. Чтобы разомъ озадачить и уничтожить дерзкаго лгунишку, З—скій разомъ махнулъ въ ротмистра лейбъ—гусаръ и въ ближайшіе родственники графу Г—чу. Знаи нашихъ!

Несмотря на этотъ невинный недостатокъ, онъ все-таки добрый и наивный старикъ, а она также добрая, кроткая, невинная говорунья и немножко сентиментальная старушка; и я ихъ не иначе называю, какъ Филемонъ и Бавкида. Они получаютъ, вмѣстѣ съ Н—скимъ, Петербургскія Вѣдомости, я частенько приношу имъ съ огорода укропъ и петрушку и тому подобный злакъ, пью чай, прочитываю фельетонъ и выслушиваю волшебныя похождения наивнаго Филемона, за что и пользуюсь полной довѣренностью Бавкиды.

НЕ БУЛО ЗМА́ЛКУ — НЕ БУДЕ Ї ДОСТА́НКУ.

I.

По десятому го́ду я остала́сь сирото́ю. Ба́тько й ма́ти на одні́мъ тїжні померли, одъ якби́сь промобрі́ї, — да ма́ти ще й удушливє́нка була́: було́ усю́ ніченьку ссїдить, усє бухкає. Ба́тько изра́зу запедужавъ — такъ и занедужавъ; ма́ти посли захоробала; думали, що вінъ скорішъ умре за ма́тюрь, а ба́тько ще, якъ ма́ти вмєрла, очу́нявъ, вста́въ, на полу́ посєдївъ, пла́кавъ на насъ глєдючи: (у менє́ ще сестра́ и братъ були́ менші́ менє́:), велївъ наварїть вечєрять — помнїну́ть ма́тюрь. Якъ вечєрявъ, — тїльки й рєчи чу́ли. *Смєрти — не одпєрти.*

Тїлько й згадаю тепє́рь про їхъ, що оцє́ було́ ми, дїтвора, на печі́, або́ такъ, заходимосъ́ пустовати́, — зи́къ такий сколо́тимо, що хотъ изъ ха́ти тїка́й, — отъ ма́ти за дерв́ачъ, да до насъ прожогомъ такъ и кипєтця, — ми й втїхнемъ; одїйшла́ до пє́чи — ми й зновъ за своє́. Нехай́ же було́ ба́тько тїлько озвєтця, глосє́ подасть, — ужє́ й не телєхнєшъ. Тїльки й зазнаю́ про їхъ. Ще було́, оцє́, ба́тько пїйде вь гості́ вь Ба́хмачи, недїлю́ проходить — байдуже́; бо вінъ тїльки жа́ловавъ одногo Олекса́ндрика: «се́й,» ка́же, «менє́ хлїбомъ догодїе;» така́ бъ то думка: — сї́ дївчата́ — чужа́ корїсть, покїнуть, ростечу́тця, — а хлбєць при є́му́ бїде, ста́рости доглєдить. А ма́ти всїхъ одна́ково жа́ловала: було́ що-субо́ти позмиває́ и поросчїсє́ голови, сорочкї́ чїстєнькї́ понадїває́, комірї́ було́ повишиває́, — а менї́, разъ-колі́сь, тїлько прищє́бала, бо сєрднє́ пласє́.

Ма́ти було́ якъ зїрвєтця хочъ на одїнї́ день кудї́, — Бо́же мїй! нудимъ́ світомъ, вибїгає́мъ їй назу́стрічъ, гукає́мъ, прислухає́мся до її́ глосу́, — примївъ́ би всїхъ птїць изъ га́ю порозга́нявъ, щобъ не щєбетали́, гаї́ би вївернувъ́ зъ корїнемъ́ щобъ не шумївъ; ўши́

насторобимъ да й слухаємъ, чи не кашляне, чи не йде мати: скізано — *матюръ не куніти, не заслужіти...* Оце було йде да й кашляне — не дужа була: біжнó! «Мáмо, мáмо!» опадемо її, уліпнемъ, якъ мухи до меду; що зробимо — хвалімось... Бóже, які раді! Я малá була; ніхтó вже, якъ я, було, матусі дождаюсь, — якъ оповесні ластівки! Жду, пожду, а послі біжу гаями цілу верству їй пазустрічъ. Разъ була ажъ заблуділась блукавши; а тутъ зірв́алась фуга така, вітеръ, дощъ ставъ накрапати, — такъ т́мно въ лісі зробилось, наче вороніе на дощъ скупилось; лісь шуміть, змёрзла я — такъ менé й б́е; колижъ нагодились ночліжники, що зна́ли батька, — такъ менé й забра́ли на коня; в́рхи їхали, взяли менé, посадили, у мішокъ угорну́ли: та́къ и довели до до́му. Оце було якъ мати куди дійде, то ба́тько потребува́в, щобъ ми у х́ати сиділи, а я не всіжу, біжу вслі́дъ, шукаю, а ба́тько й ви́йде: огляну́сь — вінъ за мною, ба́чу неподалеку зру́блену березу, я й прихилю́ся на́че сплю...

Якъ ба́тько й ма́тюръ померли — бігали ми до́вго на мóгилки, — т́жимо; ище такъ б́лизько лежа́ли — въ вишне́вому саду́, коло х́ати. Клікали й ба́тька й ма́тюръ, дакъ не йду́ть!... не доќлічесья вже! Сама́, коли ни пйду́-було́, дакъ плачу́. Все зга́дую, якъ ма́ти було́ намъ ка́же: «Діточки, *запобіяйте світа, но́ки слю́сять м́та*: коли я посвару́сь, аб́о ба́тько, то не на́ліхо, а на до́бро вамъ, для м́ру васъ готу́ємъ, а тамъ усёго спіт́ка́етця»... Ба́тьку поставили хрестъ, а ма́тері й ні. Ма́ти по́переду вмёрла да й хрестá нема́! Проишло́ вже те давнó, а се́рце щиміть и до́сі якъ зга́дою. Гірко було́ безъ ма́тері житъ; счастлива́ моя сестра́, що Богъ її приня́в ра́но. Вся́ке пестить по свбе́му: нема́ надъ чоло́віка, нема́ й надъ ма́тюръ, нема́ й надъ дит́и́ну. Якъ сю трóйцю по́ложимъ, то хочъ и самъ живий зарива́йся въ зéмлю: ні ро́дини, ні до́брої го́дини то́гді нема́. *Се не те́, що мстé, а те́, що зв́ерху йде́*. Що згля́не дит́и́на, то вже не згля́нуть такъ чоло́вікові; що погля́не ма́ти, то вже ніхтó въ світі такъ дру́гий не погля́не. Тепе́рь т́льки мо́єи и вт́ихи, що дит́и́на: и сві́тъ би мені не світи́въ, и зóри не ся́ли, якъ би не воно́.

Послі сме́рти ба́тька й ма́тері, взяла́ менé до се́бе дя́дина замі́сь дит́ини. Вона́ була оди́но́ка и замо́жня, скрі́ні не причи́нялись одъ то́го до́бра: усé поспóвнёвано. — Усе́, — ка́же, — Зи́ню, то́бі бу́де. Да́й Бóже мені т́льки здо́ровья тебе́ ви́кохать, до́рбóзуму довести́... — Я пид́ймаю́сь.

Вона менé почала прихóроше водити,—було між дівчатами такъ и зорію. Плахти, знаєте, все хорóші, картáцькі, старосвіцькі; запáски все зъ розвóдами, якъ по писанці, що неділі то й уберé. Я її шановáла за мáтюръ. Такъ мені любо й вéсело. Підлітки мої подруги коло менé, якъ бжбли кругомъ квіткп, опадуть. Вони менé люблять а я—їхъ; гуляемъ-було; проті Духа, у насъ такъ гáрно коліску вишають, парубкї ключиць чотірі вірубають, ужівками звяжуть да батогівъ два, да на батогі прив'яжуть дошку да й гоїдаютьця и веху вьють. Ълесо надінуть, квітками вберуть, любісткомъ, чорнобрівцями и постáвлять на майдáні де ўлиця дівчáча; чередъ идé,—вони ще гуляють, пісень співають; хто идé, дакъ и кáжуть: красá яка!... И тутъ дівчáта не поленовáлись: підмíчаемъ було за дівчáтами, за парубкáми, хто съ кимъ покохáетця, — жартуемъ було; підмíчаемъ тожъ на музикахъ, котрі лúчше до тáпцівъ, и собі у кутку ўчимось. Примíчаемъ у когó яка мережка, у когó які стéнжки вь косахъ. Посядимо було усі рядомъ, лузáемъ сiмьечко и идé між нами своá весéла бесéда!.. А у танéць, поміж дівчáть и парубóцтво, іше не пускались... Було, на мої намистá, запáски, личмані заглéжуютця и дівчáта й молодіці и роспíтують про дядину, чи вона менé ужé зовсiмъ за дитiну взяла, чи тáкъ?... про її добрó. «Гмъ, щаслива,» — кáжуть на менé: — «се все її бóде! теперъ, кáжуть, да якъ рáдить! якъ вишню... За писаря, абó за якогó мiщанина, единаé.» А я—хі-хі! да й захилóся за когó-нéбудь. Я объ сéму ще й не думала: мені тiльки вéсело, та любо... Усé вéсело, усé кругомъ менé мовъ всмiхáетця! Хрúць гудé надъ ўхомъ, олénка... а мені—що твiй соловéй... Сказано—п'ятна́дцятий годъ постiгъ, не мáла ще гóря... а старé—глубше запáло, дитiною ще пройшло... На Великóдні святки—чогó у менé нема! самiми писанкáми обмiнююсь було, якъ христóсуюсь съ подругами. Уберé було менé дáдина, вь дрибушки поплетé, стéнжки до кiрокъ попу́стити, — тiльки квіткп рóбленої було ще надiвáть не даé. «Пóрано ще,» кáже, «небóго: ще вигуляйся, підiймись на кiрхъ, — тогді й квіткп и вь танéць дозрiвши, а то щó! не роспúковкою ходити: не на тебе будуть дивiтьця, а на твою квітку.» — Я було стéнжки понадкрóюю, дівчáтамъ пороздаю; разкп понаднизую, такъ би все й роздiлилась зъ ними. А послé було й самá признаюсь дядині, що надполовiнула, а дáдина вжé сéго—ні... «Я,» кáже, «копiла, не рúки склáвши, а ти егó мáрне порострiнькуешъ... а мені ажъ на шii вáжко.»

II.

Отъ, на Великдень, пішла я, зъ сусідомъ и зъ підругами вгурті паски святити. У насъ и порося и сáло, й ковбáси: спасібі Бóгу, усёго було. Привезлі, — постáли на цвінтарі: я поручъ зъ своїмъ сусідомъ, — вінъ на своїмъ вóзі й привізь, бо моя дядина на хазáйстві зоставáлась. Изъ воріть на цвінтаръ люде тагъ и точáтця, якъ бжóли зъ ўлля, съ паскáми; ажъ дүшно зробíлось. Кругóмъ люде у два ряді постáли рясно, мовъ квітóкъ хто рядóчками насажáвъ, тільки поміжъ пропустили попу́ съ причéтомъ пройтí; почали зъ рушниківъ усáчину вивьязовати, и коло мене хтóсь по праву рүку стáвъ, да я й не оглянулась: сáме піпъ изъ цёркви зъ причéтомъ вийшовъ и почáвъ кропити, идé рядáми да всё кропить, а тутъ за нимъ вслídь тítаръ прбскури клáдэ, а одъ мiру одбiрае крашанкi, яблука, п'ятáчче.

Порівнялись изо мною и одъ мене одiбрали, я й грóши подалá; підiйшли й до мого сусiда, що по праву рүку, — ажъ и взятъ-то нічого. Пáсочка пшенишна малéнька, сáла шматóкъ, пáра крашанóкъ и хрiну корiнчикъ. У мене ажъ тéхнуло. Зглянула я, — ажъ Бóже жъ мiй мiлий! Пáрень, якъ квіта, стоiть, — тільки врóда ёго! Взавъ тítаръ крашанку, подéржавъ у руцi, подивiвся на ёго, да й положiвъ назáдъ мóвчки. Бáчила я сéго пáрубка на музiкахъ и всё дивовáлась, чомъ вінъ не йде у танéць, чомъ вінъ не жепнхáетця? Гордiй, думаемъ... пишáетця-якъ своёю врóдою... и пáри собi не подберé. Статнiший одъ усiхъ, молодiй и худорлiвий; чорноўспiй, смуглiвий, бчи ягъ терéпъ, и кўчерi по ёму. Тiльки на ёго й дивовáлась, — а то й байдўже. Дiвчáта кáжуть: и той гáрний и той багáтий, — я на тé й не вважáла; тiльки тепéрь скiнула очiма, що усi-то въ сiпiхъ жупанáхъ, якъ волóшки въ жiтi синiють, а мiй — въ такий день въ сiрачiнi, да тiльки врóда ёго гóрда й пишна все зкрашáе, — мовъ мiсяць падъ зóрами... Стоiть вінъ зо мною поручъ. Менi ажъ жáрко стáло, да тагъ щось одъ сáмого сёрця и покотiлося: и жаль менi чогóсь и когóсь, и самá не знáю; и вéсело й не знáю — кудi менi бчи свої повестi? хочъ я й поведу iхъ кудi, до все рiвно — нічо́го не бáчу й не чўю. Хотiлось би на ёго... дакъ виi замiгтiять-замiгтiять — и не згляну, якъ на сонце... Тагъ и чўю, якъ крáска менi шибáе вгóру, ажъ у бчи наллéтця, да й опуститця... Одхлiнуло; я — зiркъ: прóти мене

стоять зъ паска́ми, а я й забу́ла де я: спаси́бі імъ, и не дивля́тця на мене. Я хусти́ну виняла, уте́рлась; ста́ла зати́кати за запащи́ну, ру́ки трясу́тця — не заложу́, да й упусти́ла; вінъ нахили́всь мені підійма́ти, а я й собі,—да якъ ски́нулись збли́зька очима́, такъ я й до до́му при́хала зъ паска́ми, нічо́го не та́мивши.

Дя́дина насъ зустрі́ла: «що́ се́ ти, моя голу́бка, якъ по́вна ро́жа розпві́ла?...» А я й сло́ва не промові́ю. «Охъ, чи не нагла́нуло тебе́ що́?» Сорóчку мені за́раазъ навиво́ротъ наді́ла. Я горі́ла ажъ два дні,—тільки кри́шечкою па́ски розгові́лась и то дя́дина ублагáла: «мо́же,» ка́же, «одъ свя́ченого поду́жчаешъ;» а то й рісочки не було́ вь ро́ті.

Зъ то́го ча́су вінъ уже й на віки зоста́всь у мо́єму се́рці, зъ то́бі годи́ночки якъ згля́нулись зъ нимъ на цві́нтарі. Вінъ мій, мій! Усе́ мені ста́ло немі́ло; ёго́ хóчу ба́чити,—не дя́дину, не дівча́ть... ёго́!.. сі́ру убо́гу свиті́ну, куче́рі... Якъ би кри́ла—поле́ну́ла бь до ёго́ зозу́лею, кова́ла бь, визивáла бь ёго́: да куди́ жь?.. У люде́й би роспита́ла—да якъ же ёго́ велича́ти?.. Бо́же жь мій! сі́ра свиті́на, чо́рні куче́рі, да й тільки: — не врозумі́ють... да оце́ бь то імъ и сказа́ти?... Сама́ зпершъ надивлю́ся, сама́... ніко́му не скажу́ про ёго́, —бу́ду думкою́ жи́ти...

III.

Прихо́дять дівча́та, клічу́ть на му́зйки, — я тільки на тре́тій де́нь пішла́. Підходи́мь до ши́нку; на ганка́хъ тако́го наро́ду зібра́лось, — му́зйка у сі́няхъ гуде́, дівча́та кругóмъ одна́ за одні́ю якъ ўтки пливу́ть. Я—ти́ць на поро́гъ, а о́чи за́раазъ и зустрі́ли, чо́го бажáли. Я ні туди́, ни сюди́; дівча́та на мене́ зза́ду: «що́ ти прики́пила? йди́ шви́дче;» а мене́ но́ги не несу́ть. Си́лою гу́рба до́пхала́. Прийшли́, поси́ли. Усі́ гомоня́ть, —му́зйка такъ и рі́же го́рлиці́, жу́равля́; бу́бонъ гуде́; а у мене́ вь о́чахъ усё верти́тця. Дівча́та на мене́ гукáють, — я не чу́ю; котра́сь мене́ схибну́ла за плече́: «що́ це́ ти, Зинько? не зду́жаешъ, чи що́? Оце́ хтось нагла́нувъ, або ти ступі́ла вь таке́ місце де́ зла́ чолов́ичина не до́бре подумáла... Оглу́хла?!» Тутъ молоді́ці підійшли́, — ка́жуть, «чи не переполóхъ, — що́ пойти́ бь до Зо́лотарі́хи — вона́ до́бре вмі́е виліва́ти,—усе́ роска́же — сь чо́го ста́лося и чимъ лі́чити одъ яко́бі хорóби.» Лю́де почали́ потро́ху збіра́тись коло́ насъ, а я все́ горю́.

Бідкаюсь, на що міжъ люде пішла; — дакъ и тожь біда, — ёго не побачила бѣ; а тимъ часомъ за мною помічають. Дівлятця на мої щоби, да добре що не знають, що сѣрденько мое мені каже: а въ ёму такъ и розливаѣтця мовъ у котлі, такъ тобі и блізько и любо... Прийшла додому, — не вѣсело мені, не знаю за що взятыця, свѣтъ мені не милъ. Дядини бѣ одкрыть усе, дакъ не хочетця: здаѣтця не такъ згляне, якъ я, на ёго. Хожу наче впустці, нянчусь зъ своїмъ сѣрцемъ, да все одна думка: якъ би мені ёго побачить, якъ би мені провідать, де вінъ живѣ, якъ ёго зовуть. А тутъ дядина усѣ коло мене клопочетця. «Нічого, тіточко,» кажуть їй: «се мене собаки налякали. Я дужа, зовсімъ дужа.»

Вийшла увѣчері, сіла на прізьбі: такъ вінъ въ моїхъ очахъ и увиджаѣтця! Якъ же мені провідать, нікому не казавши? Згадала я, що молодіці про воробжку Золотаріху казали. «Пойду жъ,» думаю: «що Богъ дасть. Хай вона мені скаже, хто то и де вінъ; да якъ» згадаю и про дядину, що їй морочу — правди не кажуть, — то ажъ серце мое заболить: такъ мені жалъ стане. Думаю собі: скажу їй, — а послі зновъ — ні. Тільки Золотарісі одкрыю: й тожь лихо! Якъ же я прихилѣся послі до дядини, котра мені за матюръ стала? Сижу, а сѣрце такъ у мене колотитця; припала я на холодну прізьбу, ажъ стогну, метушѣся. Боже жъ мій! Боже жъ мій! колибъ хочъ разъ поглянуть на ёго безъ людѣй! Одну годиночку, одну хвилечку... А тутъ соловы дѣшу дотинають: вмѣрти мені не хочетця и жить мені нѣдно. «Мовчить,» кажуть собі, «соловѣчки; дайте трѣхи душі утїхнуть, а то вѣстановитця... Охъ, щобъ не затхнутись одъ тобі мѣки!» А дядина одсунула кватірочку, почувла, й почала гукати: — Зінечко, Зінечко! се ти, моя кришко, такъ стогнешъ и розмовляешъ? съ кимъ се ти такъ... зъ зорѣю вечірнѣю, чи щѣ? —

У мене й духъ занѣвся... що се я наробила!

— Ходи сюди, моя доне... Що це на тебе пригдонька? Завтра підемо до Золотаріхи, — нѣхай вилле. Вона всю правду скаже. Колись мені виливала якъ я ногу звихнула: я то колись въ гарбузовій гудині заплѣтавшись упала; болить нога да й болить, а хто ёго знаѣ й чого, які ліки прикладати?.. Иди въ хату, сѣрце. Коли бѣ якъ переждати нічь: ужѣ пізно, моя дитино; я прилягла да й заснула, послі вечері. А ти й не входила и въ хату досі? подивись на зѣрі: ужѣ на свѣтъ займаѣтця. —

«Дядиночко, дядиночко!» кажю, да й слова більшь не промовлю: такъ сэрце розходилося.

— Що тобі? —

«Нічого. Ай!...»

— Да такі що жъ, мой квіточко? —

«Тутъ щось,» кажю, показуючи на сэрце. Не вмю гараздъ и розказати — що.

— Нудно? — каже.

«Нудно.»

— Ляжъ. —

Лягла я; сиропила вона мене святою водою, уложила спать, — сама довго не спала, да й я — ні.

IV.

Встали рано; дядина скоренько спорядила мене, — ми й пішли до Золотарихи. Виливала вона, зъ вбску, двá рази: такъ и заплівé й стуманіе. Золотариха ажъ головою покрутить и якомсь ніби жалібно на мене згляне. У трéте взяла да й вилила изъ самого óлива, да тогді й каже: «дивитця по предметамъ, чи не вгадаєте чогó?» Я зглянула да náче на долоні все бачу. А дядина мой толкúе: — Отó, що náче коши здаютьця, то паски розставлені, — тамъ іі й наглянуто. — А я ще й більшь добачаю: — що ми схилилися, и якъ вінъ мені хустку подавъ, — а ій здаетьця — тó ті собáки, що мене налягáли — зіпьялісь, грпзутьця. А Золотариха на мене зглянула: — а тобі що, дóню, — каже, — здаетьця? — Я такъ и зарділась, да й кажю: «собáки.» А вона: — Ні: тó — парень, мой голубко, тобі до нігъ уклоняетьця. — Готуйся, — каже мойй дядині: — скóро старості завітáють у хату до твоєі небогп, хоть ище й рано, до-порі. И тебе, мой дóню, нагляне не однó парубóцьке óко и зза сéго бóде твоій молодій голові багáто тóрбу... Що мóжна, то одведú, — а чогó не мóжна, то й дурить, моé серденько, не стану. Се тільки втрéте мені довелóсь на віку трóдно виливати, а то — одразу: хочъ и вóскомъ, то все якъ намолбóетця. —

Да й вислала дядину у дрóгу хату. А мені: — ляжъ, — каже. — Я лягла. Вона налила у стаканецъ воді: навхрестъ наліпіла до ставáна чотирі страсніі свічки, и запалила. И стáла дивитьця у

воду, а послі поклони покладати; да изновъ погляне у воду да й изновъ кладє й хресті й поклони великі. Послі подєржала мене за п'яти, пошептала щось и сплєвала; послі притулила рукою до очей, до сєрця, и почала зновъ молитись, а послі звєлила мені подуть на свічки и напитись тієї води. — Голубко мой, — каже: — жаль мені тебе. Ти, — каже, — ще дитина, а сєрденько твоє ужє заняте, якъ голубка зъ гнізда випурхнуло. Попонєсися ти зъ нимъ, — бодай не казати!.. Ось же що: Дождавши неділі, встань вранці, рано-рано, й пойді до криниці, возьми непочатої води и не оглядаючись повертайсь до-дому, пійди до цєркви, и якъ дочитаютьца до *Иже Хєрувими*, обійди зъ тією водою кругомъ цєркви три рази. — «Добре,» кажу, «бабусю.»

Ввійшла я у другу хату, до дїдини, и усє їй розказала: дядина подала Золотарісі на станокъ полотна и кбпу грбшей. Тільки жъ Золотаріха не взяла: — Якъ поможетця, тогді, — каже, — й принєсїть; вкупі хлїба й солї перекусимъ. Я не изза-грбшей помічъ людямъ даю, а изъ ласки. Я рада, що дякують люде и кажутъ, що помогаетця. А ми всї рівні, у Бєга все єдині діти. —

Отъ и пішла я изъ дядиною до цєркви дїждавшись неділі и пляшечку зъ водою взяла. Передъ тимъ, якъ співать *иже хєрувими*, я й ввійшла изъ цєркви. Отъ, идю, обійшла разъ кругомъ да й думую: «чи добре жъ то мені будє, якъ я оджену оту люблю мою тугу одъ сєрця, и не побачу єго? Чи йті мені вдругє, втрєте, чи ні?»

Зупинилась трєхи й міркую. Постєяла, подумала: «не пійду бїльшь... Любо за мїлого и потужити.»

Рухнула щобъ йти до цєркви... Бже мій! лєдві зъ нїгъ не збила: вінъ передо мною! якъ изъ воді вірісъ. Потупилась, стою: ні туді, ні сюді, мовъ окаменїла. А вінъ—такъ до мене: «Світе мій, світе мій,» каже. «Ти мені світъ завязала. Поглянь на мене, моя галочко, ще разъ, якъ тогді... світъ мені знемїлила... Станьмо сюді.» Взавъ мене за плєчи, одвївъ трєхи въ бокъ: (бачте, село кругомъ, люде щобъ не наглєдїли, а то скажутъ—«малá, ще підлітокъ, а вже спїзнаєтця, й молитву покїнула:») я йду,—слухаюсь... зглянула на єго. А вінъ изновъ: «рибчїно мой, замовъ мені одно словєчко... одно... чїя ти? якъ звать тебе?» Я трушусь: казала бъ, да уста не мовлять; дивлюсь на єго, упиваюся, й соромно мені, и вінъ зъ мене очей не зведє. Обвївъ рукою кругомъ плєчєй, дїшимъ однимъ духомъ, щєки наші ажъ пашуть... Вінъ зхилився, бо висє-

кий, а я ще недолітокъ: дівимось, девпимось мовчки, дівимось въ вічи одно другому, ажъ хтось зъ дзвінкомъ по шляху пронісся, — ми й розійшлись, не промовивши ні слова... Сіла я у цѣркви на рундукъ, поки люде стали виходить. Доробого казала дядині, що въ менѣ голова розболілась у цѣркви, — дүшно, дакъ я й вийшла. Прийшли до дому; дядина мені и тѣ и сѣ, — розмовляє, а мені світъ немилъ, — такъ мені нүдно, що усѣ перебивае мені думать про ёго; а тутъ незабаромъ біжать дівчата на музики кликати йти. А, Боже жъ мій! що мені казати? постережуть якъ скажү, що не хочу йти. «Погуляйте жъ; збодомъ пійдемо»... И дядина такі каже: трѣба йи юпчину другу зодягти и грошей принасти на маковникі, дб-що. «Дядиночко,» кажү: «достаньте зъ скрині все;» а самá зъ хати, да за двѣри; въ сіняхъ стала, закрілась руками, и ўши затулила, й очи заплющила щобъ ніхто не полохавъ; одвернүлась у кутѣкъ, та й дүмаю... Одвелá трѣхи дүшу; ввійшла въ хату, прибрала менѣ дядина и провела насъ ажъ у сїни за двѣри, ще й подивілась вслїдъ—якъ-то мені. Ідемѣ доробого; а нудьга жъ яка йти міжъ люде! я бъ теперъ у лѣхъ забралась, у гай густій, щобъ тільки про ёго дүмать. «Ай, постояте,» кажү, «стриці! погу підколола. «Шкитильгъ, шкитильгъ:» ні, не пійду шкитильгючи міжъ люде, — вернусь» — и вернүлась. Дядина трѣшки злякалась, а послі й нічого: пообїдала й лягла спати. Мені й істі не хочетця, — кажү: «дівчата насіннемъ, дб-що, нагодовали.» А вона дүже й не домагáлась: — Да и мені щось на душу не йде; мабуть тогѣ, що порано встали. —

Дядина заснула, — я й пішла блукать по дворү, по горѣду. Журүся, що дурна була—не поспитала, де вінъ живѣ и хтѣ вінъ?... А уста мої горять... листечко рвү, притуляю до губъ, — такъ и скипїть, и скипїть! Журүся, никаю, серденько нїе... а й люблю жъ якъ!.. Сѣнце сїе, соловї... ажъ лїсь розлягаетця, — вишневі садї всміхаютьця... квіточки, якъ зірочки, понасторѣшувались, — усѣ пригортала бъ да свѣгѣ сѣрци, усѣ бъ ціловала! Прийшла до берези, сокъ тѣчитця, пїть хочу, да й не пью: щѣки пашуть, я—гїллечка молодїхъ берїзокъ въ жмѣню зберү да притүлюю щобъ прохолѣти, огортаю собі ший. Здүмаю, якъ вінъ менѣ такъ обнявъ; чүю ёгѣ, бачу—якъ стоїть зо мною, якъ дивитця, — хѣчу крикнуть, назвати ёго да й не вмю. Сѣрце мое, сѣрце мое!... Дүмаю:—якъ не побачу ёгѣ сѣгѣдні, — побїжү селѣмъ, буду кричати, буду звать когѣ-нѣбудь, а, мѣже, й вінъ вїрне...

Ой Бѣже, Бѣже, коли той вѣчїрь бѣде!...

Терпітиму до вечора якъ моги. Буду Бóга благáти,—а вже на ту водицю, що тільки двичи обнесла и віри не покладала.—Ще поблукáла; дáлі втомилася, зхилилась на лісу надъ дорóгою и дúмаю: у який-то вінъ бікъ живé? усé бѣ туді дивíлась, туді й поленула бѣ —...

V.

Такъ собі стою, й загадáлась. Тутъ два діді підійшли, поздоровкались изо мною.—А щó се,—кажуть,—небóго, на музики нейдéшь? Дѣдина не пускає, щóбъ хто не зурóчивъ, чи щóб?—А дрúгий каже:—Э! добре рóбить, добре рóбить—ще побрано бiгати.—«Нi,» кажú, «дiдусю: нóгу підколóла, дакъ верну́лась.» А тамъ згóдомъ старці зъ чужóго села пройшли, по шагú подaла и спровáдила їхъ зъ бацдúрою на музики. «Усі» дúмаю, «идúть, а мого й немає...

Вся чéлядь гуляє—

Тілько тебе, да мене немає.

Зновъ щось кúріє,—тілько не туді, а відтиль. Блiжче, блiжче, пилъ такий збивá... ближче... охъ, лихо! се жѣ вінъ, се жѣ моє сёрденько бринiть! Я й присiла за тинь! Вінъ за рúку.—Не хováйсь, моя рiбонько золотáстая.. Ось де ти живéшь, ось! я зблукáвъ усé село, обтёръ усi тинi лáзючи, зполошiвъ усiхъ собáкъ, тебе, моя доле, шукаючи... на музики два рáзи забiгавъ: сидáть твоi подрúженьки,—тебе, мое сóнце, не свiтить.—

А самъ такий блáдiй, пiть по щокáмъ такъ и кóтитця, увéсь у пилú.— Ось ти дѣ живéшь!—Окiнувъ óкомъ кругъ себе. Я перexилила гóлову черéзъ тинь; вінъ притуливъ мою гóлову до себе, а я—мовъ давно вже зъ їмъ спiзнáлася!—Ходiмъ,—каже,— у гай;— (а у насъ, коло села, гонiвъ два лісу)... ходiмъ вудi-небудь, мой ти доле крáсная. Якъ не ти... умрú, нi бóду ничиiхъ устъ цiлувати. Кажi менi, що хочъ, а я твiй; хочъ покiнь... дáрма... пойдú свiтъ за óчи, а твiй бóду,—не покiну тебе, моє кохáнне... —

Да й изпáвъ мою каблúчку зъ пúчки, а свою менi надiвъ.—Дай рученiта я пересажú тебе.—Я подaла, да такъ и перелетiла, мовъ не своєю. Пiйшли.—Кудi жѣ я тебе оцѣ ведú? лiуде стрiнутця, убáчять, пiйде поголóска... Вернiмось, моє сёрце... —

А я йду, и землi пiдъ собóю не чю. «Нi,» думаю, «не вер-

пусь.» Держу єго міцно за рѹку, мовъ прикипіла.. *Двічі літа не буває...* «Ходімъ,» дѹмаю; а куди—й сама не знаю, й слова не промовлю. Вінъ менѣ силою повернувъ и перекинувъ черѣзъ лісу, и самъ перескочивъ.

У городі у насъ стояла повіточка старѣнька—ужѣ похилилася,—колисъ бжоліяникъ бувъ при дѣдѹку-покійнику; тепѣрѣ тамъ тільки негодищїи ўлі да тріски лежали. Вінъ показує рукою на повіточку:—тамъ не страшно?—Духъ у менѣ займаеця; я тільки кивнула головою. Вінъ узявъ менѣ за рѹку и ввівъ підъ повітку.—Тутъ не страшно, моѣ сѣрце: люде не наглядуть,—каже; а я мовчу: «мені,» дѹмаю, «нігдѣ не страшно.» Якъ прийшли, — сіли у куточку—вінъ одкидавъ тріски, а спѣреду заложивъ ўллями—насъ и не видно, хоть би хто й ввійшовъ,—да тільки літомъ туди ніхтѣ не заглядавъ.

Сївъ вінъ, узявъ менѣ на рѹки до себе:—ти моя дитїна, ти моя зоря небѣсна!—такъ менѣ пѣстить!..—Умрѣмъ,—каже,—тутъ!—

«Умрѣмъ,» кажѹ.

— Я знаю, я бїдѣха, да ще къ тому й крепѣкъ; твій рїдъ такий великій—змагѣтимеця...—А я до єго припала: «я твоя,» кажѹ... Обнялись, и ні слова. Вінъ мені дивитця вѣ вїчи, виглажує мені брѣви, цілує менѣ, милѣе. Бѣже мій! а щѣ вже зо мною рѣбитця!.. Вінъ знявъ сѣ пѹчки зъ моєї каблѹчку, почепивъ мені її на шїю на шнурѣчку, зъ образкомъ вкѹпі, и своѣ мені давъ; я єму тожъ новї-сила на шїю...

Якъ дивитця! якъ голубить менѣ очїма своїми!...

— Пора,—каже... А я—не хочѹ йти.—Пора... якъ же тебе узивать, рїбонько?

«Твоя,» кажѹ.

— Дѣбре. А я—твій. Прощай, гѣлонько! Забрѣвъ би тебе зъ собѣю, да й зайшовъ би куди зря.—И поціловѣвъ менѣ.—Людѣй боюся, тебе жалїю.—Обнявъ и прихилився до мене.—Пора!—Ми встѣли—їдѣмъ,—я ступїла на порїгъ,—вінъ ще разъ обнявъ менѣ—постѣявъ, здихнувъ и пішовъ, задѹмавшись... и я вслїдъ за нимъ!

— Иди,—каже,—до дѣмѹ.— Я схопіла єго за рѹку...

— Ні, йди, йди! Дивись: селѣ жъ перѣдъ тобою, люде!...—

Стрїбъ—и нема!.. Я рѹки до єго... Бѣже мій,—далѣко вже!— Я обняла лісочку, дивлюсь—курїє дорогою, а послї несѣтця горѣдами, лѣдві манїчить; онъ, ставъ на лісі, изновъ зникъ, и нема, нема... изновъ буванїє... Бѣже!

Ой видсіль туді пішла—поїхала
Любая розмова...

и моє серце несётця вслідъ. Ось изновъ 'ставъ коло хати на лісі, шапку знявъ... чи бачить—то вінъ мене? Я пізнаю ёго, да врѳди ёго не бачу,—каріхъ очей ёго: зникъ и нема, й нема... Теперъ же я знаю, де вінъ живе!

VI.

Вернулаь я въ хату,—такъ мені вѳсело,—ажъ всміхаюь, и землі ногами не сягаю,—такъ би й кинулась дядині на шію и всю бъ щіру правду розказала. Дядина не спала вже, тільки лежала. Я ввійшла; вона й каже:—скучаешъ, моя голубко а що, чи скабку віняла зъ ноги?—«Ужѳ», кажу: «тільки трѳшми боліть.»

Встала вона, погомонила, потімъ заходілися вечерять: ілось намъ обѳмъ такъ смашно; посѳділи ще у вікна, послухали соловівъ, що зъ гаю ажъ луна по зорі йдѳ. Наша хата була на вигоні и лісокъ у боку понадъ дорогою недалѳчко: и въ огорѳді на берѳзі свіщуть соловы, и дѳсь у куці щебетавъ... послухати лѳбо! Місяць зійшовъ, світить—пливѳ по небу, хмарки легѳнькі, якъ серпанокъ, коли—не—коли перепинають ёго; у селі почало стихати; тільки де-не-гдѳ ворѳта заскрипляютъ, звідъ здійметця; овѳчка замекѳче; пісьню зтиха хто, додому вертаючись, заспіваетъ; а далі все тихше, тихше, и пилъ надъ дорогою ставъ осядать; роса спала; свіжий пахучий вітерець повівъ, утихло все—тільки соловы ще дѳжче перекликались и серцю мойму наче одъ могѳ лѳбого звісточку передавали: «може й вінъ теперъ», думаю, «слухаетъ,—може й вінъ збрі лічить и мене згадує.»

— Хто?—дядина питає... А я—якъ стрепенулась!—Щѳ се ти? задрімала?! Ляжмо спать,—година вже и мені щѳсь позіхаєтця.—

Полягали спать на полу; я підкотілась до дядини, почала іі пригортати, ціловати. «Дядиночко», кажу, «я покохала...» да й не домѳвила: хотіла признатьця, що покохалась, а послі прищулилась до іі, да такъ уже й не просиналася до світа. Уранці встала, причипурілась; хожу по горѳду, підкочу колѳду до ліси, зіпнѳсь,—усѳ на ту хату, усѳ туди моя душа рѳетця! А гарздъ, що я знаю, у якій стороні вінъ живе! серце що години заходомъ бѳетця—не ді-

ждуєь ёго. «Ну,» думаю: «до сякъ до такъ, до вёчора буду жить, а въ вечері мій мпленькій прїбїжить; усе надїєю жилá. И дядина прїйде, на селó погляне,—думає, що й я того дивлюсь:—хто прїйде, прїйде,—дорбга до міста мїмо насъ полями постяглась... День менї гóдомъ здáвся,—нема ёго! На другий, щé трéтї півні не заспївали, я ужé схопїлася, бїжу—нема ёго... не чуть!... стою, дивлюсь... тїльки верба коло ёго хáти косїцями рясними тремтїть, темнїмъ стовбóмъ дїмъ пїшовъ зъ ёго бóвдура, незабаромъ звїздъ звївся вгóру и зновъ опустївся... «Хто-то ёму,» думаю, «хáту затопївъ, водїці вїтягъ?..» Нема й нема! Оцé-то! кому щáсте, тому й дóля! И вёчора дїждáлась и спáти лягла жўрячись... Мóже насмїявся... Колибъ була не любїла, гóренька бъ не знáла,—такъ—ні!..Побїгла бъ по ёго слїду стежкáми, перелáзамп,—да снагї немаю, náче менї свїтъ зав'язано, хмелїною нóги слўтано, бчї заснїчно. Дé щáсте, тáмъ и ворогъ: мóже люде щó наколотїли? не стрáшно собáки, а звягї ёго. Тиняюсь по зáнуткáмъ... Тáкъ пройшло изъ недїлю, рўки опустїла... якъ водюю змїто—нема й нема!.. Тїльки й рїдного, здаётця, що тé мїстечко, що ми сїдїли, та лїса, дé ми размовляли. Вже й на другїй тїждень повернуло якъ ёго не бáчила...

Вёчоръ на дворї; дядина заходїлась лягáти спáть, и я вжé розбїрáлась, ажъ щóсь буртїсь въ горóдъ, буртїсь, а послї лїса трїсь... у менé й у душі похолóло: «чи не вїнь се», думаю. Я такъ до вїкóнца пїдїйшла, мовъ що беру на лáві: бáчу, тїнь дóвга постяглась по зелéнихъ грядкáхъ; въ серце менé заколóло... Я—зъ хáти, дядина ще й заверну́ла:—надїнь, дóню, корсётку;—я скїнула на плéчи що похватїше, й вїбїгла не обзиръ на горóдъ, стáла коло хáти да й мїмрю:

Ой чи се той Млкїта,
Що на óпашку свїта?
Пїдъ вїкóнцемъ зогну́вся,
Чи не вийде Мару́са?

Тїльки що почала, вїнь до мене й обїзвáвся:

— Моя? — кáже.

— «Твоя», да такъ и прїснула до ёго. Я по сей бїкъ лїси стою, вїнь по той. — Тутъ вїдно, — кáже.

Ми поступїли такъ щóбъ тїнь зза берéзи не була вїдна.

«Дé ти бувъ, моé сёрце?»

— Бóже жъ мій,—вжé:—поверни́сь до місяця! губоньки у тебе якъ посма́гли!—Пригорну́вь мене́ кріпко.

«Я думала», кажú: «що ти мене́ покину́вь...»

— Ні, ні, моя зóре ясна, — ні! Хіба́бъ я скоси́вьсь... и на одну́ хвили́ну ти вь мене́ зъ се́рця не спада́ла, а мене́ такъ ра́но на па́нщину за́нято, що я не ма́вь ча́су тебе́ опові́стити. На ху́торі хлі́бъ домолóчовати треба́ бу́ло, що одъ зими́ зоста́вся. Иду́ тими поля́ми зелéними, якъ на ши́биницю. Кажуть, у полі́, вь козака́, думка́ молоді́е, а у мене́ се́рце боли́ло. Коли́бъ годи́на, щобъ я тебе́ опові́стивъ, — то бъ и байду́же. Де робить, до робить,—я діла́ не бою́ся... Летить журавлі́, гуси́ изъ ві́рня, летить галки́, голуби́, — гадаю́ якъ не промовлю́: — наважитé мої́ дівчині́ ві́рної, якъ моє́ се́рце нї́е, де́ я й чо́го я забарився, и слова́ оста́ннєго́ їй не замóвивъ... Оце́ зара́зъ відти́ля поверну́лися; я й до ба́тька не заходивъ. Думую́:—подивлю́сь хочъ на її́ вікóнцє коли́ спить. И грудемъ́ пуска́вь вь горóдъ, чи не почу́е... нейдешъ!.. хотівъ́ лісу́ зламать—такá мене́ туга́ взяла́.. Проща́й, мої́ голубко́! спи... А дядина́?

«Лягла́», кажú.

— Иди́ жъ спочить: за́втра...—

Кріпко, до-любови́, поці́ловали́сь, и розійшли́сь. Біжучи́ любі́сточку рвану́ла, унесла́ вь ха́ту. «Оце́,«кажú,» заслу́халась солов'ї́вь, да любі́сточку вві́рвала́—у голо́ви поло́жу, щобъ душі́ло... да лубо́щи снї́лись», думую́, «да тихая́ розмо́ва». Да й зага́дала:—хто на віне́ць мені́ суди́тця, той сю́ нічъ мені́ присни́тця. Прокі́нудась на зорі́. Зновъ́ весело́! Ста́ла хлі́бъ місити́, пічъ затопі́ла, вь ха́ті убрáла,—та́къ мені́ любо́! и сонце́ світи́ть иншъ́ и ха́та сві́тла, білэ́сенька, мовъ́ усмі́хаєтця... Божні́къ кві́тками утї́кала, лавкі́ зми́ла, обідъ́ застанові́ла, хлі́бъ посади́ла,—ще кажú́ дядині́—«пойду́, грядки́ пополю́»: такъ́ и знесу́, знесу́ грядку́; а тамъ́ усé на́зірцемъ́, чи не йде́. Дядина́ до мене́ вийшла́, — скучи́ла. Ажъ́ и пройшо́вь, да побачивъ́, що дядина́—ша́пку подні́вь:—бу́дьте здо́рові́ зъ субóтою!—и пийшовъ́ далі́; тільки́ й бачили́сь. Дядина́ стої́ть на грядці́, а я такъ́, похню́пившись, полю́, — займаю́ не тільки́ бурья́нь, да й буря́ки, и все́, що підвернетця́, — та́къ и ого́лила́.

А дядина́ ка́же:—Оце́ крепа́къ пройшо́вь, Тещéнковихъ́ пані́вь. Такé́ убóжество́! Ска́зано́—безъ́ хазя́йки: ба́тько старі́й, ні́ ма́тері,

ні сестри нема, самі собі й обідати варять, хліб печуть, варево кладуть. Сей Хведір на панщині, а той старий тільки чоботи на людей ладить. Да й Хведір обучався сему реміству; зіму шпе, літомъ у полі робить. Що загорують у двохъ, те й зыдять. Хведір що заробить, то себе трохи спорядить и батька. Да й самъ-то який собі удався: якъ тичіна, високій, худорлявий,—не ціпомъ би єму й орудовать! Уже скільки було єму старий каже: «оженись, Хведоре: доки одинькими намъ жити?» — Ні,—каже:—ще пара моя десь, видно, на припичку нашу ість: нікого не вподобаю.—«Дакъ якъ же?! у робочу годину и сорочки нікому впрать».—Я лучче,—каже,—самъ виплошу, а ніжъ візьму собі не до любви. — *Отъ який віріє, а ума не вїтє:* такє провадить! зъ душкомъ удався якъ и мати єго. И полщитця булб самъ, наче сєлєхъ на воді. Жүритця єго батько старостю; каже: «не доведєтця тебе побачить вь парі. Подбївся я, хиляючись самъ колб пєчи...» Иногді й хати не топить; такъ у холодній и сидить якъ сина нема.

Пішла дядина до хати. А я тільки й бачила єго той день. На другий зострілись на одну хвілечку. Все боїмось довго вкупі стояти, що бь люди не помічали, да й дядина — хто її знає, що міслили. Не замовилажъ—такъ: отъ якъби ти, небого, стала єму подрүжжємъ, — старого бь доглянула и єму бь, худорлявому, сорбчєчку сполоснєла, хату бь вичипурила,.. — а то й обийшла,—тільки на языкъ єго взяла... Побачилась я ще разъ зъ Хведоромъ.—Коли бь—каже мені Хведір,—порá твоя вийшла: сказавъ би батьку, сватівъ пославъ. Підєшь?—«Пійдү».

А тутъ до мене старості за старостами: одні — вь хату, другі зъ хати якъ за причаєтємъ. Дядина радіє да одмовляєтця: — Ще ій порá не вийшла, — шіснадцяти нема, — ще погуляє.—А я шуткүю зъ нею да приспівую:

Ой я жь тобі, моя мати, перскіръ наряжү:
 Повну хату и кїмнату женихівъ наведү;
 Ой я тобі, моя мати, перекирочку:
 Повну хату и кїмнату, ще й комірочку!...

А тамъ собі радію, що менє не турбүють: «не порá» — и одхлїнуть.

VII.

Проїшовъ и рікъ. Ми крадькома вбачалися. Ось упавъ мені и сімнадцятий годъ. Умовилась я зъ Хведоромъ стрітнитись у лісу. Убралась я, уквіччалась якъ на Великъ-день. «Дай, дядиночко, зъ шовкомъ мені плахту.» Дядина дала, — и рблені квітки достае. «Ні, дядиночко: я свіженькими утікаюсь, — пойду въ лісь.» — Иді жъ, иді... —

Сама такъ радіе, що тутъ-то вже натовпъ буде старостівъ: порá настїгла. —

Якъ я зраділа, якъ стрілись! якъ я обняла мого Хведора! «Сежъ мені,» кажу, «сєгóдні упавъ сімнадцятий, — дядина казала» А вінъ каже: — Ти й зъ будня ягє мені світо зробила!... — Гуляли, сиділи, співа́ли, квіто́къ укўпі нарва́ли бага́то, віно́къ извилі́, — я й єму́ звилá, — понадіва́ли; сидимó, — смієтця вінъ!.. Здаєтця, що се все на небі рббитця: тїхо въ серці й кругомъ, якъ у Бóга! пахучо, свіжо, тїльки лїстечко шепчтця; якъ сонечко по єму грає, пробивáетця, — и по насъ, мовъ що живє, бігає, — ми лóвимо; а на личмані въ менє, — казавъ Хведіръ, — якъ зорá скрїтця, и зглянуть не мóжна.

Погуля́ли ми, сунїць набра́ли, квіто́къ — божні́къ убрáть; измóвились сєгóдні старостівъ посилáть до мене. — Я, — ка́же Хведіръ, — зъ ба́тькомъ погово́рю й пришлю́. —

Прийшла́ я до до́му; дя́дина коло варєниківъ зъ ягодами захо́дилась, я уквіччала усю хáту, прибрáла, повимітáла: весєлі ми такі обїдві! Дя́дина й ка́же: — постєлі настїльни́къ, — той, що на спóді у скрїні, и хлїбъ положи́ на столі; — ще самá й вїбрала — запечений, легкий. Уже й надвєчїръ; я усє позпрáю у вїкнє; чўемо — гомїнь: по той бїгъ ўлиці, черезъ лісу, хтось берєтця. У менє въ душі мовъ занялося, — такъ серце й заколотїлось. Пóтїмъ гомїнь стїхъ, ажъ дївимось — у ворóтяхъ, на дворі, показáлось двє пова́жнихъ чоловїтъ: идуть зъ хлїбомъ-зъ сїдлю. Я мїсця не знайдў. Почервонїла, зраділа, лєдві у нóги не впáла дядині. Снуўося по хáті, тиняюсь, — ажъ старостї!.. Самá чўю, якъ у менє вїно́къ той трўситця, мовъ усї квіточкы зашамотїли. Ажъ и на порóзі. «Здо́рові! зъ прáзникомъ! Кланяємось хлїбомъ- и сїдлю. Ми прийшли́ по ва́шу Зїньку, — що бъ ва́шого хлїба не їла бїльшъ, порóгівъ не обвивáла.» А у менє ажъ ўшки смїєтця.

— Сідайте, добрії люде, щобъ все добре сідало.

«Спасібі вамъ. Саді, Бже, все добре!»

— Одъ когô жъ васъ Богъ несе? —

А я ажъ рукамі затуліла видъ, бо згоріла, да хі—хі собі потихеньку въ долоні: «одъ мого Хвѣдорка,» гадаю... а вони якъ гримнуть: «одъ Микити Волóщенка!» Я за пичъ тагъ и вхопілася, а потімъ и сіла на прилавокъ. Дядина всміхнулася: — Хай Богъ помагає, — каже: — зъ дорогою душею... А що, Зіне, скажешъ? — «Я ще, дядиночко, погуляю.» — Да вонô такі порано. — «Нічого, голубко,» — всі трѣе загомоніли, мовъ у дзвони вдарили: «можна заручити.» — «Ні, дядиночко, ні! мені тогді не вільно буде дивитись на когô я схôчу.

— Ну, добрії люде, випийте по чарці, и вареничківъ зъ суніцями посмакуйте, — а се не втечѣ: дасть Богъ, не оглѣдимось, якъ и рікъ прôйде, — майте надію.

— Сіли вони до тихъ варениківъ; — дядина імъ такъ гôдить, а вони їй; вона їхъ припрôшує, а вони: «Да спасібі Бôгу та й вамъ; що бъ у васъ весь вікъ тагъ було рясно, якъ оце тепѣръ на столі».

Щѣ чарочку, щѣ, — да, слава Бôгу, й здіхали їхъ.

А мого й немає й немає! Задавъ мені думки, клопоту, — души не стало!... що се вінъ?! — Пізненько вийшла, ужѣ перший сонъ заснувши, ажъ вінъ попідтінню блукає; я пізнала, — до ёго. — Батько змагаєтця, — не хоче. Я зовсімъ того не сподівався. «Щô ти,» каже, «сôрому набратця хочешъ? Ти — крепакъ, гольтяй, потякнесся до багатіря? Вони спобонъ-віку вольні козакі, на всю гôбу. Ти у їхъ попідхачемъ будешъ, якъ я бувъ у твоєі жъ матері... Ні! зъ чужого поля ягоди не бері; я й зарікъ положивъ — не женіть тебе на козацці. Якъ вони надъ пами знущajúтця и папськими помійницями взивajúть... пійде, а послі сама й бчи виієть... поймі ти мені віри. Лúчче мені въ холôдній хаті сидіти, сорôчку коряву носіти, ніжъ тебе утопіти, мій сину. Ти стільки зъ ёю будешъ бачитъ тогô счástя, якъ свою потялицю. А рідъ же її якъ знущатиметця! *не такъ пани якъ панинята*». — И ні за що, ні за що, не схотівъ. Благавъ я ёгô, моливъ, зѣмлю ціловавъ: вінъ все своє. «Бері убогу, да свою, а не козачку. *Чортъ бері й сребро, якъ жить не добро*. Я старий чоловікъ, я се добре знаю». — Ні защо! якъ завязано.

«Я скажý сама дядні, що я тебе покохала, и оповішу тебе». — Потімъ розказала ёму, що зо мною було и розійшлася. Якъ... же ме-

ні до її доступитьця, якъ замовити? Страшно!.. а якъ откázь? Да й не кажу день, другій, неділю, місяць и другій: не приступлю до неї,—усе ráжусь зъ Хвѣдоромъ якъ лучче. А тутъ двѣрі, що су: боти, не перестають рипать: старості! Дядина Волощенка уподобала: багатий и люде ёго знають. «Багатий,» кажу, «дакъ ёму й добрѣ. А на врѣду який! увесь помѣрхъ, а ходá, а мѣва якá! худѣба за плечима, а лихо перѣдъ очима. Богъ изъ імъ, дядиночко: я ні за кого не пійду».

— Що жъ ти собі гадáешъ, дѣню?.. зробіть би заручени!

«Ні, ні! я ёго не люблю».

— Дакъ що жъ ти думаешъ? на музики перестáла ходитъ, одъ дівчáтъ одбилась,—ужѣ бъ и самá у танецъ пійшла...

«На що мені дівчáта й музики тепѣрь? Нехай мені й сонце зникне!..

— Що тобі такѣ?...—

«Я покохáла Хвѣдора крѣпакá.

Дядина ажъ за гѣлову схопилась, вся затряслась:—Отъ тобі:— каже, — добулась якъ совá на току! Бідна жъ моя голѣвонько! всі надії мої канули... Ні, дѣню, ні, сѣрце! за крѣпакá не пійдешъ... нашому рѣду такъ не пригѣже,—свої потові скáрби у пánськї двѣрища передавати. Ми у їх берѣмъ дівку, то й викупу даѣмъ; а якъ у насъ, то ще додáй,—да вона ще імъ и робитиме,—що будѣмъ їх двѣри сповнѣти, а свої збіднѣти. Що скáже рідъ, що й сусѣде близні? И вінъ хистий, за вітромъ би пішовъ якъ би пустивъ! ти за імъ не наживѣсся, а красі своѣі збáвишъ, замордуєся: тѣ старѣ, а тѣ хисткѣ. Ти ёго тильки ввѣчері хѣба побáчишъ, — трѣба пánщину справляти.

«Ми», кажу, «у двоухъ ходитимемъ, то намъ дней бѣльше перѣпадáтиме».

— *Що той чимъ, якъ борщъ не съ чимъ!..*

«Хоть нѣжка въ мойку, дакъ затѣ дѣшка въ лоітку», всмілилась я їй на сѣ.

— Ні, ні, гѣді, Зінечко: вибилъ зъ голѣві сѣй дуръ. Не гнѣві Бѣга й менѣ. Я тебе за дитину мáла, доглядáла; а тѣ нѣбі мій найпѣрший вѣрогъ заговѣрила. Весь рідъ спозѣрити хочешъ. Волощенка люде знають,—вінъ у два плуги оре; ёго сѣмья зрѣду пішки до цѣркви не ходила й повáжного рѣду: надъ такїхъ и не мá у насъ на селі.

«Дядиночко,—сміюся їй:—*ми посѣмъ наволокомъ, урѣдить якъ*

*нарбокъ... якъ діждемо літа да нажнемо жыта, поставимо
въ кѣни да вдѣримо гѣни!»*

— Да ну, годі витребеньковати! слухай сюди!... на ёго мате-
рі намітка до вірокъ чепѣ—а хусткою до цѣркви й не повьяжетця.
Кунтушъ, плахта зъ шовкомъ, усѣ старосвѣччини держитця. А грѣ-
ши и камень довбають. А що врѣда ёго, да підстарий... да щѣ,
Зіню? жаловатиме більшъ, за дочку матиме. Вінъ оди́нь у матері.—

А я йй въ одвіть:

Ой ти дубъ,—я берѣза;
Ой ти пѣнь,—я тверѣза;
Ой изъ тебе, дубе, нічого не буде,
А изъ менѣ, берізки, вінки и різки».

— Ти зовсімъ скосилася,—зъ сѣрцемъ промовила дядина.

Я замѣвила: сѣрце зтїснуло..

Зновъ лізуть старості зъ кінця села. «Щобъ», я дўмаю, «ви дорѣ-
ги не знали, ні зъ дому, ні до дому, якъ ви мій вікъ заїдаєте!»

Підъ повіточку сяду, да дўму гадаю. Світъ завязала и собі й
ѣму; измучилася такъ! Дядинині рѣчи наче гримъ прогремівъ; и ёго
не хѣчу бачить, смўтку ему завдаватъ. Вінъ гнѣтця якъ гнѣчка
одъ тўги, и я затогъ звальюся. На край світа одъ людѣй би бігла.

VIII.

Дядина бачить, що вже й на восемнадцятій повернуло, а я не
йду,—дўмає, що я за Волощенка тїльки не хѣчу:—Ну,—каже,—
дрўгого вибѣрай. Правду люде кажутъ! дѣки сидіти? Я старá и чáсто
не здўжаю...—

И той у иі хорѣший, и той, а Хвѣдора и обійде.

«Бѣже мій! дядиночко!» кинулась я до неі.» Не крайте могѣ
сѣрця! Окрѣме Хвѣдора я нікѣго не люблю, нікѣго! Я кохаю
ѣго уже три рѣки.»

— И мені не казала?! а той волоцўга, костогрїза, ще дитїною тебе
звѣдивъ! а ти й на дядину забула и не признавалася, а горнўлася
до мене мовъ щїра правда?!..

«Дядиночко,» кажў, роспинаючись:— «простїте менѣ! я скїльки разъ
хотїла казати, дакъ сѣромно й страшно... Мені бажалось самїй у
ѣму надохатця. Простї менѣ, мой матїнго!»

— За ёго не благословляю!.. Дакъ бачъ, якъ за рідну дитину стала!.. пригріла сироту... Обдурьо ти зо мною жила и на мої літа не оглянулася!.. Не спідбалася бъ тобі така біда, не покохала бъ ти нерівню своїмъ малимъ рбзумомъ....

«Вінъ и теперъ и довіку буде мені миліший одъ усіхъ багатирівъ...»

— Ні, сёго не буде! Швидче умру, ніжъ благословлю тебе підъ вінець: не зневажу добрий рідъ свій, не стану костей нашого рбду рўшити. Се й сь того світу повстають, якъ би своїлось.

«А матіночко жъ! ні за кого, якъ ні за ёго.»

— Коли менё за матюръ немаєшь, то...—махнула рукою, и не стала більшъ говорити...

Побачилась я зъ Хвёдоромъ: «Що робіти? Не пйду я ні за кого... и за тебе. Боже жъ мій! на що я її дурйла? Вона жъ менё, бідолашну, взяла, за матюръ мені стала, кохала, пестила менё якъ! Я зрадниця її, не скрасила її старого віку, а ще въ дяку й засмутила... Хвёдорку, світе мій! на що я зрадила дядині, матінці моєї... Не пйду, мій гблубе, проти її волі: вона сёго не знесё. Плякала я гїрко, и въ ёго слёза на виї повїсла.

— Се я зъ тебе зробивъ таку безчасну!..—Обняліся ми й розвіліся сь такимъ смўткомъ, що й не сказати.

Сумна моя дядина, сумна якъ нічъ! менё бстрахъ берё, морбозомъ обдаё, а за серце якъ пьвякї ссўть.—А старості—якъ ті репьяхї: изнóвъ одъ Волóщенка.

«Чи довго твоя небога ростїме? та на хустий прястїме?»

— Да нехай же Богъ помагае. Я її не спиняю, — нехай идё.

«Порá вже páру ма́ти и працювати.

Дядина до мене:—За когó ти йдешъ?

«Ні за когó!»

— Дáрма,—кажуть старості:—ми собі йншу знайдемо, а ви собі держїть на насїнне.—Да й лясь дверїмї, ажъ глина зъ стéлі посїпалась.

— Идї, дóню, хочъ за Дмитра Мўху,—Бóга бїйся,—пляму на нашъ рідъ накладати. Будешъ якою господїнею! Подвірье якё ширóне, зелéне! горобїна ажъ на землі лежить якъ воздрїе, королївъ цвітъ повївся по лїсі, вишні поперехїлялись: Бóже! цвіту тогó, цвіту! якъ молоко́мъ уліто!.. и назїмочка, и третячогъ и корївка; въ васїкахъ пóвно... чо́гó тобі? и самъ пáрубокъ мотóрний, и я—всё що въ менё е—тобі оддамъ: скрїню и сто цягóвихъ грóшей. и

корівку, а хату, горідь и подвір'є по смерті; хочь и ё въ менё рїду довлї, да ти въ менё найблїжча, найкраща. *Розумна жонá якъ стїпа ишонá, а якъ нема, дакъ и дурнá.*

«Дядиночко! не кажїть менї сёго...»

— Идї, кажї! не дурїй: тобї не шосна́дцятїй. Изъ п'ять нáръ мѡжно ви́брать хочь кому́: дру́га й одні́ї не дїждѣтця... и хáта пѡручъ—якъ блїзько!

«Блїзько, да слїзько далёко, да лёко. Я лўчче нї за кѡго не пїйду, матїнко, ягъ не за ёго.»

Почмїхають бу́ло старостї по трїчї ходївши, да й пїйдуть. Усё на насїнне менё прѡчять, на вїсадкї...

Дядина, я и Хвѣдїръ ходїмѡ такї невѣселї... А тўтъ врѣм'я йде; ужё й дев'ятна́дцятїй настїгъ... сїжў въ дївкáхъ! Лїуде заторѡчили: «чѡгѡ сё, чѡгѡ?» Дядина стáла менё пїдстерегáти, щѡбъ я зъ нїмъ не бáчилась, а бáтько Хвѣдорївъ—собї, бо й прáвда,—зъ насъ добрá нема́: собї свїтъ зав'язáли и їмъ... Отъ, и стáли ми рїдко вбачáтись—у лїсї хїбá, ягъ зострїнимось. У селї, ягъ на долѡнї, не сховáеся. Дядина вїдсїль постерегáе, ягъ горѡдами йде́, а бáтько ёго—вїдтїль; облáвою стоя́ть,—по мїсляцю, бу́ло, не бáчїмось, кїнемось,—обїймемось, не промѡвївши слѡва, и розїйдїмось. Тїлькї одїнь Богъ знáе нáшї мўкї! Всю́ди наче стережўть, всю́ди очї. Дядина до мене й рѣчи не обѣрне.

Зїйшлися ми разъ,—Хвѣдїръ менї й кáже: — Изнудївся я зѡвсїмъ, моё сѣрце, да й надумався: сёгѡднї ходївъ до панївъ, прѡсївся на обрѡгъ, у гѡродъ... На сїмъ тїжнї я бáтька поховáвъ Немá менї долї, нї складу́, нї лáду; кому́ не бу́ло зъ-мáлку, то й до'станку: такъ намъ обѡмъ. Мáбуть, я ёму́ нѣмоци додáвъ. Тлївъ вїнъ сѣрцемъ, глядючи на мене. Хáта менї рїдная замїсть трунї стáла... Щѡбъ ужё тебе́ й себе́ не сушїти, пїйду на мїсто жїть, до шевцá и панáмъ половїну платїтїму. Мѡже менї лёгше бўде, ягъ я тебе́ не бáчїтїму, дай тї очей своїхъ не стїратїмешъ. —

«Дѡбре, мїй гѡлубе! Розїйдемось... и я пїйду́ въ лїуде. Щѡбъ менї й мїстечка тогѡ не бáчити, де мї спѡзна́лися»... Да такъ и вдáрилася объ землю... «Нехáй,» кажў, «моя́ косá побїлїе, а я не бўду ничїя́ бїльшь, ягъ тво́я»... Такъ и поеднáли, и розїйшлися ягъ хмáра на небї.

Дядина мѡвчáть,—не замѡвить. Въ хáтї менї тїсно,—духъ спїрае,—пекѣльнїй огѡнь менё пожїра́...

IX.

Встала я рано, уклонилася дядині мовчки вь ноги, а вона мовчки поясъ ладитця плесті, — тільки здихнула. Переступила я порігъ, — якъ не впаду: завернула, поцілувала ёго, — да й пішла, пішла облогомъ, — сама не знаю кудá й до ко́го, — ажъ на край селá. Всю доріженьку слёзами злила — оплікала свою долю... Загледіла хату Золотарісину, — біліе якъ маківка на воді... все кохánнечко своє згадала! Зайдю до її не съ тймъ, щобъ хлїба-соли одвідати, а де мені подітись зь своїмъ горемъ — грішною душею. Иду поузь її двіръ, слезюю вмиваюся. Вона мотки вишае, мене не бачить. Завернула я у двіръ.

«Бабусенько, бабусенько: де подітись?.. якъ се горе забути?»

— На сі мўки, — одкаже мені Золотаріха, — нема, серце, зілля: не, посіявъ Господь... Хто сімъ занедужавъ, той и вь труну зь сімъ піде.

«Я пійду міжъ люде вчитись свій хлїбъ їсти... Дядина не велить мені бачитись зь моїмъ Хведоромъ; сама світомъ нудить й мені докоряе.»

— Иди, доню, у шесту хату по праву рўку: тамъ няньку треба. — Тільки й поради дала.

Пішла я собі; підійшла мимоходомъ икъ колблязю до корїта; проміла очи, щобъ люде не такъ-то дозирались. Прийшла; двоє дітокъ бігае маленкихъ на подвірї, а трете на рукахъ у молодїци: вдовю. Питаю, чи не треба наймички?

— Ні, стрїце, не треба: вчора собі наняла. Да якъ же ти зморїлась! присїдь трішки. Пойди, — каже, — тутъ не подалі, багатїрь живе, — Свиріпенко; вінъ по поштахъ смотрїтелемъ бувъ; — отó, зь красними оконицами, ёго будїнки и влўна нова. — Япішла. Тільки-шо прочинїла вь двіръ фїртку, собака за пўчку, а послї за запáску, и пошматовала, — чўть зь нїгъ не звалила. Господи! се щось не добре. Де то я притулюся?!..

Тутъ старá дївка вибігла, да такъ прбжогомъ и лізе: — одъ когó и чо́го, каже?, да такъ дивитця зпід лóба.

«Кажуть люде, вамъ наймичку треба?»

— Намъ и самимъ їсти нічого. — Такъ мені одмóвила.

«Да мені», кажу, «не багáто й треба.» А тутъ и підстáркова-

тій чоловік на ганкї вийшовъ: у жилетці; въ кармани рўки за-
ложивъ; халівн чпрвонимъ сальяномъ обшито; лице блищить.

— Дівчино, дівчино! — на мене.

Я уклонилась, да й кажу: «вамъ наймичку треба?» А сама такъ
и колочусь,—такий неприязний, Господи!

— Треба. Чтожъ! тебѣ, можетъ, много потребуеця?

Боже мій! да якъжъ мѡва! а кажуть — изъ нашихъ,! Свѡго од-
бигъ, — чужѡго не доскѡчивъ.

«Ні».

— А скільки жъ тебѣ воспослѣдуецъ дати въ годъ мѣста?

«Вісімъ кіпъ», кажу, «да юпчину»: вже й не домѡвила про чо-
боти. «Я чула одъ людей, що такъ платять».

— Изобилуецъ требованіемъ жестѡко. Три копї...трї, три. Ну??
И юпку можна дати, єсли Хаврѡнья, какъ одхѡдила, не захватїла
зъ собѡю,—можно снабдитъ...—додавъ,—да ще такъ на носкї дїбки
зпьявсь и опустївся, и язикомъ прицмѡкнувъ.

«Ну, нехай и по вашѡму».

— Работать, — каже, — все.

«Дѡбре».

Збѡталася... А якї лщурїни у єго бчи! якї жъ вони менї не
мїли!... Посадїли мене заразъ сорочкї латать и дѡху перевести не
дали. Рубецъ на рубцї, латка на латцї!... дїжу вчинїла—пололамъ
зъ гречанимъ; полягали спати, и я, такъ,— на солѡмцї, юпчину въ
гѡлови. На зорї мене збудїли до корѡви, хлїбъ замїсїть, въ хати
убратъ, страву застановїть Хазїншъ зъ двѡма хлѡбцями у пѡле по-
їхавъ. Я днемъ, до обїдъ, гуркї підбивала. Пѡки самъ не повернївъсь
зъ пѡля, безъ єго й сестра не прислѡвувала, не затѡвкувала стра-
ви: у сѡмого хазїна влючъ одъ скринї и все хазїйство: мїрою й
одсипає. За обїдъ посядимо, — такъ и глїпа па всїхъ, якъ хто
лѡжку до рѡта несє. Хлїбъ пїдъ замѡмъ,—скїнарѡсть така! и звї-
чая сєго нема, щобъ хлїбъ на столї бувъ на приходїящѡго. Да ще й
всмїхаеця до мене, за плечє мене:—коснїки,—каже,—куплю тобі
новї,—по щѡцї мене трѣпле... А то, разъ, у сїняхъ мене догнавъ
зъ пляхѡю привелїкою. — Вїпий чарку, вїпий.

«И хлїбъ твій,» дѡмаю, «ставъ въ гѡрлі, а не то щобъ вашу го-
рїлку пїть... Згїнь ти», дѡмаю собї, «старїй шкарбанъ зъ своими
жартами»,—да й покїнула їхъ черєзъ три днї. Вїйшовши за во-
рѡта ажъ спїянула и нѡги отрусїла: такъ гїдко було! Такъ гїдко,

що зпершу й не журилась и не думала ні про дядину, ні про Хвѣдора; а послі бігомъ, бігомъ до дядини,—ажъ на зустрічъ піпъ нашъ идѣ... «Оцѣ жъ», думаю, «не кінѣць моїй біді»,—та до ёго: «Батечку», кажу, уклонившись у ноги: «визьміть менѣ до себе!»

— Шó ти? Бóга бійся!.. а дядина?

«Равно пійду вь люде, якъ не визьмите.

— А гріхъ же стару вїдати! Вона жъ тобі...

«Я буду молїтись,» перебіла я ёго: «вона й сама одступитця... визьміть!»

— Ну, приходь: равно мені треба; тїльки я не совітую.

А я щѣ разъ пішла до дядини, и зновъ вь ноги їй.

— Дѣ ти валасалася?.. Дóню моя, послухайся менѣ. Красу свою знівчиши,—лїта свої мårне стратиши. Иди за любóго,—тїльки не за крепакá... и духъ мїй не дїше, якъ подумаю... Дитїно моя, сёрце моѣ, опамьятайся!

«Нї, матїночко, живї сь кїмъ хочъ, а я тїльки памьять твою не забуду довіку... Прощайте! Я иду вь люде».

И пішла... и жила у попá даромъ,—тїльки зодягáли.

X.

Дядина взяла до себе двóхъ рóдичокъ: тákъ и віку дожила... Оцѣ, булó, я пійду до цѣркви—у тїй ще запащїні, що собáки кінѣць порвáли, якъ я знялсь изъ дóму,—а тутъ ще не ввернулись справить новóї,—отъ, вихóдячи зъ цѣркви, на цвїнтарї, уклонюся їй низько, якъ мáтері,—поткнуся до неї: вона мóвчки рукою й одведѣ. Мені не скáрбївъ тїхъ жáль, що я тамъ покидала, а тákъ,—її, и тогó, що я її зобїдила, що праці її пропáла не зá що.

Послі й зъ Хвѣдоромъ побáчилася, одїйшовши одъ дядини. Якъ зрадїла! усѣ лїхо мнїлось, и на дядину забўлась...

Прийшла я додóму до попá; трóхі згбóмъ, вийшла за ворóта, а Хвѣдїръ менѣ й постерегáвъ, на пригóрку, у ягїїй я двїрь поверну, побїдалъ стáвъ и дожпдáвсь, чи не пройду я по дворú. Я тїльки-що переступїла сь порóга, зáразъ помїтила сїрачину; вінъ изъ пригóрка, да й пішовъ поузь ворóта: мовъ не до мене, а своєю дорóгою, бо людѣй багáто по-дѣ-кудї гуляло. Порівнявся, и кáже стїха: — Приходь у лїсь, на старѣ мїсце: цїлий дѣнь ждáтиму.—Я

візиркала таку годину, що людь поховавсь трохп... да й у гай: ягодъ, грибівъ, зілля цілющого пошукати бъ то.

«Не сподівалась я тебе такъ швидко бачити, серце».

— Ні, мой голубко сізая, — не стёрпівъ: въ привелику сілу дождавсь неділі.

Я ёму розказала все своє життє, що и ягъ.

— Дакъ *моя*, — каже.

«Твоя навѣки».

— Подумай, яка ти стала! ніщо на тобі не блищить....

«Аби я тобі блищала, мій орлє!»—да й обняла ёго.

— Коли жъ ми поберемься?

«Не приступлю, серце, закона, не буду більшъ дядини гнівѣти. Такъ уже й рѹки зложу, якъ не поблагословить».

— Охъ, бѣда, серце, въ тобою!—да й замовкне.

Не оглѣдимось, якъ и повечоріє: тільки птиця хѣба сполохнѣ. Розїйдимось. Вінъ ищѣ недалѣчко поблукаѣ; послѣ, пѣхою, на всю нічъ, за дѣсять верстовъ, на місто.

Дядина три гѣди пожила да й переставилась; хай їй земля перѣрѣмъ! менѣ, сиротѹ, до лѣтъ довелѣ. Умїраючи сказала рѣдичкамъ:— Усе вамъ. Хату й скриню, пѣтдѣсятъ карбованцѣвъ и товаръ; а пѣтдѣсятъ — поховать менѣ, попѹ, старцѣмъ и на цѣркву: все на рѣвні часті. Про мене сказали,—дакъ тѣльки бѣи крѣпко стѣснула и гѣлову одвернула. Я гѣрко плакала, що не довелѣсь менѣ бѣи її заслонїти: стою, булѣ, въ сїняхъ, слїзно плачу, а до її й не потѣкнулась, щобъ на Бѣжїй дорѣзі її не спїяти, її покѣю не рѹшити. Хай їй Господъ у царство небѣсне прїйме! До віку спасїбі.

Побачилась я зновъ изъ Хвѣдоромъ. И Хвѣдїръ журївся зо мною.

— Зїронько моя,—каже:—колі тобі сонечко засвѣтитъ? Правду сказано: *не родїсь въ плѣттєчку, а родїсь въ щѣстєчку; хочъ рѣба и поїана, да її дѣля кохана....* журба тобі за журбѣю!—Обнїмаѣ, цїлуѣ менѣ, голубить.—Я,—каже,—надумавъ: мїсяць доживу у хазїїна, заплачу обрѣкъ папамъ да й старостѣвъ до тебе пошлю. И зновъ у селї зостанусь жїть, — пѣнщину буду одробляти. Тя жъ моя?

«Твоя, серце!»

XI.

Діждали місяця; Хвєдиръ заплативъ обрѣкъ, одпросився зновъ у село. Самъ хату змазавъ, зчипуривъ такъ-що!.. Люде дивуютьця: — Бѣже нашъ, — кажутъ: якъ-то вони люблятьця. Вона жъ щє підліткомъ була, а ось скільки рѣківъ лихо терпіла, чужі порѣги терла послі роскѣшівъ такихъ: да й вінъ же!... Отъже й діждали свого. Самъ хату, прїзбу маже, — дождидетця своєї голубки...

Повінчали насъ. Весілле одгуляли тихо, да до любви. Переступила я порігъ въ єго хату мовъ у рай Бѣжий. Якъ покинули насъ ужє люде, якъ zostались ми на самоті,—сини, хату заснули,—не змовлявшись, кинулись одно до 'дногѣ, ажъ заплакали: зміли той кипть, що за сїмъ лїтъ на сєрці осивъ. Цїлий день не їли й не пили, начє зареклись спостїти той дєнь святїй. и свїтлий Такъ любѣ, такъ тихо на сєрденьку... Сидимѣ обнявшись, — и мѣха не пролетїть, грїхъ начє... Самъ Богъ, здаєтця, мїжъ нами.

Цїлий мїсяць насъ обѣхъ на пѣнщину не ганяли, одпочїнокъ молодїмъ дали. Такимъ яснимъ цвїтомъ зацвїла зновъ наша дѣля, морѣзомъ прибіта... Щѣ то душѣ наболїла, сєрце намлїло!...

Почали ми порядкувати, а вінъ у людєй роботу брать де-яку малєньку. Въ своїй хатї и углї, кажутъ, помагають. Що заробїмъ, то й купимъ що-небудь въ хазїйствечко. И гѣрно у насъ, и вє село. Одну стравочку було постановлю, юшку, чи бѣрщъ, да який же то присмашпїй здѣстця! *На цѣ, кажутъ, та и шанѣба, якъ дѣбрее словѣ...* Я всї роскѣши позабувала! Иногдї й вїри не доймаємо, що дѣля наша така крѣсна. Не трєба менї нї зѣлота, нї срїблѣ, що було дивїю людєй; нїчого менї того не треба,—нїчого не страшно. *Чоловїче мїй, затїло мѣ!* якъ за тєбе захїлюєсь, то и нїкого не боєсь. На пѣнщину менє не звѣли; — тїльки въ зїму на панївъ одпрядала. Хвєдиръ одбувавъ свої днї, а я дѣма скільки мѣги працєвала.

Два рѣки прожили ми одинокі. Не дає намъ Богъ дїтокъ;—жаль, ад не скѣшно. Одно тїльки гѣре: згорїла хата у пѣнськихъ людєй, давъ вѣдовѣ, зъ трѣма дїтьми, до насъ перевезли, бо у насъ простѣрно було. А дє багѣто господїнь, тамъ хата немєтена. Усєго було: дїти и побьють и попереставляють усє, и гѣмъ такїй складѣть, що ажъ ўши було затикаєшь. У нашїй хатїни чїсто й затїшно було. Хвєдиръ було ажъ метушитця: такъ крикъ той єго доймає!

На третій годочокъ я стала у вазі: Господь и мені давъ. Радъ мій Хвѣдірко и я рада: своє, то й не вадить. Ми все зъ нимъ живимó дружно. Зродила я дівчатко, Наталкою зввали. — Дай, Боже, долю!—каже Хвѣдіръ,—да не такú якъ тобі.—«Щобъ, сёрденько, я тее вже забула. Колибъ тильки тобі Богъ давъ здорóвье!...»

А мій Хвѣдірко усé марніе. Вінъ изроду бувъ худорлявий, да ставъ ще гірший. Згадала я тогді дідинине слóво, що не цюпомъ би ёму орудовати, и що й моя праця марне пйде... Усé справділось!...

ХІІ.

Втішаємось ми Наталочкою; ростé вона, всміхається: рученята даб, ужé й дібки, ужé й ходити почало, и говорити. Щó вінъ було ёму втішається! Тильки горенько жъ моё! й притомилась: підбиваюся, зъ нигъ валися, а нізачо рукъ зачепити, бо чоловікъ занепадає; трéба и отопитця и одягтиса и прокормитиса, а зъ ёго помочи ніякої. А тутъ — малá дитина: звісно, коло ёго загаїсся...

Хвѣдіръ зъ часу на часъ хиріє: якъ щó болить, то й сорóчка вадить. Прийде зъ пánцини и ні за холодну вóду; зогнётця якъ похиле дерево, и сидить. На пánцині рóбить, а свої дні дома й такъ,—пдуть пúсто. Ние и ние мое сёрце на ёго глядючи; тáne вінъ вь моїхъ о́чахъ якъ віскъ. А я одъ туги, й того бильшь, ддніми рука́ми не вхоплю. Пйде вінъ зъ двора, а я й світонька Бóжого за слёза́ми не бачу и ділечка за іми не вроблю: такъ вінъ менé крúшить!

Упали ёго ще три дні незабаромъ; отó жъ вінъ дома день и другий пробувъ, говоривъ и ходивъ, зъ пéчи злázивъ, да усé такъ скоресенько. Я зъ Степанідюю е́му дві сорóчки одрізали; сижú, шию; и вінъ поліняку дрóвъ, відёрце водн, принісь, да вже й не здужає,—стóгне, и зновъ злíz на пичъ.

«Щó у тебе, Хвѣдорку, болить?»

— Колóчка.

«Изварú я тобі узварцю?»

Отъ горщóкъ наваріла, два рáзи напоїла.

— Изведи мене на пилъ, — каже.

А я зъ Наталочкою: у менé такъ тисно!

«Ні», кажú, «Хвѣдорку, голубчику: иди: — нигде мені примоститьця зъ дитиною.

— Даї мені спробатки зъ хлібомъ.

Я накришила, подала. Вінъ сёрбъ, сёрбъ разівъ зъ п'ять, да й гбді.

— Ой, якъ, — каже, — досадно на печі лежать...

Я послала на полу, сіла біля его; изчепила рѹки; въ сёрці менє мовъ цѹркою крѹтитъ; глянула на его да й изхопилась, — злякалась: такъ вінъ змінився.

«Хвєдорку, мій світоньку, що це зъ тобою?»

А Степанида и каже: — чи не послать за попомъ? запричастить, — єму й полѹчає.

— Пійди, кажѹ, — будь ласкова, Степанидѹ.

Хвєдиръ почѹвъ, скорєсенько схопився, перевернувъ сорбѹку, бо навиворотъ, нашвидку, надїта була. Сівъ, сидить, дожидаєтця попа: нема! Вінъ и лїгъ. Я хожѹ по хатї, — не знаю, що мені въ свїтї й робити... Я за кожущїну, на себе, — нїчъ, и хвїца така йде! — да за дякомъ. Вінъ мені й кумъ. «Кѹмочку», кажѹ, «голѹбчику, сходїть за попомъ. «А вінъ: — да ужє п'ять разъ ходївъ: попá нашого нема дома, а до дрѹгого ходїли на той кутокъ, — не бачили нїкого; ходїли, ходїли по пїдъ-вїконню, — нема нїкого: тїльки гусї да конї, а люде саме облягли — поснѹли крїпко, не достѹкаєся.

Въ короткій вїкѹ мій багáто карбївъ лягло на мойму сёрці, да ще нї одного такого глибокого не було, якъ цєй послїдній. Нїколи не загоїшъ...

Изборола лиха година... Хвєдиръ умеръ: самá осталась на бїлому свїтї! Хочъ, бацїя, й широкїй, а нема де дїтись — безъ грошей, безъ рѹду. И хатї своєї дрѹжнєї одцуралась: въ чужий ѹголъ пїшла доживать, зъ Наталочкою батька оплаковать...

Такъ чувствїтельно вміравъ!... Я пїшла до дитїни, ажъ чѹю — вінъ на печї такъ стѹгне. Я припала до єго: — «Хвєдорку, що у тебе, мій свїте? «Якъ устремївъ у менє очї, такъ якъ не пробьє. Чи ти менє бачишъ, Хвєдорку, дрѹжино моя вїрна, порадь же менє?»

— Ти вже самá себе порадїшъ, бачѹ... — Да три рази позїхнѹвъ — и Бѹгу дѹшу оддавъ, — одъ насъ одклонївся.

Я такъ и застила, наче духъ у менє вїстановивсь. Степанида кїнулась, сусїдокъ кликнула. Три бáби пришло, одхãли менє, єго нарядїли... Якъ живїй ходївъ... нїякої єму й пригоди не було. Положили єго на покутї, на лавї... Наталочка у рѹченьку єго цїлує... припало до єго нїгъ, обняло да й тїгне до себе. А я... и рєчи

у мене нема, що зо мною тогді діялось! Наталочка було, що-вечора, тата гукає... а теперъ и не пом'яне... Оце, було, малюсеньке, встане да й гукáє: тáто, тáто-о-о-о! а теперъ спитáю — дé тáто, прищóлитця до мене, náче знáє, — и мовчítъ. А я—náче зъ умá схибнула... якъ було вінъ жáлує í:—ти жъ моя манюснечка! Хотя бъ намъ,—бувало кáже, — дiждáть, щобъ воно ходило.—И дiждáли жъ, хвалíть Бóга; а вінъ — и не стáмилась якъ вінъ и вiлпнувъ изъ моiхъ рукъ...

Такъ мені гiрко теперъ якъ згадаю, що ще вінъ, якъ дужчий бувъ, то я разъ колись ёму й сказала: «Боже мiй! тимъ у насъ, Хведорку, нічого й нема, що не хочемо робити... На горбi—посцiлiє, помiрвнє: нічимъ ти мені не допомогáешъ, а я самá не ввернусь. И ти бъ,» кажú, «Хведорку, копiчку накосiвъ,—продали бъ: ажé жъ,» кажú,» «на всiхъ, колб кручи, сiнокосу дано.» А вінъ менé й налáявъ. Я нищечкомъ и собi; дакъ вінъ менé у потилицю:—и рiдъ твiй не дiжде,—кáже. А я зъ сiрця: «отъ, наказáвъ менé Богъ такiмъ чоловiкомъ!» Тiльки оцé всéго и було мiжъ нáми свáрки... Вiнъ жáловавъ менé крiпко: ё чимъ згадáть!..

Якъ ховáли, я дала на Евáнгелiю, а то пiпъ самъ одъ себе чотирi прочитáвъ. «Вiнъ,» кáже, «и на мене облáтувавъ, царство ёму небéсне!» А то свої панi дали пiвкарбванця грóшей, горiлки, дощóкъ на трунó, и чужá однá панi дала сальцá й хлiба чом'янутъ. «Вiнъ,» кáже, «менé якъ своїхъ панiвъ облáтувавъ,—такъ и мене, спасiбi ёму. Хай легенько лежáть!..»

Хведiръ не торговáвся; менé було судiть когó запрещáє... — Не вчiсь, було—кáже,—тáкъ робити. Бúдешъ тiхше ходiть, тобi жъ лóчче бúде...

Я ёго гáрно пом'янула и поховáла: шпалерками зеленими трунó оббила, рúтою, васильками обложила... Господi! все дiвовáнне своé тогдi згадала, сiрачiну мою лóбу споряжáючи у вiчнюю дорóгу... припáла до ёго. да на остáннiй дорбi поговорила якъ зъ живiмъ. Хто жъ менi свiтитиме теперъ, якъ вінъ? сь кiмъ я буду житъ, сь кiмъ и горовáть?.. Тогдi менi здавалося, що вінъ те усé чує, що вінъ оглáнетця на моé сирiтство!.. ажъ и теперъ не вдёржуся отъ слiзъ... Нiзакого теперъ менi захилiтись... Не зглáнувся на менé Господь! пiдiткою все покiнула, пiснi, музики, жáрти

дівобъки... Надъ сирачину не було мені нічого дорбгшого.... Заввічавъ вінъ мій вікъ колючими терна́ми,—не довелось пожитъ изъ любимъ моімъ Хвѣдоркомъ: самъ изсякъ и я захіріла...

Иногді, якъ прийдетця, такъ тяжко ста́не на серці, що й молю́ Бѣга, що бъ мені очи засла́ть; а по́слі—та́къ зрѣбитця Ната́лочки жа́лко....

А. Нечуй-вітеръ.

30 мая, 1860.

КОБЗАРЬ.

XXII.

СЕСТРИ.

Минаючи убогі села
По-над-Дніпрянські невеселі,
Я думавъ: дѣжъ я прихилюсь,
И дѣ подінуся на свѣті?...
И снитця сонъ мені... дивлюсь:
Въ садбчку, квітами повіта,
На пригорі собі стоить—
Неначе дівчина—хатина;
Дніпро геть-геть собі роскїнувсь!
Сїяе батько та горить!
Дивлюсь: у тѣмному садбчку,
Підъ вишнею, у холодбчку,
Моя єдина сестра,
Многострадалиця святая,
Неначе въ раї, спочиває,
Та за широгого Дніпра
Менѣ, небѣга, виглядає.

И їй здаєтця—виринає
За фїлі човенъ... доплива...
И въ фїлі човенъ порина...
— Мій братіку! моя ти доле!—
И ми прокинулися: ти—
На панщині! а я—въ неволі!..

Отáкъ намъ довелóся йти;
 Ще змáлечку, колóчу нйву!
 Молися, сéстро! бóдемъ живі,
 То Богъ помóже перейти.

20 іюля 1859 р.
 Г. Черкаси.

ХІІІ.

Течé водá зпідъ явора
 Яромъ на долину;
 Пишáетця надъ водóю
 Червóна калина;
 Пишáетця калинонька,
 'Яворъ молодіе,
 А кругóмъ їхъ верболóзи
 Й лóзи зеленіють.

Течé водá изза гаю
 Та по-підъ горóю;
 Хлюбóщутця качáточка
 Поміжъ осокóю;
 А кáчечка випливае
 Зъ качурóмъ за ними,
 Лóвлять рáску—розмовляють—
 Зъ дítками своїми.

Течé водá край горóда:
 Водá стáвомъ стáла;
 Прийшло дівчá воду брáти —
 Брáло, заспівáло;
 Вййшли зъ хáти бáтько й мáти
 Въ садóкъ погуляти—
 Порáдитись—кого бъ-то імъ
 Своімъ зáтемъ звáти?

7 ноября 1860 р.
 Петербургъ.

Т. Шевченко.

ЗНАЧЕНІЕ ШЕВЧЕНКА ДЛЯ УКРАИНЫ. ПРОВОДЫ ТѢЛА ЕГО ВЪ УКРАИНУ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА.

*Пірано ще, пандее-громадо, прорекати остати
слого про Тараса: ще ми гаразд не змірили, скільки
ми з нимъ утерлям! Надъ могилою, у сороковій
день. П. А. К.*

Кто-то сказалъ, что впечатлѣніе, производимое *смертью* человека, показываетъ значеніе его *жизни*. И это правда. Только смерть, какъ послѣднее слово исполнѣ-высказавшейся идеи — жизни, — заставляетъ насъ сосредоточиться, отдать себѣ отчетъ въ ея смыслѣ, привести въ ясность и отношенія наши къ умершему и ощущенія нашего сердца, пораженного неожиданнымъ ударомъ судьбы, которая часто такъ — безжалостно останавливаетъ человека на полпути и въ самую лучшую для него минуту.

Смерть общественнаго дѣятеля примиряетъ непримиримыхъ, пробуждаетъ сочувствіе охладѣвшихъ, вызываетъ безпристрастіе въ страстныхъ, погружаетъ въ безвыходное горе слабыхъ и воодушевляетъ сильныхъ духомъ на дальнѣйшее дѣло, на новую борьбу, борьбу усиленную, потому что еще одной силой стало меньше. Смерть общественнаго человека уясняетъ и его — самого и самое общество: по впечатлительности и послѣдующимъ проявленіямъ общественнаго сердца можно навѣрное судить, чѣмъ оно бьется, и если оно нездорово, то симптомы болѣзни выкажутся скорѣе всего тутъ, въ его тревожномъ состояніи.

По нашему наблюденію, и смерть Шевченка вызвала наружу все, что есть живаго въ нашемъ южнорусскомъ обществѣ. Шевченко принималъ такъ широко прошедшую и настоящую жизнь родины, такъ вѣрно понималъ состояніе современнаго нашего общества и потреб-

ности народа, что его поэзія, естественно, должна была коснуться всякаго. Поэтому, у насъ нѣтъ человѣка, который, имѣя какое-нибудь понятіе о Шевченкѣ, могъ остаться совершенно равнодушнымъ къ его смерти и не высказаться такъ, или иначе. Прослѣдить за всѣми дѣйствіями и взаимными отношеніями людей сочувствующихъ родинѣ, за всѣми толками, возникшими вслѣдствіе этой великой утраты — было бы въ высшей степени полезно и любопытно: вся *громада* и отдѣльныя личности, волею-неволею, опредѣлились бы при этомъ настолько ясно, что можно было бы смѣло сдѣлать нѣкоторые не безплодные выводы и для настоящаго и для будущаго... Мы на этотъ разъ ограничиваемъ свою задачу исторически-вѣрнымъ изложеніемъ фактовъ, которые дошли до насъ по сию пору.

По всѣмъ извѣстіямъ, смерть бѣднаго Козбаря отозвалась повсюду — отъ хатъ до палатъ, въ украинцахъ и неукраинцахъ, читавшихъ и нечитавшихъ Шевченка, а только слышавшихъ объ этомъ крепакѣ — поэтѣ.

И — что всего замѣчательнѣе — сочувствіе это въ большинствѣ возбуждено не произведеніями его за послѣднее время, извѣстными лишь весьма немногимъ: оно идетъ съ давняго времени, со времени появленія «Кобзаря» въ 1840 году, и только обновлено изданіемъ его въ 1860. Это сочувствіе не измѣняло поэту во всѣ 20 лѣтъ его литературной извѣстности; онъ и самъ, быть-можетъ, не подозрѣвалъ какъ оно было велико и глубоко, такъ-точно, какъ весьма многіе только по смерти Шевченка поняли все высокое его значеніе, только по смерти его узнали, что *Тарасъ* — дѣйствительно былъ для Украинцевъ *батькомъ*. Да иначе и не могло быть: стоить только припомнить наше прошлое, характеръ Шевченка какъ человѣка, и уяснить себѣ содержаніе и направленіе его поэзіи...

Десятилѣтняя разлука Украины съ Шевченкомъ нисколько не оладила восторга и любви молодаго поколѣнія къ поэту, который нежданно, (въ 1840 году) заговорилъ языкомъ, по мнѣнію *письменныхъ* — уже замершими на устахъ *простаго, непросвѣщеннаго* народа, языкомъ, давно осужденнымъ ими на безжизненность. Съ самыхъ первыхъ гѣсенъ Козбаря, оживилась надежда немногихъ, еще связанныхъ съ корнемъ народной жизни, что этотъ мелодическій родной языкъ, эта богатая и прекрасная народная поэзія, отразившая въ себѣ такую живую жизнь, не умрутъ бесплодно; а чрезъ нѣсколько лѣтъ, когда взглядъ Шевченка расширился, когда жизнь и искусство

мало по малу восполняли въ его развитіи то, чего не дало ему образованіе, когда его пѣсни зазвучали всѣми струнами народной души и народное слово какимъ-то чудомъ стало выражать самыя душевныя думы современнаго человѣка—надежда немногихъ перешла въ отрадную увѣренность, и вскорѣ самыя невѣрующіе повѣрили въ возможность развитія нашего языка, словесности и жизни на чистыхъ народныхъ началахъ. «Впечатлѣніе, которое производили стихотворенія Шевченка,» говоритъ Н. И. Костомаровъ,» напомнило Шиллерову балладу «Занавѣшенный Саискій Истуканъ». Муза его раздирала завѣсу народной жизни. И страшно, и сладко, и больно, и уповательно было заглянуть туда!... Поэзія всегда идетъ впередъ, всегда рѣшается на смѣлое дѣло; по ея слѣдамъ идутъ исторія, наука и практическій трудъ. Легче бываетъ послѣднимъ, но тяжело первой. Сильное зрѣніе, крѣпкіе нервы нужно имѣть, чтобъ не ослѣпнуть или не упасть безъ чувствъ отъ внезапнаго свѣта истины, дружелюбно сокрытой для спокойной толпы, идущей по торной колеѣ, мимо таинственнаго занавѣса,—не знающей, что сокрывается за этимъ занавѣсомъ! Тарасова муза провала своимъ свѣтомъ какой-то подземный заклепъ, уже нѣсколько вѣковъ запертый многими замками, запечатанный многими печатями, засыпанный землею, нарочно вспаханною и застѣянною, чтобъ скрыть для потомства даже память о мѣстѣ, гдѣ находится подземная пустота: Тарасова муза смѣло проникла въ эту пустоту съ своимъ неугасимымъ свѣточемъ и открыла за собою путь и солнечнымъ лучамъ и свѣжему воздуху и людской любознательности. Шевченко, какъ поэтъ — это былъ самъ народъ, продолжавшій свое поэтическое творчество. Пѣсня Шевченка была сама по себѣ народная пѣсня, только новая, — такая пѣсня, какую могъ бы запѣть теперь цѣлый народъ, —какая должна была вылиться изъ народной души, въ положеніи народной современной исторіи. Съ этой стороны, Шевченко былъ избранникъ народа въ прямомъ значеніи этого слова; народъ какъ бы избралъ его пѣть вмѣсто себя (1).»

То, что принимали за смерть, было только сонъ, утомленіе, разочарованіе, послѣ долгой и безплодной для народнаго блага борьбы: явился истинный поэтъ, съ неугасимой искрой Прометея —

И—о, дѣво! трупи встали
И очі раскрыли:

(*) Воспоминаніе о двухъ маларахъ.

И братъ зъ братомъ обнялся
 И проговорилъ
 Слово тихоі любви
 На віки и віки....

Облегчить обремененнаго, поднять покинутаго или падшаго, возвысить его до достоинства *человѣка*, пробудить его къ жизни *ему* свойственной, самобытной—вотъ идея, одушевлявшая Шевченка отъ первой до послѣдней минуты жизни. Независимо отъ того, что поэзія Шевченка была въ высшей степени проста, пѣжна, образна, независимо отъ того, что она народна, — понятна рѣшительно каждому, — жизненность ея заключалась именно въ общечеловѣчности его думъ и чувствъ: при всей своей народности, поэзія Шевченка не носитъ въ себѣ ни малѣйшаго признака какой бы то ни было исключительности—національной, религиозной, политической, сословной; его пѣсни исполнены такой глубокой правды — искренности, такой человѣчной правды, что нѣтъ ни одного народа, нѣтъ ни одного современно-развитаго человѣка, который бы не призналъ ихъ близкими, родными себѣ. Намъ рассказывалъ извѣстный славянинъ, Лужицкій Сербъ, г. Смоленеръ, что въ одномъ обществѣ изъ представителей разныхъ славянскихъ племенъ кто-то предложилъ, чтобы каждый прочиталъ на своемъ нарѣчій то, что ему всего болѣе по сердцу. И вотъ, одинъ, вмѣсто того чтобы читать на родномъ языкѣ, просилъ согласія на прочтеніе украинскихъ стиховъ Шевченка: въ своемъ собственномъ онъ не нашелъ ничего болѣе симпатичнаго... Великая душа Шевченка была полна безграничной любви къ человѣку и сочувственнаго безпристрастія ко всякому: отъ киргиза до украинца, отъ дикаря до Тургенева, отъ богача до бѣдняка, отъ пана до варнака; онъ, участь немногому, или, вѣрнѣе, почти не участь никому, понималъ *жизнь* лучше весьма и весьма многихъ, которые цѣлый вѣкъ свой просидѣли за книгами и ничего изъ нихъ не умѣли вычитать, кромѣ узкой, обрамленной, все заранѣе порѣшающей, системы. Шевченко любилъ и уважалъ *человѣка* какъ онъ есть, какъ онъ вышелъ изъ рукъ жизни, исторіи; онъ ясенѣе многихъ разумѣлъ—отчего люди вышли такими, а не иными—и былъ снисходителенъ ко всемъ ихъ недостаткамъ, — быть-можетъ и оттого, что самъ прошелъ всѣ степени нравственнаго развитія, могъ на себѣ наблюдать весь ходъ его, всѣ трудности, лежащія внѣ и внутри человѣка, на пути къ тому, чтобы стать истиннымъ *человѣкомъ*.

Безъ малодушой укоризны
 Пройти мытарства трудной жизни,
 Измѣрить пропасти страстей,
 Понять на дѣлѣ жизнь людей;
 Прочсть всѣ черныя страницы,
 Всѣ беззаконныя дѣла —
 И сохранить полеть орла
 И сердце чистой голубицы: —
 Се — человѣкъ!... (1)

Злоначиняющихъ спши,
 У цѣта кѣтні не куй,
 Въ глибокі тюрми не муруй;
 А добре зидущимъ рукамъ
 И покажи и поможи —
 Святую силу низпошли;
 А чистыхъ сердцемъ... коло ихъ
 Постави ангели свои
 И чистоту ихъ соблюди;
 А всемъ намъ вкѣпи на землі
 Любовь, о Господи, подай,
 И правдолюбіе пошли!

Не парікаю я на Бѣга,
 Не парікаю ні на кого:
 Я самъ-себѣ, дурний, дурю,
 Та ще й співаючи... Орю
 Свій перелігъ—убѣгу ніву,
 Та сію слово: добрі жива
 Колись то будуть!...

Оріся жъ ти, мой шіво,
 Дѣломъ та горю,
 Та засієся, чѣрна шіво,
 Вѣлею яспію!

(1) *Тризна*, соч. Т. Гр. Шевченка на в.-русск. языкѣ.

Оріся жъ ти, розверніся,
 Пóлемъ розстеліся,
 Та посійся добримъ жітомъ,
 Дóлею полийся!
 Розверніся жъ на всі бóки,
 Нівó-десятино!
 Та посійся не словами,
 А рóзумомъ, ниво!
 Вийдуть люди жіто жáти...
 Весéлні жніва!...
 Розверніся жъ, розстеліся жъ,
 Убóгая ниво!!

«Да пусть Марко Вовчокъ пишетъ хоть по-самоѣдки, — лишь бы въ его писаніяхъ была *правда*», сказалъ онъ однажды по поводу вопроса, не слѣдуетъ ли высокоцѣнному имъ писателю ограничиться сочиненіями на одномъ украинскомъ языкѣ.

И день идé, и нічъ идé...
 И, гóлову схопівши въ руки,
 Диву́єся, чому не йдé
 Апóстоль правди и нау́ки!...

Вотъ его идеальныя, задушевныя желанія! Разумѣется, Шевченко не могъ, какъ истинный народный поэтъ, поэтъ правды и жизни, а не личныхъ только идеаловъ, — выражать одну любовь, одни идеальныя стремленія въ тѣхъ своихъ пѣсняхъ, гдѣ онъ былъ выразителемъ массы, которая такъ много выстрадала и такъ много горечи вынесла изъ своей исторической прошедшей и современной ему жизни. Но тамъ, гдѣ онъ выражаетъ самого себя, его поэзія всегда проникнута духомъ новой жизни, примирительныхъ отношеній даже къ врагамъ, тѣмъ духомъ, какой видѣли, напримѣръ, въ поступкахъ современнаго героя — Гарибальди. Шевченко, какъ великой нравственной силѣ, не надобно были проклятія. Даже въ тѣхъ стихотвореніяхъ, гдѣ онъ, съ такою страшною горечью и съ необычайною силой убѣжденія, высказывалъ правду современному обществу, — у него слышится юморъ, а не презрительно-холодный сарказмъ; — крикъ и слезы страданія,

источникъ котораго — оскорбленная любовь, — это зовъ къ благородству человѣческой природы, а не отчаяніе, — не смертный приговоръ.

Въ этомъ-то строѣ поэзіи Шевченка заключается всеувлекающая сила, которой поддавались невольно, какъ голосу нѣжнолюбящаго брата, люди всякаго возраста, состоянія, мѣнній — и въ-особенности женщины, сочувствіемъ которыхъ онъ дорожилъ выше всего и которымъ не переставалъ сочувствовать до послѣдней своей минуты.

Но мы слишкомъ отвлеклись отъ прямой своей задачи: наше дѣло изложить данныя; выводы возникнутъ сами-собою.

Возвращеніе Шевченка, послѣ 10-лѣтней разлуки, привѣтствовала вся Украина и не-Украина истиннымъ восторгомъ: на всемъ пути, отъ Астрахани до Петербурга, его встрѣчали, какъ друга, всѣ, безъ различія національностей, — знавшіе его по сочиненіямъ, или по слухамъ; всѣ старались дать ему почувствовать, что разлука и 10-лѣтнее молчаніе его ничуть не измѣнили ни уваженія къ нему, какъ человѣку, ни любви и сочувствія, какъ къ народному пѣвцу. Вотъ стихи (найденные въ бумагахъ покойнаго), которыми привѣтствовалъ его, въ то время, одинъ украинецъ, *потомокъ Запорожца*:

Здоровъ, Кобзарь, здоровъ, брате,

Иди-лишь до хати:

Годі тобі журитися,

Годі сумувати!

Уже старі позбірались,

Прибігли дівчата,

Уже й хлопцівъ позбігалось —

Повнісенька хата.

Усі тобі зострічь вийшли,

Усі ми радіємъ,

Що Тараса побачили

Тимъ же добродіємъ;

Що вінъ й теперъ, якъ бувало,

Добре въ кобзу грає,

Украину нашу любить

И гарно співає...

Заспівай же намъ, Тарасе,

Про туя чужину

Де ти бувавъ, якъ покинувъ

Свою Україну;

Чи у полі, чи у лісі,
 Чи, може, на морі—
 Умивався слізюньками
 У біді та горі?
 Чи тамъ світить ясне сонце
 І зірки, якъ очі,
 Або, може, хмари звисли
 Одъ ночі до ночі?
 Заспівай намъ, сизий голубъ,
 Віддай серця долю:
 Забуть тобі легше буде
 Про злую неволю...
 Сідай, друже, на покуті,
 Клянь обь землю лихомъ:
 Нехай воно пропадає,
 Або лежить тихо;
 Нехай тебе, нашъ кобзарю,
 Хранить Божа Мати,
 Подасть тобі довго жити
 І довго співати.

На перепутьї, въ Москвѣ, за обѣдомъ, даннимъ Шевченку, прочитано было слѣдующее стихотвореніе:

25 марта 1838.

На святе Благовіщенне
 Тебе привітаю,
 Що ти, друже мій, вернувся
 Зъ далекого краю!
 Ой, якъ дуже за тобою
 Тужила Вкраїна;
 Усѣ тебе споминала,
 А якъ мати сїна.
 Твої думки—туманами
 По лугахъ вставали;
 Твої слѣзи —росіцею
 По степахъ спадали;
 Твої пісні—соловейкомъ
 Въ садахъ щебетали...

Да щó й казать! Треба кажуть,
 Великої хусти,
 А щобъ людямъ завязати
 Говорливі усти.
 А тепера вже й не треба,
 Бо вже времяа иньше:
 Теперь людямъ говорити
 И дѣхати вільнѣше.
 Хвалить Бога!... Вже й ти зъ нами,
 Нашъ любий кобзарю!
 Бувай здоровъ—намъ—на радѣсть,
 А собі—на славу.
 Перебувъ ти тяжке лихо
 И лиху недолю;
 Заспѣвай—же новихъ пісень
 Про людську волю;
 Заспѣвай намъ такихъ пісень,
 Щобъ мати-Вкраїна
 Веселплась, що на славу
 Тебе породила!

За другимъ обѣдомъ, 12 апрѣля 1858 г. въ Петербургѣ, была такъ тепло и просто высказана общественная признательность много-страдальному, но неизмѣнному, поэту:

« Несчастіе Шевченка кончилось, и съ тѣмъ вмѣстѣ уничтожилась одна изъ неправдъ... Отраднó видѣть человѣка, который, среди ужасныхъ, убійственныхъ обстоятельствъ, не ослабѣлъ духомъ, не отдался отчаянію, но сохранялъ любовь къ своей тяжелой долѣ, потому-что она благородна. Это высокій примѣръ всѣмъ современнымъ нашимъ художникамъ и поэтамъ и уже одно это достойно обезсмертить Шевченка... »

« Позвольте-же предложить тостъ признательности за Шевченка, который своими страданіями поддержалъ то святое вѣрованіе, что истинно нравственную природу человѣка не въ-силлахъ побороть никакія обстоятельства!... »

Едва радостная вѣсть о возвращеніи батька—Тараса достигла Украины, какъ тотчасъ полетѣли къ нему привѣтствія и стихи, ему посвященные, просьбы о томъ, чтобъ онъ не пзмѣнилъ своему поэти-

ческому призначію. Тотъ просить у него новыхъ громкихъ пѣсень, «що бѣ усі почули, чтобы снова отозвалось на нихъ людское сердце, чтобы веселѣе улыбулась доля»; другой повѣряетъ ему свои собственные думы:

Минають дні, літять годá, —
 Чимáло їхъ у вѣчность ліне, —
 И омивá землю вода
 Испóкінъ-віку, — й небо сине,
 Увесь миръ Божий оглядá...
 Въ однаковисеньку дорóгу —
 Все по наказу, въ ладъ одінъ,
 Кудісь иде, чогось кружля...
 Чи жъ безъ меті християнінъ?
 Чи жъ безъ кінця — отá земля?
 И звідкі місяць ясноліцій?
 Те небо — сонце — красний рай?
 И звідкі зірки-чарівніці? —
 Нашъ бідний рóзумъ поспитáй! —
 Про все ёго ти поспитáй —
 Про світъ, за Бóга и про люде, —
 Про жизнь, за небо и про рай —
 Та-ба! — одповіди не буде, —
 Затіхне рóзумъ передъ тимъ —
 Величнимъ рóзумомъ святімъ...

Какъ къ другу, какъ дѣти къ отцу, обращались къ Шевченку съ своими надеждами, съ своимъ собственнымъ и народнымъ горемъ и радостію. Изъ далекой и дикой горной страны, *братіи*—переселенцы посылали свои жалобы въ Украину, черезъ *бáтька Тарáса*, который живѣе всѣхъ могъ имъ сочувствовать:

— — — Кругомъ лісá, кругомъ гори,
 Байракъ зеленіе,
 Да щó зъ того, коли хліба
 Нїде братамъ сіять!
 Скрізь каменемъ взялась земля. —
 Не можна орати:
 Извелися ні-на-віщо,
 Бáтьку, наші брати!..

У де-якихъ й куска хліба
 У хаті немає...
 Друга річка буде текти
 Скоро їхъ слёзами.
 Оттакую, батьку рідний,
 Брати встріли долю:
 Біднимъ дітямъ въ Україні —
 Що батькі придбали
 Степъ, широку славу—волю—
 Й куточка не стало...
 Що жъ робити? сіромахи
 Попрощались зъ родомъ,
 Зав'язали собі очи —
 И — якъ камень въ воду! — —

Шевченко былъ очень скроменъ во всемъ, что до него лично касалось; о степени сочувствія къ нему узнали только послѣ его смерти.

Въ числѣ писемъ къ Т. Гр., мы встрѣтили письмо его *названої дочки*: — кто она — угадать не трудно. Невозможно было читать это письмо безъ особеннаго трогательнаго чувства: оно не застало уже Тараса Григорьевича въ живыхъ, и такъ живо его напоминаетъ:

«Мій дуже дорогий Тарасъ Григоровичъ! Чую, що Ви усѣ нездужаєте та болієте, а сама вже своїмъ розумомъ дохожу, якъ то Ви не бережете себе и які сердиті теперъ. Отсе, добрі люди скажуть: «Тарасъ Григоровичъ! може Ви шапку надінете: вітеръ!» а Ви заразъ и киврею зъ себе кїдаєте.—«Тарасъ Григоровичъ, треба вікно зачинити:—холодно...»,—а Ви хуленько до дверей:—нехай на стежі стоять. А сами Ви тільки одно слово вимовляєте: «одчепітця,» да дивитесь тільки у лівий кутокъ. Я все те добре знаю, та не вбоюся, а говорю Вамъ и прошу Васъ дуже: бережіте себе. Чи такихъ якъ Ви въ мене поле засіяно?..

«Іздали Ви на Україну, були Вамъ тамъ пригоди, писали миші. Коли-то побачимось?—буду дожидати. Я теперъ пишу до Васъ зъ Риму; коли бъ же Васъ сюди занісъ який човничокъ, щобъ Ви не одъ людей почули, а на свої очі побачили, які тутъ руїни, дерева, квіти, а народъ який, а яке тешло, яке сонце. Я була у Колизеї на самому вишкю, на окні сиділа, а якъ звідти зийшла, то й сама

не знаю. Була въ Ватикані:—колибъ же Ви були тамъ, Тарасъ Григоровичъ. У мене є для Васъ фотографія, та якъ її Вамъ передати? Я тутъ и роботаю, и вчуєа, и гуляю. Ви напишіть мнѣ словечко, коли часъ буде. Ви забули, чи ні, що Ви назвали батько? Коли взяли имя, то взяли и біду батьківську: теперъ думайте и не забувайте.

« Прощайте. Бережіть же себе, прошу Васъ дуже. Щиро до Васъ прихильна М. М.»

Вѣсть о болѣзни Тараса Григорьевича пашла названу дочку далеко отсюда; съ нѣжнимъ, истинно жєнскимъ участємъ и совѣтомъ подходит она къ непокорному, равнодушному къ жизни больному, но... теплоє слово дружбы достигаєтъ до *названого батька* уже тогда, когда онъ былъ холоденъ и недвижимъ на вѣки...

Съ какою почтительною любовью, съ какимъ восторгомъ обращаются къ *Кобзарю*, повсе незнакомые ему люди, въ телеграмахъ и письмахъ, посланныхъ, изъ разныхъ сторонъ Украины — увы! — къ послѣднему дню его именинъ, а также по случаю освобожденія крестьянъ, — котораго онъ ждалъ съ такимъ болѣзненнымъ нетерпѣніємъ...

Вотъ-что, между прочимъ, прочитали мы на одномъ посланномъ ему листѣ, съ рисункомъ, изображающимъ, въ лицахъ, освобожденіє крестьянина отъ крѣпостной зависимости (1).

«Гей, степі безкраї, гори туманомъ повіті, могли високі, байрані глибокі, годі вамъ сумовати!... не будете ви більше одклькаться на слѣзи и жаліюні шєні своїхъ синівъ; загуркотіть, мовъ гримъ, голосна и вольна пісня, вірвутьця зъ душі високі думки и вітромъ буйнимъ пронесутьця відъ краю до краю... стрепенутьця відъ радості сині України... Кобзарю дивний! будь здоровъ й щаслявъ на многі літа; хай доля шанує тихий супокій твоєї душі, щобъ струни твоєї ліри голосно звєчили, на втіху и науку ріднимъ дітямъ України. День твого янгола зійшовсь зъ великою годіною воли народнєї семі... Настанє часъ, що й воші, бідні, дознаютьця грамоти, що й їхъ душі

(1) Мы не сочли себя вправѣ назвать авторовъ по имени, не имѣя на то отъ нихъ позволенія, но готовы объявить объ нихъ по первому требованію съ ихъ стороны.

освітятця й одъ тѣмного сну прокинутця; зашумотять крила рбозуму и полетять за хмару високі думки народні...»

Но — увы! — нашъ Кобзарь не дождался дня освобожденія *братівъ своїхъ*; не слыхалъ уже ни привѣтствій, ни поздравленій: не залечили они смертельныхъ ранъ, нанесенныхъ ему жизнью...

Шевченко умеръ—и когда горестная вѣсть достигла Украины и Галицкой Руси, тотчасъ увидѣли, что это было *общественнымъ* несчастьемъ, *народной* утратою. Львовская молодежь носила трауръ (*жалобниі кокарди*, какъ пишутъ оттуда), на своихъ козацкихъ шапкахъ. Въ Кіевѣ, Харьковѣ, Черниговѣ и Полтавѣ, извѣщенные о смерти Шевченка по телеграфу, служили панихиды. Изъ Кіева по телеграфу сообщали желаніе принять, на свой счетъ, издержки на перевезеніе тѣла Шевченка въ Украину, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ похороненъ въ Кіевѣ; въ то же время, одинъ молодой помѣщикъ, изъ Черниговской губерніи, предлагалъ похоронить его въ своемъ имѣніи и насыпать надъ нимъ, по древнему народному обычаю, *високу могилу*. Можно навѣрное сказать, что смерть Шевченка отозвалась даже въ людяхъ равнодушныхъ, хоть чѣмъ-нибудь связанныхъ съ Украиной. Это всеобщее сочувствіе показалось бы, безъ сомнѣнія, больше всего неожиданнымъ для самого поэта. Онъ не сдѣлалъ во всю жизнь ни одного ни лишняго, ни криваго шага для снисканія популярности и чьего бы ни было благорасположенія. Онъ имѣлъ полное право сказать о себѣ, что *шелъ прямо и не лукавилъ*. Для себя собственно онъ ничего не ждалъ отъ жизни и ничего не желалъ отъ людей. Онъ съ трудомъ вѣрилъ, что его не позабудутъ современники, но это его не смущало: онъ зналъ, что жить не даромъ, что его вспомнятъ когда-то на Украинѣ—и эта мысль была для него единственною отрадой, если только онъ могъ находить отраду въ себѣ-самомъ.

Но глубоко почувствованная печаль Украинцевъ показала, что и современное поколѣніе умѣло оцѣнить Шевченка, что и оно умѣетъ быть признательнымъ. Мы не говоримъ объ его похоронахъ въ Петербургѣ: они уже были описаны въ *Основѣ* (мартъ); здѣсь мы только дополнимъ, что въ самый день смерти Тараса Григорьевича, всѣ бывшіе вечеромъ на панихидѣ собрались къ другу его, М. М. Л — му, гдѣ тотчасъ же было приступлено къ подпискѣ на увѣковѣченіе памяти Шевченка, и положено: 1) перевезти тѣло его на Украину, согласно (поэтическому) его завѣщанію; 2) поставить ему памятникъ; 3)

основать народную школу, подъ именемъ *Тарасовой* или *Шевченковой*; 4) содержать одного, или нѣсколькихъ, стипендіатовъ въ университетахъ—Кіевскомъ, Харьковскомъ, Одесскомъ лицѣхъ и Академіи Художествъ; 5) издать наилучшимъ образомъ его сочиненія; 6) назначить преміи за лучшее жизнеописаніе поэта на украинскомъ языкѣ и за лучшій критическій разборъ его сочиненій; 7) издавать народныя руководства по разнымъ предметамъ; 8) помогать его роднымъ, и 9) кому-либо изъ ближайшихъ друзей его. ежегодно посѣщать его могилу на Украинѣ.

Разумѣется, все это было высказано какъ желанія, исполненіе которыхъ обуславливается количествомъ сбора по подпискѣ до сихъ поръ вполнѣ исполненъ лишь первый пунктъ, но мы увѣрены, что при добромъ содѣйствіи земляковъ, для которыхъ дороги память поэта и народная польза все предположенное будетъ исполнено. Увѣренность свою мы основываемъ на множествѣ писемъ, стиховъ и предложеній, съ которыми связано имя дорогаго поэта. Приводимъ нѣкоторыя въ подлинникѣ, чтобы читатели могли вывести сами свое заключеніе.

Насъ чрезвычайно тронуло письмо, присланное изъ за-границы, однимъ москвичемъ, который, путешествуя по Киргизскимъ степямъ, въ 1852 году, имѣлъ случай видѣться и познакомиться съ Шевченкомъ въ Новопетровскомъ укрѣпленіи. Вотъ—что писалъ г. Г — овъ при первой вѣсти о нашей утратѣ:

«Шевченко умеръ!... —

«Плачь, плачь, скорбный плачь души отозвался на это извѣстіе. Это былъ человекъ, передъ которымъ, по огромности его таланта и самымъ горькимъ испытаніямъ, безмолвно клонилась вся Россія. И, только—что освобожденнаго, только спокойно зажившаго, подышавшаго свѣжими намеками настоящаго времени, настоящаго царствованія, судьба скрутила. Неужели всегда судьбѣ нужны бываютъ, при исполненіи чего—нибудь великаго, люди, которые живутъ мыслью совершаемаго, — лучшія жемчужины вѣка? Скорбно, невыразимо скорбно.... Это страшное извѣстіе какъ громъ поразило меня. Тарасъ Григорьевичъ! Неужели не увижу я тебя больше, не услышу твоей рѣчи, не упьюсь твоимъ свѣтлымъ, свободнымъ словомъ? Конецъ концовъ насталъ для тебя, и мы всѣ, съ сжавшимися отъ горя и скорби сердцами, плачемъ, и только плачемъ, безсильные противъ страшныхъ ударовъ судь-

бы. И какъ—то страшно и не хочется сказать: «миръ праху твоему,» какъ будто прахъ тотъ не прахъ еще, какъ будто оживеть онъ, какъ будто судьба не могла такъ насмѣяться надъ нами....

«Видѣли ли вы его въ послѣднее время, и что съ нимъ было? Что говорилъ онъ, глядя на настоящія событія въ Землѣ Русской, на начинанія чего—то свѣтлаго, начинанія, которыя, увы! не дано было ему увидѣть; я увѣрею, что вы, не откажете тотчасъ же написать мнѣ объ этомъ. Грустно, невыразимо грустно, не могу ни о чемъ больше думать, ни о чемъ больше говорить. Это ужасно: въ послѣдніе два мѣсяца Аксаковъ, Хомяковъ и наконецъ—Шевченко! Это неистовство смерти!..»

Во множествѣ другихъ писемъ и стиховъ высказалось такое же собогѣзнованіе. Общественное сочувствіе къ памяти народнаго поэта, живѣе всѣхъ выразила Полтава:

«Щиріи Полтавські Українці,»—писавъ А. Я. Коніський,—25 лютого, послали Т. Гр. Шевченку телеграмму, и поздоровляючи его зъ именинами, сподівались, що певно любий «Кобзарь» утне на своїй голосній кобзі нову голосну пісню, котру почують далеко—далек! Та ба!..

«Передъ обідомъ, 27 лютого, прогрімла въ Полтаві несподівана звістка, и коло серця гадюкою обвилася... Черезъ телеграфъ, намъ дано знати, що 26 лютого, въ половині шестої години зранку, умеръ Шевченко... Чи треба жъ объ тімъ й говорити, яке горе, яка смута, яка страшна нудьга залягла въ душу кожного, хто хоть чувавъ про Шевченка...

«У вечері того жъ дня була випущена по городу печатна оповістка, що завтра буде по покійному панахида. Сѣгодні (28-го) въ $\frac{1}{2}$ 1-ї години зранку Стрітенська церковь була повнісенька усякого народу: панівъ, козаківъ, крепаківъ, міщанъ и кушцівъ. Отъ, очинились олтарні двері и вийшли, въ чорнихъ ризахъ, протопопъ съ трома папцями и стали правитъ панахиду... Коли бъ же ви бачили, якъ широко, якъ тепло молились усі люди за покійного поэта! які тихі, та гарячі слѣзи лились зъ очей у кожного! А якъ заспівали *вічну пам'ять*, отуть-то було плачу!.. Здавалось, що и дзони гули якось не такъ: неначе и вони голосили жалібно—жалібно!.. Наче й вони говорили: «ні, нема, нема вже Кобзаря! Нікому теперъ могучимъ голосомъ звеселить Україну!.. Що жъ теперъ станешъ діяти, Україно, Україно, рідна наша ненько!..»

«Тяжко-тяжко згадувать про Т. Г. Шевченка и якъ про чоловіка, и якъ про поэта...

«Споживай же, любий Кобзарю, тихо-тихо, та часомъ поглядуй нзъ за могили на насъ, на всю Україну, и привітай ласкаво нашу молитву, нашу любовъ и наше щире, жалібне слово:

Вийшовъ місяць—на могилки
 Зъ неба подивитись,
 Кругомъ глянувъ яснимъ окомъ,
 И почавъ журитись...
 Далі въ хмару завернувся
 Не схотівъ світити;
 За нмъ й зірки поховались,
 Якъ за батькомъ діти.
 Нічъ, якъ воронъ чорний, стала,
 Хмари скрізь блукають,
 Вітри буйні съ хрестами
 Сумно розмовляють...
 Чого жъ місяць, чого ясний
 Хмарами укрився?
 Чого, вітеръ, чого буйний,
 Грізно рсходився?...

— Місяць бачивъ, якъ учора
 Могили копали,
 И въ могилу домовину
 Стиха опускали...
 Зачишлось въ Україні
 Покутне віконце! —
 Заховалось підъ землею
 Українське сонце!..
 Умеръ Кобзарь!.. Его пісні
 Більше не греміти.....
 И ставъ вітеръ на могилі
 Сумно голосити,
 То завне, то застогне,
 Жалібно залетця:
 Наче сокілъ объ могилу
 Крилами забьетця;

Бьетця, квітить,—свіжу землю
 Зъ могили змітає, —
 Молить: «встань мій вольний брате!»—
 Ні! не дочуває!...
 Спи, Тарасе, тихо-тихо,
 Поки Богъ розбудить;
 Твого жъ слова въ Україні
 Повікъ не забудуть...

Крожъ *А. Я. Конисскаго*, стихи на смерть Т. Гр. Шевченка доставлены еще отъ гг. *А. Василенка, В. Э. Дьяковскаго, Ив. Кривоносова, В. С. Кулика, А. Диплянскаго, М. А. Максимовича, М. А. Малашенка, В. Маслія, К. Мовы, А. А. Нароцкаго, Неизвѣстнаго, В. Пивтора-Кожуха, А. Славира, И. Л. Соколова, Алек. Ив. Тарновскаго*. Приводимъ нѣкоторые:

I.

В. С. КУЛИКА.

Поховали.... Україна
 Загадавшись плаче,
 Поховали духъ великий
 И серце гаряче;
 Ъобзря свого втерля
 Вдова-Україна,—
 Поховала бідна мати
 Найкращого сина!..

Ні, не всѣго поховали
 Тебе на чужні.....
 Твое слово животворне
 Живе на Вкраїні;
 Твоя дума, твоя пісня
 Повікъ не загине,
 Поки буде рости-жити
 Ъозацька дитина;
 Твєе слово измалечку
 Повітвєрдять діти:

Будешъ зъ ними зеленіти
 Український квіте!
 Тее жито, що посіявъ,
 Зійде... жати будемъ.
 Розбудивъ еси насъ, батьку...
 Тебе не розбудимъ!

 II.

М. А. МАКСИМОВИЧА (*).

Все утрата въ певнихъ людяхъ —
 Ой, якъ не тужити!
 Отъ, и нашого Шевченка
 Не стало на світі...
 Порівнявся день изъ ніччю,
 Сонце пригрѣває,
 Пропада зима велика,
 Весна настагає.
 Отъ, затого Днѣпро сягне
 Ледяны шаты;
 Стануть луги зеленѣти,
 Сади розцвѣтати,
 Заспѣвають жайворонки
 Весело у полі,
 И возрадуютця люде,
 Що дождались волі.
 А ты, друже, непробудно
 Заснувъ на чужинѣ,
 И не будешъ твоихъ пѣсень
 Співать на Украинѣ.
 Не судилось, якъ хотѣлось,
 Щобъ у своѣй хатѣ,
 На тѣй горѣ надднѣпровѣй
 Життя зазнавати.

 (*) 12 марта, 1861 г. Михайлова-Гора.

Сохранимъ, по желанію автора, правописаніе подлинника.

Іншу долю Божа воля
 Для тебе судила,
 Що високимъ даромъ пїсень
 Тебе надбїлила;
 Дала серце, щобъ любило
 Широкою волю;
 Вѣщу душу, щобъ болїла
 За людську недолю;
 Ясны очи, щобъ лилися
 Зъ ихъ слѣзи гарячи,—
 Щобъ по свїту роздалися
 Твої дивни плачи...
 Стоить верба підъ горою,
 На Днїпрѣ похилилась;
 За коханимъ своимъ синомъ
 Мати зажурилась.
 Вѣчна пам'ять тобѣ, друже,
 Кобзарю єдиний!
 Твоя пісня, твоя слава
Не вмере, не загине...

 III.

А. А. НАВРОЦКАГО.

1.

То не вітеръ стогне въ полі,
 Не філя у морі:
 То постигло Україну
 Тяжке-важке горе:
 Наше щастя, наша радість,
 Наша кріпка сила,
 Душа чиста, праведная,
 Якъ свїчка згорїла!..
 Плачъ же, нене, плачъ нещасна
 Вдво-сиротино:

Нашъ кобзарь, нашъ батько щирый,
 Тарасъ насъ погнунувъ!
 Хто жъ піснею високою,
 Чистою, святою,
 Тутъ підніме наши души
 Зъ мертвого покою?
 Не роздастця смілий голосъ
 На всю Україну,
 Не порадить щирихъ дітокъ
 У лиху годину....

Тільки вставъ ти —
 Тільки визволивсь — и щирый
 Голосъ твій роздався,
 Тільки-що живее слово
 Міжъ нами пробігло,
 Якъ изнову похололо,
 Навіки застигло
 На устахъ твоїхъ холоднихъ,
 И безъ тебе діти
 Осталися сиротами
 Малими на світі...
 Осталися... А ти жъ, орле,
 А ти жъ, рідний тату,
 Піднімавъ насъ всіхъ у гору,
 Привертавъ до хати;
 Еднавъ Славянъ всіхъ до купи
 У семью велику,
 Благовъ Бога, щобъ злилися
 Славянські ріки,
 Щобъ братами люде стали
 Во віки и віки.

Літай, орле, й зъ того світа,
 Літай поміжъ нами,
 И віщуй намъ живе слово
 Й мертвими устами,

Вішуй дітямъ слово правди,
Щобъ не забували,
И любовию святою
Весь світь обгортали!

2.

Не втнхомирилась душа,
Сумує и плаче,
Виливає тугу-горе
И серце гаряче,
Виливає гіркі слези,
Ягъ мала дитина...
То не одні мої слези —
Чистая росина:
Въ моїй тузі—то по тобі,
По великімъ сину,
По тобі, Тарасе, плаче
Мати—Україна:
Стогне, бьетця и голосить,
Жалібно ридає,
Що безъ тебе порадоньки
Де найти не знає...
Твоя пісня не озветця
Соловейкомъ въ гаї,
Не розважить, не рознесе
Вдовипого жалю;
Не наповнить знову души
Живною росою —
Сцілющою, живущою
Дрібною слезою...

Ні, не вмере вона, не згине
Та пісня висока:
Всімъ запала вона въ душу
Глибоко, глибоко.
Хоча бь, батьку, після тебе
Затпхло, змарпіло

Наше слово молодеє,
 Й навіки вь могилу
 Полягло воно зь тобою,
 То намъ, хвалить Бога,
 На вікъ вічний стане твого
 Слѡва голоснѡго.
 Не вмере воно — животворне,
 Не вмере—не поляже,
 И про твою тяжку славу
 Всімъ людямъ роскаже;
 И освітить всѣму миру
 Твій рай — Україну,
 Всімъ покаже, що недаромъ
 Жила сиротина;
 Що її тихая доля —
 Не пустоцвітъ вь світі,
 Що ище колись здадутця
 Ї щирі діти....
 А ти, батьку, й зь того світу
 Доглядуй за нами,
 Щобъ не пішли твої діти
 Чужими шляхами.

IV.

А. ВАСИЛЕНКА.

Пугу-пугу!!! ні, не чути!..
 Вже Тарасъ не відгукнетця.
 Надало ёму майнути...
 Хто слёзою засміетця,
 Хто про горе намъ заграє,
 Щобъ ажъ лихо танцювало...
 Батька нашого не стало:
 Хто жъ сиріть насъ привітає?!
 Плачте, браття, плачте, діти,
 Сталось люте горе:

Наша доля слѣзи лити...
 Виллемъ ціле море;
 Ні, не стане й моря—мало—
 Горе утопити...

Гай-гай! кете-лишъ кресало
 Люльку запалити!..
 Ой, на серці дуже тьмяно,
 А дихнути —важко, важко.
 Душу всю укрили рани...
 А де-жъ нашъ ватажко?!..

Ти все знавъ, Тарасе, кобзарю нашъ рідний,
 Чого реве вітеръ въ безкраімъ степу,
 Чого вінъ питає козацьки могили,
 И сумно гуде про вдову-сироту.
 Ти знавъ, чого чайка надъ Дніпромъ кигіче,
 Объ чімъ соловейко співа на тополі,
 Чого й пугачъ стогне, и жалібно кличе
 Когось-то, щобъ глянувъ на гіркую долю...
 Ти знавъ, чого й батько—Дніпро нашъ широкий,
 Надметця и филю горою здійма,
 И кинетця въ море и въ Чорнімъ, глибокимъ,
 Чогось и шука й підіймає зо дна....

Живая любовъ Украинцевъ къ своему поэту не могла ограничиться одніми пѣснями и слезами: тотчасъ же явилось желаніе—увѣковѣчить память Шевченка общепользными дѣлами. Изъ нѣсколькихъ писемъ, выражающихъ это, приводимъ письма Н. М. Мельника и М. Н. Дарагана.

«Дуже спечалила насъ вість про смерть дорогого нашого Тараса Григоровича...» (озвався щирій землякъ нашъ Н. М. Мельникъ). «Покійний батько одніъ у насъ бувъ, та чи й діждемо другого. Мабуть уже намъ не дождати, а хоть би дітямъ нашимъ. Вінъ такъ багато зробивъ и для родного письма и для народу, що ми не знаємо, съ кімъ его й рівнять, якъ его й почитать. — У такого чоловіка, которий самъ, своими гіркими трудами и окровавленними ногами, зійде на ту дорогу, якъ покійний Тарасъ, мабуть не ба-

гато останется въ калитці або скрині, мабуть стільки, що нічимъ буде и поховать, а щобъ хрестъ на могилі поставити—про те нічого й думать... Отъ же мені й прийшло на думку: чи не можна бъ зібрати покійному на хрестъ? И Земля наша велика, и насъ, спасибі Богу, багато (хоть мало багатихъ, а всі—якъ то кажуть—безгрішні): то, я думаю, треба начать, а въ добрімъ ділі и другі допоможуть, — не пожаліють, хто скільки зможе, да такъ може й зберемо стільки, що й на хрестъ стане—не на дерев'яний, а на такий, що ні въ огні не горить, ні въ воді не тоне. Отъ моя думка: якъ би зо всеї України назбирати стільки, щобъ виховати, во ім'я покійного Тараса, його родича, або земляка, въ Київськѣмъ университеті,—звичайно—на процентъ изъ зібранихъ грошей. Ото булабъ вічна пам'ять покійному! легше булобъ йому лежать підъ землею, якъ би хотъ посмерти его почитали, якъ подоба, коли за живота не вмів. Прошу васъ, земляче, гукніть, будьте ласкові, землякамъ столицнімъ, Київськѣмъ, Полтавськѣмъ и всімъ Українцямъ: побачите коли воно не вийде до діла. Ще якъ я вчився въ Полтавській гимназії, то збирали по всімъ школамъ на пам'ятникъ Крылову; дівчора давала по сороківці, а вже багато—по коповику, та й дуже важний пам'ятникъ изъ збору зробили, що стало бъ процентівъ не на одного школяра. Жаль тільки, що вінъ даромъ бованіє, а сей, що хотілось би поставити Тарасові, знатимуть и будуть почитать люди, бо не одна бідна душа черезъ його може світъ побачити. Збіранка паша не піде въ осудовище, а всі похвалять, и подякують, и допоможуть...»

Вотъ другое предложеніє.

«Я желалъ бы,»—писалъ М. Н. Дараганъ,—«обратиться къ почитателямъ безсмертныхъ произведешій нашего украинскаго поэта съ нижепозложеннымъ предложеніємъ, и надѣюсь, что оно не останется безъ сочувствія со стороны просвѣщенныхъ соплеменниковъ.

«Извѣстно, что покойный Т. Г. Шевченко, по своему рожденію, принадлежалъ къ крѣпостному состоянію изъ имѣнія помѣщика Флѣрковскаго, Киевской губерніи. Геніальныя поэтическія дарованія открыли ему, впоследствии, возможность свободно развивать свои таланты, но едва ли онъ могъ когда нибудь забыть извѣданныя въ лѣта юности испытанія, едва ли онъ могъ забыть прежнихъ собратій своихъ. Это скорбное чувство, которое Тарасъ Григорьевичъ, безъ сомнѣнія, ко конца жизни не переставалъ носить въ сердцѣ своемъ, и было, донечю, въ значительной степени причиною, что почти всѣ его сти-

хотворенія проникнуты глубокою, иногда безотрадною, грустью. Смерть похитила поэта только за нѣсколько дней до великаго торжества (5 марта), когда всенародно произнесенъ былъ смертный приговоръ крѣпостному праву. Ему не привелось видѣть погребенія того начала, которое было источникомъ многихъ его несчастій... Нельзя не пожалѣть объ этомъ, нельзя не грустить о преждевременной кончинѣ... Намъ остается однакожъ утѣшеніе, — это — право дѣлать все, чтобъ память о Тарасѣ Григорьевичѣ запечатлѣлась какъ можно болѣе твердыми чертами въ томъ народѣ, которому онъ всю жизнь былъ всецѣло преданъ, въ томъ сословіи, изъ котораго онъ вышелъ. Какъ одно изъ средствъ для этой цѣли, я предлагаю воспользоваться великимъ событіемъ дарованія помѣщичьимъ крестьянамъ правъ свободныхъ гражданъ и соединить имя нашего поэта съ обезпеченіемъ судьбы нѣкоторыхъ изъ тѣхъ прежнихъ его собратій, кои не имѣютъ средствъ для выкупа у помѣщика своей усадебной осажденности и полевыхъ угодій. Я предлагаю открыть подписку на пожертвованія, съ цѣлію оказать пособіе въ упомянутомъ случаѣ сначала родственникамъ покойнаго Тараса Григорьевича, а потомъ, если сумма будетъ достаточна, бѣднѣйшимъ крестьянамъ, поселеннымъ въ той деревнѣ, гдѣ родился поэтъ. Кромѣ подписки, для увеличенія средствъ, можно было бы устроить также литературныя чтенія. Собранныя деньги могутъ быть употреблены по назначенію или черезъ мирового посредника, въ уѣздѣ котораго находится сказанное имѣніе, или чрезъ посредство другаго довѣреннаго лица, какъ это будетъ признано болѣе удобнымъ.

«Какъ бы ни былъ малъ итогъ будущихъ пожертвованій, но если онъ будетъ достаточенъ на пособіе, въ необходимой мѣрѣ, даже только одному семейству, то и этотъ фактъ, совершенный въ память славнаго пѣвца нашей родины, уже будетъ долго служить хоть малымъ и скромнымъ, но живымъ памятникомъ Тарасу Григорьевичу.

«Если предложенная мною мысль найдетъ въ обществѣ сочувственный отзывъ, то можно будетъ приступить къ ходатайству о дозволеніи открыть подписку. Зная восторженный успѣхъ, какимъ пользуются произведенія поэта и популярность его имени въ Малороссіи, можно надѣяться, что это дѣло не встрѣтитъ недостатка въ единодушій со стороны нашего общества. Что касается до меня, то, какъ первый подавшій мысль о пожертвованіи, я напередъ обязываюсь представить куда потребуется ту малую долю (25 р.), какую позволяютъ мнѣ удѣлить, на общепользное народное дѣло, мои ограниченныя средства. Да послужатъ

намъ примѣромъ, въ настоящемъ случаѣ, наши единоплеменники—Чехи, которые, начиная подписку съ самой незначительной суммы, успѣваютъ собирать большія средства на воздвиженіе памятниковъ своимъ знаменитымъ литературнымъ дѣятелямъ (*).

Мысль объ увѣковѣченіи памяти Шевченка явилась также въ Полтавѣ, Харьковѣ, Черниговѣ, Одессѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ: осуществитъ ее предполагалось посредствомъ подписки, концертовъ, спектаклей и публичныхъ чтеній.

Нѣкоторые лица уже прислали деньги для этого назначенія. Отъ Черноморцевъ, изъ Екатеринодара, доставлено 200 р., при слѣдующемъ письмѣ:

«Прошла чутка й на Чорноморіі, якъ ви тамъ, у Петербурсі, ховали нашого, на віки вічні славного Тараса. Читали й ми увъ *Основі* ті речі, що ви, спасибі вамъ, говорили біля труни ёго, и на серці полегшало одъ думки, що й у далекій стороні знайшлись-таки люде зъ щирою душею,—що й тамъ уклонялся на могилі Незабутного!.. Батьки наші не вмѣли гарно, якъ-то кажуть—по-письменному балакати, або хвалити;—такччки й ми: серце ворущитца, на душі наче промінь божий, а язикомъ не втнешь—вибачайте!

«Довелось и намъ прочитати, що люде й у Московщині збірають поміжъ-себе гроші, щобъ зробити що на память Тарасові; а ми-бъ-то й сидітемежъ, мовъ се діло чуже, абó-що?.. Ні!.. А ну-лишь, бідолашне козацтво, хапайсь за *«Наталку-Полтавку»*, та заграємо на тіятрі, та заспіваємо: отъ и зберемо грошенятъ хочъ трохи...

Чорноморські Паніі *Любовь Шаранова* да *Марѳа Головата* изъ радістю узяли свої ролі; *Клеофасъ Головатий*, *Дмитро Кучеровъ*, *Иванъ Плохий* и *Стецько Шаранъ*—тежъ,—та оце ті гроши, що зібрали зъ невеличкої Екатеринодарської громади нашої, и посилаємо: не багацько,—вибачайте: — обідрались, бачте, кишені Запорозькі въ вісімдесять рікъ..—тільки посилаємо ми їхъ одъ щірого серця!—Робіть зъ ними—що хочеше—на память Тараса Шевченка,—и не порѣмствууйте на Чорноморцівъ...»

Съ искреннею благодарностью и невыразимою радостью приняла здѣшняя громада не столько самое приношеніе, сколько родное теплое

(*) Нельзя не пожелать, чтобы благородныя мысли, высказанныя въ приведенныхъ письмахъ, нашли себѣ полный отголосокъ въ обществѣ, и скорѣе осуществились на дѣлѣ. *Михаилъ Матвѣевичъ Лазаревскій* не отказался бы принимать у себя присылки для вышеозначенныхъ цѣлей.

слово и благородныя чувства, его сопровождавшія, какъ явное опроверженіе невѣрныхъ слуховъ, будто *Чорноморці*, вдали отъ родины, какъ вѣтка оторванная отъ роднаго дерева, уже измѣнились, *охолодились для неньки старенької, для України милої, для дорогихъ її пам'ятокъ*.—Нехай же добрі люде довідаютьця, що сему не була правда й ніколи не буде: щира й правдива душа и на край-світа несе зъ собою оттой найдорогшии скарбъ—найкращу вітху — при добрій и при ляхій годині!—

6 мая, въ Полтавѣ, на память о Шевченкѣ посаженъ дубъ (надъ дорогою, въ саду И. Н. Гуссона). Дубъ этотъ будетъ обгороженъ желѣзною рѣшеткой; на мѣдной дощечкѣ будутъ вырѣзаны стихи: *«Твоя дума, твоя пісня не вмере, не заине.»*

Украинская громада въ Петербургѣ свѣжо хранитъ священную память о Тарасѣ: въ каждый воскресный день—день смерти великаго *громаднина*—собираются земляки вмѣстѣ, чтобъ помянуть его добрымъ словомъ или любимую его пѣсней, и всякій разъ при этомъ собирается небольшая сумма на увѣковѣченіе его памяти какимъ-нибудь общеплезнымъ дѣломъ. Пока тѣло Шевченка оставалось здѣсь, Украинцы собирались повременамъ на его могилу; обыкновенно почтенный священникъ-землякъ правилъ панихиду, которая сопровождалась также и пѣніемъ земляковъ, знающихъ церковную службу. Могила Шевченка постоянно вся была въ зелени и вѣнкахъ; изъ-за нихъ не было видно ни земли, ни снѣгу, и она скорѣе напоминала весну, жизнь, чѣмъ смерть.

Въ сороковой день, передъ отправленіемъ гроба въ Украину, земляки собрались на могилу проститься; послѣ панихиды, М. И. Комаровъ произнесъ слѣдующее слово:

«Ще разъ зібрались ми до тебе, по Тарасе, дякувати тобі за все, що зробивъ ти для насъ,—за гіркі слѣзи, що ливъ ти цілий вікъ свій за своїхъ дітей. Дуже, мабуть, були вони палючі, бо схаменулась вся Україна, якъ побачила їхъ. Схаменулась та й загадалась... Нагадавъ ти їй, Тарасе, про славу давнину, про великі діла нашихъ батьківъ, про славне козацтво... Нагадавъ ти їй про все, що колись діялось на Україні:

«Чия правда, чия кривда,
И чіи ми діти».

«Якъ Божий гримъ гримнула твоя святá пісня по всій Україні. За-

ворушилась бідолаха,—прокінулись твої дітки, аж дівлятця, а ти показуєшь їмъ даліко—даліко щось яснє та блискуче.

« Не одна Україна здивувалась твоїй святій рєчи: здивувались її всі, кому дорогє слово правди.

« Ніхтò, до тебе, Тарасе, не зумівъ такъ гóлосно заявить, що й підъ сирякомъ бьєтця щирє серце й правдива душа. Честь тобі, Тарасе, и козáцька слава: якъ никатувала якъ ни мордовала тебе злая твой дóля, не зломіла вона тебе.

« Проволочивъ еси, Тарасе, своє тяжкє гóре ажъ до самої могíли:—вбачай,—не вмiли ми тебе шанувати. Теперъ тільки, якъ ти вжє покинувъ насъ, звáжили ми наше лихо, та не вєрнетця. Теперъ тільки побáчили ми, що зъ тобою заховали ми въ труну́ все тє, чимъ билось сєрце України, чимъ живілась и душа. Своімъ лихомъ протоптавъ ти намъ надъ Дніпромъ добру стєжку; маємо въ Бóга надію, що всіма не похибно підемъ по тій стєжці. А якъ-же котрі зъ насъ похилатця, або відцураютьця одъ твогò великого завиту, то відцурайся й ти відъ нихъ, Тарасе, бо то не твої діти. Але жъ маємо въ Бóга надію, що не знайдетця міжъ нами такихъ, бо наші батьки такъ не робили, та й дітєй своїхъ не вчили такъ робить....

« Бачъ, Тарасе, яка тіснєлька кúпка зібралась біля тебе: оцє все твої щирі діти прийшли сказати тої останнє великє спасєбі. Благослові—жъ насъ, батьку, кінчать те дiло, що обiлявъ ти гiркими слєзами....»

П. А. Кулишъ также приготовилъ-было рѣчь, но не могъ произнести ее—по нездоровью. Сообщаемъ ее читателямъ *Основы*.

« Папòве—громáдо! Усяка людина має свою вагу на свiтi, усяке наше дiло має свій таємничий рóзумъ; тільки що-дрiбнимъ дрибязкомъ тóчатця наші що-дiнні справи,—тимъ и не змогли бъ ми звáжити, хочъ би й хотiли, чогò стоiть міжъ нами оттакá й такá людина и щò за сила въ оттакiхъ и такихъ її учинкахъ. Виднiйше намъ усє те въ висóкнхъ рóзумомъ письменникахъ, абò въ великихъ гетьманахъ. Тимъ—то биографiя, мєнша сестра истòриi, шильно вридивляєтця до життiя знáчннхъ мужей громадських, а ще шильнiйшє до життiя славнихъ писатєлiвъ: сi бо великi люде знаменують собою нашу родову висóкiсть наро́дию, нашу живу́ силу громадську. Такий знаменiтель бувъ и Шевчєнко. Пóрапо ще, папòве громáдо, прорекати слово остáтнє про Тараса: ще ми гарáздъ не зрахували, скiльки ми зъ нимъ утерали. Хочъ же бъ се була й найбільша наша втрáта

після Берестецької халепи, то все жь намъ не честь, не подоба безъ пуття надъ ёго могїлюю смуткувати. Живий живє гадає: живий чоловікъ переможе всяку тугу й печаль, и найбільша пригода найбільше додає живому чоловікові силї. Отъ же, якъ я вважаю, панове—громадо, то смерть Тарасова нічого въ насъ не одняла, яко въ народу. Ні, вона намъ, яко народові, очи ослїяла; вона передъ нами велике діло Шевченкове вповні явила, а самого Шевченка мовъ на горі посередъ насъ поставила, що всякому теперъ розумно, якою терновою стѣжкою добрався Тарасъ до свого вичнєго опочїнку.

«Изъ панської *переднїї*, швирговула Тараса доля на край свїта, на оцє балище хмєрне, та й поставила передъ чоловікомъ, котрий троха чи не одинъ въ столиці уважавъ себе вільнимъ всемирнимъ громадяниномъ. Рїчъ про Брюлова Кїрла. Підъ ёго гордимъ крїломъ вікохавъ Шевченко свої думи високї; одъ ёго перенїавъ Шевченко гарїчу живопись, а фїрбами до неї взявъ рїдне, щїре, голоснє слово. Чи по всякъ же то день, панове громадо, пробувавъ Тарасъ на високости високїй? Пєвно, що ні.

«А що жь вінъ, спуставшись, долі знаходивъ?... Овва!... Згадайте лишъ панове брїття, славні козаченьки, згадайте сороковї роки столичнї, тїї-то роки, якъ ище свїжою сілою кипїла кровъ у Тараса. Що тоді було въ нашій громаді столичнїй?... До кого було Шевченкові тоді въ товаристві прихилитися? чи до тихъ, що себе людямъ статєчними величали и людскє безголівья гарнимъ якимся порядкомъ уважали, чи до тихъ, що на весь миръ рукою махнулі и бурлацькимъ робомъ по свїту буїли, що «свою,» мовлявъ, «пили, а не кровъ людськую»? Хто зъ нихъ ближче припадавъ до сумної душі поэтїчнїї?... Эге!.. Отъ же, коли хочете знати, то й та статєчність, и те буїння необачне рївно огонь святїй у людськихъ дїшахъ гасїли, и кудї бь ні кинувся Шевченко, кудї бь ні обернувся, всюди вінъ багато своєї силї збувъ би, якъ и всі ми збували. Передъ очїма жь у ёго бувъ такий же, якъ и вінъ, горопїха, що поглядомъ глибокимъ збагнувъ невилїзні затони життя громадського, та й попустивъ свої орлови крила відъ смутку. Тяжко вони сумували обїдва, що нема краю тимъ затонамъ, нема черезъ нихъ брѳду,—сумували, падали низько дїхомъ високимъ, и багато однїавъ у їхъ обѳхъ той упадокъ. Може, тїльки частїну, малу частїну свого душевного скарбу, виявивъ намъ Шевченко; може, вінъ не прорїкъ намъ що—найкращїхъ рїчєй своїхъ. Чи дїрно жь бо въ ёго написано про Перебєдїю: «Одинъ вінъ міжъ

ними, якъ сонце високе?...» Ой,—ой,—ой, панове громадо! Хіба жъ бо й справді вінъ бувъ не одинъ середъ блискучого натовпу столичного, котóрому було байдуже про темнихъ братівъ своїхъ? Хіба жъ бо й справді не одинъ вінъ міжъ усіма поетами заговоривъ мужичимъ, тимъ забутимъ словомъ про всемірну правду? Хіба жъ не одному ёму, мужикові вбогому, сироті безталанному, мусили низько вклонитись люде розумні и поважні, яко «тому, хто все знає, тому, хто все чує»?.. Отъ же, панове—громадо, оцѣй Шевченко, вийшовши дивомъ якимся изъ твї темноти притоптаної, похілої, безязікої, знаменує намъ собою, щó то за глибиня нескінченно-багата, котóра ёго на світъ появила! Добре ви чините, що великимъ поэтомъ ёго величаєте и шанóбу ёму, яко великому поэтові, воздаєте; а ще лóчче, а ще краще зробите, якъ поглянете на ёго іншимъ поглядомъ. Вінъ бувъ пророкомъ іншого життя громадського. Вінъ, вийшовши съ того мужицтва таємничого, не багато кому розумного и доступного, горить передъ нами, мовъ у ночі ясна свічка надъ великимъ скарбомъ,—и чи даремне жъ вінъ горітиме? Чи довго ще той скарбъ великий, незрахований, потай нашого товариства письменного лежати? Ні, панове громадо, землякі мої кохані! наставъ для насъ усіхъ великий часъ праці святої на користъ націі нашій, на її честь и шанóбу міжъ народами, и могїла Шевченкова мусить намъ статись початкомъ нової науки и подвигівъ, праведно християнськихъ.»

Наконецъ, въ апрѣлѣ, получено разрѣшеніе, на перевезеніе тѣла Шевченка на родину; всѣ приготовленія для этого сдѣланы заботливимъ другомъ поэта; гробъ выкопавъ изъ земли переложень въ другой, свинцовый, и поставлень на особия ресорныя дроги, которыя должны были довести тѣло на Украину; Гр. Н. Ч—скій и Ал. М. Л—скій уже готовы сопровождать его. Всѣ Украинцы, имѣвшіе возможность быть 26 апрѣля на могилѣ Шевченка, явились туда раннимъ утромъ, чтобъ въ послѣдній разъ проститься съ тѣмъ, кто, въ теченіи 20 лѣтъ, былъ самою живою общею связью съ родиною для всѣхъ, оторванныхъ отъ нея по какимъ—либо обстоятельствамъ.

Чорный гробъ уже возвышался на запряженныхъ дрогахъ. Какое тяжелое впечатлѣніе! Какія печальныя, серьезныя у всѣхъ лица! Всѣ были поглощены минутою, всѣхъ пронзала мысль о вѣчной разлуцѣ съ дорогимъ поэтомъ и человекóмъ. Пока онъ оставался здѣсь, пока

была передъ глазами хоть эта могила въ зелени и цвѣтахъ, казалось будто смерть еще не все унесла съ собою; а теперь—*прощай, Тарасе, навѣки прощай!* Въ эту минуту не могло утѣшить и то, что наконецъ исполнится хоть одно его желаніе,—что онъ будетъ хоть мертвый спокойно лежать въ Украинѣ!

Когда всѣ, такимъ образомъ, находились подъ гнетомъ сосредоточенной печали, вдругъ заговорилъ П. А. Кулишъ:

«Що жъ се ти, батьку Тарасе, одыждаєшь на Вкраїну безъ червоноі китаїки, заслуги козацької? Чимъ же ти нищчий одъ тихъ козацькихъ лицарівъ, що червоною китаїкою вкривалися, заслугою козацькою пишались? Ні одинъ вільний прѣдокъ твій, Тарасе, не сходивъ зъ сѣго свѣту безъ сеі останнєї чести. Чи вже жъ ти — нехай Богъ криє — умеръ чужимъ чуженицею на чужині? Що жъ се про насъ на Вкраїні скажуть, якъ ми тебе вірядимо въ дорѳгу, непокрытого червоною китаїкою? Скажуть, що й ми такі перевертні, якъ ті дѳпки, що позабїрали всї козацькі лугї й лѳки, та й старосвѣтські звичаї позанедбѳували. Ні, батьку Тарасе, не годїтця тобі такъ одыждаѳти на Вкраїну! Ищѳ—дѳкувати Бѳгови святому—не поперевѳдилися козацькі дїти, козацькі дѳши: е кому тебе на дорѳгу китаїкою червоною обмислити. Вони тобі наготовили чѳсне козацьке покривало... Роскїньте жъ, небожѳта, червѳний цвѳтъ славетний по чѳрній, сумній домовинї Тарасовїй. Нехай нашъ бѳтько зѳявитця на Вкраїні лицаремъ щїримъ, що живъ и вмеръ побивѳючись про добрѳ, про честь и волю нашу... Оттеперъ їдъ, батьку Тарасе, до своєї домовки. Нехай землякї бѳчять, що ти зъ малѳї рїдної семї у велику рїдну сѳмью вертѳєсся; нехай знаѳють, що ми тутъ на столїци своєї святѳї старосвѳщини не занедбѳуємо, що ми свогѳ великого поѳта по-своѳму шанѳємо».

— Но подъ мокрымъ дождевымъ снѳгомъ, обильно падавшимъ на непокрытыя головы присутствующихъ, скоро потемнѳла *червона китаїка*, будто знаменуя, что не красна была жизненная борьба народного пѳвца и не такъ была радостна смерть его *на чужинї*, какъ *козацькихъ лицарівъ* его предковъ—*на рїднїй Вкраїні*,—и лица унылыхъ земляковъ не просїали съ появленїемъ новаго покрѳва на чорномъ грѳбѳ....

«Въ-останне витѳємо тебе на чужинї, друже нашъ Тарасе!» (такъ началъ П. А. Кулишъ другую рѳчь свою). «Не вѳдержала тебѳ чужѳ земля у своѳму холодному лѳні: тѳжко бо сумувѳвъ есї,

що тобі засиплють чужимъ піскомъ очи; гáряче жадавъ еси, щобъ тебе на Україні поховано:

Якъ умру́, то поховáйте
 Мене на могилі,
 Середъ степу широкого
 На Україні мiлiй;
 Щобъ лані широкопiлi
 И Днiпрó п кручи
 Було вiдно,—було чути
 Якъ реве́ реву́чий...

«Отъ же ми вво́лчили твою волю, Тарасе: проважáемо тебе на сла́вну Україну... На сла́вну!?!... а чимъ же вона сла́вна, Тарасе? за що ти її полюбивъ щiримъ серцемъ твоимъ, рiдний нашъ бáтьку? за яку сла́ву, за яку честь міжъ народами?

Обiдрана, сиротóю
 По—надъ Днiпрóмъ пла́че...
 Тяжко—ва́жко сиротiнi,
 А нiхтó не бáчить!...

«Отъ уся похвала, що ти воздавъ своїй Україні! отъ за що́ її полюбивъ еси твоимъ серцемъ великимъ! — — —

«З'явився, бáтьку, середъ рiдного краю підъ своєю червоною кита́йкою, заслу́гою коза́цькою; згрома́д навруги́ себе́ слiпiхъ, глухiхъ и безъязикнихъ: нехай побáчать, якъ далеко вони одъ правди постали, нехай почують изъ мёртвихъ устъ твоiхъ твоє слово безсмертне; нехай, хочъ помиляючись, зачнуть глаголати непозiченою мовою після́ столiтнихъ позичокъ! Чи дарéмне жъ бо ти проклявъ тую сла́ву, що въ лiтописяхъ нашихъ восхва́лена? чи дарéмне, бáтьку, проклинъ твiй, náче молитву, люде́ слухали! Ой, нi, Тарасе! тво́я душа́ велика́ нову, свіжу Україну посередъ старо́ї тру́хлої вбачáла.

«И забудетця сромóтна, давня́я годiна... »Нехай вона́ забудетця на віки! Нехай оживе добра слава України! — Тарасъ Шевченко—нашъ первий добродiй наро́дний. У насъ *громада—великий чоловікъ*: отъ нашъ корогóвъ, отъ нашъ стягъ чесний! И підъ сiмъто корогóвомъ навруги́ твоє́ї домовини, бáтьку, тво́ї правдiвi дiти зберу́тця. Вони́ тебе, бáтьку, до твоє́ї домiвки проважáтимуть; вони́ тобі могiлю висóку насиплють, на могiлi пра́поръ непорóчний поста́-

влять и слово твоє животворяще по всьому міру рознесуть. Вони зрозуміють, батьку, чого се ти притямомъ посередь України на вічний спочинокъ уклався. Не па́нська въ їхъ, Тарасе, буде душа, щобъ твоє серце въ мармаряну урну класти, або надгрибокъ тобі зъ горорізьбами великимъ коштомъ споружати. Ні, батьку, вони перукотворили тобі спомини на Україні зроблять.

»Ти докінчавъ свій подвигъ, Тарасе, обідрану сироту—Україну на весь світъ оплакавши. Спочивай теперъ, батьку, у святій шанобі, посередь рідного краю. Знайдуться люде, що твоє святе слово на святе діло обернуть. Ті люде, Тарасе, на сирітські лати, на матеріне рям'я не скрізь лорнетки двитимуться: вони душею побиватимуться, щобъ не сиділа вже більше ненька у безверхій хаті; вони, шануючи слово твоє, обміслять її усімъ добримъ щобъ вона тебе по всі вічні роки споминала. — — —

»Спочивай, батьку Тарасе! а ми вже знатимемо, якъ твою могилу шанувати. Вже не по-козацькій ми про свою долю дбатимемо. Ти насъ навчивъ, ти намъ очи одкривъ, що съ того козацтва небачного добра не вийшло. Розумомъ, а не гвалтомъ, мусимо ми усяке лукавство переважати.— Такъ якъ ти, батьку, безъ гвалту, безъ бучи визволивсь, и вже шилке ярмо на світі твоєй шні до землі не нахляло: такъ будемо ми й усіхъ братівъ твоїхъ визволяти. Нехай інші своїмъ героямъ монументи високі ставлять,—вони зъ нами не зрівняються: ми тобі воздвігнемо тисячи и десяткі тисячъ живихъ монументівъ, распростерши духъ твій спасінний поміжъ людьми нехай золотомъ та срібломъ утішаються: нашою втіхою буде сила нашого духу невгамованого; твєю силою ми собі більше добра набудемо. Нехай хто хоче великимъ родомъ своїмъ пишеться,—а зъ насъ усяквій—новий, чистий рідъ починатиме. Твоїмъ слідомъ, Тарасе, всі ми пійдемо. Ти насъ ожививъ—есі словомъ своїмъ на світъ, проклявши нашу славу, нашу предківщину.

«Нашъ есі поэтъ, а ми народъ твій; ми духомъ твоїмъ воки и віки дихатимемъ, и духъ твій прѣстий и ясний вселитця въ нашу освіту и въ наши справи громадські, и слава ненарождєннихъ нашихъ буде славна по-твоєму, а не такъ якъ про нашихъ прѣдківъ писано; и якъ зъявитця новий такий поэтъ, якъ ти, то вже тиєі слави не проклянати».

Печальный поѣздъ тронулся съ Смоленскаго кладбища; черезъ Васильевскій островъ, Адмиралтейскую площадь и Невскій проспектъ,

гробъ накрытый червопою китайкою прибылъ на станцію Московско-желѣзной дороги. «Встрѣтивъ гробъ Шевченка» — такъ псалъ въ *Основу* г. Т—, о своихъ впечатлѣннѣхъ, «я пошелъ вслѣдъ. Всѣ лица, сопровождавшія его, кажутся близкими, знакомыми: какъ будто ты много говорилъ съ ними, когда-то задушевнаго, тосковалъ съ ними и воодушевлялся пѣснями великаго Кобзаря... Но теперь—ничего не умѣешь сказать этимъ неизвѣстнымъ друзьямъ, и, въ угрюмомъ раздумьи, тупо бредешь, не смотря на непогоду, за печальнымъ поѣздомъ. И весь находишься въ какомъ-то забытѣ: поскользнешься ли на мокромъ камнѣ, ступишь ли въ лужу—не серднись; идетъ кто мимо, ѣдутъ экипажи, бьютъ барабанъ проходящаго полка, гудитъ праздничный колоколь,—ничего, будто, не замѣчаешь, не слышишь...

«Проводили мы тебя, славный Кобзарю, въ степи и горы — на широкій Днѣпръ, твой родной и любимый...

«Тихо столпились друзья вокругъ твоего гроба, тихо и бережно подняли его на плечи, поставили въ вагонъ,—снарядили въ далекий путь. Молча думали любящие тебя люди; много было грусти въ каждомъ сердцѣ, когда, на память, отрывали они отъ твоего могильнаго вѣтка зеленя вѣтки. Въ тоскѣ, съ которой мы смотрѣли на женщину стоявшую у твоего гроба съ глазами полными слезъ, была заключена любовь къ тебѣ дорогой *Кобзарю*, и горькая дума по нашей милой *Украинѣ*... Чѣмъ же увлѣкъ ты наши сердца?

«Давно спала—почивала когда-то шумная шумная Русь. Давно Днѣпровскія волны задумчиво текутъ среди разбитыхъ на нивы молчаливыхъ полей; по полямъ, по степямъ давно ужъ не скачеть рыцарь-козакъ въ погоню за врагомъ, и сѣла, что когда-то шумѣли широкой, народной жизнью, стихли подъ гнетомъ тяжелаго труда, а по верхушкамъ старинныхъ могилъ давно прошелъ плугъ.

«Украина спала...

«Вдругъ, среди этого сна, глубокаго, сокрушительнаго, мертвѣщаго, послышадся стонъ, плачь, раздирающій вопль сына Украины. Все, что въ столько вѣковъ кровавой жизни и потомъ безжизненнаго покоя, накопилось въ растерзанной душѣ народа, — все это выѣстила въ себя душа бѣднаго *маляра* и *слезами-словами* вылилась та скорбь...

«Ты, славный кобзарь, взомель на самую высокую могилу — на крутыя горы златоглаваго Кіева—и грянулъ на своей бандурѣ вѣщій пѣсни. И пѣсни тѣ облетѣли всю Украину, весь Славянскій миръ,—

пронесли надъ могилами, что́ стоятъ по всей Украинѣ и — самыя могилаы ожили...

« Все прошедшее—съ его славой и безславьемъ—встало передъ нами:—ты, какъ чародѣй, вызвалъ его чудными звуками своей бандуры... Шумѣло войско козацкое, со страхомъ бѣжали враги Украины; снова тучей они наносились на нее и, закрывъ ее своимъ чернымъ крыломъ отъ всего свѣта, дѣлились дорогою козацкой добычей, не оставляя ничего народу...

« И глубоко запало въ твое сердце пережитое горе бѣдной родины...

« Также глубоко залегла въ сердцѣ каждаго изъ насъ печаль о тебѣ, какъ человекѣ и портѣ тѣхъ чистыхъ, высокихъ думъ и пѣсенъ, которыми такъ дорого купилъ ты у своей родины право на вѣчную любовь ея къ тебѣ—вѣрному и неизмѣнному своему сыну!»

Мы думали—было остановится на этомъ, отлагая свой дальнѣйшій рассказъ до полученія подробнаго описанія проводъ Шевченка отъ Москвы до новой его могилы, и рѣчей, сказанныхъ надъ нимъ въ Москвѣ, Кіевѣ и Каневѣ, какъ въ это время получили отъ М. А. Максимовича, (присутствовавшего на похоронахъ въ Каневѣ), стихи, которые сейчасъ же спѣшимъ сообщить читателямъ *Основы*.

НА ПОХОРОНЪ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА

підъ Каневома.

Сподѣвалися Шевченка

Сей годъ на Вкрайну;

А дождалися побачити

Его домовину.

Стоить въ Каневѣ въ соборѣ,

Вся квітками ввіта;

По-ковацьки — червоною

Китайкою ввіта.

Идуть люди, — передъ нею

Поклонъ покладajúть,

И за душу Кобзареву,

Господа благajúть.

Скѣлько выплакавъ вѣтъ гѳря
 Гѳрными слѣзами,
 Скѣлько вѣспѣвавъ печали
 Вѣщими словами!

Все бажалось ѳму вѳли
 Для своего народа...
 И не дождавъ того часу,
 Якъ выйшла свобѳда!

У столицѣ, надъ Невѳю,
 Ёго поховали;
 Честь великую и славу
 Ёму воздавали.

Тяжко-жь ѳму на чужипѣ
 И въ вѣнку лавровомъ...
 Душа рвалася на Вкрайну,
 Къ горамъ Надднѣпровымъ.

«Тамъ широко, тамъ вѣсело
 Одъ краю до краю...»
 Такъ спѣвавъ вѳпъ надъ Невѳю,
 У великомъ жалю.

Изъ могилы домовина
 На свѣтъ поднялася;
 Черезъ Мѳсеву, черезъ Кіевъ,
 Сюды донеслася.

На Сімона на Зілота
 Задзвонили въ дзвѳны;
 Стали править Кобзарѣви
 Нови похорѳны.

Отъ, несуть ёго на марахъ
 Зъ собѳру подъ гѳру,
 Де старій Днѣпрѳ-Славуѳа
 Идѣ по простѳру...

Увѣрили твою волю
 Українськи дѣти:
 На *Чернечу* несуть *гору*,
 Де ты хотѣвъ жити.

Увѣрили твою волю,
 Друже незабутный....
 И по смерти, ягъ за жизни,
 Твои путь многотрудный!...

Ходять хмари кругомъ сонця;
 Вѣтеръ подыхае;
 Шумить Днѣпръ пѣдъ човнами,
 Тебѣ провожае... .

Везуть тебѣ простымъ возомъ
 До новѣи ямы,
 Везуть хлопци и дѣвчата
 Кручами, ярами.

Передъ тебѣ — червѣными
 Борогвами мае...
Христось воскресъ! хоръ церковный
 До гробу спѣвае...

Отъ, и стали всѣ кругъ тебѣ
 На горѣ Чернечой...
 Чи ты чуешь людськый гомонъ,
 Надгробныя рѣчи?

Чи ты чуешь: *вѣчну пѣмять*
 Тебѣ возгласили;
 Браты и сѣстры надъ тобою
 Зновъ заголосили;

Плачуть, тужать твой другы;
 Всей народъ сумуе:
 Сыплютъ землю тебѣ, и кажутъ:
Нехай одинъ царстаје!

Прощай, славный нашъ Тарасе!
Прощай, милый брате!
Справдѣ, — лучше въ своей землѣ
И кострамъ лежати.

12 мая 1861 г.
Михайлова-Гора.

М. Максимовичъ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ

ВАСИЛІЯ ПЕТРОВИЧА БЪЛОКОШИТЕНКА

(Продолженіе).

Напѣловавшись вдоволь съ Грицькомъ, я принялся разспрашивать, какъ и чтó. Онъ мнѣ, между прочимъ, разсказалъ, что его послали купить бочку водки, взять меня и сейчасъ назадъ, чтобы поспѣть домой сегодня же, хоть поздно; что ради этого онъ пріѣхалъ съ *шникаремъ* и двумя санями — нашими *глубцями* и шникаревыми *дренджолятами*; что шникарь пріѣхалъ между прочимъ и для того, чтобы выбрать водку: «тільки дѣ ёмѹ! говорить: — въ сѣмѹ ділі, здаётца, нічого не тямить» (1)! При этомъ Грицько разсказалъ, что это шникарь не тотъ, чтó прежде былъ, а другой, новый. «Вішъ», говорятъ, «такий, отъ якъ би й вони, мундырь (унтеръ-офицеръ)! и показалъ головою на хозяина: — тількó зъ оставніхъ... И такой же то бідовній и кумѣдний—самъ побáчишъ!..» Въ заключеніе онъ сказалъ, что сани и лошади съ шникаремъ тамъ, на площади, гдѣ стоятъ бочки съ водкою, и что намъ надо сейчасъ туда отправляться.

Я наскоро умылся, одѣлся, простился съ Хомой и съ хозяевами, отдалъ Грицьку свой узелокъ, и мы пошли. Хозяева оставляли позавтракать; хозяйка особенно наставляла обождать, пока *буханці* спекутся, чтобы взять на дорогу, но я и слышать ничего не хотѣлъ.

Приходимъ на площадь,—лошади выпряжены, возлѣ *рѣптуха* (2), а Мундырь, въ нагольномъ бараньемъ тулупѣ и *капелюхахъ* изъ со-

(1) Не смыслить.

(2) Родъ мѣшка, очень широкаго и очень не глубокаго; его натягиваютъ на оглобли и насыпаютъ въ него овесъ для корма лошадей въ дорогѣ.

бачыаго мѣха, сидитъ на *гренджолтатахъ* и, отъ нечего дѣлать, по видимоу, упражняется въ искусство смотрѣть, выпучивъ глаза, и ничего не видѣть... Грицько пошелъ дальше, къ *гладцимъ*, къ лошадамъ, а я къ Мундыру, «здоровъ бувъ» сказать и посмотрѣть, что это за *бидовий и кумѣдний чоловікъ*. Въ самомъ дѣлѣ, должно быть *бидовий и кумѣдний чоловікъ!*..

Это былъ тоже герой браней первой четверти нашего столѣтія, но это была уже одна изъ тѣхъ унтеръ-офицерскихъ личностей, которыя болѣе совершенное развитіе получили нѣсколько поздне, и которыя теперь, сколько мнѣ извѣстно, совсѣмъ перевелись. Какова внутренняя фізіогномія такихъ личностей — не берусь разсказывать, мудроно! Скажу только, что такъ-какъ лицо есть зеркало души, то зеркало тутъ надобно бы было завѣшивать, что ли... Фізіогноміи такихъ личностей — т. е. наружныя фізіогноміи — какъ-будто не раждались на свѣтъ Божій, какъ раждались всѣ остальные фізіогноміи Божьяго міра, а какъ-будто тачалась по заказу полковыхъ командировъ, въ полковыхъ швальняхъ, изъ полковыхъ средствъ, полковыми сапожниками... Ременная коробка, пакли въ середку (да потуже: — тогда любили мордашей), сверху—кожею изъ стараго ранца, въ лобъ—пару оловяшекъ, подъ носъ — два пучка щетины, къ вискамъ—по сапожной щоткѣ, — и фізіогномія готова... А на счетъ рта—хватилъ отъ уха до уха ножомъ—будетъ чѣмъ рывкнуть! «Уши бы», думаетъ тамъ Нефедьевъ или Анисимовъ: — по изъ-за *бракенбаровъ* не тово, авось сбредеть!.. «А брови, мошеникъ!» — «Виновать, ваше благородіе! на счетъ бровей не приказывали!»

Туловища же, руки и ноги для такихъ личностей какъ-будто рубили топорами, на рабочихъ дворахъ, изъ дерева крѣпкаго—раскрѣпкаго.. изъ такого дерева, которое двѣнадцать лѣтъ лежало и вялилось въ запасныхъ магазинахъ... А кожа для туловища, рукъ и ногъ какъ-будто приготавлилась изъ тѣхъ старыхъ солдатскихъ шинелей, качество которыхъ мои земляки, для своего домашняго обихода, опредѣляли слѣдующей пословицей: «ти, москалю, и добрый чоловікъ, та шенелія твой злѣдій (1)!»

И какъ вывести бывало такого мундыра и пустятъ его въ свѣтъ — и Боже, какъ умѣли его ручища подбираться къ казеннымъ и нека-

(1) Воръ.

зевнымъ фізіогноміямъ, къ казенной и неказенной движимости! Какими страшнымъ казались всѣмъ его дубовые кулаки! Какъ мундырь кричалъ и молчалъ!.. А всё какъ-будто чего-то не доставало!.. Отмѣнены поэтому, говорятъ, такіе мундыры...

Мундырь сидѣлъ, говорю, на саяхъ и упражнялся въ искусствѣ глядѣть, выпучивъ глаза, и ничего не видѣть. Я подошелъ поближе, снялъ шапку...

— Здорóвъ бувъ! говорю.

Мундырь очулся.

— Чтó тѣ надо?

— Здорóвъ бувъ, кажú!

— Къ чорту убрайся съ своимъ «зда-ровъ-бувъ!..» Спрашиваю, чтó надо?

— Та мені жъ и на́да «здорóвъ бувъ!»

— Шутышъ ты, чертенокъ, чтó ли?—выпрямился, оцетинился, какъ разъяренный бульдогъ.

Я расхохотался...

— Ахъ ты-жъ такой и этакой!... Вотъ я тѣ! — заревѣлъ я, схвативъ лежавшій возлѣ него кнутъ, ко мнѣ...

Чѣмъ бы кончилась эта первая встрѣча съ Мундыромъ, селяпóвъ Грицько не послышалъ и не поспѣлъ ко мнѣ на помощь,—не знаю (занятый чѣмъ-то возлѣ лошадей и съ шапкою, крѣико патпнутою на уши, онъ сначала ничего не слышалъ); вѣрно, моему кожúшку, а можетъ быть и чему другому, крѣико бы досталось! Къ счастью, говорю, какъ-то услышалъ... поднимаетъ голову: я лечу къ нему, сколько ногъ хватитъ, а за мною тотъ съ поднятымъ кнутомъ...

— Щó ти, щó ти!—крикнулъ Грицько, бросаясь между насъ: — чи не сказiвeся ти!?

Мундырь оторопѣлъ, увидавъ Грицька — онъ теперь только его замѣтилъ.—А!—говоритъ:—ты ужъ здѣсь!.. А привелъ?—и проворно окинулъ взглядомъ кругомъ: — не привелъ развѣ?..

Очевидно, въ паклѣ Мундыра никакъ не могло помѣститься, что-бы сынъ его хозяина, и притомъ городской школьникъ, могъ носить нагольный тулупчикъ и имѣть видъ обыкновеннаго сельскаго «хохленка»...

Грицько растолковалъ ему, въ чемъ дѣло, — и какое превращеніе!—Виновать!—говоритъ и вытянулся передо мною въ струнку:—виновать! — даже *благорóдіемъ* меня назвалъ...

— Та перестань! — перебилъ его Грицько: — тамъ зъ батогомъ, а се зъ «благороднями!» Бачъ, якъ засоромивъ (1)!..

Дѣйствительно, Грицько былъ правъ... Ни въ какомъ отношеніи неприслужавшее мнѣ «благородіе» это такъ меня смутило и сконфузило, что я не зналъ, что съ собою и дѣлать, куда дѣваться... Я подошелъ къ воронѣ и, наклонивъ голову къ перьямъ, принялся гладить его однимъ пальцемъ по шеѣ... Доброе животное узнало меня и, нагнувъ морду къ моей головѣ, принялось тихо тормошить шапку зубами... Но и его ласки не могли разогнать смущенія, нагнаннаго на меня неловкимъ «благородіемъ.» Я поднялъ голову, принялся его ласкать, тормошить за гриву, за ноги, и сталъ добывать изъ саней лучшаго сѣна и кормить только тогда, когда Мундырь съ Грицькомъ пошли себѣ къ бочкамъ выбирать, какая тамъ погодится...

Какъ они выбрали водку, я ужъ не вдалъ: все мое вниманіе поглощено было вороньимъ. Знаю только, что и Грицько, и Мундырь, *нализались* тамъ порядочно, и что и тутъ не обошлось безъ разныхъ проказъ со стороны послѣдняго. Такъ, напр., онъ хотѣлъ поколотить одного продавца бочекъ съ водкою, за что — я не понялъ тогда. Видѣлъ только, что поднялась суматоха, и что продавецъ, прижавъ правою рукою *волочокъ* (пузырекъ, которымъ достаютъ водку изъ бочекъ для пробы) къ груди, лѣвою, указательнымъ пальцемъ, тыкалъ все въ воздухъ, по направленію къ землѣ — вонъ — оно, дескать, вонъ, вонъ! и каждый тычокъ сопровождалъ восклицаніемъ — *вкравъ*: «вкравъ,» говорить, «вкравъ, вкравъ!» а Мундырь вырывался изъ рукъ Грицька и другихъ, и на каждое *вкравъ* отвѣчалъ: — «врешь, врешь, спряталъ!»

Наконецъ бочка *Коропскі* (2) куплена и скочена на *гѣбці*, куплены также и другія, какія нужны были покупки (въ томъ числѣ и двѣ огромныя вязки бубликовъ — *сѣчкиківъ* для гостинца домой), лошади запряжены, и мы поѣхали, — Грицько съ бочкою позади, а я, съ Мундыромъ, впереди, закутанный въ нагольные кожухи, присланные изъ дому собственно ради этой одной надобности. Мундырь больше уже не говорилъ мнѣ «благородіе...»

(1) Сконфузилъ.

(2) Коропъ — заштатный городъ Черниговской губерніи, славившійся нѣкогда своею водкою. Водка эта въ большомъ количествѣ продавалась и въ Полтавской губерніи.

Не смотря однакожь на это, не смотря на всё его пьяныя заботы, чтобъ я не озябъ, — если бы только Грицько согласился, я бы охотнѣе предпочелъ перебраться къ нему и помѣститься съ нимъ верхомъ на бочкѣ, чѣмъ ѣхать на мягкомъ сѣнѣ, закутаннымъ въ теплыя кожухи, въ *теплі та добрі*, но вмѣстѣ съ этимъ человѣкомъ. Начать съ того, что какъ я ни уговаривалъ его съѣсть со мною рядомъ, когда еще собирался выѣзжать изъ города, онъ никакъ не согласился! На всё мои доводы онъ только отвѣчалъ: — «какъ можно-съ!», и ременное его лицо всякій разъ расквашивалось и морщилось отъ тяжести и сырости фронтоваго делкатеса, какъ расквашивается и морщится голенщике солдатскаго сапога отъ воды, набранной въ него въ первой дорожной лужѣ... Конечно, теперь, когда горькій опытъ, скорбные примѣры, испытанные на себѣ самомъ и видѣнные на другихъ, научили меня, что ремень, пакля и дубъ, такъ и есть ремень, пакля и дубъ, а не что-либо другое... и что горе тѣмъ, которые принимаютъ ихъ за что-нибудь другое, а не за ремень, паклю и дубъ, (да часто горе изъ-за нихъ и многимъ другимъ), — встрѣтить подобный деликатесъ въ какомъ-нибудь Мундырѣ если и не было бы для меня особенною пріятностію, то не было бы и особеннымъ горемъ. «Что, молъ, дѣлать!» обыкновенная нота въ симфоніи, которую повторяетъ теперь утратившее свой слухъ и свой вкусъ человѣчество!...» Но въ тѣ блаженные годы моей жизни, такой деликатесъ передо мною былъ просто диссонансомъ, глубоко оскорблявшимъ мой духовный слухъ. Выросши въ попятіяхъ и нравахъ среды, къ которой я принадлежалъ по происхожденію, и выросши по ея примѣрамъ, я думалъ въ своей дѣтской головѣ: «какъ же это? я — мальчишка, а онъ — старикъ... притомъ и санш, и лошадь его!.. Вѣдь увидятъ въ хуторѣ, пожалуй, и обо мнѣ скажутъ, какъ говорятъ о застѣдательѣ, когда тотъ ѣдетъ на обывательской подводѣ: «що вже чортъ, якъ іде на чоловікові, то тільки на ёго шіі»...

Потомъ этотъ человѣкъ оттолкнулъ меня отъ себя еще болѣе — чѣмъ? Теперь я могу рассказать — чѣмъ; но тогда я и самъ не зналъ... Чувствовалъ только, сначала, что мнѣ, кажется, не слѣдуетъ его слушать... Теперь бы я чувство такое такъ окрестилъ: тутъ, молъ, дубомъ, паклемъ, казеннымъ подошвеннымъ товаромъ пахнетъ... А тогда подъ конецъ почувствовалъ, что хоть бы и съ сапей мнѣ соскочить — уйти отъ этого человѣка!

Виною всему была страсть моя къ сказкамъ и вообще къ раз-

сказамъ, — страсть, которой я старался удовлетворить при всякомъ удобномъ случаѣ, и которая получила въ послѣднее время особенный оттъпокъ подѣ влияніемъ разсказовъ того мундыра, моего городскаго хозяина, — разсказовъ, полныхъ какого-то благодушія и наивности, но вмѣстѣ и полныхъ какой-то особенной прелести, повѣявшихъ на меня воздухомъ изъ какого-то другаго міра, мнѣ въ ту пору еще невѣдомаго, — изъ міра быта воинскаго и военныхъ разгромовъ начала настоящаго столѣтія. Желая и теперь на досугѣ удовлетворить себя въ сласть этимъ лакомствомъ, когда ужъ мы проѣхали версты три-четыре (мы ѣхали сначала медленно) и когда нѣсколько поразговорились съ Мундыромъ, я обратился съ просьбою къ нему разсказать что-нибудь изъ своей военной жизни. Тотъ сначала: «что, молъ, вамъ, людямъ грамотнымъ!»; а послѣ разколыхался—таки и пошелъ писать — конечно, съ точки зрѣнія скроеннаго извѣстнымъ образомъ унтеръ-офицера, и о предметахъ, только доступныхъ воззрѣнію оловяшекъ, разумѣнію пакли и вкусу челюстей отъ уха до уха... И говорить нечего, что мнѣ хотѣлось бы послушать разсказовъ о чемъ другомъ; но, за немѣнимъ этого другаго, я слушалъ и то, что мнѣ предлагали, хоть предложенное, употребляя приведенное выше выраженіе, отдавало дубомъ, наклею и казеннымъ подошвеннымъ товаромъ. Но когда мой Мундыръ расколыхался уже совсѣмъ, и когда водка, выпитая имъ въ городѣ и въ шинкахъ (шинчюковъ, которые намъ встрѣчались, онъ не пропускалъ ни одного), пробрала его поглубже, — сюжетомъ для своихъ разсказовъ онъ началъ выѣпрать предметы, которые въ нѣкоторыхъ офицерскихъ кружкахъ называются предметами, принадлежащими къ области унтеръ-офицерскаго амура... Можете вообразить, что должно было испытывать дитя нашей тогдашней стыдливой и цѣломудренной Украины, слушая подобные разсказы!... Повторяю, хоть бы и съ саею соскочить и уйти отъ этого человѣка, я былъ не прочь!.. Но куда уйти?.. Лучшее, что я придумалъ для своего спасенія, — погрузиться въ козухи и притвориться спящимъ...

Но что рѣшительно меня вооружило противъ него и даже поселило неавайсть — такъ это слѣдующіе поступки.

Когда Мундыръ замѣтилъ, что я будто заснулъ, — притихъ и принялся звать меня по имени, очевидно съ намѣреніемъ удостовѣриться, крѣпко ли я сплю, — сначала звать тихо, а потомъ громче и громче: «Василька! Василька! а Василька!» И такъ какъ я не отвѣтилъ на

его зовъ, — счелъ меня дѣйствительно спящимъ. «Эка, говорятъ, и заснулъ!...» и при этомъ употребилъ побранку, которая на Руси употребляется въ разговорѣ такъ же часто, какъ, напр., часто употребляется воздухъ для дыханія... но которой въ печати еще никто, никогда и нигдѣ не употреблялъ... Стыдно и обидно было мнѣ услышать такую побранку, но что дѣлать, надо было молчать... притворился спящимъ, притворяйся и неслышающимъ!... не у всякаго хватитъ совѣсти признаться, что, дескать, сонъ мой былъ ложъ, притворство....

Убѣдявшись, что я не сплю, Мундыръ остановилъ лошадь, слѣзъ съ сапей и началъ дожидать ѣхавшаго ровною ѣздой и на этотъ разъ отставшаго Грицька.

— А чо́гъ ти стоишь?—спросилъ послѣдній, приблизившись и тоже останавливаясь.

— Тихе, тихе! Вѣдь чертенокъ—то спить!

Новая побранка!... И сколько бы, можетъ быть, и еще новыхъ услышалъ я потомъ, въ своей жизни, если бы имѣлъ хоть сколько-нибудь поползновенія врываться воровскимъ образомъ въ дѣла, не для моего вѣдѣнія творимыя, и въ рѣчи, не для моего слуха произносимыя!

За новою побранкою послѣдовалъ у Мундыра съ Грицькомъ разговоръ, содержаніе котораго было такое: со стороны Мундыра—что, дескать, «подъ тобою бочка, въ ногахъ у тебя топоръ, а у меня въ кармагѣ *волочокъ* — я таки подтибрилъ у того бездѣльника!... топоромъ откупоримъ бочку, а волочкомъ достанемъ, и все будетъ ладно!» а со стороны Грицька— «Оцѣ, па тебѣ все зле лихѣ!... Хіба ще ти не насмоктався!»

Чѣмъ бы этотъ разговоръ кончился, если бы я далъ время ему развиться,—не знаю; но я не могъ долѣе выдерживать и началъ ворочаться на саняхъ... Замѣтивъ мое движеніе, Мундыръ тихонько на сани... и мы тронулись далѣе.

Тяжелое, очень тяжелое впечатлѣніе произвели на меня всѣ эти продѣлки Мундыра! Мнѣ въ первый разъ пришлось увидѣть вещи въ такой возмутительной наготѣ... Я еще болѣе закутался въ кожуи и еще болѣе старался казаться спящимъ, чтобы не видѣть этого челоуѣка и ужъ не говорить съ нимъ.

Но еще болѣе тяжелое впечатлѣніе произвелъ на меня другой его поступокъ, бывшій тоже по поводу водки въ бочкѣ, но уже направ-

лениый прямо на меня. Сценою дѣйствія на этотъ разъ была теплая хата одного добраго человѣка, къ которому мы заѣхали обогрѣться и, вмѣсто обѣда, поѣсть чтó тамъ наготовлено моею доброю матерью для путниковъ.

Обогрѣлись немного, и Грицько сталъ доставать, изъ мѣшка и ящика, съѣстное.

— Чтó жъ,—говорить Мундырь, которому хмѣль и бесѣда въ санияхъ, очевидно, придавали теперь развязности больше, чѣмъ при выѣздѣ изъ города, и онъ не церемонился уже выступить и развернуться во всей своей красѣ: — что жъ, къ обѣду надо таво!... и щолкнулъ себя извѣстнымъ способомъ по газстуху....

Я не зналъ, куда и глядѣть; Грицьку тоже, повидимому, хотѣлось спрятаться въ мѣшокъ, а хозяинъ только улыбнулся тихо: — «всякові, мовъ, на свѣті лóде бувають!»

— Чтó-жъ вы молчите, словно глухіе! таво бы, говорю!... Ну, ты (ужъ и ты!), Василька! отпусти—ка намъ къ обѣду таво!..

— Дежъ я тобі візьму?... Въ мене грóшей нема́! — пролепеталъ я, совершенно уже растерявшійся, не смѣя ни на кого взглянуть.

— И не надо *грошей!*... ты только молчи, а мы ужъ найдемъ!... Бочку, знаешь, таво, съ Григоріемъ?...

У меня покатились слезы по лицу.

— Чи ти довго ще будешъ, проклятый!... закричалъ наконецъ Грицько, въ бѣшенствѣ вскакивалъ съ мѣста:—оцѣ! се наваждѣние, а не чоловікъ!... и ударялъ себя о полы руками.

— Чуешь, москалю! — отозвался наконецъ и хозяинъ хаты спокойнымъ, но твердымъ и рѣшительнымъ голосомъ:—въ моі хаті ніхтó ще такихъ ричей не чувъ, якъ оцѣ ти балакаешъ—щобъ підмовлять незмисленихъ дітей на крадіжку ⁽¹⁾!... Ти вибачай ⁽²⁾, будь ласкавъ, що я тобі, старóму, таке, та ще въ свої хаті... Ми хоть и бідні лóде, и нащєкї, тільки, кажú, въ насъ ніколи ще сѣго не було, та ще сунротивъ власнихъ родителівъ... Такъ коли хочешъ бúти тутъ, въ моі хаті, не балакай тако́го! а хочешъ балакати—зъ Бóгомъ зъ моєі хаті! отó тобі богъ, а отó — порóгъ!...

И онъ указалъ ему рукою сначала на *пóкуття* съ образами, а потомъ на дверь...

(1) На воровство.

(2) Пэвини.

Мундыръ, впрочемъ, не нуждался уже въ такой апострофѣ. Какъ ни глупъ онъ былъ, по изъ моихъ слезъ и бѣшенства Грицька онъ понялъ, что почва, на которой ему, вслѣдствіе какого-то безсмысленнаго распоряженія безсмысленной судьбы, суждено теперь дѣлать разные житейскіе марши, не изъ тѣхъ, по которымъ онъ до сихъ поръ хаживалъ своими ножищами, и гдѣ все такъ ужъ и приложено болѣе или менѣе, чтобы руки, подобныя его рукамъ, могли находить свое должное примѣненіе. Онъ замолчалъ, и во все время нашего обѣда, и пока мы снова не поѣхали далѣе, не проговорилъ ни слова. Только когда выѣхали за село, онъ открылъ свой огромный ротъ, и первыя его слова были—просьба, ничего неговорить отцу о случившемся:— «Я,» говоритъ, «предъ вами буду, Василька, — генералъ бы остался доволенъ!..» Чтобы отвязаться отъ него, я обѣщала молчать—и онъ послѣ этого обратилъ все свое вниманіе, что бы дѣлать такое, чѣмъ, по его выраженію, и генералъ бы остался доволенъ, т. е., щемило-сердо меня терзать цѣлый день...

Первое, чѣмъ бы, по его мнѣнію, остался генералъ доволенъ, было—скорая ѣзда...

И я любилъ скорую ѣзду, очень любилъ! Любилъ пуститься въ обгонъ за стешнымъ вѣтромъ на выстоявшихъ скакунахъ, на разстояніи какихъ—нибудь трехъ-четырехъ верстъ! Но въ болѣе далекой ѣздѣ, или на усталыхъ лошадяхъ — развѣ бы непременно пужно, иначе нельзя... (и по твоей ласкѣ, по особенному уходу, бѣдныя животныя чувствуютъ, что иначе нельзя... и какъ-то веселѣе они несутъ свою горькую долю, не такъ болитъ у тебя сердце, глядя, какія впадины у нихъ подъ глазами отъ истомы, какъ поджимаютъ ноги отъ усталости!...) Безъ нужды же гнать въ далекой ѣздѣ измученныхъ животныхъ,—нѣтъ, не по моему вкусу такое удовольствіе!..

Мундыръ о моемъ вкусѣ не справлялся, и безъ всякаго милосердія стегалъ кнутомъ Сѣраго... А когда ужъ не въ-мочь мнѣ это стало, и я рѣшился сказать, что не за-чѣмъ гнать лошадь, когда она спотыкается даже,—истолковалъ мое неудовольствіе по своему... «Проклятая!» ревълъ:—«уши повѣсила!... голову держать смѣло, смотрѣть веселѣй!...», и неистово передергивалъ возжами!..

И разинувъ ротъ... съ окровавленными зубами, съ струйками поту на ноздряхъ, бѣдное животное сѣменило ногами, держало голову смѣло и смотрѣло веселѣе... какъ сѣменить бывало, во времена давно минувшія, и держитъ голову смѣло и смотритъ веселѣе какого—нибудь полка

запѣвало... Офицерикъ словно пляску выплясываетъ впереди, словно камешки — мечеть рѣчи назадъ, черезъ зполеть: «веселѣй, ребята, веселѣй! такъ и такъ вамъ и всѣмъ вашимъ родственникамъ!..», справа и Груня, и Дуня, и Саша, и Наташа... у окошечка стоятъ, на офицерику глядятъ, улыбочками браваго-молодца манять... а запѣвало — на глаза каска, лицо горитъ-почернѣло, губы запеклись, а онъ — веселѣе и веселѣе! а за нимъ веселѣе и веселѣе и весь хоръ пѣсельниковъ:

Что веселая — то наша жпсть солдатская!...

п.л.и:

Какъ во тысяча сѣмсотъ такомъ — то году!..

Второе, чѣмъ по мнѣнiю Мундыра, остался бы и генераль доволень, было... Впрочемъ, вы самп сейчасъ увидите, что это такое было; а пока — разскажу, какого маршрута держался нашъ Мундыръ во время нашего путешествiя и куда онъ завезъ меня.

Надо вамъ сказать, что изъ города въ нашъ хуторъ есть два пути, лѣтнiй и зимнiй. Какоев лѣтнiй путь, пѣтъ необходимости теперъ вамъ говорить; зимнiй же путь — пролегаетъ сначала по толокамъ и полямъ, а потомъ, вплоть до самаго хутора, по рѣкѣ, т. е. подъ горою вдоль рѣки, по окаймляющимъ ее лозамъ и очеретамъ. Путь этотъ довольно прямой, или, лучше сказать, совершающему путешествие по немъ, если только онъ человекъ расторопный и внимательный, довольно трудно сбiться, потому что, какъ я сказалъ сейчасъ, путь идетъ вдоль рѣки подъ горою, и, слѣдовательно, стiбнть не только отдаляться особенно отъ горы — и всегда можно попасть, куда слѣдуетъ. Но на пути этомъ встрѣчается много перекрестковъ и поворотовъ къ рѣкѣ. Все это большею частiю дорожки, ведущiя къ скирдамъ и стогамъ сѣна, разбросаннымъ по обѣимъ ея сторонамъ и на островахъ, къ купамъ накошеннаго очерету и нарубленной лозы, къ лѣсамъ, поросшимъ кое-гдѣ вдоль рѣки, къ рыболовнымъ тонямъ и т. п.; остальные же дорожки идутъ къ разнымъ зарѣчнымъ селамъ, болѣе или менѣе отъ рѣки отдаленнымъ. Слѣдовательно, при всей трудности сбiться съ этого пути путешественнику расторопному и внимательному, онъ, путь этотъ, именно изъ такихъ путей, на которомъ путешественнику не-расторопному или невнимательному легче всего попасть не туда, куда бы слѣдовало. Онъ можетъ тутъ побывать и на рыбныхъ тоняхъ и посмотреть, какъ рыбаки тащатъ неводъ изъ-подъ льда; можетъ попасть и въ какой далекой лугъ и покончить эту прогулку

тѣмъ, что наконецъ ни дороги, ни слѣду нѣтъ, и только впередъ, передъ лошадьми, мѣсто виднѣется, на которомъ стоялъ стогъ сѣна... а пожалуй, онъ можетъ забраться такимъ способомъ и Богъ вѣсть куда!

Мундырь, какъ вы и сами, можетъ быть, догадываетесь, не обладалъ расторопностью и внимательностью, необходимыми для случаевъ, подобныхъ нашей поѣздкѣ. Въ другомъ чемъ, можетъ быть, и такъ; но тутъ—не ладно, да и полно! Ему никакъ не пришло въ голову пріобщить къ своему свѣдѣнію разъ навсегда, какъ и совѣтовалъ ему Грицько сдѣлать это нѣсколько разъ, что такъ какъ хуторъ нашъ на той же горѣ, вдоль которой мы ѣдемъ, то отдаляться отъ нея никакъ не слѣдуетъ. Да и какъ, впрочемъ, это могло прійти ему въ голову! Вѣдь это значило бы послушаться умнаго совѣта и потомъ рассуждать, — а какъ, ему признать чей-нибудь совѣтъ умнѣ своего собственнаго—и, конечно, еще командирскаго! Да еще и рассуждать!.. Онъ, которому столько разъ доставалось, чтобы не рассуждалъ, который самъ вооружался противъ рассужденій, онъ — рассуждать!.. Тѣфу! маршъ впередъ, да и баста! эта дорога протореная—катай—валяй! Вѣдь куда—то да доведеть!...

И каталь—валяль мой Мундырь!...

Пока дорога шла по полямъ и толокамъ, — полбѣды еще было; полбѣды было первое время, когда мы спустились и къ рѣкѣ: Мундырь хоть и рвался впередъ и часто оставлялъ Грицька, но все—таки болѣе или менѣе держался у него на виду, и тотъ или останавливалъ его крикомъ, если былъ недалеко, или поджидалъ гдѣ, пока мы понавѣдаемся тамъ къ тонимъ, съѣздимъ въ лѣсъ; словомъ, до обѣда дѣло шло болѣе или менѣе сносно. Но послѣ сцены за обѣдомъ, Мундырь поѣхалъ по такому маршруту, какого, вѣроятно, не держался еще никто и никогда...

Грицька потеряли совершенно изъ виду и рѣшительно не знаемъ, гдѣ онъ и какъ... гонимъ только Сѣраго — куда? Богъ знаетъ! должно быть впередъ!... Вѣдь держимся же *линію*!.. Выскочимъ за рѣку, въ поля: «Э, нѣтъ», говорить: «*линію* потеряли!», и назадъ... Можетъ быть, это не наша ужъ рѣка, притокъ, не наша линія — что намъ за дѣло!.. намъ лишь бы линія!...

А когда стемнѣло,—потеряли и линію... гонимъ Сѣраго гдѣ-то ужъ стенью... Сель и хуторовъ нѣтъ, лѣсковъ и байраковъ тоже... Какъ-будто все это издали слышалось мундырскій духъ и посторонилось съ пути, какъ сторошатся гуси, утки и разная домашнія птица, когда

быкомъ овладѣтъ бычачья прыть, и, поднявши штандартомъ хвостъ, мчится на нихъ, словно бѣшеный, и—то лягнетъ, то равнетъ, то воздухъ рогами боднетъ...

И пригнали мы такимъ образомъ наконецъ Сѣраго—хуторъ, село ли, Богъ его вѣдаетъ! живутъ видно люди... Можетъ быть это и нашъ хуторъ...

Мундырь остановилъ Сѣраго у первой хаты, въ которой свѣтился огонекъ въ окошечкѣ, соскочилъ проворно съ саней и стучать!.,

— Кто тамъ?—отозвался, должно быть, хозяинъ хаты, открывая *кватірочку* (форточку).

— Х-т-о-т-амъ!—передразнилъ Мундырь, вѣроятно въ видахъ внушенія страха, деморализованія, такъ сказать, непріятеля:—Глаза есть—смотри, кто!... Какъ деревня зовется?

— Та се не деревня, а хуторъ... Проваліямъ звѣтца!

— Что за Проваль?... А повѣта какого?

— Нашого таки, Ського...

Господи, какъ разсвирѣпѣлъ Мундырь, узнавшъ, что мы въ чужомъ уездѣ! Досталось тутъ и *проклятой сторонѣ и проклятымъ дорогамъ!* а ужъ *Спрому проклятому* досталось—и говорить нечего! Кончилось тѣмъ, что велѣлъ разговаривавшему черезъ окошечко земляку проводить насъ до *отамана*.

— На що-жь тобі, — говорю, — отаманъ!..

— Да ужъ надо!

— Та на що наѣда?

— Да ужъ молчите! Сказалъ, генераль—такъ генераль!

Я замолчалъ... Я догадался, что Мундырь снова какъ-то собирается угодить мѣѣ, по своему; но что дѣлать!.. Вбить что-нибудь ему въ голову было выше моихъ силъ, а къ угрозѣ обратиться—что расскажу отцу,—не въ моемъ характерѣ было. Я могъ въ подобномъ случаѣ или молчать и, затанвъ свои чувства, какъ говорится, кпнѣть... или же вспыхнуть на мгновеніе и выбросить наружу вспышку чѣмъ-нибудь въ родѣ, «плюю на твою дурную голову», чего, конечно, въ настоящемъ случаѣ, я никоимъ образомъ не могъ допустить, потому что въ рыжей щетинѣ Мундыра уже водилась сѣдина, а старшіе возрастомъ у насъ пользуются такимъ уваженіемъ, что даже рѣдкое панское дитя позволить себѣ неуважительно обойтись съ старшимъ по возрасту, и не только съ постороннимъ, но даже и съ крѣпостнымъ своего отца.

Наконецъ отаманъ былъ отысканъ, и Мундырь велѣлъ ему одѣться и сейчасъ выйти на дворъ. «Да жива!» кричали онъ.

...Мундырь досталъ изъ кармана плоскій деревянный ящичекъ, въ родѣ тоненькаго томика въ малую осьмушку, открылъ боковую его сторонку и вытащилъ изъ него какую-то бумагу, *отставку*, какъ я узналъ послѣ; сунулъ отставку въ руки отаману и велѣлъ «сейчасъ, жива», давать квартиру—да хорошую квартиру! Отаманъ возразилъ, что надо сначала прочесть бумагу, а потомъ давать квартиру; но Мундырь такъ раскричался, такого далъ ему подзатыльника, что отаману не оставалось ничего другаго, какъ поскорѣе вести насъ къ какому-нибудь богатому козаку... Конечно, ему оставалось и кое-что другое еще, но... но... но что объ этомъ толковать?!...

Повелъ насъ отаманъ, и, уходя, бросилъ лаконическое приказаніе прежнему нашему провожатому:—А ты, — говорить, — до писаря... Якъ що не *тѣе*, — до Деркача!...

Привелъ насъ до Деркача отаманъ... Мундырь принялся тотчасъ распоряжаться—и то прочь, и то подавай!... Тѣмъ временемъ въ хату ввалилась опившаяся, взѣрошенная, крѣпко подержанная фигура писаря... Фигура была и очень *тѣе*, а всё-таки, по приказанію отамана, принялась за отставку и начала *слебезовать* (1). Какъ ужъ она слебезовала, и какъ отаманъ и всѣ присутствовавшіе слушали, ровно ничего не понимая—ничего и рассказывать! Довольно, что тотъ слебезовалъ, а тѣ слушали... И быть можетъ, онъ прослебезовалъ бы всю отставку хоть къ полуночи, какъ случилось одно совершенно непредвидѣнное обстоятельство — подвернулось названіе полка, въ которомъ служилъ когда-то Мундырь, премудренное, непреоборимое названіе!..

Видали вы, какъ пьяный, слоняясь по улицѣ, наткнется на бревно?

«Вишь,» говорить, «и бревно!»... плечами вздвигиваетъ, грустно покачиваетъ головою... «Да,» говорить, «бревно!» Вдругъ овладѣваетъ имъ рѣшимость: «Что,» говорить, «бревно! экая невидаль!» распахнулъ полы поднимаетъ ногу—будто тяжесть какая на ней! еще усиліе и... Но нога покачулась,хватила въ сторону, и бѣднякъ шлепнулся! а круглая его шляпа съ павлиньимъ перомъ и низкой тульей далеко-далеко покатилась по мостовой!... Поднимается, достаетъ шляпу, снова — и снова шлепнулся!... Въ третій разъ, въ четвертый—какъ-будто на бревнѣ невидимая сила безплотная, издѣвается надъ добрымъ человѣкомъ, чтобы

(1) Дурно читать, читать какъ бы по складамъ.

не перешагнулъ, а валлся бы и валлся, на посмѣяніе образа и подобія Божія, на соблазнъ вѣсѣмъ другимъ добрымъ людямъ!...

Что-то подобное творилось и съ бѣднымъ писаремъ, когда онъ вступилъ въ борьбу съ тѣмъ непреборимымъ полкомъ. Вотъ два слога ужъ подвернулъ подъ себя, на третій началъ карабкаться,—и вдругъ какъ оборвется, какъ хватить *штррр!*

— Эхъ ты чучело хохлацкое!—воскликнулъ наконецъ Мундыръ, очевидно оскорбленный такимъ, по его мнѣнію, обиднымъ коверканьемъ полка:—и полка-то нашего не знаетъ, а тута же рыло суётъ!... Бумагу только мою опорочишь!.. Проваливай!—крикнулъ онъ въ заключеніе, и, вырвавъ у него изъ рукъ отставку, засунулъ ее снова въ свой деревянный бумажникъ и спряталъ его въ карманъ.

— Такъ якъ же?..—возразилъ-было отаманъ; но Мундыръ такъ принялся браниться и кричать, что отаманъ счелъ за лучшее «удалиться отъ зла и сотворить благо», махнулъ рукою и пошелъ изъ хаты:—«нехай, мовъ, на тебѣ все зле-лихе, манія ти гаспидьска (вѣроятно отъ, греческаго *μακία*)!» За отаманомъ выползъ молча изъ хаты и писарь: сконфузилъ его крѣпко-крѣпко этотъ мудреный полкъ!

Зная изъ прежнихъ моихъ рассказовъ (1), въ какой степени развито было во мнѣ чутье смѣшнаго и комическаго во всемъ, что ни встрѣчалось мнѣ, и въ какой степени развита была во мнѣ смѣшливость, вы, можетъ-быть, думаете, друзья мои, что я смѣялся, глядя на всю эту сцену? Нѣтъ, не до смѣху мнѣ было тогда! Не имѣй эта сцена для меня своего предыдущаго, не понимай я значенія ея, какъ извѣстнаго явленія въ ряду другихъ явленій,—словомъ, будь я тогда только случайнымъ зрителемъ, а не участникомъ, по необходимости разумѣвшимъ мотивы, которыхъ она была послѣдствіемъ, и весь печальный ихъ смыслъ, и т. д., и т. д., я бы смѣялся тогда, глядя на нее, очень бы смѣялся, какъ смѣюсь теперь, забывъ все и все, а только глядя въ воображеніи на это всеобщее глубокое вниманіе къ тому, чего никто не понималъ—«А ну, ну! мовъ... эгѣ! бачъ!..» на это слезезованіе писаря, на штурмъ, который онъ нѣсколько разъ предпринималъ противъ полка, на ярость Мундыра,—«какъ де не знать его полка!..», «еще опорочатъ отставку!...» Но зная, какъ и что, понимая, что вѣдь то, что мы дѣлаемъ, почти воровство и грабежъ,—я, какъ дитя своей

(1) Это указаніе Василія Петровича относится главнымъ образомъ къ неизданнымъ еще рассказамъ.

родины, какъ членъ сословія, которое такимъ глубокимъ уваженіемъ окружило въ своихъ вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ право *господаря въ его господіи* и которое право пользованія чужимъ хлѣбомъ и солью пощмаеть только въ формѣ гостепрїимства,.. и наконецъ, я, какъ членъ семьи, которой самой, хоть можетъ быть и въ другомъ видѣ, приходилось не разъ испытывать на себѣ то, что мы съ Мундыромъ дѣлали теперь другимъ,—могъ ли я смѣяться, глядя на ту сцену! Даже теперь у меня исчезаетъ охота смѣяться, когда я, оставляя простое созерцаніе въ воображеніи, начинаю думать обовсемъ... Мнѣ даже совѣстно становится за свой смѣхъ!.. Но тогда—для меня было что-то глубоко возмутительное въ нахальствѣ, съ которымъ Мундырь добывалъ ночлегъ и которымъ поставилъ меня въ такое несносное, непривычное для меня положеніе! «Что», думаю, «если объ этомъ да узнаютъ въ хуторѣ!..»,—и не знаю, на что бы я не рѣшился тогда, лишь бы всего этого не было... чтобы, такъ сказать, вычеркнуть этотъ вечеръ изъ моей жизни, быть гдѣ-угодно, хоть даже въ училищѣ, только бы не здѣсь, не въ этой хатѣ, предъ этими людьми, какими-то унылыми, будто истомленными какимъ-то горемъ!... Но возстать противъ Мундыра, открыть его тутъ же, всенародно,—нѣтъ! Чтобы люди такой духовной комплекціи, какъ мы, могли возставать противъ такого нахальства, какъ мундырово, надо, чтобы они прошли сначала сквозь многія-многія испытанія, потеряли въ нихъ, испытаніяхъ этихъ, много-много дѣтской напвности и непорочности души, а вмѣсто ихъ запаслись бы многимъ-многимъ... А до того,—они умѣютъ только страдать, страдать и страдать!...

Но главное мое горе было еще впереди... Когда отаманъ ушелъ, и Мундырь почувствовалъ себя вполне на свободѣ, — удалъ и прыгъ его развернулись совершенно...

— Ужинъ готовить—крикнулъ онъ хозяину:—да жива!...

— Коли-жь (1) уже?—смѣлялся было возразить тотъ:—пізно!..

— Пѣз-но!... и такъ толкнулъ его въ спину, что тотъ едва не свалился:—говорять «готовить!» такъ не разсуждать!...

— Та у насъ же,—отозвался я,—и своё есть...

— Вы ужъ молчите,—говоритъ,—Василька, молчите!—и, какъ бы вдохновленный новою идеею, выпрямился и указывая на меня пальцемъ—видишь,—говоритъ хозяину,—енеральское дитя везу!...

(1) Когда же.

И снова не выдержалъ, какъ и передъ обѣдомъ, и снова заплакалъ...

Всѣ смутились. Мундырь, конечно, подумалъ, что, выходятъ, онъ что-то лишнее брякнулъ... а хозяевамъ, вѣроятно, мелькнуло въ головѣ: «генеральское, молъ, дитя!.. боятся, голодно будетъ!..» По крайней мѣрѣ что-то подобное, вѣроятно, мелькнуло въ головѣ старухи, матерп хозяйина, сидѣвшей на печкѣ и до сихъ поръ непринимавшей никакого участія во всемъ происходившемъ; потому что, замѣтно встревоженная, обратилась съ такимп словами къ своей невѣсткѣ: «Ты бѣ, дочко, варѣничкѣвъ пшенішнихъ імъ, и ще бѣ чого!.. А поки що, — орішкѣвъ, медянкѣвъ, (1) що зъ города Иванъ привізъ!»..

— Спасібі, — прервалъ я сквозь слезы:—я вечерять не хочу... п не зная, что больше сказать: — пустіть менѣ, — говорю, — туді, до себѣ на пічь... — — —

. . . Пока выѣхали мы изъ Провалія, солнце и совѣтъ взошло... Ъхать, однако, было все-таки очень холодно: рѣзкій вѣтеръ дулъ прямо въ лицо, а морозъ принималъ все крѣпче и крѣпче. Я старался, по этому, закутаться въ тулупы получше, зарыться въ сани поглубже. Но послѣднее оказалось дѣломъ очень труднымъ: сани полны были сѣна, и я или долженъ былъ торчать сверху, или, если ужъ мнѣ захотѣлось бы непременно опуститься пониже, долженъ былъ сбросить часть сѣна.

— Нѣщо, — говорю Мундыру, — ты закупівъ стѣльки сѣна? Татусъ бѣде сѣрдитця!

— Да я, Василька, не покупалъ!

— Якъ не купавъ?

— Да такъ! у бездѣльника много.... въ етомъ *Проваль*.... деньги цѣлы, всѣ сдадимъ старпку! Только ужъ божескую мплось, Василька, на счетъ, то есть, бочки.... и тово... то есть, вечеромъ....

. . . Уже солнце собиралось опуститься за горизонтъ, когда мы приблизились къ горѣ.... Я не могъ долѣе удержаться и, соскочивши съ саней, кратчайшимъ путемъ — на гору!..

Войвъ телята навстрѣчу — къ рѣкѣ, бѣгутъ... мурое, рябое, *кривѣнке!*... «Здравствуй, здравствуй, мое бѣдненькое!... Ахъ, здоровъ бувъ, Оксѣнтю!»..

И овечки... «бірю, бірю!».. И Антонъ, и рябо, и *білка*...

(1) Пряникъ.

«Здравствуйте, здравствуйте, вамъ, всё дорогіе мои!.. а ма́ма здоро́венька?»...

И не дожидаясь отвѣта, стрѣлою на гору...

Въ *прихо́жкі* народу много, много,—гости!... Вошь, въ спальнѣ, сестра старшая... братья старшіе,—въ *нека́рню*...

— Ма́түсю!

— Ахъ!...

Все и всёхъ забыла!.. обнимаетъ, цѣлуетъ, плачетъ:—Дити́ноч-ко моя!... снвочку мій!...

— Старá!.. старá!—старикъ оттуда, изъ свѣтлицы.

— Заразъ, заразъ!... Голубо́нску мій, чи живъ ти, чи здоро́въ?

— Панотець васъ кличуть!

— Заразъ!... А матері не забудь?

И не скоро она, можетъ быть, оторвалась бы отъ меня, несмотря и на зовъ отца, несмотря на то, что по его голосу она, можетъ быть, и изъ могилы бы встала, еслибы только надъ ея могилкою могъ когда-нибудь раздаться этотъ голосъ.... Но дверь кухни скрипнула, и пзъ-за нея выглянулъ самъ мой сѣдоволосый!...

— Эгè,—говорить:—не въ-чѣмъ не реве́, ажъ до́ма нема́!.. Дити́ця!—и отворилъ двери настежь.—Мо́же ви,—говорить,—не ба́чили, якъ коро́ва телі облизуе, то подвітця!....

Во все время моего пребыванія дома, я почти не входилъ въ остальные комнаты, а всё сидѣлъ въ кухнѣ и всё плакалъ — и вечеромъ въ субботу, и весь день въ воскресенье, и въ понедѣльникъ! Сколько ни утѣшали меня, сколько ни доставляли мнѣ разныхъ развлеченій,—я плакалъ и плакалъ, сидя въ кухнѣ за столомъ и опершись на него локтями!.. Какая была причина этихъ слезъ—для меня и теперь загадка! Была ли это тоска о томъ, что сестра выходитъ замужъ и что, слѣдовательно, мы теряемъ одного члена семьи,—или шумное и многолюдное веселіе и тогда уже производило на мою душу тяжелое впечатлѣніе,—рѣшительно не знаю!...

Во время пребыванія моего дома, я очень мало видѣлся съ матерью: гостей толпа, пированье день и ночь, нѣкогда! Прибѣжить бывало ко мнѣ, начнетъ меня утѣшать, обливаясь и сама слезами,—зовуть!... обниметъ, поцѣлуетъ, дастъ какое лакомство,—и снова убѣжитъ:—«Не плачь же,» говорить, «моя дити́ночко, не круши́ мене!..» Черезъ нѣсколько времени опять то же...

Только во время сна она была со мной неразлучно, если только

сномъ можно назвать какое-нибудь двухъ-трехчасовое затишье въ поч-номъ пированьи.... Когда бывало въ домѣ шумъ нѣсколько стихнетъ, попроситъ кого изъ знакомыхъ или родныхъ за всемъ приемотрѣть, возьметъ соннаго гдѣ тамъ я заснулъ, отыщеть мѣсто и приютится: «Хоть полѣжу коло ёго... хоть рука моя бѣде на ёму!..»

Это ли, что во время гостеванья я не могъ часто видѣться съ ма-терью, или что вообще мнѣ было тяжело быть на этой свадьбѣ... а можетъ быть, что чрезъ недѣлю я снова долженъ былъ прїѣхать домой, на масляную, —выѣзжать изъ дому я собрался безъ особеннаго горя, и, сколько помню, не плакать во время сборовъ нисколько.....

М. Помпъ.

ЗАМѢТКА

о словутномъ пѣвцѣ Митусѣ.

Не знаю, кому первому изъ русскихъ ученыхъ принадлежитъ мнѣніе, давно принятое многими, что *словутный пѣвецъ Митуса*, упоминаемый Вольнскою Лѣтописью подъ 1241 годомъ, былъ пѣснотворецъ, подобный Бояну и Пѣвцу Игоря Святославича. Но изъ сказанія Вольнской Лѣтописи напрасно, мнѣ кажется, выведено такое заключеніе; скорѣе слѣдовало принять, что помянутый *Митуса* (т. е. Димитрій) былъ знаменитый въ свое время церковный пѣвецъ, принадлежавшій къ пѣвчимъ владыки Перемышльскаго, но не хотѣвшій прежде поступить въ пѣвчіе князя Даниила Романовича. Вотъ самое сказаніе лѣтописи: «Даниль же дворецкого посла на Перемышль, на Костянтина Рязаньскаго, посланаго отъ Ростислава, и владыцѣ Перемышльскому, коромолующу ему съ нимъ; и слышавъ Костяптинъ Андрея, грядуща на нь, избѣже пощюю. Андрей же не удоси его; но удоси владыку, и слуги его разграби гордые, и тулы ихъ бобровые раздра, и прилобци ихъ волчье и борсуковые раздрацы быша; словутного пѣвца Митусу, древле за гордость не восхотѣвша служити князю Данилу, раздрано аки *связья* (*) првведоша, спрѣчь, якоже рече Приточникъ: буеть дому твоего съкрушиться, бобръ и волкъ и яздець спѣдятся».

Ясное дѣло, что здѣсь идетъ рѣчь о домѣ сопротивнаго князю Данилу владыки Перемышльскаго, и его гордыхъ служителей, въ числѣ которыхъ былъ и словутный пѣвецъ Митуса. И такъ, этого

(*) Такъ поправляю я; въ подлинникѣ: *аки связаного*, и не выходитъ смысла. Переписчикъ, вѣроятно, не зналъ или не разобралъ слова *связень* — узникъ (въ Киевской Лѣтописи, подъ 1183 годомъ, полоненный на р. Каалѣ князь Игорь Святославичъ говоритъ: «и *связня* преда мѣ.). Нарѣчіе *древле* здѣсь, какъ и въ нѣсколькихъ мѣстахъ лѣтописи, значитъ: *прежде*, предъ тѣмъ.

пѣвца нельзя ставить въ число древнихъ южнорусскихъ пѣснотворцевъ, какими были *Боянъ* (современникъ Нестора) и *Плвецъ Шюря* (1185—86); ему чета—развѣ «скопецъ *Мануйло—плвецъ гораздый*, иже бѣ пришелъ изъ Грекъ самъ третій къ боголюбивому князю Мьстиславу» (Кіев. Лѣт. подъ 1137 г.).

Кстати, о шапкахъ, упомянутыхъ при описаніи гордыхъ слугъ владыки Перемышльскаго: *тулы бобровые*—высокія шапки въ видѣ глобуковъ; *прилбицы* (волчьи и барсуковые)—шапки съ мѣховыми околышами и съ верхами суконными, бархатными. О *прилбицѣ* княжеской см. въ Кіевской лѣтописи (подъ 1172 годомъ); а изображеніе можно видѣть на картинахъ въ древнемъ харатейномъ житіи св. Бориса. О *прилбицахъ* простыхъ ратниковъ Русскихъ XVI вѣка упоминается въ Статутахъ Литовскихъ.

М. Максимовичъ.

29 марта, 1860 г.
Михайлова-Гора.

РІЗДВ'ЯННІ СВЯТКІ.

ПИСЬМО 3-є.

Святій вечір (¹).

Теперь, мой читатель, не на *Рижківскі* болота, не къ *Рижківскимъ духамъ и ізмамъ*, а въ самую глубь села *Рижкіевъ*, на площадь передъ Рижкивскою церковію, а пожалуй и на самую Рижкивскую колокольню!.. Да торопитесь, мой читатель: скоро вторые пѣтухи запоють, а Рижковскому *паламареві* (пономарю) не то, что Нестору Рижкивскихъ рибалогъ (²). Примется Калѣникъ Даниловичъ за свое дѣло немножко раньше, или немножко позже, — ни чьи интересы не потеряютъ, никто за это не осудитъ; но Рижкивскій пономарь — зазвони слишкомъ рано — «якѣ вже тамъ и моління такъ рано!» — слишкомъ поздно — «и вже! якъ такъ и паламарюватъ!» Конечно, иному прочему на эти *сѣди и пересѣди* можно и вниманія не обратитъ, и какал-нибудь отчисленная изъ училищнаго въ епархіальное вѣдомство *фара* или *инфима* (³), — словомъ, какая-нибудь

(¹) Первый день Рождества народъ большею частию называетъ *Різдобомъ*, *Різдоб*. Но какъ *Різдобомъ* называются и вообще Рождественскіе праздники, то мною и избрано *Святій вечір*, какъ названіе съ болѣе тѣснымъ значеніемъ и притомъ употребляемое въ колядкахъ. Впрочемъ, и это послѣднее названіе не вездѣ одинаково употребляется, какъ это читатель увидитъ изъ послѣдующаго въ моемъ разсказѣ.

(²) См. 2-е Письмо.

(³) Семь классовъ духовныхъ училищъ и семинарій назывались *Фара*, *Инфима*, *Грамматика*, *Синтаксисъ*, *Риторика* или *Поэзія* (последнее названіе можно теперь услышать только отъ стариковъ-священниковъ), *Философія* и *Богословія*. Ученики этихъ классовъ обыкновенно называются: *Фаристъ* или *Фариста*; *Инфимистъ*, *Грамматикъ*, *Синтактикъ*, *Реторъ*, *Философъ* и *Богословъ*. Но иногда какъ и у меня: *Фара*, *Инфима* и т. д.

вольная птица, которая сегодня здѣсь, а завтра тамъ, такъ бы, въ этомъ случаѣ, и поступила; но теперешній Риживскій пономарь, *Гарасько Трохимовичъ*, лицо громадское и избранное судомъ громадскимъ, а что всего важнѣе, избранное безъ какихъ-либо внушеній или наблюденій:—такъ случилось;—а въ подобномъ случаѣ—«Э, ні! оцюді слухай!» Какъ только избрали Гараська Трохимовича въ пономаря: «А якá буде рада?» тотчасъ обратился онъ съ рѣчью къ старѣйшимъ и почетнѣйшимъ. *Рада була—друїі нівні*,—и съ того времени, вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ, а Риживскіе колокола еще ни въ одну ночь передъ Рождествомъ не потрясали над-Риживскихъ пространствъ, ни раньше вторыхъ пѣтуховъ, ни позже, каковы бы ни были въ воздушныхъ пространствахъ атмосферическія обстоятельства, и какъ бы пной разъ ни хотѣлось Риживскимъ колоколамъ подремать, хоть немножко, хоть *чүточку*, хоть *нівчүточки* (существительное, которому въ великорусскомъ языкѣ нѣтъ соответственнаго,—отъ *чуть*).

Какъ тихо вездѣ! Не будь огоньковъ въ окнахъ—видите, въ той вонъ сторонѣ, какъ весело—два окна? Это у Гавриленкивъ,—есть кому и есть изъ чего... А бѣднякъ Лебедь—*тільки-тільки!*.. А какая погода теплая! Не будетъ ли снѣгъ къ утру? Сколько я замѣтилъ, въ эту пору на Рождество почти всегда такая.

Но тише! кажется, гдѣ-то пѣтухъ—крыльями!.. Ухъ, какой голосистый! Должно быть у Дорошихи, удивительныхъ держитъ пѣтуховъ! А вотъ и другой, третій...

Вторые пѣтухи на полномъ ходу! Вотъ гдѣ-то, далеко-далеко, на томъ концѣ села, какъ-будто на томъ свѣтѣ... вотъ здѣсь, тамъ, снова здѣсь—экъ разомъ хватили! должно быть съ такту сбился.

Но тише снова: кажись, залаяла собака... А, это Гарасько Трохимовичъ! Видите, въ томъ углу площади, огонекъ какъ-будто колыхнется: это зъ *лихтарнею* (съ фонаремъ), должно быть идетъ будить *бáтюшку*... Нѣтъ, остановился у Гавриленкивъ, стучить... Понимаю!

Надобно вамъ сказать, что паробки наши—большіе охотники звонить въ колокола. Нужно, на примѣръ, прозвонить по *вмірүщому*: «А ну! Пётре или Иване», и Пётръ или Иванъ, навѣрное, не откажутся, хоть дождь на дворѣ будетъ, грязь, *лиха годіна*. Случится, придетъ, мѣста запыты—ничего! покрайней мѣрѣ послушаетъ, какъ оно тамъ—*якъ въ котлі кипить*. Я знавалъ любителей, что

въ дни, когда обыкновенно цѣлый день бывасть трезвонъ, съ колокольни и не сходилъ. Придите, въ воскресенье или въ какой праздникъ, въ любое у насъ село, предъ началомъ обѣдни,—паробковъ на колокольню *нашевкалось* (налѣзло), какъ говорится, и *курці носомъ нїде клюнуть!* Конечно, не послѣднее въ этомъ случаѣ и то:—будутъ итти дивчата,—*кажікнутъ*, перевѣспвшисъ изъ окна... затарабанятъ пальцами по *шалѣвці*, а пожалуй и *жартюль* перекинуться, если стариковъ близко нѣтъ (старикки близко—*не іоже, незвичайно*); но главное—какъ я сказалъ.

На такой склонности, какъ на нѣкоемъ фундаментѣ, воздвиглось убѣжденіе—и не только въ паробкахъ, и въ дивчатахъ, и даже въ пзвѣстной степени и въ тѣхъ, которые когда-либо были паробками и дивчатами:—чѣмъ въ большой колоколъ и чѣмъ въ большой праздникъ прозвонить, тѣмъ лучше, *величнше* (тѣмъ больше чести), а прозвонить въ самый большой колоколъ и въ одинъ изъ самыхъ большихъ годовыхъ праздниковъ,—напр. на Рождество, на *великдень*, на *храмъ*,—это ужъ такъ хорошо и *велично*, что просто и сказать нельзя!.. А на семь, и тоже какъ на нѣкоемъ фундаментѣ, воздвигся обычай—*гривні гривня*—(десять копѣекъ), съ одной стороны, вынимать изъ *кешні* (изъ кармана), а съ другой принимать и прятать, лишь бы въ такой или такой праздникъ, къ заутренѣ или къ обѣднѣ, въ большой колоколъ звонилъ я, а не кто-либо иной... Переходъ *гривень* въ этомъ случаѣ дѣлается не сокровенно, но во всенародное свѣдѣніе, и никто этимъ у насъ не скандализируется, и не огорчается: такъ принято, такъ ведется, сложился обычай... Ну, да чтобъ гусей не раздражить! Довольно, что Гарасько Трохимовичъ стучитъ въ окошечко именно потому: къ заутрени въ большого зазвонитъ колокола не кто-либо, а чернобровий Гарасмѣнченко Степанъ... И когда, вечеромъ, пойдутъ колядовать, всѣмъ и каждой будетъ пзвѣстно, что такъ и такъ—кромѣ, конечно одной, которая и не знаетъ ничего, и не вѣдаетъ... «Га? Чого? Що, сестриці, кажете?»

Но оставимъ Гараська Трохимовича съ его стучаніемъ въ окошечко, съ его интересами: ему еще многое предстоить—пусть онъ *поважно* совершаетъ свое поважное теченіе! Придетъ *до бѣтюшки*, до *пекарні*, почнетъ стучать въ дверь—слышитъ *наймичка*, да не встаетъ,—посылаетъ *наймита*; наймитъ тоже слышитъ—посылаетъ наймичку. Потомъ церковь надо отворить, свѣчи зажгати и

т. д. Мы отправимся куда-нибудь, къ кому-нибудь,—да вот хоть къ старому Түргуту: «хата тёпла, люди добрі (¹)», да кстати и въ Гринькѣ, съ женою и съ *кутёю* (²), къ тестю и тещѣ, семья большая, люди предковскихъ обычаевъ.

У Түргута: старуха-жива; три женатыхъ сына—одного только осенью женилъ; двѣ замушнихъ дочери—одну выдалъ замужъ тоже только осенью; неженатый сынъ *женило* (котораго пора женить; употребляется въ смыслѣ болѣе или менѣе шуточномъ, иногда даже насмѣшливомъ); двѣ незамужнихъ дочери *навиданню* (невѣсты), невѣстки, куча *онүківъ* и *онүчокъ*. Түргутъ не изъ богачей—*молодожонъ* (недавно оженившійся, т. е. сынъ) вчера не отправился; меньшая замушняя дочь вчера не прѣехала изъ Вишнякѣвъ; вся семья, поэтому, на лицо, прѣзжихъ не имѣется.

Изъ экономіи, въ *ти хати*, въ чистой, *черезъ сѣни*, огня нѣтъ, а тутъ, на полочкѣ, у *кѣмина каіанчикъ*, *эле-эле*, нагорѣлъ *цѣпъ* (свѣтильникъ). Спятъ—на *полѣ* старикъ съ *дѣдовимъ онүкомъ*; на печкѣ—старуха съ *бабишми* онүками и онүчками; на *лаві*—женило: «таке зілля, якъ парубокъ, треба мать на оці—не то, щобъ... про те у насъ крий Бігъ! а такъ—дурний розумъ, разъ би въ разъ на ўлицю, ще нашурубу́рить!» (на землѣ) *дѣлі*, *пѣкотомъ*, одна изъ старшихъ невѣстокъ и остальные онуки и онучки, которые поспокойнѣе, *дѣдои* не будутъ мѣшать спать. А тамъ, *черезъ сѣни*, осталъная семья: незамужнія дочери на печкѣ: «у насъ, кажѣ, про те крий Бігъ, а дѣвѣти якось незвичайно при старихъ, хоть батьго й мати;» на *полѣ*—невѣстка, у которой грудной ребенокъ, на землѣ—*молодожонъ* съ *дріблякомъ* (съ маленькими дѣтьми), а тѣ двое *по лавахъ*.

Тихо, крѣпко спать, даже старикъ крѣпко спить; только изрѣдка одинъ изъ онүговъ: »переймай, переймай!« вскрикиваетъ, или: »на свій бігъ! на свій, на свій!«—*бѣлка* (³) должно, быть, ему

(¹) Сокращеніе известной прибаутки: «Хата—тѣпла, люде—добрі; кабаки—долобі». Въ такомъ сокращеніи видѣ прибаутка эта употребляется въ болѣе деликатной бесѣдѣ.

(²) См. 2-е письмо.

(³) *Булки*, или *ковінька*—игра. Подробное объ этой игрѣ объясненіе можно найти въ одномъ изъ примѣчаній къ Отрывкамъ изъ автобіографіи Василія Петровича Бѣлокопытенка, помѣщеннымъ въ IV книгѣ Русской Бесѣды за 1838 г.

грезится... да отъ времени до времени, *під нічю*, вздыхаетъ малый теленокъ—передъ самою *Кутію* Богъ даль! то-то праздниками полакомится *дівора молозивомъ* (1)!

Но вотъ *бѣкнуло* (ударилъ въ колоколъ)— не громко еще хорошенько *сѣрця* не *росколихали*... въ другой разъ—громче—старикъ притихъ... еще громче—улышалъ. «Слава тобі,» говоритъ, «Господи!» *заворушився*, крестится, поднимается...

Черезъ нѣсколько минутъ, въ обѣихъ хатахъ у Тургута—яркій огонь, бѣготня, *умивання*, *одляння*, кромѣ самыхъ малыхъ дѣтей, которыхъ и не трогали. А Гарасимѣнченко Степанъ звонитъ и звонитъ, старого и малаго зоветъ послушать великую вѣсть: «Діва днесъ Пресущественного рождає!»

Сборы въ церковь на Рождество не долги, особенно старику и мальчикамъ: бѣлье чистое надѣто съ вечера, все убранство вынуто изъ сундука и принесено изъ *хйжї* (изъ чулана въ сѣняхъ), *комірѣ*, тоже съ вечера. Вотъ развѣ дѣвчата съ своими *стрічками*, да пожалуй еще молодая невѣстка — *вїмостить рїжечки* у платка, у новой плахты *грїви*, *червоний* поясъ, чтобы конецъ сзади такъ и разостлался!..

Мальчики ужъ готовы, у порога, перешептываются, посматриваютъ на старика. Готовъ и старикъ, поясомъ *підперезавъ каптанокъ*, надѣлъ новый нагольный кожухъ.

— А ну, старá, достань тепѣрь грѣші!—говоритъ, окончивъ *одляння* и поправляя что-то за *коміромъ* (за воротникомъ),—должно быть что-то жметъ.

Старуха достаетъ изъ сундука мѣдные деньги, завязанныя въ *хустину* — беретъ, садится возлѣ стола и принимается считать и раскладывать въ маленькія кучки, отъ времени до времени присвѣчивая къ каганцю: «шагъ вонó (грошъ ли это), чи копійка.» «Ну,» говоритъ, ужъ деньги тепѣрь настали! просто *кинци зъ ними погубиши!* На, лишень, старá, подивись ти!» или обращается къ кому-нибудь изъ старшихъ дѣтей, кто случится ближе...

Окончивъ расчеты, старикъ подзываетъ старшаго онука: «Оцѣ,» говоритъ,» тобі шагѣкъ (грошикъ), свѣчку обмінйшъ (не купишъ, а вымѣняешь, или поставишь) Бóжі Матері... А оцѣ, Петрусью, тобі!»

(1) *Молозиво*—извѣстнымъ образомъ приготовленное блюдо, изъ молока только-что родившей коровы. Самое молоко тоже илывается *молозивомъ*.

Получившіе совершенно счастливы!... «А ви, объявляетъ остальныхъ: — ви на службѣ (на обѣднѣ, т. е. *обміните*)... На, старá, дасі́ імъ тоді́, а то погублять (потеряють).» Неполучившіе немножко опечалены: — имъ бы хотѣлось сейчасъ имѣть шажки въ рукахъ; — *дідіаз* онукъ дѣлаетъ даже возраженіе, баба хочетъ замолвить слово за *своихъ*: «Ні, ні!» говорятъ тихо: — идіть!» — онъ знаетъ, что дѣлаетъ, онъ разсчиталъ крѣпко!..

Двери скрипнули, *чоботи* (сапоги) застучали, и чрезъ нѣсколько секундъ хата отъ *дівбри* опросталась.

Потомъ старикъ даетъ деньги женатымъ сыновьямъ, чтобы каждый поставилъ по свѣчѣ всѣмъ намѣстнымъ иконамъ, на утренѣ и на обѣднѣ, по нѣскольку шажковъ дочерямъ и невѣсткамъ... *Женіло* проситъ и себя!.. «Ще й тобі!» говоритъ старикъ: — я, якъ бувъ такимъ, нікблн у бáтька не просі́въ!.. Ну, на; та йди собі, геть!.. Архистратіхові жъ Михаилові поставъ!.. «уже ввслѣдъ, а тотъ только усмѣхается; — «а на службѣ Иванові Вбину!.. чи не одучять хоть вони тебе одъ кулачокъ!... (1) «На жъ и тобі, старá!» заключаетъ старикъ, обдѣливъ всю семью и отложивъ и себя нѣсколько шажковъ. Старуха отказывается: «гдѣ ужъ! мнѣ-ли *протóвнитця* (протолкаться, т. е. къ свѣчамъ и къ иконамъ)!» Вотъ, говоритъ, на службу пораньше пойду и Матери *Бóжі* свою, *самоділкуву* (домашняго, своего приготовления).

Уходитъ въ церковь старикъ, а за нимъ и другіе: сыновья, невѣстки, дочери.... Какіе *дукачі* (въ родѣ медальоновъ—мѣдные, серебряные, иногда и золотые) у нихъ, *наміста, стрічки*! Какія свиты бѣлыя:—еще ни разу не надѣвали!... Послѣднею собирается

(1) Старикъ намекаетъ на предстоящія, во время праздниковъ, кулачки. Вообще, парубокъ въ многочисленной семьѣ у насъ какъ-будто чужой: вонó такé *зілля*—задиракувате, гуливое, въ лѣсъ смотритъ, а не въ семью, пока не женится, т. е., не то чтобы въ лѣсъ, а за ворота... Впрочемъ, это отчужденіе болѣе паружное, чѣмъ внутреннее, болѣе ворчаніе, чѣмъ дѣйствительно гнѣвъ: «Ще й тобі!» говорятъ старикъ Туркутъ: — ну, на, та йди собі геть!» Скажу даже больше: я крѣпко сомнѣваюсь, чтобы за этимъ ворчаніемъ не было чего-нибудь совсѣмъ противоположнаго насупленному виду, сердитому голосу,—также крѣпко сомнѣваюсь, чтобы старикъ Туркутъ велѣлъ поставить свѣчи Архистратигу Михаилу и Ивану Воину, именно для того, чтобы они отучили повѣсу отъ кулачокъ, а не для того, чтобы они помогли ему весь Таранівскій кутъ (уголъ, т. е. часть села, гдѣ живутъ Тараніи) гонять праздниками на кулачкахъ, какъ чѣреду. Не даромъ же повѣса, уходя, усмѣхался!

старуха... останавліваецца яшчэ разъ, оглядываець сябя і все кругомъ, какъ бы яшчэ чаго не забыць. Ушла — і чрезь нѣсколькіх секундаў снова назадъ, стучыць въ окошечко: «Глядзіце жэ мені,» гаворыць: «не забудьце теляці нагодувать!»

Остаюцца дома: толькі невѣстка съ груднымъ рэбенкамъ, всѣ *дівчэітка-оначкі!* — гдѣ імъ толкацца ночыю! — да онуці-мальчыкі, котрымъ въ царкві прышлося бы толькі носы утирать. Къ абѣдні, пажалуй, кое-кого і пзъ ныхъ заберуць, хто покрупнѣе — старуха возьмець, — *матері;* а теперъ: — «вонó ще зовсімъ мале, — лыйі ще у й ёго й гріхъ!»

Главная забота остаючайся дома невѣстки — убраць хаты, накарміць телянка і затопіць *печи.*

Уборка хаты въ настольцемъ случаѣ состоіць уже не въ падбѣліванні і вымыванні: все, што нужно было вымыць і вымазаць, вымыто і вымазано вчэра паслѣ вечэры, плі, — какъ абъ ётомъ сказана мною въ сваёмъ мѣстѣ — і раньшэ. Не займецца теперъ невѣстка і украшэніемъ хаты. Тó лі, што для народа, гаворы аообщэ, прыздыкъ становіцца асызатэлыгѣ, блыжэ ёго сэрцу, тэплѣ; толькі съ того момэнта, когдэ въ прыздываніэ начнуць прывходіць прэдыметы, болѣе дасупныя ёго поныманію і ёму блызкія — напр., на Свѣтлыі Прыздыкъ, когдэ, на заутрэні, «обнымець другъ друга», яшчэ болѣе, когдэ вокругъ царкві стануць рэдыамы *паскы,* і яшчэ болѣе, когдэ хата, все і всѣ въ прыздычпномъ, всѣ цѣлуются, хрыстосуются, а на столѣ — паскы, то, другое, — другымы словамы, то лі, што прыздыкъ у народа, по крайней мѣрѣ у нашэго народа, сосрэдычываецца главнымъ абразомъ въ абѣднёное і послѣдуючыя за тѣмъ врэмя, плі жэ тутъ імѣюць значэніэ какыя-лыбо другыя прычыны, напр., прэсто разсчэць, заняцься украшэніемъ, когдэ вытоплэно, падмэтэно, пыль не подымэцца і не сядэць ні на чэмъ — тó лі, плі ёто; но сколькі і замѣтыль, украшэніэ хаты на Рождэство дѣлаецца у насъ вэсгдэ, когдэ воть-воть уже пзъ абѣдні!... подразумѣваецца, ёслы кто ныбудь пзъ жэныцынъ во врэмя абѣдні дóма; ёслы жэ всѣ уходыць въ царкву — што, скажу мымоходомъ, бываець толькі въ сэмействахъ слышкомъ нэмногочылэнныхъ, да і тó не вэсгдэ, — украшэніэ — во всякомъ случаѣ — послѣдныя вэщ, чѣмъ займецца хозыякы, плі кто тамъ вмѣсто нэя, такъ-что прыды пзъ царквы, поклоннысь абразамъ... погляды кругомъ — свѣжэнькэе все, чыстэнькэе, хата какъ съ пгóлочкы... Невѣстка Туркутышына,

потому, не займется теперь украшеніемъ хаты: этимъ займется во время обѣдни наименьшая невѣстка:—кстати, она такая *джиджулу́ха* (!) она уберетъ постелп, одежду, которую поразбрасывали спѣшившіе въ церковь; меньшіе дѣти станутъ подыматься, будетъ умывать ихъ, наряжать, чѣмъ Богъ послалъ: дѣвочкамъ — *намістечка* по *разбѣчкѣ* (по нитѣ) или по два, а, пожалуй, и какую-нибудь ленточку на головку... мальчикамъ—копѣечной тесемки по кусочку, *въ застіжки*; а встанутъ всѣ—солому подобрать, гдѣ спали, *підъ нічь*, хаты подмести, повынмать *рушники* для убранства хаты, и т. д.

Кормленіе телянка, —не на Рождество, а во всякое другое время,—занятіе не изъ такихъ, которыя особенно озабочиваютъ моихъ земляковъ и землячекъ; а потому во всякое другое время о немъ не стоило бы и упоминать. Но на Рождество,—для нихъ, а слѣдовательно и для насъ, ведущихъ рѣчь объ ихъ *Різдяниихъ святкахъ*, оно очень важно. По нашимъ понятіямъ,—коровы, во время *Різдяниихъ святокъ*—Різдяниихъ святѣкъ въ тѣснѣйшемъ значеніи, т. е. первыхъ трехъ дней: на *саме Різдо*, или на *Святій Вечір*, какъ у меня названъ тотъ день, на *Богородицю* и на *Трѣицю*—должны быть неразлучно съ своими телятами, и телята должны *въ прыпустъ* (сколько хотятъ) кормиться молокомъ... Ясли ли, давшія убѣжище Матери, раждающей Бога, или что-либо другое послужило тутъ основаніемъ—не берусь разсуждать. А что дѣло ограничивается однѣми коровами—изъ всѣхъ домашнихъ животныхъ только коровы и свиньи въ эту пору рождаютъ дѣтей; но послѣднія—въ такомъ списхожденіи не нуждаются:—онѣ и безъ того не разлучны съ дѣтенышами. Притомъ, животныя эти, занимая столь почетное мѣсто въ яствахъ украинскихъ христіанскихъ празднествъ, занимаютъ слишкомъ непочетное мѣсто въ украинскихъ христіанскихъ понятіяхъ.

Какъ бы то, впрочемъ, ни было, относительно коровъ и телятъ, мои земляки и землячки такихъ-именно убѣжденій, а потому, тотчасъ послѣ вечера на Багату Кутю, телятъ впускаютъ къ матерямъ,—въ кошары, или гдѣ тамъ онѣ есть,—и оставляютъ вмѣ-

(¹) Любящая, чтобы все было на ней и гдѣ она живетъ, изящно, чисто, приваржено. О мужчинѣ не говорится *джиджулу́нъ*, хотя и говорится *приджи джу́лився*.

стѣ до утра четвертаго дня праздника, иногда даже и долѣе. Если же теленокъ слишкомъ малъ, можно опасаться, замерзнетъ на дворѣ, или пожалуй въ темнотѣ наступитъ *товаряка*, — держать въ хатѣ, по крайней мѣрѣ ночью, но за то носятъ, какъ можно чаще, кормить. «А що,» спрашиваетъ молодой *хазяїнъ* у своей молодой *хазяїнки*:—може бѣ порѣ до корови телѣ?»—«Та тільки що поси-ла!»—«Ну, и що жѣ?»—«Такъ цмолїть (съ охотою, съ аппети-томъ сосеть, *ажъ цмокае*), такъ цмолїть!» — «А та?» — «Та?... сказано, мати—ажъ підтюпцемъ (!), ягъ побѣчила!... и такъ лїже ёго, лїже!» И молодой *хазяїнъ* поворачивается къ окошечку съ улыбкою, которая даетъ разумѣющему разумѣти, что благо-дать Божія на домѣ семъ: «Ну,» говорятъ, «полижи жѣ и ти свое!»

Самая главная забота остающейся невѣстки — топить *печи* и *прїйматьця поратця*. Печка въ той хатѣ, *черезъ сїни*, топится сейчасъ же, по уходѣ всѣхъ въ церковь, или, смотря по заведен-ному въ семействѣ порядку, немножко позже; но въ печкѣ здѣсь, гдѣ и ѣсть будутъ варить, разводится огонь къ концу заутрени; словомъ, такъ, чтобы *топїнка* окончилась непременно до окон-чанія обѣдни—а обѣдня на Рождество бываетъ у насъ по деревнямъ довольно рано—и притомъ такъ окончилась, чтобы осталось не-множко времени и *прїджджуїть* хату. Въ семействахъ немно-гочисленныхъ,—вообще, гдѣ на обѣдню всѣ уйдутъ и печки *до-топлювать* некому будетъ—разводится огонь и еще раньше, что-бы покончить совсѣмъ по крайней мѣрѣ къ тому времени, когда *зadzвонять* у всі.

Впрочемъ, хлопоты тутъ зъ *топїнкою* не бываютъ такъ мно-госложны, какъ въ другіе праздничные дни, кромѣ, конечно, Свѣт-лаго праздника; даже не такъ многосложны, какъ и въ *бўддєнь*. Блюдь, въ этотъ день, какъ увидимъ ниже, готовится немно-го; все, что нужно для *варїнки*, изъ погреба, изъ коморы и т. д., внесено съ вечера, какъ объ этомъ объяснено у меня во второмъ письмѣ, даже топливо заготовлено на Багату Кутю, т. е. прине-сены поближе солома, тростникъ, дрова, какъ тоже объяснено во второмъ письмѣ. А что вчера сало накрошено, мясо нарублено —

(!) Этому слову нѣтъ соотвѣтственнаго въ великорусскомъ языкѣ. Тюпать—бѣжать рысцею, підтюпцемъ—идти такъ быстро, что вогъ-вогъ побѣжитъ, и даже сдѣлаетъ нѣсколько шаговъ бѣгомъ.

объ этомъ и говорить нечего! По нашимъ понятіямъ, въ такой праздникъ, какъ Рождество, вообще грѣшно работать: напр., грѣшно доставать *вѣриво* изъ погребя, мыть лаву, даже топить грѣшно, и если топимъ, то дѣлаемъ это по самой необходимой необходимости ⁽¹⁾; но крошить, рубить—вообще, *рѣзать*—изъ работъ это у насъ самая грѣшная! Откуда это, въ силу какихъ причинъ, подъ какими вліяніями сложилось у насъ такое вѣрованіе? Замѣчу однако, что рубить, дѣлая *домовину* (гробъ) — не грѣхъ, какъ не грѣхъ дѣлать это ни въ одинъ день въ году, конечно, если настоятъ въ томъ крайняя надобность. И еще замѣчу, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Украины рѣзать на Новый Годъ и еще грѣшнѣе. Это еще непонятнѣе. Хотѣлось бы очень знать, въ какой степени повсемѣстно это вѣрованіе у Украинскаго народа, не выключая Галичанъ и потомковъ Запорожцевъ. Нашъ Новый Годъ, къ сожалѣнію, я имѣлъ случай наблюдать только въ Полтавской губерніи и, главнымъ образомъ, только по рѣкѣ Оржицѣ.

Время отъ заутрени до обѣдни употребляется, мужскою частію семьи, на то, чтобы овцамъ, лошадямъ и проч. дать *досвѣчану* и *вранішну* порцію корму, погнать до *ополонки* и проч., и чтобы немножко *прикоржлѣть*, *замилѣть* по крайней мѣрѣ, т. е. дать *досвѣчану* порцію сейчасъ, пришедши отъ заутрени, потомъ заснуть, а потомъ, уже предъ самою обѣдней, дать и *вранішню* порцію.— Кормленіе и напованіе скота въ этомъ случаѣ дѣлается не очереднымъ изъ сыновей или внуковъ, вообще—не по заведенному порядку, а *гуртомъ*, общими силами, чтобы поскорѣе. «А нуте, діти, кіньтесь!» говоритъ старикъ Туркутъ—и тотъ по *осоку*, тотъ солому *смикать*, тотъ ополонку пробивать — не прорублявать, а пробивать—а *малеча* ужъ конечно возлѣ овецъ. Такъ же точно употребляется это время и женщинами: кормятъ птицу, свиней и *щобъ хоть очі поламать* ⁽¹⁾,—съ тою только разницею, что какъ птица и свиньи, *вдосвіта* нѣкогда не кормятся, то не кормятся и теперь.

Но вотъ снова зазвонили *до цѣркви*, — (конечно, у *великого*

(1) Ужипать, поэтому, на Рождество у насъ почти никогда не готовятъ, какъ объ этомъ будетъ и ниже.

(2) Непереводимое выраженіе. «Не заснула, а тільки очі поламала», говорятъ преимущественно женщины.

дзвона другой кто звонить, а не Гараспѣнченко) — снова опросталась хата, да ужь такъ, что только наименьшая невѣстка дотапливаетъ печку, да двое, трое дѣтей, *хворенькихъ* или совсѣмъ *нѣзмисливъ*, дома, — даже груднаго ребенка унесли! Вотъ и печка дотоплена, *джиджулуха* принимается, наконецъ хату *джиджулить*...

Но нѣтъ! не стану объ этомъ рассказывать! Интересно наблюдать, какъ обломокъ мрамора, подъ рѣзцомъ искуснаго ваятеля, мало-помалу превращается во что-то образъ имѣющее; но гораздо выше интересъ — взглянуть, когда этому мрамору данъ, такъ — сказать, послѣдній ударъ, и произведение явится во всеоружіи соотвѣтственныхъ идеѣ формъ...

Случалось мнѣ на Рождество входить къ моимъ землякамъ и въ хаты... и въ мѣщанскія и въ панскія *горнички*, и въ великопанскія и купеческія горницы. Войдешь къ купцу, мѣщанину и даже къ подгороднему доброму моему земляку — панское и великопанское въ сторону — такъ и рѣзнетъ сейчасъ тебѣ въ глаза: какаля-нибудь яркаго цвѣта занавѣска у кіота — у купца; шпалеръ, теремокъ — у мѣщанина, у подгородняго земляка. А рѣзнуло въ глаза, — дѣло извѣстное — и вниманіе тамъ остановится, недоумѣваешь или усмѣхаешься, а дальше не пойдешь, а пойдешь, — не скоро, или такъ пойдешь, что и вспоминать не стоитъ... Но сколько я ни входилъ къ моимъ добрымъ землякамъ, хуторскимъ или сельскимъ захопустникамъ, — бѣденъ ли онъ, достаточенъ, — сначала, отъ порога, только чистота — не та, какою-то терпкостью дышащая чистота, которая обдаетъ васъ, когда входите въ нѣмецкій домъ, а чистота теплая, улыбающаяся... отъ *печи*, зъ *підпичья*, отъ *містника*, лавы, *поліць*... потомъ, на *колочкахъ*, постепенно: *рушничкі*, рушники, шитые рушники, разшитые... и наконецъ, въ преразшитомъ рушникѣ, на бѣленькомъ *божнику*, съ пахучими васильками по бокамъ и съ висящими изъ *божника* обильными колосьями жита... какъ средоточіе міра этого, какъ его послѣднее слово... *мовъ въ тіздѣчку*, — маленькій, потемнѣвшій... лигъ какъ и наши, изможденный какъ и мы... благословляетъ!.. голова долу преклоняется, рука поднимается крестъ сотворить... А подъ нимъ, поистинѣ *Вочеловѣчившился* (1), на *побутті*, — ясли, гдѣ Онъ когда-то...

(1) Едва ли иной народъ, съ очертаніями своего лица, отразилъ себя въ иконописи, больше, чѣмъ народъ украинскій — конечно въ иконописи своей, а не зам-ствовавшей, или привозной.

Обѣдъ на Рождество начинается и продолжается среди обстановки, какъ и на Багату Кутю: курится ладанъ, читается молитва, горитъ восковая свѣча. А все не то, что Багата Кутя,—нѣтъ той теплоты и тихости, той таинственности, того чего-то, чѣмъ такъ проникнута *вечѣра*.

Если и весело бываетъ на Рождество за обѣдомъ — веселость выходитъ какая-то шумная, съ набитымъ колбасою ртомъ, съ размященными подъ вліяніемъ чарки, послѣ холода, щеками...

За первую чаркою вспоминаютъ и отсутствующихъ — «нехѣй же, мовъ, легѣнько и імъ згадѣтца!»—но вспоминаютъ какъ-то вскользь, безъ особеннаго значенія; а ужъ заплакать — очень, очень рѣдко!

Предложить дѣтямъ *горілки* — если еще и предложить: пьютъ — пусть пьютъ, а не пьютъ — «дурні, такого дѣва та не хочуть!»

Въ отношеніяхъ семьи съ домочадцами внимательный наблюдатель непременно замѣтитъ, что того, что было вчера, ужъ нѣтъ!

Первымъ блюдомъ на столъ непременно является что-нибудь изъ остатковъ вчерашней вечери, большею частію рыбное: холодный борщъ, холодные *товчѣники*, холодная жареная рыба. Подается все разомъ, ѣдятъ, кто что хочетъ, пока кончатъ. Нѣтъ рыбнаго — даютъ немножко кути или узвару; но только, говорю, начать обѣдъ непременно нужно вчерашнимъ.

За этимъ слѣдуетъ сейчасъ колбаса — смотри, *джиджолѣха*, чтобъ была она горячая, шкварчащая! Ужъ не даромъ же шесть недѣль «и въ вічі не бачили, якá вона!»

Колбаса — «не та чорзна-яка, а хорбша ковбасá, насъка» — вообще говоря, для насъ желанный гость на столъ, и появленіе ея мы всегда привѣтствуемъ извѣстнымъ ослабленіемъ въ лицѣ и ковтаніемъ слюновокъ; чтожъ и говорить, если еще шесть недѣль!.. шутка ли — шесть недѣль! А вѣдь есть несчастные, которые и по шести мѣсяцевъ и даже по шести лѣтъ въ глаза ея не видали!.. Запѣвалы, конечно, тутъ *малѣча*: чуть *джиджолѣха* зашамотѣла у печки, послала *хвѣтки* доставать скворороду — позаворачивали *головкѣ*, повытягивали шею... А старшіе — «оцѣ бъ такіи й вони!»

Но вотъ скворорода визжитъ, тянутъ по черені... вытянули, *сичѣть* — мысли и сердца дѣтскія, áможе шествіе ея! А! поставили на столъ...

Да не подумаетъ однако читатель, что дѣтскій восторгъ, удивленіе — только изъ дѣтскаго желудка! Дѣло въ томъ, что эта са-

мая колбаса, и не дальше какъ сегодня утромъ, была въ лѣсѣ, въ садкѣ, или просто гдѣ-нибудь въ *гаинкѣ*, на деревѣ, и особенно на вербѣ, вмѣстѣ съ саломъ и тому подобнымъ скоромнымъ, и только вотъ, предъ самымъ окончаніемъ обѣдни, спустилась—въ село, въ печку, и прямо на сковороду! Поневоля́ будетъ и восторгъ, и удивленіе, а пожалуй и опасеніе: а ну, да вздумаетъ снова!.. Въ какой степени распространенъ у насъ обычай говорить подобное дѣтямъ — не знаю; но знаю навѣрное, что онъ существуетъ не на одномъ только пунктѣ лѣвой стороны Днѣпра... Нижеподписавшійся самъ испытывалъ ощущенія, которыя сейчасъ описалъ, и живо помнить, какъ, во времена оны, ѣдешь бывало съ старикомъ къ заутрени — переѣзжать надобно было черезъ лѣсъ: — «А что,» спрашиваешь,» колбаса вѣрно ужъ спускается съ дерева?» — «Какъ можно! отвѣчаетъ серьезно: — еще рано!» — «Да гдѣ жъ она? — не видно!» — «Въ *гуцині*, ночь!» Случалось, что къ заутренѣ не ѣздили, а поѣхали къ обѣднѣ: «Да, говоритъ, ужъ начала спускаться! вѣрно, ужъ на *твѣдереви* спустилась!» А возвращались изъ церкви: «Вонъ-вонъ!» говоритъ: — видишь, какъ *чхурнула!*» — «Гдѣ, гдѣ?» — «Да вонъ же, впереди!» — «Да гдѣ же?» — «Эхъ, який же ти дурень! говорю—впереди!» Вы напрягаете все вниманіе, *зминаетесь* (поднимаетесь) на саняхъ — нѣтъ! — «Сховалась ужé,» говоритъ, «за ригъ повернула!»

Въ семействахъ, познакомившихся съ разными, идущими въ свѣдъ, прибавками, къ колбасѣ подаютъ соленые огурцы. «Що то вонó за птиця булá бъ, та ковбáса, якъ би їй крила!»

За ковбасою слѣдуетъ иногда борщъ, но большею частію, можно сказать почти всегда, *капу́ста*, что-то въ родѣ великорусскихъ щей, только гораздо гуще — почти розмазною: готовится изъ сѣченой капусты, немножко пшена, съ *свининою*. Блюдо довольно вкусное, если хорошо приготовить. Почему въ праздникъ Рождества *капусть* отдается преимущество предъ борщомъ — не знаю. Не потому ли, что, какъ я сказалъ выше, въ праздникъ этотъ не позволяется ничего рѣзать, а для капусты не нужно ни *пелюстокъ* рѣзать, ни *буряківъ* кричить? Притомъ, приготовленіе *капусты* легче и не столько *колó неі захóду и забобоновъ*, какъ возлѣ борща.

Капустою и оканчивается обѣдъ. Въ семействахъ достаточныхъ и, вообще, въ такихъ, гдѣ до колбасы не ѣли кути, послѣ ка-

пусты ѣдятъ еще и кутю, обыкновенно съ молокомъ; но какъ избранныхъ такихъ не слишкомъ много, то и считаю себя вправѣ заканчивать на Рождество обѣдъ капустою.

Послѣ обѣда, *джиджулѹха* съ мужемъ собирается къ своимъ, въ Гринькѣ—да чтобы все новое да лучшее надѣтъ! и въ особенности, чего въ Гринькахъ не носятъ: пусть ахаютъ прежнія подруги, удивляются—«вотъ», молъ, «у *Ивизни*: комірѣ у неі на кожусі бабакомъ оббитій, платокъ—съ золотыми цвѣтами!» Джиджулѹха бѣгаетъ, суетится, а старикъ наказываетъ и поклонъ передать *свѣтамъ*, и проситъ въ гости *прибувати*. И непременно добавитъ: «Та скажи,, що, мовь, свѣкорѣ щодня бѣ!» — «А свекрѹха», подхватываетъ Туркутиха въ томъ же тонѣ: — «щодня істи не дає!..» Тѣ собираются, а остальная семья—вся спать, даже дѣти: надо вознаграждать за ночное бдѣніе, да и время свободное. А выспавшись хорошенько...

Но прежде, чѣмъ Туркутова семья выспится хорошенько, считаю нужнымъ прервать на время свой рассказъ.

Вамъ, можетъ быть, страннымъ показалось, отчего я, рассказывая про *праздникъ*, прошелъ молчаніемъ то, что считается самымъ важнымъ въ праздникѣ, т. е. ничего не сказалъ о рождественской заутрени или обѣднѣ, или даже не повелъ васъ въ церковь? Въмѣсто всякаго объясненія, выписываю слова, которыми начинается 1-е мое Письмо.» Подъ словомъ «святки,» праздники, я буду разумѣть не то, что мы привыкли обозначать этимъ названіемъ, а то, что празднуетъ или чувствуетъ какимъ-нибудь обычаемъ украинскій народъ» и т. д. — Рождественскія заутрени и обѣдня не заключаютъ въ себѣ ничего, что въ душахъ моихъ земляковъ отразилось бы какимъ-нибудь особеннымъ трепетаніемъ, какъ, напр., приведенныя выше свѣтловоскресенскія «обнимемъ другъ друга» и паски вокругъ церкви, или же *Ордань*, процессія по полямъ на Юрія, освященіе воды на *Маковія*, особенно если еще освященіе бываетъ на паромѣ... Паромъ отчаливаютъ, выѣзжаютъ на средину рѣки—и тамъ святятъ воду... Рождественскія заутрени и обѣдня для моихъ земляковъ,—да, сколько успѣлъ я замѣтить, и для великорусскихъ простолюдиновъ—какъ заутрени и обѣдня послѣдняго воскресенья, воскресенья предпоследняго и т. д. Вся разница въ томъ, «що то була неділя, а то велике свято, *Різдво*, розговини»—а это еще не много. Одинъ только признакъ рождественскаго цер-

ковнаго празднованія, да и то—одной только обѣдни, составляетъ особенность для моего земляка, именно то, что на Рождество «служба дуже довга;» но эта особенность не такого характера, чтобы могла занимать мѣсто въ моемъ изложеніи. Двѣнадцатый годъ и по груди Украины прошолъ нелегкимъ колесомъ; но наскочило это колесо не на томъ пунктѣ, гдѣ у нея сердце, а тамъ, гдѣ карманъ... да помяло немножко шею, помозолило руки. Спросите у украинскаго простолюдина, чтó это правилось на Рождество послѣ обѣдни: «та то», говорить, «про Француза... Французъ, кажутъ, колись... ратниківъ брали», и расскажетъ вамъ многое на тему «постачали — постачали!..» да въ добавокъ, пожалуй, укажетъ на свой *каптанъ фабрицького* сукна, шитый отцомъ или дѣдомъ въ тѣ поры: «Бачите», говорить, «якѣ дермó (дрянь), а по пятнадцать рублівъ, якъ одна копейка!»

Считаю нужнымъ, «за однимъ заходомъ,» сказать тутъ и слѣдующее. Украинскій рождественскій празникъ, поставленный подъ уголь зрѣнія, подъ какимъ у меня онъ поставленъ, кажется, есть не чтó иное, какъ продолженіе празника, начавшагося вечерю на Багату Кутю, — продолженіе съ помарками и пробѣлами, — и заканчивающагося на Святый Вечеръ колядками. Трудно это доказывать, и вообще при состояннн народознанія, въ какомъ оно у насъ находится, а тѣмъ болѣе—мнѣ; потому и не осмѣливаюсь доказывать свое предположеніе, а только высказываю: можетъ быть, на чтó-нибудь пригодится. Скажу только, что основаніемъ для него у меня—главнымъ образомъ—вѣяніе и отъ Рождества тѣмъ близкимъ, *ріднимъ*, о которомъ я упомянулъ во 2-мъ Письмѣ, говоря о Багатою Кутѣ, и которое я сильно чувствую всякій разъ, когда опускаюсь поглубже въ трактуемый предметъ. Вѣроятно, между двумя, видными на нашемъ горизонтѣ *озерявинами* и перемежающимися между ними какими-то углубленіями, была когда-то связь; вѣроятно, во времена оны, протекала тутъ какая-то рѣка, да мѣстами высохла или берега обвалились, мѣстами ее засыпали и лизапрудили, и на лицѣ земномъ, послѣ многихъ столѣтій, является что-то, чтó разгадать въ состояннн только сондированіе почвы, сравненіе, соображеніе, трудъ долгій, терпѣніе великое. Болѣе же осязательными для меня признаками: 1) употребленіе на Рождество и на Багату Кутю въ пищу предметовъ, такъ сказать, самаго *домашняго* свойства; 2) въ известной степени сходство — обѣда на Рождество съ вечерю на

Багату Кутю; 3) обычай брать кутю (*итти* или *іхать* съ кутею), отправляясь къ роднымъ, не только на Багату Кутю, но и въ Рождество; 4) другой обычай — проводить всею семьею день Рождества не въ гостяхъ или гдѣ бы то ни было, а непременно дома, въ хатѣ, до наступленія колядокъ, — такъ-что, на дворѣ, вы увидите только, что вышли дать скоту и проч. вечернюю порцію корму; на улицѣ, въ полѣ — «діти до бѣтька ідуть, онѹки до діда и бѣби;» и 5) безразличное (на разныхъ, впрочемъ, пунктахъ Украины) употребленіе для обоихъ праздниковъ названія *Святъ-вечірѣ*, *Святій вечірѣ*: въ однихъ мѣстахъ Святъ-вечеромъ называютъ Багату Кутю, употребляя и это послѣднее названіе; въ другихъ — вечеръ и даже день Рождества, а въ иныхъ — оба дня, — различая только иногда Багату Кутю отъ Рождества употребленіемъ, для первой, названія *святъ-вечірѣ*, а для послѣдняго — *Святій вечірѣ*.

Время отъ сна до сумерекъ, Туркутова семья проводитъ: старшіе въ *сі хати*, тутъ же и пріѣзжая дочь съ своимъ мужемъ — сейчасъ послѣ сна пріѣхали — бесѣдуютъ, взаимно передаютъ новости, *забавляютья* разными *забавками*; *малѣча* — въ той хатѣ, тоже забавляются разными *забавками*, играютъ въ разные *хатні* игры.

Самыя употребительныя въ это время *забавки*: *соляшникове* и *гарбузове насіння* (сѣмена подсолнечника и тыквы), а при недостаткѣ соляшниковаго и гарбузоваго — *діняче* и *кивунове*; орѣхи, гдѣ водятся близко лѣса; *кислиці зъ квасу*, гдѣ водится много садовъ; яблоки *зъ піспи* (особый родъ квашенья яблокъ) и *зъ капусти*, кто позажиточнѣе и познакомился съ подобными *пріміжями* (выдумками, капризами); *медяні коржі* и т. п. У горожанъ, а также и у сельскихъ козаковъ, склоняющихся по образу жизни къ панству, появляются сверхъ-того иногда: *вертуни* или *бѣнти*, *орішки*, *шпички* и тому подобные продукты мѣстнаго кондитерскаго искусства, *маковники* и т. д. Разумѣется, старикамъ, какъ Туркутъ, всѣ подобныя *дурніці* большею частію не по зубамъ, и они ихъ и называютъ такъ: «дурніця!» говорятъ. А вотъ груши и яблоки изъ *узвару* — это другое дѣло! «Ке-лишенъ мені горщокъ зъ узваромъ (Дай-ка, и проч.)!» Возставши отъ сна, онъ выпилъ наваръ, а теперъ: тѣ — орѣхи, сѣмена, а онъ — свое, *зобѣ та и зоби* (!)

(!) Зобать — клевать, говорится о птицѣ, клюющей зерно, по преимуществу съ выщипываніемъ отъ шелухи, а также и о людяхъ, зобающихъ насіння.

Цьз игръ самая употребительная въ это время—любимая наша *Цицибаба* (¹). Кому-нибудь изъ играющихъ, по жребію, завязываютъ глаза, ведутъ до порога и заставляютъ взяться руками за колышегъ, которымъ отворяется дверь, а сами прячутся: «А ну!» скажетъ какой-нибудь *цвіркунъ* (сверчокъ), изъ-подъ *пóкуття*, или просто стоя посреди хаты,—увернется, надѣется на свою ловкость:—«уже!» говоритъ, и цицибаба, повернувшись и разставивъ руки, принимается тихонько, осторожно, нагнувшись впередъ, прислушиваясь... Иногда, когда игра въ разгарѣ, такую возню подымутъ, такой *гвалтъ* и крикъ, что просто, какъ говорится, хоть святыхъ вонъ выноси! со всѣхъ сторонъ шмыгають, хохочуть, дергають, *сіпають*, а бѣдная цицибаба, какъ вьюнъ на огнѣ: и сюда, и туда!.. Пойманный, въ свою очередь, становится цицибабою. — Въ большомъ ходу въ это время и *Чмихъ*. Садятся въ кружокъ — посрединѣ хаты или на *полу*, гдѣ лучше—и одинъ объявляетъ, что «запирается Чмихъ», т. е. что никто не долженъ говорить, ни даже *чмихнутъ*. Игра состоитъ въ томъ, что одинъ старается разсмѣшить, а другіе должны удерживаться. Провинившійся наказуется условленнымъ числомъ ударовъ *джутюмъ* (сплетеннымъ платкомъ и т. п.), и въ свою очередь запираетъ чмихъ. Иногда выходятъ очень смѣшныя сцены! Для *дівора* довольно одной мысли,—и чмихнутъ нельзя—ужасно какъ смѣшно! а тутъ еще кривляется, дѣлаетъ рожицы... Иной, чтобы вѣрнѣе удержаться, приподымется даже, старается ни на кого не глядѣть, особенно на *тоб*... но нечаянно взглянулъ, за носъ себя!.. движеніе его замѣчено — и другіе за носъ... Нѣсколько мгновеній молчаніе, тишь передъ взрывомъ, посинѣли даже—и вдругъ чмихъ, чмихъ, чмпхъ, неудержимый хохотъ! Но иногда выхотятъ сцены и другого рода: дѣло доходить до слезъ и до разбирательства старшихъ...

Но вотъ уже въ хатѣ темнѣтъ пачало, — пора засвѣтить *каганецъ*— на Рождество, какъ сказано выше, вечеромъ почти никогда не топятъ, *вечеряють* то, что осталось отъ обѣда, — почему утромъ и готовятъ побольше; вотъ *зашамотіла дівора*: кто постарше, одѣлись, куда-то ушли; немного спустя каганецъ засвѣтили — дивчатъ ужъ нѣтъ, куда-то исчезли, паробокъ *шминувъ*, нѣтъ даже

¹Вящихъ что-нибудь мелкое. напр. груши, потихоньку, съ разстановкою. — словомъ, какъ птица: сначала однимъ глазомъ попоглядитъ, поворочитъ голову — другимъ, и клюнетъ. Вылупила — и снова.

(¹) Въ иныхъ мѣстахъ куци-баба.

одного изъ женатыхъ сыновей... Туркутова семья сидитъ, какъ и сидѣла, какъ-будто ничего и не случилось, продолжаютъ *цѣторить*, забавляются *забавками*, ведутъ тихую бесѣду...

Стукъ въ сѣняхъ отъ многихъ *чобіть*; отворилась хата—*дѣтвора*—*колядники*, первая *бурта* (первый отдѣлъ).

Охъ, дѣтство мое невозвратное!..

Пишущему строки сіи воспоминается его дѣтство, когда и онъ еще былъ малымъ—премалымъ *пахолкомъ*!..

Семья, какъ и Туркутова: старикъ, *старѣсенькая* моя—не *старѣсенькою* тогда были! всѣ, и я возлѣ *старѣсенькой*, *притулившись*...

Вспоминается, какъ одни за другими колядники: *дѣтвора*, дивчата, парубки, женатые... просятъ благословенія; — благословятъ; колядуютъ...

Вспоминается, какъ дивчата—(подъ крылышкомъ у матери, любимое дитя)—*приспівували* мнѣ...

Ой рано, рано кѹри запали,
Святій вѣчирь!

А ще раніше пань Матвійко вставъ...

какъ я прятался подъ рукавъ матери....

Пань Матвійко вставъ, коня осідлавъ,
Коня осідлавъ, въ поле виїжавъ...

Но всего памятнѣе, когда два брата Лѣдовѣнки—какіе колядники были!.. высокіе, длинноусые, строгія лица!..

Нѣтъ, не вспомнить мнѣ тѣхъ колядокъ! Про какихъ-то *орлівъ* пѣли, гдѣ-то и куда-то летавшихъ... какъ-будто... какъ-будто теперь осень скучная и холодная... а оттуда, съ какого-то мглистаго далека, вѣтеръ хлопьями доносить—что-то больно, больно щемающее сердце... какъ будто:

Вилітали орлі
За круті горі,
Вилітали, буркутали,
Роскоші шукали...

«*Вернітеся*», говорятъ, «*літа моі!*» — «Нѣтъ, — отвѣчаютъ не *вернемось, не вернемось!*...»

М. Помнсь.

13 Февраля 1861 г.
С. Петербургъ.

ТРИ ПИСЬМА О ПЧЕЛОВОДСТВѢ.

(Продолженіе).

ПИСЬМО VIII.

ТРЕТІЙ ПЕРІОДЪ ПАСИКИ. ЯРНИЙ ВЪЯТОКЪ. МЕТОДЫ ПОЛУЧЕНІЯ СЪ УЛЬЕВЪ МЕДА. МОЯ МЕТОДА. ЗАНЯТІЯ ВЪ ПАСИКѢ ВЪ ЭТОТЪ ПЕРІОДЪ.

Въ предыдущемъ письмѣ я сказалъ, что ежели, ко времени настоящаго вѣтка, пасика будетъ въ отличномъ состояніи, сильна и благополучна, то при изобиліи вѣтка и благопріятной погодѣ медъ польется въ нее рѣкою. Но чтобы собрать этотъ медъ, необходимо много знанія, безъ котораго можно потерять его не только половину, но даже и болѣе.

Изъ медистыхъ растений, въ средней половѣ Россіи, болѣе другихъ доставляетъ меду гречиха, изъ которой пчелы собираютъ такое количество, котораго бываетъ слишкомъ достаточно для ихъ годоваго продовольствія, и часть его можетъ быть, безобидно для нихъ, отдѣлена въ пользу человѣка. Цвѣтеніе гречихи продолжается между пятнадцатымъ числомъ іюля и пятнадцатымъ августа, въ продолженіи почти мѣсяца, но не всегда вѣтокъ съ нея бываетъ непрерывный и одинаковый; съ-начала и подь-конецъ этого періода слабѣе, а въ срединѣ—сильнѣе, настоящаго же хорошаго вѣтка бываетъ иногда пять, семь дней и очень рѣдко—четыренадцать. Поэтому каждый вѣточныи день очень дорогъ для пчеловода, и его не только не слѣдуетъ терять, но сколько возможно болѣе надобно имъ пользоваться, и стараться, чтобы и одинъ его часъ не прошелъ безъ пользы. Но къ-сожалѣнію, надобно сказать, что въ пасикахъ нашихъ теряется очень много этого дорогаго времени;—это бываетъ во-первыхъ тогда, когда

пасика стоитъ далеко отъ гречихи, и слѣдовательно пчела употребляетъ много времени на пролетъ свой туда и обратно. Въмѣсто того, чтобы слетать за добычей разъ десять, она слетаетъ всего разъ или два въ день: — потеря очевидна. Во-вторыхъ, если пасика стоитъ въ срединѣ гречихи, пчела часто остается праздною оттого, что, прилетѣвши въ улей съ медомъ, некуда ей его выпустить. Если въ ульѣ мало порожней вошины, или если и довольно, то за тѣсною одна половина пчелъ ожидаетъ, — иногда очень долго, пока другія пчелы выпустятъ свой медъ и имъ уступятъ свое мѣсто; а тѣ, потомъ, прилетѣвши съ медомъ, опять ожидаютъ своей очереди, что продолжается безпрестанно, и чрезъ это навѣрное теряется половина рабочаго драгоценнаго времени, и, слѣдовательно, половина вноса. Это важное упущеніе происходитъ отъ улья, въ какомъ помѣщаются пчелы. Впослѣдствіи я опишу разные ульи, теперь же скажу, что всѣ они бываютъ двухъ главныхъ родовъ: *цѣльные* и *составные*, или такъ сказать *одноэтажные* и *многэтажные*. Въ цѣльныхъ ульяхъ, каковы малороссійскіе и другіе имъ подобные, бываетъ одинъ только рядъ сотовъ, отъ пяти до девяти, которыхъ, при изобиліи взятка и силѣ пчелинаго семейства, очень мало для того, чтобы вся пчела разомъ работала. Чтобы болѣе убѣдить васъ въ невольной праздности половины пчелъ въ самое взяточное время, я укажу на одно обстоятельство. Когда въ хорошій взяточный день вы войдете въ свою пасику, состоящую изъ цѣльныхъ ульевъ, то вы увидите, особливо къ вечеру, что на всѣхъ вашихъ, самыхъ сильныхъ, ульяхъ половина пчелы сидитъ снаружи улья, покрывая толстымъ слоемъ всю его переднюю часть и даже землю вокругъ него. Спросите вы пасичника: отчего это? — онъ вамъ отвѣтитъ: оттого, что пчелѣ жарко въ ульѣ, и какъ въ это время дѣйствительно жаръ бываетъ невыносимый, то вы вполне съ нимъ соглашаетесь. Это дѣйствительно происходитъ частію отъ жара въ ульѣ, но тутъ есть еще и другая причина, именно та, что этой пчелѣ нечего дѣлать въ ульѣ. Она прилетѣла съ поля полная меду, но въ ульѣ нѣтъ еще готовыхъ ячей для положенія его; дѣланіемъ этихъ ячей занимается часть пчелъ, остальные же, которымъ дѣйствительно было бы жарко въ ульѣ, какъ полнымъ меда, выходятъ наружу. Чтобы убѣдиться въ этомъ, попробуйте только взять въ руку одну изъ этихъ пчелокъ и подавить ее немножко пальцами: — она тотчасъ выпуститъ изъ рта большую каплю меду. Еслибы этой пчелѣ было что дѣлать въ ульѣ, то-есть, еслибы

было куда выпустить свой медъ, то она бы не томилась возлѣ улья, но выпустивъ медъ, полетѣла бы въ поле. Въ составныхъ ульяхъ, а особливо въ тѣхъ, гдѣ въ каждой части устроивается особый рядъ сотовъ, какъ въ *линеечныхъ* и во *ступочныхъ*, гдѣ отъ этого образуется не девять, но двадцать семь и болѣе сотовъ, и гдѣ поэтому пчелѣ достаточно и пространства и работы, тамъ всякая пчелка ежeminутно имѣетъ для себя занятіе, и какъ бы жарко ни было, вы не увидите праздныхъ пчелъ снаружи улья; всѣ онѣ ежeminутно работаютъ, а отъ сего въ такихъ ульяхъ пчелы вносятъ въ одно и то же время гораздо болѣе меду, нежели въ одноэтажныхъ ульяхъ. По самымъ точнымъ и многократнымъ опытамъ оказывалось, что изъ двухъ равносильныхъ ульевъ, одноэтажнаго и многоэтажнаго, одинъ вносилъ въ день меду четыре фунта, а другой двѣнадцать. Послѣ этого вы согласитесь, что не всегда можно воспользоваться всѣмъ тѣмъ медомъ, какой могли бы доставить вамъ ваши пчелки, еслибы вы дали имъ къ тому всѣ средства, и что я нѣсколько не увеличилъ, сказавъ, что многіе пчеловоды теряютъ его на-половину.

Во время самаго сильнаго и окончательнаго медоваго взятка, когда пчелы изъ всѣхъ силъ трудятся, чтобы наполнить свои ульи для будущаго своего, почти годичнаго, продовольствія, — въ этотъ періодъ, въ концѣ его или въ среднѣ, пчеловодъ приступаетъ къ полученію дохода отъ своей пасйки, къ сбору меда, употребляя для этого разные способы, которые зависятъ преимущественно отъ устройства ульевъ его пасйки. Я не стану говорить здѣсь объ отборѣ меда изъ составныхъ ульевъ, а особливо изъ *линеечныхъ*. Это такъ обширно и ново, что требуетъ особаго, подробнаго изложенія (письмо XI); а теперь я буду говорить только объ отборѣ меду изъ *цѣльныхъ* ульевъ, въ какихъ по преимуществу водятся у насъ пчелы.

Самый первоначальный и простой способъ полученія меду заключался въ томъ, что по окончаніи взятка, или даже и въ среднѣ его, подрѣзывали въ каждомъ ульѣ часть сотовъ. При этомъ вырѣзывали, конечно, молодую вошину, а въ ульяхъ оставляли старую, и это продолжалось нѣсколько лѣтъ, вслѣдствіе чего соты дѣлались почти неспособными къ выводу пчелъ. Теперь этотъ способъ, какъ невыгодный для хозяина и вредный для пасйки, оставленъ почти вслѣдъ, гдѣ только есть сколько нибудь уже ученые пасичники.

Другіе способы полученія меду состоятъ въ убіеніи нѣкоторыхъ

пчелиныхъ семействъ и въ перегонѣ ихъ въ новые ульи,—что тоже составляетъ почти убіеніе. Многіе сердобольные пчеловоды, въ особенности иностранные, и нашъ Прокоповичъ, сильно возстаютъ противъ убіенія пчелъ и не только называютъ этотъ способъ получения дохода отъ пасики варварскимъ, но и доказываютъ, что онъ убыточенъ для пчеловодства, что и дѣйствительно справедливо. Но получить сколько нибудь значительный доходъ отъ пасики безъ убіенія пчелъ, можно только при употребленіи составныхъ ульевъ, на что никакъ не рѣшаются наши даже достаточные пчеловоды, изъ страха мнимой ихъ дороговизны; а потому убіеніе пчелъ въ круглоулейныхъ пасѣнкахъ составляетъ необходимость. Въ наставленіи Пономарева, защитника пчелубійства, указано, какихъ пчелъ убивать и какихъ оставлять въ заводъ, о чемъ и я скажу въ послѣдствіи, говоря о приготовленіи пчелъ къ зимѣ. Получаемый этимъ способомъ медъ будетъ лучше перегоннаго, потому что въ немъ будетъ гораздо меньше червы, но за-то, при употребленіи его, значительно уменьшается пасика и нѣтъ возможности имѣть запасы медковъ или воцанокъ, очень полезныхъ для роевъ будущаго года.

Перегонъ пчелъ состоитъ въ томъ, что тѣ пчелиныя семейства, которыя имѣютъ много меда, разумѣется старыя не ровншіяся вовсе или изройки, перегоняютъ въ новые ульи, а медъ ихъ получаютъ въ доходъ. Чтобы такія пчелы, называемыя *перегонами*, могли внести себѣ сколько нибудь меда, то перегоны дѣлаютъ обыкновенно въ половинѣ взятка. Но рѣдко случается, даже и при продолжительномъ взяткѣ, чтобы онѣ внесли себѣ столько меда, чтобы могли перезимовать съ нимъ; а потому, большею частію, по окончаніи взятка, подкуриваютъ, а небольшія, образованныя ими гнѣзда, сберегаютъ на медки для будущаго года. Такъ какъ въ ульѣ, откуда выгнано пчелиное семейство, остается, кромѣ меда, много червы, которая потомъ смѣшивается съ медомъ, то, отъ этого, такъ—называемый перегонный медъ бываетъ самый худой, скоро окисаетъ и не годится для корму пчелъ. Но на это не смотрятъ пчеловоды, потому что медъ и хорошей и дурной, сырцомъ, продается тоже по одной цѣнѣ.

Эти способы получения дохода отъ пчелъ употребляютъ совместно или раздѣльно, смотря по методъ пчеловодства, которой держатся пасичники. При натуральной системѣ бываетъ въ пасикѣ больше нероевъ, нежели изройковъ, и какъ первые имѣютъ больше меда нежели вторые, то опредѣленное количество нероевъ обыкновенно перего-

няютъ, а изройковъ подкуриваютъ, развѣ будетъ очень хорошій взятокъ и изройки многомедны, — тогда и ихъ перегоняютъ. При методѣ промышленной, гдѣ въ пасикѣ почти нѣтъ нероевъ, опредѣленное для дохода количество изройковъ преимущественно подкуриваютъ, потому что, по малости въ нихъ меду, не выгодно дѣлать изъ нихъ перегоны. При методѣ смѣшанной, гдѣ въ пасѣкѣ есть и нерон и изройки, поступаютъ также какъ и при натуральной методѣ. Однимъ словомъ, при всякой методѣ пчеловодства, перегоняютъ многомедныхъ, а подкуриваютъ маломедныхъ. Когда при натуральной методѣ не желаютъ уменьшить первоначальнаго комплекта пасѣки, то подкуриваютъ или перегоняютъ столько старыхъ ячей, сколько прибавилось роевъ, также точно, въ этомъ случаѣ, поступаютъ и при другихъ методахъ. Вслѣдствіе этого сколько-нибудь опредѣлительный доходъ можетъ быть получаемъ только при промышленной системѣ, а при другихъ всегда будетъ вполнѣ случайный: больше роевъ — больше и доходу, а при неройбѣ — или мало, или и вовсе не будетъ никакого дохода. Но промышленная метода очень опасна по большому риску, съ нею сопряженному, — вслѣдствіе чего весьма не многіе пчеловоды рѣшаются ей слѣдовать. А потому ни одна изъ описанныхъ мною трехъ системъ пчеловодства, основывающихъ свою доходность исключительно на увеличеніи числа семействъ пасики, недостаточна для того, чтобы пчеловодство могло сдѣлаться сколько-нибудь надежною хозяйственною статью.

Хотя чрезъ перегоны получается меду менѣе и худшаго качества, нежели чрезъ подкурку пчель, но какъ этимъ способомъ можно имѣть много запасныхъ медковъ и вощанокъ, и иногда нѣкоторыя перегоны могутъ даже пойти въ зиму, то перегоны предпочитаются убою пчель. Если вы имѣете запасъ пустыхъ пчелиныхъ гнѣздъ, хотя безъ меду, но съ порожнею длинною вощиною, напр. до половины улья, и въ такія вощанки будете перегонять пчель: то, если, послѣ перегона пчелы, взятокъ продлится хотя пять, шесть дней, — перегоны ваши успѣютъ внести столько меду, что, безъ сомнѣнія, пойдутъ въ зиму, и вы даже можете дѣлать такіе перегоны нѣсколькими днями позже, нежели какъ бы сдѣлали при перегонѣ на порожніе ульи. Этотъ способъ получения меду изъ круглыхъ ульевъ былъ бы самымъ лучшимъ, еслибы можно было всѣ перегоны сажать на большія вощанки. Но этого достигнуть очень трудно. Хотя тогда значительное количество вощанокъ удастся собрать пчеловоду отъ неудавшихся прошлогоднихъ

перегоновъ, отъ пчелъ умершихъ за зиму, а также при пересадкѣ семействъ весной, вслѣдствіе различныхъ неблагополучій, о чемъ сказано мною подробно въ письмѣ V, но этого всего бываетъ недостаточно, чтобы обезпечить себя отъ риска, сопряженнаго съ перегонами.

Пока я не имѣлъ у себя достаточнаго количества линейныхъ ульевъ, которыми, какъ я сказалъ выше, рѣшилъ окончательно вопросъ получения значительнаго дохода отъ пасики въ нерощное лѣто, не уменьшая ея комплекта, я нашелъ одинъ способъ пріобрѣтенія значительнаго количества длинныхъ вощанокъ, и тѣмъ открылъ новую методу получения въ доходъ изъ круглоулейной пастки значительнаго количества меду, не уменьшая ни увеличившагося роями количества пчелиныхъ семействъ, ни ихъ доброты. Метода эта совершенно новая, никогда неупотреблявшаяся никакимъ пчеловодомъ и нигдѣ неописанная. Она составляетъ такъ—сказать секретъ моей пастки, за который меня благодарили всѣ, кому я сообщалъ его; теперь я намѣренъ описать его здѣсь обстоятельно.

Когда въ періодъ роенія, при естественномъ или искусственномъ роеніи съ приборовъ, у васъ отроилась, положимъ, половина пастки, а другая половина хотя и сильна, но не готовится къ роенію, то эту половину, или лучше сказать, сколько вы найдете такихъ пшай, раздѣлите на два сорта: къ первому отнесите тѣхъ пчелъ, у которыхъ при сильной мухѣ и большой червѣ, заносъ вощины до половины улья, или нѣсколько болѣе, и вощина не очень старая, однолѣтняя или двулѣтняя, а также и посуда хорошая; ко второму же сорту отнесите пчелъ тоже сильныхъ, но имѣющихъ длинный и старый заносъ вощины, и старый улей, т. е. тѣ гнѣзда, которыхъ вы не хотите болѣе держать въ пасикѣ, но предполагаете впоследствии выбить на медъ. Тѣхъ и другихъ должно быть поровну. Эти сорта означьте на донышкахъ ульевъ мѣломъ; на однихъ напишите 1-й, на другихъ 2-й. Тогда изъ перваго сорта начинайте постепенно брать насильныхъ роевъ съ червы, и непремѣнно замѣчайте на изройкахъ карандашомъ. Въ этихъ изройкахъ дней чрезъ тринадцать или пятнадцать выйдутъ свищевыя матки, а дней чрезъ двадцать или двадцать три выйдетъ и вся черва, какая только была въ нихъ заложена прежнею маткою,—между-тѣмъ-какъ новая, свищевая, матка еще не успѣетъ завести новой червы. Этимъ безчервяннымъ состояніемъ гнѣзда нужно воспользоваться для пріобрѣтенія вощанокъ. Въ это

времени, то—есть дней чрезъ двадцать или двадцать три отъ взятія насильныхъ роевъ, слѣдуетъ выгнать изройки съ матками и посадить въ новые ульи, на медки или на навощанки, а ихъ гнѣзда, какъ порожнія и чистыя, спрятать и хранить до употребленія. Такимъ образомъ, изъ отобранныхъ вами ульевъ, обозначенныхъ 1-мъ номеромъ, вы будете имѣть двойное количество семействъ пчелъ, роевъ и раннихъ перегоновъ и количество превосходныхъ гнѣздъ, равное половинѣ всѣхъ, отобранныхъ вами сильныхъ, но неронившихся пчелъ. Ранніе перегоны, если у нихъ будутъ хорошія матки,—за чѣмъ, конечно, слѣдуетъ весьма внимательно слѣдить,—къ осени, при хорошемъ яриномъ взяткѣ, поровняются совершенно съ роями; если-же нѣтъ, то по—крайней—мѣрѣ дадутъ хорошіе медки. Теперь обратимся ко второму сорту. Когда гречишный взтокъ достигнетъ высшей своей степени и вы увидите, что въ ульяхъ этого сорта много уже меду, частію даже печатнаго, тогда вы сдѣлайте изъ нихъ перегоны и посадите ихъ на тѣ гнѣзда, которыя у васъ хранятся отъ перваго сорта пчелъ. Изъ перегонанныхъ ульевъ, какъ нероевъ, вы получите много меду, а перегоны, будучи посажены на большія вощанки (гнѣзда), если хорошій взтокъ продлится хотя пять дней, сдѣлаются *линейными* пчелами, ибо пчелѣ трудно дѣлать вощину, а въ готовую она вдвое болѣе и скорѣе наноситъ меду.

Чтобы показать явственнѣе выгоду этого способа, я объясню еіо числами. Не говоря о прочихъ ульяхъ вашей пасѣки, то есть тѣхъ, которые ронялись натурально или искусственно (но не насильно), и съ которыхъ вы будете получать медъ чрезъ подкурку или перегоны, производимые обыкновеннымъ способомъ,—положимъ—у васъ осталось 100 пней, неготовившихся къ роенію, но сильныхъ и съ большою червою. Если вы со всѣми ими поступите по промышленной методѣ и со всѣхъ возьмете насильныхъ роевъ, то вы ихъ будете имѣть 100, да потомъ перегоните изройковъ и получите, положимъ, 50 пудовъ меду, а съ перегоновъ, сдѣланныхъ на порожніе ульи, по подкуркѣ ихъ, получите, положимъ, штукъ пятьдесятъ самыхъ маленькихъ вощанокъ. Если-же вы поступите по моей методѣ, то вы получите сначала 50 насильныхъ роевъ; потомъ, изъ 50-ти раннихъ перегоновъ, тоже пятьдесятъ пней неуступающихъ роямъ. Изъ пятидесяти позднихъ перегоновъ вы получите тоже 50 пней; да такъ, какъ вы перегоняли не изройковъ, а лучшихъ нероевъ, и перегоны дѣлали нѣсколько позже противъ обыкновеннаго, то непременно вы получите изъ

нихъ меду вдвое болѣе противъ изройковъ. Итого, изъ ста пней вы будете имѣть: 150 пней хорошихъ линейныхъ пчелъ и 100 пудовъ меду. Сравните—же что выгоды? Я полагаю, что излишекъ пятидесяти хорошихъ пней пчелы и пятидесяти пудовъ меду, съ избыткомъ вознаграждаетъ недочетъ пятидесяти небольшихъ вошанокъ, которыя, когда нужно будетъ, вы можете сдѣлать и искусственнымъ образомъ. Метода эта составляетъ какъ бы средину между промышленною и смѣшанною методами пчеловодства. Она уменьшаетъ отважность одной и устраняетъ нерѣшительность другой. Въ случаѣ успѣха, она вознаграждаетъ васъ вдвое; въ случаѣ же крайней неудачи, вы лишаетесь не всего, но только половины. — Кромѣ того, при этой системѣ будетъ гораздо менѣе пчелобійства, а при хорошихъ обстоятельствахъ, даже вовсе его не будетъ, и только половина перегоновъ дѣлается во взяточное время; этимъ выпгрывается огромное количество драгоцѣннаго времени для ухода за прочими семействами пчелъ и представляется возможность дѣлать перегоны акуратнѣе, а не такъ какъ это обыкновенно дѣлается, съ большею то-ропливостію, причѣмъ теряются матки и много семействъ чрезъ то погибаетъ.

Не знаю, захочетъ ли кто, или сѣумѣетъ ли, примѣнить мою методу полученія меду изъ круглоулейной пасйки, но какъ обыкновенная метода перегоновъ уже вкоренилась, то я хочу сдѣлать, въ отношеніи ея, собственно одно полезное наставленіе. Большею частію перегонаютъ или нероевъ, или раннихъ изройковъ, т. е. самые сильные пни пчелъ, въ которыхъ и мухъ много, и червы въ изобиліи. По перегонѣ всей мухи въ порожніе малороссійскіе ульи, ея бываетъ такъ много (почти половина улья), что только часть ея въ состояніи занимать работою, а остальная сидитъ праздно; слѣдовательно здѣсь почти половина мухи совершенно не нужна. Въ старомъ ульѣ, гдѣ наполовину червы, меду очень мало, да и тотъ, по выбитіи, отъ червы бываетъ не хорошаго свойства; слѣдовательно пчеловодъ, заставивъ муху праздновать въ перегонахъ, теряетъ и въ старыхъ ульяхъ. Поэтому я совѣтую, изъ назначаемыхъ къ перегону сильныхъ ульевъ, выгонять и брать для перегона не всю муху, а только ея половину, или соразмѣрную часть, а другую половину оставлять въ старомъ ульѣ; или лучше сказать, вмѣсто перегона, взять насильнаго роя. Въ такомъ случаѣ насильный рой сдѣлаетъ въ новомъ ульѣ столько же залога, какъ бы сдѣлалъ и перегонъ; оставленная же въ старомъ ульѣ

муха высидитъ себѣ свищевую матку, высидитъ всю черву, и если взятокъ продлится, зальетъ всю вощину медомъ. Тогда пчеловодъ, по окончаніи взятка, подкуривши изроекъ, получаютъ меду болѣе, самаго чистаго, и безъ червы. Сравните же, что лучше и выгоднѣе. Въ яринномъ взяткѣ надобно различать три періода: начало, средину и конецъ. Знать эти періоды крайне необходимо, потому—что въ каждый изъ нихъ производятся свойственныя имъ дѣйствія въ пасикѣ; и если какое либо изъ сихъ дѣйствій будетъ сдѣлано не въ надлежащую часть взятка, то оно не удастся и причинитъ потерю. Хотя опытные пасичники узнаютъ нагляднымъ образомъ средину взятка и его уменьшеніе, но все это не точно и слѣдовательно сопряжено съ потерю нѣсколькихъ дней. Кто хочетъ вести пасику правильнымъ образомъ, и вѣрнѣе дѣлать въ ней всякія операціи съ пчелами, тотъ непремѣнно долженъ, передъ началомъ взятка, избрать одинъ благополучный сильный улей съ пчелами, поставить его на вѣсы, и каждый день наблюдать прибавку или уменьшеніе въ этомъ ульѣ меду и все замѣчаемое записывать. Изъ сравненія прибыли или убыли одного дня съ другимъ, вы будете имѣть самое точное понятіе, увеличивается ли взятокъ, остается ли постояннымъ или, наконецъ, уменьшается; при чемъ, конечно, не слѣдуетъ принимать въ расчетъ особыхъ случайностей погоды. Сообразно этимъ наблюденіямъ вы можете болѣе опредѣлительно распорядиться своими дѣйствіями въ пасикѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ вы удовлетворите своему любопытству, знать, сколько одинъ улей вноситъ въ день меду и будете имѣть возможность дѣлать заключеніе о хорошемъ или худомъ взяткѣ одного лѣта сравнительно съ другимъ. Это весьма нетрудное средство можетъ предохранить вашу пасику въ неблагополучное лѣто отъ тѣхъ бѣдствій, которымъ вы легко можете ее подвергнуть, слѣдя, по обыкновенію наглядно, за успѣхами ея дѣйствій.

Сообразно тремъ частямъ періода яриннаго взятка, должны производиться въ пасикѣ слѣдующія занятія:

При началѣ взятка: 1—е. *Перевозка пасики*. Въ началѣ этого письма я говорилъ о томъ, какъ драгоценно для пчеловодства взяточное время и какъ его теряютъ, когда пасика находится въ далекомъ разстояніи отъ гречихи. Поэтому, едва начнутъ цвѣсти гречихи, слѣдуетъ непремѣнно вывозить пасику въ средину ея. Но прежде перевозки слѣдуетъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ и поотбирать всѣхъ тѣхъ насильныхъ роевъ, которыхъ вы, по соображенію

вашему, предположили взять. Такъ-какъ въ это время пасика бываетъ очень сильна, улы полновѣсны, а время жаркое, то при перевозкѣ пасики, производищейся обыкновенно въ ночное время, будьте очень внимательны, соблюдайте разныя объ этомъ наставленія, и какъ тутъ отъ несоблюденія чего—либо можетъ произойти потеря, то лучше присутствуйте сами при ея укладкѣ, перевозкѣ и поставкѣ на новомъ мѣстѣ. Въ—особенности наблюдайте слѣдующія правила: чтобы вы успѣли поставить на новомъ мѣстѣ всю пасику до солнечнаго восхода, чтобы пчела не кусала людей и лошадей и чтобы облетѣть пчелы на новомъ мѣстѣ былъ въ самую тихую погоду; а еще лучше, если вы изберете для сего пасмурный день. Перевезя пасику въ гречиху, гдѣ находится также нѣсколько другихъ пасикъ, нужно становиться такимъ образомъ, чтобы ни ваша пчела не имѣла хода чрезъ другую пасику, ни чужая пчела чрезъ вашу; для избѣжанія чего ставьте вашу пасику по одной линіи съ другими, а всего лучше если можно на сзрое дальшее отъ нихъ, не менѣе версты, разстояніе. Иначе, ставши *подъ перелетъ* чужой пасики, ваша пчела будетъ въ ней оставаться; еслижъ чрезъ вашу пасику будетъ итти чужая пчела, а особливо большей пасики, то хоть сначала она и усилитъ вашу пасику, но съ прекращеніемъ взятка нападеть на вашу и заставитъ васъ бѣжать.

2. *Уравненіе пасики.* При всемъ предвидѣніи будущаго тихаго дня, иногда пчеловодъ обманывается: при поставкѣ пасики на новомъ мѣстѣ падывается вѣтеръ и тогда совершенно измѣняется ея внутреннее состояніе; нныя ряды пней ослабѣютъ, а на другіе будетъ налетъ мухи. Если вы это такъ и оставите, то пасика ваша жестоко пострадаетъ: ослабѣвшіе пни или совершенно погибнутъ, или не принесутъ никакой пользы, а потому необходимо на другой же день заняться приведеніемъ ея въ прежній видъ. Но въ этотъ періодъ слѣдуетъ производить уравненіе пчелы не тѣми способами, какъ въ первый или второй періодъ состоянія пасѣки, о которыхъ я говорилъ прежде, т. е. прибавкою мухи изъ другихъ ульевъ или пересадкою пчелъ однихъ на мѣсто другихъ, что было бы очень медленно и крайне затруднительно, но всего лучше и удобнѣе дѣлать это *перестановкою* ульевъ слабыхъ на мѣсто сильныхъ, а сихъ послѣднихъ на мѣсто слабыхъ; причемъ изъ предосторожности побрать у слабыхъ ульевъ матокъ въ клѣточки. Этотъ способъ усиленія пчелъ почти исключительно долженъ быть употребляемъ въ этотъ періодъ, потому что пчелы, почувствовавъ хорошей взятокъ, не такъ бывають строги и враждебны къ пчеламъ другаго

семейства и легко ихъ къ себѣ принимаютъ, а эти легко привыкаютъ къ чужой маткѣ и не стараются ее уничтожить.

3. *Исправленіе безматковъ.* Въ этотъ періодъ, въ отношеніи благополучія пчелиныхъ семействъ, нужно неупустительно наблюдать все то, что было сказано прежде объ этомъ предметѣ.

4. *Посадка роевъ.* Не во всякой мѣстности роеніе пчелъ оканчивается до ярииннаго взятка; большею частію оно и въ это время продолжается, а въ иныхъ пастѣкахъ только начинается. Въ той мѣстности, гдѣ существуетъ большой промежутокъ между весеннимъ и ярииннымъ взяткомъ, при недостаткѣ кормоваго меду, даже лучше если пчела ронется незадолго до начала ярииннаго взятка: тогда не будетъ надобности долго кормить роевъ. Но такіе рои, а особливо выходящіе или отбираемые во время взятка, должны быть какъ можно сильнѣе, фунтовъ по шести мухи; если же они выходятъ маленькіе, то соединять ихъ вмѣстѣ по нѣскольку, помня правило, что одинъ сильный рой внесетъ гораздо больше меду, нежели два маленькіе, которые потомъ, по слабости, придется уничтожить оба. — Если вы по какимъ либо обстоятельствамъ, или по ошибкѣ, — что бываетъ очень часто, — не взяли прежде достаточнаго количества насильныхъ роевъ, а натуральныхъ вышло очень мало, да и теперь, несмотря на наступившій хорошій взяткъ, пчела ваша не думаетъ роняться, — что при хорошемъ взяткѣ большею частію и бываетъ, — я совѣтую, вмѣсто общепринятаго, въ такихъ случаяхъ, перегона или убіенія пчелъ, для полученія отъ нихъ дохода, прибѣгнуть къ способу описанному мною выше, т. е. взять, въ началѣ ярииннаго взятка, у сильныхъ неронившихся пчелъ, насильные рои, а изройковъ, по окончаніи взятка, обратить въ доходъ.

Въ среднѣмъ взяткѣ главное занятіе въ наснкѣ составляетъ *перегонъ пчелъ*. У тѣхъ пчеловодовъ, которые, для полученія отъ своей наснки меду, слѣдуютъ общепринятой методѣ перегоновъ, занятіе это имѣетъ самый варварскій характеръ: пчелъ жестоко мучать, въ надеждѣ получить отъ нихъ большой доходъ, но въ дѣйствительности получаютъ весьма немного и, въ большей части случаевъ, губятъ почти всѣхъ перегоняемыхъ пчелъ. При употребленіи описаннаго мною выше двойнаго способа перегона пчелъ, употребляемые при этомъ пчеловодомъ труды и причиняемое пчеламъ безпокойство останутся тѣ же, но рациональныя основанія способа дадутъ совершенно иной характеръ этому занятію и будутъ всегда причиною выгодныхъ для хозяина и благополучныхъ для пчелъ результатовъ. Какъ во время роенія,

такъ и во время перегоновъ, къ пасичнику прибавляются необходимыя рабочіе люди.

Въ концѣ взятка, кромѣ обыкновеннаго надзора за благополучіемъ пчелиныхъ семействъ и предохраненія пасики отъ нападенія пчелъ, почти не предстоитъ въ ней никакихъ особенныхъ занятій.

Время хорошаго роенія пріятно для пчеловода; онъ радуется каждодневному увеличенію своей пасики; но время хорошаго взятка еще пріятнѣе. Тутъ онъ видитъ удачу всѣхъ своихъ дѣйствій и осуществленіе всѣхъ своихъ надеждъ. Улыбъ его ежедневно болѣе и болѣе наполняются медомъ, онъ любитъся ими, а потомъ, когда набиваютъ бочки медомъ, получаетъ богатую награду за свои труды. Этотъ періодъ пчеловодства, самый пріятный во всякой пасикѣ, въ особенности восхитителенъ въ пасикѣ состоящей изъ липнечныхъ ульевъ, гдѣ, раскрывши втулки, можете ежедневно видѣть возрастающую прибыль меда и восхищаться различными таинственными работами пчелъ.

Я. Костенецкій.

О ПРЕДАНИЯХЪ ВЪ ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ЛѢТОПИСИ.

Лѣтописи были первыми письменными памятниками, въ которыхъ заговорила русская жизнь. Лѣтописи весьма рано являются, какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ Россіи, первоначально въ видѣ краткихъ замѣтокъ, впоследствии въ видѣ пространной повѣсти временныхъ лѣтъ. Древнѣйшая лѣтописная повѣсть составлена въ Южной Руси. Составъ древней лѣтописи разнообразенъ, и, чтобы объяснить соединеніе различныхъ частей въ одно цѣлое, необходимо рассмотреть самыя части, изъ которыхъ составлена лѣтопись, и указать связь ихъ съ другими произведеніями словесности. Внимательное рассмотрѣніе откроетъ степень вліянія трехъ элементовъ лѣтописи, какъ и вообще древней русской словесности, библейскаго, византійскаго и народнаго.

Библейское вліяніе на нашу древнюю лѣтопись не подлежитъ сомнѣнію; оно выразилось и въ цѣломъ и въ частностяхъ. Общее настроеніе лѣтописца, его взглядъ на событія, тонъ повѣствованія и даже отдѣльныя выраженія напоминаютъ библію. Независимо отъ книгъ собственно библейскихъ, изъ лѣтописи видно, что предкамъ нашимъ знакомы были сочиненія апокрифическія. Многія изъ этихъ сочиненій не лишены своего рода поэзіи; явленіямъ, установленнымъ природою и потому неизбежнымъ, дается въ апокрифахъ объясненіе, нечуждое поэтическаго колорита. Апокрифическое сказаніе о смерти Авеля изображаетъ впечатлѣніе, произведенное первою смертію на землѣ, на которой не имѣли еще понятія о гибели и разрушеніи: Адамъ и Ева были поражены новымъ для нихъ зрѣлищемъ трупа и не знали, что дѣлать съ нимъ, пока не прилетѣли птицы и не научили, какъ хоронить мертвыхъ. Въ лѣтописи говорится, что Адамъ и Ева плакали надъ убитымъ Авелемъ тридцать лѣтъ, и не сгнило тѣло его, и не умѣли похоронить его; и повелѣніемъ Божиимъ прилетѣло два птенца, — одинъ изъ нихъ умеръ, другой выкопалъ яму, положилъ въ

нее умершаго и похоронилъ его: увидѣвши это, Адамъ и Ева выкопали яму, вложили въ нее Авеля и погребли его съ плачемъ. По естественному порядку вещей, старшіе прежде младшихъ сходятъ въ могилу; измѣненіе этого порядка легенда приписываетъ событію, привлечшему небесную кару на виновнаго: отецъ Авраама, продолжаетъ лѣтописецъ, поклонился кумирамъ; Авраамъ, «пришедъ въ умъ» сказалъ отцу: ты обманывалъ людей, дѣлая кумиры изъ дерева, истинный же Богъ тотъ, который сотворилъ небо и землю. Взявши огонь, Авраамъ зажегъ храмину, гдѣ стояли идолы, а братъ его, ревностный идолопоклонникъ, хотѣлъ «вымчать» идоловъ и сгорѣлъ вмѣстѣ съ ними; такимъ образомъ, онъ умеръ прежде своего отца, и съ тѣхъ-то поръ начали дѣти умирать прежде родителей, а до смерти брата Авраамова, сыновья умирали послѣ отцовъ своихъ (1).

Поэтическій элементъ въ древней лѣтописи является въ ней съ одной стороны подъ вліяніемъ апокрифовъ и легендарной литературы Византіи, съ другой — подъ вліяніемъ русской жизни — вѣрованій и преданій, жившихъ въ русскомъ народѣ во времена древнихъ лѣтописцевъ. Хроникки византійскія, безспорно, имѣли вліяніе на нашу лѣтопись: оно обнаружилось преимущественно въ фактической части лѣтописи, то есть многія извѣстія и разсказы заимствованы нашими лѣтописцами изъ сочиненій византійскихъ писателей. Любопытно, что византійскія легенды, не ограничиваясь письменною словесностію, прошикали даже въ народъ. Такъ, въ хроникѣ Амартола и другихъ, при повѣствованіи о подвигахъ Александра Македонскаго, разсказывается о счастливой жизни *Врахмановъ*, которые «не знаютъ ни желѣза, ни золота, ни серебра, ни огня, ни четвероножныя, питаются овощами и сладкою водою. Женщины живутъ у нихъ на одной сторонѣ рѣки, текущей въ океанъ, а мужчины—на другой. Въ рѣкѣ обитаетъ страшный звѣрь, пожирающій вдругъ по цѣлому киту, и дѣлаетъ се неприступною. Только на сорокъ дней удаляется звѣрь изъ рѣки и удаляется для того, чтобы мужья могли перейти къ своимъ жещамъ. Страна Врахмановъ не многолюдна, но жители ея наслаждаются совершеннымъ счастіемъ, пребывая въ постоянной молитвѣ. Галлчане до сихъ поръ говорятъ: «постимо якъ Рахмане», «на Юра-Ивана, на рахманскій великдень» и въ Галиціи есть преданіе, что «далеко отсюда, за черными морями, живутъ люди Рахмане. Они

(1) Полное собраніе русскихъ лѣтописей, I, стр. 38 и 39.

счастливейшіе между людьми; сильно посятаея, только разъ въ году ѣдятъ мясо, на «великдень», а праздникъ «великдень Рахманскій» приходится тогда, когда скорлупа благословеннаго яйца отъ насъ до нихъ перешлыветъ по морю. *Рахмане* суть не что иное, какъ *Вра-хманы*, то есть *брамины*, съ которыми наши предки знакомы были изъ Александріи, или баснословной исторіи объ Александрѣ Македонскомъ (1). «Съ именемъ Александра Македонскаго, любимаго героя средневѣковой повѣсти, соединяется преданіе о чудномъ и страшномъ народѣ, въ которомъ предки наши видѣли то Половцевъ, то Татаръ. Объ этомъ народѣ ходили легенды и въ Западной Европѣ; на средневѣковыхъ картахъ обозначалась страна, гдѣ все ужаснѣе, нежели можно себѣ представить, гдѣ постоянно невыносимый холодъ, а люди до того жестоки, что ѣдятъ мясо человѣческое и пьютъ человѣческую кровь. Жители страны—потомки Каина. Они заключены въ своихъ предѣлахъ во время Александра Македонскаго; при немъ было землетрясеніе и, вмѣсто прежнихъ равнинъ, явились горы, заключившія на вѣки отверженный народъ (2). Русскій лѣтописецъ, говоря объ ужасномъ народѣ (3), приводитъ свидѣтельство Меодія Патарскаго. Византійскій писатель, Меодій Патарскій рассказываетъ, что Александръ Македонскій видѣлъ въ такъ-называемой «Солнечной Странѣ» нечистое племя, которое ѣстъ всякую скверну: комаровъ, мухъ, змѣй, всякую пададь, даже трупы людскіе и выкидышей. Александръ, боясь, чтобы гнусное племя не напало на святую землю и не осквернило ее своими обычаями, собралъ всѣхъ ихъ, и женъ, и дѣтей, и весь родъ ихъ, и изгналъ ихъ съ востока на сѣверъ. И нѣтъ имъ выхода отъ востока до запада, потому что Богъ, по молитвѣ Александра Македонскаго, велѣлъ двумъ горамъ, называемымъ «сосцами борся», приблизиться другъ къ другу на двѣнадцать локтей и образовать мѣдныя ворота, они покрыты аснихитомъ,—составомъ, который не боится ни огня, ни желѣза. Только въ послѣдніе дни выйдутъ изъ странъ сѣверныхъ люди, заключенные Александромъ Македонскимъ (4).

(1) *Булгава*. Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. I, стр. 121. Въ сѣверныхъ уѣздахъ Черниговской губ., слово—рахманнѣи употребляется въ смыслѣ—кроткій, тихій, ласковый: рахманна дитѣна, рахманнѣи кишъ.

(2) *Santarem*: Essai sur l'histoire de la cosmographie et de la cartographie pendant le moyen-âge. II, p. 338.

(3) Полное собраніе русскихъ лѣтописей. I, стр. 99 и 189.

(4) Monumenta S. Petrum orthodoxographa. Basileae. 1369. стр. 94—95 и 104—105.

Съ сказаніемъ Меводія Патарекаго находится въ связи цѣлый рядъ сказаній о послѣднихъ дняхъ міра. Къ числу подобныхъ произведеній принадлежитъ и повѣсть о снахъ Мамера, ожидающая издателя и объяснителя. Передадимъ содержаніе этой повѣсти, имѣвшей большой интересъ для нашихъ предковъ. Въ нѣкоторомъ царствѣ жилъ царь Мамеръ. Онъ видѣлъ двѣнадцать страшныхъ сновъ и не находилъ человѣка, который могъ бы ихъ растолковать. Наконецъ нашелся мудрый мужъ, успокоившій встревоженного царя увѣреніемъ, что сны относятся не къ нему и ни къ его царству, а что все это сбудется въ послѣднія времена.

Первый сонъ. Отъ земли до неба золотой столбъ, а на столбѣ голубь; столбъ разрушился, голубь улетѣлъ въ небо, а на его мѣсто спустился воронъ, сталъ зобать золото; пришли звѣри дикіе, ехидны и змѣи.—Это значить, придутъ времена злыя и година лютая, отъ востока и до запада зла много исполнится, будетъ мятежъ по всей землѣ, не будетъ правды и мысли доброй, люди другъ другу будутъ враги и прольется кровь человѣческая; отецъ возстанетъ на сына, судья на судью и сосѣдъ на сосѣда. И не будетъ добра въ людяхъ: языкомъ будутъ говорить добро, а на сердцѣ мыслить злое. Сама природа измѣнитъ обычай свой: лѣто и осень переступятъ въ зиму, зима впадетъ въ весну, среди лѣта будетъ зима, жестокіе морозы и студъ съ яростью. Люди захотятъ сѣять и не узнаютъ времени, много посеютъ и мало пожнутъ. Земля не дастъ плода ради лихомства человѣческаго. Вельможи будутъ крамольники, судьи несправедные, станутъ судить по корысти, богатаго оправдаютъ, бѣдняка обвинятъ. Не только судьи, — сама земля станетъ брать взятки (мзду): не дастъ плода, пока не удобрятъ ее навозомъ.

Второй сонъ. Съ небеси сырое брюховище виситъ, а съ земли псы лаютъ, а щенята брешутъ.—Это значить, когда придетъ то злое время, исчезнетъ родственная любовь и пріязнь. Къ живущимъ въ богатствѣ станутъ присеиваться и приносить дары ради гортаней своихъ. Любовь древнюю отъ своихъ и сродниковъ отлучать; начнутъ съ чужими людьми держать любовь, а родъ свой и прежнихъ друзей забудутъ.

Третій сонъ. Три котла висятъ надъ однимъ огнемъ: въ одномъ кипитъ вода, въ другомъ воскъ, въ третьемъ масло. Воскъ каплетъ въ масло, масло брызжетъ въ воскъ, а въ воду не попадаетъ ни одной брызги ни отъ масла, ни отъ воска.—Это значить, что въ

послѣднія времена бѣдники будутъ жить между богачами; богачи будутъ посѣщать другъ друга и угощать роскошными яствами. а убогаго и нищаго никто не призоветъ и не накормитъ.

Четвертый сонъ. Видѣлъ старую кобылу, а жеребята играютъ и лижутъ кобылу.—Это значить, матери приведутъ своихъ дочерей къ чужимъ мужьямъ, сестра сестру и сноха сноху будетъ подстрекать къ грѣху, и въ семь лѣтъ не найдется ни одной чистой дѣвушки.

Пятый сонъ. Щельница бережая лежитъ на гионщи, а въ чревѣ ея брешуть щенята.—Это значить, въ то злое время отцы станутъ учить дѣтей своихъ доброму разуму, а дѣти ихъ не послушаютъ, укорятъ отцовъ глупостью, скажутъ: вы старики, жили не смысля, а мы станемъ своими разумами умышлять.

Шестой сонъ. Видѣлъ страхъ великій и содрогнулся: видѣлъ множество верблюдовъ и дикихъ звѣрей, страшныхъ видомъ, двуглавыхъ и троеглавыхъ, иные хромаютъ, другіе скрежещутъ зубами, вертятъ хвостомъ, киваютъ головою, высовываютъ языкъ, скачутъ, вертятся. И стали рвать траву и деревья, рыть когтями землю и бросать на людей. Но сошелъ пламень огненный и истребилъ чудовищъ.—Дикіе звѣри значить лхонцы, двуглавые и треглавые—лжецы и клеветники, хромые—значить уклоняющіеся на злыя дѣла, скрежещутъ зубами—значить съѣдаютъ злыми дѣлами; вертятъ хвостомъ и киваютъ головою—лстецы говорятъ доброе, а думаютъ злое, сами себя губя; языкъ высовываютъ и скачутъ—какъ бѣсы вертятся люди; вырываютъ траву и деревья—искореняютъ добрыя мысли. Огонь-истребитель—гнѣвъ Господа, который, не терпя злобы, погубитъ злыхъ людей.

Седьмой сонъ. Іерои, впадающіе въ илѣ, кричатъ и не могутъ выгѣзти.—Это значить, что іерои нѣкоторые начнутъ жить нечисто; ради мзды и страха будутъ прощать грѣхи, не подвергая согрѣшившихъ эштинѣи.

Восьмой сонъ. Много людей проливаютъ молоко и потомъ собираютъ его.—Это значить, въ послѣднія времена люди станутъ давать милостыню убогимъ и потомъ захотятъ взять ее назадъ.

Девятый сонъ. Красивый конь ѣстъ траву двумя горлами: переднимъ и заднимъ.—Значить: князя и судьи, и старѣйшины начнутъ судить не по правдѣ, а для прибытка, и брать посулы и у правого и у виноватаго.

Десятый сонъ. По всей вселенной разсыпано много драгоценныхъ

камней, и пришли разсыпавшіе и ничего не могли найти. — Значить: нападет на богачей великій страхъ, они станутъ отдавать имѣніе свое друзьямъ и сосѣдямъ на сохраненіе, и въ скоромъ времени потребуютъ назадъ и не найдутъ того, что отдано имъ для сбереженія.

Одиннадцатый сонъ. Видѣлъ гору высокую и на ней камень самоцвѣтный, гора разсѣлась и камень погибъ. — Значить: одно правовѣрное царство отпадетъ отъ вѣры и раздѣлится на двѣ доли, и Божія правда не вспомнится въ то время.

Двадцатый сонъ. Скажи мнѣ, братъ философъ, послѣ всѣхъ бѣдъ какое будетъ окончаніе царствамъ и землямъ? Философъ отвѣчаетъ: въ прежнія лѣта, пророкъ Гедеонъ изгналъ въ пустыню восемь племенъ; они выйдутъ въ послѣдніе дни (ср. лѣтоп. «еда иѣче Гедеонъ, восемь ихъ бѣжа въ пустыню... по слухъ восьми колѣнъ къ кончинѣ вѣка изыдутъ заклепеніи Александромъ Македонскимъ»), и поплѣнятъ всю землю, и дойдутъ до Рима великаго, и будетъ сѣча злая. И пойдутъ предъ ними четыре язвы: пагуба, гибель, плѣнь и заустѣніе. Тогда мужья начнутъ одѣваться въ блудныя одежды и украшать себя подобно женамъ; у одной жены будетъ нѣсколько мужей; сынъ, отецъ, братъ будутъ мужьями одной и той же женщины... И предана будетъ земля Перская во тьму и въ гибель, Армения отъ меча погибнетъ, Ассирійская земля опустѣетъ, и владыки греческіе въ бѣгство и въ плѣненіе упадутъ. И не будетъ живущихъ въ Египтѣ, и въ Ассиріи, и въ поморіи, и въ восточныхъ странахъ, и въ другихъ; всѣ человѣки въ гибель и плѣнь будутъ расхищены, и грады многіе разорятся (1).

(1) Нѣкоторые ученые предполагаютъ связь сказанія о снахъ царя Мамера съ одною изъ повѣстей сборника, извѣстнаго подъ именемъ «Калила и Дамна» и распространеннаго у многихъ восточныхъ народовъ. Но содержаніе показываетъ, что между ними нѣтъ ни малѣйшаго сходства. Въ десятой книгѣ сборника говорится, что царь Биладъ (Biladh) видѣлъ восемь сновъ, которые брамины хотѣли растолковать въ свою пользу: увѣряли царя, что сны предвѣщаютъ бѣду, и отъ нея можно избавиться только казнью нѣкоторыхъ лицъ, закліялъ враговъ браминовъ. Царь отвергъ ихъ предложеніе, а болѣе добросовѣстный мудрецъ объявилъ, что сны означаютъ дары, которые Биладъ получитъ отъ другихъ царей, а именно: двѣ красныя рыбы, стоящія на хвостахъ своихъ—два короба съ перлами и драгоценностями; шіаи имъ четыре тысячи фунтовъ золота. Змѣя, вьющаяся на лѣвой ногѣ—мечъ изъ чистѣйшаго желѣза, которому нѣтъ подобнаго. Кровь, покрывающая тѣло—драгоценная пурпуровая одежда, свѣтящаяся въ темнотѣ. Царь стоитъ на бѣлой горѣ—звать, царь получитъ въ даръ бѣлаго слона, который быстрѣе лошади.

и т. п.

Мы привели сказаніе о снахъ Мамера по связи его съ сочиненіемъ Меоодія Патарскаго. Слово Меоодія «о царствѣ языкъ», то есть о послѣднихъ дняхъ міра, дѣйствовало на воображеніе нашихъ старинныхъ читателей, и, судя по числу списковъ и заимствованій изъ него, можно полагать, что оно было однимъ изъ любимыхъ предкамъ нашими произведеній въ мистическомъ родѣ.

Другаго рода преданія перешли въ лѣтописи изъ живыхъ источниковъ, изъ русской жизни, изъ сказаній современниковъ, изъ легендъ, жившихъ въ устахъ народа. Таковы преданія о сотвореніи человѣка, о добромъ и зломъ началѣ, о мудрости Ольги, о смерти Олега и т. п. Не вдаваясь въ предположенія, мы приведемъ несомнѣнное свидѣтельство лѣтописи — самыя преданія, составляющія ея народный элементъ, и укажемъ соотвѣтствующія имъ преданія, съ одной стороны—скандинавскія, съ другой—славянскія, и въ частности южнорусскія. Мы ограничимся на этотъ разъ указаніемъ слѣдствъ космогоническихъ понятій въ разсказѣ о волхвахъ и преданьями о мести Ольги и гибели Олега.

По понятіямъ, жившимъ въ народѣ, независимо отъ ученія, передаваемого людьми книжными, въ созданіи человѣка принимали участіе двѣ враждебныя одна другой силы—добрая и злая: отсюда проистекаетъ добро и зло въ жизни, и въ свойствахъ, и судьбѣ человѣка. Лѣтопись положительно свидѣтельствуетъ, что весь народъ—«людые вси»—обнаружилъ полное сочувствіе подобному разсказу о сотвореніи человѣка. Въ Эддѣ происхожденіе исполнновъ описывается только въ одной чертѣ сходно съ ученіемъ нашихъ волховъ, происхожденіе же обыкновенныхъ людей совершенно различно: Имеръ спалъ и вспотѣлъ, подъ лѣвою рукою у него произошли мужчина и женщина, ноги его произвели сына. Три Аса пришли на берегъ морской и нашли тамъ два дерева—ясень и яворъ; одинъ изъ Асовъ далъ имъ дыханіе и жизнь, другой духъ и чувствительность, третій—кровь, языкъ, слухъ и зрѣніе; такимъ образомъ сотворены первобытные мужчина и женщина, отъ которыхъ произошли всѣ люди (1).

Преданіе, до сихъ поръ слышанное въ народѣ, на югѣ и на сѣверѣ, основывается на вѣрѣ въ двѣ первобытныя силы, источники добра

(1) Разсужденіе о ересяхъ и расколахъ со времени Владимира до Іоанна Грознаго, соч. Руднева. 1838, стр. 18 и примѣч. 12.

и зла (1). Земля, говоритъ это преданіе, въ началѣ была покрыта водою. Богъ, залунавъ создать твердую землю (будтобы) послалъ діавола достать горсть земли со дна моря и велѣлъ сказать доставая: во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Діаволь взялъ въ руку земли, но не сказалъ ни слова, и затѣ, когда выплылъ, въ рукѣ его не было ничего. Онъ долженъ былъ вторично опуститься, сказалъ Божьи слова, но кусокъ земли утаилъ, спрятавши себѣ въ ротъ. Богъ посыпалъ землю, говоря: «расти и множись, земля», и изъ нея образовать три части свѣта. Въмѣстѣ съ тѣмъ начала расти земля и во рту у бѣса, причиняя ему ужаснѣйшую боль. Наконецъ Богъ разрѣшилъ бѣсовы уста: діаволь плюнулъ на всѣ стороны, и изъ выплюнутой изо рта земли явились болота, пустыни и безплодные мѣста. Сотворивъ тѣло человѣка изъ глины, Богъ положилъ его на землю, приставилъ къ нему стража, а самъ пошелъ принести душу. Завидуя прекрасному творенью Божью, дьяволь хотѣлъ разрушить его, но ни ласки, ни угрозы не дѣйствовали на приставленнаго стража. Діаволь подошелъ и оплевалъ тѣло человѣка; отсюда болѣзнь, страданія, грѣхи и преступленія. Воротившись, Богъ вложилъ душу, но не хотѣлъ передѣлывать тѣла, ибо увидѣлъ, что и страданія необходимы человѣку (2).

Приведенное преданіе извѣстно на сѣверѣ Россіи, у Псковичей;

(1) Приводимыя легенды о сотвореніи земли и человека, отзывающіяся еретичествомъ Манихейскимъ и Павликіанскимъ, — по своему сходству съ подобными легендами у другихъ народовъ, — показываютъ весьма древнее свое происхожденіе. Безъ-сомнѣнія, онѣ зашли съ Востока, гдѣ существовало нелюбое понятіе о равносилности двухъ, дѣйствующихъ въ міръ, началъ — добра и зла. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что Русскій православный народъ, подъ вліяніемъ святыхъ истинъ вѣтозавѣтнаго и новозавѣтнаго христіанскаго ученія, отнюдь не держится суемудреннаго, еретическаго вѣрванія въ два равносилныхъ начала: добра и зла. По его же (народа) представленію, просвѣтленному ученіемъ святой Библии, діаволь есть злой духъ, надъ гордынею котораго посягается и торжествуетъ всемогущество, мудрость и благодѣтельность Господня, разрушая всѣ козни сатанинскія. Познаніе народныхъ легендъ и ихъ нелюбостей интересно и важно для уразумѣнія тѣхъ путей, коими шелъ родъ человѣчскій, пока свѣтъ Божественнаго Откровенія не озарилъ всѣхъ язычниковъ. Съ этой только цѣлю мы и осмѣлились привести здѣсь вышеозначенныя легенды и надѣемся, что добрые и благонамѣренныя изыскатели старины, въ своихъ изслѣдованіяхъ, раскроютъ всю ихъ тѣсноту.

(2) Zeitschrift für deutsche mythologie und sittenkunde, begründet von J. W. Wolf. 4 band, 2 heft. 1838.

подобные же рассказы о сотвореніи міра и челоуѣка слышатся и на югѣ. Въ примѣръ можно привести слѣдующія *оповѣдки*:

«Ото, якъ задумавъ Господь сотворити свѣтъ, то ѱ говоритъ до найстаршаго ангела Сатанаила: «а що», каже, «архангеле мій, ходімъ творити свѣтъ». «Да ходимо, Боже» каже Сатанаилъ. Ото вони и пішли надъ море, а море таке темне-темне,—сказано—безодня. Ото Богъ и каже до Сатанаила: «бачешъ», каже, «оттую безодню?»—«Бачу, Боже».—«Идижъ», каже, «у тую безодню на самое дно, та дістань мені жменю піску. Та гляди», каже, «якъ будешъ брати, то скажи про себе: «беру тебе, земле, на имя Господне». — «Добре, Боже».—И впернувъ Сатанаилъ у самую безодню, надъ самий пісокъ, та ѱ зазлістно ему стало: «ні, каже, Боже, приточу я и свое имя нехайъ буде разомъ и твое и мое». И бере вінъ той пісокъ та ѱ каже: «беру тебе, земле, на имя Господне и свое». Сказавъ—сказавъ. Прійшлося виносити, а вода ему той пісокъ такъ и измивае. Той такъ затискае жменю, але де вже Бога ошукати! закилъ вигулькнувъ изъ моря, такъ того піску якъ не було: геть вода змила. «Не хитри, Сатанаиле», каже Господь: «иди знова та не приточуй свого имя!»! Іншовъ знову Сатанаилъ! знову примовляе: «беру тебе, земле, на имя Господне и свое», и знову піску не стало. Ажъ за третімъ разомъ сказавъ уже Сатанаилъ: «беру тебе, земле, на имя Господне». И ото уже несе та ѱ не стискае жмені, такъ и несе на долоні щобъ то вода змила. Але дарма: якъ набравъ повну руку, то такъ и вінісь до Бога. И узявъ Господь той пісокъ, ходить по морі та ѱ розсївае, а Сатанаилъ давай облизовати руку: «хочъ трохи», думае, «сховаю для себе, а потімъ, думае собі, и землю збудую». А Господь розсїявъ: «А що», каже, «Сатанаиле, нема більше піску?»—«А нема, Боже».—«Тотря благословити» каже Господь, та ѱ благословивъ землю на вси чотирі части, и якъ поблагословивъ, такъ тая земля и почала рости. Ото росте земля, а тая що у роті и собі росте; далі такъ розрослася, що ѱ губу росперае. Богъ и каже: «плюнь, Сатанаиле»; той зачавъ плювати та харкати; и де вінъ плювавъ, то тамъ виро- стали гори, а де харкавъ, то тамъ скали. Отъ черезъ що у насъ и земля нерівна. Воно ще кажуть, що ніби то ти скали та гори Богъ знае доки бъ росли, — а то Петро та Павло якъ за- кляли ихъ, то вони вже ѱ не ростуть. А ото вже Господь и каже- до Сатанаила: «теперъ», каже, «тільки бъ посвятити землю, але

нехай вона собі росте, а ми відпочиньмо». — «А добре, Боже», каже Сатаналъ. И лягли вони спочивати. Господь почивав, а Сатаналъ и думав, щоби землю забрати. И ото піднявъ его та й біжить до моря. Спершу на полудень біжить та й біжить, а моря нема; вдарився на північъ — и тамъ не видати. Побывався на вси чотирі часті світа — нігде нема моря... Бачить вінъ, що нічого не вдіє, несе Бога на то саме місце та й самъ коло нѣго лягає. Полежавъ трохи та й будить Бога: «вставай», каже, «Боже, землю святити». А Богъ ему й каже: «не журись, Сатанале, земля моя свячена: освятивъ я її сен ночи на всі чотирі боки». — Чоловіка, кажуть, выліпивъ Господь зъ глини и давъ ему зовсімъ свою святую по-стать...., и т. д. (1).

Не только въ созданіи челоуѣка и вселенной, но и въ происхожденіи всѣхъ условій жизни челоуѣка, всеі обстановки ея, природной и искусственной, участвовали двѣ силы: добро и зло, Богъ и дьяволъ, и борьба ихъ оканчивалась побѣдоу Бога и добра надъ зломъ и дьяволомъ. Дьяволъ—тьма, Богъ—свѣтъ, говорятъ южноруссы; дьяволъ научилъ людей строить дома, а Богъ прорубилъ въ нихъ окна:

«Хотівъ нечистий похвалитися передъ Богомъ своїмъ розумомъ да й построивъ людямъ хату. Збудовавъ зовсімъ якъ слідує,—а тоді ще хать робить люди не вміли. Тільки щожъ? сказано—нещета сила! усе поробивъ у хаті, тільки віконъ не тямивъ попрорубовать: отъ, на нічъ годитця, а на день—то й ні. Такъ Господь попрорубовавъ вікна; отъ и почали люде жить у хаті».

Весьма близкое, въ нѣкоторыхъ чертахъ, сходство съ сказаніями, живущими въ народѣ, представляютъ повѣсти, находящіяся въ различныхъ видахъ въ письменныхъ памятниклахъ нашей старинной словесности. Въ рукописяхъ встрѣчается «сказаніе, како сотвори Богъ Адама»—апокрифическое произведеніе слѣдующаго содержания:

Богъ создалъ челоуѣка изъ восьми частей: отъ земли тѣло, отъ камня кости, отъ моря кровь, отъ солнца очи, отъ облака мысли; отъ свѣта свѣтъ (?), отъ вѣтра дыханіе, отъ огня теплота. И оставилъ Богъ челоуѣка одного, положивъ его на землю, и пришелъ сатана и измазалъ лежащаго тиноу. Воротившись Богъ омылъ челоуѣка егоже слезами, приставилъ къ нему стража, а самъ пошелъ за душоу Адама въ горній Іерусалимъ. Во время его отсутствія, са-

(1) Слышано въ селѣ Хомутницяхъ, на Подолі, въ Винницкомъ повѣтѣ.

тана взялъ дерево, изранилъ имъ всего Адама и тѣмъ сотворилъ въ немъ семьдесятъ два недуга. По возвращеніи Бога, сатана оправдывался передъ нимъ тѣмъ, что чѣмъ болѣе недуговъ у человѣка, тѣмъ чаще призоветъ Бога на помощь. Богъ изгналъ дьявола, и онъ исчезъ, какъ тѣма печезаетъ предъ свѣтомъ. Ангеламъ же повелѣлъ взять *a* на востокъ, *d*—на западъ, *m*—на югъ, *v*—на сѣверъ, и далъ чело-вѣку душу живу.

Образованіе чело-вѣка изъ восьми частей напоминаетъ стихи о глубинной книгѣ. Подобныя же космогоническія понятія встрѣчаются и въ литературахъ западной Европы, преимущественно средне-вѣковыхъ. Въ числѣ рукописей знаменитой парижской бібліотеки есть хроники XV вѣка, начинающіяся такъ: Сотворивъ небо, землю и всѣ существа, Господь создалъ чело-вѣка изъ восьми силъ: первая—земля, вторая—море, третья—солнце, четвертая—облака небесныя, пятая—вѣтеръ, шестая — камни, седьмая — духъ святой, восьмая — красота вселенной.

Византийское происхожденіе нашего апокрифа всего очевиднѣе изъ того, что четыре буквы имени «Адамъ» принесены съ четырехъ странъ свѣта. Это объясняется названіемъ странъ свѣта на греческомъ языкѣ. Еще въ первые вѣка христіанства Греки замѣтили, придавая своему замѣчанію таинственный смыслъ, что имя *Адамъ* заключаетъ въ себѣ первыя буквы четырехъ странъ свѣта: *A*—*ἀνατολή* востокъ, *d*—*δύσις* западъ, *a*—*ἀρχτος*—сѣверъ, *m*—*μεσημβρια* югъ, полдень.

По мусульманскому преданію, также съ четырехъ краевъ свѣта принесли ангелы землю, изъ которой Богъ сотворилъ тѣло чело-вѣка; а для сердца и головы земля принесена изъ Мекки и Медины. Душа чело-вѣка сотворена за тысячу лѣтъ до тѣла, и когда Богъ велѣлъ ей войти въ тѣло, она не охотно покидала безконечныя, полныя свѣта, небесныя пространства; въ наказаніе Богъ сказалъ ей: какъ противъ воли своей ты вселяешься въ тѣло, такъ противъ воли своей ты и разлучишься съ нимъ (1). Другое преданіе говоритъ, что когда Богъ послалъ ангела принести земли для сотворенія чело-вѣка, ангелъ долго не хотѣлъ выносить ее со дна морскаго, потому что ему становилось больно, что будетъ на свѣтѣ такое несчастное созданіе, какъ чело-вѣкъ (2).

(1) *Biblische legende der muselmänner, aus arabischen quellen zusammengetragen, von Weil. 1845. стр. 12 и слѣд.*

(2) Г. Патриченко, приславшій въ редакцію «Основы» приведенную нами оповѣдку, замѣчаетъ: «ваша байка за початокъ земли подбна до байки

Народныя преданія въ лѣтописи относятся преимущественно къ двумъ лицамъ, княжившимъ на Руси, изъ которыхъ одно утвердило на югѣ столъ всей русской земли, а другое не покидало юга до самой своей смерти. Эти два лица—Олегъ и Ольга.

Личность Ольги возбуждала особенное сочувствіе, основанное во-первыхъ на томъ, что она дѣйствовала въ духѣ народа; по крайней мѣрѣ изъ лѣтописи видно, что она раздѣляла народныя антипатіи; во-вторыхъ на томъ, что ея предшественникъ уступалъ ей въ умѣньи ладить съ народомъ, а ея преемникъ былъ врагомъ вѣры, усвоенной послѣдующими поколѣніями. Княгиня, хитро наказавшая ненавистное Полянѣ племя Древлянъ, не могла не возбудить сочувствія въ Полянахъ. Она много выигрываетъ въ сравненіи съ личностію ея мужа, разорявшаго народъ и получившаго, за свои поступки, названіе волка въ овечьемъ стадѣ. Ольга приняла вѣру, впоследствии сдѣлавшуюся господствующею, и потому съ именемъ ея соединилось воспоминаніе о первой побѣдѣ новаго и лучшаго надъ старымъ и недобрымъ. Легенды о вводителехъ христіанства отягчаются мягкостью въ изображеніи своихъ героевъ, описывая ихъ кротость и терпѣніе въ борьбѣ съ невѣрными; принятіе Ольгою христіанства содѣйствовало тому, что въ сказаніяхъ она является въ болѣе мягкомъ свѣтѣ, нежели бы можно ожидать, судя по жестокой мести древлянамъ. Мать, любящая оскорбляющаго ея сына, разумная и честная вдова и, притомъ, христіанка, имѣла для воображенія христіанскаго потомства болѣе привлекательности, нежели сынъ ея Святославъ, оскорблявшій мать, не смотря на любовь ея къ нему, торговавшій людьми, ѣвшій конское мясо и глумившійся надъ святою вѣрою. Честное вдовство высоко цѣнилось «лучшими людьми» древней Руси, какъ можно судить и по письменнымъ памятникамъ и по произведеніямъ устной словесности. На второй бракъ смотрѣли невыгодно по вліянію его на судьбу дѣтей отъ перваго брака, и Ольгу славилъ книжникъ особенно за то, что она, оставшись съ малолѣтнимъ сыномъ, не вышла въ другой разъ замужъ, уподобясь «горлицѣ единомужней». «Честная вдова» — обычное выраженіе и одинъ изъ любимыхъ типовъ нашей народной поэзіи. «Многоразуміе» честной вдовы обыкновенно обу-

турецкой за початокъ чоловіка. Турки кажуть, що якъ Господь захтівъ сотворити чоловіка, то пославъ підъ воду за землею архангела Уріла, и архангелъ два рази не хотівъ виносити землі, бо ёму було жалко, що буде на світі таке несчасне творіння якъ чоловікъ».

здываетъ буйные порывы сына: въ этомъ отношеніи, преданіе объ Ольгѣ и сыгъ ея, Святославъ, напоминаетъ отчасти былины о Васильѣ Буслаевѣ и его «желанной матушкѣ, честной вдовѣ Мамельѣ Тимошеевнѣ». Святославъ не внималъ разумному голосу матери, издѣвался надъ ея единовѣрцами и «творилъ норovy поганскіе»; но, несмотря на то, не оставлялъ матери до ея смерти, пребывалъ съ нею въ любви и плакалъ надъ ея могилою. Также смѣсь, хотя и въ болѣе яркихъ чертахъ, буйной дерзости и покорной любви къ разумной и честной матери-вдовѣ замѣчается и въ Васильѣ Буслаевѣ. Онъ обращается къ матери съ такими словами:

Ты старушка лукавая,
 Лукавая старушка толковая,
 Ежели бъ ты зашла впереди меня,
 То не спустилъ бы тебѣ государинѣ-матушкѣ,
 Убилъ бы замѣсто мужика новгородскаго.

Не слушаетъ онъ совѣтовъ матери, незваннымъ идетъ на почетной ширъ у князя новгородскаго, нарушаетъ благословеніе материнское и кушается нагимъ тѣломъ въ Иорданѣ-рѣкѣ. Не смотря на все это, къ матери-вдовѣ идутъ искать защиты отъ сына, когда «сталъ онъ шутить—пощучивать: за руку возьметъ—рука прочь; за ногу возьметъ—нога прочь; двухъ—трехъ вмѣстѣ столкнетъ—безъ души лежать»; просятъ мать уговорить его «хоть бы оставилъ народу на съмена». Недоступный ничимъ увѣщаньямъ, прогоняющій всѣхъ словами: «у насъ дѣло дѣется: головами играемся», Василій Буслаевъ склоняется на просьбу матери укротить свою силу великую, свое сердце богатырское, и говорить: «никого я не послухалъ бы, а послушалъ тебя, родну матушку» (1).

Честное вдовство Ольги обезоружило пресловутаго волокиту Цимисхія, который, видя ее «добру лицомъ и разумомъ украшенну и въ премудрости довольну», хотѣлъ уловить ее «гаданьми и ласканьми», но она осталась непоколебимою и на соблазнительныя рѣчи отвѣчала въ строгомъ, наставительномъ тонѣ. Легенда прославляетъ также цѣломудріе Ольги при первой встрѣчѣ ея съ женихомъ. Преданіе, записанное въ лѣтописяхъ позднѣйшей редакціи, говоритъ, что однажды молодой Игорь утѣшался ловитвами, и, замѣтивъ на той сторонѣ рѣки желанный ловъ, а на рѣкѣ пловца, призвалъ пловца

(1) Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ. 1861. часть I, стр. 333—336.

къ берегу и сѣлъ въ его лодку, чтобы переплыть на другой берегъ. Этотъ пловецъ была юная и прекрасная Ольга. Игорь разгорѣлся желаніемъ, и «очп лакомѣ некасаемыхъ касахуся». Она, смекнувши въ чемъ дѣло, пресѣкла бесѣду не юношескимъ, но старческимъ смысломъ. «Не думай, сказала она, что можешь одолѣть меня: я хотя и молода и простой обычаи имѣю, но все таки понимаю, что ты хочешь поругаться надо мною. Если отдаешься неправедной страсти, то какъ же ты возбранишь другимъ неправду? Если я соблазняю тебя, то пусть лучше приметъ меня глубина рѣчная». Игорь почувствовалъ къ ней такое уваженіе, что когда для выбора ему невѣсты собрали дѣвицъ изъ всего царства, онъ избралъ Ольгу, «мужественную и благообразную», говорившую ему «хитростные глаголы» (1).

Хитрость Ольги проявлялась не всегда въ такомъ кроткомъ, назидательномъ видѣ. Ольга «переключала» не только Игоря и Цимисхія, но и Древлянъ и ихъ пословъ. Разные роды мести Ольги Древлянамъ: сожженіе, смерть въ банѣ, пожаръ отъ птицъ, напоминаютъ скандинавскія саги, какъ напримѣръ Niala Saga, Styr Saga и другія.

Сага о Ніалѣ—одна изъ самыхъ замѣчательныхъ по разнообразію и обрисовкѣ характеровъ. Содержаніе ея слѣдующее. Впитязъ Гуннаръ женится на Гальгердѣ, первой красавицѣ въ Исландіи. На шпру возникаетъ споръ между ею и женою Ніала; Гальгерда, чтобы раздуть вражду, велитъ убить одного изъ слугъ Ніала; жена Ніала возбуждаетъ сыновей своихъ къ мщенію; но Гуннаръ и Ніалъ живутъ по прежнему въ дружбѣ. Жаждущая мести, злобная Гальгерда увлекаетъ кроткаго мужа и въ другіе споры, и дотога раздражаетъ его, что онъ даетъ ей пощечину. Дальнѣйшіе поступки ея таковы, что въ наказаніе за нихъ приговорили мужа къ изгнанію. Гуннаръ отправляется съ братомъ; но при выѣздѣ со двора, конь споткнулся и Гуннаръ рѣшается остаться, не смотря на всю опасность своего положенія. Враги окружаютъ домъ его, убиваютъ вѣрныхъ псовъ; Гуннаръ геройски защищается, но, вопреки совѣту матери, пускаетъ обратно стрѣлою вражею: враги, полагая, что запасъ истощенъ, ударили съ новою силою. Гуннаръ проситъ у жены нѣсколькихъ изъ ея длинныхъ волосъ для тетивы, какъ единственное средство, чтобы спасти его жизнь; Гальгерда отказывается, говоря: это тебѣ за пощечину. Гуннаръ палъ въ бою отъ изнеможенія. Скальды сложили въ память

(1) Книга степенная. 1778. часть I, стр. 7—9, 16—17.

его пѣсни, а сынъ Ніяла принялъ на себя мщеніе за его смерть. Также печальна была и судьба Ніяла. После долгихъ странствованій и приключеній Ніялъ погибъ жертвою родовой вражды и мести. Враги сыновей Ніяла окружили, чтобы ежечь его домъ: Ніялу предлагали выйти, но онъ сказалъ: «я уже старъ и не въ состояннн мстить за погнбшихъ сыновей, а въ безчестіи жить не хочу». На тоже предложеніе, жена Ніяла отвѣчала: «въ молодости я полюбила Ніяла и обѣщала не разлучаться съ нимъ до смерти». Внуку сказалъ, что ему лучше умереть, нежели пережить Ніяла и его жену. Старикн опустились на ложе, положили между собою внука и погнбли въ пламени.

Сага о Стирѣ—конца X и начала XI столѣтій. Вотъ въ иѣсколькихъ словахъ ея содержаніе. Въ правленіе Гакона Ярла исландскій старшина былъ въ Норвегіи для покупки строеваго лѣса. Ярль предложилъ ему выбрать себѣ что—либо изъ его драгоценностей. Исландецъ попросилъ у него двухъ берсерковъ, неистовыхъ въ бою потомковъ восьмирукана великана. Види невозможность укротить ихъ, Исландецъ подарилъ ихъ брату своему Стиру. Одинъ изъ берсерковъ влюбился въ дочь Стира. Стиръ обѣщаль ея выдать, если онъ съ братомъ проложатъ дорогу чрезъ неприступную пропасть. Берсерки работали странно, до изступленія: низвергали въ бездну огромные камни, и въ двадцать четыре часа дорога была готова. Между тѣмъ, Стиръ выстроилъ въ землѣ баню изъ дерева съ отверстіемъ вверху, какъ строились вообще скандинавскія бани; предложили берсеркамъ, усталымъ отъ работы, идти въ баню, жарко натопиль ея и заперъ отверстие. Берсерки хотѣли спастись, одному удалось выскочить, но его убилъ Стиръ; другой сожженъ въ банѣ (1).

Послѣдняя мечь Древлннамъ состояла въ томъ, что Ольга потребовала съ каждаго двора по три воробья и по два голубя, велѣла привязать къ нимъ зажженный трутъ съ стрѣю и пустить въ городъ. О подобной хитрости говорятъ еще древніе, приписывая ея Аннибаллу. Титъ-Ливій (кн. XXII, гл. 16 и 17) разсказываетъ, что Аннибаллъ взялъ изъ добычи въ непріятельской землѣ около двухъ тысячъ быковъ и велѣлъ привязать къ рогамъ ихъ пучки хвороста и щепокъ. Съ наступленіемъ ночи быковъ погнали передъ войскомъ и

(1) Sagaenbibliothek des skandinavischen alterthums... von Müller, aus der dänischen handschrift übersetzt von Karl Lachmann. 1816. стр. 26—30; 37—44.

зажгли привязанный къ рогамъ хворостъ; близость огня, жаръ, а потомъ и боль, привели быковъ въ бѣшенство, они металсь изъ стороны въ сторону и зажигали кустарники. Видъ тысячи огней и быстрота ихъ движенія произвели въ римскомъ войскѣ ужасъ и недоумѣнїе. Совершенно сходно съ местью Ольги, скандинавскій витязь Гаральдъ, братъ Олава святаго, взявъ одинъ городъ въ Сицилиі. Сага говоритъ, что Гаральдъ велѣлъ ловить птицъ, имѣвшихъ гнѣзда въ стѣнахъ и прилетавшихъ въ городъ за пищею; къ пойманнымъ птицамъ велѣлъ привязать хворосту съ сѣрою и смолою, подложивъ пылающіе уголья. Выпущенныя птицы полетѣли въ гнѣзда, свитыя между стѣнами въ верхней части строеній, покрытыхъ соломою и тростникомъ. Герой саги, Гаральдъ, былъ женатъ на дочери Ярослава и обращается къ ней въ своихъ пѣсняхъ. «Мы видѣли»—говоритъ онъ въ пѣсни—«берега Сициліи, и, плавая на быстрыхъ корабляхъ, искали славы, чтобы заслужить любовь русской красавицы... Однажды, было насъ шестнадцать товарищей въ кораблѣ; зашумѣла буря, взволновалось море и грузный корабль наполнился водою—мы вычерпали ее и спаслись. Я надѣялся быть счастливымъ, но русская красавица меня презираетъ! Сражаюсь я храбро, сижу на конѣ твердо, плаваю легко, катаюсь по льду, мѣтко бросаю копьѣ, умѣю владѣть весломъ, но русская красавица меня презираетъ (1)!»

У славянскихъ народовъ не встрѣчается, сколько мнѣ извѣстно, преданія сходнаго съ хитростію Ольги и Гаральда, но имя Ольги находится между древними славянскими, и есть слѣды, что разсказы о вѣзтіи города посредствомъ голубей доходилъ и до западнаго славянства. Въ числѣ старочешскихъ собственныхъ именъ попадаетъ имя Ольги вмѣстѣ съ именами Ярослава, Ивана, Святослава, Владиміра. Между чешскими именами лицъ, жившихъ въ десятомъ, одиннадцатомъ, двѣнадцатомъ и отчасти тринадцатомъ вѣкѣ, встрѣчаются слѣдующія: Баба, Дѣва, Мила, *Ольга*, Слава, и т. д. (2). Въ хроникѣ

(1) Исторія Карамзина, II, примѣч. 41.—Исслѣдованія, замѣчанія и лекціи, Погодина. III, стр. 104, прим. 180.

(2) *Časopis českého museum. 1832, svazek první. Popis staročeských osobních a křesťných gmen od Palackého.—Dobrowsky, Geschichte der böhmischen sprache und älteren literatur. Prag. 1818. стр. 91—92; das necrologium des klostere Podlažic bei Chrast enthält eine sehr grosse menge von böhmischen namen derjenigen personen, die im 10—13 jahrhunderte bis etwa 1230 gelebet haben:.. Baba, Deva, Glupa, Leva, Mila, Olga, Slava, Strada, etc. Sp. Dějiny rzecz literatury czeskoslovenské, sepsal Szembera, 1859. I, стр. 88 и др.*

Далимила, начала XIV вѣка, въ томъ мѣстѣ, которое напоминаетъ мѣсть Ольги, имя лица и города не то, что въ нашей лѣтописи; вмѣсто Коростена—Кіевъ, вмѣсто Ольги—татары, подобно тому какъ въ нашихъ былинахъ смѣшиваются эпохи Владиміра и татаръ. Далимилъ говоритъ, что около тысяча двѣсти тридцать втораго года пришли Татары, раздѣлившись на три потока: одни взяли голубями Кіевъ на Руси, другіе—венгерскую землю, третьи—польскую:

... tateři vznidù,
i třmi prameny pojidu;
iako po svéi zemi jdiechù,
neb zpytáci ie vediechu.
v Rusiéch Kyieva dobychu... (1)

Въ рукописи XV вѣка послѣдніе два стиха читаются такъ:

nebo ge gich sspêherzi wodiechu;
gedny v Russech Kygova velikeho holuby dobychu.

Русскій Кіевъ называется *великимъ* въ отличіе отъ другаго, *малаго*, Кіева въ Моравіи.

Въ преданіи объ Ольгѣ замѣтно скандинавское вліяніе. Оно отразилось и въ другихъ мѣстахъ лѣтописи. Полагаютъ, что извѣстія о сѣверовостокѣ Европы, которымъ такъ удивляются ученые со времени Шлецера, заимствованы лѣтописцемъ изъ разсказовъ скандинавскихъ купцовъ и пиратовъ. Многія слова въ древней лѣтописи происходятъ отъ скандинавскихъ корней (2). Для точнаго рѣшенія, на основаніи лѣтописи, вопроса о скандинавскомъ и туземномъ, славянскомъ, элементѣ необходимо сравнить лѣтописныя преданія съ сагами скандинавскими и съ преданіями у народовъ славянскихъ, не подвергавшихся скандинавскому вліянію.

Къ числу замѣчательнѣйшихъ народныхъ преданій, сохранныхъ

(1) Dalimilova chronica Česká, od Váceslava Hanky. 1854, стр. 138.

(2) *Погодина*, изслѣдованія, замѣчанія и лекціи. Томъ III. Норманскій періодъ.—*Буслаева*, историческіе очерки русской народной словесности и искусства. Древне-сѣверная жизнь (I. 257—268) и др.—*Chronica Nestoris, textum russico-slovenicum*, edidit Miklosib. 1860 I. Миклошичъ считаетъ скандинавскими имена: Блудъ, Глѣбъ, замѣчая, что Блудъ встрѣчается между старочешскими именами, а мѣсто Глѣбовъ есть въ Галиціи; Люгъ, Диръ, Лыбедь—отъ lifandi, причастіе отъ lifa жить, vivens, viva; Прѣвичъ отъ fretg и славянскаго суффикса ичь; прозвище «волчій хвостъ»—славянскій переводъ скандинавскаго имени, и т. п.

лѣтописью, принадлежитъ разсказъ о смерти Олега, предсказанной волхвами, игравшими важную роль въ древней русской жизни, какъ показываютъ историческія свидѣтельства. Преданіе объ Олгѣ, и по мысли, и по подробностямъ, извѣстно и на югѣ, и на сѣверѣ Европы, и въ скандинавскомъ, и въ славянскомъ мѣрѣ; оно относится къ различнымъ лицамъ, какъ обыкновенно бываетъ въ произведеніяхъ народной словесности. Мысль преданія состоитъ въ томъ, что человѣку не избѣжать своей судьбы, и она постигаетъ именно тогда, когда человѣкъ думаетъ, что покончилъ съ нею навсегда и уже вполне безопасенъ. Эта мысль развивается во многихъ памятникахъ славянской народной словесности отъ пословицы до сказки. Возьмемъ примѣры у двухъ, во многихъ отношеніяхъ не сходныхъ между собою, славянскихъ племенъ—Поляковъ и Сербовъ.

Богатый панъ—гласитъ польская *клякса*—жилъ надъ Вислою. всѣ окна обращены были на рѣку и ни одно не выходило на другую сторону; дворъ заросъ травою; никто не рѣшался подойти къ страшному дому. Родился панъ подъ несчастною звѣздою: глаза у него были смертоносные, отъ взгляда его умирало все живущее, засыхала трава и увядали деревья; всюду за нимъ слѣдовали болѣзни и смерть. Одинъ отважный пловецъ причалилъ—было къ бѣлому двору, но разсерженный панъ взглянулъ на него, пловецъ упалъ замертво, заболѣлъ лютой болѣзнию и долго не могъ оправиться; разсказами своими, онъ еще болѣе запугалъ пловцовъ: плывя по Вислѣ, не смѣли взглянуть на бѣлый дворъ и тайно творили молитву. Единственнымъ спутникомъ пана былъ его старыи слуга; ему одному не вредили грозныя очи. Разъ, во время вьюги, панъ, отвыкшии отъ человеческого голоса, изумленъ былъ прѣздомъ семьи, спасавшейся отъ стаи волковъ. Сбѣжавшая съ дороги семья состояла изъ отца, матери и дочери. Панъ влюбился въ дочь; свадьба отпразднована великолѣпно, заросшая трава измята потѣжанами. Но потомъ опять опустѣлъ домъ, молодая жена лежала больная на богатомъ ложѣ, мужъ ухаживалъ за нею, отворачивая глаза. Истерзанныи страданіями жены, онъ рѣшился положить имъ предѣлъ—выколоть себѣ глаза. Раздалось два крика—новорожденного, впервые увидѣвшаго свѣтъ, и пана, видѣвшаго его въ послѣдній разъ: зловѣщіе глаза упали на—земь съ окровавленнымъ ножомъ. Вѣрныи слуга закопалъ ихъ въ саду. Все пережилось съ этой минуты: ворота растворены, окна пробиты на село и на гумно, пловцы пристають къ бѣлому двору, всѣ любятъся

прекрасной дѣвушкой, водящей слѣнаго отца. Между тѣмъ, слугѣ, зарывшему глаза въ землю, вздумалось посмотреть, что случилось съ ними, цѣлы ли они; онъ отрылъ ихъ; — они горѣли какъ свѣчки, и блескъ ихъ такъ поразилъ старика, что онъ узналъ и умеръ; въ первый и въ послѣдній разъ повредили старику грозныя очи! Отчего же прежде не вредили? Оттого, что панъ *любилъ* его и *сердце* отнимало губящую силу у глазъ, а теперь они лежали *одни* и набрались пушечей силы (¹).

Таже мысль о неизбѣжности рока, хотя съ другими подробностями, выражается въ сербскомъ преданіи о суженомъ днѣ—суфен дан. Сербы вѣрятъ, что каждому человеку суждено какою смертью умереть и отъ судьбы невозможно избѣжать; у нихъ есть пословица: «од суфена се не може утећи». Разсказываютъ, что у какого-то царя была дочь, которой вѣщунъ предсказалъ смерть отъ змѣи; чтобы спасти дочь отъ судьбы, царь сдѣлалъ для нея стеклянный домъ, въ который не могло даже заползти насекомое, и никуда не выпускалъ ея изъ дома. Но когда насталъ суженый день, она захотѣла винограду; слуги принесли большую кисть; въ виноградной кисти скрывалась змѣйка, и эта то змѣйка укусила царскую дочь, и она умерла, постигнутая суженымъ днемъ.

Другой разсказъ о суженомъ днѣ еще ближе къ нашей лѣтописи. Одной дѣвушкѣ вѣщунья предсказала смерть отъ волка, жившаго близъ села въ лѣсу. Дѣвушка отдана была замужъ въ другое село, и дорога къ нему шла черезъ лѣсъ. По сербскому обычаю, невѣсту провожали сваты верхомъ; во время поѣзда, на нее напалъ волкъ, но сваты убили его. Потомъ отецъ и мать, «отпшли у походе»; «походе» называется первое посѣщеніе новобрачной ея родными. Она должна бы въ свою очередь посѣтить ихъ, но, боясь волка, не выходила изъ села своего. Прошло девять лѣтъ; терпѣніе ея лопнуло; собрали столько же людей, сколько провожало ее въ первый разъ, и пошли черезъ лѣсъ. Волкъ напалъ на нее, и сопровождавшіе убили его. Она встала съ лошади, и съ досады ударила ногою въ голову убитаго волка: зубъ вошелъ въ ногу, нога распухла, и женщина, обреченная на смерть отъ волка, умерла (²).

Поразительное сходство, даже въ подробностяхъ, представляютъ два

(¹) Klechdy ludu polskiego i Rusi, zebrał Wojcicki. I, 53—72.

(²) Слышано въ Сербіи, въ Чаганскомъ округѣ, въ селѣ Дѣлосвицѣ.

преданія, скандинавское и сербское, изъ которыхъ одно находится въ исландской сагѣ объ Орварѣ Оддѣ, другое слышано мною въ глубинѣ Сербіи (¹).

«Вѣщуныя предсказала норвежскому герою Орвару Одду, что ему назначено рокомъ триста лѣтъ счастливой жизни, въ продолженіе которыхъ онъ наполнить своею славою отдаленнѣйшія страны; но по истеченіи срока погибнетъ отъ своего коня, цвѣтомъ пепельнаго и называющагося, отъ повислой гривы, Факсомъ. Орваръ Оддъ умертвилъ Факса и свергнувъ его въ глубокой ровъ, зарылъ его и сдѣлалъ надъ нимъ большую насыпь изъ камней и дерна. Спокойный за свою будущность, Орваръ Оддъ отправился въ далекія путешествія. Ровно черезъ триста лѣтъ воротился онъ въ отечество. Многія мѣста, покрытыя прежде зеленью, поблѣкли и высохли; высохло и болото, въ которое брошенъ былъ Факсъ, и не осталось никакого слѣда отъ могильной насыпи: лежала только голая и гнилая голова коня. И это голова Факса! сказалъ Орваръ Оддъ, ворочая ее копьемъ. Между тѣмъ ящерица вышла изъ конской головы, и уязвила Орвара Ода въ пятку, откуда смертельный ядъ разлился по всему тѣлу».

Сербское преданіе «о судьбинѣ» переноситъ мѣсто дѣйствія въ Турцію и, вмѣсто вохва, предсказаніе приписывается доктору:

«Одинъ султанъ очень любилъ лошадей. Онъ досталъ себѣ копя, котораго до того любилъ, что по цѣлымъ днямъ проводилъ подлѣ

(¹) Слышано въ Шабцѣ отъ уроженца села Беочина въ Фрушкой горѣ. Приводимъ самый подлинникъ:

«Бю е едан султан, турскій цар, кон е одведе радо имао конѣ. Добіе едног особитога хата, кога е тако волео, да е по вас дап у аару кол нѣга бавіо се, у него гледо и миловао га. Кад-кад тражили су га у ливани, па су га у аару нашли. Једанпут га доктор нѣгов опомене, да се он чува тога копя, јер ље тай конь, кога он тако любви, нѣму главе дољи. Султан се поплаши, и даде га у едну ливаду одвести с том заповести, да нико бригу о нѣму не води. Кад зимнѣ доба наступи, коњ цркне. Султанъ се обрадуе, кад е чуо, да е конь цркао, и рекне: љала пророку, сад нема више онога, од кога сам е страшио, да ље ми главе дољи. И 3—6 годяна нѣ у ливаду шшао. Једанпут му доље воля, да чини зѣљет. Сазове многе великаше, и ту иѣ е почастіо царскін. Кадсе захлади, ноље с гостима проходите се по ливади. Нанље на едну кость—коњску главу; па онда друштву рекне: ово е глава онога тога хата, кога сам я волео, него ништа на свету, и за кога ми е оваѣ той доктор казао, да ље ми той хат главе дољи. То рекши, гурне главу ногом, скочи гуя из главе, уеде султана у ногу, од кога уеда цар треѣи дан умре. И тако се испуни и пророчество доктора и непостижима судба.»

него, глядя на него и любуясь. Бывало, ищуть его въ севать, а паходятъ въ конюшни. Однажды докторъ сказалъ ему, что онъ умреть отъ своего любимца—коня. Султанъ испугался и велѣлъ отвести коня на лугъ и оставить его безъ всякаго присмотра. По осени конь вздохъ. Узнавши объ этомъ, султанъ очень обрадовался: хвала про-року, сказалъ онъ, нѣтъ уже больше того, отъ кого я ожидалъ смерти. Пять—шесть лѣтъ царь не ходилъ по лугу. Но вдругъ взду-малось ему устроить пиръ; онъ созвалъ вельможъ, угостилъ ихъ по царски, а когда стало прохладнѣе, пошелъ съ гостями гулять по лу-гу. Во время прогулки попалась ему подъ ноги лошадиная голова; обращаясь къ спутникамъ, онъ сказалъ: вотъ тотъ конь, отъ кото-раго докторъ пророчилъ мнѣ смерть. Говоря это, султанъ толкнулъ ногою конскую голову, изъ нея выскочила змѣя и уязвила его въ ногу; отъ этой язвы султанъ умеръ на третій день. Такимъ обра-зомъ, исполнилось и пророчество, и непостижимая судьба».

Преданіе о смерти Олега находится въ одинаковомъ видѣ, въ различныхъ редакціяхъ лѣтописи, согласно съ ея древнѣйшимъ спис-комъ (1). Оно считалось достопамятнымъ событіемъ лѣтописцами, прибавлявшими объясненіе для доказательства, что предсказанія вол-хвовъ сбываются. Даже въ тѣхъ редакціяхъ, въ которыхъ извѣстія о первыхъ вѣкахъ состоятъ изъ краткихъ замѣтокъ, лѣтописцы не забываютъ отмѣтить: «умре Олегъ, а смерть ему отъ коня своего, и выйде изъ лба змѣя, и уязви его въ ногу, и умре». Иногда раз-сказъ сопровождается выводомъ въ родѣ слѣдующаго: да научится каждый, что судьбѣ противиться нельзя и суда Божія никому не из-бѣжать...

М. Сухомлиновъ.

(1) Полное собраніе русскихъ лѣтописей. I, 16; II, 240—241; IV, 174.

ОБЪ ЯРМАРКАХЪ.

(До сільськихъ парафіянъ).

...Неразъ буває, що якъ прийде недіаєнька святаа, а часомъ и празникъ, то буді де кого побачишь у церкві: кїдають усє, и службу Божу, та посніхомъ въ ярмарокъ те іде, те йдє. А ті ярмарки на нашу годину лиху найбільшъ принадають якъ не въ празникъ, то въ неділю. Чи-то жъ справді що кожного разу потрібно вамъ до міста? Чи-то разъ-у-разъ самому треба бути у місті, що бъ купити що, або продати? Чи тільки жъ и грїха тому, хто до ярмарківъ втащає. що одираєу святую втеряє? Чи може иншой и тамъ добра не придбає, до дому вернетца—и тутъ добра не знайде? — Всяково буває.—Ходімъ же та подивимось, якъ-то люди въ ярмарокъ збїраютца, якъ тамъ себє новожають и до дому вертаютца? Чи все-то по Божому въ їхъ робитца?.. Ні, всяково буває.

Вечоріє у суббѣту: потомїлиє люди на роботі и сонєчко вже на взаході. Отъ бѣвкнули до вечєрні въ дзвінъ; сполохиуєлиє люди на пивахъ, розигуєлиє, стали на церкву, здихнули до Бога, тричі перехристияєлиє, та й зновъ хто за косу, хто за сєрпъ, — рѣчки дїйти, снапї довязати. Благослови їхъ, Боже! то добріи люди, — вони Бога въ сєрці мають. Ще годинъ скїльки, зняєлиє усї, якъ водою змило, —въ село пішли. Передзвонили до вечєрні... авь церкві нікого немає: тільки такъ бабокъ изъ пята, що підъ дзвіницею сиділи, въ бабїнці стоять, та Богу молятца за діточокъ, за внуківъ. Дє жъ діти, дє внуки?.. На полі, підъ селомъ, у селі, поузь церкoveкъ идуть, перехристятца, и церкву мниають. — Ідє одправа: дітки ягїятокъ загаїають, жінки страву готують, а чоловіки вози

справляють — въ ярмарокъ їхать. — Може й справді ніколи до церкви... а ще жъ и ярмарку нема!

Стемпіло скрізь: дѣ — котрі й спать полягали, Богу помолв- шися. Пійдїть теперъ по седа: чого-то свїтитця въ дѣ-ляихъ хатахъ, чого люди гомонїть? То въ ярмарокъ збїраютьця. Тамъ батько зъ синомъ, мати зъ зятемъ, або чоловікъ зъ жінкою радятця, що бѣ-то купить, якъ би-то продать. Нема тутъ слова лихого, роз- мовляють вони любесенько, - тільки часомъ вздихне котрѣ легенько, та промовить тихенько: «якъ Богъ поможе достатьця завтра... на Бога надїя... коли бѣ то давъ Господь.» И згадаешъ тутъ, яку-то заповідь дає на сей случай Св. Апостоль Іаковъ: *«іще Господь восхощеть и живи будеть, сотворимъ сіє или оно»*, — такъ, каже, треба казати, якъ думашъ що зробиши. — Та не багато на свїті людей побожнихъ: тамъ діти змагаютьця за батьківське добро, одио продать хоче, другѣ зоставить, и лаютця на вмїръ въ почі проти недіаї и мѣртвахъ зъ гроба викидають; тамъ жінка вередѣе, очинка, хустки бажає; ось чоловікъ жінку бѣе, гроші видирає, що до церкви поминилася на молѣбнїхъ однести; їмѣ, бачъ, хочетця про- нить криваву копійку: зусвїмъ до ярмарку не треба. Тамъ въ без- верхїй хатї лихѣ доляю кленуть, що нїде грошею достати и нічого продати, а тутъ багатї влизжають зъ двору зъ рибою, та зъ сїзлю, а въ иншого мішкївъ новень вїзъ: ті Бога гнївлять, ці про Ёго ласку не згадають. Отъ ище въ одній хатї огонь погасає, вдова убогая сидїть на лавці, на дїточокъ поглядає, слѣзами вмиваетця, що хлїба й солї немає и пічмъ зодагнїутьця, и не знає, кудї бѣ повернїти въ такїй лихїй недолї багатї гордїють, а вбѣгїй—що поможе? — Нехай же и Богъ навчить, нехай утішить Бѣжа Мати! — Остання душа въ селї не спить: то мати сїна спїняє, щобъ не йшовъ за дурнїцею у місто, та попросивъ би сусїдївъ дѣ—що въ ярмарку скупить: «чи то жъ не грїхъ,» вона каже, «що такъ зневажаешъ ти неділю святїю?» — Служба Бѣжа по всѣмѣ свїту нїме, а ти будешъ лазить міжъ возами, та слухать даремнї слова, та свїрку, та лїфку. Вставъ би раєнько, лишовъ би до церкви, Богу помолвися бѣ; бачъ— я слаба, та и батька на свїті немає.» — Не слухає синъ, старѣ пеньку зневажає, недобре щось бурмоче, мабуть вїнь ласки відъ Бога и счастья не хоче. Ходїмъ відъ ёго,—за село, у поле: може щѣ дѣ-кого побачимъ.

Свїтить місяць надъ землею; по дорѣзі вози скриплять, нарѣдъ

гомонить, хто іде, хто йде, а де-які стали спочивать. Отъ чумаки въ бальці на нічъ ставши, повечеряли, та Бóгу щіро молятця; геть одъ шляху сліпці въ траві сидять: хто молитовку шепче, той *Лазаря* на лірі шіби твердить; и сі бачъ у ярмарокъ поспішають—хліба прохати.—Поможі імъ Бóже!—то душі приязні, не бачать вони нікого, ні зъ кого не сміютця, лихобі долі не кленуть, за люде́й Бóга все просять и Бóгу навчають молитись. Далёко у полі щось маячить: то убóгая вдова манівце́мъ шкандибае, останне́го півника у ярмарокъ несє, щобъ соли дрібчкнв скільки купити. Втомилась небога, впала на межу, кудакъ підъ голову підкла-ла, слєзо́ю на нічъ умілась и стала ніби бъ дрімать. Коло неї підъ копо́ю старчнкъ Бóжий спочивае, помолівшись Господеві за онуків недобрнхъ, що на старість зъ хати виганяють. Засну́въ и той, засну́ли всі, въ селі, и въ полі и въ місті. Бідному снитця, що вінъ багатимъ ставъ,—багáтому що грóші втеря́въ, худóбу покра́ли; иншому снитця, що хтось ё́го ошукáвъ,—другóму нічо́го не снитця,—мабу́ть не місливъ вінъ нічо́го лихóго, бо то вже ска́зано, що въ день кому на умі верзлосъ, те й во сні ввижа́етця.

Мину́ла пічъ, світать вже стало; стрепену́лись люди: инше перехристілось, дру́ге помолілось, инше жъ такъ чимъ-дужъ біжить до міста. Та не помóже Богъ томú, хто объ Ё́му не згадае. Ідуть и йдуть изъ ближніх и дальніх сілъ,—хто зъ вєчора знявся, хто въ рáнци прокинусь; а по сєламъ утрєню правлять,—нема́ нікого въ церкві. Отъ похóдились, повзїзділись у місто; мисьці займають, ставлять возі, розвязують, розставляють, що хто привісь, або привізь. Господи! скільки тутъ крику, скільки тутъ свáрки. Нехай би то перєкупки: ті не знать за́що заведутця; а тожъ люди, здаетця, пова́жні, та й ті свáртця: не на томú, каже, місті ставъ, та не такъ вóза поставивъ, або кóлесомъ зачепивъ. Чи єсть тутъ за́що змагáтця, та лихослóвить? Оттакъ неділю святую стрічають! Не бóде добра́ томú, хто диявола такъ рано згадавъ.

Отъ стали дзвонить и на девяту пісню; мóже люди схаменутця. И справді де-котрі перехристілись, а дру́гимъ не до тóго: що дальшъ, то більшъ парóду прибувае,—хóдять, обглядають, приціняютьця, торгують: ті добро́го правлять, дру́гі ненáче не чу́ють, товаромъ кєпкуютъ, та докоряють оди́нь дру́гого слóвами лихými. Чи то жъ христия́не, що Бóжого дня не шанують? Чи ма́ють вони Бóга въ сєрці? А чи давнó жиді справляли ша́басъ, та ні оди́нь

не вигляне въ місто, лавки позапірані, молятця Бóгу дома, чи въ школі. А якъ прийшла неділя, то тутъ-то саме й жида торгують. Якъ кажуть, то й правда, що безъ жида и ярмарку не буде. Нічого робити: ходімъ подивимось, якъ то християне въ свято торгують, що продають, и якъ купують.

Зійшло вже сонечко и людъ Бóжий пригріло, освітіло: не пригріло тільки душі скупого, та не освітіло чоловіка лукавого, що мислить все когось ошáхрать. Отъ багаті на возáхъ сидять, сімь продають, повиздили зъ своєю мірою, та вагою, обмірюють, обвішують, та дóрого правлять. Багáтому все здаётця máло. А відурить у ко́го копійку лишню, чи то жъ не все одно, що зъ кишéні въ ёго вкрати? Такъ ні; не вважають вони на Бóга, тільки на своє багáцтво. Прийшла жінка мизérна со́лі куповáти, та такъ багáтого прохае, щобъ шажокъ спустивъ, та хотъ дрібчо́къ прикинувъ: «сгляньтесь, «ка́же,» дядечку, на мене убогу: дітки малéнькі, грошей немае. Нехáй вамъ Богъ запла́тить!» Одверну́вся, ніби не чуе, та спéршу про себе ка́же: «Богъ запла́тить!» а потімъ до не́ї: «вибачáй не́бого; нехáй тобі Богъ помо́же...» Чи можна жъ такъ казати, чи можно Бóга цура́тця?—Замóвчала серде́шна, не ла́тця, не плаче й не про́сить; скриві́лась трóшки, завину́ла въ хусти́ночку, щó купила, та й пішла вздовжъ базáру. Оста́лось въ не́ї шажкíвъ зó два, такъ одного́ старце́ві отдала, а друго́го до це́ркви занесла́. Оттутъ прийшло́ мнi на па́м'ять, якъ-то Христосъ Спа́ситель, якъ ще живъ на землі, сто́явъ разъ коло хра́му Іерусали́мського и дивився, якъ лю́ди гро́ші ки́дали до карна́вки церкóвної. Лю́ди замóжні кла́ли багáто, одна жъ удови́ця тільки дві ле́пти ви́нула, а Христосъ уздрíвъ та й ка́же: «ся найбільшъ усі́хъ укíнула, бо що ма́ла—все Бóговi отдала.» — Такъ не багáто такихъ люде́й зна́йдемо и въ ярмарку, хочъ скі́льки тамъ наро́ду.—Отъ ще десь дво́е убо́гихъ змага́ютця за ці́ну: одiнъ овечку продае́, щобъ поду́шне оплати́ть, другий купуе́ для діточо́гъ малéнькихъ. Лі́хо змага́етця; тільки жъ чу́ю,—одiнъ ка́же: «спусти́, дядьку! нехáй тобі Богъ зъ ви́щого не́ба припошлè.» Замóвкъ серде́га, голову схилíвъ, тихе́нько промовляе́: «и то́ правда. Нехáй же мiні Господь запла́тить, коли въ тебе́ нічимъ!» Тамъ да́лі пашни́ю уся́ку продають: въ iншого́ ми́шечки малéнькі, не по́вні, а дóрого править и бóжитця, що по двá четверики́ вла́зить; въ дру́гого тільки зvéрху чiсте зерно́, а въ се́рдiнi зъ поло́вою на́мішане; у того́ боро́шно зúвсiмъ чо́рне, бо зъ ку́кілемъ та всá-

кою не чистью молбось, а вінг присягаєтця, що на млинні спалило, або въ копахъ змочило; той кавуні часомъ продає зелені, та такъ завіряє, що дуже спілі. Тамъ у тиковці тільки зверху олія, на споді жъ вода; тутъ масло коровляче ніби продає въ горщечку, а въ середині овече, або самійі смалець, та ще й поганий. И, Господи, скільки тутъ брехні, обману! а божятця, присягають: «бодай!» каже, «мнині добра не було! бодай я до дому не дійшовъ! Дай мнині Боже такъ по правді вікъ изжить и дітєй распорядить, якъ я по правді кажу». А на торговниці, де коней, та волівъ продають, скільки тамъ мөшєнства, неправди! У волівъ часомъ зубівъ нема,— каже: на брєзі зімовані; коняка зовсімъ падає,— нагайкою вдарить, вибрикує бідна; коли старá, то каже, що тільки сімъ роківъ, а якъ підорвана, то въ далєкїй дорозі була. И Бога не боятця и людєй не стидятця.

Поторгували доволі, ошахрали, когò и якъ можна було, продали, що мали, купили, що комú треба, та й стали розсодитця. Куди жъ? Може до цєркиви? Тамъ служба Божá пізнєнько правятця. Такъ ні; хутчїй до шиньку, щобъ наїстись, та напїтьця. Воно и то бъ нічого: підживитись трошки, та, подякувавши Бòгу, додому скорїше; коли жъ міри не знають,—не пьють, але впиваютьця, не наче справді то добре діло. И чогò вже въ тихъ шинькахъ не буває: подуріють люди розумні, співають, кричать, лихословлять, докоряють одинь другòго, згадають живихъ и помєршихъ, згадають усє, що коли робилось, чогò бъ и не треба згадувать; инші лаютця въ дѣшу и въ віру, а часомъ и бьютця, та ще якъ?—коліньми въ груди, та въ живіть. Господи! чи то жъ люди? Ні, такъ злєсімъ якъ звїрі,—ради бъ, здаєтця, одинь другòго ззісти, або вбїть,—поки то люди розборонить. Встануть розхрєстані; на людєй стїдно глянуть, а вони зновъ лаютця, та ще й нахваляютьця. А за вїщо? За пустїї рєчи. И нічого бъ того не було, колибъ не впивались. Инші жъ плачуть дурнички, абò обпмаютьця, та цілуютця, хто справді, а хто зъ пьянихъ очєй: одинь другòго не бачить, слїна кòтитця зъ рòта, ажъ гідко збоку дивїтьця. Що жъ дєлі? Дє-дє хто тверєзїй вихòдить, до дому йдє, чи ідє: той підъ лаву звалився, той на стїль спєрєя та хронє и часомъ жахаєтця и врагъ єго зна що блєє; той у двєрі не попадє, объ одвїрокъ лобожь бьєтця; инший підъ хáтою жидівською валяєтця, пси й свїні навіть обходять, и счáстя велике, якъ хто до вòза доберєтця:

на візъ злізе, на скотіну гукне, пішла піма скотіна... Вона не промовить, не осудить; такъ люди осудять, Господь покарає й на сімъ світі й на тімъ.

Поросхѣдились, порозїздились усі, геть по шляхамъ ростягнулись. Спотикаютьця піші, лежать піби мѣртва на возахъ: той грѣші згубивъ, того смага пече,—вінъ піти прѣсить и крізь сонъ жінку. та дітей лає, що піби воді їмъ не дають; той горшки потѣвкъ, вікна побивъ; у того скотіна зъ дороги збілася — візъ поламався. Де-котрі прохмілілись трѣхи, та й знѣвъ коло шиньківъ поставали — остатні грѣші пропивать. Засїдїлись хозїи надъ горілкою, та надъ пустою мѣвою; другї вилічують грѣші, співають, танцюють, а скотінка бідна стоїть голѣдна, пітки хѣче; нікому доглянуть, а вона бачъ—не скривитця, не заплаче й слова не промовить. Лішко тяжке, та не однімъ лѣдямъ, и скотїні за нїм! Коли бъ же то на томъ й кілець, що въ ярмарку, та по шляхамъ виробляють, а то додому вернутця,—ще гірше часомъ буває: іншій жінку лає, або й бѣе Богъ зна за вїщо, може за тѣ, що обідать зоставила; порозганяє, поперелякує дітей, що такъ довго тата виглядали, на тинь спинались, гостинчика чевали. А прокїнетця вночі, або вранці встѣне,—заспаний, закудланий, голова якъ не розвалитця, бчі чирвоїні — тільки не повилізять, и стїдно, и трѣситця, и мѣся не знайде, дѣ бъ то присїсти, кудї бъ повернѣтьця, и дѣбре, дѣже дѣбре, якъ не потягне знѣвъ до шиньку.

Оттакї-то ярмаркі вашї! Оттакъ-то ви шанѣте недїленьку святѣю! И одъ людеї смїхъ, и Господь карає, и самїмъ певірно! Алежъ то дївно, що самї люди лїхо рѣблять, а на бїса звертають: бїсѣ, кажуть, повидѣмувавъ ярмарки, та постановивъ по недїлямъ та по празникѣмъ. Ні, не бїсѣ, а грїшніи люди... бо за робѣтою гїрською справді ніколи вамъ въ бѣдденъ ярмаркувати. Та не було бъ зъ того лїха великого, якъ би то кѣжне зъ васъ тогдї тільки йшло въ ярмарокъ, якъ ужѣ доконѣчне трѣба и нікого попрохати, що бъ купивъ дѣ-що, або продавъ; не було бъ зъ того лїха, якъ би то кѣжне Бѣга въ сѣрці мѣло, та не обманувало, губѣю не клепаало, и купувало бъ и продавало по щїрїй правді; якъ би поторгувавши, котрїмъ ближче, ишли скорїше въ сѣло до слѣжби Бѣжої, а хтѣ здалѣка, що бъ у мїсті до цѣрквн пішовъ; не було бъ, кажѣ, зъ того лїха, якъ би по шинькамъ не тягались та не вшивались. Самї жъ ви кажете, що ніколи та го-

рілка до добра не доведє. Покайтеся жъ, якъ добрі люди и не робіть того ніколи. Тоді и Богъ васъ не оставить, и Мати Божя помілує, и всі святі на все добре до помічі вамъ стануть. — Амінъ (*).

(*) Оцю бесѣду зъ селянами привізъ намъ, зъ Кіівщини, нашъ славний Кобзарь-народолюбець, дуже її похваляючи. Вінъ розумівъ її образцємъ учительної розмови зъ нашимъ ширимъ людомъ. Для того, щобъ народъ послу́хавъ нашої науки, треба говорити зъ нимъ уміючи, треба промовити до его поэтичнѣго, чулого серця.—Сочинитель цієї бесѣди ясно зрозумівъ свою задачу, и ми не знаємъ нікого дрúгого, хто бъ учивъ народъ такъ гáрно, такъ прѣсто и образно,—по-нашому.

Високоповажний сочинитель не підписавъ свого ймення: тимъ и ми тутъ не підписуємо; а ради бъ усімъ его оповістити.—Жадаємъ серцемъ, щобъ вінъ вибравъ ще й інші рѣчи, зъ ширшою основою, для своєї народняї казаві.

УЧИЛИЩА, ОБРАЗОВАВШИЯСЯ НА ЮГѢ

ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ ВРЕМЯ (1).

Въ числѣ первыхъ, насущныхъ, потребностей общества стоитъ народное образованіе. Вопросъ о немъ поднять у насъ давно и уже получилъ право гражданства въ литературѣ и жизни, хотя и нельзя сказать, что необходимость образованія ясно сознаана всѣми или по крайней-мѣрѣ большинствомъ, и хотя невѣжество и злонамѣренность поднимаютъ иногда противъ него голосъ.

Нѣсколько лѣтъ уже наше общество думаетъ объ улучшеніи воспитанія женщинъ. До сихъ поръ у насъ преобладали закрытыя женскія школы и притомъ такъ-называемыя *благородныя*; школъ, какъ правительственныхъ, такъ и частныхъ, было крайне мало; двери ихъ, по дороговизнѣ въ нихъ воспитанія, были закрыты для небогатыхъ людей, которыхъ у насъ, какъ и вездѣ, большинство. Наконецъ, женщина наша воспитывалась далеко отъ семьи, въ замкнутомъ сословномъ кругу, отчего нерѣдко получала ложное понятіе о народѣ и о жизни съ ея вѣчнымъ трудомъ и борьбою. Всѣ эти неудобства привели къ мысли объ учрежденіи женскихъ школъ, во-первыхъ открытыхъ, во-вторыхъ недорогихъ, въ-третьихъ доступныхъ для дѣтей всѣхъ сословій. Такими школами явились женскія гимназій.

Кіевъ первый изъ украинскихъ городовъ открылъ у себя женскую гимназію.

Кіевская женская гимназія обязана своимъ существованіемъ пожертвованію бывшаго кіевского гражданского губернатора, *И. И. Фундуклея*, по имени котораго она и называется фундуклеевскою

(1) Въ предлагаемомъ сводѣ извѣстій о нашихъ училищахъ, неизбѣжно есть пропуски, и потому покорно просимъ всѣхъ, кто можетъ въ чемъ-либо дополнить или исправить эту статью, — сообщать намъ свои замѣчанія; мы не преминемъ ими воспользоваться.

женскою гимназією. Вначалѣ 1859 года, въ Кіевѣ уже поговаривали о женской гимназіи, но, какъ говоритъ *Кіевскій Телеграфъ* (1), «общество было совершенно равнодушно къ ея учрежденію. Еще купечество рѣшилось—было сдѣлать пожертвованіе, хотя и подъ условіемъ основанія гимназіи исключительно для дѣвицъ своего сословія. Оно было сдѣлано изъ опасенія, что, въ противномъ случаѣ, пожертвованіемъ воспользуются только *благородные*. *Благородные* же не показали *равно никакого участія*.» Такимъ образомъ участь проекта о гимназіи была самая плачевная... Для осуществленія этого проекта, «г. попечитель учебнаго округа *принужденъ былъ* обратиться за содѣйствіемъ къ г-ну генералъ-губернатору. Князь П. П. Васильчиковъ принялъ въ этомъ дѣлѣ самое живое участіе, вѣдствіе котораго и сдѣлано г-мъ Фундуклеемъ пожертвованіе (2).» Г. Фундуклей отдалъ для гимназіи каменный двухъэтажный домъ на кадетской улицѣ въ г. Кіевѣ и, кромѣ того, на содержаніе ея, въ продолженіе всего времени, пока она будетъ существовать, ассигновалъ 1200 руб. серебромъ въ годъ. Эту сумму онъ обезпечилъ своимъ имѣніемъ.—Въ концѣ августа, (или въ началѣ сентября) былъ полученъ указъ Правятельствующаго Сената по Высочайшему повелѣнію, объ открытіи въ Кіевѣ училища для приходящихъ дѣвицъ. Оно должно было именоваться Фундуклеевскимъ и состоять въ вѣдѣніи главнаго совѣта женскихъ учебныхъ заведеній, подъ покровительствомъ Государыни Императрицы. Почетное попечительство приевоено г. Фундуклею, а постоянное Кіевскому военному, Подольскому и Вольскому генералъ-губернатору, которому предоставлены все распоряженія по учрежденію училища. Главнѣйшія основанія, на которыхъ учреждено училище, слѣдующія: къ обученію въ училищѣ допускаются дѣти всехъ свободныхъ, безъ различія, состояній, отъ 9-ти до 13-ти лѣтъ: по уважительнымъ причинамъ могутъ быть принимаемы и 8-ми-лѣтнія, а равно и старѣе 13-ти лѣтъ. Полный курсъ ученія продолжается 6 лѣтъ: 7-й годъ образуетъ классъ пригготовительный, куда принимаются все неграмотныя. Курсъ ученія раздѣляется на два отдѣленія: *нижшее* и *высшее*, по три года въ каждомъ. Нижнее отдѣленіе образуетъ само — по — себѣ самостоятельный курсъ, «удовлетворяющій потребности образованія *нижняго* и *менше зажиточнаго* класса

(1) К. Телеграфъ № 5. Июль, 1859 года.

(2) Тамъ же.

жителей.» Предметы *обученія* дѣлятся въ обоихъ отдѣленіяхъ на обязательные и необязательные. Къ обязательнымъ относятся: молитвы, священная исторія, исторія церкви, катехизисъ, «*который долженъ быть не столько въпроученіемъ, сколько правоученіемъ*»; русская грамматика, исторія русской словесности, всеобщая и русская исторія, географія и, для высшаго отдѣленія, одинъ изъ новѣйшихъ языковъ; а къ необязательнымъ: языки, музыка, танцы и рисованье. Рукодѣліе—предметъ общій для обоихъ отдѣленій. Окончившимъ курсъ выдается аттестатъ:—отлично окончившимъ курсъ въ высшемъ отдѣленіи, съ правами изложенными въ §§ 134 и 135 устава женскихъ учебныхъ заведеній; воспитанницамъ низшаго отдѣленія — безъ означенныхъ правъ. Плата въ низшемъ отдѣленіи по 15 руб. ср. въ годъ, въ высшемъ по 30 р., за ученіе обязательнымъ предметамъ; за необязательные плата особая, очень умѣренная.

При самомъ открытіи, гимназія не встрѣтила большого сочувствія въ обществѣ г. Кіева: «много было невыгодныхъ толковъ относительно ея пользы, говорили, что никто не рѣшится отдать свое дитя въ *общее* заведеніе, куда доступенъ входъ и дочери *простаго ремесленника* и дочери *знатнаго сановника* (1); но потомъ, вѣроятно, убѣдясь въ пользѣ, приносимой *общимъ заведеніемъ*, гдѣ за дешевую плату можно получить то же образованіе, какъ и въ дорогихъ сословныхъ женскихъ пансіонахъ, большинство измѣнило мнѣніе и, въ іюлѣ 1860 года, предположено было открыть еще одно женское училище въ видѣ особаго отдѣленія Фундуклеевской гимназіи,» такъ какъ открытая женская гимназія, при всѣхъ своихъ удобствахъ для многихъ изъ жителей города, не могла однаково удовлетворять всѣхъ. Кіевъ слишкомъ разбросанъ, раздѣленъ горами и оврагами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, довольно великъ. Не для всѣхъ одинаково удобно посылать дѣтей, по большей части малолѣтнихъ, въ новую гимназію съ Подола и Печерска (2). Поэтому предположили открыть училище на Подолѣ, которое должно было, для сокращенія расходовъ, составлять, пока, часть существовавшей гимназіи, имѣть съ нею одно управленіе и называться, поэтому, «Подольскимъ Отдѣленіемъ при Фундуклеевской женской гимназіи.» Открытіе этого отдѣленія вызвано чисто потребностью общества, что доказываетъ пожертвованіе купечествомъ 25-ти

(1) К. Телеграфъ, 1860 г., № 77.

(2) К. Т. 1860 г., № 43.

тысячъ рублей серебромъ для этой цѣли. Открытіе послѣдовало 20-го января 1861-го года. Училище состоитъ изъ 3-хъ нормальныхъ классовъ и одного приготовительнаго; программа его та же, какая существуетъ для низшаго отдѣленія Фундуклеевской гимназіи; существованіе училища обезпечивается ежегоднымъ доходомъ съ пожертвованнаго капитала, что составляетъ не менѣе 1750 р. ср. Для полноты свѣдѣній о Фундуклеевской женской гимназіи, остается прибавить, что, несмотря на невыгодный для нея взглядъ большинства при ея открытіи, къ концу перваго (1860) года ея существованія, въ ней было 134 воспитанницы.

Въ томъ же 1859-мъ году, когда состоялся проектъ Кіевской женской гимназіи, — на дворянскихъ выборахъ Екатеринославской губерніи, — 21-го сентября принятъ былъ проектъ женской гимназіи въ г. Екатеринославѣ. Въ пожертвованіи приняли участіе преимущественно дворяне, которые ассигновали для этой цѣли 100 тысячъ рублей серебромъ, а г. Понятовскій пожертвовалъ особый домъ, для помѣщенія гимназіи. Пожертвованныя деньги положено было распределить такимъ образомъ: 20 тысячъ рублей употребить на устройство гимназіи, а остальные 80 тысячъ обратить въ неприкосновенный ея капиталъ, на проценты котораго содержать нѣсколько дѣвицъ дворянскаго званія. Въ этомъ дѣлѣ принимало участіе, какъ мы видимъ, само общество, безъ всякихъ приглашеній со стороны, слѣдовательно оно разумно сознало необходимость того, что дѣлало. Но было бы любопытно знать, въ какой степени приняли участіе въ этомъ дѣлѣ купечество и духовенство?

Въ то самое время, какъ въ Екатеринославѣ состоялся проектъ женской гимназіи, — на выборахъ Херсонскаго дворянства положено было стараться объ учрежденіи женскихъ училищъ въ городахъ Херсонской губерніи. Между прочимъ, эти выборы замѣчательны еще тѣмъ, что во время засѣданій дворянскаго собранія было обсуждаемо нѣсколько другихъ вопросовъ, касающихся образованія, такъ напримѣръ: объ ассигнованіи ежегодно 6000 руб. серебр. на усиленіе камеральнаго отдѣленія Одесскаго лицея; о предположеніи открыть въ г. Кременчугѣ гимназію и о мѣрахъ къ скорѣйшему началу постройки зданія для Херсонской губернской гимназіи...

Въ слѣдующемъ 1860 году, 21 августа — была открыта женская гимназія въ Харьковѣ. Для устройства гимназіи въ этомъ городѣ, было собрано до 15 тысячъ рублей серебромъ. Гимназія по-

мѣстилась въ домѣ купца Павлова, которому за насѣ помѣщенія платить 1000 р. ср.; учителя согласились давать уроки безъ платы,—а съ ученицъ положена плата отъ 25 до 50 р., смотря по числу предметовъ, которымъ онѣ обучаются.

26 августа, того же года, было открыто женское училище 1-го разряда въ Потавѣ; это училище обязано своимъ существованіемъ благороднымъ усиліямъ учителей гимназій и кадетскаго корпуса, которые, послѣ долгихъ хлопотъ, успѣли организовать силы для его поддержанія и сами взяли на себя безмездное преподаваніе въ продолженіи 7-ми лѣтъ. Безъ всякаго предварительнаго сбора — какъ это было при открытіи гимназій въ другихъ городахъ, — Полтавское женское училище поддерживается суммами, получаемыми за концерты, публичныя лекціи, спектакли и т. п.;—такъ въ пользу этого училища читали публичныя лекціи: въ декабрѣ 1860 года, Г. В. Котельниковъ,—въ январѣ 1861 года, К. В. Ковальскій и М. В. Кизимовскій,—всего сбора было 580 р.; кромѣ того, въ 1861 году, въ пользу училища поступили: сборъ за спектакли, устроенные А. М. Абазою—1554 р. серебромъ.; за лотерею 180 р., отъ г. Дмитріева—Свѣчина половинный сборъ за 2 концерта—30 р. и проч. Преподавателей въ Полтавскомъ женскомъ училищѣ 56, — изъ нихъ только двое получаютъ плату: учитель танцевъ и одна изъ учительницъ музыки; классныхъ дамъ при заведеніи 35; изъ нихъ три получаютъ плату по 150 р. ср. каждая. Плату съ воспитаницъ положено было взимать умѣренную: по 10 р. сер., и то съ *состоятельныхъ*. Училище было открыто въ августѣ 1860 года, а къ январю 1861 года — въ немъ было 190 воспитаницъ, число, сравнительно съ другими городами, напрямѣръ съ Харьковомъ,—гдѣ при открытіи училища было только 30 воспитаницъ, а черезъ мѣсяцъ 50 (*),—довольно значительное. Открытіе Полтавскаго училища, его существованіе при незначительныхъ средствахъ, значительное число воспитаницъ, большое число бесплатныхъ учителей показываютъ, что въ Полтавскомъ обществѣ есть сочувствіе къ дѣлу образованія (²).

Достойна особеннаго вниманія исторія женской школы въ г. Сумахъ (Харьк. губ.), о которой было первоначально сообщено въ Моск. Вѣдомостяхъ. Мы заимствуемъ разсказъ объ этомъ изъ «Современной Лѣтописи «Русскаго Вѣстник а». «Въ началѣ 1859 г., губерни-

(1) Кіевск. Телегр. 1860 г., № 67.

(²) См. статью объ этой гимназій, въ январьской книжкѣ *Осномы*.

ское начальство предложило думѣ города Сумъ, позаботиться объ учрежденіи въ Сумахъ женскаго училища, на что общество выразило полную готовность; приговоромъ своимъ оно опредѣлило вносить ежегодно, въ теченіи пяти лѣтъ, на содержаніе этого училища съ купеческихъ капиталовъ 1-й гильдіи по 15 р., 2-й по 10 р., 3-й по 3 р.; мѣщане и цеховые съ каждой ревизской души должны вносить первые по 7, а вторые по 5 к. Дворяне не приняли участія въ этомъ сборѣ, который составилъ однако же около 500 р. Кромѣ того, общество выбрало изъ среды своей почетнаго блюстителя, для предполагаемаго училища, который обязался жертвовать ежегодно, въ пособіе этому училищу, по 400 р. Независимо отъ этого, была составлена подписка для одновременныхъ пособій, по которой было собрано до 1000 р. Предполагая при этомъ плату съ учащихся отъ 10 до 15 р., общество изъ предварительно составленной смѣты увидѣло, что училище обезпечено по крайней мѣрѣ на пять лѣтъ, а потому просило думу утвердить составленный имъ приговоръ и разрѣшить открытіе въ Сумахъ женскаго общественаго училища на основаніяхъ, изложенныхъ въ представленномъ имъ проектѣ, котораго особенность состоитъ въ томъ, что хозяйственная часть подчинялась думѣ и, кромѣ того, нѣкоторые предметы положено проходить въ уменьшенномъ размѣрѣ противъ уѣздныхъ училищъ. При этомъ общество выразило желаніе имѣть начальницею училища указанное имъ лицо. Прошло полтора года, а дѣло не подвигалось впередъ, и городъ Сумы оставался безъ училища, на учрежденіе котораго готовъ былъ принести всѣ нужныя жертвы. Вдругъ, въ іюль 1860 г., предводитель дворянства получаетъ отъ губернскаго начальства предложеніе открыть попечительный совѣтъ женскаго училища, выбрать начальницу и приступить къ открытію самого училища. Это предложеніе не упоминало ни словомъ о проектѣ, который былъ составленъ обществомъ, тогда какъ общество выразило желаніе открыть училище только на основаніяхъ, изложенныхъ въ проектѣ. По положенію о женскихъ училищахъ, вышедшему уже послѣ начала этого дѣла, училищемъ управляетъ попечительный совѣтъ, въ которомъ въ числѣ членовъ состоитъ предводитель дворянства и два депутата отъ дворянъ. Но такъ-какъ дворяне не приняли участія въ содержаніи училища, а между тѣмъ должны участвовать въ управленіи его, то градской голова донесъ, что безъ согласія общества онъ не приступитъ къ открытію училища на новомъ основаніи, и просилъ дозволить ему вновь собрать общество для обуж-

денія сего дѣла. Полгода прошло въ ожиданіи этого дозволенія. Наконецъ, общество было собрано и отказалось передать свои пожертвованія въ распоряженіе лицъ, незахотѣвшихъ участвовать въ ихъ дѣлѣ. Такимъ образомъ учрежденіе сумскаго женскаго училища кончилось ничѣмъ, несмотря на полную готовность общества содѣйствовать ему словомъ и дѣломъ». Пусть читатель самъ судить, могутъ ли, такимъ образомъ, идти успѣшно общественныя дѣла.

Въ этотъ же періодъ времени было задумано открытіе училищъ для дѣвицъ духовнаго званія.

Изъ мѣстныхъ періодическихъ изданій мы узнаемъ только два факта объ открытіи училищъ этого рода. Въ «Кіевскомъ Телеграфѣ» 1860 года № 88, подъ рубрикою «мѣстныя извѣстія» читаемъ: «Мы слышали за достоверное, что въ Кіевѣ, въ непродолжительномъ времени, будетъ учреждено особое учебное заведеніе для воспитанія дѣвицъ духовнаго званія. Говорятъ, что теперь разсматривается духовнымъ вѣдомствомъ проектъ по этому предмету. Для новаго училища предполагаютъ употребить домъ на Кловѣ, въ которомъ помѣщалась прежде первая гимназія, и который, года три тому назадъ, сильно пострадалъ отъ бывшаго въ Липкахъ большаго пожара.» Далѣе, тамъ же: «мы готовы даже напередъ предсказать новому училищу полный успѣхъ, если только оно, соотвѣтственно духу времени, не будетъ вполнѣ закрытое, т. е. если будутъ допущены въ него приходящія ученицы. Этимъ могутъ быть хотя отчасти устранены тѣ недостатки, которые давно уже замѣчены въ заведеніяхъ закрытыхъ. До пріисканія удобнаго помѣщенія, собранныя ученицы, какъ говорятъ, *будутъ временно помѣщены въ Кіево-Фроловскомъ женскомъ монастырѣ* на Подолѣ.» Къ сожалѣнію, дальнѣйшая судьба этого училища неизвѣстна. Ужели до сихъ поръ продолжается разсмотрѣніе проекта?

По поводу открытія женскаго духовнаго училища при Лебедянскомъ монастырѣ, въ № 1—мъ журнала «Руководство для сельскихъ пастырей», за 1860 г., появилась статья, въ которой говорилось о необходимости завести подобное училище и въ Кіевѣ и между прочимъ былъ высказанъ взглядъ на воспитаніе женщинъ духовнаго званія,—взглядъ замѣчательно странный: авторъ находилъ, что для дѣвицъ духовнаго званія необходимо *особое* училище, на томъ основаніи, что въ свѣтскихъ пансіонахъ въ воспитаніе не входитъ мысль—приготовленія дѣвушекъ *на религіозное служеніе народу*, которое необходимо въ особенности для женщинъ духовнаго званія, въ воспитаніи ко-

торыхъ *церковная обрядность должна быть главнымъ*. На эту статью, въ № 54-мъ «Кіевск. Телеграфа» 1860 г., было помѣщено возраженіе подъ заглавіемъ: «Мысли сельскаго священника.» Возражатель, вполне соглашаясь съ мыслию о необходимости образованія для женщинъ духовнаго званія, справедливо утверждалъ, что открытіе подобныхъ сословныхъ училищъ рѣшительно не имѣетъ въ основаніи насущной потребности... «Развѣ,» спрашиваетъ авторъ возраженія, «по городамъ и мѣстечкамъ мало училищъ и пансіоновъ, гдѣ могутъ воспитываться и дочери священниковъ? Неужели всѣ эти училища учреждены и основаны на нихъ началахъ? Развѣ разныя училища могутъ и должны имѣть разныя начала своихъ основныхъ цѣлей? Развѣ всякая мать въ обществѣ христіанскомъ не одно и то же, что жена священника и мать его дѣтей? Развѣ дочь священника нужно воспитывать и образовывать только для того, чтобы она была женою священника?» Эти дѣльные мысли встрѣчены были въ томъ же «Руководствѣ для сельскихъ пастырей», въ свою очередь, возраженіемъ. Авторъ возраженія, священникъ Крамаренковъ, доказывалъ необходимость особыхъ женскихъ училищъ на томъ основаніи, что для купечества есть коммерческія училища, для будущихъ воиновъ—кадетскіе корпуса, для медиковъ—медицинскій факультетъ,.. Ergo—для дочерей священниковъ тоже что-нибудь особенное нужно... «Согласитесь,» говорятъ авторъ убѣдительно: «вѣдь нельзя же воспитывать всѣхъ *безъ различія званій* въ одномъ училищѣ».

Говоря объ учрежденіи обществомъ южнаго края женскихъ училищъ, нельзя не обратить вниманія на одно поразительное явленіе,—на разъединеніе сословій при осуществленіи этого важнаго дѣла, неоставшееся безъ вліянія на ходъ его. Дворяне, привыкшіе воспитывать своихъ дочерей въ благородныхъ пансіонахъ, показали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ непостижимое равнодушіе къ женскимъ гимназіямъ. Купечество, сочувствовавшее этому дѣлу, бралось за него медленно, разсуждая такъ: «мы и готовы жертвовать на учрежденіе женской гимназіи, но чтожь, если управленіе ея перейдетъ въ чужія руки? если люди, показавшіе полное равнодушіе къ этому дѣлу, станутъ первые пользоваться плодами его?» Нѣкоторые изъ духовныхъ серьёзно доказывали, что необходимо учредить *отдѣльныя* женскія школы для дѣвицъ духовнаго званія. Всѣ эти факты—грустныя послѣдствія вѣковаго раздѣленія сословій. Со времени рѣшительнаго, крутого поворота въ жизни Украинской (съ XVIII столѣтія), мало-по-малу

общественные интересы замѣнились интересами дворянскими, купеческими, мѣщанскими, духовнаго сословія. Каждое сословіе имѣло и имѣетъ свое особое управленіе. Отсюда происходитъ апатія нашего общества къ мѣстному устройству, безсиліе его предпріятій въ дѣлѣ улучшенія своего быта. Нельзя сказать, чтобы у насъ не было людей мыслящихъ и желающихъ быть полезными обществу; но до сихъ поръ наши силы раздроблены, парализованы отсутствіемъ общественнаго сознанія важности громадскаго дѣла. Всѣ преобразованія совершались правительственнымъ путемъ и, не находя крѣпкой почвы въ обществѣ, оставались почти безъ дѣйствія, на бумагѣ.

Переходимъ къ другому рода училищамъ,—воскреснымъ школамъ, которыя обязаны своимъ существованіемъ обществу. Воскресныя школы получили свое начало на югѣ, въ Украинѣ, быстро распространились и встрѣтили повсемѣстно горячее сочувствіе, какъ въ образованномъ обществѣ, такъ и въ массѣ народа.

Мысль объ этихъ, въ высшей степени полезныхъ для образованія, преимущественно ремесленнаго класса, школахъ возникла въ 1859 году въ Кіевѣ, въ средѣ университета св. Владиміра и принадлежала извѣстному профессору, благородному дѣятелю на поприщѣ народнаго образованія, Платону Васильевичу Павлову. Едва возникнувъ, она немедленно была приведена студентами въ исполненіе подъ руководствомъ профессора. Насколько въ этой мысли угадана народная потребность и насколько удачно она примѣнена къ жизни, доказывается сочувствіемъ тѣхъ, для кого школы были заведены. Значительное число являющихся въ школы по праздникамъ, послѣ тяжелаго недѣльнаго труда, говорятъ краснорѣчивѣе всевозможныхъ разсужденій о ихъ пользѣ и необходимости. Въ свою очередь, пожертвованія и постоянно значительное число желающихъ преподавать, говорить о степени симпатій къ школамъ образованнаго общества, преимущественно въ лицѣ своихъ молодыхъ представителей. И хотя, какъ увидимъ далѣе, при столкновеніи преподавателей воскресныхъ школъ съ нѣкоторыми лицами, случалось видѣть странные, уродливые факты, но они исчезали въ массѣ утѣшительныхъ явленій.

Первое извѣстіе о воскресныхъ школахъ встрѣчаемъ въ Кіев. Тел. 23 сентября 1859 года; въ отдѣлѣ «внутреннихъ извѣстій» напечатано: «Мы слышали, что въ Кіевѣ скоро будутъ учреждены, съ разрѣшенія начальства, воскресныя школы во всѣхъ частяхъ города, для мастеровыхъ мальчиковъ и вообще неграмотныхъ людей, неимѣ-

ющихъ времени, въ продолженіи недѣли, заняться чтеніемъ и письмомъ».

Въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года, 17 человекъ студентовъ университета и 1 студентъ духовной академіи получили разрѣшеніе отъ попечителя Кіевского Учебнаго Округа (г. Широкова) на открытіе первой воскресной школы, въ части города, называемой Подоломъ, въ дворянскомъ училищѣ. Школа была открыта 11 октября 1859 года; желавшіе поступить въ школу должны были предварительно записываться у штатнаго смотрителя дворянскаго училища, г. Слѣпушкина, или у профессора университета, г. Павлова, которымъ и былъ порученъ надзоръ за ходомъ преподаванія. Школа, сообразно знанію поступавшихъ въ нее, была раздѣлена на два класса, высшій и низшій. Низшій раздѣлялся въ свою очередь на два отдѣленія: въ первое поступали совершенно неграмотные, во второе—кояк—какъ разбиравшіе буквы и усвоившіе механизмъ чтенія; высшій классъ былъ назначенъ для тѣхъ, которые уже читали достаточно бѣгло.

Вслѣдъ за школою на Подолѣ, другимъ обществомъ студентовъ, 25 октября, была открыта новая воскресная школа въ части города называемой Новымъ-Строеніемъ, (гдѣ находится университетъ). Эта школа учреждена была на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и Подольская; надзоръ за ходомъ преподаванія въ ней былъ порученъ смотрителю, г. Проценку, вмѣстѣ съ профессоромъ г. Павловымъ. Такимъ образомъ, менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ, были открыты двѣ школы и притомъ съ самыми незначительными средствами. О ходѣ ученія въ этихъ двухъ школахъ, также о числѣ учащихся и средствахъ, которыми школы существовали въ первое время, мы узнаемъ изъ отчетовъ, которые печатались въ мѣстной газетѣ. Такъ изъ отчета за первое время существованія Кіево-Подольской воскресной школы (*), мы видимъ, что въ день ея открытія пришло учиться до 50 человекъ. Затѣмъ это число возрастало и доходило до 110 и болѣе. Но, какъ во всякомъ дѣлѣ, такъ и здѣсь, между людьми, истинно чувствовавшими потребность образованія, были и такіе, которыхъ занимала болѣе новость учрежденія. Вслѣдствіе этой и другихъ причинъ, лежащихъ внѣ школы, однѣ понемногу отставали,—зато школа наполнялась другими, такъ, что постоянный численный составъ учащихся подвергался незначительнымъ колебані-

(*) Кіевск., Тел. 1860 г. № 17.

ямъ. Послѣ сдѣланнаго строгаго пересмотра приѣмной тетради оказа-лось, что число записанныхъ и болѣе или менѣе постоянно посѣщающихъ школу доходить до 101 человѣка. Въ дѣйствительности же еженедѣльно бываетъ въ классахъ отъ 67 до 80 человѣкъ». Записанные въ приѣмную книгу ученики распределялись, по національности, слѣдующимъ образомъ: Малороссіянь 75; Великороссіянь 17; Поляковъ 3; Евреевъ 3 и Пѣмцевъ тоже 3. «Самое большее число, какъ слѣдовало ожидать, остается за жителями южно-русскихъ губерній. Слѣдовательно, элементъ мѣстный—главный въ школѣ. Что касается распредѣленія учениковъ по сословіямъ, то изъ 101 человѣка, 76 принадлежало ремесленному классу,—только 5 человѣкъ лакеевъ, а 20 человѣкъ болѣею частію дѣти, которыхъ занятія еще не опредѣлились. Изъ этого же отчета узнаемъ, что въ числѣ учащихся было 5 человѣкъ дворянъ, 5 купцовъ и 4 однодворца. Слѣдовательно, воскресныя школы могутъ быть полезны не для одного только *простаго* народа. Относительно возраста учащихся, изъ отчета видно, что «всего охотнѣе посѣщаютъ школу отъ 10—15 и отъ 16 до 20 лѣтъ (первыхъ 53, а вторыхъ 36), возрастъ, въ который непритупившаяся воспріимчивость особенно содѣйствуетъ успѣшному ходу обученія». «Всякая новая мѣра, всякое улучшеніе обсуживались предварительно въ педагогическомъ совѣтѣ, въ присутствіи штатнаго смотрителя дворянскаго училища, Слѣпушкина. «Учащіеся были снабжаемы въ школѣ всѣми необходимыми пособіями, т. е. книгами, бумагой, аспидными досками, перьями и т. п.» Средства существованія школы доставлялись пожертвованіями; «самымъ дѣятельнымъ участникомъ и ревностнымъ собирателемъ матеріальныхъ средствъ былъ г. Дехтеревъ. Пожертвованной суммы для всѣхъ трехъ школъ (въ то время, когда составлялся этотъ отчетъ, въ Кіевѣ было уже три школы, какъ увидимъ далѣе) было всего 230 руб. 55 коп. Изъ этой суммы издержано на учебныя пособія 136 руб. 78 к. и затѣмъ въ наличности осталось 93 р. 77 к. Само собою разумѣется, что эти средства не велики и что прочное существованіе школъ требуетъ и прочнаго фонда. Весьма важно въ этомъ отношеніи было бы дозволеніе публичной подписки въ пользу воскресныхъ школъ.» Выраженное въ этомъ отчетѣ желаніе исполнилось: въ № 51 «Кіевск. Телегр.» 10 іюля, было напечатано: «Для пріобрѣтенія необходимыхъ учебныхъ пособій, которыя должны быть безмездно раздаваемы учащимся, генераль-губернаторъ, князь П. И. Васильчиковъ, псходатайствовалъ разрѣ-

шеніе у министра внутр. дѣлъ на принятіе добровольныхъ пожертвованій, съ соблюденіемъ установленныхъ, въ ст. 298 и 299 Уст. Общ. Призр., условій. Пожертвованія принимаются деньгами и книгами, также періодическими изданіями. Кромѣ этого, въ пользу кievскихъ воскресныхъ школъ разрѣшено отпускатъ изъ доходовъ г. Кіева по 150 р. с. въ годъ; сумма небольшая, но постоянно обезпеченная.— Конечно, отъ общества надо ждать многого; къ сожалѣнію, мы не имѣемъ положительныхъ извѣстій, какъ воспользовалось оно разрѣшеніемъ дѣлать пожертвованія въ пользу школъ. Впрочемъ, пожертвованія книгами для Подольской школы были еще въ началѣ 1860 года, и въ февралѣ начала составляться, разумѣется очень небольшая, бібліотека.

Открытая, вслѣдъ за Подольскою, Ново-строенская школа тоже напечатала свой отчетъ, изъ котораго мы представимъ здѣсь небольшія извлеченія: «Въ день открытія школы поступило 34 человѣка. Количество это возрастало съ каждымъ днемъ, такъ—что въ началѣ марта 1860 года число записавшихся простиралось до 148. Цифра эта подвергалась безпрестаннымъ колебаніямъ. Число дѣйствительно посѣщающихъ школу не превышало 60.» Изъ таблицы, приложенной при отчетѣ Подольской школы, видно, что и въ этой школѣ преобладающее число осталось за Малороссамъ, которыхъ было 121 человѣкъ, между—тѣмъ какъ число учащихся другихъ національностей выражалось слѣдующими цифрами: Великороссовъ 21, Поляковъ 5 и Нѣмцевъ 1. Отличіе отъ Подольской школы, какъ говорится въ отчетѣ, состояло въ томъ, что тамъ преобладающее число мѣщанъ, а здѣсь—наоборотъ: количество крестьянъ почти въ два съ половиною раза больше количества мѣщанъ. Это объясняется, по словамъ отчета, тѣмъ, что Новое-Строеніе и ближайшая къ нему часть города—Крещатики имѣютъ наибольшее число мастерскихъ, въ которыхъ мастеравые—по большей части—крестьяне, отданные помѣщиками *въ выучку*; однимъ словомъ, это различіе имѣетъ чисто мѣстное значеніе. Результаты обученія въ обѣихъ школахъ были значительны; по обонмъ отчетамъ видно, что ученики въ нѣсколько уроковъ успѣвали усвоивать основательно то, что въ прочихъ, регламентированныхъ, школахъ обыкновенно плохо усваивается въ четверо—большій срокъ. Что значать—съ одной стороны—свободное желаніе учиться, а съ другой—нестѣсняемое, рабски и педантически выполняемыми программами, преподаваніе. Будемъ продолжать обзоръ открытія воскресныхъ школъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Въ концѣ того же 1859 года было предположено открыть женскую воскресную школу, такъ-какъ успѣхъ мужскихъ воскресныхъ школъ указалъ очень ясно на сильно сознаваемую простыми классами народа потребность учиться грамотѣ. Г-жа Нельговская и классныя дамы ея пансіона, «желая, по возможности, удовлетворить этому стремленію и принимая во вниманіе, что для дѣвочекъ еще вѣтъ никакого заведенія, гдѣ бы недостаточныя изъ нихъ могли получать образованіе ⁽¹⁾, рѣшились открыть, съ дозволенія начальства, воскресную женскую школу, на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ были открыты мужскія. Школа была открыта черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ была задумана, именно 31 января 1860 года и помѣстилась въ зданіи 2-ой гимназіи. Учебныя пособія для учащихъ положено было выдавать бесплатно.

Въ декабрѣ 1859 же года, по примѣру Кіева, были открыты разомъ четыре воскресныя школы въ Могилевѣ.

Начало 1860 г. было не слишкомъ благопріятно для воскресныхъ школъ, — по крайней мѣрѣ въ это время почти не было извѣстій объ ихъ открытіи; только въ началѣ мая была открыта воскресная школа въ Нѣжинѣ, въ которой изъявили желаніе преподавать студенты Нѣжинскаго лиція. О характерѣ, средствахъ этой школы и результатахъ ученія въ ней, мы ничего не можемъ сказать; знаемъ только, что она есть явленіе благотворной дѣятельности П. В. Павлова, который, проѣздомъ черезъ Нѣжинъ, подалъ молодымъ людямъ мысль—завести у себя такого рода школу. Около этого же времени, т. е. въ концѣ мая, учреждена воскресная школа въ Житомирѣ, открытію которой кажется плохо симпатизировало общество. Подобный фактъ можно объяснить только мѣстными причинами; впрочемъ въ немъ нашлись люди и сочувствующіе: такъ, г. Спиглазовъ пожертвовалъ сумму на покупку необходимыхъ книгъ.

Впродолженіи всего лѣта 1860 г. не было открыто ни одной воскресной школы. Затѣмъ, въ № 80 *Кіевскаго Телеграфа*, мы читаемъ: «Съ ноября мѣсяца, студенты Кіевской Духовной Академіи намѣрены открыть въ своихъ аудиторіяхъ бесплатную *будничную* школу. Точное распредѣленіе времени и программа занятій будутъ объявлены особо.» Но въ ноябрѣ мѣсяцѣ ни *точного распредѣленія времени*, ни программы занятій не было объявлено; поэтому мож-

(1) Кіевск. Тел. 1859 года № 52.

но заключить, что школа не была открыта. Нельзя не сожалеть, что такое полезное дѣло, какъ учрежденіе будничной школы, не состоялось. Думаемъ, что въ этомъ нельзя винить студентовъ академіи; вѣроятно, они встрѣтили дѣйствительное препятствіе.

Студенты университета св. Владимира продолжали и въ 1860 году свою дѣятельность по открытію воскресныхъ школъ. Они открыли, въ концѣ октября, школу въ части города, называемой Печерскомъ, и въ то же время предположили открыть еще школу на Новомъ-Строеніи. Кіевскіе гимназисты въ свою очередь тоже принесли посильную дань полезному дѣлу:—въ «Кіевск. Телегр.» 1860 г. № 86 отъ 10 ноября, помѣщено слѣдующее извѣстіе: «Въ первой Кіевской гимназіи уже около мѣсяца существуетъ воскресная школа, учрежденная по желанію гимназистовъ. Сначала, какъ говорятъ, былъ сдѣланъ опытъ надъ обученіемъ гимназической прислуги, а потомъ допущены и приходящіе извнѣ. Теперь уже приходящихъ бываетъ, говорятъ, человекъ до 60; впрочемъ, самая школа не открыта еще такъ—сказать офіціально, т. е. еще не сдѣлано о ней надлежащихъ объявленій». По поводу этой школы, въ той же газетѣ выражено слѣдующее мнѣніе: «Намъ кажется даже, что при всякомъ высшемъ и среднемъ учебномъ заведеніи непременно должна быть воскресная школа. Отъ этого выгода можетъ быть двоякая: и для учащихся и для учащихся.»

6 Ноября 1860 г. была открыта женская воскресная школа, — помѣстившаяся въ домѣ женской Фундуклеевской гимназіи. Открыли ее дамы. Эту школу предположено было открыть гораздо раньше и все уже было приготовлено, но учредительницы *не рѣшились* выступить въ роляхъ общественныхъ дѣятелей.... Въ это же самое время—тоже дамы, преимущественно изъ купеческаго сословія, задумали открыть женскую воскресную школу на Подолѣ—и то же отсутствіе *рѣшимости* долго мѣшало дѣлу.... Наконецъ школы были открыты.

Въ этомъ же году были открыты воскресныя школы въ Харьковѣ, но развитію ихъ, кажется, сначала что-то мѣшало; вообще о харьковскихъ воскресныхъ школахъ было мало писано. Между тѣмъ, отъ Харькова, университетскаго и торговаго города, можно, повидному, ожидать многого.

Въ Полтавской губерніи воскресныя школы были учреждены въ слѣдующихъ городахъ: въ Полтавѣ, — учащихся 169; въ Кременчугѣ—двѣ, мужская и женская, по 40 учащихся въ каждой; въ Пе-

реяславѣ—учащихся 116; въ Золотоношѣ,—гдѣ, по незначительности населенія учащихся, было только 13 и наконецъ—въ Лубнахъ. Какъ число учащихся, такъ и число самихъ школъ въ губерніи, подтверждаютъ наше мнѣніе о полтавскомъ обществѣ, высказанне по поводу открытія женской гимназіи въ г. Полтавѣ.

Прежде чѣмъ перейдемъ къ исторіи воскресныхъ школъ въ настоящемъ 1861 году, остановимся на одномъ важномъ фактѣ въ жизни воскресныхъ школъ,—именно на изданныхъ въ 1860 г. «Правилахъ для воскресныхъ школъ», которыми должны были руководствоваться учредители воскресныхъ школъ, и послѣдовавшемъ въ 1861 году циркулярѣ, подтверждавшемъ и объяснявшемъ эти правила.

Правила эти раздѣляются на три части: въ первой излагаются общія положенія для воскресныхъ школъ:

«Воскресныя школы, для первоначальнаго образованія въ народѣ, могутъ быть учреждаемы какъ по желанію сословій, изъявленному установленнымъ порядкомъ, такъ и частными лицами съ разрѣшенія начальства учебнаго округа, по сношенію съ мѣстнымъ губернскимъ начальствомъ. Воскресныя школы состоятъ въ вѣдѣніи директора училищъ и подъ непосредственнымъ надзоромъ штатныхъ смотрителей училищъ или другихъ лицъ учебнаго вѣдомства, назначаемыхъ начальствомъ округа. Часы для учебныхъ занятій опредѣляются по взаимному соглашенію между лицами, открывающими школу и директоромъ училищъ, съ наблюденіемъ притомъ, чтобы классныя занятія начинались послѣ поздней обѣды и вообще не мешали учениковъ возможности исполнять религіозныя обязанности и не вредили ихъ физическому развитію (§ 4). Въ воскресныя школы принимаются лица всѣхъ возрастовъ; но школы для мужчинъ должны быть помѣщаемы отдѣльно отъ школъ для дѣвицъ (§ 7).»

Во второй части правилъ—изложены основанія, которыми должны руководствоваться преподаватели, «По курсу и объему ученія, воскресныя школы относятся къ одному разряду съ приходскими училищами вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія (§ 8).» «(§ 9. Въ воскресныхъ школахъ преподаются: 1) Законъ Божій, 2) чтеніе и письмо на русскомъ языкѣ, 3) ариметика и 4) по мѣрѣ надобности, рисованіе и черченіе. § 10. Обученіе Закону Божию производится священно—служителями и, съ разрѣшенія епархіальнаго начальства, воспитанниками духовныхъ академій и семинарій. Учащимся должны быть объясняемы важнѣйшія молитвы, краткая священная

исторія, краткій катехизисъ, воскресныя евангелія, значеніе праздниковъ православной церкви и обрядовъ богослуженія. При преподаваніи Закона Божія, вниманіе законоучителя должно быть преимущественно обращено на объясненіе нравственнаго значенія излагаемыхъ фактовъ, на развитіе религіознаго чувства учащихся и смяченіе нравовъ. § 11. Чтеніе не слѣдуетъ ограничивать одними книгами гражданской печати; полезно знакомить учащихся и съ чтеніемъ рукописей, а учениковъ православнаго исповѣданія *и съ церковно-славянскою печатью*. § 12. Преподаваніе ариѳметики должно быть чисто практическое, развивающее соображеніе учащихся и заключающееся преимущественно въ рѣшеніи задачъ, взятыхъ изъ быта близкаго къ учащимся. § 13 Рисованіе и черченіе, по самому существу воскресныхъ школъ, должны быть преимущественно примѣнены къ ремесламъ. Относительно книгъ,—въ § 14 сказано, что въ воскресныхъ школахъ, должны употребляться только тѣ книги, которые признаны начальствомъ Округа полезными для приходскихъ училищъ.

Въ третьей части «Правилъ» говорится о средствахъ содержанія и о помѣщеніи училищъ. «Воскресныя школы содержатся или на счетъ общественныхъ суммъ, ассигнуемыхъ приговорами сословій, по установленію, или на счетъ частныхъ учредителей. Къ предметамъ содержанія относятся снабженіе учащихся учебными пособіями, отопленіе школъ и плата нижнимъ служителямъ. *Эти издержки ни въ какомъ случаѣ не должны падать на училищное вѣдомство*. (§ 16). Помѣщенія для воскресныхъ школъ могутъ быть отводимы бесплатно или въ зданіяхъ учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія, или въ казенныхъ зданіяхъ другихъ вѣдомствъ, съ разрѣшенія ихъ начальства. На помѣщеніе же воскресныхъ школъ въ зданіяхъ, принадлежащихъ военному вѣдомству, должно быть испрашиваемо Высочайшее соизволеніе Его Императорскаго Величества (§ 17).

Спустя нѣкоторое время послѣ изданія этихъ правилъ, начальство сочло нужнымъ объяснить ихъ точнѣе, дабы не могло быть никакихъ недоразумѣній и особенно «уклоненія столь полезныхъ для народнаго образованія заведеній отъ прямаго пути, указываемаго имъ самими ихъ назначеніемъ (1)». Для этого, въ 1861 году, былъ изданъ циркуляръ, въ которомъ пояснялось, что воскресныя школы должны служить *только пособіемъ приходскимъ училищамъ* и препору-

(1) Циркуляръ по управленію С.-Петербургскимъ Учебнымъ Округомъ.

чалось мѣстному начальству не упускать изъ виду такое ихъ назначеніе и заботливо слѣдить за тѣмъ, чтобы воскресныя школы не выступали изъ границъ опредѣленнаго имъ круга дѣйствій. Циркуляръ былъ изданъ потому, что изъ полученныхъ свѣдѣній министерство усмотрѣло, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ говорится въ циркулярѣ по управленію С.-Петербургскимъ учебнымъ округомъ, — усердіе учредителей или распорядителей школъ иногда увлекаетъ ихъ далѣе границъ, указанныхъ школамъ ихъ назначеніемъ. Такъ напримѣръ, въ Кіевѣ въ одной школѣ преподавалась исторія, а въ одной изъ Московскихъ школъ преподаватели занимались съ учениками французскимъ и нѣмецкимъ языками.

Новыя правила, поясняющія прежнія, были слѣдующія: 1) обученіе въ воскресныхъ школахъ ограничивается Закономъ Божиимъ, чтеніемъ и письмомъ на русскомъ языкѣ, первыми началами арифметики, рисованіемъ и линейнымъ черченіемъ, гдѣ потребуетъ мѣстная необходимость. *Преподаваніе предметовъ, не входившихъ въ программу обученія въ приходскихъ училищахъ, отнюдь не допускается въ воскресныхъ школахъ.* 2) При преподаваніи поименованныхъ выше предметовъ въ воскресныхъ школахъ употребляются тѣ учебныя руководства и пособія, которыя одобрены министерствомъ народнаго просвѣщенія или допущены къ употребленію въ начальныхъ училищахъ другихъ вѣдомствъ. 3) Особенное вниманіе должно быть обращено на то, чтобы учредители и распорядители воскресныхъ школъ *были люди вполне благонадежныя*; а потому, не ограничиваясь оффиціальною перепискою, директоры училищъ обязаны, въ случаѣ, если желающіе учредить школы лично имъ неизвѣстны, предварительно собирать объ нихъ точныя удостовѣренія и, затѣмъ, относительно допущенія ихъ къ открытію школъ или распоряженію въ нихъ, входить лично въ соглашеніе съ мѣстными гражданскими начальствами. 4) За ходомъ обученія въ воскресныхъ школахъ, должны, подъ главнымъ надзоромъ начальства Округа, имѣть постоянное наблюденіе штатные смотрители уѣздныхъ училищъ, директоры гимназій и другія лица, коимъ сіе будетъ отъ начальства поручено. 5) Въ случаѣ, если со стороны распорядителей или преподавателей замѣчены будутъ дѣйствія, несогласныя съ началами, указанными въ настоящемъ предложеніи, а тѣмъ болѣе направленіе, противное религіознымъ истинамъ, государственному управленію и правиламъ нравственности, таковыя неблагонадежныя преподаватели или распорядители должны быть немед-

ленно отстраняемы и недопускаемы затѣмъ къ обученію или распоряженію въ другихъ воскресныхъ школахъ. 6) Въ женскихъ воскресныхъ школахъ не должны быть допускаемы въ учредители и распорядители *молодые люди всякаго рода службы и званія*; но весьма желательно бы, чтобы таковыми были всегда лица женскаго пола.

О результатахъ, которые произошли отъ примѣненія этихъ правилъ къ руководству въ воскресныхъ школахъ, можно судить сравнивъ число преподавателей и учащихся въ школахъ — до и послѣ изданія правилъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ этихъ статистическихъ данныхъ. Изъ отчета Фундуклеевской воскресной школы въ Кіевѣ, который у насъ есть, мы ничего не можемъ заключить, потому что онъ составленъ только за первые два мѣсяца 1861 года; а позднѣйшихъ отчетовъ воскресныхъ школъ на югѣ мы не имѣемъ. Но о томъ, какого рода результаты могутъ принести эти правила въ примѣненіи къ воскреснымъ школамъ, вообще можно нѣсколько судить по «краткому отчету о Рогачевской воскресной школѣ за мартъ 1861 года (1)», въ которомъ читаемъ слѣдующее: «Всѣ вообще ученики, посѣщавшіе школу въ мартѣ мѣсяцѣ, были грамотны, и потому занимался больше письмомъ на русскомъ языкѣ и ариметикою; причемъ преподаватели вовсе не выходили изъ программы обученія въ приходскихъ училищахъ, строго придерживаясь правилъ для воскресныхъ школъ С.-Петербургскаго учебнаго округа и циркуляра по управленію того же округа. Несмотря на выгодное помѣщеніе въ домѣ, занимаемомъ уѣзднымъ училищемъ, достаточное число преподавателей, простирающееся до восьми, одинаковое всегда ихъ усердіе въ исполненіи своихъ обязанностей, надлежащую педагогическую обстановку и избытокъ даже средствъ къ успѣху обученія въ школѣ, все-таки *число учениковъ въ ней, въ последнее время, уменьшилось въ четыре раза*. Не мѣсто здѣсь говорить о причинѣ столь прискорбнаго для насъ явленія; остается только просить высшее начальство объ измѣненіи нѣкоторыхъ пунктовъ вышесказанныхъ правилъ, насколько это возможно, по мѣстнымъ причинамъ, особенно относительно часовъ обученія; потому что ученики наши, послѣ поздней обѣди, обыкновенно бываютъ заняты дома исполненіемъ разныхъ хозяйственныхъ надобностей, преимущественно же въ теплое время года; *да притомъ не довольствуются однимъ лишь чтеніемъ и письмомъ на русскомъ языкѣ, равно какъ первыми началами ариметики*.

(1) Могил. Губ. Вѣд. 1861 года.

Въ 1861 году, сочувствіе общества къ воскреснымъ школамъ не ослабѣвало, а напротивъ возрастало болѣе и болѣе, разумѣется—не всего, а у образованныхъ его представителей,—и школы продолжали открываться несмотря на нѣкоторыя неблагопріятныя обстоятельства; притомъ появились не одиѣ воскресныя но и будничныя безплатныя школы. Подобная школа была открыта въ г. Новомиргородѣ Херсонской губерніи. Изъ воскресныхъ была открыта школа въ Сергѣевѣ, Бессарабской области, существованіе которой, на весь настоящій годъ, обезпечил тамошній исправникъ г. Лазо; другая воскресная школа Бессарабской области, — женская, открытая въ Кишиневѣ, преобразилась въ постоянную женскую школу и, въ началѣ 1861 года, въ ней было уже 180 ученищъ.

Въ Черниговской губерніи были открыты школы въ гг. Черниговѣ и Новгородѣверскѣ; въ послѣдней, къ маю мѣсяцу, было 50 учениковъ; преподаваніемъ въ ней занимаются исключительно гимназисты подъ наблюденіемъ своихъ учителей. Въ этомъ же городѣ нѣсколько дамъ, — преимущественно жены учителей, — задумали открыть женскую воскресную школу въ самомъ скоромъ времени.

Оканчивая краткій отчетъ о воскресныхъ школахъ въ Украинѣ, мы видимъ, что онѣ, при значительной долѣ сочувствія образованныхъ членовъ общества, существовали довольно незначительными, по большей части, ничѣмъ необезпеченными, средствами. И въ настоящемъ году — также какъ и прежде, — онѣ поддерживались единственно пожертвованіями и сборами за благотворительные спектакли, концерты и т. п. Въ этомъ отношеніи, намъ кажется прекраснымъ предпріятіе студентовъ университета св. Владиміра, о которомъ помѣщено слѣдующее извѣстіе въ № 5 К. Т. 1861 года: «Студенты кіевскаго университета, заботясь о матеріальныхъ средствахъ воскресныхъ школъ, которымъ они положили начало, учредили музыкальные вечера по субботамъ (въ самое свободное время для всякаго). Эти вечера, имѣютъ два весьма важныя значенія: 1) крайне умѣренною цѣною за входъ, 25 — 50 коп. ср., — они доставляютъ возможность эстетическаго наслажденія людямъ, лишеннымъ возможности слушать дорогіе концерты, и 2) приобрѣтаютъ воскреснымъ школамъ существенное пособіе, безъ всякихъ вымогательныхъ мѣръ, въ родѣ раздачи билетовъ чрезъ полицію, — какъ это водится въ нѣкоторыхъ филантропическихъ обществахъ, неразборчивыхъ въ дѣлѣ способовъ благотворенія». Кроме того, въ началѣ года, въ Кіевѣ дано было лю-

бителями два спектакля въ пользу воскресныхъ школъ,—было собрано довольно, несмотря на то, что директоръ театра, *Борковскій* *взялъ съ воскресныхъ школъ за два представленія—600 руб. сребр.!* Вѣроятно кievскія воскресныя школы, на ряду съ именами благотворителей, не забудутъ и почтеннаго г. Борковского. Изъ отчета женской воскресной школы въ Кіевѣ при Фундуклеевской гимназій, — о которомъ мы говорили выше,—мы узнаемъ, что ея матеріальныя средства за 4 мѣсяца существованія (отъ Ноября 1860 по Мартъ 1861 г.) заключались въ 132 р. 85 к., которыя составились: изъ суммы ассигнованной кievской городской думой на воскресныя школы (15 р.); части общаго сбора пожертвованій (64 р.), изъ 25 рублей, пожертвованныхъ княгиней В. Голицыной, части изъ половинной суммы, собранной за спектакль, данный г-жею Нельговскою, и за концертъ п живыхъ картины, данныя кн. Васильчиковой въ пользу воскресныхъ школъ и студенческой лекторіи (28 р. 85 к.). На учебныя пособия было издержано 65 р. 40 к. Въ отчетѣ сказано, что оставшейся суммы достаточно для обезпеченія существованія школы *на годъ* и прибавлено: «Смѣемъ надѣяться, что и нравственное существованіе нашей школы будетъ поддерживаться, какъ преподавательницами, такъ и сочувствіемъ публики къ образованію народа. Желательно-бъ имѣть большее число преподавательницъ; къ сожалѣнію мы должны сказать, что *на многія приглашенія къ участію отвѣты получены отрицательные*». Чтобъ представить возможно-полную характеристику воскресныхъ школъ, дѣлаемъ изъ того же отчета слѣдующую, нѣсколько объясняющую причины непосѣщенія воскресныхъ школъ ремесленниками выписку: «Большая часть ученицъ живеть у своихъ родителей, есть нѣсколько горничныхъ; замѣчательно, что изъ магазиновъ дамскихъ, гдѣ живутъ цѣлыя десятки дѣвужекъ, ученицъ очень мало, всего — 4; притомъ послѣднія, какъ и горничныя, рѣдко посѣщаютъ школу, (несмотря на ихъ желаніе посѣщать постоянно), потому что онѣ *бываютъ заняты работой и въ праздничные дни*».

Нѣтъ сомнѣнія, что воскресныя школы въ городахъ, несмотря на неблагопріятныя обстоятельства,—найдя сочувствіе въ народѣ, на что можно рассчитывать, судя по тѣмъ даннымъ, которыя мы видѣли, принесутъ большую пользу и окажутъ ощутительное вліяніе на самый бытъ народа, просвѣтляя его взглядъ на жизнь и отношенія и приготавливая матеріалы для дальнѣйшаго развитія. Но они все-таки

существуютъ для меньшинства; вдали отъ городовъ, въ селахъ и деревняхъ, живетъ огромное большинство народа, называемаго многозначительно—*простыми*,—который не имѣетъ возможности получать образованія въ городахъ, какъ по недостатку средствъ, такъ, наконецъ, по самому характеру и роду своихъ занятій, требующихъ его постоянного присутствія дома. Слѣдовательно школы, въ которыхъ онъ можетъ получать образованіе, должны быть въ средѣ его, въ селахъ и деревняхъ. Для благосостоянія всего народа эти школы имѣютъ громадное значеніе,—понятое наконецъ всеми образованными народами, у которыхъ на эти школы обращено уже вниманіе. У насъ давно уже были открываемы школы въ селахъ государственныхъ крестьянъ. Но въ помѣщичьихъ имѣніяхъ подобныя школы открывались очень рѣдко; если и открывались, то были назначены для обученія преимущественно церковно-славянскому чтенію, письму, и молитвамъ,—вообще обученіе въ нихъ было скудное, результаты ничтожныя и народъ не имѣлъ къ нимъ, сочувствія. Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго состоянія, съ развитіемъ промышленности и торговли, надо ожидать, что взглядъ народа на школы и образованіе измѣнится и потребность обученія уяснится. Въ послѣдніе два — три года начали открываться сельскія школы во многихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ и, кажется, на нѣсколько иныхъ основаніяхъ, чѣмъ прежнія. Мы представимъ здѣсь краткій очеркъ сельскихъ школъ, открытыхъ въ послѣднее время, начиная съ конца 1859 года.

Въ декабрь 1859 года, Кіевской губерніи Радомысльскаго уѣзда въ Каменно-Бродской вотчинѣ, принадлежащей помѣщикамъ Спивцкимъ, была открыта школа для мальчиковъ. По этому поводу, редакція Кіевского Телеграфа получила слѣдующій актъ, за подписью владѣльцевъ и священника Радзівскаго: «Владѣльцы Каменно-Бродской вотчины, коллежскій совѣтникъ Владиміръ Ивановичъ и титулярный совѣтникъ Варфоломей Ивановичъ Спивцкіе, владѣя нѣсколько лѣтъ этою вотчиною, положительно убѣдились, что главнымъ, между прочимъ, зломъ худой нравственности крестьянъ и ихъ нерадія въ домашнемъ быту служитъ не только совершенное незнаніе ими грамоты, но даже необходимѣйшихъ всеневныхъ молитвъ и десяти заповѣдей, установленныхъ церковью. Въ видахъ постепеннаго искорененія вѣковыхъ между крестьянами предрасудковъ и направленія ихъ къ честному труду и доброй нравственности, владѣльцы учредили наконецъ первоначальное приходское училище, для обученія въ

немъ крестьянскихъ мальчиковъ, пригласивъ для этого мѣстнаго приходскаго священника. Предназначивъ такимъ образомъ, для открытія училища, 6 Декабря сего года, владѣльцы вотчины распорядились— сперва *избрать изъ среды многосемейныхъ крестьянъ способныхъ мальчиковъ*, а потомъ, по отслуженіи священникомъ въ церкви обѣдни и молебна, призваны были какъ новые ученики, такъ и ихъ родители въ назначенный для училища временной домъ (впредь до устройства постояннаго), гдѣ въ присутствіи владѣльцевъ и при стеченіи крестьянъ, отслужено священникомъ молебеніе о ниспосланіи успѣховъ въ предстоящемъ ученіи для пользы общей; а затѣмъ самими владѣльцами вручены каждому ученику заранѣе приготовленные буквари, или начальное ученіе, по которымъ съ слѣдующаго дня и началось уже преподаваніе имъ уроковъ. *Нельзя при этомъ не сказать, что какъ во время созванія крестьянскихъ мальчиковъ, такъ и при торжественномъ открытіи училища, нѣкоторые ученики и ихъ отцы и матери, по сродной вѣрѣ имъ простотѣ и болзни (!), первые плакали, а послѣдніе также со слезами упрашивали не отдавать дѣтей ихъ въ училище, пока не была имъ внятно объяснена благая цель ученія*». Приведенный актъ довольно краснорѣчиво говоритъ какъ о взглядѣ народа на училища, такъ и взглядѣ на средства привлечь мальчиковъ въ школу. Впрочемъ, школа пошла успѣшно, такъ-что, къ марту слѣдующаго 1860 года, двѣнадцать обучавшихся въ ней мальчиковъ оканчивали ученіе букваря и всеневныхъ молитвъ; послѣ чего предположено было дать имъ гражданскіе учебники и начать учить писать. Дѣтомъ предполагалось обучать воспитанниковъ училища садоводству и огородничеству подъ руководствомъ помѣщичьяго садовника. Не ограничиваясь этимъ училищемъ, владѣльцы предполагали открыть такое же для дѣвочекъ и, кромѣ того, основать въ своей вотчинѣ крестьянскую бібліотеку. Не знаемъ, какъ гг. Сивицкіе привели въ исполненіе свое благородное намѣреніе...

Въ томъ же декабрѣ, 9 числа, была открыта школа въ селѣ Козаровичахъ, Кіевскаго уѣзда, помѣщицы Бобрь-Петровецкой; она была открыта при церкви приходскимъ священникомъ Филимономъ Пасинскимъ вмѣстѣ съ поссессоршею Мицкевичевой и крестьянами. Въ школѣ начали учиться 19 крестьянскихъ мальчиковъ, 2 мальчика изъ военнаго званія и 2 духовнаго. — Безъ сомнѣнія въ этомъ

же году было открыто еще нѣсколько школъ, но о нихъ, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ извѣстій.

1 Января 1860 года, была открыта школа въ селѣ Микулпчакъ, имѣицѣ графа Остенъ-Сакена,, (Кіевскаго уѣзда), стараніями управляющаго имѣніемъ г. Карпова и приходскаго священника, о. Захарія Шереметинскаго. Въ этой школѣ начали ученіе 12 крестьянскихъ мальчиковъ и 4 дѣвочки. Преподаваніе, какъ въ Микулпчской, такъ и Козаровичской школѣ взяли на себя священники и причетники бесплатно. Обѣ школы, какъ видно, не стѣснены никакими условіями относительно учащихся; кромѣ крестьянъ, ихъ посѣщаютъ дѣти и другихъ сословій, что доказываетъ крайнюю необходимость подобныхъ школъ. Въ Черниговской губерніи была открыта школа въ селѣ Пьяный-Рогъ (Мглинскаго уѣзда), владѣніи графа А. К. Толстого. Нельзя не сочувствовать прекрасному желанію гр. Толстого—доставить возможность первоначальнаго ученія въ этой школѣ не только дѣтямъ крестьянъ, но и всѣхъ сословій.

Къ открытію сельскихъ школъ въ Кіевской губерніи много способствовали указъ Митрополита Кіевскаго и Галицкаго (нынѣ С.-Петербургскаго) Исидора, которымъ вмѣнялось въ обязанность всѣмъ сельскимъ священникамъ заводить при церквяхъ школы.

12-го января 1860 года, открыта была при церкви безплатная школа въ м. Бѣлогородкѣ, Кіевской губерніи, тамошнимъ приходскимъ священникомъ; къ маю того же года, ученики уже свободно читали церковно-славянскую грамоту;—такъ какъ, въ этомъ училищѣ былъ всего одинъ учитель священникъ, то болѣе способные и знающіе мальчики въ свою очередь учили вновь поступавшихъ неграмотныхъ.

Въ м. Бѣлой Церкви (Кіевск. губ. Васильковского уѣзда) еще съ конца прошлаго года начали заводиться сельскія школы и въ началѣ 1860-го, въ мѣстечкѣ было уже 4 училища съ 97 учениками. Первая изъ этихъ школъ открыта 23-го ноября 1859 года, въ домѣ священника Преображенской бѣлоцерковской церкви М. С.; на первый разъ явилось только 17-тъ мальчиковъ; но въ теченіи пяти дней число желающихъ учиться возрасло до 30. 15-го декабря того же года, въ приходѣ Магдалинской церкви за рѣкою Россію, была открыта вторая школа; въ ней изъявили желаніе учиться 14 мальчиковъ; третья школа открыта 17-го декабря того же 1856 года на

урочищѣ Ротку, учениковъ въ нее явилось всего 9; и наконецъ четвертая школа открыта уже въ 1860 году 3-го февраля, въ предмѣстн м. Бѣлой Церкви, Александри; въ нее пришло 22 мальчика и 7 дѣвочекъ.—Ученіе въ школахъ не бесплатное, потому что и само общество и учредители школъ нашли нужнымъ получать хотя самую небольшую сумму за ученіе, для поддержанія средствъ существованія школъ; добыть же средства изъ другихъ источниковъ пытались но не могли, благодаря цивилизаторской дѣятельности откупа и сочувствующихъ ему лицъ. Объ этомъ вотъ—что говорится въ «Руководствѣ для сельскихъ пастырей» въ извѣстн изъ Бѣлой Церкви: Общество прихожанъ, изыскивая способы къ содержанію, постановило—было: при ведерной покупкѣ водки къ праздникамъ, крестинамъ, свадьбамъ и т. п. вимать съ каждаго покупателя по 20-ти копѣекъ съ ведра, сверхъ нормальной цѣны. Этотъ добровольный сборъ, падавшій преимущественно на зажиточнѣйшихъ крестьянъ и касавшійся предмета прихоти, могъ быть весьма значительнымъ, при значительномъ числѣ прихожанъ, простирающемся до 8000 душъ обоого пола; но въ самомъ началѣ своемъ онъ былъ приостановленъ претензіями мѣстнаго откупа и нѣкоторыхъ сопркосновенныхъ съ нимъ лицъ, не препятствующихъ однакожъ подобному сбору съ еврейскаго общества на постройку каменной синагоги.» Въ томъ же извѣстн о бѣлоцерковскихъ школахъ дальше сказано, что «педагогическій совѣтъ бѣлоцерковской гимназіи съ своей стороны изъявилъ желаніе содѣйствовать пробудившемуся въ крестьянахъ м. Бѣлой Церкви стремленію къ образованію и для сего предполагаетъ, въ наступающіе весенніе и лѣтніе мѣсяцы (извѣстіе писано отъ 27 апрѣля 1860 г.) открыть классы гимназіи, гдѣ въ послѣобѣденное время, съ 3-хъ часовъ пополудни, ученики высшихъ классовъ закрытаго заведенія, подъ руководствомъ г.г. учителей, будутъ обучать чтенію по гражданской печати, ариметикѣ и начальнымъ правиламъ русскаго языка тѣхъ дѣтей, которыя уже выучились славянской грамотѣ и шкѣму въ церковныхъ школахъ; законоучитель гимназіи будетъ преподавать имъ Законъ Божій. Бѣлоцерковское общество чпозниковъ и дворянъ также выразило свое сочувствіе къ образованію низшаго класса здѣшнихъ жителей, пожертвовавъ въ пользу этого дѣла доходъ (въ 150 р. сер.) съ музыкальнаго и танцовальнаго вечера, состоявшагося 17 апрѣля сего года. «По другимъ извѣстіямъ, объ этихъ школахъ, мы узнаемъ, что тамошніе помѣщики не приима-

ють никакого участія въ этомъ дѣлѣ (*). — Въ томъ же журналѣ (1860 года), изъ котораго мы привели выписку, есть извѣстiе объ открытiи, въ 1859 году, школы въ деревнѣ Карашинѣ Каневского уѣзда Кіевской губерніи, близъ мѣстечка Корсуня; не помѣщая всего извѣстiя, мы сдѣлаемъ изъ него нѣкоторыя выписки указывающія между прочимъ на всегда-присущее нашему народу горячее желаніе помочь общему дѣлу. «Деревня Карашина,» пишетъ священникъ А. Лебедницевъ, — «находится въ Каневскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи, верстахъ въ 5-ти отъ мѣстечка Корсуня. Въ этой деревнѣ есть церковь во имя св. Архистратига Михаила, но она приписана съ давняго времени къ приходу Спасской церкви м. Корсуни. Въ самомъ Корсунѣ нѣсколько дѣсятковъ лѣтъ существуетъ школа на иждивенiи мѣстнаго владѣльца, князя Лопухина: но эта школа предназначена *исключительно для обученія поступающихъ въ хоръ пѣвчихъ, въ музыканты и на услуженіе при дворѣ владѣльческомъ*; поэтому въ ней обучаются далеко не все крестыянскіе мальчики м. Корсуни, дѣти же жителей д. Карашины оставались безъ всякихъ средствъ къ обученію. Годъ отъ году все болѣе и болѣе убѣждался я въ необходимости открыть въ д. Карашинѣ школу. Придумывался источникъ, изыскивались средства, наконецъ средства были найдены: въ Карашинѣ жилъ 80-ти лѣтній старикъ, церковный староста, Песторъ Сунчакъ, крестьянинъ князя Лопухина. Въ теченіе долгой своей жизни, рѣдкою честностью и трудолюбіемъ, онъ нажилъ значительное состояніе. Умнаго и добраго старика безпокоила мысль, что, кромѣ престарѣлой жены, для которой не многое было нужно, не осталось у него другихъ наслѣдниковъ, которымъ онъ пожелалъ бы передать свое достояніе..... И предложилъ старику, отдавъ часть имущества на почитку и украшеніе церкви, остальное употребить на основаніе школы. Старикъ не только согласился на мое предложеніе, но видимо обрадовался ему. Спустя немного, старческая помощь его усилилась и онъ скоро отошелъ къ Господу, завѣщавъ мнѣ съ двумя прихожанами, кромѣ приличнаго исправленія церкви, устроить на его счетъ училищный домъ со всемъ обзаведеніемъ, съ окладомъ жалованья, на первый годъ, для учителя и полнымъ содержаніемъ для десяти мальчиковъ—сиротъ, или дѣтей бѣдныхъ родителей. Для поддержанія училища на всегдашнее время назначена часть дохода съ водяной мельницы, принадлежащей старику и состоящей на рѣкѣ Ро-

(*) Кіев. Тел. 1860 г. № 73.

си. «Затѣмъ училище было открыто 8 ноября 1859 года и ученіе пошло довольно успѣшно; ученики на лѣто были отпускаемы домой съ обязательствомъ собираться по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ для повторенія пройденнаго. Въ это же время о. А. Лебедицевъ предположилъ открыть въ д. Листвицѣ, находящейся тоже недалеко отъ м. Корсуни, женскую школу.

По официальнымъ извѣстіямъ послѣдняго времени, духовенство Киевской губ. открыло, при церквахъ, 1036 школъ, въ которыхъ число учениковъ доходитъ до 19,000. Для надзора за этими школами учреждены, духовнымъ вѣдомствомъ, особые блюстители, которымъ дана въ руководство инструкція. Нельзя не пожелать, чтобъ эти школы, вызванныя къ жизни извнѣ, а не внутреннею дѣятельностью общества, также скоро не были заброшены, какъ и образовались. Существованіе и развитіе ихъ столько зависитъ отъ личной энергіи духовенства, сколько и отъ матеріальныхъ средствъ. Желательно, чтобы нашлось то и другое, и чтобы методъ обученія дѣтей не былъ схоластическій.

Объ открытіи въ 1860 г. школъ въ Каменецъ—Подольской епархіи, протіерей Евфимій Лозинскій, сообщаетъ редакціи «Кіевского Телеграфа» слѣдующее: «Въ нашей Каменецъ—Подольской епархіи духовенство всѣхъ безъ исключенія приходовъ чрезвычайно торопится заводить, на первый разъ—въ своихъ домахъ, школы для обученія грамотѣ преимущественно крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Къ такому единственному стремленію въ—особенности *поощрило* насъ письменное воззваніе къ духовенству нашего архиепископа и присылка букварей въ даръ отъ начальника края, князя И. И. Васильчикова, въ числѣ 10,000 экземпляровъ. Въ одномъ моемъ благочинницкомъ округѣ, *въ одну недѣлю*, открыто мною 8 школъ и собрано учениковъ, мальчиковъ 86 и ученицъ дѣвочекъ 7 и есть полная надежда, что къ началу будущаго года подобныя школы распространятся во всемъ моемъ округѣ, состоящемъ изъ 29 приходовъ.» О сочувствіи гг. помѣщиковъ къ образованію народа въ этомъ же извѣстіи сказано: «гг. помѣщики не хотятъ содѣйствовать намъ въ столь насущной потребности, какъ народное образованіе, и *смотрятъ на распространеніе грамотности между крестьянами съ какими то предубѣжденіемъ*; тогда—какъ для нихъ ничего не стоило бы поощрить по этому случаю крестьянъ; тогда все пошло бы впередъ легче, а то *даже отпоянны жалюдь для школъ.*» Тотъ же Евфимій Лозинскій, въ генварѣ 1861 года, сообщаетъ въ ту же газету,

что въ остальныхъ 21 приходѣ — къ началу настоящаго года заведены имъ школы при церквахъ, въ которыхъ учатся 491 мальчикъ и 131 дѣвочка;—въ преподаваніи приняли участіе и дамы изъ духовнаго сословія; во вновь открытыхъ школахъ въ настоящее время 4 такихъ наставницы. Къ несчастію, и эти школы, при своемъ открытіи, встрѣтили со стороны нѣкоторыхъ то же упорное предубѣжденіе и антипатію къ образованію, что видно изъ слѣдующаго мѣста въ письмѣ г. Лозинскаго: «Суди потому, какъ велико стремленіе въ народѣ къ обученію дѣтей грамотѣ, надо сказать, что далеко выше была бы цифра учениковъ и ученицъ въ этихъ школахъ, еслибы была возможность прискаты помѣщенія особыя, просторныя, свѣтлыя, теплыя и сухія,—а то все онѣ находятся въ домахъ церковныхъ, большею частію такихъ, въ которыхъ самыя причты съ семействами едва только помѣщаются, не бывъ поддержаны никакими властями, ни отапливаемы и очищаемы, когда у причтовъ нѣтъ въ достаткѣ ни собственнаго топлива, ни прислуги.»

Трудно существовать школамъ, при такой обстановкѣ,—но теперь, при большей свободѣ, естественнымъ образомъ улучшатся средства крестьянъ и они, надо надѣяться, не будутъ нуждаться въ помощи тѣхъ, которыхъ прямою обязанностью и долгомъ было бы помочь имъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне сами находили возможность изъ своихъ скудныхъ средствъ удѣлять не только на школу, но и на помощь бѣднѣйшимъ своимъ собратьямъ, желавшимъ обучать своихъ дѣтей; такъ «крестьяне Новградволынского уѣзда, села Пыщева, помѣщика графа Ал. Потоцкаго, 22 ноября 1860 года, собравшись на мирскую сходку, составили приговоръ, которымъ постановили: жертвовать при каждомъ взносѣ податей въ казну по 5 коп. серебр. съ души на устройство ихней сельской школы, а именно: на покупку учебныхъ пособій, на содержаніе и обученіе дѣтей бѣдныхъ крестьянъ и сиротъ, на наемъ учителя въ помощь ихъ приходскому священнику, на наемъ сторожа и т. п... Причемъ они избрали изъ среды себя благонадежнаго крестьянина, которому поручили, по распоряженію ихъ духовнаго отца, производить расходы денегъ на школу и, по-временамъ, отдавать имъ отчетъ въ расходѣ ихъ денегъ.» (1)

Въ открытіи этой школы принималъ самое дѣятельное участіе приходскій священникъ села Пыщева, Михайлъ Четоть.

Въ началѣ настоящаго 1861 года, заведена сельская школа въ селѣ Макіевкѣ, Васильковскаго уѣзда Кіевск. губерніи, старшими мѣст-

(1) Кіев. Тел. 1860 г. № 99.

наго приходского священника; школа въ этомъ селѣ существовала уже давно, но въ малыхъ размѣрахъ, — она была заведена священникомъ для обученія собственныхъ дѣтей, и небольшого числа дѣтей прихожанъ, — и помѣщалась въ домѣ священника. Въ концѣ 1860 г. положено было стараться дать школѣ большіе размѣры и выстроить для нея домъ. «Мѣстный владѣлецъ Г. Д., испытывая плоды прежняго обученія его крестьянъ (въ домѣ священника), изъ коихъ двое оказались весьма полезными при управленіи его экономією и домою, по предложенію того же священника и прошенію крестьянъ, отпустилъ нужный для постройки дома матеріалъ и обѣщалъ дать хлѣбъ, какой окажется нужнымъ для прокормленія учителя (*).»

Въ расколышчьемъ посадѣ Кляшцахъ, Черниговской губ., уже довольно давно образовалась сама-собою сельская школа съ вѣдома начальства. Одинъ дворянинъ успѣлъ приобрести довѣріе посадекаго населенія, которое начало поручать ему своихъ дѣтей въ науку. Число учениковъ скоро возрасло настолько, что потребовалась постройка особаго дома, которую, съ разрѣшенія начальника губерніи, взяли на себя два посадекіе купца. Училище находится теперь въ вѣдомствѣ Министерства Нар. Пр.; учитель получаетъ 350 р. жалованья; общество имѣетъ объ немъ попечительство чрезъ почетныхъ блюстителей и ратушу. Нѣтъ сомнѣнія, что эта школа можетъ принести большую пользу. До сихъ поръ всѣ усилія правительства вразумить расколышниковъ оставались безуспѣшны; время подумать о другихъ средствахъ для достиженія этой цѣли. Единственный ведущій къ этому путь есть просвѣщеніе, которое одно открываетъ глаза. Но чтобы расколышники охотно посылали своихъ дѣтей въ школы, необходимо допустить ихъ участіе въ учрежденіи и управленіи школъ, въ избраніи учителя, и т. п.

Сельскія школы нашп только еще въ зародышѣ. Въ Малороссіи, въ прежнее время, были распространены сельскія школы частныя; онѣ помѣщались большею частію въ церковныхъ домахъ, гдѣ жили причетники, или въ собственныхъ домахъ дьячковъ и пономарей — тогдашнихъ сельскихъ учителей. До сихъ поръ еще существуютъ при церквахъ дома, которые носятъ названіе *школъ*, хотя въ нихъ давно замолкли крики школяровъ. Поселяне посылали своихъ дѣтей въ эти

(*) Киев. Тел. 1861 г. № 14.

школы, платя дьячку за науку большею—частью сельскими продуктами. Въ одной изъ такихъ—то школъ учился грамотѣ и Шевченко.

Съ 1840 г. заведены сельскія школы вѣдомства государственныхъ имуществъ, которыя, при содѣйствіи полицейскихъ мѣръ, нанесли ударъ прежнимъ школамъ. Курсъ теперешнихъ школъ шире; по методу преподаванія тотъ же—заучиваніе и вытверживаніе безъ пониманія. Школы эти не пользуются особливою симпатіею поселяннина по многимъ причинамъ. Онѣ учреждены только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и большихъ селахъ; поселянинъ, для того, чтобы научить своего сына грамотѣ, долженъ взять его за 8—10 и болѣе верстъ, отыскать для него квартиру, доставлять на него провизію и наконецъ лишиться, съ его отсутствіемъ, члена семейства, который могъ бы быть, въ свободное отъ школы время, въ помощь отцу и матери. Кроме того, ученіе въ этихъ школахъ не можетъ идти успѣшно, такъ какъ оно поручается большею частью священнику, который и безъ того имѣетъ много занятій. Оттого мы видимъ, что учитель—священникъ не рѣдко занимаетъ за себя дьячка, который иногда можетъ съ успѣхомъ учить чтенію псалтыря и часослова, но рѣдко въ состояніи научить ариметикѣ и наставить въ христіанской нравственности; случается и то, что священникъ, оторванный отъ школы другими занятіями, поручаетъ школу одному изъ своихъ учениковъ.

Для того, чтобы образованіе народа пошло успѣшно, необходимо учрежденіе училищъ въ каждомъ селѣ; учителемъ должно быть лицо, исключительно посвящающее себя этому званію. Скажутъ, что на заведеніе такого числа училищъ нужны правительству громадныя суммы. Справедливо, если правительство захочетъ держать въ своихъ рукахъ не одно общее управленіе народнымъ образованіемъ, а и завѣдываніе каждою школою. Но если правительство пожелаетъ только способствовать народному образованію, оно въ самомъ народѣ найдетъ великія средства. Пусть учредятся особенныя семинаріи для приготовленія сельскихъ учителей, заведеніе же и содержаніе сельскихъ школъ пускай останется на обязанности каждаго общества.

ПРОЩАЕМЪ П. ИВ. ПИРОГОВА

СЪ УЧЕБНЫМЪ СОСЛОВІЕМЪ И ГОРОДОМЪ КІЕВОМЪ.

Пять лѣтъ тому назадъ, знаменитый во всей Европѣ, ученый хирургъ Н. Ив. Пироговъ, явился дѣятелемъ въ другой сферѣ, въ сферѣ учебно-административной и успѣлъ приобрести общую извѣстность и на этомъ поприщѣ. Славный дѣятель на себѣ-самомъ доказалъ справедливость положенія, высказаннаго имъ, съ такою убѣдительною, въ «Вопросахъ Жизни»: *образовательную* силу общества и *главную* задачу воспитанія—составляетъ не спеціальность, а *человѣкъ*.

Нельзя сказать, чтобы у насъ не было людей благонамѣренныхъ, образованныхъ и честныхъ; но въ людяхъ, истинно-полезныхъ для практической жизни, для общественной дѣятельности, общество наше ощущаетъ крайнюю бѣдность. Гдѣ тѣ практики, которые бы въ своей дѣятельности соображались съ желаніями и потребностями общества, которые бы твердо рѣшились проводить въ жизнь то, что известно наукой, опытомъ и исповѣдывается въ теоріи иногда ими-самими? которые способны были бы вызывать общество въ самостоятельности? Наши практическіе дѣятели, съ своею *служебною* опытностью и воспитаніемъ, по большей части не имѣютъ ни твердыхъ убѣжденій, ни опредѣленныхъ цѣлей, кромѣ, конечно, цѣлей частныхъ; это—рутинисты, невѣрующіе ни въ природу человѣка, ни въ самихъ—себя, ни въ возможность улучшеній. Неудивительно, поэтому, если общество не обнаруживаетъ никакого сочувствія къ ихъ дѣятельности.

Дѣятельность Н. Ив. Пирогова, какъ попечителя Кіевск. Учебн. Округа, не подходитъ подъ общій, обыкновенный, уровень. Она останется навсегда плодотворнымъ преданіемъ въ памяти людей, среди которыхъ онъ дѣйствовалъ, и послужитъ поучительнымъ примѣромъ для другихъ. Особенно — замѣчательна вѣрность принятымъ

началамъ и послѣдовательность дѣятеля, желаніе его быть дѣйствительно-полезнымъ обществу—безъ слабости, безъ угоднической поблажки его страстямъ, но съ постояннымъ, неподдѣльнымъ, уваженіемъ къ *человѣку*, кто бы онъ ни былъ. Общество оцѣнило заслуги П. Пв. и съ энтузіазмомъ высказало ему свою признательность. Въ описаніи «Прощанія» и въ рѣчахъ, которыя при этомъ были сказаны, — характеръ дѣятельности П. Пв. Пирогова очерченъ полнѣе и выразительнѣе, нежели мы въ состояніи это сдѣлать.

Прощальный обѣдъ 4-го апрѣля—такъ начинается описаніе прощанія Кіевскаго Учебнаго Округа съ Пироговымъ,—имѣлъ особый, своеобразный характеръ, который рѣзко выдвигаетъ его изъ ряда торжественныхъ обѣдовъ. На немъ присутствовало болѣе 120 участниковъ, но все это были люди учебнаго вѣдомства, съ которыми П. П. находился, по самому положенію своему, въ болѣе или менѣе частыхъ, въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ. А служить вмѣстѣ съ нимъ, служить подъ начальствомъ его, значило для большинства быть его учениками. Потому-то отъ собранія удалена была всякая торжественность и публичность: ихъ никогда не любилъ Николай Пичъ. Это былъ домашній обѣдъ, на которомъ огромная семья людей, родныхъ по убѣжденіямъ, прощалась съ главою дома. На отходящаго патріарха—учителя грустно устремлены были все взоры, къ нему одному обращались все желанія и привѣтствія. Каждый говорилъ объ немъ одному, каждый, оцѣняя его заслуги, объяснялъ себѣ и другимъ всю тягость испытываемой утраты. Восторженно и одушевленно выражали свои чувства разтроганные ученики, а онъ задумчиво и спокойно говорилъ намъ объ одномъ, вѣчно непреходящемъ царствѣ идеи и утѣшалъ насъ возможностью и въ разлукѣ постоянно сообщаться мыслями въ этомъ мірѣ идей. Особенно-памятными пребудутъ для насъ тѣ минуты, когда устами студента, недавняго гимназиста, будущее поколѣніе общественныхъ дѣятелей выразило, какъ оно понимаетъ Пирогова, когда представитель нравственно-поднятыхъ имъ еврейскихъ училищъ провозгласилъ тостъ за совершеннѣйшаго представителя образованныхъ христіанъ, когда накопецъ издалека раздался голосъ полтавскихъ гимназистовъ, просящихъ своего бывшаго «руководителя» благословить ихъ быть достойными гражданами. Въ эту минуту мы не жалѣли о Пироговѣ,—нѣтъ! мы завидовали ему тою высокою, плодотворною завистью, которая вызываетъ на благородное соревнованіе и усиленный трудъ.

Запнствуемъ болѣе замѣчательныя рѣчи, объясняющія дѣятельность Пирогова.

Послѣ І. Г. Михневича, который первый выразилъ воодушевляющія собраніе чувства, при разставаніи съ уважаемымъ челоѣкомъ, ректоръ университета Н. Х. Бунге сказалъ:

«Итъ шесть тому назадъ. среди разгара войны, въ лѣтописяхъ которой сохранится дорогое намъ имя, общество наше пробудилось къ новой жизни. Великія, совершившіяся съ тѣхъ поръ преобразованія вызвали много новыхъ дѣателей на гражданское поприще и тѣ, которые слѣдили за ходомъ нашего мирнаго развитія, могли замѣтить сколько людей въ это короткое время пережили и свою старую, и свою новую славу.

Отчего же добрая слава Николая Ивановича устояла и противъ ожесточенныхъ порицаній и противъ восторженныхъ похвалъ? Оттого, мм. гг., что Н. П. опирался въ своей дѣятельности на служеніе наукъ и нравственному авторитету, а то и другое вызываетъ не мимолетную популярность, а уваженіе и любовь.

Я не стану исчислять всего, что сдѣлалъ Н. П. для университетской науки; довольно упомянуть о живомъ участіи, которое онъ принималъ во всѣхъ ученыхъ вопросахъ по изданію университетскихъ извѣстій, по замѣщенію кафедръ, по раздѣленію факультетовъ; довольно упомянуть о томъ, какъ щедро ассигновались и тратились наши средства на переустройство астрономической обсерваторіи, на передѣлку помѣщенія для практическихъ занятій химіею, какъ скупо расходовались они на роскошь ремонта; о томъ, какъ много обязана ему студентская библіотека, въ пользу которой онъ, на-дняхъ, предоставилъ изданіе своихъ педагогическихъ статей, написанныхъ въ истекшіе три года.

Но главная тайна вліянія Н. П. заключалась въ служеніи нравственному авторитету.

Онъ старался упрочить его устройствомъ университетскаго суда, порученаго правленію. Какovy бы ни были недостатки этого учрежденія, но оно дало приговорамъ за проступки студентовъ характеръ законности, а не личнаго произвола.

Онъ старался сообщить инспекціи студентовъ духъ благородства и прямоты и упрочить за нею большую степень довѣрія.

Онъ основывалъ свою власть на преданности наукъ и на внутреннемъ убѣжденіи; но гдѣ власть опиралась на эти силы, гдѣ зрѣлыя понятія только начинали проникать въ умы молодого поколѣнія, испытывавшаго на себѣ постороннія вліянія, чуждыя и университету и намѣрепямъ его бывшаго руководителя, тамъ нельзя было ожидать внезапнаго торжества нравственнаго самообладанія.

Будущее принадлежало намъ; оно готовило неразрывную связь между всѣми служителями истины и добра. Поэтому позвольте, мм. гг., выразить надежду, что этотъ союзъ осуществится, и предложитъ тостъ за Н. П., его основателя и представителя нравственнаго принципа въ дѣлѣ образованія.

Послѣ ректора, ученикъ и восторженный поклонникъ Пирогова, профессоръ анатоміи А. П. Вальтеръ представилъ одушевленную картину по-преимуществу ученой дѣятельности славнаго медика.

«Мн. гг! Мы всё чувствуемъ, что этотъ объѣздъ, это собраніе не есть обыкновенное прощаніе съ уѣзжающимъ начальникомъ. Мы увѣрены, что еслибъ во всей обширной Россіи знали о настоящемъ днѣ и его значеніи, то мысли и чувства всѣхъ многочисленныхъ приверженцевъ и почитателей Н. И Пирогова были бы съ нами здѣсь въ эту торжественную минуту. Давно извѣстно, что современная Россія глубоко сочувствуетъ Николаю Ивановичу, т. е., что онъ въ полной гармоніи съ большимъ числомъ современниковъ. Но такъ-ли было всегда? Вотъ вопросъ, котораго рѣшеніе важно въ это время для того, чтобы почерпнуть изъ исторіи его жизни ручательство за вѣрность стремленій какъ его самого, такъ и его послѣдователей.

Я вправѣ говорить объ этомъ, ибо мнѣ досталось на долю рѣдкое счастье слѣдить въ продолженіи 26 лѣтъ за подвигами и дѣйствіями Н. И.

Прозношу съ гордостью: я ученикъ Н. И. Я видѣлъ, какъ въ 1836 году молодой профессоръ вступилъ на кафедру императорскаго дерптскаго университета, въ которомъ до тѣхъ поръ привыкли видѣть дѣльныхъ профессоровъ только изъ Германіи. Тѣмъ не менѣ вся молодежь, увлекаемая пылкимъ и неутомимымъ рвеніемъ молодаго ученаго къ наукѣ, бросилась вслѣдъ за нимъ. Имя Пирогова наполнило всѣ сердца и умы, и онъ основалъ первую въ Россіи и одну изъ лучшихъ хирургическихъ школъ, разсѣянные члены которой и теперь приносятъ пользу во всей необъятной Россіи. Онъ издалъ въ Дерптѣ два замѣчательныя сочиненія. Первое изъ нихъ было Лѣтописи дерптской клиники, въ которыхъ молодой профессоръ жертвовалъ тѣмъ, чѣмъ обыкновенно неохотно жертвуютъ врачи: своимъ репутациею. Въ этомъ сочиненіи онъ исповѣдалъ публично свои клиническія ошибки, онъ доказалъ ту высокую правдивость, которая характеризуетъ всю его жизнь. Сверхъ того онъ написалъ въ Дерптѣ сочиненіе, теперь выходящее вторымъ, неизмѣненнымъ изданіемъ, которыхъ занять нашъ будущій товарищъ, профессоръ Шимаховскій. Стало быть въ продолженіе 23 лѣтъ, въ которые анатомическія науки сдѣлали неслыханные успѣхи, ученыи свѣтъ не могъ произвести ничего лучше перваго литературнаго труда Н. И. Пирогова. Изъ Дерпта Н. И. перешелъ въ С.-Петербургъ для того, чтобы лучше служить наукѣ и быть полезнѣе для Россіи, чѣмъ это ему было возможно въ образованномъ, но отдаленномъ углѣ нашего обширнаго отечества. При переѣздѣ его въ Петербургъ, его слава, послѣ пятилѣтней профессорской дѣятельности, была уже такъ велика, что президентъ петербургскаго общества русскихъ врачей принялъ всевозможныя мѣры для того, чтобы немедленно увѣдомили его о прибытіи Пирогова. Ночью пріѣхалъ знаменитый хирургъ, а наутро президентъ явился къ нему и поднесъ дипломъ на званіе члена общества русскихъ врачей. Дѣятельность Н. И. въ столицѣ была и ученая и административно-медицинская. Упомянемъ вкратцѣ о важнѣйшихъ его заслугахъ. Ему принадлежитъ первое осуществленіе присоединенія нашихъ госпиталей къ клиническому преподаванію и, если эта мысль еще не вездѣ у насъ проведена, то ея будущее осуществленіе едва-ли подлежитъ сомнѣнію. Подъ исключительнымъ вліяніемъ его мысли составленъ нашъ уставъ объ испытаніяхъ для полученія медицинскихъ степеней, уставъ, который, независимо отъ колебаній состоянія науки въ извѣстное время, весьма практиченъ и реализируетъ необходимость соединенія науки съ практикою въ медицинѣ. Н. И-чу принадлежитъ нѣсколько страницъ изъ исторіи доблестныхъ подвиговъ русскихъ врачей на полѣ сраженія. При началѣ крымской войны онъ изобрѣлъ гипсовую повязку, облегчившую страданія многихъ ты-

сячь раненыхъ вонювъ. Онъ раздѣлялъ труды нашей арміи въ Крыму и никогда, въ особенности русскій солдатъ, не забудетъ его искусной руки и его доброй, сердобольной души. Въ Петербургѣ онъ написалъ свое знаменитое сочиненіе: *Anatome topographica* (льдяная анатомія), плодъ пятилѣтнихъ трудовъ. До этого сочиненія, кто говорилъ объ анатоміи, тотъ говорилъ объ анализѣ, о разложеніи; Пироговъ ввелъ въ эту науку синтезисъ. Чтò въ продолженіи 2000 лѣтъ разлагали, раздѣляли, то онъ соединилъ, свелъ въ одно и доказалъ, что, за избыткомъ анализа, мы не понимаемъ синтеза. Какъ поняты были эти заслуги и труды современниками Пирогова? Критика разразилась укорами надъ его клиническою лѣтописью, напали, что онъ слишкомъ пренебрегаетъ терапіею. Но чтожь? Не прошло нѣсколькихъ лѣтъ—и эта же терапія, въ которую тогда вѣрили противники П. П., была признана ничтожною. П. П. былъ правъ. Какъ вѣрно онъ угадалъ потребность хирургіи въ своемъ сочиненіи о перевязкѣ артерій, доказываетъ то, что этотъ трудъ не отсталъ отъ современности въ теченіи цѣлыхъ 23 лѣтъ и сразу былъ признанъ первокласснымъ, въ высшей степени практическимъ сочиненіемъ. Льяная анатомія, хотя еще не признана какъ слѣдуетъ и встрѣчена только всеобщимъ удивленіемъ, но уже настаетъ, уже начался тотъ періодъ анатоміи, когда станутъ послѣдовать устройству не мертваго, а живаго человѣка; а когда эго будутъ дѣлать вездѣ, тогда сочиненіе Пирогова обратится въ ежедневную справочную книгу для всѣхъ анатомовъ и врачей въ свѣтъ. Это сочиненіе составляетъ эпоху въ наукѣ; соединеніе же клиникъ съ госпиталими есть начало реформы медицинскихъ училищъ въ Россіи. Никогда, ни чей голосъ не отвергалъ пользы его экзаменаціоннаго устава: онъ соответствовалъ вполне своему времени и не утратилъ этого значенія и теперь.

Но великій анатомъ, великій врачъ оставляетъ медицинскую кафедру, и, о чудо! анатомъ, хирургъ и испытатель матеріи въ природѣ человѣка дѣлается наборникомъ его духовнаго начала. Онъ требуетъ признанія и развитія достоинства человѣка, въ знаменитыхъ строкахъ о вопросахъ жизни онъ кладетъ руку на больное мѣсто въ воспитаніи русской молодежи, но кладетъ ее какъ врачъ, для исцѣленія ранъ. Онъ произнесъ то, что всѣ чувствовали, но никто не облекъ въ слово. Вся Россія его поняла, вся Россія согрѣвалась его теплою вдохновенною рѣчью, вся Россія стала требовать гуманности, челоуѣчности въ воспитаніи. Пироговъ указалъ на сущность университетскаго образованія въ противоположность спеціальному. Онъ доказалъ связь гуманнаго образованія съ божественнымъ ученіемъ. Понялъ-ли тутъ Пироговъ духъ своего времени? Кажется объ этомъ спорить излишне.

Потомъ П. П. дѣлается ученымъ администраторомъ, попечителемъ въ высшемъ и благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Онъ эманципируетъ бѣдныхъ дѣтей отъ безумнаго и унижающаго челоуѣческое достоинство тѣлеснаго наказанія, онъ подаетъ руку загнаноу племени Евреевъ, онъ указываетъ христіанамъ сколько гуманности и любви къ просвѣщенію кроется въ этой расѣ. И чтожь? Какъ отозвалось на все это современное общество? Едва-ли кто у насъ болѣе популяренъ, любимъ, уважаемъ, какъ Пироговъ.

Я кончаю свою рѣчь:

Н. И. Пироговъ, какъ челоуѣкъ науки, былъ всегда передовымъ двигателемъ ея; общество шло за нимъ и всегда время доказывало, что онъ не ошибался. Когда же онъ сталъ заниматься вопросами жизни, то великій врачъ, привыкшій всегда однимъ взглядомъ окидывать всю цѣлость явленій, а не

увлекался однимъ, всегда схватывалъ вѣрно потребности момента. Храбръ идей былъ открытъ всѣмъ, но первый въ него вошелъ П. П. и за нимъ уже вошли всѣ другіе съ криками радости и удивленія. Онъ былъ вполне нетолково челоувѣкъ своего времени, но и вождь своихъ современниковъ. Число людей нераздѣляющихъ его взглядовъ не велико, оно никогда не было велико! П. П. не воевалъ противъ зла, онъ возвышалъ, укрѣплялъ приверженцевъ добра, онъ увлекалъ ихъ теплотою чувствъ и закрѣпилъ ихъ увлеченіе убѣжденіемъ и разсудкомъ. Его врагами не были поборники зла, они его не боялись. Его противниками были собственно тѣ люди, которые, въ свое время и въ свою очередь, стояли за прогрессъ, но, будучи обязаны охранять блага добытаго прогресса, страшатся опрометчиво идти дальше за Н. П., пока не поймутъ прочности и вѣрности его идеи. Но они напрасно сомнѣваются въ счастливой звѣздѣ, въ гениальной смѣтливости Н. П.: си они послѣдуютъ за нимъ, и тогда идеи Пирогова вполне восторжествуютъ. За это намъ ручается весь ходъ его жизни, успѣхъ его мыслей и трудовъ. Итакъ, господа, я предлагаю тостъ за почитателя двухъ учебныхъ округовъ, великаго ученаго, славнаго писателя, благороднаго гражданина, нашего незабвеннаго друга и руководителя Николая Ивановича Пирогова!

Отъ имени двухъ кievскихъ гимназій говорили старшіе учителя
Ө. Ө. Петрушевскій и Н. О. Самчевскій.

Г. Петрушевскій сказалъ:

Обращаюсь къ вамъ, Николай Ивановичъ, съ краткимъ словомъ, въ которомъ попытаюсь выразить ощущенія, съ какими мы предаемся безплодному сожалѣнію о томъ, что недолго привелось намъ быть свидѣтелями вашей безпримѣрной дѣятельности.

Съ тѣхъ поръ, какъ первая кievская гимназія, на ряду съ прочими, назвала васъ своимъ начальникомъ, мы сами увидѣли, кто не былъ слѣпъ, то, о чемъ до той поры говорила намъ молва. Мы поняли въ чемъ заключается истинная власть и какъ она выражается; всякій испыталъ, что знаменитый ученый, челоувѣкъ истинно просвѣщенный и глубоко предающій дѣлу челоувѣческаго развитія пріобрѣлъ надъ нами вліяніе, недоступное никакому другому олицетворенію власти, вооруженному всѣми возможными знаками отличія.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы стали свидѣтелями вашего неутомимаго трудолюбія, никто изъ насъ не могъ сказать ни вслухъ, ни мысленно, что онъ сдѣлалъ все, чего могло ожидать отъ него общество. Безмолвная, но неотразимая укоризна, исходила изъ тиши кабинета, гдѣ неутомимо работали Пироговъ, ложилась нерадивому на совѣсть, и напрасно онъ принималъ на себя мниморавнодушный видъ, не успѣвая обмануть даже и самого себя.

Свободно и самостоятельно трудились мы, каждый по-своему; мы мѣялись мыслями, и ни чье доброе пожеланіе, ни чья счастливая идея на пользу общую не были останавливаемы никакимъ опасеніемъ, потому что мы всѣ, благодаря вамъ, пользовались одинаково разумною свободою.

Никогда не позволю себѣ оскорблять слухъ вашъ льстивыми фразами, не буду говорить, наприм., что гимназія наша будто бы достигла высшей степени благосостоянія, но я долженъ сказать здѣсь во имя истины, что никогда мы, воспитатели и паставники, не испытывали болѣе благодѣтельнаго нравственнаго и умственнаго вліянія, какъ въ то короткое время, когда имѣли счастье

называть васъ своимъ главою. Мы видѣли не начальника надъ собою, но человека, гражданина, ученаго и воспитателя, находившаго высшее удовлетвореніе въ своемъ собственномъ сознаніи.

Этого рода впечатлѣнія не скоропреходящи,—нѣтъ, они глубоко вошли въ наши ватуры и принесутъ полезные плоды.

Скоро вы будете далеко отъ насъ, но ни разстояніе, которое будетъ между нами, ни долгіе годы предстоящей намъ разлуки не истребятъ ихъ, и позвольте заявить вамъ, что всегда мы будемъ вспоминать о васъ со всѣмъ чистымъ и глубокимъ уваженіемъ, какого заслуживаетъ знаменитое имя Пирогова, за котораго, мм. гг., честь имѣю предложить торжественный тостъ.

Самчевскій сказалъ отъ имени второй гимназіи:

—Отъ лица второй гимназіи, собравшейся здѣсь въ полномъ своемъ составѣ, я осмѣливаюсь возвысить мой слабый голосъ, чтобы выразить вамъ, Николай Ивановичъ, наше глубокое сочувствіе и искреннюю благодарность за неутомимую и въ высшей степени плодотворную вашу дѣятельность въ званіи попечителя кievскаго учебнаго округа.

Вы старались провести въ дѣло ту благую мысль, что произволъ особенно вреденъ въ дѣлѣ воспитанія, и плодомъ этого стремленія было осуществленіе въ гимназіяхъ *коллегіальнаго управленія*, бывшаго до того времени только на бумагѣ въ уставѣ 1828 г. Устройство это успѣло въ настоящее время правильно организовать и принести благодѣтельные плоды: оно избавило и удержало въ извѣстной мѣрѣ учащихся и учащихся отъ произвола и начало вызывать живую нравственную связь между тѣми и другими; оно пробудило сознательную дѣятельность преподавателей и подняло ихъ значеніе въ обществѣ, въ собственномъ сознаніи и въ глазахъ учащихся. Безъ сомнѣнія, здѣсь имѣло огромное вліяніе и то въ высшей степени гуманное обращеніе съ лицами подвѣдомственными вамъ, которое присуще было вашей человѣчной природѣ, которое вытекало у васъ, безъ сомнѣнія, изъ сознанія его необходимости, а не изъ другихъ побужденій, въ высшей степени, повторяю, гуманное обращеніе, которое рѣдко и въ настоящее время, хотя объ немъ такъ много пишутъ и говорятъ. Предъ вами всѣ были равны, доступъ къ вамъ для всѣхъ былъ одинаковъ, не было различія въ званіи, въ каждомъ изъ насъ вы прежде всего видѣли человека; оттого истина была вамъ доступна и между вами и вашими сослуживцами существовала та нравственная связь, то искреннее довѣріе, при которомъ только и возможны прочные успѣхи въ великомъ дѣлѣ воспитанія. Благодаря этимъ отношеніямъ и вашей постоянной заботливости о вѣренномъ вамъ вѣдомствѣ, среднія учебныя заведенія наши много выиграли и въ нравственномъ и учебномъ отношеніи. Тѣлесныя наказанія, вредно дѣйствующія на нравственность учащихся, при произвольномъ ихъ употребленіи, почти устранимы, разумѣется, насколько это возможно при нынѣшнемъ состояніи нашего общества и нашихъ учебныхъ заведеній; преподаваніе получило болѣе рациональное направленіе, въ ученикахъ возбуждена сознательная дѣятельность, къ чему много способствовали вами учрежденныя *литературныя бесѣды*, въ которыхъ вы принимали такое живое участіе.

Отъ каждаго изъ насъ вы требовали дѣла и дѣло говорило само-за-себя; громкія фразы формальное только исполненіе обязанностей, льстивыя обѣщанія и увѣренія потеряли свою силу. Протекціи утратили свое значеніе: мѣста замѣщались по *конкурсамъ*, слѣдовательно—людьми способными къ педагогической дѣятельности.

Вы не ограничивались одними требованіями и исполненіемъ этихъ требованій. Вы старались разумно вызвать въ насъ педагогическую дѣятельность собственнымъ участіемъ и готовностію содѣйствовать ей всевозможными средствами. Блестящимъ памятникомъ въ этомъ отношеніи останутся *циркуляры* по управленію округомъ: официальный перечень служебныхъ переѣздовъ, повѣстный подъ именемъ циркуляра, вы обратили въ одно изъ лучшихъ педагогическихъ изданій въ Россіи. Въ нихъ знакомились мы съ различными мнѣніями о преподаваніи, они служили проводникомъ вашихъ честныхъ убѣжденій и просвѣщеннаго взгляда на воспитаніе. Въ двухлѣтнее ваше управленіе *библиотеки* и *кабинеты* наши значительно увеличались, вѣкоторые изъ преподавателей гимназіи получали *средства къ самоусовершенствованію* за границей.

Въ заключеніе г. Самчевскій прибавилъ:

Намъ хотѣлось бы вѣрить, что начала положенныя вами будутъ имѣть благотворные результаты. По крайней мѣрѣ мы съ своей стороны, по мѣрѣ силъ и возможности, будемъ руководствоваться тѣми убѣжденіями, которыми была запечатлѣна ваша дѣятельность.

Но сильное впечатлѣніе произвели на всѣхъ присутствовавшихъ и замѣтно тронули самого П. И—ча слѣдующія простыя, но исполненныя глубокаго смысла, слова студента историко-филологическаго факультета Драгоманова:

«Николай Пвановичъ! Прислушиваясь къ рѣчамъ, только что произнесеннымъ, я не могъ не замѣтить одной идеи, ихъ проникающей. Присутствующіе высказались ясно, что началомъ вашей многосторонней дѣятельности было полное уваженіе къ человѣку.

Я недавно былъ гимназистомъ и, пользуясь случаемъ, скажу нѣсколько словъ о томъ вліяніи, какое имѣло это начало на нравственное развитіе молодого поколѣнія.

Въ прежнее время одни начальники съ суровой строгостью требовали формальнаго уваженія къ старшимъ и вызывали въ насъ страхъ и вражду, другіе были маншловски мягки и тѣмъ располагали насъ къ неуваженію. Отсутствіе гуманныхъ принциповъ и взаимнаго уваженія въ обоихъ случаяхъ вело насъ къ своевольству. Вы внушили начальствующимъ, что возведеніе мелочей въ нравственную обязанность даетъ превратное понятіе о самой нравственности, что уваженіе заслуживается, а не требуется, что оно должно быть взаимно. Вы распространили въ нашихъ гимназіяхъ понятіе о законности. Я былъ въ седьмомъ классѣ, когда начались ваши преобразованія. Въ прежнее время въ высшихъ классахъ непризнанная самостоятельность мальчика проявлялась въ самыхъ уродливыхъ формахъ и вражда къ старшимъ достигала крайнихъ предѣловъ. Когда же наше начальство стало постепенно проникаться духомъ вашего управленія, когда ученикъ въ недоразумѣніяхъ съ учителемъ сталъ надѣяться когда нибудь выйти правымъ, въ насъ эта вражда стала стихать. Потому-то мы не враждебно, а съ любовью вспоминаемъ наши послѣдніе школьные годы.

Я не буду, изъ лести къ вамъ, отрицать вліянія нашихъ лучшихъ наставниковъ, но скажу смѣло, что бѣольшая часть этого вліянія узаконилась и самоотверженно подлерживалась вами. И безъ вашего участія гуманная начала

вошли бы, конечно, со временемъ въ наши гимназиі, но входили бы неспокойно, насильственно, еще болѣе усиливая вражду къ старшимъ. Между тѣмъ какъ, при вашихъ преобразованіяхъ, благія послѣдствія постепенно устанавливавшихся человѣческихъ отношеній между старшими и младшими сказались рано. Еще въ сельномъ классѣ мы стали преслѣдовать нечлѣное молодечество и удерживать нашихъ своевольныхъ товарищей, стали понимать, что начальникъ представитель закона, а не произвола.

Конечно, наши младшіе товарищи могли развиваться еще нормальнѣе: въ какіе нибудь два съ половиною года вы не успѣли окончить вашего дѣла, съ корнемъ уничтожить произволъ и своеволие. Но васъ-ли винить за то?.. При великомъ уваженіи къ вамъ, я рѣшусь сказать, что даже въ самыхъ обвиненіяхъ, дѣлаемыхъ вамъ непонимающими васъ, есть своя доля правды. Вы дѣйствительно были слишкомъ гуманны. Но можно только пожалѣть о томъ обществѣ, въ которомъ гуманность иногда бываетъ излишнею и производитъ рядомъ съ законной свободой хотя случайное своеволие! Развѣ слѣдуетъ бояться эманципаціи крестьянъ, изъ-за того только, что иными она можетъ быть ложно понята? И еще вопросъ, что виновато въ этомъ непониманіи: эманципація или закрѣпленіе?

И все-таки въ ваше управленіе не было такихъ взрывовъ своеволія, какіе помнитъ каждый помняшій свои прежніе школьные годы. И все-таки, если вообще здѣшнее юношество теперь ранѣе прежняго сознало, что понятіе о свободѣ необходимо соединяется съ уваженіемъ къ себѣ и другимъ, то оно сознало это именно подъ вліяніемъ нравственнаго порядка, установленнаго вами въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ.

А потому, господа, позвольте мнѣ отъ лица моихъ товарищей предложить тостъ за людей, разумно воспользовавшихся свободой въ гимназиі и въ университетѣ, за будущихъ серьезныхъ гражданъ нашего отечества, за человѣка, которому они обязаны началомъ нормальнаго воспитанія, за Николая Ивановича Пирогова!

Громкія одобренія непрерывно прерывали слова молодого человѣка и долго не умолкали послѣ его рѣчи. Когда улеглись взволнованныя чувства, началъ говорить, накануне нарочно присланный изъ Бердичева, смотритель еврейскаго училища Н. Н. Горенбергъ:

— Николай Ивановичъ! Бердичевское образованное общество Евреевъ и учителей прислало меня уполномоченнымъ, чтобы сказать вамъ на этомъ прощальномъ обѣдѣ нѣсколько словъ отъ ихъ имени. Извѣстно, какое шаткое основаніе положено было вновь устроеннымъ въ 1848 г. спеціально еврейскимъ училищамъ для образованія Евреевъ въ Россіи: организація дана имъ была весьма слабая; въ смотрители училищъ назначены были люди по большей части оказавшіеся лишними для христіанскихъ заведеній; для воспитанниковъ и еврейскихъ учителей не дано ни правъ, ни преимуществъ. Слѣдствіемъ такого устройства еврейскихъ училищъ было то, что съ самаго-же начала между училищемъ и обществомъ образовалась преграда: на сторонѣ училища обнаружилось равнодушіе, даже пренебреженіе, на сторонѣ общества—недовѣріе и жалобы; по причина этихъ жалобъ можетъ быть понятна только для того, кто смотритъ на человѣка съ такой человѣчной точки зрѣнія, какъ вы. Сколько намъ извѣстно, вы первый въ здѣшнемъ краѣ рѣшились возвысить свой справедливый голосъ въ защиту загнаннаго еврейскаго

племени. Какъ человѣкъ, стоящій выше всякихъ предразсудковъ, вы собственнымъ гуманнымъ примѣромъ больше имѣли вліянія на своихъ подчиненныхъ, чѣмъ всѣ ваши предшественники своими строгими формальными предписаніями. Сила этого личнаго вліянія была такъ велика, что даже люди прежняго порядка нѣкогда поддавались ей и измѣнились. Это устранило отъ васъ непріятность удалять ихъ. Какъ попечитель, вы справедливо считали еврейскія училища, если не самую важную, то по-крайней-мѣрѣ самую болѣзную частію своего округа. Какъ медикъ, привыкши сочувствовать страданію человѣчества, вы подавали руку помощи образованной партіи Евреевъ и тѣмъ поддерживали ихъ энергію въ неровной борьбѣ какъ съ фанатизмомъ своихъ отсталыхъ единовѣрцевъ, такъ и съ предразсудками отсталыхъ христіанъ. Евреи все это чувствуютъ и сознаютъ. Они понимаютъ, что вы все это дѣлали не для выставки, а для самаго дѣла, не только по долгу, но и по убѣдѣ. За то не преувеличивая можно сказать, что всѣ образованные Евреи въ Россіи и многіе за границею съ благоговѣніемъ произносятъ ваше имя, и этотъ, такъ сказать, нравственный памятникъ народной признательности переживетъ всякій матеріальный. Николай Ивановичъ! Образованная партія Евреевъ съ большою скорбію услышала вѣсть о томъ, что вы разлучаетесь съ нами: если христіане потеряли много, то Евреи потеряли весьма и весьма много. Въ несчастіи люди жнительны, а потому Евреи теперь считаютъ свое дѣло задержаннымъ, если не болѣе... Будущее направленіе нашего округа покажетъ, насколько справедливо ихъ предчувствіе. Дай Богъ, чтобъ оно ихъ обмануло! Впрочемъ, что бы ни было, Евреи надѣются, что вы, Николай Ивановичъ, гдѣ бы вы ни были, не перестанете возвышать въ пользу справедливаго еврейскаго вопроса голосъ болѣе сильный, чѣмъ голосъ попечителя,—голосъ Пирогова. Николай Ивановичъ! Бердичевское общество не только Евреевъ, но и христіанъ, не прощается еще съ вами; оно надѣется, что будетъ имѣть честь проститься съ вами у себя, въ Бердичевѣ.

Васъ, господи, какъ представителей образованія въ здѣшнемъ краѣ, васъ Евреи просятъ поблагодарить вмѣстѣ съ ними Николая Ивановича за все то, что онъ сдѣлалъ для нихъ какъ попечитель и человѣкъ; но еще больше за то, что онъ хотѣлъ сдѣлать... Господи! образованные Евреи предлагаютъ тостъ за здоровье всѣхъ гуманныхъ христіанъ вообще и за совершеннѣйшаго ихъ представителя—Пирогова.

Тостъ, предложенный г. Горенбергомъ, былъ принятъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ, какъ наглядное доказательство высокой, во имя науки всѣхъ братски сближающей и примиряющей дѣятельности Николая Ивановича.

Подали свой голосъ и воскресныя школы: первая идея ихъ была энергически поддержана П. И-чемъ, который ближе всего принималъ къ сердцу интересы простаго народа и почиталъ образованіе его самою насущною необходимостію для осуществленія великой реформы Освободителя. Завѣдывающій подольской воскресною школою, штатный смотритель кіево-подоляскаго дворянскаго училища, И. И. Слѣпущкинъ сказалъ:

«Позвольте мнѣ не обойти молчаніемъ факта, опущеннаго въ рѣчахъ пред-

шествовавшихъ и которому можетъ быть суждено занять видное мѣсто въ исторіи нашего народнаго образованія. И разумѣю воскресныя школы.

Первыя школы, какъ извѣстно, открылись въ Кіевѣ, въ ваше управленіе. Здѣсь онѣ развились, упрочились и отсюда уже, быстро размножаясь, распространились по всей Россіи. Если первая мысль этого, богатаго надеждами, дѣла и не принадлежитъ вамъ, Николай Ивановичъ, если съ первыми школами связано имя человѣка еще живущаго въ памяти университета; то во всякомъ случаѣ, смѣло скажу,—безъ вашего ободряющаго содѣйствія, безъ вашей дѣятельной инициативы, эта мысль еще долго и долго не могла бы осуществиться.

Конечно, теперь, когда дѣло воскресныхъ школъ уже упрочено, легко думать, что оно могло бы совершиться безъ препятствій. Но мы еще живо помнимъ, какими общими недоумѣніемъ были онѣ встрѣчены. И потому не можемъ забыть, что вы первый упрочили положеніе ихъ въ Кіевѣ, а можетъ быть нашъ примѣръ облегчилъ появленіе ихъ и въ другихъ мѣстахъ.

Говорить о значеніи воскресныхъ школъ для образованія народа я считаю и преждевременнымъ и лишнимъ. Врядъ ли кто будетъ сомнѣваться теперь, что это дѣло великой, огромной важности. Напомнивъ о нихъ, я хотѣлъ только заявить, что всякая добрая мысль, всякое истинно-полезное начинаніе встрѣчало въ васъ всегда горячую поддержку и ободреніе.

Не мудрено, если при разставаніи съ вами, въ общемъ тонѣ рѣчей, сказанныхъ сегодня, выразилось такъ много скорбнаго. Въ этой скорби всего менѣе можно видѣть личное чувство. Я не хочу сказать, что оно не сильно къ вамъ; но все личное должно смолкнуть теперь предъ общественной потерей. А въ вашемъ лицѣ, Николай Ивановичъ, общество теряетъ много, неизлѣпно много!

Всегда и повсюду являются люди, на долю которыхъ выпадаетъ рѣдкое счастье быть выразителями лучшихъ стремленій времени. На нихъ покоятся надежды тѣхъ, которые желаютъ истиннаго блага странѣ своей и правдиво понимаютъ это благо. Они — исподкушныя вожатые, ободряющіе на честномъ пути другихъ; и благо тамъ, гдѣ умѣютъ ихъ цѣнить!

Въ васъ, Николай Ивановичъ, мы, да и не только мы, привыкли видѣть такого вожатая.

Вотъ почему собрались мы сегодня, *печальные, глубоко-потрясенные!*..

Потеря наша не въ безпримѣрномъ начальникѣ, даже не въ высоко-правдивомъ человѣкѣ... мы проигрываемъ болѣе, — да и не одни мы: вся просвѣщенная и мыслящая Россія понимаетъ смыслъ и значеніе вашей дѣятельности!

Разставаясь съ вами, мы вынесимъ только одно высокое, но печальное утѣшеніе, что во всякомъ обществѣ остаются люди, ни для чего и ни для кого не жертвующіе своими убѣжденіями!

Позвольте же, мм. гг., предложить тостъ за этихъ людей и, слѣдовательно, за Пирогова.»

Когда высказаны были такимъ образомъ значеніе и плодотворная дѣятельность Пирогова по вѣдѣмъ частямъ вѣршеннаго ему управленія, всталъ онъ самъ и, среди благоговѣйнаго молчанія, раздалась симпатичная, вдумчивая рѣчь его:

«Мм. гг.! Сочувствіе, которое вы мнѣ оказываете, столько же относится ко мнѣ, сколько и къ вамъ самимъ.

Не правда ли, вѣдь вы сочувствуете моимъ взглядамъ на жизнь, науку и школу? Но эти взгляды и убѣжденія столько же мои, сколько и ваши собственные.

Безъ вашего просвѣщеннаго содѣйствія, безъ вашего теплаго участія, могъ ли бы я проводить ихъ, могъ ли бы я имѣть хотя малѣйшую надежду на успѣхъ?

Не имѣя надежды на успѣхъ, могъ ли бы я сохранить и довѣріе къ самому себѣ?

Ваше же содѣйствіе и участіе потому именно было дѣятельно и задушевно, что убѣжденія ваши были моими и мои вашими. Скажу болѣе, они не только мои и ваши, но и общечеловѣческія. Какъ бы, въ наше время, ни казались различными взгляды просвѣщеннаго общества на жизнь, науку и школу, между ними есть все таки одно общее, — это понятіе, глубоко хранившееся въ душѣ каждаго образованнаго, о человѣческомъ достоинствѣ и о высокомъ значеніи нравственной свободы человѣка, заставляющее насъ цѣнить и уважать личность каждаго и въ жизни, и въ наукѣ, и въ школѣ.

Вся моя заслуга, дающая мнѣ право на ваше сочувствіе, состоитъ только въ томъ, что я угадалъ васъ.

Я угадалъ, что вы не смотрите на жизнь, какъ на фантазмагорическій призракъ, которымъ распоряжается каждый фокусникъ для забавы, или для выгоды.

Я угадалъ, что наука въ вашихъ глазахъ не есть одна только гимнастика ума и памяти, видимо полезная себѣ и другимъ.

Я догадался, что школа въ вашемъ понятіи не есть учрежденіе, похожее на мастерскую вятеля, въ которомъ художникъ по заказу выдѣлываетъ различныя формы изъ грубаго матеріала.

Я понялъ, что вы, глядя на жизнь, науку и школу, не смотрите на каждую изъ трехъ какъ на что-то отдѣльное и замкнутое, какъ на что-то, чѣмъ каждый изъ насъ можетъ распоряжаться по произволу, не обращая вниманія на ихъ взаимную, органическую связь.

Нѣтъ. Я понялъ, что жизнь человѣка для васъ есть непрерывная, нерѣдко роковая борьба, всего чаще съ самимъ собою, на пути къ совершенству, и что эта борьба зависитъ отъ врожденнаго, ничѣмъ неостановимаго стремленія къ совершенству.

Я узналъ, что въ наукѣ вы не принимаете другой цѣли, кромѣ того же стремленія къ истинѣ, служащаго самому себѣ цѣлью, и считаете школу за одно изъ проявленій жизни съ ея борьбою и съ ея влеченіями къ достиженію вѣчной правды.

Наконецъ, понявъ хорошо другъ друга, могли ли мы всѣ какъ въ жизни, такъ въ наукѣ и въ школѣ, какъ въ ребенкѣ, такъ и въ юношѣ, въ возмужаломъ и въ старикѣ не уважать человѣческаго достоинства, нравственную свободу человѣческаго духа и личность?

Угадавъ и понявъ васъ, проводить наши общія убѣжденія было моею первою обязанностію.

Судить о томъ, какъ я, слѣдовательно и вы, исполняли эту обязанность, значило бы судить о самихъ себѣ.

Такой судъ не можетъ быть безпристрастнымъ.

Время обсудить и оцѣнить лучше нашего и наши убѣжденія, и наши дѣйствія; а мы, разставаясь, утѣшимъ себя тѣмъ, что и здѣсь, на землѣ, — гдѣ все проходить, — есть для насъ одно неварушимое, — это господство идей. И потому, если мы вѣрно служили идеѣ, которая, по нашему твердому убѣжденію, вела насъ къ истиннѣйшему пути жизни, науки и школы, то будемъ надѣяться, что и потокъ времени не унесетъ ее вмѣстѣ съ нами.

Я, съ моей стороны, не перестану служить ей также вѣрно, какъ служилъ вмѣстѣ съ вами. И теперь ли, когда Россія, руководимая благотѣльнымъ Монархомъ, вступаетъ въ новую эру ея существованія, кто-нибудь изъ насъ осмѣлится нарушить святость долга, оставаясь въ бездѣйствіи?

Какъ ни грустно разставаться съ тѣми, съ кѣмъ были связаны единствомъ мысли и дѣйствій; но все таки для образованнаго ума остается утѣшеніе, что и разлучившись можно жить вмѣстѣ, въ томъ же мірѣ идей, въ которомъ насъ соединяютъ телеграфическія нити мысли.

Итакъ, останемся вѣрны нашему призванію и будемъ пользоваться тѣмъ, что доставляютъ намъ наши понятія о жизни, наукѣ и школѣ, которыя соединяли и будутъ соединять насъ всегда, не смотря ни на пространство, ни на время.»

Онъ кончилъ. Въ раздумья всѣ какъ-бы прислушивались къ послѣднимъ, умирающимъ звукамъ знакомой рѣчи, которую не суждено уже болѣе слышать. Много уже было сказано рѣчей. На обычномъ обѣдѣ они могли-бы наконецъ утомить слушателей, а тутъ незамѣтно летѣли минуты и собесѣдники ждали еще словъ, какъ будто не могли наговориться и наслушаться вдоволь о Широковѣ.

О христіанской дѣятельности Широкова сказалъ теплое слово духовникъ его, законоучитель первой гимназіи, священникъ В. П. Каменскій.

Наконецъ, резюмировать все выраженное въ предыдущихъ рѣчахъ досталось на долю профессора исторіи Шульгина. Вотъ слова его:

«Въ послѣднее время такъ размножились торжественныя рѣчи по случаю, такъ часто раздаются на нихъ рѣчи, въ которыхъ ораторы не столько заботятся выставить заслуги того, о комъ говорятъ, сколько воздвигаютъ памятникъ собственному краснорѣчію, что, право, становится подчасъ совѣстно пить, и пить, и говорить въ честь личности, истинно и высоко цѣнимою и уважаемою. Но чтожь дѣлать, когда въ настоящее время это единственное средство заявить свое мнѣніе о человѣкѣ противъ превратныхъ толковъ....»

И потому неудивительно, что сегодня столь многіе и такъ много говорили, да и я еще говорить хочу о человѣкѣ, который нынѣ съ нами разлучается. Я увѣренъ впрочемъ, что всѣ изъ говорящихъ сегодня согласились-бы наложить на себя обѣтъ долгаго молчанія, лишь-бы можно было еще долго трудиться и мыслить вмѣстѣ съ этимъ человѣкомъ, слушать одну его вдохновительную рѣчь, почерпнуть въ его словѣ, въ его примѣрѣ, силы для безмолвнаго труженничества на пользу общую.

Въ моихъ словахъ будетъ наглядный сводъ того, о чемъ говорили подробно мои предшественники и о чемъ гораздо подробнѣе и краснорѣчивѣе говорить сами дѣла ваши;

1) Конкурсный порядок замѣщенія кафедръ въ университетѣ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ округа, 2) первый осуществленный планъ педагогической семинаріи, который легъ въ основу шибшнихъ педагогическихъ курсовъ, 3) специализация отдѣловъ историко-филологическаго факультета на историческій, классической филологіи и славянорусской филологіи, 4) правила о судѣ надъ студентами, 5) устройство студентской библіотеки и лекторіи и снабженіе первой пожертвованіемъ собственныхъ его книгъ, 6) возвышеніе значенія педагогическихъ совѣтовъ, 7) преобразование окружнаго циркуляра въ замѣчательное педагогическое изданіе, 8) правила о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ, 9) совершенное преобразование гимназическихъ испытаній, 10) литературныя босѣды учениковъ, 11) воскресныя школы, 12) возвышеніе еврейскихъ учебныхъ заведеній.

Довольно, кажется, совершенно въ 2¹/₂ года для того, чтобы свидѣтельствовать о вашей неутомимой дѣятельности даже передъ тѣми, которые имѣютъ неслашкомъ зоркіе глаза, чтобы видѣть! Надо при этомъ замѣтить, что и передовые люди подчинены тому же закону, какъ и непередовые: подъ вліяніемъ окружающей дѣйствительности, они не все то могутъ совершить, что желали-бы совершить и что способны совершить.

Но не въ видимой ломкѣ стараго и не въ видимой постройкѣ новаго, не въ кипахъ бумаги, исписанной правилами и постановленіями, заключается тайна вліянія передовыхъ людей. Она заключается въ томъ живительномъ духѣ, которымъ избранныя личности воодушевляють и лица и учрежденія, отъ нихъ зависящія. Всѣмъ намъ извѣстно, что первый вопросъ, какой ставилъ Н. П. при имени каждой науки, былъ вопросъ о томъ, какую образовательную силу имѣетъ эта наука и какъ приложить эту образовательную силу къ дѣлу. Всѣмъ намъ извѣстно, что при каждомъ удобномъ случаѣ, всѣми средствами, какими располагалъ онъ, старался Н. П. вызвать къ *самодѣятельности* и испочатыя, свѣжія силы младшаго, и, быть можетъ, уже усталыя силы старшаго поколѣнія. Въ этихъ двухъ началахъ — великая заслуга Пирогова, въ нихъ жизненный нервъ образованія вообще и гуманнаго образованія въ особенности.

Но гдѣ же слѣды этой дѣятельности, этого великаго вліянія? спросягъ, быть можетъ, люди, которымъ духовное явленіе видно только тогда, когда на него пальцемъ ткнешь...

А хоть-бы въ словахъ этого студента, недавно гимназиста, такъ разумно сознающаго отношеніе ученика къ наставнику и обществу и такъ благородно признающаго, кому онъ этияъ сознаниемъ обязанъ...

А развѣ не указываетъ, на вліяніе Пирогова, Еврей, предлагающій пособіе бѣднымъ студентамъ—Евреямъ и христіанамъ безъ различія?..

А этотъ наконецъ представитель Евреевъ, только-что провозгласившій отъ ихъ имени тоску за образованныхъ христіанъ, имѣющихъ такого представителя челоѣчности въ Пироговѣ...

Во время обѣда получены были депешы изъ стоящихъ на телеграфической линіи городовъ учебнаго округа: изъ *Полтавы*—7, отъ совѣта губернской гимназіи, женской гимназіи, уѣзднаго училища, пансіоновъ г-жѣ Куммингъ и Лерцеръ, отъ 35 полтавскихъ жителей и, особо, отъ полтавскихъ гимназистовъ; отъ *Черниговской* гимназіи; изъ *Житомира*—3, отъ губернской гимназіи и, особо, отъ почет-

наго попечителя гимназій, и отъ равнинскаго училища; изъ *Ровна*—2, отъ гимназій и, особо, отъ гимназистовъ; изъ *Петербургга*—отъ студентовъ университета, отъ евреевъ—студентовъ университета и медикохирургической академіи, отъ бывшихъ студентовъ *Кіевскаго* университета, и отъ многихъ другихъ лицъ.

Послѣ обѣда, по удаленіи П. И., нѣкоторые изъ оставшихся лицъ приняли участіе въ подпискѣ, инициатива которой принадлежитъ студентамъ. Собранную сумму предположено употребить, съ разрѣшенія высшаго начальства, для той общеплезной ученой цѣли, какую угодно будетъ назначить самому П. И.—вицу.

Въ тотъ же день, въ одинъ часъ съ началомъ обѣда, студенты, съ разрѣшенія начальства, открыли въ зданіи университета *безплатную ежедневную школу*, въ знакъ благодарной памяти о Пироговѣ.

Нѣсколько дней спустя получено было письмо отъ кременчугскаго 1-й гильдіи купца, Исаака Германа. Въ немъ онъ проситъ у Николая Ивановича позволенія назвать по его имени *стипендію*, на учрежденіе которой въ университетѣ св. Владиміра онъ намѣревался просить разрѣшенія высшаго начальства.

8-го апрѣля, къ 10-ти часамъ утра, въ большой актовѣ залѣ университета собрались студенты и ожидали своего бывшего руководителя. Никакихъ распоряженій для соблюденія внѣшняго порядка не было принято, потому—что молодые люди (говорятъ «*Описаніе*») обязали другъ друга честнымъ словомъ—проститься съ Пироговымъ достойно Пирогова. Прощаніе показало, что довѣріе было совершенно оправдано. Въ 10-ть часовъ вошелъ Николай Ивановичъ, въ сопровожденіи ректора, и сказалъ студентамъ:

«Я принадлежу къ тѣмъ счастливымъ людямъ, которые хорошо помнятъ свою молодость. Еще счастливѣе я тѣмъ, что она не прошла для меня по напрасну. Отъ этого я, старѣясь, не утратилъ способности понимать и чужую молодость, любить и, главное, уважать ее. Мы всѣ знаемъ, что нужно почитать стариковъ, потому что старики—наши отцы и дѣды, и каждый изъ насъ чѣмъ-нибудь имъ обязанъ. Глядя на старость, мы вспоминаемъ доброе. Слабости и худое забываются при взглядѣ на сѣдину. Но не всѣ знаютъ, что и молодость должно уважать. Она является намъ тотчасъ же съ ея страстями, вспышками и порывами на первомъ плачѣ. Правда, и ее извиняютъ, приводя незрѣлость, неопытность, увлеченіе. Но у нея нѣтъ прошедшаго, а ея будущее кажется чѣмъ-то страшнымъ, по его неопредѣленности. Между тѣмъ, кто не забылъ своей молодости и изучалъ чужую, тотъ не могъ не различить и въ ея увлеченіяхъ стремленій высокихъ и благородныхъ, не могъ не открыть и въ ея порывахъ явленій той грозной борьбы, которую суждено вести человѣческому духу за дорогое ему стремленіе къ истинѣ и совершенству. Бывъ попечителемъ уни-

верситета, я поставилъ себѣ главною задачею поддерживать всѣми силами то, что я именно привыкъ любить и уважать въ молодости. Съ искреннимъ довѣріемъ къ ней, съ полною надеждою на успѣхъ, безъ страха и безъ задней мысли, я принялся за трудное, но высокое и благородное дѣло. И могъ-ли я иначе за него взяться, когда помил и любя время моего образованія въ четырехъ университетахъ, я живо вспоминалъ и тѣ стремленія, которыя меня тогда одушевляли; вспоминая, уважалъ ихъ въ себѣ. Я певольно переносилъ ихъ и на васъ и въ васъ любилъ и уважалъ то же самое, что привыкъ любить и уважать въ самомъ себѣ. И теперь, разставаясь съ вами, я объявляю гласно, что все время моего попечительства ни разу не раскаялся въ образѣ моихъ дѣйствій. Частные случаи, какъ бы они ни сложились не въ вашу пользу ни однажды не поколебали моего довѣрія къ цѣлой корпораціи студентовъ, потому что частныя проявленія неизбежнаго зла не должны, по моимъ пенатіямъ, служить причиною къ уничтоженію добра.

Я былъ приготовленъ къ тому, что меня не вдругъ вы поймете, и еще мнѣе поймутъ ваши отцы или цѣлое общество. Это лежало въ порядкѣ вещей. Судягъ не по намѣреніямъ, а по результатамъ. А результаты въ такихъ дѣлахъ обнаруживаются не скоро, не безъ препятствій и не безъ толковъ, распространяемыхъ незнаніемъ, близорукостью, подозрѣніемъ и мелочными страстями. Я зналъ, что истина моихъ убѣжденій разъяснится не разомъ для всѣхъ, а между тѣмъ встрѣтится много такого, что будетъ говорить противъ меня и заслужитъ порицаніе тѣхъ, которые думаютъ перейти отъ одного порядка вещей къ другому, противоположному, измѣнивъ только виѣшнюю обстановку, или тѣхъ, которые вовсе ничего не думаютъ. Я зналъ, что немногіе раздѣляютъ мой взглядъ на университетскую молодежь и университетскую жизнь вообще, зналъ наконецъ и то, что меня будутъ обвинять въ слабости, въ неумѣнн и въ гоньбѣ за популярность; но все это не могло измѣнить моихъ глубокихъ убѣжденій, не могло остановить моихъ дѣйствій, основанныхъ на любви и уваженіи къ молодости, на довѣрїи къ ея благородству мысли и стремленію къ правдѣ. Не вѣрить въ это я не могъ, потому что я не могъ ни сдѣлаться, ни казаться не мною. Это значило-бы для меня перестать жить. Я остался мною и разставаясь съ вами, упошу тѣ же убѣжденія, которыя принесъ къ вамъ, которыя никогда и ни отъ кого не скрывалъ, потому что считалъ преступнымъ скрывать начала, служившія основаніемъ моихъ дѣйствій. Надѣюсь, вы успѣли также убѣдиться, что я основывалъ мои отношенія къ вамъ на томъ же нравственномъ довѣрїи, которое имѣлъ право требовать и отъ васъ, потому что дѣйствовалъ прямо, и знаю, что на молодость нельзя дѣйствовать иначе, какъ прїобрѣвъ полное довѣріе. Вы увѣрились, полагаю, что я водворялъ между вами уваженіе къ закону, долгу и власти не угрозами, не преслѣдованіемъ, не скрытно, а прямымъ и гласнымъ убѣжденіемъ и примѣромъ. Я не приказывалъ, а убѣждалъ, потому что заботился не о виѣшности, а о чувствѣ долга, которое признавалъ въ молодости также, какъ и все другія высокія стремленія духа. Наконецъ вы, думаю, увѣрились, что для меня всѣ вы были одинаково равны, безъ различія вашихъ національностей. Въ моихъ глазахъ университеты, служащія вамъ мѣстомъ образованія, не могъ быть мѣстомъ другихъ стремленій, кромя научныхъ. Поэтому-то я также искренно желалъ и вашего сближенія съ представителями науки въ университетѣ, нарушеннаго, къ сожалѣнію, временемъ и обстоятельствами. Но не различая вашихъ національностей предъ лицомъ науки, я никогда не мечталъ

о слитіи васъ въ одно цѣлое, избѣгалъ раздражать самолюбіе и навязывать вамъ такія убѣжденія, которыхъ у васъ не могло быть, потому что гнушался притворствомъ и двуличіемъ. Я твердо вѣрилъ, что одно взаимное довѣріе и примѣръ водворятъ между вами законность и порядокъ. Законность и порядокъ упрочатъ нравственную свободу университетской жизни. Эта свобода разовьетъ самодѣятельность и любовь къ наукѣ, которая, въ свою очередь, представитъ университетъ въ вашихъ глазахъ чуждымъ всѣхъ постороннихъ стремленій. Нѣсколько для меня знаменательныхъ фактовъ доказали мнѣ, что мои убѣжденія, мои надежды не обманули меня, и взаимное довѣріе, которое я клалъ за основу моихъ дѣйствій, обнаруживаясь не разъ, награждало меня трудами и заботами. И если я заслужилъ, чтобы вы меня помнили, то это докажутъ всего болѣе тѣ изъ васъ, которые, сохранивъ въ памяти моей взглядъ на университетъ, оправдываютъ свою жизнь мое довѣріе, любовь и уваженіе къ вашей молодости. А я, разставаясь съ вами прежде, чѣмъ успѣлъ достигнуть моей цѣли, буду имѣть утѣшеніе въ томъ, что оставался вѣрнымъ своимъ началамъ, и буду счастливъ тѣмъ, что, если и не довелъ еще ни одного изъ васъ до истиннаго счастья, то, по крайней мѣрѣ, ни одного не сдѣлалъ, по моей волѣ, несчастнымъ.

Итакъ прощайте. Служите вѣрно наукѣ и правдѣ, и живите такъ, чтобы, состарѣвшись, могли безупречно вспоминать вашу и уважать чужую молодость.»

На эти слова, которыя ясно говорятъ сами за себя, отвѣчалъ студентъ юридическаго факультета, г. Сологубъ:

—Николай Павловичъ! Разставаясь съ вами, кромѣ благодарности за ваше высоко-гуманное обращеніе, за ваше отношеніе къ намъ не какъ начальника, а доброжелательнаго, опытнаго совѣтника во всѣхъ благородныхъ намѣреніяхъ, мы благодаримъ васъ за дѣло, которое, какъ память вашего всегдашняго сочувствія къ распространенію интересовъ науки между студентами, перейдетъ къ поколѣніямъ лишеннымъ возможности развиваться при просвѣщенномъ попечительствѣ вашемъ. Дѣло это: открытіе нашей бібліотеки. Вашему участію, скажемъ больше, вашей настойчивости, вашимъ пожертвованіямъ обязана бібліотека своимъ существованіемъ. Каждый, посѣщающій лекцію, каждый, пользующійся бібліотечкой, съ благодарностію вспомнитъ перваго ихъ основателя.

Мы просимъ позволенія украсить вашимъ портретомъ нашу лекцію. Кому не выпала завидная участь развиваться при вашемъ попечительствѣ, тотъ будетъ имѣть возможность, посѣщая лекцію, постоянно встрѣчаться съ портретомъ личности, которой имя съ сочувствіемъ и уваженіемъ произносится не въ одномъ нашемъ университетѣ, имя, ободряющее трудъ, постоянство убѣжденій и развитіе всего лучшаго въ человѣкѣ.

Если обязанность попечителя въ отношеніи къ университету—возбудить въ молодыхъ людяхъ любовь къ наукѣ, то обязанность эта достойно выполнена вами. Но вы сдѣлали болѣе: вы поставили насъ въ положеніе, вызвавшее болѣе самостоятельности въ каждомъ. Вы вѣрили, что мы дожили до того времени, когда предоставленіе человѣку большаго простора въ дѣйствіяхъ, уменьшеніе формальностей, доставленіе большихъ средствъ къ занятіямъ, а не принужденіе къ нимъ, дѣйствіе не приказаніемъ, а убѣжденіемъ, доставить ему болѣе вѣры въ себя и укажутъ настоящее направленіе. Мы съ гор-

достію можемъ указать на только что сказанныя вами слова: «я никогда не раскаивался въ своихъ убѣжденіяхъ относительно васъ».

Позвольте же выразить вамъ наше глубокое уваженіе, нашу искреннюю благодарность за все сдѣланное вами для насъ. Библіотека, основанная вами, будетъ подтверждать истину того свѣтлаго воспоминанія, той симпатіи, той благодарности, которыя до тѣхъ поръ будутъ жить въ нашемъ университетѣ, пока онъ будетъ сочувствовать лучшимъ человѣческимъ и научнымъ стремленіямъ.

Намъ, лишившимся васъ, остается только пожелать продолженія вашей дѣятельности, которая вездѣ и всегда будетъ достойна вашей личности, слѣдовательно всегда полезна, всегда цѣнима всѣми, тѣмъ болѣе дорога для насъ: она напомнитъ намъ то время, когда дѣятельность эта преимущественно посвящена была намъ.

Вечеромъ того же дня происходила литературная ученическая бесѣда, послѣдняя, на которой присутствовалъ основатель бесѣды, да и то уже въ качествѣ гостя, а не хозяина. По окончаніи бесѣды, ученикъ 2-й гимназій, Василій Лѣсковъ, произнесъ прощальную рѣчь, въ которой, между прочимъ, высказалъ слѣдующее:

«Вы были для насъ попечителемъ въ полномъ, истинномъ значеніи этого слова, потому что всѣ наши интересы были близки сердцу вашему и составляли предметъ постоянныхъ попеченій вашихъ. Вы всегда старались вести насъ путемъ правды и добра. *Правила о наказаніяхъ и проступкахъ*, которыя мы имѣли всегда передъ глазами, предостерегая насъ отъ шалостей, въ то-же самое время показывали намъ, что наказанія назначаются намъ не произвольно, но въ силу утвержденныхъ правилъ. Пам'ятеміемъ системы нашихъ *экзаменовъ* вы заставили насъ сознательно и постоянно заниматься предметами, и заниматься не для экзаменовъ только, но для того чтобъ усвоить то, что намъ преподавалось. Вы всегда старались способствовать нашему развитію. Однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ для этого были *литературныя бесѣды*, которыя были направлены къ установленію взаимнаго объѣма мыслей между воспитанниками и воспитателями и сближали ихъ между собою. А этого-то сближенія недоставало въ гимназіяхъ, и отсутствіе его мѣшало дѣлу воспитанія».

9-го апрѣля данъ былъ Н. И. Пирогову обѣдъ кіевскимъ обществомъ.

«Великая заслуга Пирогова, въ ряду другихъ заслугъ его, «говоритъ авторъ *Опасній прощанія его съ Кіевомъ*, »и заключалась именно въ томъ, что онъ сблизилъ общество съ учебнымъ міромъ».

«При всѣхъ неблагоприятныхъ условіяхъ мѣстныхъ и временныхъ, препятствовавшихъ его дѣятельности, онъ сумѣлъ первый въ здѣшнемъ краѣ сдѣлать интересы учебнаго вѣдомства интересами общественными. Распоряженія его, какъ руководителя воспитательной части, были открыты для каждаго. Сколько-нибудь существенная мѣра всегда предавалась печати. Поэтому каждый заинтересованный въ дѣлѣ воспитанія зналъ эти мѣры и въ «собственномъ домѣ, на самыхъ близкихъ, какъ выразился одинъ изъ участвующихъ на обѣдѣ, повѣрялъ ихъ благіе результаты». Притомъ Пироговъ былъ доступенъ

какъ частное лицо для каждаго и, сверхъ того, личнымъ письменнымъ трудомъ и непреодолимымъ влияниемъ онъ вызвалъ округъ къ небывалой умственной и педагогической дѣятельности. Общество, по крайней мѣрѣ мыслящая часть его, осознательно поняло, что воспитаніе не есть формальная дрессировка, удобное средство для пріобрѣтенія привилегій; оно увидѣло, что авторъ *Вопросовъ жизни* самъ, и, подъ его влияниемъ, окружающіе его стараются сообщить воспитанію будущихъ поколѣній характеръ жизненнаго, насущнаго вопроса. Общество поняло это и оцѣнило. Отсюда неудивительно, что вѣсть объ оставленіи Н. П.-мъ должности попечителя отозвалась такъ же скорбно и съ тою же силой въ самомъ обществѣ, какъ и между учебнымъ вѣдомствомъ. Общее сочувствіе выразилось въ разныхъ формахъ: въ мысли о подпискѣ, о стипендіи, въ желаніи многихъ пріобрѣсть портретъ Пирогова. Тѣ, для которыхъ онъ трудился послѣдніе два года, сознавали ясно, что теряютъ въ немъ, независимо отъ необыкновенной симпатической личности знаменитаго педагога и чловѣка, выразившаго въ себѣ лучшія, хотя, можетъ-быть, инстинктивные ихъ стремленія.

«Съ этой точки обѣдъ 9-го апрѣля представлялъ фактъ небывалый и многозначительный.

«Едва только была заявлена мысль о гласномъ выраженіи общаго сожалѣнія отбѣжающему, какъ готовность участвовать въ немъ выразилась отовсюду. Лица разныхъ классовъ и вѣдомствъ, военные и штатскіе, спѣшили принять участіе въ грустномъ торжествѣ. Конечно, тупое и безсильное недоброжелательство, обыкновенно сопровождающее замѣчательныя личности, пыталось и здѣсь уронить значеніе обѣда, придавъ ему далеко не такой характеръ, какой онъ имѣлъ по составу лицъ, въ немъ участвовавшихъ. Разумѣется, эти усилія остались безъ успѣха, потому что дѣло говорило само за себя. Утромъ, въ день обѣда, число участвующихъ возросло до 140 и затѣмъ приходилось уже отказывать многимъ, такъ какъ зала, выбранная для торжества, не вмѣщала въ себя болѣе посѣтителей. Оживленный и пестрый видъ представляло собраніе, когда вошелъ Н. П., сопровождаемый депутатами. Здѣсь каждый по своему спѣшилъ выразить ему свое сочувствіе, по всего определеннѣе оно выразилось, разумѣется, въ рѣчахъ».

Говорили отцы семействъ, благодарившіе Пирогова за дѣтей своихъ, Еврей отъ лица своихъ соплеменниковъ, иностранецъ, высказавшій удивленіе, возбужденное въ немъ простотою обхожденія Пирогова, говорили и другіе. Не имѣя возможности помѣтнуть здѣсь все сказанное, приводимъ только нѣкоторыя замѣчательнѣйшія мѣста рѣчей:

«Граждане города Кіева,» сказалъ Пирогову почтенный отецъ семейства и бывшій градской глава Н. С. Балабуха, «не одною славою, которая разноситъ имя ваше по всей Россіи и даже по всей Европѣ, какъ извѣстнѣйшаго благодѣтеля чловѣчества, побуждаются изъявлять вамъ свое глубокое уваженіе и душевную признательность.

«Наши дѣти, обучающіеся здѣсь въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ отъ университета до воскресныхъ школъ, вамъ обязаннымъ своимъ существованіемъ, возбуждаютъ насъ къ тому, потому что всѣ они питаютъ къ вамъ почтительную привязанность и часто повторяютъ имя ваше, какъ ихъ высокаго руководителя и воспитателя въ правилахъ чести, чловѣколюбія, въ духѣ правды и

истины. За нихъ-то мы почитаемъ святымъ долгомъ благодарить васъ и отъ глубины души искренно, сердечно благодаримъ, благодаримъ! Дай Богъ, чтобы добрыя сѣмена, вами и подлѣ вашимъ руководствомъ, достойными наставниками посѣяныя въ юныхъ умахъ и сердцахъ дѣтей нашихъ, сохранились, возрастали и приносили благіе плоды любезному отечеству нашему, плоды, радующіе наше сердце.»

Г. Каценъ сказалъ:

«Не стану говорить о фактической, всѣми видимою стороною вашей дѣятельности: она уже была понята и оценена представителями другихъ еврейскихъ обществъ. Я остановлюсь на сторонѣ еще болѣе свѣтлой, болѣе богатой послѣдствіями—на нравственномъ вліяніи вашей дѣятельности, отразившемся такъ благодѣтельно на русскихъ Евреяхъ. Бѣдственная участь нашего народа въ средніе вѣка оставила насъ въ состояніи челоуѣка, ошеломленнаго постоянными несчастіями, мучительными преслѣдованіями; мы такъ были измучены, такъ избиты, что намъ нечего было болѣе бояться, нечего было болѣе повредить въ насъ. Наученные опытомъ, мы не могли вѣрить, чтобы кто-нибудь захотѣлъ облегчить наши страданія. Новая исторія не слишкомъ много сдѣлала для того, чтобы вывести насъ изъ этого нравственнаго оцѣпенѣнія, этого гибельнаго недоуверія ко всему не-европейскому. Правда, орудіе было другое: въ среднихъ вѣкахъ—физическая сила, въ новыхъ—низшая степень гражданскихъ правъ. Разумѣется, время и цивилизація взяли свое: образованное меньшинство успѣло примириться съ настоящимъ и съ любовью и надеждой протягиваетъ руку потомкамъ, забывая вину предковъ; но для того, чтобы возбудить это чувство довѣрія въ массы, къ окружающей ее средѣ, нужна была личность, не только одинаково сочувствующая интересамъ всѣхъ народностей, но и привязанная къ нашему бѣдному, страдальческому племени особеннымъ чувствомъ состраданія, снисходительности къ его слабостямъ, какъ къ необходимымъ послѣдствіямъ историческаго хода событій, нужна была личность свѣтлая, высоконравственная, пужны были вы П. П.! Вы это и сдѣлали. Ваше имя, имя Русскаго стало популярнымъ между Евреями; вы намъ дали этимъ надежду на сближеніе съ народомъ русскимъ, сближеніе, составляющее задушевное желаніе, самое искреннее стремленіе образованнаго Еврея. Вотъ подвигъ, который вы совершили, вотъ заслуга, за которую ваше имя останется вѣчнымъ памятникомъ въ исторіи развитія еврейскаго народа.»

Простыя слова Француза г. Морена, недавно пріѣхавшаго въ Россію и дивившагося благосклонному приему, которымъ удостоилъ его бывший попечитель, оказавшійся не суровымъ и не неприступнымъ, а просто-привѣтливимъ, равно какъ и рѣчь г. Судовщикова, оставляютъ глубокое, отрадное впечатлѣніе. Вотъ-что сказалъ г. Судовщикъ:

«На службѣ ли, въ частныхъ ли отношеніяхъ, мы видѣли въ васъ ту же неизмѣнность своимъ убѣжденіямъ и терпимость къ чужимъ, ту же независимость, ту же прямоту, то же желаніе быть полезнымъ всякому, то же довѣріе къ челоуѣку, тотъ же сочувственный откликъ всему челоуѣческому.»

«Мало того, кто хоть разъ побывалъ въ вашемъ кабинетѣ, тотъ могъ уже заключить, что уваженіе къ челоуѣку не только перешло у васъ изъ головы въ сердце, но оно усвоилось всѣмъ организмомъ вашимъ, сдѣлалось вашею»

натурой, и сказалося въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи вашемъ; эти человѣчныя начала проникли въ самую манеру вашу, которую иначе нельзя назвать, какъ человѣчною.

«Генералъ, учитель, профессоръ, сторожъ, гимназистъ, богатый купецъ и жалкій продавецъ спичекъ—вы встрѣчали ихъ всѣхъ равно человѣчно. Ваше естественное, даже рѣзкое прямотушіе легко отражалось на посѣтителѣ и никто не стѣснялся совѣтоваться съ вами ни о какомъ честномъ дѣлѣ, Скажу больше: я знаю людей, которые искусственно принскивали предлоги пойти къ вамъ, только бы слышать ваше мудрое, теплое слово, только бы взглянуть на ваше открытое, спокойное лицо.

«Какъ, повидимому, ни обыкновенны въ человѣкѣ такія человѣческія свойства, сколько ни велико въ наше время число людей, претендующихъ на гуманность, но у насъ пока она—вещь рѣдкая, слишкомъ рѣдкая.

«Отдаемъ все должное гуманнѣйшимъ людямъ нашимъ—и все-таки не можемъ не замѣтить, что одинъ изъ нихъ подавляетъ тебя своимъ ученымъ авторитетомъ и высокомернымъ взглядомъ на всякое противорѣчіе, другой видимо рисуется гуманностью въ серіозномъ кружкѣ и показываетъ свое общественное положеніе въ комильфотной гостиной, третій отдѣляется чиновническою въжливостью отъ всѣхъ, кромѣ интимныхъ пріятелей, четвертый наконецъ, при случаѣ, просто подымаетъ плечи и шеголяетъ украшеніемъ на шеѣ.

«А впрочемъ все это передовые люди наши, представители нашего образованія, всѣ они такъ убѣдительно говорятъ о гуманности вообще и такъ добросовѣстно умиляются собственной.

«Бѣда только въ томъ, что головная гуманность не даетъ общаго настройки жизни, не проходитъ сквозъ ихъ житейскія отношенія.

«Вина всему, очевидно, заключается не въ самихъ личностяхъ, а въ той необразованной средѣ, гдѣ воспитались онѣ; не умѣя возвыситься надъ нею нравственно и сохранивъ многіе недостатки большинства, лучшія личности наши успѣли возгордиться потому только, что нашли мало подобныхъ себѣ по умственному развитію.

«Вы, Н. И., смѣло можете находить еще меньше подобныхъ себѣ, вы больше другихъ оказали услугъ обществу, вы имѣте много внутреннихъ и высшихъ отличій, вы наконецъ родились въ той же необразованной средѣ.

«Какъ же вы успѣли раздѣлаться съ мелочною свѣсью даже лучшихъ людей нашихъ?

«Какъ же вы остались такъ гуманны на дѣлѣ, такъ просты душою, такъ естественны со всякимъ человѣкомъ?

«Кто же виною тому?

«Конечно, не русская жизнь—она успѣла испортить много и лучшихъ людей—а ваша собственная нравственная личность, высокая и простая, какъ все высокое. Она-то одинаково человѣчно выражается и въ общественной дѣятельности и въ вашихъ личныхъ, ежедневныхъ отношеніяхъ; она-то вызвала къ вамъ симпатію даже тѣхъ людей, которые почти не знали васъ, какъ человѣка.»

Какъ ни ярко изображаютъ характеръ дѣятельности и личные свойства Николая Ивановича приведенныя нами слова присутствовавшихъ на обоихъ обѣдахъ, но яснѣе и нагляднѣе основныя начала си-

стемы его отразились въ краснорѣчивомъ и мудромъ словѣ самого знаменитаго гостя.

«То, что мнѣ теперь предстоитъ,» сказалъ онъ, обращаясь къ своимъ собесѣдникамъ, «скоро съ тѣмъ, что для меня прошло.

«Позднюю весной, послѣ продолжительной и суровой зимы, я буду орать и засѣвать мои поля (*), запущенныя, засоренныя плевелами и съ закопавшеюся вблизи саранчей.

«Я буду трудиться въ потѣ лица, буду разрыхлять и очищать землю; постараюсь сдѣлать все какъ-можно рациональнѣе, замѣню крѣпостной трудъ свободнымъ, буду обходиться и съ рабочими какъ съ людьми вольными, а не крѣпостными.

«Но, разумѣется, законовъ природы и необходимости этимъ не измѣню.

«Растаявшій ледъ превратится въ потоки воды, которые во многихъ мѣстахъ разнесутъ мои сѣмена; саранча выведется тамъ, гдѣ она не была разрушена плугомъ и воздухомъ; рабочіе не сразу поймутъ, что для нихъ лучше такъ работать, чѣмъ по прежнему.

«И можетъ-быть мои труды и заботы не удадутся на первый разъ. Это, конечно, не остановитъ меня, потому что я знаю, отчего сразу не можетъ все идти хорошо.

«Но найдутся, безъ сомнѣнія, и тутъ люди, которые скажутъ, что причина, почему у меня не все взошло, не потоки воды, разнесшіе мои сѣмена, не ледяная кора, покрывавшая слишкомъ долго землю, и даже не саранча, которая закопалась еще до меня, а то, что я началъ обрабатывать мои поля не по прежней рутинѣ и слишкомъ скоро замѣнилъ крѣпостной трудъ свободнымъ.

«Бывъ попечителемъ, я также оралъ и засѣвалъ мое поле позднюю весной, два оттаявшее отъ лучей вѣшняго солнца; на немъ была еще ледяная кора; въ немъ была закопавшаяся саранча; трудъ не былъ свободнымъ и прибыльный для обѣихъ сторонъ.

«Мудрено ли, что могли и тутъ найдтись такіе, которые не въ законахъ необходимости, не въ порядкѣ вещей искали причину, почему мое поле не такъ скоро дало обильную жатву?

«Но неужели же я долженъ былъ остановиться, слушая толки и не вѣря болѣе въ то, что зналъ вѣрно; неужели долженъ былъ измѣнить весь планъ моихъ дѣйствій, промѣнять рациональность и здравый смыслъ на рутину и безсмыслие?

«Кѣмъ былъ бы я тогда въ глазахъ передовыхъ людей, мнѣнїемъ которыхъ дорожу, и главное,—кѣмъ былъ бы я тогда въ собственныхъ глазахъ моихъ?

«Теперь, когда я начну у себя хозяйничать, я долженъ буду прежде всего позаботиться о кредитѣ. Мнѣ необходимо довѣріе тѣхъ, съ кѣмъ я буду вести мои дѣла.

«Но если кредитъ и взаимное довѣріе теперь необходимы для меня, какъ для будущаго хозяина: то не болѣе ли они мнѣ были пужны, когда я былъ попечителемъ?

«Что могъ я сдѣлать существеннаго, не заслуживъ сначала полного нравственнаго довѣрія тѣхъ, которыхъ главная обязанность проводить убѣжденія и тѣхъ, на кого я долженъ былъ дѣйствовать путемъ убѣжденія?

(*) Н. И. уѣзжалъ въ деревню.

«Вотъ это-то полное, нравственное довѣріе я и старался всѣми силами дворить и между старыми, и между молодыми. Но для этого я долженъ былъ дѣйствовать прямо и откровенно. Въ краѣ, гдѣ постоянно нужно сообразоваться съ различіемъ національностей, я не могъ не быть ровень и одинаковъ со всѣми и строго безпристрастенъ, желая добра и правды всѣмъ безъ различія.

«Въ моихъ глазахъ попечитель есть не столько начальникъ, сколько миссіонеръ. Онъ долженъ не приказывать, а убѣждать. Иначе, въ трудныхъ обстоятельствахъ, когда ему понадобится серьезный трудъ его подчиненныхъ, когда нужно будетъ сдѣлать воззваніе къ ихъ чувству долга и законности, къ благодородству и достоинству человѣка, онъ не можетъ рассчитывать ни на себя, ни на другихъ.

«Таковъ мой взглядъ. Онъ не могъ не казаться страннымъ и даже, можетъ-быть, опаснымъ. Я это очень хорошо зналъ всегда. Но не мною я быть не могъ. И мнѣ оставалось идти, не отступая, предоставивъ Провидѣнію рѣшить кто крѣпче: препятствія ли, которыя я долженъ былъ встрѣтить, или я самъ.

«Слѣдуя моему взгляду, мнѣ нужно было дѣйствовать и на учащуюся молодежь и на самихъ наставниковъ. Общество, отцы, сограждане имѣли полное право требовать отчета въ моихъ дѣйствіяхъ: хвалить и порицать.

«А тогда можно ли было обойтись обществу, составленному изъ нѣсколькихъ національностей, безъ разпорѣчій, ложныхъ слуховъ и неправильныхъ толкованій?

«Но долженъ ли я былъ имъ подчиниться и исказить мой образъ дѣйствій для того только, чтобъ утѣшать себя обманчивою тишиною, пассивнымъ безмолвіемъ и кажущимся порядкомъ?

«Ученіе и распорстраненіе научныхъ истинъ я считалъ за священнодѣйствіе и глубоко уважалъ истинныхъ наставниковъ. Но и въ слабыхъ я чтилъ чловѣческое достоинство и личность. Въ молодыхъ людяхъ я любилъ и уважалъ молодость, потому что хорошо помнилъ свою.

«На этомъ уваженіи, которое я заявлялъ открыто и гласно, основывалъ я и то взаимное, нравственное довѣріе наставниковъ и учащихся, которымъ начиналъ уже пользоваться, но не для себя, а въ интересахъ университета и цѣлаго общества этого края.

«Я твердо зналъ, что необдуманные порывы молодости и поступки, противорѣчащіе законамъ нравственности, будутъ исчезать сами собою по мѣрѣ того, какъ возрастетъ еще сильнѣе довѣріе, а съ нимъ вмѣстѣ и значеніе нравственной власти.

«Я зналъ, что гдѣ господствуетъ сила убѣжденія, тамъ исчезаетъ произволъ съ его волнующими слѣдствіями.

«Я не могъ дожидаться этого счастливаго времени; по вамъ, гг., членамъ общества, предстоитъ, если вы вполнѣ раздѣляете мои взгляды и сочувствуете моимъ убѣжденіямъ, поддержать данное мною направленіе вашимъ мнѣніемъ, вашимъ просвѣщеннымъ содѣйствіемъ и любовью къ общему благу.»

Весьма замѣчательна рѣчь М. В. Юзефовича, бывшаго помощника попечителя кievскаго округа:

«Настоящее собраніе, независимо отъ прямой своей цѣли, есть фактъ весьма утѣшительный: оно доказываетъ, что у насъ есть уже элементы для высшихъ требованій жизни, есть достаточно развитія для сознанія главныхъ ея интересовъ, есть, слѣдовательно, способность идти впередъ. Дѣятельность

Н. И. Пирогова была здѣсь такова, что ее не могла бы осмыслить неподвижная рутина; насъ же собрало здѣсь сознательное сочувствіе къ знаменитому двигателю отечественнаго просвѣщенія.

«Оставленіе имъ этого поприща отзовется, безъ сомнѣнія, грустнымъ чувствомъ во всей мыслящей Россіи. Тѣмъ грустиѣ оно для тѣхъ, кто могъ во очію слѣдить за его дѣятельностію.

«Конечно, не всѣ у насъ одобрили систему Пирогова. Многіе; смотря на воспитаніе съ формальной его стороны, не могли примириться съ тѣми явленіями, которыя неизбѣжны на поверхности всякаго переворота, и не дождавшись результатовъ, по нагляднымъ признакамъ, осуждали самую систему. Такова судьба всѣхъ реформаторовъ. Переходъ отъ одного порядка къ другому никогда не совершается ровнымъ шагомъ и потому всегда сопутствуется недовѣріемъ, опасеніемъ, обвиненіями. Одинъ только передовой вожатый идетъ мѣрнымъ, твердымъ шагомъ и приводитъ къ цѣли, если ему не мѣшаютъ.

«Педагогическая система Н. И. Пирогова была глубоко задумана и обдумана. Она была рассчитана вѣрно, скажу болѣе, она одна вѣрна, если мы хотимъ серьезно покончить съ старою рутинной.

«Согласуясь съ требованіями современнаго у насъ движенія, Пироговъ вѣистѣ съ тѣмъ, и въ мысли, и въ совѣсти, имѣлъ въ виду не уклоняться отъ параллели общаго хода у насъ вещей. Гражданская честность его была такъ строга, что онъ не только не считалъ такого уклоненія позволительнымъ, но называлъ его преступленіемъ. Я привожу его собственныя слова, сказанныя въ искренней бесѣдѣ. Такой взглядъ на гражданскія свои обязанности онъ и формально подтвердилъ, дважды заявивъ программу своего управленія.

«Отмѣченъ долженъ быть въ лѣтописи русскаго народнаго просвѣщенія тотъ день, въ который Пироговъ призванъ былъ на педагогическое поприще. Тогда еще общее мнѣніе встрѣтило автора *Вопросовъ жизни* съ полными надеждами ожиданіями. Но когда его дѣятельности, заявившей уже себя въ Одессѣ, стеченіе обстоятельствъ открыло здѣшнее, болѣе широкое, поле, тогда всѣ люди благомыслящіе привѣтствовали это событіе, какъ начало новой эры въ исторіи нашего общественнаго образованія. И они не обманулись. Здѣсь знаменитый дѣятель неутомимо, съ настойчивостію доконченныхъ убѣжденій, приступилъ къ осуществленію своихъ преобразовательныхъ плановъ. Не выходя изъ круга существующихъ постановленій, онъ внесъ въ этотъ кругъ всѣ новыя начала, какимъ былъ возможенъ въ него доступъ: восстановление значенія педагогическихъ совѣтовъ; по закону имъ принадлежавшаго, введеніе конкурсовъ для выбора преподавателей, принятіе въ основу воспитанія начала законности, все это вѣистѣ придало ходу какъ учебной, такъ и воспитательной части, новое направленіе, конечно только приговорительное, но оживившее прежнюю учебную рутину и выведшее наши воспитательныя заведенія изъ разряда чисто-дисциплинарныхъ учреждений. Будучи убѣжденъ въ нравственномъ безсиліи дисциплинарной системы и въ воспитательной неэффективности повиновенія безъ убѣжденія, онъ прежде всего желалъ утвердить воспитательный авторитетъ на безусловномъ довѣрїи воспитываемыхъ, и начавъ, собственнымъ примѣромъ, съ признанія права въ самомъ ребенкѣ, этимъ путемъ повелъ юношество къ сознанію значенія и обязанностей чловѣка и гражданина. Много прекрасныхъ началъ пробудилось въ юныхъ душахъ съ тѣхъ поръ, какъ дали имъ свободу распахнуться. Но при

этомъ, разумѣется, юная жизнь не могла воздержаться отъ прыжковъ и скачковъ перваго увлеченія, что и дало поводъ къ опасенію и недоувѣрью, о которыхъ я упомянулъ выше.

«Дѣйствуя положительными мѣрами тамъ, гдѣ было можно, онъ въ то же время разработалъ и выяснилъ множество педагогическихкихъ вопросовъ, общихъ и частныхъ, какъ въ своемъ циркулярѣ, такъ и въ другихъ повременныхъ нашихъ изданіяхъ. Въ числѣ этихъ работъ есть въ особенности одна, которая привьется къ жизни, если не въ наше время, то въ будущемъ, потому что вѣрная идея, вызванная на свѣтъ, никогда не погибаетъ. Я разумно планъ нижнихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, составленный имъ въ отвѣтъ на проектированный у насъ новый уставъ этихъ заведеній и разрѣшающей одну изъ важнѣйшихъ и труднѣйшихъ задачъ нашего времени, именно: примиреніе двухъ образованныхъ направленій—общечеловѣческаго съ реальнымъ. Съ удивительною простотою здравой логики разрѣшаетъ нашъ педагогъ этотъ капитальный вопросъ,—съ тою простотою, которая доступна лишь гениальнымъ умамъ.

«Но трудно было Н. И. совершить здѣсь спокойно свою педагогическую реформу. Въ учебныхъ заведеніяхъ здѣшняго края сожмѣщаются двѣ разновидности и разнохарактерныя національности. Борьба между ихъ началами пока еще неустраима. Хотя Н. И. формально устранялъ отъ себя этотъ вопросъ, какъ чуждый чисто-воспитательнымъ цѣлямъ, какъ вопросъ, сверхъ того, не разрѣшающійся воспитательными приемами, что доказалъ тридцатилѣтній нашъ опытъ, а зависящій отъ воздѣйствія другихъ умиротворяющихъ способовъ; но, тѣмъ не менѣе, этотъ посторонній вопросъ мѣшалъ правильному развитію системы, стѣсняя во многомъ свободу дѣятельности педагога.

«Онъ, однакожь, велъ къ разумному разрѣшенію и эту трудную задачу здѣшняго университета. Онъ оставляетъ поприще въ ту самую минуту, когда пригготовительныя мѣры давали уже ему возможность перейти къ самой организаціи студентской общины, хотя, впрочемъ, въ этомъ отношеніи, онъ желалъ радикальной реформы.

«Намъ остается скорбѣть, что такая глубокозадуманная дѣятельность не успѣла совершить всего своего подвига и водворить въ нашей жизни новыя начала общественнаго воспитанія.

«Какъ близкій свидѣтель дѣйствій Н. И. Пирогова и какъ человекъ, имѣющій всѣ данныя для сравненія прошедшаго съ настоящимъ, я утверждаю положительно, что и въ неполной мѣрѣ своего развитія система его достигла результатовъ, достаточныхъ для оправданія своей состоятельности, именно: она достигла возбужденія педагогической дѣятельности въ наставникахъ и любви къ образованію въ учащихся, возвышенія научныхъ требованій со стороны студентовъ и, наконецъ, несомнѣннаго улучшенія въ общемъ нравственномъ направленіи молодежи, въ увлеченія стремленіями, независимыми отъ воспитанія.

«Каждый, кому дорого отечественное благо, проводитъ Н. И. Пирогова съ чувствомъ глубокаго уваженія и благодарности за услуги, оказанныя имъ, словомъ и дѣломъ, нашему просвѣщенію, и каждый долженъ обратиться къ нему съ желаніемъ и просьбой, чтобъ онъ и на покой, въ тиши уединенія, не оставлялъ безъ помощи вопросовъ, отъ рѣшенія которыхъ зависятъ всѣ наши судьбы, вся наша будущая исторія.

«Выпьемъ же, мм. гг., въ лицѣ нашего Пирогова, за здоровье міроваго ученаго гениальнаго мыслителя, знаменитаго педагога и образцоваго гражданина!»

Въ заключеніе, приведемъ слова автора *Описанія Прощанія* о послѣднихъ проводахъ Н. И.

«Пироговъ выѣхалъ изъ Кіева 18-го апрѣля въ 8 часовъ вечера. Уже съ 3-хъ часовъ пополудни большая толпа (отъ 200 — 300) студентовъ, гимназистовъ, многихъ лицъ учебнаго вѣдомства и весьма многихъ жителей города, пѣшкомъ и въ экипажахъ ожидала у зданія первой гимназіи минуты, чтобы сказать послѣднее *прости* искренно любимому и цѣнному человеку. Еще бѣльшая толпа (отъ 700—800) заранѣе отправилась на дачу Санъ-Суси (на 7-й верстѣ отъ города) съ тою же цѣлью. Тамъ, между собравшимися, было много и дамъ, лишенныхъ доселѣ возможности принять участіе въ выраженіяхъ общаго сочувствія къ Николаю Ивановичу.

«Въ 8 часовъ онъ вышелъ съ своимъ семействомъ и отовсюду послышались крики сожалѣнія и разлуки. Еще въ воздухѣ раздавались слова «прощайте, помните насъ,» а уже почтовый экипажъ уносилъ изъ Кіева человека, память котораго будетъ долго и долго жить въ немъ. Длинный кортежъ всякаго рода экипажей потянулся до Санъ-Суси за тарантасомъ Пирогова. Когда пріѣхали,—уже совершенно стемнѣло. Можно было только разсмотрѣть, что на пространствѣ $\frac{1}{4}$ версты по шоссе все было занято народомъ и экипажами. Воздухъ огласился снова криками сожалѣнія. Ожидавшіе остановили экипажъ Пирогова; онъ долженъ былъ выйти и сказать нѣсколько прощальныхъ словъ людямъ, захотѣвшимъ почтить и послѣднія минуты пребыванія его въ Кіевѣ. Онъ благодарилъ всѣхъ за участіе, ему выраженное, напомнилъ въ короткихъ словахъ то, о чемъ подробно говорилъ на первомъ и второмъ обѣдахъ, напомнилъ о непреходящемъ царствѣ идеи, гдѣ онъ не перестаетъ еще встрѣчаться съ любящими его, простился со всѣми, обнявъ въ лицѣ одного всѣхъ присутствовавшихъ, и при единодушныхъ крикахъ искренней любви, уваженія и сожалѣнія, отправился далѣе по дорогѣ къ Бердичеву. Большинство возвратилось въ городъ; но многіе еще провожали его до станицы и болѣе счастливые сказали ему послѣднее «прощайте.»

Въ Бердичевѣ, Н. И. оказанъ былъ также горячій пріемъ. Признательные Евреи и здѣсь, какъ и въ Кіевѣ, выражали ему свои чувства, за благородныя заботы объ ихъ просвѣщеніи и за тѣ чловѣчныя отношенія, которыя Н. И. соблюдалъ къ нимъ самъ, и въ которыя другихъ умѣлъ поставить.

Въ заключеніе, прибавимъ, что Н. Ив. Пироговъ принялъ на себя должность *міроваго посредника*. Кто не согласится съ нами, что едва ли къ кому-другому больше пристало это благородное званіе и едва ли кто-другой лучше Н. Ив-ча исполнить этотъ трудный, высокій подвигъ... Какъ было-бы полезно, еслибъ великій педагогъ сообщилъ во всеуслышаніе свои наблюденія въ новой сферѣ жизни...

НЕДОРАЗУМѢНІЕ

ПО ПОВОДУ СЛОВА «ЖИДЬ».

Мы получили письмо, въ которомъ дѣлаютъ намъ незаслуженный упрекъ. Вотъ что, между прочимъ, пишетъ г. П—въ:

«Я былъ увѣренъ, что въ программу «Основы» не входило намѣреніе оскорблять кого-нибудь. На дѣлѣ вышло иначе...

«Позвольте мнѣ объяснить. Всего годъ, какъ я кончилъ университетское образованіе, и въ продолженіи шести лѣтъ, имѣлъ счастье, вмѣстѣ съ лучшими своими товарищами, посѣтить русскіе университеты (Харьковскій, Кіевскій и Казацкій). Я вступилъ въ университетъ въ прежнее время. Тогда еще въ университетахъ раздавалась гнусная кличка «жидь», и этой кличкой часто называли студента еврейскаго исповѣданія. Но, съ обновленіемъ Россіи, эта кличка исчезла изъ университетовъ. Многочисленные мои товарищи подчасъ уже обозначали этимъ *парицательнымъ* словомъ вообще всякого плута и мошенника,—все равно, былъ ли онъ еврейскаго, католическаго или православнаго исповѣданія. Значить, молодое поколѣніе дальше васъ шагнуло. Оно отрѣшилось отъ національныхъ узкихъ предразсудковъ и отличаетъ человека по его личнымъ достоинствамъ, а не по вѣрѣ. Признаюсь, я радовался этому совершенному примиренію молодого поколѣнія и былъ счастливъ, что это совершилось на моихъ глазахъ. Радостная вѣсть эта разносилась нами во все концы Россіи. Русская литература заявила себя въ томъ же духѣ и давно отрѣшилась отъ слова *жидь*. Вдругъ являетесь вы съ журналомъ, гдѣ хотите пробудить средневѣковую вражду, еле-еле задремавшую; вы хотите возвратитъ свой народъ (по-крайней-мѣрѣ въ этомъ отношеніи) ко временамъ *Богдана*. Скажите на милость, неужели вамъ это доставитъ душевное удоволь-

ствіе, когда разъяренная чернь проведетъ свой неумолимый ножъ по тысячамъ несчастныхъ жертвъ и кровь почти полумилліона Евреевъ безвинно прольется по Украинѣ?... Или вы хотите имѣть побольше подписчиковъ, обязавшись лстить грубымъ и черствымъ натурамъ разныхъ Ивановъ Ивановичей и Ивановъ Никифоровичей? Если — да, то я васъ поспѣшу увѣрить въ слѣдующемъ. Вы учились давнымъ-давно, а я только-что оставилъ университетъ. Молодое поколѣніе Малороссовъ, сочувствуя вашей *Основѣ* во всемъ другомъ, нисколько не раздѣляетъ отсталыхъ понятій относительно Евреевъ. Въ послѣдніе годы, студенты русскихъ университетовъ научились отличать Евреевъ и не клеймить ихъ болѣе позорнымъ словомъ «жидъ». Слѣдовательно, выраженія: «жидъ, жидова», и тому подобныя, уже не производятъ теперь того эффекта, какой производили они во времена Оаддея Венедиктовича Булгарина и К^о. Напрасный трудъ, ложный путь!...

«Далѣе. Я имѣлъ счастье, вмѣстѣ съ своими товарищами православнаго исповѣданія, посѣтить и тюрьмы. Странно, что нашъ слухъ нигдѣ не былъ оскорбляемъ никѣмъ изъ зрителей, вахтеровъ, унтеровъ, ефрейторовъ и другихъ бывшихъ при насъ въ крѣпостяхъ, тюрьмахъ и острогахъ. А тутъ пришлось встрѣтиться съ этимъ милымъ эпитетомъ, послѣ долговременной разлуки, въ вашемъ журналѣ. Отъ души жаль!

«Вы, конечно, легко поймете, что раздраженный тонъ моего письма порожденъ чувствомъ *глубоко-оскорбленнаго самолюбія*. Цѣль же иначе. И я умоляю васъ—не оскорблять насъ больше. Неужели вамъ это трудно? Согласитесь, что если образованные молодые люди изъ Евреевъ оскорбляются этимъ прозвищемъ; то вамъ, какъ редактору, слѣдуетъ избѣгать его. Кто-жъ изъ Евреевъ этимъ не оскорбляется, тотъ ничѣмъ не оскорбится.

«Во имя успѣха вашего журнала, во имя благоденствія Украины, отъ имени Евреевъ, оскорбленныхъ гнусными выраженіями вашего журнала, умоляю васъ замѣнять ихъ впередъ нашимъ національнымъ именемъ. И только вѣра въ благородство вашихъ цѣлей и стремлений побуждаетъ меня просить васъ объ этомъ письменно, а не печатно, не гласно (1). Въ подтвержденіе своей правоты, ссылаюсь на судъ

(1) Только ложь и зло любятъ скрываться, а мы не мыслимъ ни того, ни другаго, и пользуемся этимъ случаемъ, чтобъ отвѣтить всѣмъ, кто удостоитъ наше откровенное мнѣніе своимъ вниманіемъ. Ред.

университетовъ и въ-особенности на голосъ нашего великаго учителя, котораго вы, вѣроятно, знаете. Можете передать ему мои претензіи. Знакомый съ студентами—Евреями, онъ васъ увѣритъ, насколько вашъ журналъ несовремененъ въ этомъ отношеніи.

«Я надѣюсь, что вы удовлетворите нашей просьбѣ и тѣмъ обяжете всю сочувствующую вамъ еврейскую молодежь, а въ-особенности меня, Еврея.»

Мы почли своею обязанностью отвѣчать на это письмо печатно, въ томъ предположеніи, что мнѣніе, высказанное г. П—вымъ, (котораго человѣчности и любви къ своимъ соплеменникамъ мы искренно сочувствуемъ), вѣроятно, раздѣляютъ и другіе Евреи.

Положа руку на сердце, мы можемъ смѣло сказать, что насъ меньше тронуло обидное предположеніе о служеніи своимъ интересомъ посредствомъ угожденія средневѣковымъ понятіямъ, нежели то, что кто-либо оскорбленъ выраженіемъ, употребленнымъ въ «Основѣ», будто—бы *умышленно, изъ вражды и презрѣнія къ какому бы то ни было племени на землѣ*. Смѣю увѣрить почтеннаго моего обвинителя и вообще всѣхъ Евреевъ, сочувствующихъ намъ и не сочувствующихъ,—просвѣщенныхъ и непросвѣщенныхъ сознаниемъ братства всѣхъ безъ-исключенія людей,—что никогда враждебное къ еврейскому племени чувство не входило въ «Основу», что мы не считаемъ себя вправѣ оскорблять *кого бы то ни было*; что явленія, въ родѣ избіенія Евреевъ во времена *Богдана* и *Максима*, представляются намъ печальнѣйшими симптомами разстроенаго общественнаго организма; что, по нашему глубокому убѣжденію, никакія, повидному, добрыя послѣдствія подобныхъ болѣзненныхъ содроганій не искупаютъ того зла, которое наносится другимъ и самимъ—себѣ местию для мести, жестокостью и убійствомъ; что уваженіе и справедливость къ *человѣку*, а тѣмъ—болѣе къ *племени, народу и народности*, легло въ основаніе нашей «Основы», и что только *одно это начало* оправдываетъ ея появленіе и существованіе; что мы вѣруемъ только въ силу и плодотворность одной *правды*, безъ которой, пока она не стаплетъ главнымъ двигателемъ человѣческихъ отношеній, не можетъ осуществиться идеалъ человѣческаго общества,—а правда не мирится съ враждою и неуваженіемъ къ человѣческой личности;—что если мы падѣемся на успѣхъ, то единственно въ силу этого начала, которому никогда и ни для чего не измѣнимъ; и что, наконецъ, если мы (естественно) желаемъ для «Основы» больше подписчиковъ, то во имя то-

го, что она служить на пользу самопознанія, просвѣщенія, справедливости и любви, а ужъ никакъ не вражды, избытокъ которой долго еще будетъ и безъ насъ ощущаться въ нашемъ обществѣ, на каждомъ шагу и каждый часъ (1).

Но признавая общія начала, искренно и горячо желая осуществленія ихъ въ жизни, мы не должны забывать, что стоимъ на исторической, обусловленной извѣстною минутой и обстоятельствами, почвѣ; что эти начала, близкія, понятныя и убѣдительныя для насъ, еще долго будутъ неубѣдительны для массы, которая живетъ настоящею дѣйствительностью, фактомъ и каждую минуту ощущаетъ на собственной спинѣ его давленіе.

Держась исторической почвы, разсмотримъ безпристрастно недоразумѣніе относительно употребленія слова *жидъ*.

Слово *жидъ*, родственное латинскому *Judaicus*, нѣмецкому и французскому *Jude* и *Juif* и польскому *Zyd*, ни по словопроизводству, ни по смыслу своему, ни по значенію іудейскаго племени въ ряду прочихъ племенъ, нисколько не уступаетъ названіямъ *Еврей* (2) и *Израильтянинъ* (3). Имя *Жида*, т. е. Іудея, только позднѣйшее (появилось не за тысячи — какъ другія два, — а за сотни лѣтъ до Р. Х.), по значенію его одно и то же съ значеніемъ Израильтянина и Еврея.

Автору письма, вѣроятно, неизвѣстно, что Малороссы стали называть издавна и теперь называютъ Евреевъ *жидами* не въ презрительномъ, бранномъ, оскорбительномъ смыслѣ, а точно такъ же, какъ Великороссыицъ называли и называютъ Москалями, Поляковъ —

(1) Быть-можетъ, кому-нибудь покажется смѣшно, что мы публично исповѣдаемъ руководящія насъ начала по поводу письма, написаннаго въ раздраженіи самолюбія изъ-за слова (никогда, впрочемъ, нами лично неупотребленнаго) *жидъ* вмѣсто *еврей*. Намъ, напротивъ, грустно, что такъ мало взаимнаго пониманія между людьми, что 5 книжекъ журнала было недостаточно для уясненія другъ другу нашего взгляда; что г. П — въ, съ своимъ университетскимъ образованіемъ и знакомствомъ съ текущей литературой, суждается, съ нашей стороны, въ разъясненіи, и чуть не съ угрозой предъявляетъ свои требованія къ украинскимъ писателямъ, у которыхъ встрѣтилъ слово *жидъ* и которые между тѣмъ, въ числѣ первыхъ, печатно протестовали въ «Русскомъ Вѣстникѣ» противъ несправедливаго поступка «Иллюстраціи» съ г. Горвицемъ.

(2) Отъ слова *Геберъ*, — которое означаетъ — по ту сторону (народъ, обитающій по ту сторону Евфрата), или — какъ нѣкоторые думаютъ — имя одного изъ ветхозавѣтныхъ патриарховъ.

(3) Происходящій отъ Израиля.

Ляхами; что другого слова, для названія еврейскаго племени, они почти и не знаютъ. Слово это пришло въ Южную Русь, вмѣстѣ съ еврейскимъ населеніемъ, изъ Польши, гдѣ и до сихъ поръ служить народнымъ названіемъ не только у Поляковъ, но и у *самихъ Евреевъ*. Даже въ ту эпоху, когда Евреи, подъ покровительствомъ польскихъ пановъ, пользовались на Украинѣ, такими (невѣроятными) правами и привилегіями, какихъ не имѣлъ цѣлый классъ южнорусскаго народа, — названіе *жидъ* употреблялось не только въ разговорномъ, но и въ официальномъ языкѣ самихъ пановъ-покровителей. Г. П.—въ можетъ найти многочисленныя подтвержденія нашихъ словъ въ актахъ стараго и новаго времени, въ которыхъ нерѣдко встрѣчаются слѣдующія выраженія: «объявляемъ симъ аренднымъ листомъ нашимъ, что мы отдали въ аренду *славному пану Абраму Шмойловичу, жиду Турейскому* и потомкамъ его наше наследственное имѣніе». (Памятн. изд. Кіевскою Коммисією, т. III., отд. II, стр. 68—70). Самое значеніе этого акта и слова не намекаетъ ни малѣйшей чертой на что-нибудь поносное для Еврея (это, конечно, хорошо извѣстно и автору письма).

Наша южно-русская литература ведетъ свое начало и почерпаетъ свои силы непосредственно отъ народа: основаніемъ ей послужили народные памятники изустной словесности; украинскіе писатели вышли или прямо изъ среды народа, или, будучи оторваны отъ него сословнымъ воспитаніемъ, — съ пробужденіемъ сознанія возвратились къ народу и долго не только изучали его, но и учились у него сами. Оттого-то языкъ и содержаніе нашей литературы вполне народны. Ясно, поэтому, что украинскій писатель, желая оставаться вѣрнымъ основному началу своей литературы, не долженъ, въ противоположность своей народности, вносить въ литературный языкъ, безъ нужды, новыя слова. Всякій малороссъ могъ бы упрекнуть г. Кулиша въ бесполезномъ нововведеніи, еслибъ онъ въ своей *Хмельницинѣ* сталъ употреблять вмѣсто *жидъ* слово *еврей*. Ученый, занимающійся изученіемъ старой украинской жизни, также не можетъ избѣгать слова *жидъ*, потому что вся старая южно-русская письменность только и знала это слово для обозначенія еврейскаго племени, и всякое, приведенное въ подлинникѣ мѣсто акта, лѣтописи, думы, пѣсни, касающееся Евреевъ, будетъ содержать это слово. Вотъ почему тѣ писатели, которые протестовали противъ «Иллюстраціи», употребляютъ между-тѣмъ слово *жидъ*, отнюдь не соединяя съ этимъ име-

нелъ другаго значенія, кромѣ прямаго. Южно-русскій поэтъ Шевченко, котораго никто не можетъ упрекнуть во враждѣ къ какой бы то ни было народности, произведенія котораго проникнуты негодованіемъ противъ всякихъ притѣсненій и несправедливостей, но не противъ народовъ, — также употреблялъ это слово. Еслибы г. П.—въ сообразилъ эти факты, то, —мы думаемъ,—онъ не сталъ бы, въ пылу раздраженнаго, Богъ вѣсть почему, *самолюбія*, упрекать насъ, въ томъ, будто бы мы хотимъ пробудить средневѣковую вражду къ еврейскому племени,—будто мы желаемъ возратить свой народъ ко временамъ *Богдана!*? Воображеніе такъ далеко увлекло г. П.—ва, что ему чудится даже разъяренная *чернь*, которая «проведетъ свой неумолимый ножъ по тысячамъ *несчастныхъ жертвъ*», т. е. Евреевъ, и все это потому только, что въ «Основѣ» допущено слово *жидъ*, которое постоянно, въ теченіе вѣковъ, произносилось и произносится 12-милліоннымъ населеніемъ. Г. П.—въ домогается, чтобы мы, ради его народности, отказались отъ своего народнаго слова... а почему бы г. П.—ву не подумать, въ это время, и о нашей народности, которая имѣетъ же свои права, и прежде всего—право говорить тѣмъ языкомъ, какимъ она всегда говорила?... Послѣ этого Полякъ станетъ требовать, чтобы южно-русскіе писатели, въ своихъ народныхъ произведеніяхъ, называли его Полякомъ, а не Ляхомъ, какъ называлъ его народъ, для котораго они пишутъ. Подобныя притязанія, съ гораздо большимъ правомъ, могъ бы предъявить и *Нѣмецъ* (такъ—какъ это слово происходитъ, вѣроятно, отъ *нѣмой*), а — чего добраго! — и Татаринъ, на томъ основаніи, что этимъ именемъ Малороссы называютъ иногда педобраго человѣка. Что касается до насъ лично, то мы согласились бы, въ этомъ отношеніи, на самыя широкія уступки... но что въ томъ пользы? «Розу какъ ни назови—она все—таки будетъ розой.»

Мы знаемъ, что народъ нашъ, отличающійся терпимостью вообще и вѣротерпимостью въ—особенности, смотритъ на Еврея несовсѣмъ дружелюбно, и что—поэтому, а не по чему другому—слово *жидъ*, въ устахъ его, означаетъ и человѣка, о которомъ народъ невысокаго мнѣнія,—извѣстный правственный образъ котораго не возбуждаетъ къ себѣ особенной расположенности. Винить ли въ этомъ народъ... Представьте же себѣ, что въ нашей печати слово *жидъ* исчезло; и неужели вы думаете, что съ изгнаніемъ его изъ южно-русской литературы измѣнится и взглядъ народа на еврейское племя? Развѣ перерожденіе понятій и убѣжденій можно совершить пу—

темъ мелкихъ, теоретическихъ уступокъ, не служащихъ ни къ чему, кромѣ минутнаго удовлетворенія щекотливому самолюбію и болѣзненной раздражительности? Развѣ не смѣшно обольщать себя тѣмъ, что, съ переименованіемъ, хоть на волосъ улучшатся отношенія народностей? Дѣло такъ важно! Оно требуетъ, чтобы люди, искренно готовые служить дѣлу, занялись его сущностію, а не внѣшностію, опустили до глубины, добрались до источника зла, и не думали, что, переименовавъ предметы, шагаютъ впередъ.

Въ народѣ образовалось невыгодное о Евреяхъ мнѣніе вслѣдствіе тѣхъ притѣсненій, которыя онъ когда-то вытерпѣлъ отъ нихъ. Вотъ-что онъ-самъ повѣствуетъ о своихъ прежнихъ отношеніяхъ къ Еврею:

Якъ одъ Кумівщини да до Хмельнищини,
Якъ одъ Хмельнищини да до Брянщини,
Якъ одъ Брянщини да до сѣго-жъ то дня,
Якъ у Земли Кралевскій да добра не було:

Якъ жида—рандарі
Всі шляхи козацькі зарандовали,
Що на одній милі
Да по три шинки становили,—
Становили шинки по долинахъ,
Заводили щоглі по високихъ могилахъ.

Ище-жъ то жида-рандарі
У тому не перестали:
На славній Україні всі козацькі торги зарандовали
Да брали мито-промыто:
Одъ *возового*
По пів-золотого,
Одъ *тишого-тишениці* по три денежки мита брали,
Одъ неборака-старця
Брали кури да яйця,
Да ище питае:
«*Ци нема, котикъ, ще цюю?*»

Ище-жъ жида-рандарі
У тому не перестали:
На славній Україні всі козацькі церкви зарандовали:
Которому бъ то козаку, альбо мужику, давъ Богъ дитину повивти,
То не йди до попа благословитьця,
Да пійди до жида-рандаря, да положъ шостаць,

Щобъ позволивъ церкву одчинити,
 Тую дитину окрестити.
 Ище-жъ то которому бъ то козаку, альбо мужику, давъ
 Богъ дитину одружити,
 То не йди до попа благословитьця,
 Да пійди до жида-рандаря, да положъ битий тарель,
 Щобъ позволивъ церкву одчинити,
 Тую дитину одружити.

Ище-жъ то жида-рандарі
 У тому не перестали:
 На славній України всі козацькі реки зарандовали:
 Перва на Самарі
 Друга на Саксані,
 Третя на Гнилій,
 Четверта на Пробійній,
 Пьята на речці Кудесці.
 Который-бъ то козакъ, альбо мужикъ, исхотивъ риби вловити,
 Жинку свою зъ дітьми покормити:
 То не йди до пана благословитьця,
 Да пійди до жида-рандаря да поступи ёму часть оддать,
 Щобъ позволивъ на річці риби вловити,
 Жинку свою зъ дітьми покормити.

(Записки о Южной Россіи, П. А. Кулиша, 1856 г. т. II стр. 58.)

Изображенныя въ народной думѣ отношенія измѣнились. Но до сихъ-поръ еврейское племя живетъ особнякомъ среди южно-русскаго населенія; до-сихъ-поръ оно не имѣетъ ничего общаго съ нашимъ народомъ и не сдѣлало ни одного шага къ сближенію съ нимъ, а, напротивъ не рѣдко дѣйствуетъ противно духу и пользамъ нашего народа. Для націи ничего не можетъ быть вреднѣе, какъ существованіе посреди нея другихъ народностей, которыя держатъ себя всторонѣ и равнодушны къ ея судьбамъ, или—что еще хуже—стремятся подчинить ее своей власти, или своему вліянію. Взаимное сближеніе, просвѣщеніе понятій, измѣненіе вредныхъ общественныхъ отношеній—вотъ то дѣло, которому съ пользою и успѣхомъ могутъ посвятить себя люди, желающіе послужить своему народу. Въмѣсто того, чтобъ тратить свои силы въ тщетныхъ спорахъ и несправедливыхъ притязаніяхъ, лучше постараемся, отложивъ въ сторону всяческое самолюбіе, внимательно и безпристрастно изслѣдовать зло во

всѣхъ его проявленіяхъ; тогда мы откроемъ причину и средства, тогда мы достигнемъ и до взаимнаго пониманія другъ друга,—а «пониманіе есть начало примиренія». Будемъ не словами только,—не однимъ бездѣятельнымъ сочувствіемъ, а самимъ дѣломъ слѣдовать Н. Нв. Пирогову, этому наставнику и руководителю на этомъ пути,—и, несмотря на предразсудки, несмотря на всѣ—повидимому—непреодолимыя трудности, представляемыя дѣйствительными, настоящими, отношеніями, мы успѣемъ больше сдѣлать, нежели сдѣлало бы повсемѣстное исчезновеніе названій и прозвищъ, неприятныхъ для чьего-либо народнаго самолюбія.

Не отказываясь, за своихъ сотрудниковъ, отъ употребленія, въ *Основѣ*, народнаго слова *жидъ*, мы съ своей стороны искренно желаемъ дѣйствительнаго сближенія народностей и всегда готовы и словомъ и дѣломъ тому содѣйствовать. Зная, какъ даровито еврейское племя, какими богатыми способностями оно надѣлено къ нѣкоторымъ въ особенности родамъ дѣятельности, мы убѣждены однакожъ, что только то развитіе его будетъ прочно и благотворно для Южной Руси, которое выйдетъ изъ потребностей нашей страны и народа и найдетъ въ немъ сочувствіе. Всякое явленіе, въ этомъ духѣ, мы встрѣтимъ съ искреннею радостію и любовію, подобно тому, какъ мы порадовались, узнавъ объ участіи кіевскихъ студентовъ евреевъ въ устройствѣ воскресныхъ школъ.

Ред.

КОНЦЕРТЪ 27 АПРѢЛЯ,

(сборъ съ котораго былъ предназначенъ на покупку земли для родственниковъ Т. Гр. Шевченка.)

Въ южно-русскомъ вѣстникѣ я надѣюсь найти мѣсто своему, хотя и запоздалому, сужденію объ артистическомъ явленіи, въ которомъ преобладала украинская народная музыка, и съ которымъ соединялась мысль о помощи семейству дорогаго поэта, который такъ понималъ, такъ любилъ и такъ часто пѣвалъ свои родныя пѣсни.

Почти два мѣсяца прошло со дня концерта 27-го апрѣля, но желая быть какъ-можно справедливѣе и безпристрастнѣе, мы нарочно не торопились печатно высказывать свое мнѣніе, прислушиваясь къ устнымъ и печатнымъ толкамъ другихъ *за* и *противъ*... Толковъ этихъ было довольно, и они находили себѣ отзывъ въ газетахъ: одно это уже свидѣтельствуетъ, что концертъ въ значительной степени возбудилъ вниманіе.

Подобный нашему, (по-преимуществу—украинскому), концертъ изъ славянской музыки, въ память знаменитаго Чеха, В. В. Ганки, (данный въ университетской залѣ 23-го марта), подъ управленіемъ одного прославленнаго пьяниста и плохаго — (по-крайней-мѣрѣ для народной славянской музыки)—дирижѣра, прошелъ почти незамѣтно. Съ послѣднимъ звукомъ «Комаринской», Глинки, — (піэсы, поставленной, въ программѣ и исполненной послѣднею, слѣдовательно, по обыкновенію, въ заботахъ о разѣздѣ—недослушанной), съ послѣднимъ звукомъ этого концерта, замерло и впечатлѣніе отъ него. И никто объ немъ ни слова...

Многіе украинцы ушли съ этого концерта весьма неудовлетворенные, и вотъ почему. Не вдаваясь въ разборъ достоинствъ и недостатковъ исполненія, укажемъ на составъ программы: большая часть

пѣсъ, слабо, безъ воодушевленія исполненныхъ, принадлежала къ *ученой* музыкѣ; народной—и то только чешской и польской—было мало, и притомъ ни одной *народной* пѣсни великорусской, ни сербской, ни самой мелодической славянской пѣсни — украинской... Такъ ли слѣдовало поминать знаменитаго народолюбца, автора тутъ же спѣтой, по музыкѣ Воячка, пѣсы — *národy ne hásnau?*

Эта-то исключительность (или недогадливость?) и была поводомъ неудовольствія многихъ, но, вмѣстѣ, навела на мысль о концертѣ, въ которомъ бы отозвалась и народная музыка Славянъ юговосточныхъ. Задумали это украинцы, незадолго предъ тѣмъ глубоко опечаленные утратой своего вѣчнопамятнаго *батька Тараса*, и потому, естественно, въ концертѣ первое мѣсто должна была занять народная украинская пѣсня: хотѣли помянуть поэта, напомнить о его семействѣ и познакомить съ южнорусскими напѣвами тѣхъ, кто не имѣлъ случая ихъ слышать.—Признаемся, это намѣреніе намъ показалось очень смѣлымъ: гдѣ средства, гдѣ исполнители и слушатели для народной *южной* музыки въ *сѣверной* столицѣ? Для гостиниой можно, пожалуй, найти и здѣсь то и другое, но для концертной залы??—да, это было слѣшкомъ смѣло...

Но — *концертъ* въ большой залѣ дворянскаго собранія состоялся, и при такомъ стеченіи слушателей, что сбора было достаточно не только на покрытіе значительныхъ расходовъ по устройству концерта, и даже на подарки нѣкоторымъ артистамъ — не-украинцамъ, заслужившимъ особенную признательность, но и на сбереженіе суммы для доброй цѣли. Значить—мысль объ украинскомъ концертѣ нашла сочувствіе въ обществѣ; объ этомъ концертѣ, повторяемъ, толковали, спорили—это тоже не дурной знакъ,—хотя бы сужденія нѣкоторыхъ были и неблагопріятны... Чтобъ показать, въ какой степени справедливы неблагопріятныя сужденія, необходимо вспомнить тѣ затрудненія, которыя слѣдовало преодолѣть для устройства концерта.

Главнымъ затрудненіемъ было то, что никто не счелъ себя вправѣ, и не вызвался, быть распорядителемъ по *музыкальной* части концерта, хотя каждый, кто сочувствовалъ мысли концерта и кому позволяло время, принялъ на себя часть заботъ распорядителя,—а заботъ этихъ было не мало: надо было ознакомить незнавшихъ украинскаго языка и народной нашей музыки, — мало вѣровавшихъ въ успѣхъ—артистовъ и любителей, — съ новымъ въ Петербургѣ предметомъ, выбрать и доставить ноты пѣсенъ и, насколько было возможно, въ ко-

роткое время передать исполнителямъ манеру народнаго пѣнія, — эту живую прелесть естественности, исключаящую всякую манерность, напряженность, чуждыя прикрасы, и т. д.

Когда, наконецъ, артистами и любителями были выбраны: для концерта: любимая Т. Гр. увертюра «Вильгельма Теля» и другія партіи изъ украинской и не-украинской музыки, земляки наши обратились, за совѣтомъ въ выборѣ пѣсень къ любителямъ народныхъ мотивовъ, (въ томъ числѣ и къ П. А. Кулишу), а затѣмъ къ извѣстному знатоку музыки, А. Н. Сѣрову, (разрабатывающему украинскія пѣсни для «Основы»), съ просьбой восполнить составъ концерта нѣсколькими хорами. А. Н. принялъ на себя этотъ трудъ съ живѣйшимъ сочувствіемъ, и арранжировалъ два превосходныхъ украинскихъ хора—мужской и женскій, и одинъ сербскій военный хоръ, прибавивъ къ программѣ отлочно-оркестрованый маршъ, Франца Листа, изъ симфоніи его, на поэму Байрона «Мазена». Бывшій въ это время, въ Петербургѣ, землякъ нашъ, извѣстный пчеловодъ и любитель музыки, Як. Ив. Костенецкій, указалъ на фантазію, составленную, Авкс. Ив. Тарновскимъ, въ 40-хъ годахъ, изъ украинскихъ мотивовъ, подъ названіемъ *Покосарщина*. Поименованныя пьесы, составили существенную часть концерта, вмѣстѣ съ слѣдующими украинскими народными пѣснями:

1) *Зелѣнькій барвіночку, стеліся низенько*, и 2) *Ой вийду я на шпилечокъ*, исполненыя г-жею Леоновою; 3) *Чи я въ лүзі не каліна була*,—г-жею Леонтьевою; 4) *Стоить яворъ надъ водою*,—г-мъ Артемовскимъ; 5) *Ой крикнула лебедонька изъ-за філі вириняючи* и 6) *Ой дівчина по крибі ходіла*, — г-мъ Чумачевскимъ; 7) *Ой не шумі, лүже!* и 8) *Ой ходивъ чумаць*, — г-мъ Ревуцкимъ; 9) *Ой тамъ на моріжку Поставлю я хижку* и 10) *Ой на річці та на дбщечці*, — жепскимъ хоромъ; 11) *Ой Морозе, Морозенку!*—мужскимъ хоромъ.

Чтобъ дать нашимъ читателямъ полный отчетъ о крайне-разногласныхъ мнѣніяхъ, возбужденныхъ этимъ концертомъ, выпишемъ главнѣйшіе печатные объ немъ отзывы, а въ заключеніи представимъ и собственный нашъ взглядъ.

Въ 95 № (1 мая) *Сѣверной Пчелы*, въ фельетонѣ, сказано:

«Въ-особенности замѣчательнъ былъ концертъ, данный въ четвертокъ, въ залѣ дворянскаго собранія, съ благотворительною цѣлю, на покупку земли родственникамъ покойнаго академика, Тараса Григорьевича Шевченка. Большая часть пьесъ этого концерта, какъ и долж-

по ожидать, состояла изъ малороссійскихъ мелодій и пѣсенъ, изъ которыхъ лучшія для мужскаго и женскаго хора и оркестра принадлежали таланту г. Стрѣва. И чудно—торжественно звучали эти пѣсни, и какая—то особенная интонація слышалась въ нихъ, при сознаніи цѣли, съ которою раздались онѣ подъ сводами залы благороднаго сословія, при воспоминаніи о томъ, что благостояніе семейства даровитаго многострадальнаго поэта будетъ куплено лишь цѣною его преждевременной смерти и что эта земля, въ которой, можетъ—быть, навсегда успокоятся его останки, можетъ отнынѣ называться единственною его собственностью, трех—аршиннымъ владѣніемъ, на необозримой поверхности Россіи! Всѣ, кому болѣе или менѣе была дорога память Шевченка, присутствовали на этомъ концертѣ, и не мало глазъ были какъ—то особенно маслянисты и влажны, и чудились, быть—можетъ, многимъ и слышалось, быть—можетъ, среди заунывныхъ, глядящихъ душу, малороссійскихъ напѣвовъ, иные напѣвы—не роднаго украинскаго языка, а напѣвы, приличные настоящему случаю, умиляющіе, сглаживающіе всѣ общественныя разстоянія.»

По странной игрѣ случая, именно въ томъ же номерѣ, но не въ фельетонѣ, помѣщено письмо П. А. Кулиша къ издателю газеты, съ самымъ неодобрительнымъ приговоромъ о концертѣ, объ исполнителяхъ, и вообще о людяхъ, которые, не будучи патентованными украинцами, таковыми именоваться себя смѣютъ. Приводимъ это характерное письмо вполнѣ:

«Одна изъ печальныхъ слабостей покажется малочисленнаго украинскаго общества—это величаться своимъ украинствомъ передъ людьми, мало знакомыми съ предметомъ. У насъ много господъ, которые, воображая себя знатоками малороссійскаго языка, превозносятъ похвалями даже такія вещи, какъ *Энеида*, *Котляревскаго*, или какая—нибудь повѣсть, очевидно, написанная *resuniatum causa*. Эти господа, смѣло выдавая себя за истинныхъ украинцевъ, несмотря даже на фальшивыя ударенія въ словахъ, поддерживаютъ въ публикѣ заблужденія объ украинской поэзіи. Они, возглашая пзустно и тпская посредствомъ равнодушнаго ко всему станка всякую чепуху подъ названіемъ украинской поэзіи, профанпруютъ строгій характеръ и вкусъ украинскаго народа.

«Такъ поступили они и съ концертномъ, предназначеннымъ на покупку земли родственникамъ покойнаго поэта, Шевченка. Мы давно слышали о приготовленіяхъ къ этому концерту, давно видѣли озабо-

ченныя лица. Хотя мы и знали по опыту, какъ эти господа несостоятельны въ понятіяхъ объ истинно-украпскомъ, объ истинно-народномъ, по составъ концерта и распоряженіе практическою его частью превзошли всё наши горестныя ожиданія. *Выбраны* были пѣсни *худшія изъ худшихъ* по паѣвамъ и содержанію; если же *попали* въ концертъ какими-то судьбами и *прекрасныя* произведенія народной музы, то были изуродованы анти-народнымъ выполненіемъ. Призываю на судъ весь русскій міръ: что за идея, что за поэзія въ слѣдующихъ словахъ, столь же ничтожныхъ въ подлинникѣ, какъ и въ переводѣ: «Дѣвушка ходила за грибами и заблудилась въ зеленомъ лѣсу; пришла она къ зеленому дубу. Здѣсь я буду ночевать. Я думала, что это зеленый дубъ, а нѣ это молодой козакъ. Ой козакъ-повѣса, выведи меня изъ зеленого лѣса, Когдабъ ты меня не звала повѣсою, я вывелъ бы тебя изъ зеленого лѣсу»,—и только! (?) Но одинъ изъ пѣвцовъ, г. Артемовскій, одолжилъ насъ еще больше: онъ одной народной пѣснѣ придалъ собственный анти-украпскій паѣвъ, а вмѣсто другой—спѣлъ бездушный и уродливый романсъ г. Виктора Забѣлы, въ которомъ есть такіе поэтическіе стихи:

А коли сѣго не зрѣбишь,
Кинь менѣ у морѣ.

Это, видите ли, поэтъ обращается къ вѣтру, которому онъ завидуетъ, потому что вотъ-мольт—

Ревешъ, вітре, та не стогнешъ,
Бо тобі не тяжко:
Ти не знаешъ въ світі горя,
Такъ тобі й не вѣжко.

Да, хорошо бы и намъ было вооружиться подобнымъ безчувствіемъ! а то намъ было не только *тяжко*, но и *важно*, слушать эту пошлую тарабарщину, *выдаваемую нашими знатоками* Украины за поэзію въ народномъ духѣ. И какъ это обидно, что *подобный вой* раздается надъ могилою поэта, который такъ чисто, такъ благородно понималъ вкусъ народной поэзіи (*)!»

(*) Каждому, надѣмся, ясно, что мы говорили собственно только объ украинской части концерта. Что касается до прочихъ пѣсней, то онѣ были выбраны и исполнены превосходно. Намъ очень жаль, что не-украпскіе пѣвцы и пѣвицы довърчиво вообразили, что имѣютъ дѣло съ *знатоками* народной музыки, а тѣ своими совѣтами уничтожили въ ихъ пѣніи то, что было бы для насъ дороже,—уничтожили характеръ народной музыки, который, будучи строго вы-

Велѣдъ за этимъ отзывомъ, въ томъ же совершенно топѣ, слышался голосъ въ правдивой (но — безъ ся вины — не въ настоящемъ случаѣ) *Современной Лѣтописи Русскаго Вѣстника*, голосъ враждебный не столько къ концерту, сколько къ распорядителямъ: (въ число ихъ, прикрывшійся обманчивымъ именемъ, авторъ, вѣроятно, попасть не могъ по какой-нибудь основательной причинѣ). Вотъ-какъ повѣствуетъ г. Тышинъ Львенко-Маренко:

«27 апрѣля, мы были на давно-ожидавшемся малороссійскомъ концертѣ. Признаемся, судя по долгому приготовленію и *громядымъ* издержкамъ на этотъ концертъ, мы ожидали встрѣтить если не что нибудь необыкновенное, то по крайней мѣрѣ соответствующее великолѣпному содержанію афиши. Но каково же было наше разочарованіе, когда мы положительно не нашли ни того, ни другаго. Вмѣсто малороссійскихъ піесъ, мы услышали нѣчто такое, чего нельзя назвать ни русскимъ, ни малороссійскимъ. Прекраснѣйшая хоровая пѣсня «Морозенко» и другая, женская, «веснянка», до-того были обезображены, что ихъ нельзя было узнать. Последнюю скорѣе можно было принять за известную пѣсню: «Ахъ на что было огородъ городить» (которой достоинство мы, впрочемъ, совсѣмъ не хотимъ упзнить, да никто и не можетъ), чѣмъ за очаровательную музыку нашей родины. А г. Артемовскій не удовольствовался даже коверканьемъ мотива, — онъ переначивалъ и самыя слова... Изъ всѣхъ піесъ сносѣе другихъ, и то относительно, была пѣсня *чумака*, исполненная г. Ревуцкимъ. Самый выборъ піесъ доказываетъ, что у гг. распорядителей музыкальной части концерта вкусъ слишкомъ незящный... Однимъ словомъ, неуспѣхъ былъ полный. То-то наживутся родственники Тараса Григорьевича на землѣ, купленной распорядителями на деньги, вырученныя отъ концерта! Изъ трехъ цѣлей его: 1) почтить память незабвеннаго поэта, 2) ознакомить публику съ украинской музыкой, 3) и самая главная, выручить деньги на покупку земли для родственниковъ покойнаго, — положительно ни одна не была достигнута...»

Между тѣмъ, опять въ той же *Сѣверной Пчелѣ* (№ 107, 15 мая) зазвучала, согласно съ приведеннымъ фельетопомъ, восторженно-хвалебная пѣснь концерту и въ-особенности нѣкоторымъ исполнителямъ (по правдѣ заслужившимъ гордкую признательность украинцевъ за

держанъ, перенесъ бы наши души въ нашу милую, поэтическую родину. Судя по ихъ обработаннымъ и прекраснымъ голосамъ, мы думаемъ, что они, при *другомъ руководствѣ*, выполнили бы свое дѣло вполне удовлетворительно. П. К.

радушное участіе). Изъ этой статьи, написанной авторомъ симпатическихъ стиховъ, сказанныхъ надъ гробомъ Т. Гр. Шевченка, П. П. Таволгою — Мокрицкимъ, выпишемъ нѣкоторыя характеристическія мѣста:

«Желая чѣмъ-нибудь отозваться на только-что замершій голосъ любви, земляки Шевченка, устроили 27 апрѣля, концертъ, съ цѣлю услышать родные звуки пѣсепъ, въ которыхъ вылилась вся чувствительная душа южно-русса, или украинца, вся радость и тоска его, все высокія побужденія души, которыя родили такъ много прекрасныхъ чувствъ и думъ въ сынахъ Украины. Шевченко, котораго душа отзывалась на все пзянное, особенно на звуки, самъ пѣлъ превосходно и любилъ пѣсни украинскія до увлеченія. Въ память его, земляки пожелали дать концертъ, достойный своей пламенной, нѣжной любви къ домашнему крову, — оправдать, осмыслить эту любовь передъ братьями своими, великоруссами.

«Концертъ начался увертюрою «Карлъ Смѣлый».

«Соло и украинскія пѣсни выполняли любители: гг. Чумачевскій, Ревуцкій и г-жа Леонтьева, а также артисты: г-жа Леонова, г. Артемовскій и г. Никольскій.

«Послѣ каждаго исполненія задушевныхъ мотивовъ, не сочиненныхъ въ кабинетахъ, а вылетѣвшихъ въ народѣ изъ сердца безискусственно, подъ вліяніемъ чувства, которое оттого такъ свѣжо и бессмертно, публика рукоплескала. Г. Артемовскій былъ вызванъ два раза. Появленіе г-жи Леоновой въ бѣломъ платьѣ, съ зеленымъ вѣнкомъ на головѣ, было встрѣчено бурей аплодисментовъ, долго неутихавшихъ. Г. Вителаро началъ прелюдію къ украинской пѣснѣ (которую должна была исполнить артистка. Публика съ большимъ вниманіемъ устремила на зетраду глаза, прислушиваясь что споетъ Леонова на партѣи еіи чуждомъ; что создастъ изъ звука, неполучившаго еще законнаго права, бродящаго свроткой подъ плетнемъ, — которому искусство не подало еще дружескию руку, не привело въ свѣтлицу, не усадило на приличномъ мѣстѣ...

«Г-жа Леонова совершенно правильно по-украински прошѣла слѣдующія трогательныя слова, выражающія плачь «дівчини», случайно отыскавшей могилу отца:

«Ой вийду я за гаєчокъ,
Та гляну я на долину,
Долина глибока, калина висока,
Ажъ до землі віття гнѣтця,
А въ менѣ, дівчино, въ менѣ, молоді,

Річенькою слёзи лютьця.
 Підъ тією калиною
 Високая могилонька: —
 Могіла висока и яма глибока —
 Козацькая постілонька;
 У тій у могилі, въ холодній постілі
 Лежить батенько нашъ мійлий....
 Ой Тарасе, голубоньку!
 Кінувъ менé свою доньку,
 Кінувъ усіхъ дочокъ—сізихъ голубочокъ,
 И стареньку нашу неньку.
 Розступіся зёмле—подивися на мене,
 Якъ плачу я, дівчинонька...

«Всякій пойметъ, что не легко сразу овладѣть выговоромъ, интонаціею, духомъ языка, приложить все это къ обстоятельству, требующему извѣстнаго выраженія каждого слова и звука. Но г-жѣ Леоновой ни что нетрудно. Ее, какъ перлам, осыпали рукоплесканіями и возгласами, въ которыхъ наблюдательное ухо легко могло примѣтить отраду и благодарность украинцевъ, необыкновенное, истинное удовольствіе всей публики. Послышалось множество «bis! bis!» Она снова вышла и—о ужасъ украинцевъ!— вмѣсто повторенія той же трогательной пѣсни, начала игривую пѣсенку:

«Зеленѣнький барвіночку,
 Стеліся низенько,
 А ти, мійлий, чорнобрівий,
 Присунься близенько;
 Зеленѣнький барвіночку,
 Стеліся ще ніжче,
 А ти, мійлий, чорнобрівий,
 Присунься ще ближче.

«Я видѣлъ ясно, какъ пѣкоторые увлажненные глаза во мгновение измѣнили выраженіе, блеснувъ недружелюбно. Но во второмъ куплетѣ:

Не стѣлетця барвіночокъ —
 Корень посихае;
 Не дівитця козаченько —
 Тяженько здихае.
 Ой, чогожь ти одвернувся,
 Мій орле-козаче?
 Глянь на мене веселеньку —
 Я сміюся... й плачу...

она начала вводить солидный тонъ, растягивал мотивъ и придавая голосу, таинственность—и тотъ же веселый мотивъ, который въ украинской пѣснѣ всегда имѣетъ грустный оттѣнокъ, принялъ другой характеръ. Въ этомъ тонѣ она, изобразивъ неизмѣнное чувство козака къ его милой:

«Дівчиночко, пташиночко,
Щебетушечко!
Співай мені, кажи мені,
Говорущечко!»

окончила безотраднымъ воплемъ козака:

«Співай що хочь, кажи що хочь —
Не чую я гласа —
Ні словáми, ні слéзами
Не вёрнешъ Тарáса!»

«Неожиданность эта была эффектна и выразилась сильнѣйшею признательностью публики; на многихъ глазахъ блеснули слезы.

«Настроение публики было прекрасное,—нецеремонное, ненапугутое, сердечное.

«Г. Стровъ, который, несмотря на свои разнородныя занятія, не можетъ не быть артистомъ—композиторомъ, попялъ вышнимъ чутьемъ новый рудникъ разнообразной русской музыки и оркестровалъ въ видѣ опыта, мужскую и двѣ женскія пѣсни—веселянки для хора. Первая сочинена на смерть вопиющаго Морозѣнка, выражающая мощь духа сотоварищей его, поющихъ какимъ—то рокотомъ, катящимся по степи. Двѣ женскія составляютъ второй хоръ, разделенный на двѣ разнородныя части: въ первой рисуется граціозно дѣвушка, которой походка сравнена съ струєю воды, льющейся тихо по камешкамъ; во второмъ, игривымъ, для разнообразія, мотивомъ, представлена также юная красавица, сидящая на дощечкѣ въ водѣ; она плещется, какъ рыбка, потомъ одѣвается на зеленой травкѣ и, любуясь собою, весело прищѣиваетъ (къ своимъ черевічкамъ:)

«Сежъ мені пан-отѣць покупівъ,
Щобъ хорóший молодѣць полюбівъ,
А панчішки (чулочки) пані-мáтка дала,
Щобъ хорóша я паня́нка бу́ла.»

«Третій хоръ, положенный г. Стровымъ (сербская пѣсня,) также прекрасно оркестрованъ, какъ и прочіе. При исполненіи хоровъ съ акомпанементомъ оркестра, г. Стровъ былъ вызванъ публикою.

«Встрѣча г. Никольскому была шумнымъ всплескомъ моря при налетѣвшемъ ураганѣ.

«Онъ исполнивъ романсъ: «Скажите ей!» очаровательно.

«Оркестръ исполнилъ маршъ пзъ симфонической фантазіи «Мазена», сочиненіе Фр. Листа, и другую очень милую вещь «Покосарцину», фантазію для скрипки, на украинскіе мотивы, соч. Авксентія Тарновскаго. Звонъ кося, какъ ихъ оstrarь въ косовицу, придуманный кстати композиторомъ,—прелестный букетъ мотивовъ, такъ близкихъ сердцу,—перенесли насъ пзъ блестящей залы на зеленый безконечный коверъ родины, надъ которымъ, какъ лампы, висятъ въ воздухъ жаворонки, составляя обширный хоръ Создателю.... Звуки, свѣжесть степей, солнце родины!—ахъ, вы ничѣмъ незамѣнимы!... Недостааетъ вамъ одного: Леоновой и Никольскаго!

«Г-жа Леонова и г. Никольскій, исполнили дуэтъ «Неискушай меня» музыка великаго Глинки. Послѣ этого дуэта, будто вся зала обрушилась на нихъ, но они ушли невредимы, какъ отмѣченные судьбою воины среди кипящаго боя.

«Г. Никольскій прекрасно закончилъ впечатлѣніе, исполнивъ: «Его ужъ нѣтъ!» величественно, съ высокою любовью.

«Концертъ этотъ, не смотря на свои маленькіе недостатки, которые бываютъ вездѣ и повсемъ, особенно при новости дѣла и скорости исполненія его, можно назвать необыкновеннымъ. Онъ похожъ былъ на свѣтлый майскій день среди зелени и цвѣтовъ, среди звуковъ, которыми дышетъ вся природа.

«О! не завидую вамъ, мужи велемудрые, операторы всякого чувства! въ самый усовершенствованный лорнетъ вы проглядите его. Сколько наслажденій вы лишены, если не забѣгаетъ къ вамъ порѣзвиться это дитя Божіе, если не отдохнетъ вашъ утомленный, суетный взоръ на чистой лазури глазъ его, на улыбающейся, свѣженькой его головкѣ! Это дитя имѣетъ такое же законное мѣсто въ нашей душѣ, какъ и старшія его сестры—мысли, которыя, въ отсутствіи этого чистаго *Веніамина*, остаются пусты, холодны...

«По окончаніи концерта, благодарность г. Сѣрову была выражена съ восторгомъ.

«Г-жа Леонова вышла изъ уборной комнаты, и оставшаяся часть публики аплодировала ей, идя черезъ всю залу. Каждый просилъ оторвать ему цвѣтокъ или листикъ изъ ея букета. Мы чувствовали, что,

не смотря на повья положенія, закрѣпостила пась окончательно эта русская боярыня родныхъ звуковъ, такъ-сказать, вздоховъ нашей души.»

Наконецъ, тамъ же (25 мая, № 116) встрѣчаемъ еще двѣ статьи по поводу концерта 27 апрѣля: одна—П. П. Т.—Мокрицкаго, другая—А. В. Марковича. Вторую, — съ которою нельзя вполнѣ не согласиться всякому, кто безпристрастно, но съ теплымъ участіемъ отнесся къ концерту, — мы помѣщаемъ отъ слова до слова; изъ первой же статьи, которая представляетъ скорѣе рѣзкое возраженіе П. А. Кулишу, нежели критическую оцѣнку артистическаго явленія, мы извлечемъ немногое, оставляя въ сторонѣ обстоятельства, не идущія къ самому предмету и не подлежащія частному, личному суду.

Вотъ отзывъ г. Марковича:

«Много говорили и писали объ этомъ концертѣ и толки о немъ еще не окончились. Онъ очень далекъ, конечно, отъ совершенства; но и бранить его намъ кажется дѣломъ неблагодарнымъ. Одна искренность и теплота отношенія къ нему его участниковъ, особенно г. Сѣрова и г-жи Леоновой, придають ему такія прекрасныя симпатическія достоинства, какими не похвалятся многіе и многіе концерты.

«Участіе А. Н. Сѣрова въ этомъ концертѣ было весьма важно. Оно состояло въ аранжировкѣ на хоры и оркестръ трехъ малоросійскихъ народныхъ пѣсень и одной сербской; въ составленіи программы концерта также онъ участвовалъ, хотя и не могъ здѣсь быть самостоятельнымъ, получивъ для программы выбранныя самими исполнителями пѣсни и готовыя соображенія, болѣе или менѣе обязательныя, частныхъ лицъ, хлопотавшихъ объ этомъ концертѣ.

«Въ составленіи самихъ хоровъ, столько оживившихъ концертъ, г. Сѣровъ былъ парализованъ неблагоприятными случайностями и неудачами: писавъ партитуры, онъ не имѣлъ подъ рукой инструмента; не могъ просмотрѣть переписанныхъ партій; не имѣлъ возможности присутствовать на слѣвкахъ, и едва попалъ, случайно, на репетицію, кончившуюся за часъ передъ концертомъ. Вишеть въ этомъ кого бы то ни было нельзя, потому, что *главныхъ распорядителей по концерту вовсе не было*. Самъ г. Сѣровъ, по независимости своего характера, конечно, не обращался къ кому нибудь за тѣмъ, за чѣмъ, по всей справедливости должны были къ нему обращаться. А. Н. Сѣрову остаются не упреки, а полнѣйшая, глубочайшая благодарность искреннихъ друзей Шевченка и истинныхъ почитателей его великой

памяти. Нашему критику музыкальному, котораго имя съ почтеніемъ пропозносится въ музыкальной Германіи, и даровитому композитору, какимъ онъ вдругъ обнаружилъ себя передъ нами, принадлежитъ теперь честь первой значительной ученой разработки народной украинской музыки; ему же и наша горячая любовь на всю жизнь, живая струя той любви, какую каждый украинецъ питаетъ къ чарующимъ, глубокимъ, задушевнымъ пѣснямъ своей милой родины.

«И тѣмъ выше заслуга г. Сѣрова, чѣмъ онъ сознательно утверждаетъ, что работу свою, по ея спѣшности и, слѣдовательно, неудовлетворительности, считаетъ не иначе, какъ предварительною, почти черновою, и тѣмъ обязательнѣе для каждаго признаніе этой заслуги, что выполненіе этихъ малороссійскихъ пѣсень въ концертѣ оставляло еще многого желать. Композиторъ не только-что не имѣлъ времени поправить ошибки, вкравшіяся въ партіи или придать выдержку и энергію инструментамъ и голосамъ, но изъ опасенія, чтобы не сбить исполнителей на единственной пробѣ, имѣвшей мѣсто передъ самымъ концертомъ, не могъ поправить даже собственныхъ ошибокъ; напримѣръ, не могъ ускорить такта въ мужскомъ малороссійскомъ хорѣ и въ первой половинѣ первой пѣсни женскаго хора, уничтожить поставленныхъ въ среднѣхъ пѣсняхъ ферматъ, сообщившихъ имъ какой-то для нихъ чуждый, отчасти театральный, характеръ. Что же касается самихъ исполнителей хоровъ, то съ ихъ голосами и добрымъ вниманіемъ къ дѣлу можно было многого достигнуть. Затѣмъ ужъ почти лишнее жалѣть о томъ, что слоги словъ въ хоровыхъ украинскихъ пѣсняхъ кое-гдѣ не были разставлены подъ соответственными имъ нотами, а въ пѣніи недоставало вольныхъ и смѣлыхъ переливовъ, требуемыхъ характеромъ исполненія пѣсень самимъ народомъ. По стѣпенному времени, несправедливо обвинять кого бы то ни было, ни благосклонныхъ артистовъ, ни усердныхъ, но чуждыхъ иногда другъ другу, любителей, и всего менѣе — г. Сѣрова.

«Напротивъ, если, и за всѣмъ этимъ, нашъ прелестный женскій хоръ, наравнѣ съ блистательно-оркестровымъ сербскимъ, продолжаетъ составлять предметъ оживленныхъ разговоровъ въ обществѣ, то это лучше всего показываетъ, сколько г. Сѣровымъ положено въ эти работы любви и таланта.»

Въ статьѣ П. Н. Мокрицкаго высказано, между прочимъ, слѣдующее:

«Не позволяя себѣ рѣшительно никакихъ разсужденій, обратимся

къ фактамъ. Сознываясь въ своей недалекости, мы откровенно скажемъ, что не понимаемъ слѣдующихъ словъ г. Кулиша: «пока-мѣстъ малочисленнаго украинскаго общества», а также «смѣло выдавая себя за истинныхъ украинцевъ.» равно не понимаемъ, къ чему здѣсь нарушенъ прахъ давно-почившаго Котляревскаго, малороссіяни-на съ замѣчательнымъ талантомъ, котораго пародія Энеиды счита-лась всегда удачнѣйшею изъ пародій и въ свое время была выучена наизусть всѣми украинцами; котораго «Наталка-Полтавка» и «Мо-скаль-Чаривникъ» играются десятки лѣтъ на театрѣ и до сихъ поръ не прискучили. Общая симпатія публки никому даромъ не дается; украинская пословица говоритъ: «громада—великий чоловікъ»; она не издастъ книгъ, а читаетъ, присматриваясь.

«За поражениемъ Котляревскаго, у г. Кулиша слѣдуетъ поражение композитора, Глики, признаннаго Европою великимъ артистомъ. Поло-женный имъ на ноты романсъ, на слова г. Забѣлы, исполненный г. Ар-темовскимъ, г. Кулишъ называетъ «бездушнымъ и уродливымъ романсомъ!» а въ концѣ статьи, всѣ сердечныя изліянія людей, которыхъ при-вела безкорыстная любовь къ памяти одного изъ прекраснѣйшихъ сердецъ человѣческихъ и желаніе пособить доброму дѣлу, названы «воемъ» надъ могилою Шевченка....

«Гдѣ же искать причину этого разочарованія въ которомъ нахо-дится одинъ г. Кулишъ, тогда какъ публка очень признательно вы-ражала свое сочувствіе въ концертѣ, что видѣлъ и слышалъ каждый быв-шій и что доказываетъ фельстонъ, выглядывающій, какъ укоръ, изъ-за другой страницы того же листа? Намъ совершенно непонятно, какъ могли родиться враждебныя движенія, и въ такой сильной сте-пени, въ людяхъ, пришедшихъ раздѣлить одно съ нами чувство. Неужели челоуѣкъ, въ которомъ есть хоть одна теплая искра въ груди, сталъ бы насмѣхаться надъ выраженіемъ лица особы, посѣтившей мо-гилу его отца?»

Заявивъ уже, что вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе г. Марковича, мы думали-было сдѣлать замѣчаніе противъ нѣкоторыхъ фразъ, нѣкото-рыхъ преувеличенныхъ похвалъ и нападокъ въ другихъ мнѣніяхъ, но—остановились: намъ сдѣлалось и скучно и грустно при одной мысли полемикѣ, обращенной къ тому, что было, прошло, и если когда-нибудь повторится, то совершенно въ иномъ видѣ. Многое, что, по

первому впечатлѣнію, охватываетъ и голову и сердце, — смотришь потомъ — только отвлекло тебя отъ лучшаго, прямаго дѣла. Не словопрепіе теперь нужно, а дѣло, — любовь: одна любовь творить достойное и настоящаго и будущаго.

И такъ, отсторонивъ частности и предоставивъ ихъ суду общественному, скажемъ нѣсколько общихъ замѣчаній относительно музыкальнаго исполненія и музыкальной критики: быть—можетъ, она впередъ къ чему—нибудь послужать.

Справедливо замѣчено въ одной изъ приведенныхъ нами статей, что концертъ былъ далекъ отъ совершенства; но можно ли требовать *совершенства* отъ чего-бы-то-ни-было, а тѣмъ болѣе отъ концерта, образовавшагося на-скоро, на-сѣверѣ, гдѣ такъ еще мало знанія и пониманія нашей народнои музыки. Надо было испробовать *возможное*, и оно показалось обществу не чуждымъ, не страннымъ, не бесплоднымъ; *возможное* въ настоящемъ подаетъ надежды къ лучшему въ будущемъ. Кто чувствуетъ нашу пѣсню не однимъ ухомъ, но и сердцемъ, тотъ долженъ понимать, что она, для артистическаго своего выполненія, требуетъ свободы вдохновенія, создавшаго ее въ народѣ, — т. е. такого глубокаго проникновенія словами и звуками пѣсни, какъ будто бы они родились въ минуту самого пѣнія. Такъ иногда поетъ извѣстный многимъ Украинцамъ, Гр. Н. Честоховскій, — но его голосъ не для концертной залы. Такъ иногда пѣлъ Шевченко — и голосомъ и стихами... но легко ли и на одну минуту стать Шевченкомъ?... Вотъ что слѣдовало помнить критикамъ концерта 27 апрѣля: — тогда бы вѣроятно, взглядъ ихъ былъ прямѣе и справедливѣе, — тогда бы требованія ихъ относительно *украинскаго* концерта въ *Петербурѣ* въ такой же степени уменьшились, въ какой—относительно себя—увеличились...

Да! критики должны бы быть гораздо требовательнѣе въ—отношеніи къ себѣ и осмотрительнѣе въ своихъ приговорахъ, нежели они это показали. Концертъ есть дѣло музыкальное и, слѣдовательно, для *вѣрнаго* сужденія о концертѣ *какомъ-бы-то-ни-было*, прежде всего необходимо, хотя до нѣкоторой степени, знаніе музыки въ томъ, кто берется судить о музыкальномъ дѣлѣ печатно. Кажется, что въ такомъ требованіи довольно основательности. Такимъ-образомъ, хотя концертъ въ память Т. Г. Шевченка былъ больше чѣмъ на-половину программы составляетъ изъ музыки южно-русской, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы концертъ этотъ подлежалъ исключительному суду од-

нихъ украинцевъ, — и вовсе не каждый украинецъ, на томъ только основаніи, что онъ слыхалъ пѣсни своего народа, народомъ исполняемая, можетъ превратиться въ музыкальнаго знатока и критика. Никто, напримѣръ, не усомнится въ истинной «народности» русской плясовой пѣсни, извѣстной по всей Руси подъ именемъ «Комаринской». Эта пѣсня симфонически разработана М. И. Глинкою, но—еслибъ потребовалось оцѣнивать это мастерское и великолѣпное произведение Глинки—хотябы и со стороны собственно—народности,—неужели бы любой «русскій» быть-можетъ неразъ плясавшій подъ звуки этой пѣсни, съ аккомпанементомъ балалайки, могъ быть приглашенъ въ судьи для оцѣнки эффектовъ и впечатлѣнія оркестровой разработки этой пѣсни Глинкою?—Весьма вѣроятно, подобный импровизированный судья взрекъ бы такой приговоръ: «Сначала-то, вотъ пока скрышки наигрываютъ пѣсню (т. е. еще на-голо, одну мелодію, безъ аккомпанеента), узнать можно: — совсѣмъ какъ у насъ выходитъ; а что дальше, такъ ужъ хитро больно,—запелъ, запелъ разныя припѣвочки да подпѣвочки, да въ трубы, въ лютавры грянулъ, — отъ пѣсни-то чуть-ли не въ сторону метнулъ. У насъ поютъ и играютъ ее попроще;—а это уже на пѣмецкіе лады смахиваетъ.» Могъ ли бы такой приговоръ, хотя бы и очень искренній, служить укоромъ симфонической фантазіи Глинки, или прямымъ доказательствомъ недостатка народности въ разработкѣ «Комаринской»?

Не ставя нисколько въ параллель съ этимъ могучимъ, зрѣлымъ произведеніемъ Глинкиной музы первые и вовсе не особенно-значительные опыты А. Н. Строва на поприщѣ разработыванія украинскихъ мотивовъ для хора и оркестра, мы все-таки скажемъ, что сужденія враждебныя этимъ небольшимъ, но—по отзыву дѣльныхъ музыкантовъ—весьма удачнымъ, опытамъ, враждебныя именно со стороны «народности» въ музыкальныхъ звукахъ, совершенно несправедливы и выказываютъ только въ г.г. порицателей незнаніе предмета.

Что можетъ быть, напримѣръ, забавнѣе упрека женскому хору (въ его второй половинѣ) за то, что мотивъ пѣсни «*Oй на річці та на дощечці*» сбивается на великорусскую пѣсню «Ахъ, начтѣжь было огородъ городить»? Можно, пожалуй, и еще прибавить, что мотивъ этотъ похожъ и на другую русскую пѣсню «Ты поди, моя коровушка, домой», а изъ земли Чеховъ, или Сербовъ, или Словаковъ найдутся, быть-можетъ, и десятка два еще другихъ мотивовъ все вполне народныхъ, и какъ нельзя ближе похожихъ и на упомянутые

великорусскія пѣсни и на ту украинскую, которая была спѣта женскимъ хоромъ въ концертѣ, съ аккомпанементомъ оркестра, разработаннымъ совершенно согласно наивно-веселому характеру самого пѣва: что жъ изъ этого слѣдовало бы, (еслибъ и было сходство, о которомъ говорятъ (вѣроятно, не разобравъ музыки), г. Маренко)? Ужъ навѣрное не то, что онъ думалъ. А что мотивъ, разумѣется, сохраненъ въ хорѣ вездѣ, отъ ноты до ноты, объ этомъ и распространяться не слѣдуетъ: достаточно заглянуть въ музыкально-критическій этюдъ А. Н. Сѣрова надъ украинскими пѣснями, чтобы увидѣть какъ цѣпнуть и понимаетъ онъ народную музыку. Читатели видѣли замѣчательную ошибку другого критика, который одно изъ весьма удачныхъ произведеній Глики — давно оцѣвленную пѣсенку «*Gude viterь*» смѣшалъ съ *словами*, которыхъ авторъ В. Н. Забіла. Музыкальная критика всегда умѣетъ ясно разграничивать область текста и область музыки, хотя бы и въ народной пѣснѣ; случайные судьбы музыкальных явленій, наоборотъ, никакъ не могутъ отдѣлать звука отъ слова и, за-частую, не узнаютъ и мотива пѣсни, если она имъ спѣта съ инымъ, незнакомымъ для нихъ, текстомъ, или сыграна безъ пѣнія и, слѣдовательно, безъ словъ.

Наконецъ, слѣдуетъ еще замѣтить, что область народной музыки, когда уже она выступаетъ въ концертѣ, непременно должна стать въ *уровень* съ художественными произведеніями *не-народными*. Пѣсня, точь въ точь какъ она поется народомъ, съ длиннымъ, однообразнымъ повтореніемъ двухъ—трехъ фразъ, иногда весьма-короткихъ, — богатѣйшій *матеріалъ* для музыки, но этотъ матеріалъ, въ своемъ *необработанномъ* видѣ, еще не есть музыка, *готовая для концерта*. А для сцѣпленія, для сплетенія между собою разныхъ народныхъ мотивовъ, даже для легкой разработки ихъ, хотя бы и въ видѣ импровизированной фантазіи, требуется выисканіе въ законы *развитаго* искусства и опытность въ техникахъ музыкальнаго дѣла, — чего отчасти недостаетъ, на примѣръ, въ «Покосарщинахъ»; хотя мотивы этой пьесы, сами по-себѣ, весьма интересны съ своимъ чисто-народнымъ оттѣнкомъ.

Нельзя не отозваться съ благодарностью объ усердіи всѣхъ господъ и госпожъ исполнявшихъ чисто-украинскую часть программы: всѣ они свое дѣло исполнили весьма-удовлетворительно. Глубокаго проникновенія задачей, на примѣръ въ хорахъ и аккомпанементѣ имъ, конечно, не доставало, но на это есть очень уважительная причина: совершенное отсутствіе въ Петербургѣ вполне хорошаго *капельмейсте-*

ра для народной музыки, истиннаго по всемъ правамъ *предводителя* оркестровыхъ и хоровыхъ силъ (*отличныхъ* въ отдѣльности)... Кромѣ технического знанія и опытности (которые найдутся и въ оперныхъ и концертныхъ дирижерахъ)—кромѣ таланта (который, какъ высшій даръ, вовсе не часто встрѣчается въ музыкантахъ-профессионалахъ), тутъ необходимо еще одно важнѣйшее условіе: безграничная любовь къ своему дѣлу, призваніе, неразлучное и съ безкорыстіемъ и съ самоотверженіемъ. Музыканты оркестра, пѣвцы и пѣвицы хора, не могутъ смотрѣть на музыку иначе, какъ на подеиное занятіе, на работу, за которую, по уговору, получаютъ извѣстную плату. Начальникъ оркестра и хоровъ, начальникъ *всего* исполненія, во всецѣлости музыкальной, обязанъ смотрѣть на дѣло иначе. Онъ долженъ душою горѣть, пламенѣть къ музыкѣ; долженъ, по *внутреннему*, сильнѣйшему побужденію стремиться къ идеально-совершенному выполненію ввѣряемыхъ ему задачъ. Его дѣло—вдохнуть душу живую въ матеріальныя силы голосовъ человѣческихъ и музыкальных орудій,—понять духъ, характеръ того, что исполняется,—осуществить все, что только въ видѣ мертвой буквы заключено въ холодныя страницы партитуръ. Для всего этого, безъ сомнѣнія, никакъ недостаточно было *одной* (!) пробы, при музыкѣ, для г. капельмейстера совершенно-чужой и незнакомой; для всего этого, конечно, и пробу никакъ нельзя дѣлать за какой-нибудь часъ до концерта!.. Когда капельмейстеръ занимаетъ свое мѣсто вовсе не по призванію, а такъ, Богъ знаетъ почему,—какъ не рѣдко случается со всякими другими должностями,—когда и онъ—никакъ не менѣе музыкантовъ оркестра и хористовъ—подеищикъ, наемникъ, которому пѣтъ ни малѣйшаго дѣла до цѣлей искусства,—когда, вмѣсто того, чтобъ «одушевить» исполненіе, онъ скорѣе, своею вялою, сухостью, равнодушіемъ, самъ парализуетъ и ту маленькую энергію, которая изрѣдка, почти безсознательно, является въ хорахъ и оркестрѣ: тогда... гдѣ же требовать *силы* впечатлѣнія на слушателей, гдѣ же требовать смысла, разумности въ отгѣнкахъ, гдѣ же требовать истинной музыкальности и отъ концертовъ, тысячу разъ повторявшихся, — тѣмъ болѣе отъ концерта, въ основаніи котораго совершенно новая музыка?..

Въ заключеніе, не считаемъ лишнимъ сказать, что многіе Украинцы, въ томъ числѣ и Н. Ив. Костомаровъ, выразили свою признательность артистамъ и любителямъ, за участіе въ концертѣ, осо-

быми письмами; что оркестръ, хоры и устройство концертной залы обошлись — какъ и для всехъ здѣсь обходится — очень дорого, не смотря на все усердіе друга покойнаго поэта, — М. М. Л—скаго, — который завѣдывалъ хозяйственною частью концерта; и, наконецъ, что — какъ говорятъ — нѣкоторые изъ артистовъ и любителей, участвовавшихъ въ концертѣ 27 апрѣля, — въ томъ числѣ г-жа Леонова и г. Пикольскій, — вскорѣ намѣрены посѣтить Кіевъ, Полтаву, Черниговъ и Харьковъ. Въ ихъ успѣхѣ и сочувствіи тамошняго общества не сомнѣваемся.

А.-В. Побратимъ.

ВІСТІ.

В О В Ч И Ц Я.

(Изъ письма моего пріятеля).

— — Солнечные лучи ложились параллельно землѣ, пробиваясь сквозь свѣтлыя зимнія облака. Слабо освѣщали они стѣны убогихъ хатъ, плетни и вербы, когда почтовая тройка тронулась изъ хутора Картая и понеслась по степной дорогѣ, оглашая воздухъ рѣзкимъ дребезжаньемъ колокольчика. Сѣвшій въ рогожную кибитку проезжающій закурилъ сигару, отъ которой дымъ быстро вылеталъ изъ—подъ кибитки и тотчасъ же исчезалъ въ сжатомъ зимнемъ воздухѣ. Тихій вѣтеръ началъ усиливаться болѣе и болѣе; отдѣльно бродившія облака стали сходиться въ сплошную массу, и пошелъ снѣгъ. Наконецъ, солнце совершенно скрылось, а снѣгъ усилился до—того, что узкую дорогу, походившую болѣе на тропинку, стало заносить совершенно; ее не было бы возможности узнать, еслибъ она съ обѣихъ сторонъ не была утыкана палками, обверченными соломой, которыя у насъ называются *тычками*.

«Да!!» вздохнувши подумалъ проезжающій, глядя на безконечное чистое пространство, покрытое снѣгомъ: «еще одно здѣсь спасаетъ человека — тычки! а не будь ихъ въ мятель, непременно сбился бы съ дороги и застылъ бы въ этомъ снѣговомъ морѣ».

Онъ бросилъ въ сторону недокуренную сигару и, закутавшись въ шубу, прижался къ той сторонѣ кибитки, въ которую дулъ бушующій вѣтеръ, и, поглядывая въ обѣ стороны, прислушивался къ пѣснѣ ящика, напѣвавшего полнымъ степнымъ голосомъ:

Забіліи сніги, заболіло тіло,
ще й голівонька;
Ніхто не заплаче по білому тілу,
по бурлацькому....

Ямщикъ поминутно стегалъ батогомъ свою тройку, движеніе которой по занесенной снѣгомъ дорогѣ становилось все тише и тише. Она проѣхала уже нѣсколько верстъ, а ни впереди, ни въ сторонѣ никакого жилья не было замѣтно: все только и видѣлась одна неизмѣримая, покрытая снѣгомъ степь, на которой въ лѣтнее время не мало можно встрѣтить дикихъ козъ и зайцевъ. Наконецъ, тройка спустилась въ глубокой ярь, гдѣ, къ удивленію ѣхавшаго господина, въ первый разъ встрѣтился дубовый лѣсокъ, и онъ, не разговаривая съ ямщикомъ всю дорогу, не вытерпѣлъ и спросилъ:

— А что, здѣсь есть жилье, или одинъ только лѣсъ?

— Жилія немá нѣякого, а тѣлько одинъ лѣсъ,—отвѣчалъ ямщикъ хлеснувъ батогомъ лошадей.

— Большой?

— Нѣ, ге великѣй, та й не малѣй.

— А сколько верстъ отъ этого лѣсу до станціи?

— Та, якъ бы вамъ сказати?—верстовъ... тридцать, чи тридцять пять.

— А впередъ встрѣтятся какой нибудь хуторъ?

— Буде маленькій хутирѣць, та й той останѣтца у боку.

— Въ лѣсу, недалеко отъ дороги, что-то блеснуло, словно огонекъ. Всмотриваясь въ ту сторону, путешественникъ спросилъ у ямщика:

— Тутъ нѣтъ ли избушки, что вонъ вправо видѣнъ огонь?

— Це не огонь,—отвѣчалъ ямщикъ.

— А чтоже?

— Вовкъ. То у ёго очи блищати якъ огонь.

— Развѣ здѣсь ихъ такъ бываетъ и много?

— Та не такъ багацько, а коли не їдешь, то все попадаютьца назустрічь.

Когда они поровнялись съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ находился волкъ, лошади подняли уши и стали храпѣть, а сдѣвшій въ саняхъ господинъ такъ струсилъ, что не только прервалъ разговоръ, но прижался поближе къ одной сторонѣ саней и едва переводилъ духъ. Онъ даже забылъ про пистолеть, который имѣлъ всегда заряженнымъ и возилъ съ собою изъ предосторожности. Но, переводя съ большою осторожностію дыханіе, онъ чувствовалъ себя нисколько не легче; а когда спустились въ самый ярь, ему сдѣлалось еще жутче оттого, что лошади, утопая по самое брюхо въ мягкомъ снѣгу,

чуть двигались впередъ, и нерѣдко даже совершенно останавливались. А волкъ съ горящими, какъ двѣ свѣчки, глазами стоялъ неподвижно. Герой нашъ хотя былъ и не изъ самаго трусливаго десятка, а въ этомъ случаѣ совершенно оплошалъ. Онъ не могъ замѣтить, что здѣсь уже не было видно ни дороги, ни тычекъ, которыя были занесены снѣгомъ и что ямщикъ, будучи знакомъ съ мѣстностью, ѣхалъ по лѣсу почти *манівцемъ*, ежеминутно покрикивая и ударяя батономъ лошадей, которыя насилу выбивались изъ глубокаго снѣгу, залегшаго спокойно въ лѣсу. Наконецъ, умышленная до изнеможенія тройка перебралась черезъ глубокій яръ и, такъ сказать, вынырнувъ изъ снѣговой топи, очутилась на гладкой дорогѣ, изрѣдка перерѣзанной большими вѣлями снѣгу. Изъ лѣсу, въ которомъ остался страшный волкъ съ огненными глазами, долетали до нашихъ ѣздоковъ свистъ сильнаго вѣтра и шумъ деревьевъ.

Оставивъ позади себя лѣсъ и выѣхавъ на ровную мѣстность, ямщикъ опять началъ напѣвать потихошку, какъ-будто сквозь зубы:

Забіліи сніги, заболіло тіло....

Лошади, получая менше ударовъ батога, пошли однакожь шибче, а проѣзжающій слова спросилъ ямщика:

— А что, эти свѣтлоглазые ничего не трогаютъ, или этакъ что nibудь и пощипываютъ?

— Да якъ ще гѣрно щипають! Торікъ до насъ у хутірѣ такъ унадились, шо не було того дня, щобъ чого-небудь изъ хлѣва не витягли: сперву стали красти гусей, а тамъ свиней и овечокъ; та такъ сибірні унадились, шо и въ день бывало підкрадутця до вівця, ухопить ягня, або стару вівцю, та й побіжить у лѣсъ. Лѣсъ цей невеликій.... Отъ ми зібрались разъ чоловікъ изъ шість; взяли зъ собою всі по кійку и чотирі ружжя, та й и пішли. Дай, кажемъ, пройдемо цей лѣсъ, чи не найдемъ тамъ ихъ скоти (¹). Тільки приходимъ у лѣсъ, и всі шестеро розійшлись по бокахъ.... ну, и найшовъ одинъ, такъ, у ярочку, вовчу скоту, и закричавъ: «Сюдя, братці!» Отъ ми якъ прийшли всі, такъ одинъ смілий и вибрався, та й полізъ у скоту.... А тамъ були тільки самі вовченята и оббе

(¹) Берлога.

гарцювали зъ малёнкими ягняткомъ. Ну, ми тутъ скоріше забрали ціхъ малёнкихъ вовченятъ и ягнятко и понесли до дому, щобъ не зострітись изъ вовчицею. А щобъ вона и по слѣдамъ не найшла своіхъ дітей, то ми якъ переходили черезъ містокъ, взяли та їхъ и помили.

— Развѣ волчица по слѣдамъ могла пайти, еслибы вы волчепять не обмыли?—спросилъ путешественникъ.

— Эгел! вона бѣ тоді и дождь той розорила, куди принеслі вовченятъ: вона по слѣдамъ прийшла до самого мѣтка, а далі вже не піиде, бо зъ нихъ увесь духъ вовчий обміли.... Бѣдну скотинку ажъ жалъ було, якъ вона цілу неділю лізла въ воду, та все вила, да її здохла тамъ на березі.

Хуторъ, о которомъ ящикъ говоривъ прежде своему сѣдоку, только сейчасъ они проѣхали; но путешественникъ, завалившись въ уголь сажень и закутавшись отъ сильнаго вѣтра и снѣга въ шубу, не замѣтивъ его.

— Чтѣже вы съ волченятами сдѣлали?

— Становий дознавъсь, та до себѣ й забравъ. У станового, бачте, на тій неділі, якъ вовчица все вила и лізла у річку, корова пропала. Ёму хтось про це й сказавъ; вінъ узивъ писаря, отамана (²) и двухъ десятниківъ, та й прихавъ до насъ у хутиръ и з'аразъ же звелівъ зібратъ усіхъ стариківъ и всіхъ насъ у громаду. Менѣ тоді дома не було: я возивъ якогось пана; такъ за мною послали въ погоню, щобъ якъ можно скоріше я їхавъ у хутиръ до станового. Коли я прихавъ у хутиръ — а тамъ уже всі хлопці, шо за мною забрали въ лісі пазъ скоти вовченятъ, стоять у громаді. Отъ становий и питае: «Шо? ви, каже, забрали изъ лісу вовченятъ?» — «Ми, кажимъ, забрали». — «Де жъ вони?» — «У мене дома», сказавъ одинъ зъ насъ. — «Ну, такъ послать, щобъ їхъ привезли сюдѣ... А їхъ, каже, посадить у холодню» (показуе на насъ). Ми стали ёго просити, вінъ и дивитця на насъ не хоче; такъ розходивсь, шо и въ два не вберешъ. Послі: «ні,» каже, «не сажайте їхъ у холодню, а приводить по одному до мене въ хату». Отъ насъ усіхъ по одному у хату, де бувъ становий, писарь и отаманъ, переводили, и все у насъ питали, а ми все імъ казали, а

(²) У насъ отаманъ избирается изъ среды сельскаго общества, какъ у великоросіянъ старшина.

вони все писали. Якъ усіхъ до одного перебрали, такъ становий вийшовъ, та й почавъ читать при всій громаді: шо такі-то п такі-то, тоді-то и тоді-то, ходили въ лѣсъ п вовчу скоту розорили, п вовченягъ забрали, и зъ ними дошли до містка п ихъ у річці обміли. Вовчиця про це не знала, п якъ прийшла въ скоту, глядь, каже, а тамъ вовченягъ нема. Ну, вона побігла по слідамъ до самого містка, де вовченяга були обміті, та й ну вѣти п кидатьця въ воду; та такъ разсѣрдилась, шо ззіла мою корову.... Та це ще нічого, каже, а якъ би вона ззіла чоловіка, тодібъ шо було? каже становий усій громаді. Тодібъ п мене підтягнули, сказали бъ, шо отъ—шо робитця въ твоімъ стані!» А старикі зъ ляку: «Ні,» кажуть, «п за корову нехай вони вамъ заплатють, шо вона стоить». А ми й кажимъ: «Та якъ же вовчиця корову ззіла, ваше благородіе, коли вона одъ вaшого хутора паслась більше, якъ пятнадцять верстъ? Скорій бы вона зъ нашого хутора чю-небудь иззіла». «Ні,» каже вся громада: «це могло случитця, бо вона не ходила въ череді, а по волі, де хотіла.... такъ вона, може, прямо черезъ пшениці п пройшла підъ вашъ хутір». «Отъ то—то и есть!» стали ми казати: «якъ вона ходила по пшеницямъ, то хто-небудь п прицькувавъ її собаками, а вони й загнали далеко»... «Не правду ви кажете, перебіла вся громада: скільки разъ ми всі бачили, шо вона пасетця въ пшениці, а мало того п ляже—и то ніхто не чіпавъ, а не то щобъ собаками цькувать». А становий: «такъ,» каже, вы, господя чесні, согласні, щобъ вони заплатили мені за корову, чи ні?... та самъ же й каже: «по мені и нічогобъ не треба; такъ, якъ простить імъ, то п другі такє діло зроблять». «Согласні, согласні,» сказала вся громада: «стільки, скільки ви прикажете». А становий: «скільки я самъ заплативъ Жукові: сто карбованцівъ. Це корова не наска, а Чорноморська». Якъ сказавъ вінъ це, такъ-такъ ми всі, грішні, й подумали: «Якъ ёго ще сира земля дѣржить на світі, шо вінъ такъ людѣй морочить!» Всі знали, шо корова станового не куплена, а просто взята у Жука за те, шо вінъ якъ прасілъ, такъ всяке літо приганяє багацько скотини; а старикі жалуютця, шо вінъ своєю скотиною вибиває на полі кормъ, такъ—шо й нашій скотині нічого їсти. Отъ цей прасілъ всяке літо п дарує скотиною, або грішми, становому, писареві п отаманові, якъ якіи бере (1); тимъ и корову цю вся станового дворя, коли шукає бувало въ пшениці, такъ усє кажуть: «Чи не бачили *Жучихи*?»

(1) Отаманы, будучи часто перемѣняемы, рѣдко пользуются случаемъ взять.

— Почему же вся громада не вооружится противъ того, чтобы становаго корова не паслась въ пшеницѣ?

— Не то шо корова пасётца въ пшениці, — и всі трѣе коней хѳдять де хотѳ, — и тѳ ніхтѳ нічѳго не каже; тѳлько насѳ Бѳга рѳди не чѳпѳй!...

— Ну, а чѳмѳ же кончѳлось дѳло о волчѳцѳ? — спросѳлъ путешественнѳкъ, желая скорѳе узнать развѳзку.

— Та тѳмѳ, шо зѳ насѳ нѳз усѳх злупѳли сто карбѳванцѳв за корѳву, та тѳрдѳцѳтъ карбѳванцѳв и шѳсть мѳшкѳв пшениці за безчѳсте; а зо всѳго хѳтора зобрѳли яѳць на яѳшню и курѳй на зѳкуску всѳмѳ панѳмѳ стѳлько, шо вони тутѳ пообѳдали, та ще одвезлѳ станѳвому и пѳсаревѳ на пѳводѳ.

— А чтѳ такое значѳтъ — безчѳсте?

— Та безчѳсте вѳ насѳ зѳвѳтца те, шо якѳ бѳдѳшь позѳвѳтьцѳ, такѳ все рѳвно берѳтъ — и сѳ прѳвого и непраѳвого: тѳльки рѳзѳнѳця та, шо зѳ вѳновѳтого берѳтъ за вѳну и безчѳсте, а сѳ прѳвого тѳлько за одно безчѳсте.

— А всѳкѳй лѳ разѳ бываѳтъ сборѳ япцѳ и курѳ, когда прѳѳзѳжають вашѳ властѳ?

— Хтѳобѳ нѳ прѳѳхавѳ — станѳвѳй по своѳму дѳлу, пѳсарѳ и зѳбрѳщѳкъ обрѳкъ зѳбрѳть, — все хѳдѳть десѳятнѳки и зѳбрѳють зѳ душѳ по скѳльки чѳго слѳдуѳ.

— Какѳ? разѳвѳ опредѳлено посколькѳ чѳго сѳ душѳ?

— А якѳже! Станѳвому одному по два лѳцѳ зѳ душѳ, а зѳ двадцѳтѳ душѳ по кѳрѳчѳ; а пѳсаревѳ и зѳбрѳщѳковѳ, на двѳхѳ стѳльки, скѳльки одному станѳвому. А отѳманѳвѳ, коли буваѳ, то прѳбавлѳетца, якѳ тамѳ бѳде прѳказано.

Бѳсѳда сѳ ямщѳкомѳ дѳтого увлѳкла прѳѳзѳжающѳго, что онѳ невольнѳ задумѳлся и не замѳтилѳ, какѳ пролетѳло время отѳ станѳцѳи до станѳцѳи. Но онѳ счѳлъ излѳпнѳмѳ выражать свое удовольствѳе словами, и только лишнѳхѳ пѳть копѳекѳ серебромѳ, прѳбавленнѳхѳ кѳ обычной его платѳ ямщѳкамѳ на водку, выразѳли его безмѳлвѳную благодарнѳсть.

И. Свячѳенко.

Изъ Черниговской губ.

(Июль 1861 г.).

I.

Вы просили меня писать обо всемъ, что будетъ любопытнаго въ той мѣстности, гдѣ я живу уже около двухъ недѣль.

Вы, можетъ-быть, рассчитывали получить отъ меня свѣдѣнія интересныя для «Основы» и для читателей ея; но я сомнѣваюсь — удастся ли мнѣ сообщить что-нибудь подобное. Помѣщиковъ, кромѣ ближайшихъ сосѣдей, я еще не видѣлъ; сосѣди же, большюю частью, жалуются на судьбу. Они окончательно рѣшили въ своей головѣ, что выхода изъ бѣды нѣтъ ни съ какой стороны; съ главами, поникшими долу, ждутъ они голодной смерти, и не внимають голосу умнаго чело-вѣка, по временамъ зывающему къ нимъ. Всѣ помыслы ихъ устремлены теперь къ тому, чтобы накопить какъ можно больше денегъ; продается все, что можно продать; продукты, залежавшіеся по нѣсколку лѣтъ, сбываются по какой-бы-то-ни-было цѣнѣ. Но съ собранными деньгами они рѣшительно не знаютъ какъ поступить и прячуть ихъ по угламъ, подальше отъ постороннихъ взглядовъ. Нѣтъ ни желанья, ни умѣнья распорядиться ими разумно, употребить въ дѣло. Привыкнувъ смотрѣть на деньги какъ на цѣль жизни, они и теперь не видать въ нихъ средства къ благосостоянію, и жмутся до-крайности, лишь бы не вышукать денегъ изъ рукъ. О правильномъ употребленіи капитала нѣтъ никакого понятія. Я пробовалъ убѣдить нѣкоторыхъ господъ обратиться къ промышленности, смотрѣть правильно на свободный трудъ, стараться выиграть время—не внемлютъ!.. Одинъ отвѣтъ: все погубило!

А между тѣмъ, въ первый же годъ, можно бы уже воспользо-ваться выгодами свободного труда; но у насъ такъ привыкли къ патріархальному способу вести хозяйство, что боятся и подумать о какомъ либо промышленномъ оборотѣ, и скорѣе соглашаются вздыхать, сложа руки, нежели заняться чѣмъ-нибудь. Словомъ, чело-вѣкъ свѣжій испытываетъ здѣсь впечатлѣніе самое тяжелое, и невольно вспоминаются слова лѣтописца: «Запустѣніе на стогнахъ градовъ и весей: то бо суть Агаряне» и проч.

Начало этого зла заключается, прежде всего—благодаря централизациі—въ совершенномъ отсутствіи молодыхъ образованныхъ людей, которые бы своимъ примѣромъ, на дѣлѣ, показали несостоятельность ста-

раго порядка и жизнённость поваго. Пѣтъ силы, которая подвинула бы съ мѣста застоявшуюся массу, расшевелила бы ее и указала путь.

Да! отсутствіе молодежи здѣсь очень чувствительно. Если пѣтъ постоя войскъ, то, на сѣздахъ помѣщиковъ, нѣкому танцовать, а въ уѣздной жизни безъ этого не могутъ обходиться. Здѣшнія барышни выходятъ замужъ, обыкновенно, за военныхъ всякихъ націй, вводя, тапкмъ—образомъ, въ свои семейства и великорусовъ, и пѣмцевъ, и итальянцевъ, и перекрещенныхъ евреевъ, и *азіатовъ* и т. д. Это ведетъ къ тому, что ихъ имѣнія мужья стараются обращать въ деньги, и земля снова переходитъ въ старыя, привышнія къ кулачному праву руки. Да если правду говорить, и молодежь военная, оставаясь здѣсь, принесла бы еще меньше пользы, а скорѣе вредъ. Безъ образованія, часто безъ здраваго смысла, съ неодолимою страстью къ кутежу, попойкамъ, картамъ — она способна только разорять и уничтожать, а не создавать. А посмотришь, какія иногда славныя имѣнія попадаютъ въ руки этихъ господъ! Чтѣ можно сдѣлать при умѣнн да при правильномъ веденіи хозяйства! Все гибнетъ!.. У этихъ господъ дѣлается все наоборотъ. Въмѣсто того, чтобъ начать дѣло экономіей и устройствомъ порядка и постепенно переходить къ довольству и комфорту, они, захвативъ въ руки разстроенное имѣніе, заводятъ оранжереи, тысячные экипажи, рысаковъ, строятъ громадныя дома и проч., и тѣмъ окончательно убиваютъ свое состояніе. А жены ихъ, здоровыя деревенскія барышни, вскормленныя плодоносною Малороссією, начиная съ перваго же года, отличаются аккуратной производительностью. Уѣзжая прошлый годъ на сѣверъ, я оставилъ здѣсь нѣсколько невѣстъ, вышедшихъ замужъ уже послѣ меня. Возвращаюсь домой, — и чтѣ же? всѣ онѣ пріѣхали изъ полковъ къ своимъ родителямъ — родить.

Впрочемъ, здѣсь есть два—три молодыхъ человека... Они могутъ служить интересными сюжетами для наблюденія. (Мы съ ними еще встрѣтнмся и познакомимся, современемъ, покороче). Люди эти — кара небесная для здѣшняго уѣзда. Это — шулера, пьяницы, мошенники, отъ которыхъ добрымъ людямъ покоя пѣтъ. Я сообщилъ бы вамъ нѣсколько очень характеристическихъ разсказовъ, но боюсь, что это будетъ похоже нѣсколько на *бабы сплетни*. Кстати, о сплетняхъ. Тутъ имъ раздолье и почетъ! Дѣлать нечего, читать половина *помѣщницъ* не привыкла или нехочетъ: пьютъ, ѣдятъ спать, рѣжуются по цѣлымъ суткамъ въ карты, да слушаютъ, раз-

вѣсивъ уши, сплетини безмолвно-уполномоченныхъ на то особѣ прекраснаго пола...

Мнѣ особенно понравились просьбы пѣкоторыхъ дамъ, поданныя ими въ губернское присутствіе о зачисленіи ихъ въ мелкопомѣстныя. У нихъ было больше 21 души; а потому лишнее количество крестьянъ онѣ предлагали перечислить въ государственныя, чтобъ самимъ попасть въ мелкопомѣстныя!.. Конечно, просьбы ихъ были отвергнуты. Такія и подобныя явленія бывають тутъ сплошь и рядомъ.

Недавно, въ Конотопскомъ уѣздѣ, начали составляться волости. Много мѣшаетъ полной свободѣ подачи голосовъ отсутствіе правильной баллотировки. Крестьяне совѣстятся гласно объявлять себя противъ лица, котораго они не желаютъ; а потому, многіе, нехотя, подають голосъ за. Еслибы у нихъ были ящики, какіе существуютъ вообще при всякаго рода другихъ баллотировкахъ, это было бы несравненно лучше.

Скоро поступать въ продажу, въ уѣздныхъ казначействахъ, бланки для уставныхъ грамотъ. Предстоитъ, стало быть, интересное зрѣлище!

Урожай хлѣбовъ, озимаго и яроваго, вездѣ отличный; но травы въ степяхъ нехороши.

Плодовъ и ягодъ, въ нашей, южной, мѣстности, почти нѣтъ. Табакъ значительно поднялся въ цѣнѣ; но, съ переполоху, его посажено гораздо меньше противъ прежнихъ лѣтъ.

Межеваніе медленными шагами подвигается впередъ. И не удивительно: члены межевой здѣшней комиссіи, вмѣстѣ взятые, принадлежатъ къ возрасту, который вовсе не располагаетъ къ дѣятельности... Видно — таковыя понадобятся...

Вѣсточка зъ Мелитѣй-города.

Окликаемся до братіи, хто поважає старинні мурі, будинки и старинну осѣлю нашої прежнї Країни. У Чернігові, окремє святыхъ церковь стародревнихъ, устояли старинні будинки: покої Полуботка, — ще зъ прошлаго віку одъ Григоровича поступили у духовні руки ⁽¹⁾, а теперъ підъ семінарією. На взірѣ вони цілі и кріпкі, іще постоблять для потомнѣго часу. Другі будинки, ще давнішого часу ⁽²⁾; у нихъ була Черніговська полкова канцелярія; стоять на валу; їхъ построй-

(1) Истор. и статист. описаніе г. Чернігова. Н. Маркевича. Въ Черніговскихъ вѣдомостяхъ, за 1832 г.

(2) Кажуть ще за Польші построєні.

ка, усякі виводи и прикраси на стінахъ, такъ и вимолвляють прежній смакъ и руку давнёго часу. Покоі чепурненькі, розведені всякими прикрасами и зубчиками: любо подивитця! Вони були запустіли, прийшли въ розоръ; кажуть, недавнёго часу, підъ приїздъ царський, сее знаменó прежнєї постройкы, по вищому приказу, підновлено по прежньому, покрито листовимъ жалізомъ, и до сєго часу красовалось, якъ квіточка прихороша, хоровачи въ собі другий пам'ятникъ прежнёго давнёго часу: діла и житло нашихъ предківъ, на письмі записане; тутъ, зложена архива губерського правленія: старої Гетьманщини діла, різнихъ полківъ, про всяку всячину.

А теперъ—за серце хапає, якъ поглянешъ, що сії старинні муре розораяютця одъ недогляду полиціі. Листове жалізо крадуть, розносять, уже на двохъ углахъ обідрали кривлю; піде течь, мокрота, пропадуть и бумаги одъ мокроти и сама схованка їхъ, пам'ять прежнёго часу, тожъ піде прахомъ.

Заявляємъ передъ чеснимъ людомъ, коли не найдеться спроможности оберекти сії будинки одъ такої напусті, то нехай братія, хто матиме спроможность, або случай быть у Чернігові, змяює на папері, щобъ доберекти дідівську пам'ять потонньому часу.

С. Волошинъ.

Непитай-городъ.

1861 року, Квітня 12-го.

Изъ Чернигова.

(іюнь 1861.)

Съ особеннымъ удовольствіємъ сообщаю въ *Основу* одно распоряженіе нашего начальства, которому могли бы подражать многіе и во многомъ. Это распоряженіе принесетъ несомнѣнную пользу, если будетъ поддержано энергически, на дѣлѣ, если не останется однимъ добрымъ желаніемъ:

Циркулярное предписаніе г. Начальника Черниговской губерніи, отъ 21 мая 1861 года, Городскимъ и Посадскимъ Полиціямъ здѣшней губерніи.

«При вступленіи моемъ въ управленіе губернією, когда я имѣлъ честь въ первый разъ принимать гг. чиновниковъ мѣстнаго губер-

скаго правленія, я высказавъ, что нами должно руководить безусловное уваженіе къ законамъ, отвращеніе отъ произвола какъ въ собственныхъ нашихъ распоряженіяхъ, такъ и въ дѣйствіяхъ нашихъ подчиненныхъ, и непрестанная память о томъ, что мы прежде всего обязаны охранять общественное спокойствіе въ губерніи и безопасность всѣхъ и каждого, и что только въ случаяхъ особенныхъ мы должны являться исполнителями карающаго закона.

«Къ-сожалѣнію, я замѣчалъ неоднократно, что дѣйствія лицъ полицейскаго вѣдомства ввѣренной моему управленію губерніи находятся въ совершенномъ противорѣчій съ высказанными мною убѣжденіями. Не только нижніе чины означенныхъ учрежденій дозволяютъ себѣ насиліе и самоуправство, но и многіе изъ гг. чиновниковъ уничтожаютъ всякое довѣріе жителей грубымъ произволомъ и вовсе не примѣрнымъ поведеніемъ.

«Обращаю еще разъ вниманіе гг. начальниковъ полицейскихъ учреждений на то, что дѣлается ихъ подчиненными, и напоминаю имъ словесныя мои замѣчанія. Полиція не должна забывать, что она учреждена для жителей, а не жители для нея; что если ей и приходится являться часто исполнительницею наказаній и взысканій, то все же первое ея назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы служить защитою правыхъ, какого бы кто званія ни былъ. Оказывая уваженіе къ личностямъ, Полиція пріобрѣтеть и для себя то уваженіе, которое жители обязаны оказывать лицамъ облеченнымъ законною властію.

«Ожду, что отныня полицейскія учрежденія будутъ подавать примѣръ уваженія къ законамъ; если же за этимъ мною будутъ замѣчены вновь отступленія отъ правилъ, то я вынужденъ буду принять мѣры къ удаленію изъ полицейскихъ учреждений тѣхъ лицъ, которыя поступками своими уничтожаютъ довѣріе къ этимъ учрежденіямъ.»

Зъ Молтавіи.

Щобъ хочъ трѣхи познакомити народъ зъ театромъ, охѣтники почали побиватись объ тѣмъ, щобъ на великоднихъ свѣткахъ показати зѣтрѣ, або зъ чотирі народнихъ спектаклї. Найняли ужѣ й театрѣ, вѣв члпп, на пѣрвий спектакль, комедїї: «*Бѣдность—не порѣкъ*» и

«Шельменко, волосний писарь», — да ба! не позволено грати... через те, кажуть, що для народу ще *дуже рано* заводити театр, та й ціни назначили дешеві (ложи 8, 4, 3, и 1½ карбованці, а дзиганки 50, 30, и 25 коп.) Охотники просили, щоб ціни набавити, в афиші не писати «народний спектакль...» — не помогло!.. *рано*, кажуть, та й годі. — Мнѣ здається, що нехай би лучше народъ сидѣвъ у театрі, нїж у шинку; а якъ другимъ — про те не знаю...

Саранча въ южной части Черниговской губернии.

(7 Июля 1864).

Въ августѣ прошлаго года, въ Остерекій, Козелецкій и Нѣжинскій уѣзды, прилетѣла саранча и, сдѣлавъ небольшой вредъ гречкѣ, залегла преимущественно на *облогахъ*. Въ настоящее время появилось ея множество, въ видѣ черныхъ кузнечиковъ, но большая часть еще не выползла изъ земли, гдѣ закопалась. Не смотря на всѣ старанія земской полиціи и окружныхъ пачальниковъ, отъ ихъ дѣйствій нельзя ожидать значительной пользы, по невозможности уничтожить саранчу повсемѣстно. Надо опасаться голода. Дай Богъ, чтобы мы ошпоблись, но саранча уже начала уничтожать хлѣбъ; такъ напримѣръ, въ с. Щасновкѣ Козелецкаго уѣзда, пѣшая (въ видѣ кузнечиковъ) саранча уничтожила въ одинъ день, пятнадцать десятинъ озимаго хлѣба.

ПРИГЛАШЕНІЕ.

«Предпринимая въ Черниговѣ, съ іюля мѣсяца, изданіе еженедѣльной газеты, подъ названіемъ «ЧЕРНИГОВСКІЙ ЛИСТОКЪ», программа которой будетъ объявлена впоследствии, мы обращаемся съ просьбою ко всѣмъ сочувствующимъ общественной пользѣ — содѣйствовать намъ въ успѣхѣ нашего предпріятія. Цѣль изданія — доставить возможность мѣстнымъ жителямъ имѣть, за умѣренную плату (2 р. ср.), свой печатный органъ общественной жизни и дѣятельности, а потому намъ дорого всякое извѣстіе, интересна даже мимолетная замѣтка о важныхъ происшествіяхъ въ уѣздахъ: несчастіяхъ, пожарахъ, навод-

неніяхъ, неурожаяхъ, падежахъ и т. под., о замѣчательныхъ явленіяхъ въ жизни общественной, о забавныхъ приключеніяхъ, толкахъ, слухахъ и т. п. Мы покорнѣе просимъ не стѣсняться формою изложенія: дѣло не въ формѣ, а въ содержаніи.

«Для отдѣла *литературнаго* предназначаются вообще статьи для легкаго чтенія: небольшіе рассказы, стихотворенія на великорусскомъ и южнорусскомъ языкахъ, путевыя записки, очерки изъ народнаго быта, анекдоты, сцены, юмористическія замѣтки, эпизоды изъ охотничьей жизни и т. под.

«Въ отдѣлѣ *общепользныхъ свѣдѣній* мы съ удовольствіемъ дадимъ мѣсто каждой дѣльной практической замѣткѣ, заключающей въ себѣ свѣдѣнія по части сельскаго хозяйства, домоводства, промышленности, торговли, популярной медицины, народнаго образованія и т. под.

«Адресовать: *Леониду Ивановичу Гльбову, въ Черниговѣ, въ зданіи пансіона при гимназій.*»

Редакція *Основы* отъ все го сердца желаетъ успѣха этому прекрасному предпріятію, и увѣрена, что подъ редакцію Л. Ив. Гльбова, *Черниговскій Листокъ* заслужитъ сочувствіе общества и найдетъ себѣ подражателей и въ другихъ мѣстахъ.

ОБЪЯСНЕНИЕ КЪ РИСУНКАМЪ «ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ.»

Рисунокъ VI-й взятъ мною изъ альбома *И. И. Соколова*. Это — *молодица*, Полтавской губ., Золотоношскаго уѣзда, села Вереміевки. Свита—бѣлая; сзадн—*уси*—спніе.

VII-й—портретъ *чумака*, снятый *К. А. Трутовскимъ* въ Харьковской губ. У *К. А. Трутовскаго* очень большое собраніе рисунковъ съ натуры; благодаря ему, я могу теперь сдѣлать ихъ извѣстными. Эти рисунки имѣютъ большой интересъ. Я передамъ, по возможности, все снятое съ натуры. *Головою чумака* начинается рядъ головъ съ натуры.

Л. Жемчужниковъ.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ.

Ан-р-ю Г-р-чу М-др-кѣ, въ Козелецѣ. Ваша статья не можетъ быть напечатана.

М-ру О-ль-вичу, въ Козелецѣ. По мнѣнію людей знающихъ, Вашъ трудъ, при всѣхъ его достоинствахъ, не можетъ имѣть должной полноты безъ соображенія съ документами, хранящимися въ Московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ. За «Записки» весьма благодарны; постараемся ими воспользоваться. — Ожидаемъ отъ васъ мѣстныхъ извѣстій.

Д-лу И-чу Л-вр-у, въ Черниговѣ. Дуже вамъ дякуемо; мусимо подождать зъ печаттю... Не забудьте насъ; запоможіть еще чимъ—ласка.

Г-ву О-ш-му, въ Екатеринославѣ. Ваша тетрадь получена. Окончательный отвѣтъ—въ VIII книжкѣ.

С-ну Д-чу И-у, въ Конопоть. Одѣбрали. Дѣка Вамъ одѣ щирого сердца. Рѣди Вашой послухаемо, до Васъ одишемо.

Ө-ну Д-л-чу Л-д-ц-ву, въ Кіевѣ. Зміна заголовка й почѣтку не зъ нашої вини. Ждемо—не—дждемось Вашой посылки.

Підводному. Правда Ваша рада, да треба огледітись. Одишемо, а поки—що—наша прозьба: не забудьте й надальшъ,—якъ до сѣго часу, спасної Вамъ, насъ не забували.

К-ст-ну Е-с-чу Тр-нѣ, въ Пѣжинѣ. Слова объясняются въ *Основѣ* только въ томъ значеніи, въ какомъ они тамъ же употреблены авторами. Слово *пригода* употребляется также и въ смыслѣ *событія, приключенія*, какъ въ польскомъ *przygoda*. Стихотвореніе, о которомъ Вы писали, извѣстно, и даже переведено въ одномъ изъ здѣшнихъ журналовъ.

И. Рос-ш-скому, въ Петербургѣ. Спѣшимъ увѣдомитъ Васъ, что мы получили *Воспоминаніе изъ прошлаго* и весьма рады поглядѣться съ Вами до напечатанія.

Въ слѣдующей книжкѣ, между прочимъ, будетъ напечатано весьма любопытное письмо 1840 года, отъ *Основьяненка* къ *Шевченку*, по поводу *Кобзаря*.

Въ *апрѣльской* книжкѣ *Основы* обращаютъ вниманіе три типографскихъ недосмотра: 1) въ статьѣ «Воспоминаніе о двухъ малярахъ», стр. 49, вмѣсто *Санскій* должно быть *Самскій*; 2) въ нотахъ къ пѣснѣ «Гей, гукъ, мати, гукъ», (стр. 95), въ самомъ началѣ, вмѣсто *f* должно быть *d*, подъ первой линейкой; и 3) подъ байками «*Мірошникъ*» и «*Жаба й Вілъ*» должна быть подпись: *Р. Витавський*.

ОБЪЯСНЕНИЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 6-й КНИЖКѢ «ОСНОВЫ».

Баби́нецъ — мѣсто въ церкви, гдѣ стоятъ женщины.

Багати́рка — богачка.

Біда́ха — бѣдняга.

Бо́вкинутъ — (о колоколѣ издать густой звукъ).

Бо́лизько — больно.

Бри́ити — чуть блестятъ, яси́тъ вдали, видѣться будто въ туманѣ.

Буртисы! — междометіе звукоподражательное, обозначающее паденіе тѣла съ извѣстнымъ шумомъ.

Вага́ — тяжесть; уваженіе (въ смыслѣ: принять въ уваженіе, напр. жалъ ваги не ма́е); беременность (я була въ вази́, — важка́); вѣсы.

Ввижа́тисъ — привидѣться, казаться.

Ви́прать — вымыть.

Видсі́ль, відсі́ля — отсюда; отсюда.

Віи́ — рѣсницы.

Вилі́чувать — высчитывать.

Ви́пурхнутъ — выпорхнуть.

Висадки — корни, сохраненные до весны и посаженные опять въ землю для получения изъ нихъ сѣмянъ.

Вітягну́ть — вытянуть, вытащить.

Волоцю́га — бродяга.

Воло́шки — васильки.

Вра́пці — утромъ.

Вчині́тъ — замѣсить (хлѣбъ въ квашнѣ).

Га́пки — крыльца.

Гіршій — худшій.

Го́йдатисъ — качаться.

Го́ренько (уменьш.) — горе.

Гречаний — гречиный.

Гудина — плети въ зеленн огурцовъ, дынь, арбузовъ, и проч.

Дерка́чь — истертый вѣнникъ.

Дибки (нарѣчіе) — дѣлать первые слабые шаги (о дѣтяхъ).

До́вдатисъ — освѣдомиться, навѣдаться.

До́во́лі — достаточно.

Догодува́тъ (хлѣбомъ) — докормить; прирѣтъ въ старости до самой смерти.

До́зрѣтисъ — присматриваться; обращать вниманіе.

До́конѣчне — непременно.

До́ (о)ста́нку — до конца, до послѣдней минуты.

До́тнѣтъ — досаждаютъ; падо́ждать.

Дри́бчо́къ — кусокъ соли.

Ду́жий — здоровый, сильный.

Дурни́чка — даромъ, по пустякамъ.

Дя́дина — жсна дяди.

Еди́ати — согласить, согласиться, условиться.

Же́нхѣтисъ — ухаживать за дѣвушками.

За́вдавати — причинять.

Зага́ятисъ — замѣшкать, замедлить.

Загѣ́ити — залечить.

За́дрістъ — зависть.

Заку́даний — взерошенный.

Заку́токъ — закулокъ.

Замордоватися — замучиться, выбиться изъ силъ.

Зананастити — затратить, погубить.

Занятися — загорѣться, вспыхнуть.

Запобігати — о заботиться, предупредить что-либо заранее принятыми мѣрами.

Заснітити (очі) — заслонить, затуманить глаза.

Заторочити — заговорить, затуманить.

Заходитця — начать; засуетиться.

Займатися (на світь) — свѣтать.

Зблукати — исходить.

Звйтця — подняться вверхъ.

Звисточка — вѣсточка.

Звѣдъ — ваводъ (снасть надъ колодезѣмъ), верхняя перекладина журавлѣ.

Згдоомъ — повременивъ, обождавъ.

Зикъ — крикъ; шумъ.

Зивька — Зинювѣ.

Зирватися — сорваться; быстро подняться съ мѣста.

Зкрашати — украшать.

Змалку — съ малыхъ лѣтъ.

Зморитися — утомиться, устать.

Знушатися — издѣваться; наругаться; насмѣхаться надъ кѣмъ.

Зодягати — одѣвать.

Зполонити — встревожить; испугать и поднять съ мѣста (напр., птицу и т. п.).

Зъурочити — сгласить.

Избороти — побороть; одолѣть.

Каблѹчка — кольцо.

Карнавка — церковная кружка.

Качаточка — утѣпки.

Качуръ — селезень.

Кирхъ — кулакъ, поставленный перпендикулярно; мѣра (вышиною въ кулакъ).

Клопотатися — хлопотать; суетиться.

Ключина — срубленное и очищенное отъ вѣтокъ, тонкое длинное дерево.

Колотитися — биться (о сердцахъ); тревожиться.

Колѹчка — коликъ (болѣзнь).

Копиця, — чка — копна сѣна.

Коровячий — коровій.

Королѣвъ-цвѣтъ — цвѣтушіе бобы (красный цвѣтъ, *Phaseolus multiflorus*, Willd.).

Кришка, — ечка — крошка.

Курити — вздымать пылъ.

Личманъ — медальонъ, носимый въ монистѣ, какъ украшеніе.

Ліки — лекарства; **лікъ** — счетъ.

Лой, лій — топленое сало, изъ ко-

торого приготовляются свѣчи; свѣчное сало.

Лѹскаць — шелкать.

Любистокъ — пахучее растеніе. (*Levisticum officinale*, Koch.)

Манячить — видѣться вдали.

Мерѣжка — сквозное шитье, узоръ.

Мовлять — говорить.

Мошенство — мошенничество.

Мряка — сырость въ воздухѣ.

На-всю-гѹбу — въ полной мѣрѣ (напр. панъ на всю гѹбу.)

Навѣході — на заходѣ (о солнцѣ).

Наволѹкъ — наносная земля?

На-вхрестъ — накрестъ; крестообразно.

Нагодитця — печально подоспѣть; случиться.

Накрѹювати — надкрывать; вырѣзать.

На-пасинне — на сѣмена; на посѣвъ.

Недолѣшокъ — отставшій отъ своихъ и не успѣвшій сдѣлать Полякомъ.

Никать — ходить изъ угла въ уголъ, заглядывать то сюда, то туда.

Обернѹти — опрокинуть.

Обпадати — обступить; окружить.

Огоргати — окутать; обернуть.

Одмовлятися — отговариваться.

Одпирати — отталкивать.

Одправа — служба (церковная).

Одробляти — отбывать долгъ работою.

Одсѹнути — отодвинуть.

Ожеледъ — гололедица.

Озватися — откликнуться, отозваться.

Олѣнка — весенній жукъ золотисто-зеленоватаго цвѣта. Олѣнка — уменьш. имя отъ Олѣна, Езена.

Оповесни — въ весеннюю пору.

Оруловати — управлять; самоуправствовать, употреблять другого какъ орудіе.

Очѹпяти — прийти въ себя; въ здоровое состояніе; встать на ноги послѣ болѣзни.

Ошѹхрати — надуть.

Ошукати — обмануть.

Пашити — горѣть пламенемъ.

Переставитися — умереть; преставиться.

Перначъ — одно изъ козацкихъ оружій.

Пилъ — пылъ.

Пишатися — горлиться, кичиться.

Підживитися — покрѣпиться, полкрѣпить силы пищею.

Підлітокъ—птичка начинающая летать; підлітками называются также дѣти въ отроческомъ возрастѣ.

Пляха—бутылъ.

Побратись—повѣчаться.

Поглянути—взглянуть; посмотреть.

Подбивать (гурки)—взрыхлять землю около растенія, очищая его отъ сорныхъ травъ.

По-дѣ-куди—кой-куда.

Покіннути—бросить; оставить.

Поліяка—большое погѣно.

Поминітись—намекнуть, проговориться.

Помийниця—кадка, куда сливаютъ помои.

Поми(ья)ну́ть—помянуть.

Посмагти—стянуть, обсохнуть (отъ жару, о губахъ).

Посповнѣвано—наполнено.

Посваритись—погрозить.

Посціліти—(о растеніи)—вытянуть— прежде времени, бесплодно.

Поручь—подлѣ; рядомъ.

Потовтіи—побить, потолочь.

Похійнитись—новѣсить голову; задуматься.

Пріснути—быстро подскочить, броситься.

Пристѣбувати—пристегнуть, при- вѣшивать

Проморія—появляющаяся болѣзнь.

Причипуритись—красиво одѣться.

Прищѣлнитись—прижаться; приль- нуть.

Пустыця—нежилая хата.

Пустовати—шалить.

Разокъ (намиста)—низка намиста.

Рипати—скрипѣть.

Рісочка—маленькая капля воды.

Родина—родство.

Розбороняти—разводить дерущихся.

Роспорядити—распредѣлить, устро- ить.

Роспуковка—распускающійся цвѣ- токъ.

Ростікати—расходиться; разбѣ- гаться.

Рухнутись—тронуться съ мѣста.

Ряска—водное растеніе, (съ мелкими круглыми листочками).

Рясні косиці—(на вербѣ) обильныя тонкія вѣтви.

Рясно—обильно; густо (о деревь).

Серпанокъ—родъ кисен.

Сиріватка—сыворотка.

Сірачина—сѣрая свита, и кто хо- дить въ пей.

Скабка—запоза.

Скритись—блестѣть; некриться.

Скүпитись—сойтись; собраться въ одно мѣсто.

Слизько—скользко.

Сліна—слиюна.

Спертись—опереться.

Спинати—удерживать; отговари- вать.

Спізнатись—познакомиться; ебли- зиться.

Спіткати—встрѣтиться; случить- ся.

Спостіти—провести время въ постѣ.

Стапокъ (полотна)—цѣльный кусокъ холста.

Стогнати—стонать.

Ссать—сосать.

Схибнути—оступиться, промахнуть- ся.

Телѣхнути—издавать тихій звукъ, произносить по-тихоньку слово.

Тіць!—(междометіе отъ тикнуть— ткнути).

Тоб-що—и тому подобное.

Третячокъ, — тележокъ которому третій годъ.

Тріска—щепка.

Турбъ—хлопоты; безнокойство.

Убачити—увидѣть.

Ублагати—умолять упрасивать.

Увечері—ввечеру.

Угортати—увернуть; запрягать.

Уживки—веревки.

Узивати—называть.

Уквіччати—убрать цвѣтами.

Жвіща—ненастье, бурясь дождемъ.

Хропті—храпѣть

Хорявий—болѣзненный.

Цурка—небольшая палка, посред- ствомъ которой что-либо скручено.

Чи-що—что-ли.

Чекати—ждать.

Чорнобрівці—бархатци.

Шкітильгати—хромать.

Щось—что-то.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ

ЦЕНТРАЛЬНАГО СТАТИСТИЧЕСКАГО КОМИТЕТА:
СПИСКИ НАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТЪ
РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

Цѣна въ
С.-Петербургѣ.

- I. Списокъ населенныхъ мѣстъ Архангельской губерніи.* Въ большую 8-ку, XXIV и 131 стр., съ хромолитографированною картою 1 р. 20 к.
(Вѣсовыхъ за 2 ф., укупорочн. 10 коп.)
- II. Списокъ населенныхъ мѣстъ Астраханской губерніи.* Въ большую 8-ку, XVI и 51 стр., съ хромолитографированною картою 70 к.
(Вѣсов. за 1 ф., укупорочн. 10 коп.)

Продаются:

у комисіонера Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, С. П. Лоскутова
и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Per. 277^d (1861, 7)

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛІТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

«Добра хочу братья и Русскій Земли.»
Владиміръ Мономахъ.

1861

ПОЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИВЛЕНА И КОМП.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Августа 9 дня, 1861 года.

Ценсоръ Ст. Лебедевъ.

7/186/50 059

КОБЗАРЬ.

XXIV.

Ой чого ти почорніло,
Зелене поле?
—Почорніло я відъ крові
За вольную волю.
Кругъ містечка Берестечка,
На чотирі милі,
Менé славні Запоробці
Своімъ трупомъ вкрили.
Та ще менé гайворони
Укрили съ північі...
Клюють бчі козацькіі,
А трупу—не хочуть.
Почорніло я зелене
Та за вашу волю...
Я зновъ буду зеленіти,
А ви вже ніколи
Не вернётесь на волю...
Будете орати
Менé стіха, та брючи
Доблю проклинати...

XXV.

Якъ би мнѣ, мамо, намісто,
 То пішла бъ я завтра на місто,—
 А на місті, мамо, на місті—
 Тамъ музика грає троїста;
 А дівчата зъ парубками
 Кохаютьця... Мамо! мамо!
 Безталанна я!

Ой пійдú я Бóгу помолюсь,
 Та пійдú я у пайми наймуся,
 Та куплю я, мамо, черевіки,
 Та найму я троїсти музикн:
 Нехай люде не здивують,
 Якъ я, мамо, потанцюю...
 Дóленько моя!

Не дай мнѣ вікъ дивувати,
 Кóси мої плесті-заплітати,
 Бровеняга дóма зносити,
 Вь самотині віку дожити....
 А поки я заробляю—
 Чóрні брóви полипняють...
 Безталанна я!

XXVI.

Ой умеръ старій батько
 И старенькая мати,
 Та нема кому щирої
 Тії радоньки дати...
 Щó мнѣ на світі
 Сирóті робіти:
 Чи йти вь люде жити,
 Чи дóма журитись?
 Ой пійдú я вь гай зелений
 Посажу я рúту:
 Якъ що зійде моя рúта,
 Остануся тúта;

Прийде мiлiй вь мою хату
 Хазяiновати;
 А лгъ же нi—то я пiйдю
 Дiленьки шукати...
 Посхiдила таа рута,
 Вь гаi зеленiе...
 А дiвчиная сиротина
 У пiймахъ марше!

XXVII.

На горiдi коло брiду
 Барвинокъ не схiдить;
 Чомусь дiвчиная до брiду
 По вiду не хiдить.
 На горiдi коло тiну
 Сiхне на тичiнi
 Хмiль зелiний; не вихiдить
 Дiвчиная вь хатiнi.
 На горiдi коло брiду
 Вербi похилiлась;
 Зажурiлась чорнобрива —
 Тяжко зажурiлась.
 Плаче—плаче та ридiе,
 Якъ рибонька бiетця..
 А надъ нею, молодiю,
 Поганецъ смiетця.

Т. Шевченко.

ЛИСТЪ ОСНОВЬЯНЕНКА ДО ШЕВЧЕНКА (1)

23 октябрю (18) 40 г. Основа.

Десь, я думаю, ни зь однимъ чоловікомъ и ни зь якимъ письмомъ не було того, що мині було зь вами, мій коханий пане, Тарасъ Григорьевичъ. Щось дуже не просто почалося и до чого-то воно дійдеться—побачимо. А почалося п зь почину, що васъ я крѣпко улюбивъ, знайшовши таке мнякесеньке серденько и душу чисту, мовъ хрусталь. Улюбивъ, кажу вамъ, та не знаю —кого, и хто винъ и де винъ, и якъ ёго назвати? Хтось такий—а люблю крѣпко; хочъ би и у вічи побачивъ, то не признавъ би, бо зь роду не бачивъ и не знаю, хто такий йѣ. Ось слухайте, батечку, якъ насъ зь самого першу зводило докupy.

Сидимо мы у двохъ зь моею жиночкою, та де-объ-чимъ ба-зікаемо, ажъ ось и примчали намъ книжокъ, знаєте—тихъ, которми насъ, дурныживъ, обдурюють,—грошкики попереду злуплять, та й пишуть и дрюкують московську нісе-нітницю, якъ яка *разляпушка* вбивалася объ своєму бахурові, або якъ який живыжъ одуривъ джиджигцясту панянку, що боялася и на людей дивитись, а тутъ.... треба колдску дбати... Отъ таке усе пишуть, звісно Москаль: винъ по своїй вірі такъ и пише. От-такихъ-то книжокъ намъ нанесли, а тутъ и письмечко.... не видгадаю видъ кого. Я узявъ, та гарненько и розпечатавъ... Господи милостивій! сежъ по-нашому!... Читаю.... ну, ну! Сміємося зь жинкою, якъ у васъ тамъ поводилося зь панею, що усе каже: *ragdon*.... а далі якъ почали вірши читати.... такъ—ну!... Бодай вы мене не злюбили, коли брешу: волосься вь мене на голові, що вже ёго и не багацько, та и те навстопужилось, а биля сердца такъ щось и щемить,

(1) Напечатано съ подлинника, буква въ букву.

у вочахъ зелене.... Дивлюсь.... жиночка моя хусточкою очіці втира.... «От-се такъ;» кажу: «хтось мудро напсавъ и живо усю правду зписавъ... хтожь такій?... *Перебендя*... Вгадуй-же ёго, що и хто воно таке е... не знаемо». Послали до мого брата, що графъ насъ жпветь, и що то за чоловік: бувавъ не тільки у Москві, у Києві, та у самому Петенбурсі бувавъ, и зайцівъ добре стріял, та й лисиця не попадайся,—такъ и вшкварить; такъ и той прочтавши, поплямгавъ, та й сказавъ: «хто такій писавъ—не звісно, а дуже розумно написано».

Ну те. Що жъ намъ робити? якъ до «Перебенді» звістку подати, що ёго думка пала памъ на душу и такъ полпскотала іп, мовъ чорнява дівчина, зъ карими очіцямп, біленькими пальчиками пошурдурдила за шією. Якъ обзватись? куди? черезъ кого?—От-такъ сумуємо, а думкою вашою частенько потішаємося—.... Ажъ ось, у одній книжці читаємо звістку, що, каже, е написаний *Кобзарь*, отъ зъ такими думами и піснями, та и зписавъ одну.... а мы зъ жинкою такъ и вдарились объ поли и кажемо: «се Перебендя, непременно Перебендя!» Ну, теперъ знаемо, що зписавъ сін думки панъ *Шевченко*,—та хто вінъ?, та де вінъ?, якъ до нёго видзватись? Не вжежь зробити якъ Евгений Павловичъ ⁽¹⁾ зробивъ, що напсавъ: *Грицьку Основьяненку*, та такъ и пустивъ. Такъ добре жъ, що поштарі наши уторопали—дэ мене знайти; а у васъ, кажуть, городъ, троха чи не билшъ и сампхъ Кобеляківъ и вулицъ билше: дэжь тамъ знайти безъ именьня? От-такъ и розсуждаемо и думаемо написати до пана *Шевченка*, та й послати у журналъ якій-небудь. Такъ щожь бо? Треба написати по-нашому, а москаль, що журналъ конпонуе, закопипить губу, та й не зхоче дрюковати. Не приходится. А, головонька бідна! Такъ собі сумуємо и таки пиджидаемо, чи не озоветься самъ панъ Шевченко до насъ... и усе ждемо, не знаючи що робити.... Ажъ гульгъ! тилки-що позавчора несуть зъ пошти псьмо и книжечку. А псьмо пише Петръ Ивановичъ Мартосъ, та й пише слово у слово такъ: «Посылаю Кобзаря, сочиненіе *такого-то*. Оно было поручено авторомъ одному изъ его товарищей, ѣхавшему въ Малороссію, для доставленія вамъ (*милъ бы то*); но какъ онъ ѣхалъ не черезъ Харьковъ, то книга поступила ко мнѣ (*къ г. Мартосу*); при выгѣ

(1) Гребішка.

было и письмо къ вамъ (*ко мнѣ*) отъ автора, но оно затеряно его товарищемъ.»

От-така-то кумедія лучилася зъ вашими письмами!

А книжку, якъ розгорнувъ, — дивлюсь—*Кобзарь*, та вже дуже вычитанный. Дарма! я ёго притупивъ до сердца, бо дуже шаную васъ, и ваши думки крѣпко лягають на душу. А що *Катерина*, такъ такъ-що Катерина! Гарно, батечку, гарно! Билшъ не вмію сказати. От-такъ-то москалики-военни обдурюють нашихъ дівчатокъ! Списавъ и я *Сердешну Оксану*, отъ точпісінько якъ и ваша *Катерина*. Будете читати якъ панъ Гребиника выдрюкуе. Якъ-то мы одно думали про біднихъ дівчатокъ, та про бузовіровихъ москалівъ...

Ні, вже тѣкъ, що ваши думки! Прочитаешъ и по складамъ и по верхамъ, та впьять зпершу; а сердце тѣкъ и іока! Щобъ-то, паночку-голубчику, якъ вы е такъ гарно зкладаете вірши, щобъ-то якъ би вы мою *Панну Сотниківну* (въ 3 кн. *Современника* сѣго (1840) года) та розказали по-своему, своїми віршами: тогді бъ вона була дуже гарно розказана, и яка була добра, и якъ постраждала. Та ще бъ и змалёвали ін патреть,—бо чую, що вы лучче малюете, чимъ *Борисівській* иконописецъ, що *Салдата* колпсъ зписавъ.

Не здивуйте на мое письмо и wybачайте що тутъ ё. Ей, пстипно! Видъ сердца я дякую и прошу: утніть ище що. Потіште душу, мовъ топленого масличка злійте на неѣ, а то, видъ московськихъ побрехенѣкъ, щось дуже вже до печенокъ дохóдить. Вірьте, що шаную васъ дуже и повікъ вамъ щирій на услугу,

Григорій Квитка

або

Освольяпенко.

Р. S. Коли ласка ваша буде що написати до мене, то зпишіть и те письмечко, що пропало, коли усе згадаете. Та ще що припишіть.

ДНЕВНИКЪ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА.

Третій отрывокъ.

1 іюля.

Сегодня послалъ я съ пароходомъ письмо М. Лазаревскому. Быть можетъ, последнее изъ душевной неволи; далъ бы Богъ. Я много вповать передъ мною илицемѣрнымъ другомъ. Мнѣ бы слѣдовало отвѣчать на письмо его отъ 2 мая тотчасъ же по полученіи, т. е. 3 іюня; но я, въ ожиданіи радостной вѣсти изъ Оренбурга, которую хотѣлось мнѣ сообщить ему первому, прождалъ напрасно цѣлый мѣсяцъ, и все-таки долженъ былъ ему написать, что я не-свободенъ... и до 20 іюля, а можетъ быть и августа, такой же точно солдатъ, какъ и прежде былъ, съ тою только разницею, что мнѣ позволено нанимать за себя въ караулъ, и почевать на огородахъ,—чѣмъ я и пользуюсь съ благодарностью. До 20 іюля я удаллъ отъ себя возмутительныя помышленія, и наслаждаюсь теперь по утрамъ роскошью совершеннаго уединенія, и даже стаканомъ — правда, не казнстаго, но все-таки—чая. Еслибы еще хорошую сигару воткнуть въ лицо, такую напримѣръ, какъ прислалъ мнѣ 25 штукъ мой добрый другъ А—скій, тогда бы я себя легко могъ вообразить на петербургскомъ праздникѣ. Но это ужъ слишкомъ. А сегодня дѣйствительно въ Петербургѣ праздникъ. Великолѣпный царскій праздникъ! Когда-то давно, въ 1836 году — если не ошибаюсь, я дотога былъ очарованъ разсказами объ этомъ волшебномъ праздникѣ, что, не спросясь хозяйна (я былъ тогда въ ученья у маляра, или, такъ—называемаго, комнатнаго живописца, нѣкогого Ширяева—человѣка грубаго и жестокаго) и пренебрегая послѣдствіями самовольной отлучки (я зналъ навѣрное, что онъ меня не отпуститъ), съ кускомъ чернаго хлѣба, съ полтиною мѣди въ карманѣ и въ тико-

вомъ халатѣ, какой обыкновенно носятъ ученики—ремесленники, убѣжалъ съ работы прямо въ Петергофъ на гулянье. Хорошо, должно быть, я былъ тогда! Странно однакожь: мнѣ и въ-половину не поправился тогда великолѣпный *Самсонъ* и прочіе фонтаны, и вообще праздникъ, противъ того, что мнѣ объ немъ наговорили. Слишкомъ ли сильно было воспламенено воображеніе рассказами, или, просто, я усталъ и былъ голоденъ. Последнее обстоятельство кажется вѣрнѣе. Да ко всему этому я еще увидѣлъ, въ толпѣ, своего грознаго хозяина съ пышною своею хозяйкой. Это-то последнее обстоятельство въ-конецъ помрачило блескъ и великолѣпіе праздника и я, не дождавшея палюминаціи, возвратился вспять, совершенно *не дивляя бывшему*. Продѣлка эта сошла съ рукъ благополучно. На другой день нашли меня спящимъ на чердакѣ, и никто и не подозрѣвалъ о моей самовольной отлучкѣ. Правду сказать, я и самъ ее считалъ чѣмъ-то въ родѣ сновидѣнія.

Во второй разъ, въ 1839 г., посѣтилъ я петергофскій праздникъ совершенно при другихъ обстоятельствахъ. Во второй разъ, на Бердовскомъ пароходѣ, сопровождалъ я, въ числѣ любимыхъ учениковъ, Петровскаго и Михайлова, сопровождалъ я своего великаго учителя—Карла Павловича Брюлова. Быстрый переходъ съ чердака грубаго мужика—маляра, въ великолѣпную мастерскую величайшаго живописца нашего вѣка. Самому теперь не вѣрится, а дѣйствительно такъ было. Я—изъ грязнаго чердака, я—ничтожный замарашка—на крыльяхъ перелетѣлъ въ волшебныя залы Академіи Художествъ. Но чѣмъ же я хвалюся? чѣмъ я доказалъ, что я пользовался наставленіями и дружескою довѣренностью величайшаго художника въ мірѣ? Совершенно—ничѣмъ. До его неумѣстной женитьбы и послѣ умѣтнаго развода, я жилъ у него на квартирѣ, или, вѣрнѣе сказать, въ его мастерской. И что же я дѣлалъ? чѣмъ занимался въ этомъ святилищѣ? Странно подумать... я занимался тогда сочиненіями малороссійскихъ стиховъ, которые впоследствии упали такой страшною тяжестью на мою убогую душу. Передъ его дивными произведеніями я задумывался и лелѣлъ въ своемъ сердцѣ своего *слѣпца—кобзаря*, и своихъ кровожадныхъ *гайдамаковъ*. Въ тѣни его пзящю-роскошной мастерской, какъ въ знойной дикой степи надднѣпровской передо мною мелькали мученическія тѣни нашихъ бѣдныхъ гетмановъ. Передо мной разстилалась степь усяянная курганами. Передо мною красовалась моя прекрасная, моя бѣдная Украйна, во всей непорочной мелан-

холпческой красотѣ своей... И я задумывался; я не могъ отвести своихъ духовныхъ очей отъ этой родной чарующей прелести. Призваніе—и ничего больше.

Странное однакожъ это всемогущее призваніе. Я хорошо зналъ, что живопись—моя будущая профессія, мой насущный хлѣбъ. И вмѣсто того, чтобы изучить ея глубокія таинства, и еще подъ руководствомъ такого учителя, какъ безсмертный Брюловъ, я сочинялъ стихи, за которые мнѣ никто ни гроша не заплатилъ, и которые наконецъ лишили меня свободы, и которые, несмотря на всемогущее человѣческое запрещеніе, я все-таки въ-тихомолку кропаю. И даже подумываю иногда о тишинѣ (разумѣется подъ другимъ именемъ) этихъ плаксивыхъ и тощихъ дѣтей своихъ. Право, странно неугомонное призваніе.

Не знаю, получу ли я отъ К—ка здѣсь мнѣніе насчетъ моего послѣдняго чада (Москалева Кришица). Я дорожу какъ мнѣніемъ чувствующаго благороднаго человѣка и какъ мнѣніемъ неподдѣльнаго самобытнаго земляка моего. Жаль мнѣ, что я не могу теперь посѣтить его на его раздольной Черноморіи. А какъ бы хотѣлось! Но что дѣлать. Сначала—уплачивается долгъ, потомъ—удовлетворяется голодная нужда, а на остатки — покупается удовольствіе. Такъ по-крайней-мѣрѣ дѣлаютъ порядочные люди. А я и тѣнь боюсь быть похожимъ на безалабернаго разгильдяя. Кутнулъ и я на свой паи когда-то. Довольно.

Пора, пора душой смириться!
Надъ жизнью нечего глумиться,
Отвѣдавъ горькаго плода.

Въ прошломъ году получалась-было здѣсь комендантомъ «Библиотека для Чтенія». Бывало, хоть переводъ Курочкина изъ Беранже прочитаешь: все-таки легче станеть. А нынѣ, кромѣ фельетона «Петербургскихъ Вѣдомостей» совершенно ничего нѣтъ современно-литературнаго. Да и за эту тощую современность нужно платитъ петрушкою и укропомъ. Хотъ бы рѣдка скорѣе выростала, а то совѣстно уже стало потчивать стариковъ однимъ и тѣмъ же продуктомъ.

2 іюля.

Двѣ случайно сдѣланныя много вещи такъ удачны, какъ рѣдко удаются произведенія, глубоко обдуманная. Первая вещь—это—сей

журналъ, который, въ эти томительные дни ожиданій, сдѣлался для меня необходимъ, какъ страждущему врачъ. Вторая вещь—это—мѣдный чайникъ, который дѣлается необходимъ для моего журнала, какъ журналъ для меня. Безъ чайника, или безъ чая, я какъ-то лѣнливо бывало принимался за сіе рукодѣлье. Теперь же едва успѣю налить въ стаканъ чай, какъ перо само просится въ руки. Самоваръ—тотъ шипѣніемъ своимъ возбуждаетъ къ дѣятельности: это понятно. Правда, я не имѣлъ случая испытать на себѣ это благодѣтельное вліяніе самовара. Но имѣлъ случай существенно убѣдиться въ этомъ волшебномъ вліяніи на другихъ, а именно: Былъ у меня, во время оно, пріятель. Въ 1846 г., судьба столкнула насъ въ *Цареградъ*, не въ Оттоманской столицѣ, а въ единственномъ трактирѣ города Чернигова. Меня судьба забросила туда *по дѣламъ службы*, а его по неопределимой любви къ разсѣянности или, какъ онъ выражался, по влеченію сердца. Я зналъ его какъ самаго непостояго и непостояннаго стихотворца, но не зналъ скрытнаго механизма, которымъ приводилось въ движеніе это неутомимое вдохновеніе, и тогда только, когда поселился мы вмѣстѣ, во избѣжаніе лишннихъ расходовъ во-первыхъ, а во-вторыхъ, чтобы, какъ товарищи по ремеслу, созерцать другъ друга во всѣ минуты дня и ночи,—тогда только узналъ я тайную пружину, двигающую это постоянно-неутомимое вдохновеніе. Пружина эта была—шипящій самоваръ. Сначала я не могъ взять въ толкъ, почему мой товарищъ по ремеслу не спроситъ, когда ему вздумается, стаканъ чая изъ буфета, какъ я это дѣлаю, а непременно велитъ подать самоваръ; но когда я разсмотрѣлъ пріятеля поближе, то оказалось, что онъ собственно не самоваръ велѣлъ подавать, а велѣлъ подавать вдохновеніе, или пружину, приводящую въ движеніе эту таинственную силу. Я прежде удивлялся, откуда и изъ какого петочника вытекаютъ у него такія громадныя стихотворенія, а оказалось, что ларчикъ просто отворился. — —

Мы прожили съ нимъ вмѣстѣ весь великій постъ, и не оказалось въ городѣ не только барышни, дамы, даже старухи, которой бы онъ не написалъ въ альбомъ не четырехстишіе какое-нибудь (онъ мелочь презиралъ), а полную увѣспетую псалтирю. Если же альбома не обрѣталось у какой-нибудь очаровательницы, то онъ подносилъ ей просто на шести и болѣе листахъ самое сантиментальное посланіе.

Не помню—кто именно, а какой-то глубокой сердцеувѣдць, ска-

знать, что вѣрнѣйшій дружбомеръ есть деньги. И онъ сказалъ справедливо. Истинная настоящая дружба, которая высказывается только въ критическихъ трудныхъ случаяхъ, и она даже требуетъ этого холоднаго мѣрила. Самый живой одушевленный языкъ дружбы—это—деньги. И чѣмъ болѣе нужда, тѣмъ дружба искреннѣе, прогоняющая эту голодную вѣдму. Я былъ такъ—счастливъ въ своей, можно сказать, *коловоротной* жизни, что неоднократно вкушалъ отъ плода этого райскаго дерева. И въ настоящее, мнѣ кажется—самое критическое, время, я получаю 75 р. За что? за какое одоженіе? Мы съ нимъ видѣлись всего два раза. Первый разъ въ Орской крѣпости; второй разъ въ Оренбургѣ. Пошли, Господи, всѣмъ людямъ такую дружбу и такого друга, какъ Лазаревскій. — —

Вѣра безъ дѣлъ мертва есть. Такъ и дружба—безъ существенныхъ доказательствъ—пустое, лукавое слово. Блаженны, стократъ блаженны, друзья, которыхъ жизнь была осынена радужнымъ сіяніемъ улыбающагося счастья и голодная нужда, своимъ желѣзнымъ посохомъ испытанія, ни разу не постучала въ дверь ихъ безкорыстной дружбы. Блаженны! они и въ могилу сойдутъ благословляя другъ друга.

3 іюля.

Сегодня во снѣ видѣлъ я Лазаревского,—будто бы онъ пріѣхалъ за мною въ укрѣпленіе, и несмотря на мои доводы о невозможности оставить мнѣ укрѣпленіе безъ пропуска, увезъ меня насильно, не позволивъ проститься даже съ М—скимъ. Вскорѣ очутились мы въ какомъ-то русско-татарско-нѣмецкомъ городѣ, въ родѣ Астрахани. И верблюды, и англизированныя лошади по улицѣ ходятъ, и фонтаны бьютъ, и кумысъ продаютъ, и папирсная фабрика, и театръ; наконецъ вечеръ, ночь; Лазаревскій скрылся; ищу его, спрашиваю, и просыпаюсь. Проснувшись, я обрадовался, что это только сонъ, и что я, слава Богу, не дезертиръ. А иначе опять бы меня вооружили лѣтъ на десять. Нужно будетъ зайти къ сотнику Чеганову, посмотреть въ сонникъ, что значить видѣть сонъ: самовольную отлучку?

Сегодня, т. е. 4 іюля, когда я, по-обыкновенію, всталъ въ три часа, согрѣлъ свой чайникъ, налилъ стаканъ чая и взялся за перо, начали собираться дождевыя тучки, а черезъ нѣсколько минутъ пошелъ тихій, меланхолическій дождикъ. И я, оставивъ всякое писаніе

и мечтаниѣ, люблюсь этимъ прекраснымъ и чрезвычайно рѣдкимъ здѣсь явленіемъ. Вѣтеръ изъ Астрахани, т. е. нордъ-вестъ. Можно надѣяться, что дождикъ усилятся и продлится за полдень. Какалъ была бы благодать для этой безводной пустыни!

4 іюля.

Почевалъ на огородѣ, въ комендантской бесѣдкѣ. Это моя теперешняя резиденція. Вскорѣ по пробитіи вечерней зари, пошелъ тихій дождикъ, и поэтому случаю я рашше обыкновеннаго легъ спать. Подъ тихій, гармошшескій шумъ падающихъ на крышу бесѣдки капель дождя, я сладко задремалъ, и видѣлъ во снѣ покойника Карла Павловича Брюлова и съ нимъ вмѣстѣ товарища своего Михайлова, сначала въ какой-то огромной галереѣ, въ которой, кромѣ какого-то эскиза Гвидо-Рени, ничего не было, и который Михайловъ собирался копировать. Потомъ перешли мы въ мастерскую, что въ портикѣ, вмѣстѣ съ Карломъ Павловичемъ. Тутъ тоже ничего не было, кромѣ большаго, во всю залу натянутаго и загрунтованнаго, полотна, какъ это дѣлается для декораціи, и къ стѣнѣ приклеенной, грубо-раскрашенной, литографіи Калама съ подписью Рио-Джанейро. Потомъ Карлъ Павловичъ пригласилъ насъ на Лукьяновскій (?) ростбифъ, какъ это бывало во времена незабвенныя. Но ударилъ громъ и я проснулся. Пошелъ проливной дождь. Затворилъ окна и двери бесѣдки, я снова уснулъ. Во второй сеансѣ увидѣлъ я, въ Москвѣ, Михаила Семеновича Щепкина, такимъ же свѣжимъ и добрымъ, какъ видѣлъ его въ послѣдній разъ въ 1845 г.; говорилъ о театрѣ и о литературѣ. Я ему замѣтилъ, почему онъ не продолжаетъ свои *Записки Артиста*, начало которыхъ напечатано въ первой книжкѣ «Современника» за 1847 годъ. На что онъ мнѣ сказалъ, что жизнь его протекала такъ тихо, счастливо, что не о чемъ и писать. Я хотѣлъ ему на это возразить что-то, но мы очутились въ Новопетровскомъ укрѣпленіи, и встрѣтились съ П. А. К—шемъ, собирающимъ какія-то тощія растенія. Я, какъ хозяинъ, захопоталъ объ обѣдѣ, и пошелъ искать полевой спаржи, которой здѣсь и въ поминѣ нѣтъ. Но новый ударъ грома разбудилъ меня и я уже не могъ заснуть.

Съ недавняго времени мнѣ начали представляться во снѣ давно-видѣнные мною млые сердцу предметы и лица. Это, вѣроятно, оттого, что я объ нихъ теперь постоянно думаю. Ложась спать, вчера

я думалъ объ *Осадѣ Пскова* и о *Генерилъ*; Брюлова. И я увидѣлъ во снѣ самого ихъ великаго творца. — Довольно! утро послѣ ночной грозы тихое, свѣжее, рѣдкое въ здѣшней знойной пустынѣ утро. И я буду большой тетеря, если проведу его за своимъ журналомъ.

5 іюля.

Голинькій—охъ, а за голинькимъ—Боги. Изъ моей библіотеки, которую я знаю наизусть всю, и которую уже давно упаковалъ въ ящикъ, не нашлось книги достойной сопутствовать мнѣ въ моемъ радостномъ одинокомъ путешествіи по Волгѣ. Ригельмана *Исторія Донскаго Войска* показала мнѣ слишкомъ старою спутницей и я упаковалъ ее на самый спудъ. Чтѣ же дѣлать безъ книги въ такомъ медленномъ, спокойномъ путешествіи, какъ плаваніе по Волгѣ, отъ Астрахани до Нижняго? Это меня беспокоило. И въ самомъ дѣлѣ, чтѣ я буду дѣлать цѣлый мѣсяцъ безъ хоть-какой-нибудь книги? По фортуна — эта гордая повелительница повелителей міра, эта безглазая царица царей — сегодня мой лакей, хуже — Бердичевскій факторъ.

Насладившись прекраснымъ свѣжымъ утромъ на огородѣ, я, въ девятомъ часу, пошелъ въ укрѣпленіе. Мнѣ нужно было взять хлѣба у артельщика и отдать высушить на сухари, для дороги. Прихожу въ ротную канцелярію, смотрю — на столѣ, рядомъ съ образцовыми сапогами, лежатъ три довольно-плотныя книги въ сѣрой подержанной оберткѣ. Читаю заглавіе — и чтѣ же я прочиталъ! *Estetyka, czyli umniestwo piękne, przez Karola Libelta.* Въ казармахъ — эстетика! Чьи это книги? спрашиваю я писаря. — Кантенармуса, унтеръ-офицера Кулиха. — Отыскиваю вышеречкомаго унтеръ-офицера Кулиха. И на вопросъ мой, не продастъ ли онъ мнѣ *Umniestwo piękne*, онъ отвѣчалъ, что оно принадлежитъ мнѣ, что Пржеволоцкій, уѣзжая изъ Уральска на родину, передалъ ему, Кулиху, эти книги съ тѣмъ, чтобы онѣ были переданы мнѣ, и что онъ, Кулихъ, принесъ ихъ съ собою сюда, положилъ въ цейхгаузъ и забылъ про ихъ существованіе, и что вчера только онѣ попались на глаза, и что онъ очень радъ, что теперь можетъ ихъ препроводить по-принадлежности. Для вѣщій радости, я послалъ за водкой, а книги положилъ въ свою дорожную торбу.

Видное, осязательное дѣло услужливой факторши фортуны! И такъ, по милости этой царицы царей, я имѣю въ дорогѣ чтеніе, на которое вовсе не расчитывалъ. Чтеніе, правда, не совѣтъ по моему вкусу, но чтѣ дѣлать! на безрыбье и ракъ рыба. Несмотря на

ною искреннюю любовь къ прекрасному въ искусствѣ и въ природѣ, я чувствую непреодолимую антипатію къ философіямъ и эстетикамъ, и этимъ чувствомъ я обязанъ сначала Галичу и окончательно — почтеннѣйшему профессору, читавшему намъ когда-то лекціи о теоріи изящныхъ искусствъ, девизомъ которыхъ было: *побольше разсуждать и поменьше критиковать*.

Съ Либельтомъ я немного знакомъ по его «Двѣ Орлянской» и по его критикѣ и философіи. На первый взглядъ онъ мнѣ показался мистикомъ и непрактикомъ въ искусствѣ. Посмотримъ, что даьше будетъ. Боюсь какъ бы вовсе не раззнакомиться.

6 іюля.

Видѣлъ во снѣ Академію Художествъ. Михайловъ показывалъ мнѣ какую-то неоконченную копію, и потомъ скрылся отъ меня вмѣстѣ съ копіею. Изъ Академіи я вышелъ на Большой Проспектъ, и не доходя церкви Андрея Первозваннаго, встрѣтился съ семействомъ здѣшняго коменданта. И отъ радости — проснулся.

Третьяго-дня, вечеромъ, былъ я случайнымъ зрителемъ, кажется, послѣдней сцены изъ водевиля, подъ названіемъ: *Недошитая Кюф-та*. Я не хотѣлъ-было вносить въ мой журналъ эту балаганную сцену, но какъ она оказалась важною по своему неожиданному результату, то я и заносу ее со всею пошлою точностію въ мою неизмѣнную хроніку.

Сіе событіе совершилось 5 числа текущаго мѣсяца. Въ отсутствіе родителя нареченной, жениху пришла благая мысль, — попотчивать свою будущую супругу серенадой со всѣми операми. Для этого собралъ онъ изъ 2 ротъ пѣсенниковъ, также со всѣми операми — съ бубномъ, тарелками, ложками, треугольникомъ и еще съ какими-то погремучками. И когда былъ пропѣтъ, разумѣется — съ тащамъ, весь репертуаръ солдатскихъ пѣсень, и даже «Послѣ батюшка остался спротою молодець», съ небольшими пзмѣненіями, — восторженному этой послѣдней пѣсней жениху, которая изображала въ нѣкоторомъ родѣ его собственное положеніе, захотѣлось, чтобы ребята маленъко сго покачали. Почему же и не такъ. Ребята принялись за дѣло, и — о, судьба-злудѣйка! — въ воротахъ показался комендантъ, протяжное ура вдругъ оборвалось, и вѣрные, неизмѣнные ребята бросили своего отца-командира среди улицы, а сами скрылись гдѣ-кто-могъ. Поло-

женіе жениха, дѣйствительно, критическое, и тѣмъ болѣе критическое, что онъ, безъ нѣжнаго участія своей возлюбленной нареченной, не могъ стать на ноги по случаю безхитростной радости, или, проще, онъ былъ мертвецки-пьянъ.

На другой день рано является отецъ нареченной и просить, на законномъ основаніи, избавить его опозоренную дочь, а равно и все его семейство отъ гнуснаго, безобразнаго пьяншцы и жениха. На такое законное требованіе резолюціи еще не послѣдовало.

Каково же быть порядочному и семейному человѣку начальникомъ этого заграничнаго гитэдлица безграничныхъ мерзостей! Быть судьей и разбирателемъ этихъ безконечныхъ ежедневныхъ гадостей! а онъ, какъ начальникъ, обязанъ пачкаться въ этой вонищей грязи. Незавидная обязанность!

7 июля.

Видѣлъ я сегодня Москву, не встрѣтилъ никого знакомыхъ и храма Спаса не видалъ. Былъ на Красной площади и Василія Блаженнаго не видалъ. Искалъ въ гостинномъ дворѣ ивановскаго полотна для рубахъ, и не нашелъ. Такъ и проснулся. Проснувшись, я, по-обыкновенію, нагрѣлъ свой чайникъ, положилъ чаю и началъ вытирать стаканъ, какъ является ко мнѣ дядька и объявляетъ мнѣ повелѣніе фельдфебеля—немедленно явиться къ пригонкѣ аммуниціи.—Да ее недавно пригоняли,—говорю я.—Не могу знать-съ: приказано,—отвѣчасть.—Итакъ, для воскресенья, не удалось мнѣ чайкомъ побаловать себя. Прихожу въ укрѣпленіе и узнаю, что вчера пришелъ какой-то татаринъ изъ Астрахани съ казеннымъ провіантомъ, и распустилъ слухъ, что въ концѣ августа мѣсяца въ Астрахань ожидаютъ важную особу изъ Петербурга, и что по этому, случаю въ Астрахани, дѣлаются большія приготовленія для встрѣчи. Капитанъ, завѣдующій двумя ротами 1 баталіона, тотчасъ смекнулъ дѣло; и чтобы не ударить въ грязь лицомъ, вчера же, съ помощію писаря П., назначилъ почетный караулъ, въ число котораго по протекціи писаря П., назначенъ и я. Головоломная эта задача была кое-какъ рѣшена къ разсвѣту, а съ восходомъ солнца (несмотря на воскресенье) приказано пригнать аммуницію, и, какъ будетъ готово, вывести людей на смотръ.

Сказано—сдѣлано. Къ 7 часамъ все было готово. Въ полной ам-

муниципалитетъ люди были выведены на полянку, въ томъ числѣ и я; въ 6 часовъ явился самъ капитанъ, и, послѣ привѣтствія, подошелъ прямо ко мнѣ, благосклонно хлопнулъ меня по плечу и сказалъ: «что, братъ, отставка? Нѣтъ, мы еще изъ тебя сдѣлаемъ отличнаго правофланговаго, а потомъ—и съ Богомъ!» И тутъ же отдалъ приказаніе капральному ефрейтору заняться со мной маршпровкой и ружейными приемами часика четыре въ день. Я ужаснулся, услышавъ это благосклонное приказаніе. Вотъ тебѣ безмятежное уединеніе на городѣ!..

Тотъ же самый татарникъ, вмѣстѣ съ накладной, привезъ коменданту письмо изъ Астрахани, въ которомъ его увѣдомляютъ, что тамъ получено извѣстіе изъ Петербурга, чтобы важной особы въ Астрахань не ожидали и, слѣдовательно, не трепетали. Комендантъ, узнавши о распоряженіи предупредительнаго капитана К., натянулъ ему носъ и даже погрозилъ ему гауптвахтой, если онъ впередъ осмѣлится тревожить людей безъ его вѣдома. Тѣмъ все и кончилось. И я, какъ ни въ чемъ не бывало, всталъ сегодня, по-обыкновенію въ 3 часа утра, нагрѣлъ свой чайникъ, очинилъ новое перо и занесъ сей невѣроятный казусъ въ мою вѣрную хроніку... Господи, настанетъ ли для меня часъ искупленія! Настанутъ ли для меня блаженные дни, когда я буду читать эти грустные правдивыя сказанія, какъ ложный сонъ, какъ небывалую небывлицу!

8 іюля.

Сегодня ушла почтовая лодка въ Гурьевъ. Вѣтеръ зюйдъ-вѣсть. Въ среду или въ четвергъ она должна быть на Стрѣлецкой Косѣ, 15 верстъ отъ Гурьева. Въ субботу получить послѣднюю оренбургскую почту, воскресенье по праздниуетъ, а въ понедѣльникъ—въ обратный путь. Какъ-разъ черезъ недѣлю, при благополучномъ вѣтрѣ, ее должно ожидать 17 или 18 числа, и никакъ не дальше 20. Неужели она для меня ничего не привезетъ? Не можетъ-быть. Это была бы уже умышленная пытка.

Сегодня же поутру пригласилъ я къ себѣ на огородъ унтер-офицера Кулиха, того самаго, что припесъ мнѣ изъ Уральска *Umpicistwo ріекне Libelta*. Разговоръ нашъ, разумѣется, вертѣлся на баталіонѣ и, въ-особенности, на 2 ротѣ, которая два года тому назадъ ушла отсюда и которая теперь сюда возвратилась. И тогда и теперь я въ этой ротѣ. Начиная съ бывшаго тогда командира, мы пере-

брали всю роту по одинакѣ и наконецъ дошли до рядоваго Скобелева. Этотъ Скобелевъ, несмотря на свое прозваніе, былъ мой землякъ, родомъ Херсонской губерніи, и въ-особенности мнѣ памятенъ по малороссійскимъ пѣснямъ, которыя онъ пѣлъ своимъ молодымъ, мягкимъ теноромъ, удивительно просто и прекрасно. Съ особеннымъ же выраженіемъ онъ пѣлъ пѣсню:

Тече річка невеличка
Зъ вишневого саду.

Я забывалъ, что я въ казармахъ слушаю эту очаровательную пѣсню. Она меня переносила на берега Днѣпра, на волю, на мою милую родину. И я никогда не забуду этого смирнаго, полунагаго бѣдняка, штопающаго свою рубаху и уносившаго меня своимъ безыскусственнымъ пѣніемъ такъ-далеко изъ казармы.

По сложенію своему и по манерамъ, онъ не былъ похожъ на браваго солдата, но онъ пользовался въ ротѣ славою честнаго и смышленнаго солдата. И не смотря на смуглое, аляповатое и оспоу изрытое лицо, въ его лицѣ свѣтилась отвага и благородство. И я любилъ его какъ земляка и какъ честнаго человѣка, независимо отъ пѣсенъ. Онъ былъ, какъ онъ мнѣ говорилъ по-секрету, бѣглый крѣпостной крестьянинъ, попалъ въ бродяжничество, сказавъ некомпаниямъ родины и семейства и былъ зачисленъ въ солдаты, гдѣ и дали ему прозвище Скобелева, въ честь пзвѣстнаго русскаго пивалда, Скобелева. Такъ объ этомъ—то бѣднякѣ Скобелевѣ мнѣ рассказали слѣдующую прискорбную повѣсть.

Вскорѣ по прибытіи въ г. Уральскъ, *господинъ* О. взялъ къ себѣ въ постоянные вѣстовые Скобелева, какъ трезваго и благонадежнаго, но слабаго по фронту, солдата. — А Скобелевъ неумышленно сдѣлался повѣреннымъ сердечныхъ тайнъ своего господина. —

Однажды, въ минуты сердечныхъ изліній, коварная измѣнница открыла Скобелеву, что два мѣсяца тому назадъ на его имя получены *господиномъ* О. изъ Москвы 10 р. ср., отъ какого-то его бывшаго товарища (вѣроятно, по бродяжеству), теперь лавочнаго сидѣльца. И, въ доказательство истины словъ своихъ, показала ему конвертъ съ пятью печатами... Несмотря на прежнія подобныя продѣлки, *господинъ* О. какъ-то умѣлъ концы въ воду прятать и слыть вообще порядочнымъ человѣкомъ. Скобелевъ, узнавши такую продѣлку, явился къ нему, съ пустымъ пакетомъ въ рукахъ, требовать вынутыхъ изъ него денегъ. Произошло что-то *обоюднострос: привѣтъ и отвѣтъ*. — — Будъ

это самъ-на-самъ, тѣмъ бы и кончилось, но какъ эта сцена была представлена при благородныхъ зрителяхъ, то сконфуженный господинъ, арестовавъ Скобелева, подалъ рапортъ о случившемся. Вслѣдствіе рапорта произведено слѣдствіе, а вслѣдствіе слѣдствія господину О. велѣно подать въ отставку, а Скобелева предали военному суду. — — —

Бѣдный Скобелевъ! родился ты и выросъ въ неволѣ... Вздумалось тебѣ попробовать широкой, сладкой, вольной волн, и ты залетѣлъ въ ридикулъ (такъ обыкновенно называютъ солдаты Новопетровское укрѣпленіе), залетѣлъ ты въ мою семилѣтнюю тюрьму пѣвуньей птицей изъ Украины, какъ-будто для того только, чтобы своими сладкими заунывными пѣснями напоминать мнѣ мою милую, мою бѣдную родину... Бѣдный, несчастный Скобелевъ! ты понесъ тяжелые кандалы на берега пустынныхъ Иртыша и Оми. Встрѣтншь ли въ своей новой неволѣ такого внимательнаго и благодарнаго слушателя-товарища твоихъ заунывныхъ, сладкихъ пѣсень, какъ я былъ?.. Встрѣтншь — и не одного такого же, какъ и ты, невольника-сироту, земляка-варпака заклеяннаго, который прольетъ слезу благодарности на твои тяжелые кандалы за отрадныя сердцу, милые, родные звуки... Бѣдный, несчастный Скобелевъ!

ЛЕДАЩИЦЯ.

I.

. Пáні пáша була не перволітокъ, та й не якá старá; а зъ сéбе була висóка, огряднá, говірки скóрої, гúчної. Вбiралася шпетнéнько—шнурóчокъ до шнурóчка, гаплiчокъ до гаплiчка. Хóдить булó якъ намалéвана.

И вь кiмнáтахъ у насъ булó гáрно: ви́чпцено, ви́лощено, покращéно,—и крiслечко, п стóлничокъ, усé якъ слiдь, по-пáнськiй. Булó пáні кам'яни́хъ цяцéкъ понаставлiе, чарочóкъ, мисочóкъ зъ зелéного, зъ червóного скла. Бувъ у неi и собáка зъ мéдi кóваний, и зáйчикъ череп'яний, мережéні ўшка. Все те пi до чо́го, а вкупi вонó блищiть и на óчi наvertsáетця, и трябiе,—ажъ бьe. А найдорóжша штúка—вiсiвъ у неi на стiпi панъ малéваний, чорнявий, якъ жу́къ, а хмúрий, якъ нiчъ, зъ золотiми пéрснями на руцi,—i батéько покiйний, князь вельмóжний. Хто булó не прiйде до пáнi зъ гостéй, кóжному пáнi оповiстiть: «Се мiй тáтонько покiйничокъ!»

Знáла вона, якъ сь кимъ повóдитись, якъ заговóрити, якъ глянóти, зiдхнóти. Прiйде який—небудь бiдолáхъ, то вона ёму гúчно говорiть: «Се мiй батéько — князь!» Другóму, пихáтому, богачéви, зiдхáючи: «отó, якъ мiй батéнько живий бувъ,—ось пзъ ёго малéванне,—не знáла я бiдi!» А трéйтéму, щiрому й молодóму хлоп'я́тi: «щó,» кáже «те свiтовé—и вельмóжнiсть, и бáгáтство? Отъ бувъ мiй панъ отéць—князь, — вельiкого чiну дойшóвъ.....»

Отъ же, то слякъ, то такъ, а кóжному роскáже, що вона князькá дочкá. А про те не згáдувала, якъ жуковáтий князь прогайнува́въ усю батéькiвщину, зостáвивъ iй тiлько будiнокъ невеличкий у

місті, зъ садочкомъ и дворомъ, бо то була її матерізна—тогб вже не змігъ прогаїнувати.

Чотири кімнаточки було кругленькихъ въ тїмъ будїнгові; створчаті вікна, рундучокъ зъ піддашшемъ. За будїнкомъ садочокъ густий, старий вже. Зелений двіръ травобою високою порісь; одъ воріть дві стежечки по єму бігло узенькихъ: до будїнку одна, друга до хати. Середъ двору гілляста яблуня стояла.

Половіну будїнку пані оддавала якимсь панчамъ підъ найми; ще й столовала їхъ,—сь тогб й жила небога. А чоловікъ її десь далеко служивъ; ми єго й не бачили. Та й паніі було байдуже.

Панчіі скучати їй не давали: що-дня, що-вечора зъ нею бавились, то въ карті грали, то пісепєгъ співали...

Негадки нашої паніі по такому життїю!...

II.

Мене їй подаровано. Я родомъ изъ Глухівки; була колись Шваньковськихъ панівъ. Жила я въ батька—матері,—Боже мій милій! Теперъ спогадаю, якъ то жилось тогді мнї! Оженився нашъ панъ, и взяли мене на вслугу до молодїі паніі. А вона, ся вже мої пані, упригодї якось їй ставала. Гостїе було місяць, або й більшъ, дождже їй. Отъ, якъ стала вона жалкуватись: «Що мнї робити? нема слуги! чи не дасте ви мнї яку зъ вашихъ?» — «Чому ні? Беріть собі, котру схочете:»—то вона и взяла мене, и завезла зъ собою одъ роду мого, одъ родїни. Безъ мене и батько и мати померли; безъ мене рїдъ увесь перевївся. Зосталась я сама одна у світі.

Жила я въ паніі роківъ зъ пять. Спершу я сама була въ неї, а далї, якъ уже столовничивъ завелось багато, пані взяла свою кріпосн: молодїцю зъ дочкою. Дѣти пані їхъ держала у явїхъ приятелївъ своїхъ, бо въ неї, окрѣмъ сѣго двору, не було ні садїби, а ні кроку землі своєї: усє спродане,—тїлько отсю молодїцю зъ дочкою до вслуги їй придано. Князь то такъ—панотєць її вельможний—показїнувавъ. Далєко десь були вої завдати, и довго пані виважала, покї зважилась їхъ до себе забратъ. А вої ще якбс були зъ вільного роду, козакї, чи-що: якбс то нїмн князь той жуковатий неправдою завладавъ; то й опасувалась небога держати

іхъ у місті, щобъ не збаламүтилися за вільность протн неї, зайшовши у радіи, въ совіти, зъ городінамип.

Молодїця звалася Чайчїха Горпїна, дочка—Настя. Не великомовна була та Чайчїха, не привітна: якась хмара повїла її на-віки. Чи панї сваритця, чи бє (бо хочъ панї й незла була, а все часомъ попобєе) чи тамъ спїдницю дарєе, абб хустку, — Чайчїха прийме усє мовчки, й одїйде. Роботяща, повїрна людина здаєтця зъ неї, покп не глянешъ на ті брови здвїгнутї, чорні, на ті бчп лякуватї, огнємъ блискотючн. —

Яксь було мнї смутнєнько. Отъ я її плачу собі, сїдючи на лавці. Звісно, чоловікъ п въ щастї, то часомъ смүтокъ обїймає,— не то, що намъ. Вонб кажуть: привїкнешъ!... Ні!... втбмїся, тєрплючп, то її здаєтця тобї, що все тобї байдуже, — та рїзомъ прогїнетця ліхо. Часомъ одно слбво... А щб ви дүмаєте? часомъ бїйку забудешъ у-годину, а яксь тамъ слбво гїркєє вразить тебе до сáмого сєрця, — мїсяці, рбкн памьятатимешъ.....

Сүмно мнї було п перембвптн щїре слбво жадалося. А Чайчїха коло пєчі, пбраєтця.

«Горпїно!» кажү: «ось я журюся, я плачу, а ви все однакові. Такъ вамъ, мабуть, Богъ давъ!... пєвно, що її ви ліхо знáєте?»

Вона скїнула на мене чорними очїма, нембвъ пптáла, ягá въ мене дүмка, та її одказáла:

— Чомү ні? —

«Гбсподн!» кажү зновъ: «якъ я голїсь молодбго вїку жплá въ бáтька, въ мáтерї!»

— А я,—каже,—вїкъ пзвїкувáла, усє тягáючись по чужїхъ дворахъ. —

Та її змбвклн мн.

«Ви спротою zostáлися змáлку, Горпїно?» зновъ пптáю.

— Ні, менє взáто зъ семї малєнькою. Бáтька її мáтерь лєдвє вазнáю. П вонї, чи познáлибъ, упослї менє побáчпвши!... та не бáчили — вмерли. —

«А чоловікъ вашъ неббжчпнъ звїтки бувъ рбдомъ?»

— Сь тогб селá, де я жплá сь панáмп, зъ Гортевки. Дворабъ бувъ. —

«П довгєнько ви жплї зъ ннмъ?»

— Пїврбку. —

«Гбсподн! п не нажплїся! щб жъ то ємү за ліхо стáлося?»

— Сп'ялнчівсь и вмёръ.

По сімъ слові, вийшла зъ хати, и вже ніколи я до тії речі зъ нею не верталась.

III.

Було надъ — вечеръ одрѣбимось, пані куді въ гостіну піде, — сидімъ коло воріть. То съ тимъ перемѣвимо, то зъ другімъ, — спитаємо, привітаємо; а Чайчіха мѣвчки сидіть. Настя щебече зъ сусідчиною дівчиною. Жила прѣти насъ міщаночка. Сирітка була, Кривошіенкова звалася. Така славна дівчинка була! Очи въ неї було ясні, косі довгі, великі чорнорусі, а личко — якъ яблучко. Було, якъ не побачишь, весела собі, щебетлива, и голосочокъ бувъ въ неї — наче струмочокъ, прѣдко біжачий. Дуже вони зъ Настею любілися: якъ сестри рідні — все було вкупиці. Діла не багато въ Насті: ще тоді вона тільки зъ дітєй виходила; отъ собі й щебече — чуть щебетушечки. А Горпіна все сама, все мовчить.

«Горпіно!» кажу: «чому ви хочъ зъ дочкою своєю не поговорите? Веселійшь вамъ було-бъ....»

— Якá ще зъ нею мова? вона ще дурна, пехай перше рѣзуму дійде. —

«А на мене» говорю, «то я бѣ и зъ малою дитїною розмовляла. Нехай мнї спочѣе абі-хто! Свої дѣмки-гáдки повимовляю, поплáчу.....»

— А дитїна, то пãтому, десятому оповіщатиме, якé вáше горе...

На те оно молодé въ Бóга! —

«Що жъ!» кажу: «дóбрый чоловікъ пожалкѣе.»

На те мнї Чайчіха нічóго не відказала.

А дівчина въ неї була хороша, якъ квітка. И така вона була якáсь палкá, чующа.... Уже було якъ зажуритця чимъ, то ажъ занедужае; якъ — жé весела — що то за жáрти, що въ неї за пісні, за вигадки!...

Шамкá, легкá, стáномъ струнькá, вóлосомъ чорнява, а що вже очі! тамъ були такі що й безъ мѣви говорять. Отъ ише, то поплáче собі тихенько, зítхне, та й гóді; а весело — всміхнѣтця. Ні, оно було у гóрі, то слѣзи виплаче, у радоцахъ — сміхъ висміе. Що спочѣе, то зъ сáмої душі, зъ сáмого сѣрця, щірого, киплячого.... Отъ и рослá вона и виростáла.

IV.

А Чайчи́ха, що да́лі, усе вона́ хмури́йша—отъ мовъ хма́ра чо́рна. И зами́чати я ста́ла, що вона́ поча́ла куди́сь ходи́ти. Увече́рі пізно які́сь до не́ї люде прихо́дять, и до́вго вона́ зъ ни́ми гово́рять. Я собі мовчу́, въ не́ї не питаю́. Ко́ли одно́го дня—ба́чу, иде́ у дві́рь, чи моска́ль, чи хто ё́го зна, зъ черво́нимъ ко́міромъ, та́кий пи́кати́й, уса́тий, и пита́е, чи до́ма па́пі. Отъ я кажу́—до́ма, а сама́—зі́ркь: Горпи́на стои́ть на ха́тнєму поро́зі, біла́ якъ ху́стка, и про-во́дить то́го моска́ля очі́ма. Я ажъ зляка́лася. До не́ї: «Що вамъ Горпи́но?» Вона́ тільки мни́ ружо́ю махну́ла.

Одда́въ то́й моска́ль бума́гу яку́сь па́пі. Вона́ жъ якъ прочита́ла, розгніва́лася, стривби́лася. Написа́ла щось и да́ла тому́ моска́леві. Віпъ пони́сь. Незабáромъ прии́шовъ я́кийсь панъ—черева́нь, и ста́ли вони́ у—дво́хъ изъ па́нію ра́дитись. Па́ні та́гъ и си́пле сло-ва́ми, и ху́сточкою о́чи обі́трє, и рука́ми сплесне́. Да́ла ё́му гро́ши. А ви́пъ усе́ слухавъ, брови́ піднима́ючи, та по крі́сечку нігтя́ми сту́каючи. Гро́ши взя́въ и, схова́вши въ кишє́ню: «Не би́йтесь,» ка́же, «нічо́го не би́йтесь!» Па́ні ё́му дя́куе, до ворі́ть про́водить и тамъ дя́куе.

Прихо́жу я, та й роска́зую Горпи́ні.

«Що се таке?»

А вона́ тільки зу́би сціпи́ла, та престо́гна́ла ніби: «Зна́ла я, зна́ла!»

Я нічо́го не розумію́. А тутъ прихо́дять які́сь судові́и два панки́. Велі́я Горпи́ні ста́ти передъ се́бе, а самі́ сіли.

Оди́нь таба́ки пони́хавъ, други́й ху́сточкою обте́рся, та й пита́ють: «Ти́, молоді́це, вільности шука́еш?»

А вона́: — Я. —

«Попаде́ся у біду́, дурна́! Лу́чче служи́ свої́й па́пі та роби́.» Вона́ мовчи́ть.

«Чує́шь? розуме́ешь?... Гляди́ жъ, шану́йся! не зводъ напа́сти на се́бе! Почне́мо ище́—нега́рно бу́де!»

Та й пішли́.

Хочу́ я йі́ слово́ сказа́ти.... та глі́ну на не́ї—неви́мовляю. Сі́ла вона́ та го́лову на рѹ́ку схили́ла. Не пла́че, не ту́жить... я́гъ за-ме́рла!

И На́стя тутъ стои́ть; задума́лася и на лиці́ мінитця́.

V.

Господи, якъ вже сварилась пані на Горшину! п на бчи її не пускала тіжнівъ пзб два.

А Настя мнї якось и каже: «Такъ отъ чогб матуся така думна ходїла!... ось чимъ журилась! Ото жъ вона мнї маленькпї було розказуе про нашихъ батьківъ вільнихъ, та й сама вблї забажала! Веселїша вона тодї була,» каже—сама задумалася, зажурилася—«не така, якъ теперъ... Розказуе було мнї, прядучї, казки,—якъ наші батькї, вільними козаками по Днїпру жили, и пїсень гарнихъ про ту старовинну сївала.»

А я її говорю:—То чогб жъ се тї й собі, Настусю, усє думашь? —

«Та все мнї,» каже, «давня вбля снитця. Чогбсь мнї не впокіпно: усє чогбсь дождаю, сама не знаю чогб... П думки мої мїшають, и сонъ менє не берє; а засну—все снитця що на вблї!...»

VI.

А Настя вже шіснадцятїй рочбкъ починає. Панї гаптовати її учить, шїти: розумна, жвава, вона швїдко й навчилась—на свою гблову. Панї зрадила, та чужу роботу почала брати. Було, кому треба, вона погодїтця: «Маю тутъ сусїдку молодїцю; вона гарно шїе,» та й даєть Настї пошїти. П добрі грбші вона брала и багато робити її давали. Настя сидї та шїє. А вобб такє молодє, юна ще така, а вь пєї ще сєрце одь кбжного слбва кипїть, вь неї ще думки рбятця веселї дївбчї, ще бь молодєнькїй пороскошбвати, по зелєнихъ садбкахъ, тїхними вечорами, красними збрями, побїгати, любїхъ рїчей, прбти мїсяця стбя, послухати. Ну що жъ робїть! Пнша, кажу, поплакала бь та й сумирїлась. Настя не така вдалася. Скїлько вона слїзъ вїлпла, Ббже мїй, свїте мїй! Станула, якъ вїскъ. Яснї бчї веселї стемнїли, и стала вона похмўра, якъ її мати. —

VII.

Якбсь панї пїшла вь гостїну и нїкого зь столовникївъ дома не було. Мп сь Чайчїхбю, упбравшись у хатї, пїшли до Настї.

А Настя шіла у паніному покбю. Увійшли, а дівчіна, затулівшись руками, ридає-ридає! ажъ задихаетця.

«Що тобі Насте?» питаю.

А Чайчіха тільки гляннула на дочку, нічого не сказала, й сіла.

«Що тобі?»

Настя мні въ вікно показує, на улицю виває.

«Що тамъ, голубко?»

— Тамъ люде!—покрикнула.—Живуть, ходять собі, на Божій світі дівлятця, а я оттутъ надъ чужою роботою пропадаю.—

«О, пташко!» я вмовляти: «хиба въ їхъ гора немає, въ тпхъ людéй!»

— То що гбре! Я гбрі не боюся!... Мні гіршъ: я не знаю ні гбрі ні радощівъ; я мовъ камінь тутъ каменю!»

Гліну на Горпіну, а вона слідить, слухає, наче їй ся пісня відба, —и головою не поведє.

Зітхнула Настя важно, обтерла слези дрібні, та й каже: «Сядьте білзиченько, мамо! Помонить, титчко, розговорить менє.»

Що тутъ мні їй говорити!

«Ти, Насте, не журіяся, не плачь....»

А вона, не вважаючи, не слухаючи, якъ кінетця до матері, якъ ухопить її за руки: «мамо, мамо! скажіть мні словечко, скажіть! Моя душа переболіла.... моє серце схне!»

— А що я тобі казатиму, дбчко?—зговоріла Чайчіха похмуро. «Поради нема!»

Колі тутъ хтось—шамъ, шамъ! «Пані», кажу, «пані!» А вона въ двері.

VIII.

«Отъ» крикне пані, «який соббръ. Абі я зъ двора, то й не питай роботи!»

Берє сорбчку въ Насті, дівитця. «Та ти й не шіла, мабуть нічого, га?»

— У мене голова болять,—одказує Настя понуро.

«А гавъ ловіти, то въ тебе й неболять тоді голова? ... Ледащице: у матірь удалася! Мбже й тобі на волю заманулось? Ось я важъ дамъ волю...»

А сама на порбзі стоить, не дає й намъ зъ Чайчіхою пройти.

«Я її годую, я зодягаю, я її на світі держу, а вона ледящо мнї робїти не хоче!»

— Може собі роблю?—каже Настя, да такъ-то вже гірко каже тї слова:—може собі заробїла щó!

«Ти мнї смієш такъ одвітувати? Я ще тебе не вчила!» Та й стала її бїти.

— Бїйте, бїйте!—покрикнула Настя,—та й за се кажїть дяковати!

«Мовчі жь! мовчі! а то буде на ввесь вікъ тобі лиха!»

— Нехай буде!

Гляну я—панї у гнїву, розгорїлась. Гляну на дївчину—блїда, грїзна, сама рбспачь гіркяя! Гляну на Чайчїху—хмара хмароу!

Та на наше щасте столовникї надїшли. Панї випхала тоді Настю за двєрі. «Отъ життє моє!» жалкуєтця. «Якє ледящо, да й тє грубїть мнї. А за щó? що не школено по-хозяїській, не бїто, якъ у їншихъ. О, мїй татонько! (зїркає на малєваного князя, а въ самї бчи такї зробїлись, якъ у єго, въ самїі така морщина міжъ бровяма): «чи думавъ ти, чи гадавъ, що твої доня—княжна мусить изъ тою нєгїддю поганитись, клопотатись!»

А столовникї їй: «Та годї вамъ клопотатись! Чи стбїть тогò ледящо, щобъ ви себе турбовали? Нїмо вечєрати!...

Життє наше, життє! Молодòго віку рббїшь-рббїшь, а самъ въ уббжествї, въ ганибї,—и тãкеньки старїсть нахòпнєтця.... Почїмъ васъ, молодї лїта, згãдувати?..

ІХ.

И вже въ насъ у хãтї нї мови, нї говїрки. Чутно сь покбївъ якъ тамъ смїютьця, говбрять, жартують гблосно.

Панї було на картахъ столовникãмъ дблю вгãдус, або що рбсказує, їнодї спївãє и все про якòгось дрўга мїлого спївãє: чому дрўгъ не лббїть, забувãє, чому не бувãє, себъ то свого пãна згãдує, чи щб....

А въ насъ тїхо. У печї палає. Я въ кутрї; Настя у другòму понурã. Чайчїха коло печї, якъ марã, хїбаєтця, рббїть.

Убїжїть було сусїдочка-дївчина до Настї: «Настюсю, идї бо до насъ! поговбрїмо... Чогò така смутнã? Коли вже тебе панї не пу-

скае, то ти тимъ не журись; а ось, якъ годінонька вільна, то собі й погуляй, надоможі що втеріла!»

— Не надоможу, сестрице, не надоможу!—скаже гірко такъ, ажъ та весела щебетушечка голівку схилить, вітхне п змобвгне.

Колисе такъ уже почалося: якъ вечіръ, то й нема Насті. П такъ було не два, не три вечорі.

Одногó вечора ми й спати полягали:—іі нема. У дeнь іі не бачили: робіла при паніі, а ввечері зновъ зникла. Не лягла Чайчіха, сидить и дожидáе дочкі. П я собі не сплю: сумно мині тáкельки, Мати Бóжа!

П отъ идe вона вже вночі, вже зóрі попередъ нею мeрхнуть. Идe вона, а мати стріча й питаe: «Дe була, дочко?»

А гoлосъ у самоі, якъ струна перeбита...

— Не питай мене, мой мати! не питай!—одкаже ій Настя. П задзвеніли слова іі по хáті, якъ плачъ....

П почне Чайчіха: «Що се ти робишь, дочко? Що ти собі задумала? Чи не на мою гoлову, безталанну?»

А дочка лягла; лежить—німа, мовъ убіта.

«Дe ти була? дe ти була, дочко?» Ні прoзьби, ні грoзьби нечe—німа.

X.

На другій дeнь увечері Чайчіха біля ворітъ заждáе. Вибіга дочка, вона—іі за руку: «Куди идeшь? вернись!»

Завернула, привeла до хáти, и цілісінкнй вечіръ просиділа Настя у кутку, руки схрестивши, дівлючись у зeмлю, слова не промовивши.

П вже такъ пішлося: абі мати не догледіла—дочка втічe. Якъ вже не просіли, якъ не благали—нічого не сказала. Ми й слідкомъ за нею слiдковали, — идe вона, оглядeтця; а загледівши що іі доганяють, побіжить, якъ полетить на крiлахъ; не доженe и молодe, не то-що підбита мати абó й я. А ні слізъ, а ні слівъ не чe, не вважáе.

Якъ-то сумно було вь насъ у хáті! якъ-то тiхо, глухо!.. По тижніхъ словці було не перембвимо любого. Я було й хочу озватись до матері, абó до дочкі: — не звáжуся, хіба тiлько подивлюсь на їхъ.

Одного вечора сидімь ми съ Чайчіхою въ хаті. Пані вже спать полягали, усє тихо. Насі нема. Довгєнько сиділи ми. Тільки й чути, якъ вітеръ у садку зіллемъ колисає та соловейко свище-щєбєче.

Коли зъ-необачка Насіиъ рєгитъ почувся. Ажъ ми издрігнулпсь. Я злякалась... А Насія розчахнула двєрі зъ гукомъ, стала на порозі й смієтця. Въ хаті каганєць лєдві—лєдві світивъ. Стоить вона така червона, очи горять; стоить и смієтця. Мати проти неї стала, дивитця. И отъ Насія почала... та такъ вєсело, що мни сѹмно-сѹмно: «Матусенько моя! мабуть ви менє дожидали? Осъ дочка пришлє... Чогó дивитесь, мамо? Хибє менє не пізнали? Се я... мни вєсело...»

Та ступіла й захиталась... Бóже мій! світе мій! сє жъ вона пьяна!

Хитяючись, пришлє до стóлу й сїла.

«Нү, моя матінко! познайшла вже я чоловіка, що менє визволить.... напевно вамъ говорю, що визволить. Бѹдемо вільні, станемо жити, на саміхъ—себє робити, бѹдемо за єго Бóгу молїтись.. Хоть вінъ тепєрєньки й зневажає менє и одъ людєй менє не криє... та нехай. Я єму, матінко, дякую, я єму, матінко, низєсєнько кланяюсь, у самі ноги... Вінъ бумагу мни напише... Пані немає прєва жєдного на насъ! У неї землі, мовлявъ, немає... Ми жъ, мой матінко, козачого рóду... Якъ-то намъ застрїти у невóлі вїчній... Ні, вінъ насъ визволить... и її визволить (на мєне вже). Вєсело мни, якъ-то вже вєсело, мати моя рідна!.. А засмучєся—вінъ грóшей мни дасть... я горілки куплю... и зóри ясні въ голові въ мєне світять!...»

И такъ-то вона говорить и смієтця, а Чайчіха тїлько слѹхає, не звóдючи зъ дочкї очєй похмурїхъ... Заснула Насія, на стїлз схлївшись... и каганєць изгасъ... Тємпа їхъ нїчъ покрїла.

XI.

И съ тогó часу, що-вєчїръ, вона булò й пьяна; а вїрве въ дєнь годїнку, то и въ дєнь упьєтця. Постерегла й пані: гнївалась вєлїко, сорóмила її и матїрь. «Ти мати: чому не впняєшь?..»

Замикали Насїю—вона булò такї втечє; чи двєрїма, чи вїкнами, а втечє. Лєє пані, бьє, а вона булò:

«Нехай, нехай! Упьюсь—все забѹду,—вєсело бѹдє!»

Чого вже пані не робила! Було, якъ ще твереза Настя, то пані умісне її передъ столовникáми соромить:

«Отъ дівка, отъ золото, отъ ледащиця!»

А Настя ніби й не чує. Сміютьця вони, и вона ще всміхнётся. Втомилася вже й пані сёрдившись. «Хоть удёнь же роби мині добре, ледащо! пехай тобі всячина!»

Замикає було у дёнь її, стережé; авъ вёчері тільки пустіла, — вона й зникне до ночі.

XII.

Найшлася въ Насті дитинка... таке-то малесеньке, сухесеньке, слабеньке!

Якъ забачила ёго Настя: «Дитино моя! лихо моє!» Застогнала, и затулівшись руками, заплаче... А давнó вже вона не плакала... Я боюся, що Чайчыха, думаю, вже на дочку не дивитця, то й дитину не привітить, та підношу до неї тихенько—«Богъ»... кажу: «дитинку намъ Богъ давъ!»

Вона взяла дитинку на руки та й дивитця пильно й журливо, и понуро... дивитця, дивитця, поки ажъ слёзи въ неї покотілися. «Гóре,» каже, «гóре, да гóре...»

Я й собі кажу—«гóре!» плачучи. Отта́къ ми народжёнця привітали, сýмомъ та плачёмъ!

И росло жъ вонó трóдию та бóлезно; усé нездúжає та нездúжає, та вилить. А Настя стала бильшь ищё пити. Якъ пьяна, то було ще заговорить до мене, и дитину попестить, пожа́лує. «Дитино мбá! чому твій тáто не прийде одвідати?.. шкода ёго дожидáти: не прийде. Щó ёму? вінъ и не спитає ніколи... А ти мене, янголятко, не клени.» Отакі було слова промовляє, а самá до дитини всміхається и ладки їй бьє. Бьє ладки,—сумно було дивитись: дитино мовъ не живенька, а вона зъ нею грається... Якъ-же твереза, то зрóду не підійде до дитини, не гляне,—біжить геть. Ми вже ту безталанночку молочкóмъ напували.

Одногó рáзу, якъ не пустіли Насті два дні, чп-щó, -Гóсподи! білась вона, кричала, наче її горячимъ залізомъ покáли: «Ой пустить мене, пустить! абó зъ мене голову здійміть! змілуйтеся! мучите мене на щó й про щó? Я пьяниця вічная... Помілуйте мене, пустить! Упьюся я, своє лихо засиплю... А въ тверезо́ї лихо ó-бикъ мене си-

дять, ліхо мнї вь вічі дівитця!» А пани все не велить пускати, та жалкуєтця столовникамъ: «Які сі люде пьяниці! Мабуть вони вже йншу пстоту мають, не таку якъ у насъ... Гляньте, молодесенька, а вже випиваетця! Ледащїця, та й гбді!.. пхє!.. А дитя своє зовсімъ занедбала,—пропадає дитя...»

А вони вже йї на тє: «Страхъ! У сіхъ людєй ні сброму, ні совісти, ні души, десъ, немає!»

Да такъ и судять собі, смачнєнько вечеряючи, абб такъ бавлючись.

XIII.

А дитинка тихо дійшла... Одногб ранку прихбжу я йї попестити, нагодувати; вхбжу—у хати тємно, бо на двбрі нахмарило, далєко гримъ одгримує, вітерець залїгъ десъ, тиша...

Вхбжу, дивлюсь, а дитинка вже очїцями повбдить. Я до неї вїнулась, перехристїла. Вонб зїдхнуло разбчокъ, и душечка йї одлетїла... Ні Чайчїхи ані Настї не було дбма. Я дитинку обмїла, прибрала, стїль заслала, и на столї йї положила. Збїгала—свїчечку купїла, засвїтїла вь головвахъ... рўчечки йї зложїла...

Пришла Горпїна, перехристїла, поцїлувала холодну унўчечку, и дбвго стояла надъ нею, дбвго. Пришла й Настя весєла й пьяна. «Щб се такє?» каже. «Дочка моя вмєрла? Дбчко, дбчко малїя! Рўчечьки мої холоднїсїнькї! Лїченько моє привїяле!» Самá берє йї за рўчечки, цїлує, у головку цїлує. «Якє жъ нїмє! Колийсь-тб квилїло тихєнько: тепєрь нїмє... Такъ отсє ти вмєрло? Дббре, дбнєчко, дббре!.. ей-же-Ббгу дббре!»

А самá слїзьми обсипаетця, наче й горьбє й радїє чогбсь разомъ.

Колї схбпитця хутєнько: «Горїлки трєба, горїлки! Люде будуть: ховати дбню прїйдуть!.. Чи прїйдуть же? Щб-жъ? все трєба горїлки... Побїжуй!»

Йї побїгла, и до нбчі не верталась. А ми тутъ розббрили трунччку, прибрали, зїллячкомъ уквїтчали. Уночі Настя вернулась. Зновъ дитїну за рўчечки брала, зновъ у головку цїлувала. Колб трунччки й звалиїлась и заснула, и всє: «Дббре, дббре, ей-же-Ббгу дббре!» все те слбво промовляла.

А вранці прокїнулась, побачила трунччку,—издрїгнулась, збїлїла.

«Умерла!» промовила, наче вона того й не знала, забула... До дитини,—а я її одвожу: «Насте! Насте!»

— Пустить:— гримнула; — нехай подивлюсь! Я ще не бачила її й досі, до самої смерті її...

Дивилась-дивилась, якось тихшала все, ніби сумирялась, та й вишла з хати.

Ми й поховали дитянку—її не було; а потім, якъ уже прийшла—прийшла того вечора твереза и біла-біла, стомлена така прийшла,—нічого въ насъ не питала... Після сього ще гіршъ запила.

XIV.

Не день же й не два такé життя велось... матінко, два роки! Коли Настя разомъ покинула піти, шкуди й кроку зъ двора не йде; а сама така тривожна! въ лиці мінитця, здригаєтця, труситця, отъ наче бъ вона собі смерті, чи...вбли ждала! Питаю—мовчить! И такъ три дні. На третій день увечері промовила слово: «обманівъ!»

«Насте, голубко!» кажу їй: «що тобі такé? Скажи жъ міні, моя безталанна!»

«Що міні зробити?.. Я піду до ёго, піду!.. Абó я ёго зъ свита зведу, абó сама зйду. Вінъ мене впевнивъ, що въ понеділокъ вблю приплé... Пійду, пійду, хотъ задушю ёго... може, полéгшае...»

Вірвалась у мене зъ рукъ, та й побігла. Я за нею,—сама старій кричу: «Ліхо, горе буде!»

А старá тільки головою кивнула, ніби й не ждала іншого.

Біжу я та кричу: «Насте, Насте! пожди мене! Я зъ тобою хочу йти... Я тобі поможу у всёмъ.»

Не слухае,—біжить. Мусила я до дому вернутись.

Нема́ Насті до нóчі; нема́ у нóчі; не прийшла и въ дéнь. Посилала пані шукати. Шукали ми, не знайшли.

Колі такъ, на другий уже день, въ обідню добу, идé вона и двá москалі її провóдять.

Кінусь я до нїхъ: «Голубї мої сїзі! щó ви зъ нею робїтимете?»

«Отъ баба здуріла! Пéвно всі ви дурного рóду!» каже міні сухенький, жовтенький москаликъ, розмахуючи бумагою. «Отъ и сá

(на Настю показує). Тутъ їй воля, тутъ би їй впрікиувати, а вона останный розумъ згубила.»

«Яка воля?» питаю не розуміючи.

«А вжежъ вільна буде! отъ яка!.. Вже порішили. Якій папічъ гърний за неї просивъ!»

А другий москаль: «Эге! за стару не попробсять! пропадай стара!»

Пі жартують тавеньки межн себе. А Настя йде біла якъ хустка, ні журлива, ні весела, —отъ мовъ съ каменю.

Вибігла Чайчиха. Кажу їй—віри не йме и слухати не хоче. А папі перелягалась: то за тймъ знаємимъ шлє, то за другимъ, плаче, ради прбситъ, жалкуєтця. А ми чекаємо—ждемо: чи смерть, чи воля бідолашнимъ буде. Колотилося въ насъ тавеньки ажъ тиждень. Зовсімъ ужє порішили що ми вільні, а все папі пускати насъ не хотіла,—та мусла вже.

Отъ, якъ зібрали насъ въ останный разъ та обявили, що ми всі вільні, у руки бумагу дали,—вийшли ми за ворота панські,—якъ заридає тоді Чайчиха!.. ридає, ридає такъ, Гбсподи! та тілько приказує: «Ой світе мій, світе мій милий, світе мій красний.»

Зійшлися сусіде, товплютця на улиці, оступіли, поздоровляють насъ, самі зъ нами плачуть, а насъ омовляють. А Чайчиха імъ на тє: «Сестриці! браті! родіна!» такъ - то вже велчає їхъ! «не бороніть, нехай поплачу! Я двадцять роківъ не плакала!»

Пі такъ вона вимовила, що всі зновъ дрібними слєзами вмился.

Якъ я тоді на неї глянула, тоді я тілько й побачила, які въ неї бчі добрі, який усміхъ ласкавий,—наче то не Чайчиха передо мною мовчуша, понура... А далі, якъ схаменулась вона, якъ глянула на дочку, охмурила и осмутила зновъ тяжко.

А Настя стоить, на всіхъ—на все дивитця, та шєпче: «Я вже сєгодні випила... шуміть мнї въ голові...»

А далі: «Люде добрі!» простогнала: «чи я вільна, чи я тілько пьяна?».....

XV.

Настина подруга давня, ота Кривошепівна, прийшла насъ до себе въ хату. Зібралось ще скілько добрихъ сусідочогъ туди до насъ, та радимось. Тілько Настя—якъ сіла въ кутку, якъ схлила гблову,—не мовъ замєрла такъ.

«Насте!» кличемо: «ниі лишень до раді, порадимось.»

— Голова болить!—одказала.

На другій день, ще гірше вона занедужала; вже съ того дня й не вставала. Танула вона, якъ свічечка. Нікѣго не познае, дивитця страшно и все за голову себѣ хапае.

— Горить, горить! — каже.

На пятій денъ підвелась, хустки шукае, зриваетця ніби куди бігти.

«Насте, куди се?»

— Горілки хочу!... піду! піду! —

Мати заплакала, —просить: «Доню мой, скаменійсь!»

— Пустить мене, пустить! —

«Куди жъ тебе пустить? Ти на ногахъ не встоішь... Ляжъ!»

— То вбійте мене, вбійте! — крикне, ламлючи руки.

Положили її зновъ на ліжку. Почала вона кидатьця, почала стогнати, кричати.

— Я вільна, вільна!... ну, добре!... И вільна, и пьяниця, и ледащо!... Де-жъ мині прихилитись, де? Добрий хазяїнъ вижене: «Пьяниця, ледащо, треба її зъ свого двору вигнати!» скаже, и вижене.... и добре зробить.

Къ-ночі вже зъ сіли зовсімъ вбилася:—тільки стогнала стіха та просялась.

— Не женить мене, не женить,—нехай я хоть трѣхи одпочіну! Матінко, я жъ ваша дитина, — не женить!»

Усе їй привиджуецця, що її женуть. И дитину свою згадувала.

— Сховайте, сховайте мою дитину,» шепче: «вона вже давно вмёрла!»

Такъ, о-півночи, піднялась на ліжку....

«Зіма люта:» вимовила, «куди ви мене женете?»

И впала.

Се вже її останне слово було.

Марко Вовчокъ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ

ВАСИЛІЯ ПЕТРОВИЧА БЪЛОКОПЫТЕНКО.

(Продолженіе.)

...Наконецъ, я советѣмъ собрался, *Біла* готова, и въ прихожую вошелъ *Козель* за моими вещами.

— Гляди жъ, будь ласковъ, — говорятъ ему отецъ: — бережи хлопца, щобъ не змерзълъ!..

— Та вже жъ, звісно! *Береженого и Богъ береже!* и *Козель* погладилъ рукою по своей высоко-подбритой чупринѣ.

— И кобилу тежъ?

— И кобилу тежъ! *Пошани́ти скотину́ — вона́ тебе трічі пошани́!* и снова погладилъ рукою *Козель* по своей высоко-подбритой чупринѣ!..

И, будь ласковъ,—зніаешь, якà *Біла!*.. Поидете болотами, — на дорóгу направляй, навпростець (прямо) не ідьте нігдѣ!

— Та вже жъ, звісно!.. *Поидь кругомъ, то сѣгодня поспієшь, а поидь навпростець — дай Боже, щобъ післязавтрѣю!* и высоко-подбритая чуприна была поглажена въ третій разъ.

— Впий же!..

Выпилъ *Козель* одну чайную чашку водки—большую чашку!—выпилъ другую, выпилъ и третью!.. Конечно, дать *Козлу* выпить такую пропорцію, значило сдѣлать его совершенно неспособнымъ шанувать скотину; но отецъ всё-таки далъ выпить... почему? *Богъ* его знаетъ! Можетъ-быть, угаръ трехсуточной погулянки заставилъ сѣдолосого упустить изъ виду и то и другое, а можетъ-быть, онъ поддался обычаю нагружать все выѣзжающее изъ свадебнаго двора какъ-можно поплотнѣе.

Наконецъ *Козель* былъ нагруженъ, я простился со все́ми домашними и *Біла* пустилась со двора... Пусть же она мчится себѣ, сначала

черезъ дворъ, потомъ вдоль хутора, потомъ съ горы на рѣку, а я тѣмъ временемъ кое-съ-къмъ и кое-съ-чѣмъ васъ познакомлю.

Во-первыхъ, познакомлю васъ съ содержаніемъ праваго кармана моего полосатаго панковаго жилета. Тамъ, въ этомъ правомъ карманѣ, было нѣболѣе пиненте, какъ шестьдесятъ копѣекъ ассигнаціями — сумма огромная въ то время для мальчика моихъ лѣтъ, а въ-особенности—ѣдущаго въ городъ всего на одну недѣлю! На эту сумму можно было у насъ тогда купить по-крайней-мѣрѣ два пуда муки, или шестьдесятъ огромнѣйшихъ бубликовъ,—просто, можно было кормиться пѣлую недѣлю. Но, что для насъ гораздо важнѣе, — на эту сумму можно было пріобрѣсти тогда въ какомъ-угодно шинчкѣ, кромѣ, разумѣется, городскихъ, квартъ пять водки, и это можно было сдѣлать тѣмъ легче, что всѣ шестьдесятъ копѣекъ, бывшія у меня въ карманѣ, были мѣдною монетою, пользовавшеюся въ то время, вмѣстѣ съ ассигнаціями, такимъ важнымъ предпочтеніемъ въ Малороссіи предъ монетою серебряною.

Не мѣшасть познакомить васъ нѣсколько и съ *Білою*... Самка эта принадлежала къ породѣ тѣхъ лошадиныхъ самокъ, которыя и на старость сохраняютъ юношескій жаръ и юношескую прыть,.. и принадлежала къ ней, къ этой породѣ—если только можно такъ выразиться—безусловно и беззавѣтно, со всѣмъ своимъ лошадинымъ существомъ, покрытымъ бѣлою шерстью.

Какъ, напрямѣръ, она ни была стара, и сколько разъ она ни была въ необходимости испытывать на себѣ всѣ варварства лошадиной акушеріи хуторскаго изобрѣтенія,—знать ничего не хочетъ, да и только!.. и—что годъ, то и лошонокъ!.. Годы даже какъ—будто только увеличивали въ ней юношескій пылъ,—и она дошла наконецъ до того, что даже забыла про свою материнскую гордость и про свою бѣлую шерсть: иная, въ ея лѣтахъ, если ужъ нельзя одѣть дѣтнице въ бѣлую рубашечку, какъ и у себя,—хоть звѣздочку бѣлую на лобъ прилѣпить или копытокъ побѣлнить, а она и отъ этого отказалась, и просто до шерстинки одноцвѣтныя лошонки. гнѣдые тамъ или рыжіе, смотря по обстоятельствамъ .. И опять: сколько она на долгомъ вѣку своемъ ни избѣгала пространства и по дорогамъ и безъ дорогъ, *напростоць*... и какъ ни стары были ея бѣлыя ноги, но поручите бывало ей что—«пожалуйста—моль, *Біла*, такъ и такъ... вонъ тамъ далеко село, или *бѣйрачокъ*, или—вонъ у тебя изъ—подъ переднихъ ногъ побѣжала впередъ дорожка..»—и, съ сѣдокомъ на спинѣ, или

съ саними, или съ повозкою назадъ, пустится она какъ стрѣла рысью (и именно рысью, а не *скокомъ* или *навзаводи*: *скокомъ* или *навзаводи* бѣгать—было не по ея части), пустится со все́мъ юношескимъ жаромъ и увлеченіемъ, и именно туда, куда вы ее направили: по дорогѣ направили—пустится по дорогѣ, и будетъ бѣжать, пока дороги у нея не станутъ подъ ногами; на село или бѣйрачокъ направили, полетитъ на село или на бѣйрачокъ, не спуская съ нихъ глазъ и не обращая вниманія ни на засѣяныя поля, ни на рытвины, ни на что... и будетъ летѣть такъ (если, конечно, не попадетъ гдѣ въ канаву) до тѣхъ поръ, пока не влетитъ въ бѣйрачокъ и не запутается въ немъ межъ деревь и кустарниковъ, повозкою, что—ли... или пока не влетитъ въ село и не хватитъ носомъ, или оглоблями, въ плетень или въ избу, или во что другое, что очутится ей тамъ на перепутьи... Остановится потомъ, искры, можетъ—быть, отъ толчка посыпались изъ глазъ, паръ изъ ней столбомъ, бока крутые *ходоромъ ходять*, а она только уздечкою весело побрякиваетъ, да ушами самодовольно поводитъ: «Сполнила,» молъ, «свой долгъ!..»

Любили за это *Білу*, за эти полезныя, пріятныя и веселыя качества, любили все́ очень, очень! А ужъ возницы и особенно всадники—и говорить нечего! Да и какъ было имъ не любить ея? вѣдь имѣть дѣло съ лошадью, которая такъ «сполняетъ свой долгъ»,—просто—кладъ!.. укажи только ей дорогу, да и заваливайся смѣло спать въ повозку или сани, или дремли, ухватяся покрѣпче за сѣдельную луку!.. потому—что надобно и то еще сказать, что рысь у Білой была необыкновенно-легкая, и вѣхъ было на ней—*якъ на пѣдушці*, какъ у насъ выражаются въ подобномъ случаѣ. Любилъ ее за эти качества и покойникъ—отецъ, и если предстоялъ путь, который долженъ быть совершенъ быстрою и скромною и послушною лошадью,—«Білу запрягайте!»,—въ—особенности, если возница былъ не вѣтрогонъ, а человекъ солидный.

Позвольте жъ еще въ заключеніе познакомить васъ и съ Козломъ,—возницею, который долженъ былъ управлять *Білою* во время обратнаго моего путешествія въ городъ.

Козелъ—это типъ, довольно распространенный въ Малороссіи. Онъ изъ дѣла и прадѣда былъ Украинецъ, но въ немъ была еще примѣсь какой-то восточной крови, такъ турецкой, что—ли: можетъ быть чрезъ какую бабу—*бранку*, или чрезъ какого прапрадѣда—*бранця*, или какого *побрѣ* изъ Черной-Горы, любителя бранныхъ тревогъ и

привольной разгульной жизни Запорожья время опихъ... Это присутствие какой — то заложей крови, изоблчалось во всемъ его существѣ... Былъ онъ высокаго роста и довольно строенъ; шея длинная, съ кадыкомъ на горлѣ, носъ тоже длинный, лицо и голова тоже длинныя, даже черезъ-чуръ ужъ длинныя... Прибавьте къ этому еще крѣкую смуглоту лица и шеи, какой-то тупой взглядъ большихъ черныхъ глазъ, черный покляпый усъ, черныя густыя брови и черную высоко-подбитую чуцирину — и вотъ вамъ Козель!

Еще бы внутреннюю сторону его описать вамъ, но это статья чрезвычайно-трудная... Богъ съ немъ! Скажу только, что мысль у Козла, должно-быть, постоянно работала надъ чѣмъ-то важнымъ и глубокомысленнымъ, потому что выраженіе лица его было всегда серьезное и глубокомысленное. Это выраженіе лица было у него до того постояннымъ, что, сколько мнѣ извѣстно, онъ всего одинъ только разъ въ жизни засмѣялся, именно, когда ему сказали, что ужъ пора ему жениться... — такъ по-крайней-мѣрѣ гласить хроника замѣчательнѣйшихъ событій въ нашемъ хуторѣ! Пожалуй, еще скажу вамъ, что хоть мысль у Козла должно-быть и постоянно работала надъ чѣмъ-то важнымъ и глубокомысленнымъ, но результатовъ этой работы онъ никогда и никому не сообщалъ... да и вообще онъ говорилъ очень-мало, и если говорилъ, то всегда кратко, серьезно и догматически, заканчивая всегда пословицею, болѣе или менѣе идущою къ дѣлу, — что подадо одному мѣстному остряку поводъ остриться надъ Козломъ, — впрочемъ, въ его отсутствіи, — якобы въ своихъ ясляхъ у Козла всегда пусто, и онъ, при нуждѣ, воруетъ изъ чужихъ... до иной-разъ хватить и сѣнца, а иной соломки, просто или и бурьяну...

Пожалуй, еще и то скажу, что Козель, если только погода позволяла, всегда ходилъ безъ шапки, — и когда, въ ясный лѣтній день, шагалъ онъ вдоль хутора, въ бѣлой сорочкѣ и бѣлыхъ штанахъ, безъ сапогъ и безъ шапки, — держался всегда важно и прямо, съ закинутаю назадъ головою, — вслѣдствіе чего чуцирина всегда качалась на затылкѣ, какъ черный султанъ у марширующаго солдата....

Скажу еще, что Козель былъ добрейшее въ мірѣ существо... пилъ очень рѣдко, но если пилъ, — пилъ очень много и всегда молча... и когда напивался крѣпко, любилъ плакать... и когда падалъ, напившись крѣпко, падалъ не какъ другіе добрые мои земляки падаютъ въ подобныхъ случаяхъ, на-бокъ тамъ или *сторчъ*, а всегда назадъ,

навзничъ, и такъ, что шапка отлетала Богъ-вѣсть-куда, чурина разстилавалась по землѣ, а ноги задирались вверхъ высоко—высоко...

Первое время, когда выѣхали мы со двора, я молчалъ; хоть и безъ особеннаго горя выѣзжалъ я изъ дому, а все-таки нѣкоторая тяжесть была на душѣ. Но когда спустились мы внизъ на рѣку, и когда *Бѣла* весело и густо зазвенѣла своими подковами по гладкому льду, мало покрытому снѣгомъ... а по сторонамъ зарыбили кусты курчавой лозы и стѣны золотистаго очерету, облитаго солнечнымъ свѣтомъ,—на душѣ у меня повеселѣло, и я началъ заговаривать съ Козломъ. Впрочемъ, мои усилія, завязать съ нимъ бесѣду, остались безуспѣха. Вышитая имъ водка, очевидно, всё болѣе и болѣе пробиралась къ центру его мыслительныхъ способностей, и все болѣе и болѣе располагала его душу къ состоянію, за которымъ необходимо должны были у него послѣдовать слѣзы. Онъ упорно молчалъ, разсуждая о чемъ—то важно и глубокомысленно, и упорно глядѣлъ въ *передокъ*, изрѣдка хлопывая своими черными и посоловѣвшими глазами. На всѣ мои вопросы, онъ отвѣчалъ мнѣ однимъ тихимъ: «у!» или тихо и какимъ-то особеннымъ способомъ, извѣстнымъ однимъ только порядочно-нализавшимся людямъ, шевелятъ своими усами, да еще раза два-три муркнулъ мнѣ, что называется, «ни къ селу, ни къ городу», пословицами серьезно-моральнаго содержанія, въ томъ числѣ и изреченіемъ «суета суеть», не вѣсть какимъ путемъ понавшимъ въ этотъ ходячій сборникъ народныхъ пословицъ и поговоорокъ. О, Козель! о, мой премудрый Соломонъ!.. Видя, что Козель плохой для меня собесѣдникъ, я началъ перебирать въ головѣ своей, какое бы придумать тутъ развлеченіе, какъ бы убить время. Ужъ я думалъ и о томъ, и о сѣмъ,—нѣтъ! Наконецъ придумалъ-таки: досталъ изъ жилета двѣ мѣдныя монеты, и сдѣлавъ, подъ верхнимъ кожухомъ, въ который я былъ закутанъ, *бѣдку*, началъ самъ съ собою играть на колѣнахъ въ *решѣтки*.

— Э?!—вопросительно *экнулъ* Козель, слышавъ у меня подъ кожухомъ звонъ монетъ—и ткнулъ носомъ ко мнѣ въ *бѣдку*:—багато?

— Ось-скільки!—отвѣтилъ я, довольный, что наконецъ онъ заговорилъ—таки,—и вытащилъ наверхъ одну за другою всѣ мѣдныя монеты, бывшія у меня въ жалетномъ карманѣ.

— И-ги!!.. на четвертку, на четвертку!... *багатому чортъ діти ко.тіше...*» — и онъ снова предался глубокомысленному размышленію,

упорному молчанію и похлопыванію чорными и посоловѣвшими глазами съ созерцаніемъ *передка*,—такъ-что я думалъ, что все дѣло о деньгахъ, возбужденное его любопытствомъ, на этомъ и кончится.

Но не кончилось на этомъ дѣло о моихъ деньгахъ, какъ и никогда такъ не оканчиваются дѣла о деньгахъ! Высшими судьбами разъ навсегда опредѣлено, чтобы все дѣла о деньгахъ, какого бы они рода, вида, качества, номера и т. д. ни были, до тѣхъ поръ не оканчивались, пока все деньги, или по-крайней-мѣрѣ какая-либо часть ихъ, не перейдутъ въ другіе карманы... Въ первомъ селѣ, которое попалось намъ на пути, часть моихъ денегъ перешла въ руки какого-то пана, конечно-чрезъ руки его шинкаря, — и Козель выпилъ чвертку... «На чвертку, на чвертку!» говорилъ онъ: «багатому чортъ діти колише!.. Всякое даише благо!...» и я далъ на чвертку... Что мнѣ было дѣлать? какъ не дать?.. Не мнѣ же, мальчишкѣ, учить Козла, что, молъ, лишнее будетъ, когда я вездѣ и всѣхъ вижу, что пьютъ лишнее, и когда и шинки Богъ создалъ на то, чтобъ люди или побольше.

Въ слѣдующемъ затѣмъ селѣ повторилась та же самая исторія, съ тою только разницею, что изъ шинку Козель вышелъ уже плачущій, а на сани садился уже не одинъ разъ, а два раза, т. е. собственно говоря, онъ уже теперь не сѣлъ въ сани, а ввалился, и не въ *задокъ*—рядомъ со мною, а въ *передокъ*—поперекъ саней, что именно и было причиною, что помѣщеніе Козломъ своей особы на сани произведено было имъ въ два приема, такъ-какъ первый приемъ оказался неудачнымъ вслѣдствіе слишкомъ сильнаго размаха туда, навзничь, съ летаніемъ, по описанному мною выше способу, шапки подальше, на снѣгъ, со взмахомъ чуприны по воздушному пространству и съ поднятіемъ ногъ вверхъ, высоко-высоко... «Суета,» молъ, все, суеть!...».

Можетъ-быть, и въ третьемъ селѣ пришлось бы мнѣ дать Козлу на чвертку, но... чего не можетъ случиться между двумя селами, находящимися одно отъ другаго въ разстояніи семи-восьми верстъ и отдѣленными одно отъ другаго только болотами и рѣками—замерзшими, правда, но все-таки болотами и рѣками!.. а тѣмъ болѣе—чего не можетъ случиться съ путниками, ѣдущими на такой *Билой*, какова была наша *Била*, и помѣщенными на саняхъ такъ, какъ мы были помѣщены съ Козломъ!

Когда мы выѣхали изъ втораго села и когда Козель, проливая

слезы, указавъ Білой на видѣвшуюся впереди церковь: «туда, молю, Біла, въ *Сидѣцьку!*», Білая только головою кивнула (« смежаю, дескать ») и стрѣлой пустилась на вѣрстѣнь, по кочкамъ, болотнымъ кушамъ и по всему, что ей ни попадалось подъ заднія и переднія ноги.

— Що ти, — говорю, — робить!.. въ *опарь* вскочимо де-небудь!...

Но Козель только слезы проливалъ, да усами шевелилъ извѣстнымъ образомъ...

И неслась Білая стрѣлой до тѣхъ поръ, пока дѣйствительно не вскочила въ *опарь*, да еще не какъ-нибудь вскочила, а со всѣхъ четырехъ ногъ и, что называется, по самыя уши... Не знаю, какъ и мы туда съ санями не попали!..

— У!..—мычитъ Козель на бѣдную Білую:—у!.. (ужъ и ну! не въ состояніи выговорить)... но Білая.. только болтается, бѣдная, межъ кусками обломавшагося льда, да копытами взбалтываетъ со дна цѣлую массу тишы...

Что мы тутъ дѣлали съ Козлемъ, чтобы выгнать на ледъ Білую, или, лучше сказать, что я дѣлалъ для этого, (потому-что Козель въ томъ состояніи, въ какомъ онъ находился, способенъ былъ только проливать слезы да *укачь*), не буду тутъ рассказывать; но не могу пройти молчаніемъ одной операціи, которой подверглась несчастная, и не могу пройти молчаніемъ именно потому, что мнѣ хочется показать, на какія остроумныя концепціи бываютъ горазды люди, похожіе на Козла, и въ состояніи, въ какомъ онъ былъ тогда.

Измученный безуспѣшною вознею съ Білою, я сълъ наконецъ на сани и рѣшился ждать: авось-либо кто близко проѣдетъ и поможетъ намъ, а пока—плакалъ и плакалъ, слезами облегчая свое горе.. Сажу я на саняхъ и плачу, а Козель стоитъ передъ Білою и покачивается во всѣ стороны. И стоялъ—стоялъ онъ такъ, потомъ вдругъ:—у!—и шапку съ головы, рукавицы съ рукъ, прочь все!.. самъ передъ Білою на колѣни и наклоняется ртомъ къ ея уху... и чуть-чуть не бултыхнулся въ воду!...

— Що ти, — говорю. — хочешъ робить?.. Ще и самъ въ воду...

— У! — промычалъ Козель: — *якъ приче́, то втече́!*.. и доставъ зубами за ухо Білую, началъ его кусать немилосердно! Больно станеть, молю, такъ выскочить!..

И едва могъ оторвать его отъ уха!.. И хорошую, должно быть, представляли мы грушну: я, всеми силами тянущій сзади Козла за

свиту, — колѣнопреклоненный на снѣгу и безъ шапки и рукавиць, Козель, вцѣпившійся зубами за ухо несчастному животному... оно, визгливо ржущее отъ боли, и болтающееся въ *опарь*, а позади его, на льду, отгашенныя подалеже сани съ протянутыми впередъ оглоблями... «Прійди, молю, Бѣлая, въ мои объятія...» Забылъ сказать, что я—таки умудрился распречь Бѣлую, возясь съ нею.

Такъ мы провозились здѣсь безуспѣшно часа два, пока не увидѣли въ полуверстѣ отъ насъ какихъ—то проѣзжихъ. Я началъ звать, тѣ услышали, пріѣхали къ намъ и вытащили Бѣлую... Шея, грудь и бока изрѣзаны льдомъ и обливаются кровью; ноги окоченѣли отъ холода; дрожить и едва держится на ногахъ... Но она едва почувствовала, что ступать уже можетъ, ступила одною ногою, потомъ ступила другою, опять, опять—и къ санямъ, и стала въ оглобли: запрягай, молю, меня, буду свой долгъ исполнять!.. Запречь и ее съ помощью проѣзжихъ, свалился Козель въ передокъ, вывелъ я Бѣлую за поводъ на дорогу, и она пошла исполнять свой долгъ, сначала дрожа и дрябло какъ—то тыкая ногами въ ледъ, а потомъ съ большимъ и большимъ воодушевленіемъ, — и снова юношескій жаръ, и снова юношеская прыть!...

Въ третьемъ и четвертомъ селлахъ, Козель ужъ не говорилъ мнѣ: «*Базитому чортъ діти колише!*» зато въ пятомъ селѣ, гдѣ мы остановились покормить Бѣлую и пообѣдать, онъ столько-разъ говорилъ, мнѣ это что когда мы поѣхали дальше, онъ даже и *укачь* былъ не въ состояніи, а только плакалъ и плакалъ... прерывая по-временамъ свой плачь лишь для того, чтобы дернуть за ту или другую возжу, такъ, по какому—то вдохновенію, и такимъ образомъ перевести, такъ сказать, Бѣлую съ одного вѣтра на другой, направить ее, куда намъ пріѣдется, направо или налево, — куда укажетъ вдохновеніе....

Путались мы съ Козломъ по лѣсамъ, лозамъ, и очеретамъ до самого вечера, какъ и тогда, съ Мундыромъ, съ тою только разницею, что съ Мундыромъ ѣздили мы всё по протореннымъ дорогамъ, а теперь, — всего случалось: иногда путались и не по протореннымъ дорогамъ, иногда и просто безъ дорогъ... Случалось и въ лозу запутываться, случалось перебираться и черезъ поваленныя деревья въ лѣсахъ, барахтаться въ кустахъ очерету, всего, говорю, случалось! И долго мы, можетъ—быть, еще путались бы по лѣсамъ, лозамъ и очеретамъ, можетъ проплутались—бы всю ночь,

еслибъ не случилось одного обстоятельства, которое легко можно было предвидѣть всякому, кромѣ, разумѣется, плачущаго и дергающаго, за возжи по вдохновенію, Козла.

Какъ теперь вижу эту сцену! какъ-будто она вонь-тамъ, вонь прямо предо мною!.. Вечерѣть; морозъ крѣпчаетъ; по обѣимъ сторонамъ нашей дороги стѣны лозы и очерета... Но вотъ стѣны эти сирава и слѣва распахнулись и побѣжали куда-то въ сторону, и Бѣлая уже летитъ по какому-то открытому мѣсту...

Вдругъ Бѣлая тише-тише... тукъ-тукъ-тукъ подковами—и стала!.. Козель дернулъ за одну возжу, за другую:—стоитъ и дрожить...

Я высунулъ голову изъ козуха и заглянулъ впередъ... Боже! въ четырехъ шагахъ передъ Бѣлою рѣка размытая на нѣсколько сажень!... а Козель Бѣлую погоняетъ и погоняетъ!..

«Стой!» крикнулъ я, сколько было у меня крику въ груди, и, во мгновеніе ока, выпрыгнулъ изъ саней на ледъ...

Козель и себѣ глянулъ впередъ—и слезы его исчезли!.. Да, это фактъ! въ одно мгновеніе слезы исчезли, когда онъ увидѣлъ, что у Бѣлой предъ самымъ носомъ!... глаза его были сухи какъ-будто ему сегодня мой отецъ не подносилъ ни одной чашки, какъ-будто онъ ни одного разу не сказалъ мнѣ: «*биатому чортъ діти колише*» а если все это и случилось съ Козломъ, то какъ-будто онъ спалъ послѣ того три дня и три ночи, и всталъ настолько съ свѣжею головою, насколько могла помѣщать подъ собой свѣжести его высоко-подбритая чуриша!..

И какими умищами всѣ мы оказались въ эту критическую минуту!.. и Козель, который послушавшись меня—тихонько полѣзъ вдоль саней и, спустившись чрезъ ихъ спинку на ледъ, прицѣпилъ къ нимъ возжи, мною отстегнутыя у Бѣлой... и началъ тянуть сани назадъ, (впрочемъ, для большей вразумительности, я—такъ долженъ былъ поддѣлываться подъ его смыслъ и сказать ему поговорку: *(послухай мене, дурил, то будешь розумчимъ)*); и Бѣлая, которая вся какъ листъ дрожала, втягивая въ себя воздухъ, чтобы быть легче, и не проломиться на льду, промытомъ водою до-того, что фонтаны прыскали сквозь дыры, когда даже я ступалъ по льду;—поумнѣлъ и я, слѣдуя примѣру Бѣлой, и не позволяя Козлу приближаться къ ней, чтобы подать ее назадъ, а сдѣлавъ это самъ... Страхъ погибелю умудряетъ и скотовъ безсловесныхъ и дѣтей несмысленныхъ!..

Когда мы были внѣ опасности, и когда нѣсколько прошло во мнѣ—

(не знаю какъ назвать состояніе, въ которое впадаютъ извѣстнаго сорта натуры во время большихъ опасностей?.. назовемъ его, пожалуй—экзальтированнѣмъ состояніемъ!)—когда прошло во мнѣ такое экзальтированное состояніе, я бросился къ Бѣлой, и охвативъ ея морду обѣими руками, началъ горячо цѣловать ея и въ носъ и въ губы и въ подбородокъ:—Бѣлочко моя, утѣшко моя!.. якъ вернешся, скажи непі, щобъ сама вона тебе нагодувала!... А Козель только: — *якъ Божа воля, то вѣрнешь зъ моря!*..

Перебравшись на другую сторону рѣки, Козель рѣшилъ ни за что больше къ ней не приближаться, а держаться степи,—и пустилъ Бѣлую... И Бѣлая полетѣла и полетѣла снова!.. И долго, почти до полуночи, она летѣла... а я, и на обратномъ пути въ городъ, ночевалъ въ чужомъ уѣздѣ.

М. Помпъ.

МОИ ВОСПОМНЕНІЯ.

I.

.... Меня вывели изъ Малороссіи девятилѣтнимъ мальчикомъ, — и съ тѣхъ поръ, — цѣлыя 12 лѣтъ я не заглядывалъ на родину. Звукъ роднаго языка изрѣдка, — но повстинѣ — ласкали мой слухъ, когда пріѣзжали ко мнѣ, на праздники, родные: тогда сердце мое билось радостно, на душѣ становилось легко, всѣмъ существомъ моимъ овладѣвали чрезвычайно-нѣжныя ощущенія: и мнѣ отрадно было сознавать — кто я, откуда, — не затеряться посреди иной народности.

Но цѣлымъ часамъ слушалъ я рассказы стараго слуги, обыкновенно пріѣзжавшаго съ матушкою. Трудно было доброму старику отдѣлаться отъ безконечныхъ распросовъ, которыми я засыпалъ его съ перваго дня свиданія. Много сказокъ, много преданій о старикѣ, о козакахъ и запорожцахъ, слышалъ я отъ него; въ минуты хорошаго расположенія, мнѣ удавалось упрощать старика и спѣть что-нибудь. Зналъ онъ много пѣсенъ, очень много.... Но никогда я не слышалъ отъ него ни одного веселаго мотива: пѣлъ ли онъ про стародавнее время, была ли пѣсня сложена уже въ его время — всѣ онѣ были грустны-грустны; не разъ плакалъ я отъ однихъ звуковъ, почти не понимая содержанія, не понимая потому, что старикъ пѣлъ почти сквозь зубы, невнятно, тихимъ голосомъ, точно боялся дать волю голосу и языку.... Я тогда не понималъ причины этой сдержанности; а когда добрался до ея причины и смысла — добрый *Ондригъ* отказывался уже пѣть. Потрясенный до глубины сердца какимъ-нибудь тоскливымъ напѣвомъ, я спрашивалъ у него, почему онъ не запоетъ веселыхъ пѣсенъ... онъ обыкновенно отвѣчалъ: *не знаю*.

Иногда пѣла и матушка, но я не такъ любилъ слушать ея пѣнье, какъ Ондріево. Хотя голосъ у матушки былъ лучше, и мотивы также грустны, но замѣтно было, что она пѣла ихъ такъ потому только, что заучила отъ другихъ, и что не знаетъ иныхъ пѣсенъ. Совѣтъ не то впечатлѣніе производило пѣніе Ондрія: онъ пѣлъ будто не подозревая, что такъ всѣ поютъ, и кажется, еслибъ онъ и не никогда слышалъ тѣхъ пѣсенъ—все-таки запѣлъ бы ихъ тѣмъ же тихимъ, унылымъ, но страстнымъ, прочувствованнымъ напѣвомъ, словно душа его пѣла. И вотъ отчего, теперь, когда Ондрій давно умеръ, я не иначе представляю его себѣ, какъ сидящаго на сундучкѣ, на скамеечкѣ, вообще на чужь-нибудь очень низенькомъ, упершаго локтями въ колѣни, съ глазами, устремленными почти безсознательно на одну точку, и въ полголоса мурлыкающаго что-то невыразимо-грустное. Вспоминая Ондрія, я совершенно ясно сознаю причину грусти, которой печать лежитъ на всѣхъ народныхъ украинскихъ пѣсняхъ; я понимаю, почему, всякій разъ, соглашаясь пѣть мнѣ—*паничю*, онъ пѣлъ, какъ бы не-хотя, словно поневолѣ; понимаю, почему въ голосѣ у него не было всей силы, свободы, точно изъ груди его неслоь подавленное, будто сдержанное страхомъ, рыданіе; понимаю, отчего онъ говорилъ, что не знаетъ веселыхъ пѣсенъ, и говорилъ это такъ, будто не долженъ былъ ихъ знать. Дѣйствительно, странно было бы въ его положеніи, и неестественно, запѣть что-нибудь веселое: чистый душой и сердцемъ, Ондрій ни съ кѣмъ не могъ лукавить, и меньше всего съ самимъ-собою. Безъ свободы, безъ искры надежды на нее, онъ могъ только мечтать о вольномъ быломъ, котораго ему не пришлось испытать, да скорбѣть о настоящемъ, всю тяжесть и безвыходность котораго онъ извѣдалъ вполнѣ.

Такъ, подъ свѣжимъ, нѣжно-грустнымъ впечатлѣніемъ, павѣяннымъ на меня ласками горячо-любившей меня матери и печальными напѣвами Ондрія, разставаясь я съ ними, когда приходило время уѣзжать имъ домой. Грустный, возвращаясь я въ школу, гдѣ долго въ ушахъ моихъ звенѣли родные звуки и напѣвы. Съ неописаннымъ восторгомъ мечталъ я о счастливомъ времени, когда, наконецъ, я перестану учиться и уѣду на родину, въ Малороссію. Представленіе дѣйствительности, посреди которой я жилъ до 9 лѣтъ, мало-по-малу слабѣло, тускнѣло, вытѣсняемое воображаемымъ міромъ, который составилъ у меня въ головѣ по разсказамъ Ондрія о давнопрошедшемъ;

наконецъ, дѣйствительность почти исчезла, уступивъ мѣсто чему-то фантастическому, чудесному. Часто, помню, не могъ я заснуть по цѣлымъ ночамъ, когда фантазія рисовала въ воображеніи моемъ дивныя образы, подь какими представлялся мнѣ украинскій народъ—чуть не весь на коняхъ въ блестящей сбруѣ, разодѣтый въ яркіе, расшитые золотомъ и серебромъ, кунтуши и кармазиновые шаравары, гремящій кривыми саблями, съ длинными усами и чубами, развѣваемыми вѣтромъ и, какъ волна за волной, шумной и стройной толпой несущійся туда, впередъ, куда-то далеко-далеко... Сердце мое билось сильно и скоро; я задыхался, дрожалъ отъ удовольствія, и съ неопишаннымъ восторгомъ сознавалъ, что я — Украинецъ, и ни на что въ мірѣ не промѣнялъ бы этого горделиваго сознанія...

Когда же, во время такого восторженнаго настроенія, невзначай представлялся мнѣ образъ Ондрія, повѣствующаго о всѣхъ этихъ чудесахъ и одѣтаго, въ то же время, въ длиннополюй табачнаго цвѣта сюртукъ и бѣлый жилетъ,—что естественно разрушало мои представленія о живописныхъ нарядахъ козацкихъ,—мнѣ было досадно и никакъ не хотѣлось разстаться съ дорогими мечтами... Но волей-неволей я обращался тогда къ собственнымъ воспоминаніямъ моего ранняго дѣтства и—увы!—вмѣсто бархатныхъ и шелковыхъ кунтушей, широчайшихъ шараваръ и закрученныхъ за ухо чубовъ, мнѣ очень ясно представлялись видѣнныя мною туловнища во фракахъ и сюртукахъ, узкихъ панталонахъ со штрипками, лица безъ усовъ, съ коротко-подстриженными и гладко-прилизанными волосами, или народъ, одѣтый, большею частью, бѣдно, въ сѣрыя и коричневыя *свиты*, нерѣдко заплатаанныя вставками совершенно другаго цвѣта. И, Боже! какъ больно, какъ тяжело становилось мнѣ тогда! точно самое близкое существо умирало на моихъ глазахъ; слезы грусти и стыда душили меня; я гналъ отъ себя эти образы, закрывалъ глаза и плотнѣе прижимался къ подушкамъ, стараясь поскорѣе забыться. И дѣтская голова моя, утомленная продолжительнымъ напряженіемъ, снова наполнялась какими-то небывалыми призраками, и я засыпалъ гдѣ-нибудь въ степи, между козаками варящими кашу и играющими въ кости...

Между-тѣмъ, дѣтство, мало-по-малу, проходило; дѣтскія впечатлѣнія и представленія, на-половину фантастическія, незамѣтнымъ образомъ уступали мѣсто окружающей дѣйствительности. И какъ ни тяжело, а нужно было, однако, разстаться съ дорогими образа-

ми, составлявшими цѣлый міръ, въ который я такъ любилъ уѣзгать на досугѣ. Я, наконецъ, долженъ былъ сознаться въ невозможности существованія, въ 500 верстахъ, народа, вѣчно-гуляющаго, шумящаго, посвящающаго всю жизнь войнѣ съ бусурманами за вѣру и свободу. Изъ книгъ я узналъ, что свобода утрачена давнымъ-давно, что воинственные и хищные когда-то татары обратились въ мирныхъ хозяевъ — торговцевъ, привозившихъ виноградъ я въ тотъ городъ, гдѣ я учился; что вѣра, которую исповѣдывалъ народъ украинскій, была господствующею въ государствѣ, и, слѣдовательно, никакимъ гоненіямъ не подвергалась. Изъ книгъ же и изъ рассказовъ очевидцевъ узналъ я, что и Малороссія, какъ и вся Россія, раздѣлена на губерніи и уѣзды, что соотчичи мои характера крайне-миролюбиваго, порядочно лѣнны, съ чѣмъ я, между прочимъ, вполне соглашался, обращаясь къ самосозерцацію, народъ угрюмый, сосредоточенный въ себѣ и — страстный любитель *горілки*. Узналъ я также, что хотя Малороссія и имѣетъ свой языкъ, весьма отличный отъ языка великорускаго, но что на немъ говорить только простой народъ — *мужики*, а доблестное дворянство наше чуждается его какъ чего-то неприличнаго и недостойнаго, и если понимаетъ его, то потому только, что крестьяне иного языка не знаютъ, а ихъ нужно же заставлять работать и получать съ нихъ какъ можно больше дохода. Всѣ эти свѣдѣнія наводили на меня раздумье. Сталъ я опять припоминать, перебирать въ головѣ все, что тамъ удержалось изъ собственныхъ воспоминаній, изъ рассказовъ и пѣсенъ Ондрія и матери, сталъ сводить да сравнивать съ тѣмъ, что читалъ и слышалъ теперь, и долго не зналъ — кому и чему вѣрять. Въ ту пору, прочелъ я рассказы Квитки, которые чуть было, снова, не утвердили меня въ сознаніи, что родина моя — страна, по преимуществу, прекраснаго и чудеснаго... Словомъ, это было время мучительныхъ сомнѣній, которыя я пытался разрѣшить со всеѣмъ пыломъ первой молодости, и чуть ли не въ эти минуты сама-собою возникла въ моей головѣ мысль, что украинскій народъ — не одинъ, а два въ одномъ, или — два изъ одного; мнѣ представился онъ въ какомъ-то раздѣльномъ видѣ, и тутъ же невольно вспомнились мнѣ мысли, которыя намъ задавали учителя выучивать: «всякое царство раздѣлшсися на ся — погибнетъ», «раздѣлай и — повелѣвай», и т. д. Въ хаосъ моей головы начиналъ проникать лучъ свѣта...

Наконецъ, мое ученіе кончилось; я былъ свободенъ, и черезъ нѣсколько времени долженъ былъ увидѣть Малороссію. Я не умѣю вы-

разить того чувства, которое испыталъ при видѣ тройки, на которой долженъ былъ выѣхать изъ чужаго города, гдѣ прожилъ почти 13 лѣтъ. Это было такое чувство, какого я никогда потомъ не испытывалъ, и сравненія которому рѣшительно не могу прибрать. Я вскочилъ въ телѣгу, зажмурилъ глаза, кривнулъ: пошелъ! и полетѣлъ куда-то, чуть не въ седьмое небо....

Въ первые сутки ѣзды, мнѣ попадались по дорогѣ бороды, почти все рыжія, безконечные обозы на тройкахъ, бѣдные деревушки съ курными избами—немазанными, закопченными дымомъ, бѣдными, грязными; красныя рубахи поверху штановъ, безобразные, перетягивающіе грудь, сарафаны такъ и рябили. Это была еще Великая Россія: мнѣ не то было нужно. Я торопился ящикомъ, насвистывалъ и напѣвалъ какіе-то мотивы, желая во что бы то ни стало, чтобы то былъ малорусскіе, чуть ли не на каждой верстѣ спрашивалъ, далеко ли еще до родной губерніи?, былъ, однимъ-словомъ, въ самомъ невыносимомъ состояніи; въ это время, кажется, вѣрнѣе всего можно было бы меня сравнить съ игрокомъ, который горячится при проигрышѣ. Нечего и говорить о томъ, что дорогой я почти не ѣлъ, боясь, магійскими остановками, отдалить, хоть на нѣсколько минутъ, мигъ свиданія съ родной.

И вотъ, на второй день, передъ вечеромъ, я наткнулся на обозъ, —нона какой! на обозъ чумаковъ—на чумацкую *валку*! Въ два ряда вытянулось возовъ 60; выпряженные волю паслись веторошѣ, а у дороги, между возами, пылалъ огонь; надъ огнемъ стоялъ *преножокъ*, съ вислицою котломъ, и вокругъ огня, человекъ 20 чумаковъ, загорѣлыхъ, запыленныхъ, въ вымазанныхъ дегтемъ рубашкахъ, сидя и лежа на животѣ, варили кашу. Огонь, отъ пылавшаго костра, причудливо извиваясь краснымъ пламенемъ, бросалъ пріятный отвѣтъ на сидѣвшихъ вокругъ него чумаковъ, когда, вспыхивая широко, разомъ освѣщала и возы и смуглыя суровыя лица чумаковъ и пасшихся круторогихъ воловъ. Эффектъ былъ полнѣйшій, восторгъ мой—неописанный. Я велѣлъ ящику остановиться, слѣзъ съ телѣги, подошелъ къ чумакамъ, поклонился имъ, по всей вѣроятности, очень ловко, хотѣлъ сказать имъ какое-нибудь привѣтствіе на родномъ языкѣ, но—растерялся и едва могъ попросить огня—по-великорусски....

Одинъ изъ сидѣвшихъ, концомъ кнутовища, отбросивъ къ сторонѣ горящій уголекъ, произнесъ: *ось-де*, и снова повернулся къ огню.

Все еще не успѣвъ прійти въ себя отъ волненія, я пробормоталъ что-то, съѣлъ въ телѣгу и поѣхалъ дальше. Мнѣ стало отчего-то грустно. Бросившись къ чумакамъ съ такимъ жаромъ, я ждалъ, вѣроят-но, и отъ нихъ сочувствія, но они только флегматически посмотрѣли на меня, подвинувъ немного шапки на затылокъ, помогли закурить папиросу... и только. Конечно, мнѣ нечего было больше и ждать, но тогда это соображеніе не пришло мнѣ въ голову. Я завернул-ся въ шинель, и задумался. Но новый характеръ картины, разсти-лавшейся передо мной, — большое село, (*неначе писанка-село!* *)

(*) Т. Гр. Шевченко.

въ которое мы скоро въѣхали, — множество дѣтсй, бѣгавшихъ по ули-цѣ съ страшнымъ шумомъ, — кучки молодыхъ дѣвчатъ и парубковъ, стадо овецъ, поднявшее освѣщенную солнцемъ пыль, — пѣсня, нес-шаяся съ другаго конца села, — мычанье коровъ, — свѣжесть вечера, послѣ знойнаго дня, — скрипъ журавли-колодца — снова развеселилп меня. Еще двое сутокъ пути, два-три уѣздныхъ города, десятка два многолюдныхъ селъ, наконецъ — верстѣ пятнадцать степи — и я — дома!

II.

Дѣла я не засталъ никого: матушка уѣхала куда-то на богомолье, не ожидая меня такъ-скоро, и, нѣсколько дней, мнѣ предстояло про-вести въ полномъ одиночествѣ, между людьми, которыхъ я не пом-нилъ, и которые и меня не узнали. Ондрія, неразлучнаго спутника матушки въ ея поѣздахъ, также не было. Первый день я посвя-тилъ отдохновенію послѣ долгаго пути, а вечеромъ поджидалъ матуш-ку. Но на другой день меня пронила скука. Я попалъ въ самое не-ожиданное положеніе: быть совершенно одному, между людей неизвѣст-ныхъ. Нѣсколько разъ я пытался поговорить съ жившею въ домѣ при-служкою, но отчего-то робѣлъ, путался, говорилъ вздоръ, и кончалъ тѣмъ, что просилъ или кусокъ хлѣба для собаки, или стаканъ воды для себя. Позовешь, бывало, по имени, — человекъ выскочитъ изъ при-хожей, вытянется въ струнку, и тѣмъ окончательно смутитъ; хочешь одно спросить, а скажешь совсѣмъ другое. Особенно пугало меня ра-болѣпіе, проявлявшееся при встрѣчѣ со мной дворовыхъ людей. Толь-ко высунусь изъ дома, — все начинаетъ снимать шапки, кланяться очень низко; — сконфузить меня, — я поклонюсь наскоро и спрячусь по-

скорѣе куда-нибудь. Я и успѣлъ только сказать нѣсколько словъ съ матушкиной домоправительницей, женщиной лѣтъ 70; но это была такая уморительная и слезливая старушка, что я долго не могъ привыкнуть—говорить съ нею и не разсмѣяться.

Попробовалъ поговорить съ садовникомъ, но онъ оказался страшно-глупымъ человѣкомъ, все ухмылялся и не позволялъ мнѣ ходить по газону. Когда же я хотѣлъ полакомиться вишнями, то онъ рѣшительно воспротивился этому, и совѣтовалъ мнѣ обратиться прежде къ эконому, безъ дозволенія которой онъ никому не позволялъ касаться къ ягодамъ.

Находившись вдоволь и проголодавшись, я воротился въ домъ, располагая обѣдать, какъ послышался звонъ колокольчика и бубенчиковъ. Заглянувши въ окно, я увидѣлъ подскакавшій къ крыльцу легенькій тарантасикъ, запряженный тройкою *влятокъ*, обвѣшенною бляхами и лентами. Почти въ ту же минуту, вошелъ въ комнату господинъ, такъ—что я не могъ не удивиться быстротѣ, съ какою онъ успѣлъ выскочить изъ тарантаса и очутиться у меня въ комнатѣ.

— Григорѣвичъ Иванъ Константиновичъ—сосѣди,—верты три не больше,—онъ тамъ за лѣсомъ; если стагъ на крышу, такъ и видно,»—говорить вошедшій, подавая мнѣ руку.

Это былъ еще очень молодой человѣкъ, лѣтъ, такъ, 23, брюнетъ, очень красивой наружности; курчавые волосы на головѣ его были взбиты, что очень шло къ его смуглому лицу. Одѣтъ онъ былъ очень странно, чтобъ не сказать смѣшно. На немъ были широчайшіе запорожскіе шаравары, красная русская рубаха поверхъ ихъ, подвязанная шелковымъ снуркомъ, а сверхъ всего что—то крайне неопредѣленное, не то куртка, не то короткій сюртукъ темнозеленаго бархата. Движенія его были быстры, рѣзки, но казались какими—то неоконченными.

— Вы, кажется, недавно изволили приѣхать? — спросилъ Григорѣвичъ.

Я отвѣчалъ.

— Позвольте?—продолжалъ онъ, вытаскивъ изъ кармана своихъ шароваръ коротенькую голландскую трубочку изъ бѣлой глины и кистеть.

Я попросилъ не стѣсняться. Набивши и закуривши трубочку, Иванъ Константиновичъ, со всего размаху, бросился на диванъ, но тутъ же опять вскочилъ на ноги.

— Не хотите ли сигару?—спросилъ онъ, вынувъ изъ другаго кармана серебряный портъ-сигаръ.

Я отказался.

— А съ собой я вожу,—продолжалъ онъ. Многіе любятъ. Я самъ ихъ не курю—не люблю, душать. Турецкій лучше. Если у васъ выйдетъ, такъ я вамъ пришлю; мнѣ доставляетъ Янкель прямо изъ Бухареста.

Съ этими словами мой гость опять обрушился на диванъ.

— А скажите, пожалуйста, у васъ есть лягавая?—совершенно неожиданно спросилъ Иванъ Константиновичъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я.

— А у меня вчера сука оценилась пятью. Двухъ велѣлъ утопить, а тропхъ оставилъ. Какъ подрастутъ, я вамъ пришлю пару.

Я поблагодарилъ, объясняя, что я вовсе не охотникъ.

— Ничего! я пришлю. Вчера мы, знаете, затравили 12 штукъ зайцевъ и лисцу. Доскачъ Панченка ногу сломалъ.

Я изъявилъ сожалѣніе.

— Ничего,—продолжалъ невозмутимый Григорѣвичъ:—онъ у меня на прошлой недѣлѣ выигралъ трехъ борзыхъ. Три раза, бестія, банкъ сорвалъ.

Трубочка между тѣмъ докурплась. Иванъ Константиновичъ вычистилъ ее и спряталъ въ карманъ. Потомъ, съ такою же быстротою, какъ сѣлъ, онъ снова вскочилъ съ дивана, и началъ прощаться. Я, для перваго знакомства, не счелъ нужнымъ удержать его. Выскочивъ на крыльцо, онъ во всю глотку крикнулъ: *давай, Юрк!* Тарантасъ съ звономъ подѣхалъ, подхватилъ Ивана Константиновича и помчался.

Особенно поразило меня въ моемъ знакомомъ то, что фізіономія его не принимала никакого участія въ разговорѣ: она оставалась все время неизмѣнною и спокойною. Слова вылетали изъ устъ Ивана Константиновича, какъ птицы изъ кустовъ, совершенно неожиданно, и также неожиданно перебѣгали отъ одного предмета къ другому. Пока я размышлялъ объ этомъ, послышался опять колокольчикъ и бубенчики. Не успѣлъ я оглянуться, какъ передо мной уже стоялъ Григорѣвичъ, и говорилъ тѣмъ же ровнымъ голосомъ:

— А я забылъ: завтра... или нѣтъ,—въ субботу, судья—вмяинникъ. Пріѣзжайте. Будетъ и столъ и банкъ, музыка тоже будетъ.

Я хотѣлъ что-то сказать, какъ онъ опять перебилъ меня.

— А арбузы у васъ есть?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я.

— У меня есть. Я вамъ пришлю... На ярмарку въ Кралевецъ поѣдете?

Я совсѣмъ не зналъ, что на это отвѣчать. Вѣроятно же всего было, что не поѣду, но я отвѣчалъ «можетъ-быть».

— Хорошо,—говорилъ Иванъ Константиновичъ.—А знаете: прошлую зиму здѣсь были актеры, играли.

Я изъяснилъ удивленіе, что въ такой маленькій городокъ заѣхали актеры.

— Какъ же!—были, продолжалъ Григоровичъ.—Вы винъ еще не покупали здѣсь?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я.

— У Костюка извольте брать: прямо изъ Риги получаетъ. Впрочемъ, до свиданья!

И Иванъ Константиновичъ исчезъ съ прежнею быстротою, и на этотъ разъ уже не возвращался.

Когда жаръ спалъ, я опять пошелъ ходить, чтобъ познакомиться съ мѣстностью. Хуторокъ нашъ былъ расположенъ хотя не живописно, но выглядывалъ очень гостепріимно и приятно. Прежде всего я скажу, что хуторъ назывался *Гарнымъ*. На большомъ дворѣ стоялъ небольшой домикъ, старый, низкій, подъ соломенной крышей, налѣво — флягель, направо — разныя службы. За домомъ расположенъ огромный фруктовый садъ, въ концѣ котораго помѣщается гумно. За садомъ, ни чѣмъ отъ него не отдѣляясь, тишется прекрасная роща, изрѣзанная множествомъ узенькихъ дорожекъ, чрезвычайно хитро переплетенныхъ между собою, что, по-моему, дѣлаетъ большую честь искусству того, кто этимъ занимался. Въ одномъ углу рощи помѣщается пасѣка пней въ 500, и при ней омшаникъ. Далѣе идетъ густой лѣсъ, принадлежащій уже другому владѣльцу. Передъ домомъ открытое, со всѣхъ сторонъ, поле, по которому бѣжитъ, извиваясь змѣйкой, дорога въ городъ. Влѣво, на горизонтѣ виднѣется нѣсколько селеній, теряющихся въ синевѣ дали. Изъ двора идетъ улица, образуемая десятками двумя избъ, параллельно построенныхъ и, поворачивая, подъ прямымъ угломъ, налѣво, превращается въ дорогу, ведущую въ сосѣдніе хутора.

Обошедши садъ, гдѣ, по распоряженію экономки, мнѣ было уже дозволено пользоваться ягодами, и рощу, я выбрался на небольшой лугъ,

покрытый сочною, густою травою. За рѣкой, на противоположномъ берегу косари косили траву. Это зрѣлище, совершенно для меня, новое доставило мнѣ большое удовольствіе, и я каждый день ходилъ любоваться этой картиной. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя было безъ наслажденія смотрѣть, какъ, человекъ 40, въ рядъ, подъ предводительствомъ отамана, мѣрно взмахивали косами, на которыхъ разсыпались лучи догаравшаго солнца. Какой-то особенный, пріятный звукъ издаетъ трава, падая отъ взмаха острой стали, точно прощается съ жизнью. Послѣ, часто, любилъ я, улегшись неподалеку отъ косарей, вслушиваться, закрывъ глаза, въ эту своеобразную, впоследствіи времени музыку. Но ни что не имѣло для меня такой прелести, какъ косовица въ степи, гдѣ, на пространствѣ почти такомъ, сколько хватить глазъ, ни деревца, ни хуторка,—одна высокая золотистая трава, изъ которой мѣстами проскакиваютъ пушистыя метелочки ковыля. Забьешься, бывало, въ эту траву съ разсвѣта, и пролежишь до вечера любуясь степью, косорями и косовицей.

Едва пачнетъ показываться солнце, косари приготовляются къ работѣ. По командѣ отамана, которымъ бываетъ лучший косарь и который обыкновенно идетъ вперед и ведетъ *ручку*, всѣ начинаютъ оттягивать косы. Не слышавши, нельзя вообразить той музыки, какую разливаютъ удары 50—60 молотковъ о звонкую сталь косъ, въ безпредѣльной степи, гдѣ звонъ этотъ не встрѣчаясь на своемъ пути ни съ чѣмъ, чтобы отразило его, долго несется, постепенно слабѣя, и замираетъ наконецъ въ чистомъ воздухѣ. Потомъ, мѣрно, взмахъ за взмахомъ, косы взлетаютъ и падаютъ, оставляя за собою параллельныя покосы. Шабашъ! скажетъ отаманъ; косари идутъ *сидать*, а потомъ снова за косы уже безъ шапокъ, и т. д. до вечера.

Жаръ стоитъ такой, что страхъ! земля трескается... ничего!.. косы звѣнать, и пѣсню кто-нибудь затянетъ, лежишь да слушаешь — не заслушаешься! Приподымешься, оглянешься: тѣнь какая-то бѣжитъ по степи; посмотришь вверхъ—орелъ летитъ, а не то коршунъ вытянется, распластается въ воздухѣ и стоитъ недвижно, шевеля только концами крыльевъ. Прелестъ! Иля бойкій кобчикъ, завидѣвши добычу, стрѣлой летитъ въ вышнѣ... вдругъ кинется къ землѣ, издастъ пронзительный крикъ, и снова, какъ пуля, взвояется подъ небо, перевернется, остановится, задрожитъ—и пропасть! А косы звѣнать, трава плачетъ, поидеть *мара* по степи, неугомонный жаворонокъ, этотъ воздушный колокольчикъ, то уходитъ въ высоту, то пропа-

даетъ въ травѣ. Стихаетъ жаръ, косари принимаются за ужинъ;—настаетъ такая тишина, что уху больно; небо поблѣднѣетъ, на окраинахъ его покажутся розовыя полоски, едва замѣтная сырость пощекочетъ въ носу,—съ юга, что-ли, потянетъ легенькій вѣтерокъ, обдастъ ароматомъ отъ скошенной травы; вскочишь на ноги, оглянешься, помотришь, прищурясь, вдаль, въ синюю глубь безконечнаго пространства, потянешь въ себя этотъ чудный воздухъ, вздохнешь полною грудью, сядешь на коня, который тутъ же, спутанный, ѣлъ траву, и тихо, тихо поѣдешь къ жилью. Совершенно довольный полнымъ ощущеніемъ жизни, съ пріятною истомою ѣдешь, забывая все на свѣтѣ. Какое бы горе ни давило человѣка, на это время, все, кажется, можно забыть: всѣ желанія замолкнуть, ничто не встревожитъ сердца,—и самое неугомонное затихнетъ послѣ такихъ ощущений. Да! дивно необыкновенно успокоительно дѣйствуютъ степи! Мнѣ стало понятно то вдохновеніе, которымъ наполнялись души козаковъ, когда они носились по неизмѣримымъ степямъ. Неудивительно, что Запорожцы, для своего *товариства*, отказывались отъ всѣхъ благъ, предлагаемыхъ домовитою жизнью. Хороша спокойная, семейная жизнь, съ ея тихими радостями и печалями; хороша жена и сестра, еще лучше невѣста и любовница; все это хорошо,—но степи—рай земной!.. Но я ужъ залетѣлъ съ Запорожцами въ рай: возвратимся еще въ *Гарний* хуторъ...

Выйдя на дорогу, что вела въ городъ, я своротилъ влѣво, къ пруду. Небольшой этотъ прудъ мнѣ очень нравился. Правильный кругъ его, съ покатыми зелеными берегами, обсаженный березами и липами, имѣлъ чрезвычайно заманчивую наружность: такъ и хотѣлось войти туда, и полежать на бархатистой травкѣ, въ тѣни старыхъ деревьевъ. Я такъ и сдѣлалъ: улегся, да и сталъ смотрѣть въ воду, въ которой отражалось небо, деревья и моя физиономія. Изрѣдка бросалъ я маленькіе камешки на воду... Кругомъ все было тихо; только, по-временамъ, долеталъ до меня крикъ дѣтей съ хутора, да глупая лягушка отзовется и сдѣлаетъ прыжокъ на водѣ. Солнце начинало садиться, вытягивая свои лучи какъ можно далѣе, и часть пруда усеялась мелкими полосками блѣдно-алаго цвѣта, а верхушки лишь и березъ слегка позолотились. Легкій вѣтерокъ перебѣжалъ по листьямъ, потянулъ мелкою рябью поверхность пруда, и пронесся далѣе. Я всталъ, посмотрѣлъ на Гарный. Въ это время онъ представлялъ самую веселую картину. Маленькій домикъ между тополей,

стройныхъ и высокихъ; передъ нимъ зеленый дворъ съ домашнею птицею, роющеюся въ землѣ, кучки—двѣ дѣтей, сидящихъ и лежащихъ съ поднятыми вверхъ погами; свернувшаяся клубкомъ большая сѣрая собака; дѣвушка, вытаскивающая изъ колодца воду,—все это, точно, замерло, не шевелилось. Съ востока, между-тѣмъ, будто нехотя, выплывалъ огромный красный мѣсяцъ, на смѣну солнца, успѣшаго уже совсѣмъ спрятаться за сосѣднимъ лѣсомъ. Стало довольно свѣжо. Къ хутору подходила *череда*, возвращавшаяся съ пастбы; нѣсколько женщинъ съ дойниками и бѣлыми полотенцами вышли къ ней навстрѣчу; пастухъ, въ изорванныхъ, по-обыкновенію, штанахъ, и свитѣ, въ огромномъ *бриль*, съ сумкою за плечами, лѣнливо шелъ за коровами, подгоняя ихъ разными восклицаніями, изрѣдка помахивая длинною палкою, въ родѣ швейцарской булавы. Телята, почуввъ приближеніе своихъ родителей, разными голосами изъявляли самую непритворную радость, а въ отвѣтъ толстыя ихъ мамы мычали немиле чистосердечно. Пока дошли коровъ, луна поднялась уже аршина на три, стала изъ красной блѣдно-желтой, обѣщая скоро сбросить и эту одежду и остаться въ серебряной. Длинные тѣни, самыми причудливыми фигурами, вытягивалась по землѣ; въ 30 шагахъ трудно уже было узнавать предметы, а вдали, подъ лѣсомъ, стало такъ темно, что страшно было и пойти туда. Маленькая дрожь охватила меня, и я пошелъ къ дому. Вдругъ, изъ-за кухни, голосовъ 20 мужскихъ и женскихъ хватили какую-то хорovou пѣсню. Я сталъ какъ вкопанный. Пѣсня была недлиная, а голоса были такіе звонкіе и пріятные, пѣнье такое согласное, что я готовъ былъ прійти въ отчаяніе, зачѣмъ такъ скоро они перестали пѣть. Но погода не много, три голоса, мужской и два женскихъ—снова заплли. Пѣсня эта уже не была веселая, какъ первая. Медленный жалобный напѣвъ ея напомнилъ мнѣ пѣніе Ондрія. Я подошелъ такъ близко, къ пѣвцамъ, какъ только было можно чтобъ оставаться невидимымъ, сѣлъ подъ дерево и заслушался. Сильный чистый теноръ, съ довольно хорошимъ контръ-альто, пѣли особенно хорошо. Казалось, будто два голоса вылетали изъ одной груди: такъ они спѣлись. Долго они пѣли; я весь погрузился въ слухъ такъ, что когда они перестали, я вздрогнулъ. Хоръ вытягивалъ: *гу-гу...* Эхо подхватило; понеслось окликкомъ между деревьевъ, прозвѣло во всѣхъ концахъ — и затихло. Все снова погрузилось въ тишину. Луна стояла уже очень высоко, серебряная, холодная; тысячи звѣздъ, мелькая, помогали

ей освѣщать успокоившуюся землю. Парубки и дивчата расходились; обрадовавшіяся наступленію ночи, лягушки затянули свою грустно-шутливую пѣсню...

Бувъ—кумъ
Пото—нувъ...
Нумо—плакать,
Нумъ—нумъ.

Ка—па.

1860 годъ.

(Будетъ продолженіе.)

МІНУЛОСЯ.

Защебетавъ соловейко
 Въ садочку на вишні;
 Ходить дівка по садочку —
 Слуха ёго пісні.

И слухае и радіе,
 И сама співає;
 Весело їй дівовати,
 Бо воленьку має:

Вільна слухать соловейка,
 До зіръ придивляється,
 Кого серце забажає —
 Съ тимъ и покохаться.

Закувала возуленька
 На вербі зеленій;
 Вийшла съ хати молодця
 Смутна, не весела.

«Закуй мні, возуленько,
 Чи довго ще жити?
 Чи довго ще на сімъ світі
 Вьянути, тужити?»

Накувала возуленька
 Літь дуже багато;
 Заплакала молодця —
 Смутна пішла въ хату...

Вийшла вона и за того,
 Съ кимъ колись кохалась,
 Съ кимъ слухала соловейка,
 До зіръ придивлялась...

А тепера не до зірокъ,
 Не до соловейка...
 Плаче, слуха якъ на вербі
 Кує возуленька...

Боршполь.

Павлусь.

ДУМКА.

Не так менé правда,
 Якъ думка зсушила,
 Що буцимъ дівчина
 Менé розлюбила;
 Забула, якъ щиро
 Зо мною кохалась;
 Забула, якъ щиро
 Клялась - присягалась.

Охъ, що жъ то за думка,
 Ревнивая думка!
 Що все тамъ літає,
 Де міла витає!..
 Літає и вьєтця,
 И вóрономъ кряче,
 И крушить и сүшить
 Сердєнько козаче...

Гей, думко ти, думко,
 Ревнивая думко!
 Леті жъ ти до неі,
 Дівчини моєі;
 Скажи їй прикази їй—
 Нехай вірно лѣбить;
 Скажи: якъ розлюбить —
 Дві душі загубить!..

В. Ал—овъ.

1861 року.
 Чугуївъ.

ГЕТМАНСТВО ВЫГОВСКАГО.

(Продолженіе).

XI.

Между тѣмъ, произошло слѣдующее: 6 сентября (16 н. с.), подъ Гадячемъ, собрана была рада. Посреди очищеннаго мѣста (майдана) сѣдѣли старшины, полковники, сотники, въ своихъ праздничныхъ нарядахъ, каждый съ своимъ знакомъ. Выговскій, съ булавою въ рукахъ, ввелъ въ собраніе польскихъ комиссаровъ — Бенѣвскаго и Евлашевскаго.

«Войско Запорожское», сказалъ Выговскій комиссарамъ, «изъявляетъ желаніе вѣчнаго мира и соединенія съ Рѣчью Посполитою, если только услышатъ отъ господъ комиссаровъ милостивое слово его королевскаго величества.»

Коммисары поклонились. Бенѣвскій началъ говорить:

«Высочайшее существо, по волѣ своей возвышающее и уничтожающее царства, укоренило въ сердцѣ каждаго изъ насъ врожденную любовь къ отечеству, такъ-что, гдѣ бы кто ни скитался, а всегда хочется ему домой воротиться. Вотъ, я думаю, теперь такъ сдѣлалось съ Запорожскимъ Войскомъ, когда оно именемъ своимъ и своего гетмана обратилось къ его величеству королю Іоанну Казимиру съ желаніемъ вѣрнаго подданства, и просить его покровительства себѣ и всему русскому народу. Это хорошо вы дѣлаете, паны-молодцы: дай Богъ, чтобъ изъ этого вышло счастье для общаго нашего отечества. Вотъ уже десять лѣтъ, какъ, словно двѣ матери за одного ребенка, спорятъ за Украину два народа: Поляки и Москали. Поляки называютъ ее своею собственностію, своимъ порожденіемъ и членомъ, а Москали, пользуясь вашею храбростию и вашимъ оружіемъ, хотятъ завладѣть чужимъ. Трудно намъ удержать одному кому-нибудь за собою одно нераздѣлимое тѣло; мы хотимъ разрубить или разодрать его пополамъ и присвоить себѣ по половинѣ: оттого гибнетъ край вашъ, пустѣютъ поля; сѣетъ Москаль ненависть между вами и нами на плодородныхъ поляхъ Украины, утучняетъ ихъ кровью христіанскою, а врагъ душъ человѣческихъ, чортъ проклятый, нарочно насъ къ тому подзадориваетъ для гибели нашей. — — — Истинно скажу вамъ,

паны-молодцы: божьею благодатию такъ сталося, что мы, сами себя ударивши въ грудь, познали грѣхи наши и отпустили другъ-другу наши вины. Самъ Богъ открылъ вамъ глаза нато, чтобъ сбросить ярмо неволи и возвратиться къ старинной свободѣ. Съ какою отеческою любовію, съ какою радостію вѣнчанный король услышалъ о прибытіи вашихъ по, словъ—этому и я былъ свидѣтель, и они сами тоже вамъ скажутъ. Теперь насъ присылаетъ къ вамъ цѣлая Рѣчь Посполитая,—проситъ она васъ, паны-молодцы, соединиться съ нами, чтобъ вмѣстѣ спастись отечество, вмѣстѣ славы добывать, вмѣстѣ миромъ утѣшаться. Вы теперь попробовали и польскаго и московскаго правленія, отвѣдали и свободы и неволи; говорили: не хороши Поляки; а теперь навѣрное скажете: Москаль еще хуже. Чтò приманило народъ русскій подъ ярмо московское? Вѣра? Не правда: у васъ вѣра греческая, а у Москаля вѣра московская. Правду сказать, Москаля такъ вѣрятъ, какъ царь имъ прикажетъ.⁽¹⁾ Четырехъ патріарховъ святые отцы установили, а царь сдѣлалъ пятого и самъ надъ нимъ старшинствоуетъ; чего соборы вселенскіе не смѣли сдѣлать, то сдѣлалъ царь. Вы своихъ духовныхъ уважаете, а Москаль распоряжается какъ хочетъ духовнымъ управленіемъ: митрополитовъ отрѣшаетъ, какъ съ Пикономъ недавно поступилъ; священниковъ и монаховъ въ неволю беретъ, какъ недавно поступилъ съ отцемъ Платіемъ; достояніе алтарей и храмовъ забираетъ на свои нужды. Это такъ поступаютъ въ духовныхъ дѣлахъ, а въ мірскихъ чтò дѣлается? того подъ польскимъ владычествомъ вы и не слыхивали. Всѣ доходы съ Украины царь беретъ на себя; установили новыя пошлины, учредили кабаки, бѣдному козаку нельзя ужъ водки, меда или пива выпить, а про вино ужъ и не вспомянутъ! Но до чего, паны молодцы, дошла московская жадность? Велятъ вамъ носить московскіе зипуны и обуваться въ московскіе лапти! Вотъ неслыханное тиранство! Чего послѣ этого ждуть? Прежде вы сами старшинъ себѣ выбирали, а теперь Москаль вамъ даетъ кого хочетъ, а кто вамъ угоденъ, а ему не нравится того—прикажетъ извести. И теперь уже вы живете у нихъ въ презрѣніи: они васъ чуть за людей считаютъ, готовы у васъ языки отрѣзать, чтобъ вы не говорили, и глаза вамъ выколотъ,

⁽¹⁾ *Нить необходимости распространяется въ опроверженіяхъ противъ фальшиваго взгляда, умышленно составленнаго, въ этой рѣчи Беневскаго, подъ вліяніемъ національной злобы. Въ-особенности, обвиненіе на Московское правительство относительно Церкви кажутся нелѣпыми. Историческое знаніе у насъ развито настолько, что всѣмъ, безъ-сомнѣнія, известно какъ о единствѣ Греческой и Русской Церкви въ XVII вѣкѣ, такъ и о неизмѣнности ея древнихъ уставовъ и постановленій. Какъ можно было сказать, что цари установили патріаршество вопреки церковному порядку, когда оно было установлено согласіемъ друиныхъ Патріарховъ? Никона также судили не царь, а духовный соборъ.*

чтобъ не смотрѣли . . . да и держать васъ здѣсь только до тѣхъ поръ, поканасъ, Поляковъ, вашу же кровію, завоюють, а послѣ переселятъ васъ за Бѣлоозеро, а Украинну заселятъ своими московскими холопами. Такъ вотъ, пока есть еще время, нечего медлить: спасайте себя; соединяйтесь съ нами; будемъ спасать общую отчизну! И возвратится къ намъ и зацвѣтетъ у насъ свобода; и будутъ красоваться храмы святынею, города богатыми рынками; и народъ украинскій заживетъ въ довольствѣ, спокойно, весело; будетъ земледѣлецъ ухаживать за своею нивою, насичникъ за своими бортями, ремесленникъ за своимъ ремесломъ; убіиства, грабежи, несправедливости будутъ наказываться безъ пощады. Никого не стануть принуждать къ рабству: строгій законъ не допуститъ панамъ своевольствовать надъ подданными. У насъ теперь общее дѣло — мы васъ, а вы насъ отъ бѣды избавимъ; и Богъ будетъ съ нами, а чортъ шею сломитъ! Чего еще медлтъ? Отчизна взываетъ къ вамъ: я васъ родила, а не Москва; я васъ вскормила, взлелѣяла — опомнитесь; будьте истинными дѣтьми матушки, а не выродками!»

— «А що», вскричалъ Выговскій: «чи сподобалась вамъ, панове молодці, радця ёго милости цана комисара?»

«Гарэздъ говорить!» закричали козаки⁽¹⁾.

Выговскій поклонился комиссарамъ и въ кудрявой рѣчи изъявилъ отъ имени всего Запорожскаго Войска благодарность за вниманіе короля.

Послѣ взаимныхъ комплиментовъ и обычныхъ церемоній, гетманъ отобразъ изъ каждаго полка комиссаровъ для заключенія трактата съ польскими комиссарами. Тогда были сочинены и написаны статьи, извѣстныя подъ названіемъ *Гадяцкихъ*. Онѣ касаются четырехъ предметовъ: государственнаго значенія Украины, внутренняго порядка, вѣры и просвѣщенія.

Украина — т. е. землѣ, заключавшія тогдашнія воеводства черниговское, кievское и брацлавское (нынѣшнія губерніи: полтавскую, черниговскую, кievскую, восточную часть волынской и южную половину подольской) — объявлялась вольною и независимою странюю, соединенною съ Польшею подъ именемъ Великаго Княжества Русскаго, на правахъ Великаго Княжества Литовскаго, такъ что Рѣчь-Посполитая должна была образовать союзъ равныхъ между собою и одинаково свободныхъ республикъ — польской, литовской и русской, подъ управленіемъ короля, избранныя тремя соединенными народами. Всѣ три народа должны были общими усиліями завладѣть берегами Чернаго моря и открыть по немъ свободную навигацію; всѣ три народа должны помогать другъ другу

(1) *Annal. Polon. Clim. I, 311 — 316. Hist. pan. J. Kazim., I, 360 — 336.*

въ войнахъ, не исключая войны съ Московіею, въ случаѣ, если царь московскій откажется воротить принадлежавшія Рѣчи-Посполитой земли. Въ случаѣ соединенія Московіи съ Польшею, договоръ о цѣлости Великаго Княжества Русскаго, со всею его устроившемъ, долженъ былъ сдѣлаться кореннымъ закономъ, и тогда Царство Московское вошло бы въ этотъ союзъ славянскихъ народовъ, какъ четвертое соединенное государство. Великое Княжество Русское отказывалось отъ всякаго особаго сношенія съ иностранными державами.

Внутри Великаго Княжества Русскаго все должно было носить видъ самобытнаго государства. Верховная законодательная власть должна истекать изъ національнаго собранія депутатовъ, избранныхъ жителями трехъ воеводствъ, вошедшихъ въ великое княжество русское; исполнительная должна находиться въ рукахъ гетмана, избраннаго пожизненно вольными голосами сословій и утвержденнаго королемъ. Гетманъ вмѣстѣ былъ верховнымъ сенаторомъ трехъ воеводствъ и гражданскимъ правителемъ великаго княжества русскаго. Великое княжество русское должно имѣть свой верховный трибуналъ, куда будутъ поступать для рѣшенія дѣлъ изъ низшихъ судебныхъ инстанцій и производиться на русскомъ языкѣ; свое государственное казначейство, куда единственно могли поступать все доходы и поборы съ украинскаго народа и обращаться единственно на потребности великаго княжества русскаго; своихъ государственныхъ сановниковъ или министровъ, канцлеровъ, маршаловъ, подскарбіевъ (министровъ финансовъ) и другихъ, какіе онажутся нужными; свою монету и свое войско, которое должно будетъ состоять изъ тридцати тысячъ или болѣе (по усмотрѣнію) козаковъ и десяти тысячъ регулярнаго войска; какъ то, такъ и другое, должно состоять подъ командою русскаго гетмана, и никакое другое войско не могло быть вволяемо въ княжество безъ дозволенія русскаго правительства, а еслибъ представилась для этого крайняя необходимость: то оно должно состоять подъ командою гетмана. Владѣльцы получали свои права не иначе какъ съ дозволенія гетмана. Въ договорѣ не было написано правильныхъ условій относительно правъ владѣльцевъ на тѣхъ, которые будутъ жить на ихъ земляхъ, кромѣ того что воспрещалось владѣльцамъ держать подлѣ себя надворныя команды. Въ числѣ статей относительно внутренняго порядка возникающаго великаго княжества замѣчательно то, что гетманъ во всякое время могъ представлять королю козаковъ для возведенія ихъ въ шляхетское достоинство, съ условіемъ, чтобъ изъ каждаго полка число кандидатовъ не превышало ста человекъ. Изъ этого видно, что

у составителей договора было намѣреніе возвысить все козацкое сословіе и уравнить его съ шляхетскимъ, но постепенно. Это возведеніе, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, могло коснуться со времени и посольства, ибо козаки попожнялись изъ посполитыхъ. Но мѣръ того какъ козаки будутъ получать дворянское достоинство, на ихъ мѣста будутъ поступать въ козаки изъ посполитыхъ.

Относительно вѣры, положено было Унію, какъ вѣру произведшую раздоръ, совершенно уничтожить, не только въ краѣ, который входилъ въ новое государство, но и въ остальныхъ соединенныхъ республикахъ польской и литовской, такъ что въ Рѣчи-Посполитой должны быть двѣ господствующія вѣры: греко-каволическая и римско-католическая. Духовенство восточной вѣры оставалось съ правами своей юрисдикціи, имѣнія его были неприкосновенны; всѣ церкви, отобранныя католиками униатами, возвращались православнымъ; повсюду дозволялось строить новые храмы, монастыри, духовныя школы и богадѣльни, прекращалось всякое стѣсненіе вѣроисповѣданія, и въ знакъ почести, митрополитъ и пять православныхъ епископовъ: луцкій, львовскій, черемышльскій, хелмскій и мстиславскій — должны были занять мѣста въ сенатѣ наравнѣ съ римскими епископами.

Составители договора не позабыли просвѣщенія. Положено было въ великомъ княжествѣ русскомъ завести двѣ академіи съ университетскими правами: первая была кievская коллегія, долженствовавшая сдѣлаться университетомъ; вторую слѣдовало основать въ другомъ мѣстѣ, какое признается удобнымъ. Профессора и студенты должны будутъ отрекаться отъ всякой ереси и не принадлежать къ протестантскимъ сектамъ — аrianской, лютеранской и калвинской. Кромѣ этихъ двухъ академій должны быть учреждены училища въ разныхъ мѣстахъ Великаго Княжества Русскаго, смотря по потребности, безъ ограниченія ихъ числомъ. Позволялось каждому, кому угодно, вездѣ заводить типографіи: объявлялось совершенно вольное книгопечатаніе, даже и относительно вѣры можно было писать всякія возраженія и мнѣнія безпрепятственно.

При составленіи договора уничтоженіе уніи было щекотливымъ вопросомъ. Въ тайной инструкціи, данной посламъ, поручалось имъ сколько возможно отстаивать унію и меньше давать силы православному побужденію противъ нея. Послы должны были обходить вопросъ объ уніи, указывать козакамъ, что это дѣло можетъ разсматриваться только на всеобщемъ съѣздѣ духовенства, и что этотъ съѣздъ непременно состоится по волѣ короля и за ручательствомъ Рѣчи-Посполитой. Такъ-какъ виѣ-

стѣ съ вопросомъ объ уніи связывалась отдача церковныхъ имѣній, то комиссарамъ въ тайной инструкціи предписывалось всѣми силами стараться не отдавать имѣній, перешедшихъ въ уніатскія руки, и только въ крайнемъ случаѣ позволялось согласиться на отдачу такихъ имѣній, которыя, по ясному праву, окажутся принадлежащими дисунитамъ; а коль скоро возникъ бы споръ о принадлежности имѣній уніатамъ либо дисунитамъ, тогда такія имѣнія должны оставаться въ рукахъ дѣйствительно владѣющихъ ими въ настоящее время. Комиссары должны были доказывать, что несправедливо будетъ, не выслушавъ голоса той стороны, которая уже пользуется имѣніями, отнимать у нея то, что она давно привыкла считать своимъ достояніемъ. Очевидно здѣсь скрывалась цѣль—никогда не отдавать требуемыхъ имѣній: сторонѣ, владѣющей такимъ имѣніемъ, стоило только подать просьбу въ судъ, дѣло затянется, и православная сторона, съ своимъ правомъ на возвратъ своего имѣнія, никогда бы его не получила въ самомъ дѣлѣ. Условіе—оставлять имѣнія въ рукахъ настоящихъ владѣльцевъ, если они станутъ защищать свое владѣніе судебнымъ порядкомъ, поворачивало весь вопросъ въ пользу уніатской стороны; это было даже высказано въ тайной инструкціи, такимъ выраженіемъ: проволочка времени можетъ помочь намъ. Комиссары никакъ не должны были соглашаться на совершенное уничтоженіе уніи; даже уступать православнымъ право признавать собственностью своей церкви духовныя имѣнія и отыскивать ихъ, комиссары могли не иначе, какъ съ условіемъ, что козаки отъ себя пошлютъ посольство къ папѣ и станутъ просить его содѣйствовать къ утвержденію всеобщаго религіознаго согласія въ Рѣчи-Посполитой. Послы должны были дѣйствовать какъ можно хитрѣе съ козаками (*utendum est artificii*) (1). Но унія была такъ ненавистна, что едва комиссары заговорили объ этомъ предметѣ, тотчасъ увидали, что нѣтъ никакой возможности согласиться съ русскими, какъ пожертвовавъ уніею. И они взяли на свою отвѣтственность это важное дѣло.

При чтеніи договора на радѣ, вѣроятно собранной изъ немногихъ, ибо простые козаки по большей части не знали ничего о томъ, что происходило, — по извѣстію современника — поднялись возраженія и требованія чрезвычайно разнообразныя и до того запутанныя, что козаки сами не понимали, чего хотѣли, такъ, что одинъ и тотъ же предъявлялъ требованіе, а чрезъ нѣсколько минутъ измѣнялъ свое мнѣніе и требовалъ

(1) См. *Gradus ad action*. II. Публ. Библ., польск. рукоп. № 15.

противнаго. Только одно требованіе было ясно и упорно высказываемо: русскіе хотѣли расширить объемъ своего княжества и присоединить къ нему воеводства волынское, подольское, русское, бельзское (т. е. остальные части нынѣшнихъ губерній волынской и подольской), и Червоную-Русь, — страны, гдѣ народъ говорилъ южнорусскимъ языкомъ и гдѣ правила прежде русскіе князья. Коммиссары спорили упорно; дѣло начало-было расходиться, но Выговскій и его приверженцы кое-какъ успокоили волненіе. По извѣстію современниковъ, всѣхъ болѣе оказалъ тогда вліянія Тетеря. Его престонародныя выходки, говоритъ современный писатель, болѣе подействовали на козаковъ, чѣмъ философскіе аргументы другихъ (¹).

»Эй!« кричалъ онъ весело: *згодімося, панове молодці, зъ Ляхами — більшь будемо мати; покірливе телятко дві матері сесть!*»

Старшины начали вторить этому замѣчанію, и толпа, указывая пальцами на Тетеря, закричала:

»Оттой всю правду сказавъ! Зіода! зіода! зода!«

Коммиссары, отпраздновавши мировую съ козаками — ѣдою и питьемъ, уѣхали къ королю съ радостною вѣстью объ успѣхѣ, обдаренные старшинами, и долго слышали они за собою пушечную пальбу, «возвѣщавшую,» говоритъ современникъ, «примиреніе съ Поляками, какъ еще недавно она возвѣщала о непримиримой къ нимъ ненависти.» Выговскій увѣрялъ козаковъ, что по этому договору всѣ они будутъ произведены въ шляхетство (дворянство) (²).

На возвратномъ пути послы встрѣтились съ Кикинымъ, который ѣхалъ на Лохвицу, чтобъ повернуть другимъ путемъ назадъ къ московской границѣ. Пословъ провожали Тетеря и зсаулъ Ковалевскій, недавно еще передъ Кикинымъ поносившій постулки гетмана, а теперь отпавшійся вмѣстѣ съ Тетерею, котораго обвинялъ въ предательствѣ, посломъ къ польскому королю съ засвидѣтельствомъ ему покорности. Сошедшись съ однимъ шляхтичемъ, Москаль всѣми силами хотѣлъ допытаться, отъ кого и съ чѣмъ пріѣзжало посольство это, но шляхтичъ увѣрялъ его, что самъ онъ ничего не знаетъ.

(¹) См. Гадяцк. Ком., Ист. Малор. Марк. III. 159. 172.—Ann. Polon. Cl. II, 316-317.—Лѣт. малор.—Hist. ad exc. Vlad. IV, 419.—Лѣт. Велич. I, 335-337.—Hist. pan. Jan. Kaz. I, 361-365.—Кр. опис. о коз. мал. нар., 83-89.—Лѣт. пов. о Мал. Рос., II. 7.—Jerl. II, 17-30. Списки въ дѣлахъ Архива Иностр. Дѣлъ, и въ Архивѣ Синодскомъ.

(²) Ann. Pol. Cl., II, 317-318.—Hist. pan. Jan. Kaz., 365.—Wojna dom., ч. II, 273.

Выговскій двинулся къ границамъ, вошелъ въ московскіе предѣлы, сталъ подъ городомъ Каменнымъ и отправилъ къ воеводамъ требованіе, чтобъ ему выдали бунтовщиковъ, которые скрываются въ пограничныхъ московскихъ городахъ. У путивльскаго воеводы онъ домогался возвращенія своихъ враговъ, братьевъ Залогъ и показывалъ видъ, что стоитъ, дожидаясь возвращенія Кикина изъ Москвы, который долженъ былъ привезти рѣшительный отвѣтъ. Въ случаѣ неудовлетворенія, гетманъ грозилъ нападать на великорусскіе города и вести войну. Нѣкоторые изъ его приближенныхъ совѣтовали немедля идти войной прямо на Бѣлгородъ, а оттуда на Путивль, но большинство было противъ этого, въ особенности послѣ первыхъ неудачныхъ попытокъ: въ концѣ сентября козаки напали-было на городки Каменное и Олешню, но великорусскіе ратные люди отразили ихъ съ уропомъ. Изъ Глухова партіи козаковъ наскакивали на великорусскія сосѣднія деревни, но были также отбиты.

Между тѣмъ, Татары, скучая ожиданіемъ войны, разсыпались по малороссійскимъ селеніямъ, грабили и брали въ плѣнъ людей и гоняли ихъ въ Крымъ. Поднялись жалобы.

«Что же мы здѣсь стоимъ?» кричали казаки въ обозѣ: «дома у насъ татары женъ уводятъ!»

И козаки стали толпами расходиться назадъ. Гетманъ не могъ удержатъ волненія, созвалъ къ себѣ мурзъ и говорилъ имъ:

«Мы призвали васъ усмирить бунтовщиковъ, а не для того, чтобъ невинныхъ убивать и загонять въ плѣнъ. Если вы будете такъ поступать съ нашими, то вамъ не отойти отъ насъ въ добромъ здоровьи.»

Чтобъ не навлечь на себя возстанія, гетманъ отступилъ къ Веприку въ предѣлы Малороссіи; онъ былъ принужденъ дозволить козакамъ бить Татаръ, если тѣ будутъ своевольничать. Тогда Татары стали уходить и пошли за рѣку Псѣлъ; козаки гонялись за ними; съ каждымъ днемъ обозъ пустѣлъ. Воевать съ великороссіянами вовсе не было охоты въ массѣ, а между тѣмъ нападенія нѣкоторыхъ шакъ на Каменное и Олешню вызвали то, что Великороссіяне, собравшись шайками, вторгнулись въ Украину, стали жечь селенія и бить Малороссіянъ. Вдобавокъ, Сербы, бывшіе также въ войскѣ Выговскаго, дозволяли себѣ надъ Малороссіянами всякаго рода своевольства и нестательства. Козаки, слыша, что и Татары, и Москали и Сербы распоряжаются у нихъ дома, когда сами они въ чужой землѣ, бѣжали изъ табора безъ удержа. Полковники стали роптать на гетмана и другъ на друга. Даже тѣ, которые были сильными не-

другами московскаго владычества, и тѣ поднялся на гетмана. Гуляницкій упрекалъ его, зачѣмъ онъ вошелъ прежде времени въ царскую землю и раздражаетъ москалей.

»Да не ты ли первый пуше другихъ меня на эту войну поджигалъ?« говорилъ ему гетманъ.

Въ радѣ учинилась ссора и безадица; толковали и такъ и иначе; осмотрѣлись, что сдѣлали клячь къ войнѣ слишкомъ торопливо и неразумительно. Царскаго посланника не было обратно. Выговскій надѣялся, что испугаетъ московское правительство рѣшительными выходками, ожидалъ, что тотъ же дьякъ Кикинъ опять пріѣдетъ съ рѣчами, пріятными для козацкаго самолюбія и уже приказывалъ готовить встрѣчу желанному послу. Но наступалъ октябрь, приближались осенніе дожди, — время неудобное для походовъ въ чужой землѣ. Великоруссы, которые безпрестанно ѣздили отъ путивльскихъ воеводъ въ козацкій обозъ и обратно, пугали козаковъ тѣмъ, что въ Сѣвскѣ собирается большое войско. Гетманъ, побуждаемый всеобщимъ ропотомъ, долженъ былъ возвратиться, не дождавшись посла и не показавши Москалямъ силы своего оружія.

8 октября гетманъ написалъ письмо къ путивльскому воеводѣ князю Григорію Долгорукову изъ табора подъ Богачкою, за пятнадцать верстъ отъ Днѣпра.

»Всегда я служилъ его царскому величеству вѣрно, и теперь ничего злого не замышляю, и хоть мы съ войскомъ своимъ двинулись, а вовсе не думаемъ наступать на города его царскаго величества; я только хотѣлъ усмирить домашнее своевольство, и теперь, усмиривъ его, мы возвращаемся домой, надѣясь на милость его царскаго величества, уповая, что онъ, православный государь, не допуститъ проливаться христіанской крови. Только то насъ удивляетъ, что бояринъ Шереметевъ поступаетъ по непріятельски съ Малою Россією, посылаетъ на козаковъ своихъ ратныхъ людей, а тѣ, обнадеживаемые государевою милостью, убиваютъ и въ неволю берутъ людей по нашимъ городамъ и деревнямъ.«

Долгорукій въ письмѣ своемъ упрекалъ его въ томъ, что онъ задерживалъ Портомоина и Тюлюбаева и посадилъ ихъ въ тюрьму. Выговскій отвѣчалъ: »Все это несправедливый извѣтъ на меня сложили; я ихъ не задерживалъ, а они сами по своей волѣ остались: боятся проѣзду отъ своевольниковъ; въ тюрьму никто ихъ не сажалъ: они ходили и ходятъ себѣ на волѣ; а какъ я въ Чигиринъ пріѣду, тотчасъ и отпущу ихъ съ честію къ его царскому величеству.«

Козацкое войско отступило.

XII.

Вмѣсто царскаго посла, ожидаемаго Выговскимъ съ милостивымъ словомъ и съ удовлетвореніемъ его требованій, явилась грозная царская печатная грамота отъ 24 сентября; она была направлена ко всемъ Малороссіянамъ, но преимущественно къ козакамъ полтавскаго полка, какъ къ прежнимъ противникамъ Выговскаго. Въ ней были перечислены преступленія Выговскаго противъ царя, не одобрялось то, что онъ нападалъ на Пушкаря съ Татарами, не дождавшись великороссійскихъ войскъ, тогда какъ самъ же онъ просилъ прислать войска; признавались явною измѣною противъ власти его поступки: задержаніе Портомоина и Тюлюбаева, нападеніе на Кіевъ, послѣднее объявленіе Кикину о рѣшимости идти съ оружіемъ на Ромодановскаго и выдумка, будто бы у московскаго правительства есть намѣреніе побить всю старшину и уничтожить козаковъ. Царь оправдывалъ свое правительство въ томъ, что Пушкарю не было подано помочи: оно должно же было довѣрять гетману, избранному народомъ. Въ заключеніе, гетманъ объявлялся измѣнникомъ и клятвopреступникомъ, и Малороссіяне призывались къ соединенію съ великорусскими воеводами и ратными людьми и къ совмѣстному дѣйствию противъ Выговскаго для сверженія его и для избранія новаго гетмана.

Быстро ожила придушенная пушкаревская партія. Полтава провозгласила полковникомъ Пушкарева сына, Киряка; въ другіе полки изъ Полтавы расходились увѣщанія — отторгнуться отъ власти гетмана; явились на воляхъ Донецъ и Довгаль и другіе, которыхъ прежде московское правительство держало подъ стражею, какъ мятежниковъ, а теперь считало защитниками правой стороны. Товарищъ и другъ Пушкаря, Искра, задержанный въ послѣднее время въ Москвѣ, какъ его посланецъ, былъ знакомъ московскимъ боирамъ еще прежде, при Хмельницкомъ; теперь его не только отпустили съ честью, но подали ему надежду сдѣлаться гетманомъ. Онъ прибылъ въ полтавскій полкъ; около него составила партія и провозгласила его гетманомъ. Искра разослалъ универсалы и требовалъ себѣ покорности. Своевольства, которыя терпѣлъ народъ въ послѣднее время, когда войско пребывало въ восточной Украинѣ, озлобили народъ еще пуще противъ гетмана. Кличъ новаго предводителя находилъ себѣ отзывъ въ массѣ. Разогнанные голики стали собираться; опять составилъ полкъ *дейнековъ*, готовыхъ служить воеводамъ, въ надеждѣ грабежа и своевольства.

Гетманъ пріѣхалъ въ Чигиринь. За нимъ привезли Барабаша въ оковахъ; Выговскій не казнилъ его: онъ какъ-будто тѣшилъ его страданіями и униженіемъ. Узнавъ о томъ, что дѣлалось по слѣдамъ его въ полтавскомъ полку, онъ написалъ 17 октября путивльскому воеводѣ, выхваляя свою умѣренность, какую онъ показалъ недавно, отступивши назадъ отъ границъ Московіи, представляя, что, не дождавшись дьяка Василья Михайлова, подозрѣваетъ, что этотъ дьякъ оговорилъ его передъ царемъ, и упрекалъ правительство, зачѣмъ оно допускаетъ какому-то Искрѣ называться гетманомъ. Задержанныхъ посланцевъ онъ не сталъ болѣе удерживать: 18 октября Портомоинъ былъ освобожденъ изъ-подъ стражи и призванъ къ гетману. Выговскій вручилъ ему листъ къ царю Алексѣю Михайловичу. Въ этомъ листѣ гетманъ жаловался, что царь выдалъ противъ него печатную грамату, гдѣ объявлялъ его измѣнникомъ, гдѣ будто-бы обвинялъ его въ намѣреніи вводить латинскую вѣру (этого въ грамотѣ и нѣтъ); онъ увѣрялъ въ своей вѣрности царю, просилъ не посылать войскъ. Гетманъ сказалъ Портомоину:

— Мнѣ теперь подлинно стало извѣстно, что тѣ бунтовщики, которые посланы были въ Москву отъ Пушкаря и Барабаша, пожалованы государевымъ жалованьемъ, ихъ подѣлали и гетманами и полковниками, и дали имъ знамена, литавры, трубы, и съ честію на свободу ихъ отпустили изъ Москвы. Бояре и воеводы готовятся на меня идти съ ратными людьми, по наговору Пушкаревыхъ и Барабашевыхъ пословъ, за то, что будто я съ войскомъ и съ Татарами ходилъ на украинные города великаго государя; а я ходилъ вовсе не для разоренія государевыхъ городовъ, но для усмиренія своевольниковъ, и не сдѣлалъ ничего дурнаго государевымъ людямъ. Какъ прежде я служилъ вѣрно великому государю, такъ и теперь вѣрно служу ему. Пусть же государь окажетъ намъ всею свою государскую мпость, пусть не посылаетъ бояръ и воеводъ своихъ съ ратными людьми войною на насъ, пусть пришлетъ къ намъ по договору своихъ ближнихъ людей, чтобы мы съ ними постановили статьи; а если государь не изволитъ этого учинить и пошлетъ на насъ ратныхъ людей, то мы будемъ стоять противъ нихъ и станемъ съ ними биться, и будутъ помогать намъ польскіе, шведскіе, волошскіе ратные люди, и Татары крымскіе придутъ, а турецкій султанъ давно уже пишетъ ко мнѣ о соединеніи и даетъ ратныхъ людей на помощь. Повсюду, гдѣ только можно найти ратныхъ людей, нарочно разошлю своихъ станичниковъ, чтобы ко мнѣ собирались поскорѣе. Теперь однако еще не стану воевать и пошлю къ государю своихъ пословъ.

— Я сидѣлъ въ неволю, — сказалъ Портомоинъ, — и мнѣ ничего неизвѣстно; а что ты, гетманъ, говоришь, все это я передамъ его царскому величеству.

— Вслѣдъ за тобою, — продолжалъ Выговскій, — я отпущу и Тюлюбаева и всѣхъ прочихъ московскихъ людей, задержанныхъ здѣсь, а самъ пойду подъ Кіевъ, Кіева добывать... на разговоръ подъ Кіевъ пойду! прибавилъ онъ засмѣявшись.

Провожаемый такими угрозами, выѣхалъ Портомоинъ изъ Чигирина, но во время дороги скоро испыталъ, что эти угрозы на самомъ дѣлѣ очень страшны. Народъ говорилъ ему:

— Какъ гетманъ ходилъ съ войскомъ на границу, тогда много селъ и городовъ разорили козаки, а Татары увели много полону въ Крымъ. Теперь, говорятъ, еще царскіе воеводы придутъ насъ разорять; но мы съ государевыми ратными людьми биться не станемъ; за одно съ ними пойдемъ противъ гетмана.

Дѣйствительно, Выговскій намѣревался сдѣлать другое покушеніе на Кіевъ. Когда онъ возвратился въ Чигиринъ, то узналъ о непріязненныхъ для него поступкахъ Шереметева: отрядъ ратныхъ людей, по приказанію кіевскаго воеводы, отправился на Бѣлую Церковь; бѣлоцерковскіе козаки вступили съ ними въ бой и были разбиты; самъ полковникъ взятъ въ плѣнъ. Въ Кіевѣ совершено было нѣсколько казней. Гетманъ, распустивъ своихъ полковниковъ, приказалъ имъ собирать полковые рады и уговорить козаковъ добывать Кіевъ. Но на этихъ радахъ чернь не показывала большой охоты, и нѣкоторые полковники извѣстили гетмана, что вообще, какъ они замѣтили, на своихъ надежда слаба: остается надѣяться на крымскаго хана да на его татаръ. Въ Путивлѣ и пограничныхъ городахъ сильно тревожились; разнеслись слухи, что гетманъ приступилъ къ Кіеву; Шереметевъ былъ отрѣзанъ, невозможно было достать вѣстей, всюду были перехвачены пути; появится какой нибудь Москаль въ Украинѣ, — его тотчасъ задержать или даже убьютъ. Изъ Путивля какой-то молодецъ Малороссійинишъ взялся провезти въ Кіевъ записку, зашивши ее въ рубаху: это показываетъ, какъ опасно и трудно было тогда проѣзжать черезъ край нескончаемыхъ мятежей и безпокойствъ. Молодецъ не воротился. Другой вмѣсто его неожиданно, для путивльскихъ воеводъ, явился вѣстовщикомъ изъ Кіева: это былъ племянникъ нѣжинскаго протопопа Максима Филимонова, равностнаго сторонника Москвы. Узнавши, что на Шереметева собирается новая гроза, протопопъ составилъ для племянника проѣзжую память, укрѣпилъ ее гетманскою пе-

чатку, снятою съ какой-то гетманской грамоты, и съ этимъ фальшивымъ документомъ отправилъ его будто бы въ Чигиринъ. Онъ ѣхалъ черезъ Кіевъ какъ бы проѣздомъ, видѣлся съ Шереметевымъ, взялъ отъ него письмо къ Ромодановскому, и такимъ же образомъ пробрался черезъ Малороссію въ Путивль. Оттуда воевода благополучно доставилъ его въ Москву, и это побудило правительство послать скорѣе Ромодановскаго въ Украинну.

Выговскій готовился къ рѣшительнымъ непріязненнымъ дѣйствіямъ, а все еще продолжалъ увѣрять московское правительство въ своей вѣрности и желаніи признавать царя своимъ государемъ. Письма за письмами посылались въ Москву; главнымъ виновникомъ за признавался Шереметевъ: обвинялся онъ въ томъ, что разоряетъ украинскія села и деревни, губитъ народъ, кровь проливаетъ. Старикъ Евстафій, отецъ гетмана, писалъ къ другу своему Бутурлину (съ которымъ такъ подружился въ Кіевѣ, что даже называлъ его нареченнымъ сыномъ), что еслибъ Бутурлинъ оставался воеводою, то и никакихъ смуть не было бы; все приписывалось поступкамъ Шереметева да Ромодановскаго. »Сынъ мой«, выражался онъ, »какъ присягалъ, такъ и сохранить свою присягу хочеть и остаться неизмѣннымъ подданнымъ и слугою его царскаго величества; не былъ онъ измѣнникомъ и не будетъ. Но панъ Шереметевъ и панъ Ромодановскій не обращаютъ вниманія на его заслуги; они хотѣли его убить, — намъ сообщали это павѣстіе вани же милости Москали; потому-то сынъ мой и братъ вашей милости долженъ поневолѣ промышлять, какъ охранить свою жизнь. Шереметевъ свитые монастыри ни во что обратилъ, иноки выгнанные скитаются по чужимъ городамъ и по пустынямъ, слугѣ вашей милости Левку велѣлъ Шереметевъ голову срубить, а меня принудилъ ѣхать изъ Кіева въ Чигиринъ.«

Въ одно и тоже время, Выговскій, съ одной стороны, чрезъ полковниковъ возбуждалъ козаковъ на Кіевъ и посылалъ Гуляницкаго съ полками отражать войска, если они выйдутъ; съ другой стороны писалъ универсалы народу, гдѣ запрещалъ оказывать непріязнь къ великорусскимъ войскамъ. Съ московской стороны стали обращаться съ ними подобнымъ же оружіемъ. Выговскій получилъ грамоту, гдѣ было сказано, что если онъ перестанетъ проливать кровь, то ему простятся все вины и будутъ его держать въ милости, со всемъ запорожскимъ войскомъ. Въ то же время данъ былъ указъ Ромодановскому войти въ Малороссію, а путивльскіе воеводы по царскому повелѣнію приказали

страпчему Григорію Касогову иди съ отрядомъ на помощь полтавской партіи, вооружившейся противъ гетмана.

ХІІІ.

Въ началѣ ноября, Ромодановскій вступилъ въ Малороссію съ войскомъ и распустилъ въ народѣ пространный универсалъ: въ немъ ⁽¹⁾ исчислялись преступленія Выговскаго, какъ и въ прежней грамотѣ, данной полтавскому полку, опровергались клеветы, распущенные имъ и его сторонниками, будто царь хочетъ уничтожить козачество, затрогивались интересы и народа: указывалось, что по статьямъ гетмана Хмельницкаго, изъ доходовъ, собираемыхъ въ Малороссіи, слѣдовало давать жалованье козакамъ, а Выговскій не давалъ его и присвоивалъ себѣ доходы, платилъ изъ нихъ иноземному войску, которое держалъ такимъ образомъ на счетъ малороссійскаго народа, для его отягощенія. Народъ малороссійскій приглашался содѣйствовать великороссійскому войску и доставлять ему продовольствіе. По смыслу этихъ статей, какъ-бы цѣлому народу отдавалось на судъ недоразумѣніе, возникшее между московскимъ правительствомъ и гетманомъ.

Съ своей стороны и Выговскій распустилъ въ народѣ универсалъ въ полтавскій полкъ, убѣждалъ казаковъ оставаться ему покорными и стоять противъ непріятели, то-есть великорусскихъ войскъ: »а въ противномъ случаѣ, »выражался онъ, «намъ ничего инаго не приведется учинить, какъ освидѣтельствовавшися милостивымъ Богомъ, со всѣмъ войскомъ запорожскимъ объявить вашу злобу всему свѣту.»

Пришествіе Ромодановскаго было сигналомъ для Пушкаренковой партіи. Она ожила. По призыву Ромодановскаго, къ войску его начала собираться разогнанная гюлта, почувывая грабежъ; опять составился полкъ дейнековъ. Миргородскій полкъ первый долженъ былъ испытать казнь, которая готовилась Украинѣ. Великорусскіе ратные люди и дейнеки вторгнулись въ Миргородъ и ограбили его такъ, что жители, по извѣстію лѣтописца, остались совершенно голыми. Степанъ Довгаль сдѣлался опять полковникомъ. Оттуда ополченіе двинулось къ Лубнамъ. Швеци не въ состояніи былъ защищаться, собралъ казаковъ и заранѣе вышелъ; состоятельные люди съ своими пожитками бѣжали во всѣ стороны.

(1) Собр. госуд. грамотъ, IV, № 13.

Только бѣдняки остались въ Лубнахъ и пристали къ дейнекамъ. Ратные люди и дейнеки сожгли Лубны и ограбили мгарскій монастырь, гдѣ нашли деньги, замурованные въ стѣнѣ, по обычаю того времени; князь Ромодановскій едва удержалъ толпу отъ конечнаго разоренія обители. Изъ Лубень ополченіе двинулось далѣе, разорило Чорнухи, Горошинъ, Шпрятинъ; подъ Варвою имѣло незначительную стычку съ Гуляницкимъ. Потомъ князь расположился съ войскомъ подъ Лохвицею на зимнія квартиры. Дейнеки бродили по лѣвобережной Украинѣ, грабили зажиточныхъ, сожигали ихъ дома....

Лохвицкій лагерь князя Ромодановскаго началъ наполняться и великорусскими ратными людьми, и козаками. Прибыли князь Куракинъ, князь Семень Пожарскій и Львовъ. Чѣмъ болѣе вѣсть о договорѣ съ Польшею разносилась въ народѣ, тѣмъ охотнѣе простаки, отвращаясь отъ мысли побрататься съ Ляхами, бѣжали къ великороссійскому войску. Къ Ромодановскому явился генеральный судья Безпалый, недавно назначенный въ эту должность. Князь собралъ горсть вѣрныхъ царю козаковъ и предложилъ избрать гетмана; они выбрали Безпалаго (1). Новый гетманъ утвердилъ свое пребываніе въ Ромнѣ. вмѣстѣ съ нимъ назначенъ генеральнымъ зсауломъ Воронокъ (2). Вѣроятно тогда же были избраны новые полковники. вмѣсто отпавшихъ отъ царя приверженцевъ Выговскаго: вмѣсто Швеца избранъ былъ Терещенко (3); у полтавцевъ не долго былъ на полковничьемъ урядѣ Кирякъ Пушкаренко: они избрали Осдора Жученка (4). Въ Украинѣ образовалось два управленія и два гетмана. Но не хотѣлъ сложить съ себя достоинства и третій, — Искра, бунчуковый товарищъ полтавскаго полка. Онъ писалъ въ Москву, ссылался на то, что ему указали гетманское достоинство еще въ Москвѣ, увѣрялъ, что народъ стоитъ за него. Правительство не нашлось сдѣлать ничего лучше, какъ поручить самому Ромодановскому утвердить, по своему усмотрѣнію, кого-нибудь изъ двухъ. Искра явился въ Гадячъ, называлъ себя гетманомъ, собиралъ около себя посполство, и готовился свергнуть и Выговскаго и Безпалаго. По зову Ромодановскаго, 10 января онъ отправился къ Лохвицѣ, и «такъ», говоритъ лѣтописецъ, «былъ упоенъ мыслью о предстоящемъ гетманствѣ, что не побоялся идти въ сопровожденіи незначительнаго отряда, хотя повсей лѣвобережной Украинѣ отряды партіи Выговскаго сражались съ *дейнеками*. За семь верстѣ

(1) Лѣт. Велич. I, 339 — 340. (2) Лѣт. пов. о Мал. Рос. II, 9.

(3) Лѣт. Велич. I, 405. (4) Ист. Мал. Рос. II, прим. 14.

отъ Лохвицы, на Искру напали чигиринскіе козаки подъ начальствомъ Скоробагатенка. Искра напрасно просилъ помощи у князя чрезъ гонцовъ. Ромодановскій отговаривался ночнымъ временемъ и послалъ отрядъ тогда уже, когда этотъ отрядъ могъ увидѣть одни трупы. »Угасла искра, готовая блеснуть!« говорили украинцы. Ромодановскій избавился отъ необходимости выбирать одного изъ двухъ ⁽¹⁾. Но въ концѣ января, какъ кажется, Ромодановскаго не было уже въ Лохвицѣ: является тамъ главнымъ начальникомъ одинъ князь Федоръ Куракинъ.

Такими стычками ограничивались военныя дѣйствія. Выговскій долго не трогался. Онъ не довѣрялъ своимъ козакамъ, видѣлъ повсемѣстное колебаніе и надѣялся на помощь отъ Крыма и Польши, а между тѣмъ составлялъ наемную дружину изъ Сербовъ, Волоховъ, Нѣмцевъ и Поляковъ: послѣднихъ пришло къ нему три тысячи подъ начальствомъ Юрія Потоцкаго и Яблоновскаго, да два драгунскихъ полка подъ командой Лончинскаго ⁽²⁾. Съ одной стороны онъ выжидалъ, какъ приняты будутъ въ Варшавѣ статьи, постановленныя имъ съ Бенѣвскимъ, съ другой заискивалъ расположеніе хана, но въ тоже время показывалъ желаніе оставаться вѣрнымъ царю и отправилъ въ Москву посломъ бѣлоцерковскаго полковника, Кравченка.

Въ концѣ января, Выговскій рѣшился выступить на войну, но не противъ великороссіянъ, а противъ Запорожцевъ: Запорожская Сѣчь объявляла себя рѣшительно противъ намѣреній гетмана. »Хотя мы«, писалъ ему кошевой Гомонъ, »и не противились твоему избранію, надѣясь отъ тебя какого-либо добра отечеству, но надежда насъ обманула. Ваша милость не сохранилъ присяги пресвѣтлѣйшему монарху, отцу нашему и благодѣтелю, преклонилъ сердце свое къ лядскимъ прелестямъ, обратился, какъ песь на свою блевотину, къ полякамъ отщепенцамъ, отъ которыхъ мы освободились съ такимъ трудомъ и кровопролитіемъ, и разоряешь мать нашу Украину, воздвигшую тебя отъ гноища и удостоившую сидѣть съ князьями, Знай же, что ни ты, ни монархъ твой, король польскій, къ которому возвратился, ничего не сдѣлаете противъ нашего православнаго монарха, при Божіей помощи ⁽³⁾.« Запорожцы, по словамъ современника, ненавидѣли Выговскаго еще сильнѣе послѣ того, какъ онъ побратался съ Татарами и, слѣдовательно, не могъ одобрять обычныхъ запорожскихъ набѣговъ на татарскія поля и Черное море ⁽⁴⁾.

⁽¹⁾ Лѣт. Велнч. I, 363 — 364.

⁽²⁾ Hist. rap. Jan. Kaz. II, 22. — Ann. Pol. Clim. II, 377.

⁽³⁾ Лѣт. Велнч. I, 353 — 356. ⁽⁴⁾ Нам. Кіев. Ком., т. III, 223.

Запорожцы послали на помощь царскому войску сильный отрядъ подъ начальствомъ Силки. Силка явился въ Зѣньковъ и началъ возбуждать восточную Украину противъ гетмана. Противъ этого—то отряда пошелъ Выговскій, стараясь не допустить до соединенія съ лохвицкимъ войскомъ какъ его, такъ и отряды, которые составлялись въ близкихъ мѣстечкахъ. Чтобъ Ромодановскій не ударилъ ему въ тылъ, гетманъ послалъ Немирпча беспокоить его.

Немирпча, 29 января, подошелъ къ Лохвицѣ. Московское войско вышло противъ него, но начальники московской конницы были люди, по увѣренію лѣтописца, неопытные и не могли устоять противъ Немирпча. Московитяне заперлись въ Лохвицѣ, и Немирпча безыкопалъ и удерживалъ ихъ до-тѣхъ-поръ, пока Выговскій расправился съ ихъ союзниками.

4 февраля, Выговскій осадилъ Миргородъ и послалъ въ городъ убѣжденіе отстать отъ Москвы и стоять вмѣстѣ за отечество, и обѣщаль никому не мстить. Миргородскій протопопъ, по имени Филиппъ, сталъ говорить за Выговскаго и такъ подѣйствовалъ своими рѣчами, что не только убѣдилъ миргородскихъ козаковъ, но и самъ Степанъ Довгаль склонился. Своевольства и грабежи, которые позволили себѣ великорусскіе ратные люди въ городѣ, раздражили миргородцевъ; они отворили ворота и признали власть гетмана. Заклятой врагъ его, котораго взять онъ домогался такъ упорно вмѣстѣ съ другими коноводами противной партіи, явился къ Выговскому, былъ имъ принятъ дружелюбно и повелъ вмѣстѣ съ нимъ своихъ козаковъ далѣе. Великорусскіе ратные люди, находившіеся въ Миргородѣ, были отпущены къ своимъ. Выговскій сталъ обращаться кротко вездѣ, гдѣ слушали его убѣжденій; мѣстечки и села, одно за другимъ, сдавались ему и переходили на его сторону. Великорусскіе воеводы боялись за самого Безпалаго, чтобъ и онъ не отказался отъ своего гетманства и не передался Выговскому. Куракипъ изъ Лохвицы поспѣшилъ послать въ Ромень отрядъ ратныхъ пѣшихъ людей для защиты этого пункта новаго козацкаго управленія. Въ самомъ дѣлѣ, ставъ подъ Зѣньковомъ, Выговскій посылалъ къ Безпалому увѣщанія отстать отъ Москвы и соединиться для общаго дѣла. Прочнаго и надежнаго не было ничего въ народномъ убѣжденіи: сдавшись легко на убѣжденія Выговскаго, малороссіяне потомъ говорили великорусскимъ ратнымъ людямъ: «Пусть только придетъ сильное царское войско, мы будемъ помогать вамъ противъ Выговскаго.» Зѣньковъ упорствовалъ противъ

гетмана; тамъ засѣли Запорожцы съ своимъ атаманомъ Силкою, и въ продолженіи четырехъ недѣль отражали Выговскаго (1). Выговскій сталъ подъ Зньковомъ и переговаривался съ Москвичами.

Въ Москвѣ припiali ласково Кравченка и готовы были уже отпустить его съ благосклонною грамотою къ гетману, какъ вдругъ пришла вѣсть, что Скоробагатко уничтожилъ Искру, а переяславскій полковникъ, Тимофей Цицура, нападалъ на великорусскихъ ратныхъ людей. Кравченка задержали до времени. Московское правительство увидѣло необходимость обращаться съ Выговскимъ, какъ онъ обращался, и не отвергая вовсе его миролюбивыхъ предложеній, собирало на него сильное войско. Главное начальство поручено было боярину князю Алексѣю Никитичу Трубецкому. Сборное мѣсто назначено было въ Сѣвскѣ, куда бояринъ прибылъ 30 января.

И Выговскій, и Безпалый разомъ обращались въ Москву: первый просилъ попрежнему прекратить междоусобіа, изъявлялъ желаніе сойтись съ уполномоченнымъ и возобновить согласіе; второй просилъ прислать пороха и свинца. 13 февраля, Трубецкому доставленъ тайный наказъ, гдѣ поручалось ему устроить съ Выговскимъ мировую, а вслѣдъ затѣмъ онъ получилъ восемнадцать экземпляровъ царской грамоты, возбуждающей Малороссіянъ противъ измѣнника и клятвопреступника Выговскаго, и по царскому приказанію, 18 февраля послалъ Безпалому снаряды и ратныхъ людей на помощь. Въ тайномъ наказѣ Трубецкому, отъ 13 февраля, предписывалось ему сойтись съ Выговскимъ и назначить раду въ Переяславѣ, съ тѣмъ, чтобъ на этой радѣ были всѣ полковники и чернь, и эта рада должна была рѣшить споры. До собранія рады, бояринъ уполномочивался сдѣлать Выговскому широкія уступки, если окажется надобность. Бояринъ долженъ былъ спестись съ Выговскимъ, и, прежде всего, по обоюдному согласію съ нимъ, Трубецкому слѣдовало развести своихъ ратныхъ людей, а Выговскому отпустить отъ себя Татаръ. Для предупрежденія, со стороны Выговскаго, недовѣрія, съ обѣихъ сторонъ слѣдовало учинить вѣру. Бояринъ, съѣхавшись съ Выговскимъ, именемъ царя объявить ему забвеніе всего прошлаго, и гетманъ покажетъ ему статьи, постановленныя съ Поляками. Бояринъ согласится даровать гетману и всему козацкому войску такія же права и привилегіи, какія суляли козакамъ Поляки. Должно думать, содержаніе

(1) Лѣт. Велич. I, 368.

гадячскаго договора тогда еще было не вполне извѣстно въ Москвѣ, ибо въ наказѣ дѣлается оговорка, что согласиться на подобный договоръ съ царемъ можно только тогда, когда въ этомъ договорѣ не окажется *высокихъ и затѣйныхъ статей*, которыя не къ чести *государева имени*. Московское правительство знало однако хорошо, какія выгоды вымогалъ отъ Поляковъ, по гадячскому договору, Выговскій лично себѣ и старшинѣ; оно понимало, что главные поводы склоненія къ Польшѣ заключаются въ личныхъ видахъ старшинъ, и потому щедро расточало дары свои. Гетману обѣщали дать прибавку на булаву; соглашались сдѣлать его кievскимъ воеводою; его родственникамъ и пріятелямъ и вообще полковникамъ и всей старшинѣ рѣшено дать каштелянства и староства; обѣщали удалить Шереметева и не вводить ратныхъ людей въ Украину, а гетманъ долженъ будетъ оставаться въ подданствѣ и прервать союзъ съ Татарами. Все такія обѣщанія, конечно, могли имѣть силу только тогда, когда на радѣ, которую Трубецкой созоветъ въ Переяславѣ, народъ признастъ гетманомъ Выговскаго; но если произойдетъ иначе, то Трубецкой долженъ былъ вручить булаву тому лицу, кого выберутъ, и новому гетману слѣдовало отдать чигиринское староство, какъ принадлежность гетманскаго уряда.

20 февраля, прибылъ изъ Москвы въ Сѣвскъ подъячій Старковъ съ предложеніями къ Выговскому, и тотчасъ былъ отправленъ въ зѣньковскій лагерь. Въслѣдъ за нимъ, Трубецкой съ войскомъ двинулся ближе къ предѣламъ Украины и, 1 марта, прибылъ въ Путивль. Съ тѣхъ поръ три недѣли шли переговоры, которыхъ подробности къ сожалѣнію намъ неизвѣстны. Трубецкой писалъ дружескія письма къ Выговскому и уговаривался, какъ уладить мировую, но разсылалъ къ народу воззванія — стоять крѣпко противъ изменника *Ивашки* и не склоняться на его прелестныя письма.

24 марта, пріѣхалъ отъ Выговскаго Старковъ съ извѣстіемъ, что Выговскій проситъ Трубецкаго съѣхаться съ нимъ для переговоровъ за десять верстъ отъ Ромна, но въ письмѣ къ Трубецкому не написано было ничего о такомъ свиданіи.

Отпустивъ Старкова въ Москву, Трубецкой, 26 марта, отслужилъ молебенъ *грозному и страшному* Спасу и двинулся со всемъ войскомъ въ Украину. Онъ написалъ въ Лохвицу къ Куракину, а въ Ромень къ Безпалому, чтобъ сходились къ нему. 30 марта, явился Безпалый съ своими полковниками и эсаулами. Трубецкой объ-

вилъ козакамъ, что пришелъ не для войны, а для усмиренія междоусобій и кровопролитія, обнадеживалъ ихъ царскою милостію, и приказывалъ писать въ города и мѣстечки, которые поддались увѣщаніямъ Выговскаго, чтобъ жители раскаялись и, по-прежнему, обратились подъ самодержавную царскую руку. «Учини, гетманъ, крѣпкій приказъ, подъ смертною казнію, своимъ полковникамъ и эсауламъ и всѣмъ козакамъ»,—говорилъ Беспалому Трубецкой,—«чтобъ они не дѣлали ничего дурнаго въ государевыхъ черкасскихъ городахъ, не били людей, не брали ихъ въ полонъ, не грабили и ничѣмъ не обижали, и не дѣлали бы имъ никакихъ насилій и разореній, а государевымъ ратнымъ людямъ нашимъ отъ меня заказано тоже подъ смертною казнію.» Беспалый обѣщалъ, и былъ отпущенъ въ Роменъ снова.

Наступилъ апрѣль. Отъ Выговскаго не было извѣстія. Приведенные въ великорусскій лагерь язки извѣщали, что гетманъ отступилъ отъ Знькова и уѣхалъ въ Чигиринъ; а, между тѣмъ, Гуляницкій съ козаками и Татарами прибылъ въ Конотопъ и оттуда разсылалъ партіи, которыя нападали на великорусскія села около Путивля, Рыльска и Сѣвска, разоряли ихъ, убивали и брали въ плѣнъ людей.

Приѣхалъ изъ Москвы Кравченко. Трубецкой, призвавъ его къ себѣ, изложилъ ему все поведеніе Выговскаго, и сказалъ:

— Скажи гетману и всѣмъ козакамъ, чтобъ они отстали отъ своихъ неправдъ и остались подъ рукою великаго государя по-прежнему, безо всякаго сомнѣнія; а если они не придутъ въ познаніе и не станутъ бить челомъ государю о своихъ винахъ, то я иду съ ратными людьми, и что надъ ними учинится, то будетъ имъ не отъ меня, а отъ самихъ—себя.

Кравченко поклялся, что будетъ уговаривать гетмана и полковниковъ.

— Мы,—сказалъ онъ,—посланы къ государю отъ всей черни съ рады, и будемъ по всѣмъ городамъ и мѣстечкамъ выславлять премногую милость и жалованье великаго государя.

Въ концѣ марта, Выговскій возвратился въ Чигиринъ. Наступила Пасха. По тогдашнему обычаю, на праздникъ Пасхи полковники и другіе чиновники съѣзжались къ гетману съ поздравленіемъ. Выговскій, пользуясь этимъ случаемъ, созвалъ ихъ на раду.

Выговскій не довѣрялъ московскимъ предложеніямъ. Въ нихъ полагалось условіемъ—собрать раду: Выговскій опасался, что на этой радѣ стечется много недоброжелателей, выберутъ другаго гетмана, и

бояринъ, который будетъ рѣшителемъ дѣла, нарушитъ всѣ данныя ему обѣщанія. Притомъ же, московское правительство очевидно ему не довѣряло, и предлагая мировую, дѣйствовало противъ него, и соединялось съ его врагами. Онъ представилъ полковникамъ грозящую всѣмъ имъ бѣду, увѣрилъ, что москали ихъ обманываютъ, и по общему приговору, разослалъ по Украинѣ универсалъ. Гетманъ извѣщалъ въ немъ украинскій народъ о причинахъ, которыя побуждаютъ его призывать народъ къ оружію противъ московскихъ войскъ; онъ доказывалъ, что царскіе комиссары на виленской комисіи 1656 года постановили отдать Украину подъ польское владычество, коль скоро царь получитъ польскую корону; поэтому гетманъ и старшины разсудили, что гораздо лучше соединиться съ Польшею на правахъ вольной націи, чѣмъ быть отданными въ неволю. «Другая причина», писалъ Выговскій, «побуждающая насъ отложиться отъ державы российской, есть та, что мы освѣдомились несомнѣнно, что его царское величество прислалъ князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому свою высокую грамоту, повелѣвающую истребить гетмана со всею старшиною, уничтожить всѣ права и вольности наши, оставить козачковъ только десять тысячъ, а весь остальной народъ украинскій сдѣлать вѣчными крестьянами и невольниками (1)».

Этотъ универсалъ на первыхъ порахъ перепугалъ Украинцевъ на правой сторонѣ Днѣпра (2); на лѣвой только переяславскій, прилуцкій, нѣжинскій и черниговскій полки держались Выговскаго (3).

Между тѣмъ, Трубечкой, 10 апрѣля, въ Константиновскомъ соборѣ отслужилъ молебень грозному и страшному Спасу и двинулся на Конотопъ, и въ то же время написалъ къ Безпалому въ Ромень, и въ Лохвицу къ Куракину, чтобъ съ обѣихъ сторонъ сходились къ нему для соединенія. 13 апрѣля, на дорогѣ, присталъ къ нему Безпалый съ своими козаками; 16-го, они достигли Конотопа, прогнали отрядъ, наблюдавшій за путемъ; 21-го, явился къ нему князь Федоръ Куракинъ съ Пожарскимъ и Львовымъ и со всѣмъ войскомъ, стоявшимъ въ Лохвицѣ. Малороссійскій лѣтописецъ пишетъ, что прилуцкій полковникъ, Дорошенко, хотѣлъ загородить москвитянамъ дорогу, но товарищъ Ромодановскаго, отважный князь Семень Ивановичъ Пожарскій, поразилъ его подъ Срибнымъ. «Дорошенко», говоритъ лѣтописецъ, «словно заяцъ бѣжалъ

(1) Лѣт. Велич. I, 366—367.

(2) *ibid.* 367.

(3) Лѣт. Сам. 31.—Лѣт. Велич. I, 367, 372.

по болотамъ, спасаясь отъ гибели, а князь Пожарскій приказалъ перерезать всѣхъ жителей мѣстечка Срибного (¹)».

Въ Конопотскомъ замкѣ было два полковника, нѣжинскій и черниговскій, съ своими полками, всего до четырехъ тысячъ человекъ. Прежде приступа, Трубецкой написалъ къ Гуляницкому письмо, извѣщалъ, что присланъ для успокоенія междоусобій и для прекращенія кровопролитія, убѣждалъ вспомнить единую православную вѣру и царскую милость, отстать отъ неправдъ, бить челомъ въ винахъ своихъ и выслать добрыхъ и знатныхъ людей для переговоровъ.

Вмѣсто отвѣта, изъ города раздались выстрѣлы изъ пушекъ и ружей. «Мы съли на смерть,» закричали козаки: «не сдадимъ города!»

Тогда Трубецкой приказалъ стрѣлять по городу и въ городъ.

Соединенное великорусское войско принялось осаждать Гуляницкаго. Съ 21 апрѣля до 29 июня, длилась эта осада; многочисленное великорусское войско, подъ командою Трубецкаго, осаждало четыре тысячи нѣжинцевъ и черниговцевъ и не взяло ихъ. Замокъ былъ окруженъ глубокимъ ровомъ и высокимъ валомъ. Нѣсколько дней безъ умолку гремя пушки, летали гранаты въ городъ, ратные люди рыли подкопы; 28 апрѣля, передъ разсвѣтомъ, отпѣвши молебенъ, все войско пошло на приступъ. Все было напрасно: не зажигался замокъ отъ гранатъ, перерваны были подкопы; московитяне успѣли-было взобраться на стѣны, но отбитые съ урономъ, возвратились съ приступа, и осажденные съ высокихъ валовъ отвѣчали осаждающимъ ядрами и картечью такъ-мѣтко, что нанесли имъ гораздо болѣе вреда, чѣмъ сами претерпѣли. Московскіе стрѣльцы и пушкаріи только даромъ тратили «государево зелье», какъ называли они порохъ. Трубецкой задумалъ иной родъ войны: онъ хотѣлъ засыпать ровъ, окружавшій замокъ, но козаки частыми выстрѣлами перерывали работу, дѣлали смѣлые вылазки, спускались въ ровъ и уносили землю, накиданную туда великороссіанами, на свой валъ: такимъ образомъ, ровъ оставался такъ же глубокъ какъ и прежде, а валъ дѣлался выше, и козацкія ядра поражали осаждающихъ еще удачлѣе. Такъ прошло нѣсколько недѣль (²). Наскучивъ осадой, Трубецкой послалъ Ромодановскаго и Скуратова къ Борзнѣ. 12 мая, московитяне напали на Борзну. Начальствовавшій борзенскими козаками, Василій Золотаренко, шуринъ Богдана Хмельниц-

(¹) Лѣт. Велич. I, 372.

(²) Лѣт. Самов. 31.—Ист. Мал. Росс. II, 36—37.

каго, былъ разбитъ; Борзна была взята и сожжена; много жителей истреблено; женъ и дѣтей козацкихъ привели плѣнными подѣ Конотопъ и отправили въ Великороссію. 21 мая, по тайному письму неизмѣннаго благопріятеля московской стороны, протопопа Филимонова, Ромодановскій, Куракинъ и козаки, подѣ начальствомъ Безпалаго, двинулись къ Нѣжину. Нѣжинцы сдѣлали вылазку; великороссіяне прогнали ихъ въ городъ, но на другой сторонѣ стояло большое войско, состоявшее изъ сербовъ, поляковъ, татаръ; великороссіяне пошли на нихъ, произошелъ бой,—татары отступили; въ плѣнъ попался козацкій предводитель Скоробагатенко, наказный гетманъ. Однако князь побоялся преслѣдовать татаръ, предполагая, что они нарочно заманиваютъ его за собою въ погоню, чтобъ навести на большое войско, и воротился къ Трубецкому вести осаду (1).

Не зная, гдѣ Выговскій и что съ нимъ дѣлается, Трубецкой, 4 іюня, рѣшился еще разъ попытаться прекратить кровопролитіе мирными средствами. Онъ отправилъ отыскивать его донскихъ козаковъ съ письмомъ: по—прежнему, бояринъ предлагалъ мятежному гетману миръ и просилъ прислать трехъ знатныхъ чловѣкъ для разговора. До 27 іюня не было ни слуху ни духу отъ Выговскаго.

Выговскій не помогалъ Гуляницкому, потому что дожидался хана; козаковъ, державшихся его партіи, было только шестнадцать тысячъ. Махметъ—Гирей явился не ранѣе 24 іюня, съ тридцатью тысячами ордынцевъ (2). Первое свиданіе его съ гетманомъ было на Крупчъ-полѣ. Союзники утвердили свою дружбу взаимною торжественною присягою: гетманъ съ старшинами присягнулъ отъ лица всей Украины,—полковники присягали за свои полки, сотники за свои сотни; потомъ ханъ, султаны и мурзы присягали по-своему закону—не отступать отъ козаковъ и помогать противъ московитянъ, пока не изгонятъ изъ Украины московскихъ войскъ (3). У Выговскаго, сверхъ—того, было нѣсколько тысячъ наемныхъ войскъ—сербовъ, волоховъ, но преимущественно—поляковъ (4).

Соединенное козацкое и татарское войско выступило къ Конотопу.

(1) Лѣт. Самов., 31.

(2) Ann. Polon. Clm. II, 377.

(3) Лѣт. Самов. 31.—Лѣт. Малор.

(4) Ann. Polon. Clm. II, 377.—Лѣт. Сам. 32.—Лѣт. Велич. I, 373.—Лѣт. пов. о Мал. Рос. II, 20.—Ист. Мал. Росс. II, 38.

Подъ Шановаловкою встрѣтился съ нѣмъ московскій отрядъ, посланный для взятія языковъ. Произошло сраженіе; великоруссы были разбиты на-голову, и этотъ первый успѣхъ ободрилъ козаковъ (1).

Въ числѣ плѣнниковъ былъ Сяка, храбрый защитникъ Зѣнькова, котораго Выговскій приказалъ приковать къ пушкѣ (2).

Плѣнники высказали положеніе войска подъ Конотопомъ и прибавили, что полководцы вовсе не ожидаютъ прихода непріятелей. Въ самомъ дѣлѣ, воеводы не имѣли никакого свѣдѣнія о томъ, что непріятель былъ такъ близко отъ нихъ (3).

Союзникамъ оставалось до Конотопа пятнадцать верстъ; тутъ надобно было переправляться чрезъ болотистую рѣку Сосновку. Выговскій осмотрѣлъ мѣстность: она показалась ему такова, что сраженіе, данное на ней, могло кончиться совершеннымъ пораженіемъ одного изъ враждебныхъ войскъ. Козаки могли надѣяться на побѣду, потому что у нихъ было время устроить свое войско выгоднымъ образомъ; надобно было только заманить москвитянъ.

Выговскій расположилъ свое козацкое войско на широкомъ лугу, въ закрытомъ мѣстѣ (4), и отдалъ начальство надъ войскомъ Стефану Гуляницкому, брату осажденнаго въ Конотопѣ, а самъ, отобравъ себѣ небольшой отрядъ, пригласилъ съ собою султана Нураддина и переправился на другую сторону рѣки Сосновки, съ намѣреніемъ напасть въ тылъ на осаждающихъ, потомъ побѣжать, заманить за собою москвитянъ и навести ихъ на оставшееся козацкое войско; ханъ съ ордою отправился вправо на урочище Торговицу, верстъ за десять, съ цѣлью ударить въ другой разъ въ тылъ непріятелю, когда Выговскому удастся его вывести (5).

27 іюня, во вторникъ, Выговскій переправился черезъ рѣку и внезапно ударилъ въ тылъ осаждавшимъ конотопскій замокъ. Неожиданное появленіе непріятеля смѣшало великороссіянъ; въ тревогѣ, они побѣжали, и козаки захватили много лошадей у конницы, которая, впопыхахъ, не успѣла вскочить на нихъ во-время. Но въ нѣсколько часовъ москвитяне поправились. Воеводы замѣтили, что у Выговскаго войска по крайней мѣрѣ въ десять разъ меньше чѣмъ у нихъ. По-

(1) Лѣт. Велич. I, 373.

(2) Лѣт. Самов. 31.—Лѣт. Малор.

(3) Gründliche und wahrhaftige Relation von dem glücklichen Siege, etc. —

(4) Лѣт. Велич. I, 373.

(5) Лѣт. Самов., 32.

жарскій ударилъ на козаковъ—они повернули назадъ и убѣжали за Сосновку.

Настала ночь. Нѣсколько козаковъ было взято въ плѣнъ, другіе добровольно явились служить царю.

— Неужели у Выговскаго всего—на—все столько войска, сколько было здѣсь?—спросилъ ихъ Пожарскій.

— Нѣтъ,—отвѣчали казаки.—Не гонись, князь, за нимъ: онъ нарочно заманиваетъ васъ въ засаду. Съ нимъ много козаковъ, и самъ ханъ съ ордою, а съ ханомъ славные воины: султаны Нураддинъ, и Калга, мурзы Дзыманъ-Сайдакъ и Шуринбей.

— Давай ханишку!—закричалъ Пожарскій:—давай Нураддина, давай Калгу, давай Дзыманъ-Сайдака и Ширинбея! Всѣхъ ихъ бодѣныхъ матерей вырубимъ и вышлѣнимъ!

Напрасно Трубецкой останавливалъ Пожарскаго. Отважный князь не получался. «Онъ,» говоритъ лѣтописецъ, «слишкомъ вѣрилъ въ свою непобѣдимость послѣ удачи подъ Срибнымъ. 28 іюня, рано, Пожарскій съ тридцатью тысячами переправился за Сосновку (1). Другая половина войска, подъ начальствомъ Трубецкаго, оставалась подъ Конотопомъ; при ней былъ Безпалый съ козаками (2).

Перешедши черезъ Сосновку, московитяне ставили батареи, устраивались въ боевой порядокъ; Выговскій не препятствовалъ имъ. Но въ то время, когда московитяне приписывали это бездѣйствіе козаковъ трусости, пять тысячъ украинцевъ, подъ командой Стефана Гуляницкаго, рыли извилинами ровъ по направленію къ широкому мосту, по которому прошло московское войско. Какъ—только они довели свои работы близко къ московскому войску и могли быть имъ замѣчены, Выговскій сдѣлалъ нападеніе, но послѣ первыхъ отвѣтныхъ выстрѣловъ, побѣжалъ. Пожарскій, увѣренный, что казаки трусятъ передъ его доблестью, бросился за ними. Выговскій отступилъ еще далѣе... Все войско московское снялось съ своей позиціи, съ жаромъ преслѣдовало козаковъ и удалилось на значительное разстояніе отъ моста.

Тѣмъ временемъ, казаки, быстро копавшіе ровъ, очутились въ тылу московскаго войска, бросились на мостъ, изрубили его, и остатками его запрудили мелководную рѣку: вода начала разливаться изъ русла по вязкому лугу. Это неожиданное явленіе подало Гуляницкому мысль не только преградить московитянамъ обратный путь черезъ Сосновку,

(1) Лѣт. Велич. I. 374.

(2) Ист. Мал. Росс. 38.

но затруднить имъ ходъ по лугу. По его приказанію, казаки разсѣялись по болоту: одни косили траву и камышъ, другіе рубили тальникъ и лозу и бросали въ воду. Въ нѣсколько минутъ рѣка была запружена, и вода разливалась во всѣ стороны.

Увидѣвши позади себя козаковъ, московитяне перестали гнаться за Выговскимъ и обратились назадъ; тогда въ свою очередь погнались за ними бѣжавшіе козаки, и вдругъ московитяне были оглушены страшнымъ крикомъ и свистомъ: орда съ ханомъ и вопиственными мурзами порывисто летѣла прямо на лѣвое крыло московскаго войска. Московитяне хотѣли удержать напоръ, но тутъ Выговскій съ козаками и наемнымъ войскомъ ударилъ на нихъ съ правой стороны. Московитяне, стѣсненные съ боковъ, подались назадъ...

Но назадъ имъ не было ходу: вода, разлившись по лугу, превратила его въ болото; не двигались московскія пушки; погрязли по-брюхо московскія лошади; московитяне пустились — было бѣжать пѣшкомъ, но идти было также невозможно ⁽¹⁾. «Развѣ тотъ могъ убѣжать», говоритъ лѣтописецъ, «у кого были крылатые кони ⁽²⁾.»

Напрасно рвался изъ всѣхъ силъ Пожарскій, напрасно хотѣлъ выбраться на сухое мѣсто ⁽³⁾: тридцать тысячъ вѣрныхъ царю русскихъ погибло въ этотъ ужасный день. Татары не жалѣли ихъ, потому что съ простыхъ нельзя было надѣяться окуна; а козаки были ожесточены противъ этого войска, которое, по увѣренію Выговскаго и старшинъ, приходило будто бы для того, чтобы уничтожить ихъ права и обращать ихъ самихъ въ невольшковъ.

Пожарскій былъ схваченъ и приведенъ къ Выговскому. Князь рѣзко началъ выговаривать ему за измѣну царю, и Выговскій отослалъ его къ хану.

Повелитель правовѣрныхъ сказалъ ему чрезъ толмача:

— Ты слишкомъ безразсуденъ, князь, и легкомысленъ: ты осмѣлялся не страшиться нашихъ великихъ силъ и теперь достойно наказанъ, ибо черезъ твое легкомысліе погибло столько храбраго и невиннаго московскаго войска.

Князь Пожарскій, говоритъ лѣтописецъ, не посмотрѣлъ, что былъ въ плѣну, но въ отвѣтъ на ханское замѣчаніе угостилъ ханскую мать

(1) Ann. Pol. Cl. II, 380—381.—Лѣт. Велич. I, 375.—Hist. ran. Jan. Kaz. II, 24.

(2) Лѣт. Велич. I, 375.

(3) Hist. ran. Jan. Kaz. II, 25.

эпитетомъ, неупотребительнымъ въ печатномъ словѣ, и плюнулъ хану въ глаза. Разъяренный ханъ приказалъ отрубить ему голову передъ своими глазами. «Отозвалось ему», говорить украинскій лѣтописецъ, «истребленіе невинныхъ жителей Срибнаго (1)». вмѣстѣ съ нимъ, ханъ въ ярости приказалъ изрубить и другихъ знатныхъ плѣнниковъ; въ числѣ ихъ былъ сынъ знаменитаго Прокопья Ляпунова, Левъ, двое Бутурлиныхъ и нѣсколько полковниковъ. Пожарскій явилъ себя настоящимъ великорусскимъ народнымъ молодцомъ. Народная память оцѣнила это и передала его подвигъ потомству въ пѣснѣ (2).

(1) Лѣт. Велич. I, 375.

(2) За рѣкою, переправою, за деревнею Сосновкою,
 Подъ Конотопомъ подъ городемъ, подъ стѣною бѣлокаменной,
 На лугахъ, лугахъ зеленыхъ,
 Тутъ стоятъ полки царскіе,
 Все полки государевы,
 Да и роты были дворянскія.
 А изъ далека изъ чиста поля,
 Изъ того ли изъ раздолья широкаго,
 Кабы черныя вороны табуномъ табунилися,
 Собирались, съѣзжались Калмыки со Башкирцани,
 Напушались Татарове на полки государевы;
 Они спрашиваютъ Татарове
 Пѣзъ полковъ государевыхъ себѣ сопротивника.
 А изъ полку государева сопротивника
 Не выбрали ни изъ Стрѣльцовъ, ни изъ солдатъ молодцевъ.
 Втаноры выѣзжалъ Пожарской князь
 Князь Семенъ Романовичъ,
 Онъ бояринъ большой словогъ, Пожарской князь,
 Выѣзжалъ онъ на вылазку
 Сспротивъ Татарина и злодѣя наѣздника;
 А татаринъ у себя держитъ въ рукахъ копье острое,
 А славной Пожарской князь
 Одну саблю острую во ручепкѣ правыя.
 Какъ два ясныя соколы въ чистомъ полѣ слитались,
 А съѣзжались въ чистомъ полѣ
 Пожарской бояринъ съ Татариномъ.
 Помогай Богъ князю Семену Романовичу Пожарскому—
 Своєю саблей острую онъ отводилъ остро копье Татарское,
 И срубилъ ему голову, что Татарину наѣзднику.
 А завыли алы Татарове поганые,
 Убилъ у нихъ наѣздника, что ни славнаго Татарина.
 А алы Татарове Крымскіе, они злы да лукавые,
 Подстрѣлили добра коня у Семена Пожарскаго,
 Падаеть его окорачъ доброй конь,

29 июня, вышелъ Гуляницкій, съ своими вѣжинцами и черниговцами, изъ двѣнадцати—недѣльнаго заключенія. Въ отрядѣ его оставалось тогда только двѣ тысячи пять—сотъ человекъ⁽³⁾.

2 июля, князь Трубецкой сталъ отступать, переправился черезъ рѣку, съ большими неудобствами; многіе утонули во время переправы.

Побѣдители погнались за нимъ, но Трубецкой окопался и отразилъ напоръ непріятели; самъ Выговскій былъ въ опасности: осколокъ ядра ранилъ его лошадь и задѣлъ ему кафтанъ⁽⁴⁾. Трубецкой

Возкричить Пожарской князь во полки государевы:

- А и вы солдаты новобранные, вы стрѣльцы государевы!
Подведите мнѣ добра коня, увезите Пожарскаго,
Увезите во полки государевы-.

Злы Татарове крымскіе, они злы да лукавые,
А метался грудю, полонили князя Пожарскаго,
Увели его во свои степи крымскія
Къ самому Хану Крымскому—деревенской шишиморѣ,
Его сталъ онъ допрашивать:

- А и гой еси, Пожарской князь,
Князь Семень Романовичь!

Послужи ты мнѣ вѣрою, да ты вѣрою правдою,
Заочью неизмѣною,

Еще какъ ты Царю служилъ, да Царю своему Бѣлому;
А и такъ-то ты мнѣ служи, самому Хану Крымскому,
Я вѣдь буду тебя жаловать златомъ и серебромъ,
Да и женки прелестными: и душами красными дѣвицами-.

Отвѣчаетъ Пожарской князь самому Хану Крымскому:

- А и гой еси Крымской Ханъ—деревенской шишимора!

Я бы радъ тебѣ служить, самому Хану Крымскому.

Кабы не скованы мои рѣзвы ноги,
Да не связаны бѣлы руки во чембуры шелковые,
Кабы мнѣ сабелька острая,

Послужилъ бы тебѣ вѣрою на твоей буйной головѣ,
Я срубилъ тебѣ буйну голову».

Скричить тутъ Крымской Ханъ,—деревенской шишимора:

- А и вы Татары поганые!

Увезите Пожарскаго на горы высокія, срубите ему голову,
Изрубите его бѣло тѣло во части во мѣлкія,
Разбросайте Пожарскаго подалече чисту полю-.

Кабы черные вороны закричали, загайкали,
Ухватили Татарове князя Семена Пожарскаго,
Повезли его Татарове они на гору высокую.

Сказали Татарове князя Семена Пожарскаго,

(3) Лѣт. Самов. 32.

(4) Gründl. Relation.

дошелъ до рѣки Семи, въ десяти верстахъ отъ Путивля; но далѣе не могъ обороняться, и ушелъ къ Путивлю. Выговскій отказывался преслѣдовать войско московское на московской землѣ. Напрасно поляки, служившіе у Выговскаго на жалованъ, изъ мести за Гонсѣвскаго, только-что передъ тѣмъ, въ мирное время, схваченнаго Хованскимъ въ Вильнѣ, упрасивали его; напрасно ханъ убѣждалъ гетмана (5): Выговскій показывалъ видъ, что поднималъ оружіе только для того, чтобъ изгнать изъ Украинны московское войско, причиняющее бѣдствія народу и разореніе краю, а вовсе не намѣренъ вести войны

Отрубили буйну голову,
 Изсѣкли бѣло тѣло во части во мѣлкя,
 Разбросали Пожарскаго подалеце чисту полю,
 Они сами уѣхали къ самому Хану Крымскому.
 Они день другой нейдуть, никто не провѣлаеть,
 А изъ полку было государевы козаки двое выбрались,
 Эти двое козаки молодцы,
 Они на гору пѣшкою пошли,
 И взоща туто на гору високую,
 И увидѣли тѣ молодцы то вѣдъ тѣло Пожарскаго:
 Голова его по себѣ лежитъ, руки ноги разбросаны,
 А его бѣло тѣло во части изрублено.
 И разбросано по раздолью широкому.
 Эти козаки молодцы его тѣло собрали,
 Да въ одно мѣсто складывали;
 Они связали съ себя липовый лубъ,
 Да и тутъ положили его,
 Увязали липовой лубъ накрѣпко,
 Понесли его Пожарскаго Конотопу ко городу.
 Въ Конотопѣ городѣ пригодился тамъ епископъ быть,
 Собралъ онъ епископъ поповъ и дьяконовъ
 И церковныхъ причетниковъ
 И тѣмъ казакамъ удалымъ молодцамъ
 Приказалъ обмыть тѣло Пожарскаго.
 И сложили его бѣло тѣло въ домовище дубовое,
 И покрыли тою крышкою бѣлодубовою;
 А и тутъ люди дивовалися,
 Что его тѣло въ мѣсто сrostалося,
 Отпѣвавши надлежащее погребеніе,
 Бѣло тѣло его погребли во сыру землю,
 И пропѣли пѣтье вѣчное
 Тому князю Пожарскому (*).

(5) Hist. pan. Jana Kaz. I, 26.—Ann. Polon. Clim. II, 381.

(*) Древн. стл., собр. Киршемъ Давыдовичемъ.

съ царемъ и великорусскимъ народомъ. «Вѣроятно,» замѣчаетъ польскій историкъ, «онъ боялся, чтобъ козаки не отпалъ отъ него, если онъ выйдетъ изъ Украины (1).»

Выговскій отступилъ къ Гадячу (2) и отослалъ къ Иоанну—Казиміру взятое у москвитянъ большое знамя, барабаны и пушки (3); потомъ отправился въ Чигиринъ и занялся планомъ изгнанія великорусскаго войска изъ Кіева (4). Хапъ съ татарами удалялся въ Крымъ, а нѣсколько татарскихъ *загоновъ* разсыпались по московской землѣ (5).

XIV.

Въ Варшавѣ начался сеймъ. Собранные члены Рѣчи-Посполитой разсуждали о своихъ дѣлахъ и съ нетерпѣніемъ ожидали козаковъ. Явились наконецъ и послы отъ новосозданнаго Великаго Княжества Русскаго. Изъ генеральныхъ старшинъ прибыли Посачъ и Груша, полковникъ Лѣсницкій, опять начальствовавшій миргородскимъ полкомъ; отъ полковъ были присланы по два сотника; сверхъ того, была съ ними толпа знатныхъ козаковъ,—всего человекъ до двухъ-сотъ. Юрій Немиричъ, депутатъ отъ Кіева, и Прокопъ Верещага—отъ Чернигова, были на челѣ посольства.

Въ день, назначенный для торжественнаго ихъ приѣма въ сенатской залѣ, сидѣлъ король посреди сенаторовъ. Вошли русскіе послы; впереди шелъ Немиричъ, и остановясь, произнесъ рѣчь, въ которой, послѣ риторическаго приступа, говорилъ такъ:

«Мы являемся въ настоящій день предъ престоломъ его королевскаго величества, предъ собраніемъ всей Рѣчи-Посполитой, послами свѣтлѣйшаго и благороднѣйшаго гетмана всего войска запорожскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлаго русскаго народа, признать предъ лицомъ цѣлаго міра, передъ грядущими вѣками, его величество повелителемъ свободныхъ народовъ, Рѣчь-Посполитую и корону польскую нашу отчизною и матерью. Держава вашего величества во всемъ свѣтѣ сла-

(1) Dzieje rap. Jana Kaz. I, 196.

(2) Лѣт. Самов. 32.

(3) Полн. Собр. Зак. I, 498.—Ист. Мал. Рос. II, 38.

(4) Лѣт. Велич. I, 376.

(5) Лѣт. Самов. 32.

вится свободою и подобна царству божію, гдѣ, какъ огненнымъ духамъ, такъ и человѣческому роду, даются божескіе и человѣческіе законы, съ сохраненіемъ ихъ свободной воли безъ малѣйшаго нарушенія, на всѣ времена съ сотворенія міра. Пусть другія государства и державы славятся своимъ теплымъ климатомъ, стеченіемъ земныхъ богатствъ, избыткомъ золота, драгоценныхъ перловъ и камней, роскошью жизни; пусть красуются передъ цѣлымъ свѣтомъ подобно дорогимъ камнямъ, оправленнымъ въ золотые перетни: ихъ народы не знаютъ истинной свободы; забывая, что одарены отъ Бога свободною волею, они живутъ какъ-будто въ золотой клеткѣ, и должны оставаться рабами чужаго произвола и желанія. Въ цѣломъ свѣтѣ нельзя найти такой свободы, какъ въ польской Коронѣ. Эта неоцѣнимая, несравненная свобода — и ни что другое — привлекаетъ насъ теперь къ соединенію съ вами: мы рождены свободными, въ свободѣ воспитались, и свободно обращаемся къ равной свободѣ. За нее, за честь и достоинство вашего величества, за благосостояніе всеобщаго отечества, готовы положить жизнь нашу. На ней да соизидется наше неразрывное единство, какъ и на сходствѣ религій, жизни и правъ нашихъ народовъ; свобода и братское равенство да будутъ основою нашего соединенія для потомковъ нашихъ! Государства поддерживаются тѣми же средствами, какими созидаются (*nam regna quibus mediis fundantur, iisdem et retinentur*). Быть-можетъ, всесильная рука устроила наше соединеніе для того, чтобъ другіе народы, послѣдовавъ нашему примѣру, преклонились предъ вашимъ величествомъ, обняли и облобызали этотъ драгоценный талантъ и клейпотъ польской короны. Да возрастетъ Рѣчь-Посполитая великою и могущественною державою, божіимъ благословеніемъ, счастливымъ царствованіемъ и попеченіемъ вашего величества и благоустройствомъ соединенныхъ земель. Съ нашимъ подданствомъ приносимъ мы вашему величеству, королю и государю, наши просьбы и желанія, въ которыхъ мы не могли быть удовлетворены посредствомъ комиссаровъ; только королевское величество и Рѣчь-Посполитая могутъ дать этому дѣлу совѣтъ, окончательно рѣшить возникшіе вопросы, успокоить озабоченные умы вѣрныхъ подданныхъ его величества, и кроткою королевскою десницею привлечь ихъ всецѣло къ себѣ въ объятія.

«Мы не надѣемся, чтобъ нашелся кто-нибудь въ Рѣчи-Посполитой, кто бы сталъ смотрѣть на насъ съ завистью и недоброжелательствомъ: благородныя души свободны отъ этого порока, а низкія обыкли скрывать свои постыдныя побужденія!»

Собрание наградило рукоплесканиемъ оратора. Онъ остановился на минуту, потомъ продолжалъ:

«Вотъ блудный сынъ возвращается къ своему отцу... Да приметъ его отецъ поцѣлуемъ мпра и благоволенія! да возложитъ золотой перстень на палецъ его, да облечетъ его въ нарядныя одежды, да заколетъ уштаннаго тельца и да возвеселится съ нимъ на зависть другимъ! Обрѣтается потерянная драхма, возвращается огорченной матеря, общей отчизнѣ: да веселится матеря сердечною радостью! Заблудшая овца возвращается къ своему пастырю, обрѣтшему ее: да возложитъ онъ ее на рамена свои, и понесетъ, и возрадуется великою радостію! Не тысячи — миллионы душъ стремятся къ подданству его величества и всей Рѣчи-Посполитой! Радуйся, найяснѣйшій король! твоимъ счастьемъ, вѣрностію и трудомъ совершилось это дѣло! Радуйся, найяснѣйшая королева, прилагавшая свою заботу объ этомъ дѣлѣ! Примите эту богатую землю, этотъ плодоносный египетъ, текущій млекою и медомъ, обильный пшеницею и всѣми земными плодами, эту отчизну воинственнаго и древлеславнаго на морѣ и на сушѣ народа русскаго! Радостно восклицаемъ отъ полноты души: *vivat feliciter serenissimus rex Johannes Casimirus! vivat respublica Polona.*»

Эта рѣчь показалаь очень мудрою. Оратору отвѣчали:

«Найяснѣйшему королю и всей Рѣчи-Посполитой невыразимо приятно видѣть васъ, шѣкогда свирѣпыхъ матежниковъ, пылѣ вѣрныхъ подданныхъ отечества. Благо вамъ, что вы измѣнили старую ненависть къ Польшѣ и желаніе погубить насъ на искреннее расположеніе къ матеря вашей—отчизнѣ и желаете снова вступить съ нами въ соединеніе, отъ котораго оторвали васъ старшины.»

Поданы были пункты, и послы были допущены къ рукѣ королевской.

Цѣлый мѣсяцъ послѣ того происходили пренія о гадяцкомъ договорѣ, и всеобщій восторгъ уступилъ мѣсто ропоту—и въ сенатѣ, и въ посольской избѣ. Въ статьяхъ, представленныхъ козацкими депутатами, возобновлялись требованія, которыя приводили въ недоумѣніе и комиссаровъ въ Гадячѣ, и были оставлены не совсѣмъ рѣшенными. Требовалось полное уничтоженіе уніи во всей Рѣчи-Посполитой на всемъ пространствѣ, гдѣ только существуетъ русскій языкъ (*róki język narodu ruskiego zasięga in genere et in specie*): всѣ церкви, монастыри и всѣ заведенія, состоявшія подъ церковнымъ вѣдомствомъ, какъ школы, госпитали, и всѣ имѣнія, если когда-либо они принадлежали къ православной церкви и захвачены уніатами или езуитами,

должны быть возвращены, и при этомъ католической или униатской сторонѣ не предоставлять права, поднявъ споръ о ихъ принадлежности, удерживать ихъ до рѣшенія суда въ своемъ владѣннн. Для этого слѣдовало назначить комиссію, составленную изъ депутатовъ трехъ соединенныхъ земель—Польши, Литвы и Руси, а великій инстигаторъ Русскаго Княжества отбереть все требуемое и отдасть православной церкви, а потомъ долженъ быть созванъ въ Брацлавѣ сеймъ, и на немъ представлено будетъ донесеніе объ этомъ дѣлѣ. Уніаты и езуиты, коль-скоро стануть противиться или звать православныхъ къ суду за оскорбленіе святыхъ тинъ, какъ это дѣлалось прежде и составляло обычный предлогъ сдѣлать придирку къ православнымъ, уже за одно упорство и подачу такого позова должны подвергаться пшамин (безчестію) и наказанію. Равнымъ образомъ за утайку отъ комиссаровъ чего бы то ни было, что будетъ слѣдовать къ возвращенію православной церкви, инстигаторъ Великаго Княжества Русскаго имѣлъ право звать виновныхъ къ надлежащему суду и требовать наказанія — какъ за нарушеніе правъ личныхъ и по имуществу, присвоенныхъ народу, исповѣдующему греческую вѣру — наказанія, положеннаго вообще за сопротивленіе сеймовымъ и трибунальскимъ опредѣленіямъ (*ratione honorum et personarum et omnium injuriarum ludzi religii greckiej nie unickiej pro roena contra convulsos decretorum tam comitialium iako tribunalitorum sancita*). Козачество энергически объявляло, что оно твердо рѣшилось не уступать никому всего, что считаетъ церковнымъ достояніемъ на Руси и въ Литвѣ; униатамъ не слѣдовало позволять быть ни архіепископами, ни епископами, ни архимандритами, ни игуменами, ни священниками; езуитамъ не дозволять пребывать въ Великомъ Княжествѣ Русскомъ. Козаки просили расширенія Великаго Княжества Русскаго и присоединенія къ нему воеводствъ Волынскаго, Подольскаго и Русскаго. Всѣ старѣства и русская земля должны быть присоединены къ воеводствамъ и каштелянствамъ русскимъ; а такъ какъ воеводами и каштелянами могли быть только лица греческаго исповѣданія, то тѣмъ самимъ у католиковъ отнималось право на коронныя имѣнія внутри Русскаго Княжества. Чтобы вознаграждать потерю пановъ католическаго вѣроисповѣданія, имѣвшихъ имѣнія въ Руси, русскіе просили давать этимъ панамъ первыя вакантныя мѣста въ Польскомъ королевствѣ, а ихъ прежнія имѣнія должны быть отданы туземцамъ. Въ самомъ Великомъ Княжествѣ Русскомъ хотѣли полного равенства шляхетскаго сословія, чтобы князья не присвоивали себѣ преимуществъ. Козаки просили

полной вольности не только въ Великомъ Княжествѣ Русскомъ, но и въ Польшѣ и Литвѣ. Гетманъ и старшины хлопотали о себѣ: гетманъ просилъ себѣ судебной власти надъ всѣмъ рыцарствомъ въ Украинѣ, съ правомъ не являться лично ни въ какой судъ ни по какой жалобѣ, а старшины домогались сугубой награды, ссылаясь на то, что имъ обѣщала царь московскій. Разныя лица прислали на сеймъ просьбы, и депутаты должны были ходатайствовать за нихъ (1).

«Договоръ этотъ,» говорили сенаторы, «нарушаетъ коренные уставы государства въ духовномъ и мірскомъ отношеніи. Въ духовномъ—потому что мы должны противъ совѣсти признать равенство восточной вѣры съ римскою, сами должны хулить унию—соединеніе съ нашего собственною религіею. Въ политическомъ отношеніи гадлячскій договоръ разрываетъ старинный договоръ Казимира съ русскою землею, уничтожаетъ старое устройство, вводитъ новое: Русь, давняя провинція Рѣчи-Посполитой, договаривается съ нею какъ—будто чужая страна; мы должны допустить изгнаніе изъ Руси стариннаго дворянства, для того, чтобъ водворить новое, должны терпѣть холоповъ въ самомъ сенатѣ. Очевидно, что Русское Княжество, котораго они домогаются, будетъ совершенно независимое государство, только по имени соединенное съ Рѣчью-Посполитою. Этого мало: можемъ ли мы надѣяться, чтобъ гетманъ украинскій могъ быть вѣрнымъ слугою короля и Рѣчи-Посполитой, когда онъ будетъ облеченъ почти царской властью и имѣть въ распоряженіи нѣсколько десятковъ тысячъ войска? Конечно, онъ будетъ повиноваться до тѣхъ поръ, пока захочетъ; а не захочетъ, будетъ сопротивляться!»

Противъ этихъ доводовъ возражали такимъ образомъ:

«Намъ необходимъ миръ. У насъ трое непріятелей. Дѣла ихъ перепутались. Козаки хотятъ мириться съ нами потихоньку отъ Москвы; Москва разорилась съ Шведомъ. Теперь самъ Господь Богъ подаетъ намъ способы: козаки, безъ принужденія нашего, сами къ намъ возвращаются; они увидѣли, что ихъ свобода безъ нашей, а наша безъ ихъ свободы, несостоятельна. Если же мы соединимся, то не только возвратимъ отечеству его блескъ, но и силу. Будемъ съ ними договариваться пекренно. Не надобно соблазняться тѣмъ, что они желаютъ самобытности, хотятъ своего правительства; конечно, намъ не желательно разлагаться на народы, но такой союзъ съ козаками не разорветъ

(1) Акты Кіев. Комм. III, 315—328.

Рѣчи-Посполитой. Этотъ союзъ будетъ точно такой, какой уже существуетъ съ Литвою. Пусть народъ надъ народомъ не имѣетъ преимуществъ: чрезъ то и сохранится наше государство; напротивъ, предпочтеніе ведетъ къ смутамъ. Часто, подъ видомъ свободы, угнетаютъ другихъ, и оттого возникаютъ междоусобія. Равенство безъ всякаго предпочтенія однихъ другимъ есть душа свободы. Не нужно намъ никакихъ чужеземныхъ гарантій нашего союза съ козаками. Чужеземные государи, хотя бы самые честнѣйшіе, всегда будутъ проводить свою пользу и возмущать наше государство; чужеземцы насъ не сохранять. Лучшая гарантія будетъ взаимная любовь и довѣріе, безъ всякаго предпочтенія одной изъ сторонъ. Мы будемъ охранять свободу Украинны или Руси и ея народа, а козаки—насъ. Свобода козаковъ не можетъ быть безопасна безъ связи съ нами. Опытъ уже научилъ ихъ. — — — А когда мы будемъ соединены безъ всякихъ вѣншихъ средствъ, тогда наша сила будетъ несокрушима. Миръ съ козаками не долженъ насъ ссорить съ Москвою. Напротивъ, соединимся съ козаками съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы послѣ того помириться и съ Москвою. Вѣдь и козаки намѣрены быть въ соединеніи съ Москвою, чтобъ потомъ взаимными силами обратиться къ какому—нибудь великому предпріятію. Надобно представить московскому правительству, что примиреніе съ козаками ему не во вредъ; надобно съ кротостію доказывать ему, что христіанскимъ государствамъ не слѣдуетъ пріобрѣтать оружіемъ то, что можно пріобрѣсть путемъ согласія. Мы не отрекаемся отъ договора о наслѣдствѣ; мы знаемъ, что отъ этого будетъ великая польза всему христіанству. Притомъ же, мы—пароды одного племени, и мало различны по языку. Будемъ договариваться прямо, не вымышлять никакихъ невозможныхъ условій, обезпечимъ будущимъ королемъ изъ московскаго дома неприкосновенность религіи, обезпечимъ свободу какъ нашу, такъ и Украинны, и право избранія государей, хотя только для предостереженія. Москва не станетъ продолжать войны: она и безъ оружія все пріобрѣтетъ честно и мирно, съ выгодой для своего и нашего народа. Согласіе наше съ козаками покажетъ Москалю нашу силу и побудитъ согласиться на условія. Вѣдь шведскій король дѣлаетъ намъ теперь гордыя предложенія признать его наслѣдникомъ; но если съ кѣмъ—нибудь мириться на условіяхъ наслѣдства, такъ ужъ лучше съ Москвою. Предложеніе московскому государю остановить войну и позволить намъ раздѣлаться съ Шведами; Шведы должны будутъ помириться, ибо увидятъ иначе свою гибель. Но еслибъ Москва стала посягать на нашу свободу,

то, соединившись съ козаками, мы всегда можемъ взаимными силами охранить ее и воздать за оскорбленіе.»

Другихъ оскорбляло раздаваніе шляхетскаго званія козакамъ. «Умноженіе новыхъ дворянъ унижить достоинство стараго дворянства,» говорили они. «Получившіе благодѣяніе будутъ сильнѣе благодѣтелей. Какому благородному сердцу не больно будетъ, когда старинныя почести польской націи будутъ раздаваться презрѣннымъ холопамъ? Дворянское достоинство, эта награда доблестямъ, потеряетъ свою цѣнность, какъ алмазъ въ кучѣ навоза. Несчастенъ нашъ вѣкъ, когда мы принуждены платить почестями за преступленія и награждать злодѣянія! Да и кому дается дворянское званіе? Тѣмъ, которые не умѣютъ цѣнить его высокаго достоинства, тѣмъ, которые дворянскія грамоты почитаютъ дѣтскими игрушками! Были примѣры, что по случаю потери шляхетской чести за преступленіе, козаки въ насмѣшку спрашивали: а дозволено ли ѣсть и пить потерявшимъ дворянское достоинство? Вотъ—какъ они понимаютъ дворянское достоинство! Да и можемъ ли мы расположить къ себѣ этимъ козаковъ? Козаки всѣ равны между собою; если мы возведемъ въ дворянское достоинство только нѣкоторыхъ, то раздражимъ остальныхъ, которые не получаютъ этого званія, столь для нихъ ненавистнаго. И, правду сказать, мы болѣе вооружимъ противъ себя огромную толпу, чѣмъ возбудимъ благодарность въ тѣхъ, которыхъ допустимъ въ благородное сословіе. Да, если давать козакамъ дворянство, то давать всѣмъ, а не кому—нибудь, дабы всѣхъ, а не малую часть, преклонить къ повиновенію Рѣчи—Посполитой. Но кто же согласится на такое униженіе, чтобъ кивотъ Рѣчи—Посполитой, хранимый отъ вѣковъ какъ величайшее сокровище, отдать на приманку черни? Нѣтъ! если козаки хотятъ соединиться, пусть идутъ къ намъ добровольно, безкорыство, а не такъ какъ плотоядныя животныя, которыхъ надобно приманивать пищею!»

Другіе были противнаго мнѣнія. «Достоинство дворянское,» говорили они, «болѣе имѣетъ цѣны, когда пріобрѣтается доблестями, чѣмъ когда получается чрезъ наслѣдство, когда оно—даръ признательности за службу отечеству, а не награда за лежаніе въ колыбели. Кто своими предками тщеславится, тотъ хвалится чужимъ, а не своимъ: пусть же онъ своими дѣлами покажетъ, что достоинъ званія, которое носить! Иначе закопченныя изображенія предковъ, висящія по стѣнамъ его дома, его фамилные гербы—все ничто, если онъ даетъ свое имя единственно быкамъ, которыхъ стадами отправляетъ изъ своего

имѣнія на продажу. Въ прошедшія войны много погблио шляхетства; надобно замѣнить убитыхъ; чѣмъ давать шляхетство за деньги, гораздо справедливѣе даровать его козакамъ въ награду за возвращеніе ихъ къ отечеству и за присоединеніе Украины къ Рѣчи-Посполитой, и черезъ то мы утвердимъ въ нихъ любовь къ общему отечеству. Намъ слѣдуетъ даровать какъ—можно—болѣе свободы козакамъ, чтобъ расположить ихъ къ себѣ. — Нечего бояться образованія Княжества Русскаго: сохраняя свое правильное устройство, подобное великому княжеству Литовскому, оно всегда останется частью Рѣчи-Посполитой. Чтоже касается до прежнихъ мятежей, которые козаки поднимали противъ насъ, то надобно все приписать божію наказанію надъ нами и все покрыть полною амнистіею.»

Тогда нѣкоторые шляхтичи съ большимъ жаромъ говорили за козаковъ. «Вотъ,» говорили они, «сбывается предреченіе Стефана Баторія, который говорилъ, что изъ этихъ удалцовъ—козаковъ со временемъ образуется вольная Рѣчи-Посполитая. Козаки никому не кланялись, не выпрашивали шляхетства черезъ поклоны придворнымъ, а добываютъ его мужественнымъ сердцемъ и саблею. Что за бѣда, что они были мужики, а теперь шляхтичи? Вѣдь и Македоняне были грубые долоны, и Римляне возникли изъ пастуховъ, и Турки изъ разбойниковъ, и наши Поляки прежде не были шляхтичи, а приобрѣли шляхетское достоинство кровью и отвагою (1).» При этомъ шляхтичи въ утѣшеніе себѣ приводили на память пѣсенку, сочиненную въ Англіи въ XIV вѣкѣ и потомъ распространенную въ Польшѣ: «когда Адамъ копалъ землю, а Ева пряла,—никто никому не служилъ, никто никого не называлъ холопомъ (2).»

Были даже такія, полныя признанія, рѣчи:

«Не козаки нарушили союзъ, а мы. Гордость наша виновата. Мы съ ними обращались безчеловѣчно. Мы не только унижали ихъ предъ собою, но предъ человѣчествомъ; мы не только лишали ихъ правъ, которыя были ихъ достояніемъ, но отнимали у нихъ естественныя права. Вотъ Господь Богъ и показалъ намъ, что и они люди какъ и другіе, и достойно покаралъ наше высокомеріе. Они болѣе заслуживаютъ нашего уваженія, чѣмъ тѣ, которые раболѣпно отдаются ко-

(1) Лѣтоп. малор.—Лѣт. Велич. I, 337—338.

(2) Hist. panow. Jana Kaz. II, 28.

Jak Ewa kądziel przędła, Adam ziemię kopał—
Nikt nikomu nie służył, ani kogo chłopał.

ролю и чужому государству, не думая расширять свою свободу. Козаки упорно предпочитают лучше погибнуть и исчезнуть, чѣм торжествовать безъ свободы. Мы ниже ихъ: они сражались съ нами за свободу, а мы—за безсильное господство!»

Требованіе уничтоженія уніи въ томъ видѣ, какъ хотѣли козаки, не нашло поборниковъ даже между самыми отъявленными защитниками вѣротерпимости и полной свободы совѣсти. Одобряя прежнее обращеніе Поляковъ съ протестантскимъ ученіемъ, когда представлялась полная гражданская свобода всѣмъ, независимо отъ вѣрованія, либеральные депутаты говорили:

«Все это относится до еретиковъ, — не относится до Руси. Греческіе обряды, различные отъ римскихъ, не противны религін, коль скоро догматы вѣры правильны и неизмѣнны. Но уничтоженіе уніи будетъ уже насиліе нашей собственной совѣсти. Унія есть та же католическая вѣра, только съ своими обрядами: какъ же намъ осуждать религію, которую сами исповѣдуемъ? Это было бы крайнее неблагоразуміе, зло и настоящая ересь; это значитъ признавать приговоръ беззаконія надъ собою. Уничтожить унію есть дѣло несомнѣнное съ совѣстью, и нѣтъ никакого способа поставить его такъ, чтобы наша совѣсть осталась спокойна. Конечно, никакъ не слѣдуетъ присоединять греческаго обряда къ римскому; пусть патриархъ, какъ и прежде, править русской церковью, лишь бы догматы вѣры были неизмѣнны; а зависимость приговоровъ отъ единого главы не выдуманна римскою гордостью, какъ нѣкоторые говорятъ: это благоразуміе, установленное отъ самого Бога. Нельзя назвать вселенскою церковью ту, которая зависитъ отъ произвола церковныхъ властей. слѣдуетъ существовать соборамъ, а рѣшеніе и зависимость исходитъ отъ одного лица: иначе церковь распадается на различныя ученія. Впрочемъ, этотъ вопросъ слѣдуетъ предоставить богословамъ на ихъ конференціи (1).»

Среди разнородныхъ толковъ и споровъ на сеймѣ, возвысилъ тогда предъ сенаторами свой голосъ Казимиръ Бенѣвскій, котораго тогда сильно порицали за гадячскій договоръ.

«Козаковъ,» говорилъ онъ, «такое множество, и такъ они сильны, что надобно радоваться, если они, на какихъ бы то ни было условіяхъ, присоединяются къ Рѣчи-Посполитой; раздражить ихъ въ на-

(1) Польск. ркп. И. П. Б., отд. II, № 15.

стоящее время, какъ дѣлали мы прежде, будетъ величайшимъ безуміемъ; вы сами знаете, въ какомъ теперь состояніи Рѣчь-Посполитая: съ одной стороны намъ угрожаютъ Шведы, съ другой — Москали; въ нашемъ положеніи, противиться требованіямъ козаковъ значило бы самимъ отвергать помощь, когда она намъ добровольно предлагается. Надоно сначала ласкать козаковъ, и современемъ, когда они обживутся съ нами, чины Рѣчи-Посполитой могутъ измѣнить все на старый ладъ. Что жъ такое уничтоженіе униі? Неужели вы думаете, что козаки большіе богословы и апостолы? Мы теперь должны согласиться для вида на уничтоженіе униі, чтобъ ихъ приманить этимъ; а потомъ... объявится свобода греческаго вѣроисповѣданія, отдадутся благочестивымъ церкви и имѣнія, отобранныя униатами — это ихъ успокоитъ; потомъ мы создадимъ законъ, что каждый можетъ вѣрять какъ ему угодно: — вотъ и униі останется въ цѣлости. Отдѣленіе Руси въ видѣ особаго княжества будетъ тоже не надолго: козаки, которые теперь думаютъ объ этомъ, перемрутъ, а наслѣдники ихъ не такъ горячо будутъ дорожить этимъ, и мало по малу все приметъ прежній видъ.»

Пренія успокоились отъ убѣжденій чловѣка, который самъ заключилъ трактатъ, и самъ теперь представляетъ въ будущемъ надежду нарушить его. Сдѣлали нѣкоторыя смягченія по вопросу объ уничтоженіи униі, отвергли присоединеніе остальныхъ воеводствъ къ великому княжеству Русскому, и отправили къ Выговскому. Мы не знаемъ этихъ измѣненій, ни вообще относительно вопроса объ униі; они касались, вѣроятно, только подробностей, ибо статья уничтоженія осталась въ договорѣ. Король самъ писалъ очень любезное письмо къ гетману. Тотъ послалъ свое согласіе, и 6 мая послалъ гонца къ королю, и приказалъ ему ѣхать скоро днемъ и ночью. Гетманъ просилъ какъ-можно-скорѣе утвердить договоръ и прислать обратно депутатовъ для спокойствія края.

Объ Избы утверждали договоръ въ полной увѣренности, что это дѣлается для приманки русскаго народа: представители Рѣчи-Посполитой утѣшали себя тѣмъ, что будутъ имѣть возможность нарушить его.

XV.

По утвержденіи договора на сеймѣ, назначили день торжественной присяги. Это событіе происходило 22 мая. Въ сенаторской Избѣ, посреди всѣхъ собранныхъ духовныхъ и свѣтскихъ членовъ сената и всѣхъ пословъ Рѣчи-Посполитой, приготовленъ былъ великолѣпный

тронъ. Собрались члены засѣданія; въ одиннадцатомъ часу утра явился король и сѣлъ на тронъ. Тогда позвали пословъ Великаго Княжества Русскаго. Они взошли въ парадной процессіи и стали въ рядъ. Канцлеръ коронный во имя короля и Рѣчи-Посполитой проговорилъ красно-сложенную рѣчь: объявлялъ козакамъ и русскому народу совершенное прощеніе и примиреніе, и извѣщалъ, что его величество король соизволилъ утвердить гадячскій договоръ, заключенный Бенёвскимъ 16 сентября 1658 года. По окончаніи этой рѣчи, примасть королевства, гнѣзненскій архіепископъ, всталъ съ своего мѣста и подалъ королю написанную присягу. Положа два пальца на евангеліе, Іоаннъ-Казиміръ проговорилъ ее слѣдующимъ образомъ:

«Я, Іоаннъ-Казиміръ, милостію Божіею король польскій, великій князь литовскій, русскій, прусскій, мазовецкій, кіевскій, жмудскій, волынскій, ливляндскій, смоленскій, черниговскій, шведскій, готскій и вандалскій наслѣдственный король, присягаю Господу Богу всемогущему, въ Троицѣ святой сущему, единому, предъ святымъ его евангеліемъ въ томъ, что я принимаю и утверждаю договоръ, заключенный, отъ имени нашего и отъ имени всей Рѣчи-Посполитой, съ Войскомъ Запорожскымъ, и обещаю сохранять и исполнять и оберегать этотъ договоръ, ни въ чемъ его не уменьшая, но всячески предохраняя отъ какого бы то ни было измѣненія. Никакія привилегіи, древнія и новыя, никакія сеймовыя конституціи, какъ прошлыя, такъ и будущія, никакія уловки и толкованія никогда во вѣки не будутъ вредить этому договору и всѣмъ пунктамъ его, заключающимъ права и преимущества греческой религіи Великаго Княжества Русскаго и народной свободы. Я и наслѣдники мои обязываемся королевскою присягою хранить этотъ договоръ ненарушимо и неприкосновенно на вѣчныя вѣки и оказывать справедливость жителямъ Великаго Княжества Русскаго безо всякой проволоочки и лицепріятія, по ихъ правамъ и обычаямъ; и еслибъ я, сохрани Боже, нарушилъ эту мою присягу, то народъ русскій не долженъ мнѣ оказывать никакой покорности: такимъ поступкомъ я увольняю его отъ достодолжнаго повиновенія и вѣрности, причемъ обещаюсь не требовать и ни отъ кого не принимать разрѣшенія этой моей присяги. Да поможетъ мнѣ Господъ Богъ и святое его евангеліе. Аминь.»

За королемъ присягали отъ лица всего римско-католическаго духовенства архіепископъ гнѣзненскій — примасть духовенства въ королевствѣ Польскомъ, и епископъ виленскій — главное духовное лицо

въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Архіепископу гнѣзненскому читалъ присягу канцлеръ. «Клянусь,» гласила присяга, «что ни я, ни преемники мои не станемъ нарушать ни въ чемъ гадячской комиссіи и не будемъ допускать къ нарушенію оной ни его королевское величество, ни кого бы то ни было въ королевствѣ Польскомъ и великомъ княжествѣ Литовскомъ, ни явными, ни тайными средствами, ни протестаціями, ни клятвами, ни порицаціями.»

Присягнули гетманы коронный и литовскій за все войско. «Объщаемся,» говорили они, «не нарушать гадячской комиссіи и не допускать къ нарушенію ни совѣтомъ нашимъ, ни войскомъ, и если бы кто хотѣлъ ее нарушить, того мы обязываемся укротить войскомъ нашимъ.»

Присягали канцлеры и подканцлеры королевства Польскаго и великаго княжества Литовскаго. «Обязываемся,» говорили они, «никакихъ грамотъ, указовъ, привилегій, завѣщаній, противныхъ гадячской комиссіи, заключенной съ Войскомъ Запорожскимъ и совѣмъ народомъ русскимъ, не выпускать и не позволять выпускать изъ нашихъ канцелярій.»

Присягнулъ Янъ Гнѣзскій, маршалъ Посольской Избы, отъ лица всѣхъ представителей Рѣчи-Посполитой. «Мы и наследники наши,» говорилъ онъ, «обязываемся и присягаемъ хранить гадячскую комиссію, заключенную именемъ короля и всей Рѣчи-Посполитой съ Войскомъ Запорожскимъ и со всѣмъ народомъ русскимъ, ни въ чемъ ее не нарушать и всегда препятствовать нарушать оную; равнымъ-образомъ, не требовать ни отъ кого и не принимать разрѣшенія нашей присяги.»

По окончаніи присяги всѣхъ чиновъ Рѣчи-Посполитой, слѣдовала присяга со стороны представителей Великаго Княжества Русскаго. Кіевскій митрополитъ принесъ евангеліе, окованное золотомъ, и распятіе, и положилъ на столѣ. Начальные люди изъ козацкихъ пословъ приносили присягу сначала по одиночкѣ, поднявъ вверхъ пальцы, и по окончаніи рѣчи дѣловали евангеліе; потомъ, по два человѣка разомъ, присягали—атаманы, зсаулы и сотники; а наконецъ, когда эта церемонія показалась слишкомъ длиною, всѣ остальные стали на колѣни и подняли вверхъ два пальца. Генеральный писарь, Груша, читалъ за всѣхъ присягу и, по окончаніи, всѣ дѣловали евангеліе и крестъ. Присяга русскихъ пословъ была такая:

«Мы, послы русской націи, отъ имени ея присягаемъ Богу всемогущему, во святой Троицѣ сущему, въ томъ, что отъ сихъ поръ мы пребудемъ вѣрны его величеству государю своему Іоанну-Казимиру,

королю польскому и шведскому и великому князю литовскому, и его законнымъ наследникамъ и польской Рѣчи-Посполитой, общаемъ во всякое время охранять ихъ своимъ тѣломъ, кровію, жизнью и имуществомъ противъ всякаго врага, при всякомъ случаѣ; отрекаемся отъ всякихъ союзовъ, прежде нами заключенныхъ съ иными, и отъ сношеній съ чужими государствами, особливо съ царемъ московскимъ; общаемъ не принимать и не посылать посланниковъ и ни съ кѣмъ не переписываться безъ вѣдома его величества или наследниковъ его пвсей Рѣчи-Посполитой; въ случаѣ безкоролевья, участвовать въ избраніи королей купцо со всею Рѣчью-Посполитою и ничего не постановлять безъ позволенія Рѣчи-Посполитой; не начинать бунтовъ, но укрощать всякое малѣйшее покушеніе къ онымъ, коль скоро оно сдѣлается намъ извѣстнымъ; во всемъ сообразоваться съ волею его величества и Рѣчи-Посполитой и споспѣшествовать всему, что къ пользѣ его величества и цѣлой короны польской служить можетъ. Если же, сохрани Богъ, кто-нибудь изъ насъ дерзко станетъ дѣйствовать вопреки сему, то мы свидѣтельствуемъ предъ Богомъ, что насъ никто отъ этого грѣха разрѣшить не можетъ, ни патриархъ, ни митрополитъ, ни другое какое-либо лицо.»

Въ другомъ экземплярѣ, подробнѣйшемъ, и вѣроятно, написанномъ уже послѣ обряда, конецъ этой присяги таковъ: «Если же мы, съ гетманомъ и со всѣмъ Войскомъ Запорожскимъ, кромѣ бунтовщиковъ, которыхъ общаемся истреблять, окжемся противными гадячской комиссіи, то теряемъ всѣ права и вольности, намъ данныя.»

По окончаніи присяги послы были допущены къ королевской рукѣ, и все собраніе торжественнымъ шествіемъ отправилось въ церковь св. Іоанна, гдѣ отправлено было благодарственное богослуженіе. Едва только хоръ окончилъ «Te Deum laudamus», какъ въ то же мгновеніе пошелъ дождь; «этотъ дождь,» говоритъ современникъ, «былъ теплый и плодотворный дождь, и вслѣдъ за нимъ послѣдовала прекрасная, свѣжая погода. Поляки принимали это явленіе за счастливое прообразование: какъ этотъ дождь приносить свѣжесть и плодородіе, такъ возстановленный миръ да обогатитъ благословіемъ и даруетъ процвѣтаніе Рѣчи-Посполитой!»

Послѣ того, знатнѣйшіе сановники приглашали пословъ Великаго Княжества Русскаго на пиршества, принимали ихъ съ знаками любви и уваженія; козакъ показывали большую привязанность къ королю и Рѣчи-Посполитой. «Мы теперь желаемъ одного,»—говорили они,—

«чтобъ насъ послали противъ Москалей или Шведовъ, дабы доказать, какъ охотно готовы мы принести свою жизнь за его величество. Въ—случаѣ, если Шведъ откажется заключить честный миръ, мы съ большими силами вторгнемся въ Ливонію, даже въ сердце самой Швеціи, чтобъ возвратить нашему государю права, данныя ему Богомъ и справедливостію.» Они, дѣйствительно, отправили грека Θεодосія въ Швецію съ извѣстіемъ, отъ имени всей русской націи, что русская нація заключила съ королемъ и Рѣчью—Посполитою вѣчный миръ, и поэтому нетолько должны прекратиться всѣ прежніе договоры съ Швеціею, но если шведскій король не вознаградитъ польскаго короля за всѣ потери, которыя нанесъ ему во время войны, то они вторгнутся въ Швецію и въ принадлежащія ей земли (1).

Такъ совершилось это громкое и—безплодное дѣло. Король и члены Рѣчи-Посполитой произносили свою страшную присягу въ полной увѣренности, что измѣнять ей. Козаки, несмотря на свои увѣренія, мало въ сущности подавали надежды: если они за пять лѣтъ передъ тѣмъ присягали въ вѣрности московскому государю, а теперь присягали королю, то и послѣдняя присяга ихъ могла подвергнуться участи первой. Прибывшіе козаки произведены были въ шляхтичи, но навѣрно не всѣ, ибо о Носачѣ послѣ говорено было, что онъ остался неудовольствованъ, въ то время, когда давали дворянство слугамъ Выговскаго (2). Тогда же Поляки съ неудовольствіемъ замѣтили, какъ одинъ какой—то весельчакъ, изъ произведенныхъ въ шляхтичи, спросилъ своего товарища:

— А что, братъ, не сдѣлалась ли тѣнь моя больше, когда я сталъ дворяниномъ (3)?

Обласканные, они возвратились въ свое Великое Княжество Русское, и Великое Княжество Русское пало при самомъ своемъ основаніи.

XVI.

Мы уже видѣли, какъ много было враговъ у Выговскаго и его партіи, и какъ удобно могли они найти себѣ опору въ народной массѣ. Гадячскій трактатъ грозилъ Украинѣ утвержденіемъ шляхетскаго

(1) Umständliche Relation. — Присяги при спискахъ гадячскаго договора.

(2) Пам. Киев. комм. III, 3. 427.

(3) Ann. Pol. Cl. II, 394.

порядка, ненавистнаго черни. То, чего народъ такъ боялся, теперь совершалось. Еще смыслъ новозаключеннаго союза съ Польшею не былъ вполне извѣстенъ народнои массѣ; но для народа было уже достаточно того, что Украина соединялась съ Польшею: это соединеніе, въ какой бы формѣ оно ни являлось, было ненавистно при слшшкомъ свѣжихъ воспоминаніяхъ о прошедшемъ.

По возвращеніи изъ Варшавы, Немиричъ принялъ начальство надъ *затяжнымъ* войскомъ, и разставилъ его въ Нѣжинѣ, Черниговѣ, Борзніѣ и другихъ мѣстахъ. *Консистенція* (квартированіе) затяжнаго войска всегда была самымъ тягостнымъ для народа обстоятельствомъ и одною изъ важнѣйшихъ причинъ ненависти къ польскому владычеству. Народъ, не зная и не понимая сущности договора съ Польшею, видѣлъ въ этомъ появленіи войска въ Украинѣ возвращеніе къ старымъ временамъ. Легко могли тогда воспользоваться недовольствомъ народа враги Выговскаго и честолюбцы, увидавшіе въ его низверженіи возможность подняться самимъ. Протопопъ Филимоновъ успилъ свою работу. Въ Нѣжинѣ присталъ къ нему Василій Золотаренко, шуринъ Богдана Хмельницкаго. Онъ надѣялся сдѣлаться гетманомъ. Въ Переяславѣ, полковнику Тимоою Цюцюрѣ пришла тоже мысль достигъ гетманства услугами московскому правительству. Двѣ соперничающія стороны на-время дѣйствовали, пока, заодно. Между-тѣмъ, другіе внушили Юрію Хмельницкому притязаніе искать гетманства, какъ своего права, уже дарованнаго ему народомъ на радѣ. Юрій отправилъ слугу своего отца, Ивана Мартыновича Бруховецкаго, въ Запорожье: храбрый Иванъ Сѣрко, Кальницкій полковникъ, бывший въ Сѣчѣ, принялъ его сторону, и Сѣчь провозгласила его гетманомъ. Сѣрко съ Запорожцами шелъ на города, призывая подъ свои знамена козаковъ именемъ Хмельницкаго. Цюцюра, чтобъ выслужиться скорѣе, рѣшился на смѣлое дѣло: въ послѣднихъ числахъ августа, онъ началъ призывать къ себѣ значныхъ козаковъ Переяславскихъ, сотника Стефана Северина, нѣкоторыхъ изъ знатныхъ и богатыхъ фамилій, каковы были—Сулимы, Лободы и другія. Каждого призывалъ онъ по одиначкѣ и склонялъ ихъ принять сторону Москалей и пригласить князя Трубецкаго съ войскомъ; каждый отвергалъ предложенія, и каждого Цюцюра приказывалъ связывать и потомъ убивать. Такъ погибалъ каждый, добровольно приходя на смерть, не зная, что сдѣлалось съ тѣмъ, кто являлся къ Цюцюрѣ прежде. Гонецъ поскакалъ къ Трубецкому съ извѣстіемъ, что враги царя истре-

блены, и съ просьбою скорѣе двинуться къ Переяславу. 1 сентября присланы были изъ Переяслава отъ Цюцоры козаки въ Нѣжинъ. Въ городѣ стояли затажные жолнеры; полковника Гуляницкаго не было въ городѣ. Золотеренко, вмѣсто его начальствовавшій въ Нѣжинѣ, оставилъ ворота безъ стражи; козаки вошли ночью, и крикнули: *бийте Ляхівъ!* Посполитые прѣстали къ козакамъ, и въ теченіе одного часа перебили всѣхъ жолнеровъ безъ разбора: пять *хоругвей* ихъ погнбло, говорить современникъ; никого не щадило посольство, потому—что не хотѣло давать *стациі* (содержанія) жолнерамъ. По примѣру Нѣжина, и въ другихъ сосѣднихъ городахъ и мѣстечкахъ начали избивать жолнеровъ. Ихъ *рейментарь* — Немиричъ бѣжалъ; козаки поймали его за Кобизчею, близъ села Свѣдовца, и изрубили въ куски.

Выговскій, услыхавъ о возмущеніи, убѣжалъ изъ Чигирина, по собственнымъ словамъ его, верхомъ, въ одной *сукманкѣ* (¹), и назначилъ раду подъ Германовкою (²). Онъ приказалъ Верещака и Сулимѣ читать предъ собраніемъ Гадячскій договоръ, и собирався объяснить выгоды, какія получить отъ этого отечество, и разсѣять возникшіе толки. Но въ собраніи поднялся шумъ и крикъ. Обвиняли гетмана за разореніе мѣстечекъ и селъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, за жестокія казни надъ своими врагами; нѣкоторые говорили, что гетманъ продаетъ Украину крымскому хану и хочетъ возстановить Астраханское царство; укоряли его, что онъ оклеветалъ московскаго государя и взвелъ на него такіе умыслы, о которыхъ царь и не думалъ (³). Многихъ пугала возрастающая власть Выговскаго, который, изъ избраннаго и зависящаго отъ собранія предводителя, дѣлался воеводою и княземъ русскимъ (⁴). Его возвышеніе вооружало противъ него и старшинъ, прежнихъ соучастниковъ его замысловъ,—однихъ—по зависти, другихъ—по причинѣ личнаго его высокомерія и вражды: такимъ—образомъ, онъ раздражилъ Носача, который былъ хуже другихъ вознагражденъ на сеймѣ; раздражилъ Ковалевскаго, умышляя тайно на жизнь его въ Чигиринѣ (⁵). Но болѣе всего вооружились противъ Гадячскаго договора козаки, не попавшіе въ дворянство

(¹) Пам. кievск. комм. III, 325.

(²) Пам. кievск. комм. III, 377.

(³) Лѣт. малоросс.

(⁴) Пам. кievск. ком. III, 425.

(⁵) Пам. кievск. ком. III, 3, 430.

и завидовавшіе тѣмъ, которые получили его (1). Они были увѣрены прежде, что Гадячскій договоръ дастъ имъ всеѣмъ шляхетское право, но потомъ увидѣли, что только немногимъ оно досталось, по произволу гетмана, и для того, чтобъ властвовать надъ остальными. Рада превратилась въ неистовую междоусобную драку. Верещака и Сулима были изрублены въ куски; самъ Выговскій избѣжалъ смерти, оттого, что его закрыло наемное войско — польскій отрядъ въ тысячу человекъ, убѣжавшій вмѣстѣ съ нимъ изъ разъяреннаго собранія. «И бѣжалъ овъ», — говоритъ украинскій летописецъ, — «какъ бѣжитъ обожженный изъ пожара».

XVII.

Нѣкоторые пріатели совѣтовали Выговскому бѣжать въ степь къ хану. Посланникъ турецкій предъ тѣмъ только пріѣзжалъ къ нему, съ готовностью, отъ имени Порты, защищать его и толковалъ, что Турція давно уже имѣетъ право на Украину, потому что одиннадцать лѣтъ охраняетъ ее своимъ оружіемъ отъ разныхъ непріятелей. Выговскій отвергъ это предложеніе, несмотря на то, что жена его находилась въ Чигиринѣ, и вмѣстѣ съ Андреемъ Потоцкимъ, отправился въ Бѣлюю-Церковь.

Толпа козаковъ послѣдовала за нимъ, и недалеко отъ Бѣлой-Церкви, въ Взишнѣ, собралась снова рада. На этой радѣ Выговскій былъ отрѣшенъ отъ гетманства и гетманомъ провозглашенъ Юрій Хмельницкій. Къ Выговскому явились посланцы и требовали, чтобъ онъ пріѣхалъ на раду и торжественно сложилъ булаву. Выговскій не поѣхалъ. Тогда снова явились къ нему каневскій полковникъ Лизогубъ и мѣргородскій-Лѣвницкій и требовали, чтобы Выговскій, если самъ не хочетъ ѣхать, то прислалъ бунчукъ и булаву. При этомъ они обратились къ начальнику вспомогательныхъ польскихъ войскъ, Андрею Потоцкому, просили его склонить гетмана и увѣряли, что Войско Запорожское желаетъ оставаться въ вѣрности и подданствѣ короля. Выговскій еще сопротивлялся, но рассудилъ, что противъ воли цѣлаго козачества нельзя удерживаться, и сказалъ: «Я отдаю бунчукъ и булаву, но съ тѣмъ условіемъ, что Войско Запорожское останется въ непоколебимой вѣрности королю».

Полковники обѣщали.

(1) Hist. pan. Jana Kaz. II, 483, 402.

Выговскій вручилъ свою булаву и бунчукъ брату своему, Данилу, и вмѣстѣ съ послами отправилъ его на раду.

Андрей Потоцкій послалъ съ ними польскаго полковника, Корчевскаго, съ тремя пунктами: во-первыхъ, чтобъ козаки дали присягу въ вѣрности королю, чтобъ ввели дворянство въ имѣнія и выпустили жену Выговскаго и другихъ людей, находящихся въ Чигиринѣ, для чего дали бы заложниковъ въ вѣрности.

На дорогѣ, эти послы встрѣтили козацкое войско. Козаки грозили силою схватить Выговскаго, показывали длинное обвиненіе, написанное на радѣ, и требовали, чтобъ Поляки его оставили. «Каждый изъ насъ», — отвѣчалъ Корчевскій, — «лучше радъ — и не разъ, а нѣсколько разъ — умереть, нежели постыдно оставить усерднаго слугу короля».

Но козаки успокоились, когда узнали, что Выговскій добровольно отказывается отъ гетманства. Бунчукъ и булава положены были на радѣ.

Козаки радостными окликами провозгласили Юрія Хмельницкаго гетманомъ.

Взявши булаву, Юрій спросилъ: — кого желаете признать государемъ: — польскаго короля или московскаго царя? —

Старшины и простые козаки закричали, что они желаютъ короля. Но на этой радѣ было немногочисленное собраніе: черезъ нѣсколько дней оказалось, что большинство было вовсе не на сторонѣ короля.

«Благодарю васъ за вѣрность,» — сказалъ Корчевскій, и подальше имъ другіе два пункта.

На выпускъ жены Выговскаго козаки согласились. Что же касается до требованія ввести шляхту въ имѣнія, то они — говоритъ Андрей Потоцкій въ своемъ донесеніи — отложили разсужденіе объ этомъ на дальнѣйшее время, а исполненіе будетъ развѣ въ день судный.

По окончаніи рады, обозный Носачъ, полковники Гуляницкій и Дорошенко, прибыли въ Бѣлую Церковь и дали Выговскому подлинску гетмана и всѣхъ старшинъ въ томъ, что они доставятъ ему жену и поляковъ изъ Чигирина (1).

(1) Пам. Кіевск. Комм. III. Э. 378—382.

Такъ окончилось гетманство Выговскаго; съ нимъ кончилось и Великое Княжество Русское. И Украинцы и Поляки были не въ состояніи — первые — понять этотъ плодъ созданія головъ, стоявшихъ не въ уровнѣ съ народомъ, вторые — съ честію и прямою сохранити данное слово.

Эти междоусобныя смуты разстроили Украину нравственно и физически. «Сила козаковъ ослабѣла въ буряхъ междоусобныхъ», — писалъ Выговскій къ королю ⁽¹⁾: «громаднѣйшіе полки: Полтавскій, гдѣ было сорокъ тысячъ населенія, Миргородскій, гдѣ было тридцать тысячъ, Прилуцкій и Ирклѣвскій, погибли въ конецъ; города и села заростають крапивою. Здѣсь страшное вавилонское столпотвореніе, — говоритъ Полякъ современникъ, описывая междоусобія при Выговскомъ ⁽²⁾: мѣстечко воюетъ противъ мѣстечка, сынъ грабитъ отца, отецъ — сына. Цѣль ихъ — чтобы не быть ни подъ властію короля, ни подъ властію царя; и они думаютъ этого достигнуть — ссоря и страшая короля — царемъ, а царя — королемъ. Благоразумнѣйшіе молятъ Бога, чтобъ кто нибудь — король ли, царь ли — скорѣе забралъ ихъ въ крѣпкія руки, и не допускалъ безумной черни своевольничать.»

И. Костомаровъ.

Январь 1861.

⁽¹⁾ Пам. Кіевск. Ком., III. З. 408.

⁽²⁾ Пам. Кіевск. Ком., III. З. 302, 300.

Б А Ї К Ц.

I.

ВОВКЪ ТА ЯГНЯ.

На світі вже давно ведётся,
Що нижчий передъ вищимъ гнётся,
А більший мѣншого тусѣе та ще й бѣе,—
 За-тимъ, що сила е...
Приміръ не довго-бъ показати,—
 Та—цуръ ёму!—на що чіпати...
А все щобъ правди не ховать,
Я хочу байку розказати.

У-літку, саме середъ дня,
Пустуючи, дурне Ягня
Само забіглося до річки—
 Напійтися водички.
Отъ, чи піло, чи ні,—гледить—
Ажъ суне Вовкъ—такий страшенний
Та здоровенний!
Та такъ прямисінько й біжить
До бідного Ягняти.
Ягняті нікуди тікати:
 Стоить, сердешне, та дрижить...
А Вовкъ, неначе комисаръ, кричить
(Вінъ, щобъ присікатиця, знайшовъ причину):
 «На що се ти, собачий сипу,
Тутъ каламутишь берегъ мій

Та ввінпшъ пісь погáнпй свій
 У чістую оцью вóду?
 Та я тобі за сью шкóду—
 Ти знáешъ—щó зрòблю?..
 Якъ мўху задавлю!»
 — «Ні, пáночку...» Ягнй ёму мовляе:
 «Водіці я не зколотівъ,
 Бо ще й не пивъ;
 А хочъ би й пивъ, то шкóди вь тймъ немае,
 Бо я стою зовсімъ не тамъ,
 Дё трéба пíti вамъ,
 Та ще й вода одъ васъ сюді збігае».—
 «Такъ се-бъ то я брешу?» тутъ Вовкъ ёму гукнувъ.
 «Чи бачъ! ище й базікать стáло...
 Такóго ще погáнця не бувáло?..
 Здаётця, ти й позáторікъ тутъ бувъ
 Та кáпості мнш рòбівъ.... Тривáй-же!
 Ти думáешъ, що я забўвъ?..
 — «Помілуйте!» ёму Ягнйтко кáже:
 «Я нá світі ще й гóду не прожівъ».
 «Такъ братъ твій бувъ».—«Немá братівъ».—
 «Такъ, мóже, бáтько,
 Колі не дядько...
 Абó жъ хто-пéбудъ зъ вáшпхъ бувъ...
 Хібá не знáю я, не чувъ,
 Що ви усі менé бъ пззлп,
 Якъ-би вловіли?
 Собáкп й вівчарі твоі,
 Усі ви—ворогі моі;
 Одъ васъ мнш жптті пемáе...
 Щé мáло я терпівъ?»
 — «Такъ чимъ же я вамъ досадівъ?»
 Ягнйтко, плáчучп, пптáе.
 «Цитъ, кáпостне! лпбóнь не знáе...
 Ще й огрпзáетця, щені!
 Щó ти за птáця?! ти—Ягнй!
 Якъ смéло ти менé пптáти?

Вовкѣ, може, їсти захотів!..
Не вамъ про тее, дурнямъ, знати!»

II—Вовкѣ Ягнѣтко задавивъ...
На що їму про тее знати,
Що, може, плаче бідна мати,
Та побиваєтця якъ рибицька обѣ лідь:
Вінъ вовкѣ, вінъ панъ лѣсної... їму не слідъ....
Л. Глѣбовъ.

II.

ЛЕВЪ ТА МІША.

Старѣнька Міша горювала —
Їй бідній, нігде було житъ,
Головоньки на старість прихилѣть:
Самѣ-собі по світові блукала...
Дітокъ нема: були колись,
Теперички по світу розбрелісь...
Однімъ-одна зостадала мати! —
Отъ и пішла вона звичайненько прохати,
Щобъ Левъ въ дуплі дозволивъ їй,
Самѣтній и старій,
Хазяйство завести маленьке,
Билѣ *їхъ милости* близенько:
«Хочъ сила всімъ страшна твоя,
Хочъ панъ ти, (каже), міжъ панами,
Та, хто зна, що ще буде зъ нами?
Въ пригоді, може, стану й я...»
— Хто? ти? — Левъ заревівъ: — така погана,
Менѣ, такого пана —
Сюди задурювать прийшла?...
Пішла!!
Бачъ, теревені розпустила!
Тікай, поки ще ціла! —
Злякалася Міша, та оритьмомъ,
Поміжъ травюю; лопушкѣмъ,

Зъ переполбху почухрала —
 Туді-сюді—й зъ очей пропа́ла.
 А Левъ пішовъ поживи розглядать,—
 Та у тенета, якосъ, й піймався.
 Рвонувъ вінъ разъ—тенета не тріщать;
 У-друге, въ-трете—ні!.. Вже якъ не силкувався,
 Якъ не ревівъ,
 И не вертівъ,
 А все-таки но вивертівсь: зостався!
 Прибігли люде,—ўзяли,
 Зв'язали бідного, та й повезли,
 По ярмаркамъ въ залізній клітці,
 На диво світові всьму
 (Мабуть були німецькі мітці!)
 Прийшлося гірко бідному ёму...
 Згадавъ про Мйшу, що вона казала,
 Та й дума, плачучи: «якъ-би вона була,
 Загінути бъ мині, дурному, не дала,—
 Тенета бъ всі попрогрізала...
 И я бъ гулявъ, оцѣ, въ зелѣному гаю,
 Мовъ у раю...»
 А самъ, сердешний, слізонький ковтае:
Е каятте, та вороття немае!

Скажу я, люде добрі й вамъ:
 (До казки приказка годітця,—
 Хочъ и панамъ—):
 Не плюй въ колодизь:—пригодітця,—
 Воді напітьця...

Л. Глѣбовъ.

III.

ЛІСЦЯ И БАБАКЪ.

«Куди тякъ, кумо, удираешъ?»
 Питавъ Лисцю кумъ Бабакъ.

— Охъ, кумоньку-голубчику, хібажъ не знаешъ?

Терплю не знать за щоб, а такъ —

Напáли, да й напáли,

Да, будьсімъ-то, за хабарі й прогна́ли.

Ти звисенъ, міжъ курмі сүддєю я була:

Ні іла, ні пи́ла,

И пічки не доспáла,

И тільки те й робила,

Що все курєй судила;

И скількі-то могó здорóвьячка пропа́ло!

Ще́ жъ за те и въ бідоньку попáла;

А все дурнісінько... Щó будешъ вже казáть,

Якъ нападуть, да візьмутця брехáть?

Отсебъ я хабарі брать заходилась?

Нехáй Богъ мйдує... хіба бъ скзоялась!

Я здáмся, куме, на тебе: чи скáжешъ ти,

Щобъ я на гріхъ такий задумала пйті?

Подумай-лишъ, да погадай пильпенько. —

«Ні, кумонько... а бáчивъ я частєнькó,

Що коло тебе пйрьячка рясенько...»

Такъ инчий при суді зідхáе,

Мовъ хлїбъ останній доїдає;

Да що й казати? Усягъ те зна,

Що у єгó худібчнни катъ-мá,

Да и за жінкою не взявъ,

А дивпсея — хорóмн спьявъ;

Хочъ грошей, кáже, и голó,

Однакъ за віщось-то купивъ село...

Тепєрь пехáй розумний пощитає,

Що наперєдъ въ єгó було,

И що тепєрєньки вінъ має.

Вопо-то, бачъ, и не докажешъ

Съ чого вінъ тєе все громить;

А вже хочъ гріхъ, хочъ два, а скáжешъ

Що и въ єгó на пйці пйрьячко стремить.

Р. Влтавський.

КРАТКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ КРАЯ,

НАСЕЛЕННАГО ЮЖНОРУССКИМЪ (УКРАИНСКИМЪ ИЛИ МАЛОРОС-
СІЙСКИМЪ) НАРОДОМЪ.

II.

Край, населенный южнорусскимъ народомъ, въ отношеніи лѣсовъ, можетъ быть раздѣленъ на три части: страну *лѣсную*, *безлѣсную* или *степную*, и *переходную*. Лѣсная страна съ степною нигдѣ не сходитъ близко, а напротивъ, онѣ разграничены переходными полосами, т. е. такими, въ которыхъ жители хотя не богаты лѣсами, однако еще не ощущаютъ въ нихъ снѣлаго недостатка. Обильны лѣсами слѣдующія полосы: гребень, сѣверныя покатости и часть южныхъ склоновъ Карпатскихъ горъ; сѣверовосточная часть Люблинской губерніи; все Полѣсье, начиная отъ долины западнаго Буга до береговъ Днѣпра, и сѣверная часть Черниговской губерніи. Къ степной полосѣ можно причислить, по правую сторону Днѣпра, все пространство между низшимъ теченіемъ Днѣстра, на сѣверъ, почти до г. Балты, а оттуда, на востокъ, до г. Черкасъ при Днѣпрѣ, съ юга ограниченное берегами Чернаго моря. По лѣвую сторону Днѣпра, степная полоса захватываетъ всю Полтавскую губернію, три южныхъ уѣзда Черниговской, южную часть Курской, Харьковскую, Екатеринославскую и Таврическую губерніи (за исключеніемъ Крымскихъ горъ) и Земли Войска Донскаго и Черноморскаго. Мы не говоримъ, что въ этой степной полосѣ вовсе нѣтъ лѣсовъ, но лѣса тутъ болѣе или менѣе рѣдки. Наконецъ, къ переходной полосѣ принадлежатъ всѣ остальные части края.

Въ Галиціи, Буковинѣ и Сѣверной Венгріи лѣса находятся и въ долинахъ, и вообще вся страна, населенная Русинами на западѣ не нуждается въ лѣсѣ. Въ горахъ растутъ сосна, ель, береза и—на высшихъ точкахъ—*pinus sembra*—дерево, сравниваемое, по крѣпости его, съ тиковымъ деревомъ, растущимъ въ Остѣ—Индіи; оба эти рода безопасны отъ чреваточины. Въ долинахъ преобладаютъ дубъ и букъ, а около селеній—пирамидальный тополь. Во всей Люблинской губерніи считается лѣсовъ 797 тысячъ десятинъ, а какъ восточная половина губерніи, населенная русинами, болѣе лѣсиста, чѣмъ западная, то и можно положить на эту половину $\frac{2}{3}$ всего количества лѣсовъ, что показываетъ избытокъ въ нихъ. И дѣйствительно, въ весеннее половодье, по всѣмъ притокамъ Буга и Вепржа, лѣсъ сплавляется въ Вислу въ значительномъ количествѣ. На сухихъ мѣстахъ, на песчаномъ грунтѣ Люблинской губ., растутъ лѣса игольчатые, какъ-то: сосна, ель, пихта и, весьма рѣдко, лиственница. Въ черноземной же полосѣ лѣса смѣшанные, изъ деревъ игольчатыхъ и изъ вербы, березы, ольхи, дуба, бука, граба, явора, ясени, клена, вяза и липы. Кустовыя же и малыя деревья здѣсь произрастаютъ всѣхъ родовъ, свойственныхъ умѣренному климату. Полѣсье обильно по преимуществу елью и сосною. Но лѣсъ, растущій въ Полѣсьѣ, по причинѣ болотистаго грунта и влажнаго климата, не проченъ и не въ цѣнѣ; и какъ по этой причинѣ, такъ и по неимѣнію дорогъ, деревья здѣсь часто пропадаютъ на корнѣ; притомъ же, изъ всего количества лѣсовъ въ Полѣсьѣ, и половина деревьевъ не достигаетъ хорошаго роста. Однако есть пространства, составляющія какъ бы острова, въ которыхъ сосна достигаетъ и полнаго роста и полнаго объема. Лѣса Черниговской губерніи не тянутся сплошь, какъ въ Полѣсьѣ, а растутъ отдѣльно большими пространствами. Остерскій уѣздъ—самый обильный лѣсами въ этой губерніи, а Козелецкій—самый бѣдный. За исключеніемъ этого и Нѣжинскаго уѣздовъ, принадлежащихъ къ степной полосѣ, въ Черниговской губерніи подъ лѣсами 770 т. десятинъ, т. е. $\frac{1}{6}$ часть всего пространства. Породы деревъ въ этихъ лѣсахъ тѣже, что и въ Люблинской губ., съ тою разницею, что въ сѣверной части Черниговской губ. преобладаетъ сосна и ель, а въ южной—лиственныя породы. Въ Волынской губерніи, изъ 640 т. десятинъ всей земли, подъ лѣсами 2700 дес. Эти лѣса принадлежатъ болѣе къ Полѣсью, или къ сѣвернымъ уѣздамъ; южныя же или малолѣсны, или не имѣютъ вовсе лѣсовъ, какъ напр. Старо-Копстантиновскій, въ которомъ

лѣса занимаютъ только $\frac{1}{29}$ часть всего пространства. Въ Киевской губерніи только одинъ Радомысльскій уѣздъ принадлежитъ къ лѣсной полосѣ, и мѣстность чѣмъ ближе къ югу, тѣмъ открытѣе, но безлѣсныхъ уѣздовъ вовсе нѣтъ, а потому ее можно причислить къ лѣсной переходной полосѣ. Подольская губернія принадлежитъ также къ этой полосѣ, потому что лѣса занимаютъ въ ней менѣе $\frac{1}{6}$ части всего пространства. Больше лѣсовъ въ Ольгопольскомъ, менѣе всѣхъ въ Проскуровскомъ уѣздѣ. Игольчатыхъ деревь здѣсь весьма мало; лиственные же принадлежатъ къ розамъ, растущимъ обыкновенно въ умѣренномъ климатѣ; между ними дубъ здѣшній отличнаго качества.

Въ Херсонской губ. лѣса занимаютъ только $\frac{1}{45}$ часть пространства; изъ этого количества только $\frac{1}{2}$ строеваго. Есть полосы въ нѣсколько сотъ верстъ, на которыхъ не встрѣчается ни малѣйшей рощи; кое-гдѣ только въ полѣ одиноко растутъ дикія яблони и груши, да по селамъ, въ садахъ, фруктовыя деревья. Воронежская и Курская губ. хотя и причисляются къ степнымъ губерніямъ, но въ первой подъ лѣсамъ находится $\frac{1}{10}$, а во второй почти $\frac{1}{7}$ часть всего пространства. Сплошныхъ лѣсовъ въ этихъ губерніяхъ почти нѣтъ, а существуютъ отдѣльныя рощи. Въ Харьковской губ. лѣса разбросаны рощами и почти равномерно распределены по всѣмъ уѣздамъ, составляя $\frac{1}{40}$ часть всего пространства. За исключеніемъ Перелславскаго и Прилуцкаго уѣздовъ, Полтавская губ. бѣдна лѣсами, такъ-что подъ ними находится только $\frac{1}{30}$ часть общаго пространства, въ вышесказанныхъ же двухъ уѣздахъ $\frac{1}{10}$ часть. Вся Екатеринославская и сѣверная часть Таврической, равно и степь полуострова Крыма почти безлѣсны, въ нихъ только $\frac{1}{60}$ заняты лѣсами. Горы же, тянуціяся по южному берегу полуострова, покрыты большими лѣсамъ. Наконецъ, въ Землѣ Войска Донскаго лѣса занимаютъ только $\frac{1}{40}$ часть всего пространства, а округъ Черкасскій имѣетъ всего три рощи въ 560 десятинъ дровянаго лѣса, что составитъ двухтысячную часть пространства округа.

Описываемый нами край не богатъ дорогами, столь необходимыми для развитія промышленности: на всемъ пространствѣ только одна *железная дорога*, по которой открыта ѣзда; это дорога изъ Кракова чрезъ Львовъ въ Черновицъ; проходитъ по Австрійской Галиціи и Буковинѣ. Въ южнорусскихъ нашихъ предѣлахъ, желѣзная дорога существуетъ лишь въ предположеніи.

Предположеній о постройкѣ *шоссе* есть нѣсколько; готовы же слѣдующія линіи: 1) изъ Варшавы чрезъ Люблинъ, Хелмъ до Грубешова,

2) отъ этой отдѣляется вѣтвь на югъ чрезъ Красноставъ, кр. Замосць до м. Томашева; 3) изъ Люблина идетъ на западъ въ г. Радомъ. Эти дороги лежатъ въ Царствѣ Польскомъ. Въ Галиціи самое длинное шоссе отъ г. Бродъ въ Львовъ, оттуда чрезъ г. Перемышль, Ярославъ, Бохню въ Краковъ. Это шоссе есть первое, устроенное въ Германіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія, а по прочности и искусству считается однимъ изъ лучшихъ въ Европѣ. 2) Изъ Бохни въ м. Дуклу, потомъ переваливается чрезъ Карпатскій хребетъ и идетъ въ Эперьесъ (въ Венгрію.) 3) Изъ Перемышля круговое шоссе въ Дуклу же, идущее сперва на югъ, потомъ на западъ. 4) Изъ Львова на югъ чрезъ горы въ Венгрію до кр. Мункачь, и 5) Изъ Львова на сѣверъ до границъ Польши. Въ Русскихъ предѣлахъ устроены шоссе: 1) изъ кр. Бреста—Литовскаго въ кр. Бобруйскъ, вдоль Полѣся, по малонаселенному краю; оно продолжается до Москвы. 2) Изъ Кіева въ Черниговъ, откуда чрезъ Могилевъ на С. Петербургъ; 3) изъ Орла чрезъ Курскъ въ Бѣлгородъ; 4) изъ Кіева чрезъ Житомиръ, Новоградъ—Волинскій, Ровно, Дубно въ Радзивилловъ, что на границѣ Австріи, и 5) изъ Симферополя круговое шоссе, идущее по южному берегу Кіума въ Севастополь. Шоссе, на которыхъ производятся работы: 1) изъ Ровно на Владиміръ—Волинскій, для соединенія съ Грубешовымъ, 2) изъ Ровно въ Брестъ, 3) отъ Брестъ—Бобруйскаго шоссе на югъ чрезъ Припеть, на соединеніе съ Радзивилловскою дорогою, 4) изъ Бобруйска на югъ чрезъ Мозырь въ Житомиръ и 5) продолженіе шоссе изъ Задонска на Тулу. Шоссе, предполагаемыя къ постройкѣ: 1) изъ Житомира на югъ, чрезъ Брацлавъ, Балту въ Одессу, 2) изъ Кіева, по лѣвому берегу Днѣпра на Кременчугъ, Елисаветградъ въ Николаевъ и оттуда въ Одессу, 3) изъ Николаева, чрезъ Херсонъ, Перекопъ въ Симферополь, и 4) изъ Харькова чрезъ Полтаву къ Кременчугу, составляющее продолженіе окопченнаго Бѣлгородскаго шоссе. Кромѣ указанныхъ имѣется въ виду соединеніе городовъ Повочеркаска съ Херсономъ, чрезъ Бердянскъ и Бериславъ.

Почва Южнорусскаго края (1). Подъ именемъ почвы разумѣется верхній слой земли, изъ котораго земледѣлецъ добываетъ разныя

1) Говоря о почвѣ нашего края со стороны геологической и сельско-хозяйственной, нельзя избѣгать многихъ научныхъ терминовъ. Такъ-какъ эти термины могутъ быть незнакомы нѣкоторымъ читателямъ, то мы признали полезнымъ предослать объясненіе устройства коры земнаго шара, — впрочемъ, въ возможно-сжатомъ видѣ.

растягиваемыя произведенія;—почвою называютъ также и извѣданные слои земли на извѣстной глубинѣ коры земнаго шара.

1.

Нынѣ всѣ ученые геологи согласны, что земной шаръ состоитъ изъ ядра, находящагося въ огне-расплавленномъ состоянн, и скорлупы, окружающей это ядро. Земной шаръ имѣетъ въ поперечникѣ 12 тысячъ верстъ, тогда-какъ скорлупа его толщиной около 50 верстъ, что составляетъ только 240 часть поперечника.

Эта скорлупа, или твердая кора земнаго шара, гдѣ она не покрыта водою, была изслѣдована на незначительную глубину; но и этого достаточно было, для довольно вѣрнаго заключенія объ образованн земной коры посредствомъ огня и воды, которые и до сихъ поръ остаются главными дѣятелями при измѣненн земной поверхности. Изслѣдованія эти показали, что теплота земли увеличивается пропорціонально глубинѣ, и, что на извѣстной глубинѣ отъ поверхности, примѣрно въ 1000 футовъ, температура земли достигаетъ 10 градусовъ (стоградуснаго термометра) постоянной теплоты, тогда-какъ на поверхности она имѣняется отъ температуры воздуха. Такимъ образомъ, на 30-верстномъ разстоянн вглубь, температура должна возвыситься до 1730 градусовъ жару, слѣдовательно — тамъ металлы уже въ расплавленномъ состоянн. При изслѣдованн твердыхъ частей земной коры найдено, что онѣ состоятъ: изъ камней кристаллическихъ породъ, выдвинутыхъ изъ недръ земли на ея поверхность, для произведенія которыхъ необходимъ былъ сильный жаръ; изъ камней и другихъ матеріаловъ, лежащихъ слоями одинъ на другомъ, которые показываютъ, что они нѣкогда находились въ жидкомъ состоянн и постепенно охладившись въ разныя времена; и наконецъ, изъ легкихъ матеріаловъ, перенесенныхъ съ одного мѣста на другое.

Сообразно этимъ положеннямъ геологи причислили первый разрядъ къ *огненному* (*плутоническому*) происхожденн, второй—*осадочному* (*нептуническому*) и третій—*наносному* происхожденн.

Для образованія плутоическихъ породъ, безъ сомнѣнн, не требовалось много времени; въ соприкосновенн съ воздухомъ онѣ должны были остыть и, вмѣстѣ съ тѣмъ, окрѣпнуть. Совсѣмъ другое было съ породами нептуническаго происхожденн: можетъ-быть сотни вѣковъ прошло отъ начала первыхъ осадковъ до новѣйшаго образованія земной поверхности.

Мппералы огненнаго происхожденія всегда бывають кристаллическіе, какъ граниты, сіениты, порфиры, мраморы и др.; они выходятъ рѣдко на поверхность, а залегають вообще подъ осадочными почвами и потому ихъ считаютъ самыми древними, первозданными. За ними слѣдуютъ кристаллическія же породы, но которыя лежатъ пластами, слоями, какъ-то: гнейсы и разнаго рода сланцы; потомъ ближе къ поверхности земли лежатъ, въ видѣ камней, или земель — известъ и известняки, глинны, песчанки, гипсы, каменные угли и каменная соль. Въ нижнихъ мѣстахъ пластовыя, или нептуническія, породы, въ непосредственномъ прикосновеніи съ огненными были, прокалены ихъ жаромъ и измѣнены въ составѣ и сложеніи, а потому названы *измѣненными (метаморфическими)*.

Нептуническія почвы отличаются отъ плутопическихъ преимущественно остатками окаменѣлыхъ животныхъ и растений; въ плутопическихъ—окаменѣлостей не бываетъ; а въ метаморфическихъ онѣ попадаются весьма рѣдко, какъ исключенія.

Нептуническая осадочная почва произошла, какъ надобно полагать, въ то время, когда земной шаръ былъ частями покрытъ водою, и это покрытіе продолжалось значительное время, такъ-что органическіе остатки, находимые въ одномъ изъ пластовъ, уже рѣдко попадаютъ въ другихъ, или попадаютъ измѣненными. Замѣчено, чѣмъ пластъ образовался ближе къ нашему времени, тѣмъ животныя въ немъ совершеннѣе. Окаменѣлостей же человека не найдено ни въ одной изъ осадочныхъ почвъ. По различнаго рода и вида окаменѣлостямъ познается степень древности осадочныхъ почвъ, которыя геологами называются *формаціями*. Частныя названія имъ даны отъ мѣстностей, въ которыхъ найдены первые полные признаки формацій, или отъ названія окаменѣлостей, въ нихъ преобладающихъ.

Главные формаціи, покрывающія первозданныя породы, суть: *самыя древнія: силлурійская, девонская, каменноугольная и пермская; вторичныя: триасовая, юрская и мѣловая, и третичныя: эоценовая и неогеновая* формаціи, съ подраздѣленіями.

Къ повѣйшему образованію земной коры, кромѣ вулканическихъ изверженій, землетрясеній и медленныхъ вздутій земли, принадлежатъ измѣненія отъ моря, прѣсныхъ водъ и атмосферы. Море производитъ осадки, береговыя террасы, дюны, рифы и коралловые острова. Такъ называемыя прѣсноводныя измѣненія состоятъ: изъ осадковъ, наносовъ, заносныхъ камней и торфяниковъ. Атмосфера образуетъ вѣчные снѣ-

га и ледники и переносить легкія земли и разрушенныя ею частицы минераловъ.

Не надобно однакожъ думать, что осадочныя почвы лежатъ правильно одна на другой. Многія мѣста земнаго шара вовсе не покрыты ими и состоятъ изъ первозданныхъ породъ, какъ, напримѣръ, пики альпійскихъ, пиренейскихъ и другихъ горъ, выдвинутыхъ сплюю подземнаго огня и которыя, не бывъ потомъ покрыты водами, остались обнаженными по настоящее время. Въ другихъ мѣстахъ, на первозданной почвѣ-залегаютъ одна какая-нибудь формація, а въ иныхъ—нѣсколько почвъ одна надъ другою. Осадочныя почвы рѣдко находятся въ горизонтальномъ положеніи, а чаще пласты ихъ лежатъ наклонно, а иногда и отвѣсно. Такое разнообразное положеніе ихъ произошло, безъ сомнѣнія, отъ внутренняго, подземнаго и нынѣ дѣйствующаго огня, который продолжаетъ измѣнять поверхность земли. Мы здѣсь укажемъ на нѣсколько данныхъ въ доказательство этихъ измѣненій. Въ Филлидіи, на восточномъ берегу Ботническаго залива нѣкоторыя селенія, лежавшія 200 лѣтъ тому назадъ у самаго берега моря, теперь удалены отъ него на цѣлую милю, и болѣе. Въ окрестностяхъ Неаполя въ Пуццоліи сохранились три колонны, которыя, безъ сомнѣнія, были поставлены на сушѣ, но потомъ опустылись вмѣстѣ съ горизонтомъ земли въ море, а нынѣ вновь видны съ своимъ пьедесталами. Что колонны эти были подъ водою значительное время, доказывается тѣмъ, что, футовъ на 15 отъ земли, на нихъ видны углубленія, выдолбленныя моллюсками. Это показываетъ, что берегъ неаполитанскаго залива, въ этомъ мѣстѣ, то возвышался, то понижался надъ уровнемъ моря. Вулканическія изверженія производятъ также важныя измѣненія на земномъ шарѣ. Самый разительный примѣръ этому показываетъ огнедышущая гора *Хорулло*, которая образовалась въ 1759 году. Мѣстность, ею занимаемая, до изверженія была равнинная, послѣ же изверженія явилась гора въ 4335 футовъ.

Всѣ горы и возвышенности земнаго шара образовались отъ внутренняго огня, находящагося подъ землею корою. Но одна и та же причина не придавала горамъ одинаковой формы, что зависѣло отъ большей, или меньшей силы дѣйствія огня. По формамъ, горы дѣлятся: 1) на *первородныя*, образовавшіяся изъ матеріаловъ расплавленнаго зерна, выдвинувшихся на поверхность земли и тамъ застывшихъ. Горы эти состоятъ изъ пиковъ и трещинъ, образуемыхъ гнейсами, а также и первородными сланцами и нигдѣ непокрытыхъ осадочными

пластамъ; 2) на *поднятыя*, формировавшіяся иногда послѣ покрытія земли осадочными почвами, но всегда выдвинутыя внутреннимъ огнемъ на поверхность земли, отчего осадочные пласты дали трещины и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ открыли кристаллическія породы; 3) на *складочныя*. Онѣ выдвинуты также внутреннимъ огнемъ, но дѣйствія его были здѣсь слабѣе, такъ-что первородныя породы на поверхность не вышли, а видны только въ трещинахъ и по берегамъ текучихъ водъ; 4) на *вылившіяся* изъ нѣдръ земли огненно-расплавленными массами; представителями такихъ горъ суть: трахиты и базальты; и 5) на *вулканическія* горы, образующіяся и донныя отъ изверженій огненныхъ матерій, которыя въ составѣ своемъ отличаются отъ первозданныхъ породъ. Знаменитый Гумбольдтъ справедливо назвалъ вулканы одушными земли; дѣйствительно, въ окрестностяхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они существуютъ, бывають часто землетрясенія, которыя прекращаются, когда вулканъ начинаетъ изверженія. Они выбрасываютъ камни, пепель, шлакъ, грязь, пемзу, лаву и воду. Огнедышущія горы, хотя бы совершенно погасія, познаются по конусообразной ихъ формѣ, болѣе или менѣе вверху усѣченной, а также и по составу матеріаловъ ихъ покрывающихъ. Обыкновенно нижній слой состоитъ изъ плотной лавы, похожей на трахитъ, или базальтъ; чѣмъ лавы ближе къ поверхности земли, тѣмъ она губчатѣе, легче; пемзу и обсидіанъ находятъ въ самыхъ верхнихъ слояхъ. Отъ вулканическихъ изверженій въ морѣ образуются цѣлыя острова. 6) *Высокія страны и углубленія*, которыя, вѣроятно, также подняты, или опущены дѣйствіемъ подземнаго огня, потому-что приписывать поднятіе первыхъ осадочнымъ почвамъ невозможно, по значительной ихъ высотѣ, какъ наприм., Тибетъ имѣетъ среднюю высоту надъ поверхностію океана въ $7\frac{1}{2}$ тысячъ футовъ. Углубленіе—особенно-замѣчательное по пространству—Каспійское море, ниже поверхности Чернаго на $82\frac{1}{2}$ ф., а по глубинѣ—Мертвое море, которое ниже Средиземнаго на 1230 футовъ.

Перейдемъ теперь къ краткому обозначенію нѣкоторыхъ примѣтъ осадочныхъ почвъ (формацій):

1) *Силлурійская*, называемая также *грауваковою*, по преобладанію въ ней сѣрой вапк. Отличительныя окаменѣлости въ этой почвѣ находящіяся суть: унгулиты—маленькія раковины, похожія на ногти; трилобиты—изъ класса раковъ, которые весьма рѣдко попадаются еще въ девонской формаціи и никогда въ слѣдующихъ затѣмъ

почвахъ; нѣкоторыя кораллы, простѣйшія растенія, отпечатанныя въ известнякахъ, и множество слизняковъ. Въ этой формациі верхняя почва состоитъ преимущественно изъ известняковъ, и вода, ниспадающая сверху, обыкновенно уходитъ черезъ трещины въ землю; поэтому болотъ въ ней мало, а озеръ еще менѣе.

2) *Девонская* или *краснопесчаниковая* почва, распространенная въ Россіи на 7000 квадр. миль. Въ ней, между окаменѣlostями, находятся много раковъ и рыбъ; но тамъ, гдѣ пмѣются въ большомъ количествѣ рыбы, мало раковъ, и наоборотъ.

Въ этой формациі много рыхлаго песчаника, глины и мергеля, которые, не пропуская внутрь земли атмосферныхъ водъ, образуютъ озера, большія болота и даютъ начало значительнымъ рѣкамъ.

3) *Каменноугольная* формациа получила названіе отъ каменнаго угля, въ ней находящагося. Періодъ образованія этой почвы былъ необыкновенно-богатъ растительностію, которую можно отчасти сравнить съ нынѣшней растительностію экваторіальныхъ странъ; растенія того времени принадлежали къ древеснымъ хвощамъ, гигантскимъ папоротникамъ и плаунамъ и мхамъ.

Изъ этихъ породъ и трѣяшниковъ образовались нынѣшніе пласты каменнаго угля, по занесеніи ихъ землею, влѣдствіе жара изъ внутренности земли и сильнаго давленія верхнихъ пластовъ. Пласты эти иногда простираются на значительное пространство, какъ напр. бассейны Пенсильваніи, Огіс и Виргиніи занимаетъ собою около 63000 квадр. миль. Толщина пластовъ весьма разнообразна; изъ разрабатываемыхъ есть въ два дюйма, есть и въ 40 футовъ; нѣкоторыя достигаютъ и до 250 ф. толщины. Угольные пласты лежатъ иногда въ одинъ только рядъ, а существуютъ и такія копн, въ которыхъ насчитываютъ до 150 рядовъ. Изъ окаменѣlostей въ этой почвѣ болѣе другихъ примѣчательны раковины. Кроме того, въ каменноугольной формациі найдено множество растеній папоротниковыхъ породъ и хвощей, которые хорошо сохранились, хотя и окремнились.

4) *Пермская* почва, весьма схожая по органической жизни съ предъидущей, но всегда на ней сверху лежащая. Она отличается своимъ руднымъ богатствомъ и бѣдностію окаменѣlostей. Желѣзные, мѣдныя и другихъ металловъ руды, сѣра, гипсъ, каменная соль здѣсь находятся въ изобиліи. Какъ на отличающія ее окаменѣlostи можно

указать: на продуктъ комочій (морская раковина) и палеонпскъ (рыба)—еще съ несимметрическимъ хвостомъ.

5) Въ *юрской* почвѣ, на равнинахъ и на плато, пласты залегаютъ горизонтальнѣе, чѣмъ въ прочихъ формаціяхъ. Въ ней найдены разнаго рода амфибіи, рыбы, сходныя съ нынѣшними, и летучія мыши. Изъ амфибіи пещеровъ, которые были тогда главными обладателями земли, примѣчательны: птеродактиль, съ огромною головою и рядомъ длинныхъ зубовъ; видно, что это животное ползало по сушѣ, летало по воздуху и плавало въ водѣ. Пхтосавръ до 20 фут. длиною. Плесіосавръ, длиною въ 10 фут.; тонкая его шея съ небольшою головкой была равна длинѣ всего туловища съ хвостомъ. Изъ рыбъ этой эпохи находятъ: Тетрагонолепидъ уже съ симметрическимъ хвостомъ, нѣсколько похожъ на нашего карася и аспидорнихъ остроносый, отчасти подобный нынѣшней стерляди.

6) *Мъловая* формація, состоящая изъ плотныхъ известняковъ, мергелей и мѣлу, не находится въ холодныхъ странахъ; такое географическое положеніе ея показываетъ, что въ эпоху ея образованія земной шаръ въ различныхъ своихъ полсахъ имѣлъ уже различный климатъ. Въ этотъ періодъ число рыбъ увеличилось, въ особенности акулъ, круглочешуистыхъ и гребенчато-чешуистыхъ; появились листовенныя и хвойныя деревья, которыхъ въ древнѣйшихъ почвахъ не замѣчено; безчлениное множество мельчайшихъ животныхъ, инфузорій, служатъ матеріаломъ толщамъ изъ мѣлу.

7) Въ *третичныхъ* формаціяхъ органическія животныя становятся болѣе и болѣе похожи на нынѣшнія, но все еще разнятся отъ нихъ. Такъ, аноплотерій, въ эоценовой формаціи, видомъ и величиною подобный ослу, но разнится отъ него устройствомъ хвоста. Въ *неогеновой* почвѣ попадаются испанскія животныя.

Что касается до новѣйшаго образованія коры земнаго шара, то мы укажемъ только на нѣкоторыя измѣненія въ его поверхности.

Наносы, образующіеся изъ раздѣльныхъ, мелкихъ частей песку, глинны, мергеля, разрушенныхъ горныхъ породъ, которые, частію силою движущагося атмосфернаго воздуха и большею частію потоками воды перепесята съ одного мѣста на другое. Эти наносы, состоя изъ матеріаловъ, вблизи находящихся, называются *наплывными* (*аллювіальными*); наносы же, прошедшіе въ давнія времена и лежащіе толстыми слоями на большомъ пространствѣ, носятъ названіе *потопныхъ* (*диллювіальныхъ*). Первые мы встрѣчаемъ повсемѣст-

по; происхожденіе вторыхъ приписываютъ сплннымъ земнымъ переворотамъ, сопровождаемымъ большими потоками воды. Въ диллювіальныхъ наносахъ находятъ остатки слоновъ, носороговъ, львовъ, гіенъ и другихъ звѣрей жаркаго климата, хотя наносы эти находятся и въ холодныхъ странахъ, какъ напр. на берегахъ Ледовитаго моря, въ Сибири. Въ нихъ попадаются также первородные слоны, или мамонты, отлично сохранившіеся, и исполинскіе мастодонты, достигавшіе ростомъ 25½ ф. Потоки водъ передвигаютъ и каменья, разумѣется не значительной величины; большіе же камни, видимые на равнинахъ и состоящіе изъ горныхъ породъ, вовсе не находящихся въ почвѣ этихъ равнинъ, вѣроятно были перенесены издали на льдинахъ, послѣ какого либо могущественнаго переворота. Процессъ перенесенія камней съ одного мѣста на другое, посредствомъ льда, совершается и по настоящее время съ горныхъ ледниковъ въ долины. Камни, перенесенные изъ дальнихъ странъ и не принадлежащіе по составу къ почвѣ, на которой они лежатъ, называются *валунами*; ими покрыта вся сѣверная и средняя европейская Россія и сѣверная Германія, а происхожденіе ихъ относятъ къ скандинавскому хребту и финляндскимъ горамъ. *Дюны* суть тѣ же наносы; онѣ образуются на плоскихъ морскихъ берегахъ отъ вѣтровъ, часто дующихъ съ моря, которые несутъ песчаные холмы вдоль береговъ, пологіе со стороны моря и обрывистые со стороны суши.

Кромѣ вулканическихъ острововъ, выдвигаемыхъ изверженіями подземныхъ огней на поверхность моря въ короткое время, и острововъ, отдѣлившихся отъ континента какимъ-либо переворотомъ, въ океанахъ существуютъ острова и рифы, которые строятся весьма медленно полипами.

Торфяники суть болота, поросшія вглубь растеніями, остатки коихъ составляютъ турфъ (торфъ). Главное условіе существованія торфяниковъ есть стоячая вода. Иногда они образуются изъ потонувшего лѣса, но такіе, одинъ разъ вынутые, не возобновляются; поросшіе же мхами, травами и другими небольшими растеніями, иногда бываютъ нецелостимы. Глубина торфяниковъ весьма различна, начиная отъ 2 футовъ; бываютъ массы торфа въ 40 и даже 50 футовъ. Торфяники могутъ существовать только въ такомъ климатѣ, въ которомъ бываютъ и лѣто и зима: первое способствуетъ пропртастанію отпрысковъ, вторая останавливаетъ развитіе корней.

По устройству земной коры и на основаніи постоянныхъ физиче-

скихъ законовъ, геологи составили довольно вѣроятную гипотезу, что вся твердая земля вначалѣ представляла расплавленную массу и, вслѣдствіе постоянного охлажденія, получила настоящій свой видъ. Какъ жидкость, она приняла форму шара. Постепенное охлажденіе образовало кору изъ твердыхъ, порводанныхъ породъ, которая постепенно утолщалась и наконецъ закрыла расплавленную массу до того, что поверхность земли охладилась до температуры не превышающей кипѣнія воды, отчего эта послѣдняя и образовалась. Тогда къ внутреннему жару земли присоединилось дѣйствіе воды; она то растворяла нѣкоторыя твердыя части и увлекала ихъ въ своемъ теченіи, то осаждала ихъ на поверхности. Внутренній же огонь продолжалъ дѣйствовать и производилъ трещины, извергалъ огнежидкую массу, которая, по охлажденіи, превращалась въ плутоическія породы, какъ гранитъ, порфиръ, діоритъ и проч. Вода, продолжая производить осадки, утолщала земную кору до такой степени, что масса осадковъ начала производить на нижніе слои сильное давленіе, отъ котораго, съ помощію внутренняго жара, образовались пласты горно-каменныхъ породъ, нѣсколько разнствующихъ отъ плутоическихъ, хотя состоящихъ изъ однихъ съ ними матеріаловъ. Покрывала ли потомъ вода одновременно земную поверхность повсемѣстно—это неизвѣстно, но что въ разные времена частями земля наша находилась подъ водою, доказываетъ повсюду лежащими осадочными пластами. Охлажденіе земли продолжается и по настоящее время, хотя такъ медленно, что въ продолженіе 2000 лѣтъ, она не охладилась даже на $\frac{59}{10,000}$ градуса стогоградуснаго термометра. Населеніе земнаго шара началось только со времени первыхъ осадковъ, что доказывается находженіемъ первыхъ животныхъ въ древнѣйшей, силлурійской, почвѣ. До сихъ поръ въ осадочныхъ почвахъ даже третичнаго образованія не найдено никакого остатка человѣка, поэтому появленіе его относятъ только къ позднѣйшимъ временамъ.

2.

За исключеніемъ Донецкаго каменноугольнаго бассейна, южнорусскій край, въ геологическомъ отношеніи, изслѣдованъ весьма мало, меньше Уральскаго и даже Алтайскаго хребтовъ.

Воспользуемся тѣмъ, что до сихъ поръ извѣстно.

Карпатскія горы, на большей части своего протяженія, принадлежатъ къ системѣ складочныхъ и частію поднятыхъ горъ, образо-

вавшихся, по всей вѣроятности, послѣ юрской и даже мѣловой формаций, которыя здѣсь непосредственно залегаютъ на горнокаменныхъ, кристаллическихъ породахъ. Слѣдовъ вулканическихъ изверженій здѣсь нигдѣ не замѣчено. Первозданныя породы находятся на крайнемъ западѣ, въ *Татрахъ*, и при поворотѣ горъ на югостокъ. Юрская почва покрываетъ незначительную часть Галиціи, по сѣверному склону горъ; вся же западная часть этой провинціи верхнюю почву имѣетъ мѣловую, за исключеніемъ пространства между Краковомъ, Дуклою и Кашау, гдѣ залегаетъ такъ—называемая Карпатская соляная формация, причисляемая къ третичнымъ почвамъ, а частію и къ новымъ осадкамъ. Сѣверная часть Буковины также покрыта соляною формациею. Западная часть Карпатовъ весьма богата металлами; серебро и мѣдь тамъ разрабатываются въ большомъ количествѣ; есть также желѣзо и золото; возлѣ Эперьеса найдены отличные опалы. Мѣловая почва изъ Галиціи вдается клиномъ на сѣверъ въ Царство Польское и идетъ также на востокъ, въ Волинскую и Подольскую губерніи. Холмы сѣверной Галиціи состоятъ изъ пластовъ глинъ, мергелей, песчаниковъ и глинистыхъ сланцевъ; на гребнѣ же Карпатовъ преобладаютъ граниты,—на южныхъ покатостяхъ—трахиты и гнейсы, а на сѣверныхъ, въ незначительномъ количествѣ—порфиры.

Въ Люблинскую губернію Царства Польскаго, какъ мы говорили выше, входитъ мѣловая почва, клиномъ, основаніе котораго на югѣ, а верхъ на сѣверѣ. На западъ къ р.р. Таневу и Вислѣ и на востокъ—къ р. Бугу залегаютъ повѣйшія почвы, которыя оканчиваются наносами нынѣшняго образованія. Сѣверъ губерніи покрытъ валунами, — полагаютъ — изъ скандинавскихъ горъ. Въ сѣверо-восточной части есть торфяныя болота, но торфа, по изобилію лѣсовъ, здѣсь не добываютъ.

Изъ Галиціи мѣловая формация входитъ въ русскіе предѣлы, касаясь сѣверо-западной части Подольской губерніи и покрываетъ южную полосу Волинской. Эта почва покоится на гранитѣ, который выходитъ на поверхность весьма рѣдко, а видѣнъ въ обрывахъ береговъ р.р. Тетерева, Случи и Корчики. Граниты здѣсь обыкновенно кристаллическаго сложения, за исключеніемъ находящихся на р. Каменкѣ, въ которыхъ преобладаетъ слюда; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ найдена фарфоровая глина, происшедшая отъ разрушенія изъ гранитовъ полевого шпата. Въ здѣшней же мѣловой формации находится мѣлъ, гипсъ и плиты литографическаго камня, а пласты ея состоятъ изъ песча-

наго мергеля, песчанка и известняка, наполненнаго множествомъ раковинъ. Сѣверная полоса губерніи покрыта наносными почвами, перемѣшанными съ турфяниками и представляетъ равнину, имѣющую самый слабый склонъ къ востоку, въ которой попадаетъ болотная желѣзная руда, добываемая туземцами.

Въ Каменецъ—Подольской губерніи гранитъ болѣе обнаженъ, чѣмъ въ Волынской; въ Кременецкомъ уѣздѣ онъ выходитъ на поверхность и, подъ третичными формациями, простирается отъ Днѣстровскихъ до Днѣпровскихъ пороговъ. Мѣловая формация залегаетъ въ сѣверной полосѣ губерніи, не достигнувъ береговъ Южнаго Буга. Въ Подольской губерніи, по лѣвому берегу Днѣстра и по нѣкоторымъ его притокамъ залегаетъ островъ силурийской формации, длиною на 150 и шириною не болѣе 50 верстъ. Минералами эта губернія весьма бѣдна; можно указать только на гипсъ, алебастръ и мѣловой камень въ Каменецкомъ и на литографическій камень въ Могилевскомъ уѣздахъ; металловъ здѣсь вовсе не найдено.

Мѣловая почва прекращается въ Волынской и Подольской губерніяхъ; въ Кіевской же на поверхность выходитъ только островомъ по берегу Днѣпра между м. Трактомировымъ и г. Черкасами; все же остальное пространство этой губерніи покрыто формациями новѣйшаго образованія, которыя лежатъ на кристаллическихъ породахъ. Нанлучшія обнаженія гранитовъ находятся по берегамъ р.р. Тетерева, Ирши, Гшлюпяти, Роси и Соби. Въ Черкасскомъ уѣздѣ залегаютъ сіениты, около с. Каменнаго-Брода въ Радомыльскомъ уѣздѣ лабрадоръ превосходнаго качества, который цинкъ дѣятельно разрабатывается. Кіевская губернія заключаетъ въ себѣ много земель, полезныхъ для промышленности: фаянсовая глина отличной доброты въ окрестностяхъ Межпгорской фабрики, близъ Кіева, гидравлическая известь въ Радомыльскомъ и сукновальная глина въ Черкасскомъ уѣздахъ. Въ напослѣдней почвѣ сѣверной части находятся желѣзные руды; замѣчательнѣйшія изъ нихъ лежатъ по р.р. Иршѣ, Здрыльцѣ, Бѣлкѣ и Тетереву; впрочемъ, добываніе желѣза здѣсь въ младенчествѣ. Турфяниковъ весьма много на низменностяхъ Радомыльскаго уѣзда, но торфъ употребляется только для удобренія полей, а не какъ топливо.

Херсонская губернія составляетъ плоскость покатую на югъ къ Черному морю и состоитъ изъ двухъ полосъ: сѣверная есть продолженіе гранитнаго образованія Подольской и Кіевской губерній; южная—известковая третичныхъ и новѣйшихъ формаций. Къ послѣдней при-

надлежать Херсонскій, Одесскій, Тираспольскій и полуденныя части Бобринецкаго и Ананьевскаго уѣздовъ. На югозападѣ губерніи находятся солончакн повѣйшаго образованія. Кромѣ известковаго камня, употребляемаго на постройки, въ губерніи находятся ископаемые янтари по берегамъ Днѣпра, аспидный сланецъ въ сѣверовосточномъ углу Херсонскаго уѣзда, фарфоровая глина въ Александрійскомъ и торфъ, какъ въ этомъ, такъ и въ Бобринецкомъ уѣздахъ.

На всемъ пространствѣ отъ запада Галліціи на востокъ до Днѣпра, мы видимъ, что кристаллическія породы проходятъ, съ запада на востокъ, то закрытыя осадочными почвами, то открытыя выходятъ на поверхность земли. Изъ древнѣйшихъ формаций, только спилурійская залегаеъ на небольшомъ пространствѣ; — изъ вторичныхъ преобладаетъ мѣловая; третичныя же и новѣйшаго образованія покрываютъ югъ и западъ этого пространства. Здѣсь находимы были остатки животныхъ уже исчезнувшихъ съ этой полосы, какъ-то: слоповъ, носороговъ, гіенъ и др.. Осадочныя же формации опредѣлены ископаемыми окаменѣlostями, ихъ характеризующими.

Полоса Малороссіи, лежащая по восточную сторону Днѣпра, нѣсколько богаче минералями, чѣмъ западная, въ-особенности каменнымъ углемъ, который добывается хотя не въ такомъ изобиліи, какъ въ Англіи, Франціи и въ Бельгіи, однако, при большемъ стараніи въ разработкѣ его, могъ бы составить богатство края.

Каменноугольный бассейнъ, тянущійся по р. Донцу, и оттого получившій названіе донецкаго, лежитъ между $47\frac{1}{2}$ и $49\frac{1}{2}$ гр. сѣвер. широты и между 36 и $41\frac{1}{2}$ гр. вост. долготы. — Наибольшая длина его простирается на 345, а ширина не менѣе 150 верстъ; общая же поверхность занимаетъ около 24 тыс. квадр. верстъ.

На этомъ пространствѣ залегаютъ богатые копи каменнаго угля, который хотя и разрабатывается, но къ сожалѣнію, по небрежности производства, не даетъ потребнаго количества угля южному краю; по несправности же сообщеній и, вслѣдствіе-того, дорогой доставки—каменный уголь продается въ портахъ Чернаго и Азовскаго морей и за Днѣпромъ дороже привознаго изъ Англіи. Здѣшняя каменноугольная формация, изслѣдованная по обрывамъ рѣкъ и рѣчекъ и колодцами, рытыми горнымъ вѣдомствомъ, на сѣверѣ прикрита мѣловой, а отчасти и юрскою почвами; на югѣ же она отдѣлена отъ моря узкою полосою мѣловой и частію третичными осадочными формациями.

На югозападѣ каменноугольный бассейнъ касается полосы кри-

сталлическихъ породъ, приходящей изъ-за Днѣпра и кончающейся на берегахъ р. Кальміуса, которая и отдѣляетъ его отъ третичныхъ почвъ полуострова Крыма. Кристаллическая формація характеризуется здѣсь чрезвычайнымъ разнообразіемъ породъ, какъ по составу, такъ и по различію цвѣтовъ, хотя строеніе ихъ состоитъ изъ простыхъ минералловъ, преимущественно—обыкновеннаго шпата, кварца и амфиболя, къ которымъ иногда присоединяются слюда и альбитъ и нѣкоторые другіе. Главнѣйшія же кристаллическія породы составляющія этотъ кряжъ суть: пегматиты, встрѣчаемые большими массами и въ весьма разнообразныхъ смѣшеніяхъ; діориты, изъ которыхъ примѣчательны зеленовато-сѣраго цвѣта; многочисленныхъ оттѣнковъ порфиры; сіениты въ значительныхъ накопленіяхъ по р. Кальміусу, близъ Ласпи; рѣже другихъ встрѣчаются граниты, а еще того рѣже—гнейсы.

Породы, составляющія каменноугольную донецкую формацію, и въ особенности — известняки, заключаютъ весьма много органическихъ остатковъ, которые указываютъ на характеръ здѣшней почвы древнѣйшаго каменноугольнаго образованія.

Пласты каменнаго угля залегаютъ въ здѣшней формаціи весьма неправильно; горизонтальныхъ почти не существуетъ; часто одинъ и тотъ же слой лежитъ горизонтально, наклонно и отвѣсно; иногда такой слой разрывается на нѣсколько частей въ видѣ ступеней. Такое положеніе пластовъ показываетъ, что на этомъ пространствѣ происходилъ какой-либо земной переворотъ, или сотрясеніе, позднѣе образованія каменнаго угля. Общее направленіе этихъ слоевъ лежитъ на сѣверо-западъ, хотя въ частностяхъ оно и измѣняется.

Толщина слоевъ каменнаго угля здѣсь незначительна; до сихъ поръ найдены только одинъ слой около 7 футовъ толщиною, большая же часть ихъ бываетъ около двухъ футовъ. Число слоевъ угля въ этой формаціи нигдѣ не превышаетъ десяти, а почти повсемѣстно уголь залегаютъ въ одинъ слой.

Мѣстороженіи каменнаго угля въ донецкомъ бассейнѣ насчитывается до ста, которыя разрабатываются въ 250 мѣстахъ. Въ 1839 году они давали слишкомъ 900 тыс. пудовъ; количество это увеличивается годъ отъ году и въ 1850 году общая добыча угля составляла уже 3,540 тысячъ пудовъ. Мѣстороженія можно соединить въ слѣдующія группы: группа Верхняго Донца, около с. Петровскаго даетъ до 100 тысячъ пудовъ. Группа Лисичьей Балки, между с. с. Привольнымъ и Верхнимъ Бѣльничимъ, въ которой добывалось, въ 1839

году, до 450 тыс. пудовъ, въ 1850 добыто только 340 тыс.; группа р. Луганн даетъ 250 тыс. пудовъ; въ приискѣ Аппенскомъ этой группы получается превосходный уголь. Группа р.р. Луганчика и Каменки, разработывавшаяся до 1840 года только мѣстными поселенцами въ ничтожномъ количествѣ, нынѣ даетъ около $1\frac{1}{2}$ милліона пудовъ. То же самое можно сказать и о группѣ р. Каменки, въ которой уголь дурнаго качества; она дала въ 1850 году слишкомъ 700 тысячъ пудовъ. Группа Нижняго Донца, пересѣкаемая этою рѣкою и нѣкоторыми притоками Дона, дававшая только до 21-й тыс. пудовъ угля, нынѣ производитъ болѣе 2,320 тыс. пудовъ. Группа р. р. Миуса и Крички, лежащая въ южной части бассейна, даетъ около милліона пудовъ угля, который въ Краснокутскомъ мѣсторожденіи отличнаго достоинства. На западѣ бассейна лежитъ группа р.р. Кальмиуса и Торца; заключаетъ уголь довольно хорошій и въ ней находится на р. Кальмиусѣ самый толстый слой въ 7 футовъ; добыто въ 1850 году въ немъ угля до 300 тыс. пудовъ. Хотя теперь, по лѣвой сторонѣ Донца весьма мало разработокъ, но такъ-какъ каменноугольная формация здѣсь подходитъ подъ мѣловую, то, по истощеніи копей на правой сторонѣ рѣки, необходимо будетъ добывать уголь на лѣвой подъ мѣловой почвою, хотя бы глубина копей при этомъ была значительнѣе.

Мѣловая формация по лѣвую сторону Днѣпра есть преобладающая; на правой же сторонѣ она залегаетъ: отъ слиянія Донца съ Дономъ до р.р. Миуса и Крички; къ югу отъ Лугани отдѣльными толщами, достигающими иногда до 700 футовъ глубины; и сверхъ того, по берегамъ рѣчекъ, впадающихъ въ Донецъ (Дубовой, Глубокой и др.). Въ окрестностяхъ Изюма, на р. Донцѣ, находятся небольшіе острова юрской формации, которая подходитъ подъ мѣловую. Эта послѣдняя распространяется по Харьковской и Курской губерніи, только пласты ея здѣсь тоньше. Отъ Харькова же на западъ и сѣверо-западъ, въ Полтавскую губернію простирается почва, въ которой до-сихъ-поръ не найдено никакихъ органическихъ остатковъ. Французскій ученый, Лепле, называлъ ея *Балмутскою, рухляковою, формациєю*; но онъ изслѣдовалъ только ея южную часть и ищетъ даже въ красныхъ рухлякахъ массу, слѣпленную изъ мелкихъ раковинъ, обнаруживающихся въ отпечаткахъ, или слѣпкахъ. Къ сѣверу отъ Бѣлгорода показываются вновь толщи мѣла и известъ съ разными окаменѣlostями, которыя и доходятъ на сѣверъ до Курска и на сѣверо-западъ до Нов-

города-Сѣверскаго и, по р. Деснѣ, до Кролевца. На Дону, мѣловая формація также распространена значительно, начная отъ Воронежа, гдѣ она покрываетъ Девонскую почву пластами около 70 футовъ, она доходитъ до крутаго поворота, образуемаго Волгою на востокъ; наконецъ, эта же почва залегаетъ по сѣвернымъ покатосямъ кавказскихъ и крымскихъ горъ. Подъ мѣловою формаціею этихъ горъ лежить юрская почва, которая выходитъ на поверхность, мѣстами, южнѣ кристаллической дѣпровской полосы. Самый же хребетъ кавказскій состоитъ преимущественно изъ трахита и другихъ кристаллическихъ породъ, которыя продолжаются на западъ и выказываются вновь въ крымскомъ краѣ. Какъ одинаковыи геологическій составъ, такъ и общее обихъ хребтовъ направленіе, показываютъ, что крымскія горы составляютъ продолженіе кавказскихъ, и что, быть, можетъ, въ древнія времена онѣ составляли одно цѣлое.

Все южное степное пространство, по сѣвернымъ берегамъ Чернаго и Азовскаго морей, между Дунаемъ и Дономъ, нѣкоторые геологи относятъ къ особенной третичной формаціи и называютъ её *третичною формаціею Понтійской стени*. Господствующую породу этой почвы составляетъ ячисто-раковистый известнякъ, большею частію цвѣта желтоватаго, или красновато-бѣлаго. Этотъ известнякъ весьма мягокъ, такъ-что можно его рѣзать; но попадаются также и твердые известняки, какъ, напримѣръ, тагапрогскій, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть известняки, прошикнутые кремнистымъ цементомъ. Въ особенное отличіе этой формаціи ставятъ раковины: кардіумъ съ выдающимся хребтомъ, митилусъ и дрейссена.

Въ южной части донецкаго краѣа, въ восточномъ полуостровѣ Крыма и на Тамани находятся желѣзныя руды. Часто можно встрѣтить глинистые и песчаные слои, пропитанные желѣзнымъ окисломъ; нѣкоторые даютъ до 12 проц. этого металла. Выгодныя же, для добыванія руды, мѣсторожденія суть: въ окрестностяхъ казеннаго Луганскаго завода: около с. Закатино даетъ до 50 проц. чугуна; въ долинахъ р. р. Луганчика, Бѣлой, Азовой и Каменки; близъ с. Извольнаго. Около Камышь-Буруна въ Крыму 13 мѣсторожденій, дающихъ отъ 36 до 58 проц. чугуна и близъ Тамани, гдѣ руды хорошаго качества.

Вообще, опредѣленіе третичныхъ системъ Южной Русси еще весьма неполно; можно только сказать слѣдующее: эоценовая формація найдена въ небольшой частн Подольской и южнѣ гранитной оси Херсонской гу-

берниа; нуммултовая, опоясывающая собою значительную часть Средиземнаго моря, лежитъ на южномъ берегу Крыма на мѣловой формацин, а миоценовые осадки опредѣлены отъ Гродно по направлению къ Киеву и нѣкоторые ихъ острова въ Бессарабн.

На востокъ отъ устья Дона до Аральскаго моря, по ископаемымъ остаткамъ, въ-особенности—по раковинамъ, можно заключить, что въ послѣдосадочную эпоху — Черное, Каспійское и Аральское составляли одно море; впоследствии, чрезъ подняте Усть-Урта, Аральское отдѣлилось отъ Каспійскаго, а потомъ, посредствомъ новаго поднятiя, и Каспійское отдѣлилось отъ Азовскаго. Упомянутыя раковины, найденныя на вновь поднятыхъ материкахъ, тождественны съ раковинами живущими въ этихъ трехъ моряхъ въ настоящее время.

Кромѣ обыкновенныхъ наносовъ, производимыхъ рѣками и господствующими вѣтрами, косъ и плотинъ, образующихъ лиманы на берегу Чернаго моря, примѣчательны дюны, лежащiя между Перекопомъ и устьемъ Днѣпра, въ окрестностяхъ м. Алешекъ. Онѣ состоятъ изъ холмовъ зыбучаго песку, наносимаго съ моря. Песокъ этотъ, при каждомъ вѣтрѣ, измѣняетъ свое положенiе и засыпаетъ большую, гладкую степь, такъ-что на ней видны теперь цѣлыя деревни, занесенныя пескомъ. Степь же представляетъ безжизненную пустыню, на которой не прозябаетъ ни малѣйшее растенiе. Березовый гѣсъ, посаженный вдали отъ берега, удерживаетъ пыль распространенiе дюновъ, и за нимъ уже появляется растительность.

Вся земля Черноморскаго Козачьяго Войска принадлежитъ къ новейшему образованiю. На Тамани почва вулканическая, но вулканы не извергаютъ твердыхъ матеріаловъ, а только грязь и воду, и потому мало измѣняютъ поверхность этого плоскаго полуострова. Впрочемъ, южный его берегъ возвышенъ надъ поверхностью Чернаго моря, хотя образованiе его относятъ къ новому времени.

И. М.

(Продолженiе въ слѣдующей книжкѣ).

ОБЩЕСТВЕННЫЯ БИБЛІОТЕКИ НА ЮГѢ.

Въ предъидущей книжкѣ *Основы*, мы представили краткій очеркъ женскихъ гимназій и народныхъ школъ — воскресныхъ и сельскихъ, а теперь обратимъ вниманіе на другіе пути, избранные обществомъ къ распространенію образованія.

Видѣть съ развитіемъ образованія, естественнымъ образомъ является потребность чтенія; книги у насъ вообще очень дороги и доступны только достаточнымъ людямъ; люди безъ значительныхъ средствъ должны поневолѣ оставаться безъ удовлетворенія своему желанію — дополнить чтеніемъ то, чего не успѣли узнать въ школахъ. Съ цѣлью доставить возможность дешеваго и разнообразнаго чтенія всѣмъ, въ послѣднее время начали открывать публичныя библіотеки въ губернскихъ и многихъ уѣздныхъ городахъ; слѣдовательно, эти библіотеки вызваны насущною потребностью. Насколько онѣ могутъ удовлетворить этой потребности, какіе результаты принесли онѣ въ короткое время своего существованія и въ какой степени вызывали сочувствіе того общества, среди котораго появлялись, мы увидимъ ниже изъ обзора ихъ открытія.

Какъ при открытіи школъ, такъ и при заведеніи библіотекъ, — наряду съ сочувствіемъ къ столь важному дѣлу, — бывали явленія, поражающія своей дикостью и показывающія совершенное равнодушіе къ просвѣщенію со стороны нѣкоторыхъ, привыкшихъ считать себя образованными.

Публичныя библіотеки начали открываться у насъ преимущественно съ половины прошлаго 1860 года; впрочемъ и раньше этого существовала мысль о такихъ библіотекахъ, а въ нѣкоторыхъ городахъ были даже и самыя библіотеки. Такъ, въ *Кіевскомъ Телеграфѣ* 1859 года, мы читаемъ: «до насъ дошли слухи, что въ Кіевѣ въ скоромъ времени откроется городской кабинетъ для чтенія. Мысль

объ этомъ кабинетѣ давно уже была выражена однимъ изъ профессоровъ нашего университета въ проэктѣ, который онъ сообщилъ многимъ изъ своихъ знакомыхъ; но недостатокъ средствъ мѣшалъ до сихъ поръ исполненію этой мысли. Теперь, какъ мы слышали, В. А. Кокоревъ, сочувствуя этому предпріятію, предложилъ съ своей стороны средство для его осуществленія. Онъ уже купилъ мѣсто для постройки дома, въ коемъ будетъ помѣщаться бібліотека и удобныя комнаты для занятія пріѣзжихъ художниковъ.» Дальнѣйшихъ извѣстій объ этомъ кабинетѣ не встрѣчается; бібліотека, которая доставляла бы возможность имѣть дешевое чтеніе, — для такого города, какъ Кіевъ, гдѣ такъ хорошо пошли воскресныя школы и гдѣ, судя по сообщаемымъ свѣдѣніямъ, нѣтъ хорошихъ книжныхъ магазиновъ, — очень необходима. При Кіево-Подольской воскресной школѣ, вскорѣ послѣ ея открытія, начала устраниваться бібліотека изъ пожертвованій, но, нельзя думать, чтобы она достигла значительныхъ размѣровъ, къ тому же она имѣетъ своею цѣлью служить помощью только для этой школы, слѣдовательно, считать ее публичною нельзя. Къ числу весьма полезныхъ учреждений, основанныхъ въ последнее время въ Кіевѣ, должно отнести открытый при университетѣ кабинетъ чтенія для студентовъ; польза его огромна, потому что студенты, несмотря на существованіе при университетѣ большой бібліотеки, всегда ощущали недостатокъ въ книгахъ.

Городовъ, въ которыхъ бібліотеки существовали прежде, чѣмъ онъ началъ открываться повсемѣстно, немного, всего два: *Керчь* и *Одесса*. Въ первомъ городѣ бібліотека была открыта въ началѣ 1858 года; сначала она имѣла довольно скромные размѣры, но современемъ, при сочувствіи общества, которое видѣло въ ней явную пользу, — она приобрѣла достаточныя и, главное, постоянныя средства. Объ этой бібліотекѣ, въ Книжномъ Вѣстникѣ (1861 № 4) помѣщено слѣдующее извѣстіе: «Съ окончаніемъ 1860, окончился третій годъ существованія въ г. Керчи (12, 787 ж.) бібліотеки. Существованіе это въ настоящее время можно считать почти обезпеченнымъ при тѣхъ средствахъ, какими она располагала и располагаетъ теперь, и которыя дали возможность дирекціи значительно пополнить въ 1860 г. каталогъ бібліотеки, бывшій до этого года довольно скромнымъ.» Затѣмъ, въ этомъ же извѣстіи, вотъ-что говорится о самыхъ средствахъ бібліотеки: «Средствамъ этимъ много содѣйствовали здѣшніе г.г. солепромышленники, согласившись, при отправкѣ черезъ Керченскіи

портъ соли, вносить 15 к. съ каждой тысячи пудовъ, что доставило библиотекѣ дохода до 350 руб. и этимъ дало возможность уплатить бывшіе на ней долги и приобрести почти большую часть сочиненій русскихъ авторовъ по части беллетристики, а это послѣднее обстоятельство было причиною, что доходъ отъ частныхъ подписчиковъ противъ 1859 г. удвоился. Въ 1860 г. поступили въ библиотечку слѣдующія суммы: бывшіе въ остаткѣ къ 1-му январю 26 р. 50¹/₄ к. взятые заимообразно на выписку 200 р., однопроцентнаго сбора съ жалованья г.г. чиновниковъ и офицеровъ—298 р. 17¹/₂ к., отъ частныхъ подписчиковъ 40 р., отъ солепромышленниковъ 339 р. 50³/₄ к., отъ содержателя клуба, за занавѣсы, принадлежавшія библиотекѣ—13 р., итого 917 р. 27¹/₂ к. Далѣе приводится расходъ по библиотекѣ,—составляющій вмѣстѣ съ жалованьемъ библиотекаря, платою за наемъ помѣщенія, выпискою и переплетомъ книгъ и другими издержками, всего 894 р. 89 к.,—а книгъ въ 1860 г. было выписано 198 названій, въ 311 томахъ. Для перваго времени существованія подобныя цифры довольно значительны и надо надѣяться, что впослѣдствіи и книгъ будетъ выписываться больше и расходы уменьшатся,—потому что «съ декабря мѣсяца,—говорится въ томъ же извѣстіи, —библиотекѣ, по распоряженію керчь—еникольскаго градоначальника, отведено постоянное бесплатное помѣщеніе въ бесѣдкѣ городскаго садика.» По всему видно, что керченская библиотечка будетъ существовать и улучшаться—сочувствія къ ней достаточно,—средствъ тоже пока довольно,—между прочимъ, приведенный нами отрывокъ изъ краткаго отчета о ея средствахъ, указываетъ на ихъ разнообразіе. Во многихъ городахъ, многія полезныя предпріятія не осуществляются за неимѣніемъ будто бы средствъ, но—по примѣру г. Керчи—можно почти въ каждомъ городѣ найти ихъ; была бы охота и желаніе устроить что-нибудь болѣе полезное, чѣмъ *общественныя* танцевальныя собранія съ исключительнымъ правомъ входа въ нихъ только благороднорожденныхъ особъ.

Одновременно съ открытіемъ библиотечки въ Керчи, была открыта для публики библиотечка въ Одессѣ. И эта библиотечка, поддерживаемая какъ общимъ сочувствіемъ, такъ и пожертвованіями частныхъ лицъ, тоже можетъ служить доказательствомъ, что для учрежденія подобнаго рода надо только горячее желаніе сдѣлать, а средства для дѣла найдутся. «Одесская городская публичная библиотечка» (сказано въ Кн. Вѣстникѣ 1861 г., № 3.) «пользуется живымъ сочувствіемъ

ученыхъ и литераторовъ, что дѣлаетъ честь ея распорядителю. Во второй половинѣ 1860 года, также какъ и въ первой, поступило много пожертвованій, изъ которыхъ самыя капиталныя: 1482 томовъ и брошюръ медицинскихъ книгъ и періодическихъ изданій на латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, отъ общества Одесскихъ врачей; 496 томовъ книгъ, преимущественно на французскомъ языкѣ, относящихся до исторіи, географіи, политической экономіи и комерціи, отъ Хр. К. Сякарда; 23 тома англійскихъ книгъ, по географіи, естественной исторіи, математикѣ и механикѣ отъ Смитсоніанскаго ученаго учрежденія въ Вашингтонѣ, и 68 даровыхъ журналовъ и газетъ.» Относительно того, что стояла эта библіотека городу, въ *Книжномъ Вѣстникѣ* сказано, что съ начала 1858 года, при нынѣшнемъ управленіи библіотеки, она приобрѣла добровольными пожертвованіями 6,636 томовъ книгъ и періодическихъ изданій, на сумму 7,678 р. 55 к. Если вычесть, отпущенныя за эти три года изъ городскихъ доходовъ: на жалованье служащимъ, отопленіе, покупку, переплетъ книгъ и проч. 3450 р., то окажется, что библіотека не только ничего не стоила городу Одессѣ, но еще *увеличила ею имущество на 4188 р. 55 коп.*, не говоря о пользѣ, доставленной всему населенію города, предоставленіемъ бесплатнаго чтенія 22,264 томовъ, состоящихъ нынѣ на-лицо книгъ и періодическихъ изданій, 17,736 посѣтителемъ.» Это могло бы повториться въ каждомъ городѣ, и говоритъ само за себя.

Въ половинѣ 1860 года, необходимость и польза публичныхъ библіотекъ была признана ясно; и онѣ начали открываться, при содѣйствіи образованныхъ людей; но такъ-какъ образованность и пониманіе выгодъ умственнаго развитія пока удѣлъ меньшинства, то появленіе библіотекъ въ психъ мѣстахъ сопровождалось странными явленіями, а въ другихъ и самое существованіе ихъ довольно сомнительно.

Объ открытіи библіотекъ въ последнее время, мы можемъ сообщить слѣдующія свѣдѣнія:

«Въ г. Екатеринославѣ учреждена публичная библіотека. Въ ней выписываются все русскія газеты и журналы и нѣсколько иностранныхъ.» Это краткое извѣстіе К. Т-фа (1860 г. № 26) довольно утѣшительно, но мы имѣемъ причину сильно бояться за безбѣдное существованіе этой библіотеки. Въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. (1860 г. августъ) помѣщена статья «о состояніи Екатеринославскаго уѣзнаго училища и находящихся въ вѣдѣніи его народныхъ училищъ за

1859—60 академическій годъ:» изъ нея видно болѣе равнудушіе Екатеринославскаго городского общества къ дѣлу образованія. «До 1860 г., городское общество» — говорится въ этой статьѣ — «еще принимало въ училищѣ нѣкоторое участіе: оно давало на жалованье приходскому учителю 100 р. с., деньги, которыми трудно, конечно, удовлетворить въ настоящее время потребностямъ самаго невзыскательнаго чловѣка; расходы же на прочіе предметы уѣадное училище вышуждено было производить изъ своихъ, и безъ-того ограниченныхъ, средствъ; но съ 1860 года, Екатеринославское городское общество прекратило совѣтъ отпущк даже и тѣхъ ничтожныхъ денегъ, которыя оно прежде отпускало. Никакія усилія училищнаго начальства, ни даже распоряженія начальника губерніи, а также и Новороссійскаго генералъ-губернатора, до сего времени не могли подвинуть городское общество къ поддержанію училища, учрежденнаго для обученія дѣтей торговаго и ремесленнаго сословія. Оно съ какимъ-то недоброжелательствомъ упорствуетъ въ своемъ предубѣжденіи къ училищу.» Воскресная школа также бѣдствуетъ: въ 1860 г. она поддерживалась кое-какими пожертвованіями частныхъ лицъ... чего же послѣ этого ожидать п публичной библиотекъ? Но, можетъ быть, ей больше посчастливилось?.. желали бы узнать правду...

Равнудушіе общества къ полезному учрежденію — хотя грустное, но весьма естественное явленіе тамъ, гдѣ общество долго было погружено въ апатію и жило, не имѣя разумныхъ интересовъ. Выходи изъ апатіи, оно смотритъ на многое недовѣрчиво и не все принимаетъ; вводитъ и поддерживать полезныя учрежденія выпадаетъ, въ такихъ случаяхъ, на долю отдѣльныхъ, передовыхъ личностей. Но и дѣятельность подобныхъ личностей часто не приноситъ пользы или по причинѣ того же общаго равнудушія, или же, при сочувствіи общества, вслѣдствіе примѣси стремленій и цѣлей постороннихъ прямому и открытому дѣлу образованія, а иногда и вслѣдствіе подозрительности и непониманія со стороны такихъ лицъ, которыхъ главная обязанность содѣйствовать общей пользѣ.

Грустная исторія случилась съ проэктомъ публичной библиотеки въ г. Житомирѣ. Въ началѣ 1860 года, было напечатано въ *Кіевскомъ Телеграфѣ*, а потомъ перепечатано и въ другихъ журналахъ и газетахъ, слѣдующее письмо графа В. Платера къ Волынскому губернскому предводителю дворянства:

«М. г.! Съ нѣскольکو-необыкновенною просьбою я обращаюсь къ

вамъ; но мысль, постоянно меня занимающая, ревностное желаніе сдѣлать добро для своего края, заставляютъ меня вѣрить, что мое настоящее намѣреніе найдетъ у васъ и покровительство, и сочувствіе. Давно уже я намѣревался собрать разныя пособія для научныхъ занятій въ пользу нашего края. Просвѣщеніе въ странѣ есть первый и единственный двигатель для развитія моральныхъ силъ въ цѣлой массѣ; пока оно задержано, пока не вполне развилось, до тѣхъ поръ все усилія нѣсколькихъ человекъ не могутъ разбудить остальныхъ отъ бездѣйствія. Понимая эту простую мысль, и зная, что только настоящее образованное общество можетъ оставить неизгладимое вліяніе на своей эпохѣ, — я посылаю вамъ планъ публичной бібліотеки. Надѣюсь, что мысль моя не останется заброшенной, и я встрѣчу къ ней доброе вниманіе ваше. Нашъ Императоръ милостиво заботится о распространеніи просвѣщенія; мы постоянно видимъ новыя учрежденія; замѣтки въ русскихъ газетахъ указываютъ на проектированныя бібліотеки по всемъ городамъ имперіи (Петербургскія вѣдомости № 185—и 1859 г.). Ужели одни мы должны отступать и исчезать въ тѣни? Считаю, что тридцатилѣтнее существованіе есть наименьшая проба для убѣжденія въ пользѣ извѣстнаго учрежденія (потому что только по прошествіи этихъ лѣтъ можно сказать, что оно годится и должно существовать, или же рука основателей отшатнется отъ него, какъ отъ дѣла пустаго и—чего не дай Богъ—безплоднаго), я желалъ бы, чтобы сдѣлали тридцатилѣтнюю складку на публичную бібліотеку въ Житомирѣ.

«Я полагаю, что 3,500 р. въ годъ (т. е. 3,000 съ губерніи и 500 съ города) достаточны на усовершенствованіе и постоянное ея содержаніе (наемъ дома, отопленіе, бібліотекарь и его помощникъ, прислуга); эти 3,500 руб., кажется, не большая сумма на 1300 кв. миль губерніи; если отнимемъ отъ этой цифры казенныя имѣнія, все—таки на остальное 3,000 не много. Въ случаѣ какихъ нибудь неожиданныхъ переменъ или распоряженій правительства, складка прекращается теперь же, или по истеченіи нѣкотораго времени, а приобрѣтенныя вещи могутъ быть проданы въ пользу общества или съ благотворительною цѣлью. Но, желая поскорѣ видѣть начало этого учрежденія (котораго будущую судьбу предоставляю вашему покровительству), я отдаю во временное владѣніе бібліотеку, послѣ первой складки, часть моей бібліотеки, 7,000 томовъ. Если состояніе ея упрощается, я охотно увеличу свой вкладъ; но въ случаѣ какихъ нибудь пе-

ремѣнъ или по прошествіи тридцати лѣтъ, я хочу, чтобы начальники края дали мнѣ ручательство, что книги будутъ мнѣ возвращены въ цѣлости. Я полагаю, что и другіе не отказались—бы способствовать основанію библіотеки одолженіемъ книгъ лѣтъ на десять, на пятнадцать, или по желанію вкладчика,—по истеченіи которыхъ онѣ должны быть возвращены къ прежнему владѣльцу, его роднымъ или наследникамъ. Гг. Левковичи обѣщали даже подарить библіотекѣ собраніе картинъ, а я предлагаю только одолженіе на время. Нѣкоторые менѣе важные вопросы по этому предмету легко можно бѣ было уяснить потомъ. Теперь прошу васъ покорнѣйше, м. г., чтобы извлеченіе изъ моего письма или цѣлое письмо разослать гг. уѣзднымъ предводителямъ дворянства и другимъ помѣщикамъ, извѣстнымъ по благороднымъ стремленіямъ и благоразумнымъ намѣреніямъ. Ваше сочувствіе и участіе можетъ довольно скоро привести дѣло къ окончанію, а наше правительство теперь вѣрно препятствовать не будетъ. Свѣтлую и дорогую память оставили бы вы, м. г., въ краѣ, осуществивъ мое скромное намѣреніе, которое чрезъ нѣсколько лѣтъ могло бы принять большіе размѣры; по крайней мѣрѣ прошу васъ дать ходъ этой мысли».

Сочувствуя мысли гр. Платера, многіе изъявили готовность пожертвовать, для общественной пользы, свои библіотеки, музеи, картины; г. Зб.... предложилъ свои естественныя коллекціи, собранныя имъ, во время путешествій по востоку. Ровенскій предводитель дворянства, г. Заленскій и студенты Кіевскаго университета, выразивъ сочувствіе, изъявили готовность содѣйствовать словомъ и дѣломъ. Значить, и начало было, и сочувствію общества... и все—таки библіотека не состоялась, — благородная мысль осталась неосуществленною, потому что встрѣтила въ тѣхъ, кому сначала была предложена, — странное непониманіе и даже недоброжелательство. «Дворянскій предводитель Житомирскаго уѣзда, — писалъ въ *Кіевскомъ Телеграфѣ* (1860 г., № 55), — г. Невмѣжницкій, взявшійся сначала охотно помогать дѣлу, съ каждымъ днемъ теряя этотъ искусственный огонь и наконецъ назвалъ мысль основанія публичной библіотеки: *пустякомъ*. Примѣръ, разумѣется, шелъ свѣше: губерпскій Волыпскій предводитель, г. Микуличъ, никогда не увлекался особеннымъ сочувствіемъ къ библіотекѣ, — не сообразивъ вѣроятно, что на предводителя дворянства лежитъ священная обязанность и примѣромъ и средствами подвинуть общество по пути прогресса.» Библіотека не состоялась, и

гг. Невмѣжидній и Микулпчъ могутъ утѣшать себя тѣмъ, что имена ихъ долго не забудутся и въ Житомирѣ и въ литературѣ.

Въ 1860—мъ году была открыта дублнчная библіотека въ г. Сумахъ, Харьковской губерніи, стараніями штатнаго смотрителя тамошняго уѣзнаго училища, г. Андреева и уѣзнаго судьи, г. Солецкаго, при дѣятельномъ содѣйствіи Н. К. Алчевскаго, которые собрали для этой цѣли по подпискѣ 600 р. ср. Изъ первыхъ подписавшихся были—уѣздный предводитель дворянства и градской голова; мѣстное купечество выразило особенное участіе къ начатому полезному дѣлу. «Но въ то время, какъ на собранныя деньги нанято уже было помѣщеніе, выписаны журналы и газеты, и библіотека ожидала только для своего открытія полученія разрѣшенія отъ начальства, въ городѣ, въ ожиданіи разрѣшенія, составила оппозиція противъ учредителей библіотеки, въ главѣ которой стояли нѣкогда не читающіе ничего печатнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ, значительные мѣстные жители (Ж. М—ва Н. Пр. 1860 г., октябрь).» Г. Копѣйчиковъ, сообщившій объ открытіи этой библіотеки въ С. Пб. Вѣдомостяхъ (№ 205),—пишетъ, что «однѣ изъ нихъ говорилъ даже своимъ знакомымъ, что если онъ захочетъ, то разоритъ всю библіотеку, а читателей побьетъ.» Очень жаль, что имена подобныхъ замѣчательныхъ людей, этихъ героев мрака и кулака, остаются въ большей части случаевъ неизвѣстными; а они весьма заслуживаютъ извѣстности. Несмотря на такую фанатическую ненависть къ чтенію одного изъ «значительныхъ мѣстныхъ жителей,» — библіотека все—таки была открыта и помѣщена въ каменномъ двухъ—этажномъ домѣ, стоящемъ въ центрѣ города. Она занимаетъ весь верхній этажъ; самый кабинетъ для чтенія состоитъ изъ двухъ большыхъ комнатъ, убранныхъ со вкусомъ. — Библіотека выписываетъ почти всѣ журналы и газеты, издаваемые въ Россіи,—многіе въ 4 экземплярахъ. Годовая подписная плата 10 р. ср., но для лицъ недостаточнаго состоянія она понижается до 3 р. Учители уѣзнаго и приходскаго училища имѣютъ право пользоваться книгами изъ библіотеки бесплатно. Любопытно было бы знать, сколько подписчиковъ въ этой библіотекѣ, какую пользу приносятъ она городу и насколько доступна всѣмъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ, библіотекн, вскорѣ послѣ своего открытія, обращались въ мѣсто, куда сходились преимущественно для игры въ карты люди «высшаго общества,» присутствіе которыхъ, какъ извѣстно, сильно стѣсняетъ «низшихъ» и даже «средняго рода» людей; сверхъ того, важный недостатокъ въ этихъ библіо-

текахъ (впрочемъ, почти неустрашимый, пока библиотека находится въ небольшихъ размѣрахъ), тотъ, что книгъ, въ особенности — журналовъ, обыкновенно малое число экземпляровъ; они выдаются на домъ, и хотя срокъ возврата книгъ въ библиотеку опредѣленъ, но для «значительныхъ мѣстныхъ жителей» дѣлаются, обыкновенно, исключенія; это бываетъ причиною, что «незначительные» должны долго томиться ожиданіемъ, пока получатъ желанную книгу. — Разумѣется, впоследствии времени всѣ эти недостатки въ библиотекахъ устранятся: — и экземпляровъ будетъ больше и въ карты будутъ играть гдѣ — нибудь въ болѣе приличныхъ мѣстахъ; — а до тѣхъ поръ — постараемся быть довольны и тѣмъ, что открываются хоть какія — нибудь библиотеки.

Въ этомъ отношеніи уѣздные города идутъ впередъ многихъ губернскихъ и даже такихъ, въ которыхъ есть университеты; напр. — въ Харьковѣ, до сихъ поръ нѣтъ городской библиотеки, если не считать книжнаго магазина г. Сакмейера, при которомъ находится библиотека съ 87-ю подписчиками, — хотя, какъ сообщаетъ *Кн. Вѣстникъ*, «Харьковскую университетскую библиотеку уже много лѣтъ собираются сдѣлать публичною.» Желательно, чтобы это предположеніе скорѣе осуществилось; открытіе университетской библиотеки для всѣхъ принесло бы великую пользу, потому что въ библиотекѣ, по словамъ Книжн. Вѣстн., до 70,000 томовъ книгъ, кромѣ драгоценныхъ собраній рисунковъ, старинныхъ журналовъ и даже рукописей, но, какъ слышно, библиотеки не открываютъ, потому, «что все еще не составленъ каталогъ.» Последнее обстоятельство достойно удивленія, если взять во вниманіе, что библиотека существуетъ давно, — что при ней, съ первыхъ дней существованія, былъ библиотечарь и, вѣроятно, не одинъ, что библиотека была открыта для очень небольшого числа читателей, следовательно было и время и возможность, составить каталогъ самый полный. Должно сказать, что библиотеки и уругихъ университетовъ, пока, мертвый капиталъ, и что обращеніе ихъ въ публичныя было бы весьма благотвѣльною мѣрою для споспѣшествованія просвѣщенію. Мы знаемъ, что еще недавно одна университетская библиотека, вмѣщающая въ себя до 90 т. томовъ, была мало доступна и мало посѣщаема даже студентами. Въ 1856 г. одно важное правительственное лицо, обозрѣвая университетъ, осматривало и эту библиотеку. На вопросъ, обращенный къ сопровождавшимъ его студентамъ, какъ часто они посѣщаютъ библиотеку, одинъ изъ нихъ отвѣчалъ: «въ первый разъ». И это было почти справедливо.

Въ такомъ сравнительно богатомъ и многлюдномъ городѣ, какъ Харьковъ, публичная библіотека, намъ кажется, могла бы образоваться, не дожидаясь открытія университетской библіотеки;—тѣмъ болѣе, что въ Харьковскомъ дворянскомъ собраніи (Харьк. губ. вѣдомости 1861 г. № 1) «иногда уже существовала публичная библіотека — и на чердакъ дворянскаго собранія находится 3000 томовъ, пользующихся правомъ полной неприкосновенности.» Какъ пособіе къ этому, могли бы служить, если ужъ такъ трудно въ Харьковѣ найти средства для хорошаго дѣла, на первое время, журналы и газеты, выписываемые дворянскимъ клубомъ...

Въ 1860-мъ году была открыта публичная библіотека въ Кишиневѣ (Бессарабскій области). Г. библіотекаръ Беллеръ, въ статьѣ своей «Годъ библіотеки» въ Кишиневѣ, (Бесс. обл. вѣдом., 1861 г.) сообщаетъ о ней нѣкоторыя свѣдѣнія, и между прочимъ,—что читателей въ ней, въ продолженіи года, было 700, — и они посѣтили библіотеку 8000 разъ. Г. Беллеръ находитъ эту цифру недостаточною на 80,000 населенія и жалуется, что посѣщавшіе библіотеку читали преимущественно политическія извѣстія и статьи журналовъ и газетъ,—также беллетристическія произведенія, мало интересуясь «серьезными» книгами. По этому поводу, Ки. Вѣстникъ (1861 г. № 4.) замѣчаетъ: «Для чтенія *серьезной* книги или статьи нужно размышленіе, уединеніе, свобода, спокойное, удобное, сообразное привычкамъ читателя, тѣлесное положеніе, а возможно ли это въ общей комнатѣ, наполняемой людьми самыми разнообразными? Давайте книги на домъ — и не одна серьезная книга или статья будетъ прочтена съ пользою. Мы и не поцмаемъ, почему обыкновенная книга, въ которой нуждаются многіе, не должна во вѣки вѣковъ выходить изъ своихъ четырехъ стѣнъ, немогущихъ помѣститъ въ себѣ всѣхъ нуждающихся съ надлежащимъ удобствомъ.»

Въ томъ же, 1860 году, предложено было открыть публичную библіотеку въ г. Тирасполѣ Херсонской губ.,—но это предположеніе начало осуществляться только въ настоящемъ году. «Недавно,» —сообщаетъ Ки. В. (1861 г. № 4), —нѣсколько лицъ, собравшись въ одномъ домѣ провести вмѣстѣ вечеръ, вспомнили о библіотекѣ и, не долго думая, тотчасъ же и составили подписку. Въ настоящее время въ списки внесены уже имена болѣе 20 лицъ, жертвующихъ въ пользу библіотеки минимумъ по 10 р., а г. предводитель дворянства тираспольскаго уѣзда предназначилъ для помѣщенія библіотеки

во вновь устроенномъ домѣ дворянскаго собранія одну комнату, для меблированія которой пожертвовалъ весьма значительную сумму. Опре- дѣлительнаго устава для библиотеки еще не составлено, но на первомъ совѣщаніи подписчиковъ предположено тотчасъ же приступить къ вы- пискѣ нѣкоторыхъ журналовъ и современныхъ русскихъ сочиненій.»

Въ концѣ прошлаго года, правительство тоже изъявило желаніе принять участіе въ открытіи библиотекъ въ уѣздныхъ городахъ и ре- зультатомъ этого было разрѣшеніе министерства пароднаго просвѣщенія, послѣдовавшее 18-го ноября 1860 года, — «открывать библиотеки уѣзд- ныхъ училищъ въ городахъ харьковскаго учебнаго округа по *мѣрѣ воз- можности и надобности*, для чтенія жителямъ тѣхъ городовъ, гдѣ находятся училища. Чтобы дать правильное устройство этимъ библиоте- камъ, бывший министръ, г. Ковалевскій, утвердилъ особое положе- ніе, — которое, между прочимъ, предоставляетъ окружному начальству право допускать *измѣненія, какія надобность укажетъ*, по его усмотрѣнію. Относительно денежныхъ способовъ, это положеніе до- зволяетъ единовременныхъ расходовъ на библиотеки по 300 р. сер. изъ свободныхъ училищныхъ суммъ, — гдѣ это позволяютъ средства и *«не окажется возможности обратить такой расходъ на другіе способы.»* — «Радостно привѣтствуемъ, — говоритъ Ки. Вѣстникъ., — это разрѣшеніе и будемъ ждать съ нетерпѣніемъ извѣстій, какимъ образомъ воспользуются ими училища харьковскаго округа. Просимъ ихъ не упустить изъ виду соображенія, что если библиотеки должны рассчитывать на сильную и даже исключительную поддержку мѣстнаго общества, то послѣднее должно быть допущено къ участію во всѣхъ интересахъ библиотекъ, безъ чего онѣ не будутъ общественными и прочность и успѣхъ ихъ будутъ вполне зависѣть отъ лицъ и ихъ произвола: если лицо и произволъ его хорошъ — библиотеки будутъ процвѣтать и приносить надлежащую, весьма важную пользу; если нѣтъ, — изъ библиотеки ничего не выйдетъ. Общество же никогда не можетъ проявить вреднаго для себя произвола, въ особенности подъ руководствомъ людей образованныхъ, каковыми представляется прежде всего училищное сословіе.»

Въ настоящемъ году; открыта библиотека въ Новгородѣ Сѣверскомъ, или въ Новгородѣ, Черниговской губ.; объ открытіи ея помѣщено въ Черниг. губ. вѣд. 1861 № 5-й объявленіе, изъ котораго мы при- ведемъ нѣкоторыя извлеченія: «На основаніи распоряженія высшаго на- чальства, библиотека Новгородсѣверскаго уѣзнаго училища открыта для

публики на слѣдующихъ основаніяхъ: Библіотека Новгородсверскаго уѣзнаго училища, оставаясь собственностью этого заведенія, открывается для пользованія лицамъ всѣхъ сословій, за опредѣленную плату. Библіотека состоитъ въ завѣдываніи одного изъ учителей уѣзнаго училища, на полной его отвѣтственности. Онъ выдаетъ и принимаетъ книги и наблюдаетъ за сохранностью ихъ; онъ же принимаетъ отъ подписчиковъ деньги за чтеніе книгъ, выдаетъ имъ билеты, и деньги, по запискѣ въ особую книгу, представляетъ штатному смотрителю ежемѣсячно. Въ домѣ, занимаемомъ училищемъ, комната библіотеки открывается ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, утромъ съ 8 часовъ до 1 часу и послѣ обѣда съ 3 до 8 часовъ вечера, а въ воскресные и праздничные дни только послѣ обѣда съ 3 до 8 часовъ. Желающіе читать книги вносятъ: 1) за чтеніе на дому: за годъ 6 руб., за полгода 3 р. 50 к., за три мѣсяца 2 р., и за одинъ мѣсяць 75 к., и 2) за чтеніе въ библіотекѣ: за годъ 3 р., за полгода 2 р., за три мѣсяца 1 р. и за одинъ мѣсяць 35 коп. Деньги вносятся при самой подпискѣ, впередъ, за все время абонимента. Списокъ книгъ и періодическихъ изданій (которыя предполагается выписать) утверждается директоромъ, по разсмотрѣніи его въ педагогическомъ совѣтѣ гимназіи. Если подписка составитъ болѣе 100 р. въ годъ, то изъ нихъ 20% обращаются на вознагражденіе завѣдывающаго библіотекою и освѣщеніе оной во время вечернихъ чтеній. Вновь полученные журналы и газеты находятся въ библіотекѣ на столѣ открытыми для всѣхъ: журналы 7 дней, а газеты до полученія новыхъ номеровъ съ слѣдующею почтою. Затѣмъ, какъ журналы, такъ и газеты обращаются къ подписчикамъ для чтенія на дому, для чего составляется списокъ подписчиковъ по порядку подписки. Книга можетъ находиться у подписчика на дому не болѣе 10 дней, журналъ не болѣе 7, и газета не болѣе однихъ сутокъ. Библіотека ревизуется на законномъ основаніи, два раза въ годъ въ іюнѣ и въ декабрѣ.

Послѣ открытія библіотеки въ Новгородѣ-Сверскомъ, — открылась другая библіотека въ Черниговской губерніи, въ г. Глуховѣ, выписывающая 17 газетъ и журналовъ. Цѣна за годовое пользованіе въ ней книгами—5 р. сер. Подписчиковъ очень не много «отчасти потому, что цѣну эту находятъ высокою, а отчасти и потому, что въ библіотекѣ нѣтъ повѣстей сладкорѣчиваго Марлинскаго, краснорѣчиваго Загоскина и многорѣчиваго Дюма..» (такъ сказано въ Книжномъ Вѣстникѣ). Изъ этого можно заключить, что въ Глуховѣ еще не ясно

сознана потребность образованія. Что же касается до выбора книгъ, то было бы неблагоприятно вовсе не примѣняться къ желанію большинства: тамъ гдѣ зло неустранимо, —ничего другаго не остается, какъ предпочесть меньшее зло—большему: лучше пусть читаютъ что-нибудь, чѣмъ ничего.

При Хотинскомъ уѣздномъ училищѣ, по словамъ Современной Лѣтописи Русск. Вѣсти., открыта публичная библиотека, въ которой принялъ живое участіе помѣщикъ и чиновникъ Хотина, такъ что библиотека въ нынѣшнемъ году выписываетъ 22 періодическія изданія.

Въ *Одесскомъ Вѣстникѣ* напечатано извѣстіе, что въ Бобрлицѣ (Херсонской губерніи) открыта при тамошнемъ уѣздномъ училищѣ публичная библиотека, въ которой находится весьма значительное число томовъ; эта библиотека имѣетъ много русскихъ журналовъ, газетъ и новыхъ книгъ.

Къ числу библиотекъ, существующихъ пока въ проэктѣ, —относится предполагаемая библиотека въ Сорокахъ (Бессарабской области). Тамъшнее общество намѣрено вскорѣ приступить къ устройству библиотекъ для чтенія при уѣздномъ училищѣ. Нѣкоторые уже подписались на журналы, другіе жертвуютъ свои собственныя книги и, кромѣ того, общество рѣшилось дать нѣсколько представленій легкыхъ водовилей, не требующихъ особыхъ декораций и затѣливыхъ костюмовъ, съ тѣмъ, чтобы вырученныя деньги обратить на приобрѣтеніе книгъ (Кн. Вѣстникъ 1861 г. № 3).

Должно сказать, что мысль—открыть библиотеки уѣздныхъ училищъ для городекихъ жителей—есть одна изъ счастливыхъ мыслей. Это можетъ быть полезно и для общества и для училища. Общество за небольшую плату можетъ пользоваться значительнымъ количествомъ книгъ; оно будетъ читать не только вновь выписываемыя книги, но и старыя, на приобрѣтеніе которыхъ должно было бы жертвовать капиталомъ. Съ другой стороны, училища получаютъ новыя средства увеличить свои библиотеки, которыя до сихъ поръ были крайне бѣдны. Можно также надѣяться, что открытіе училищныхъ библиотекъ для публички сблизитъ ее съ училищемъ и возбудитъ ея вниманіе къ образованію молодаго поколѣнія. Поэтому должно желать, чтобы мысль эта нашла повсемѣстное примѣненіе.

Изъ нашего — хотя, вѣроятно, не полного — обзора, видно, что какъ школы, такъ и библиотеки обязаны своимъ открытіемъ преимущественно частной дѣятельности немногихъ лицъ, — которые вызывали остальное общество на пожертвованія; такимъ образомъ, хотя об-

щество въ иныхъ мѣстахъ и принимало, повидному, самое живое участіе въ дѣлѣ образованія, — выразившееся сочувствіемъ и денежною помощью, но инициатива дѣятельности все-таки принадлежала отдѣльнымъ личностямъ. Это естественное слѣдствіе въ обществѣ, непривыкшемъ къ самодѣятельности и единодушію въ стремленіи къ опредѣленной цѣли.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ, КАСАЮЩІЯСЯ ЮЖНОРУССКАГО КРАЯ.

Существуетъ законъ, что «невѣдшіемъ закона никто не можетъ отговариваться.» Между-тѣмъ, ни что такъ-мало намъ неизвѣстно изъ всего того, что насъ касается, какъ наши законы. Это и понятно, если взять во вниманіе ту степень *общественности*, на которой до сей поры мы стоимъ. Знаніе законовъ есть признакъ возмужалости народа, результатъ его общественной дѣятельности, а мы едва только начинаемъ думать о томъ, какимъ путемъ удобнѣе достигнуть общественнаго благосостоянія. Равнодушіе общества съ этой стороны, разумѣется, непростительно; по—нельзя не принять во вниманіе и того, откуда бы оно могло и научиться законамъ. — —

Если утвержденіе закона въ народномъ сознаніи обуславливается развитіемъ общественной жизни, то несомнѣнно и то, что общественность въ свою очередь развивается по мѣрѣ сознанія обществомъ своихъ правъ и обязанностей, по мѣрѣ познанія и пониманія своихъ законовъ, уразумѣнія ихъ смысла и вліянія ихъ на общественное благосостояніе. Одна изъ главныхъ причинъ общественныхъ недостатковъ, отъ которыхъ мы терпимъ, заключается и въ томъ, что общество наше почти незнакомо съ законами, не выработало общаго о нихъ понятія и такимъ-образомъ не опредѣляло, въ какой мѣрѣ тотъ или другой законъ полезенъ обществу. — —

Кажется, однакожъ, что наше общество вступаетъ въ новый періодъ развитія, въ тотъ періодъ, когда вопросы о гражданскомъ устройствѣ начинаютъ занимать всѣхъ. То, что еще недавно считалось особю принадлежностью нѣкоторыхъ, дѣлается теперь предметомъ любо-

знательности, изученія и разговоровъ всего образованнаго общества, и уже нѣкоторые члены его призывались даже къ участію, посредствомъ своихъ мнѣній и познаній, въ нѣкоторыхъ правительственныхъ постановленіяхъ. При такомъ настроеніи, общество все больше и больше чувствуетъ потребность слѣдить за вновь издаваемыми законами, въ которыхъ желаетъ видѣть разрѣшеніе того или другаго вызваннаго жизнью вопроса.

Главнѣйшимъ, существеннѣйшимъ вопросомъ общественной жизни, который разрѣшался законодательствомъ въ первую половину текущаго года, было, безъ сомнѣнія, крестьянское дѣло. Въ законодательствѣ, какъ и въ жизни народа, иногда проходятъ цѣлыя десятки лѣтъ, въ теченіи которыхъ не появляется ничего особенно замѣчательнаго и характеризующаго общественное направленіе. Но наступаетъ иногда, хотя очень рѣдко, время, когда втеченіе одного года совершаются перемѣны, представляющія собою итогъ долгой жизни народа и дающія направленіе его будущему. Къ подобнымъ годамъ принадлежитъ и 1861. Къ такому году, къ такому законодательному акту, какъ положеніе объ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, жизнь введетъ въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ. Положеніе 19 февраля улучшаетъ бытъ цѣлой трети населенія; оно даетъ крѣпостнымъ крестьянамъ гражданскія права и полагаетъ начало свободѣ экономической. Конечно, всё это только начало, всё это еще должно перейти изъ области закона въ жизнь; но разъ совершенное въ этомъ смыслѣ преобразование требуетъ уже настоятельно дальнѣйшаго *развитія*, но не *повторенія* законодательной мѣры: жизнь пойдетъ впередъ сама-собою, не останавливаясь, и довершитъ то, чего не дано предвидѣть никакому законодателю. Многое должна осуществить практика, опытъ; многое предстоитъ еще совершить Главному Комитету, котораго труды должны обнять устройство всего сельскаго населенія, подвѣдомственнаго нѣсколькимъ, отдѣльнымъ одно отъ другаго, управленіямъ. Соединеніемъ всего сельскаго населенія въ одно цѣлое устранится раздробленность, вообще характеризующая доселѣ наше общественное устройство.

Въ предлагаемомъ перечнѣ постановленій и распоряженій правительства, заключаются всѣ важнѣйшіе для южнорусскаго края законы, издаваемые въ первые шесть мѣсяцевъ текущаго года. На будущее время мы намѣрены представлять отчетъ о новыхъ законахъ за каждый мѣсяць.

ОБЩІЯ

ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

1) Благоустройство.

При указѣ Правительствующаго Сената, республикованномъ 10 марта, разосланы для повсемѣстнаго обнародованія и должнаго исполненія: I. Высочайшій Манифестъ о дарованіи крѣпостнымъ людямъ правъ состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей и объ устройствѣ ихъ быта, II. Именной Высочайшій указъ, данный, Правительствующему Сенату объ учиненіи надлежащаго распоряженія къ приведенію въ исполненіе Высочайше утвержденныхъ положеній и правилъ о крестьянахъ и дворовыхъ людяхъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости; III. Высочайше утвержденныя 19 февраля 1861 года положенія: 1. Общее положеніе о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости; 2. Положеніе объ устройствѣ дворовыхъ людей, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости; 3. Положеніе о выкупѣ крестьянами, вышедшими изъ крѣпостной зависимости, ихъ усадельной осѣлости и о содѣйствіи правительства къ приобрѣтенію ими собственности полевыхъ угодій; 4. Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ; 5. Правила о порядкѣ введенія въ дѣйствіе положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости; 6. Мѣстное положеніе о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ въ губерніяхъ великороссійскихъ, повороссійскихъ и бѣлорусскихъ; 7. Мѣстное положеніе о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ въ губерніяхъ малороссійскихъ: Черниговской, Полтавской и части Харьковской; 8. Мѣстное положеніе о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ, въ губерніяхъ: Кіевской, Подольской и Волынской; 9. Мѣстное положеніе о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ, въ губерніяхъ: Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской и части Витебской; 10. Дополнительные правила объ устройствѣ крестьянъ, водворенныхъ въ имѣніяхъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ и о пособіи симъ владѣльцамъ; 11. Дополнительные правила о приписанныхъ къ частнымъ горнымъ заводамъ людямъ вѣдомства министерства финансовъ; 12. Дополнительные правила о крестьянахъ и работникахъ, отбывающихъ работы при Пермскихъ частныхъ горныхъ заводахъ и соляныхъ промыслахъ; 13. Дополнительные правила о крестьянахъ, отбывающихъ работы на помѣщичьихъ фабрикахъ; 14. Дополнительные правила о крестьянахъ и дворовыхъ людяхъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости въ землѣ войска Донскаго. 15. Дополнительные правила о крестьянахъ и дворовыхъ людяхъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости въ Ставропольской губерніи; 16. Дополнительные правила о крестьянахъ и дворовыхъ людяхъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости въ Сибири, и 17. Правила о людяхъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости въ Бессарабской области. IV. Высочайше утвержденное 19 февраля 1861 года мѣстное государственнаго совѣта относительно отчужденія, передачи по наслѣдству и отдачи въ залогъ и аренду населенныхъ помѣщичьихъ земель и нѣвій по изданіи положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, и V. Высочайшее повелѣніе 19 февраля:

1861 года, объ исполненіи послѣдовавшаго въ государственномъ совѣтѣ мнѣнія о распространеніи на дворовыхъ людей въ Оренбургскомъ и Уральскомъ казачьихъ войскахъ правилъ, изложенныхъ въ положеніи объ устройствѣ дворовыхъ людей, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости (Сен. вѣд. 10 марта № 20).

19 февраля послѣдовалъ Высочайшій указъ о учрежденіи Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія. (Въ Сен. вѣд. 10 марта № 20).

5 марта послѣдовали Высочайшіе указы министрамъ государственныхъ имуществъ и Императорскаго двора и удѣловъ о составленіи предположеній къ приѣженію началъ положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости къ крестьянамъ государственнымъ, водвореннымъ на земляхъ казенныхъ а также государевыхъ и дворцовыхъ имѣній и о предоставленіи имъ нѣкоторыя же облегченій. (Сен. вѣд. 10 марта 1861 г. № 20).

8 марта послѣдовалъ Высочайшій указъ Правительствующему Сенату о приведеніи въ исполненіе положенія о горнозаводскомъ населеніи казенныхъ горныхъ заводовъ вѣдомства министерства финансовъ. (Сен. вѣд. 10 марта 1861 г. № 20).

8 марта послѣдовалъ Высочайшій указъ министру Императорскаго двора о дарованіи облегченій и преимуществъ горнозаводскимъ людямъ вѣдомства казначейства Его Величества (Сен. вѣд. 10 марта 1861 г. № 20).

Высочайшимъ указомъ, Сенату объявленнымъ 16 марта, распространено на посессионныхъ крестьянъ дѣйствіе правилъ о крестьянахъ, отбывающихъ работы на помѣщичьихъ фабрикахъ. (Сен. вѣд. 21 марта 1861 г. № 23).

— Предоставлено министру внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министромъ финансовъ, назначать пострадавшимъ отъ пожаровъ и наводненій пособія изъ государственнаго казначейства, доводя лишь о томъ до свѣдѣнія комитета министровъ, въ разѣрѣ до 15,000 руб. сер. по каждому отдѣльному случаю, на основаніи особыхъ правилъ, изъ которыхъ главнѣйшія слѣдующія: 1, по полученіи ходатайства о необходимости пособія и ссудъ погорѣльцамъ, министерство внутреннихъ дѣлъ входитъ въ разсмотрѣніе обстоятельствъ наложенныхъ въ представленіяхъ и соображенія свои съ заключеніемъ о томъ, какую сумму необходимо назначить въ ссуду или безвозвратно, сообщаетъ министерству финансовъ. 2. Пособія опредѣляются въ ссуду преимущественно при пожарахъ недвижимаго, а безвозвратно при потери одного движимаго, не застрахованнаго имущества. 3. Ссуды выдаются въ разѣрѣ не свыше $\frac{1}{3}$ части убытковъ въ недвижимомъ, а безвозвратныя пособія въ разѣрѣ $\frac{1}{10}$ части убытка въ движимомъ имуществѣ; притомъ послѣднія не болѣе 100 р. сер. на одно лицо, и только тѣмъ, кои находятся въ совершенной крайности; такимъ образомъ безвозвратныя пособія лицамъ купеческаго сословія вообще не назначаются, въ томъ вниманіи, что они могли сохранить капиталы. 4. Изъясненный разѣрѣ для ссудъ въ $\frac{1}{3}$ части и безвозвратныхъ пособій въ $\frac{1}{10}$ части потерь, можетъ быть уменьшаемъ по соображеніямъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ. 5. Обеспеченіемъ выданныхъ ссудъ служитъ все имущество погорѣльцевъ, а гдѣ возможно и круговое ручательство сихъ лицъ. 6. Для возврата ссудъ назначаются сроки, смотря по положенію погорѣльцевъ, но не далѣе 15-ти лѣтъ, съ платежемъ ежегодно по равной части. 7. На тѣхъ же основаніяхъ назначаются пособія и лицамъ, пострадавшимъ отъ наводненій, коимъ доселѣ выдавались пособія наравнѣ съ погорѣльцами. (Полож. Ком. Мин. 7-го февр. 1861 г. въ Сен. вѣд. 8-го марта, № 23).

— Въ видахъ образованія возможно-большаго числа фельдшеровъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, 12 января 1861 г., разрѣшилъ пріемъ вольнослушателей въ подвѣдомственные приказамъ общественнаго призрѣнія фельдшерскія школы.

— Циркулярныхъ предписаніемъ министра внутреннихъ дѣлъ 17 января 1861 г. разрѣшена выдача пособій воспитанникамъ приказовъ, окончившимъ курсъ въ высшихъ врачебно-учебныхъ заведеніяхъ.

— Главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія, для ближайшаго опредѣленія способа покрытія расходовъ на содержаніе губернскихъ и уѣздныхъ до крестьянскихъ дѣламъ учрежденій, между прочимъ постановилъ: Впредь до составленія и утвержденія сѣтъ и раскладакъ сбора на содержаніе губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учреждений и на другія издержки, опредѣленные въ положеніяхъ о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, разрѣшается отпустить на этотъ предметъ суммъ, законообразно, изъ состоящаго въ государственномъ казначействѣ особаго крестьянскаго капитала. При раскладкѣ же сего сбора можетъ, въ случаѣ необходимости, быть допущено отступленіе отъ постановленнаго въ пунктѣ 14 прил. къ ст. 557 Уст. о Зем. пов. т. IV правила, по коему поземельный сборъ не долженъ превышать 5 коп.

— 31-го марта 1861 года Высочайше утверждены, въ видѣ опыта на три года, правила для найма рабочихъ для казенныхъ, общественныхъ или государственныхъ работъ.

Согласно этимъ правиламъ, наемъ рабочихъ, какъ крестьянъ всѣхъ наименованій; такъ и лицъ прочихъ сословій, производится артелями, заключающими въ себѣ не свыше 100 человекъ и по одиночкѣ, причемъ условія найма артелию обозначаются въ контрактахъ, а одиночнаго записываются въ расчетныя книжки, какъ тѣ, такъ и другія по установленнымъ формамъ. Во время работъ артели состоятъ подъ вѣдѣніемъ и въ повиновеніи выбранныхъ ими старшинъ и выборныхъ, которые наблюдаютъ за исполненіемъ своихъ обязанностей и за нарушеніемъ условій контракта и разбираютъ споры рабочихъ между собой.

Въ случаѣ неудовольствія рабочихъ на подрядчика или его повѣреннаго, старшины и выборные объявляютъ претензіи свои подрядчику; но если не получаютъ отъ него удовлетворенія, то обращаются къ пачальнику полицейскаго управленія при работахъ, или къ начальнику строительной дистанціи или же наконецъ къ мѣстной полиціи.

Артель, заявивъ свою жалобу, отнюдь не должна до разрѣшенія оной уклоняться отъ работъ; въ случаѣ же замедленія разрѣшенія, артель можетъ послать отъ себя не болѣе 3-хъ довѣренныхъ, для объясненія жалобы своей мѣстному начальнику губерніи или начальнику строительнаго округа, если работы производятся подъ вѣдѣніемъ округа. Подрядчику и назначаемымъ отъ него прикащикамъ, десятникамъ и нарядчикамъ вѣдено въ обязанность обращаться съ рабочими справедливо и кротко; причемъ подрядчикъ долженъ немедленно удалить отъ работъ тѣхъ изъ десятниковъ и нарядчиковъ, которые будутъ изобличены въ дурномъ обращеніи съ рабочими, или на коихъ будутъ поступать частыя жалобы рабочихъ.

Къ непосредственнымъ обязанностямъ подрядчика относятся: 1) помѣщеніе рабочихъ въ здоровыхъ и помѣстительныхъ жилищахъ; 2) снабженіе рабочихъ свѣжою, здоровою и обильною пищею и здоровою водою; 3) леченіе

больныхъ въ ближайшей къ мѣсту работъ больницъ, или если рабочихъ болѣе 1000, то въ особо для сего устрояемыхъ лазаретахъ; 4) призрѣніе увѣчныхъ, подвергшихся сему на работахъ, вознагражденіемъ его выдачею двойной за весь паемный срокъ платы, а въ случаѣ смерти рабочаго отъ ушиба или полученной раны, выдачею такого же вознагражденія его семейству и наконецъ погребеніемъ на свой счетъ умершихъ рабочихъ. (Полож. Ком. Мин. 31-го марта, 1861 г. въ сен. вѣд. 26-го мая, № 42).

— Прекращено назначеніе крестьянъ въ служительскія должности при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ, а находящіеся нынѣ при оныхъ служители оставлены въ этомъ званіи на установленный Высочайше утвержденнымъ 19 февраля 1861 года положеніемъ о дворовыхъ людяхъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, двухлѣтній срокъ для обязательной ихъ службы. Въ замѣнъ же назначенія служителей, отпускать архіерейскимъ домамъ и монастырямъ особыя суммы, для чего и опредѣлено ежегодно 307,830 рублей. Расходъ этотъ обратить въ Европейской Россіи на общественные сборы съ государственныхъ крестьянъ, увеличивъ сей послѣдній по каждой губерніи на ту сумму, какая причтется при раскладкѣ, не включая впрочемъ иновѣрцевъ, и присоединить означенный расходъ къ разряду общественного сбора, назначеннаго на содержаніе волостныхъ и сельскихъ управленій и на мѣстныя по онымъ расходы. Въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ есть римско-католическіе монастыри, отъ которыхъ приняты въ казну населенныя мѣшья и къ которымъ назначаются служители изъ государственныхъ крестьянъ того же исповѣданія, гдѣ таковыя есть, принять ту же мѣру, т. е. отпускать симъ монастырямъ особыя суммы, всего 36,950 рублей въ годъ; для покрытія же сего расхода присоединить къ общественному сбору сельскихъ обществъ, состоящихъ изъ римско-католиковъ, особый сборъ; въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ государственныхъ крестьянъ римско-католиковъ, оставить денежное тѣмъ монастырямъ пособіе для содержанія служителей на существующемъ нынѣ основаніи. (Полож. Главн. Ком. 14-го апрѣля, въ сен. вѣд. 13-го іюня, № 47).

2) Народное образованіе.

8-го января 1861 года, послѣдовало Высочайшее повелѣніе о надзорѣ за воскресными школами и о назначеніи въ воскресныя школы священниковъ для преподаванія Закона Божія. (См. въ іюльской книжкѣ *Основы* статью «Училища на югъ»).

— 31-го мая, послѣдовали нѣкоторые измѣненія въ правилахъ для университетовъ.

Государь Императоръ, признавъ необходимымъ усилить мѣры наблюденія за университетскими студентами, по случаю непрерывно возникающихъ безпорядковъ, удостоилъ внимательнаго обсужденія это дѣло въ совѣтѣ министровъ и, выслушавъ разностороннія мнѣнія по сему предмету, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1. Производить приемные экзамены желающимъ поступить въ университеты въ гимназіяхъ вмѣстѣ съ учениками высшаго класса и въ присутствіи, когда окажется возможнымъ, депутатовъ отъ университета, къ округу коего принадлежатъ гимназіи.

2) Строго исполнять предписанныя правила о полномъ подчиненіи учащихъ университетскому начальству въ стѣнахъ университета, воспрещая положительно всякія сходы безъ разрѣшенія начальства и объясненія съ ними черезъ депутатовъ или сборищемъ.

3) Составить для студентовъ правила относительно точнаго посѣщенія лекцій, съ соблюденіемъ необходимаго порядка и тишины. На лекціяхъ не допускать ни подъ какими предлогами и ни въ какомъ видѣ шумнаго одобренія или порицанія преподаванія.

4) Выбрать въ непремѣнную обязанность университетскаго начальства имѣть неуклонный надзоръ за соблюденіемъ студентами надлежащаго порядка въ университетѣ. Непослушающихъ сихъ правилъ, несмотря на слышанныя имъ напоминанія, увольнять изъ университета, не подвергая ихъ какимъ-либо другимъ взысканіямъ, если поступки ихъ не подлежатъ суду по законамъ.

5) Допускать на лекціи вольнослушателей, соображаясь съ вмѣстимостью университетскихъ аудиторій, съ представленіемъ притомъ профессорамъ права удалять тѣхъ вольнослушателей, которые окажутся виновными въ нарушеніи порядка.

6) Не принимать впредь студентовъ ранѣе 17-ти-лѣтняго возраста. Огмѣнить форменную одежду и не дозволить ношеніе какихъ-либо знаковъ отдѣльной народности, или какихъ-либо товариществъ, или обществъ. Частная одежда студентовъ должна быть приличная.

7) Отъ ежегоднаго денежнаго взноса освобождаются только тѣ дѣйствительно бѣдные студенты, которые до поступленія въ университетъ признаны на экзаменѣ достойнѣйшимъ, полагая на первое время для каждой губерціи, принадлежащей къ университетскому округу, по два такихъ студента, въ томъ числѣ одного изъ учившихся въ гимназіи. Другихъ исключеній не допускается ни подъ какими предлогами.

8) Пособія и стипендіи назначаются только отличившимся бѣднымъ студентамъ, преимущественно изъ гимназистовъ университетскаго округа.

9) Выскиваемая съ студентовъ деньги за право слушанія лекцій назначаются на увеличеніе содержанія профессоровъ, адъюнктовъ, лекторовъ и приватъ-доцентовъ и на означенныя въ предъидущемъ пунктѣ пособія и стипендіи студентамъ.

10) Выборъ ректоровъ и проректоровъ производится на точномъ основаніи устава 1833 года. Данную въ 1831 году ректорамъ и деканамъ факультетовъ инструкцію пересмотрѣть, сохранивъ точный смыслъ 11-го пункта оной, которыми и руководствоваться до пересмотра инструкцій.

11) Окончившихъ полный университетскій курсъ и получившимъ аттестаты сохрпнить предоставляемыя имъ нынѣ закономъ права при поступленіи на службу.

12) Предоставить министру народнаго просвѣщенія составить соображеніе объ увеличеніи содержанія преподавателей въ университетахъ.

13) Всѣ вышепронисанныя мѣры приводить въ исполненіе постепенно и по мѣрѣ возможности.

Высочайшее повелѣніе это сообщивъ 31-го мая 1861 года начальствамъ учебныхъ округовъ къ исполненію по университетамъ и гимназіямъ, что до послѣднихъ отнестись можетъ, министръ народнаго просвѣщенія предложилъ попечителямъ, по пункту 3-му, предписать нынѣ-же университетскому начальству озаботиться немедленнымъ составленіемъ для студентовъ правилъ

относительно точнаго посѣщенія лекцій и проектъ сихъ правилъ представить министерству на утверждение: по пункту-же 12-му доставить предварительно министерству нужныя свѣдѣнія и соображенія съ заключеніемъ окружающихъ начальствъ относительно разбѣра и основаній увеличенія окладовъ содержанія преподавателямъ въ университетахъ, какъ-то: профессорамъ, адъюнктамъ и лекторамъ.

— 3 марта 1861 года утвержденъ уставъ общества распространенія полезныхъ книгъ.

Согласно уставу, общество учреждается съ цѣлью развивать и укрѣплять здравыя нравственныя понятія и для того предлагать по возможно дешевой цѣнѣ полезное и общепонятное чтеніе для всѣхъ классовъ и возрастовъ русскихъ читателей. Книги издаются обществомъ на русскомъ языкѣ и могутъ быть оригинальными и переводными.

Управление Общества находится въ Москвѣ подъ предсѣдательствомъ лица женскаго пола, на томъ основаніи, что первая мысль объ учрежденіи въ Москвѣ настоящаго общества принадлежитъ женщинамъ, и что таково желаніе учредителей.

Общество состоитъ изъ членовъ (вносящихъ ежегодно по 10 рублей), членовъ-сотрудниковъ и коммисіонеровъ. (Сен. вѣд. 14 апр. 1861 г. № 30.)

— 7 апрѣля 1861 года утвержденъ уставъ Общества русскихъ врачей въ Москвѣ, имѣющаго главною цѣлью способствовать самостоятельнымъ трудамъ отечественныхъ врачей на пользу медицины. Для этой цѣли Общество имѣетъ свои засѣданія, издаетъ медицинскую газету, журналъ или записки и наконецъ издаетъ замѣчательныя медицинскія сочиненія.

Общество состоитъ изъ неограниченнаго числа членовъ, изъ которыхъ каждый обязывается ежегоднымъ взносомъ 5 руб. сер. При этомъ членами общества могутъ быть избираемы: а, всѣ врачи, извѣстные въ Россіи медицинскими сочиненіями, какъ оригинальными, такъ и переводными; б, врачи, представившіе въ Общество замѣчательную статью по какому либо изъ отдѣловъ его повременнаго изданія, в, врачи, извѣстные по своей образованности и дѣятельному распространенію медицинскаго просвѣщенія въ Россіи; г, врачи, издатели медицинскихъ книгъ и періодическихъ сочиненій, и д, врачи, извѣстные въ практикѣ, а также ученые специалисты, не исключая изъ числа послѣднихъ и аптекарей. (Журн. Ком. М-въ 28 марта и 11 апр. 1861 г. въ Сен. вѣд. 2 іюня № 44).

— Находя, что число устроенныхъ въ казенныхъ селеніяхъ приходскихъ училищъ весьма ограничено въ сравненіи съ народонаселеніемъ, министръ государственныхъ имуществъ предписалъ управляющимъ палатами государственныхъ имуществъ пригласить священниковъ, діаконовъ, причетниковъ и ихъ женъ для обученія крестьянскихъ дѣтей молитвамъ, чтенію, письму и счету, производя обученіе въ собственныхъ домахъ священнослужителей или въ зданіяхъ по отводу крестьянъ, съ тѣмъ, чтобы необходимыя расходы относить съ разрѣшенія управляющихъ палатами, на остатки отъ училищныхъ суммъ по губерніи.

При этомъ предоставитъ крестьянскимъ обществамъ, по добровольному ихъ согласію, назначать мірскіе сборы для увеличенія средствъ школъ и выдачи усерднымъ преподавателямъ вознагражденія, которое не должно превышать 2 руб. сер. на каждаго обучающагося мальчика или дѣвочку. (Циркуляр. пред. министра госуд. имущ. 8 февр. 1861 г.)

3) *Промышленность, торговля, пути сообщенія.*

Въ видѣ временной мѣры, впредь до окончательнаго разсмотрѣнiя, составляемаго въ министерствѣ финансовъ проекта новаго торговаго устава, постановлено: что купцы 1 и 2 гильдiй, перечислившіеся въ 3 гильдiю, или вовсе выбывшіе изъ купечества, пользуются предоставленнымъ ст. 93 уст. торг. т. XI правомъ на полученіе изъ-за границы товаровъ съ платою обыкновенной таможенной пошлины, не далѣе шести мѣсяцевъ со времени выбытія изъ означенныхъ гильдiй, и затѣмъ съ тѣми товарами, кои будутъ привезены на нихъ нмѣя, послѣ сего срока, поступать согласно 94 ст. того же тома. (Пол. Ком. М-въ 28 дек. 1860 г. въ Сен. вѣд. 1861 г. № 14).

— Въ измѣненіе 571 ст. уст. о пошл. (св. зак. т. V изд. 1837 г.) постановлено: купцу, который за необъявленіе въ положенный закономъ срокъ желанiя записаться въ гильдiю, выписанъ въ мѣщане, дозволяется въ теченіи года объявить вновь такое желаніе, и заплативъ городскiя и земскiя повинности (ст. 549) за весь годъ, явиться въ казначейство для полученiя свидѣтельства на торговлю, съ платежемъ годовой пошлины и еще четвертой части оной. Сему платежу годовой пошлины и четвертой части оной подлежатъ мѣщане и крестьяне, если они возобновляютъ свидѣтельство на торговлю не въ установленный срокъ. (Миѣи. Гос. Сов. 16 января 1861 г. въ Сен. вѣд. 3 марта № 18).

— Разрѣшено впредь на шесть лѣтъ всѣмъ молодымъ людямъ торговаго сословія, русскимъ подданнымъ, достигшимъ 17-лѣтняго возраста, отправляться въ чужіе края, для практическiхъ занятiй въ иностраннѣхъ купеческiхъ конторахъ. (Пол. Ком. М-въ 17 янв. въ Сен. вѣд. 17 марта № 22).

— Разрѣшено женамъ служащихъ чиновниковъ вступать въ гильдiю и заниматься торговлею, если при запискѣ въ гильдiю представить удостовѣреніе: а, отъ мужа, что оиѣ будутъ производить торговлю на собственный свой независимый отъ мужа капиталъ, и б, отъ ближайшаго начальства ихъ мужей, что мужъ по роду службы своей не можетъ имѣть вліянiя на торговлю своей жены. (Ми. Гос. Сов. 24 апр. 1861 г. въ Сен. вѣд. 27 iюня № 51).

Въ дополненіе подлежащихъ статей свода законовъ постановлено: 1, выдаваемое изъ уѣздныхъ казначействъ, на основанiи 491 ст. уст. о пошл. (Св. Зак. т. V, изд. 1837 г.), свидѣтельство о вносѣ дополнительныхъ по высшей гильдiи пошлинъ, какъ купцамъ 2 и 3 гильдiй, такъ личнымъ дворянамъ и крестьянамъ, торгующимъ по свидѣтельствамъ 2 и 3 разрядовъ, предоставляется имъ всѣ права высшей гильдiи, относительно заключенiя контрактовъ, и потому таковыя лица, заключившія съ казною договоры о подрядахъ по одному департаменту какого либо министерства, могутъ быть въ теченіе того года, на который выдано дополнительное свидѣтельство, допускаемы къ заключенію контрактовъ на сумму, для высшей гильдiи опредѣленную, вообще по всѣмъ казеннымъ общественнымъ установленiямъ, и 2, если исполненіе принятаго означенными лицами подряда, или другаго какого либо обязательства, будетъ продолжаться нѣсколько лѣтъ и причитающаяся, на каждый годъ, сумма подряда будетъ превышать установленный, по званію контрагента, размѣръ, то обязывать его вносить слѣдующія по закону гильдейскiя повинности до истеченiя срока контракта. (Ми. Гос. Сов. 24 апр. 1861 г. въ Сен. вѣд. 27 iюня № 51).

4) *Законы уголовные и полицейскіе.*

Вскрытіе мертвыхъ тѣлъ священниковъ, діаконовъ и монаховъ, въ случаяхъ, определенныхъ закономъ (ст. 1738 уст. суд. мед. Св. зак., изд. 1857 г. т. XIII), допускается на общемъ основаніи, съ соблюденіемъ слѣдующихъ правилъ: 1, чтобы вскрытіе труповъ сихъ лицъ производилось съ разрѣшенія епархіальнаго архіерея при депутатѣ съ духовной стороны, въ крайнемъ же случаѣ, когда, по отдаленности, и по другимъ обстоятельствамъ, нельзя одновременно получить разрѣшенія архіерея, оно можетъ быть произведено съ согласія духовнаго правленія или благочиннаго, также при депутатѣ съ духовной стороны, и 2, засвидѣтельствованная слѣдователемъ копія съ протокола осмотра тѣла должна быть на мѣстѣ сообщена депутату, а имъ представлена епархіальному архіерею при обстоятельномъ доносеніи. (Ми. Гос. Сов. 24 окт. 1860 г. въ Сен. вѣд. 3 янв. 1861 г. № 1).

— Разрѣшено судебнымъ мѣстамъ: не стѣсняясь состоявшимися рѣшеніями, принимать ко всѣмъ дѣламъ рѣшеннымъ, мнѣніе государственнаго совѣта 22 марта 1860 года, которымъ отмѣнена отдача въ военную службу за преступленія и проступки лицъ гражданского вѣдомства, не изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія. (Выс. пов. 21 марта 1861 г. въ Сен. в. 21 марта № 23).

5) *Законы гражданскіе.*

Въ дополненіе законовъ гражданскихъ, постановлено: 1) Въ случаѣ смерти лица, предложившаго на публичныхъ торгахъ высшую за мнѣніе цѣну, и непредставленія, вслѣдствіе сего, ни имъ самимъ, ни его послѣдниками, въ 13-ти-дневный срокъ дополнительной, къ внесенному умершимъ лицомъ задатку, покупной суммы, публичная продажа считается несостоявшеюся, а мнѣніе назначается вновь въ продажу, по той же описи, немедленно. 2) Внесенныя умершимъ покупателемъ задаточныя деньги отсылаются въ то присутственное мѣсто, въ коемъ производится дѣло объ оставшемся послѣ умершаго наследствѣ. (Мнѣн. госуд. сов. 14-го ноября 1860 г., въ Сен. Вѣд. 5 января 1861 г. № 1).

Отмѣнено содержащееся въ 3-мъ пунктѣ 1889 ст. Зак. Граж. Т. X ч. I, изд. 1837 года, ограниченіе относительно пріема въ залогъ еврейскихъ домовъ въ 50-верстной чертѣ отъ границъ съ Австрією и Пруссією. *) Мнѣн. госуд. сов. 5-го декабря 1860 г., Сен. Вѣдом. 10 января 1861 г. № 3).

— Въ дополненіе статей 1862 и 1933 зак. о судопр. граж. (X. Т. ч. 2 прод. 1) постановлено: что свидѣтели, назначаемые для присутствованія при описи продаваемыхъ съ публичнаго торга мнѣній, а равно и офціищики тѣхъ мнѣній, за уклоненіе отъ своихъ обязанностей, подвергаются взысканію по статьѣ 310 Улож. о Нак. въ порядкѣ административномъ, если они не пожелаютъ сами предоставленія дѣла судебному разсмотрѣнію. (Мнѣн. госуд. сов., 14-го ноября, 1860 г. Сен. Вѣдом. 13 января 1861 г. № 4).

— Въ дополненіе подлежащихъ статей свода законовъ постановлено: 1) Сохранныя росписки не подлежатъ дѣйствию 10-лѣтней давности; посему, при-

(*) Ограниченіе это установлено по случаю бывшаго предположенія о взысканіи евреевъ изъ 50-верстной пограничной полосы въ западныхъ губерніяхъ и заключалось въ запрещеніи принимать въ залогъ по договорамъ съ казною еврейскіе дома въ чертѣ этой полосы.

нявшій что-либо на сохраненіе обязанъ возвратитъ приплатое имъ, по первому востребованію, когда бы таковое, во все время жизни его, владѣльцескъ отданнаго на сохраненіе имущества къ нему предъявлено не было. 2) Въ случаѣ смерти лица принявшаго чужое имущество на сохраненіе, наследники его обязаны, до вступленія ихъ въ права его по имѣнію имъ оставленному, сдѣлать въ теченіи 6-мѣсячнаго срока, со дня открытія наследства, вызовъ лицъ, имѣющихъ у себя сохраненныя отъ него росписки. Наследники, наследившіе сего вызова или хотя и сдѣлавшіе, по вступившіе во владѣніе имѣніемъ умершаго до истеченія срока, опредѣленнаго для предъявленія, по ихъ вызову, сохраненныхъ росписокъ, обязаны отвѣтствовать по предъявленнымъ сохраненнымъ роспискамъ. 3) Вызываемые для предъявленія росписокъ обязаны въ теченіи 6 мѣсяцевъ со дня послѣдняго припечатанія вызововъ въ вѣдомостяхъ, предъявить оныя, безъ чего они лишаются права на взысканіе по нимъ; въ случаѣ же своевременнаго предъявленія своихъ росписокъ, лица сіи пользуются правомъ иска въ продолженіи 10 лѣтней давности. 4) Въ случаѣ смерти лица, оставившаго послѣ себя сохраненныя росписки, наследники его обязаны также, въ теченіи 6 мѣсяцевъ со дня открытія наследства, вызвать черезъ вѣдомостіе лицо, принявшее имущество на сохраненіе, лишаясь въ противномъ случаѣ права на вчинаніе иска о возвращеніи имъ имущества по сохраненной роспискѣ. Для наследниковъ, же сдѣлавшихъ вызовъ въ установленный срокъ, дѣйствіе 10-лѣтней давности къ началу исковъ считается со дня послѣдняго припечатанія вызова. 5. Обязанность дѣлать означенные вызовы, въ случаѣ если неизвѣстны наследники или же они не вступятъ въ права умершаго, возлагается на мѣста и лица, обязанныя вызывать кредиторовъ и должниковъ умершаго. и 6. Дѣйствіе всѣхъ сихъ правъ не распространяется на сохраненныя росписки, выданныя до обнародованія настоящаго закона. Эти росписки подлежатъ дѣйствію общихъ постановленій о 10 лѣтней давности; причемъ срокъ сей давности исчисляется со дня написанія оныхъ или же со времени какого либо по онымъ дѣйствія. (Мѣст. госуд. сов. 21 ноября 1860 г., въ Сеп. Вѣд. 14 апрѣля 1861 г. № 30).

— 21 апрѣля обнародованъ Сенатскій указъ о наблюденіи за опекунами, чтобы они въ распоряженіи капиталами малолѣтнихъ, попеченію ихъ вѣренными, руководствовались существующими на сей предметъ узаконеніями.

Поводомъ обнародованія сего указа послужило то обстоятельство, что капиталы малолѣтнихъ часто берутся опекунами взаимны подъ залогъ ихъ имѣній. Правительствующій Сенатъ призналъ подобныя займы опекуновъ дѣйствіемъ самовольнымъ и подвергающимъ ихъ за сіе отвѣтственности, тѣмъ болѣе, что если допустить опекуновъ дѣлать у малолѣтнихъ займы съ обезпеченіемъ ихъ своимъ имѣніемъ, то тѣмъ самымъ имѣніе ихъ было бы освобождено отъ отвѣтственности, возлагаемой на оное 290 ст. 1 ч. X т. изд. 1837 г. въ случаѣ причиненія опекуномъ убытка малолѣтнему, при иерадѣніи или умыслѣ въ управленіи его имѣніемъ, такъ какъ имѣніе опекуна не всегда въ одно и то же время служитъ обезпеченіемъ и займа денегъ у малолѣтняго и потерь, которыя могутъ быть причинены малолѣтнему, управленіемъ опекуна его имуществомъ. (Сеп. Вѣд. 21 апрѣля 1861 г. № 32).

— Въ дополненіе ст. 378 ч. I Т. X, изд. 1837 года, постановлено: безумные и сумашедшіе, несовершеннолѣтніе преступленія и отдаваемые для леченія въ частныя лечебныя заведенія, могутъ быть свидѣтельствуемы установленнымъ порядкомъ только по требованію ихъ родственниковъ, опекуновъ, попечите-

лей или наследниковъ, и когда они будутъ отдапы въ такія заведенія безъ предварительнаго формальнаго ихъ освидѣтельствованія, то содержатели сихъ заведеній обязаны немедленно увѣдомлять о семъ мѣстное медицинское начальство, которое также представляетъ о семъ безотложно начальнику губерніи. Сей послѣдній, получивъ такое увѣдомленіе, собираетъ немедленно, частнымъ образомъ и безъ огласки, свѣдѣнія: не было ли при помѣщеніи тѣхъ больныхъ въ лечебныя заведенія какого либо злоупотребленія власти падъ ними и независимо отъ того сообщаетъ, смотря по состоянію и званію больного, о собраніи такимъ же образомъ означенныхъ свѣдѣній мѣстному предводителю дворянства или городскому головѣ.

Если по собраннымъ свѣдѣніямъ обнаружатся обстоятельства, требующія какихъ либо особыхъ распоряженій, то начальникъ губерніи поступаетъ, смотря по обстоятельствамъ на основаніи ст. 327 и 333 Т. II ч. 1 Общ. Губ. Учр. (мпѣн. госуд. сов. 17 апрѣля 1861 г. въ Сен. Вѣд. 9 іюня № 46).

6) Законы о службѣ гражданской и военной.

Постановлено, что должности бухгалтеровъ въ городскихъ думахъ и ратушахъ замѣщаются, какъ по опредѣленію отъ правительства, лицами, имѣющими право на вступленіе въ государственную службу, такъ и по найму, лицами всѣхъ вообще сословій, имѣющими достаточную опытность и знанія въ счетной части, безъ предоставленія симъ послѣднимъ правъ государственной службы. (Мпѣн. госуд. сов. 16 января 1861 г. въ Сен. Вѣд. 17 февраля № 14).

— Лицамъ, назначаемымъ почетными блюстителями по хозяйственной части въ духовно-учебныя заведенія, изъ дворянскаго сословія, предоставлены права государственной службы. (Выс. повел. 3 декабря 1860 г. въ Сен. Вѣд. 14 марта № 21).

— Разрѣшено увольнять чиновъ межеваго корпуса и чиновъ губернскаго межеваго вѣдомства, по ходатайству землевладѣльцевъ, на частныя межевыя работы, съ тѣмъ, чтобы сроки увольненія для каждого лица не превышали одновременно шести мѣсяцевъ. При этомъ увольняемые на частныя работы считаются въ командировкѣ и, вмѣсто окладнаго своего содержанія, получаютъ задѣльную плату, по взаимному условію съ землевладѣльцами. (Выс. повел. 27 марта 1861 г. въ Сен. Вѣд. 9 іюня № 46).

7) Повинности.

По городскимъ рекрутскимъ участкамъ одиночекъ и двойниковъ, равно какъ и по общимъ участкамъ многорабочихъ семействъ, дозволено ограничиться, при первомъ будущемъ наборѣ, призывомъ къ рекрутскому жеребью лишь того числа людей, которое требуется статью 812 уст. рекрутскаго Св. Зак. изд. 1857 г. Т. IV (именно за исключеніемъ подлежащихъ изытіямъ не болѣе 7 человекъ для выбора одного рекрута или не болѣе 70 человекъ на каждую тысячу душъ, подлежащихъ рекрутству), съ исключеніемъ затѣмъ излишнихъ старшихъ возрастовъ, хотя бы они и не участвовали еще ни разу въ выписаніи жеребья. Причемъ это правило распространено и на однодворцевъ западныхъ губерній, у которыхъ существуетъ такой же порядокъ призывовъ къ рекрутскому жеребью, какъ и у мѣщанскихъ одиночекъ и двойниковъ. (Мп. гос. сов. 12 дек. 1860 г. въ Сен. вѣд. 21 янв. 1861 г. № 9).

Постановлены слѣдующія, общія, какъ для очереднаго, такъ и для жеребьеваго рекрутскаго порядка правила: 1, Люди, подлежащіе призыву къ рекрутскому жеребью въ первый будущій наборъ, равно какъ состоящіе на первой или второй очереди рекрутской, могутъ, до объявленія сего набора, получать увольнительные виды, для отлучекъ, изъ своихъ участковъ, на тѣ же сроки, на кои вообще дозволено выдавать оныя лицамъ податнаго состоянія. Но виды сіи сохраняютъ силу лишь до объявленія рекрутскаго набора въ той полосѣ Имперіи, къ коей принадлежить отлучающіися; по объявленіи набора, хотя бы срокъ виду еще не кончился, дѣйствіе оного прекращается и тотъ, кому онъ выданъ, обязанъ немедленно возвратиться въ свой участокъ. 2, Въ продолженіи времени отъ окончания одного набора до объявленія другаго, означенныя въ предшедшемъ пунктѣ лица могутъ получать и отсрочки по увольнительнымъ видамъ, на общемъ основаніи; причеиъ сказанное о билетахъ и паспортахъ примѣняется и къ отсрочкамъ. 3, За неявку ко времени набора въ свой участокъ, виновные подвергаются дѣйствію правилъ, въ уставѣ рекрутскомъ (Св. Зак. изд. 1857 г. Т. IV ст. 433, 862, 969, 1162 и 1319) опредѣляемыхъ. Тѣ же, кои послѣ объявленія на мѣстѣ манифеста о наборѣ, будутъ болѣе десяти дней держать ихъ у себя, подлежатъ взысканіямъ, положеннымъ за держаніе людей безъ видовъ, хотя бы и не было съ нихъ стороны намѣреннаго укрывательства сихъ лицъ отъ рекрутства (ст. 577 по прод. IV № 2 Улож. о Нак.) (Мн. гос. сов. 16 янв. 1861 г. въ Сен. вѣд. 3 марта № 18).

8) Учрежденія.

26 декабря 1860 года утверждены составленныя министромъ внутреннихъ дѣлъ прозекъ положенія о губернскихъ и областныхъ статистическихъ комитетахъ, причеиъ предоставлено министру приступить нынѣ же къ преобразованію по сему прозекъ сихъ комитетовъ, съ тѣмъ, чтобъ причитающіеся на содержаніе ихъ суммы изъ земскихъ губернскихъ сборовъ были назначены къ отпуску съ 1863 года, а между тѣмъ заняться предварительными мѣрами для устройства ихъ. Главнѣйшія основанія новаго положенія о статистическихъ комитетахъ слѣдующія:

Губернскіе или областные статистическіе комитеты учреждаются во всѣхъ губернскихъ и областныхъ городахъ; главное назначеніе ихъ состоитъ въ исправномъ содержаніи мѣстной административной статистики, т. е. въ установленіи правильнѣйшихъ способовъ собиранія, по требованіямъ правительства и указаніямъ центральнаго статистическаго комитета, точныхъ статистическихъ свѣдѣній о количествѣ и качествахъ земель, народонаселеніи и производительныхъ силахъ губерніи или области и въ составленіи изъ собранныхъ свѣдѣній требуемыхъ статистическихъ таблицъ и вѣдомостей.

Кромѣ того комитетамъ вѣняется въ обязанность составлять, по мѣрѣ возможности, подробныя описанія губерній, областей, городовъ, мѣстностей, замѣчательныхъ въ отношеніи топографическомъ, историческомъ, промышленномъ, торговомъ, сельско—хозяйственномъ и пр. и объ изданіи трудовъ своихъ въ свѣтъ.

Статистическіе комитеты состоятъ, подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ и подъ главнѣйшмъ вѣдѣніемъ генералъ—губернаторовъ, гдѣ они находятся, изъ помощника предсѣдателя, членовъ непрѣжныхъ, дѣйствительныхъ и почетныхъ и секретаря. (Миніе Госуд. Сов. 26 дек. 1860 г. въ Сен. вѣд. 10 февр. 1861 г. № 12.

II.

МѢСТНЫЯ

ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

1) *Благоустройство.*

Вслѣдствіе ходатайства дворянъ Крымскаго полуострова, касательно преподанія разныхъ способовъ къ поддержанію устройства тамошнихъ владѣльческихъ имѣній, опредѣлены особыя правила о заселеніи владѣльческихъ въ Крыму земель иностранными выходцами и русскими переселенцами изъ другихъ губерній.

а) Главнѣйшія правила для заселенія земель иностранными выходцами слѣдующія:

Земледѣльцамъ предоставляется вступать въ предварительныя соглашенія съ иностранцами, которые предъявляютъ удостовѣреніе подлежащей Россійско-Императорской миссіи о неимѣніи препятствій къ водворенію ихъ въ Россіи, съ устраненіемъ затѣмъ всякаго въ этомъ дѣлѣ посредства правительства, которое не будетъ дѣлать никакихъ вызововъ иностранцамъ.

Принимаемые земледѣльцами заграничныя выходцы должны быть водворяемы не цѣлыми массами, или сплошными округами, а лишь селеніями и деревнями, наряду съ русскими поселенцами, или же на фермахъ и хуторахъ, подчиняясь общему мѣстному завѣдыванію и управленію.

Всѣ заграничныя выходцы, по водвореніи на владѣльческихъ земляхъ и принятіи русскаго подданства, освобождаются пожизненно съ наличными сыповьями отъ рекрутства; если же въ числѣ ихъ будутъ иностранцы, то по прошествіи 23 лѣтней льготы, они облагаются денежнымъ сборомъ подъ именемъ рекрутскаго.

Водворившіеся выходцы, по вступленіи въ русское подданство, обязаны причислиться къ свободному, непользующемуся особыми правами состоянію; приписка же ихъ въ званіе колонистовъ съ предоставленными симъ послѣднимъ, по прежнимъ узаконеніямъ, правами и преимуществами, не допускается.

Для скорѣйшаго заселенія полуострова, предоставляется иностранцамъ, которые прочно водворяются на помѣщичьихъ земляхъ, вступая въ русское подданство и изберутъ себѣ тогда же состояніе, — льгота отъ платежа казенныхъ податей и отъ исправленія общихъ натуральныхъ повинностей; водворившимся въ 1861, 1862, 1863 и 1864 годахъ, въ теченіи 10, а позднѣйшимъ переселенцамъ, въ теченіи 5 лѣтъ со времени причисленія сихъ людей въ избранное ими состояніе.

б) Главнѣйшія правила для заселенія владѣльческихъ земель русскими переселенцами изъ другихъ губерній:

Лицамъ свободныхъ, сельскаго и городскаго, сословія, всѣхъ губерній, дозволено переселяться на владѣльческія земли въ Крыму по соглашенію съ владѣльцами.

Желающіе переселиться должны имѣть увольнительное свидѣтельство отъ своихъ обществъ и получить разрѣшеніе губернскаго начальства, которому

они подчинены. Для предупрежденія бродяжничества подъ предлогомъ переселеній, требуется удостовѣреніе отъ обществъ, что выселяющіеся изъ нихъ въ Крымъ имѣютъ достаточно собственныхъ или получаемыхъ отъ владѣльца средствъ для прибытія съ семействомъ на мѣсто и на предварительное обзаведеніе; причѣмъ переселяющійся долженъ имѣть свидѣтельство о составѣ его семейства, съ удостовѣреніемъ, что въ немъ находится не менѣе одного совершеннолѣтняго и вполне способнаго работника, могущаго обезпечить содержаніе прочихъ членовъ семейства.

При воспослѣдованіи разрѣшенія, которое, однакожъ, для утращенія затрудненій дается на отдѣльныя семейства, а не на цѣлыя селенія или общества, допускаются слѣдующія облегчительныя правила: выдачѣ разрѣшеній не прешаствуютъ податныя недоимки, такъ какъ онѣ по пречисленіи переселенцевъ, слагаются; рекрутская повинность также не служитъ препятствіемъ, потому что должна быть отправлена переселенцами на новомъ мѣстѣ ихъ жительства; прошенія о переселеніи пишутся на простой бумагѣ и разрѣшеніе означается на увольнительномъ приговорѣ и сохраняетъ свою силу въ теченіе одного года, по истеченіи котораго, если переселенцы не водворятся окончательно въ Крымъ, увольнительный приговоръ подлежитъ уничтоженію; наконецъ этотъ приговоръ служитъ и видомъ для слѣдованія прямымъ путемъ въ Крымъ.

Переселенцы составляютъ въ случаѣ возможности особыя общества, въ которыхъ учреждаются сельскія управленія, подчиняясь въ административномъ и судебномъ отношеніи общимъ губернскимъ учрежденіямъ, или же причисляются по распоряженію мѣстнаго начальства къ ближайшимъ обществамъ государственныхъ крестьянъ.

Для причисленія ихъ не требуется приемныхъ свидѣтельствъ отъ новыхъ обществъ, къ которымъ переселяющіеся захотятъ причислиться, и по истеченіи льготныхъ лѣтъ, они сами лично отвѣчаютъ за исправный взносъ податей и повинностей.

Льготы состоятъ въ томъ, что переселенцы всѣхъ губерній, кромѣ смежныхъ съ Таврическою, Новороссійскихъ губерній: Херсонской и Екатеринославской, а равно земли войска Донскаго, освобождаются отъ казенныхъ податей и повинностей на 10-ть лѣтъ и отъ исполненія рекрутской повинности на три набора (*).

Правила, при заключеніи договоровъ между Крымскими землевладѣльцами и русскими переселенцами, почти тѣ-же, какъ и для договоровъ этихъ владѣльцевъ съ иностранными выходцами; но на первый разъ договоры эти могутъ быть заключены не далѣе, какъ на десять лѣтъ.

Министру Государственныхъ Имуществъ предоставлено дополнить или измѣнить эти правила согласно обстоятельствамъ и указанію опыта, подобно тому, какъ ему предоставлено также это право относительно правилъ заселенія Крыма иностранцами. (Полож. Комитета Министр. 23-го октября и 8-го ноября, въ Сен. вѣд. 1861 г. 24-го января, № 7 и 7-го февраля № 11.)

— Сложены со счетовъ, числящихся на недвижимыхъ имѣніяхъ обывателей Керчь-Еникальскаго градоначальства казенныя взыскація, долги, по коимъ иму-

(*) Очевидно, что правительство, не препятствуя переселенію въ Крымъ изъ различныхъ съ Таврическою, губерній Херсонской, Екатеринославской и земли войска Донскаго, не предоставляетъ никакихъ льготъ переселенцамъ изъ этихъ мѣстностей, потому что онѣ принадлежатъ къ числу иностранцевъ и налогоплательщиковъ.

щества сіи приняты были въ залогъ по питейнымъ откупамъ, казеннымъ подьячимъ и ссудамъ на постройку наботажныхъ судовъ, до вторженія въ Керчь непріятеля 12-го мая 1833 года, и владѣльцы конхъ представить удостовѣреніе мѣстной городской Думы или подлежащаго начальства въ томъ, что они подвергнулись разоренію во время войны и не въ состояніи обойтись безъ такой льготы. (Полож. Ком. Министр. 1-го янв. 1861 г. Сен. вѣд. 24-го февр. № 16)

— Высочайшимъ повелѣніемъ 13-го февраля 1861 года распространена сила Высочайше утвержденнаго 13-го апрѣля 1839 года. мѣнія Государственнаго Совѣта о дарованіи льготъ переселенцамъ изъ отшедшей части Бессарабіи на казенныя земли, или въ города, и на тѣхъ лицъ, которыя переселились въ Россію до воспослѣдованія сего постановленія.

Мѣніемъ Государственнаго Совѣта 13-го апрѣля 1839 года, переселяющіяся лица свободнаго податнаго состоянія, освобождены отъ платежа податей и повинностей на 8 лѣтъ и имъ выдавалось въ видѣ пособія на водвореніе по 35 р. на семью. Кромѣ того повелѣно не возбуждать никакой переписки о недоимкахъ на перечисляющихся, въ податяхъ и другихъ сборахъ по прежнему ихъ состоянію. (Сен. вѣд. 24 Марта № 24.)

2) Народное образованіе.

Для усиленія средствъ Новочеркаской гимназій, установлена плата съ приходившихъ учениковъ, за ученіе въ оной, по 5 руб. сер. въ годъ съ каждаго ученика, не подчиняя этому правилу учениковъ недостаточнаго состоянія. [Полож. Воен. Сов. 24 янв. 1861 г. Сен. вѣд. 17 марта № 22.]

— Согласно представленію попечителя Одесскаго учебнаго округа, товарища министра народнаго просвѣщенія 31 января 1861 г. разрѣшилъ вмѣсто взимаемой съ своекоштныхъ пансіонеровъ Симферопольской гимназій платы по 230 руб. взимать съ 1-го января 1861 года по 270 руб. сер. въ годъ съ каждаго, съ тѣмъ, чтобы таковая плата при первой возможности была понижена и чтобы сумма, которая составитъ вслѣдствіе этой прибавочной платы, была распределяема ежегодно слѣдующимъ образомъ: 1000 р. на сто лѣтъ пансіонеровъ, прислугу и прочіе хозяйственные предметы, 830 руб. — на увеличеніе жалованья комнатнымъ надзирателямъ при пансіонѣ и 130 руб. — на прибавку жалованья законоучителю гимназій и исполненіе разныхъ духовныхъ требъ.

— Въ городѣ Екатеринодарѣ учреждается Маріинское женское училище Кубанскаго Казачьяго войска съ благороднымъ при немъ пансіономъ для доставленія лицамъ всѣхъ сословіи Кубанскаго казачьяго войска средствъ къ образованію ихъ дочерей. Въ училище принимаются приходившими ученицами, дочери: а. офицеровъ и нижнихъ чиновъ Кубанскаго казачьяго войска, б. чиновниковъ, къ сословію сего войска не принадлежащихъ; в. священнослужителей Христіанскихъ исповѣданій г. купцовъ всѣхъ гильдій, и д. лицъ всякаго званія мусульманскаго исповѣданія. Съ каждой приходившей ученицы изъ купческаго званія взимается ежегодно въ доходъ училища по 10 руб. сер. Деньги эти предназначаются преимущественно на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій для училища. Непосредственное наблюденіе за преподаваніемъ ввѣряется инспектору классовъ, назначаемому изъ лицъ кончившихъ курсъ въ одномъ изъ русскіихъ университетовъ или другомъ высшемъ учебномъ заведеніи.

Возрастъ для пріема двѣдцѣ назначается отъ 8 до 13-ти лѣтъ.

Училище состоитъ изъ 7-ми классовъ, въ томъ числѣ одного приготовительнаго; въ каждомъ классѣ ученицы остаются по одному году. Общій пріемъ ученицъ въ училище бываетъ каждый годъ въ началѣ учебнаго курса, т. е. съ 16 августа. Въ училищѣ преподаются слѣдующіе предметы: 1. Законъ Божій, 2. Русскій языкъ и краткія понятія о воспитаніи дѣтей. 3. Арифметика, 4. Начальныя основанія естественной исторіи и домашнее хозяйство 5. Географія 6. Исторія, - 7. Численисаніе и рисованіе 8. Пѣніе церковное 9. Женская гимнастика и 10. Рукодѣліе. Кромѣ того дозволяется обучать за особую плату какъ приходящихъ ученицъ, такъ и воспитанницъ пансіона Французскому языку, танцованію и музыкѣ.

Всѣ науки преподаются учителями, окончившими курсъ ученія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ или же выдержавшими испытаніе въ одномъ изъ російскихъ университетовъ на званіе учителя гимназій.

Уроки бываютъ только до обѣда, по три урока каждый день начиная съ 8½ часовъ утра по 1¼ часа каждый урокъ.

Каждой дѣвщѣ, кончившей курсъ ученія, выдается аттестатъ, на основаніи котораго она получаетъ свидѣтельство на званіе домашней учительницы не подвергаясь особому испытанію.

При училищѣ учреждается благородный пансіонъ, въ коемъ воспитанницы получаютъ полное содержаніе. Число воспитанницъ пансіона полагается 120: изъ нихъ 40 содержится на полномъ, 40 на половинномъ казенно-войсковомъ и 40 на собственномъ иждивеніи.

Въ пансіонъ принимаются на полное казенное и полуказенное содержаніе дочери недостаточныхъ офицеровъ Кубанскаго казачьяго войска, преимущественно сироты. Своекостными пансіонерками принимаются дочери офицеровъ, чиновниковъ и священнослужителей Кубанскаго казачьяго войска или иногородныхъ лицъ, служащихъ въ войскѣ, — съ платою ежегодно по 140 рублей.

Ближайшее наблюденіе о воспитаніи вѣряется начальницѣ училища и пансіона, которая и должна заботиться о достиженіи цѣли учрежденія училища и пансіона, состоящей преимущественно въ томъ, чтобы дочерямъ офицеровъ Кубанскаго казачьяго войска дать воспитаніе соответствующее ихъ будущему назначенію, быть добрыми женами, преимущественно людей, которыхъ большая часть жизни посвящена тяжелой службѣ, попечительными матерями и знающими хозяйкамъ; по мѣрѣ возможности воспитанницамъ сообщается понятіе о хожденіи за больными, и о свойствѣхъ и употребленіи общихъ врачебныхъ растений, а также домашнихъ средствъ для преподаванія первоначальной помощи заболѣвающимъ.

Училище и пансіонъ содержатся на счетъ войсковыхъ казенныхъ суммъ Кубанскаго казачьяго войска. (Въ сен. вѣд. 20-го марта 1861 г. № 23).

— Для доставленія дѣтямъ мужскаго пола офицеровъ и способнѣйшимъ изъ дѣтей нижнихъ чиновъ Новороссійскаго казачьяго войска, возможности пріобрѣсть тѣ свѣдѣнія, которыя, по образу жизни ихъ, могутъ быть имъ наиболѣе полезны какъ въ общественной жизни, такъ и для продолженія дальнѣйшаго образованія, учреждено въ г. Аккерманѣ войсковое училище, примѣрно на 100 учениковъ.

Учрежденіе сего училища въ г. Аккерманѣ назначается временно, впрелъ до окончательнаго устройства станицы Николаевки-Новороссійской. Войсковое училище подчиняется начальству Одесскаго учебнаго округа, состоитъ

подъ надзоромъ войскаго наказнаго атамана, обязанности котораго соотвѣтствуютъ обязанностямъ почетнаго смотрителя и управляется однимъ изъ учителей. на основаніяхъ, предписанныхъ для штальныхъ смотрителей уѣздныхъ училищъ.

Учителей полагается 5, преимущественно изъ лицъ, окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, или выдержавшихъ установленное испытаніе, по положеніямъ существующимъ на этотъ предметъ, въ училищахъ вѣдомства народнаго просвѣщенія.

Кромѣ того полагается законоучитель изъ лицъ духовнаго званія.

Предметы преподаванія въ войсковомъ училищѣ, слѣдующіе: 1) законъ Божій, 2) русскій языкъ, 3) арифметика и геометрія, 4) географія, 5) краткая исторія — всеобщая и русская, 6) черченіе, чистописаніе и рисованіе. 7). Въ свободное время, гимнастика, верховая ѣзда, плаваніе, стрѣльба въ цѣль и присутствіе при ученьяхъ пѣхоты и кавалеріи съ объясненіемъ движеній.

Всѣ эти предметы распределяются между тремя классами; въ каждомъ классѣ полагается пробывать одинъ годъ.

Ученики содержатся на общественный счетъ, за обученіе же ихъ, никакой платы не полагается и при поступленіи въ первый классъ училища, кромѣ званія читать и писать по-русски, никакихъ познаній не требуется. Ученики же, пріобрѣвшіе до поступленія въ училище предварительныя познанія, могутъ быть, по испытаніи, приняты въ одинъ изъ высшихъ классовъ.

Возрастъ для поступленія въ училище назначается не моложе 8-ми и не старѣе 13-ти лѣтъ. Ученіе въ училищѣ продолжается весь годъ съ исключеніемъ лѣтнихъ каникулъ съ 23-го іюня по 1-е августа. Порядокъ управленія училищемъ, отношенія къ нему учителей, ежегодныя экзамены и выпускъ окончившихъ курсъ учениковъ, опредѣляется общимъ положеніемъ объ уѣздныхъ училищахъ.

По открытіи училища, наказному атаману предоставляется составить и представить на утвержденіе соображеніе объ учрежденіи общихъ квартиръ для помѣщенія учениковъ и ближайшаго за ними надзора, а также о платѣ за экстерновъ невойскаго сословія и другихъ подробностяхъ.

Расходъ на училище назначается изъ войсковыхъ сумъ.

Воспитанники, оказавшіе способности, принимаются, съ разрѣшенія начальства, въ высшія военно-учебныя заведенія и гражданскія учебныя учрежденія на вакансіи, на счетъ казны.

Для большаго удобства къ первоначальному образованію дѣтей учреждаются въ станицахъ: Николаевкѣ-Новороссійской, Волонтеровкѣ, Акмаичитѣ и Староказачей—приходскія одноклассныя училища.

Училища эти содержатся на счетъ обществъ тѣхъ станицъ и хуторовъ, при которыхъ они будутъ учреждены.

Въ первоначальныя училища допускаются дѣти мужскаго пола не моложе 8-ми и женскаго не старѣе 11-ти лѣтъ.

Отъ поступающихъ въ училище не требуется никакой платы и никакихъ предварительныхъ познаній.

Предметы преподаванія въ училищѣ, — общіе для дѣтей мужскаго и женскаго пола, слѣдующіе: 1) краткій катихизисъ, 2) знаніе чтенія и письма, 3) первыя четыре правила арифметики.

Сверхъ того дѣтямъ мужскаго пола преподаются правила военнаго искусства, сколько они необходимы для казачьей службы, гимнастика и стрѣльба въ цѣль.

Преподаваніе закона Божія возлагается на мѣстныхъ приходскихъ священниковъ. Для обученія чтенію, письму и ариметикѣ, въ учителя допускаются лица, выдержавшія установленное испытаніе по положеніямъ, существующимъ на этотъ предметъ въ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Для преподаванія же правилъ военнаго искусства, гимнастики и стрѣльбы въ цѣль, назначаются урядники съ содержаніемъ отъ станицъ.

Ученіе начинается по окончаніи полевыхъ работъ и продолжается до начала оныхъ въ слѣдующемъ году; но оно должно ежегодно продолжаться не менѣе 7-ми мѣсяцевъ.

Ближайшій надзоръ за каждымъ училищемъ ввѣряется учителю русскаго языка; всѣ же они подчиняются лицу, завѣдывающему войсковымъ училищемъ.

Во всемъ остальномъ первоначальныя училища руководствуются общими правилами постановленными для приходскихъ училищъ въ губерніяхъ. (Пол. Воен. Сов. 16-го февр. 1861 г. въ Сен. вѣд. 11-го апрѣля, № 20).

— По ходатайству бывшаго попечителя Кіевскаго учебнаго округа, о необходимости и пользѣ съѣзда въ Кіевъ учителей естественныхъ наукъ гимназій Кіевскаго учебнаго округа, для научныхъ и педагогическихъ совѣщаній, какъ съ профессорами естественныхъ наукъ университета св. Владимира и другими естествоиспытателями, такъ и взаимно между собою, министръ народнаго просвѣщенія, признавая съ своей стороны эту мѣру полезною въ научномъ и педагогическомъ отношеніяхъ, 13 апрѣля 1861 г. разрѣшилъ привести оную въ исполненіе.

— Рижельевскій лицей освобожденъ на будущее время отъ обязанности отпускать ежегодно по 1300 рублей на наемъ для помѣщенія второй Одесской гимназій и этотъ расходъ отнесенъ на сумму сбора за ученіе въ сей гимназій. Вслѣдствіе сего увеличена и взимасмая съ учениковъ этой гимназій плата за ученіе до 20-ти рублей въ годъ съ каждаго ученика. (Полож. глав. прав. учил. 2-го мая, въ Сен. вѣд. 13-го іюня, № 47).

— Допущенъ пріемъ приходскихъ учениковъ въ 1-ю Кіевскую гимназію съ платою по 20-ти рублей въ годъ съ каждаго, съ тѣмъ, чтобы отъ платы сей никто не былъ освобожденъ и чтобы съ каждаго пансіонера было постоянно отчисляемо въ сумму сбора за ученіе по 20 руб. сер. въ годъ. (Полож. глав. прав. учил. 2-го мая 1861 г. въ Сен. вѣд. 13-го іюня, № 47.)

— Предоставлено министру народнаго просвѣщенія разрѣшить пріемъ приходскихъ учениковъ и въ состоящую при Рижельевскомъ лицей гимназію, когда окажется въ томъ дѣйствительная надобность. (Полож. глав. прав. учил. 2-го мая, въ сен. вѣд. 13-го іюня, № 47.)

— Разрѣшено открыть при Харьковской 1-й гимназій, съ начала 1861—62 учебнаго года, особое отдѣленіе съ четырьмя высшими классами, для чего и назначено изъ государственнаго казначейства 600 рублей ежегодно. (Полож. глав. прав. учил. 2-го мая, въ сен. вѣд. 13-го іюня, № 47.)

3) Промышленность, торговля, пути сообщенія.

По ходатайству общества Волжско-Донской желѣзной дороги и пароходства, измѣненъ въ нѣкоторыхъ параграфахъ уставъ сего общества, утвержденный 19-го іюля 1858 года. Это общество учреждено для устройства сообщенія между Волгою и Дономъ посредствомъ паровозной желѣзной дороги и

для развитія пароходныхъ сообщеній по Дону и Азовскому морю. Капиталъ общества опредѣлялся въ 8.000,000 руб. сер., состоящихъ изъ 16,000 акцій по 500 руб. каждая. По уставу общества, правленіе его должно находиться въ С.-Петербургѣ или другомъ мѣстѣ, по приговору общаго собранія акціонеровъ.

Главнѣйшія измѣненія въ уставѣ общества, слѣдующія: § 18, капиталъ на устройство предпріятія опредѣляется въ 6,400,000 руб. раздѣленныхъ на 16,000 акцій, по 400 руб. каждая; сверхъ того обществу предоставляется собрать впоследствии, по мѣрѣ развитія дѣла, еще до 1,600,000 руб. или посредствомъ займа, или черезъ выпускъ облигацій, по усмотрѣнію общаго собранія акціонеровъ и съ особаго утвержденія правительства. На капиталъ 6,400,000 руб. сер., правительство даетъ обществу гарантію въ $4\frac{1}{2}\%$ чистаго годоваго дохода, съ тѣмъ, что сумма гарантируемыхъ процентовъ не можетъ превышать 288,000 руб. въ годъ. Въ этой суммѣ заключается гарантія какъ дохода на общественный капиталъ, такъ и погашенія сего капитала. Гарантія начинается по окончательномъ освидѣтельствованіи всей дороги между Волгою и Дономъ со всѣми ея принадлежностями, и по открытіи полного на этомъ протяженіи движенія, а равно Доускаго и Азовскаго пароходства. Она продолжается въ теченіи опредѣленнаго въ уставѣ срока владѣнія общества дорогою, или до выкупа оной правительствомъ. Въ случаѣ еслибы правительству пришлось дополнить изъ казны вышеупомянутые $4\frac{1}{2}\%$ процента, то на возмѣщеніе таковой издержки онаго обращается потомъ весь чистый доходъ общества, превышающій $4\frac{1}{2}\%$ до тѣхъ поръ, пока правительство возвратитъ сполна всѣ суммы, выданныя обществу изъ казны, съ простыми процентами, по 4 на 100 въ годъ. Свидѣтельства общества на внесенныя акціонерами деньги, принимаются по казеннымъ подрадажъ и прежде полной платы акціи, но не иначе какъ въ двѣ трети уплаченной суммы.

Въ § 47 сдѣлано намѣненіе въ томъ, что по уставу 1858 года, чистый доходъ опредѣлялся за вычетомъ изъ прибылей между прочимъ и $\frac{1}{2}\%$ съ основнаго капитала на выкупъ акцій; вышѣ не соразмѣрную часть на срочное погашеніе акцій, положено отдѣлять изъ чистаго дохода. (Полож. ком. мнѣнствъ 8-го ноября 1861 года, въ сен. вѣд. 1861 г., № 1).

— Открыто срочное пароходное сообщеніе Русскимъ Обществомъ пароходства и торговли, отъ Поти до Константинополя и по Азовскому морю въ Темрюкъ. Общество, между прочимъ, обязывается содержать слѣдующія линіи сообщенія:

- 1) Между Одессою и Константинополемъ, не менѣ одного раза въ недѣлю.
- 2) Между Таганрогомъ и Константинополемъ, не менѣ одного раза въ двѣ недѣли. Если признано будетъ полезнымъ, то пароходы будутъ по пути заходить въ Феодосію. Во время же прекращенія навигаціи по Азовскому морю, сообщенія будутъ содержаться между Феодосією и Константинополемъ, тоже не менѣ одного раза въ двѣ недѣли.
- 3) Между Одессою и Крымскими портами до Керчи, не менѣ одного раза въ недѣлю.
- 3) Отъ Керчи вдоль Кавказскаго берега до Редутъ-Кале, заходя на пути въ тѣ порты, гдѣ будетъ признано нужнымъ, не менѣ одного раза въ двѣ недѣли.
- 5) Между Одессою, Кибурномъ, Очаковымъ и Николаевымъ и выше по р. Бугу, если окажется нужнымъ, не менѣ одного раза въ недѣлю.

6) Между Одессою, Кинбурномъ, Очаковымъ и Херсономъ, и выше по р. Днѣпру, если окажутся нужнымъ, не менѣе одного раза въ недѣлю.

7) Между Керчью, Мариуполемъ, Бердянскомъ, Ейскомъ, Темрюкомъ и Таганрогомъ, не менѣе одного раза въ недѣлю. Если признается полезнымъ, то пароходы будутъ еще заходить и въ другіе порты, лежащіе на пути между означенными выше пунктами.

8) Между Керчью и Таманью по столько разъ въ день, сколько окажется нужнымъ.

9) Между Овидіополемъ и Аккерманомъ (по Днѣпровскому лиману), по столько разъ въ день, сколько окажется нужнымъ.

10) Между Одессою и Галацомъ и между Одессою, Кюстенджи, Константинополемъ и Триестомъ или Марселемъ, или же другими портами Средиземнаго и Адриатическаго морей.

Означенныя сообщенія будутъ открываться постепенно, по мѣрѣ сооруженія пароходовъ и сначала при меньшемъ числѣ рейсовъ. Не позже пяти лѣтъ со дня утвержденія устава, т. е. къ 5-му августа 1861 года, пароходы Общества должны содержать сообщенія между портами, упомянутыми въ первыхъ семи пунктахъ, при полномъ количествѣ рейсовъ. (Полож. Ком. Минист. въ Сен. вѣд. 20-го января 1861 № 6.)

— 18 Декабря 1860 года, утверждено положеніе о комитетѣ для сооруженія Грушевско-Донской желѣзной дороги и пристани на рѣкѣ Донѣ.

Комитетъ этотъ учрежденъ въ г. Новочеркасскѣ для устройства желѣзной дороги отъ Грушевскихъ каменноугольныхъ копей къ р. Дону и пристани на этой рѣкѣ.

Комитетъ состоитъ подъ пресѣдательствомъ Паказнаго Атамана войска Донскаго, одного члена отъ Военнаго Министерства, двухъ отъ войска Донскаго и инженеръ-строителя. (Сен. вѣд. 20 января 1861 г. № 6.)

— Кіевское шоссе, отъ Довска до Броваровъ 296 верстъ, окончено и открыто къ проѣзду на всемъ протяженіи, 22-го ноября 1860 года. (Сен. вѣд. 20-го января, 1861 г. № 6.)

— Допущенъ привозъ сахара рафинада ко вновь образованной Ейской таможи 1-го класса на все время срока опыта, опредѣленнаго для дѣйствія сей таможни въ преобразованномъ видѣ, а именно по 1-е января 1863 года. (Полож. Кавказ. Комит. въ Сен. вѣд. 31-го января, 1861 г. № 9.)

— 27-го января 1861 года утверждень Уставъ Кіевского Общества сельскаго хозяйства, учреждаемаго съ цѣлью улучшенія и успѣшнаго развитія сельской промышленности въ Кіевской губерніи. Посему исключительными занятіями Общества должны быть тѣ предметы, которые, касаясь сельскаго хозяйства и различныхъ его отраслей, могутъ способствовать развитію сельской производительности и указанію сбыта самихъ предметовъ.

Для достиженія этой цѣли, общество полагаетъ: стараться изслѣдовать настоящее состояніе губерніи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, заботиться объ усовершенствованіи земледѣлія, обратить вниманіе на размноженіе, улучшеніе и содержаніе домашняго скота, слѣдить за развитіемъ сельскаго хозяйства за границей; устроить учебныя фермы, издавать періодическіе журналы сельскаго хозяйственнаго содержанія, и т. п.

Общество состоитъ изъ дѣйствительныхъ и почетныхъ членовъ и корреспондентовъ. Дѣйствительными членами Общества могутъ быть лица всякаго званія и сословія, кои своими занятіями по сельскому хозяйству могутъ быть

полезны Обществу, когда они предложены будутъ председателемъ Общества или двумя членами, съ письменнымъ поясненіемъ краткихъ о нихъ и заятіяхъ ихъ свѣдѣній и затѣмъ будутъ избраны большинствомъ голосовъ Общаго Собранія.

Въ почетные члены принимаетъ Совѣтъ Общества, большинствомъ голосовъ трехъ четвертей полнаго своего состава, какъ россійскихъ подданныхъ, такъ и иностранцевъ, коихъ участіе можетъ принести дѣйствительную пользу Обществу.

Общество приглашаетъ въ корреспонденты лицъ, кои могутъ быть ему полезны доставленіемъ свѣдѣній и предметовъ, входящихъ въ кругъ занятій Общества. Число членовъ Общества неограничено. Непосредственное управленіе дѣлами Общества принадлежитъ совѣту, избираемому на общемъ годовомъ собраніи изъ дѣйствительныхъ членовъ.

Совѣтъ составляетъ: изъ президента Общества, вице-президента, 18 членовъ засѣдающихъ поочередно, такъ, чтобы полный имѣющій законную силу комитетъ представлялъ не менѣе пяти голосовъ включительно съ голосами президента, секретаря и казначея.

Совѣтъ имѣетъ постоянное мѣстопробываніе въ г. Кіевѣ; дѣйствіе онаго непрерывное, засѣданіе же будетъ имѣть мѣсто по мѣрѣ надобности (Сен. вѣд. 21 марта 1861 г. № 23).

— На время Ильинской ярмарки (съ 10-го іюля по 8-е августа) положено открывать ежегодно въ Полтавѣ отдѣленіе Харьковской Банковой Конторы, причемъ этому отдѣленію предоставлено: а) пріемъ вкладовъ для трансферта, и б) выдача ссудъ подъ учетъ векселей и подъ залогъ шерсти для Харьковской акціонерной компаніи по торговлѣ шерстью на существующихъ нынѣ основаніяхъ (Мѣнѣе Госуд. Сов. 20 марта 1861 г. въ Сен. вѣд. 14-го апрѣля, № 30.)

— Срокъ существованія Пяновской (24-го іюня) ярмарки въ городѣ Зѣньковѣ (Полтавской губ.) назначенъ вмѣсто 7 дней,—на 3 дня. (Сен. вѣд. № 38.)

Срокъ существующей въ городѣ Городиѣ (Черниговской губ.) Георгіевской ярмарки вмѣсто 23-го переименъ на 27 апрѣля (Сен. вѣд. 27 іюня № 51.)

4) Законы гражданскіе.

Дозволено владѣльцамъ мельницъ, состоящихъ въ станичныхъ юртахъ казачьихъ войскъ, продавать оныя не одному обществу или члену той станицы, въ коей таковыя мельницы находятся, но всѣмъ безъ изъятія жителямъ воинскаго сословія, съ тѣмъ, чтобы земля, отведенная подъ мельницы, съ уничтоженіемъ оныхъ, оставалась собственностью станицы (Пол. Воен. Сов. 9 февр. въ Сен. вѣд. 24 марта № 24).

5) Учрежденія.

По малому числу помѣщичьихъ имѣній въ Бердянскомъ уѣздѣ Таврической губерніи, опредѣлено: не имѣть впредь въ семь уѣздѣ особаго предводителя дворянства и особой дворянской опеки, но первую должность соединить съ должностію Мелитопольскаго уѣднаго предводителя дворянства, а дворянскую опеку съ опекою Мелитопольскаго уѣзда. (Мѣнѣе Гос. Сов. 14 ноября 1860 г. въ Сен. вѣд. 20 янв. 1861 г. № 6.)

— Съ выходомъ за границу Татаръ Евпаторійскаго уѣзда Таврической губернии упразднено съ 1-го марта 1861 г. Евпаторійское окружное управленіе; заведеніе же остающимся въ семь уѣздѣ казенными землями и государственными крестьянами передано въ сѣверной части уѣзда Перекопскому окружному начальнику, а въ южной—одному изъ чиновниковъ особыхъ порученій при палатѣ государственныхъ имуществъ, для наблюденія за волостями Симферопольскаго уѣзда. (Рапортъ Мин. Гос. Им. 12 янв. 1861 г. въ Сен. вѣд. 21 февр. № 15).

СЛОВО О СКОВОРОДѢ,

по поводу рецензій на его сочиненія, въ «Русскомъ Словѣ.»

Въ нашей текущей литературѣ случается, что писатель, особенно рецензентъ какой-нибудь выходящей книги, произноситъ рѣшительнымъ тономъ знатока сужденія и даже осужденія надъ предметами, которыхъ не изучалъ, надъ которыми прежде не думалъ, которыхъ вовсе не знаетъ. Сверхъ-того, у насъ стало входить въ обычай печатно бросать грязью въ дѣятелей мысли и слова, оскорблять ихъ личность, не считая необходимымъ даже сколько-нибудь объяснять—какой поводъ подали эти лица такъ презрительно обращаться съ ними. Быть можетъ, нѣкоторые думаютъ, что они этимъ творятъ поклоненіе призраку гласности? По нашему мнѣнію, отозваться неуважительно, хотя бы и слегка—вскользь—о какой либо личности въ печати, мы вправѣ или тогда, когда эта личность была прежде обличена достаточно и поражена невыгоднымъ приговоромъ общественнаго мнѣнія, или-же когда мы сами представляемъ несомнѣнные доказательства ея виновности предъ судомъ общества. Иначе, это будетъ оскорбленіе не только тѣмъ, на которыхъ незаслуженно мы нападаемъ, но и обществу. Какое мы имѣемъ право ожидать, чтобъ общество, не требуя отъ насъ доказательствъ и объясненій, одобряло оскорбленія, которыя мы наносимъ его членамъ? Эти мысли пришли намъ, когда мы, перелистывая VII книгу «Русскаго Слова», встрѣтили въ ней рецензію «сочиненій въ стихахъ и прозѣ Григорія Савича Сковороды», подписанную буквами В. К—овскій. Рецензентъ, приводя слова издателя сочиненій Сковороды: «которыя (сочиненія) считались народными», ставитъ два вопросительныхъ знака, приводитъ затѣмъ нѣсколько стиховъ и потомъ произноситъ такіе возгласы: «но вотъ-что за мысль терзала насъ неотступно сначала книги до самого конца: для чего и кого неизвѣстный издатель Сковороды издавалъ въ свѣтъ

всю эту схоластическую ерунду, семинарскую мертвечину? Кому какое до нея было дѣло?»

Стихи Сквороды чрезвычайно—плохи и уродливы и могутъ сравниться, по художественности, развѣ съ безсмертными произведеніями *Василія Кириловича*: тѣмъ не менѣе рецензентъ напрасно поставилъ два вопросительныхъ знака. Мало можно указать такихъ *народныхъ* лицъ, какимъ былъ Скворода, и которыхъ бы такъ поминалъ и уважалъ народъ. На всемъ пространствѣ отъ Острогожска (Воронежской губ.) до Кіева, во многихъ домахъ, висятъ его портреты; всякій грамотный малороссіанинъ знаетъ о немъ; имя его извѣстно очень многимъ изъ неграмотнаго народа; его странническая жизнь—предметъ разсказовъ и анекдотовъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, потомки, отъ отцовъ и дѣдовъ, знаютъ о мѣстахъ, которыя онъ посѣщаль, гдѣ любилъ пребывать и указываютъ на нихъ съ почетомъ; доброе расположеніе Сквороды къ нѣкоторымъ изъ его современниковъ составляетъ семейную гордость внуковъ; странствующіе слѣпцы усвоили его пѣсни; на храмовомъ праздникѣ, на торжищѣ, нерѣдко можно встрѣтить толпу народа, окружающую группу этихъ рапсодовъ и со слезами умиленія слушающихъ: *всякому граду свой правъ и права*. До какой степени пѣсни Сквороды сдѣлались народными во всей южнорусской странѣ, можно судить потому, что нѣкоторые вошли въ собраніе Галицкихъ пѣсень Вацлава зъ Олеска и Жеготы Пауля, безъ сознанія самихъ собирателей, что эти пѣсни сочинены Сквородою.

Сочиненія Сквороды не нравятся рецензенту; не нравятся они, быть-можетъ, и намъ, но изъ этого не слѣдуетъ, что они не имѣютъ никакого достоинства и что не надобно ихъ печатать. Значеніе писателя прошедшаго времени измѣняется или по эстетическому достоинству, или по его вліянію на свой вѣкъ, по степени въ какой онъ выражаетъ направленіе, нравственное состояніе окружающей его среды, по вѣстимости въ немъ умственныхъ требованій и вкуса современниковъ. Рецензентъ полагаетъ, что слѣдуетъ довольствоваться первымъ, а все, что намъ не нравится, предавать забвенію. Такъ у насъ и дѣлаютъ: въ архивахъ, мыши и сырость поѣдали старыя дѣла; ханжи замазывали древнія фрески въ храмахъ; губернаторы разбирали, для лучшаго вида въ городѣ, старинныя зданія; кухарки пекли аладья на листахъ сборниковъ XIV-го и XV-го вѣковъ. Благодаря всему этому, мы такъ мало знаемъ свою старину. И теперь еще многое

лежитъ подъ спудомъ: пусть себѣ лежитъ! по миѣнію рецензента, итъ никому дѣла до этой «срунды и мертвечины». Но вѣдь и многое изъ древнихъ памятниковъ, драгоценныхъ для насъ по выраженію своего вѣка, само-по-себѣ—безотносительно къ исторіи—можетъ показаться, сообразно нашимъ эстетическимъ воззрѣніямъ, хуже виршей и посланій Сковороды... Зачѣмъ же издавать его?.. Такъ по вашему??

Нашедши у Сковороды такіе стихи:

Убіи злую волю, братъ,
Такъ упразднишь увесь адъ,—

рецензентъ говоритъ:

«Григорій Савичъ особенно не долюбиваетъ воли, каковое качество, впрочемъ, для такого мудреца весьма почтенно». «По довольно! Бога ради, довольно!», слышу я возгласы нетерпѣливаго читателя, которые имѣютъ на меня дѣйствіе холоднаго дѣла,—и я останавливаюсь.»

Рецензентъ вообразилъ себѣ, что Сковорода преслѣдовалъ умственную и гражданскую свободу, тогда-какъ Сковорода говоритъ о *злой воли*, то-есть о дурныхъ и порочныхъ склонностяхъ. Тутъ-то рецензентъ и попалъ впросакъ! Григорій Савичъ Сковорода былъ поборникомъ свободы въ сферѣ религіозной, нравственной, гражданской, терпѣлъ за то гоненіе и, не уживаясь въ деспотизмѣмъ окружающей его среды, обрекъ себя на скитальческую жизнь. Ханжство, низкоклонничество, угнетеніе слабыхъ, мѣнь барства, постоянно находили въ немъ смѣлаго обличителя. Всѣ народныя рассказы о немъ, переходящіе изъ устъ въ уста, отъ поколѣнья къ поколѣнью, изображаютъ его такимъ. Даже въ извѣстной пѣснѣ «*Всякому граду нравъ и права,*» онъ грозитъ и того, «*кто для чиновъ улы панскіе третъ*» и попа, безъ христіанской добродѣтели, исполняющаго одинъ вышшій обрядъ, и ханжу-пана, который «*на нищихъ роздалъ сто рублей, что содралъ съ подданныхъ бѣдныхъ людей, — и всякого вышного шчо нижшого те, и дужного шчо недужого давить и жме.* Какъ проповѣдникъ правды и добра, Сковорода сталъ народнымъ идеаломъ мудреца. Можетъ-быть, теперь уже надобно отличать Сковороду дѣйствительнаго отъ Сковороды идеальнаго, народнаго; но итъ сомнѣнія, что послѣдній образъ возникъ изъ перваго, а потому нельзя не поблагодарить за изданіе его сочиненій. Мы надѣемся поговорить подробнѣе объ этомъ, въ высшей степени замѣ-

чательномъ, ипцѣ, когда будемъ владѣть достаточнымъ запасомъ свѣдѣній объ умственномъ развитіи южнорусскаго народа въ XVIII вѣкѣ: только въ связи съ нимъ можно оцѣнить Сквороду.

Въ заключеніе, рецензентъ «Русскаго Слова,» задавъ себѣ вопросъ: для кого издаются такія сочиненія, выбралъ трехъ подписчиковъ и покрылъ ихъ своимъ презрѣніемъ: первый изъ нихъ — г. Аскоченскій; второй — г. Данилевскій; третій — г. Срезневскій... Вотъ-что говорить смѣлый критикъ: «все понятно! Понятно и высокое достоинство произведеній Сквороды, и сочувствіе ему такихъ именитыхъ людей какъ гг. Данилевскаго, Срезневскаго и Аскоченскаго. Всѣмъ имъ предстоитъ равное безсмертіе съ Григоріемъ Савичемъ Сквородой. И по заслугамъ!»

И. И. Срезневскій извѣстенъ намъ какъ труженикъ науки, оказавшій важныя, по нашему мнѣнію, услуги языкознанію и исторіи своими сочиненіями и изданіями. Вѣдь вы, г. рецензентъ, привели его имя наравнѣ съ издателемъ ханженской газеты, (предающей анаемѣ и изданіе въ свѣтъ историко-литературныхъ памятниковъ и всякій отбнокъ мысли, съ нею не согласный), — не потому что г. Срезневскій подписался на изданіе сочиненій Сквороды: иначе за чѣмъ же вы пощадилъ библіотеку харьковскихъ студентовъ, — которая подписалась на десять экземпляровъ? Да притомъ, вы бы никакъ не сѣмались поставить здѣсь на позоръ имени неизвѣстнаго вамъ какого-нибудь отставнаго полковника или вятскаго купца, подписавшагося на сочиненія Сквороды? Очевидно, вамъ хотѣлось бросить комкомъ грязи въ И. И. Срезневскаго. Надѣмся, что вы найдете совершенно умѣстнымъ нашъ вопросъ: *за что?* — потому что дѣятельность г. Срезневскаго какъ ученаго, литератора, профессора, академикъ, еще не была оцѣнена печатно и не подверглась осужденію общественнаго мнѣнія. Послѣ вашего неуважительнаго обращенія съ этимъ именемъ мы именно отъ васъ имѣемъ право этого требовать, если у васъ достанетъ столько свѣдѣній въ археологіи, филологіи, исторіи... Иначе, вы сами не должны оскорбляться если мы скажемъ вотъ-что: на васъ, г. В. К—овскій, возгласы какого-то читателя имѣютъ дѣйствіе холодной дѣши, а на насъ чтеніе вашей рецензіи производитъ дѣйствіе отвратительнаго запаха невѣжества и школьническаго нахальства.

Н. Костомаровъ.

ЗАМѢТКА О ВОЗРАЖЕНІЯХЪ Г. МОРДОВЦОВА.

Въ 4-й книжкѣ *Основы* помѣщены были критическія замѣчанія г. А. П—аго на статью г. Мордовцова: «*Крестьяне въ югозападной Руси.*» Г. Мордовцовъ, отвѣчая въ июльской книжкѣ *Русскаго Слова* другому своему критику, г. Костомарову, сказалъ мимоходомъ нѣсколько словъ и г. А. П—ому, и попрекнулъ его въ «панскихъ и арендаторскихъ» (!) понятіяхъ, которыхъ г. А. П—ій не имѣлъ и, по своимъ убѣжденіямъ, имѣть не могъ.

Г. Мордовцовъ, въ первой своей статьѣ, изображая бѣдственное состояніе крестьянъ югозападной Руси XVI в., въ доказательство приводилъ цифры платимыхъ ими повинностей и, переводя ихъ на нынѣшнія цѣны, опредѣлялъ этимъ всю тягость положенія крестьянъ.

Г. А. П—кій замѣтилъ ему, во-первыхъ, что повинности въ Украинѣ были легче чѣмъ на Волыни, а между-тѣмъ авторъ имѣлъ ввиду только послѣднія; во-вторыхъ, что опредѣлять внутреннюю жизнь народа цѣнностію вещей, взятою въ отдѣльности, значитъ опредѣлять односторонне и недостаточно, — потому, что понятіе цѣнности не опредѣляетъ даже всѣхъ экономическихъ явленій жизни, — что известная сумма цѣнностей удовлетворяетъ одного и не удовлетворяетъ другого, — что, поэтому, г. Мордовцовъ необходимо долженъ былъ объяснить, насколько сумма получаемыхъ южнорусскимъ крестьяниномъ цѣнностей не удовлетворяла его потребностей. Ясно, что г. А. П—кій не возражалъ противъ главной и основной мысли г. Мордовцова, что западно-русскіе крестьяне были въ бѣдственномъ положеніи: (возражать противъ этого, и при настоящемъ состояніи исторической разработки, было бы неаппо): онъ указалъ только на слабую сторо-

ну статьи автора, на рѣшительность его приговоровъ и выводовъ, которые требуютъ больше положительныхъ основаній, большей доказанности;—указалъ на то, что г. Мордовцовъ «въ своихъ заключеніяхъ ничего не прибавилъ ко всему тому, что намъ извѣстно изъ актовъ Кіевской Коммиссіи и другихъ источниковъ.»

Но г. Мордовцовъ, задавшись тѣмъ, что г. П—кій не согласенъ съ основной мыслью его статьи, приписываетъ г. П—ому убѣжденія и мысли, какихъ послѣдній и не думалъ высказывать.

Такъ г. Мордовцовъ говоритъ: «Вообще г. П—ій держится того мнѣнія, что южнорусскому пахарю XVI в. было довольно легко жить на свѣтѣ и нечего было жаловаться на польскихъ пановъ»: между тѣмъ какъ, у г. П—каго, г. Мордовцовъ читалъ совершенно-противоположное мнѣніе. «Пародъ въ югозападной Руси», «говоритъ г. А. П—ій, терпѣлъ матеріальныя и нравственныя лишенія,—«терпѣлъ онъ отъ своевольства войска, отъ роскоши и мотовства пановъ, отъ жидовъ—арендарей, которымъ отдавались имѣнія съ правомъ судить крестьянъ и даже казнить ихъ смертію.»

Изъ общей мысли, что потребности поселянина ограбченіе, пажелы, напримѣръ, потребности горожанина, г. Мордовцовъ выводитъ, что г. П—ій смотритъ на южнорусскаго пахаря XVI в. какъ на существо низшей породы, какъ на человѣка «не одной съ нимъ кости—не бѣлой!?»

Г. Мордовцовъ могъ нападать на самый фактъ существованія такого различія мѣнѣ и болѣе развитыхъ потребностей, а не на того, кто этотъ фактъ напомнилъ ему для соображенія: указать на какое-либо явленіе жизни еще не значитъ—принимать его за нормальное, за справедливое и цензѣнное.

Вообще, намъ кажется, что г. Мордовцовъ безъ нужды перешолъ отъ изслѣдованія предмета къ изслѣдованію убѣжденій своего критика, и, не имѣя достаточно данныхъ, просто—на—просто приписываетъ ему такія, какихъ тотъ не отыщетъ ни въ своей статьѣ, ни въ своемъ сознаніи. Намъ кажется, что этимъ существеннымъ недостаткомъ страдаетъ г. Мордовцовъ и въ отношеніи г. Костомарова. — Мы этимъ не говоримъ, чтобъ убѣжденія пишущаго не могли быть предметомъ критики, опроверженія, изслѣдованія, — но утверждаемъ, что о нихъ должно говорить настолько, насколько самъ пишущій высказывается, а главное — не забывать самого пред-

мета. Иначе — можно потерять твердую почву и перейти въ область невѣрныхъ предположеній и бесплодныхъ споровъ о личныхъ — невысказываемыхъ — убѣжденіяхъ, и упустить изъ виду самое дѣло.

Спрашиваемъ: такимъ ли путемъ можно добыть истину, которой, безъ сомнѣнія, ищетъ уважаемый изслѣдователь «Положенія крестьянъ въ югозападной Руси XVI вѣка?...»

ЗАМѢТКА О РУСИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГІИ.

Въ настоящее время, надо думать—вслѣдствіе освобожденія крестьянъ,—у Русиновъ, равно какъ и у Великороссовъ, стремленіе къ образованію становится искреннимъ явнымъ.

Людямъ, пользующимся матеріальною обеспеченностью, и вслѣдствіе того, имѣвшимъ возможность получить какое-нибудь образованіе, предстоитъ святой долгъ помочь своимъ землякамъ въ этомъ благородномъ стремленіи.

Многіе уже трудятся на этомъ поприщѣ, приготовляя учебники для простаго народа, и мнѣ хотѣлось бы, въ видахъ общей пользы, обратить ихъ вниманіе на научную терминологію.

Научная терминологія западныхъ народовъ, принятая, почти дѣлкомъ, въ русскія учебныя книги, образовалась, большею частью, въ средніе вѣка, когда наука была не общимъ достояніемъ, а особенною принадлежностью—какъ бы ремесломъ—извѣстныхъ людей, составившихъ замкнутую корпорацію, съ своею собственною іерархією (бакалавръ, магистръ и т. д.). Эти люди избѣгали сближенія съ профанами, непосвященными въ таинства науки; у нихъ была особаго рода одежда и условный языкъ, отъ котораго ведетъ свое начало и научная терминологія, языкъ, составленный именно такъ, чтобъ быть понимаемымъ только *спеціалистами, адептами науки*.

Теперь наука дѣлается общимъ достояніемъ; поэтому и термины научные должны бы быть общепонятны; но вліяніе средневѣковаго пошманія вещей отзывается и нынѣ. Такъ, напримѣръ, всѣ малограмотные люди, желая показать, что они принадлежатъ къ образованному классу, любятъ оснащать свой разговоръ иностранными словами (подчасъ имъ самимъ малопонятными): вмѣсто *дикій садъ*, они непременно скажутъ *паркъ*, вмѣсто *бесѣдка*—*навильонъ*, и т. п. Особенно характеристично, въ этомъ отношеніи, слово *діалектъ*,—такъ - что услыша отъ малозна-

комаго мнѣ чловѣка вопросъ: *говорите ли вы на иностранныхъ діалектахъ?* я уже знаю съ кѣмъ имѣю дѣло. Ученикъ, заучившій нѣсколько звучныхъ словъ, въ родѣ: *перпендикуляръ*, *параллель*, *сегментъ* и т. п., уже чувствуетъ себя маленькимъ *ученымъ*, становится *недантомъ*, старается парадировать этими словами и вставлять ихъ, кстати и некстати, въ разговоръ.

Въ прежнія времена, это средневѣковое явленіе было еще замѣтнѣе; такъ, достопочтенный іеромонахъ Климентій (см. 1-ю книжку *Основы*) прямо совѣтуетъ грамотнымъ избѣгать, словно заразы, всякаго сношенія съ неграмотными. Даже современные ученые не совѣмъ еще отrekliсь отъ средневѣковщины;—читающаго эти строки, также какъ и меня, безъ-сомнѣнія поражали химическія названія: *глиній*, *кремній*, и т. п. Видите ли: пришлось окрестить по-русски простыя тѣла или металлы, которыхъ руда называется: глина, кремль и т. д. По духу русскаго языка, кажется, ближе всего было бы назвать ихъ — *глинякъ*, *глинецъ*, или *глиневикъ*, и *кремякъ*, *кремнецъ* или *кремлевикъ*, но вотъ—почли приличнѣе сочинить—*глиній* и *кремній*,— слова, какъ-будто взятая изъ того латинскаго языка, на которомъ, въ присутствіи родителей, объяснялся *доминусъ Галушкинскій* съ сыновьями *папа Халаяскаго*. Мало того: вскорѣ, какъ будто опасаясь, что эти названія черезчуръ понятны профанамъ, придумали новыя клички: *алюминій* и *сплицій*!

Русинскимъ писателямъ, составляющимъ учебники для народа, предстоитъ дѣло совершенно новое, и я рѣшился высказать свои, по этому поводу, соображенія.

Такъ-какъ желательно, чтобы образованіе усвоивалось массою народа, то, я думаю, и термины научныя слѣдуетъ составлять въ духѣ народнаго языка, такъ, чтобы, воислѣдствіи, они могли быть приняты самимъ народомъ. Слѣдуетъ еще принять во вниманіе и то, что у насъ, по числу нуждающихся въ образованіи, очень мало дѣльныхъ учителей, слѣдовательно учебники и научныя термины надо составлять, по-возможности, такіе, которые и безъ толкованія учителя были бы доступны учащимся.

Это тѣмъ болѣе необходимо, что метода зубренія, врядъ ли скоро выведется изъ первоначальныхъ училищъ, для которыхъ собственно и назначаются русскіе учебники.

Для убѣжденія въ томъ, какое значеніе имѣетъ непонятная терминологія, спросите у любого ученика объясненія, что такое эклип-

тпка? и навѣрное онъ вамъ не съумѣетъ дать удовлетворительнаго отвѣта. А спросите ученика польскихъ училищъ: что такое *droga ziemi* (дорога земли), и онъ вамъ непременно объяснитъ. Я знаю это по опыту.

Если бы и пришлось употреблять въ учебникѣ иностранныя слова, то слѣдуетъ избѣгать, по крайней мѣрѣ, неудобопровозносимыхъ, какъ напримеръ: *параллелопипедъ*, и такихъ, въ которые входитъ звукъ *ф*, несвойственный русинскому языку, вслѣдствіе чего такія слова, въ народномъ употребленіи, неизбежно искажаются—нерѣдко самымъ неблагозвучнымъ образомъ.

При составленіи учебниковъ слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на математическія и естественныя науки, которыя, безъ-сомнѣнія, должны занять важное мѣсто въ народномъ образованіи: а въ этихъ-то наукахъ наиболѣе непонятна терминологія...

Въ - заключеніе, представляю вниманію читателей небольшой русинскій терминологическій словарь, въ видѣ опыта. Руководствомъ, при его составленіи, служилимнѣ словари, чешскій и польскій а также нашъ Украинскій языкъ. Искренно порадоюсь, когда мой опытъ вызоветъ критическія замѣчанія, и дополненія. *Faciunt meliora potentes.*

Ариметика—*Шотниця*.

Алгебра—*Піма Шотниця*, або *Пімо-щотъ*.

Аллегорія—*Писловъ*.

Амальгама—*Элавъ*.

Арсеналь—*Збровня*.

Анархія—*Безправность*.

Аптека—*Лікарня*.

Аптекарь—*Лікарникъ*.

Архитекторъ—*Будовничій*.

Архитектура—*Будовничество*.

Астрономія—*Зірниця*.

Астрономъ—*Зірникъ*.

Атомъ (хим.)—*Первець*.

Эквивалентъ (хим.)—*Пай*.

Автоматъ—*Саморузь*.

Математика—*Численниця*.

Аналитика—*Разборниця*.

Бухгалтерія—*Счетоводство*.

Анализъ—*Разборъ*.

Алькоголь—*Винець*.

Каля—*Вапнець* (металлъ, котораго руда известъ).

Оригиналъ—*Первотворъ*.

Ореографія—*Писовля*.

Параллельно—*Опоручъ*.

Параллельные круги—*Опоручні кола*.

Тропикъ—*Поворотникъ*. *Тепловець*.

Тропическія Страны—*Тепловицна*.

Перспектива—*Зглядность*.

Орбита—*Обіжниця*. *Обігъ*.

Пульсъ—*Живчикъ*.

Магній (мет.)—*Горчець*.

Физика—*Сильниця* (*Наука о дѣйствіи тѣлъ на другія тѣла, о силахъ*).

Физическій—*Сильничій*.

Физикъ—*Силозмитъ*.

Механика—*Смлодійня* (*Наука о дѣйствіи силъ*).

Механизмъ—*Смлодійство*.

Механикъ—*Смлодій*.

Химія—*Лучба* (чешск.), *мстниця*, або *властниця*.

(*Наука о соединеніи*) — *естество*, — *свойствахъ тѣлъ*.

Грамматика—*Мовниця*.

- Натръ—*Солецъ* (металлъ котораго п-
вѣстнѣе соединіе—повар. соль).
 Силпціи—*Кремнець*.
 Аллюминіи—*Глинаць*.
 Углеродъ—*Углець*.
 Теплородъ—*Теплець*.
 Азотъ—*Душець*.
 Газъ—*Чадь*.
 Хлоръ—*Зеленець*.
 Фармація—*Лікарниця*.
 Физиономія—*Поглядь*.
 Конусъ—*Стожокъ*.
 Коническій—*Стожковий*.
 Баластъ—*Тяжець*.
 Бальзамъ—*Живника*.
 Бальзамическій—*Живничный*.
 Библиотека—*Книгарня*.
 Блокъ—*Вертіло*.
 Ботаника—*Рослинниця*.
 Ботаникъ—*Рослиляръ* *Блиляръ*.
 Гербаріи—*Травникъ*.
 Медикъ—*Лікаръ*.
 Хирургъ—*Гойникъ* (отъ гоіти).
 Хирургія—*Гойниця*.
 Результатъ—*Послідокъ*.
 Форель—*Пестрюга*.
 Форматъ—*Укладъ*.
 Географія—*Землеписъ*.
 Географическій—*Землеписный*.
 Географъ—*Землеписецъ*.
 Градусъ—*Ступень*.
 Бассоинт.—*Котловина*.
 Грифель—*Писало*.
 Агентъ—*Діляць*.
 Гротескъ—*Дивообразъ*.
 Группа—*Купа*.
 Горизонтъ—*Поземъ* *Небсклонъ*.
 Горизонтально—*Поземо*.
 Перпендикулярно—*Стрялко*.
 Гипербола—*Збитниця*.
 (отъ збитъ—изпшше).
 Идеаль—*Видина* *Правозоръ* (съ чеш).
 Насѣкомое—*Кузька*.
 Истинкъ—*Побудка*.
 Инструментъ—*Статокъ*.
 Эклиптика—*Путниця*.
 Квадратъ—*Двукратъ*.
 Кубъ—*Трикратъ*.
 Истокъ—*Жерело*.
 Буксиръ—*Волокъ*.
 Буксировать—*Волочити*.
 Каналь—*Проводъ*.
 Карикатура—*Потвора*.
 Характеристика—*Вдачность*.
 Циркуль—*Кружало*.
 Колонія—*Осада*.
 Колонистъ—*Осадчий*.
 Колоритъ—*Квітцистость*.
 Контрактъ—*Умова*.
 Корректоръ—*Справщикъ*.
 Курсъ—*Токъ* *Обігъ*.
 Цилиндръ—*Валець*.
 Цилиндрической—*Вальцевий*.
 Машина—*Строй*.
 Паровая машина—*Парострой*.
 Элементъ—простоее тѣло—*Первіна*.
 Электричество—*Громоваина*. (чешск.)
 Эмаль—*Поліва*.
 Эпоха—*Доба*.
 Экстрактъ—*Витяжкя*.
 Фабрика—*Виробля* *Діляня*.
 Фабрикантъ—*Виробчикъ*.
 Интересъ—*Зискъ* *Ужитокъ*.
 Регулярный—*Сталый*.
 Каведра—*Столець*.
 Лабораторія—*Діляня*.
 Ландкарта—*Землевидъ*.
 Ландшафтъ—*Кравемдъ*.
 Мануфактура—*Рукоділяня*.
 Массивный—*Тильчастій* *Литий*.
 Матросъ—*Пловець*.
 Спеціальность—*Мітець*.
 Спеціальность—*Мітецьство*.
 Машинистъ—*Стройчикъ*.
 Меридианъ—*Полудникъ*.
 Метафора—*Переносня*.
 Металлъ—*Кованъ*.
 Минераль—*Нѣростъ* *Крушець*.
 Нейтральный—*Ніякий*.
 Нейтралитетъ—*Ніякость*.
 Полюсъ—*Бігунъ*.

М. Левченко.

ВІСТІ.

ХОРОБІЛЬ,

який вінъ теперъ є.

Въ Хороблі — всію доведлі!

(Послѡвниця.)

Зъ якої сторони ни поглянь на нашъ Хоробль, — якъ гóродъ — ледаченькій, — а якъ сѣльбище, — то прехоробше! Полўгорьє, на правому березі р. Хоробла, де стоить гóродъ, ділитця широкимъ ложби-

* Вісті про Хоробль прислали намъ разомъ съ такою гарною, вимовною приказкою, що було бъ жалко не поділитися нею зъ ширими земляками, котрі розуміють ціну рідного слова, що, мовлявъ, якъ сиротина налякана, не до кожної душі проговорить. Читасянь — и не начитаесся оповідання п. Димського; — а такі, здаеця, прості речі вінъ оповідає..! Въ його устахъ наша мова и м'якка и виразна и послўшамва, якъ той смичокъ и скрипка у рукахъ доброго музикі: що захоче, те вона ёму и віспіває. — Оце жъ частина зъ приязного листу п. Димського:

«Посилаю де-що про нашъ Хоробль: найдете путнімъ — гараздъ, а ні — такъ у пічъ — и дїлу кінець... *Основа* такъ міні вподобала, якъ вовку весільні пісні: такъ и кортіть протягнути въ її и свою стрічку, — якъ тому вовкові зъ дружочками заспівати. Може и моему голосу буде те, що повчїї пісні, — та вже жъ — запросъ не біда! Примірайте: прийдеця моя мережка до *Основи*, — заснуйте, а ні — вибачайте... Зо всіхъ українъ сиплють до васъ, мовъ зъ рукава, листї, стихї и багато ще де-чого, на прівіть *Основокки* — баловніні нашого незабутнєго Тараса-кобзаря (нехай ёму перомъ земля!) треба жъ то розібрати весь край, щобъ усёму порядокъ дати и вибрати до гождо виду гождю стрічку; треба жъ то одвіяти жито відъ половин; треба... та мало чого треба?... А все-таки думка й та, що може и въ моїй мові знайдеця хочъ одно зернятко, и на рідній нашій ниві воно проросте, відкрасуетця и вродить рясенькимъ колоскомъ. — — » — *Азїнь!* — одказуючи Вамъ звичаємъ нашого Кобзаря: такъ воно й станеця! Нехай же частїшъ зорїє ваше тепле и гарне слово въ прівітанї до ширїхъ земляківъ *Основи*.

щемъ течіи Лагодівки на дві часті: Покрівську и Городську; а ся ще ділитця, крутими ярми, на меншіі укрощ, и на нихъ—то, відъ Лагодівки и р. Хорола, замітне старинне кріпостне будовання.

Хоробъ-річка течє въ Псебъ; по весні залпває всі лўки; літомъ становитця озєрами, а підъ городемъ — невеличкимъ лиманомъ, и скрізь зъ берегівъ заростає високимъ та густимъ очеретомъ... Якъ глянупи зъ могили, що на валу, то далєко—далєко, —зъ—восхїдъ сонця до полўдня краю, —відко сєла, хуторі, широкіі лўки, ліси, озєра зъ очеретами, и гори, що геть—гєть пішли правимъ бєрегомъ; а що найближче, на острову, сєло Впшнякі, уквічанє садочкам, окаямленє, якъ барвінкомъ, сїпими озєрами зъ зелєними очеретами, вєрбами и тополею.

Самъ городъ усяня и по горахъ и по ярми, то въ одиночку, то вкупці, якъ печеріцям, пшєнським, білєським хатинами, крїтими очеретом и солóмою. Пять церквєй, на Городській стороні, и одна на Покрівській, веселєнко вибігають въ нєбо и сяють святими хрєстами; а де—де червопють и зелєпють покрівлі панських будиноків, крамарських рядів и казєнних пострóекъ; а найбільшъ насєла, негідю, на городъ тюрма, — котра ще тільки відстрóуетця, и сўмно зорїть, на свїгъ божїй, дворядовими вікнами, зарештованими залóзомъ. Нарóду въ городі зъ невеличкимъ 4,000, а міжъ нимъ и жидові чоловікъ сотъ зъ дві, осідлихъ и приплўднихъ. Три стóвбові шляхи стєлютця черезъ городъ: одїнь въ Полтаву, дрўгий у Кременчўкъ, а трєтїй, на Лубни, въ Кпїв... Здаєтця, тутъ би и торгамъ бїти, — та щось не такъ!... однягъ святїй хлїбъ визволяє: въ Кременчўк хурўють єго четвєртєй, мóже, тїсячъ на дєсятъ, а то такі и по вїпницямъ панськимъ чимáло єго забирають. Мóже, після волі, кращє бїде и въ Хоролі; звїсно, нарóдъ слободяше зароблїтєме собі худбоньку, — не такъ, якъ було ще недáвно, живши въ хатиї якъ сорóка на тпнў.

Самє мїсто гóрода дўже привлїяє и весєле; водї доволі, та ще яка и вода! Ё у насъ Зубапівська криниця, —пєшь—не напєсьє!.. Старі людї кажуть, що воду зъ неї, рядчикї возїли колїсь ажъ до Херсоні, —вельмóжному Потємкіну, якъ вінъ воєвавъ зъ Тўркомъ, и якъ їхала въ Кримъ царїца Катєріна. Чудова вода! ипшї и лїчутця нєю, — мабутъ Богъ помагáє... Грунтъ въ Хоролі, для садовинї, або и огорóдини, дўже хорóший; 1849 рóку, я ще заставъ тутъ дўже рясні садки; а що найкращє тутъ ростўть —мурєлі: продавалїсь

по сороківці за відро; и теперъ ё садки, та все не те: якъ почала селятись въ городі жидова,—такъ садки й тають; жидъ въ садку не уживётца,—однó що кози заідають, а то такі й догляду нема; звісно, народъ торговий! а наші, горожане, більшъ працюють у полі, — а панство коли не на службі, то дома—та за картами... Ще то хороше въ Хоролі, що який би—то дощъ пи йшовъ, а годинъ черезъ дві сміло іди гуляти; по улицямъ нема тихъ озёръ, котримъ покійний Гоголь ослівивъ Миргородъ—нашого сусіду; хочъ и у насъ нихто не боронить свинямъ и телятамъ гуляти по майдану, середъ города, де всі суди, а все—такі, Богъ боронить,—свині бумагъ взъ судивъ не крадуть, хочъ тамъ папіру кучи, кучи (*)... а може вже й свині, після Гоголя, розумніші стали,—тільки, до-якого-часу, такого бешкету у насъ не роблять.

Живимó жъ ми, въ городі, ні весело, ні скушно,—радощівъ мало; хочъ теперъ и дудить, кажнісенькій ранокъ и вечіръ, гусарська музика,—та все якоесь смутно: — щось дуже туга копійка, — бідному чоловікові прожити не лєгко, житнєго борошна пудъ—четвертакъ,—а бараннина, або яловичини фунтъ—10 шагівъ,—се бъ то такъ якъ и въ Полтаві; а відъ чого вонó такъ? хто ёго зна! Ажъ слухати моторошно объ такіхъ цїнахъ, глєдя на тї широкі лані, де хлїбъ святїй має відъ краю до краю,—глєдя на ті тїсячнї отарки, де продаютьца вивці за 2, а корова за 12 карбованцівъ,—та що робити? *привозити м'ясо изъ селъ — запрѣтъ*, а наськи різникі вигадують щобъ усїмъ було гараздъ... опрїчь хто у нихъ купує...

Що бъ не скушно жилóся у насъ,—то бувають случаи на всякй місяць,—що бъ було де-объ чимъ помірковати народу. Самі судіте:

У сімъ годі, въ *генварі місяці*,—у насъ, въ самісенькому городі, трохи не опівднї, замєрзла (було—17 град.) що не дуже старá бабуся, сажєнахъ въ 10-ти відъ своєї хати: ішовши съ хрестинъ свого внўка, посковзнула та й упала въ яръ, де було трохи не сажєнь снїгу; білась—білась, та й заснула. Кажуть люди, що вона може бъ и проснула (бо якъ її витягли зъ яру, то ще білося сєрце), та лишко тяжке! на той часъ, *нікого*, изъ 4-хъ лікарівъ, не найшли: булі, кажуть, десь у гостїхъ... На другїй день, городовїй лікаръ її карбовавъ,—каже: вмерла!.. Поховали... якъ буде трєба, тоді проснєтца...

(*) *Ссора Івана Івановича съ Іваномъ Никифоровичемъ, въ сочпсєніяхъ Гоголя.*

Въ *февралі*, разъ, опівночі, була у насъ пожежа: палко горіла хата, критая очеретомъ; весь городъ освітився, улиці ажъ стогнуть відъ дзвону; всякъ зъ постелі схоплювався, та въ чімъ попало — на пожаръ... Багато бь було горя и слезь, якби не салдати инвалиди и гусари; а то вже якъ распалалось пекломъ, тоді тільки прибігли і пожарні, — мабуть ждали порі, щобъ відійшъ було їхати, — та ще жь бо и то: — що робити зъ гаспедськими кінями? — їх до огню, а вони — драга, та задомъ, — ажъ клескі въ бочонкахъ торохтять!.. Сё вже, мабуть, не натачанки возити!.. А тутъ імъ и смокъ ще страху завдає: оцё якъ приймутця качати, то вінъ — сонё, сопё, а далі якъ чвіркне зъ боківъ, то такъ и коні, и люди вростіть! Нічого робити, — кошею на сторону, та за лопати: прийнялись за снігъ, що по улицямъ стоявъ кучугурами, та и покриян пожежу!..

Въ *марті* була объявлена народові царська воля за *паньщанъ*: то—то радіщі! По всімъ церквамъ були молебні о здравіи Царя. Молілись щіро, а далі и порішили: зробили складъ, и проводили старіихъ людей на прощу у Київъ. Плакали, смілись, обнимались, поздоровляли, мовъ на Великдень. Увесь пість бувъ празниками; а якъ настало Великдне Свято, то радішамъ и кінця не було!

— *И сүйцмъ во гробіяхъ живомъ даровавъ!* — твердивъ народъ.. Чудно де—кому здавалось, що не було опійства, бійки, лайки, а скрізь тільки и чуті, що *паньщана* заручається, — готуютьця весілля... Ажъ серце смійлось!

Въ *апрелі*, на празникахъ, у півтницю, въ Хоролі, пронеслася чутка, що, опівдня, молоденька дівчина, літь 16—ти, кинулася изъ будинку, та прямісенько въ колодязь — шубовхсь!.. а колодязь той сажнівъ вісімъ глибини... Побачили люди, закричали, збіглись до колодязя, та и постали... ажъ—ось біжить, зъ другимъ салдатами, не дуже старий инвалидъ, (родомъ зъ Кременчука), *Павловъ* прозивається, схопивъ вірёвку, оперезавъ, та въ колодязь и юркнувъ... а тамъ, прицвівши, и витягъ дівчи; подали другу вірёвку, — вінъ обвязавъ ёю обмерлу дівчину, — такъ и и витягли, — а далі и Павлова; прийнялись утоплени качати на ріднахъ, та и відваляли: ожил!.. Кажуть, начальство узялось розібрати се діло, и, мабуть, дознаютьця. — А народъ все гуторить: чого бь тій дівчині топиться?.. Молоде якъ квіточка.. Жаль сердешної убоги!

Щё не встигли и посумувати по сій новині, якъ черезъ два дні, у неділю, нова оказія, вже міжъ панствомъ: офицеръ—черкесъ, та дру-

гого офіцера—гусара, у жйда въ трахтірі, якъ штырхонувъ кінджаломъ у живіть разъ, и вдруге, — такъ якъ и не було чоловіка!.. Се лүчилось підъ вѣчіръ; музика гусарська вже грала на майдані; народу зібралось чимало, а тутъ и піднялось... черкеса посадили въ тюрмѣ, а мёртвого понесли въ больницу... Черезъ два дні хоронили зарізанного; народу було мабуть тисячъ зо дві; грала музика; а якъ несли покійника, біля тюрми, то виводили и зарізяку—черкеса... Покійника похоронили зъ стрільбою.. Пехай ёму перомъ земля! добрий п молодій чоловікъ бувъ! кажутъ, що родомъ зидъ Москві, и хорошого роду.

7-го мая бѣла у насъ одкрита недільна шкѣла; я її оповідавъ объ сімъ въ *Московськихъ Відомостяхъ* (№ 133-й), да менѣ тутъ злицѣвали въ Длинского. Зпершу записалось у шкѣлу вчителѣ—29, а теперъ записанихъ—73 чоловіка. Ходять же вчителѣ відъ 45 до 60-ти чоловікъ; полѣві роботи, ярмаркі, а для салдатъ—этѣпъ и калавѣри, на перешкодѣ. Якъ одкривали шкѣлу, то не забули и того *Павлова*, (щѣ витягъ дівчи зъ колодязи): зробили складъ, та її дали ёму, на першій разъ, шість карбѣванцівъ на дорѣгу, бо вінъ вже йшовъ у *чисту*; а на бѣльшъ — ще йде підписка. Щіро принявся народъ учитись; вже дѣ-яки, изъ рѣньшихъ, починають читати Евангеліе, и ті маншєнькі книжичкі, що якъ метѣлики, летять до насъ одъ п. Камінецького. Не знаю щѣ дальшъ бѣде, а теперъ дѣло йде, якъ за водою; хто учитѣя—радъ, та її хто ўче—радіе.

Про шкѣлу спершъ було поговѣру немаю; теперъ вже ворожбѣти трѣхи вгамовались; бѣчуть, що нічѣго не вкѣють, то тѣльки гарчать. Уже й жидинята почали ходитъ учитись грамоти, а наші щіро їмъ помагѣють, и зъ лѣскою до нихъ. И, першъ, опѣсувався, щѣбъ наші хлопьята не обѣждали їхъ, на-щѣтъ *сала, гѣменового ўла* и щѣ — де — чого, — ажъ ні: наука здружила її зъєднала усіхъ. Ичалъ тѣльки, що учитѣли пристають: — изъ 17, що записались, наврядъ чи й сімъ наберѣтѣя, котрі бѣ ходили рядъ-у-рядъ; а народу все бѣльшъ и бѣльшъ прибуває... Та вже жѣ *Богъ не безъ милости, козѣкъ не безъ доли!*—побачимо...

Въ *май* жѣ, були вѣбрані Мирѣі Посередники: все лѣди гѣжи, — молоді, трудящі; а що всѣго краще—и народу и пѣнству любі. Пехай же мирѣють на здоровья!

Въ *юні*, вѣбрали новѣго Предводителя: ждуть одъ ёго багѣто хорошого... Тежъ, и Петрівська ярмарка обѣишлась не безъ поговѣру: шарпаняни — сіляу, полетиномъ, горшкѣми, лопѣтами, дѣжкѣми и

другімъ дѣ-чпмъ и дѣ-кому—було доволі! . И чо́го бѣ тутъ, здаѣтця, дивовати́ся? Діло обича́йше... такъ ні! наро́дъ своѣ товчѣ... адже́жъ оліі не вітовче?..

Явлѣнне *мітли* на нѣбі, або то комѣти, якъ вчѣні лю́ди зову́ть її, тежъ далó посуду не́мало; москалі угадува́лі, що *мітла* мабу́ть — чи не кѣ во́йні зѣ ту́ркомъ?—козацтво—чи не зметѣ вона́ *о́кружніхъ*?—паньшенá — що вона змітаѣ крѣпа́цтво; дѣ-якп паві́—що б́уде страши́й судъ, якъ *вішовали, той рікъ, въ Моско́вськихъ Відомостяхъ*; судові́ — чи не віщуѣ вона́ зостати́сь імъ за штáтомъ?.. одні жидкві́ мовчки погляда́ли на *мітлу*, та метáрились, де-бѣ, набі́ръ, закупіти у паші́въ шлѣнську во́вну, що бѣ мерщій пхати́сь на Иллі́нську я́рмарку, въ Полта́ву.

Въ першихъ дняхъ *ю́ля*, зповѣ, у Хорóлі, новинка: въ гóроді, незабарóмъ після́ полудня, найшли́ 80-ти лі́тню ба́бу-удову́, въ її жѣ хаті́, зѣ розб́итою голо́вою, двома́ узлі́мп заду́шену, и зѣ потро́щенимъ рѣбра́мп... Скрі́ня, що стоя́ла въ хаті́, розб́ита, и все добро́ пороскідувано: мабу́ть шука́ло гро́шей... Покі́йна бабу́ся на-видѣ здава́лась лі́тъ 50-ти; була́ хазійлива, заможи́нька и пріві́тна до всі́хъ; спні́въ жині́ла и зроби́ла хазяї́нами, та й ще ма́ла худóби чпма́ло: хату́ зѣ хі́жею, ко́мору до́бру, млі́нь, весѣлі́й двіръ, о́горо́дъ хоро́шій, садо́къ вишне́вий, — та й, окро́мъ се́го, пай́дено въ не́й гроше́нятъ карбóванці́въ сотъ чо́тирі, и всѣ́го добра́ доволі́, та, мабу́ть, не дано́ їй до́лі вмерти́ якъ слі́дъ,—по за́кону хресті́янському: найшла́сь рука́ гáспіда, що закрі́ла старі́ о́чі об́ухомъ, та петлѣю... а хтó той гáспідъ—ще не знаю́ть.

А оцѣ, на тій же неді́лі, друга нові́на: рознесла́сь чу́тка, — що розб́ирати́муть мі́сть, котрі́й стоі́ть въ гóроді, черезъ я́ръ, па шляху́ изъ Лубе́нь,—відкі́лі теперъ і́де вся я́рмарка на Иллі́нську, въ Полта́ву, изъ Ки́ива, Воли́ні и геть-геть да́льнѣго, рідного́ намъ Га́ліча... Якъ-то-сь пі́шкомъ повѣдено́ такъ, б́уці́мъ *мі́сть* то́й *нікчѣмний* й що *тре́ба ё́ю ла́годити*; назна́чили зѣмського́ ко́шту 600 *карбóванці́въ*; вже й *жидъ* *підряді́вся*, такъ-що, въ гóроді, ніхто́ не споді́вався й гáдки не мавъ, що тѣе заті́ваѣтця... Якъ прочу́ли жѣ про се́ гóрожа́не, та вторóпали, що я́рмарка по усáмъ про́йде, а въ ротъ не попаде́, то за́разъ гро́мадою и кину́лись зѣ пі́сьмомъ въ Полта́ву: що *мі́сть* ще *до́брий*—що ще *лі́тъ пьятъ простóитъ*, а *раштовáння коло́* нѣ́ю багáто якъ *на три карбóванці*; то й одва́дали: *зоста́вся мі́сть годі́щити* — на я́рмарку... а да́лі—хто

ѣго зна, що буде? — може-таки й гусне 600 карбованцівъ на по-стукъ....

Отъ-такé-то, якъ бачете! И у насъ, въ Хорблi, ё надъ чимъ подумати... Се жъ усé діялось тiльки въ городи, а въ уздi? — та и що казати! — не переговоришь и за тиждень петрiвськiй! Бiдемо ждати, що то вдiе небесна мiтлa, лiбонь-то комета, що пiшла вiдъ насъ на полунiчъ?..

12 iюля 1861 року.

Модестъ Димський.

ЧТО ОБЪ ЭТОМЪ ДУМАТЬ?

Письмо къ редактору изъ Кiева.

(7 iюля 1861.)

Обращаюсь къ вамъ съ просьбою о помѣщенiи настоящаго возраженiя, вынужденнаго несправедливымъ и крайне-вреднымъ пристрастiемъ польской журналистики, которая, въ отношенiи къ южно-русскому краю, позволяетъ себѣ выходки самыя непростительныя и самыя обидныя для насъ—жителей Украины. Представляю вамъ два весьма разительныхъ примѣра: пусть изъ этихъ данныхъ сами читатели выведутъ свое заключенiе и произнесутъ заслуженный приговоръ. За все сказанное я принимаю нравственную отвѣтственность *на себя*, и прошу заявить объ этомъ въ *Основѣ*, на которую, безъ-сомнѣнiя, кое-кто разсердится.

Въ апрѣльской книжкѣ «*Варшавской Библиотеки*» (Biblioteka Warszawska), въ отдѣлѣ *литературныхъ извѣстiй*, сообщается объ изданiи г. Марiаномъ Горжковскимъ въ *типографiи Propagandae fidei, въ Римѣ*, двухъ повѣстей изъ *Украинской жизни*, писанныхъ отчасти по-польски, отчасти по-русски; объ повѣсти, по словамъ «Библиотеки Варшавской», преисполнены эрудици*я греческой, римской и еврейской* (?) и имѣютъ благу*ю цѣль* — объединить, обобщить, на основанiи древнеклассическихъ цитатъ, интересы польской шляхты съ интересами нашего южно-русскаго народа. Такъ-какъ вышеупомянутыя повѣсти здѣсь еще не появлялись, то для насъ становится невозможнымъ указать: какiя именно мѣста Софокла, Квинтиана или Соломоновыхъ Псалмiстiй въ состоянiи доказать тож-

дественность шляхты польской и католической съ народомъ южно-русскимъ и православнымъ; поэтому, предоставляя разгадку этой задачи пророческому вдохновенію любого отца іезуита, обратимся къ дальнѣйшей части упомянутаго сообщенія. — Въ немъ находится еще слѣдующая замѣтка о трудахъ г. Горжковского:

« Въ прошломъ году, редакція «Библиотеки Варшавской» получила « отъ г. Горжко векаго важныя извлеченія изъ Ватиканскаго архива « относящіяся къ исторіи Украины, особенно же къ личности Богдана « Хмельницкаго, — личности, изъ которой писатели малороссійскіе сдѣ- « лали народнаго героя, между-тѣмъ какъ это былъ лишь предводитель « разбойничьей сволочи, — человекъ безъ всякой мысли и вѣры, бандитъ, « который, для достиженія своихъ цѣлей, готовъ былъ принять любое « вѣроисповѣданіе, даже магометанизмъ. — По причинамъ, независящимъ « отъ редакціи, мы не могли напечатать этихъ важныхъ документовъ, « но тѣмъ-не-менѣе они проливаютъ яркій свѣтъ на отношенія Укра- « инны къ Польшѣ. Со-временемъ истина откроется, и тогда писатели « малороссійскіе перестанутъ извращать историческую истину и фа- « шатизмъ ихъ погаснетъ. Тогда Богданъ Хмельницкій — этотъ мип- « ский герой, этотъ ратникъ вѣры и свободы, которому они готовы « воздвигать памятники, предстанетъ въ дѣйствительной своей роли ата- « мана украинскихъ разбойниковъ. — Со-временемъ только, повторимъ, « выяснятся обстоятельства, омраченныя теперь недобросовѣстностью « и страстями. »

Оставивъ въ сторонѣ площадной тонъ и ругательства этой статейки, вовсе несвойственныя историческому безпристрастному взгляду и серьезной критикѣ, постараемся (хоть это, впрочемъ, нетрудно) объяснить цѣль, съ которою все подобныя выходы появляются въ нѣкоторыхъ польскихъ журналахъ.

Еслибы инициаторами руководило желаніе раскрыть научную истину, то, разумѣется, они-бы припались за дѣло похладнокровиѣе, стали-бы разрабатывать источники и представили-бы для науки неопровержимыя данныя своихъ изслѣдованій, и уже потомъ выводили-бы изъ нихъ сужденія объ общемъ характерѣ исторической дѣятельности въ ту или другую эпоху, объ общемъ значеніи той или другой исторической личности. Между-тѣмъ, довольно взглянуть хоть на выше-приведенный отрывокъ, чтобы убѣдиться, что тутъ дѣло вовсе не въ историческомъ изслѣдованіи: — авторъ, вмѣсто представленія источни-

ковъ, *хвалится* только, что они у него есть въ рукахъ, требуя въ этомъ отношеніи безусловнаго къ себѣ довѣрія и, вмѣсто оцѣнки этихъ источниковъ, сообщаетъ только то, что они присланы г. Горжковскимъ и что выписаны изъ Ватиканскаго архива; зато, по великодушію своему, не скрываетъ результатовъ, добытыхъ имъ-самимъ, въ тиши кабинета, изъ этихъ неподдѣльныхъ источниковъ — результаты же являются въ видѣ пасквильной брани на мертвыхъ и живыхъ!

Причина, вызвавшая такую странную методу историческаго изслѣдованія, проста:—этимъ публицистамъ хочется доказать невозможное, а именно, что край, лежащій между Карпатами и рр. Вепржемъ, Припятью и Днѣпромъ, и теперь и ископи былъ край польскій; но извѣстно, что простымъ, научнымъ путемъ не докажешь невозможнаго, ни очевидно-ложнаго положенія, — поэтому необходимо прибѣгнуть къ сужденіямъ а priori, да къ брани, вмѣсто доказательствъ. Попробуйте начать съ ними полемику, у нихъ никогда не окажется недостатка въ такого рода доказательствахъ; такъ, если вы укажете въ прошедшемъ фактъ борьбы всего народонаселенія южно-русскаго съ польскою шляхтою, то вамъ скажутъ, что все это народонаселеніе было не что иное, какъ сволочь, бродяги, разбойники, бандиты, — что *людьми* на Украинѣ въ то время должно считать только шляхтичей, гнавшихъ на панцину да сажавшихъ на колъ всю эту сволочь, — насилувавшихъ женъ и дочерей этихъ бандитовъ, — глумившихся надъ вѣрою и обычаями этихъ разбойниковъ. Если кто-нибудь осмѣлится взглянуть на прошедшее съ иной точки зрѣнія, представить статистику края или издать акты, несопадающіе съ цѣлью и взглядомъ этихъ господъ, тотъ, разумѣется, въ ихъ глазахъ — мечтатель, фанатикъ самый безсовѣстный, челоуѣкъ подкуной, издающій фальшивые акты и т. п. Такъ недавно нѣсколько польскихъ журналовъ обвинили въ подлогѣ всю *Кіевскую комиссію для разбора древнихъ актовъ*, единственно за то, что комиссія обнародовала акты, доказавшіе отдачу церковей въ аренду жидамъ, вмѣстѣ съ правомъ смертной казни надъ крестьянами. Напрасно комиссія, указывая подлинники, объявила, что она открываетъ къ нимъ каждому свободный доступъ: она считается тѣмъ виновницею, потому, что акты, неправящіеся польскимъ публицистамъ-фанатикамъ, не должны были и существовать въ архивѣ; если же они существуютъ, такъ развѣ изданіе ихъ не доказываетъ, что комиссія руководствуется самымъ недобросовѣстнымъ фанатизмомъ?! — Отчего-бы членамъ комиссіи не обратиться лучше за актами въ Ватикан-

скій архивъ, или, по-крайней-мѣрѣ, въ редакцію «Библиотеки Варшавской»: тамъ—бы они нашли настоящіе акты, тамъ бы имъ объяснили, что всё, что ни существовало на Руси, существовало или въ католическо—шляхетскихъ формахъ, или же было разбоемъ, беззаконіемъ, историческою аномаліею, подлогомъ, чѣмъ-то незаслуживающимъ ни малѣйшаго вниманія, а въ доказательство, къ вѣщшему убѣжденію, г. Горжковскій приведетъ цитаты на всѣхъ древнихъ языкахъ, какъ знакомыхъ, такъ и незнакомыхъ ему-самому!

Да, г. Горжковскій лице давно извѣстное своєю добросовѣстностію, въ подтвержденіе чего мы можемъ сообщить многозначительные факты изъ его біографіи. — Нѣсколько лѣтъ назадъ, г. Горжковскій былъ учителемъ въ Черниговской гимназіи. Заявивъ о желаніи своемъ научно разработать исторію Малороссіи, онъ успѣлъ выхлопотать право заниматься во всѣхъ монастырскихъ библіотекахъ кievской митрополіи и пересматривать всѣ находящіяся въ ея предѣлахъ церковныя архивы. — Изъ собственныхъ словъ г. Горжковского, мы знаемъ, какъ онъ воспользовался этимъ позволеніемъ: то по довѣрію иноковъ, то подъ видомъ лица, будто бы присланнаго митрополитомъ Филаретомъ, частнымъ образомъ, для повѣрки состоянія монастырей, онъ присвоивалъ себѣ все, что относилось къ исторіи края и къ его сношеніямъ съ Польшею. Мы видѣли у него огромное собраніе древнихъ актовъ, изданій Киевской академіи, церковныхъ книгъ и т. п. — Спрашивается, съ какою цѣлью была сдѣлана вся эта коллекція?—Г. Горжковскій не издалъ изъ нея никакихъ извлеченій, не сдѣлалъ ее доступною публикѣ и даже частнымъ знакомымъ не позволялъ заняться собранными имъ матеріалами,—онъ ее упряталъ такъ, что и слѣдъ простылъ... а вѣроятно были въ ней вещи не ватиканскаго свойства... Такого добросовѣстнаго дѣйствія, вѣдь, не постыдился—бы любой фанариотъ, безчинствующій въ Булгаріи, съ цѣлью уничтожить всѣ древніе памятники исторіи и литературы края. Въ заключеніе, г. Горжковскій уѣхалъ за границу, и въ Римъ, въ прошломъ году, поступилъ въ иезуитскій монастырь; тогда, движимый, должно-быть, угрызеніемъ совѣсти, онъ рѣшился возмѣстить утащенные имъ памятники изъ нашихъ церквей и монастырей, другими, вѣроятно—болѣе подлинными и достовѣрными, которые онъ отыскалъ, или, можетъ быть, и предугадалъ въ Ватиканскомъ архивѣ. (Вѣдь благочестивые отцы Societatis Jesu—мастера предугадывать даже небывалое, если только это имъ выгодно). Послѣ всего сказаннаго, можно-ли сомнѣваться въ

добросовѣстности трудовъ г. Горжковскаго и въ безпристрастіи «Библиотеки Варшавской?»

А вотъ другой фактъ, не менѣе ясно доказывающій ту умѣренность, то стремленіе къ безусловной истинѣ, въ недостатокѣ котораго польскіе журналисты упрекаютъ южнорусскіхъ историковъ и, вообще, авторовъ всѣхъ неправящихся имъ сочиненій. Въ *Польской Газетѣ* (*Gazeta Polska*), въ концѣ мая или началѣ іюня настоящаго года, кіевскій корреспондентъ этой газеты, сообщая о провожаніи черезъ Кіевъ тѣла Тараса Шевченка, передалъ совершенно-ложно всѣ подробности этого грустнаго обряда. Мы готовы были его ошпбки, довольно впрочемъ непростительныя мѣстному корреспонденту, приписать незнацію: но одна остановила наше вниманіе, — онъ гласилъ, что панхида надъ нашимъ народнымъ поэтомъ была отпѣта въ Кіевѣ въ *уніатской церкви*; всѣдъ затѣмъ, въ одномъ изъ послѣдовавшихъ номеровъ, каневскій корреспондентъ той-же газеты, извѣщалъ о погребеніи тѣла его въ Каневѣ; и опять является извѣстіе, что панхида была отпѣта въ *каневской уніатской церкви*; наконецъ, въ послѣднихъ числахъ кіевскій корреспондентъ опять сообщаетъ о похоронахъ въ Кіевѣ, въ уніатской-же церкви, г. Пихилевича, и т. д. — Такъ-какъ намъ, жителямъ южнорусскаго края, очень хорошо извѣстно, что у насъ вовсе нѣтъ уніатскихъ церквей; такъ-какъ, съ другой стороны, не возможно допустить, чтобы мѣстные корреспонденты ошибались въ этомъ отношеніи, то, въ настойчивыхъ намекахъ на мнимыя уніатскія церкви, нельзя было не видѣть преднамѣренной неправды, порожденной скрытною мыслью католическаго прозелитизма. Полагая однако, что вымыселъ этотъ есть достояніе кіевскихъ корреспондентовъ, мы обратились въ редакцію Польской Газеты, — и указавъ на ошибки менѣе значительныя въ статьѣ о похоронахъ Шевченка, мы потребовали гласной поправки насчетъ уніатскихъ церквей. ...И вотъ-что намъ отвѣчала редакція въ 152-мъ номерѣ *Польской Газеты*:

«Мы благодарны вамъ за вашу поправку насчетъ погребенія «Тараса Шевченка. Относительно названія церкви, въ которую было «привнесено тѣло покойника, мы не считаемъ для него обиднымъ, еслибы даже было такъ, какъ сообщилъ нашъ корреспондентъ: это не только не бросаетъ никакой тѣни на покойника, а напротивъ (*i otc-«szem*)... Въ нашемъ изданіи, вы найдете намеки, доказывающіе, что «мы сознаемъ артистическое и поэтическое значеніе Шевченка; стра-

«но, какъ въ нихъ можно было усмотрѣть поводъ къ отзыву, придающему такое значеніе совершенно—невинной и дружелюбной корреспонденціи.—Впрочемъ, не всё мы на столько озабочены покойникомъ, чтобы заниматься такими подробностями.»

Можемъ, съ нашей стороны, увѣрить достойную редакцію, что мы вовсе не желали расположить ее въ пользу покойнаго нашего Кюбзара, и еслибы она совсѣмъ умолчала его имя, мы бы отъ этого ничуть не пришли въ отчаяніе. Но такъ-какъ ей угодно было великодушно обратить вниманіе на его артистическое значеніе, то ей слѣдовало или совершенно удержаться отъ дальнѣйшихъ подробностей, или передать ихъ вѣрно, но ужь никакъ не представлять ложныхъ фактовъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что предметъ, о которомъ она извѣщаетъ, мало ее занимаетъ. Наконецъ, мы просили-бы редакцію объявить сказанное ею «*i owszem*»... Неужели она думаетъ, что сдѣлала честь покойному поэту, пожаловавъ его за артистическое дарованіе въ *уніаты*?!. Если такъ, то она непроситительно-грубо заблуждается: принатіе уніи, въ сознаніи украинскаго народа, произошло или вслѣдствіе католическаго насилія, или служило признакомъ отступничества отъ всего того, что считалось нравственнымъ достояніемъ народа. Тарасъ Григорьевичъ не былъ жертвою перваго, а втораго и враги не осмѣяются приписать ему. Кого же хотѣла обмануть редакція, упорно настаивая на томъ, что церкви въ нашемъ краѣ не православныя, а уніатскія, между-тѣмъ какъ несомнѣнно ей самой извѣстно, что, за исключеніемъ Галиціи и Русинской части Люблинской губернии, уніатскихъ церквей и уніатовъ на Руси нѣтъ нигдѣ, и, слѣдовательно, имъ не откуда взяться ни въ Кіевѣ ни въ Каневѣ. Если эти намеки объ уніи относятся къ намъ, — они напрасны: ни къ уніи, ни къ падающему, по нравственному безсилію (несмотря на всё іезуитскія усилія) папизму, мы не имѣемъ, да и никогда не имѣли, влеченія; напротивъ, мы хорошо помнимъ, сколько крови пролилъ нашъ народъ и сколько обидъ онъ претерпѣлъ отбываясь отъ уніи въ теченіи двухъ столѣтій! Если-же эти намеки написаны для удовольствія нѣкой публички, съ цѣлію убѣдить ее въ томъ, что мы или Уніаты *de facto*, или стремимся къ Уніи, или по крайней-мѣрѣ стремимся къ ней въ лицѣ нашего вдохновеннаго поэта, то это трудъ еще болѣе напрасный. Къ чему *напускати ману*? вѣдь-же прійдется когда нибудь разубѣдиться, и отъ временнаго оболъщенія наврядъ-ли будетъ нравственный или вещественный выигрышъ...

Взаємнѣ за учтивости, почитеной редакціи, мы можемъ отплатить ей однимъ совѣтомъ, а именно: просимъ ее хорошенько подумать надъ глибокою правдою одною изъ нашихъ народныхъ пословиць: «*Брехнею свѣтъ перейдешъ, та назадъ не вернешся*». Намъ кажется, что вельможная шляхта совершила уже одинъ — помянутый пословицею — путь подъ предводительствомъ іезуитовъ. Неужели она захочеть возвращаться по той-же дорогѣ? Если такъ, то намъ остается еще разъ предостеречь ее словами той же пословицы: «*назадъ не вернешся!*...»

Владиміръ Антоновичъ.

ІЗЪ СЕЛА ТОВКАЧІВКИ, ПІДЪ Г. ПРИЛУКОЮ.

Якъ тільки люди почули въ церкві волю, заразъ почли радить, судить, яке-то теперъ уже буде житте вольнимъ людямъ: чи хоть трошки посолодшає їхъ гірка доля. Діти поспішали до батька-матері, кумъ до кума, сусідъ до сусіда; тільки, — казали люде, — безрідний той Іванъ, якъ бобилъ у полі, ні до кого не йде, ні съ кимъ не розмовляє о своїй гіркі доліі. Їго и воля не дуже звеселила. Їму у пана добре жилося, бо панъ бувъ ёму якъ рідний батько: чи прикажчикъ почне дуже налягать на Івана безрідного, то панъ и заступитця, чи такъ які недобрі люди почнуть смикать бідного сироту, то знова панъ и пожаліє Івана. Добрий бо бувъ да розсудливий панъ у насъ: гріхъ сказати! Одъ такого пана не хочетця и людамъ одходитъ; иншому, мабуть, не краще буде и у волі. Отъ такъ-то, кажу, почали судить, радить: розумні люди виказували свої мислі, а другі слухали, да навчались; до сієі жъ челяді пристававъ и я, бо я и недуже смилшеній и язикъ у мене, часомъ, якъ той пень — не повернетця...

А чужі речі слухать я дуже люблю, и для сѣго частенько навідуюсь у шинокъ: бо дѣ більшь, у насъ на селі, почувешъ людей, якъ не въ шинку? Тутъ, правду-сказати, дѣ чого й пустого наслухаєся, да то вже тогді, якъ дуже підіпьють и розходятця; покіль же ще всі тверезі, то иноді багацько дѣ-чого доброго почувешъ. Да не все жъ и пильніці въ шинку. Одні приходять сюди побачитись зъ добримъ людьми, да побалакати, а другі — такъ, якъ оце й я — щобъ послухать розумнихъ людей и почутъ що робитця у світі. Бачите — у насъ на селі нікуди більшь и збира-

тися людямъ для розмови. Добре, що у васъ тамъ—по великимъ городамъ да по столпцямъ—єсть, кажуть, якісь *клубкі*, де о політиці розмовляють... Сёго у насъ немає, — такъ ми збираємось у шинокъ, де побачисся зо всякимъ. А, мабуть, воно такъ уже Богъ создавъ чоловіка, що ёму не можна довго безъ людей бути: все шукає собі челяді, де бъ и другихъ почувъ и собі вкинувъ яке словечко. Се й учені знають; бо наука імъ указує все: якъ и земля крутитця, якъ и вітри віють. Чи нашъ братъ селянинъ дійшовъ би до такої мудрости? Ні за що, мабуть! чудасія да й тільки, щобъ оце сказати що земля навкругі сонця вертитця... а учені кажуть що вертитця: отъ же й маішь імъ віру, — бо вони багацько знають, чого ми не розуміємо. Хай же імъ Богъ помага, а черезъ їхъ и насъ цавчить!

Оттакі-то речі чувъ я підъ шпикомъ. Щобъ ви знали суждіння и нашого брата, щобъ знали, якъ де які зъ насъ прийняли волю, и чого вони ждуть одъ неі, и що думають сами робити, якъ будуть вольні,—я оце здумавъ вамъ те списати. Просимо тільки не поску-чати: якъ и що чувъ самъ, те саме и вамъ оповідаю.

«Здорові були, люде добрі!» почавъ Остапъ, підійшовши и къ шинку до челяді.

— Здоровъ, здоровъ, озвались зо всіхъ кіпцівъ: всі почитали Остапа, бо вінъ чоловікъ дуже розумний и розсудливий, да ктому жъ ще загумений и заможний чоловікъ.

«Объ чімъ ви, братці, балакаєть? Може про волю? Теперъ тільки й чутка, що про волю, да про волю. Вона попудила-таки и нашого брата взятись за свій розумъ: чужимъ розумомъ въ люди не вийдешъ;—прийшовъ часъ, що *житъ—не волá кормить*. Самому треба всёму давати пораду; а безъ того—пропадешъ.»

— Се, мабуть, таке вже время настало, Остапе, — озвався Петро—чоловікъ тежъ бувалій и дуже розбитний: *всакъ Еремій свое розумій*. Теперъ усякъ довженъ устроїть свою судьбину. Хто міцніший, да роботящий, той не згине,—той найде собі свою доріжку; а хто дурень, або лежень який, тому, мабуть, частенько прийдетця сидіть безъ шматочка хліба. Да ще добре якъ вінъ одинъ; а якъ у ёго ще єсть сімья? Пропаша и сімья зъ такимъ! То було хотъ панъ приневолує такихъ ліннихъ до діла, да й сімї бідної не оставить; теперъ хто? Всякий думатиме объ собі.»

— Такъ! воно теперъ — перебивъ Петра Михайло — треба кожному держати ухо на сторожі. Охъ! багацько треба подумати, а потімъ

широ припятця за діло, щобъ придбать хоть маленьку худобу. А безъ праці пропадешъ — и ти, и сімья.

«Да сѣго жъ ще й мало» зновъ озвався Остапъ. Теперъ бїльшъ и потребуєть одъ насъ. Хотуть изробить зъ насъ розумнихъ людей; на що, кажуть, требоватимуть, щобъ всюди були школи и щобъ всякий отдавъ туди своїхъ дітей для грамоти. Тодї вона и намъ очі розкриє!»

«Да розкритъ — то, розкриє, — заговоривъ почувавшись Стѣпка (що бувъ колись лакеємъ у дворї) да, мабуть, та наука и бїди багачько наробить. Тодї, мабуть, треба буде попрощатись зъ своєю спокійною жизнью. Розуму, — чувья не разъ одъ ученихъ, — ніякъ не можна здовольнитъ, наче якого прожору, що вінъ все івъ би и не навїся. А якъ почне, кажуть, мудрить вінъ, якъ тїлько єго розбудишъ, то и Бога не чтить и людей не боїтця. Да хїба жъ ви не подмїчали, якї бувають еретики?.. Приїде въ церкву, (якъ то ще коли — не — коли приїде!) стоїть якъ пень, и не перехриститця. А одъ чого? Кáže: цилзація не позволя, — політика того требе: не въ модї, бачъ! Да якъ бї ми знали щō розумъ коїть на бїлімъ свїті, то, ій-Богу, отказались би одъ єго!»

«Постривай-лишень, постривай! — перебивъ Степку Остапъ. Ти вже щось луже на розумъ папався? Ти подивись нā єго и зъ другого боку, а не все гледи зъ одного... Само — собою розумїєтця, все стане погане у дурнихъ рукахъ. Хїба жъ зъ нашого брата не має такихъ що ходять до церкви за тимъ тїльки, що другї ходять? Се, Стѣпка, зовсімъ не одъ розуму! Худї люде розумомъ хотуть тїлько покритъ свое нечясте и недобре серце, а одъ серця усе и добре и зле. Тїлько хїба та розниця межъ розумнимъ и дурнимъ, що розумній, котрий має серцедобре, здужає бїльше зробить добра и собі и другимъ, ніжъ дурень зъ добримъ серцемъ; и навпроти: одъ розумного та злого чоловіка тїлько держись! Вінъ токого накоїть и проти Бога, и проти людей, да ще й оправдаєтця: якъ сокозь чистий стане. Дурень же, хочъ и злий, не багачько навредить, да и поймаєтця заразъ. — Такъ-то Стенане! Понапрасну ти осудивъ розумъ! Одъ єго багачько людямъ пользи, коли вінъ добре вигостренний. На що жъ бї Богъ и давъ єго людямъ, якъ не на тѣ, щобъ вони умножали все добре своїми трудами, и черезъ те пособляли бъ безбїдно жить и собі и другимъ? Ти не бачишъ въ розумї нічого доброго, а не вінъ же хїба зробивъ тобі сокиру, серпъ, або косу, безъ чого не було бъ у тебе ні хати, ні хїба? Не вінъ-хїба

давъ тобі плугъ, безъ которого ти и за всю весну и за всю осень не скопавъ би заступомъ твоєї ниви? Чи безъ розуму пошивъ би ти шапку, свиту, чоботи, сорочку, щобъ ти не бувъ и голый, и холодний! Чи не вінъ зробивъ людямъ млинъ, де або вода, або коні, або самъ вітеръ дає тобі муку? Охъ, багацько, Степане, багацько розумъ робить на світі чудасій такихъ, котрихъ ми ще й не знаємо, и все-то на помічъ чоловікові. Ти жъ самъ бачивъ въ панській клуні молотилку, що разомъ и молотить, и віє и оббірає полову. А хто її зробивъ? Мабуть не такі дурні, якъ ми зъ тобою. А подивись, яка одъ неї польза! Тиждень цілий, мабуть, треба у-трохъ, або й більшъ, молотить стільки кіпъ хліба, скільки вона сама, безъ усякого нашого труда, измолотить тобі и перевіє? Скажи жъ самъ теперъ, чи жъ розумъ не стоїть того щобъ ёго почитать и до ёго добуватьця? А подивись на ёго ще съ другого да съ третёго боку,—такъ и станешъ прохать Бога милосердного, щобъ вінъ не перестававъ пособлять усімъ разумнимъ да роботящимъ людямъ. Тоді не скажешъ: «їй Богу, одказався бъ одъ розуму!» а ще моливъ би Бога щобъ вінъ и тебе не обділивъ сімъ неоціннимъ даромъ!

— Да годі вже вамъ споритись за розумъ! — сказавъ Кузьма - мисирникъ, уставши зъ колоди, потягуючись. Почали волею, а кончили онъ чимъ! Те ще далеко! вернітця знова до волі, да подвітця хорошенько, чого вона одъ насъ заразъ потребує; а те, що будє ще,—те, Богъ знає, якъ ище буде: може до того чи й доживемо?

« А чого жъ вона требує одъ насъ? » одвітивъ Кузьмі Остапъ. «Першъ усього треба, якъ и батюшка говоривъ у церкві, щобъ люди меньшъ пили горілки, а коли можна, дакъ и зовсімъ її покинули да не лінувались, а щиро приймались за роботу; бо теперъ кожний довженъ устроїть свое нове життє. Кожний довженъ подумать, що теперъ вінъ вольний чоловікъ; що самъ довженъ одягти и прокормить и себе и сімью. Уже теперъ ёму треба не аби-яке хазяїство, бо изъ дурного хазяїства не дуже потягнешъ...»

— Правда, правда!—загомоніли люде....

«Отъ добре теперъ парубкамъ, да хлопцямъ!» озвався дідъ Уласъ. «Парубкамъ затимъ, що вони, якъ захотять такъ и пристроять себе, и сили у їхъ ще свіжі да кріпкі, да значалу воно все охитніишъ робитця; а намъ старимъ людямъ—аби віка дожить; хоть добре, хочъ недобре, а не хочетця якось покидать того, съ чимъ сжився и до чого привикъ. Хлопцямъ же ще краще, затимъ, що вони не дознались

ще ні нашої цеволі, ні нашого горя. Вони теперъ наче народились на новий вольний свѣтъ: куди зхотять—туди й повернуть свою доріжку. Имъ и въ яке-небудь ремесство можна пуститця: хто въ шевці, хто въ кравці, хто въ столярі, а хто ще куди-небудь; и грамота, мабуть, уже не втече відъ їхъ. Я вже самъ старий, а радію хочъ за своїхъ опуківъ. Колибъ хотъ вони, мої курушпятка, не знали нашого горя! Нехай щасливіше проживуть свій вікъ, ніжъ ми!..»

Довго ще балакали добрі люди объ волі, да—те перекажу другинъ разомъ.

Павло Ромашка.

СОРТИРОВКА ЛЮДЕЙ ПРИ ВХОДѢ ВЪ ЦЕРКОВЬ (1).

До чого можетъ довести непониманіе должныхъ общественныхъ отношеній, нежеланіе или неумѣнье отдавать отчетъ въ своихъ поступкахъ, до какого высокомерія, грубости и даже, можно-сказать, невѣжества, можетъ доводитъ привычка къ этой безотчетности, когда лицо о облечено будетъ какою-нибудь властію,—грустнымъ примѣромъ тому можетъ служить обычай сортировать людей при входѣ въ церковь,—операція, повторяющаяся всегда и вездѣ у насъ, при сколько-нибудь торжественномъ богослуженіи, до-того часто повторяющаяся, что даже не возбуждастъ скандала, не ставится нікому въ проступокъ, а признается самымъ-обыкновеннымъ, какъ бы законнымъ дѣломъ, не производя ни шума, ни особенныхъ заявленій.

Какими законоположеніями, соображеніями и, наконецъ, побужденіями руководствуются въ такихъ случаяхъ полицейскіе агенты, на которыхъ обыкновенно выпадаетъ у насъ доля сортировать людей для допущенія къ торжественному богослуженію? Какъ смотрятъ они при этомъ на народъ, на церковь? Любопытно было бы это разобрать, но

(1) Считаемъ весьма полезнымъ перепечатать настоящую статью изъ Современной Лѣтописи Русскаго Вѣстника (№ 28). Читатели увидятъ, почему мы поспѣшили перенести ее на страницы Основы: непремѣнное и полное уваженіе къ человѣку—безъ сортировки на большихъ и малыхъ, добрыхъ и злыхъ и проч.—мы признаемъ первымъ и главнымъ началомъ общественного катихизиса; пока ово не войдетъ въ убѣжденіе и въ нравы каждаго, до-тѣхъ-поръ всякія другія идеи, преобразования и стремленія, не много принесутъ пользы обществу.

трудно прослѣдить. Какъ посмотришь, иногда на нихъ вдругъ налетаетъ снисходительность и позволяютъ они кому-либо изъ простолюдиновъ, конечно очень смиренныхъ, униженно имъ кланяющихся, войти въ церковь; а то снова вдругъ дѣлаются не въ мѣру строги и даже слѣдующаго по пятамъ за человѣкомъ, только-что пропущеннымъ въ церковь, съ грубостью останавливаютъ и самымъ безцеремоннымъ образомъ, локтемъ въ грудь, или какъ иначе, отсаживаютъ назадъ. Нерѣдко, уже ступившаго на порогъ церкви и уже занесшаго руку для крестнаго знаменія, прогоняютъ съ наперти безъ всякихъ объясненій. Все это такъ обыкновенно, до того часто повторяется, что рѣдко кто изъ отогнанныхъ рѣшается возражать или заявлять свое право быть внущеннымъ въ церковь, по примѣру другихъ, не говорю—хорошо одѣтыхъ, въ нѣмецкое платье, но хоть по примѣру такихъ же какъ и онъ, одѣтыхъ въ тулупъ или *saitu*. Народъ, видимо, свыкъся съ произволомъ, а быть-можетъ даже и воображаетъ себѣ, что власть и сила должны проявляться только такъ, а не иначе, въ видѣ всеокрушающаго урагана: налетѣть, повергнуть, сокрушить. И въ самомъ дѣлѣ, тутъ всякое возраженіе со стороны простого человѣка было бы напрасно: оно бы ровно ни къ чему хорошему не повело, развѣ къ новому толчку и къ новому, грубо выраженному, вопросу: «Куда лѣзешь? Пошелъ, тебѣ говорятъ!» Еслибы даже удалось какимъ-нибудь образомъ заслужить милость стражей, находящихся у входа въ церковь, кто ручается, что столь же снисходительны будутъ другіе агенты, которые находятся внутри самой церкви? Вѣдь каждый простолюдинъ хорошо знаетъ, что и тамъ онъ не обезпеченъ отъ произвола, что и тамъ, если вздумается кому изъ полицейскихъ показать свою власть, ему и тамъ, энергическимъ, хорошо-знакомымъ жестомъ и особенно выразительною мимикой, а подъ-часъ и толчкомъ, могутъ указать двери, и волей или неволей, такъ или иначе, выпроводятъ изъ церкви. Опытъ грозный, не одного только года, доказалъ имъ, какъ мало нужно со стороны простолюдина, чтобы навлечь на себя гнѣвъ блюстителей тишины и порядка, и какъ много нужно потомъ униженія, просьбъ и моленій, чтобъ умилостивить гнѣвъ ихъ. Многіе, поддавъ подъ немилость, уже и не пытаются прибѣгать къ милосердію: такъ оно бываетъ рѣдко.

Предшествующія размышленія возбуждены въ насъ случаемъ, которому мы были очевиднымъ свидѣтелемъ. 2-го февраля въ нашемъ городѣ въ Срѣтенской церкви былъ храмовой праздникъ. Въ этотъ

день въ ней отправлялъ богослуженіе здѣшній преосвященный; вслѣдствіе чего и была, какъ водится, назначена туда полиція. Хотя тутъ почти самъ собою является неизбѣжный вопросъ: въ чемъ же должна состоять, при такихъ случаяхъ, обязанность полицейскихъ, какъ тѣхъ, что стоятъ въ преддверьи церкви, такъ и тѣхъ, которые помѣщаются внутри ея?—въ томъ ли, во первыхъ, чтобы при самомъ входѣ сортировать прихожанъ по платью (другихъ данныхъ для сортировки у полицейскихъ быть не можетъ), и вовторыхъ, въ самой церкви сортировать, кому, какъ и гдѣ стоять, и опять-таки сортировать по платью и наружнымъ знакамъ, потомъ сопутствовать, т.-е. прокладывать въ толпѣ дорогу болѣе или менѣе значительнымъ лицамъ? — или же, наконецъ, въ томъ и другомъ мѣстѣ, т.-е. внутри церкви и внѣ ея, обязанность полицейскихъ—быть только для одного такъ-называемаго порядка, въ самомъ обширномъ и самомъ неопредѣленномъ смыслѣ этого слова, какъ, кажется, по большей части и понимаетъ его полиція?—но этотъ самъ-собою напрашивающійся вопросъ я рѣшать не стану, потому-что назначенію полицейскихъ чиновниковъ въ церковь я вообще не сочувствую; а не сочувствую потому, что присутствіе физической силы, каковою является полиція, считаю не совѣтъ умѣстнымъ, тамъ въ особенности, гдѣ, предполагается, должны постоянно пребывать миръ и тишина, гдѣ каждому христіанину предлагаетъ церковь «всякое житейское отложить попеченіе.»

Понятно, что простой человекъ, какъ великій труженникъ, радъ празднику болѣе всѣхъ. Изъ нихъ пожилые и религіозные, конечно, посѣдѣли въ этотъ день отправиться въ церковь. Многіе изъ этого сословія, прихожане Срѣтенской церкви, считали за священную обязанность побывать въ своей церкви. Многіе, въ этотъ день, раньше прибытія полиціи, раньше перваго колокола, уже были на паперти церкви, и дождались когда отворятся двери. Многіе, зная на опытъ, какъ трудно бываетъ попасть въ церковь въ присутствіи полиціи, забирались туда спозаранку и заняли мѣста поудобнѣе, кто по уголкамъ, а кто и поближе къ кляросу, думая, что изъ церкви—то, конечно, ужъ ихъ не выгонять. Послѣдствія покажутъ, насколько оправдывались ихъ, въ этомъ отношеніи, совершенно-законныя ожиданія.

Подходя къ церкви, еще издали видѣлъ я, какъ у дверей ея молодой бѣлокурый паренъ, лѣтъ двадцати, одѣтый въ новый дубленый тулупъ, низко, въ поясъ, кланялся стоящимъ у дверей церкви десятскимъ.

— Пошелъ, пошелъ!—отвѣчали тѣ на его просьбу:—и безъ тебя тамъ тѣсно.

Я остановился. На паперти, изъ простонародья стояло уже нѣсколько человѣкъ обоого пола, все забракованные полицейскою стражей. Эти люди, непризнанные достойными быть въ церкви, видно было, съ завистью посматривали на счастливицевъ, которые при нихъ же были невозбранно пропускаемы въ церковь. Такъ прошла, шумя немилосердно платьемъ, въ огромнѣйшемъ кринолинѣ, барыня, а за нею гордою поступью и лакей ея; такъ прошелъ и господинъ какой-то, съ крестикомъ въ петличкѣ; такъ прошмыгнула и горничная дѣвушка, подъ опекой какой-то старушки-барыни; прошелъ, наконецъ, безпрепятственно и каретникъ-нѣмецъ, а русскому человѣку—(для кого же церковь?!) какъ ни сунется онъ, все одно: «пошелъ,» да «не лѣзь!»

— Да помилуйте! вѣдь вотъ же другіе плутъ,—почти завопиаъ тотъ же паренъ, чуть-ли не десятый разъ отгоняемый отъ церкви.—Будьте ласковы, пропустите,—добавляъ онъ, преизяелько кланяясь десятскимъ.

— Да пропустите его,—вдругъ отозвался неизвѣстно откуда взявшійся высокаго роста квартальный, почему-то сжалившійся надъ мужичкомъ.

— Конечно, отчего и не пустить его,—сказалъ я квартальному, идя за парнемъ,—вѣдь и онъ хочетъ помолиться.

— Хочетъ!—повторилъ онъ, и обращаясь ко мнѣ добавляъ:—вотъ вы такъ говорите, а тамъ, послушайте—(при этомъ онъ указалъ на церковь)—тамъ совсѣмъ другое говорятъ.

— Да что вамъ смотрѣть на каждаго? вы исполняйте свое дѣло,—почти неволью отвѣтилъ ему я.

— Легко сказать—исполняйте!—замѣтилъ онъ, махнувъ рукой, какъ будто выразивъ тѣмъ всю невозможность такого исполненія.

И въ самомъ дѣлѣ, кому неизвѣстно, что полицейскіе чиновники, — я говорю о мелкихъ, — находясь въ совершенной зависимости отъ произвола или каприза начальника, не огражденные въ своихъ обязанностяхъ точными инструкціями, безпрестанно находятся въ отвѣтственномъ положеніи? Угодить каждому невозможно. Какая порча для нравственности чиновника, когда онъ долженъ постоянно приравниваться, постоянно угождать, постоянно, какъ говорится, Богъ знаетъ для чего, лѣзть изъ кожи! Можно ли тутъ быть твердымъ въ исполненіи своихъ прямыхъ обязанностей, когда зачастую должно толь-

ко улыбаться и кланяться вышпмъ по чину и, какъ бы въ возмездіе за это, имѣть въ свою очередь право или безправіе вымещать горечь своего положенія на своихъ наименьшихъ братьяхъ? Болѣе невыгодную постановку даже придумать трудно, и должно сказать правду, нельзя не жалѣть тѣхъ, кого судьба обрекла на такое положеніе. Конечно, тѣмъ больше чести тому, кто сѣумѣетъ стать выше своего положенія, при всей его невыгодѣ, невольно влекущей къ униженію нравственнаго достоинства. Такихъ людей немного; да и можетъ ли быть много? Само общество уже заранѣе имѣетъ о каждомъ полицейскомъ извѣстное, далеко не почетное, мнѣніе. Человѣку образованному, вполне-развитому, нужно имѣть много мужества и самоотверженія, чтобы вступить въ служебную сферу, пользующуюся—пусть даже и несправедливо—такою незавидною репутаціей; а тѣмъ болѣе нужно мужества честному человѣку, нужно ему почти быть героемъ, чтобы не искать возможности вырваться изъ этой сферы, гдѣ подвигъ такъ тяжелъ, а истинная оцѣнка, даже общественная, такъ недостативима.

Но если жалко положеніе полицейскаго, то не легче отъ того положеніе простолюдпа, когда ему, за исключеніемъ развѣ кабака, почти нѣтъ мѣста ни въ какомъ общественномъ собраніи, а въ извѣстныхъ случаяхъ почти нѣтъ мѣста даже въ церкви! Куда ни пошелъ бы онъ, отовсюду—но за что же? онъ самъ того не знаетъ; неужели за то, что онъ мужикъ?—его отовсюду гонять. Пойдетъ ли онъ въ городской садъ въ праздничный день, тамъ тоже стоять у воротъ тѣ же блюстители чистоты и проч., и тоже не пустять. Да они и сами, т.-е. народъ, лишь только завидятъ полицейскихъ, не пойдутъ въ этотъ садъ. Въ театр? но театры до сего времени не для народа строились: тамъ ему бывать не по карману, да опять и мѣста отведено въ райкѣ немного; значить не для народа. Общественныхъ собраний, чего-нибудь въ родѣ клубовъ для народа—объ этомъ многимъ покажется и говорятъ смѣшно. Чтожъ имъ остается дѣлать и гдѣ имъ быть въ праздничный день? Въ кабакъ, въ кабакъ!.. Оттого-то кабаковъ такъ и много у насъ. Каждое общественное собраніе имѣетъ несомнѣнно свою нравственную, конечно не всегда выполняемую, цѣль; а тутъ, въ кабакѣ, какая можетъ быть нравственная цѣль?

Въ день, который мы описываемъ, въ церкви оказалось вовсе не такъ тѣсно, чтобы была надобность возбранить дальнѣйшій приливъ народа. Дѣйствіе полицейскихъ служителей въ этомъ, какъ и во мно-

гихъ другихъ случаяхъ, было не что иное, какъ только одно *благое предумыслие*, преимущественно на тотъ случай, чтобы, при ненадобности, возможно было, для лицъ вліятельныхъ, свободно расчистить дорогу и, конечно, при этомъ кстати выказать и свою рьяность въ угодливости. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, хотя не сплошными массами, а кой-гдѣ, какъ рѣдкость, можно было замѣтить и простой народъ: можно было замѣтить и бородку, и даже нагольный тулупъ, вѣроятно изъ тѣхъ, что забрался сюда спозаранку. Мѣста было еще до-того достаточно, что я, безъ особаго усилія, могъ довольно свободно пробраться на середину церкви; тутъ только, въ-особенности около возвышенія, предназначеннаго для пресвященнаго, было значительно тѣсно, и то, вѣроятно, потому, что на это возвышеніе многіе желали вскарабкаться, чтобъ удобнѣе отсюда видѣть совершаемое богослуженіе. Печего и говорить, что изъ числа добивавшихся занять мѣсто на возвышеніи не было ни одного простолюдина: простой народъ скромно стоялъ по мѣстамъ, которыя каждый занялъ, вѣроятно, еще съ самаго начала службы. Напротивъ, на возвышеніи было нѣсколько молодыхъ, такъ-называемыхъ *паничей*, большею-частію незначительныхъ чиновниковъ. Все говорило, даже самому неопытному глазу, что не пользовались они въ своемъ, быть-можетъ новомъ, чиновномъ положеніи, такъ-сказать на зарѣ чиновной карьеры, особыми благами міра сего. Все доказывало, что дорого досталось имъ право носить извѣстнаго вида *патріотку*, довольно сильно потасканную и вѣтромъ подбитую, взамѣнъ теплаго кожуха (тулупа), фуражку съ козырькомъ и, что важнѣе всего, со звѣздочкой, взамѣнъ прежней бараньей шапки; но, несмотря на то, они, видимо, гордились выгодами своего чиновнаго положенія и требовали у простаго народа преимуществъ даже въ церкви, грозясь, въ противномъ случаѣ, выгнать отсюда простолюдиновъ. Спросите: откуда такая рысь взялась, откуда могутъ приходиться въ голову такіа нелѣпныя мысли? на чемъ они могутъ основываться? Вопросы такъ и возникаютъ. Неужели все зло сидитъ въ формѣ, въ этомъ наружномъ отличіи человѣка, въ той легкости, съ которою мы дѣлаемъ рѣшеніе о человѣкѣ по одному платью?

Въ церкви дѣлалось все тѣснѣе и тѣснѣе. Начали появляться и дамы, предводимыя офицерами, смѣло прокладывающими путь въ толпѣ. Криполинамъ приходилось плохо: стѣсненные спереди и съ боковъ, они, силою пружинъ, вскидывались вверхъ, чуть не на го-

ловы рядомъ стоящихъ. Слышались остроты и жалобы на тѣсноту; кто порицалъ кринолины, кто ихъ обладательницъ. Конечно, во всякомъ дѣлѣ, возбудившемъ чье-либо негодованіе, виновные должны же быть. Но кто же бы могъ подумать, что и тутъ, какъ и въ большей части другихъ случаевъ, какъ въ баснѣ «Морь Звѣрей», опять окажутся виновными люди самые смиренные, менѣе всего причастные къ дѣлу, что и здѣсь окажутся виновными тѣ изъ присутствовавшихъ, которые были одѣты въ тулупы? Не знаю, былъ ли кѣмъ изъ господъ поданъ совѣтъ стоявшему въ церкви полицейскому чиновнику, или же ему самому пришла великолѣпная мысль поразчистить немного толпу и тѣмъ дать болѣе свободы для кринолиновъ, только слышу, что за мною кого-то спроваживаютъ; оглядываюсь: того самого молодца, котораго такъ-недавно, съ такою трудностью впустили въ церковь.

— Пошелъ, пошелъ, безъ разсужденій!—говорилъ ему квартальный, осаживая его въ грудь рукой.

Тотъ, къ кому относилась эта рѣчь, хотя и неохотно, но повиновался: подавался назадъ, оглядываясь по сторонамъ, видимо ища въ кожъ-либо защиты.

— Да смотри ты ъ меня,—продолжалъ тотъ же квартальный, грозя ему кулакомъ, отъ котораго тотъ еще сильнѣе долженъ былъ пятиться назадъ, — не останавливайся; а не то я тебѣ, знаешь?...

Бѣдный молодой человѣкъ вспыхнулъ; на лицѣ показалось что-то въ родѣ стыда. За кого онъ стыдился? Какъ хотите, для человѣка, привычнаго къ униженію, — стыдъ, и величайшій стыдъ — быть выведеннымъ, или, лучше-сказать, выгнаннымъ изъ церкви. Сотни глазъ были устремлены на него съ разныхъ сторонъ; каждый видѣлъ, что полицейскій грозился ему, велѣлъ выйти ему изъ церкви; но за чтѣ, кто это зналъ, кто могъ слышать особаго рода грозный шопотъ полицейскаго? два-три близъ стоящихъ человѣка, — для другихъ же изгнанный былъ преступникъ: ужъ не укралъ ли онъ чего?

Но вотъ, раздѣлавшись съ однимъ, квартальный принимается за другаго, тоже одѣтаго въ тулупъ: молча подходитъ къ нему, молча беретъ его сзади за шиворотъ и грозно, безъ словъ, однимъ жестомъ указываетъ на двери. Тутъ мнѣ невольнo взбрела мысль: какимъ образомъ у насъ на Руси могла выработаться поговорка: «Вотъ тебѣ Богъ, а вотъ и порогъ?» Ужъ не изъ подобныхъ ли, часто повто-

равшихся выпроваживаній народа изъ церквей? Выпроводивъ втораго, квартальный тоже дѣйствіе повторяетъ и съ третьимъ, все съ одинакимъ успѣхомъ: всѣ выпроваживаемые хотя удивлены и озадачены, но повинуются, и хоть медленно и потупя глаза, удаляются изъ церкви. И это неудивительно; но что удивило меня, такъ это то, что каждый новый такого рода поступокъ квартального находилъ поощреніе и возбуждалъ смѣхъ и даже какую-то дикую радость—и въ комъ же? въ этихъ несчастныхъ, взгромоздившихся на возвышеніе *паннечаль*, все время, безнаказанно, въ виду того же полицейскаго чиновника, къ соблазну другихъ, смѣявшихся довольно-громко, разговаривавшихъ между собою и безпрестанно, то и дѣло, то вскарабкивавшихся на возвышеніе, то, отъ напора толпы, снова съ него обрывавшихся.

— А вопъ еще этого, этого, въ тулупѣ,—подсказываютъ они квартальному, съ хохотомъ. — Такъ его, такъ! хорошенько!—слышится оттуда же къ немалому изумленію изгоняемыхъ, ничѣмъ непогрѣшившихъ противъ *паннечей*.

Такъ передъ моими глазами, въ церкви, во время богослуженія, были оскорбляемы одинъ за другимъ самыя смиреннѣйшіе изъ прихожанъ, и оскорбляемы потому только, что на плечахъ ихъ были тулупы, что они принадлежали къ такъ-называемому *низшему* сословію. Я видѣлъ все это и молчалъ. Чего жъ я ждалъ? Отчего мнѣ было не заступиться за перваго же изъ нихъ? Чѣмъ оправдать такое непростительное равнодушіе къ ближнему? Его совершенно незаслуженно оскорбляютъ, его изгоняютъ изъ церкви; онъ видимо ищетъ въ комъ-либо себѣ сочувствія, ищетъ защиты, и ни въ комъ, нигдѣ, ни того ни другаго не находитъ. Напротивъ, это многимъ очень нравится; многіе не стыдятся всенародно заявлять свое удовольствіе. Неужели такъ и должно быть? Неужели мы только личную обиду всегда будемъ ставить въ проступокъ другимъ?

Нѣтъ, и здѣсь не всѣ были равнодушны къ обидамъ другихъ! Въ самомъ дѣлѣ, равнодушіе было только кажущееся. Не успѣлъ я сказать нѣсколько словъ квартальному, въ защиту изгоняемыхъ, какъ вокругъ меня всѣ заговорили и всѣ стали на мою сторону; даже дѣтѣ, тутъ же стоявшія старушки — и тѣ подвинулись горой противъ обидчика, и тѣ заговорили, что передъ Богомъ всѣ равны. *Паннечі* притихли и столпились, какъ бараны, въ кучу. Квартальный, казалось, былъ удивленъ моимъ замѣчаніемъ; онъ видимо ожидалъ, судя

по моимъ свѣтлымъ пуговицамъ, скорѣе встрѣтить похвалу чѣмъ порицаніе.

— Зачѣмъ вы ихъ гоните?—сказалъ я квартальному.

— Да они, вѣдь, и назадъ могутъ стоять,—отвѣчалъ онъ, вытѣривая меня глазами.

— Зачѣмъ же назадъ,—возразилъ я,—когда они уже заняли тутъ мѣсто?

— Мало ли чего, заняли! здѣсь для господъ нужно,—отвѣтилъ онъ, тономъ, видимо не допускавшимъ никакихъ опроверженій, продолжая выпроваживать новый субъектъ въ тулупъ.

— Но кто же вамъ далъ право такъ распоряжаться?—замѣтилъ ему, уже съ нѣсколькихъ сторонъ разомъ.

На это квартальный ничего не отвѣчалъ, и только, попрежнему, новой жертвѣ своей все указывалъ на двери, но, не найдя на этотъ разъ непрекословнаго повиновенія, уgomонился, что-то бормоча про себя, вѣроятно негодуя на наше неумѣстное вмѣшательство.

Физиономія нашего доблестнаго квартальнаго была очень обыкновенная, не только дюжинная, но даже, если можно такъ выразиться, сотенная, тысячная: она была простовата, серьезна и неподвижна; на его довольно мясистомъ лбу, прорѣзанномъ глубокими горизонтальными морщинами, какъ и на всемъ лицѣ его, такъ и вытѣшивалось: «приказано; не наше дѣло разсуждать». Вообще же онъ, какъ мнѣ казалось, былъ болѣе способенъ для мирныхъ занятій, чѣмъ для преслѣдованія тулуповъ, и преслѣдовалъ ихъ потому, что считалъ это обязанностью своей службы. Я поинтересовался собрать о немъ отъ моихъ сосѣдей кой-какія свѣдѣнія, и узналъ только, что онъ изъ фельдфебелей кадетскаго корпуса, который впрочемъ далъ уже здѣшней полиціи не одного ревностнаго чиновника, и по преимуществу чиновника-служаку, съ ногъ до головы, привыкшаго въ теченіи многолѣтней службы исполнять всѣ приказанія, если можно такъ выразиться, съ радостью, никогда не разсуждая, съ совершенною точностью и непрекословно. Этотъ-то господишъ, съ своею каской на рукѣ, торчалъ теперь между нами, тупо посматривая на всѣ стороны, вездѣ лица безпорядка, который бы потребовалъ его толковаго вмѣшательства.

Вотъ то происшествіе, о которомъ я счелъ нужнымъ заявить печатно.

1. Спрашивается теперь—стоитъ ли все это серьезнаго разсужденія?

Стоять ли того, чтобъ изъ-за какихъ-нибудь двухъ трехъ, ни за-что ни про-что выведенныхъ изъ церкви тулуповъ, исписывать нѣсколько листовъ бумаги, просить о напечатаніи, занимать такими, можно сказать, пустяками мѣсто въ почтенномъ журналѣ, быть-можетъ въ ущербъ чему-нибудь болѣе интересному? Для кого это можетъ быть занимательно? Неужели такія мелкія происшествія, въ какомъ-нибудь провинціальномъ городишкѣ, заслуживаютъ право на вниманіе цѣлой Россіи? Не есть ли это своего рода мелкое тщеславіе, что дескать и у насъ кое-что замѣчательное, не лишнее общаго интереса, да случается? Не прамѣ ли, не легче ли, не полезнѣе ли было бы для самого дѣла, чѣмъ подымать изъ пустяковъ бурю въ стаканѣ, рассказать обо всемъ этомъ, напримѣръ, хоть полиціймейстеру и попросить его, чтобъ онъ не оставилъ того и другаго безъ должнаго, съ кого слѣдуетъ, взысканія? У насъ теперь, и въ-особенности послѣ опубликованной исторіи г. Якушкина съ г. Гемпелемъ, навѣрно, полиціймейстеры люди вполне понимающіе свои обязанности, можно-сказать, просвѣщенные, которые не потерпятъ ноступковъ, подобныхъ здѣсь описаннымъ. Наконецъ, еслибъ и съ этой стороны встрѣтилось неудовлетвореніе чьихъ-либо справедливыхъ жалобъ, въ такомъ крайнемъ случаѣ, навѣрно, можно было бы, собравшись, для большей достовѣрности, чelовѣкамъ пяти-шести, видѣвшимъ происходившее въ церкви, прямо отправиться къ начальнику губерніи: и онъ, конечно, — въ томъ нѣтъ да и не должно быть никакого сомнѣнія — былъ бы очень благодаренъ всякому, кто открылъ бы ему, такъ-сказать, домашнимъ образомъ, невидимыя ему, неправильныя дѣйствія полиціи. Онъ, вѣроятно, въ случаѣ нужды, велѣлъ бы дѣло это разслѣдовать самымъ добросовѣстнымъ и самымъ тщательнымъ образомъ. А то... печатать! Чтó за страсть все оповѣщать, все, безъ разбора, предавать гласности?

Да, хорошо, конечно, было бы, безъ большаго шума, кончать дѣла такимъ образомъ. Я и самъ того мнѣнія: что о каждомъ происшествіи, гдѣ страдаетъ чья-либо личность отъ непониманія или произвола разныхъ исполнителей, слѣдовало бы каждый разъ безотлагательно доводить до свѣдѣнія начальства и тѣмъ, такъ-сказать, прекращать зло на мѣстѣ. А еще бы лучше, конечно, чтобы совѣмъ никогда и нигдѣ не страдала ничья личность, отъ чьего бы то ни было непониманія и произвола.

Но развѣ въ томъ вопросъ? Развѣ вопросъ въ Иванѣ, Семенѣ,

Петрѣ, здѣсь именно, такого-то именно числа выведенныхъ изъ такой-то церкви? Или вопросъ развѣ въ такомъ-то Трифонѣ и Кузьмѣ, дозволявшихъ себѣ грубо-невѣжественное обхожденіе съ простымъ народомъ? Въ самомъ началѣ своей статьи, мы, кажется, заявили, въ чемъ заключается существенная важность описаннаго нами случая, конечно мелкаго, можно сказать даже—микроскопическаго. Важность не въ томъ или другомъ отдѣльномъ лицѣ, не въ той случайной подробности, какою, въ данномъ мѣстѣ и времени, обставилось событіе, а въ его характерѣ; важность въ той безотчетности, съ какою можно еще у насъ обращаться съ лицомъ; важность въ привычкѣ къ этой безотчетности; важность въ нравахъ, которые отчасти ее поддерживаютъ и питаютъ. И объ этомъ не сказать ни слова? и это не стѣнать того, чтобъ оповѣстити во-всеуслышаніе! Фактъ мелокъ, микроскопиченъ, это правда. Да не отъ того ли такіе факты у насъ и существуютъ и повтореніе ихъ возможно, что они считаются за пустые, за мелкіе, за микроскопическіе? Оскорбить кто-нибудь лицо сколько-нибудь видное, да и выбрать форму оскорбленія показнѣе, — что и говорить—все раскритичится и наполнится негодованіемъ. Но въдь такіе же случаи рѣдко и бываютъ. А вотъ всмотритесь-ка въ то, что уже за привычку, что такъ мелко, что уже и въ глаза не бросается, а что между тѣмъ совершенно въ насъ вѣялось, и въ то же время заключаетъ въ себѣ такъ много глубоко-оскорбительнаго и унижательнаго... Вотъ объ этомъ-то внимательно подумать и поговорить стѣнать: чѣмъ же иначе и воспитаются нравы и перемѣнятся привычки?

В. Лобода.

29 марта 1861 г.

Полтава.

ОТЧЕГО ПРОПОВѢДЬ ИНОГДА БЫВАЕТЪ БЕЗСИЛЬНА.

Въ *Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* напечатано любопытное письмо сельскаго священника А. П. Вотъ оно:

При исполненіи христіанскихъ требъ, я старался внушать моимъ прихожанамъ, какъ вредно излишнее употребленіе горячаго вина. Неоднократныя внушенія мои увѣнчались наконецъ полнымъ успѣхомъ. Однажды приходятъ ко мнѣ три почетнѣйшіе прихожанина, и просятъ, отъ имени всего общества, придти въ сельскую расправу.

Немедленно прихожу, и спрашиваю о причинѣ ихъ собранія. Мнѣ отвѣчаютъ: «Благодаримъ васъ, батюшка, за неоднократныя убѣжденія ваши о прекращеніи въ нашемъ обществѣ пьянства. Мы наконецъ убѣдились, что все зло между нами происходитъ отъ излишняго употребленія водки, а потому и рѣшились совершенно оставить пить ее. Но чтобы наша общая, добровольная рѣшимость была ненарушима, то мы покорнѣйше просимъ васъ, батюшка, въ слѣдующій воскресный день привести насъ всѣхъ къ присягѣ, и отслужить Господу Богу молебствіе». Я объяснялъ имъ, что къ присягѣ приводить ихъ по этому дѣлу совершенно излишне, и притомъ просилъ ихъ поусерднѣе помолиться Господу Богу о томъ, чтобы онъ оградилъ ихъ отъ нападенія врага, который, сказалъ я имъ, немедленно начнетъ ратовать противъ нихъ, за это доброе, истинно-христіанское ихъ намѣреніе. И не замедлилъ врагъ начать свои дѣйствія!

«Черезъ два или три часа послѣ свиданія моего съ прихожанами, пріѣзжаетъ ко мнѣ главноуправляющій питейною конторой, и объявляетъ, что прихожане мои—бунтовщики (собственные слова его), а я—ихъ предводитель. При этомъ онъ не преминулъ замѣтить мнѣ, что если мои прихожане перестанутъ пить водку, то этимъ сдѣлаютъ великій подрывъ государственнымъ доходамъ, возносимымъ откупщикомъ, а такъ—какъ я впушалъ имъ прекратить пьянство, то, говорилъ онъ, васъ будутъ судить, какъ государственнаго преступника.

«Терпѣливо выслушавъ приговоръ, я пригласилъ главноуправляющаго конторою выйти изъ моего дома. Послѣ сего, онъ вдругъ перемѣнилъ тактику, предлагая мнѣ 100 р. ср. и безденежный отпускъ вина изъ конторы, за то только, что я не буду слѣдить за исполненіемъ даннаго моими прихожанами обѣта. Услышавъ въ другой разъ то же требованіе оставить меня, онъ удалился. Вскорости послѣ него, пріѣзжаетъ ко мнѣ начальникъ волости, благодарить меня (искренно, повидимому) за мои заботы о нравственности моихъ прихожанъ, восхваляетъ ихъ доброе намѣреніе, и тутъ же приказываетъ сельскому старшинѣ немедленно выслать въ волостную расправу двѣнадцать человѣкъ, первѣе рѣшившихся оставить пьянство, для выслушанія за то особенной благодарности. Но мужички заблагоразсудили, что лучше выслушать особенную благодарность отъ волостнаго начальника не двѣнадцати только человѣкамъ, а всему обществу, рѣшившему изгнать изъ среды себя нетерпимѣйшій порокъ; такъ къ

волостному начальнику отправилось болѣе 400 человекъ. Видя такое множество жаждущихъ благодарности, волостной начальникъ приказалъ двѣнадцать человекъ изъ этой массы за карауломъ отправить въ окружное управленіе.

«Устрашенные этимъ приказомъ, прихожане мои приходятъ ко мнѣ за совѣтомъ. Я сказалъ имъ, что, сдѣлавъ доброе дѣло, они не должны бояться, а напротивъ, явившись начальству и обстоятельно рассказавъ ходъ дѣла, они должны ожидать непремѣнно благодарности. На другой день, семь человекъ почетнѣйшихъ здѣшнихъ жителей рѣшились явиться въ окружное управленіе, гдѣ немедленно, по приказанію г. окружнаго командира, были посажены за рѣшетку, какъ преступники. Извѣстіе объ арестованіи этихъ почетнѣйшихъ семи прихожанъ немедленно разнеслось въ селѣ, и прихожане мои, а наипаче семейства заключенныхъ въ тюрьму, рѣшительно упали духомъ; кромѣ того, и здѣсь почти ежедневно требовалось въ волостную расправу неменѣе двѣнадцати человекъ, которымъ волостной голова и писарь, конечно — подкупленные уже конторой, объясняли, какъ велико ихъ преступленіе и какому они современемъ подвергнутся наказанію. Не излишнимъ считаю замѣтить, что волостной начальникъ при подобныхъ увѣщаніяхъ лично не присутствовалъ, а дѣйствовалъ чрезъ вышеозначенныхъ голову и писаря, что и видно изъ его форменнаго ко мнѣ отношенія.

«Ежедневно получая отъ моихъ прихожанъ свѣдѣнія о безсовѣстныхъ дѣйствіяхъ волостнаго головы и писаря, я обратился къ начальнику волости съ покорнѣйшею просьбой о томъ, чтобъ онъ прекратилъ такое дѣйствіе своихъ подчиненныхъ. Формальною бумагой онъ не замедлилъ извѣститъ меня между прочимъ и о томъ, что на основаніи 2025 ст. закона,—за то, что назвалъ я дѣйствіе головы и писаря безсовѣстными, подлежу заключенію въ тюрьмѣ отъ трехъ мѣсяцевъ до одного года; послѣ заключенія я обязанъ испросить у обиженныхъ прощеніе, а буде пожелаютъ, то уплатить имъ безчестіе.

«Таковъ результатъ заботъ моихъ объ искорененіи въ приходѣ самаго нестерпимаго порока!

«Какое, послѣ этого, нравственное наставленіе могу я преподать моимъ прихожанамъ, знающимъ по опыту, что наставленія волостнаго головы и писаря дѣйствительнѣе и справедливѣе моихъ?

«Прихожане мои, послѣ вышеописанныхъ испытаній, начинаютъ

опять употреблять горячее вино — и, къ прискорбію, въ большей прежняго мѣрѣ. Теперь какъ ни стараюсь внушать имъ, чтобы воздерживались отъ излишняго употребленія водки, но вижу, что все мои убѣжденія—гласъ вопіющаго въ пустышѣ!»

САРАНЧА ВЪ КІЕВСКОЙ И ПОДОЛЬСКОЙ ГУБЕРНІЯХЪ.

Г. Руккертъ сообщаетъ, отъ 24 іюня, въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, слѣдующія свѣдѣнія. Прѣхавъ уѣзды Кіевскій, Васильковскій, Сквирскій, Бердичевскій, Литинскій, Летичевскій, Проскуровскій, Каменецкій, Ушицкій, Могилевскій и Винницкій, г. Руккертъ убѣдился, что зимніе и весенніе холода, вопреки ожиданіямъ, не истребили сѣмень саранчи, а только отдалили ея вырожденіе, такъ что она начала выходить въ послѣднихъ числахъ мая и въ началѣ іюня. Обыкновенно думаютъ, что сѣмена саранчи сохраняются въ почвѣ твердой и пропадаютъ въ рыхлой землѣ; но въ настоящее время она вышла преимущественно на поляхъ, перепашанныхъ минушею осенью, на которыхъ яички ея считались совершенно истребленными. Саранча стала выходить прежде изъ тѣхъ яичекъ, которыя лежали ближе къ поверхности земли и, слѣдовательно, были пригрѣты солнцемъ. Только что вышедшая саранча — цвѣта сѣраго, величиной не больше обыкновенной мухи, но растетъ очень скоро, цвѣтъ ея темнѣетъ и вскорѣ доходитъ до очень темносѣраго, почти чернаго, а потомъ, когда саранча подрастетъ, она становится краснаго или, скорѣе, оранжеваго цвѣта; эта саранча бываетъ около дюйма величиной, но еще пѣшая; только на четвертой недѣлѣ послѣ вырожденія, начинаютъ показываться у нея крылья. Такъ какъ на одномъ и томъ же полѣ саранча выходила послѣдовательно въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени; то въ одномъ и томъ же мѣстѣ она была разнаго цвѣта и разной величины. На какомъ именно пространствѣ она появилась, г. Руккертъ въ точности не опредѣляетъ; но рассказываетъ, что до 3 іюня, въ одномъ Каменецкомъ уѣздѣ, молодая саранча появилась на поляхъ пятидесяти одного селенія; въ десяти селеніяхъ Васильковского уѣзда она вышла на пространствѣ 3,400 десятинъ и, кромѣ того, появилась, въ довольно-значительномъ количествѣ, въ девяти другихъ селеніяхъ; въ Бердичевскомъ уѣздѣ, она

находятся на поляхъ тридцати трехъ селеній, на пространствѣ 3,250 десятинъ; полоса, занятая саранчой, тянется въ этомъ уѣздѣ по границѣ Винницкаго, Липовецкаго и Сквирскаго уѣздовъ, на протяженіи до семидесяти верстѣ въ длину и около двадцати пяти верстѣ въ ширину, съ промежутками.

Для истребленія саранчи употребляются слѣдующіе способы: мѣста, гдѣ она появляется, окашиваются рвами, глубиною около аршина; во рвахъ настиляется немного соломы, и затѣмъ въ нихъ гонятъ метлами саранчу, которую снова покрываютъ небольшимъ слоемъ соломы, потомъ опять гонятъ саранчу, такъ что въ одномъ рву образуются нѣсколько слоевъ соломы и саранчи; солома зажигается и перемѣшивается нѣсколько разъ палками, для того, чтобы находящаяся во рву саранча могла сгорѣть или по крайней мѣрѣ изжариться. Нужно замѣтить, что она необыкновенно живуча: окунутая на мгновеніе въ кипятокъ, она черезъ два часа приходитъ въ себя; живетъ съ обгорѣлыми ногами; на мягкомъ грунтѣ ее невозможно растоптать, она вдавливается въ землю и чрезъ нѣсколько времени выходитъ отсюда снова. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ саранчу не жгутъ, а, вогнавъ во рвы, утаптываютъ плотно особыми колотушками похожими на тѣ, которыя употребляются при утрамбовкѣ дорожекъ въ садахъ; потомъ прикрываютъ ее толстымъ слоемъ земли, которую также крѣпко утаптываютъ.

Какъ только саранча забралась въ хлѣбъ, то опъ во всякомъ случаѣ долженъ пропасть; если она не успѣетъ его съѣсть, то его или надобно скосить, или его выгончутъ люди, которые гонятъ саранчу. Въ жаркое время для саранча особенно подвижна и уходитъ отъ малѣйшаго шума, и потому тогда ее легко бываетъ загонять во рвы; но съ пяти часовъ ее уже трудно согнать съ мѣста. Домашнія животныя и птицы, собаки, свиньи, индѣйки, куры, ѣдятъ саранчу очень охотно.

Убытки отъ саранчи огромны; сюда относится, кромѣ поѣденнаго хлѣба, цѣна всей работы, употребленной на истребленіе саранчи, и соломы, израсходованной для сожиганія саранчи, стоимость уничтоженныхъ поѣтвовъ и наконецъ убытки, причисленные въ хозяйствѣ недостаткомъ рабочихъ силъ, которыя все направлены противъ этого ужаснаго врага. Къ сожалѣнію г. Руккертъ приводитъ очень неутѣшительные примѣры, доказывающіе равнодушіе нѣкоторыхъ личностей къ общему бѣдствію. Уѣзды, гдѣ появилась саранча, раздѣлены на

участки, изъ которыхъ въ каждомъ, для истребленія ея, назначены особые распорядители изъ мѣстныхъ помѣщиковъ и управителей болѣе значительныхъ имѣній. Въ одной изъ деревень богатаго помѣщика А. саранча вышла на пространство восьми десятинъ; этотъ помѣщикъ, ежегодные доходы котораго составляютъ не менѣе ста тысячъ руб. ср., имѣлъ полную возможность истребить саранчу собственными средствами, и даже оказать содѣйствіе менѣе зажиточнымъ сосѣдямъ; но, къ несчастію, въ участкѣ, къ которому причислено имѣніе этого почтеннаго помѣщика, распорядителемъ для истребленія саранчи назначенъ его же управитель. Онъ немедленно распорядился вытребовать въ управляемую имъ деревню рабочихъ и солому изъ окрестныхъ селеній, даже не принадлежащихъ къ его участку, и, конечно, истребилъ у себя саранчу; но у его незажиточныхъ сосѣдей, помощь которымъ прежде всего было прямою обязанностію распорядителя, саранча усилъа, между тѣмъ, совершенно истребить посѣвы. Въ другомъ участкѣ, къ богатому помѣщику распорядитель прислалъ требовать соломы, для сожиганія саранчи на поляхъ его сосѣдей; у самого этого помѣщика саранчи не было вовсе, а соломы горы; но онъ не исполнилъ требованія распорядителя. Подъ предлогомъ отсутствія самого помѣщика, супруга его, распоряджающаяся полновластно имѣніемъ, объявила посланнымъ, что не считаетъ себя вправѣ исполнить требованіе, но по экстренности дѣла подъ своею отвѣтственностію (конечно—передъ супругомъ) разрѣшаетъ взять четыре воза соломы, тогда какъ несравненно меньшія имѣнія послали, на гораздо болѣе значительное разстояніе, по пятидесяти воевъ. Наконецъ, иные, сберегая свои рабочія силы, перегоняли саранчу съ своихъ полей на поля сосѣдей, и одинъ, у котораго саранча вышла на полѣ невспаханномъ и незасѣянномъ, загналъ ее къ сосѣду въ пшеницу, которую, вслѣдствіе этого, необходимо было ско- сить... Это ужасно!

НОВЫЙ СПОСОБЪ КОВКИ ЖЕРНОВОВЪ.

Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ открытъ новый способъ ковки жернововъ, съ помощію котораго, при одинаковой силѣ, значительно увеличивается размолъ, и мука выходитъ изъ-подъ жернововъ

гораздо холодѣе. На это остроумное изобрѣтеніе взята привилегія и въ Россіи, изобрѣтателемъ г. Бродвелемъ и компаньонами его гг. Грантомъ и Рейтомъ. Сообщаютъ, что методъ г. Бродвеля уже употребляется на крупчаткахъ г. Полежаева въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ Новгородской губерніи и г. Смольянинова въ Муромскомъ уѣздѣ Владимирской губерніи, а равно и въ С.-Петербургѣ на Гутуевской мельницѣ г. Бенардаки. Этотъ способъ даетъ выгоды 50% во времени размола, то-есть прежняя работа цѣлыхъ сутокъ оканчивается въ 16 часовъ. Удобства новойковки жернововъ состоятъ въ томъ, что она не требуетъ никакой перемѣны въ механизмѣ мельницы и приводовъ и никакого особеннаго искусства со стороны рабочихъ. Желающіе испытать это изобрѣтеніе могутъ сдѣлать это безъ всякихъ предварительныхъ издержекъ. Лишь послѣ того, какъ превосходство новойковки будетъ вполне доказано на одномъ или двухъ поставкахъ, владельцы мельницъ платятъ по 200 р. с. съ каждой поставы, и притомъ только въ томъ случаѣ, если будетъ дѣйствительно сберегаться 8 часовъ времени въ сутки; если же выгода во времени будетъ менѣе, то плата соразмѣрно понижается. «Мы сочли полезнымъ,» пишетъ Русскій Вѣстникъ, «сообщить объ этомъ изобрѣтеніи, такъ какъ улучшения въ устройствѣ мельницъ и удешевленіе размола имѣютъ большое значеніе для русскаго сельскаго хозяйства. За болѣе-подробными свѣдѣніями можно обращаться къ Р. А. Гранту въ конторѣ Робертса и Говарда въ Москвѣ, у Харитонія въ Огородникахъ, въ домѣ Комарова.

ОБ'ЯСНЕННЯ КЪ РИСУНКАМЪ «ЖИВОПИСНОЇ УКРАЇНИ.»

VIII. *Бабуся*, рисованная съ натуры К. А. Трутовскимъ.

IX. *Тимішъ Сапенко*—чумаць изъ Хороля, рисованный съ натуры тоже К. А. Трутовскимъ.

X. *Чумаць*—рисованный И. И. Соколовымъ. Всѣ три рисунка гравированы мною.

Л. Ж.

ОДЪ РЕДАКЦІИ.

Въ VIII книжці *Основи* ми почнемо рядъ народнихъ оповіданій, (чи—якъ мовляе *Ст. Д. Нісць* «прівістей,») високоповажнихъ: *Тиміша Коломацького, Ст. Д. Носа, Митра Олельковича, Василя Тищенка* и інші. Зъ VIII книжки почнецца и печать *дієписнихъ и праведчихъ актівъ*.

М. М. Левченко приславъ намъ поспитъ народнєй землєписи (*Русинська Родина*); *Ст. Д. Нісць* и *А. Савичъ* дє-що зъ лікарської и рослинної науки, такожъ про лїса и про садї. Не забаромъ напечатаетемо їхъ полезний трудъ въ *Основі*, и певно не ми одні подякуємо одъ щїрого сєрця високоповажнимъ народолюбцямъ.

Одъ *Василя Степановича Кулика*, зъ *Полтави*, ми одібрали теплі и гєрні стихи: 1, *Моя Дбля*, 2, *В мене сєрце до любови*, 3, *Веснянки*, 4, *Весна на хуторі*, 5, *Україна до своїхъ синівъ*, 6, *Загублені Души*, 7, *Захвжій Косарь*, и 8, *Весела Удова*. Посиляємо одъ сєбе и одъ іншихъ земляківъ сердєшний привітъ, и напечатаетемо якъ найскорїше.

Петру Семеновичу Кузьменку. Не нашою видю сталося, що досї не напечатані Вашї стихи и оповіданне: «*Не такъ ждалося, да такъ склалося*». По щирїй правді Вамъ говоримо: *не такъ и у насъ ждалося*. Вашї душєвні рєчі ми истїнно цїнимо, и въ докощєшне напечатаетемо, въ бліжшїй книжці.

Увага надъ пиш-якими словами Украинської мови, доставленні намъ *М. М. Левченкомъ, Митромъ Олельковичемъ* и другими, напечатуютца въ VIII або IX книжці. Радї бѣ були ми получить ихъ якъ найбільшь: тепєрь въ кожній книжці вони найдуть для сєбе місце.

Олександрю Яковлевичу Коніському, въ Полтаву. «Самна» и «Спафаріеву Рудку» ми одібрали зъ щирою дякою, а напеча́таемо якъ буде можна. «У киреяхъ, у бриляхъ» теперъ напеча́тано не буде.

Дм-тр-ю П-вл-чу П-ч-к-ву. Правду, велику правду Ви сказа́ли, да не всю, бо не все Вамъ відоме. Ми стара́ємось запобігати, и по ма́лу зробимо все, чо́го Ви справедливе бажа́ете. Запомага́йте насъ своєю ра́дою, а ми Вамъ всю правду опи́шемо.

А-кс-ю К-р-л-вичу А-ч-му и О. Н-ію, въ Сумы. Нетерпѣливо ждемъ исполненія Вашего, памятнаго намъ, обѣщанія.

Ф. В-р-н-н-ву, въ Александровку. Статтія ваши: *Упадокъ Сербской народности въ Новороссіи и Возрожденіе Южнорусской*, будуть, при первой возможности, напечатаны, и желанія Ваши—исполнены. Просимъ быть нашимъ корреспондентомъ.

А-у-Ф-чу К-ст-ку, въ Одессу. 6 рублівъ оддано куді слідъ. Дякуємо за добрі речі, и по́радуємось, коли получимо одъ Васъ щіе не одінь листъ про свої діла и громадзкі.

«Максиму Чорному». *Де правда?* и *Трете письмо съ праваго берега Днѣпра* намъ получены; Ваше требованіе будетъ исполнено.

П. Пл. Чубинському въ Борішполь. Статтіі Ваші: *Изъ Борисполя* и *Поцуковщина* будуть скоро напеча́тані, а за обіщанку подати звістку, про народні школи и обѣ дворахъ дуже дякуємо.

Г. Т., въ Кіевѣ. Статтія Ваша «о первоначальномъ обученіи на народномъ языкѣ», не можетъ быть напечатана по особеннымъ причинамъ.

ОБЪЯСНЕНІЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 7-Й КНИЖКѢ «ОСНОВЫ».

Бавитись — проводить время. забавляться.

Бѣшкетъ — безпорядокъ.

Бійка — драка.

Блїжченько — поближе

Бровенїта — (уменьшит.) брови.

Бузувїрївъ — басурманскїй.

Великомовний — многорѣчивый, говорливый.

Вибрїкувати — подпрыгивать, подскакивать, шалить.

Вїдрукувати — отпечатать.

Вивяти — выпустить.

Вївалати — привести въ чувство, возвратить назадъ, отхвѣтить.

Видко — видно.

Вїдгадати — отгадать.

Вїдзватись — отозваться.

Вїскъ — воскъ.

Вїдки — откуда.

Вздрїти — усмотрѣть, замѣтить.

Вовна — овечья шерсть.

Ворож бїтъ — колзунъ.

Вростїчь — (броситься) вразнотычку, въ разные стороны.

Врїзати — уязвить.

Втрївбїжитись — встревожиться.

Вулиця — улица.

Га? — а, что?

Гава — ворона.

Ганїба — презрѣнье, издѣванье.

Гаптувати — вышивать.

Гарчати — ворчать (о собакѣ).

Горпина — Агрипина.

Гучний — громкій, звучный, звонкій.

Дїзувати — пребывать въ двѣхъ частяхъ.

Дїдїанá — дѣдовщина, старина.

Джинджигїлястїй — вертлявый,

фрапантовскїй, кокетливый.

Вивождати — выводить.

Джўра — оруженосецъ, слуга козацкїй.

Дўрникъ — дурачекъ.

Добá — пора.

Доти — догѣхъ поръ.

Дудїти — гудѣть, играть.

Живжикъ — вертлявый, хватъ; нульсъ.

Завдãтїй — отлапный; закабаленный.

Закопїлїти (губу) — надуться, — сдѣлать недовольную мину.

Заїмãти — трогать, захватывать, забирать (скотину, пасущуюся на чужой землѣ).

Збаламўтитись — возмутиться; вознегодовать.

Злюбїти — полюбить.

Зь — не обãчка — печально; неожиданно.

Изгãспнути — потухнуть.

Карбовãти — разрѣзывать; анатомировать.

Клãпоть — кусокъ.

Кулішъ — жидкая кашница.

Лãдки — въ ладоши (бить).

Лїшко — (умен.) бѣда.

Лїжокъ — кровать.

Малѣванїй — росписанный, разрисованный.

Мёрхнути—темиѣть.
Мякѣсенкій (умен.)—мягкій.
Молодикъ — молодой человекъ, и молодой мѣсяцъ на небѣ.
Мурѣля—морель.

Навстоупѣжитись—наѣжиться, взерошиться.

Надоложити — возмѣстить, вознаграждать.

Нѣгидъ—негодное, гадкое.
Нисе-пѣтница—чепуха, вздоръ.
Новина — новость; первые плоды и огородные овощи.

Нумо — (отъ ну, множ. ч.) — станемъ—(что-нибудь дѣлать).

Одвѣтувати—отвѣчать.

Окрѣмъ—кромѣ.

Оксана—Ксения.

Опасуватись — опасаться.

Оперезаѣтись—опоясаться.

Пагонці—отростки.

Палко—пылко; жарко.

Перволітокъ—юный, первый лѣтъ.

Печериця—шампиньонъ.

Печиука—печенка.

Пѣвецъ — полонъ.

Повний—полный.

Плѣмкати — производить звукъ губами (во время ѣды).

Побрехѣнька — небылица; басня.

Поганецъ — недобрый; негодный.

Полискотати—пощекотать.

Помаршѣти — исхудать; полургѣть, постарѣть.

Посковзнуѣтись—поскользнуться.

Поштаръ — почталіонъ.

Пошурудѣрити — пошалить; полурчаться.

Приблудний—захожіи.

Примандрувати — прийти не зная откуда.

Примха—прихоть.

Приставати — утомляться; выбиваться изъ силъ.

Пройдѣсвітъ — пройдоха.

Рѣспачъ.—отчаяніе.

Рибонька—(ласкат.) рыба.

Різнікъ—мясникъ.

Розгорнути — розвернуть.

Росчачнути — разодрать (о деревѣ и скотинѣ), напр. росчачнувъ яблоню; росчачнувъ вѣгъ; отворить (дверь).

Сарана — саранча.

Свѣрдликъ—буравчикъ.

Свѣрдель—буравъ.

Сердѣшний—сердечный.

Скѣлькосъ — сколько-то.

Сотниківна—дочь сотника.

Спогадаѣти—вздумать, вспомнить.

Столовникъ — нахлѣбникъ.

Сціпнѣти — сильно сжать.

Татонько—(ум. ласкат.)—батюшка.

Той—тотъ.

Троха—немного.

Трунѣчка—(трупа) — гробикъ.

Тутешній—здѣшній.

Укрѣма—уютное мѣсто; отдѣльная часть.

Усѣди — вездѣ.

Уторопати—попять, разобрать, догадаться.

Харцизѣяка—(бранное слово)—разбойникъ.

Холоднісіпнкій (умен.) — холодный.

Хурувати—перевозить кладъ.

Чаїркнути — брызнуть сильно.

Чомусь—почиу-то.

Шпетнѣнько—акуратно (?)

Штирхоуѣти — сильно уколотъ; пронзить.

Шутковати — шутить.

Що-вѣчора—каждый вечеръ.

Якійсь—какой-то.

Яліна—ель?

Яловичина—коровье мясо.

Рис. 277^д (1534.5)

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

«Добра хочу братьи и Русьскѣй Земли.»
Владиміръ Мономахъ.

1861

АВГУСТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ТИВЛЕНА И КОМП.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ законенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Сентября 22 дня, 1861 года.

Цензоръ *Ст. Лебедевъ.*

КОБЗАРЬ.

XXVIII.

И широкую долину,
И високую могилу,
И вечернюю годину,
И що снилось—говорилось —
 Не забуду я.
Та що зъ того?.. не побравсь:—
Розійшлися, мовъ не знались...
А тимъ часомъ дорогій
Літа наші молодії
 Марне пронеслись.
Помарніли ми оббе,
Я—въ невблі, ти—вдовбю,
Не живёмъ, а тільки ходимъ
Та згадуемъ ті годи,
 Якъ жияй колись.

XXIX.

Зійшлись, побравсь, поєднались,
Помолоділи, підрослі,
Гаёкъ, садочокъ розвели
Кругомъ хатини. И пишались
Неначе князі. Діти грались,
Рослі собі та впростали...

Дівчато́къ моска́лі укра́ли,
 А хлопці́въ въ моска́лі забра́ли,
 А ми ненáче розійшли́сь—
 Ненáче бра́лись—не еднáлись.

XXX.

Не верну́вся изъ походу́
 Гусáринъ — моска́ль.
 Чого́жь ми́ні ёго́ шко́да
 Чого́ ёго́ жаль?
 Що на ёму́ жупа́нъ кўций,
 Що гусáринъ чорноу́сий,
 Що Ма́шою звавъ?
 Ні, не то́го ми́ні шко́да;
 А марні́е моя́ врё́да
 Лю́де не беру́ть;
 А на ўлиці́ дівча́та
 Насміха́юцца прокля́ті —
 Гусáркою зву́ть!..

XXXI.

Титарі́вна—Неми́рівна
 Гапту́е хусти́ну,
 Та ко́дише москoвщи́ня—
 Ма́лю дити́ну.
 Титарі́вна—Неми́рівна
 Лю́дми горду́вала...
 А моска́ля—пройді́світа
 Ніщечко́мъ віта́ла!
 Титарі́вна—Неми́рівна
 Почё́стного рё́ду...
 Ви́гляда́е пройді́світа
 Моска́ля зъ походу́.

19 октября 1860 р.
 С.-П.-Б.

Т. Шевченко.

ДНЕВНИКЪ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА.

Четвертый отрывокъ.

9 іюля.

Передъ закатомъ солнца, заштилѣло, а въ сумерки поднялся свѣжій вѣтеръ отъ нордъ-оста, прямо въ лобъ нашей почтовой лодкѣ. Она теперь въ открытомъ морѣ бросила якорь; а когда подыметъ — Богъ знаетъ. Нордъ-остъ здѣсь господствующій вѣтеръ. Онъ можетъ простоять долго и продлить мою, и безъ того — длинную, неволю далеко за предначертанную мною границу, т. е. за 20 іюля. Грустно, невыразимо-грустно. Впродолженіи ночи я не могъ заснуть: меня грызла и гоняла, какъ на кордѣ, вокругъ огорода, самая свирѣпая тоска. На разсвѣтѣ, я пошелъ къ морю, выкупался, и тутъ же, на песокъ, заснулъ. — Видѣлъ во снѣ покойнаго Аркадія Родзянку въ его веселомъ *Подолѣ*, близъ Хорола; — показывалъ онъ мнѣ свой черзчуръ-затѣйливый садъ, толковалъ о возвышенной простотѣ и идеалѣ въ искусствахъ вообще и въ литературѣ въ-особенности; ругалъ наповалъ грязнаго циника — Гоголя, и въ-особенности *Мертвыя Души* казнилъ немплосердо; потомъ потчивалъ какими-то герметически-закупоренными кляпками и своими сальными малороссійскими впршамп. — — Разбудилъ меня мелкій тихій дождикъ, и я побѣжалъ на огородъ мокрой курицей.

Говорятъ, о чемъ наяву думаемъ, то и во снѣ пригрезится. Это не всегда такъ. Я, наприхѣръ, Аркадія Родзянку видѣлъ одинъ разъ, и то случайно, въ 1843 году, въ его деревнѣ — *Веселый Подоль*, и онъ мнѣ въ нѣсколько часовъ такъ надоѣлъ своей тупой эстетикой и своими малороссійскими стихами, что я убѣжалъ — къ его ближайшему сосѣду, и, какъ водится, злѣйшему врагу. Я забылъ даже, что видѣлся когда-то съ сальнымъ стихоплетомъ, а

онъ мнѣ сегодня во снѣ пригрезился. Какая же связь между моими грустными мечтами и между этимъ давно-забытымъ мною человѣкомъ? Капризъ нашей нравственной природы и совершенно никакой логической связи. И *Оракулъ* сотника Ч——нова едва ли объяснятъ загадку подобныхъ сновидѣній. Пойду однакожъ, на всякій случай, посмотрю въ это зеркало сокровенныхъ таинствъ природы.

10 іюля.

Вѣтеръ все тотъ же. Тоска та же самая. Дождь продолжаетъ омывать новую луну. Такія длинныя любезности здѣсь съ нимъ рѣдко случаются. Я недвижимо пролежалъ весь день въ бесѣдкѣ и слушалъ однотонную тихую мелодію, производимую мелкими и частыми каплями дождя о деревянную крышку бесѣдки. Принимался нѣсколько разъ дремать, но неудачно. Проклятыя мухи со всего огорода слетѣлись въ бесѣдку и не даютъ покоя. Принимался нѣсколько разъ строить воздушныя замки на своихъ будущихъ эстампахъ акватинта — также неудачно. *Гензерихъ* и *Осада Пскова*, Брюлова, мнѣ особенно не удавались. Нужно избѣгать на первый разъ наготы. Пужень опытъ и опытъ, а иначе эта очаровательная Брюловская нагота выйдетъ въ эстампѣ — безобразіе. Я не желалъ бы, чтобы мои будущіе эстампы были похожи на парижскій эстампъ акватинта, съ картины *Последній день Помпеи*. Топорный, безобразный эстампъ. Поругано, обезображено гениальное произведеніе.

Въ такомъ скверномъ настроеніи унывающей души вспомнилъ я про *Umnicтво рієкне*, Либельта, и принялся жевать: жестко, кисло, приторно, — настоящей нѣмецкій супъ-вассеръ. Какъ, напримѣръ, человѣкъ такъ-важно трактующій о вдохновеніи, простосердечно вѣрить, что будто бы Юсифъ Вернетъ велѣлъ себя, во время бури, привязывать къ мачтѣ для полученія вдохновенія. Какое мужицкое понятіе объ этомъ неизреченномъ божественномъ чувствѣ. И этому вѣрять человѣкъ, пишущій эстетику, трактующій объ идеальномъ, возвышенно-прекрасномъ, въ духовной природѣ человѣка. Нѣтъ, п эстетика сегодня мнѣ не далась. Либельтъ, онъ только пишетъ польски и чувствуетъ (въ чемъ я сомнѣваюсь), а думаетъ по-нѣмецки, или, по-крайней-мѣрѣ, пропитанъ нѣмецкимъ идеализмомъ (бывшимъ, — не знаю какъ теперь). Онъ смахиваетъ на нашего Жуковского, въ прозѣ. Онъ также вѣрять въ безжизненную прелесть

нѣмецкаго, тощаго для жизни, идеала, какъ и покойный В. А. Жуковский.

Въ 1839 году, Жуковский, возвратившись изъ Германіи съ огромною портфелею, начиненною произведеніями Корнеліуса, Гессе и другихъ свѣтилъ Мюнхенской школы живописи, нашелъ Брюлова произведенія слишкомъ матеріальными, — придавляющими къ грѣшной землѣ божественное высшее искусство, и, обращаясь ко мнѣ и покойному Штерибергу, случившемуся въ мастерской Брюлова, предложилъ зайти къ нему полюбоваться и поучиться отъ великихъ учителей Германіи. Мы не преминули воспользоваться симъ счастливымъ случаемъ, и на другой же день явился въ кабинетъ германовѣла. Но, Боже! что мы увидѣли въ этой огромной, развернувшейся передъ нами, портфель: длинныхъ безжизненныхъ мадонъ, окруженныхъ готическими, тощими, херувимами, и прочихъ — настоящихъ — мучениковъ живаго улыбающагося искусства. Увидѣли Гольбейна, Дюрера, но никакъ не представителей девятнадцатаго вѣка. До какой степени, однакожъ, помѣшались эти нѣмецкіе идеалисты живописцы. Они не замѣтили, что въ архитектурѣ Кленца, для которой они творили свои готическія безобразныя творенія, и тѣни нѣтъ напоминающаго готическую архитектуру. Странное, непонятное затмѣніе!

Umnictwo рієкне, Либельта, спрятали я въ дорожную *торбу*, и снова привелъ свою фигуру въ горизонтальное положеніе. Что дальше будетъ — не знаю.

Пезабвсныне золотые дни, мелькнули въ свѣтлымъ, радостнымъ сповидѣніемъ передо мною, оставивъ по себѣ неизгладимый слѣдъ чарующаго воспоминанія. Мы были тогда съ Штерибергомъ едва оперившіеся юноши, и, разсматривая эту единственную коллекцію идеальнаго безобразія, высказывали вслухъ свое мнѣніе, и своимъ простодушіемъ довели такого кроткаго и деликатнаго Василія Андреевича до того, что онъ назвалъ насъ испорченными учениками Карла Павловича, и хотѣлъ-было уже закрыть портфель передъ нашими носами, какъ вошелъ въ кабинетъ князь Вяземскій и помѣшалъ благому намѣрсію Василія Андреевича. Мы продолжали, съ невозмутимымъ равнодушіемъ, перелстывать портфель и были награждены за терпѣніе первоначальнымъ эскизомъ *Послѣдняго дня Помпеи*, ловко начерченнымъ перомъ и слегка попятаннымъ сепіею. За этимъ геніальнымъ очеркомъ, почти неизмѣненнымъ въ картинѣ, слѣдовало нѣсколько топорныхъ чертежей Б., которые ужаснули насъ своимъ

заученымъ однообразнымъ безобразіемъ. И гдѣ, и изъ какого творнаго источника почерпнулъ и усвоилъ онъ эту ненатуральную манеру? Неужели это одно желаніе — быть оригинальнымъ такъ страшно обезобразило произведенія неутомимаго Б.? Жалкое желаніе. Грустный результатъ. И этотъ человѣкъ мечталъ еще равняться съ Карломъ *великимъ!* (такъ обыкновенно называлъ Брюлова В. А. Жуковскій.).

Одинъ мой знакомый не-художникъ и даже не-записной, а такъ, просто — любитель изящнаго, смотря на извѣстную картину Б., сказалъ, что еслибы онъ былъ матерью того ребенка, что валяется на первомъ планѣ картины, то онъ не только взялъ на руки, — боялся бы подойти къ этому маленькому кретину. Замѣчаніе чрезвычайно вѣрное, и ловко высказано. А другая огромная его картина? Это — толпа безобразныхъ и самыхъ безталанныхъ актрисъ и актеровъ. Я видѣлъ ее въ подмалѣвкѣ, и она меня ужаснула. Неприятное, но все-таки впечатлѣніе. Оконченная же эта картина не произвела на меня даже и этого неприятнаго чувства. А вѣдь цѣль ея была уничтожить *Послѣдній день Помпеи*. Колоссальное, но, увы! неудачное намѣреніе.

11 іюля.

Въ полночь переѣхался вѣтеръ и отошелъ къ нордъ-весту. Я полюбовался прозрачными исчезающими облаками и легъ спать. Проснулся до восхода солнца. Небо было чисто. Только одна, единственная звѣздочка, какъ алмазь, горѣла высоко на востокѣ. Это должна быть Аврора. Солнце не успѣло выглянуть изъ-за горизонта, — она исчезла. Я весело принялся за свой чайникъ. И когда все было готово для моего утренняго одинокаго ширшества, я очинилъ внимательно перо, развернулъ свой журналъ и — что пазывается — полбуквы не могъ написать: такъ мнѣ вдругъ сдѣлалось весело! И напившись чаю, и наслушавшись чирканья веселыхъ ласточекъ, отправился въ укрѣпленіе заказать торбу для сухарей и взять второй томъ Либельта; — зашелъ къ М — скому; онъ мнѣ предложилъ стаканъ чаю, отъ котораго я не имѣлъ силы отказаться, потому что чай былъ съ лимономъ — неслыханная роскошь въ этой пустынѣ. За чаемъ сообщилъ онъ мнѣ о начавшемся слѣдствіи надъ жемпхомъ и певѣстой. Слѣдствіе началось медицинскимъ освидѣтельствованіемъ невѣсты какъ

водится въ присутствіи понятыхъ. При чемъ лекарь острилъ, — что подало поводъ къ грубымъ насмѣшкамъ надъ жешхомъ. Мерзость!

Заказавши торбу для сухарей, я окончательно упаковалъ свою мизерію, взялъ второй томъ Либельта и три оставшіяся сигары, пзъ числа тѣхъ 25 сигаръ, что прислалъ миѣ Лазаревскій вмѣстѣ съ сепіею. Отличныя сигары, — настоящія гаванскія. Возвратившись на огородъ, я, по обыкновенію, до обѣда лежалъ подъ своею любимою вербою и читалъ Либельта. Сегодня и Либельтъ миѣ показался умѣреннѣе идеалистомъ, и болѣе похожимъ на человека съ тѣломъ, нежели на бесплотнога нѣмца. Въ одномъ мѣстѣ онъ (разумеется, осторожно) доказываетъ, что воля и спла духа не можетъ проявиться безъ матеріи... Либельтъ рѣшительно похорошѣлъ въ моихъ глазахъ, но онъ все-таки школяръ. Онъ пренаивно доказываетъ присутствіе всемогущаго Творца вселенной, во всемъ видимомъ и невидимомъ нами мірѣ, и такъ же хлопочетъ объ этой старой, какъ свѣтъ, истинѣ, какъ-будто это его собственное открытіе.

За обѣдомъ было веселѣе обыкновеннаго: комендантъ подтрунивалъ надъ моими сборами въ походъ; другіе ему вторили болѣе или менѣе любезно, но вообще вся компанія была, какъ говорится, въ своей тарелкѣ. Послѣ обѣда я, также по обыкновенію, заснулъ подъ своей фавориткою — вербою, а передъ вечеромъ надѣлъ чистый китель, соломенную шляпу — самодѣльщину и пошелъ на туркменскія *бакчи* (баштапы) и, не смотря на скудость зелени, миѣ и бакчи поправилсь. Я зашелъ къ хозяевамъ въ аулъ; около кибитокъ играли съ козлятами нагія, смуглыя дѣти, визжали въ кибиткахъ женщины, должно быть — ругались, а за ауломъ мужчины творили свой намазъ передъ закатомъ солнца. Вечеръ былъ тихій, свѣтлый. На горизонтѣ чернѣла длинная полоса моря, на берегу его горѣли въ красноватомъ свѣтѣ скалы и на одной изъ скалъ блестяли бѣлыя стѣны второй батареи и всего укрѣпленія. Я любовался своею семилѣтнею тюрьмою. Возвращаясь на огородъ, набрѣлъ я на тропинку, на уже-засохшей грязи которой видны были отпечатки миниатюрныхъ дѣтскихъ ножекъ. Я любовался и слѣдилъ этотъ крошечный дѣтскій слѣдъ, пока онъ не исчезъ въ степной полянѣ, вмѣстѣ съ тропинкою. На огородъ пришелъ я къ вечернему чаю и попотчивалъ Праклія Александровича и Николая Ефремовича своими заветными сигарами, и самъ закурилъ остальную. Всѣ, начиная съ Наташеньки, не мало удивились, увидѣвъ въ моемъ лицѣ торчащую, дымящуюся сигару, а нянька Авдотья,

уральская козачка, — та совершенно во мнѣ разочаровалась. Она до сихъ поръ думала, что я по-крайней-мѣрѣ *часовенный*, а я такой же еретикъ-щепотникъ, какъ и другіе. Всѣ же вообще находили, что мнѣ сигара къ лицу, и что съ сигарой я похожъ на вояжѣра порядочнаго тона. Такому удачному сравненію я и не думалъ противорѣчить, и мысленно переносился на палубу парохода «Меркурія» или «Самолета», а о скромной разшивѣ, о бурлацкихъ пѣсняхъ, о преданіяхъ про Стеньку Разина, забылъ и думать...

Ужъ сколько разъ твердили міру,

Что лезть гусна, вредна, но — все не впрокъ.

Отуманенный лестію, я, противъ обыкновенія, и — разумѣется — во вредъ желудку, не имѣлъ силы отказаться отъ *пельменей*. Пельмени были мастерски приготовлены, и я оказалъ имъ неложную честь. Послѣ ужина, я долго гулялъ вокругъ огорода, и, мало-по-малу, освобождался отъ вліянія самолюбія, привелъ наконецъ свой гордый духъ въ нормальное состояніе и тихо запѣлъ гайдамацкую пѣсню:

Ой поїзжѣе по Україні та козаченько Швачка...

Отъ этой любимой моей пѣсни, я незамѣтно перешелъ къ другой — не менѣе любимой:

Ой, изійди, зійди, ти, зіронько, та вечірня...

Эта меланхолическая пѣсня напомнила мнѣ тотъ вечеръ, когда я и молодая жена Кулиша иѣли въ два голоса эту очаровательную пѣсню. Это было на другой день послѣ ихъ свадьбы, въ роковомъ 1847 году. Увижу ли я эту прекрасную украинку? Запою ли съ нею эту задумешную пѣсню?

Воспоминанія меня убаюкали; я сладко заснулъ, и видѣлъ во снѣ Повгородъ-Сѣверскій (вѣроятно, вслѣдствіе недавняго чтенія *Алексыя Однорога*). По улицѣ ѣздили въ старосвѣтскомъ огромномъ берлинѣ, огромные, рыжіе, пьяные монахи, и между ними очутился мой трезвый другъ, Семень... Это все пельмени такъ каметаморфозили.

12 іюля.

Одипадцатымъ, нечетнымъ, несчастливымъ для меня, числомъ кончился первый мѣсяцъ моего журнала. Какой добрый геній шепнулъ мнѣ тогда эту мысль? Ну, что бы я дѣлалъ впродолженіи этого минувшаго, безконечно-длиннаго мѣсяца? Хотя и это занятіе мно-

ходное, по все-таки оно отнимаетъ у безотвязной скуки нѣсколько часовъ дня. А это—важная для меня теперь услуга. Въ первые дни не нравилось мнѣ это занятіе, какъ не нравится всякое занятіе, пока мы его себѣ не усвоимъ, не смѣшаемъ его съ нашимъ насущнымъ хлѣбомъ. Сначала я принимался за свой журналъ какъ за обязанность, какъ за *пунктики*, какъ за ружейные приемы; а теперь, и особенно съ того счастливаго дня, какъ завелся я иѣднымъ чайникомъ, журналъ для меня сдѣлался необходимъ, какъ хлѣбъ съ масломъ для чая. И не случись этого неспоснаго ожиданія, этого тягостнаго бездѣйствія, мнѣ бы и въ голову никогда не пришло обзавестись этой эластической мебелью, на которой я теперь каждый день такъ безмятежно отдыхаю. Справедливо говорится: нѣтъ худа безъ добра.

Сегодня утромъ, записавши счастливое одиннадцатое число, я вздумалъ попробовать ветчины собственнаго приготовленія. Для этого я выпилъ фундаментальную рюмку водки, закусалъ молодой рѣдкой, а потомъ уже приступилъ къ собственному произведенію. Ветчина оказалась превосходною, свѣжею, не смотря на то, что еще приготовлена въ январѣ мѣсяцѣ. Перваго января текущаго года получилъ я первое радостное письмо изъ Петербурга отъ графини Т——ой, и съ того же дня началъ готовиться въ дорогу. Такъ какъ путешествовать мнѣ предстояло, — можетъ-быть, и теперь еще предстоитъ, — по серебрянымъ берегамъ Урала, гдѣ благочестивые Уральцы, а особенно Уралки, нашему брату-раскольнику воды напиться не дадутъ, то я и заготовилъ для труднаго пути сей необходимый копченый продуктъ. Не знаю, чѣмъ восхищается въ Уральцахъ этотъ статистикомористъ П——ицъ? Грязиѣе, грубѣе этихъ закоренѣлыхъ раскольниковъ я ничего не знаю. Сосѣди ихъ. — степные дикари Киргизы — тысячу разъ общежительнѣе этихъ прямыхъ потомковъ Стеньки Разина. А помянутый господинъ въ восторгѣ отъ ихъ общежитія и мнимаго гостепріимства. Вѣрно, ему въ грязномъ погребкѣ диктовалъ какой-нибудь Ж——овъ статейку подъ названіемъ: *Уральскіе Козаки*, а онъ, подъ веселую руку, записалъ, да и посвятилъ еще В. И. Далю. — — — Вредны такіе писатели.

Попробовавши дорожнаго продукта и найдя оный болѣе нежели удовлетворительнымъ, я самодовольно успокоился подъ своей фавориткой-вербою, и принялся за Либельта. Онъ сегодня мнѣ рѣшительно нравится: или онъ въ самомъ дѣлѣ хорошъ, или онъ мнѣ

только кажется такимъ, потому, что мнѣ вотъ ужъ другой день даже вовсе непривлекательные предметы кажутся привлекательными. Блаженное состояніе! Либельтъ, напримѣръ, весьма справедливо замѣчаетъ и высказываетъ эту, — правда, не совсѣмъ молодежавую истину, — коротко, изящно и ясно: что религія у древнихъ и новыхъ народовъ всегда была источникомъ и двигателемъ изящныхъ искусствъ. Это вѣрно. А вотъ это такъ не совсѣмъ: онъ, напримѣръ, челоуѣка-творца въ дѣлѣ изящныхъ искусствъ вообще, въ томъ числѣ и въ живописи, ставитъ выше природы, потому-дескать, что природа дѣйствуетъ въ указанныхъ ей неизмѣнныхъ предѣлахъ, а челоуѣкъ-творющецъ ничѣмъ не ограниченъ въ своемъ созданіи. Такъ ли это? Мнѣ кажется, что свободный художникъ настолько же ограниченъ окружающею его природою, насколько природа ограничена своими вѣчными, неизмѣнными законами. А попробуй этотъ свободный творецъ на волю отступитъ отъ вѣчной красавицы-природы, онъ дѣлается богоотступникомъ, нравственнымъ уродомъ, подобнымъ Корнеліусу и Б. Я не говорю о дагерротипномъ подражаніи природѣ: тогда бы не было искусства, не было бы творчества, не было бы истинныхъ художниковъ, а были бы только портретисты, въ родѣ З.

Великій Брюловъ черты одной не позволялъ себѣ провести безъ модели, а ему, какъ исполненному силы творчества, казалось бы, это позволительно. Но онъ, какъ пламенный поэтъ и глубокій мудрецъ-сердцевѣдецъ, облакалъ свои высренія, свѣтлыя фантазіи въ форму непорочной вѣчной истины. И потому-то его идеалы, полныя красоты и жизни, кажутся намъ такими милыми, такими близкими, родными.

Либельтъ сегодня мнѣ рѣшительно правится. Впродолженіи десяти лѣтъ я кромѣ степи и казармы ничего не видѣлъ, и кромѣ солдатской, запуганной, рѣчи, ничего не слышалъ. Страшная, убійственная проза... И теперь, случайный собесѣдникъ Либельтъ — самый очаровательный собесѣдникъ. Искренняя моя сердечная благодарность унтеръ-офицеру Кулиху.

Какъ начался приятно, такъ и кончился этотъ второй для меня день приятно. Вечеръ былъ тихій, прекрасный. Для моціону я обошелъ два раза укрѣпленіе. Началъ было и третій обходъ, только у второй батареи остановилъ меня уральскій козакъ своею старинной пѣсней про Игнашу Степанова сына Булавина. Первый стихъ пѣсни мнѣ чрезвычайно правится:

Возмутился нашъ батюшка
Славный тихій Донъ,
Отъ верховица
Вплоть до устьяца.

Эта пѣсня собственно — донская, но она усвоена и Уральцамъ, какъ братьями по происхоженію. Я не мало удивился, услышавъ въ первый разъ здѣсь эту пѣсню, — потому-что приходящіе сюда на службу Уральцы большею частію народъ бывалый въ Москвѣ и въ Петербургѣ, и поютъ все модные нѣжные романсы, захваченные или въ салонахъ на *Козихъ* или въ *Мъщанскихъ* и *Подьяческихъ* улицахъ. Такъ я не мало удивился, услышавъ этого отступника отъ закона моды.

Съ удовольствіемъ слушалъ я незримаго пѣвца, пока онъ замолчалъ или, вѣроятно, уснулъ, — чему и я благоразумно последовалъ. На разсвѣтѣ приснилось мнѣ, будто бы пріѣхалъ въ укрѣпленіе фельд-маршалъ Сакенъ вмѣстѣ съ другомъ своимъ, митрополитомъ кievскимъ Евгеніемъ, и потребовалъ меня къ себѣ. Но такъ-какъ у меня не оказалось солдатскаго облаченія, кромѣ шинели, и то — безъ эпoletы, то, пока нашивали эпoletы, я проснулся, и былъ сердечно радъ этой неудачѣ.

13 іюля.

Сегодня суббота; вѣтеръ все тотъ же — нордъ-вѣсть. Это хорошо. Значитъ, волею-неволею лодка должна дожидаться оренбургской почты. Чѣмъ ближе ко мнѣ это радостное событіе, тѣмъ дѣлаюсь я нетерпѣливѣе и трусливѣе. Семь тяжелыхъ лѣтъ, въ этомъ безвыходномъ заточеніи, мнѣ не казались такъ длинными и страшными, какъ эти послѣдніе дни испытанія. Но все отъ Бога. Заглушивъ въ себѣ, по мѣрѣ возможности, это ядовитое сомнѣніе, я принялся за моего неизмѣннаго друга Либельта и съ наслажденіемъ пробесѣдовалъ съ нимъ до самого вечера. Вечеромъ пошелъ я опять ко второй батарее, въ надеждѣ услышать вчерашняго Баяна. Но вчерашній Баянъ обманулъ мои ожиданія. Я возвратился на огородъ, легъ подъ своей завѣтною вербою, и самъ не знаю, какъ это случилось, — уснулъ и проснулся уже на разсвѣтѣ. Рѣдкое, необыкновенное событіе! Такіе дни и такія событія я долженъ вносить въ мою хронику, потому-что я вообще мало спалъ, а въ послѣдніе дни сонъ рѣшительно меня оставилъ.

14 июля.

Сегодня воскресенье. Вторъ все тотъ же. Не пора ли отойти въ нордъ—осту? О, какъ бы онъ меня обрадовалъ, еслибы хоть къ завтраму отошелъ. Лучше рѣшительный ударъ обуха, нежели тупая деревянная пила ожиданія.

Въ полдень вторъ засвѣжѣлъ и отошелъ къ норду. Добрый знакъ. Сегодня третьи сутки, какъ я не посѣщаль — укрѣпленія. И это теперь мое единственное счастье, что я безнаказанно могу дѣлать такое укрывательство, а чтобы не видѣть еще сутки топорной декорацин мѣстнаго вертепа и рьяныхъ соратниковъ Вакха, я не побрился и не пошелъ къ обѣднѣ. А передъ вечеромъ, во избѣжаніе встрѣчи съ тѣми же соратниками (они по праздникамъ имѣютъ обыкновеніе нарушать спокойствіе обывателей огорода), я, надѣвши чистый бѣлый чехолъ на фуражку и положивши въ карманъ огурецъ и рѣдьку, отправился къ Филемону и Бавкидѣ. Филемонъ, вопреки своему постоянному расположенію духа, былъ не въ духѣ, а Бавкида, вопреки своей постоянной улыбкѣ, была тоже не въ духѣ, даже не показала мнѣ своей новой соломенной шляпки, о которой я слышалъ стороною. Я вспомнилъ пословицу — *не во время гость хуже татарина*, и взялся за фуражку; но Филемонъ остановилъ меня, просилъ садиться и также просилъ свою печальную Бавкиду подать на пробу недавно-полученнаго изъ Астрахани варенья, а самъ принесъ кружку холодной воды, и послѣ первой апробаціи повѣдалъ мнѣ свое новое горе. Неосторожный и жадный лоцманъ, взявшійся представить ему товаръ изъ Астрахани, нагрузилъ свою утлую ладью такъ грузно, что при первомъ свѣжемъ вѣтрѣ долженъ былъ половину груза выбросить въ море. Къ несчастію Филемона и Бавкиды, ихъ товары, состоящіе изъ двухъ ящиковъ горячихъ напитковъ и 30 мѣшковъ муки, лежали на палубѣ, и, разумѣется, первые полетѣли за бортъ. Уцѣлѣли только ничтожныя мелочи, какъ—то: варенья, лимоны, соленые огурцы и соломенная шляпка. Откровенная бесѣда, какъ исповѣдь, умиляетъ наше тоскующее сердце. Старика, рассказывая мнѣ про постигшее ихъ несчастіе, пришли въ свое нормальное положеніе. Филемонъ простодушно началъ врать о какой—то стычкѣ съ французами въ 1812 г., а Бавкида показала мнѣ шляпку и даже мантилью, а на прощаньи подарила мнѣ лимонъ, съ которыми я имѣю

радость сегодня, т. е. въ понедѣльникъ, пить чай, записывая свой визитъ и грустное событіе, совершившееся въ ущербъ торговлѣ моего Филемона и Бавкиды.

Вчера, какъ я сегодня узналъ, не смотря на воскресенье и хорошую погоду, ни одинъ, изъ офцію имѣющихъ, не появлялся на огородѣ. Странная, непонятная антипатія къ благоухающей зелени! Они предпочитаютъ пыль и несносную духоту въ укрѣпленіи прохладной тѣни, цвѣтамъ и свѣжей зелени на огородѣ. Непонятное затвердѣніе органовъ. Настоящіе суровые сыны Беллоны. Одно, чѣмъ я могу растолковать себѣ это отсутствіе обонянія и зрѣнія суровыхъ дѣтей Беллоны, это—всепокоряющая владычица—водочка. На огородѣ, извольте видѣть, хотя и можно пропустить рюмку—другую, потому что самъ наибольшій предлагаетъ, но нельзя нализаться какъ слѣдуетъ, не потому, чтобы это было неприлично, а потому, чтобы не очутиться въ мѣстной *калаліи*. Такъ что же и въ самомъ дѣлѣ за удовольствіе посѣщать огородъ. Не лучше ли дома, втихомолку, нализаться такъ, чтобы въ глазахъ позеленѣло? Вотъ тебѣ и огородъ съ цвѣтами и съ благоуханіемъ!

Независимо отъ этой глубокой политпки, въ великороссійскомъ человѣкѣ есть врожденная антипатія къ зелени, къ этой живой, блестящей зарѣ улыбающейся матери—природы. Великороссійская деревня, это, какъ выразился Гоголь, наваленная куча сѣрыхъ бревенъ, съ черными отверстиями вмѣсто оконъ, вѣчная грязь, вѣчная зима. Прутика зеленого не увидишь, а по сторонамъ непроходимые лѣса зеленѣютъ, а деревня какъ—будто нарочно вырубилась на большую дорогу изъ-подъ тѣни этого непроходимого сада, растянута въ два ряда около большой дороги, выстроила постоянные дворы, а на—отлетѣ часовню и кабачекъ, и ей ничего больше не нужно. Непонятная антипатія къ прелестямъ природы!

Въ Малороссіи совсѣмъ не тó. Тамъ деревня и даже городъ укрыли свои бѣлыя, привѣтливыя хаты въ тѣни черешневыхъ и вишневыхъ садовъ. Тамъ бѣдный, улыбающійся мужикъ окуталъ себя великолѣпною, вѣчно—улыбающеюся природою; поетъ свою унылую, задумчивую пѣсню, въ надеждѣ на лучшее существованіе. О, моя бѣдная, моя прекрасная, моя милая родина! Скоро ли я вздохну твоимъ живительнымъ, сладкимъ воздухомъ? Милосердый Богъ—моя нетлѣнная надежда.

15 июля.

Вѣтеръ все тотъ же—нордъ. Хоть бы на одну четверть румба отошелъ къ осту, все бы мнѣ легче было. Виродолженіи двухлѣтняго плаванія по неизслѣдованному еще Аральскому морю, я одного раза не взглянулъ на компасъ; а въ эти послѣдніе, безконечно—длинные, дни и ночи я изучилъ его во всѣхъ самоатѣйшихъ направленіяхъ. О, вѣтеръ, вѣтеръ! еслибы ты могъ почувствовать моему неусыпному горю, — ты бы еще третьяго—дня отошелъ къ нордъ—осту! и сегодня я бы уже сидѣлъ съ карандашемъ въ рукѣ на палубѣ аргонатовъ татарскаго корабля, идущаго къ берегамъ Колхиды, т. е. Астрахани, и въ послѣдній разъ рисовалъ бы видъ своей тюрьмы. Хорошо, еслибы такъ, а если иначе, — тогда что? Тогда я и самъ не знаю—что.

Вчера вечеромъ обошелъ я два раза укрѣпленіе, и, прійдя на огородъ, прилегъ, усталый подъ своей завѣтною вербою, съ крѣпкимъ намѣреніемъ вздремнуть хоть полчаса. Я уже другіе сутки глазъ не смыкаю. Но Морфей, по обыкновенію, измѣнилъ мнѣ, и я лежалъ себѣ подъ вербою и разстѣянно слушалъ болтовню огородниковъ, недалеко расположившихся на травкѣ. Между ними былъ уральскій казакъ, — онъ—то и владѣлъ разговоромъ, или болтовнею. Послѣ разныхъ случаевъ, случившихся съ разказчикомъ въ разныхъ походахъ, свелъ онъ рѣчь на колдуновъ, мертвецовъ и, наконецъ, и самоубійцъ. Онъ разказалъ исторію о какомъ-то самоубійцѣ, которая меня совершенно не интересовала, но меня заинтересовало релігіозное повѣрье уральскихъ казаковъ о душѣ самоубійцы, которое онъ при этомъ случаѣ разказалъ. Самоубійцу хоронятъ безъ всякихъ церковныхъ обрядовъ, и не на общемъ кладбищѣ, а выносятъ далеко въ поле и закапываютъ какъ падалъ. Въ дни поминовенія усопшихъ, родственники несчастнаго, или просто, добрые люди, выносятъ и посыпаютъ могилу хлѣбнымъ зерномъ, житомъ, пшеницею, ячменемъ и прочая, для того, чтобы птицы клевали это зерно и молили Бога объ отпущеніи грѣховъ несчастному. Какое поэтически-христіанское повѣрье!

На моей памяти, въ Малороссіи, на могилахъ самоубійцъ, совершался обрядъ неменѣе поэтическій и истинно-христіанскій, который однакожь кому—то показался обрядомъ языческимъ, и потому велѣно уничтожить. —

Въ Малороссіи, самоубійць хоронили также въ полѣ, но непременно на перекрестной дорогѣ. Впродолженіи года, идущій и ѣдущій мимо несчастнаго покойника, долженъ былъ что-нибудь бросить на его могилу, — хоть рукавъ рубашки оторвать и бросить, если не случилось чего другого. По истеченіи года, въ день его смерти, а болѣе — въ *зеленую* субботу (на канунъ Троицына дня), сжигаютъ накопившійся хламъ какъ очистительную жертву, служатъ панихиду и ставятъ крестъ на могилѣ несчастнаго.

Можетъ ли быть чище, возвышеннѣе, богоугоднѣе молитва, какъ молитва о душѣ нераскаявшагося грѣшника? Религія христіанская, какъ нѣжная мать, не отвергаетъ даже и преступныхъ дѣтей своихъ, за всѣхъ молится и всѣмъ прощаетъ. А между-тѣмъ, *нѣкоторые* отвергаютъ именно тѣхъ, за которыхъ должны бы молиться. Гдѣ же любовь, завѣщанная намъ на крестѣ нашимъ Спасителемъ-человѣколюбцемъ? И что языческое нашли вы въ этомъ христіанскомъ, всепрощающемъ жертвоприношеніи? — — — — —

Туркменцы и Киргизы святымъ своимъ (*аулае*) не ставятъ, подобно богатырямъ, великолѣпныхъ *абу* (гробницъ): на трупъ святого наваливаютъ безобразную кучу камней, набрасаютъ верблюжьихъ, лошадиныхъ и бараньихъ костей, остатки жертвоприношеній, ставятъ высокій деревянный шестъ, иногда увѣнчанный копьемъ, увѣиваютъ этотъ шестъ разноцвѣтными тряпками, и на томъ оканчиваются замолительныя почести святому. Грѣшнику же, по мѣрѣ оставленнаго имъ богатства, ставятъ болѣе или менѣе великолѣпный памятникъ. Противъ памятника, на двухъ небольшихъ изукрашенныхъ столбикахъ, ставятъ плшки: въ одной, ближніе родственники ягутъ по ночамъ бараній жиръ, а въ другую плшку, днемъ, наливаютъ воду для птичекъ, чтобы птички напившись воды, помолились Богу о душѣ грѣшнаго и любимаго покойника. Безмолвная поэтическая молитва дикаря, въ чистотѣ и возвышенности которой вѣроятно бы *нѣкоторые* усумнились и запретили бы какъ языческое богохуленіе.

НЕ ТАКЪ ЖДАЛОСЯ, ДА ТАКЪ СКЛАЛОСЯ.

I.

Живъ колись у насъ на селі козагъ Степанъ Дубрѡва. Заміж-
най бувъ чоловікъ, сказати: щѡ поля, щѡ скотіни, а найбільшъ—
бджолі. Бувало, хлопцями ще, позбіраємось на *Головосіка* до
Степáнової пасіки: «дідусю, дай меду!» Стара ёго то часомъ и
гримає було на насъ, а старий—ніколи: наріже у миску стельни-
ківъ, та доцці у руки, — а та вже и роздає намъ черезъ тинь
по шматочку.

Зá молоду Дубрѡва чумаковавъ, дакъ тамъ десь, далеко, и одру-
жився. Дѡбра, наче, и людина була ёго жінка, тільки пановита
дуже; вже була стара, а ще подавай їй и спідниці баєві, и юпкі
габзѡвані, зъ мідчанъ, кажуть, була, чи-шо. И до нашого брата,
прѡстого козака, не хилилась якось (невроку їй, нехай царствує),
чубрійми звала:—чубрій, каже. Семья вѣ ёго була чималенька, да
Богъ прибравъ до себе. Я знавъ жінку ёго Стеху, та дочку Хри-
стину. Да живъ у ёго прийміть Микола, — хто й що—святі ёго
знають! Була ревизія,—хлопця й привели до волости, не знаю від-
кілья. Хлопця жило у шпиталі, росло вѣ поводирихъ, да тільки й
знало, що ёго зовуть Миголою. Привели, покинули. Хлопця у ре-
визію записали, а де дітись спроті—людямъ и клопѣть мало. Тра-
пилося Дубрѡві йти коло розправи; дивитця — хлопця и бѡсе и
гѡде, — лупає очіма коло ганокъ да ковтає слѣзи; може — то
сердешне день-деньскій и хлѡба у вічи не бачило. Старий до
хлопця,—мовчить; другі вже розказали; воно тільки такъ жалібно,
каже, дивитця на старѡго. «Такъ якъже воцѡ, панове—громадо,
зъ цїмъ хлопцямъ буде?» питає Дубрѡва. — Записали, кажуть, у ре-
визію: нехай теперъ батька та матері шукає.—«Такъ!» каже Ду-

брóва: «тільки поки сонце зійде, роса очи виість. Кажіть міні, папове, сєго хлопця до сєбе узяти; я буду й ростити, и подушне за єго платити.» — За всі гóлови!—кажуть. Взявъ, отто, Дуброва Миколу до себе, та й виростивъ, — гріхъ сказати, — якъ рідну дитину.

II.

Микола й Христіна росли собі у-купі — и вирости. Любо було й чужому дивитись, якъ пзійдутця вони на роботі: обоє молоденькі, обоє трудящі,—и діло робитця, и пісня лунає. Микола якось бувъ неговірний, все наче сумує, або думає що, а Христіна, якъ та чаєчка, прудка та весела. Посядуть було оддыхати, Христіна, знай, щебече: и хто на юлицю ходить, и хто кохає кого, и коли рушники даватимуть, все таке, вістимо, дівоче; Христіна щебече, Микола слухає, а одно зъ одного й очей не зведе. Старий було часомъ підкрадетця до молодятъ, слухає, слухає, перехристити дітей издалікъ та й піде собі геть, усміхаючись. Гарна була дівчина Христіна, ясноока, чернобрива; и Микола бувъ незгірший парубокъ. Якъ теперъ бачу: високий, на лівій щоді значокъ родимий, поглядъ такий поважний, а діло въ рукахъ кипіло. Настане булò літечко святє: старий коло бджолі, старі зъ дочкою у господі, а на полі Микола зъ наймитомъ порядкує. Вийде, иноді, старий на поле одвідати, — усе якъ слідъ, усе гараздъ, — Микола радіє, якъ дитина рідна.

— Добра въ насъ, жінко, дитина, Микола, — загомонівъ разъ старий до жінки: — роботящий, слухмянний, — и насъ поважає, та й по селу, опрічъ доброго, нічого про его не чути.

— Треба бути роботящимъ, треба бути й слухмяннимъ,—одказує жінка. Не роби, не слухай—проженуть: тоді—куди голову прихиліти?..

— Може воно й такъ, старі, може й не такъ; а Микола, все таки, велика намъ помічъ... Дастъ Богъ єму долю, и ми єму поможемо: великимъ ні-зъ-чого, а півсотні грошей, да пара волівъ, и у насъ найдетця Миколі на новє хазайство.

— Такъ, такъ, старий!... дочка рушники готує... якъ будешъ кожному паровиці зъ півсотнями роздавати—дождеся зятя!..

— А правду кажешъ, старі: воно й лучче, якъ би не давати

Миколі ні паровниці, ни півсотні... поглянь, діти такъ гарно, здається, живуть помігъ собою.

— Дакъ щобъ, — якъ се?

— А тѣкъ: нехай би імъ безъ поділу усе, що ми зъ тобою придбали на віку. Микола—добра дитина—сказати; лучшого зятя намъ би й не треба.

— Схаменись, старий! чи то жъ до діла-таки, єдну дитину віддати за чоловіка, що може де підъ тиномъ на світъ народився?. Христина у насъ, дякувати Господеві, якъ и въ людей: и худоба, и врода... ні, старий, ніяко. Добра дитина!?. треба бути добримъ, нігде дітись; чи батько заступитця, чи мати, чи, може, рідъ поважний, чи худоба велика?.. Не будь добрий,—такъ и слова промовить нікто не захоче.

— Дурень ти еси, —баба! — одказавъ старий жінці.

У Степана така вже вдача була: якъ що не по ёго, вінъ верзикаць довго не буде, — махне рукою: «дурень ти еси, — баба!» — хочъ би то була зовсімъ не баба, а спражній чоловікъ.

III.

У Дуброви бувъ свій лісь, а въ лісі — сінокоси добрі. Діждали Зеленихъ Святъ. «А що, діти». каже старий: «дівоча косовиця настає!» — а тимъ того й треба, — *до сѣю торгу и пішки*. Забрала Христина дівчатъ, та й до лісу; а въ лісі жъ то въ ту пору любо та гарно: бджоли гудуть по вітамъ пахучимъ, соловина пісня горохомъ сплетця по зеленому рясту, а квітокъ, а пташбкъ—рай Божий, та й годі. У насъ що-году: зберутця дівчата, да гуртомъ на сіножаті, да днівъ у два, въ три, зайграшки и повгребають сінокоси и въ того, и въ другого, и въ третёго, ажъ воно й геть добре.

На другий, чи на третій день, стали дівчата до-дому збиратись; воно щобъ и не пора трохи, да Христині тільки до-дому чогось треба.

— А ти, Миколо?—питає Христина.

— Я зъ кіньми тутъ зостанусь,—одказавъ:—а завтра у обідню пору приїду.

— Лучче бъ сёгодні, Миколо: на юлцю пішли бъ; тамъ теперъ такъ весело,—Василівничъ приїхавъ.

— Який Василевичъ?—питає Микола.

— Василя Калюжного, що въ окрузі бувъ — хіба не знаєшъ? — Прихавъ до насъ у розправу писарувати. Не нашихъ парубківъ — сказати: на вигадки та на прикладки, то й пари ёму нема, — у жупані... Прийді Микола!...

Миколу мовъ би вколото що.—Побачу,—каже.

Дівчата пішли спиваючи до-дому, а Микола у лісі zostавсь; ходить козака, — самъ не свій, наче у москалі зібрався. Смеркло.— Поприпинай, Грицю, дошять, та й на коней поглядай, — каже Микола наймитові: а я піду віса одвідаю въ ярузі, щобъ часомъ спашу небуло. Пійшовъ, да мабутъ, заблудивъ сердега: опинивсь не въ ярузі, а прямисінько на юлиці коло дівчатъ.

— Микола..! що це ёму сталося?.. на-силу!.. закричали дівчата.

Поздоровивсь Микола зъ дівчатами; дивитця—поміжъ дівчатами парубічка, — въ жупанині, — на голові козиръ. — Оце-то воно... гмъ!... Сівъ. Співн, реготъ, — звісно—юлиця; а писаръ, якъ те шило: одну обніме, другу поцілує,—часинки не посидить тихо: такъ и шинпорить усюди... а найбільшъ залицяетця до Христини. Обізветця який парубокъ, — вінъ заразъ и пришне квітку: дівчатамъ реготъ, парубкові соромъ... Посидівъ Микола, подививсь — «прощайте, дівчата!»

— Миколо, не втікай! ще рано,—просють дівчата.

— Крамного—немного,—обізвавсь по панськи писаръ.

— Нехай же тебе, Миколо, вовки ззіять,—закричали дівчата, коли — нехочешъ гуляти зъ нами.

— Чого доброго!—приложивъ писаръ,—бо вінъ бараномъ пахне. — Дівчата зареготали.

Повівивъ голову Микола, иде; ёму й байдуже, що тамъ глужуть зъ ёго. Вийшовъ за царину; пахнувъ зъ поля свіжій вітерець—Микола ніби прочувсь. Постоявъ—постоявъ.... «вернись!» каже: «може се вопа такъ, може се воно нічого; розпитаю про все, розкажу про все, чи такъ, чи не такъ:—нехай буду знати свою долю. «Пришовъ до воріть—не засунуті; вінъ сівъ на колодці, — ждє. Колі такъ, геть—геть уже, бубонить щось по юлиці — вінъ за ліску й сховався; ближче — Христина зъ писаремъ, — постали підъ ворітьми. Писаръ такъ любенько заводить... Слуха Микола.

— Ні,—каже Христина — ніяко: побачать люде, осудять; лучче виходъ на юлицю—на юлиці побачимось и поговоримо.

— Моя перспілочко! при людяхъ я не хочу. та й неваренъ розказати, якъ вірно та широко тебе люблю; а въ садочку, Христіно, опрїчь соловейка, нікого нема, ніхто й не побачить, ніхто й не осудить. Посядимо любенько підъ вишенькою, підъ рястомъ пахучимъ: нехай собі співа соловейко; а я бъ тобі усє розказавъ, Христіно, все: що въ мене й на думці, що въ мене й на серці... вийди, моя ясочко!...

— Побачу,—каже, да й стрибнула у ворота.

— Постривай же, серце, поцілюю, ще разъ—ще....

— Оце,—каже,—якъ тобі се ціловання,—та й заснула ворота.

— Побачу!.... гмь.... — пробурчавъ усміхаючись писарь, — вийдеш! зъ носа видно!—Викресавъ огню на люльку, та й потягъ назадъ, співаючи.

Піднявся Микола. Місячко вже гень-гень височенько. По небу блакитному хмари пилїї тихесенько, да білолицїї, якъ той лебедь у хвілю на озері, то вирпнає міжъ імц, то потопає; а на селі тихо-тихо, наче й душі живої нема. Дивитця Микола, кругомъ озираетця, ніби не второпає дє віпъ, и якъ? Злігъ на лісу, постоявъ, постоявъ, здихнувъ важко, та й поплентавсь сердека до гаю.

IV.

Христинї минуло шостнадцять; розвілася, росцвілася дівчина якъ квіточка рожева. Мати було й очей не зводить зъ любої дитини. «Зіропъко моя вечірняя, крале моя ясноока, тобі й чоловіка немає у нашому селі — чубрії все», частенько, було, говорить своїй доїї стара, жалуючи. «Чи таки жъ припадає оттакимъ білимъ ручїцямъ піклуватись коло мужицького діла?... Багато паробівъ, багато й матерокъ закидали око на Христину, да не знали зъ якої й підступити. Дуброва на багатство не вповавъ,—це всі знали; знали и те, що Дуброва любить Миколу якъ рідну дитину. А проте и Микола бувъ такий парубокъ, що хоть би й хотївъ чимъ зганити — не зумієшъ.

— Міні здаєтця, старий, чи не лучче бъ намъ уже Миколу поблагословити на всі чотирі,—каже разъ жінка Степану:—виростили, викохали — нехай зъ Богомъ иде у люде, да шугає собі долі, а то кожде думає, що ми въ зяті єго собі готуємо. Христинї найдутця хороші люде.

— Пошли, Господи,—каже старий.—Тільби я спершу казавъ и теперъ кажу: луччого намъ зятя не треба, якъ Микола; коли и дітямъ пошле Господь любовъ да совіть, я за иншого дочкы не дамъ.

— Отцёго вже, старий, не буде.

— Даруй, Господи, щобъ було.

— Не буде.

— Побачимо...

— Побачимо!... такъ—бачь, чого твій Микола якъ сичъ той, ставъ похожати, що слова не добьесся.... Ажъ и вінъ, мабуть, задумавъ у чужімъ добрі господарювати,—побачимо!

Такъ було й частенько. А Микола не знає и не відає, що за ёго, сироту, безъ ёго вини, недобре поміжъ старими заводитця. Приїде зъ поля, візьме що треба, та й зновъ на поле. Вістимо—літо; літомъ хліборобова хата—степъ широкий. То бувъ небалакливий, а то й ище лучче мовчавъ, да тільки не господарство въ чужімъ добрі, а инши думки збавили речи козакові....

Разъ—такъ—приносить Христина обідати Миколі на поле. Сіди підъ возомъ, а Микола—чи їсти, чи не їсти.

— Якій ти невеселий ставъ, Миколо,—озвалась Христина: и на виду змарнієть... може, нездужаєшь?

— Богъ милувавъ по котрій часъ,—каже.

— У тебе, Миколо, щось недобре на думці, та не кажешъ,—недобрий ставъ. Мати казали, що ти скоро покинешъ насъ, — не впадай, Миколо!

— Я покину? кого? васъ?

— Непадай, Миколо! укупі зросли, укупі и жити. Може, тебе щоденна ся праця сушить; я—такі батькові казала, що десь Миколі и оддыхати не треба — усе на роботі, усе на роботі.... Та не довіку, Миколо, будемъ день при дні працевати: я останнє літо оце хожу по полю, да піклуюсь ніби крепачка гіркая. Буде, дасть Богъ, скоро и хата съ кімнатою, и їсти и пити и хороше ходити; и ти, Миколо, знайдешъ собі пару, та й будемо жити люленько укупці!...

— А ти собі хіба найшла вже, Христино?

— Я? ні... одказала Христина, та й почирвоніла.

— А відкіля жъ се на тебе такий панський вітеръ віє?..

Христина ще й більше почирвоніла.

— Не соромайся мене, Христіно! коли ти кого щиро полюбила и тебе тежъ, я перший радітиму твоїй долі.

— Спасибі тобі, Миколо. И мати радіють, що, може, скоро я не буду мужпчкою...

Микола здихну́въ. Посідили, ще поговорили, Христіна за горшки, та й до-дому.

Оставсь Микола; проважає очима Христіну, й очей не зведе; а вона поспішає співаючи до-дому, да якъ та перепілочка, здаєтця, и ніжками до землі не черпаєтця. Христіни вже давно и не видно, а Микола стоїть, дивитця.... потімъ утеръ рукавомъ очь, да й зновъ за со́ху—ншви добрувати.

Ү.

— Не гніви Бога, стара: за що-таки ти Миколу такъ обіждаєш?—обізвався одного разу старий Дуброва до жінки.—Лучче спроту зъ двора прогнати, а ніжъ докоряти ёму кускомъ хліба. Чи вінъ же ёго даромъ ість у насъ? Поглянь-лишь, який вінъ на видъ ставъ... кам'яна́ душа—и та бъ пожаліла.

— А чи можна жъ зтерпіти, коли твій Микола обезглуздів зовсімъ?.. *Ему кажі—тату, а вінъ каже—кату,*—якъ навіженій... Коли не мусишь до ладу діла робити, такъ и хліба чужого не їжъ.

А Микола, справді, паче збожеволівъ: ёму треба у Чернєщину, а вінъ опинитця у Шкрабовці, — поїде по сніо, а ліківъ привезе. Заманулось разъ старому одвілати на поле,—сіяли жито. Приходить—Микола сіе.—Помогай Бігъ, Миколо!—«Спасибі, дядьку.» Старий ближче,—ажъ Микола сіе гречку. Дивитця старий на Миколу, а той блідий—блідий... куді тутъ лайки!... пригорнувъ ёго:—Миколо, сирото мій безталанний! прости мене, мій голубе! тяжко, бачу, виходить тобі хлібъ мій, моя дитино.... Микола счепивъ руки: «Дядьку! я... мині!...» Годі, годі, Миколо,—каже старій: не журись, не плачь,—усе буде якъ слідъ, усе буде гараздъ...—а вь самбого такъ и котятця зъ старихъ очей слёзи.

Гірке життя стадо Миколі: одно те що Христіна.... а друге — мати. Такъ и ість, такъ и ість наче іржа зелізо. Обізветця часомъ старій—куді!

— Погане въ ісь жпття,—нехай де лучче шукає:—не привьязаний!—каже жінк.

Дождали Покрви. Сидять такъ разъ у вечері, и діла ніякого не роблять, и реч нема, коли забрехало на двірні. Трохи згодомъ, увіходить двое судівъ, поважні люде, у новихъ свитахъ, красними поясами підперезаі, у одного підъ правницею хлібъ у білій хустині. Поздоровались, привітались. — «Покланялись вамъ, кажуть гости, Василь и Василика счастьямъ та здоровьямъ та хлібомъ святимъ.»

Стара заслад білою скатертиною стіль, просить дорогихъ гостей до покутя; такъ весела, говірка, и запіканой поставила на стіль кубшечку. Сидть, гуторять про се да про те, звичайно, якъ свати.

— Дакъ яъ воно буде, пане Степане?

— А такъ буде,—каже Степанъ: — покланяйтесь и відъ насъ Василю и Василиці счастьямъ та здоровьямъ, дякуйте за їх ласку, та повагу шшу, панове. Хліба святого не цураємось, а дочки цей годъ не оддаъ,—молода. Більшъ погуляе, луччимъ згадае батька старого.

Чого вж не робили, що не говорили, на Степана наче пеня московська напала: не оддамъ до году, та й не оддамъ; съ тимъ свати й до дому повернулись.

Старі і руки попустила; не придумає, не пригадає, якъ—такъ за такого юловіка якъ писаръ — дочки не оддати: — се не чубрїй який! перий чоловік у селі, судить и рядить якъ знає, кожному прийдеця до ёго съ покірною.... «Обезглуздівъ, каже, «старий та й годі Да не буде жъ и по ёго, не дїжде й прибуда моімъ вятемъ бїти!...»

Зробилась хата Степанова гіршъ пєкла. День-у-день сварка, та лайка, та слєзи; а що вже терпівъ Микола — Господи! Нехай би стар, а то й доня; и тїй мати натруудила—чого знала; довельсь Миколі и одъ Христини терпіти и речі недобрїі, и зневагу. А того вінъ ждавъ?... Того серце сподівалося? Глянешъ було на паробка — серце щимить. Усі знали що вінъ терпівъ у Дуброви, а щобъ вінъ ставъ на кого жалковатись—ні въ світі!

VI.

— Бачъ, старий, на мое й вишло! Отъ тобі й добра дитина! бачъ, яка добра! якъ водивъ старці да ночувавъ по-підъ тинью,

такъ тоді п дядечко и тіточко, п сухі и немаані; а вигохали да впростили, згинувъ якъ харцизіяка, и спасибі за хлібъ-сілъ нашу не сказавъ... Мовчишъ, старий? не любо праву слухати?

А Микола п справді згинувъ. День, два — нема. Коли такъ, тижишъ у два чи-що, прийшла до волости бумага за Миколу; почувъ старий, да мерщій туди, питає: що? якъ?

— Иде, кажуть, вашъ Микола охотою у мскалі, — такъ начальство учинило запросъ: що вінъ п якъ?

— Такъ якъ?

— Громада одвістила, що препяствія не имієця, а що Микола добра людина. Здихнувъ старий: «добра людина, промовивъ, тяжко добра»!...

Почула п стара зъ дочкою: раді-раді! думка, — теперь старому нічого пручатись, а старий все-таки своє: не 'ддамъ до году, та й не 'ддамъ, и то ще, каже, коли покнише писарувати.

— Да схаменись старий, чога це ти коверзуєшь подумаѣ, яні люде! Богъ дає дитині долю, а вінъ — нехай покнише писарувати! Писарь—первий чоловік у селі; Христинна за імъ якъ у Бога за дверми житиме: п дома панство, и въ людяхъ повага, на хвості не посадять, да п намъ кожде голову схилить.—А дтѣ п доня пристане: п таточку п голубчику, не губи своєі дитини единої, лучче мнѣ зъ мосту та въ воду, піжъ зъ иишимъ дружитись.

Якъ до стіни!

Дождали *Амитра*.—Якъже хочешъ,—домовляєця сара: буде каяття, та не буде вороття; дождєся ти, старий, лихо, години, гіркими слізьми заплачєшь на старости віку... плачь тоді на свою голову!... Та й почала щось на вуха шептати.... Старий ажъ здригнувъ. Побілівъ, побілівъ: «необачная ти мати,» каже, та й заплакавъ.... А черезъ тиждень, чи-що, молодихъ п перевітали.

Якъ понуривъ старий Дуброва голову, такъ п весілля не могло. Пють гуляють у хаті, а Дуброва ходить по дворі смутний ти мовчущий. На другий день, чи на третій, весілляні юіхали у Шаболтасівку, верстовъ шість, коли знаєте, у перезву тамъ дячко живъ молодого, а дома старий зъ паймитомъ zostався. Обіднѣі такъ пори, сидить Дуброва кінець стола, сумує, — коли рпшули двері. Піднявъ старий голову.

— Москаль! Микола! — Скочивъ дідъ та до ёго: зрадівъ, -зрадівъ! то цілує, то христитъ; спитає одно, друге, та зновъ на-юво.

— Мене, дядьку, вибрали у гвардієнці,—каже, Микола: гонять у Петенбурхъ; такъ я ублагавъ старшого, спасибі ёму, та й прийшовъ одвідати васъ, та подякувати за хлібъ-сіть вашу, дядьку.

— Добре, Миколо, добре, спасибі... Та який жэ ти красний ставъ, мій голубе!...

— Трохи нездужавъ, каже. Звісно,—п люде незнакомі, и порядки не ті... поки привикнувъ.

— Такъ, такъ,—каже Дуброва, хптаючи головою: поки привикнувъ,—эгé....

Старий, здаеця, на все забувъ, мовъ повеселішавъ: розказуе Миколі и те и друге. Заспівали півні. «Отъже я зъ-дуру и геть загурторивсь зъ тобою, Миколо, а тобі зъ дороги и одпочити бъ треба; лягай же, спну, абб-що.

Переночували. «Такъ якъже оце, Миколо, непобачивши моїхъ и йдешъ,—каже старий, дивлячись що той вже лаштуеця у дорогу.

— Нехай імъ Богъ дае щастя та здоровья,—каже Микола: и радъби побачити, та не можна,—на три дні тільки пущено. Чого ни робивъ старий—не можна та й неможна.

— Молись же Богу, Миколо! — Одбнвъ Микола три поклони, одбивъ три поклони и Дуброва старий.

Потімъ знявъ зъ божниці образъ невеличкий: «ході сюди, Миколо.» Микола підступивъ, ставъ на вколінки. «Благослови тебе Боже, якъ я благословляю тебе, люба дитино моя! пошли тобі, Господи, вікъ довгий, розумъ добрий та долю щасливу»... схопивъ за голову, ще хотівъ щось казати, та й не сказавъ за слёзами.

— Слухай же, Миколо, що я тобі, може, въ останній разъ, казатиму. Бійся Бога, не бійся труда, не обіждай мѣншого. Отцей гаманецъ,—тутъ сто рублівъ — возьми; се не плата за твою працю въ моїмъ добрі—Богъ тобі заплатить за твою щирю правду!.. Не пручайсь, Миколо,—возьми; необіждай хоть ти мене на сторести віку. Знаю,—поки ти здоровъ, чужі гроши тобі не въ жадібку, да на віку усяко буває, моя дитино. Боронить тебе Богъ одъ немочи, або іншого лиха несподіваного,—оддай ці гроши за упокой души; ти си рота, Миколо, умрешъ,—такъ и помянути нікому.

Помолились Богу ще разъ, пойшли. Впйшли за царину—»Прощай, Миколо«, каже старий, »не забувай що я казавъ тобі. *Не такъ ждалося, да такъ склалося*: Божа воля!«...

Попрощались; старий пішовъ до дому, а Микола своєю дорогою.

Іде сердека, а на полі—ні душі живої. Зійшовъ на Кручківъ—Грудъ, що коло дороги,—степъ, кругомъ степъ. Весело дивитись на степи наши безкраї, любо козацькій душі оглядати те широке роздолья степове, тільки не тоді, якъ немає въ тебе на світі ні хатини, ні родини; на степу широкімъ, безрідному сироті у-двоє важче его сирітство. Поглянувъ Микола округи, поглянувъ на село, де звіковавъ вікъ свій молодий, на хатки знакомі, на садки вшпневі, и гірко, гірко заплакавъ.

VII.

Минуло годівъ десять, чи й лучче. У дворі старого Дуброви господарює писаръ Калюжний,—я двіръ не той зробився: те повалене, друге похилене, наче й хазяїна у дворі немає. Оженившись, писаръ спершу потроху, а потімъ и геть, ставъ пить. Старий було часто благає зятя: »покинь, сину, писарувати: писарство цеє до добра не доведе!« Зять би, може, й послухавъ, коли жъ старá... тій панство, да шаноба людська на умі. За життя старого ще й туди-сюди було, а якъ умеръ, пішло по-паньській. Наведе було зять день у день гостей: щобъ и те було, щобъ и друге було, а де его взяти—ему и горенька мало. Годівъ черезъ шість и старий вічну пам'ять заспівали: старий ранше Богу душу оддавъ. Зосталась на господарстві Христина съ чоловікомъ, и дітками Богъ благословивъ; а тутъ—и те треба и другого нема, а хазяїство зъ недогляду небагато давало. Чоловікъ зъ ранку до вечора у розправі, а въ вечері хочъ и тутъ, дакъ же такий, що ні любові одъ его, ні совіту, ні слова ласкавого. Кинетця було Христина по хазяїству сама, дакъ щожъ? одна голова за все... друге—діти дрібніи, и коло нихъ треба, а чоловікъ не звикъ, бачъ, до мужицького діла. Нема чого,—думати довго не буде,—нивку по боку.

Сидить такъ разъ Христина у хаті, сумує, латаючи сорочечки дітямъ. »Господи, каже, чп не лихо яке ще крадетця до мене! на серці мовъ гадина вьетця...« коли сусідка на двері: »Христино, серце, лишенько твоїй головоцьці!..« Христина такъ и обмертвіла. »Везуть твого чоловіка у турму, вже въ путо закований.« І нестямплась Христина, якъ прибігла до розправи. Благає, плаче: »не можно, каже стацоний, начальство велить. Твій чоловікъ, голубко, фалшиві пашпорти постачавъ, да и суми *обчеської* недоста́ча.« Чого вже

ни робила сердешна, щобъ якъ—небудь одзволить чоловіка, худобу ростратила, здоровья занастила, а чоловікъ все-таки пішовъ туди, де козамъ рогг правлять.

Зосталась молодиця, якъ тамъ у пісні співають: ні солдацькою жоною, ні мужнію удовою — бодай нікому хрещеному такъ не зоставатись!...

У годъ такъ, чп въ два, пішли москалі черезъ наше село, становилися на ночліги. Кому треба їхъ, кому й нетреба, усюди налізло. Ви, може, бачили коли, якъ поведуть їхъ по селу по кватеряхъ?— кумедія! Кожний такъ п дивитця, дё більши хаті, або двірѣ, туди прямує, а того й не зна бідолаха, що зъ великого двора часомъ и миши повтікалп. Коло Дубровного двору трохи небились, кажуть, думка-то: «оттуть можна и питесьнямъ и іденьнямъ підживитись» — о бодай васъ! »бувъ квась, якъ кажуть, та небуло васъ, а настало квасило, дакъ и васъ розносило!»

Переночували, пішли. — Подивись, мамо, що це таке? — каже старша дочка Христині, подавши ремінний гаманець.

— Де ти взяла, доню?

— Мету хату, коли лежить підъ лавкою, де москаль ночувавъ.

— Положи жъ, — каже, — підъ горщокъ, на полицю: вернетця москаль—оддасп. Не бійся, вінъ не битиме.

— Вінъ не сердитий, мамо. Учора вибігла я зъ хати, а москаль сидить на призьбі—злякалась такъ!— а вінъ до мене: »не бійся, каже, дитино, не бійсь,« та до мене; узявъ за руку, пита: де твій батько, де мати. Батька, кажу, на Сибірѣ задали, а мати въ кімнаті лежить — нездужають. И про діда питавъ, да такий ласкавий, мамо, такъ усе любо дивитця мині въ вічі.

— Добра якась людина, спасибі ему; и вечеряти не дали, а вінъ и слова поганого не сказавъ.

— А сёгодні, мамо, ранецько, ми дивимось зъ печи черезъ комінъ, що то москаль робитиме, а москаль дивитця черезъ щілочку въ кімнату, де ви лежите, довго дививсь, потімъ ставъ Богу молитись, а слёзи ему такъ и ринуть зъ очей. Може й москалеві, мамо, жалко стало, що ви нездужаете.

Вже й півдня—нема москаля; день, два—нема. «Подай мині, допю, той гаманъ, що москаль забувъ,» каже Христина: що воно таке?« Розвязала—гроши, перелічила—сто рублівъ. Чудно Христині, що така велика сума, а москаля немає; тиждень и другий—нема.

Візьме Христина гамань у руки, дивитця-дивитця... де вона ёго бачила?..

— Чи ти бь угадала, доню, того москаля, що бувъ у насъ на квартирі?

— Угадала бь, мамо. Високий, чорнявий, вуси такі великі.

— А на виду, нічого въ его немає?

— Нічого нема — на лівій щоці значокъ тагъ невеличкий, чогось.

Здихнула Христина, тяжко здихнула. »Мамо, мамо, каже, прости тобі Боже, на тїмъ світі, за мою и за ёго нещасливу долю!«

Сь того часу Христина все піби дождала кого. Вечіръ зайде— Христина повкладає більшихъ спати, а сама за ворота зь малою дитиною. Було и геть и геть мислченько підійметця въ-гору, а Христина усе сидить за ворітьми да въ кінець юлиці поглядає. А про москаля більшъ и чутти не було.

П. Кузьменко.

Писано 1861 р.
въ Попорниці.

АНТІНЬ МИХАЙЛОВИЧЪ ТАНСЬКІЙ.

(Легенда).

Давно се діялось, ще тогді, якъ гетьмани заправляли Україною, живъ на Вкраїні славний лицаръ, вельможний панъ, полковникъ кїевскій, Антїнь Михайловичъ Танській. Багато було у ёго людей и худоби; багато земель, селъ и хуторівъ подарувавъ ёму царь Петро; багато накупувавъ Танській, узявши за жінкою, Параскою Палівною, посаху дві куфи польского золота и сїбла, а ще бїльшъ однявъ вишь, гвалтомъ, одъ убогихъ козаківъ и посполитихъ.

Знали и поважали Танського въ Україні и Польщі; ходила чутка про ёго щедрість и прихїльнїсть до ври православної и по далекихъ земляхъ турецькихъ, де ворогъ Христа мордує християнина.

Частенько відтія, зъ обителєй сербськихъ и болгарськихъ, а найбїльшъ зъ гори Ахвонської, приїздили до насъ, на Україну, ченьц и ніколи не вертались додому безъ багатїхъ дарівъ; щедро надїлявъ побожний українець своїхъ безталаннихъ братівъ. Чи мало попередававъ и Танській грошей и подарунківъ на Ахвонську гору; имя ёго помнялось тамъ міжъ *строителями и благодворителями храма сего*.

Разъ, якось, велика халепа постигла Ахвонську обїтель. Ватага навїженихъ бїсурманівъ поруйновала церкви, пообїрала ризи зъ иконъ и забрала церковний скарбъ. Ченьці поховались по горахъ, да байракахъ, а якъ одїшли вороги, зїбрались на руїнахъ плакати, да сумувати.

«Не журітця, діти,» почавъ сивий якъ голубъ пгумень: «отчаяние—великий грїхъ! Се намъ за наши грїхи пославъ Господь; не плачете, бо ще живуть въ Москвѣцїни и Україні божї души,—вони пособлять намъ и, може, коли божа милость, зновъ во славу ёго одправ-

лятимемъ службу на нашій святій горі». Благословивъ вінъ трохъ ченцівъ и пославъ ихъ у Москву и на Україну.

Холодуло серце земляківъ нашихъ, слушаючи оповідання ченцівъ. Останній шельгъ давала имъ бідна удова; повною жменею сипавъ вельможний панъ золото у чернечн капшуки; церквн и монастирі давали свої сосуди; Антінъ Танській подарувавъ барило червіщівъ. У ёго ховали мннхи свій скарбъ и зновъ розходились, щобъ зібрати щё більше. Дивовався Танській, дивлючись на те золото: «уся моя худоба», думавъ вінъ, «не винесе проти сёго». Заздрість и скнарість дерла ёго за серце.... Отъ, привезли ченьці и остатні гроши, щобъ зібрати усе до купи и у ранці рўшити за грядицю. Підійшовъ Танській підъ благословенне и привітавъ ихъ, якъ дорогихъ гостей.

Настала нічъ. Позаспнали ченьці, а Танській не спить: ходить и ходить вінъ по світлиці и думає тяжку думу. Передъ світомъ кличе вінъ до себе слугъ своїхъ, братівъ Петра да Семена Недовірківъ и Матвія Скарбовського.

«Здорові були, вірні мої слуги,» — озвався до їхъ панъ, да наче не своїмъ голосомъ. «У ранці поїдете ви у слідъ за ченьцями; велика фія на Дніпрі, часомъ потоплять; дивіться-жъ, щобъ були цілі їхъ гроші. Молитимемось за їхъ души, а гроші отдасте міні!»

Знає Танській кому й казати такі речн. Обидва брати—перехрещені Татаре, а Скарбовській—недоляшокъ; служивъ вінъ, колись, у гетьмана Потоцького, якъ той ходивъ підъ Хвастівъ, укравъ у его гроші, утікъ до Палія, и переказавъ ему де стоять Ляхи. Несподівано наставъ Палій на Ляхівъ и вирубавъ ихъ у пень, а Скарбовського при собі зоставивъ.

—Добре, пане! — одказали слуги.

«Якъ буде усе гараздъ,» каже Танській, — «зроблю васъ сотниками и кожному подарую по хутору».

Поїхали у-ранці ченьці; поїхали за ними и кати їхъ; наздогнали їхъ коло Дніпра, повязали імъ руки, та й укнули зъ кручи у воду; забрали гроші и привезли до Танського. Справдивъ Танській свое слово: зробивъ ихъ сотниками, подарувавъ маєтности, да й стявъ імъ голови у поході, буцімъ-то за зраду.

Думавъ Танській, що й не дознаютьця люде, де досягъ вінъ таку силу грошей, одначе Бигъ не попустивъ. Потонули два ченьці, а

третій бувъ чоловікъ великої сили, порвавъ вінъ вервечки и перепливъ Дніпро. Довго, безъ грошей и хліба, блукавъ вінъ по чужіхъ земляхъ, покi дійшовъ до Ахвонської гори и розказавъ, якъ що було.

Самъ игумень поїхавъ на Україну.

Прїїздить вінъ до Танського, та й почавъ на самоті коріти ёго: Душегубче! татю! заанапастивъ ти еси души християнскі, проливъ кровъ неповинну, обокравъ церкву Божу. Покайся ще поки часъ! Оддай тії гроши, що втаївъ, та йди служити Богу:—може вінъ ще помилує тебе.

«Які гроши?» питає Танській: «одкасились, божевілний старче.»

Тяжко заплакавъ старій игумень,—бачить вінъ, що дияволь опановавъ душею Танського:—Оддай хочъ половину, коли не хочеш покаятись. Оддай хочъ сосуди церковні!»

«Не дамъ тобі нічого, бо нема у мене ні грошей, ни сосудівъ вашихъ,» одказавъ ёму Танській.

Перехрестився старій игумень, та й одїїшовъ собі. Ставъ на високій могилі и припородно паложивъ на Танського таку клятву:

— За те, що Антїнь Танській заанапастивъ неповинні душі, втаївъ церковні гроши, земля ёго неприїматиме; добро ёго придбає неправдою, счезне, *яко воскъ отъ лица оиля*, перейде якъ чужимъ людямъ, и рідъ ёго нанівічъ зведетця.

Сумно стало людямъ, якъ почувли такі речі; одніъ тільки Танській не йме імъ віри, псе, бенкетує, и дере людей ще горій. Такъ и вмеръ, не покаявшись.

Поховали ёго синні; ще не вспіли и добромъ поділитись, якъ щось страшне почало діятись. Тільки-що зайде сонце и трохи притемніє, якъ изъ домовини вилазить старій полковникъ: борода по поясъ, очи палають пекельнымъ огнемъ, зъ рота поломя сапле, права рука на серці, вь лівій перначъ держить и ходить ажъ поки півні не заспівають, а тоді застогне такъ що чубъ у гору лізе,—и зновъ ляговитця вь домовину.

Думали-гадали синні, що імъ робити,—бачуть, що правду казавъ пророкъ-игумень. Позвали печерського архимандрита, розкопали могилу, ажъ лежить старій Танській, неначе живий,—тільки борода одросла и кігті повиростали. Узяли синні осиковий кілъ и пробіли Танського

наскрізь, а архимандритъ прочитавъ молитву и положивъ закладте, щобъ не виходивъ більшъ изъ домовнии.

И теперъ старі люди показують ту могилу, де проклявъ Танського игумень; да часомъ, опівночи, щось страшно, страшно стогне підъ землею, неначе терпить несказанну муку.

Митро Озельковичъ.

СНП.

Стоить сосна одинока
 На голій вершині
 И, подъ снігомъ, на півночі,
 Снитця сиротині
 Все полудень ясний, теплий,
 Долина глибока,
 Та джерела живучі,
 Та пальма висока.

Ст. Руданський.

МОИ ВОСПОМІНАНІЯ.

II.

До прїѣзда матушки, я провелъ нѣсколько дней въ совершенномъ уединеніи; за исключеніемъ Григоровича, я не видѣлъ никого изъ соудей, не имѣя самъ охоты ѣздить съ визитами. Но какъ только возвратилась матушка, все пошло иначе. На другой же день, за обѣдомъ, у насъ сидѣло человѣкъ пятнадцать. Я не былъ знакомъ рѣшительно ни съ однимъ изъ гостей, и мнѣ предстояла тяжелая необходимость выдержать напоръ всевозможныхъ любезностей, на которыя я не зналъ что отвѣчать. Я принялъ за-благо отмалчиваться, и оставался нѣмъ какъ рыба. Какой-то господинъ, очень толстый, должно быть, служившій когда-то въ военной службѣ, схватилъ меня въ свои мощныя объятія, изцѣловалъ все мое лицо, и объявилъ, что я — рѣдкій мужчина, что, по его словамъ, было ужъ очевидно и тогда, когда я еще находился на рукахъ няни. Тутъ же, въ видѣ компли-мента, толстякъ прибавилъ, что такаа дама, какъ моя матушка, не иначе могла разрѣшиться отъ бремени, какъ молодцомъ-мужичиной или красавицей-дочерью. Вопросамъ не было конца: нѣкоторые по молодости моей, приводили меня въ сильное смущеніе. Всего неприятнѣе показались мнѣ распросы о видахъ, какіе я имѣю относительно моей будущности, намѣренъ ли я вступитъ въ службу, или жить въ деревнѣ, заниматься хозяйствомъ?, предпочту ли я военную службу гражданской, или наоборотъ? и если я не буду служить, то думаю ли скорѣе жениться, или расчтываю еще пожить на волѣ, не заводясь своимъ домкомъ?—А впрочемъ, (прибавляя,) если жениться, то за этимъ дѣломъ у насъ не станетъ: стѣбитъ не то—сказать, а подумать, и невѣсты налетятъ какъ вороны на падаля, —замѣтилъ сидѣвшій противъ меня господинъ, съ огромными претензіями на остроуміе.

Барышни, слышавшія это, сильно краснѣли и опускали очи долу, почти за каждымъ словомъ. Тяжелъ былъ для меня этотъ день,—безжалостно разбивала каждая его минута, одинъ за другимъ, идеалы, которые еще носились въ моемъ воображеніи. Увы! не было никакого подобія между тѣми лицами, которыя торчали передъ моими глазами, и тѣми козаками, которые такъ плѣнили меня когда-то. Въмѣсто открытыхъ, добродушныхъ и, въ то же время, мужественныхъ людей, о которыхъ сохранилась память въ народныхъ преданіяхъ, я очутился въ толпѣ жалкихъ ихъ потомковъ съ лицами — или высушенными до-нельзя, или же толстыми, расплывшимися до возбужденія въ свѣжестъ человѣкъ тошноты. Заспанные, испитыя, фіолетоваго цвѣта, съ выраженіемъ или лукавства и готовности на всякую мерзость, или же съ выраженіемъ лѣни, тупоумія, плотоугодія,—люди эти, если не возбуждали противъ себя негодования и злобы, то ужъ непремѣнно заставляли отвернуться и грустно задуматься. Все это собраніе толковало о чинахъ, объ орденахъ, о наградахъ и штрафахъ, объ обѣдахъ, ужинахъ, карточной игрѣ, водкѣ, женщинахъ—въ ихъ смыслѣ, и т. п.

Все это были или чиновники, недумавшіе, впрочемъ, нисколько о службѣ, а рассчитывавшіе только на выгодныя дѣла, или помѣщики, изъ отставныхъ, уже ровно ни о чемъ недумавшіе, толковавшіе вѣчно о пулякахъ да о роберахъ, погрузившіеся окончательно въ ѣду и питье, предоставившіе управленіе своими имѣніями мошенникамъ-прикащикамъ, умѣвшимъ побольше сдирать съ крестьянъ, немѣвшимъ и малѣйшаго понятія о правильномъ хозяйствѣ, непривыкшіе мыслить о чемъ-либо дѣльномъ, дѣйствовавшіе по какому-то особому вдохновенію, нападавшему на нихъ за зеленымъ столомъ, или за жирнымъ обѣдомъ. Между гостей, бывшихъ тогда у матушки, я замѣтилъ одного только человѣка, непрічастнаго, повидимому, къ этой шайкѣ. Но онъ, по-большей-части, молчалъ, мало вмѣшивался въ разговоръ, и на разные выходы, относившіеся къ нему, какъ усердному любителю женскаго общества, отвѣчалъ коротко или не отвѣчалъ вовсе. Объ немъ я расскажу послѣ.

Меня непріятно удивляло равнодушіе, съ какимъ матушка выслушивала все пошлости, говорившіяся безъ-умолку. Она охотно смѣялась, охотно поддакивала гостямъ, когда они обращались ко мнѣ, и рассказала сама нѣсколько случаевъ изъ моей жизни, которые, по ея мнѣнію, могли возвысить меня въ глазахъ собравшейся публики.

Когда кончился обѣдъ, и до-отвала накушавшіеся гости встали изъ-

за стола, матушка поручила мнѣ *занять* мужичищъ, ушедшихъ на другую половину. *Занять* значило позаботиться о томъ, чтобъ они поскорѣ ушли за карты. Обрадовавшись этому обстоятельству, я рассчитывалъ уйти къ себѣ и нѣсколько отдохнуть отъ той тяжести, которую чувствовалъ послѣ трехъ часовъ, проведенныхъ въ обществѣ, обычаямъ и привычкамъ котораго я былъ чуждъ. Два столика вскорѣ раскрылись. вмѣстѣ съ картами и мѣломъ, поставили по двѣ бутылки наливки на каждомъ. Черезъ нѣсколько минутъ, сквозь дымъ, поднявшійся отъ 8 трубокъ, въ комнатѣ ничего не было видно, и только неистовые возгласы игравшихъ, отъ времени до времени, оглашали комнату. Отдѣлавшись, такимъ образомъ, отъ половины гостей, я поспѣшилъ убраться въ свою комнату. Но не тутъ-то было. Сперва явился ко мнѣ два господина, немѣвшіе партіи, и, извинясь, что обезпокоили меня, попросили позволенія маленько соснуть. Я провелъ ихъ въ другую комнату, и заперъ за ними дверь.

— Ну, слава Богу!—подумалъ я:—теперь, кажется, всё имѣютъ дѣло, и оставятъ меня въ покоѣ.—Но я ошибся: снова позвали меня къ *гостямъ*, именемъ матушки. Печего было дѣлать, — пошелъ я. Войдя въ гостиную, я засталъ довольно интересную сцену: одна изъ посѣтительницъ, стоя посреди комнаты, выкидывала какія-то отчаянныя *па*, работая ногами съ замѣчательною для ея лѣтъ быстротою и ловкостью. Я остановился у двери и вполне могъ полюбоваться и граціей почтенной дамы, и множествомъ навершенныхъ на нее грязныхъ юбокъ, и непривлекательными ногами. Зрѣлище этого рода было для меня совершенно ново; присутствовавшія поощряли актрису усердными смѣхомъ; я не зналъ что мнѣ дѣлать, и нужно ли было мнѣ тутъ тутъ остаться или уйти. По окончаніи таща, нѣсколько похожаго на качучу, мнѣ объяснили, что эта дѣвица (я, по незнакомію, судя по лѣтамъ, принялъ ее сначала за даму,) представляла, какъ на последнемъ балѣ тащовала одна знакомая. Нѣсколько голосовъ, когда общій смѣхъ немного утихъ, подтвердили, что Катенька, (помянутую танцовщицу звали Катей, хотя она имѣла полное право обидѣться этому уменьшительнымъ и потребовать, чтобы ее звали, прилично ея лѣтамъ, полнымъ именемъ) подтвердили, что Катенька необыкновенно-вѣрно представляла какую-то даму, и что развѣ только ноги подымала нѣсколько выше, чѣмъ того требовала строгая истина.

На столѣ, между тѣмъ, явился обильный десертъ. Чего тутъ не было! чѣмъ-то гомерическимъ дышалъ этотъ десертъ. На огромнѣйшемъ

подносъ, который съ трудомъ можно было обнять обѣими руками, наставлено было такое множество сухихъ и жидкихъ варешій и другихъ сластей, что городскому жителю поглощеніе всѣхъ этихъ яствъ казалось рѣшительно невозможнымъ. Тарелки, тарелочки, блюдечки, корзиночки были наполнены вареньямъ, по крайней мѣрѣ, пяти сортовъ, сахарными и медовыми, фруктами свѣжими, засушенными, и засахаренными изумительно-вкуснымъ образомъ; разнаго рода ягоды, красивыми горками, были разложены на мисочкахъ изображавшихъ виноградные листья; орѣхи всѣхъ странъ также занимали тутъ не послѣднее мѣсто.

По приглашенію матушки, все женское общество разомъ поднялось съ мѣсть, и прекрасныя посѣтительницы обступили столъ непреступной стѣною. Барышни съ особеннымъ усердіемъ хватились за орѣхи и тѣ части десерта, которыя можно было положить въ карманы и кушать, потомъ, расхаживая въ саду и по комнатамъ, Оживленный разговоръ, между-тѣмъ, не прекращался ни на мнуну. Дамы были необыкновенно-бойки на языкъ, говорили почти всѣ разомъ, пересыпая свой разговоръ дружнымъ смѣхомъ. Дѣвица Катенька оказалась не менѣе искусною въ діалектикѣ, какъ и въ хореграфическомъ искусствѣ. Эта особа, вообще, была одна изъ замѣчательнѣйшихъ личностей нашего уѣзда и играла въ немъ довольно важную роль. Кто не желалъ испортить свою карьеру въ уѣздномъ кругу, тому необходимо было состоять съ нею въ хорошихъ отношеніяхъ; кто попадалъ къ ней въ немилость, для того все погибло! Живость природнаго ума, краснорѣчіе и насмѣшки Катерины Петровны, умѣвшей подмѣчать въ своей жертвѣ малѣйшіе недостатки и слабости, скоро повергали ее во прахъ какъ бы ни былъ высокъ пьедесталъ ея, и все общество, въ-особенности—женщины, лгало предъ этимъ цензоромъ въ юбкѣ, показывая своему бичу живѣйшую дружбу.

Послѣ десерта матушка поручила мнѣ проводить въ садъ трехъ миленькихъ барышень. Я и смутился и отчасти обрадовался этому порученію: свѣжій воздухъ былъ очень кетати послѣ комнатной духоты и шума въ гостиниѣ. Двѣ изъ трехъ дѣвицъ въ самомъ дѣлѣ были очень милостивныя брѣнетки; онѣ были бы еще милѣе, еслибъ ихъ не научили жеманству. Гуляли мы довольно долго. Я, подъ-вечеръ, сталъ развязнѣе и былъ *любезенъ*. Мои шутки не разъ заставляли барышень смѣяться отъ души; онѣ скоро освоились со мной до-того, что одна изъ нихъ, посмѣяте, назвала меня даже шалуномъ и спросила, не *сочиняю* ли я стихи. Я отвѣчалъ утвердительно.

Это ихъ очень заняло; и кончилось тѣмъ, что съ меня взяли слово прѣхать къ нимъ, и написать что-нибудь *на память*, но при этомъ, одна изъявила опасеніе, чтобъ я не сочинилъ на нихъ критики. Впрочемъ, я разсѣялъ эти опасенія, увѣривъ ихъ, что воспѣваю только одни достоинства прекраснаго пола и смотрю очень снисходительно на его недостатки. Уставши порядочно, мы возвратились, наконецъ, въ гостинную, гдѣ, на столѣ, шипѣлъ уже огромный самоваръ. Продолжительная прогулка наша вызвала нѣсколько тонкихъ замѣчаній и ея-мековъ, на которые мы не обратили вниманія; но когда матушка назвала меня *хомякомъ* и изъявила заботу, не скучали ли барышни въ моемъ сообществѣ, то онѣ хоромъ объявили, что совершенно *напротивъ*, что, *напротивъ того*, онѣ провели время очень пріятно, и что, *напротивъ*, онѣ боятся, не скучалъ ли я съ ними. При этомъ, одна нѣжная мамаша нѣжно поцѣловала въ лобъ свою дочь и погладила ее по головкѣ. Безполезно, думаю, говорить, что я, съ своей стороны, объявилъ, какъ пріятна была для меня прогулка.

Чай тянулся истерпимо долго, такъ-какъ мужичины, все еще играшіе въ карты, пили по пяти и шести стакановъ. Я прошелъ къ игравшимъ. Дымная атмосфера, попрежнему, густою массою наполнила комнату. Протерши глаза, я наконецъ разсмотрѣлъ, что одинъ столъ уже опустѣлъ и всѣ столпились къ другому, на которомъ стояли стаканы съ чаемъ и бутылка съ ромомъ. Гигантъ—исправникъ держалъ банкъ; столпившіеся понтеры, медленно вытягивали изъ колоды карты, вскрикивали, по временамъ, *атаде!*, горячились, пзрѣдка, довольно выразительно, бранили валега и даже даму, которая, по мнѣнію извѣстнаго остряка, была просто подлая изъѣвница. Исправникъ, очевидно, металъ очень-удачно: круглое, лоснящееся лицо его и маленькіе глазки, заплывшіе жиромъ, блистали довольствомъ, а физиономіи понтеровъ, напротивъ, были надуты и сумрачны. Григоровичъ, также явившійся вечеромъ,—сидѣлъ у стола съ взерошенными волосами, раскраснѣвшійся, но съ тою же неподвижностью мускуловъ въ лицѣ, судорожно выдергивалъ карты, ставилъ, снималъ со стола и рвалъ, приговаривая только: «туда къ чорту!» Стряпчій, бывшій тутъ, хотя и не принималъ участія въ игрѣ, но сочувствовалъ исправнику; онъ усердно слѣдилъ за картами, засунувъ два пальца въ ротъ и одобрительно качалъ головой всякій разъ, когда брала карта исправничья.

Въ полночь, начали готовить къ ужину. Въ часъ сѣли за столъ. Ужинъ отличался отъ обѣда рѣзко видомъ кушаньевъ, но

не количествомъ. Бли и шли столько же, но разговоры были нѣсколько другіе: вниманіе сосредоточивалось на огромномъ вышгрышѣ исправника, простирившемся до 400 р. Исправницу это очень обрадовало; она не могла скрыть своего удовольствія и безпрестанно шепталась съ дочерью, сидѣвшими около нея, вѣроятно— о новыхъ бурнуссахъ, платьяхъ или шляпкахъ, на которыя теперь можно было рассчитывать. Къ концу ужина лошади стояли уже у крыльца; начали прощаться, и эта церемонія братской нѣжности тянулась не менѣе получаса. Съ дамами я вѣжливо раскланялся, а барышнямъ, съ которыми гулять, подавъ руку; мнѣ отвѣтили дружескимъ двукратнымъ пожатіемъ. «Браво!» подумать я: «вотъ что значитъ быть *социнителемъ!*...» — — —

На другой день я проснулся съ головной болью отъ вчерашняго дыма, пустаго говора и суеты, произведенной въ нашемъ домѣ пафѣдомъ гостей. Мнѣ стало грустно. То было первое мое знакомство съ обществомъ, посреди котораго я долженъ былъ провести годъ, два, а можетъ—быть, и больше, смотря по обстоятельствамъ. Передъ глазами у меня носились еще образы вчерашнихъ поспѣтителей, въ ушахъ раздавались нестовые возгласы за картами, вскрикиванья и хохотъ дамъ за десертомъ; 40 лѣтняя Катешка еще плясала передо мной качучу, и воображеніе вытягивало безконечную цѣпь дней, которыя приходилось мнѣ проводить такимъ безобразнымъ образомъ. Вотъ во что разрѣшились мои мечтанія, вся таинственность и призрачность, такъ долго тревожившія мое воображеніе! Какое безотрадное разочарованіе! какая жалкая дѣйствительность! Что тутъ было дѣлать? Спокойно отказать отъ идеаловъ и благоразумно примириться съ фактомъ несомнѣннымъ и неизбѣжнымъ? Но это было слишкомъ тяжело, это было выше силъ моихъ; для этого нужно было отречься отъ вѣрованія во что—то лучшее, безъ чего, казалось, невозможна для меня и самая жизнь. Я готовъ былъ обвинять самого—себя, свою нетерпимость, непроницательность, и рѣшился употребить все старанія, чтобъ отыскать на роднѣ ту прелесть, которая такъ недавно еще меня плѣнила. Я видѣлъ до-сихъ—поръ одно неестественное, болѣзненное; я долженъ найти народный поэтический первообразъ во всей его чистотѣ, и посредствомъ его — примиреніе со зломъ неизбѣжнымъ, но временнымъ. Съ помощью такихъ разсужденій, мнѣ удалось убаюкать себя и поведать.

Поспѣшивъ одѣться, я вышелъ въ садъ. Чудный воздухъ и безд-

на ягоды, на которыя я попалъ съ ожесточеніемъ, подѣйствовали на меня еще успокоительнѣе. Еще было рано, но матушка уже хлопотала въ саду около варенья. Ласково встрѣтивъ меня, она съ любовью поглядѣла на свое сокровище, (такъ она меня называла), нѣжно поцѣловала въ лобъ и предложила остаться съ нею. Я усѣлся на травѣ у ея ногъ и разговаривая съ матушкой, сталъ наблюдать за шипящимъ въ тазикѣ сиропомъ и дрожащимъ надъ жаровней воздухомъ. Писемный Ондрій, въ фартукѣ, съ полотенцемъ на лѣвой рукѣ и съ большой серебряной ложкой въ правой, выставивъ немного впередъ одну ногу, стоялъ поодаль и съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ, изъ-подъ густо-нависшихъ своихъ бровей, за вареньемъ. Когда накипавшая пѣна густо затягивала варенье, онъ, медленно прикасаясь къ ней вѣшней стороной ложки, снималъ ее и собиралъ въ блюдечко; иногда подносилъ онъ тазикъ къ матушкѣ, которая дѣлала какое-нибудь замѣчаніе, впрочемъ, всегда несогласное съ мнѣніемъ Ондрія, обыкновенно одерживавшаго верхъ, въ рѣшеніи спорныхъ вопросовъ. Все было тихо кругомъ; солнце подымалось выше; птички начинали стихать, — только ѳволги живо и сладострастно перекликались въ рощѣ и *вишнякъ*, да дятель изрѣдка долбилъ дерево. Но вотъ, жаръ усилился, — припекло. Ондрій обтеръ полонъ сюртука потъ, проступившій на его лысинѣ, отдулся и отошелъ дальше, въ тѣнь.

— Ты бѣ, Ондрій, снялъ сюртукъ, — сказала матушка.

Ондрій ничего не отвѣчалъ, пошевелилъ ложкой и остался какъ былъ.

Мухи, осы и шершни неотвязно кружились возлѣ варенья. Ондрій называлъ ихъ *шельмовскими*, но потихоньку, безъ малѣйшей злобы. Все располагало къ тѣни и миру. Вдругъ трешетка, которою садовникъ пугалъ птицъ, объѣдавшихъ ягоды, затрещала такъ громко и неожиданно, что мы вздрогнули. Вдали *заковала* кукушка. Ондрій насчиталъ 3 разъ, и вздохнулъ: пему было жалъ разставаться съ жизнью.

— Жарко! — сказала матушка, махая платкомъ. Я мысленно согласился съ нею, но не сказалъ ни слова: хорошо было сидѣть и молчать, подъ лучами жаркаго солнца.

Накопецъ Ондрій снялъ тазикъ съ жаровни, помѣшалъ варенье ложкой, и объявилъ, что уже сварилось.

— Слава Богу! — замѣтила матушка. Пойдемъ въ комнаты, — обратилась она ко мнѣ.

— А больше не будемъ варить? — спросилъ Ондрій.

— Богъ съ нимъ, — отвѣчала матушка.

— А крыжовникъ надо бы приварить,—отозвался опять Ондрій.

— Охъ, нѣтъ, жарко,—сказала матушка.—Вари самъ, коли хочешь, а я пойду. Пойдемъ.

Мы встали и пошли; Ондрій остался, довольный тѣмъ, что его мнѣніе уважено. Я не замѣтилъ, какъ во мнѣ все улеглось, усемирилось, и въ эту минуту не понималъ, какъ я могъ до такой степени сердиться и огорчаться. Я былъ, казалось, всемъ доволенъ: мнѣ было такъ хорошо! Впечатлѣніе этого утра осталось во мнѣ навсегда. А что собственно въ немъ было хорошаго, трудно объяснить себѣ, а еще труднѣе рассказать. Этому хорошему, но невыразимому, я думаю, все отдается безогчетно и бессознательно. Въ такія минуты только чувствуется, а ни о чемъ не думается. Это что-то неуловимое, легкое какъ дымъ. Оно отлетаетъ отъ насъ незамѣтно, безвозвратно, и нѣтъ возможности удержать его.

Но подходя къ дому, я чувствовалъ, что съ каждымъ шагомъ теряю частицу прежнихъ ощущений; упоеніе проходило; комнаты и запахъ пироговъ приготовленныхъ намъ на завтракъ, напомнили мнѣ вчерашнихъ гостей и всю прозу дѣйствительности, которая и не замедлила показать себя.

Только-что приступилъ я къ завтраку, какъ пріѣхалъ гость. Это былъ господинъ довольно толстый, большаго роста, съ красными, дрожавшими щеками и съ носомъ, напоминавшимъ огурецъ, подъ которымъ разрослись огромные черные усы, слегка помѣченные сѣдиною. Одѣтъ онъ былъ неопрятно и даже грязно. Ходилъ онъ точно опасаясь, чтобъ подъ нимъ не подломилась земля. Въ лѣвой рукѣ у него былъ длинный чубукъ и шолковый, офицерскій, кнестъ.

Гость этотъ — никто иной, какъ тотъ самый острякъ, съ которымъ я познакомился на-капушѣ, по имени — Ардалионъ Карповичъ, по фамиліи — Росоха. Говорилъ Росоха плавно и, по его мнѣнію, краснорѣчиво; то и другое качество пріобрѣтены имъ вслѣдствіе постоянного упражненія, ибо молчать онъ тогда, когда спать, или такъ пьшиъ, что не поворотить языкомъ. Последнее случается не рѣдко. Какую роль играетъ онъ въ обществѣ Гнильскаго уѣзда, (иашъ уѣздный городъ иыывается Гнилымъ), опредѣлить это довольно трудно.

Ардalionъ Карповичъ имѣлъ, когда-то, очень хорошее состояніе и служилъ въ кавалерійскомъ полку. Ему теперь лѣтъ за пятьдесятъ; слѣдовательно, молодымъ былъ онъ давно. Любилъ онъ жить *хорошо*, чему доказательствомъ служить, между прочимъ, и то, что

имѣніе его, въ сосѣдней губерніи, пришло въ такой жалкій видъ, что онъ даже и не жилъ въ немъ, а переѣхалъ въ нашу губернію и поселился въ нашемъ городѣ, у одной сорокалѣтней вдовы — приятельки. Молодость свою Росоха провелъ очень бурно. Умный, ловкій порядочно, по тогдашнему, образованный, онъ пользовался репутаціею прекраснаго молодаго человѣка и, что еще лучше, выгоднаго жениха. Женатъ, впрочемъ, никогда не былъ, хотя дѣлалъ невѣроятныя побѣды надъ нѣжными женскими сердцами. Дрался раза три, на дуэли, съ оскорбленными мужьями, и наводилъ такой страхъ на маменекъ, что, говорятъ, онѣ запрещали дочерямъ произносить его имя, хотя сами вели нескончаемые переговоры, черезъ ловкихъ дамъ, насчетъ брака. Но, благодаря его изобрѣтательной, дерзкой натурѣ, ему весело жилось и безъ жены. Украсть изъ пансіона, разомъ, нѣсколько пансіонерокъ было для него дѣломъ весьма-обыкновеннымъ. Безъ приключеній онъ не могъ жить. Женщины, карты, вино, а въ промежуткахъ, ѣзда на жидяхъ, изъ одной деревни въ другую, — это называлъ Ардалионъ Карповичъ *жизнью*. Молодыя дамы, къ полному отчаянію мужей, были отъ него безъ ума и, ради его, готовы на всевозможныя жертвы. Одинъ разъ, когда варварамъ—мужьямъ удалось засадить Ардалиола Карповича на гауптвахту, дамы цѣлымъ соборомъ явились къ полковнику просить о помилованіи ихъ идола. Полковникъ помиловалъ, выпустилъ Росоху, а онъ, вмѣсто благодарности, исчезъ куда-то на нѣсколько дней, и явился въ полковую квартиру съ какой-то женщиной, которую долго скрывалъ отъ любопытныхъ взоровъ. Стали даже поговаривать, что онъ женился на ней. Но Росоха былъ не таковъ. Однажды задалъ онъ великолѣпную *сечеринку*, на которую созвалъ весь полкъ. Послѣ ужина онъ вывелъ свою любовницу, показалъ ее гостямъ, а на другой день о ней и слуху небыло. Это была какая-то княжна, необыкновенная красавица, влюбившаяся въ Росоху дотогу, что согласилась бѣжать съ нимъ; когда онъ ее бросилъ, несчастная ушла въ монастырь.

Такъ провелъ молодость Росоха. Между тѣмъ, состояніе его и здоровье разстроились. Забравшись въ долги по-уши, онъ долженъ былъ продать свои имѣнія одно за другимъ. Безъ денегъ, взлѣпшійся и пресыщенный удовольствіями, онъ вышелъ въ отставку тридцати лѣтъ, но, послѣ буйной военной жизни, деревня ему показалась скучною; онъ началъ пить, продолжая, по временамъ, играть по маленькой. Водка неблагопріятно подѣйствовала на его наружность.

Прежде красивое лицо его обвисло и обрюзгло; подъ глазами являлись мѣшочки; самые глаза потеряли блескъ и ту силу взгляда, которыми такъ плѣняли когда-то. Женщины стали отворачиваться отъ него, подсмѣиваться, дѣлать намеки на то, что время побѣдъ его уже прошло. Одна бойкая барыня пошла еще дальше: выслушавъ любовное объясненіе, она назначила ему свиданіе, но, въ бесѣдкѣ, вмѣсто барыни, его встрѣтила ея горничная.

Такая выходка, конечно, взбѣсила его; онъ вздумалъ отомстить, но месть вышла неудачная, плоская.

Его попросили не ѣздить въ домъ, и намекнули на розги. Великолѣпный когда-то Росоха смолчалъ. Видя, что женщины отъ него отступились, онъ попробовалъ пристать къ мужчинамъ. Тутъ сначала ему удалось сдѣлаться героемъ попойекъ, особенно между провинціальною молодежью, смотрѣвшею на него съ нѣкоторымъ уваженіемъ. Но и это амбула занималъ онъ недолго. Анекдоты его и рассказы о своей молодости скоро избились и надоѣли всѣмъ до такой степени, что ихъ перестали слушать и обращались къ нему съ видомъ покровительства. Каждый считалъ долгомъ подшутить на его счетъ; ни тѣни деликатности уже не было въ обращеніи его знакомыхъ. Между тѣмъ, ему стукнуло сорокъ; сѣдина начала пробиваться; кости стали побаливать; незамѣтно подкрадывалась старость. Оглянувся Росоха—состоянія нѣтъ, денегъ — тоже, прежней силы и воли — какъ не бывало; со всѣхъ сторонъ намеки, насмѣшки, грубости; чуть онъ на порогъ, ему тотчасъ предлагаютъ рюмку водки, просятъ, для потѣхи, кувыркнуть, или ногою ухо почесать.

Что оставалось дѣлать? Подумалъ-было Ардалионъ Карповичъ пулю въ лобъ пустить, но повертѣлъ, повергъ пистолетъ да и спряталъ, — духу не хватило. Запереться въ четырехъ стѣнахъ, никуда не показываться... но для этого нужно чѣмъ-нибудь заняться, а это было для него труднѣе нежели застрѣлиться... Запилъ Росоха съ горя. Часто уже видѣли его шатающимся, болтающимъ страшную чепуху, и когда онъ завирался, его безъ церемоніи брали подъ руки, вводили изъ гостиной и укладывали спать, подъ присмотромъ прислуги. Это окончательно скрутило Росоху, онъ продалъ что могъ, купилъ что было понеобходимѣе, взялъ съ собою кучера да козачка, и убрался изъ своей губерніи въ нашъ уѣздъ, гдѣ у него были какіе-то родственники. Жилъ онъ нѣсколько времени, переѣзжалъ отъ одного къ другому, а наконецъ познакомился съ Марьей Ивашовой, вдовой

титулярнаго совѣтника, сошелся съ нею да и поселился въ ея домѣ, на ея хлѣбахъ.

Такъ—какъ уѣздъ нашъ отличается необыкновенною терпимостью и снисхожденіемъ къ слабостямъ человѣческимъ, то и Росоху принялъ радушно. Онъ сдѣлался непремѣннымъ членомъ всякихъ собраній, официальныхъ и неофициальныхъ, другомъ каждаго дома, гдѣ бывалъ, вѣстникомъ всякихъ новостей, общимъ кумомъ, словомъ—получилъ право полнаго гражданина. Вотъ и повеселился немножко Ардалионъ Карповичъ, бодрѣе сталъ и развѣзжаетъ на сѣрой тройкѣ по уѣзду.

Въ этотъ періодъ коловратной жизни, я познакомился съ Росохой.

Ардалионъ Карповичъ подошелъ къ матушкѣ, поцѣловалъ у ней руку, потомъ поздоровался со мной, и видимо нагруженный малою толпкою, усѣлся въ углу, набилъ трубку, выскѣкъ огня и закурилъ.

— А что, Ардалионъ Карповичъ, можетъ быть водочки выпили-бы,—обратилась къ нему матушка.

— *Способенъ*,—отвѣчалъ Росоха.

Принесли водку. Росоха выпилъ, крикнулъ, закурилъ хлѣбомъ, еще выпилъ и крикнулъ, и снова закурилъ трубку.

— Что новенькаго?—спросила матушка.

— Да чтоже можетъ быть новаго, сударыня... ничего. Проигралъ вчера десять палковыхъ.

— Какъ не стыдно играть,—наставительно замѣтила матушка.

Росоха пустилъ сквозь зубы нѣчто въ родѣ свиста.

— Не могу, сударыня, никакъ не могу. Къ тому же, вчера такой вечеръ вышелъ. Были мы у исправника, а этотъ барабанъ непремѣнно затѣветъ штось. Я таки сначала отказывался, да нельзя: пристап дураки: играй, братъ,—почему не играешь?—ну, и игралъ, и проигралъ,—протяжно проговорилъ Ардалионъ Карповичъ.

— А вы играете, молодой человѣкъ?—обратился онъ ко мнѣ, немного помолчавъ.

Я отвѣчалъ отрицательно.

— И прекрасно дѣлаете. А я играю, и водку пью, и буду пить и играть, пока живъ.

Въ этомъ, впрочемъ, нельзя было и сомнѣваться.

— Вы, вѣдь, въ университетѣ воспитывались?—опять обратился ко мнѣ Росоха.

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Знаю, знаю. Были у насъ въ полку и ушверпететскіе—плюхе-съ, я вамъ скажу. У нихъ, тамъ, все какіе-то казамбуры да финтифлюшки, да категоріи, а чтобъ души—этого нѣтъ. Все какъ-то имъ не нравится, свысока у нихъ все... Понимаемъ мы это... А я, доложу вамъ, человѣкъ съ душой, товарища люблю. Да что! за товарища, бывало, на чорта полѣзу,—да-съ!.. Былъ у насъ поручикъ Ергаковъ—душа-человѣкъ, да дуракъ! Вы думаете, онъ дуракъ былъ? нѣтъ, онъ былъ не дуракъ,—золотая голова, да малый горячій, не умѣлъ держаться. Стоялъ нашъ полкъ въ Польшѣ; это было въ 38 году. Ну, Польша, знаете, бѣдовья: такихъ брелоковъ пустить, такъ подѣдетъ, что ни рукой, ни ногой. Вотъ, попался мой Ергаковъ къ какой-то паннѣ Юзѣ. Вляпался человѣкъ да, и только! А она злодѣйка, себѣ на умѣ: дай-ка, думаетъ, женю я тебя на себѣ. Хаживала она къ офицерамъ. Меня тогда не было въ полку, въ командпровкѣ былъ; пріѣзжаю,—говорятъ: Васька Ергаковъ женится.—На комъ?—«На Юзѣ».—На Юзкѣ?! Когда свадьба?—«Тогда-то». А его эскадронъ стоялъ вереть за 20. Пошелъ я къ полковнику, отпрапортовалъ, выпался да на другой день—туда. Прискакалъ къ нему на квартиру,—спрашиваю у денщика: гдѣ Василій Петровичъ? «Въ церкви,» говоритъ.—Зачѣмъ?—«Вѣчаютъ нынче». Я, сгоряча, далъ ему въ зубы, да въ церковь. Смотрю—эта скотища стоитъ и ожидаетъ невѣсту. Я къ нему:—что ты тутъ дѣлаешь?—«Женюсь», говоритъ.—Женишься? нѣтъ, братъ, шалишь: полковникъ зоветъ, сію минуту велѣтъ ѣхать. Ёдемъ!—Тотъ, было, туда-сюда: какъ, молъ, можно, сейчасъ невѣста пріѣдетъ.—Не сейчасъ,—говорю ему,—а сію минуту: понимаешь?—За руки его, въ телѣгу и маршъ! Привезъ къ себѣ на квартиру да какъ распекъ, такъ онъ послѣ во всю жизнь былъ благодаренъ... Вотъ это значитъ: товарищъ! человѣкъ, значитъ. А ученыхъ не люблю,—воля ваша...

«Чтоже—Юзка?»—спросилъ я.

— Юзка, бестія, утѣшилась, и другихъ стала ловить, по прежнему...

Матушка ушла; мы остались вдвоемъ.

— Вы, я знаю, про себя скотиной меня называете, а я вамъ говорю, что я человѣкъ съ душой. Я, вотъ, пойду,—водки еще выпью. Вы скажете: пьяница—какъ вамъ угодно, а у меня сердце есть, душа! Я, вѣдь, книгъ не читаю, не вѣрю имъ, а еслибъ захотѣлъ, такъ самъ бы сочинялъ, да зачѣмъ?.. не хочу. Я уважаю

вашу матушку, это я всѣмъ скажу; а что я водки выпью, такъ она за это въ претензіи не будетъ. Мы тоже *жили*: да какъ жили! А теперь нѣтъ ничего... все судьба!

Ардальонъ Карповичъ выпилъ водки и долго еще болталъ въ этомъ же родѣ, пока не позвали обѣдать. Отъ вина онъ отказался, объяснивъ, что вина не пьеть; зато водку и наливку пилъ такъ усердно, что, вставъ изъ-за стола, не совсѣмъ уже твердо держался на ногахъ.

— Вы думаете, что вы женитесь, такъ и человѣкомъ будете?— ни съ того ни съ сего заговорилъ онъ ко мнѣ.—А я вотъ, не женился и не женюсь никогда... а я—жилъ! Теперь нѣтъ ничего!.. судьба!.. Ну, чтожь? Пропаду,—а я не обидѣлъ никого... А друзья—подлецы! обманули!.. а обижать все-таки не надо,—Богъ съ ними! Вы думаете, я не любилъ?? Любилъ! и меня любили, и теперь всё любить; а что я проигралъ десять карбованцевъ—наплевать я на нихъ хочу. Да-съ!.. Прощайте!—также неожиданно заключилъ Ардальонъ Карповичъ, какъ и началъ.

— Куда это вы,—Богъ съ вами!—заговорила матушка.

— Не могу, Анна Федоровна, ей Богу не могу! Прощайте!... Кума—имянинища.

— Какая кума?

— А высоченская попадья... какъ же, кума! *Дітей христинъ, ажъ трохъ*,—объяснилъ Росоха, и уѣхалъ.

Такъ кончился еще одинъ изъ первыхъ дней моего пребыванія въ Малороссіи. Мною овладѣла невыразимая, невыносимая тоска. Я весь былъ проникнутъ тяжелымъ сознаніемъ того, что такъ глубоко почувствовано и такъ сильно высказано нашимъ великимъ *Кобзаремъ*:

Україно, Україно!
Оце твої діті,—
Твої квіти молодні...
и прочая.

Ка—па.

I.

УКРАЇНА ДО СИНІВЪ.

(Читано на бенкеті, давнїмъ публичне у Полтаві, въ день знесення крѣпачтва, 19 Лютого 1861-го року.)

Довго Матірѣ синівъ своїхъ
Слізми обливала, —
Сѣго часу щасливого
Довго дождала.
Діждалася.... Свою Матірѣ
Послухайте жъ діти:
«Тую пляму народнюю
«Ділами зітріте!
«Творіть волю Господнюю:
«Въ добрі спійте, діти!
«Покажіть, що въ Україні
«Столітня негода
«Не здоліла осквернити
«Правого народа...
«Голі діти, хата бідна,
«Соломьяна стріха,
«Чисте серце, віра въ Бога
«Щ розмова тиха....
«Не на наше племь ляже
«Сбромъ тій неволі:
«Діди ваші умірали
«За святую волю;
«Ваша матірѣ—Україна
«Вся огнемъ пала...

«Така доля... встала кривда
 «Й правду затоптала.
 «На велику працю, діти!
 «Въ далѣку дорогу! —
 «Те, що снитця, будувати
 «Помолввшись Богу!
 «Те що снитця, колись, може,
 «И правдою стане — — —
 «А до того... праці, діти,
 «Праці дужої й науки
 «Україні треба.
 «Зъ Богомъ, діти! хто вірує
 «Той все переможе!
 «Учітєся, крєпїтєся,
 «Хай вамъ Богъ поможе.

Полтава, 1861 р.

II.

Въ мене серце до любви,
 Біле личко, чорні брови.
 Що робила—мати знала,
 Въ скриняхъ скарбу принадбала.
 И вишневий е садочокъ,
 Зъ шістью крилами млинбчовъ,
 Хата біла, гаї у полі —
 Не жалкую я на долю!
 Вмію голосно співати,
 Тугу въ серці розганяти;
 Мовъ ті зорі — очі сяють,
 Коло мене хлопці грають, —
 Та нема, нема нікого
 Надъ козака молодого:
 Вінъ на скарби не вважає, —
 Вінъ за тє мене кохає,
 Що у мене чорні брови,
 Въ мене серце до любви.

Полтава, 1860 р.

III.

ВЕСНА НА ХУТОРІ.

Потéпліло; сонце сяє,
 Травка зеленіє;
 Жайворонокъ вже співає;
 Нагідки й шавлія,
 Чорнобривці и кануперъ
 Схолять—божі квіти, —
 И гріютьця проти сонця
 Босéнькні діти,
 И бабуся до унуківъ
 Старéнька смієця;
 Надъ малими ластівочка
 На-округі вьєця;
 За горóдомъ, на цáрині,
 Плигають ягнята,
 По-надъ річкою жовтіють
 Малі гусенята;
 Міжъ вербами синесенька
 Пливе Ворскла — річка;
 Ось, на ліпниі, й гніздечко
 Мостить божа птичка;
 Гудуть бджóли у садочку,
 Чутн пісню зъ поля.....
 Такъ, здаєця, що й щастлива
 Хліборóба доля;
 Такъ здаєця!.... подівисся —
 Якъ въ божому раю,
 Такъ-то вéсело и гарно
 У нашому краю!

Ой колибъ не тая думка
 Серце рзэрпвала,
 Ой колибъ же оттіхъ пісéнь
 Мати не співала, —

Оттіхъ пісень тяжкихъ—тяжкихъ,
 Що ажъ серце вьяне, —
 Тоді, може бь, я й повіривъ,
 Що правда настане;
 Оі колибъ до тебе въ хату,
 Мій добрий сусідо,
 Не ходила біда люта
 Та не гнула діда,
 Не сушила молодиці,
 Дітобъ не губила, —
 Тоді бь, може, милий крāju,
 Душа не боліла!...

С. Нижні Млини. Весною 1861 р.

В. Куликъ.

ОСТАННЯ ВОЛЯ.

Якъ умру я,—на могилі
 Вербу посадіте:
 Най широко роскинутця
 Плакучіі віти;
 Одрадшіте мні буде
 Въ самоті лежати,
 Буде легше підъ землею
 Въ холодочку спати...
 Що повіе вітрець теплий,
 Вербу заколише,
 То й на мене ріднимъ духомъ
 Пахнє и задіше;
 И я знову пригадаю
 Вірную дружину,
 Знову серцемъ привітаю
 Рідну Україну, —
 Привітаю, забажая,
 Щобъ и ій щастило,
 Щобъ сонечко її гріло,
 И не заходіло....

1861 р.

А. Навроцький.

ОБІДЪ У ВЕДМЕДЯ.

(Байка).

Ведмідь обідъ дававъ;
 Зібравъ вінъ не одну рідню свою ведмідівъ:
 Кликнувъ и другихъ ще сусідівъ,
 Хто тільки въ лісі бувъ, усіхъ вінъ позивавъ.
 Чи то були родини, чи помники,
 А тільки сей обідъ ведмідь задавъ на диво:
 Яке було м'ясиво!
 Якихъ не їли стравъ! и що пили горілки!..
 Ведмідь п'янешкий бувъ, и дружбу заходивсь
 Доказувать гостямъ: співавъ їмъ многі літи,
 А кончивши обідъ, пішовъ писать мисліти
 Й навприядки пустивсь:
 Лісиця, глянувши, сплеснула ажъ лапками:
 «Ейбогу молодця! чи бачь, які прудкі!
 «Михайло Івановичъ! Эге! такъ ви такі?
 «Якъ той метеличокъ! зъ якими тропаками!
 «Небачивши сама, невірилабъ нізащо...»
 Тутъ щось у—бігъ їй—торкъ!
 Вона оглянулася, ажъ то старій бувъ вовкъ
 И каже їй на вухо: «та й брешишъ ти, ледащо!
 Який тамъ вінъ прудкий? дробцює—й ноги вкупі,
 И тільки гупотить, — товче мовъ просо въ ступі.»
 Лісиця вовкові въ одвітъ:
 «Брехнею прійдишъ ти весь світъ,
 А правдѣ що? загинишъ зъ нею!
 Не я жъ одна живу брехнею...
 Поглянь и на людей: одъ ко́го есть пожива,
 То якъ би не прийшлося—чи дурію, чи мурлу,
 А кажуть и ёму велику похвалу...
 У світі, куме, се не диво!
 Чого жъ би й я брехала въ вічі?
 Ведмідю угодить якъ слідъ,
 То и вечеряти покличе,
 Або іще—разъ на обідъ.»

Н. Петровъ.

Августъ 1861 р.
 Петербургъ.

ОТВѢТЪ

НА СТАТЬЮ ВСЕВОЛОДА КРЕСТОВСКАГО:

»*Ходатайство Костомарова за Сквороду и Срезневскаго.*«

Песносная манера — обращаться вмѣсто статьи на автора, задѣвать личность вмѣсто мнѣнія. Въ VIII книжкѣ *Основы* я напечаталъ возраженіе на статью о Сквородѣ, помѣщенную въ *Русскомъ Словѣ*. Ктѣ былъ ея авторъ, чтѣ это за личность, гдѣ онъ служитъ, чтѣмъ занимается, чтѣ прежде дѣлалъ и писалъ, — мнѣ до этого вовсе не было дѣла: я имѣлъ отношеніе къ одной статьѣ и къ *Вс. К—скому*, какъ автору *единственно этой* статьи. Теперь мнѣ возражаютъ, и при этомъ указываютъ на должность, которую я занимаю, на прежнія мои отношенія, называютъ меня даже по имени и отчеству, независимо отъ вопроса о Сквородѣ и о правѣ — оскорблять печатно личности безъ основанія, — чтѣ было предметомъ моей статьи въ *Основы*, — сулятъ мнѣ *старческія украшенія*, — однимъ словомъ, толкуютъ о томъ, чтѣ къ дѣлу не идетъ вовсе. Мнѣ совѣтъ нѣтъ охоты, мнѣ совѣстно, г. Крестовскій, толковать печатно о себѣ, а между-тѣмъ я нахожусь въ этой печальной необходимости, потому-что вы взваливаете на меня напраслину и, притомъ, печатаете въ журналѣ, котораго добрымъ мнѣніемъ я не имѣлъ причины не дорожить. Сверхъ-того, вы касаетесь вопросовъ очень важныхъ, какъ-то: сохраненія историческихъ и народныхъ памятниковъ и народности вообще; вмѣстѣ съ тѣмъ, съ вашею статьею связанъ вопросъ объ оскорбленіи личности въ печати безъ-основанія. По этимъ причинамъ, я считаю излишнимъ сказать нѣсколько словъ по поводу вашего *»ходатайства г. Костомарова за Сквороду и Срезневскаго.*«

Въ концѣ своей статьи, г. Крестовскій приводитъ мои слова, которыми я окончилъ свою замѣтку въ *Основы*:

«На васъ, г. Ве. К — овскій, возгласы какого-то читателя имѣють дѣйствіе холодной дѣшн, а на насъ чтеніе вашей рецензіи производить дѣйствіе отвратительнаго запаха невѣжества и школьническаго нахальства».

Г. Крестовскій говоритъ:

«Скажите на милость, почтеннѣйшій профессоръ, что приходится отвѣчать на эти, прочитанныя тономъ литературно-генеральскаго презрѣнія, слова — мнѣ, простому рядовому въ батальонѣ російской словесности? Одно только: «виновать, ваше превосходительство!...»

Это напоминаетъ мнѣ школяра, который ударить товарища, а потомъ бѣжитъ жаловаться, что его бьютъ. Да не вы ли, г. Крестовскій, взяли на себя генеральскій топъ и бездоказательно, не давая никому отчета, бросили взглядъ своего литературно-генеральскаго презрѣнія на г. Срезневскаго? — Что касается до моихъ словъ, то они суть слѣдствіе правильнаго умозаключенія. Статьи, гдѣ, безъ всякаго основанія, безъ доказательствъ, оскорбляютъ кого бы то ни было, приличны невѣжеству и школьническому нахальству; статья г. Крестовскаго, не приводя никакихъ основаній и доказательствъ, оскорбляетъ г. Срезневскаго, его — она носитъ на себѣ отпечатокъ невѣжества и школьническаго нахальства. Впрочемъ, г. Крестовскому можно отклонить отъ себя этотъ неизбежный силлогизмъ, который не мнѣ одному, но и всякому другому читателю, придетъ въ голову: стоить разъяснить, что побудило его къ такимъ выходкамъ противъ г. Срезневскаго? Въ настоящей своей статьѣ г. Крестовскій говоритъ мнѣ, что я долженъ былъ справиться съ дѣйствительностью его филологическихъ заслугъ. Мнѣ справляться объ нихъ не предстояло нужды: занимаясь русской исторіей, я безпрестанно нахожусь въ необходимости пользоваться многимъ изъ изданныхъ и объясненныхъ имъ памятниковъ. Другое дѣло — показать, какъ важны его заслуги, на-сколько онъ непогрѣшителенъ, въ чемъ ошибался, — но это не было моею цѣлью: я не думалъ ни превозносить, ни порицать г. Срезневскаго; но вы, коль-скоро вздумали бросить въ него комкомъ грязи, должны были подумать прежде — *за что*, и высказать намъ объ этомъ. Теперь вы, г. Крестовскій, мнѣ говорите: *«вамъ, можетъ-быть, его заслуги кажутся подвигами Гримма и Гумбольтта (откуда же вы это взяли, что мнѣ онъ таковыми кажутся?)»*, но вы ужасно *«ошибаетесь: вся учено-литературная дѣятельность г. Срезневскаго представляется намъ, простымъ свистунамъ, чьмъ-то «въ родъ взбитаго крема, прежде пріятнаго, но если положить*

«его въ ротъ, то отъ него ровно ничего питательнаго не остается. Вы ли предупредите насъ, или мы васъ, въ оцѣнкѣ этой дѣятельности, но смѣю увѣрить васъ, въ результатъ «правда будетъ на нашей сторонѣ...» Что же, предупреждайте, сдѣлайте одолженіе! когда же? А въ томъ, что вы теперь написали—еще брань, еще комокъ грязи въ г. Срезневскаго, — и только. Идетъ дѣло не собственно о г. Срезневскомъ, а о принципѣ, о литературной замашкѣ оскорблять всѣхъ и каждого безъ-основанія, не давалъ никому отчета. Въ васъ возбуждаетъ негодованіе Срезневскій или другой ктонибудь; обличайте его, въ чемъ хотите, но не оскорбляйте голословно. По моему мнѣнію, грязь, бросаема въ другаго безъ основательной причины, обращается на того, кто ее бросаетъ, и въ глазахъ честныхъ, добросовѣстныхъ людей, не смывается никогда. По-вашему, видно, иначе; кто вамъ не нравится, того безъ церемоніи выругаете печатно — и только; — въ полицію не посадятъ за это! и хорошо, и безопасно... У всякаго свой взглядъ, свои правила. Надѣюсь, что я имѣю столько же права высказывать свое, какъ и вы.

Вы говорите, что я съ самодовольствіемъ облаеаю свои плечи въ блестящія старческія украшенія, и что это первый замѣтилъ г. Мордовцовъ. Г. Мордовцовъ, изъ моего разбора его статьи, выводилъ заключеніе, къ которымъ я никогда не приходилъ, именно — будто я утверждаю, что крестьяне малороссійскіе благоденствовали подъ Польскимъ владычествомъ, тогда-какъ я говорилъ единственно то, что матеріалы, которыми пользовался г. Мордовцовъ, были слишкомъ скудны, и что эта скудость не позволяла ему дѣлать такіе рѣшительные выводы, къ какимъ онъ пришелъ, — что онъ увлекся въ натяжки.

Вы поступаете, въ отношеніи меня, нѣсколько схоже съ г. Мордовцовымъ: вы хотите какъ-будто убѣдить меня въ томъ, что Сковорода не стоить того, чтобъ имъ восхищаться. А я имъ никогда и не восхищался. Я утверждалъ, что онъ былъ лицо народное и теперь остаюсь при томъ же убѣжденіи, и не могу иначе думать, потому что знаю это, по опыту. Если мнѣ не вѣрите — спросите у другихъ малороссіянъ: я увѣренъ, что всѣ, жившіе въ Малороссіи, подтвердятъ истину всѣхъ тѣхъ фактовъ, которые я привелъ, — въ-особенности, если вы спросите объ этомъ у стариковъ, потому-что память о немъ, какъ и о всякомъ народномъ чловѣкѣ, живѣе во времена близкія къ его вѣку, и ослабляется мало-по-малу. Вы говорите, что надѣялись отъ меня большаго уваженія къ здравому смыслу малороссіянъ. А отъ чего же вы не требовали отъ

меня еще большаго уваженія къ истинѣ? И въ чемъ тутъ вы видите неуваженіе? Развѣ изъ ложнаго патріотизма я долженъ писать ложь подобно Кошскому, Маркевичу и другимъ, которые выхваляли небывалое, скрывали существовавшее? Вы опрометчиво и неправильно составили себѣ понятіе, какъ Сквородины пѣсни перешли въ народъ. Съ вашимъ умозрѣніемъ, не зная предмета, о которомъ толкуете, вы снова попали въ просакъ, объявивъ Сквороду человѣкомъ отличавшимся *огромною симпатіею къ монастырскимъ обителямъ*. Честь имѣю довести до свѣдѣнія вашего, что Скворода не любилъ монаховъ; объ немъ сохранились *устные* рассказы, какъ онъ убѣгалъ внезапно изъ того дома, гдѣ появлялись они, и *письменное* свидѣтельство о рѣзкомъ отвѣтѣ его на приглашеніе — поступить въ монастырь, чтобъ стать столпомъ Церкви, и его обвиняли въ ереси.

Вы судите о сочиненіяхъ Сквороды, какъ-будто бы это новый писатель, только-что появившійся въ свѣтъ, — тогда-какъ на эти сочиненія слѣдуетъ смотрѣть какъ на памятникъ понятій, господствовавшихъ лѣтъ около ста назадъ, Примѣняя взглядъ, приличный рецензенту современнаго произведенія, къ памятникамъ минувшихъ временъ, вы приходите къ жалкому, варварскому принципу истребленія старины и народнаго достоянія. Странною мнѣ кажется непоследовательность *Русскаго Слова*, которое у себя даетъ мѣсто такимъ сужденіямъ, забывая—какъ прошлый годъ оно же выпустило и роздало безденежно своимъ подписчикамъ два тома *in-4° старинныхъ* произведеній русской литературы. Между-тѣмъ, издавая эти памятники по порученію редакціи *Русскаго Слова*, я легко могъ помѣстить въ нихъ и что-нибудь Сквородинское, если бы оно было постарѣе. Да тамъ и есть много гораздо хуже Сквородинскаго. Вы говорите: » и неужели же не надо стараться искоренять изъ среды народа все это дурное, на томъ только основаніи, что оно сдѣлалось народнымъ? » Вижу, что дѣло поварачивается на тотъ споръ, который недавно происходилъ у г. Пышина съ г. Буслаевымъ. Для избѣжанія повтореній, я укажу на превосходную статью г. Буслаева, мнѣніе котораго, о несостоятельности покушеній воспитывать народъ по нашему образцу, я раздѣляю вполне. Да еслибы и въ самомъ дѣлѣ вы сознательно рѣшились сдѣлаться воспитателемъ народа, то развѣ можно его воспитывать, не зная его понятій, убѣжденій, привычекъ, взглядовъ? Нѣкогда, въ однихъ губернскихъ вѣдомостяхъ, печатались народныя пѣсни; ихъ нашли въ то время оскорбительными для народа. Дѣйствительно, многіе отличались страшнымъ цинизмомъ и безправствен-

ностию, но, по нашему мнѣнію, собраніе ихъ было такъ же полезно, какъ и самыхъ прекрасныхъ произведеній народной поэзіи. Не восхищаться народностью, а знать ее слѣдуетъ. Точно также — не восхищаться, не любоваться исторіею прошедшей жизни — наше дѣло, а уразумѣть ее. Творенія Іосифа Волоцкаго развѣ удовлетворяютъ умственнымъ потребностямъ, вашимъ и моимъ? конечно нѣтъ, однако — не знаю какъ вы, а я — считаю ихъ чрезвычайно-драгоценными, коль-скоро онѣ отражаютъ въ себѣ вѣрованія и понятія своего времени. Что можетъ быть нелѣпѣе *повѣсти о Соломонѣ*, напеча танной мною въ «Памятникахъ старинной русской литературы»? А между тѣмъ эту чепуху не лзя не признать истинныхъ сокровищемъ для изображенія темныхъ, невѣжественныхъ вѣрованій народныхъ XVII вѣка. Поставляя правиломъ, что сочиненій Сквороды, какъ памятника литературы XVIII вѣка въ Малороссіи, не слѣдуетъ издавать, — вы должны будете распространить это правило и на произведенія XVII и XVI вѣковъ, и далѣе. Или, быть можетъ, вы снисходительнѣе къ тому, что старѣе? Но если сочиненія Сквороды не будутъ собраны и изданы теперь, то они могутъ процастъ для того времени, когда станутъ такою же древностию, какъ тѣ, которыя, быть-можетъ, вы покроете археологическимъ уваженіемъ... Притомъ же, въ исторіи, вѣкъ болѣе древній и отдаленный отъ насъ не можетъ имѣть преимущества предъ вѣкомъ ближайшимъ къ намъ. Когда одинъ историкъ любитъ древность, другой можетъ заняться изученіемъ жизни въ ближайшую эпоху.

Посмотрите же, какъ, исходя изъ различныхъ точекъ, вы сходитесь съ г. Аскоченскимъ, столь ненавидимымъ вами, и достигаете одинакихъ требованій. Недавно г. Аскоченскій озлился на меня за статью *о мистической повѣсти о Пифонтѣ*, помѣщенной въ *Русскомъ Словѣ*. За чѣмъ-де я назвалъ ее *мистическою*, — какъ смѣлъ вознестя на нее хулу, находя въ ней «затѣйливые образы фантазій!» Въ порывѣ своего лжеблагочестія, суровый мой рецензентъ забылъ, а, быть-можетъ, и никогда не зналъ, что Пифонтова повѣсть признана православною церковью въ числѣ *отреченныхъ книгъ*, и въ Кормчей XIII вѣка, хранящейся въ Публичной Библіотекѣ, помѣщена въ ряду такихъ, за которыми не оставленъ авторитетъ достовѣрности. Да и въ наше время преосвященный Филаретъ, въ своемъ *Обзорѣ духовной литературы*, отозвался о Пифонтовой повѣсти какъ о сочиненіи, вовсе неуважаемомъ церковью. Эти обстоятельства, естественно, давали мнѣ право смотрѣть на нее не болѣе, какъ на поэтическое произведеніе своего вѣ-

ка. По г. Аскоченскій явно желалъ бы, чтобы подобныя памятники или не издавались вовсе, или же издавались подъ условіями превратнаго на нихъ взгляда, усвоеннаго тѣмъ пустосвятствомъ, которое, въ суевѣрномъ страхѣ, не смѣетъ произнести смѣлаго сужденія ни о чемъ, что показываетъ претензію на религіозность, хотя бы вовсе неправильно, и такимъ-образомъ, думая угодить Церкви, расходится съ нею.

Подобнаго, съ своей точки зрѣнія, добивается и г. Крестовскій. По его мнѣнію, Сковороды вовсе не слѣдуетъ издавать, а если онъ изданъ, то должно на него смотрѣть не по соотношенію его съ вѣкомъ и тѣмъ обществомъ, среди котораго онъ воспитался и жилъ, и на которое оказывалъ вліяніе, а подъ условіемъ современныхъ взглядовъ на современныя требованія. Для насъ, съ одной стороны, чуждыхъ пустосвятства и ханжества, съ другой — не имѣющихъ желанія и призванія заниматься современными потребностями, предоставляя ихъ — съ полнымъ уваженіемъ — тѣмъ, кто специально посвятилъ себя этому предмету, — для насъ результатъ одинъ и тотъ же, какъ отъ г. Аскоченскаго, такъ и отъ васъ: памятники прошедшаго времени — или должны оставаться вовсе неизданными и недоступными, — или являться въ фальшивомъ, искусственномъ свѣтѣ!..

Какъ съ памятниками минувшаго времени, такъ и съ современными произведеніями, получившими народное значеніе, не слѣдуетъ обращаться такъ легкомысленно, какъ вы, отзываясь съ такимъ презрѣніемъ о нѣкоторыхъ пѣсняхъ. Для васъ нѣтъ важнаго, что «какойнибудь хоръ пѣсенниковъ запѣлъ:

Расприкрасная столица,
Славный городъ Пптербурхъ!
Шолъ по Невскому прпшпехту,
Самъ съ перчаткой рассуждалъ,—

а досужіе слушатели подхватили — и пошла гулять по народу.» А задавали ль вы себѣ вопросъ: отчего же она пошла гулять по народу? — Значить, она удовлетворяетъ потребности народнаго вкуса. А понятъ народный вкусъ — не бездѣлица. Сдѣлайте-ка, чтобы народъ запѣлъ ваше «изъ испанскихъ романсовъ,» напечатанное въ той же книжкѣ *Русскаго Слова*, гдѣ помѣщена ваша филиппика противъ меня. Паря готовъ держать, что не станеть онъ пѣть этого, потому-что не найдеть ничего по своему вкусу. А въ «*расприкрасной столицѣ*» вѣрно что-то есть для него. И въ «*не шей ты мнѣ, матушка,*» и въ «*среди долины ровныя*», вѣрно что-то есть....

Или слова, — ваши стихотворенія ни субъективно могутъ нравиться гораздо болѣе, чѣмъ многія народныя пѣсни; но коль скоро я сталъ на точку пслѣдователя народной жизни, тогда какая-нибудь «расширенная столица» для меня несравненно важнѣе вашихъ стихотвореній.

То, что нравится народу, не всегда нравится намъ, — и на оборотъ, оттого, что мы слишкомъ отдалились отъ народа. Какъ же вы, съ различнымъ вкусомъ, не зная народа и не сочувствуя ему, станете искоренять въ немъ дурное? Да прежде оцените самого себя, повѣрьте хладнокровно: все ли то дурно, что *вамъ* кажется дурнымъ, все ли то хорошо, что *вы* считаете хорошимъ? И чѣмъ же вы будете искоренять то, что считаете дурнымъ? Неужели тѣмъ, что не станете издавать того, что народъ считаетъ, или считалъ прежде, своимъ достоинствомъ? Перваго вы этимъ не искорените, а только лишите средствъ познакомиться съ народомъ — тѣхъ, кто этого желаетъ и плѣтеть въ томъ нужду, второе — отжившее въ народѣ — искоренять уже не нужно, а предавая забвенію, вы лишаете исторію матеріала.

Желаніе искоренять въ народѣ дурное приводитъ иногда къ смѣшнымъ и вмѣстѣ печальнымъ результатамъ. Назадъ тому лѣтъ восемь, я былъ свидѣтелемъ, какъ, въ одномъ губернскомъ городѣ, полицмейстеръ, въ слѣдствіе какого-то распоряженія, своеобразно имъ понятаго, бѣдилъ по городу съ плетью и преслѣдовалъ поющихъ пѣсноп. Онъ призывалъ пѣніе пѣсноп на улицахъ неприличнымъ и самыя пѣсни *простонародныя* достойными истребленія. Это не вымыселъ; прибавляю это потому, что хоть преданіе свѣжо, а иной съ трудомъ ему повѣритъ. Скаль, что у насъ это не принято, а то бы я назвалъ чинъ, имя, отчество и фамилію этого врага народной музыки. Я знаю, что вы, г. Крестовскій, отзоветесь объ немъ съ негодованіемъ; но, въ сущности, онъ руководился убѣжденіемъ, подобнымъ вашему — *искоренять въ народѣ все дурное*. И кто поручится, что иной гуманный и прогрессивный публицистъ, забравъ себѣ въ голову, будто онъ обязанъ истреблять въ народѣ все дурное, не станетъ поступать точно также, какъ и вышеозначенный полицмейстеръ, еслибы ему въ руки дать плеть, съ правомъ обращаться съ нею съ извѣстнаго рода свободою.

Народныя предразсудки уничтожаются сами-собою отъ просвѣщенія. Познакомится народъ съ физикой, съ исторіей, — перестанетъ самъ-собою вѣрить и въ созданныхъ имъ на свой ладъ чертей, и въ вѣдьмъ, и во многое, чему вѣрить по преданію, не зная, откуда и какъ оно возникло, какъ образовалось, чѣмъ поддерживалось. Тогда не нужно *иско-*

решать стараго: оно само-собою исчезнетъ. Невѣрныя понятія о землѣ сами-собою исчезли, когда открыта была Америка; нѣтъ мѣста астро-логическимъ бреднямъ, при тѣхъ результатахъ, до какихъ дошла астро-номія; нѣтъ мѣста громовымъ стрѣламъ для знакомаго съ законами электричества; умеръ и тотъ огромный китъ, на которомъ стояла земля, съ тѣхъ-поръ, какъ стали извѣстны законы взаимнаго притяженія; и магнетовъ раія теряетъ свою прелесть по-мѣрѣ-того, какъ западная наука проникаетъ на мусульманскій востокъ; и власть папы держится на волоскѣ отъ неумолимой исторической критики. Понужно народу говорить: «не вѣрь этому — вѣрь другому» — надобно показать ему лицомъ къ лицу истину, — предразсудокъ исчезнетъ самъ собою.

Задача—*искоренять* въ народѣ что бы то ни было—всегда ложная. Творите, а не разрушайте; ветхое разрушится и обратится въ пепель, развѣтсея повѣтру само-собою. Иначе, —гдѣ искорененіе, тамъ насиліе— и часто приходится жалѣть о разрушенномъ. Наша исторія живой примѣръ этому: насильственные дѣйствія Москвы убили нашъ удѣльновѣчевой строй; реформа Петра Великаго, продолжавшаяся слѣдующими за нею эпохами, оторвала насъ отъ старинной жизни и заставила насъ смотре-ть на нее съ презрѣніемъ; а когда мы познакомились съ нашею про-шедшей жизнью покороче, то увидали, что многое, многое было въ осно-ваніяхъ своихъ лучше новаго, и во многомъ, даже въ настоящее время, приходится возвращаться къ старинѣ, — конечно, не по развитію формъ, а по смыслу идеи, лежавшихъ въ основахъ старой жизни. Можетъ-быть вы принадлежите къ тому кружку, для котораго подобная мысль — нецѣльность, къ кружку, къ которому принадлежатъ критики, подобные г. Шишкину, который, недавно, вознося Петра Великаго, ударилъ пя-тою въ Великій Новгородъ, а Псковскую вольность и общинное пользо-ваніе землею помѣстилъ *въ кучу всякаго рода добродѣтелей* (?). Мы, напротивъ, всматриваясь въ эту *кучу добродѣтелей*, находимъ въ ней много такого, что еслибы возобновить въ наше время, то мы гораздо далѣе шагнули бы на пути общности, чѣмъ безъ толку занимаясь и пересаживая къ себѣ *западныхъ добродѣтели*, изъ кото-рыхъ очень многія, будучи *добродѣтелями* на западѣ, при условіяхъ тамошней исторической жизни, у насъ превращаются въ *пороки*, или, по-крайней-мѣрѣ, не даютъ такихъ плодовъ, какіе давали на своей пре-жней почвѣ, такъ точно, какъ бордосскія и рейнскія лозы въ Крыму не даютъ такого вина, какъ у себя дома. Истина вездѣ та же истина, но формы, въ которыхъ она явится, могутъ быть различны. Тѣ же са-

мыя формы, въ которыхъ сохранились вѣковые предразсудки, могутъ сдѣлаться хранителями истины: изъ нихъ исчезнетъ само собою только то, что несовмѣстимо съ просвѣщеніемъ.

Но чтобы умѣть показать эту истину, нужно прежде всего знать народъ, понимать его прошедшее и настоящее, заговорить съ нимъ именно съ той стороны, съ какой слѣдуетъ, и съ какой можно на него подѣйствовать. А все это достигается не пышнымъ фразерствомъ, не пустымъ фонфаронствомъ, а изученіемъ народной жизни въ его прошедшихъ и настоящихъ памятникахъ. Такое изученіе даромъ не дается и не скоро получается; и для такого изученія несравненно болѣе сдѣлалъ г. Срезневскій съ его *рутиной*, (какъ вы, г. Крестовскій, выражаетесь), чѣмъ мы съ вами *независимымъ* и *живымъ* словомъ. Вы назвали меня *свободнымъ художникомъ*: слишкомъ много для меня чести, также какъ слишкомъ много оскорбленія въ пожалованіи меня титуломъ превосходительства. Не желая отиудъ послѣдняго, не смѣю думать о первомъ. Но если когда-либо явится въ наукѣ русской исторіи историкъ-художникъ, то не прежде, какъ тогда, когда почтенныя *рутинеры* своими изданіями и изслѣдованіями приготовятъ ему возможность проявить свой талантъ и свои силы. До сихъ поръ еще груды памятниковъ прошедшей жизни лежатъ погребенныя въ архивахъ и библіотекахъ неизслѣдованныя, необъясненныя: — далеко намъ до художества!

Слова объ убійствѣ *злой воли* у Сквороды вы называете рабскимъ аскетизмомъ. Что же это? Преодолѣніе глѣни, принужденіе себя къ труду полезному для ближнихъ, воздержаніе отъ пьянства, пресыщенія, сладострастія, корыстолюбія—неужели у васъ это рабскій аскетизмъ?.. Совершенно не кетати вы прицѣпляете къ Сквородѣ? Аскаченскаго; послѣдній — вашъ современникъ и вы можете съ нимъ ратовать по несходству убѣжденій, которымъ суждено приниматься или отвергаться живыми людьми, — тогда-какъ Скворода принадлежитъ исторіи, а если и до сихъ поръ продолжаетъ оказывать вліяніе, то вы его не разрушите, ибо, до тѣхъ, на комъ ложится еще это вліяніе, едва ли дойдутъ ваши рецензіи, да онъ и слишкомъ безсильны для того, чтобы передѣлать упроченныя временемъ и наслѣдствомъ убѣжденія и взгляды. «*Вы слишкомъ любите и лелаете плоть:*» ужъ и поэтому не годитесь вы въ учителя народа, особенно — малороссійскаго.

Вы, г. Крестовскій, въ подражаніе, называете и себя свистуномъ. Что значить это названіе? Вы хотите осмѣивать дурное — не такъ ли? Сочувствуемъ этому, но не забывайте, что свистъ, смѣхъ надъ другимъ

есть наказаніе, а чтобы подвергнуть наказанію кого бы то ни было, слѣдуетъ его обличить: юридическое правило — *безъ суда никто да не накажется*—приложимо къ вамъ въ этомъ случаѣ. Васъ, конечно, смущаетъ всякое безсудное наказаніе, всякое проявленіе произвола надъ личностью чьею бы то ни было. Вы готовы ратовать противъ этого изъ всей силы; въ васъ пробуждается благородное негодованіе при всякомъ нарушеніи правъ и чести человѣка. Но вѣдь вы, въ тоже время, дѣлаете то-самое въ своей сферѣ, что такъ оуждаете въ другой, чуждой вамъ: ни съ сего, ни съ того вы бросаете грязью, не думая дать обществу отчетъ, что побуждаетъ васъ къ этому. Поймите же наконецъ, что оскорбляя другихъ, вы вредите и себѣ. Вашъ *свистъ* стануть презирать. Онъ даже не будетъ имѣть достоинства остроумія, потому-что для остроумія нужно же чтобъ тѣ, передъ которыми вы острите, понимали—въ чемъ дѣло противъ чего и за что вы ратуете. Притомъ, такой *свистъ*—какъ вы называете (такая *грязь!*—какъ мы назовемъ ваши выходки), не свидѣтельствуетъ о чистотѣ вашихъ побужденій. Неблагородно нападать на соперника тогда, когда онъ не имѣетъ средствъ защищаться, если бы и могъ. Мы, повторяю вамъ—вовсе не беремъ на себя апологій г. Срезневскаго: идетъ дѣло не о его личности, а о принципѣ. Вы замѣтили въ своемъ возраженіи, что г. Срезневскій самъ могъ себя защищать. Въ томъ-то и дѣло, что въ такомъ положеніи, въ какое вы ставите г. Срезневскаго, самозащитеніе невозможно. Въ чемъ ему оправдываться противъ вашей язвительной насмѣшки? Что можетъ онъ вамъ сказать на вторичную вашу выходку противъ него, гдѣ вы очень неловко сравниваете его сочиненія съ кремоль? А между тѣмъ, ваши выходки оскорбительны, или, по крайней мѣрѣ, вы хотите ими оскорбить. По нашему мнѣнію, избѣгать такого рода задѣваній побуждаетъ благородное чувство, если оно есть въ человѣкѣ. Дѣйствуя такимъ способомъ, вовсе не значить быть обличителемъ; это не прямой бой; это безчестная нападка изъ-за угла, въ которой высказывается собственная трусость нападающаго. Это значить—ударить и убѣжать, такъ чтобы догнать не могли. Нѣтъ! когда хотите ратовать противъ человѣческихъ пороковъ и слабостей, то прежде обличите, поставьте человѣка передъ обществомъ лицомъ, разоблачите его, и тогда поражайте вашими остротами. Тогда дѣло само-за-себя будетъ говорить и вашъ смѣхъ довершитъ силу удара, если ваши обличенія будутъ столь важны и очевидны, что сопернику не останется возможности отстоять себя. Вы выражаетесь—что *понимаете* меня, — дайте такой оборотъ дѣлу, будто я рѣшился возра-

знить вамъ за то, что, дескать, гусей подразнили. — Вы не понимаете меня, а можетъ-быть, не хотите понять. О какихъ гусяхъ плетъ у васъ рѣчь? Будемъ говорить напрямикъ. Г. Срезневскій — профессоръ, академикъ, ученый, много лѣтъ трудившійся на своемъ поприщѣ. Вы себѣ вообразили, что, по этому, я признаю за нимъ какую-то неприкосновенность авторитета: какъ, то-есть, смѣетъ молодой писатель такъ дерзко отзываться о старикѣ, почтенномъ и лѣтами и опытностію, и своими трудами! Ошибаетесь, м. г! Патріархальныя отношенія въ наукѣ и литературѣ мнѣ столь же противны, какъ и вамъ. Но если не должно стремиться обличать того, кто пріобрѣлъ себѣ авторитетъ многолѣтнею дѣятельностію, то, съ другой стороны, не лзя же плевать на человѣка за то единственно, что онъ не молодъ, много трудился и пріобрѣлъ къ себѣ уваженіе: онъ точно такъ же, какъ и молодой дѣтель, имѣетъ право быть огражденъ отъ несправедливаго презрѣнія со стороны всякаго авторитета. Вы за что-то недовольны г. Срезневскимъ и, не думая долго, оскорбляете его печатно, надѣясь на то, что подобныя выходки останутся безъ возраженій. Нѣтъ, м. г., мы, читатели ваши, имѣемъ право потребовать отъ васъ объясненій, и тѣмъ-больше имѣемъ на то права послѣ-того, какъ вы повторили вашъ оскорбительный отзывъ: Извольте обличить г. Срезневскаго фактически, — раскройте передъ нами его дѣятельность ученую и, пожалуй, гражданскую, и тогда, если вы исполните эту задачу успѣшно, можетъ-быть и мы откликнемся одобрительно на вашъ свистъ. А до того времени, вашн выходки будутъ намъ представляться не болѣе, какъ плодомъ тѣхъ качествъ, за указаніе которыхъ въ вашей статьѣ вы такъ оскорбились.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я бы просилъ васъ также и въ отношеніи ко мнѣ обличить меня и разъяснить значеніе вашихъ словъ, будто я *самодовольно одъваюсь въ блестящія старческія украшенія*. Гдѣ, когда выразилъ я убѣжденія, которыя бы давали вамъ поводъ къ такому приговору, — убѣжденія противныя тѣмъ, которыя высказывалъ я прежде? Вы указали на г. Мордовцова. Но, вѣроятно, вы написали это, недолго разсуждая о томъ, что вы пишете, не задавая себѣ труда сравнить мой разборъ статьи г. Мордовцева съ его возраженіемъ. Последнее — есть верхъ недобросовѣстности. Съ болью въ сердцѣ принужденъ я сказать это; не за себя мнѣ больно, а за него, потому-что я не могу не уважать этого талантливаго и свѣдущаго писателя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, благороднѣйшаго человѣка. Увлечшись на минуту духомъ полемики, онъ взялъ, къ-сожалѣнію, оружіе, правда — очень нерѣдкое въ наше время, но

чрезвычайно-недостойное ни его личности, ни его дарований. Онъ написалъ на меня и на другого своего противника, сдѣлавшаго ему совершенно-справедливыя замѣчанія, литературный *ложный* доносъ. Подобно тому, какъ въ инквизиціонныхъ и другихъ тайныхъ судилищахъ, *умышленно* давалъ сочиненіямъ и словамъ подсудимыхъ смыслъ, необходимый для обвиненія жертвы въ томъ, въ чемъ ее подозрѣвали, г. Мордовцовъ хотѣлъ вызвать изъ своихъ противниковъ убѣжденія и побужденія, которыми они гнушаются точно такъ же, какъ и окружающая ихъ общественная среда. Способъ—недостойный, и притомъ—неудобный. Въ такихъ судилищахъ, противъ обвиненія нѣтъ оправданій; но судъ литературный есть судъ публичный: довольно, если обвиняемый скажетъ, что онъ не думаетъ того, въ чемъ его обвиняютъ, — оправданіе слѣдуетъ само-собою логически. За обвиняемымъ можетъ остаться одно пятно: темнота выраженія; но за мной, надѣюсь, и того не останется, потому-что г. Мордовцовъ, обвиняя меня, *не приводилъ моихъ словъ*, не прибѣгалъ даже къ обычнымъ въ такихъ случаяхъ уловкамъ — выбирать выраженія безъ отношенія ихъ къ предъидущему и послѣдующему, а просто — перифразировалъ мои слова такъ, какъ ему было нужно, заставляя меня возвѣщать то, чего я никогда не думалъ говорить, да — для большого эффекта — поставилъ еще эпиграфъ изъ моего же сочиненія: *зачѣмъ мы старѣемся!* Вотъ, дескать, онъ устарѣлъ, и дошелъ до ретроградныхъ убѣжденій!.. Теперь вы тоже повторяете. А предъ вами — чѣмъ я показалъ это? Тѣмъ ли, что утверждалъ и утверждаю, что памятниками литературы прошедшаго времени, имѣвшими вліяніе на свой вѣкъ, не слѣдуетъ пренебрегать, а напротивъ — надлежитъ ихъ сохранять, какъ матеріалъ для уразумѣнія теченія народной жизни и понятій? — или, можетъ-быть, тѣмъ, что считаю дѣломъ благороднымъ, достойнымъ невѣжества и нахальства, печатно бросать грязью въ личности и оскорблять ихъ изъ-за угла, не давая отчета и объясненій — за что и почему съ ними такъ поступаютъ? Это ли, по-вашему, тѣ *старческія украшенія*, которыя вы на меня хотите возложить? Это ли побудило васъ пожаловать меня превосходительствомъ? Это ли? Говорите не краснѣя...

Съ чего вы взяли обвинять меня еще въ раздражительности и забывчивости, увѣряя, что вы *не забыли*, вмѣстѣ съ Аскачонскимъ и Срезневскимъ, помѣстить бібліотеку Харьковскихъ студентовъ? Вы, точно, похѣстали ее, перечисляя подписчиковъ, но не посулили ей *безсмертія* вмѣстѣ съ Скворородою, подобно тому, какъ наградили этимъ

безсмертіемъ г. Срезневскаго. Рѣчь шла объ этомъ *безсмертіи*, и я вамъ указывалъ на эту фразу, — на раздачу безсмертія подписчикамъ, — а не на перечисленіе подписчиковъ. Если вы меня напрасно упрекаете въ *забычивости* по этому поводу, то я (убѣжденъ, что не напрасно) упрекаю васъ въ іезуитской уловкѣ — представить дѣло не такъ, какъ оно есть, и какъ вы сами его сознаете.

Ни къ селу, ни къ городу вы вздумали меня попрекнуть вопросомъ о происхожденіи ВарягоруССовъ и г. Летголою; хотя это къ дѣлу нашему не относится, но я не оставляю и это безъ отвѣта для того, чтобы не сказали, что я не нахожусь что отвѣчать. Я постоянно занимался русской исторіей *на-сколько* *могъ*, по обстоятельствамъ, лишившимъ меня возможности изучать ее, какъ слѣдуетъ, въ лучшіе годы жизни; но вопросъ о происхожденіи Руси не занималъ меня, потому-что онъ относится къ тому періоду, въ которомъ не видно живыхъ людей, а бродятъ какія-то неясныя тѣни. Получивъ вновь каеэдру, я долженъ былъ заняться имъ по обязанности. Несостоятельность гипотезы о происхожденіи Руси отъ Нормановъ для меня казалось очевидною, а между-тѣмъ у насъ въ наукѣ она приняла значенія несомнѣннаго историческаго факта. Съ другой стороны, мнѣ слишкомъ бросалось въ глаза то, что въ нашихъ хронографахъ и отрывочныхъ сказаніяхъ о началѣ Руси, съ послѣднихъ годовъ XV в. вплоть до XVIII, повторялось призваніе Рюрика отъ Прусь, изъ литовскаго міра. Это казалось мнѣ не вымысломъ писакъ, а древнимъ преданіемъ, которое они занесли въ свои сочиненія, и казалось тѣмъ-болѣе потому, что оно связывается съ нѣкоторыми мѣстными исторіями; наприм. о переименованіи Мутной въ Волховъ, о Волхѣ, о залеганіи пути, о чародѣйственной могилѣ Волха: эти мѣстныя исторіи уцѣлѣли до-сихъ-поръ въ народѣ, въ Новгородской Землѣ. Очевидно, что писатели занесли ихъ въ свои хронографы отъ народа. По аналогіи, я предпологалъ, что и призваніе князей изъ Прусь было такимъ же наслѣдственнымъ преданіемъ. Географическія названія *Руси* въ имени рѣки *Руса* и прилегавшей къ ней стороны, еще болѣе подкрѣпили меня въ томъ, чтобы отдавать преимущество старому повѣрью предъ новыми мудрованіями. И началъ заниматься литовскимъ языкомъ. Слишкомъ мало познакомившись съ нимъ въ какихъ-нибудь четыре мѣсяца, при другихъ занятіяхъ, я нашелъ въ лексиконахъ нѣсколько словъ, которыя мнѣ показались напоминающими имена Руссовъ, сохранившіяся въ нашихъ лѣтописяхъ; я прочелъ ихъ на лекціи, сознавшись въ недостаточности знаній въ литов-

скомъ языкѣ, и просилъ обратить на нихъ вниманіе знающихъ. Вслѣд- за-тѣмъ, я получилъ отъ своихъ слушателей нѣсколько замѣчаній и, напечаталъ свою гипотезу Г. Летгола обличилъ меня въ невѣрности. Неправильность нѣкоторыхъ приведенныхъ мною словъ положительно зависѣла отъ опечатокъ. Что г. Летгола могъ открыть у меня ошибки — очень естественно, когда я не зналъ по-литовски — и мнѣ бы оставалось повѣрить ему и воспользоваться его замѣчаніями; но тутъ ко мнѣ стали присылать письма природные Литвины, обличавшія Летголу и меня разомъ, и притомъ — негдѣ правды дѣтъ — противорѣчившія другъ другу. Одно изъ нихъ, посившее наиболѣе ученый отпечатокъ и писанное дѣйствительно спеціалистомъ - филологомъ, г. Летуви- сомъ, я, по его желанію, напечаталъ въ *Сверной Пчелѣ*. Печатать другія я не имѣлъ права, а нѣкоторыя писаны были въ формѣ, неудобной для печати, такъ-что мнѣ нужно было бы составлять самому статьи по нимъ. Я остался въ совершенномъ недоумѣніи, кто правъ, кто не правъ, — да притомъ и подтвержденіе теоріи посредствомъ сходства словъ было слишкомъ второстепенное. Продолжать же учиться по-литовски я не вижу необходимости, потому-что вопросъ о происхожденіи Рюрика не считаю на-столько важнымъ, чтобъ употребить на него время, которое можетъ быть отдано изученію эпохъ болѣе жизненныхъ и интересныхъ для мысли. Происхожденіе Руси изъ Литовскаго міра я считалъ и считаю гипотезою, въ моихъ глазахъ, тверже норманской, но все-таки гипотезою. Я не отрицаю возможности отказаться отъ нея и, пожалуй, принять хоть норманство, если представятся доказательства. Итакъ, вы напрасно меня упрекаете, будто я утверждалъ о томъ, чего не зналъ: я только предполагалъ, а не утверждалъ. Разница большая съ дѣломъ о народности Сковороды: здѣсь я не предполагаю, а достоверно *знаю*, и не можетъ быть возможности, чтобы кто-нибудь доказалъ невѣрность тѣхъ фактовъ, которые я привелъ въ доказательство народнаго значенія этого лица въ Малороссіи.

Н. Костомаровъ.

КОБЗАРЬ.

XXXII.

ЧАСТИНА ПОЭМИ:

ЕРЕТИКЪ ИВАНЪ ГУСЬ.

*Камень, сложе небрегоша
зжждуціє, сей бысть во
главу угла; отъ Господа
бысть сей, и есть дивенъ
во очесѣхъ нашихъ.*

Псаломъ СХVII, ст. 22

Кругомъ неправда и неволя,
Народъ замученный мовчить;
А на апостольськимъ престолі
Чернець годованный сидить;
Людською кровію торгую
И рай у-найми отдае....
О, Бóже! Судь твїи правий все
И все царствіе твоє!
Розбїйники, людодїи
Правду поборолп, —
Осмїяли твою славу
И силу, и волю.
Люде стóгнуть у кайданахъ;
Немає съ кимъ взятпсь —
Роскуватпсь, — одностаїне —
Односерде стáти
За Евангелію правди,
За тёмнїи люде.

Нема́ кому!... Бо́же Бо́же!
 Чи то́жтє и не б́уде?
 Чи настане вели́кий часъ
 Неб́есно́ї ка́ри?
 Чи розло́нимъ три коро́ни
 На го́рдій тіа́рі?
 Розло́нимо!... Благосло́ви —
 Не на месть и му́ки —
 Благосло́ві мо́ї, Бо́же,
 Петве́рдіи ру́ки
 Ї́ї сло́во т́ихсе... О Бо́же!
 Чи во́ни жъ почу́ють?...»
 — — — — Отта́къ,
 У ке́лії сво́їй правді́вий
 Пва́нъ Гу́сь ду́мавъ роскува́ть
 На́ро́дъ заму́чений, — и д́иво,
 Свят́еє д́иво показáть
 Оча́мъ незря́чимъ....

»Побори́сь!...

»За пра́вду Богъ!.. Да соверши́тця!..
 И въ Ви́фліе́мськую кана́ліцю
 Пішо́въ моли́тьця вірний Гу́сь.

XXXIII.

И не́бо не вмі́те, и за́спани фі́лі,
 И по — па́дъ бе́регомъ геть-ге́ть
 Непáче п'я́нпий — очерéтъ
 Безъ вітру гне́тця... Бо́же м́илий!
 Чи до́вго б́уде ще м́пні
 Въ оці́й не-за́мкну́тій тюрмі,
 По-на́дъ оці́мъ нікче́мнимъ мо́ремъ,
 Пуді́ти світо́мъ?... Не гово́рить,
 Мовчи́ть и гне́тця, мовъ живá,
 Въ степу́ пожо́вкляя тра́ва,—
 Не хо́че пра́вдоньки сказа́ть...
 А бі́льше ні-в́ь-кого спита́ть.

Г. ШЕВЧЕНКО.

ЧЕРНОМОРСКІЕ КОЗАКИ.

(Сочиненіе *Ив. Понки.*)

Нѣтъ необходимости доказывать важность отдѣльныхъ монографій, относящихся къ извѣстнымъ частямъ Русской Земли. При ея разнообразіи во всѣхъ отношеніяхъ, основательное знаніе общаго можетъ быть достигнуто единственно тогда, когда отчетливыя описанія странъ, представляющихъ своеобразныя черты, будутъ доставлять матеріалы, которые останется сложить и освѣтить взглядомъ, добытымъ изъ результатовъ, которые содержатся въ самомъ предметѣ. Въ ряду такихъ монографій безъ сомнѣнія важнѣйшими окажутся тѣ, которыя представляютъ состояніе краевъ, какъ въ географическомъ, такъ и этнографическомъ отношеніяхъ, имѣющихъ автономическое значеніе. Явленія прошедшей нашей исторіи и разнообразіе настоящаго народнаго быта доставляютъ возможность всю Россію разбить на группы, имѣющія болѣе или менѣе условія для составленія объ нихъ самобытныхъ монографій.

Достоинствами такихъ монографій могутъ и должны быть: полнота, вѣрность и ясность изложенія.

Полнота можетъ разсматриваться двояко: во-первыхъ, по отношенію къ сторонамъ, какихъ должно касаться описаніе; во-вторыхъ, по отношенію къ богатству чертъ, служащихъ для изображенія каждой изъ такихъ сторонъ.

Вѣрность также можетъ быть двоякая: вѣрность фактовъ и добытыхъ изъ нихъ результатовъ.

Что касается до ясности изложенія, то при вышеозначенныхъ условіяхъ она, безъ-сомнѣнія, есть важное обстоятельство, которое такого рода сочиненіе дѣлаетъ доступнымъ какъ для науки, такъ и для чтенія, и состоитъ въ точномъ выраженіи факта и мысли и въ со-

размѣрномъ сопоставленіи свѣдѣній, по ихъ внутренней связи и вѣншней послѣдовательности.

Сочиненіе г. Попки «Черноморскіе Козаки въ военномъ и гражданскомъ быту» представляетъ изображеніе края, почти нетронутого описательной нашей литературой, края, имѣющаго какъ по естественному своему положенію и свойствамъ, такъ и по жизни обитателей, своеобразную фзіономію, и слѣдовательно представляющаго содержаніе чрезвычайно-важное для знанія Россіи. Мы рассмотримъ его по отношенію къ тѣмъ достоинствамъ, которыя поставили мѣрилами значенія такого рода сочиненій.

Сочиненіе г. Попки по-преимуществу этнографическое. Опредѣливъ названіе своего сочиненія, онъ раздѣлилъ его на двѣ части: въ первой разсматриваетъ все, что входитъ въ кругъ гражданского быта: народонаселеніе, характеръ жилыхъ мѣстностей, сельское хозяйство, промышленность, торговлю, образованность и нравственность народа; вторая часть посвящена очерку военного состава козаковъ, образу службы и особенностямъ ея, принадлежащимъ исключительно краю и жителямъ, его населяющимъ. Собственно географія и исторія входятъ въ его сочиненіе какъ дополнительные свѣдѣнія, необходимыя для этнографіи и поясняющія данныя послѣдней. Такимъ-образомъ, прежде изложенія гражданского быта Черноморскихъ Козаковъ, авторъ предпосылаетъ топографическое описаніе страны и сообщаетъ свѣдѣнія о ея климатѣ и произведеніяхъ, условливающихъ народное здоровье и народныя занятія. По сообщаемымъ г. Попкою свѣдѣніямъ, Черноморье представляетъ двѣ неравномѣрныя части, отличныя одна отъ другой по своей топографіи: собственно Черноморье и Таманскій полуостровъ. Послѣдній представляетъ такія же условія, какъ Керченскій полуостровъ Крыма, и, по словамъ г. Попки, до того съ нимъ сходенъ, что кажется какъ-будто разорванною случайно, пополамъ, глыбою земли. Собственно Черноморье, или Черноморье степное, есть обширное луговое пространство, прѣзанное множествомъ протоковъ или рѣкъ, текущихъ въ море и образующихъ болота и лиманы. Описанія этихъ рѣкъ у автора очень кратки и не представляютъ отвѣтовъ на многіе вопросы, которые, естественно, могутъ родиться у всякаго, кто, заинтересовавшись его книгою, захочетъ познакомиться съ Черноморьемъ въ его подробностяхъ. Такимъ-образомъ, мы не знаемъ ни направленія теченія этихъ рѣкъ, ни глубины ихъ, ни ширины. Точно также и описаніе почвы и произведешій не припаровлено къ теченію рѣкъ

и ихъ взаимному положенію, тогда-какъ это было бы пужно, чтобы прослѣдить самый порядокъ заселенія страны, которое, естественно, находится въ прямомъ соотношеніи съ ихъ направленіемъ. Нѣкоторыя рѣки, означенныя на картѣ, не нашли себѣ мѣста въ описаніи. Почва и произведенія также описаны вообще кратко, и даютъ только приблизительное, легкое, понятіе о природномъ состояніи края. Вообще, географическая часть у автора слаба, и это можетъ найти себѣ извиненіе только въ томъ, что онъ и не думалъ описывать Черноморье во всѣхъ отношеніяхъ,—тѣмъ болѣе—его естественнаго состоянія, что цѣль его была — люди, а не земля. Но дѣло въ томъ, что людей, живущихъ на извѣстной землѣ, нельзя пзучить, не зная земли, и кто хочетъ представить намъ очеркъ жизни Черноморья, долженъ напередъ познакомить насъ въ-подробности съ самою землею.

Авторъ сообщаетъ объ изобиліи кургановъ въ Черноморіи и допускаетъ очень смѣлую мысль: замѣтивъ, что курганы идутъ параллельно съ балками или оврагами, онъ думаетъ, что не только курганы, но и самыя балки были дѣломъ рукъ человѣческихъ, и вырыты были для осушки низменныхъ равнинъ и для успѣшнѣе слабаго естественнаго орошенія пастбищныхъ луговъ. Чтоже касается до самихъ кургановъ, то, по его мнѣнію, они насыпались для жилищъ, или, лучше сказать, для крѣпкихъ убѣжищъ троглодитовъ. Но признавая, что въ этихъ курганахъ находили человѣческія кости, онъ допускаетъ для значенія кургановъ два періода: оставленные древними обитателями, они содѣлались въ другихъ поколѣніяхъ мѣстами погребенія умершихъ. Эта мысль только набросана авторомъ и оставлена безъ ученыхъ доказательствъ, необходимыхъ въ подобномъ случаѣ; слѣдовало бы или не приступать къ ней вовсе, или по крайней мѣрѣ познакомить читателей подробнѣе съ самими курганами и указать ихъ сходства и отличія въ Черноморьѣ отъ тѣхъ, которые разсыпаны въ безчисленномъ множествѣ по степямъ южной и даже средней Россіи. Догадка автора дѣлается несостоятельною, когда вспомнимъ, что для подобныхъ работъ необходимо было бы густое населеніе края и такія условія, которыя бы заставляли жителей продолжительнымъ трудомъ устранять неудобства *жизля*, а не оставлять край, ища лучшаго. Онъ указываетъ въ примѣръ на египетскія работы. Но долина Нильская, по своей природѣ, есть такая мѣстность, которая дѣйствительно представляла приманку оставаться въ ней и употреблять трудъ;—этого не видно въ Черноморьѣ. Притомъ, троглодиты, которые не въ со-

стоянии сдѣлать себѣ избы, едва ли способны къ осушенію болотистыхъ мѣстностей. Самая мысль о рытьѣ кургановъ для жилья, вмѣсто избы, едва ли можетъ выдержать критику. Самъ же г. Попка говорить, что въ старину край былъ лѣсистъ; поэтому, для жителей, въ какой бы отдаленной отъ насъ эпохѣ они ни жили, кажется проще и удобнѣе было срубить избу, чѣмъ дѣлать земляную насыпь. Извѣстія о климатѣ очень любопытны, хотя желательнѣе было бы, чтобъ извѣстія слишкомъ общія были подтверждены самими наблюдениями и примѣрами болѣе частными. Вообще, климатъ Черноморья представляется нездоровымъ, но это качество усиливается отъ запрудъ на балкахъ, образующихъ стоячую воду, и отъ гніенія камышей. Фактъ, сообщаемый авторомъ, стоить того, чтобъ на него обратить вниманіе и стараться объ искорененіи обычая, усиливающаго естественныя неудобства.

Описывая собственно гражданскій бытъ черноморскихъ жителей, книга автора становится удовлетворительнѣе и сообщаетъ дѣйствительно драгоценныя свѣдѣнія. Очень знаменательны извѣстія о томъ, какъ возникали въ Черноморьѣ отдѣльные хутора и вообще ходъ установленія поземельной собственности (стр. 76—82). Здѣсь событія, совершившіяся на памяти нашей и нашихъ отцовъ, слѣдовательно свѣдѣнія, суть повтореніе того, на что указываютъ намъ акты, относящіеся къ быту Малороссіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ и наводятъ аналогически на разрѣшеніе подобныхъ вопросовъ вообще въ южнорусскомъ племени. Стремленіе къ обособленію, развитіе личной свободы, выдвигеніе изъ равнаго общества семействъ и образованіе, такимъ-образомъ, зажиточнаго класса, постепенно идущаго къ тому, чтобъ сдѣлаться аристократією, и, вслѣдствіе этого, оппозиція противъ нихъ общинъ, которыя прежде сами способствовали ихъ возвышенію,—все это черты, составляющія сущность прежней исторіи малороссійскаго племени, объясняемая и дополняемая фактами болѣе очевидными, болѣе современными, и потому болѣе для насъ осязательными и вразумительными. Авторъ, правда, только сообщаетъ намъ то, что замѣтилъ въ Черноморьѣ, не относясь къ прошедшему, не вдаваясь въ аналогію, но описаніе его, сдѣланное ясно и точно, само собою наводитъ читателя, знакомаго съ исторіей малороссійскаго народа, на эту аналогію. Такъ, многое, что совершается въ наше время въ народѣ, исходя изъ его коренныхъ привычекъ, соединенныхъ съ образовавшимся въ древности и установившимся въ теченіи столѣтій взглядомъ, пояснить для насъ

прошедшее, которое само по себѣ дошло къ намъ въ неясныхъ образахъ.

Авторъ, знакомя насъ съ главными отраслями сельскаго хозяйства, составляющими источникъ богатства края, представляетъ земледѣліе въ состояніи довольно неважномъ; больше вниманія обращается на скотоводство и рыболовство; производство этихъ хозяйственныхъ отраслей описывается съ любопытными подробностями, хотя бы для спеціального сочиненія о крайнѣе нужно было представить болѣе подробно и наглядно тѣ особенности, какія отличаютъ мѣстную промышленность (стр. 96). Относительно садоводства и лѣсоводства, г. Попка указываетъ, что Войсковое Правленіе принимаетъ мѣры для развитія этихъ вѣтвей сельской промышленности; для садоводства заведенъ общепользныи разсадникъ на войсковомъ иждивеніи. Но вообще авторъ мало попеняетъ вліяніе такой мѣры: видно только, что эта отрасль идетъ плохо. Выше, говоря о скотоводствѣ, онъ сообщаетъ, что существовали прежде войсковые заводы, конскій и овечій, но, безъ пользы для края, перевелся самъ собою. О садоводствѣ авторъ не говоритъ этого, но почти вѣроятно изъ всего хода его описанія, что и въ этомъ отношеніи результаты прямого попеченія сверху отъ органовъ управленія несостоятельны. Фактъ этотъ повторяется вездѣ. Всякій экономическій промыселъ идетъ тихо, если указывается сверху, и образцы всегда остаются пустою формою. Между тѣмъ, условія Черноморскаго Края, какъ видно, очень выгодны для скотоводства, которое сдѣлалось само-собою главнѣйшею отраслью богатства, — выгодно и для садоводства и виноградарства. Что не досказывается авторомъ, то ясно само собою: для поощренія первой отрасли и для успѣшнаго водворенія другой, необходимы — не примѣрные заводы отъ правительства, а частныя предпріятія туземцевъ, которыхъ примѣръ дѣйствительно можетъ увлечь общество, потому-что укажетъ прямую выгоду, добываемую такимъ занятіемъ; тогда-какъ, напротивъ, казенныя посылки, обыкновенно не удающіяся, какъ потому, что въ нихъ форма беретъ верхъ надъ содержаніемъ, такъ равно и потому, что для руководителей недостаетъ близкаго къ нимъ интереса, только могутъ отвратить отъ подражанія. Точно тоже можно сказать о лѣсоводствѣ (стр. 107). Едва ли обычныя, принятая у насъ повсемѣстно мѣры могутъ способствовать разведенію лѣсовъ, или и сохраненію ихъ, пока не распространится въ народѣ охота и сознаніе нужды ихъ сохранять. Это несравненно легче въ Черноморѣ

и вообще у малороссянъ, чѣмъ въ другихъ краяхъ Россіи, потому что малороссы любятъ деревья, тогда какъ великорусскій крестьянинъ ихъ обыкновенно истребляетъ. Для поддержки и распространенія земледѣльческаго хозяйства нужна тоже предприимчивость частныхъ лицъ, которыя могутъ показывать дѣло и другимъ. Было бы успѣшнѣе для хозяйства, еслибы поддержки, которыя употребляются на заведенія отъ казны, отъ правительства, отъ общества наконецъ, обратилъ на поощреніе частныхъ лицъ и предоставилъ тѣмъ, которые занимаются отраслямъ промышленности и хозяйства, какія желательно ввести въ край, наиболѣе льготы и выгоды, дабы, такимъ образомъ, пріобрѣтеніе—важнѣйшій стимулъ человѣческой дѣятельности — находило себѣ поощреніе.

Авторъ изображаетъ состояніе промышленности и торговли края въ младенческомъ состояніи. Весь промышленный и торговый оборотъ совершается не туземцами, а зажими, и оттого Черноморье представляется какимъ-то мѣстомъ стеченія разнородныхъ и разноплеменныхъ посѣтителей, въ такомъ множествѣ, что въ годъ перебываетъ тамъ 2½ т. чужаго народа. Черноморская торговля сохраняетъ характеръ ярмарочнаго старообразнаго торгашества, мелкаго надувальства купцовъ между собою. Не любовь къ торговымъ занятіямъ малороссійскаго народа проявляется здѣсь въ полной степени. Мало пецѣляетъ се и пецѣлать административное образованіе торговыхъ и промышленныхъ обществъ и всякаго рода корпорацій, ибо малороссійскій народъ не любитъ корпорацій, составляемыхъ по опредѣленному заранѣе плану и навязываемыхъ ему. Корпорация приметелна имъ только тогда, когда она не стѣсняетъ его личной свободы: иначе, если онъ и самъ на нее согласится, то скоро она ему опротивѣтъ своею обязательностью.

Статья о финансовомъ устройствѣ изложена авторомъ недостаточно. Правда, мы въ ней видимъ таблицы и доходовъ и расходовъ, но не знаемъ, какъ и когда возникала каждая статья, что истекаетъ изъ мѣстной жизни, что установлено сверху. Въ разсказѣ объ образованности Черноморцевъ, авторъ сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о древней методѣ обученія у духовныхъ лицъ и о знакомствѣ съ черкесскимъ языкомъ, которое дѣти пріобрѣтаютъ въ школахъ посредствомъ сближенія съ учениками изъ Черкесовъ; также любопытна повѣсть о попыткѣ одного Черкеса — дать своему языку литературное развитіе (стр. 160—163). Но г. Пощка не сообщаетъ намъ подробностей о томъ, въ какой степени, съ какою охотою, усваиваютъ себѣ просвѣ-

щеніе Черкесы, какъ пользуются имъ и какія послѣдствія оставляетъ оно на ихъ жизни. Равнымъ-образомъ, авторъ мало распространяется и о томъ, какіе слѣды школьное воспитаніе вносятъ въ жизнь самихъ Черноморцевъ и въ какомъ положеніи находится домашнее воспитаніе. Очень замѣчательно приводимое имъ мнѣніе наказнаго атамана, Рашиля, о женскомъ воспитаніи: онъ считаетъ ненужнымъ заводить институты, на томъ основаніи, что черноморская женщина, по своему назначенію, не должна набираться барскихъ привычекъ. Мнѣніе — одностороннее; оно справедливо только въ томъ случаѣ, когда женскія заведенія будутъ основываться и поддерживаться въ такомъ духѣ, который, по здравому замѣчанію генераль-лейтенанта Рашиля, не годится для черноморскаго общества; но ничто не мѣшаетъ быть имъ основанными въ иномъ духѣ, съ цѣлю болѣе-соответственной мѣстной жизни.

Вторая часть посвящена военному устройству и быту Черноморья. Авторъ обстоятельно изображаетъ настоящій составъ и распределеніе войска, средства его существованія и особенности тамошняго военного быта. Последнее представлено авторомъ съ большимъ стараніемъ. Изображеніе *пластунѳвъ* и *плавней* (стр. 241 — 261), кажется, самая лучшая часть всего сочиненія. Жаль, что авторъ, коснувшись исторіи Черноморья, ограничился воспоминаніемъ объ эпохѣ перехода Запорожцевъ на новоселье и не познакомилъ насъ со всемъ теченіемъ старой южнорусской жизни, измѣнявшейся въ продолженіи семидесяти лѣтъ подъ другими условіями. Но г. Попка не только оставилъ то, что было бы самымъ любопытнымъ и возбуждающимъ мысль въ его разсказахъ, но еще считаетъ это неважнымъ: «про другое что-нибудь», говоритъ онъ, — «про то, напримеръ, какъ выростали козаки изъ надалицы, какъ властвовала и интриговала войсковая старшина, т. е. войсковая олигархія, и съ какими вышышками угасало запорожское своевольство — лучше умолчать». Напротивъ, лучше бы авторъ сократилъ свое описаніе церемоній, бывшихъ при современныхъ официальныхъ торжествахъ, да познакомилъ насъ съ тѣмъ, что *ему кажется* мало-важнымъ. Также можно пожалѣть, что авторъ не познакомилъ насъ обстоятельнѣе съ правами, обычаями прежней домашней жизни, отбѣнками языка и народною поэзіею Черноморскихъ Козаковъ. Въ этомъ отношеніи онъ ограничивается только замѣчаніемъ, что Черноморцы — Малороссіяне. И только. Мы мало знаемъ Черноморье, но стоить только проѣхать по этой странѣ, приглядѣться вскользь къ фязіономіи,

жизнью-бытiем жителей, слышать ихъ говоръ, и тутъ можно видѣть, что у нихъ есть нѣкоторыя особенности, составляющія принадлежность одного только Черноморья, и чуждыя Малороссiи.

О вѣрности сообщаемыхъ г. Попкою фактовъ нѣтъ повода сомнѣваться, когда авторъ — природный Черноморецъ, живетъ въ краю и знакомъ со всею мѣстною жизнью, по собственному опыту. Что же касается до вѣрности воззрѣнiй, то, за исключенiемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, какъ напр. о курганахъ, гдѣ выводы автора произвольны, — въ книгѣ его не видно ни парадоксовъ, ни ошибочныхъ выводовъ; но вообще она и не отличается взглядами, будучи болѣе послѣдовательною цѣпью рассказовъ о разныхъ сторонахъ жизни Черноморья.

Изложенiе книги живо и легко, но страдаетъ подъ-часъ неумѣстными притязанiями показать автора человѣкомъ ученымъ, пренебрегающимъ ученую форму. Отсюда советамъ не кстати приводятся латинскiя выраженiя, какъ-будто въ насмѣшку надъ учеными, пишущими по-латынѣ, какихъ, сколько извѣстно, у насъ и нѣтъ.

Изъ этого обзора ясно, что сочиненiе г. Попки любопытно и полезно, пока нѣтъ никакого иного описанiя Черноморья; но еще нельзя не пожелать другого сочиненiя о край и его населенiи, обратившихъ на себя, въ последнее время, особенное вниманiе и правительства и общества.

Н. Костомаровъ.

ГОВОРИЛЪ ЛИ ПОЛУБОТОКЪ ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ РЪЧЬ, ПРИВОДИМУЮ КОНИССКИМЪ?

Исторія Конисскаго, какъ извѣстно, заключаетъ въ себѣ немало ошибокъ, вольныхъ и невольныхъ; обвинять строго за это знаменитаго архипастыря было бы не справедливо. Виногато тутъ больше время и, отчасти, та горячая любовь къ народу, которая руководила Конисскимъ въ его трудѣ. Дѣло нашего времени указать эти ошибки, но указывать ихъ нужно *sine ira et studio*.

Къ такимъ ошибкамъ Конисскаго принадлежитъ, между-прочимъ, и тотъ радужный цвѣтъ, который онъ придалъ личности Павла Полуботка. Онъ приписываетъ ему, какъ извѣстно, такія гражданскія доблести, передъ которыми потомство, по-справедливости, не могло не преклоняться. Теперь открытые историческіе факты показываютъ, что потомство въ этомъ случаѣ введено было въ ошибку. При всемъ своемъ умѣ, — въ послѣднемъ отказать ему нельзя, — Полуботокъ дѣйствовалъ нисколько не лучше современнаго ему панства и позволялъ себѣ такія же насилія, какъ и послѣднее ⁽¹⁾. Со временемъ, вѣроятно, откроется еще болѣе подробностей объ этой сторонѣ нашей общественной жизни, и мы поймемъ, какимъ образомъ нажилъ Полуботокъ тѣ огромныя богатства, списокъ которыхъ сохранился до нашего времени ⁽²⁾.

Разсказывая о заключеніи Полуботка съ товарищами въ Петербургскую крѣпость, въ 1723 г., Конисскій говоритъ, что къ этому наказанію присудилъ ихъ судъ Тайной Канцеляріи и что когда укра-

(1) Записки о Южной Руси, II, 348.

(2) Мы видѣли этотъ замѣчательный списокъ у Гр. Ал. Милорадовича; въ настоящее время онъ, кажется, переданъ имъ О. М. Бодянскому, для напечатанія.

щикамъ объявленъ былъ приговоръ (вѣчное заточеніе и лишеніе имѣній), то Полуботокъ сказалъ при этомъ Петру Великому рѣчь, которую затѣмъ и приводитъ (1). Извѣстная эта рѣчь и была собственно причиною того орсела, въ которомъ мы привыкли представлять себя личность Полуботка. И не мудрено: будь она дѣйствительно сказана послѣднимъ, то въ ней одной явилъ бы онъ замѣчательный подвигъ гражданина. Но дѣло было не такъ; рѣчь эта сочинена, вѣроятно, самимъ Конисскимъ, и на Полуботка взведена тутъ напраслиа. Это видно будетъ изъ слѣдующаго разсказа.

Послѣ измѣны Мазепы, участь Гетманщины была рѣшена Петромъ. Представляя собою, въ некоторомъ образомъ, status in statu, она не нравилась ему, конечно, и прежде; теперь же она становилась окончательно опасною. Не будь Карла XII въ то время въ Украинѣ, легко могло случиться, что гетманство Мазепою бы и закончилось; но повернуть такъ круто, при Шведлахъ, нельзя было и уничтоженіе Гетманщины отложено до смерти Скоропадскаго. Скоропадскій умеръ. Урядъ гетманскій временно порученъ былъ Полуботку, обще съ Генеральною Старшиною, съ тѣмъ, чтобы они «во всѣхъ дѣлахъ, совѣтахъ и въ разсылкѣ универсаловъ имѣли сношеніе съ бригадиромъ Вельяминовымъ» (2); избраніе же гетмана императоръ отлагалъ до своего возвращенія изъ персидскаго похода. Не дождавшись возвращенія, Полуботокъ, въ январѣ 1723 г., отправилъ въ Петербургъ Грабянку съ товарищами — просить сенатъ объ ускореніи избранія. Просьба эта, разумеется, осталась безъ отвѣта. Между тѣмъ, Вельяминовъ дерзкимъ своимъ обращеніемъ выводилъ изъ терпѣнія Генеральную Старшину и Полуботокъ послалъ государю жалобу (3). Узнавъ объ этомъ, Вельяминовъ самъ отправился въ Петербургъ и передѣлялъ дѣло такъ, что привезъ оттуда указъ, предписывавшій Полуботку, Чарнышу (генерал. судѣ) и Савичу (генер. писарю) прибыть немедленно въ Петербургъ (4). Передъ отъѣздомъ, Полуботокъ отправилъ туда, совершенно некстати, новую челобитную о гетманствѣ. Всѣ эти просьбы

(1) Источникомъ для всего этого разсказа (Исторія Русовъ, 228) послужило, видимо, словесное преданіе, почему онъ и невѣренъ. Ср. Бант. Кам., III, 146.

(2) Бант. Камешскій, III, 142.

(3) Т. же, примѣч. 204.

(4) *Черниговская Лѣтопись*, по списку сообщенному намъ Гр. С. Тупицею, который значительно полюбилъ противъ напечатаннаго г. П. Бѣлозерскимъ (Южно-русскія Лѣтописи, 1833).

и жалобы, усложняя собою вопросъ, сильно не нравились Петру; къ нимъ прибавилось еще дѣло объ овцеводствѣ (1) и Полуботку трудно уже было сдобровать.

5 августа, онъ прибылъ въ Петербургъ и какъ дѣйствовалъ здѣсь, сколько подавъ просьбъ въ разныя мѣста, можно видѣть изъ журнала, приводимаго Бантышъ-Каменскимъ (2). Императоръ разгнѣванъ былъ окончательно. Черниговская лѣтопись говоритъ, что «тогожь часу (какъ поданы были просьбы) паряженъ и посланъ на Украину лейбъ-гвардіи майоръ преображенскаго полку, Александръ Ивановичъ Румянцовъ, для спросу Старшины и чернѣ малороссійской о тѣхъ челобитныхъ—чи все о томъ вѣдаютъ и просятъ *и уже съ того числа видѣли быть монарху запываннаго.*» Царское терпѣніе переполнялось.

На Украину, въ это время, Апостоль подбивалъ Старшину послать новую челобитную объ избраніи гетмана (3), кажется, также рассчитывая на булаву, какъ и Полуботокъ. Челобитная была написана, но почему—то Апостоль отправилъ ее не тотчасъ: послана она была царю только мѣсяца черезъ два, когда не знали что дѣлать и съ Полуботковыми. Этой новой челобитной, заключавшей въ себѣ къ тому жъ *досадные термины* (4), было достаточно для вѣншики: «прислана изъ Украины», говоритъ черниговская лѣтопись, «отъ полковника мпргородскаго Данила Апостола и отъ всего войска малороссійскаго, за подписомъ рукъ всей полковой и сотенной старшины и товариства бунчуковаго и значковаго, другая челобитная, съ Коломаку, чрезъ канцеляриста Ивана Романовича, въ Питербургъ; которое, когда тотъ канцеляристъ подавъ до рукъ самому Императорскому Величеству, зъ церкви св. Троицы (5), по службѣ Божой, плучому, носвря 10 числа, такъ заразъ въ кофейный домъ увойшовши (6) и вычитавши, и вышедши зъ того дому, *тогожь моменту изволилъ приказать своими устами генералъ-мазору и гвардіи преображенскаго*

(1) Полв. Собр. Св. Закон., 1724 г., іюня 15.

(2) III, 146 и 147.

(3) Дневныя записки Якова Марковича, I, 24.

(4) Т. же.

(5) Въ Пзайловскомъ полку.

(6) Кофейная находилась близъ церкви; тутъ же, недалеко, на Троицкой пристани, жилъ и Полуботокъ съ товарищами. Кратк. Лѣтоп. Мал. Россіи. изд. В. Рубаномъ 1777 г., стр. 181.

полку мазору Андрею Ивановичу Ушакову, съ великимъ гнѣвомъ и яростію, взять подъ караулъ полковника Павла Полуботка, судію егералнаго Ивана Черныша, Семена Савича, писаря егералнаго, тамъ же при кофейномъ домъ стоявшихъ, и всѣхъ хто за ими ассистовалъ, отъ которыхъ и отъ всѣхъ отвязавши своими руками шаблѣ, тотъ же егералъ Ушаковъ велѣлъ всѣхъ попроводити въ замокъ мурованій питербургскій» (1). Вотъ рассказъ, если не очевидца, то записанный со словъ его, ясно говорящій, при какихъ обстоятельствахъ арестованъ былъ Полуботокъ. О рѣчи тутъ не могло быть и помину.

Въ другихъ лѣтописяхъ заключеніе Полуботка записано такъ: 1) «Полковникъ Черныговскій съ старшиною егералною самъ треть, позваны въ Петербургъ, гдѣ опослѣ, за дерзостніе запросы, взяты подъ арестъ» (2). 2) «Тогожь року (1723) зимою, дерзновенными запросами полковникъ Черныговскій Полуботокъ съ товарищи, въ Санктпетербургѣ, прогнѣвали его императорское величество и за то взяты тамъ подъ арестъ» (3). Подъ дерзостными запросами лѣтописцы именно (4) разумѣли здѣсь тѣ челобитныя, которыя поданы были Полуботкомъ въ Петербургѣ. Очень можетъ быть, что неточное пониманіе этихъ выраженій и подало Конисскому поводъ сочинить эту замѣчательную рѣчь, которая должна быть объясняема общимъ

(1) Приводимъ здѣсь и конецъ этого мѣста: «где съ перваго часу порознь были всѣ за карауломъ посаженн; потимъ, по 4 чоловика случени, а далѣй знову, недель у килка, поединцемъ розведени. А взято тогда при главиой старшинѣ подъ караулъ, въ замокъ, полковниковъ наказныхъ троухъ: 1) Гадяцкаго полкового судію Григорія Грабянку (лѣтонисца), 2) Переяславскаго асаула полкового Ивана Кирпича, 3) Стародубовскаго, Петра Корецкаго, да бунчуковаго товарища Димитрія Володковскаго, канцеляриста войсковой егералной канцеляріи Николая Ханепка, Іосифа Гаврилова, Василія Биковскаго, Стародубовскаго значковаго Стефана Носовича, Черныговскаго значковаго Павла Римшу, а слугъ всѣхъ на господѣ, гдѣ стояли, подъ караулъ побрано и всѣ пожитки, у кого шо было, сукиѣ и денги одобрано, попечатаю и на Шафъровъ дворъ зопроважено.» Далѣе подъ годомъ 1724: «декаврѣ 18 преставился въ замку питербургскомъ, подъ карауломъ, полковникъ Черныговскій Павелъ Полуботокъ и погребенъ при перкви св. Самсона Странноприимца, за Малою Невою, декаврѣ 29 числа». (У Марковича: «преставился 17 декабря, третьей години», I, 61).

(2) Краткая лѣтопись Малороссіи, ркспъ XVIII в.

(3) Краткое описаніе о Малой Россіи, ркспъ XVIII в.

Оба списка находятся у насъ.

(4) Почему-же — именно? Ред.

обычаемъ писателей того времени — при всякомъ удобномъ случаѣ, впадать въ уста своихъ героевъ пышныя рѣчи. Но Конисскій плохо понималъ характеръ Петра, допуская возможность, чтобы онъ терпѣливо выслушалъ такую рѣчь... (1)

Ал. Лазаревскій.

(1) Считаю не лишнимъ сдѣлать небольшое замѣчаніе по вопросу, разбираемому въ этой статьѣ. Корыстолюбіе, насмѣя, въ которыхъ, наравнѣ со многими современниками, обвиняется Полуботокъ, сами-по-себѣ не могутъ опровергнуть миѣнія, записаннаго Конисскимъ, объ его гражданскихъ доблестяхъ. Въ человѣческой природѣ уживаются величайшія противорѣчія, — самыя, по видимому, противоположныя страсти. Исторія всѣхъ вѣковъ и народовъ представляетъ намъ множество примѣровъ подобныхъ несообразностей; въ повседневномъ быту, мы также очень-часто встрѣчаемъ людей весьма-достойныхъ въ домашней, семейной, жизни, которые вовсе не положили на себя въ дѣятельности общественной, — и наоборотъ. Мы это говоримъ къ тому, что правственные недостатки Полуботка не могли бы помѣшать ему смѣло высказать Петру свое миѣніе о тягостномъ положеніи родины и свои личныя претензіи, если наказный гетьманъ дѣйствительно привязанъ былъ къ отечеству и обладалъ сильнымъ характеромъ. Быть-можетъ Полуботокъ не сказалъ рѣчи въ такомъ видѣ, въ какомъ это записано у Конисскаго; быть-можетъ, Полуботокъ и вовсе не говорилъ рѣчи, но онъ объяснялся съ Петромъ, но онъ подавалъ бумаги, въ которыхъ высказывалъ обиды, испытываемыя Украинскимъ народомъ и Старшиною, которые остались вѣрны Царю, несмотря на обольщенія Мазепы и его приближенныхъ, и на обаяніе имени Карла. Намъ неизвѣстны подлинныя жалобы, поданныя въ Петербургъ Полуботкомъ, тѣ дерзостныя и дерзновенныя запросы, о которыхъ говорятъ Лѣтописи: быть-можетъ, въ нихъ мы нашли бы тѣ самыя выраженія, которые приводитъ Конисскій; и обвинили бы его не за содержаніе, а только за форму рѣчи, придуманную имъ-самимъ, въ подражаніе древнимъ историкамъ. — Наконецъ, почему не предположить, что Полуботокъ, не вѣрно понимая характеръ Петра и свои отношенія къ нему, сочинилъ и написалъ извѣстную рѣчь, но не произнесъ ея?.. Трудно допустить, чтобы Конисскій, рассказывая о такомъ недавнемъ, памятномъ для всѣхъ, событіи, какъ заключеніе Полуботка и прочей старшины, выдумалъ цѣлую рѣчь, ни на чемъ неоснованную. — Ред.

ОТВѢТЪ НА ПИСЬМА г. МАКСИМОВИЧА КЪ г. ПОГОДИНУ О НАРѢЧІИ МАЛОРУССКОМЪ (1).

Горячо сочувствуя вопросу, рѣшаемому г. Максимовичемъ въ толь-ко-что прочитанных мною письмахъ его къ М. П. Погодину, въ 3-й книжкѣ Русской Бесѣды, и имѣя намѣреніе высказать свои замѣчанія,

(1) Помѣщаемое ниже письмо автора къ г. Погодину объясняетъ, почему такъ-поздо является въ печати статья, написанная 4½ года тому назадъ. Г. Погодинымъ она была передана г. Костомарову, отъ котораго поступила къ намъ. Помѣщаемъ ее не какъ выраженіе мнѣній редакціи по вопросу о Южнорусскомъ языкѣ, а какъ личное мнѣніе автора, могущее вызвать возраженіе, а можетъ-быть — и разрѣшеніе вопроса, весьма любопытнаго въ настоящее время, когда — съ одной стороны — Великороссы, а съ другой — Поляки — усматриваютъ въ древней южнорусской письменности начатки своихъ собственныхъ языковъ и не признаютъ, въ то же время, признаковъ языка мѣстнаго. Г. Лавровскій весьма часто ссылается на Новгородскія лѣтописи; попомнимъ мнѣніе, высказанное недавно г. Костомаровымъ (*Основа*, январь, стр. 143 и 144), о поразительномъ сродствѣ между новгородской и южнорусской народностью. — *Ред.*

«Милостивый Государь, Михаилъ Петровичъ!

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, 1836 года, я имѣлъ удовольствіе послать вамъ письмо, по прочтеніи доставленныхъ мнѣ кн. Голицынскихъ корректурныхъ листовъ письма вашего къ Ш. П. Срезневскому, напечатаннаго потомъ въ «Извѣстіяхъ 2-го отдѣленія Академіи Наукъ».

Въ этомъ письмѣ незначительною долею коснулись вы и моего разсужденія, 1832 года, въ которомъ высказалъ я мнѣніе о несуществованіи на югѣ Руси, въ древнее время, нарѣчія малорусскаго. Возобновляя это мнѣніе, какъ самый первый его виновникъ, вы, въ упомянутомъ письмѣ къ г. Срезневскому, сдѣлали и упрекъ на счетъ мой и Измаила Ивановича, что такъ невнимательны мы къ столь важному вопросу и не продолжаемъ своихъ занятій нарѣчіемъ малорусскимъ..

Упрекъ такой оказался мнѣ совершенно несправедливымъ, и въ письмѣ на ваше имя, въ 1836 году, я считалъ обязанностью высказать, что, во первыхъ, званіе профессора славянскихъ нарѣчій вовсе еще не служитъ ручательствомъ въ обработкѣ такого предмета, гдѣ главный матеріалъ разсѣянъ въ массахъ народной, на огромномъ пространствѣ, — а средства профессора русскаго университета едва достаточны, чтобы существовать, а не дѣлать, при всей задушевной готовности, ежегодныя экскурсіи по городамъ и деревнямъ ближайшихъ и отдаленныхъ губерній. Харьковъ же, мѣсто моей службы, слыш-

не съ цѣлію отстоять себя или задѣть за живое противника, а единственно съ желаніемъ дойти, по возможности, до истиннаго рѣшенія этого вопроса, я позволяю себѣ прежде всего ограничить предметъ для

комъ *цивилизованный* городъ, чтобы найти хотя какое-нибудь вознагражденіе на его базарахъ и рынкахъ. Во-вторыхъ, тамъ, гдѣ матеріалъ находится подъ рукою, будучи обнародованъ въ печати, профессора не упускаютъ случая пользоваться имъ какъ можно скорѣе, и, въ доказательство, я указалъ вамъ тогда на свою статью, посланную въ концѣ 1853 года въ Петербургъ. Вотъ слова мои въ письмѣ къ вамъ: «эта статья еще въ ноябрѣ прошлаго года была отъправлена въ редакцію журнала министерства народнаго просвѣщенія; быть можетъ, она уже и отпечатана, быть можетъ, вы ее уже и пробѣжали, но какъ я ничего этого не знаю, то и считаю долгомъ выписать изъ нея нѣсколько строкъ заключенія.» Не моя вина, что мои замѣтки о малорусскомъ нарѣчій появились въ печати только черезъ четыре года, въ половинѣ 1859-го. Изъ прилагаемаго теперь вамъ оттиска вы увидите, что еще до прочтенія корректурныхъ листовъ вашего письма къ г. Срезневскому, я, на основаніи данныхъ языка, вывелъ заключеніе о ближайшемъ родствѣ южно-русскаго языка съ южно-славянскими, что нашегъ вполне возможнымъ объяснить продолжительнѣйшимъ сосѣдствомъ и сожителствомъ южно-русскаго народа съ Сербами и Хорватами въ первобытной ихъ родинѣ, въ Карнатахъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ старался подтвердить я и преную свою мысль о несуществованіи на югѣ Руси, до XIII—XIV стол., малорусскаго языка какъ особеннаго отъ великорусскаго.

Между тѣмъ, въ ту пору, какъ статья моя лежала въ неизвѣстности, появился въ Русской Бесѣдѣ и письма къ вамъ г. Максимовича, имѣвшія задачею опровергнуть ваши доводы въ письмѣ къ г. Срезневскому и доказать исконность на югѣ Руси малорусскаго нарѣчія и даже несомнѣнное отраженіе его особенностей въ старинной письменности русскаго.

Въ отвѣтной статьѣ своей, вы снова упрекнули и Пзманла Пзаныча и меня въ неучастіи къ вопросу и прямо вызывали насъ на оцѣнку «филологическихъ доказательствъ г. Максимовича. Но и въ настоящемъ случаѣ, упрекъ также оказался несправедливымъ. Едва только прочтены были одинадцать писемъ съ припискою г. Максимовича, какъ уже отвѣтъ мною былъ приготовленъ и тотчасъ же посланъ въ ту же редакцію, въ Петербургъ. Отвѣтная статья ваша появилась въ Харьковѣ мѣсяца черезъ два послѣ этого. Къ немалой досадѣ, и «замѣчанія на письма г. Максимовича» постигла участь нисколько не лучшая, какъ и статью о малорусскомъ нарѣчій. Миѣ оставалось лишь удивляться нежеланію редакціи возвратитъ мою статью и, въ заключеніе, невозможности пайти ее въ сей, когда явился я самъ лично туда, во время проѣзда черезъ Петербургъ изъ-за границы, въ ноябрѣ 1860 года.

Во время этого проѣзда имѣлъ я удовольствіе посѣтить и васъ въ Москвѣ. На вашъ вопросъ о малорусскомъ вопросѣ, я въ сжатомъ видѣ сообщилъ все, что описываю теперь въ подробностяхъ.

Вы высказали желаніе познакомиться съ моимъ отвѣтомъ г. Максимовичу; съ полною готовностію посылаю его Вамъ и въ томъ неизмѣнномъ видѣ, какъ вышлегъ опъ изъ-подъ моей руки 8 декабря 1856 года. Позволяю вамъ распорядитесь имъ, какъ найдете вы полезнымъ. 10 генваря, 1861 года. *И. Лавровскій.*

своихъ замѣчаній. Такихъ предметовъ два въ письмахъ г. Максимовича: одинъ составляетъ опроверженіе высказаннаго г. Погодинымъ тождества великорусскаго нарѣчія съ церковнославянскимъ, другой — опроверженіе также тождества сѣвернорусскаго и южнорусскаго нарѣчій въ древнее время, до XIII вѣка, или иначе—опроверженіе мысли, будто малорусскаго нарѣчія вовсе не извѣстно въ древней южной Русп, будто оно появилось въ ней только послѣ погрома Татарскаго, съ запада, съ Карпатовъ, съ Волини и Подоліи, вмѣстѣ съ колонизаціею народа на востокъ въ опустошенныя страны. Перваго предмета я не намѣренъ касаться вовсе, признавая въ глазахъ каждаго филолога не сомнѣнно очевиднымъ отличіе нарѣчій церковнославянскаго и древнерусскаго и невозможность отождествленія ихъ; имѣю въ виду лишь второй предметъ, и то одну часть его, именно: отразилось, или нѣтъ, въ письменности русской, въ давнее время, нарѣчіе малорусское, и въ чемъ оно могло положительнѣе и убѣдительнѣе всего высказаться. Расселеніе малороссіянъ съ запада на востокъ оставляю въ сторонѣ.

Г. Погодинъ, повторяя отзывы объ этомъ изъ приводимыхъ имъ изслѣдованій въ письмѣ къ г. Срезневскому, не только согласился съ ними, но и прибавилъ, что и самъ онъ, собственнымъ своимъ чтеніемъ памятниковъ, дошелъ до того убѣжденія, что въ этихъ памятникахъ, хотя писанныхъ и на югѣ, нѣтъ рѣшительно ничего что бы говорило положительно въ пользу нарѣчія малорусскаго. Г. Максимовичъ, считавшій для себя почему-то неумѣстнымъ возражать противъ этой мысли прежде, высказанной еще въ 49 году, быть можетъ, потому, что за мухой не съ обухомъ, за комаромъ не съ топоромъ, въ 56 году, съ обнаруженіемъ письма г. Погодина, прервалъ свое молчаніе и, въ письмахъ съ припской представилъ свои опроверженія положеній г. Погодина и доказательства противнаго, что малорусское нарѣчіе псконо, что и въ первыхъ произведеніяхъ письменности, хотя и церковнославянскій въ основѣ, оно выразило себя отличительными чертами. Вѣроятно, филологи порадовались предѣлу молчанія г. Максимовича по этому вопросу; да и пельзя не порадоваться тому, кто высказываетъ убѣжденія не ради заманчивости новизны, не для краснаго слова, а съ мыслию и желаніемъ добраться до настоящаго толку въ изслѣдуемомъ вопросѣ и уяснить дѣло такъ, какъ оно дѣйствительно было, а не какъ оно могло быть, или какъ намъ бы хотѣлось, чтобъ оно было. Безъ противорѣчія же, безъ опроверженія, достигнуть этого желанія трудно; молчаніе въ подобномъ случаѣ мо—

жетъ скорѣе повредить, давъ собою новую опору стоять за справедливость мнѣнія высказаннаго, иногда быть можетъ и паскоро и безъ глубокаго сознательнаго убѣжденія.

И г. Максимовичъ пятилѣтнимъ молчаніемъ своимъ только оставилъ вопросъ на цѣлыя пять лѣтъ. Радуюсь съ другими разрѣшившемуся языку г. Максимовича, хотя и не какъ привилегированный филологъ, а какъ живо сочувствующій дѣлу, я съ жаромъ и съ сильнымъ любопытствомъ пробѣжалъ его письма и тутъ же взялся за бумагу и перо, чтобы не дать остыть своему жару и немедленно передать свои замѣчанія.

Скажу прежде всего нѣсколько словъ о способѣ, какимъ, по моему разумѣнію, возможно при настоящемъ вопросѣ доказывать то или другое, существованіе или отсутствіе въ южной Руси нарѣчія малорусскаго въ древнее время. Страннымъ показалось мнѣ, да, думаю, не менѣе страннымъ покажется и другимъ, что г. Максимовичъ, которому въ извѣстности по филологіи, конечно, никто не рѣшится отказать, опровергая своего друга—академика, въ число доказательствъ помѣстилъ и нѣсколько словъ изъ древнихъ южно-русскихъ памятниковъ, какъ исключительно малорусскихъ и, слѣдовательно, своимъ присутствіемъ указывающихъ на существованіе малорусскаго нарѣчія и въ древнее время. Какъ историкъ, г. Погодинъ, естественно, могъ поражаться при чтеніи южной лѣтописи и другихъ произведеній южной древней литературы подборомъ словъ, которыя, тамъ—сямъ, разбросаны *вслѣ* и въ памятникахъ сѣверной литературы и между которыми не отозвалось ни одно чѣмъ-либо, только или по преимуществу, малорусскимъ; въ силу этого впечатлѣнія, онъ счелъ себя въ правѣ, между прочимъ, взять во вниманіе и это обстоятельство, — отсутствіе неключительныхъ словъ малорусскихъ, — какъ подтвержденіе своего положенія о несуществованіи, въ южной Руси, до XIII вѣка, нарѣчія малорусскаго. Но чѣмъ могъ поражаться историкъ, то, въ глазахъ филолога, можетъ не вести иногда ни къ какому результату. Составъ языка, разумѣя подъ этимъ его лексиконъ, въ самобытной основѣ своей, въ корняхъ словянскихъ, есть общее достояніе цѣлаго племени. Поэтому, причислять то или другое, чисто-словянскаго происхожденія, слово одному поколѣнію, нарѣчію, и отнимать его у другихъ или у другаго, для всей исторической жизни языка, уже по одному этому разсужденію, было-бы крайне неосторожно, неосновательно; а, принимая въ соображеніе словаря древнихъ памятниковъ по нарѣчіямъ и

областных рѣченій, въ которыхъ чѣмъ внимательнѣе изслѣдываютъ ихъ, тѣмъ больше и больше открываются словъ и древнѣйшихъ и общихъ съ другими родственными нарѣчійми, хотя и забытыхъ въ языкѣ книжномъ, литературномъ,—и несправедливо. Какая можетъ быть порука для филолога утверждать исключительную принадлежность, съ отдаленнѣйшихъ поръ, нарѣчію извѣстнаго слова, несомнѣнно славянскаго происхожденія? Рѣшительно никакой. Но изъ этого основнаго состава, корней, развиваются семьи словъ, для выраженія понятій болѣе частныхъ или ихъ отгѣнковъ, чрезъ приставки, окончанія или сложенія двухъ, трехъ и болѣе словъ; способъ такого развитія представляетъ уже различіе по нарѣчіймъ, которое можетъ и должно-быть принято въ соображеніе для ихъ характеристики. Но основной составъ языка, общій цѣлому племени нѣкогда, не можетъ оставаться навсегда единственнымъ его богатствомъ, со стороны лексической; при самобытномъ развитіи народа, при увеличеніи и усовершенствованіи его понятій, языкъ можетъ легко обойтись безъ заимствованій, какъ это дѣйствительно и бываетъ, выработывая изъ основнаго матеріала, посредствомъ свойственныхъ ему способовъ, новыя слова, для выраженія возникшихъ новыхъ понятій.

Но—съ одной стороны, неизмѣннымъ, постояннымъ, самобытнымъ развитіемъ едва-ли можетъ похвалиться какой-либо народъ, не исключая и Китайцевъ, съ другой—и при немъ, въ слѣдствіе близкаго сосѣдства съ иными народами, въ слѣдствіе общенія съ ними, враждебнаго или дружелюбнаго, весьма естественъ переходъ словъ и чужихъ. Такъ и у народовъ славянскихъ могли появиться въ словарѣ рѣченія иноземцевъ, смотря и потому, кто былъ ихъ сосѣдомъ, и въ этомъ отношеніи, при обширной расселенности Славянъ, при разнородности сосѣдей для отдѣльныхъ поколѣній должно было произойти различіе и въ составѣ лексическомъ; могло оно быть на сѣверѣ и югѣ Россіи, въ силу того же различія сосѣдства. Но неужели же филологъ, на этомъ основаніи, рѣшится заключать и о различіи нарѣчій? Неужели же южно-русскій языкъ до XIII—XIV столѣтія должно почитать отличнымъ нарѣчіемъ отъ сѣвернаго, между прочимъ, и потому, что въ немъ попадаются, напримѣръ, слова половецкія, которыхъ нѣтъ на сѣверѣ? Въ такомъ разѣ, придется считать за отдѣльныя нарѣчія и многіе областныя говоры великорусскаго нарѣчія, между которыми также разнообразная народность сосѣдей оставила и различныя слѣды: на востокѣ есть слова неизвѣстныя вовсе на западѣ и въ срединѣ Великой Россіи, и наоборотъ. Нѣтъ, лексиконъ, въ

этомъ случаѣ, не приведетъ ни къ какому результату, доказательствомъ чему да послужатъ намъ доказательства изъ него самого г. Максимовича. Между очевидными въ его глазахъ малорусскими словами приведены: 1) *отпровадить*. Малороссійскому нарѣчію, говорить г. Максимовичъ (стр. 109), воплѣ свойственны глаголы: *провадити, запровадити, отпровадити, препровадити* и т. д. А потому, если мы читаемъ въ Олеговомъ договорѣ «*допровадимъ* съ куплею ихъ поздорову, — въ Кіевской лѣтописи «*отпровадя* Половци», — въ Волынской лѣтописи «*препровадитиша* рѣку лютюю» (1208 г.), то имѣемъ полное право (!!) сказать, что это писано по нарѣчію малороссійскому.» Если бы и дѣйствительно на сѣверѣ не нашлось всѣхъ этихъ словъ въ настоящее время, то и тогда не имѣли бы мы не только полного, но и никакого права утверждать, что ихъ не было и въ старину; но относительно приведенныхъ глаголовъ положительно отнимаетъ всякое право на подобный приговоръ господство ихъ поныѣ и въ нарѣчій великорусскомъ. Какъ уроженцу сѣверному, тверскому, привыкшему съ малыхъ лѣтъ и слышать и употреблять иногда самому эти глаголы, для меня изумительнымъ показалось исключительное присвоеніе ихъ нарѣчію малорусскому. Еслибы г. Максимовичъ справился съ академическимъ, 1847 года, словаремъ, не говорю уже объ областномъ, то, навѣрное, удержался-бы отъ такого приговора, увидѣвъ, что *провадить* и *отпровадить*, и такъ далѣе, воплѣ употребительныя слова на сѣверѣ, даже и не какъ только областныя. Ссылка же на опечатку въ письмѣ г. Погодина, гдѣ вмѣсто *отпровадя* напечатано *отпроводя*, какъ на свидѣтельство несовѣстности корректору—великороссіянину произношенія *отпровадя*, конечно, г. Максимовичемъ сдѣлана для возбужденія улыбки или въ наставленіе корректорамъ, чтобы впередъ были внимательнѣе къ своему дѣлу; думаемъ, что почтенный филологъ серьезно не станетъ же разсматривать книжныхъ опечатокъ, какъ признаковъ нарѣчія или говора.

2.) «Что же касается до слова *хрестъ*, то малороссійское нарѣчіе постоянно удерживаетъ въ немъ звукъ Х, вмѣсто К: *хрестный, хрещеный, хрещатый, хрещатикъ, хрестины, водохрещи, средохрестная недѣля*. И такъ, если мы въ Кіевской лѣтописи читаемъ: *хрестъ, водохрещи* (тамъ же подъ 1118 г.), *средохрестная недѣля* (подъ 1170 г.), не должны ли мы сказать, что это написано по малороссійски. Въ Кіевской лѣтописи, подъ 1147 годомъ, написано: «отторгоша *хрестъ* на немъ»; то же самое въ суздальской (лав-

рентьевской) лѣтописи переписано такъ: «и отторгоша на немъ *крестъ*.» Хотя здѣсь дѣло идетъ вовсе не о словѣ, которое, какъ извѣстно, принадлежитъ, безъ исключенія, всемъ Славянамъ, а о звукѣ *x* вм. *к*.; но какъ приведено оно авторомъ писемъ, и приписки, въ числѣ словъ, то мы и не нарушаемъ порядка, и скажемъ только о звукѣ. Какъ въ южной Россіи, такъ точно во всѣхъ частяхъ и сѣверной, русской народъ въ произношеніи слова *крестъ* и его сложныхъ и производныхъ не употреблялъ и не употребляетъ обыкновенно звука *к*, а постоянно *x*, равно какъ и въ словѣ *кто*. О нынѣшнемъ произношеніи *xрестъ* сѣвернымъ народомъ русскимъ, какъ обыкновеннымъ, считаю излишнимъ и говорить; что же до времени древняго, то пусть г. Максимовичъ обратитъ вниманіе на грамоты сѣверно-русскія или другія, отъ XIII столѣтія и позднѣе; въ нихъ увидитъ онъ почти постоянное употребленіе *xрестъ*, а не *крестъ*. Сопоставленіе Кіевской лѣтописи съ Лаврентьевской тоже неумѣстно, въ приведенномъ случаѣ, потому что какъ въ первой далеко не вездѣ пишется *xрестъ*, такъ и въ послѣдней, сравнительно, рѣже читается *крестъ*. Для примѣра въ Кіевской лѣтописи привожу: «и чѣлова Святославъ *крестъ* съ братомъ своимъ Игоремъ, а наутрѣя день чѣловаста Володимеръ, Изяславъ съ Игоремъ, и тако ятася вси, рекуще: кто съступитъ *крестъ* *цѣлованье*, да съ *крестъ* возьметъ (подъ 1142 годомъ; сравн. *крестъ* и *крестецъ*, подъ 1152 год., на страницѣ 72, и множество другихъ): въ Лаврентьевской: *xрестъ* еси ко мнѣ чѣловалъ (подъ 1127 г. сравн. 1037, и множество другихъ). Встрѣчаемое въ Волинской лѣтописи малороссійское слово *господа* (стр. 131) жило, во всей силѣ, въ древнее время и на сѣверѣ, въ чемъ можетъ убѣдиться г. Максимовичъ, справившись въ словаряхъ къ новгородскимъ лѣтописямъ и пробѣжавши хоть двѣ-три грамоты новгородскихъ, въ собраніи Румянцева. Правда, что на сѣверѣ съ этимъ словомъ соединялось нѣсколько другое значеніе; но, вѣдь, и значеніе словъ имѣетъ свою исторію, чего, увѣрены, не отвергаетъ и г. Максимовичъ; забыться же впоследствии оно могло также, если только дѣйствительно всюду забылось, какъ забыли малороссіяне, по свидѣтельству самого же г. Максимовича, слово *хоробрый* (стр. 129.) Въ числѣ словъ малороссійскихъ поставлено и слово *тяну*, *тянути*, въ которомъ великорусское нарѣчіе издревле выпускаетъ звукъ *г*—тяну, тянуть» (стр. 133). Положеніе о выпускѣ *г* издревле, въ глаголѣ *тянуть*, на сѣверѣ высказано такъ положительно, какъ будто авторъ его намѣренно для этой

особенности перечиталъ всѣ памятники гражданской письменности сѣвера. Такъ—какъ и здѣсь дѣло касается не слова, а формы его, которая можетъ служить характеристикой нарѣчій, то мы и приведемъ нѣкоторыя мѣста изъ грамотъ сѣверныхъ, отличающихся вполне народнымъ языкомъ, гдѣ форма *тянути* обыкновенна, и только одна она, а не *тянути*: кто купецъ, тотъ въ сто, а кто смердъ, а тотъ *потянетъ* въ свой погостъ (Собр. госуд. грам. и догов. Румянцева, I, № 3, 1270 г.); и что сельцо *тянуло* къ тымъ свободамъ, того всего тобѣ съступитися (тамъ—же, № 6, 1305; сравн. тамъ—же, №№ 7, 8). А кто... къ святому Спасу не *тянетъ* (тамъ—же, № 11, 1307 год.); а кто живеть въ Новоторьскомъ уѣздѣ... а тѣ потянуть къ Торжюку (там. 1318 г. № 14). И въ лѣтописяхъ новгородскихъ, языкъ которыхъ также постоятъ за свою народность, форма *тянути* единственно употребительна (сравн. словари къ лѣтописямъ новгородскимъ). И такъ, лексиконъ бездоказателенъ и подъ рукою г. Максимовича, какъ ничего не доказываетъ онъ и среди доказательствъ г. Погодина. Оставимъ же его на этотъ разъ въ покоѣ и повторимъ коротко сказанное, что важность лексикона заключается въ опредѣленіи богатства понятій народа, степени сохраненія имъ до позднѣйшаго времени, или забвенія, старшины и, наконецъ, степень вліянія на него, намѣреннаго или ненамѣреннаго, чуждой народности; для характеристики же нарѣчій или говоровъ находится другое мѣрило, болѣе вѣрное и скорѣе ведущее къ цѣли—словообразованіе, звуки и формы въ склоненіи и спряженіи. Я не исключаю и синтаксисъ, потому что и онъ, говоря вообще, одинаковъ у цѣлаго—племени; въ этой одинаковости—то словосочиненія всего нагляднѣе и отражается родственность происхожденія, единство въ устройствѣ духовной природы, отсюда—и въ способѣ мышленія, съ которымъ неразрывно связано и словосочиненіе. Безспорно, что съ теченіемъ времени мы замѣчаемъ немало отличія и въ немъ, по разнымъ поколѣніямъ славянскимъ; но это различіе также легко опредѣлить, какъ и въ словарѣ отчислить слова несвоеобытнаго происхожденія. Труднѣе подчиняется чужеземному вліянію эта сторона языка, болѣе продолжительное требуется время и болѣе усиленное вліяніе для ея измѣненія, чѣмъ для приѣма словъ, входящихъ въ народъ часто незамѣтно и невольно; тѣмъ не менѣе не освобождена и она совершенно отъ уклоненія отъ роднаго своего строя. Доказательствомъ могутъ быть нарѣчія лужицкое и чешское, въ синтаксисѣ которыхъ во многомъ отзывается вліяніе

нѣмецкое. Отдѣлите это чужеземное вліяніе, и вы получите ту же свободу въ словорасположеніи, которою владѣетъ весь славянскій народъ, въ силу продолжающагося еще обилія формъ, дающаго полную возможность выражать словами понятія въ порядкѣ ихъ зарожденія въ головь. Тамъ, гдѣ ослабѣли и во многомъ исчезли формы, какъ въ языкахъ западныхъ, почувствовалась, естественно, необходимость и опредѣленнаго порядка въ словорасположеніи, безъ котораго мысль будетъ темна, потому—что внѣшнее выраженіе ея будетъ представляться наборомъ словъ, лишенныхъ связи, опредѣляемой такъ отчетливо у Славянъ обильными формами склоненія и спряженія. Такъ—какъ на словообразованіи г. Максимовичъ не остановился, указавъ нѣсколько чертъ въ звукахъ и формахъ этимологическихъ, и какъ мы имѣемъ въ виду лишь сдѣлать замѣчаніе на его положенія, а не подробно изслѣдовать вопросъ, то и обратимся прямо къ его доказательствамъ. Но и при этомъ нельзя обойтись безъ общаго разсужденія.

Признавая малорусское нарѣчіе и въ древнее время со всѣми тѣми отличными свойствами, какія отличаютъ его теперь, г. Максимовичъ, значитъ, вовсе не признаетъ исторіи языка вообще, а съ нею и исторіи нарѣчій. Въ этомъ случаѣ, онъ впадетъ въ противорѣчіе самъ съ собою, конечно, и не замѣчая этого. Въ самомъ дѣлѣ, раздѣлая вполне мнѣніе Шафарика (см. стр. 87), повторенное и нѣсколько-распространенное въ образцовомъ сочиненіи О. М. Бодянскаго, что *«чѣмъ дальше въ древность, тѣмъ нарѣчія славянскія ближе другъ къ другу, хотя, какъ показываетъ исторія и новѣйшія изслѣдованія, и при всемъ родствѣ и сходствѣ, нарѣчія эти уже въ историческое время существовали и отличались другъ отъ друга тѣми же существенными признаками, какими и теперь, спустя слишкомъ тысячу лѣтъ,»* онъ, т. е. г. Максимовичъ, силится приурочить всѣ современныя особенности малорусскаго нарѣчія и древнѣйшему времени, тѣмъ—самимъ ставить его, по отношенію къ другимъ родственнымъ нарѣчьямъ, на ту же степень отдѣльности, на какой находится оно и въ настоящую пору и, слѣдовательно, отвергаетъ то, съ чѣмъ соглашается, будто: *«чѣмъ дальше въ древность, тѣмъ нарѣчія славянскія ближе другъ къ другу.»* Конечно, гг. Шафарикъ и Бодянскій, равно и всѣ знакомые непосредственно съ источниками славянской письменности, выводятъ такую мысль изъ историческаго времени, потому—что для доисторической поры нѣтъ основаній; слѣдовательно, и въ историческую пору, хотя и обнаружилось уже

въ первыхъ произведеніяхъ письменности славянской отлѣчіе, все-таки была большая близость нарѣчій, а слѣдовательно, нѣкоторыя черты, составляющія принадлежность нынѣ того или другаго нарѣчія, и не существовала въ XI в., въ противномъ случаѣ, нечего и утверждать большей близости нарѣчій въ-древности. Поэтому, и малорусское нынѣшнее нарѣчіе должно имѣть кое-что и такое, чего не имѣло прежде. Да и странно было-бы настаивать на противномъ. Въ природѣ все подвержено измѣненію, какъ гласитъ мысль старая, избитая, хотя и справедливая; какъ же обречь на неизмѣнность, въ теченіе десяти хоть вѣковъ, языкъ, живой органъ мысли человека, которая подвержена такимъ быстрымъ переворотамъ, вслѣдствіе переворотовъ въ самой жизни народа? Но намъ нѣтъ нужды останавливаться на теоріяхъ, когда подъ руками имѣется огромное множество фактовъ. Развѣ за три-четыре вѣка французскій языкъ былъ точно такой же, какимъ говорятъ французы теперь? Развѣ не во многомъ отличается и языкъ нѣмецкій въ средневѣковой письменности отъ современнаго? Зачѣмъ же стѣснять свободу языка славянскаго? Нѣтъ, и онъ не всегда былъ такимъ, какимъ знаетъ его нынѣ 80 милліоновъ его владѣтелей; и хотя существенно отличительныя черты нарѣчій высказались давно, но долго и послѣ этого гораздо болѣе хранилось общаго, чѣмъ теперь. Та же письменность, которая даетъ право на признаніе отдѣльности нарѣчій издавна, доказываетъ и неразвившіяся еще позднѣйшія особенности и сохраненіе многого общаго, погибшаго впоследствии. Возьмите нарѣчіе чешское, судьбу котораго можно прослѣдить съ отдаленныхъ временъ, вслѣдствіе уцѣлѣвшаго длиннаго ряда памятниковъ, и взгляните на него хоть въ XIII столѣтіи. Вы увидите въ немъ и двойственное число, и прошедшее на *хъ*, и достигаемый видъ, и отсутствіе звуковъ двогласныхъ, напри- мѣръ, *ои*, немножко повыше въ древность, — несуществованіе и шепцелатаго *р*, увидите и многое другое древнее, въ чемъ легко убѣдиться, пробѣжавши опытъ старочешской грамматики достоуважаемаго Шафарика. Все это, приведенное мною, или не существуетъ теперь вовсе, будучи замѣнено другимъ, или осталось въ видѣ отрывковъ, иногда въ званіи провинциализмовъ; такъ, прошедшее на *хъ* живетъ въ одномъ словѣ *быхъ* (*bych*); двойственнаго числа лишь остатки, которые открываютъ и на святой Руси. Потерянъ и *рѣ*, явилось и *ои*, и такъ далѣе.

Тоже, и въ то же время, находимъ и въ хорватскомъ нарѣчій, не-

знающемъ нынче также ни прошедшаго на *хъ*, ни двойственнаго, ни многого другаго. Даже въ польскомъ языкѣ, при всей бѣдности письменности въ-древности, можно отдѣлать нѣсколько свойствъ старинныхъ славянскихъ, между прочимъ и прошедшее на *хъ*, какъ въ псалтырѣ Маргариты, и двойственное, тамъ же и въ позднѣйшихъ памятникахъ языка, въ 15 столѣтїи. Первое употреблялось и въ 16 вѣкѣ, въ словѣ *bych*, последнее является довольно часто, и въ 3-хъ формахъ падежныхъ, у писателей польскихъ еще въ XVII вѣкѣ. А между тѣмъ, всѣ эти нарѣчїя, въ то же самое время имѣли уже и выражали въ письменности и особенныя свои черты. Напримѣръ, Чешское имѣетъ уже и въ судѣ Любушиномъ: *z* изъ смягченнаго *d*, *s* изъ смягченнаго *t*, и такъ далѣе. Привожу все это съ цѣлю показать, что появившіяся отличительныя свойства нарѣчїй не исключаютъ собою и многого, многого общаго въ старину, что потомъ замѣнилось новымъ, сдѣлавшимся иногда тоже отличительнымъ свойствомъ нарѣчїя, потому-что каждое изъ нихъ руководилось при замѣнѣ своими условїями.

Такъ было и въ русскомъ языкѣ. И онъ обнаружилъ свои черты, выказавшіяся и въ письменности. И эти-то обнаружившіяся черты дали полное основаніе гг. Шафарыку и Бодяпскому высказать привлекательную выше мысль объ отдѣленїи, наряду съ другими нарѣчїями славянскими, и русскаго. Но ни тотъ, ни другой, безъ-сомнѣнїя, вовсе не думали уничтожать въ древнемъ русскомъ языкѣ продолжительнаго храненїя нѣкоторыхъ звуковъ и формъ древнихъ, болѣе сближавшихъ тогда нарѣчїя славянскїя, а потому еще менѣе думали приурочивать древности всѣ нынѣшнїя особенности языка русскаго. Теперь мы можемъ ближе подойти и къ главному вопросу, — къ отдѣленїю нарѣчїя малорусскаго. Отличительныя черты русскаго языка выдѣлились издавна: это безспорно. Письменность, въ которой онъ и могли только выразиться въ то время, для насъ потомковъ, была на югѣ и сѣверѣ; слѣдовательно, въ южной и сѣверной письменности и должно искать количество и качество этихъ выразившихся чертъ отдѣльныхъ. Значительнѣйшая часть ихъ приведена и г. Максимовичемъ, къ которому и пусть обратятся читатели и прочитаютъ письмо четвертое, хоть до половины страницы 103. Коротко, черты эти слѣдующія: *ж* вм. *жд* церк.-слав., развившееся изъ смягченїя *d*; *ч* вм. *шт* или *щ* церковнославянскаго, развившееся изъ смягченїя *t*; два *о* и два *е* вмѣсто одного *а* или *ь* послѣ *л* и *р* (*лава* — *голова*, *млько* —

молоко, жребій—жеребій и другіе); о и е вмѣсто древнихъ церковнославянскихъ ѿ и ѿ; у и я вмѣсто древнихъ церковнославянскихъ ѡ и ѡ; о вмѣсто е, вначалѣ словъ, какъ: осень вмѣсто церковнославянскаго есенъ; несуществованіе удвоенія гласныхъ въ склоненіи прилагательныхъ опредѣленныхъ и въ прошедшемъ несовершенномъ на зѣ.

Эти особенности, въ одинаковой степени принадлежащія и понынѣ югу и сѣверу Россіи, слѣдовательно, всему языку русскому, господствуютъ зачастую и въ произведеніяхъ письменности древне-русской, назначаемой для церкви, какъ въ поученіяхъ и промовѣдяхъ; еще болѣе употребительны въ лѣтописяхъ и почти исключительны въ грамотахъ и другихъ актахъ правительственныхъ. Какъ особенности роднаго говора, глубоко издавна укрѣпившіяся въ языкѣ, онѣ попадаютъ нерѣдко и въ спискахъ памятниковъ церковныхъ, появившихся вначалѣ внѣ Россіи и переписанныхъ русскими людьми. Наряду съ ними, попадаютъ во всѣхъ тѣхъ же произведеніяхъ и замѣна церковнославянскаго ѡ посредствомъ и, и наоборотъ, что указываетъ прямо на древность этого свойства, развитаго понынѣ на югѣ Россіи и присущаго значительной части сѣвера, именно рѣчи новгородской. Не освободилась тѣ же памятники, писанные на сѣверѣ, въ области новгородской или новгородцами, и отъ исключительной особенности этой рѣчи, взаимной мѣны звуковъ ц и ч. Такая мѣна принадлежитъ въ большомъ количествѣ и памятникамъ церковнославянскимъ, начиная съ XI столѣтія. Вотъ—что высказалось въ древнѣйшемъ русскомъ языкѣ своего особеннаго, неотвергаемаго и г. Максимовичемъ. Но, вѣдь, во всемъ этомъ нѣтъ ни одного признака исключительно малороссійскаго; какъ же согласить теперь, съ одной стороны распространенность въ письменности древней, южной и сѣверной, приведенныхъ чистыхъ русизмовъ и даже, въ послѣдней, новгородизмовъ, и совершенное отсутствіе свойствъ малорусскаго нарѣчія; съ другой—желаніе возвести отдѣльность малорусскаго нарѣчія къ глубокой древности, къ первымъ вѣкамъ Русскаго государства? И вотъ, намъ положительно объявляютъ, что письменность въ древней Россіи была на церковнославянскомъ языкѣ и представляютъ натесть на основательнѣйшее знаніе сего языка древними Руссами. Какъ можетъ иногда далеко заходить увлеченіе и знатоковъ дѣла, и заставлять ихъ противорѣчить очевиднѣйшимъ фактамъ!—Но остановится на этомъ.

Основаніемъ признавать языкъ древнихъ русскихъ памятниковъ,

во всѣхъ ихъ видахъ, церковнославянскимъ, служить, сколько извѣстно, слѣдующія два обстоятельства: а.) возбужденіе и развитіе образованности русскаго народа въ древнее время подъ непосредственнымъ и преимущественнымъ вліяніемъ христіанства и церкви, вслѣдствіе чего и главная масса произведеній письменности носитъ на себѣ характеръ или чисто-церковный или нравственно-поучительный. Отсюда прямой выводъ—господство принятаго и освященнаго церковью языка и глубокое знакомство съ нимъ людей письменныхъ, грамотныхъ.

б.) Этотъ выводъ, въ прежнее время въ глазахъ всѣхъ, въ настоящее время довольно еще многихъ, находитъ оправданіе и подтвержденіе въ рѣзкомъ различіи современнаго языка русскаго съ тѣмъ, какой встрѣчается въ древнихъ памятникахъ, слѣдовательно — языкъ послѣднихъ не русскій народный; а какъ въ немъ весьма много общаго съ церковно-славянскимъ, то, значитъ, онъ и былъ церковнославянскій, какимъ и прилично ему быть въ древности на Руси, въ силу перваго обстоятельства. Неоспоримъ фактъ, что христіанство, а съ нимъ и церковь, въ первую пору господства своего въ русской землѣ, было главнымъ, ежели не единственнымъ, возбужденіемъ и орудіемъ просвѣщенія народа; неоспоримо и то, что древняя наша литература представляетъ факты, относящіеся по преимуществу къ дѣламъ вѣры и церкви; но слѣдуетъ-ли прямо отсюда, что языкъ и тѣхъ памятниковъ литературы, которые обязаны своимъ происхожденіемъ единственно жизни народа, содержаніемъ своимъ прямо взяты изъ нея, и назначены исключительно только для нея,—что языкъ и такихъ памятниковъ долженъ быть непременно церковнославянскій, какъ утверждаетъ г. Максимовичъ (на стр. 88)? Думаемъ, что такое заключеніе не вполне послѣдовательно. Но, быть можетъ, церковнославянскій языкъ былъ до такой степени хорошо знакомъ грамотѣямъ русскимъ, вслѣдствіе глубокаго уваженія къ нему, какъ къ языку вѣры, что писатели и грамоты, и договоры и другихъ актовъ правительственныхъ, не только духовные, но даже и свѣтскіе, предпочитали его языку народному и въ предметахъ жизни обыденной, нерѣдко мелочной? Такое знаніе и утверждаетъ г. Максимовичъ. На страницѣ 121, онъ говоритъ: «да еслибы нашимъ богослужебнымъ языкомъ, при Владимірѣ, сталъ греческій или латинскій, и на нихъ писали бы свободно кіевскіе грамотники XI вѣка, какъ впоследствии кіевляне, Яворскій и Прокоповичъ, можно сказать, играли латинскимъ языкомъ въ своихъ стихотвореніяхъ, свободно пи-

савши и на польскомъ, и на церковнославянскомъ, и на тогдашнемъ русскомъ въ двухъ его видахъ. А съ какою правильностію и отчетливостію писали прежде Нестора, на церковномъ языкѣ, и новгородскій діаконъ Григорій, въ Евангеліи Остромировскомъ (1056 г.), и діаконъ Іоаннъ, вѣроятно, кіевскій, въ Изборникѣ Святославовскомъ (1073 г.). Но то были уже записные знатоки и мастера въ языкѣ церковномъ, вѣроятно, изъ Ярославовой школы писцевъ и переводчиковъ.... Что діаконъ Григорій и діаконъ Іоаннъ могли знать языкъ церковнославянскій, отвергать трудно, но что они оба не писали, а переписывали по церковно-славянски, — это очевидно, и удивительно, какъ г. Максимовичъ могъ привести ихъ обоихъ въ образецъ записныхъ знатоковъ церковнославянскаго языка, писавшихъ будто на немъ съ особенною правильностію и отчетливостію; да въ такомъ случаѣ, что же мѣшаетъ считать записными знатоками русскаго языка и нынѣшнихъ нашихъ писцевъ, хоть изъ школы кантонистовъ, доводящихъ иногда мастерство свое въ каллиграфіи до высокаго совершенства? Вѣдь и Остромирово Евангеліе и Святославовъ Сборникъ суть только русскіе списки съ древнѣйшихъ оригиналовъ церковнославянскихъ и, слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ не должны приводиться въ свидѣтельство отчетливаго знанія церковнаго языка ихъ переписчиковъ. Этимъ вовсе не думаемъ мы отвергать существованіе знатоковъ церковнославянскаго языка въ древней Руси; они были, и обнаружили свои отчетливыя познанія въ немъ, по только не въ перепискѣ, а въ собственныхъ сочиненіяхъ, какъ, напримеръ, Митрополитъ Іларіонъ, Яковъ Минхъ, св. Осодосій печерскій и другіе писатели XI, XII и послѣдующихъ вѣковъ.

Но, вѣдь, подобныхъ лицъ не такъ много; въ каждомъ вѣкѣ ихъ можно считать единицами; ктому же, лица эти все отлечены высокимъ саномъ духовнымъ, сочиненія ихъ исключительнаго религіознаго или церковнаго содержанія; а куда же приурочить множество писателей свѣтскихъ сочиненій, правительственныхъ актовъ? Принимая во вниманіе ихъ сочиненія, а этимъ, разумѣется, мы только и должны руководиться, увидимъ, что авторовъ ихъ никакъ не возможно сравнивать ни съ Яворскими, ни съ Прокоповичами.

Да и вообще намъ кажется страннымъ такое сравненіе. И Яворскій и Прокоповичъ и другіе, подобные имъ, являются лицами учеными, получившими образованіе въ высшемъ, въ ихъ время, учебномъ заведеніи, гдѣ преподаваніе какъ языковъ, такъ и другихъ предме-

товъ, шло въ строгой системѣ, въ которой рѣзко уже были отличены всѣ частности, и для языка существовали уже спеціальныя грамматики. Всего этого не было ни въ 11, ни въ 12, ни въ 13 столѣтіяхъ, и писатели церковные этихъ вѣковъ являются знатоками языка церковнаго вслѣдствіе частаго и внимательнаго чтенія церковныхъ книгъ и основательнаго ихъ изученія.

Факты языка памятниковъ гражданскихъ лучше всего говорятъ противъ предложеннаго г. Максимовичемъ сравненія. Всѣ приведенныя выше особенности русскаго языка являются въ нихъ не какъ обмолвки, не какъ что-то случайное, а какъ вполне обыкновенныя свойства тогдашняго языка письменнаго, какъ необходимыя, и потому являются постоянно и неизмѣнно. Ни Дмитрій ростовскій, ни ему современные писатели на церковнославянскомъ языкѣ, ни послѣдующіе, хоть и въ наши годы, не употребляли и не употребляютъ этихъ особенностей, не ставили и не ставятъ *ж* вмѣсто *жд*, *ч* вмѣсто *щ*; не встрѣчаемъ у нихъ и русскаго полногласія и замѣны буквою *о* буквы *е*, тѣмъ менѣе смѣшенія *ь* и *и*, или какого либо свойства говора областного. Кажется, ясно, что древніе писатели свѣтскихъ произведеній нейдутъ въ уровень съ учеными писателями по церковно-славянски 17—19 столѣтіи, и съ точки зрѣнія послѣднихъ можно прямо утверждать, что первые плохо знали церковный языкъ, ежели только допустить, что они писали по церковно-славянски. Но допуская это, невольно приходишь въ недоумѣніе, почему нетвердость знанія церковнославянскаго языка у писателей грамотъ и договоровъ выражалась исключительно лишь въ приведенныхъ чистыхъ руссизмахъ, и притомъ такъ послѣдовательно и постоянно? Почему они, какъ-будто по условію, по соглашенію, рѣшались нарушать чистоту церковнаго языка въ пользу народнаго единственно въ этихъ случаяхъ и не касались другаго? Какъ угодно, а безпристрастное рѣшеніе этого вопроса можетъ вести, полагаемъ, къ одному только отвѣту, что этого другаго и не зачѣмъ было измѣнять, потому что оно употреблялось еще въ устахъ народа, было такимъ же руссизмомъ, какъ *ж* вмѣсто *жд*, *ч* вмѣсто *щ*, и тому подобное, жило, слѣдовательно, и двойственное число и прошедшее на *хъ*, и отличие для всѣхъ падежей прилагательныхъ опредѣленныхъ и неопредѣленныхъ, и смягченіе гортанныхъ звуковъ въ свистящіе и шипящіе, въ склоненія, и тому подобное. Все это мы и встрѣчаемъ въ древнихъ грамотахъ, и сѣвера и юга, наряду съ отличительными

чертами древняго языка русскаго и со всеми пріемами языка живаго, народнаго. Да и что же мѣшаетъ принимать это?

Несуществованіе въ современномъ русскомъ языкѣ этихъ формъ, сказали мы выше, служить оправданіемъ, для нѣкоторыхъ, мысли, что эти формы и въ древности не свои, чужія, попавшіяся въ письменность русскую изъ языка церковнаго. Не говоря уже о томъ, что такое оправданіе противорѣчитъ вообще неизбежности развитія, а слѣдовательно и измѣненія языка, оно противорѣчитъ и очевиднымъ фактамъ исторія другихъ родственныхъ нарѣчій. Неужели же и Чехи, въ своей богатой древней письменности, и Хорваты, даже и Поляки употребляли языкъ церковнославянскій? Но вѣдь они съ отдаленнѣйшихъ временъ были католиками; а между тѣмъ и ихъ современный языкъ нисколько не менѣе, если не болѣе еще, ушелъ отъ того языка, какой находимъ мы въ ихъ древнихъ памятникахъ: и ни одинъ ученый чешскій, хорватскій или польскій не думаетъ считать формъ своего древняго языка, общихъ съ церковнославянскими, погибшихъ въ нынѣшнемъ, за чужія, церковнославянскія. Ктому же, такія формы не исчезли еще и въ жизни нѣкоторыхъ нарѣчій славянскихъ, господствуя вполне и въ письменности ихъ древней, напримѣръ: въ хорутанскомъ, лужицкомъ, отчасти сербскомъ и болгарскомъ. За что же одинъ русскій языкъ приходится осуждать на застою и на потерю всего древняго въ неопредѣленную доисторическую пору? Неужели за то, что народъ русскій имѣлъ и имѣетъ счастье слушать свое богослуженіе и читать св. писаніе и другія церковныя книги на богатомъ языкѣ церковнославянскомъ? Но, во-первыхъ, то же самое было и у другихъ Славянъ, и однакоже о ихъ языкѣ такъ—безусловно никогда не высказывалось такого приговора; во-вторыхъ, языкъ церковный все—таки языкъ неподвижный, мертвый, тогда—какъ языкъ письменный въ древней Руси обнаруживаетъ все признаки живыя, а съ нею и неразлучныя перемѣны. Эти перемѣны самымъ яркимъ образомъ выразились въ *последовательности* и *правильности* употребленія древнихъ формъ въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности и въ *непоследовательности* и *неправильности* ихъ въ памятникахъ, сравнительно, позднѣйшихъ, какъ въ XIV и XV столѣтіяхъ. Церковнославянскій языкъ оставался тотъ же; откуда же это различіе въ письменности русской, ежели въ ней господствовалъ языкъ церковнославянскій? Зачѣмъ въ XII и XIII вѣкахъ не встрѣчаемъ, напримѣръ, ошибокъ относительно прошедшихъ на *хъ*, или двой-

ственного числа, какъ въ склоненіи, такъ и въ спряженіи, тогда—какъ въ послѣдующее время находимъ нерѣдко окончаніе *хъ* отнесеннымъ ко 2-му или 3-му лицу, и неумѣстное употребленіе числа двойственного? Не забудемъ при этомъ, что, при древней правильности этихъ формъ, мы замѣчаемъ постоянство и въ такъ-называемыхъ руссизмахъ, зачастую уже обращенныхъ въ церковно—славяншмы при позднѣйшей ихъ несправильности. Оттого, скажемъ съ увѣренностію, что въ древнее время, формы эти господствовали въ живомъ языкѣ и удерживали писателя отъ ошибокъ, и оттого, съ другой стороны, являются погрѣшности въ нихъ, въ позднѣйшую пору,— что забылись они тогда въ жизни языка и попадались подъ перо изъ подражанія старой письменности. А какъ эта старая письменность, по близости къ языку церковному, въ глазахъ писателей XIV, XV и послѣдующихъ вѣковъ принималась съ нимъ за тождественную, то и изъ подражанія церковному языку, наряду съ неправильнымъ употребленіемъ древнихъ формъ, стали нерѣдко замѣняться и чистыя руссизмы церковно—славяншмами, какъ *жд* вмѣсто *ж*, *щ* вмѣсто *ч*, одно *а* или *ь* вмѣсто двухъ *о* или *е*, и тому под. Да и возможно—ли, при такой отдѣльности русскаго языка отъ церковнославянскаго въ-древности, какая существуетъ нынѣ, не высказаться и другимъ его особенностямъ въ древнѣйшей письменности, кромѣ исчисленныхъ выше руссизмовъ? Факты рѣшительно противорѣчатъ этому положительно для древности и отрицательно для позднѣйшаго времени. Дѣйствительно, ежели при перепискѣ церковнославянскихъ памятниковъ, при перепискѣ иногда необыкновенно-тщательной, весьма медленной, подъ перомъ занесенныхъ знатоковъ языка церковнаго, какъ дьякона Григорія и дьяка Іоанна, прорываются руссизмы, какъ: *ж* вмѣсто *жд*, *ч* вмѣсто *шт*, или *щ*, два *е* вмѣсто *ь* (въ Изборникѣ—*вередъ*, *вередити*), при перепискѣ же болѣе быстрой, менѣе внимательной являются довольно часто и другія особенности, даже областного говора, какъ взаимная мѣна *ь* и *и*, *ѣ* и *ч*, то какъ же возможно допустить, чтобы, тамъ—сямъ, не обнаружились всѣ свойства народнаго языка подъ перомъ людей свѣтскихъ, въ сочиненіяхъ относящихся къ быту житейскому и для него назначеннымъ? Но, кромѣ исчисленныхъ особенностей древнѣйшаго русскаго языка, въ нихъ не находимъ другаго ни изъ нынѣшнихъ сѣверныхъ говоровъ русскихъ, ни изъ малорусскаго нынѣшняго нарѣчія. Значитъ, ихъ или не было вовсе, или они не успѣли еще вполне развиться и замѣнить собою

жившихъ еще свойствъ древнихъ. Когда же это развитіе совершилось, когда древнее окончательно смѣнилось новымъ,—это новое не только уже въ произведеніяхъ на языкѣ народномъ, но и при намѣренной подражательности языку церковному, стало пробиваться со всею силою въ письменности. Такъ, на сѣверѣ, начало употребляться причастіе на *лѣ*, въ смыслѣ прошедшаго изъявительнаго склоненія; *тѣ* въ 3-мъ лицѣ настоящаго времени, единственнаго и множественнаго чиселъ; множественное число вмѣсто двойственнаго; пропала переходная смягченность звуковъ гортанныхъ, и такъ далѣе. Такъ и на югѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми новыми чертами сѣверными, являлся и свои особенныя, какъ, напримѣръ: окончаніе *ио*, въ первомъ лицѣ множественнаго числа; измѣненіе *іе* или *ѣе*, въ окончаніе именъ существительныхъ, послѣ согласныхъ *л*, *н*, *т* и др., въ *я*; смѣненіе *ѡ*, и *и*; обращеніе *о* въ *и*; употребленіе *з* вмѣсто *с*, въ предлогѣ *съ*, и другія; хотя сохранилось нѣчто и изъ древняго, потеряннаго на сѣверѣ. Г. Максимовичъ, утверждая, что въ древности писалось все на Руси по церковно-славянски, доказываетъ возможность устранить особенности народнаго говора писцамъ сравненіемъ съ сочиненіями XVI-XVII вѣковъ, писанными тоже по церковно-славянски, гдѣ однакожъ также, по его убѣжденію, нѣтъ обмолвокъ въ пользу народныхъ особенностей. Съ этого цѣлю, онъ выписываетъ *семь* строкъ изъ Густинской лѣтописи, подъ 1316 годомъ, писанной малороссійшиномъ, и заключаетъ: «много—ли тутъ малороссійскій лѣтописатель, въ самый разгаръ козачины, оборонилъ изъ своего нарѣчія?... Слово *межи*, вмѣсто церковнаго *между*?... «По во-первыхъ, и на *семи* строкахъ не одно слово *межи* взято изъ народнаго языка; къ очевиднымъ признакамъ послѣдняго относятся: *нашой* вмѣсто *нашей* (*въ земль нашой*), *выше* вмѣсто *выше*, *изъиде* вмѣсто *илде* (сравни. м.лр. *ишель*, *прійишель*.) обычан *пріятнѣишыи* вм. обычан *пріятнѣишые*, (во что, не знаемъ почему, и обращено первое чтеніе подлинника въ выпискѣ г. Максимовича); во-вторыхъ, въ такомъ дѣлѣ *семи* строкъ крайне недостаточно: въ русскихъ спискахъ церковнославянскихъ памятниковъ нѣрѣдко и *семь* листовъ пергаменныхъ не представляютъ ни одной обмолвки переписчика, въ пользу древнѣйшихъ русенизовъ, неотвергаемыхъ г. Максимовичемъ; и, однако, онъ не усумнится считать переписчика русскимъ человекомъ, если хоть на 8-мъ или 9-мъ листѣ, или на какомъ бы то ни было, встрѣтитъ *жс* вм. *жд*, или два *о* вм. *а*; а здѣсь и не на листѣ, а на полуэстра-

ницѣ, на протяженіи 20 строкъ, изъ которыхъ семь выписаны въ пятомъ письмѣ г. Максимовича, кромя указанныхъ признаковъ малорусскаго нарѣчія, читаемъ: *хотя миру зъ Москвою, да его зъ княземъ помирить; изъ земля; чотырохъ*, вмѣстѣ съ польскимъ предлогомъ *презъ*. И какъ же такой языкъ могъ показаться чистымъ церковнославянскимъ г. Максимовичу, будто, кромя *межи*, не включившимъ въ себя ничего малорусскаго? и какъ же, послѣ этого, мы не будемъ считать себя въ правѣ утверждать, что съ той поры, какъ появились новыя черты въ языкѣ, онѣ высказывались и въ письменности точно также, какъ высказывались постоянно въ древности древнѣйшія особенности языка р. сѣкаго. Какъ трудно было малороссіянину, составителю Густинской лѣтописи, удержаться отъ особенностей своего говора, очевидное всего свидѣтельствуеъ начало лѣтописи, гдѣ онъ былъ лишь переписчикомъ изъ древнихъ списковъ и гдѣ, при всемъ этомъ, находимъ: *зъ родомъ своимъ, зрубивъ городъ, здумавше, мають* (см. стр. 234), хотя, съ другой стороны, встрѣчаемъ и поправку древней лѣтописи, въ пользу языка церковнославянскаго, какъ: *бранилъ ихъ, вм. боронилъ, между вм. межу* и т. п. (тамъ же, 235). То же самое видимъ и у другихъ малорусскихъ лѣтописцевъ, положившихъ въ основаніе своей лѣтописи, также языкъ церковнославянскій. Стоитъ только прочесть хоть одну страницу лѣтописи, напр., Грабянки, чтобы разомъ опредѣлить всю силу вліянія языка народнаго. Предоставляя на произволь самому г. Максимовичу избрать *любую* страницу, я, съ своей стороны, приведу лишь нѣсколько строкъ, въ доказательство того, что этотъ лѣтописецъ 17 столѣтія имѣлъ рѣшительное намѣреніе писать по-церковнославянски, и затѣмъ коротко укажу на факты нарѣчія малороссійскаго. Вотъ 16 строкъ предувѣдомленія (см. лѣтопись Грабянки, Кіевъ, 1833, стр. 1.): «начинаюшу ми новѣсть о дѣйствіяхъ и бранехъ козачкихъ, аще и не весьма требѣ быше о праотцехъ народа того Козарехъ *предмовою* широко возвѣстити, обаче принужденъ для *лутшого* разумѣнія пространиѣ сказати, откуда Козаки имѣють свое преимѣнованіе, отъ котораго племени и *язика*, и яко ихъ Козаковъ праотцы, Козари, отъ времени праотца своего Гомера, внука Ноева, переходя *кочовисками* и отъ странъ до *страни*, подобіемъ *Колмиковъ*, премѣнялися въ розніе родства и *язики* и превошедше въ силу, составили были своя царства, и яко по оскудѣніи отъ браней премѣнялися съ Козаровъ въ Козаки, о всемъ томъ *нижеи предмова по раду*

(по ггаду) скаже, аще чтущій не стужая о пространствѣ ея, въ чтеніи потрудится, она бо желаніе подаеть, и до внятія словесъ умъ злотуетъ.» Въ этомъ небольшомъ отрывкѣ находимъ четыре случая замѣны *ы* посредствомъ *и*, какъ слѣдствіе смѣшенія обоихъ звуковъ, разъ перемѣну *с* на *з*; разъ окончаніе *ѣ* въ нарѣчіе сравнительной степени; разъ потерю *тѣ* въ 3-мъ лицѣ единственнаго числа, однажды употребленіе *о* вм. *е*, послѣ *ш*; вмѣстѣ съ этимъ, и два польскихъ слова: *предмовою* и *кочовисками*. Всѣ эти особенноти разсѣяны въ огромнѣйшей массѣ въ лѣтописи, такъ что считаю лишнимъ и приводить ихъ, ограничась указаніемъ другихъ особенностей нарѣчія малорусскаго. Въ числѣ ихъ находимъ: *зѣ словяни*, *зостаеть* (стр. 7), *щастя* и *щасте* (стр. 8 и 65), *двохъ*, *двома* (стр. 261, 289); или въ лѣтописи Боболннскаго, изданной вмѣстѣ съ первою: *илинскимъ* (вм. Ильнскимъ, отъ Илья, по малоросіиски Иля), *осотвореню*, *чого* (стр. 275), *пріймовалъ* (277), *прійшоль* (283), *до килка тысящій* (274), *абы ему тилко далъ*: послѣднія свойства особенно важны; вотъ какъ отзывается о нихъ г. Максимовичъ, въ 11-мъ письмѣ, г. Погодину: «можетъ быть, въ лѣтописи Кіевской ты думалъ видѣть такія особенноти малорусскаго нарѣчія, какъ, напримѣръ, обращеніе гласныхъ звуковъ въ тонкое *и*: *кѣнь—кинь*, *пѣжь—пизжь*, и т. под. По этотъ выговоръ не есть повсемѣстный въ южно-русскомъ языкѣ и грамотные малоросіянне, до исхода прошлаго столѣтія, не вводили въ свое правописаніе такихъ особенностей, писали: *кѣнь*, *пѣжь*.» Вполнѣ вѣрнимъ г. Максимовичу, что обращеніе *о* въ *и* не повсемѣстно; но тамъ, гдѣ оно существовало, отражалось въ письменности и раньше исхода прошлаго столѣтія, чему доказательствомъ служатъ приведенныя формы: *килко* и *тилко*; а въ Галицкой Руси оно замѣтно и въ началѣ 15 столѣтія.

Такъ, въ Межевой записи 1424 года, напечатанной въ Русалкѣ Дибѣстровой, изданной у Будину, 1837 года, на стр. 121, читаемъ: «а имають папа Юрковського люді изъ острова псыюшковецъ имають *дрыва* рубати, але не паствіті, ані свінеі оупоушати оу лѣсь.» (1) По указанію самого г. Максимовича, мы взглянули на церковнославяскій

(1) Отношеніе, въ этомъ случаѣ, *ы* къ *и* объяснено въ статьѣ: «обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія малорусскаго;» см. Журналъ Министрства Народн. Просвѣщенія, № 6, 1839 года, стр. 9—10.

языкъ лѣтописцевъ малорусскихъ, XVI—XVII вѣковъ, и, вопреки его утверженію, нашлн въ немъ довольно много, и притомъ рѣзкихъ, признаковъ нарѣчія малорусскаго.

Скажемъ теперь, что значительная часть этихъ признаковъ высказалась гораздо прежде въ письменности южнорусской, начиная съ конца 14 столѣтія, и чѣмъ позже, тѣмъ количество ихъ больше и больше. Такъ, въ концѣ грамоты Луцкаго епископа Іоанна польскому королю Владиславу, 1398 года, читаемъ: «у лѣта нароженця Сына Божія *тысяча* и триста девяносто осмого лѣта» (акты относ. къ исторіи западной Россіи I, № 12); въ присяжной грамотѣ Стародубскаго князя Александра Патрикѣевича тому же королю польскому 1400 года: *тысяча* лѣтъ и *чотыреста* лѣтъ (тамъ-же, № 17); въ записи о денежныхъ и медовыхъ даняхъ, 1415 года: у *Святошичохъ* у *Ньжиловичохъ*, у *Сельци зъ Межирьцькой земли*, у *Нородичохъ*, *чотырнадцатое*, зъ *Романова*, зъ *Дьдѣковъцины* (тамъ же, № 26); въ грамотѣ подъ 1421 годомъ: *мають* (тамъ же, № 30); подъ 1422 годомъ: *приводимо*, *нипшилимъ* (тамъ же, № 31); подъ 1424 годомъ: *знаемо*, зъ *Божьей милости* (тамъ же, № 32); въ грамотѣ 1429 года: *есмо*, зъ *зънци* (тамъ же, № 34) и т. д. Въ Мѣновой записи старосты луцкаго Петра Яновича (см. памятники, изданные временною комиссіею для разбора древнихъ актовъ. Кіевъ. 1845, отдѣлъ второй. стр. 1—2), 1490 года, находимъ также: зъ *митрополитовымъ*, зъ *ларисоніомъ*, *кмонастирю*, и *зставы* и *зводами*, *ктому имену* и др.—Вотъ какъ высказывались особенности малорусскаго нарѣчія, колы скоро появились опѣ въ жизни. Гдѣ же хоть одна изъ этихъ особенностей встрѣтилась г. Максимовичу, въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ, до XIV столѣтія? А, вѣдь, и въ нихъ, какъ нами замѣчено, черты русскаго языка господствуютъ, даже несравненно постояннѣе, чѣмъ въ церковнославянскихъ малорусскихъ лѣтописяхъ XVI—XVII столѣтій, зачастую измѣняющихся, вопреки обыкновенію лѣтописей древнихъ, *ж* въ *жд*, *т* въ *щ*, два *о* въ *а*, въ чемъ можетъ убѣдиться г. Максимовичъ, пробѣжавъ хоть одну изъ первыхъ страницъ лѣтописи Густинской, или любую страницу въ лѣтописи Грабянки. И такъ, положиа руку на сердце, безпристрастно, безъ увлеченія мы смѣло можемъ повторить, ровно за четыре года, высказанное положеніе, что древнѣй русскій языкъ, въ предѣлахъ нынѣшняго Русскаго государства, до XIV столѣтія, не обнаруживаетъ рѣшительно того раздѣленія на два нарѣчія, великорус-

ское и малорусское, какое встрѣчаемъ мы впоследствии и въ настоящее время. Это положеніе, по глубокому нашему убѣжденію, опирается на самыхъ прочныхъ основанійхъ, во 1) на рѣшительномъ отсутствіи исключительныхъ малороссиизмовъ во всей древней письменности русской, южной и сѣверной, во 2) на невозможности не высказаться особенностямъ народнаго языка даже и при предположеніи, что эта письменность была церковнославянская, что положительно доказывается, въ 3) постояннымъ господствомъ въ этой письменности отличительныхъ чертъ языка общерусскаго и областныхъ особенностей рѣчи новгородской, въ 4) позднѣйшею письменностію, съ XIV вѣка, гдѣ при очевидномъ церковнославянизмѣ языка, во множествѣ разстѣпаны отличительныя свойства малорусскаго нарѣчія на югѣ, какъ великорусскаго на сѣверѣ; въ 5) наконецъ, на неопровержимомъ фактѣ близости всѣхъ нарѣчій славянскихъ другъ къ другу, до XIII — XIV столѣтій, что, ни мало не противорѣча развитію нѣкоторыхъ особенностей чертъ въ каждомъ, прямо противорѣчитъ господству въ то время всѣхъ нынѣшнихъ особенностей.

Послѣ этого общаго разсужденія, скрѣпленнаго, впрочемъ, необходимыми фактами, можно бѣгло взглянуть и на частности, предлагаемыя г. Максимовичемъ, кромѣ, конечно, отдѣльныхъ словъ, признаваемыхъ имъ за чисто-малороссійскія, о чемъ говорено уже нами выше. Въ письмѣ пятомъ, на стр. 108, по случаю правописанія въ лѣтописи: Половци, авторъ говоритъ, что это чисто по-малороссійски, потому что господствующій великороссійскій выговоръ требуетъ послѣ *ц* дебелыхъ гласныхъ, тогда какъ малороссійскій въ концѣ словъ непремѣнно тонкихъ: *ь, л, ю*. По господствующій нынѣ выговоръ не можетъ быть порукою въ такомъ сочетаніи звуковъ *ц* за 500, 600 и болѣе лѣтъ; а что, дѣйствительно,, и на сѣверѣ Россіи, въ древности, подобное сочетаніе было обыкновенно, доказываетъ положительно гражданская письменность новгородская, въ которой точно также господствуютъ слоги: *ци, цю, ця* ⁽¹⁾; да и понынѣ еще не всюду исчезло это свойство, составляя принадлежность говора новгородскаго (см. статьи Даля: опытъ областного великорусскаго словаря, стр. 38. Вѣстникъ географическаго общества, за 1852 годъ, книжка V, въ отдѣлѣ библи-

(1) Какъ въ настоящемъ случаѣ, такъ и прежде, при ссылкахъ на древніе памятники русскіе, я находилъ лишнимъ приводить примѣры, потому что въ значительномъ количествѣ на каждую особенность приведены оны прежде, въ сочиненіи о языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей.»

ографіи), и притомъ не въ концѣ только словъ, но и въ срединѣ, что погубило уже и въ нарѣчіи малорусскомъ, какъ исчезло подобное же сочетаніе съ тонкими гласными, употребительное въ древности, звуковъ *ч* и *ш*. Такимъ образомъ, это свойство нарѣчія малорусскаго современнаго есть точно такой же отрывочный остатокъ общерусскаго древняго языка, какъ и смягченіе гортанныхъ передъ *и*. По поводу разсматриваемыхъ словъ въ лѣтописи: *на порозь, по дорозь*, г. Максимовичъ (на стр. 116), на слѣдующій вопросъ г. Погодина: если малороссійское нарѣчіе ждало на Диѣпрѣ, то зачѣмъ нѣтъ его слѣдовъ въ лѣтописяхъ, — отвѣчаетъ такимъ восклицаніемъ: «Какихъ тебѣ еще слѣдовъ, какъ эти чисто малороссійскія формы: *на порозь, по дорозь.*» Нѣтъ, онѣ настолько же въ древности южнорусскія, насколько и сѣверно-русскія, — это доказываетъ та же сѣверная свѣтская письменность, со всеми отличительными чертами древняго русскаго языка и съ постоянно-правильнымъ употребленіемъ смягченности гортанныхъ въ свѣстяціа передъ *и* и *ь*. Даже и теперь, въ народныхъ пѣсняхъ, хоть, правда, и чрезвычайно рѣдко, въ пѣсняхъ самыхъ разгульныхъ, слышатся остатки этой общей древней смягченности, о чемъ мы и имѣли случай сказать, въ приведенномъ выше сочиненіи. Подобныя формы не суть только церковнославянскія и русскія, но, въ древности, общеславянскія, кромѣ, разумѣется, русскаго полногласія упомянутыхъ выше словъ; но и въ другихъ нарѣчіяхъ славянскихъ, не смотря на древнее господство смягченности гортанныхъ, эта смягченность нынѣ или осталась только въ отрывкахъ, касаясь одного звука гортаннаго, или забылась вовсе также, какъ забыли и сѣверные русскіе. Тутъ нельзя не замѣтить нѣкотораго противорѣчія въ основаніяхъ г. Максимовича; онъ, напр., охотно допускаетъ исторію лексической части языка и, находя въ лѣтописи слова: *хоробрый, възерица, сапогъ* и др., несуществующія въ нынѣшнемъ нарѣчіи малорусскомъ, рѣшительно объявляетъ, что они были прежде, но теперь забылись (срв. стр. 123—130); между тѣмъ, никакъ не соглашается допустить измѣненіе звуковъ въ жизни языка, тогда какъ послѣдніе болѣе, чѣмъ что либо другое, подвержены непостоянству и превращеніямъ. — Относительно окончаній *шетъ* и *хуть*, въ 3-мъ лицѣ единственнаго и множественнаго чиселъ прошедшаго времени, господствующихъ въ письменности древне-русской, г. Максимовичъ, повторяя свое мнѣніе, изложенное нѣкогда въ Исторіи Древней Русской Словесности, выразился въ письмѣ восьмомъ, на стр. 123, слѣдующимъ образомъ: «эта глагольная форма есть церковносла-

вляская, съ окончаніемъ *xu* (въ единственномъ числѣ *ше*), которому наши кievскіе писатели XI вѣка придавали свой привычный глагольный прибавокъ 3-го лица *тъ*; а въ XII-мъ вѣкѣ эта форма была въ ходу и у сѣверной Руси (съ тою разницею, что тамъ писали *тъ* и *тѣ*).» Во-первыхъ, намъ кажется страннымъ, какимъ образомъ можно излѣть цѣлую форму изъ языка мертваго для мертваго же языка (потому-что г. Максимовичъ считаетъ письменный древне-русскій языкъ вообще церковнославянскимъ) и измѣнить ее приставкою новаго окончанія, неизвѣстнаго рѣшительно въ источникѣ, откуда взята эта форма: ни г. Максимовичъ, ни другой кто не представитъ, навѣрное, ни одного примѣра такого безцѣльнаго измѣненія заимствованной формы не только въ нарѣчіяхъ славянскихъ, но и въ другихъ языкахъ. Придавали русскіе писатели окончаніямъ *ше* и *xu* свой привычный глагольный прибавокъ 3-го лица *тъ*; но нарѣчіе церковнославянское, какъ извѣстно г. Максимовичу, несколько не менѣе имѣло и имѣетъ донынѣ привычку прибавлять *тъ* въ третьихъ лицахъ настоящаго и будущаго времени, и, однако, при *ше* и *xu* не прибавляло и не прибавляетъ его; зачѣмъ же понадобилось *тъ* русскимъ писателямъ, писавшимъ по-церковнославянски, особенно южнорусскимъ, когда въ ихъ нарѣчій, ежели оно было, по теоріи г. Максимовича, нынѣшнее малороссійское *тъ* не только не было привычнымъ прибавкомъ, а напротивъ, было непривычнымъ, и отбрасывается болѣею частію и нынѣ въ настоящемъ времени. Притомъ, почему же прибавка сочтена была необходимою лишь при *ше* и *xu* и опущена при коренныхъ гласныхъ, оканчивавшихъ 3-е лице прошедшаго совершеннаго, какъ: *имѣтъ*, *читѣтъ* и т. под., еще болѣе при *ша* (церк.-слав. *ша*), въ 3-мъ лицѣ множественнаго числа: для послѣдовательности привычнаго *тъ* слѣдовало бы непременно ожидать ея и здѣсь. Что-то не такъ. Во-вторыхъ, или формы *шетъ* и *хутъ* составились такъ условно, въ жизни въ народѣ, подъ перомъ древнѣйшихъ писателей русскихъ, въ сочиненіяхъ оригинальныхъ русскихъ; то какъ же объяснить ихъ въ памятникахъ церковнославянскихъ, писанныхъ русскими перепечниками, въ XI вѣкѣ, слѣдовательно, въ первое время, когда только-что эта письменность появилась въ Россіи. Вѣдь для того, чтобы заимствовать форму, измѣнить ее и сдѣлать общераспространенною, хоть въ письменности, необходимо достаточное время; а между тѣмъ, *шетъ* и *хутъ* являются въ первыхъ русскихъ спискахъ съ старо-славянскихъ оригиналовъ, которые только-что успѣли познакомить Русскихъ съ языкомъ церковнославянскимъ. Еще болѣе

что-то не такъ. Въ-третьихъ, положительно невѣрно, будто сѣверные Рускіе только съ XII столѣтія переняли съ юга формы *шетъ* и *хуть*.

Мы имѣемъ несомнѣнно русскіе списки XI вѣка новгородскихъ переписчиковъ, что очевидно опредѣляется взаимною мѣною *ч* и *ц*, въ которыхъ весьма часто попадаетъ приставка *тъ*; привожу пока въ доказательство Миню XI столѣтія, хранящуюся въ императорской публичной бібліотекѣ, гдѣ читаемъ: *видѣшеться*, *благюухъ нѣшеться*, *прѣдъобразовѣшеться*, и мн. др. Не доказываетъ-ли, напротивъ, это отрицательное объясненіе того, что окончанія *шетъ* и *хуть* суть чисто народныя русскія, а что, слѣдовательно, народнымъ было и прошедшее на *хъ*, какъ было оно во всѣхъ нарѣчіяхъ славянскихъ, есть и теперь еще въ нарѣчіяхъ: болгарскомъ, сербскомъ хорутанскомъ и лужицкомъ, и забылось на Руси также, какъ забылось оно въ нарѣчій хорватскомъ, польскомъ и чешскомъ, кромѣ формы *bychъ*. Тогда и окончаніе *тъ* становится уже не воображаемымъ, мечтательнымъ прибавкомъ, а остаткомъ, отъ глубокой древности, окончанія 3-го лица и въ прошедшемъ времени, необходимо существовавшемъ въ преданію старшину во всѣхъ языкахъ отрасли индоевропейской, сберегшимся и въ старославянскомъ нарѣчій въ отрывкахъ, какъ показываютъ: *бысть*, *повить*, *начать*, *приать* и др., и только погнѣшимъ издавна во всѣхъ нарѣчіяхъ славянскихъ, кромѣ русскаго. И мы смѣло относимъ эти формы къ числу отличительныхъ признаковъ древняго языка русскаго, на ряду съ *ж*, *ч*, полногласіемъ и такъ д., сравнительно съ остальными родственными нарѣчіями славянскими.— Не менѣе страннымъ, натянутымъ и несправедливымъ представляется объясненіе и звуковъ церковнославянскихъ *жд*, мр. *дж* и общерусскаго *ж*, на стр. 98—99 въ письмѣ четвертомъ. Силась видѣть въ малорусскомъ нарѣчій все древнѣйшимъ, г. Максимовичъ, показавши, по своему разумѣнію, какимъ путемъ изъ кореннаго *д* являются приведенные только-что звуки, продолжаетъ: «языкъ южно-русскаго въ своемъ произношеніи удерживаетъ первобытный звукъ *дж* и въ началѣ нѣкоторыхъ словъ, напримѣр: *джерло* — *жерело*, *жерло*, *джбанъ* — *жбанъ*. Такъ и въ санскритскомъ *джани* — *жона*, *жена*; *дживл* — *жизль*, и проч.» Эту первобытность звука *дж*, выводитъ онъ и примѣромъ, какъ «изъ корня *ход*, съ прибавкою глагольнаго окончанія *жу*, выходитъ *ходжу*, какъ и теперь еще говоритъ южно-русскаго народъ во многихъ мѣстахъ Украины и Червонной Руси.» По нашему же крайнему убѣжденію

во 1) ни *жд*, ни *дж*, еще менѣе *ж* не суть первообытные звуки. Смягченіе простыхъ звуковъ, посредствомъ сочетанія съ звукомъ другимъ, есть и было всегда явленіемъ позднѣйшимъ, сравнительно съ смягченіемъ непосредственнымъ.—Какъ звукъ *д*, такъ и *т*, въ языкахъ древнѣйшаго вида, ограничивались при смягченіи йотированіемъ; это мы видимъ въ древне-нѣмецкомъ, латинскомъ, греческомъ и санскритскомъ; за этимъ, послѣдовало соединеніе двухъ звуковъ, изъ которыхъ одинъ сохранилъ звукъ коренной; это мы находимъ въ языкахъ: пракритскомъ, литовскомъ и въ славянскомъ; наконецъ, сдѣлался ненужнымъ вовсе коренной звукъ въ звукѣ двусложномъ, какъ въ нарѣчій русскомъ, чешскомъ, лужицкомъ. Такимъ образомъ, первообытнымъ звукомъ отъ смягченія *д* будетъ всетаки *д* (*дъ*, *дѣ*), а *дж* уже вторичнаго образованія, наравнѣ съ обратнымъ церковнославянскимъ *жд* или польскимъ *дз*. То же происходило и съ звуками гортанными, *г*, *к*, причемъ и самый санскритскій языкъ обнаружилъ уже и развѣлъ посредственную ихъ смягченность въ *дж* и *ч*. Во 2) въ словахъ: *джерело* и *дзбанъ* *дж* никомъ образомъ не произошло отъ *д*, а приставлено произношеніемъ къ *ж*, также точно какъ представляютъ его малороссіане и къ *з*: *дзеркало*, *дзерно*, *дзвизъ*, *дзюрчать* и т. п. Равно не справедливо и сближеніе малорусскаго *дж*, происшедшаго отъ *д*, съ санскритскимъ *дж*, въ словахъ: *джани* и *джива*: и въ томъ и другомъ *дж* образовалось изъ кореннаго *г* (= *g*), на что, между прочимъ, прямо указываетъ греческое *γυγι*, *γυγιω* *γυγιω*. Это коренное *г* не рѣдко, въ санскритѣ, и возвращается въ формахъ, хотя послѣднія уже и образуются отъ вторичнаго корня, гдѣ является *дж*. Такъ, отъ *tagg* погружать, причастіе *tagna*, отъ, *vigg*—возмущать,—*vigna* и др.—Вообще, намъ очень жалко, что г. Максимовичъ не обратилъ на это строгаго вниманія. Оно освѣтило-бы передъ нимъ различіе въ церковно-слав. языкѣ *жд* отъ *д* и *жд* отъ *г* и да-ло-бы поводъ опредѣлить причину приставки *д*, въ малорусскомъ нарѣчій, передъ *ж*, какъ въ словахъ: *джерело*, *дзбанъ* и т. д.; вѣдь, и въ этой приставкѣ должна быть законная причина: случайностей, съ вѣтру, въ языкѣ не бываетъ. Г. Максимовичъ увидѣлъ-бы ясно, что и тутъ не приставное *д* къ *ж*, а двойной звукъ *дж*, образовавшійся изъ кореннаго *г* (*горло*, *гу*, *тбать*, отсюда *жбанъ* въ рус., *дзбанъ* м. рус. Смѣемъ думать и быть даже увѣреннымъ, что таково же происхожденіе и *д* при *з*, въ словахъ *дзеркало*, *дзвизъ* и т. п. Относительно глагольнаго окончанія *жу*, въ настоящемъ *ходжу*, я не

говору въ 3), потому что скорѣе признаю въ этомъ опечатку, не допуская даже обмолвки или описки подъ рукою г. Максимовича.

Этимъ я прекращаю замѣтки о частностяхъ г. Максимовича, хотя бы ихъ можно было и удвоить, а съ тѣмъ вмѣстѣ прерываю и вообще свои замѣчанія, вызванныя его письмами къ г. Погодину. Неizmѣнивши ни мало своего мнѣнія вслѣдствіе этихъ писемъ, напротивъ, еще болѣе укрѣпившись черезъ нихъ въ прежнемъ своемъ положеніи, что малорусское нарѣчіе, дѣйствительно, ничѣмъ не выразило себя въ древней письменности русской, что на югѣ Россіи въ древности рѣшительно не видно и не было такого отдѣльнаго нарѣчія отъ языка сѣвернаго, какое существуетъ теперь, я тѣмъ не менѣе не могу не желать и, если смѣю, просить, чтобы г. Максимовичъ подвергнулъ вопросъ этотъ новому обслѣдованію и представилъ болѣе вѣрныя, справедливыя и прочныя доказательства своего убѣжденія, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, бездоказательнаго.

П. Лавровскій.

Харьковъ. 8 декабря,
1856 г.

ПАМЯТНОЕ ДѢЛО.

Кому изъ жителей Черниговской и Полтавской губерній не приходилось слышать о Заботинѣ и его страшной судьбѣ? Разказы о немъ и его отцѣ, генералѣ Шираѣ, переходили въ Малороссіи изъ устъ въ уста съ разными вымыслами и украшениями. Подобные случаи, какъ непризнаніе отцемъ сына, такъ рѣдки и необыкновенны, что невольно влекутъ любопытство каждаго — и неудивительно, если они служатъ темою для самыхъ романтическихъ разказовъ. Тамъ, гдѣ суды открыты для общества, молва скоро отрезвляется исторически-точнымъ разказомъ о дѣлѣ; у насъ же, пока, открыто только обширное поле толкамъ, и мы узнаемъ самую близкія къ намъ по времени происшествія, случаи, дѣла, по преданію и, болышею частію, въ искаженномъ видѣ.

Пользуясь обнародованіемъ въ журналѣ Министерства Юстиціи всѣхъ документовъ, относящихся до признанія Александра Заботина законнымъ сыномъ Ширая, мы думаемъ, что читатели наши не безъ интереса прочтутъ подробности свѣдѣнія о томъ, что до сихъ поръ они знали по слухамъ. Дѣло это представляетъ много занимательнаго. Самъ Ширая, отецъ Александра, представляетъ образчикъ чловѣка другого вѣка. Екатерининскій генералъ, чловѣкъ любившій жить на широкую ногу, онъ не хочетъ признавать своего сына законнымъ. Онъ воспитанъ въ томъ вѣкѣ, когда чловѣкъ сильный и богатый не любилъ подчиняться законному порядку, и вотъ онъ совершаетъ актъ непризнанія своего сына собственною властію. И какъ это ему легко, какъ все готово къ его услугамъ. Узнавъ о внесеніи новорожденнаго въ метрику, онъ велитъ вырвать листы и замѣнить ихъ другими. Онъ находитъ въ церковномъ причтѣ, въ членахъ и чиновникахъ духовнаго правленія и въ своемъ управляющемъ, совершенную готовность исполнить его желаніе. Онъ такъ самоуверенъ, такъ увѣренъ въ своей

безнаказности, что дѣлаетъ это почти открыто, и могущество его до-того велико, что въ теченіи 23 лѣтъ, пока онъ живъ, никто не беретя его обвинить за самоуправство и подлогъ.

Въ концѣ 1842 г., флигель-адъютантъ полковникъ Демидовъ, находившійся въ Черниговѣ, для наблюденія за производствомъ рекрутскаго набора, представилъ бывшему шефу корпуса жандармовъ, графу Бенкендорфу, записку о томъ, что умершій Стародубскій помѣщикъ, отставной генералъ-маіоръ Степанъ Ширай, по ненависти къ жепѣ своей, Ульянѣ, урожденной Бороздиѣ, не призналъ младшаго ея сына Александра законнымъ и уничтожилъ въ метрическихъ книгахъ листы, въ которыхъ было записано рожденіе и крещеніе того младенца, воспитаннаго впоследствии въ московскомъ ремесленномъ училищѣ подъ вымышленною фамиліею Заботина.

По докладу графомъ Бенкендорфомъ этой записки, Государь Императоръ, въ январѣ 1843 г., повелѣлъ произвести о Заботинѣ формальное слѣдствіе черниговскому губернскому предводителю дворянства, Лдомірскому, флигель-адъютанту Демидову и штабъ-офицеру корпуса жандармовъ, полковнику Ливенцову.

Послѣ сего, 15 февраля 1843 г., черниговскій гражданскій губернаторъ препроводилъ къ слѣдователямъ полученную имъ отъ генералъ-губернатора записку—безъ года, мѣсяца и числа, и никѣмъ неподписанную, въ началѣ которой сказано, что у умершихъ Шираевъ, кромѣ двухъ дочерей, наслѣдовавшихъ имѣніемъ отца и матери, было четверо сыновей. Изъ нихъ старшій, Михаилъ, умеръ въ 1831 г., второй и третій, Петръ и Константинъ, умерли въ младенчествѣ, послѣдній же Александръ живъ, но удаленъ отъ своего рода, лишень всѣхъ правъ и даже имени. Далѣе, въ запискѣ этой, имѣющей видъ подметнаго письма, описывается исторія походовъ Александра Заботина и указываются доказательства и свидѣтели, которые могутъ подтвердить рожденіе сего послѣдняго отъ Ульяны Ширай и мужа ея Степана Ширая.

Къ слѣдствію доставлены были четыре экземпляра метрическихъ книгъ села Соловы за 1818 годъ; изъ нихъ одинъ принадлежалъ черниговской духовной консисторіи, другой стародубскому духовному правленію, третій, хранившійся при приходской церкви села Соловы, четвертый—представленный титулярнымъ совѣтникомъ Заверухою.

По разсмотрѣніи консисторской метрической книги села Соловы за 1818 годъ, слѣдователи нашли: а) что рожденія отъ Степана

Ширая и жены его Ульяны сына Александра въ этой книгѣ не значится; б) что одинъ листъ въ этой книгѣ, половина котораго находится въ отдѣленіи родившихся, а половина въ отдѣленіи умершихъ, представляется сомнительнымъ, по блѣдности цвѣта противу прочихъ листовъ и по обрѣзкѣ его сверху; в) на обоихъ полулистахъ нумера по порядку родившихся и умершихъ идутъ вѣрно; по послѣ послѣдняго полулиста, обначивающагося въ отдѣленіи объ умершихъ нумеромъ 11-мъ, всѣ последующіе нумера, съ 12 до 20 включительно, переправлены такъ: изъ 11-го 12 и т. д.; г) почеркъ письма означеннаго листа имѣетъ мало сходства съ почеркомъ на прочихъ полулистахъ, скрѣпа протоіерея Рклицкаго сходна съ его почеркомъ, а скрѣпа священника и дьячка Лапчинскихъ вовсе не имѣетъ сходства, и проч.

При разсмотрѣніи метрической книги, хранившейся въ стародубскомъ духовномъ правленіи, слѣдователями обнаружено: а, пятый и шестнадцатый полулисты цвѣтомъ отличаются отъ прочихъ, внизу обрѣзаны, вшиты внизъ видимымъ внутри гербомъ фабрики и почеркомъ отличаются отъ прочихъ (1); б, на 5 полулистѣ подъ № 17 въ первой статьѣ 6 ноября показанъ рожденнымъ сынъ дворянина Василія Лапчинскаго, Павелъ Лапчинскій, который въ той же книгѣ на 16 листѣ въ отдѣлѣ умершихъ значится подъ № 19 умершимъ двухъ лѣтъ 6 декабря (2); в, что въ концѣ 5 листа (отдѣлъ родившихся) послѣ окончанія 17 статьи послѣднія слова «жена Анна Васильева дочь Демьяненкова», повторены на слѣдующемъ листѣ, не тѣми чернилами, что на предъидущемъ, а послѣдняя статья на 16 листѣ (отдѣлъ умершихъ) подъ № 18 оканчивается такъ «причастился отъ приход» — затѣмъ пробѣлъ въ два вершка, и на слѣдующемъ 17 листѣ написаны другими чернилами «скаго священника».

Церковная метрическая книга села Соловы, по сличеніи слѣдователями съ двумя первыми, признана ими списанною съ книги, хранившейся въ духовномъ правленіи; въ ней не оказалось записки о рожденіи отъ Ширая и жены его сына Александра.

(1) При обзорѣ этой книги въ общемъ собраніи сената, найдено, что листы 10 и 11 также обрѣзаны, что на обрѣзанныхъ листахъ (3, 10, 11 и 16) водяные знаки изображаютъ буквы И, Б, М, Я, гербъ медвѣдь, стоящій на заднихъ лапахъ и 1816 г., и что на необрѣзанныхъ листахъ буквы М. О. К. Ф. 1817 г. гербъ скачущая лошадь.

(2) Рожденіе этого младенца также записано и въ консисторской метрической книгѣ.

По разсмотрѣніи 4 метрической книги, отобранной отъ титулярнаго совѣтника Заверухи, слѣдователи нашли, что она написана на одинаковой съ первыми двумя книгами бумагъ (1). Въ ней подъ № 15, написано: «отъ генераль-маіора Ширая и жены его Іульяны Петровой дочери Борозниовны, родилел сынъ Александръ, крещенъ сего мѣсяца 8 числа приходскимъ священникомъ Николаемъ Лапчинскимъ; воспріемникомъ отъ святаго крещенія тому младенцу былъ тогожь села Соловы священникъ Николай Яковлевъ сынъ Лапчинскій» (2). Книга эта вложена въ особый листъ, на которомъ собственною рукою архіепископа черниговскаго Павла сдѣлана слѣдующая надпись: «что сія книга есть та самая, которая взята у священника села Соловы Ивана Лапчинскаго въ 1839 г. титулярнымъ совѣтникомъ Заверухою, лично подтвердилъ мнѣ самъ священникъ Іоаннъ Лапчинскій.»

При допросѣ гражданскими слѣдователями, и, по указу синода, слѣдователями со стороны духовнаго вѣдомства, спрошенные лица показали:

1) *Титулярный совѣтникъ Заверуха*, спрошенный гражданскими слѣдователями 25 февраля безъ присяги, а 2-го марта подъ присягою, показать, что, по приказанію генераль-маіора Ширая, взявъ онъ, въ 1839 г., у приходскаго священника Ивана и дьякона Федора Лапчинскихъ метрическую книгу села Соловы, а вмѣсто ея отдалъ копію съ метрики Стародубскаго духовнаго правленія, переданную ему секретаремъ правленія Борщевскимъ (3), умершимъ 14-го февраля 1840 г. По предъявленіи этой метрической книги Шираю, сей послѣдшій, прочитавъ, возвратилъ ее ему, Заверухѣ, сказавъ: «пусть она у тебя останется». Метрику эту онъ, Заверуха, хранилъ у себя, боясь отвѣтственности за самовольное истребленіе.

2) *Священникъ села Соловы Иванъ Лапчинскій* показали духовнымъ и гражданскимъ слѣдователямъ, что Александръ сыномъ Ширая и жены его въ метрическихъ книгахъ былъ записанъ рукою священническаго сына Ивана Лапчинскаго (сынъ священника Николая Лапчинскаго, впоследствии отставной унтеръ-офицеръ). Метрическая

(1) При разсмотрѣніи этой книги въ канцеляріи общаго собранія найдено, что на листахъ оной знаки водяные тѣ же, что и на листахъ оподозрѣнныхъ правленской книги, а именно буквы Я. Б. М. Я. 1816 г.

(2) Священникъ Николай Лапчинскій умеръ 3 апрѣля 1821 г.

(3) Въ безприсяжномъ показаніи Заверуха утверждалъ, что копію съ правленской метрической книги секретарь Борщевскій передалъ не ему, а Шираю.

книга села Соловы, въ которой записано было рожденіе Александра, постоянно хранилась при церкви до 1839 г., а въ томъ году отдана имъ, по приказанію Ширая, Заверухъ, который оставилъ копию съ оной безъ всякаго завѣренія; въ ней рожденіе Александра не было записано; подлинную книгу Заверуха не возвращать. О всѣхъ сихъ обстоятельствахъ онъ словесно объявлялъ благочинному Ивану Демъ, который никакого не сдѣлалъ распоряженія. Соловская метрическая книга за 1818 г. имъ не была подписана (Іоаннъ былъ тогда дьячкомъ) потому, что ее не подписывалъ священникъ Николай Лапчинскій; экземпляры книгъ консисторской и правленской подписаны имъ по листамъ, кромѣ листовъ, на правленскомъ 5 и 16, а на консисторскомъ 6 и 15; подпись здѣсь оказывается не его. Къ сему Іоаннъ Лапчинскій присовокупилъ, что отъ священническаго сына унтер-офицера Ивана Лапчинскаго онъ слышалъ о запискѣ Александра сыномъ Ширая и жены его въ метрическихъ книгахъ за 1818 годъ, отправленныхъ въ консисторію и правленіе, что по просьбѣ Ширая и распоряженію протоіерея Леонтія Рклицкаго книги эти возвращены были священнику Николаю Лапчинскому для исключенія рожденія Александра, что и было исполнено; вновь вшитые листы переписывалъ, по приказанію отца, Иванъ Лапчинскій. Въ подтвержденіе своего показанія, священникъ Иванъ Лапчинскій представилъ подлинное къ нему писмо благочиннаго Демъ, въ которомъ, между прочимъ, *Демъ пишетъ*: «въ бытность у меня Ивана Яковлевича, я показывалъ ему метрическую книгу; онъ сказалъ мнѣ: «я это знаю, она переписана съ моего позволенія; только на васъ претендовалъ, зачѣмъ вы дали настоящую книгу и не донесли правленію.» Я просилъ, чтобы онъ умолчалъ и не объявлялъ никому; на это онъ мнѣ отвѣчалъ: «если можно будетъ, умолчимъ.» Теперь 7-го числа прислать мнѣ записку, чтобы вы непременно донесли правленію насчетъ перемѣны метрической книги 1818 г. Побѣжайте къ Ивану Яковлевичу для совѣта и наставленія, и просите его, нельзя ли умолчать хотя до смерти старика; если же не можно, то спросите, что дѣлать въ такомъ случаѣ, чтобы не огорчить тѣхъ персонъ, и чтобы не возвести на себя гнѣва». По объясненію священника Ивана Лапчинскаго, Иванъ Яковлевичъ Борщевскій былъ столоначальникъ духовнаго правленія, а подъ именемъ старика разумѣлся Ширай.

3) Бывшій дьякономъ села Соловы, *солицентикъ села Шкрябина, Феодоръ Лапчинскій*, гражданскимъ и духовнымъ слѣдователямъ

показалъ, что повѣренный Ширая, Заверуха, угрозами лишить мѣста, принудилъ ихъ отдать метрическую книгу за 1818 г., а взаменъ отдалъ копію, въ которой не было записано рожденія отъ Ширая и жены его сына Александра.

4) *Благочинный Дема* подтвердилъ показанія священниковъ Ивана и Оедора Лапчинскихъ, до него относившіяся, причемъ объяснилъ, что, подъ словомъ «не огорчить персонъ» разумѣлъ Ширая и дочерей его, Марью и Анастасью.

5) *Членъ духовнаго правленія, протоіерей Павелъ Ркицкій*, рукоприкладствовавшій книги села Соловы за 1818 г., отозвался, что, подписывая книги, вѣроятно въ 1821 г., онъ перемѣны листовъ въ двухъ экземплярахъ метрикъ не примѣтилъ и самъ въ томъ не участвовалъ; листы эти, какъ полагають, должны быть перемѣнены до скрѣпы означенной книги.

6) *Вдова титулярнаго совѣтника Евфросинья Масловская* 23-го февраля безъ присяги, а 2-го марта 1843 г. подъ присягою, показала, что во время болѣзни мужа, бывшаго секретаремъ стародубскаго духовнаго правленія, Луки Масловскаго, она вмѣсто его приняла слѣдовавшую въ духовное правленіе метрическую книгу церкви села Соловы за 1818 г. отъ дьячка Ивана Лапчинскаго; помнить, что въ книгѣ той было записано рожденіе, отъ Степана Ширая и жены его, сына Александра; въ февралѣ или мартѣ 1819 г. помянутая книга похищена изъ духовнаго правленія членомъ оного, священникомъ Иваномъ Пашинскимъ, уже умершимъ; когда, затѣмъ, книга возвращена, не помнить, а долженъ знать управляющій имѣніемъ Ширая Андрей Ракицкій. Кроме этого, Масловская, при духовномъ слѣдствіи, показала, что она собственными глазами видѣла, какъ Пашинскій, бывшій учителемъ сына Ширая Михайлы, въ часы послѣ присутствія уносилъ метрическія книги, о чемъ тогда же объявила мужу.

7) *Титулярный совѣтникъ Ракицкій* (1) подъ присягою объяснилъ, что въ метрическихъ книгахъ Александръ былъ записанъ приходскимъ священникомъ безъ спроса Ширая, а когда священникъ Пашинскій объявилъ ему о томъ, тогда Ширай былъ разсерженъ и велѣлъ Пашинскому выключить Александра; какъ исполнено это приказаніе — не знаетъ.

8) *Унтеръ-офицеръ Иванъ Лапчинскій* (сынъ священника Пи-

(1) Бывшій управляющимъ имѣніями генерала Ширая.

колая Лапчинскаго) подъ присягою объяснилъ: 1) что метрическія книги села Соловы писалъ онъ въ 1818 г. при жизни отца и по его приказанію; сынъ Ширая, Александръ, былъ записанъ въ тѣхъ книгахъ въ числѣ родившихся въ ноябрѣ 1818 г., но на мѣсто того Александра, около года спустя послѣ его рожденія, Лапчинскій, по приказанію отца, вписалъ въ тѣ книги сына дворянина Лапчинскаго Павла; книги были присланы престоіеремъ Леонтіемъ Рклицкимъ для перемѣны листа, на которомъ Александръ былъ записанъ; скрѣпу на вновь вшитыхъ листахъ, вмѣсто священника и дьячка, онъ сдѣлалъ также по приказанію отца.

10) *Дворянинъ Василій Лапчинскій* подъ присягою показалъ, что у него былъ сынъ Павелъ; когда родился, не помнитъ, а полагаеть тому 27 лѣтъ; умеръ означенный сынъ чрезъ три года послѣ рожденія.

Слѣдственная коммисія, по соображеніи показанія Василія Лапчинскаго съ метрическою книгою 1818 г., по журналу заключила, что сынъ Лапчинскаго Павелъ, который въ метрикѣ 1818 г. показанъ умершимъ 2-ухъ лѣтъ, не могъ родиться въ томъ же году, а изъ сего открывается, что, на мѣсто сына Ширая Александра въ метрическихъ книгахъ духовнаго правленія и консисторіи, былъ впоследствии вписанъ Павелъ Лапчинскій.

О рожденіи Александра Заботина показалъ:

Священникъ Иванъ Лапчинскій,—что онъ находился въ званіи дьячка при крещеніи соловскимъ священникомъ Николаемъ Лапчинскимъ родившагося, въ ноябрѣ 1818 г., у Ширая и жены его сына Александра; воспріемникомъ былъ означенный священникъ Николай, постороннихъ свидѣтелей и Ширая не было. Въ заключеніе Лапчинскій сказалъ: «кажется, Александръ жилъ въ младенчествѣ при матери и она сама его кормила; потомъ увезенъ былъ въ Новгородъ—Сѣверскъ, а оттуда въ Москву, но къмъ — не знаетъ».

Присяжныя показанія.

Титулярный совѣтникъ Заверуха, — бывшій повѣреннымъ Ширая съ 1834 г. по смерть Ширая, т. е. по 4-е августа 1841 показалъ: съ 1834 г. Ширая жены не навѣщалъ, по поручалъ ему имѣть

попеченіе, чтобы она ни въ чемъ не нуждалась; Ширай зналъ о нахожденіи Заботина въ Москвѣ, но никогда не называлъ его сыномъ своимъ и отрицанія о немъ въ запискахъ и завѣщаніи сдѣлать не хотѣлъ, слышалъ же о немъ Ширай болѣе всего отъ дочери своей Анастаси (Чернолузской), которая никогда не называла его братомъ, а *несчастливымъ*.

Козакъ села Соловы Михайло Сапоновъ показалъ, что онъ знаетъ, что у Ширая и жены его Ульяны родился въ Соловѣ сынъ Александръ и жилъ при матери 4 года, потомъ отправленъ былъ, какъ онъ слышалъ, въ деревню Болдовку. Согласно съ Сапоновымъ, показали порознь 14 человекъ другихъ козаковъ.

Коллежскій секретарь Семенъ Гасевскій, — управлявшій имѣніемъ Ширая съ 1817 и съ мая 1818 г. до 1831 г., что онъ жилъ въ Соловѣ, гдѣ жила и жена Ширая; Ширай жилъ въ Стародубѣ и Пантусовѣ; во всякій разъ, проѣзжая въ Черниговъ по должности губернскаго предводителя дворянства, заѣзжалъ въ Солову и проживалъ тамъ по нѣскольку дней, но не жилъ въ одномъ домѣ съ женою; былъ ли Ширай въ концѣ 1817 г. въ Соловѣ, не знаетъ, но бывалъ тамъ въ началѣ 1818 г. Причина несогласія супруговъ ему неизвѣстна, и чтобы Ширай навѣщалъ жену свою послѣ того, какъ они не жили уже вмѣстѣ, того онъ не замѣтилъ; но въ маѣ 1818 г., она была беременна и 6-го ноября того года родила сына, котораго назвали Александромъ; въ тотъ день Ширай былъ въ Соловѣ проѣдомъ изъ Чернигова, но при крещеніи не былъ и Гасевскій полагаетъ, что Ширай о рожденіи и крещеніи сына не зналъ. Александръ былъ при матери до 4-хъ лѣтъ; потомъ сыномъ Ширая, умершимъ Михайлою, помѣщенъ, не знаетъ почему, въ крестьянскую пабу въ деревнѣ Болдовкѣ, а оттуда порученъ онъ повгородъ-сѣверскому священнику Мануйловичу.

Титулярный совѣтникъ Ракицкій, — что онъ поступилъ къ Шираю въ 1811 г., жилъ съ нимъ въ Соловѣ по декабрь 1811 г., откуда переехалъ съ Шираемъ въ Стародубъ и постоянно при немъ находился до 1830 г. По образу жизни Ширая, можно было заключить, что онъ жилъ въ несогласіи съ женою, ибо Ширай, во всю бытность Ракицкаго у него, жилъ въ Соловѣ въ большомъ домѣ, а жена во флигелѣ; навѣщалъ ли Ширай жену, по переездѣ въ Стародубъ, не знаетъ. По слухамъ, у жены Ширая былъ сынъ Александръ; во время рожденія Ширай былъ въ Соловѣ, но о рожденіи и креще-

ніи узналъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Почему Шпрай не признавалъ Александра сыномъ, не знаетъ.

Въ присяжныхъ отвѣтахъ, 21 человекъ дворянъ черниговской губерніи стародубскаго уѣзда показали:

1, *Титулярный совѣтникъ Кукесвичъ*, знакомый съ Шпраемъ съ 1810 по 1841 г.: известно ему, что у жены Шпрая былъ сынъ Александръ, находившійся въ младенествѣ при ней; но отъ Шпрая ли онъ рожденъ и знаетъ ли онъ о его существованіи, не знаетъ.

2, *Титулярный совѣтникъ Страшенко*, знакомый съ Шпраемъ съ 1816 по 1841 г.: былъ ли у Шпрая отъ жены сынъ Александръ и знаетъ ли о томъ отецъ, не знаетъ; но если Шпрай не признавалъ Александра сыномъ, то вѣроятно тому была причина, а только 20 лѣтъ носится слухъ въ народѣ, что есть таковой сынъ, увезенный отъ матери въ малолѣтствѣ.

3, *Титулярный совѣтникъ Хоминскій*, знакомый съ Шпраемъ съ 1824 по 1841 г.: по слухамъ, носившимся въ народѣ, былъ у жены Шпрая сынъ; о существованіи его, вѣроятно, знаетъ Шпрай; а сынъ сего послѣдняго Михайла, рассказывая ему о намѣреніи пеходатайствовать у отца распредѣлительный актъ, говорилъ: « между нами есть одна семейная тайна, есть лицо, которое называютъ сыномъ нашей матери ».

4, *Титулярный совѣтникъ Серета*, знакомый съ Шпраемъ съ 1808 по 1841 г.: жена Шпрая родила сына Александра, но не отъ Шпрая, какъ носился въ народѣ слухъ; ребенокъ этотъ находился нѣсколько лѣтъ при матери въ Соловѣ, потомъ у священника новгородъ-сѣверскаго и оттуда увезенъ въ Москву.

5, *Коллежскій регистраторъ Янжулъ*, знакомый съ Шпраемъ съ 1798 по 1841 г.: при женѣ Шпрая видѣлъ сына Александра, который жилъ при ней до пяти лѣтъ, но отъ Шпрая ли рожденъ, не знаетъ; по порученію матери, передавалъ новгородъ-сѣверскому священнику Мануйловичу для сына ея бѣлье и разныя вещи.

Другіе дворяне отозвались незнаніемъ.

Показанія по священническому увѣщанію.

25 *крестьянъ и крестьянокъ*, бывшихъ въ услуженіи при женѣ Шпрая, принадлежавшихъ къ соловской дворнѣ, и двое камерди-

перовъ Ширая показали, что они совершенно знаютъ о рожденіи Александра у Ширая и жены его въ 1817 или 1818 г.; Александръ жилъ при матери до 4-хъ лѣтъ (двое до 5-ти, одинъ до 6-ти); не знаютъ, по чьему приказанію онъ отвезенъ былъ въ Болдовку, а оттуда въ Новгородъ—Сѣверскъ. *Попсуй* (бывшій при жепѣ Ширая дворецкимъ) сверхъ того показалъ, что по приказанію, данному ему лично Шираемъ, онъ отправилъ Александра съ кучеромъ Ющенкомъ (умершимъ) въ деревню Болдовку вмѣстѣ съ нянькою Лобановою, гдѣ Александръ былъ помѣщенъ въ домѣ войта Винокурова, жилъ тамъ 6 недѣль, потомъ сынъ Ширая, пригласивъ Мануйловича, отправилъ его съ нимъ въ Новгородъ—Сѣверскъ. Трое показали, что во время рожденія Александра старикъ Ширай почевалъ въ селѣ Соловь въ большомъ флигелѣ и утромъ уѣхалъ въ Черниговъ. Ширай постоянно жилъ въ Старолубѣ, но пріѣзжалъ въ Солову довольно часто и всегда останавливался въ большомъ домѣ, а во флигелѣ жила жена его, съ которою онъ видѣлся; за что Ширай жилъ въ несогласіи съ женою, не знаютъ, (Попсуй, что несогласіе произошло 15 лѣтъ назадъ, а Гредченковъ, что Ширай разошелся по пріѣздѣ старика изъ С. — Петербурга; по полученіи собственнаго ея имѣнія, Ширай запретилъ ей выѣзжать изъ Соловы далѣе деревень Болдовки и Елепки). Попсуй показалъ кромѣ того, что въ продолженіи уединенной жизни жены Ширая, ее навѣщали большею частію родственники, а также и сосѣди; дочери въ малолѣтствѣ жили при ней, а въ 1814 или 1815 г. отвезли ихъ въ Москву; по возвращеніи жили съ матерью, а потомъ при отцѣ въ селѣ Пантусовѣ.

Кромѣ вышепомянутыхъ присяжныхъ отзывовъ дворянъ, губернской предводитель предлагалъ вопросы о рожденіи Александра Заботина 32 дворянамъ. Въ письменныхъ отзывахъ большая часть отзывалась незнаемъ, другіе свидѣнія свои основывали на слухахъ. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ показанія генералъ-маіора графа Гудовича и поручика Губчица, дальнихъ родственниковъ Ширая.

Гр. Гудовичъ отзывался, что Ширай, узнавъ письменно изъ Москвы отъ Барковского, что по разсказамъ сынъ его находится въ Москвѣ подъ попеченіемъ учителя Кубарева, сказалъ ему, Гудовичу, передъ отъѣздомъ въ Москву: «узнай пожалуйста, что тамъ за хлопецъ явился и разскажи, когда возвратишься». Дочь Ширая Настасья (Чернолузская) дала Гудовичу адресъ ребенка. Въ Москвѣ Гудовичъ видѣлъ Александра Заботина и, возвратившись, хвалилъ его

Шираю и совѣтовалъ перевести его изъ ремесленнаго отдѣленія въ словесное, но Ширай слышать не хотѣлъ, говоря: «пусть будетъ, какъ есть». Впослѣдствіи Гудовичъ убѣждалъ Ширая сдѣлать какое либо назначеніе Александру, который по крайней мѣрѣ рожденъ отъ его жены, имъ нѣкогда любимой, но и на это Ширай не согласился.

Поручикъ Губчицъ, въ письменномъ отзывѣ показалъ, что Долинская говорила съ нимъ о распоряженіяхъ отца, признавала ихъ неудовлетворительными; причемъ сказала ему: «да вы знаете ли, что у насъ есть братъ Александръ въ Москвѣ?» Въ 1838 или 1839 г., пріѣхавъ въ Пантусово, онъ сообщилъ Шираю послѣдшій слухъ, что московскій (Заботинъ) имѣетъ метрическое свидѣтельство; съ сими словомъ Ширай, встревоженный, вскочилъ, и, обратясь къ Заверухѣ, сказалъ: «что это?» Заверуха отвѣчалъ: «неправда, ваше превосходительство, по вѣмъ мѣстамъ уничтожено».

Однокровные братья Ульяны Ширай, Василій и Иванъ *Бороздны*, сестры ея и родственники ихъ *Миклашевскіе*, въ письменныхъ отзывахъ, утвердительно доказывали, что Александръ Заботинъ законный сынъ ихъ сестры и Ширая, преслѣдуемый безвинно отцомъ со дня рожденія своего.

Показанія о жизни и характерѣ жены Ширая.

Титулярные совѣтники Кузькевичъ и Грасевичъ: Извѣстно имъ, что Ульянѣ Ширай не вѣльно было выѣзжать изъ села Соловы. *Священникъ Иванъ Лапчинскій, титулярный совѣтникъ Страшенко, коллежскій ассесоръ Животкевичъ и коллежскій регистраторъ Янжулъ*: что Ширай, проѣзжая изъ Стародуба въ Черниговъ и обратно, останавливался въ Соловѣ въ своемъ домѣ. *Титулярный совѣтникъ Коцкевичъ*: — совершенно извѣстно ему, что жена Ширая была удалена отъ общества и терпѣла крайніе недостатки. *Титулярный совѣтникъ Хоминскій*, — что когда случалось ему быть въ Соловѣ, то всегда видѣлъ жену Ширая прилично одѣтою въ кругу дѣтей и постороннихъ. *Губернскій секретарь Лайкевичъ*, — что жизнь жены Ширая походила на заточеніе, и что въ 1817 г. мать его, проѣзжая съ нимъ черезъ Солово, была у жены Ширая, которая въ то время не пользовалась пристойнымъ содержаніемъ и находилась въ крайней бѣдности. *Титулярный совѣтникъ Середа*, — что за женою Ширая присматривали крѣпостные лю-

ди, дабы она нкуда не отлучалась. *Священник Лапчинскій*, — что Ширай съ женою не обращался жестоко и все содержаніе отпускалось ей изъ экономіи, какъ слѣдуетъ; *Янжуль*, — что когда управлялъ имѣніемъ Солово дворянинъ Рухлядка, то обращался, по невѣжеству, съ женою Ширай грубо, а сей послѣдній всегда у него спрашивалъ, не заѣзжалъ ли въ Солово и здорова ли жена; *Животкевичъ*, — что жена Ширая находилась подъ приемотромъ крѣпостныхъ людей и однажды ему жаловалась на недостаточное содержаніе, относя это не къ мужу, а къ управляющему.

О характерѣ Степана Ширая спрошенные подъ присягою дворяне отозвались, что онъ былъ челоуѣколюбивъ, твердъ, рѣшителенъ, благороденъ, добръ, веселъ, любилъ общество, гостеприменъ, строгъ, скрытенъ, неуступчивъ, своенравенъ, гордъ, честолюбивъ, помнилъ нанесенное ему огорченіе. Другіе показали, что о характерѣ его ничего не знаютъ. Одинъ генералъ — майоръ Гудовичъ, родственникъ Ширая, безъ присяги показалъ, что Ширай былъ честолюбивъ и гордъ, а къ крестьянамъ своимъ и служителямъ весьма снисходителенъ; съ дѣтьми суровъ.

Объ Ульянѣ Ширай отозвались, что она была умная, кроткая и добродѣтельная; характеръ имѣла тихій, скромный, благородный; одинъ (*Животкевичъ*), — что Ульяна Ширай была характера скромнаго, но сложенія горячаго. *Животкевичъ* подъ присягою показалъ, что Ульяна Ширай имѣла болѣзненный припадокъ въ родѣ сумасшествія и тогда дарила кому что попало и въ забывчивости выходила изъ границъ благопристойности къ мужескому полу. Во время освѣщенія соловскаго дома, когда Ширай жилъ съ женою, по просьбѣ перваго, преосвященный черниговскій назидалъ Ульяну Ширай въ особой комнатѣ о вѣрности супружеской.

Графъ Николай Гудовичъ безъ присяги: онъ рѣдко имѣлъ случай видѣть жену Ширая, но ему всегда казалось, что въ свободное время отъ болѣзненныхъ припадковъ она была въ обращеніи скромна, кротка и пріятлива.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Искрицкій, безъ присяги: онъ слышалъ отъ родныхъ своихъ, посѣщавшихъ Ульяну Ширай, что она, будучи въ болѣзненномъ состояніи, предпочитала бесѣду и занятія званію ея несвойственныя, любила жить въ людскомъ флигелѣ, а не въ домѣ, и объ одеждѣ не была довольно заботлива. Впоследствии говорилъ ему Ширай, что, по его приказанію

нію, дочь Анастасія (Чернолузская) посѣщала мать, а сама Чернолузская — что мать устроена въ Соловѣ прилично.

Стародубскій уѣздный врачъ штабъ-лекаръ Кузьминскій, безъ присяги, отозвался, что онъ пользовалъ жегу Ширая съ 1833 г., которая вскорѣ послѣ смерти сына Ширая, Михайлы, была больна желтухою; по излеченіи отъ этой болѣзни черезъ полгода, или немного болѣе, заболѣла водяною, которою страдала до самой смерти. Кроме этой болѣзни два раза подвержена была параличному удару: въ первый разъ отнялась у нея половина всего тѣла, но при пользованіи получила облегченіе; отъ другаго удара, кажется, чрезъ полгода послѣ перваго, она умерла въ 1839 г. Сверхъ того, иногда, а чаще періодически, во время малоколичественнаго очищенія, имѣла общесумножительство, продолжавшееся иногда по недѣлѣ и обнаруживавшееся бессонницею, говорливостію или молчаливостію, и утормостію.

Розысканія о воспитаніи Александра Заботина.

Священно-намѣстникъ Новгородъ-Сѣверска Лошинъ Мануйловичъ, 2-го марта 1843 г., показалъ, что въ 1822 г., по письменному приглашенію Михайлы Ширая, пріѣзжалъ онъ въ Солово, гдѣ, наединѣ, сей послѣдній объяснилъ ему о притѣсненіи отцомъ его матери и объ удаленіи, по приказанію отца, управляющимъ Гаевскимъ, маленькаго его брата Александра въ деревню Болдовку, для воспитанія съ крестьянами. Въ Болдовкѣ Мануйловичъ взялъ Александра, который воспитывался у него около 3-хъ лѣтъ, но потомъ Михайла Ширая, объяснивъ ему въ д. Пантусовѣ, что отецъ его узналъ о мѣстѣ пребыванія Сашки, сообщилъ ему намѣреніе свое взять Александра въ Москву, — для опредѣленія въ учебное заведеніе, съ тѣмъ, чтобы онъ впоследствии поступилъ въ университетъ. Согласно волѣ Михайлы Ширая, Мануйловичъ, въ іюлѣ 1823 г., отдалъ Александра присланному челоуѣку Ивану Терещенку, въ присутствіи штабъ-капитана Емельяновича. Александръ, прозванный, не знающъ почему, Заботнымъ, есть тотъ самый, который у него воспитывался; онъ имѣлъ маленькіи шрамчикъ близъ глаза, и его признають всѣ тѣ, которые видѣли въ его, Мануйловича, домѣ. Мануйловичъ представилъ слѣдователямъ 13 писемъ къ нему Михайлы Ширая и 2 письма Уляны Ширая.

Въ письмахъ своихъ Михайла Ширая спрашиваетъ о здоровьѣ и

воспитаніи Александра, называя его *извѣстнымъ предметомъ, нашимъ безпокровнымъ Сашею*, и семьяниномъ Мануйловича.

Въ первомъ письмѣ отъ 18-го января 1824 г., Ульяна Ширай посылаетъ Мануйловичу шпурочикъ для часовъ своей работы, присовокупляя: носите его всегда; я еще лучшей постараюсь сдѣлать. По-сылаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, своему Сашинькѣ платье и бѣлье, проситъ писать о его потребностяхъ, ибо она можетъ все доставить. Далѣе она пишетъ: я думаю, у моего маленькаго Сашиньки нѣтъ шубки, смѣряйте его ростъ и въ письмѣ, хоть черезъ почту, пришлите бумажную мѣрочку; не опасайтесь теперь ничего; мой старшій сынъ показывалъ мнѣ почтенное письмо ваше и открылъ мнѣ, что вы сдѣлали мнѣ благодареніе, взявши воспитывать и учить моего маленькаго Сашиньку. Я всегда буду чувствовать и благодарить васъ за это воспитаніе и ученіе и должна помнить васъ по гробъ и дорогаго моего сына Мишеньку. Моему сердцу очень больно было разстаться съ маленькимъ Сашинькою; но надобно было рѣшиться учить его; надѣюсь, что вы заступите мое мѣсто,—вѣрно сожалеете его въ чужой сторонѣ. Я слышала, что малютка мой былъ опасно болѣнъ.

Во второмъ письмѣ отъ 14 іюня 1826 г., Ульяна Ширай проситъ Мануйловича возвратить посылку, «которую я посылала моему Сашинькѣ». Далѣе благодаритъ за воспитаніе и попеченіе о Сашѣ и въ заключеніе присовокупляетъ: «слава Богу, онъ здоровъ, учится хорошо, только очень далеко за Москвою».

Вслѣдствіе объясненія Мануйловича, подъ присягою показали:

Жена Мануйловича,—что представленный ей Заботинъ есть тотъ самый, который жилъ въ домѣ мужа ея около трехъ лѣтъ; узнаетъ она Александра по шраму у лѣваго глаза, родимому круглому пятну на правой щекѣ, по вѣснѣмъ чертамъ лица и, наконецъ, по воспоминаніямъ о разныхъ мелкихъ случаяхъ, бывшихъ въ ихъ домѣ во время его пребыванія.

Свѣщенникъ Федоръ Мануйловичъ и *отставной штабсъ-капитанъ Емельяновичъ* и дьячекъ *Терасевичъ* подъ присягою показали, что они видѣли Александра у Мануйловичей; Емельяновичъ, кромѣ того, показалъ, что онъ провожалъ, съ Мануйловичами, Александра, при отравленіи его въ Москву.

Между тѣмъ, Александръ Заботинъ подавъ слѣдователямъ записку, изъ которой видно, что въ 1825 году, семи лѣтъ, онъ отданъ былъ священническою вдовою Кубаревою въ московскій воспитательный

домъ; на третьемъ году изъ классовъ переведенъ въ ремесленное отдѣленіе, изъ коего выпущенъ въ 1839 г. для принсканія себѣ мѣста, а въ 1840 г. поступилъ, по контракту, къ помѣщику Орловской губерніи, штабъ-ротмистру барону Таубе, съ жалованьемъ по 120 руб. асс. въ годъ. При запискѣ Заботинъ представилъ письма бывшего профессора московскаго университета Кубарева на имя Ивана и Николая Борозденъ, однокровныхъ братьевъ Ульяны Ширай. Въ письмахъ этихъ Кубаревъ принимаетъ участіе въ судьбѣ Заботина относительно отысканія правъ на настоящее происхожденіе и изъявляетъ готовность свою и своей матери принять участіе въ дѣлѣ справедливомъ, по христіанской совѣсти.

Адьюнктъ московскаго университета Кубаревъ, спрошенный подъ присягою, показалъ, что Александръ Заботинъ былъ принятъ матерью его, Кубарева, отъ его товарища и друга Михайлы Ширай и доставленъ имъ крѣпостнымъ его человѣкомъ, Иваномъ. Помѣщикъ Заботинъ матерью его, Кубарева, въ воспитательный домъ по ипсьму Михайлы Ширая, который дѣлалъ ему денежное пособіе. Отъ Михайлы Ширая онъ ничего не слышалъ о происхожденіи Заботина, но былъ свидѣтелемъ самаго заботливаго о немъ попеченія, какъ о человѣкѣ ему близкомъ. По общей молвѣ, ему извѣстно, что Заботинъ—сынъ отца Михайлы Ширая. При этомъ Кубаревъ представилъ 9 писемъ: пять Ивана Борозды, два брата его Николая и два Александра Заботина.

Въ письмахъ къ Кубареву Иванъ Борозда пишетъ отъ 22 іюля 1842 г., что всѣ родные покойницы не согласны на прежнее удовлетвореніе: нужно возстановить права извѣстнаго лица. Убѣждаетъ Кубарева, чтобы на случай пріѣзда къ барону (Таубе) одного ихъ родственника, Саша послѣдовалъ его совѣту и былъ твердъ, какъ адамантъ: уступчивость испортитъ дѣло, ея не должно быть ни съ вашей, ни съ Сашинной стороны. Въ письмѣ отъ 30 августа изъявляетъ сомнѣніе въ успѣхѣ предпринимаемаго имъ дѣла, говоря: Долинскій и Чернолузскій имѣютъ связи и деньги, и разумѣется, не пощадятъ капиталовъ, чтобъ отстоять себя. Изъ 4 писемъ видно, что Борозды посылали къ Таубе родственника своего Сребдольскаго со всеподданнѣйшимъ прошеніемъ и съ бумагою на имя графа Бенкендорфа. Бумагъ этихъ Заботинъ не согласился подписать и общалъ съ Таубе пріѣхать къ Бороздамъ. Въ заключеніи письма, Иванъ Борозда говорилъ, что съ Долинскою нельзя кончить дѣло миромъ.

Николаи́ Бороздна, въ первомъ письмѣ къ Кубареву, отъ 15 января 1843 г., проситъ его и мать содѣйствовать въ кровномъ для нихъ дѣлѣ о возстановленіи правъ племянника ихъ Александра, и, извѣщая о посылкѣ Доллинскою и Чернолузскою своего агента, Кароля, изъявляетъ надежду, что Кубаревъ изгонитъ его отъ себя. Во второмъ письмѣ Николаи́ Бороздна извѣщаетъ о посылкѣ Сребдольскаго для обсужденія плана по дѣлу Заботина.

Александръ Заботинъ, отъ 12 августа 1842 г., пишетъ къ Кубареву, что онъ съ Таубе отправился-было въ Малороссію, не смотря на то, что онъ просилъ Таубе туда не ѣздить, благодаритъ Кубарева за письмо, которое останоило поѣздку; «я не знаю, пишетъ онъ, что было бы изъ нашей поѣздки: баронъ хотѣлъ тамъ дѣлать справки въ метрикахъ и Богъ знаетъ что, между тѣмъ какъ все это вздоръ, а можетъ быть....» Во второмъ письмѣ Заботинъ проситъ Кубарева быть откровеннымъ съ барономъ Таубе и рассказать все, что знаетъ о его происхожденіи.

Вдова священника, Анна Кубарева, подъ присягою, показала, что Михаи́ль Ширай, въ письмѣ отъ 17 іюля 1825 г., просилъ ее, Александра Алексѣева, сына умершей канцелярской вдовы Марьи Заботиной, помѣститъ въ воспитательный домъ, для чего прислалъ просьбу и свидѣтельство, имъ самимъ приготовленное. О происхожденіи Заботина Михаи́ль Ширай ей ничего не говорилъ и она никакихъ доказательствъ не имѣетъ. Въ подтвержденіе своего показанія, Кубарева представила подлинное письмо Михаи́ла Ширая отъ 17 іюля 1825 года.

На предложенные слѣдователями вопросы генераль-маіоршѣ Доллинской и сестрѣ ея коллежской совѣтницѣ Чернолузской, онѣ отвѣчали:

1, *Марья Доллинская*: 1, покойный братъ Михаи́ль въ день свадьбы ея сказалъ ей: «въ московскомъ воспитательномъ домѣ есть мальчикъ, котораго ты, въ случаѣ моей смерти, не должна оставить безъ пособія, когда будешь владѣть родительскимъ имѣніемъ». Но ни братъ, ни родители не говорили ей, что у нея есть или былъ еще братъ Александръ. 2, Сестра ея Анастасья Чернолузская говорила ей, не поминишь когда, что послѣ брата найдено письмо, въ которомъ онъ проситъ каждую изъ нихъ внести въ московскій воспитательный домъ на имя воспитанника Заботина по 30,000 рублей асс. 3, По смерти отца просила она дядю, Ивана Бороздну, ѣхавшаго въ

Москву, узнать о помянутомъ воспитаникѣ и на первый разъ сестра ея дала 500 руб. асс. По дядя отвѣчалъ изъ Москвы въ первомъ письмѣ, что извѣстной «особы» нѣтъ въ Москвѣ и что о немъ пустая болтовня, а во второмъ, что денегъ ему давать не для чего, чтобъ онѣ ничему не вѣрили; онѣ за нихъ горюю. Потомъ мѣсяцевъ черезъ пять, 27 марта 1842 г., получилъ онѣ отъ дяди страховыя письма, совершенно другаго содержанія. Последнее письмо Борозды Долнская представила въ подлинникѣ.

Коллежская совѣтница Анастасья Чернолузская: 1, подтвердила показаніе сестры объ оставшемся письмѣ послѣ брата ихъ Михаила Ширая, о внесеніи для Заботина въ сохранныю казну каждою изъ нихъ по 30,000 руб. асс. 2, Отецъ ея зналъ о существованіи въ Москвѣ Заботина не отъ нея, а потому, что братъ Михаилъ имѣлъ о немъ попеченіе, самъ же отецъ ся не только не принималъ никакого въ Заботинѣ участія, но былъ недоволенъ на сына за излишнюю заботливость. 3, Отца она никогда не убождала подать прошеніе объ устраненіи Заботина отъ наслѣдства, потому что сей послѣдній, какъ непринадлежавшій къ ихъ роду, и безъ-того къ имѣнію отца не могъ быть наслѣдникомъ. 4, Утверждаетъ, что у отца ея не было, кромѣ умершихъ Михаила и Петра, никакого третьяго сына, что подтверждается родословнымъ актомъ отца на родовое имѣніе, при жизни матери ихъ составленнымъ. Признавая Заботина самозванцемъ, въ чемъ можетъ удостовѣрить письмо изъ Шацка, въ которомъ другое лицо называетъ себя ихъ братомъ, Чернолузская просила слѣдователей: а) о другомъ самозванцѣ произвести розысканіе, Ивана и Николая Борозденъ и также Заверуху, прикосновенныхъ къ дѣлу о самозванствѣ Заботина, ни къ какому свидѣтельству не допускать, а Лейкевича, вмѣшавшагося произвольно въ это дѣло, отъ дѣла устранить; б) отъ Заботина истребовать доказательства и предъявить ей, а до того времени никого не допрашивать; въ допущеніи же къ присягѣ и свидѣтельству допрашиваемыхъ поступить по законамъ.

Изъ писемъ, представленныхъ Чернолузскою и сестрою ея Долнскою, видно:

1) Михаила Ширая, отъ 21 февраля 1828 г. изъ села Пантусова. Въ письмѣ этомъ Михаилъ Ширай открываетъ сестрамъ важную тайну, что подъ № 3561 въ московскомъ воспитательномъ домѣ есть воспитаникѣ Александръ Заботинъ. «Давъ слово его матери быть вторымъ его отцемъ», Михаилъ Ширай завѣщаетъ своимъ

сестрамъ, въ случаѣ своей смерти, приложить попеченіе объ устройствѣ судьбы Заботина и внести въ Сохранную Казну каждую по 30,000 руб. асс. Дѣлая дальнѣйшія распоряженія относительно условій, на которыхъ вкладъ долженъ быть учиненъ и порядка выдачи Заботину, жещѣ и дѣтямъ его денегъ, Шпрай въ заключеніе при-совокупляетъ: «все вышепзложенное должно быть приведено въ исполненіе въ такомъ только случаѣ, если воспитанникъ Александръ будетъ чувствовать ихъ благодѣяніе; когда же, напротивъ, онъ окажется имъ неблагодарнымъ, предпринявъ что нибудь противъ нихъ,— въ такомъ случаѣ, оставшійся въ Совѣтѣ капиталъ поступаетъ къ нимъ обратно, за исключеніемъ денегъ, ему выданныхъ, конхъ не требовать».

Письма Ивана Бороздина содержатъ въ себѣ слѣдующее: Въ первомъ письмѣ, Бороздина, отъ 17 ноября 1841 г. изъ Москвы, извѣщаетъ Чернолузскую, что, несмотря на доходящіе до него слухи о глухыхъ въ нѣкоторыхъ обществахъ толкахъ, насчетъ извѣстной особы, которой еще нѣтъ въ Москвѣ, все это, по общему разсужденію съ Алексѣемъ Михайловичемъ (Кубаревымъ) и его матерью, кажется, кончится болтовнею и пустяками; во второмъ, отъ 27 марта 1842 г., которое въ двухъ экземплярахъ было послано къ Долинской и Чернолузской, Иванъ Бороздина извѣщаетъ, что молодой человекъ (Заботинъ), вызванный въ Москву непосредственнымъ своимъ начальствомъ, былъ преспровожденъ къ нему и высказалъ всѣ совершенно извѣстныя ему, Заботину, обстоятельства странной судьбы своей и участіе, принимаемое въ немъ начальствомъ воспитательнаго дома; къ счастью, добрые Кубаревы, при самомъ пріѣздѣ его, Заботина, въ Москву, употребили стараніе, чтобы утушить на первыхъ порахъ дѣло. Онъ, Бороздина, сказалъ ему, Заботину, все, что внушало ему усердіе и любовь къ Долинской и Чернолузской и незабвеннымъ покойникамъ, совѣтовалъ ему положиться вполне на Кубаревыхъ и на великодушіе Долинской и Чернолузской и далъ слово написать къ нимъ; что, вслѣдствіе сношенія Кубарева съ начальствомъ ремесленнаго училища при воспитательномъ домѣ, оставлена предположенная переписка этого начальства съ высшимъ, устранена отправка молодого человека въ С.-Петербургъ и онъ снова преспровожденъ къ барону Таубе въ Орловскую губернію, впредь до полученія отвѣта на письмо. Если же онъ не дадутъ никакого отвѣта, или дадутъ перфшительный, тогда уже ни Кубаревы, ни онъ, Бороздина, не будутъ

въ силахъ остановить ходъ дѣла, которое сопряжено съ такими для нихъ нещрѣтностями. Бороздна просить не медлить и прислать мужа своего, генерала Долническаго, поскорѣе въ Москву, присовокупляя, что когда старикъ (Шпрай) не былъ погребенъ, Егоръ Яковлевичъ (Долнискій) въ Соловьѣ сказывалъ ему и ручался за готовность ихъ, Долнической и Чернолузской, дать молодому человѣку по 100 т. каждая, лишь бы онъ оставилъ ихъ въ покоѣ. «Панишите,» продолжаетъ Бороздна, «какою именно суммою хотите обезпечить его: тогда онъ избѣретъ родъ жизни и состояніе, и вы останетесь спокойными.» Далѣе Бороздна пишетъ, что тѣмъ матери ихъ, Чернолузской и Долнической, вопіеть въ пользу несчастнаго, котораго все средства къ существованію ограничиваются 10 рублями жалованья въ мѣсяць; хвалить молодого человѣка, описываетъ его умъ, способности, присовокупляя, что братъ ихъ Михаилъ за два дня до смерти сказалъ ему о Заботинѣ: «я умираю съ увѣренностію, что сестры мои не покинутъ его».

Въ третьемъ письмѣ Иванъ и Николай Бороздины изъясняютъ, что все собранныя ими свѣдѣнія убѣждаютъ ихъ, что Александръ Заботинъ есть родной братъ ихъ, Долнической и Чернолузской, а потому убѣждаютъ страданіями ихъ матери, просить государя императора о дарованіи Александру имени, котораго онъ лишень несправедливо.

Въ представленномъ Чернолузскою письмѣ, полученномъ ею съ сестрою Долнискою изъ Шацка, отъ 13-го апрѣля 1842 г., за подписью «Александръ Шпрай,» между прочимъ, сказано: «я слышалъ, что вамъ Бороздна писалъ, что онъ знаетъ обо мнѣ. Не вѣрьте ему, онъ вѣроятно давно потерялъ меня изъ виду, можетъ вамъ представить какого нибудь самозванца и назвать вашимъ братомъ, то будьте осторожны, не дайте воспользоваться тому, кто не наследникъ. У меня не погасла любовь къ роднымъ, чувствую, что вы мнѣ сестры, то пусть лучше вы владѣете нашимъ общимъ имѣніемъ, нежели отдать тому, о комъ пишетъ Бороздна. Панишите Бороздинъ, чтобы онъ не безпокоился обо мнѣ и не думать бы васъ обманывать, а если онъ вздумаетъ представить вмѣсто меня самозванца, то я тихимъ образомъ самъ предъ вами явлюсь и докажу.»

По требованію слѣдователей, тамбовскій гражданскій губернаторъ уведомилъ, что, по тщательному секретному розысканію, въ г. Шацкѣ Александра Шпрая не оказалось; а по полицейскимъ книгамъ 16-го апрѣля 1842 г. не значится; Александръ Шпрай, обѣщавшій Долни-

ской и Чернолузской, въ письмѣ явиться для опроверженія правъ самозванца Ширая, какъ видно изъ дѣла, ни къ нимъ, ни къ слѣдователямъ не являлся.

Въ отзывѣ своемъ отъ 1-го марта 1843 г., Бороздня объяснилъ слѣдователямъ, что дочери Ширая могутъ представить письма его, смыслъ которыхъ покажется противорѣчающимъ объявленію, подаемому имъ вмѣстѣ съ братомъ; но упомянутыя письма относятся къ тому времени, когда онъ, не вникнувъ въ существующія узаконенія, ошибочно думалъ, что права Заботина неопровержимо и законно уничтожены Степаномъ Шираемъ, и когда онъ не имѣлъ въ виду ни свѣдѣній, ни фактовъ, опровергающихъ его первоначальное убѣжденіе; послѣ чего, ему, Борозднѣ, ничего болѣе не оставалось, какъ въ перепискѣ его съ племянницами (Долинскою и Чернолузскою) сильно выражаться въ пользу Александра Заботина, чтобы, склонивъ обѣихъ къ большому довѣрію, успѣшнѣе исходатайствовать отверженію не-
 • счастливицу хотя 200 т. руб. капитала.

Розысканія объ имѣніяхъ, принадлежавшихъ Шираямъ и совершенныхъ ими на оныя акты.

По требованію слѣдователей, стародубскій уѣздный судъ и дочери Ширая представили разные акты отца ихъ и матери на принадлежавшія имъ имѣнія.

Акты сѣн суть слѣдующіе:

1) Запись 15 іюня 1802 г., которую Ульяна Ширай все принадлежащее ей движимое и недвижимое имѣніе записала мужу своему, предоставляя однакожъ себѣ право отмѣнить сію запись.

2) Вѣчная запись 17 августа 1809, которую Ульяна Ширай записала все принадлежащее ей движимое и недвижимое имѣніе вѣчно и потомственно дѣтямъ своимъ, рожденнымъ отъ Степана Ширая, сыновьямъ Михайлу и Петру и дочерямъ Марьѣ и Анастасьѣ, съ предоставленіемъ мужу своему права владѣть, распорядиться и распределить его между дѣтьми по своему усмотрѣнію, безъ всякаго съ ея стороны вмѣшательства.

3) Актъ 1 ноября 1838 г., которымъ Ширай утверждаетъ и опредѣляетъ въ вѣчное и потомственное владѣніе единственнымъ по немъ наследникамъ (такъ-какъ (сказано въ актѣ) за смертію сына его,

Михаила, мужеское козѣно въ родѣ его вовсе престѣлось) дочерямъ Марьѣ и Анастасиѣ свое родовое имѣніе (1581 д.).

4) Второй распредѣлительный актъ 5 ноября 1838 г., которымъ Ст. Ширай, по праву, женою ему предоставленному, утверждаетъ въ вѣчное и потомственное владѣніе дочерямъ своимъ Марьѣ и Анастасиѣ, единственнымъ, за смертію сыновей его Петра и Михаила, наследницамъ, родовое наследственное жены своей имѣніе (1825 д.).

5) Третій распредѣлительный актъ 9 ноября 1838 г., которымъ Ст. Ширай завѣщаетъ все благопріобрѣтенное свое недвижимое имѣніе (1114 душъ) и капиталы единственнымъ своимъ, за смертію сыновей, наследницамъ Марьѣ и Анастасиѣ.

По окончаніи, въ апрѣлѣ, слѣдователями розыскаія о происхожденіи Заботица, черниговскій, полтавскій и харьковскій генералъ-губернаторъ, представилъ слѣдствіе къ министру внутреннихъ дѣлъ.

Вмѣстѣ съ слѣдствіемъ, къ главноуправляющему III отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи генералъ-адъютанту графу Бенкендорфу и къ министру внутреннихъ дѣлъ, поступили прошенія Долгинской и Чернолузской, въ которыхъ онѣ, доказывая, что настоящее дѣло возникло по зависти и злобѣ ихъ враговъ, которые воспользовались завѣтною тайною ихъ фамиліи, и что ужасная болѣзнь матери ихъ, съ несчастными своими послѣдствіями разрушила союзъ родителей до гроба, представили письмо дѣда ихъ и отца, объясняя, что первое письмо отца ихъ матери коллежскаго совѣтника Петра Борозды къ отцу ихъ Шираю, а другое отца ихъ къ Николаю Ивановичу Немировичу—Доичеку. Ссылаясь затѣмъ на Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта по дѣлу княгини Касаткиной—Ростовской, Долгинская и Чернолузская жаловались на отступленіе слѣдственною комиссіею отъ узаконенныхъ формъ и, въ заключеніе, просили дѣло по извѣтамъ Заботица вовсе уничтожить.

Содержаніе представленныхъ Долгинскою и Чернолузскою бумагъ слѣдующее: письмо Петра Борозды изъ села Медвѣдева отъ 16-го августа къ дочери Ульянѣ Ширай (года не означено): (1) «Простить тебя я могу только тогда, когда ты обратишься на путь истинный, угодный Богу, мужу твоему и мнѣ; безъ сего исполненія подвига ничто тебя не можетъ оправдать; преступленіе твое столь богопро-

(1) По словамъ Долгинской и Чернолузской письмо это писано въ 1809 г.

тивно, мерзкое и меня убивающее, столь велико, что одно раскаяніе, благородное поведеніе и честные поступки могут оное заглавить. Прошу тебя, заклинаю и приказываю правомъ отца и данною властью отъ Бога, переимни свое поведеніе, оставь дурачество и подумай хорошенько и здраво, что ты надѣлала: нарушила присягу свою, предъ Богомъ дашию и мужемъ, огорчила его и меня убила, навела безчестіе моей и своей фамиліи и сдѣлала вѣчное безславіе твоимъ дѣтямъ? Гдѣ же наставленія, кои преподавалъ тебѣ я и вторая твоя мать ⁽¹⁾ и благодѣтельница съ самаго твоего юности? Гдѣ то воспитаніе, которое старался я дать тебѣ, сколько мнѣ силъ и способовъ доставало? Все таковыя благодѣнія забыла ты, и отдалась во власть демону, дабы симъ зломъ убиѣственно огорчить меня и вмѣстѣ лишитъ здоровья.» Советую ей обратиться къ Богу и съ его помощью сдѣлаться доброю женою и дочерью, на этомъ условіи Бороздна обѣщаетъ дочери исходатайствовать у мужа ея прощеніе. Для обезпеченія же участи дѣтей, которыхъ Бороздна своими считаетъ, онъ приказываетъ дочери записать имъ вѣчно имѣніе подъ управленіемъ мужа; для сего посылаетъ ей бумагу, которую она безъ сопротивленія должна сознать. Далѣе Бороздна объясняетъ дочери, что бумагу эту видѣлъ братъ Михаилъ Михайловичъ и сестра Анастасія Ивановна; обѣщаетъ пріѣхать къ дочери по выздоровленіи и кончаетъ письмо слѣдующими словами: «Смотри, я всякій твой шагъ знать буду. Старайся заслужитъ милость у мужа твоего и у меня».

Второе письмо черновое ⁽²⁾, въ началѣ поставлены буквы: М. Г. Н. И., безъ означенія числа и года и безъ подписи, а потому не видно, когда и къ кому писано и было ли послано. Письмо это начинается разсужденіемъ о суетѣ мірекой и потомъ плаксивѣе оное продолжаетъ: «видѣть васъ я имѣю великое желаніе, но пріѣздъ мой можетъ ли имѣть желаемый успѣхъ, о семъ да позволено мнѣ будетъ объяснить. Семейныя дѣла покрыты непроницаемою тайною, злостные почерпаютъ ихъ изъ источниковъ площадныхъ, а разсказы глупцовъ уподобить можно крику индѣекъ. То симъ способомъ заставить ихъ можно умолчать или признаться въ послѣднемъ; но я намѣренъ поговорить съ вами о первомъ. Вамъ много извѣстно, что

(1) Ульяна Ширай рождена была отъ первой жены Петра Бороздни.

(2) Черпозульская и Долинская, въ прошеніяхъ своихъ, показываютъ, что письмо это отецъ ихъ писалъ къ капитану Николаю Ивановичу Донченку-Немировичу въ 1811 г. послѣ окончательнаго выѣзда ихъ отца изъ села Соловы.

со мною происходило; вы обо мнѣ соболѣзновали, помогали и ни въ чемъ не погрѣшили противъ правилъ честности и я во всемъ слѣдовалъ вашимъ совѣтамъ. Боровшись же долго не съ обстоятельствами, а съ безуміемъ, не оставалось мнѣ болѣе, какъ, поруча себя покрову всеильнаго, удалиться и не быть зрителемъ таковыхъ бѣдствій. И такъ, когда вы не перѣстаете и нынѣ быть при тѣхъ усердныхъ расположеніяхъ вашихъ семейству моему, то вы имѣете все средства, паче же въ присутствіи и съ согласія родителя, начертать планъ для возстановленія спокойствія, удаленіемъ клеветы, а я, налагаю на себя обязанность исполнить вѣрно все то, что только не касается къ нарушенію моего покоя и чести, а потому и не можетъ войти, до нѣкотораго времени, въ составъ вашего расположенія, видѣться и жить вмѣстѣ; видѣться воспрепятствуютъ мнѣ права гражданскія, жить въ одномъ домѣ испугъ, страданіе и многія предосторожности, ибо свѣженерехваченная переписка состоитъ въ желаніи мнѣ смерти, въ похищеніи имущества и въ похоти скотской; клянусь всемогущимъ Богомъ, что я не имѣю никакой ненависти за все мнѣ сдѣланное, признавая все то за произведеніе злыхъ духовъ; болѣзнь, притомъ неутопная, къ мерзостямъ безъ разбора, тревога ежечасная въ домѣ, привлеченіе со всѣхъ сторонъ мошенниковъ, развратъ домашнихъ и безпрестанно подвергать себя опасности, все это заставило бы меня давно принять другія мѣры, если бы я не уважалъ правъ человечества и, не боясь гнѣва Господня, потому что тамъ нѣтъ преступленія, гдѣ творится невольнымъ побужденіемъ. Въ заключеніе сего письма сказано: «владѣемое мною имѣніе для зависти кажется быть только строккимъ (огромнымъ), по мое собственное превосходить вдвое; не для прихотей и тщеславія, а для благосостоянія дѣтей моихъ, я долженъ сохранить и защищать его отъ всякаго неправаго притязанія».

Въ свидѣтельствѣ, данномъ предводителемъ дворянства суражскаго уѣзда и дворянами Степану Шираю о наследственныхъ правахъ дѣтей его на имѣніе, оставшееся послѣ безпотомно-умершаго полковника Будлянскаго, сказано, что отъ Уляпы, урожденной Борозды и Степана Ширая, родились сынъ Михаилъ и дочери Марья и Анастасія (1). Свидѣтельство это подписано предводителемъ дворянства и

(1) О Петрѣ, родившемся и умершемъ въ 1809 г., въ свидѣтельствѣ не упомянуто.

12 дворянами, въ томъ числѣ еднокровнымъ братомъ Ульяны Ширай, коллежскимъ ассесоромъ Василюмъ Бороздню и родными братьями мачихи ея, Александромъ и Григоріемъ Кулябками-Корецкими и завѣрено стародубскимъ уѣзднымъ судомъ.

Въ такомъ видѣ настоящее дѣло поступило, по Высочайшему повелѣнію, къ судебному разсмотрѣнію.

Стародубскій уѣздный судъ заключилъ письмо отца Ульяны Ширай и Степана Ширай предъявить Ивану и Николаю Борозднямъ на тотъ конецъ, признаютъ ли они ихъ подлинность.

Вслѣдствіе сего, Бороздны, разсмотрѣвъ сія письма, въ отзывѣ отъ 4 августа 1843 г., изъяснили: 1) что они не признаютъ подлиннымъ письмо отца ни по почерку, ни по грубымъ выраженіямъ, ему не свойственнымъ, ни по любви и уваженію, которое онъ постоянно питалъ къ дочери, ни по содержанію; ибо въ письмѣ сестра ихъ, извѣстная всѣмъ своею кротостью и добродѣтелью, обвиняется въ какомъ-то преступленіи, и сіи приказывается записать имѣніе дѣтямъ, тогда какъ извѣстно всему семейству, что отецъ никогда не соглашался на такую записъ. 2) Подлинность черноваго письма Ширая, они, Бороздны, ни утверждаютъ, ни опровергаютъ, потому что не помнятъ почерка Ширая. Но какъ оно писано въ 1808 или первой половинѣ 1809 г. (имѣніе это Бороздны основываютъ на томъ, что письмо это будто бы писано до совершенія сестрою ихъ записи, о которой въ письмѣ рѣчь идетъ), то оно не могло быть адресовано къ Пемпровичу-Донченкѣ, который въ 1810 г. женился на ихъ сестрѣ Аннѣ, а до того времени не былъ такъ близокъ къ отцу ихъ, чтобы на него дѣйствовать.

Для сличенія почерка ихъ отца, Бороздны представили три письма и одинъ документъ, гербъ рода Кобольичей, Петромъ Бороздною подписанный.

Семь секретарей стародубскихъ присутственныхъ мѣстъ, по сличеніи почерка письма Петра Бороздны, представленнаго Долинскою и Чернолузскою съ письмами и документомъ, представленными сыновьями Петра Бороздны Иваномъ и Николаемъ, въ отзывахъ своихъ отъ 1-го сентября 1843 г., признали единогласно почеркъ письма, представленнаго дочерью Ширая, непьющимъ сходства съ письмами и документомъ Петра Бороздны, представленными его сыновьями.

Стародубскій уѣздный судъ, разсмотрѣвъ настоящее дѣло, рѣшеніемъ 9-го сентября 1843 г. заключилъ: рожденнаго въ законномъ

бракъ отъ Ширая и жены его, Ульяны, сына Александра признать законнымъ сыномъ; но какъ съ этимъ сопряжено возвращеніе правъ дворянскихъ, на что слѣдуетъ испросить Высочайшее соизволеніе, то дѣло представить на ревизію въ черниговскую гражданскую палату.

Повѣренный Долинской и Чернолузской, жалуеть черниговской гражданской палатѣ на нестрѣбованіе уѣзднымъ судомъ исповѣдныхъ росписей о Заботинѣ и недопущеніе ихъ къ отвѣтамъ и рукоприкладству, представили одно письмо Петра Борозды, для удостовѣренія подлинности ими прежде предъявленнаго и два письма Степана Ширая, для сличенія съ его почеркомъ.

Въ письмѣ отъ 17 іюня (года не означено) (1), Петръ Борозда пишетъ: «весьма важныя обстоятельства, открывшіяся мнѣ мгновенно, до васъ, любезнѣйшій Степанъ Михайловичъ, относящіяся и кон па-водятъ на меня горестъ съ нарушеніемъ спокойствія отцу семейства, вынуждаютъ меня просить васъ усерднѣе пріѣхать ко мнѣ въ Медвѣдово, гдѣ я вамъ открою такую эпоху, которая требуетъ рѣшительныхъ мѣръ. Тайну сію я долженъ сокрыть, не смѣя начертать оную на бумагѣ. Вы узнаете оную отъ меня лично и тогда, можетъ—быть, удостовѣритесь въ моихъ благородныхъ чувствахъ и привязанности къ вамъ и дѣтямъ вашимъ. Сдѣлайте же только такимъ образомъ, чтобы о посѣщеніи меня вашимъ никто не выдалъ. Скажу вамъ также, что я готовъ былъ самъ ѣхать къ вамъ въ Стародубъ, но существо дѣла сего запрещаетъ мнѣ то исполнить, сверхъ моего желанія. Завтра я васъ непременно къ себѣ ожидаю.»

Черниговская гражданская палата 6-го октября 1843 года утвердила рѣшеніе стародубскаго уѣзднаго суда; но вмѣстѣ съ тѣмъ, признавая, что для предоставленія Александру дворянскихъ правъ и фамиліи Ширая, слѣдуетъ испросить соизволеніе Государя, представила дѣло на ревизію въ правительствующій сенатъ.

На недопущеніе къ рукоприкладству и на необъявленіе имъ рѣшенія палаты, Чернолузская и Долинская жаловались правительствующему сенату.

Государственный совѣтъ, до разсмотрѣнія котораго доходило настоящее дѣло, вслѣдствіе несостоявшагося въ общемъ собраніи правительствующаго сената узаконнаго большинства сенаторовъ, положили утвердить мнѣніе министра юстиціи, состоящее въ томъ, что дѣло

(1) Долинская и Чернолузская утверждаютъ, что оно писано въ 1809 г.

это должно производиться съ соблюденіемъ всѣхъ формъ гражданскаго суда, что Долническая п Чернлузская не могутъ быть лишены средствъ къ огражденію своихъ правъ. Это мнѣніе высочайше утверждено 16 октября 1844 года.

Въ исполненіе этого мнѣнія, черниговская гражданская палата рассмотрѣніе и рѣшеніе дѣла поручила суражскому уѣздному суду.

Суражскій уѣздный судъ, рѣшеніемъ 21 июня 1845 г., заключилъ: рожденнаго въ законномъ бракѣ Степана Ширая и жены его, Ульяны, сына Александра, неправильно и противузаконно, по гнѣву къ своей женѣ, отчужденнаго отъ своего рода отцомъ его, признать законнымъ ихъ сыномъ, съ возвращеніемъ ему фамиліи, дворянства и части наслѣдственнаго достоянія родителей его, слѣдующей ему по законамъ. Опредѣленіе наслѣдственной части, по нахожденію имѣнія Ширая и жены его въ разныхъ уѣздахъ, уѣздный судъ предоставилъ черниговской гражданской палатѣ.

На это рѣшеніе Заботинъ подписалъ удовольствіе, а повѣренные Долнической п Чернлузской неудовольствіе и въ поданныхъ въ черниговскую гражданскую палату апелляціонныхъ жалобахъ, опровергая рѣшеніе уѣзднаго суда, просили: 1) дополнить дѣло справками и дослѣдованіемъ; 2) истребовать изъ черниговской консисторіи метрическія книги села Соловы за 1818 г., а также слѣдствіе, произведенное духовнымъ вѣдомствомъ объ уничтоженіи въ метрикахъ записи рожденія отъ Ширая и его жены сына Александра; 3) истребовать изъ черниговскаго дворянскаго собранія свѣдѣніе въ удостовѣреніе ихъ показанія, что отецъ ихъ Ширая, съ 12 января по апрѣль, находился, по должности губернскаго предводителя дворянства, въ Черниговѣ.

Черниговское дворянское собраніе, по требованію палаты, уведомило, что изъ дѣлъ собранія не видно, чтобы бывшій губернскій предводитель дворянства Ширая въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ пріѣзжалъ по должности въ Черниговъ, въ чемъ удостовѣряетъ росписная книга 1818 г. исходящихъ бумагъ.

Независимо отъ сего, по требованію палаты, черниговская консисторія препроводила въ оную: 1) произведенное по указу святѣйшаго синода слѣдствіе (1) объ уничтоженіи по метрическимъ книгамъ села Соловы, хранившимся въ консисторіи и правленіи, рожденія

(1) Слѣдствіе это изложено выше.

отъ Ширая и жены его сына Александра и 2) метрическія книги церкви Соловы, конспеторскую и правленскую (1).

Черниговская гражданская палата, 27 сентября 1846 г., признала рѣшеніе суражскаго уѣзднаго суда о законности рожденія Александра Заботина отъ генерала Степана Ширая и жены его Ульяны правильнымъ; въ отношеніи же правъ наследственныхъ Заботина опредѣлила признать сего послѣдняго наследникомъ имѣнія родителей и брата его Михаила, на основаніи 828, 952—957 ст. X. Т. съ назначеніемъ ему пѣт родоваго отцовскаго и материнскаго указныхъ частей; о благопріобрѣтенномъ имѣніи Степана Ширая предоставила Александру начать искъ формальнымъ порядкомъ.

Рѣшеніемъ палаты Заботинъ остался доволенъ, а повѣренный Долинской и Черполузской принесъ аппеляціонную жалобу правительствующему сенату.

Въ аппеляціонной жалобѣ повѣреннаго Долинской и Черполузской, статскаго совѣтника Нератова, изложены, вкратцѣ, слѣдующіе доводы, въ опроверженіе законности рожденія Заботина отъ Степана Ширая и жены его Ульяны и правъ его на имущество свхъ послѣднихъ: 1) Предметъ настоящаго дѣла есть пртязаніе Заботина къ Степану Шираю и женѣ его Ульянѣ, за то, что они не только не приняли мѣръ, чтобы признаніе рожденія его отъ нихъ законнымъ было оглашено при жизни пхъ обоихъ надлежащими актами, или же другими событіями; но вовсе не признавали его своимъ сыномъ со дня рожденія его по день пхъ смерти. Долинская и Черполузская, сопротивляясь вторженію въ пхъ фамилію Заботина, руководствуются однимъ только чистымъ побужденіемъ защитить священную для нихъ память отца пхъ отъ взведенныхъ на него, послѣ его кончины, ложныхъ извѣтовъ, ибо на имущество родителей, дошедшее къ нимъ по дарственнымъ запискамъ и завѣщанію, Заботинъ по закону никакихъ правъ имѣть не можетъ; впрочемъ Заботинъ не самъ собою отважился предъявить этотъ странный искъ, но единокровные братья матери ихъ Ульяны Ширай, Бороздны, и въ особенности одинъ изъ нихъ Иванъ Бороздна, обольстили и возбудили Заботина къ самозванству, дабы въ лицѣ мнимаго племянника воспользоваться отнятіемъ у законныхъ дочерей Ширая и жены его бдльшей части имѣнія, состоя-

(1) Въ метрическихъ книгахъ, представленныхъ въ палату, вытравлены мѣста, гдѣ была скрѣпа.

щого изъ 4,510 рев. душъ, или, по—крайней—мѣрѣ исторгнуть у нихъ значительную денежную сумму за прекращеніе тягбы. О Заботинѣ носились разные слухи: одни называли его сыномъ жены Шпирая, Ульяны, происшедшимъ отъ прелюбодѣліи; другіе—сыномъ Шпирая, неурзнаннымъ отъ самой колыбели и удаленнымъ впоследствии съ мѣста родины, по ненависти къ его матери; а третьи побочнымъ сыномъ сына Шпирая, Михаила. Но Бороздны совершенно знали точно такъ, какъ знало семейство Ширая, что Александръ Заботинъ есть просто воспитанникъ Михаила Ширая (1). 2) Профессоръ Кубаревъ или помѣщикъ Стаховичева, какъ должно предполагать, а можетъ быть и другое лицо, провѣдавъ объ умыслѣ Ивана Бороздны выманить у своихъ племянницъ 200-т. руб., подъ предлогомъ обезпеченія участи Заботина, но не рѣшившись прямо отъ себя извѣстить о семъ Долинскую и Чернолузскую, послали къ нимъ предостерегательное извѣстіе изъ Шацка, въ видѣ письма, съ подписью «Александръ Ширай» отъ 13-го апрѣля 1842 г. Получивъ такое предостереженіе, Долинская и Чернолузская не дали въ обманъ дядѣ своему Ивану Бороздѣ. 3) Слѣдователи, прибывъ въ Стародубъ, произвели, вмѣсто высочайше повелѣннаго имъ формальнаго изслѣдованія, большой повальный обыскъ объ умершемъ Шираѣ и женѣ его и о воспитанникѣ Заботинѣ, не истребовали отъ сего послѣдняго, по содержанію 931 ст. XV Т. Св. Зак. угол. и 3117 ст. Т. X. Св. Зак. гражд., яко отъ доносителя и истца, никакихъ доказательствъ въ подтвержденіе какъ извѣта о совершеніи будто бы Шираемъ подлоговъ для сокрытія происхожденія его, Заботина, такъ и иска его по наследственному праву на имущество, оставшееся послѣ Ширая и жены его, не пригласили отвѣтчицъ, дочерей Шпирая, къ предъявленію отводовъ противъ свидѣтелей, въ противность 1097-1099 ст. XV Т. и 2377—2380 Т. X, и допустили, въ противность 1078 ст. Т. XV и 1-го пун. 2367 ст. Т. X къ свидѣтельству подъ присягою не только прикосновенныхъ къ дѣлу, Заверуху и тетку его, Маслов-

(1) Въ замѣчаніяхъ повѣреннаго Долинской и Чернолузской, читанныхъ во 2 отдѣленіи 3 департамента правительствующаго сената, на краткое изложеніе сказано, что розысканіе о рожденіи Заботина совершенно бесполезно, потому что вопросъ о рожденіи Ульяною Ширай въ 1818 г. сына Александра не подлежитъ ни сомнѣнію, ни спору. Показаніе это содержится въ представленныхъ Долинскимъ, за его подписью, замѣчаніяхъ г. министру юстиціи (дѣло министерства юстиціи за № 26, часть 2-я).

скую, но и главнаго преступника, священническаго сына Пвана Ланчискаго, сознавшагося въ перемѣнѣ двухъ листовъ въ метрической 1818 г. книгѣ. Крестьянѣ Шпрая утѣщевалъ и допросы за безграмотныхъ изъ нихъ подписывалъ священникъ села Соловы, Николай Ланчискій, тотъ самый, который сознался въ выдачѣ Заверухъ метрической книги 1818 года. Въ противность 1089 ст. Т. XV и 2367 ст. Т. X, слѣдователи допрашивали подъ присягою козаковъ села Соловы, съ которыми Шпрай до самой смерти его имѣлъ поземельные споры и тяжбы, и притомъ, отобрали отъ нихъ показанія не отъ каждаго порознь, но записано показаніе одного перваго Михайлы Сапонова, а прочихъ 14 человекъ выставлены только имена съ объявленіемъ, что они утвердили показаніе Сапонова. Отбирали свидѣтельскія показанія безъ присяги отъ такихъ лицъ, кои имѣли всѣ качества, потребныя для свидѣтеля. Въ образѣ изложенія вопросовъ слѣдователи оказали пристрастіе къ Заботину, а многочисленныя противорѣчія, въ показаніяхъ свидѣтелей, не разъяснили очными ставками. Слѣдователи оставили безъ розысканія обстоятельство о четвертомъ сынѣ Шпрая, Константины, который упоминается въ запискѣ, переданной слѣдователямъ черниговскимъ, полтавскимъ, и харьковскимъ генералъ-губернаторомъ; по словамъ записки этой, Константинъ умеръ будто бы въ малолѣтствѣ и Шпрай его тоже будто бы не признавалъ, тогда какъ розысканіе это могло бы послужить къ объясненію того нравственнаго побужденія, по которому Шпрай не признавалъ своимъ сыномъ и Александра. 4) Послѣ того, какъ по показанію одного изъ свидѣтелей (Животкевича), бывшій архіепископъ Михаилъ, по просьбѣ Шпрая, назидаль жену его о вѣрности супружества, случилось въ 1809 г. происшествіе столь важное для чести Шпрая и тестя его, Петра Борозды, что сей послѣдній письмомъ отъ 17 іюня изъ Медвѣдова, приглашалъ Шпрая къ себѣ для сообщенія ему того происшествія, которое возбудило гнѣвъ отца на дочь его, Ульяну Шпрай, до такой степени, что она увидѣла себя въ необходимости просить у отца прощенія письменно, не смѣвъ лично предстать предъ него. Въ отвѣтъ на просьбу дочери, отецъ послалъ ей письмо отъ 16 августа 1809 г., и слѣдствіемъ этого письма было то, что Ульяна Шпрай на другой же день, т. е. 17 августа подписала, а 18-го представила лично въ уѣздный судъ записку о передачѣ имѣнія дѣтямъ ея. 5) Шпрай не только не угнеталъ жены своей, но и не видался съ нею никогда. 6) Всѣ, сироч-

шенные безъ присяги, дворяне, крѣпостные люди и козаки, показавшіе, что у Ширая и жены его былъ сынъ Александръ, отнюдь не разумѣли подъ этимъ выраженіемъ того, чтобы этотъ Александръ дѣйствительно рожденъ былъ отъ Ширая, но разумѣли только, что онъ рожденъ женою Ширая въ то время, когда она находилась въ законномъ съ нимъ бракѣ. Слѣдователи, видя невозможность доказать дѣйствительность или физическую подлинность рожденія Александра отъ Ширая, продолжали розыскивать, не удастся ли доказать возможность этого рожденія, т. е. доказать, что Александръ, если и не рожденъ, то могъ быть рожденъ отъ Ширая. Понятно, что подобное розысканіе не могло привести ни къ какому основательному результату; ибо и безъ розысканія всякій зналъ и знаетъ, что возможность рожденія Ульяною Ширай въ 1818 г. сына Александра отъ своего мужа, жившаго съ нею въ разлученіи съ 1811 г., не болѣе вѣроятна, какъ и отъ всякаго другаго мужичины, имѣвшаго пребываніе въ Соловѣ, или пріѣзжавшаго туда. По словамъ приверженцевъ Ширая и его самого (писала Стаховичева въ запискѣ ея), Заботинъ рожденъ отъ учителя. Но учителя въ 1818 г. не было и не могло уже быть въ Соловѣ, слѣдовательно здѣсь ясное указаніе на такое лицо, которое жило въ господскомъ дворѣ, но не принадлежало къ числу дворовыхъ людей, т. е. на управителя. И дѣйствительно, въ маѣ 1818 г. смѣненъ былъ Шираемъ соловскій управляющій, дворянинъ Рухлядка. 7) По несовѣднымъ росписямъ новгородъ-сѣверской Никольской церкви, съ 1823 г. по 1826 г., Александръ показанъ питомцемъ священника Мануйловича. 8) Подлинность рожденія отъ отца никакимъ образомъ доказана быть не можетъ, а подлинность рожденія отъ матери, хотя бы и могла быть физически доказана, не поведетъ ни къ какому результату, потому что, по нашимъ законамъ, незаконныя дѣти не имѣютъ права на фамилію и на наследованіе въ имущество, и потому что Ширай и его жена не признавали гласно Заботина, рожденнаго въ 1818 г., своимъ сыномъ, въ чемъ удостовѣряютъ четыре акта съ 1809 по 1838 годъ, явленные въ судебныхъ мѣстахъ. Если признать за фактъ рожденіе женою Ширая сына Александра, то для чего не извѣстили Ширая объ этомъ радостномъ для отеческаго сердца событіи? И могъ ли приходскій священникъ крестить и быть въ то же время воспитателемъ сына Ширая, не испросивъ на то его согласія. 9) Гражданская палата приписываетъ Михайлѣ Шираю отзывъ: «что отецъ его

притѣсняетъ мать по какой-то къ ней нерасположенности», принявъ основаніемъ къ тому показаніе священника Мануйловича, которое по всей вѣроятности несправедливо. 10) Записка, по метрическимъ книгамъ или исповѣднымъ росписямъ такого лица, которое было признаваемо и выдаваемо за законное дитя отъ самихъ родителей, служитъ оглашеніемъ или удостовѣреніемъ въ таковомъ признаніи; но, напротивъ того, записка по метрической книгѣ или исповѣдной росписи законорожденнымъ отъ извѣстныхъ супруговъ такого лица, которое ими самими никогда не было признаваемо и выдаваемо за законное дитя ихъ, служитъ доказательствомъ ошибки или злоупотребленія со стороны церковнаго причта, или позднѣйшей поддѣлки въ метрической книгѣ и исповѣдной росписи. Метрическія книги не были прошнурованы, а потому священникъ, записавшій ошибочно Александра сыномъ Ширая, по приказанію сего послѣдняго, могъ исправить свою ошибку весьма просто, переписавъ одинъ листъ. Тутъ не можетъ быть подлога. 11) Называемая палатою метрическая книга, взятая будто бы Заверухою отъ священнослужителей села Соловы въ 1839 года и хранившаяся у него до 1843 года, есть не что иное, какъ тетрадь, нарочно сфабрикованная для неблагонамѣренныхъ видовъ, а исторія о выносѣ Заверухою изъ соловской церкви списка съ метрической книги есть не что иное, какъ вымыселъ, нарочно придуманный для того, чтобы лучше скрыть новую фабрикацію тетради, представленной Заверухою. Если же принять показаніе благочиннаго Евфима Лапчинскаго, что самый слухъ о перемѣнѣ листовъ въ консисторскомъ и правленскомъ экземплярахъ пронесся уже послѣ смерти Ширая, послѣдовавшей 1-го августа 1841 г., то со всею вѣроятностію заключить можно, что извѣщенные подлоги совершены унтер-офицеромъ Лапчинскимъ не ранѣе, какъ въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1842 г. 12) Черниговская палата гражданскаго суда неправильно поступила, отказавъ дочерямъ Ширая въ произведеніи новаго сличенія почерка дѣда ихъ по матери, Петра Борозды, какъ на письмѣ его (отъ 16 августа безъ года), о которомъ у секретарей стародубскихъ присутственныхъ мѣстъ послѣдовали различные отзывы, такъ и на другомъ (отъ 17 іюня, безъ года), по которому еще вовсе не было сличенія почерка, ибо письма эти весьма важны, какъ свидѣтельство отца противъ дочери, свидѣтельство, которое по закону (Т. X ст. 2367 п. 3 и ст. 2403 п. 3), имѣетъ такую важность, что дочерью отведено быть не можетъ, и одно само по себѣ служить

достаточнымъ доказательствомъ къ обвиненію ея. Равнымъ образомъ палата неправильно считаетъ ничтожнымъ въ этомъ дѣлѣ письмо Ширая къ другу его Пемпровичу-Донченку, оставшееся между бумагами Ширая въ сплскѣ или отпускѣ, писанное собственною его рукою; считаетъ ничтожнымъ потому только, что на отпускѣ этомъ не отмѣчено, когда и кому оно писано. Письмо это писано Шираемъ не въ 1809 г., какъ предполагаетъ суражскій уѣздный судъ и черниговская гражданская палата, но именно послѣ происшествія, которое въ декабрѣ 1811 г. выудило Ширая навсегда удалиться изъ своего соловескаго дома, оставивъ тамъ во флигелѣ жену свою, какъ это доказывается тѣмъ, что въ письмѣ относительно имѣнія жены Ширая, поступившемъ во владѣніе мужа по записи 18-го августа 1809 года, говорится, что имѣніе это было не такъ значительно, но, бывъ улучшено трудами и иждивеніемъ его, кажется для зависти громоздкимъ. Было ли послано это письмо или нѣтъ, все равно: существо его тѣмъ не измѣняется; оно служитъ свидѣтельствомъ самыхъ душевныхъ мыслей и самыхъ сокровенныхъ чувствованій Ширая. Признавая затѣмъ, что при рѣшеніи дѣла о незаконности Заботина, слѣдуетъ принять въ соображеніе Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта по дѣлу о дочери княгини Касаткиной-Ростовской, апелляторъ просилъ обратить вниманіе на сіе мнѣніе совѣта. 13) Относительно оставшагося послѣ Ширая имѣнія, апелляторъ находилъ: а) что заключеніе палаты о признаніи ничтожною записи Ширая, совершенной въ палатѣ 1-го ноября 1838 г., не только несогласно съ приведенными самою палатою узаконеніями, но и вообще не имѣетъ правильнаго основанія: ибо означенная дарственная записъ совершена Шираемъ на родовое его имѣніе, состоящее въ Черниговской губерніи; а по силѣ 794 ст. Т. X Св. Зак. граж., Ширай имѣлъ полное право подарить родовое свое имѣніе не только двумъ своимъ дочерямъ: Марьѣ и Анастасьѣ, еслибъ у него, кромѣ ихъ, было еще нѣсколько дѣтей, но даже дальнимъ родственникамъ или чужеродцамъ по своему произволу; б) по тѣмъ же причинамъ, неправильно заключеніе палаты и объ уничтоженіи записи Ширая, совершенной 3-го ноября 1838 г., о раздѣлѣ между дочерьми имѣнія матери ихъ: ибо эта раздѣльная записъ была совершенно необходима, по самому содержанію дарственной записи 19 августа 1809 г.; в) равномѣрно несогласно съ приведенными палатою законами и съ 794 ст. Т. X, заключеніе палаты объ уничтоженіи акта

Ульяны Ширай, составленнаго въ 1809 г., пбо Ульяна Ширай, подаривъ, согласно ст. 794 Т. X, свое имѣніе однажды, не могла уже, за силою 1 и 5 арт. VII разд. лит. стат., отмѣнить или уничтожить свою первую дарственную запись, какъ это сказано въ записи 1809 годъ; г) заключеніе палаты, коняъ она предоставила Александру Заботину, буде пожелаетъ, начать судебнымъ порядкомъ тяжбу о благопріобрѣтенномъ имѣніи Ширая, оставляемомъ палатою, по духовному завѣщанію его, во владѣніи дочерей его, Долинской и Чернолузской, противно 888 ст. Т. X, Св. Зак. и д) палата полагаетъ отдать Заботину, признаваемому ею сыномъ Ширая, все имѣніе, оставшееся послѣ умершаго въ 1833 году брата Долинской и Чернолузской, Михаила Ширая; но какъ въ рѣшеніи палаты не поименовано таковое имѣніе, и въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ о немъ актовъ и свѣдѣній, то и нѣтъ возможности представить какія либо опроверженія противу означеннаго заключенія палаты, кромѣ того, что палата неправильно называетъ Заботина наследникомъ Михаила Ширая, которому Заботинъ никогда братомъ не былъ, а потому и наследникомъ его быть не можетъ. Въ заключеніе, повѣренный Долинской и Чернолузской просилъ: прежде приступа къ разсмотрѣнію сего дѣла, произесть, чрезъ секретарей сената, сличеніе почерковъ Петра Борозды и Степана Ширая на имѣющихся при дѣлѣ письмахъ ихъ, а затѣмъ, принявъ во вниманіе: во-1) что Ширай и жена его не только въ теченіи 10 лѣтъ отъ рожденія Александра, но и во всю свою жизнь не признавали его сыномъ своимъ; во-2) что подлоги въ метрическихъ книгахъ произведены Заверухою и соучастниками его не ранѣе 1842 г., т. е. послѣ состоянія всемплодвѣтнѣшаго манифеста 16 апрѣля 1841 г., и въ-3) что Иванъ и Николай Борозды, оболѣтивъ и возбудивъ Заботина къ предъявленію притязанія на право законнаго рожденія отъ Ширая и на наследованіе въ имущество его, нанесли Долинской и Чернолузской значительные убытки и издержки, постановить слѣдующее: 1) состоявшееся по дѣлу сему въ черниговской гражданской палатѣ рѣшеніе уничтожить во всемъ его пространствѣ, а Заботину въ домогательствѣ его отказать; съ членами же и секретарями суражскаго уѣзднаго суда и черниговской палаты гражданского суда, которые рѣшили это дѣло съ явнымъ нарушеніемъ законовъ, поступить по 394 ст. св. улож. о наказ. уголовн. и исправ. 2. Заверуху и соучастниковъ его за подлоги, совершенные ими въ метрическихъ книгахъ села Соловы послѣ манифеста 16-го

апрѣля 1841 г., предать уголовному суду. 3) Предоставить Долинской и Чернолузской взыскивать съ Ивана и Николая Борозденъ тяжбыныя убытки и судебныя издержки, установленнымъ въ законахъ порядкомъ, особо отъ сего дѣла.

3-й департаментъ правительствующаго сената, по 2 отдѣленію, выслушавъ настоящее дѣло, іюня 2, 7, 8, 9 и 10, іюля 10, сентября 2, 6 и 22 декабря 1848 года, опредѣлялъ: 1) воспитывавшемуся въ московскомъ воспитательномъ домѣ, Александру Заботину, въ правахъ его на фамилію Ширая и на сопряженныя съ нею права дворянства и на наследство въ имѣніи, оставшемся послѣ смерти генералъ-маіора Степана и жены его Ульяны Шираевъ, *отказать*; 2) о безпорядкахъ и отступленіяхъ, при производствѣ слѣдствія по настоящему дѣлу допущенныхъ, дать знать участвовавшему въ производствѣ того слѣдствія губернскому предводителю дворянства чрезъ тамошнее губерпское правленіе, съ тѣмъ, чтобы онъ при подобныхъ, на будущее время, возлагаемыхъ на него начальствомъ, а тѣмъ болѣе особенною Высочайшею волею, порученіяхъ, со всею точностію соблюдалъ во всѣхъ случаяхъ предписанныя въ законахъ формы и обряды.

На это опредѣленіе, Александръ Заботинъ припесъ Государю жалобу, которую Высочайше повелѣно было разсмотрѣть въ общемъ собраніи сената; въ сенатѣ послѣдовали, по настоящему дѣлу, разныя мнѣнія, вслѣдствіе чего оно поступило на консультацію, при министерствѣ юстиціи учрежденную.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

АКТЫ ИСТОРИЧЕСКИЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ.

II.

Sposob, ktoryby rozumiał Metropolita być potrzebnym na wprowadzenie Unii do Kiiowa.

(1626?)

1. Mieć związek z Xiędzem Biskupem y s panem Woiewodą, z nimisię o wszystkim znaszać.

2. Iż sam Metropolita mieszkać w Kiiowie nie może, niemając tam wszytkiéy intraty nad tysiąc złotych, a Folwarku żadnego, Chcę poświęcić Suffragana, iako y sam był za Antecessora swego Pocięia, ktorego by powinność była mieszkać w Kiiowie y zawiadować Popami unitami, ktorzy są w majątnosciach X. Biskupich y inszych Panow Katholickich, ktorzy y teraz posluszni są, a tę intrate zdzierzałby na siebie ten, żeby obcował z ludźmi tamecznymi, upatrował okkasię do pomnożenia Uniy, zabiegał wszystkiemu co by było szkodliwego, y iako przytomny odprawował wszystko, co urzędowi Pasterskiemu należy.

3. Dla pomocy iego duchownéy s połowice teyże Intraty mieć Monastyr przy Świętęy Sophij dobrych unitow, ludzi pobożnych y uczonych, o kturych z łaski Bożey iuż nietrudno, a czym daley tym sie ich spodziewamy więcey, ciż mają mieć y szkoło u siebie.

4. Oprócz Monastyra głównego, ktory Peczerskim zową, iest Monastyrow trzy przy Kiiowie: Nikolski, Kirylski y Złotowierszchy, ktore są w podaniu Króla Jego mości, te Monastyry, bez trudności y bez turbatczy ludzi tamtych, mogą być obięte przez pomienionych unitow czerncow: iedue, posmierci Iłumcnow terazniejszych, drugi zaraz, mianowicie Zolotowierchi, na ktory iest prawo u Metropolita, a na insze Monastyry kto kolwiek ma przywilej, oprócz Peczerskiego ma s tąpartycullią sub unione. Nicktorzy y bez Przywileiu otrzymają za podaniem od Archimandryta Peczerskiego, ktory do tego podawania prawa żadnego nie ma, ieno Król Jego mość.

5. Sposob odyskania tych monastyrow, iesliby sie zdało Imsci P. Woiewodzie, zaraz nastąpić nańię, iest dwoiaki: 1) żeby Jego Mosc P. Woiewoda

abo urząd jego mości spytalsie u każdego z Ihumenow, za iakim prawem kto z nich trzyma iaki monastyr; iesli kto przywileiu niema, wziąc to od niego. 2) żby pozwał Metropolitę przed Króla Jego mości, że nullo iure tę monastyrę trzymają.

6. Rozumiemy, że nic sie dobrego ku chwale Bożey w Kiiowie stać niemożę, iesli Podwoiewodzy będącie heretyk abo schizmatyk, bo by mu naybarzicy zlecał co w téy sprawie P. Woiewoda, pozwierchownie gotowość ukaże, a potajemnie rzecz przeciwną będzie robił, iakosmy znacznie doznali tego na przeszłym Podwoiewodzym.

7. Na wielkiey *przekasie* Uniy w Kiiowie, iest nowe Bractwo, przedtrzema laty od schizmatykow zaczęte w Kiiowie bez przywileiu Króla Imsci, gdzie schadzki swoię mają y consultatia czynią, ktorych zaraz na początku ten był skutek, że officiala metropolego utopiono, potym slugę, który wybierał *dwoy pobor* s pieniędzmi, porwano, do dzikich pol zaprowadzono y do działu przykowano, y teraz Popa unita, który tylko ieden był, porwano y niewiedzieć gdzie podziano. To Bractwo, iesli zniesione niebędzie, trudno o czym dobrem myśleć, a zniesie sie może tak władzą Imsci P. Woiewody, iako y zapozwem zadwornym, w czem są insimili dekreta w Litwie że takie Con-tubernia, chociaż na niektorych mieyscach byli priwilegiata, iako to w Wilnie, dekretem K. J. zniesione są.

Na przeszkodzie nie mniejszey w jedności Świętey y Chwały Bożey w tym krolewstwie są Władkowicze cudzoziemscy Grekowie y Serbowie, ktorzy kiedy chcą przyćdziają, kiedy chcą wyieździają, nikomu się nieopowiedziawszy, y nikomu *Litteras conservationis suae* nieukazawszy, popy święcę et omnia Episcopalia w dyocesiach naszych odprawują. Zaczyn mogą iacno być tacy impostores, ktorzy niemając święconia Episkopskiego popy święcą, Popi zaś niemają święconia kapłańskiego, Liturgią Sw. et omnia Sacerdotalia odprawują z wielką krzywdą Bożą y oszukaniem dusz ludzkich.

(Буквальный списокъ съ современной рукописи, хранящейся въ синодальномъ архивѣ, въ Петербургѣ).

III.

(1626.)

Zygmunt II, z Łaski Bożey Krol Polski Wielkie Xiąże Lithewskie Ruskie Pruskie Mazowieckie Zmudzkie Inflantskie. A Szwedzki Gottski Wandalski dziedziczny Krol.

Sławetnym Burmistrzowi Raycom Woytowi Ławnikom y wszystkiemu popolstwu Miasta naszego Kiiowa wiek nam milym łaska nasza Krolowska. Sławetni, wiek nam mili. Zabiegając temu Wielebny w Bodze Ociec Metropolita Kiiowski, aby w Cerkwi katedralney kiiowskiéy S. Sofliei, która od dawnych czasów za spustoszeniem poganskim y dla ynczych przyczyn pusta bez odprawowania chwały Bożey zostawa, — nabożenstwo porządkiem zwykłym odprawowane było, y mury wpadło do naprawy za czasem przysć mogły. Posyła na mieszkanie do Kiiowa, tak dla odprawowania w téy Cerkwi nabożenstwa, iako y dla dozoru porządku wszelakiego y doglądania poprawy, duchowienstwo swoie zakonnikow S. Wasila, ktorzy, aby tym bezpieczniey to co im iest zlecono na tamtym mieyscu odprawować mogli, onych pod obronę y protectią naszą krolewską przyjęliśmy. Przeto y Wier. W. tym listem naszym

napominamy y roszazujemy, abyscie, o tym wiedząc, pilnie przestrzegali tego, iakoby ci zakonnicy w bezpicezenstwie wszelakim zostawali, y tak od was samych, iako y od inszych, jakiey kolwiek condicyi ludzi, w pokoju zachowani byli y żadney przeszkody albo zatrudnienia ni w czym nie ponosili Co W. W. uczynią dla Łaski naszej y z powinności swey. Dan w Warszawie dnia XVIII Mscia Marca roku Panskiego MDCXXXVI. Panowania krolewstw naszych P.....a Szwedzkiego...

roku.

Sigismundus...

Chrop... Bakowiecki.

(Подлинный акт хранится въ синодальномъ архивѣ, въ Петербургѣ).

II.

(Переводъ).

*Средства, которыя митрополитъ считалъ нужными для
введенія уніи въ Кіевъ.*

(1626?)

1. Имѣть сношенія съ ксендозомъ-епископомъ и съ папомъ воеводой, съ ними обо всемъ сообщаться.

2. Такъ-какъ самъ митрополитъ не можетъ жить въ Кіевѣ, не имѣя тамъ доходу болѣе тысячи золотыхъ, и никакого фольварка, то желаетъ посвятить суфрагана, какимъ и онъ самъ былъ при предшественникѣ своемъ Поцеѣ; обязанности его было бы жить въ Кіевѣ и завѣдывать уніятскими понами, которые находятся въ имѣніяхъ епископа и другихъ господъ — католиковъ, и которые и теперь подчинены, и доходъ этотъ суфраганъ получалъ бы на себя съ тѣмъ, чтобы поддерживать общительныя сношенія съ тамошними жителями, усматривать случаи къ распространенію уніи, прелотвращать все, что было бы вреднымъ и, находясь на мѣстѣ, отправлять пастырскую должность.

3. Для духовной ему помощи, при монастырѣ Св. Софіи, имѣть, изъ половины того же дохода, хорошихъ уніятвъ, людей пажобныхъ и ученыхъ, какихъ, по милости Божіей, найти не трудно и какихъ, надѣясь, чѣмъ дальше, тѣмъ будетъ больше; они же должны имѣть у себя школу.

4. Кромѣ главнаго монастыря, который называютъ Печерскимъ, въ Кіевѣ находится три монастыря: Никольскій, Кирилловскій и Златоверхій, которые состоятъ въ вѣдѣніи Его Милости Короля. Монастыри эти могутъ быть запяты упомянутыми уніятами-чернецами безъ затрудненія и безпокойства со стороны тамошнихъ жителей: одни послѣ смерти теперешнихъ игуменовъ, другіе — тотчасъ, именно Златоверхій, на который митрополитъ имѣетъ право, иные же монастыри, обладающіе привилегією, кромѣ Печерскаго, *ma s'q partyeulliq sub unione (?)*.

Нѣкоторые (*игумены?*) удерживаютъ (*монастыри?*) за собою безъ привилегій, съ *разршенія* (?) Печерскаго архимандрита, который на то не имѣетъ никакого права: оно принадлежитъ лишь Его Милости Королю.

8. Есть два способа получить эти монастыри, еслибы его милость панъ воевода пожелалъ тотчасъ приступить къ тому: 1) п. воевода, или его управленіе, должны спросить каждаго изъ игуменовъ, по какому праву кто изъ нихъ держитъ какой монастырь, и если кто не имѣетъ привилегій,—то отобрать у него; 2) начать съ митрополитами тяжбу о томъ, что монастырями владѣютъ безъ всякаго права.

6. Думаемъ, что въ Кіевѣ не состоится ничего во славу Божію, если подвоевода будетъ еретикъ или схизматикъ, потому что во всемъ, что-бы по этому дѣлу ни поручалъ панъ воевода, тотъ наружно покажетъ готовность, а въ тайнѣ будетъ дѣлать противное, что мы достаточно испытали при прежнемъ подвоеводѣ.

7. Большимъ препятствіемъ къ униі въ Кіевѣ служить новое братство, основанное схизматиками, три года тому назадъ, безъ привилегій короля въ Кіевѣ, гдѣ происходятъ сходки и совѣщанія, которыхъ послѣдствіемъ, при самомъ началѣ, было то, что утопили митрополичьяго оффиціала; потомъ слуга, взявшій двойной сборъ (*dwoy robog*), схваченъ былъ съ деньгами, выведенъ въ степи и прикованъ къ орудію; а теперь попъ унійскій, который всего одинъ и былъ, схваченъ и неизвестно гдѣ дѣвался. Если это братство не будетъ уничтожено, то трудно и думать о чемъ-нибудь добромъ, а уничтожить его можно какъ властью пана воеводы, такъ и по суду. Подобные декреты (рѣшенія) есть въ Литвѣ, гдѣ такіа братства хотя и были привилегированы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр. въ Вильнѣ, но декретами короля уничтожены.

Не меньшей помѣхой къ священному единству и славі Божіей въ королевствѣ бывають и иностранные владыки — Греки и Сербы, которые, когда имъ угодно — пріѣзжаютъ, когда угодно — уѣзжаютъ, никому не сказавшись и никому не показывая своихъ охранныхъ листовъ (*litteras conservacionis*), посвящаютъ поповъ и исправляютъ въ нанихъ епархіяхъ всѣ епископскія обязанности. Поэтому тутъ легко могутъ быть такіе обманщики, которые посвящаютъ поповъ, не имѣя сами епископскаго посвященія, и такимъ образомъ, попы, безъ надлежащаго рукоположенія, служатъ св. литургію и исполняютъ всѣ священническія обязанности, съ великимъ оскорбленіемъ Бога и обманомъ душъ человѣческихъ.

III.

(Переводъ).

(1626.)

Сигизмундъ III, Божіею милостию Король Польскій, Великій Князь Литовскій, Русскій, Прусскій, Мазовецкій, Жмудскій, Инфлянтскій. А Шведскій, Готскій, Ваидалскій наслѣдственный Король.

Славетнымъ (именитымъ): Бурмистру, Райцамъ, Войту, Лавникамъ и всему народу города нашего Кіева всегда намъ милому, наша королевская милость. Славетные, навсегда намъ милые! Преисподный отецъ митрополитъ Кіевскій,

озабочиваясь тѣмъ, чтобы въ Кіево-Софійской соборной церкви, (въ которой не служитя съ давнихъ временъ, вслѣдствіе опустошенія оной язычниками и по инымъ причинамъ), чтобы въ ней богослуженіе отправлялось надлежащимъ порядкомъ, и чтобы рушившіяся стѣны могли быть современемъ исправлены, посылаетъ на жительство въ Кіевъ, какъ для отправленія въ сей церкви богослуженія, такъ и для надзора за всякимъ порядкомъ и наблюденія за починой, свое духовенство, монаховъ Св. Василія, которыхъ, для того, чтобы они безопаснѣ могли, на томъ мѣстѣ, исполнять все, на нихъ возложенное, мы взяли подъ защиту и королевское наше покровительство. Поэтому и Вѣр. В. симъ нашимъ письмомъ обязуемъ и приказываемъ, дабы вы, зная это, строго наблюдали, чтобы эти монахи всегда находились въ безопасности и въ покоѣ, какъ отъ васъ самихъ, такъ и отъ другихъ какого бы ни было состоянія людей, и не встрѣчали ни въ чемъ препятствія и затрудненія, — что В. В. учините ради нашей милости и по своему долгу. Данъ въ Варшавѣ дня XVIII мѣсяца марта, года Господня МDCXXXVI, царствованія нашего II.... (*недостаётъ въ подлинникѣ*) а Шведскаго..... (*недостаётъ въ подлинникѣ*) го.а.

Синизмундъ....

Баковецкій.

III.

КОПИЯ УНИВЕРСАЛА ГЕТМАНА ТЕТЕРИ.

(1667).

Павель Тетеря Гетманъ.

Ознаймую симъ мовѣмъ писаніемъ каждому, кому о томъ вѣдати подлежитъ, меповите экзакторамъ нашимъ на сей часъ и на-потомъ будучимъ, яко за антецессоровъ моихъ бывало, такъ и за уряду моего пехай будетъ, абы экзакторове войсковіе отъ купцовъ чужоземскихъ, то есть грековъ, армянъ и турковъ, до скарбу войскового избирали отъ сорока соболей—золотихъ шесть, отъ сорока пупковъ соболѣихъ—золотихъ два, отъ сорока кунницъ—золотихъ два, отъ бунта лисиць—золотихъ два, а отъ ишнихъ товаровъ московскихъ—отъ ста талярей битихъ — по золотихъ пяти; инову отъ товаровъ турецкихъ, яко-то: отъ едвобовъ, коберцовъ, климовъ, завосвъ, поясовъ, мусулбесовъ, кипдяковъ і ишнихъ дробнихъ и рознихъ товаровъ—отъ ста таляровъ левковихъ—два битихъ, а отъ кипи габи—по левку, а кто-би, зъ нашей земли, золото, сребро, камѣнне дорогое, перла, випроважалъ, маеть—отъ ста таляровъ—по золотихъ пяти давати. Естлижъ би тежъ хто зъ чужой землѣ, такъ зъ духовнихъ особъ, яко и свѣцкихъ людей, въ якихъ колвекъ потребать, подъ претекстомъ поселства, ехалъ и при себѣ купцовъ мѣлъ, теди экзакторови наши мають, сумнѣнемъ [обовязавши, звичайную брати] экзакцію, а гдѣбы купецъ екий нашъ, товари купуячи въ земского, за свои удаючи, за

границю випроважовати, такового зо всѣмъ кажемъ забирати, съ которого товару половиця до скарбу войскового, а половиця экзакторамъ нашимъ належати маеть; при томъ приказую, дабы и экзакторове надъ уставу больше не брали ничего и купці аби экзакціи отдавати не збороняли. Данъ зъ Рашевки 8 Декаврія 1667 году. (*Цифры здѣсь означены церковно-славянскими буквами.*)

въ подлинномъ подписано тако:

Павель Тетеря рука власна.

(М. П.)

IV.

Письмо ПЕТРА I.

(1717).

Господиць Гетмань.

Попеже падобно намъ вгайдуки болшихъ мужиковъ человекъ десять или двенатцать, и для того прикажите такое число ихъ сыскать изъ малороссийского народа, чтобъ ростомъ были противъ приложенной при семь мѣры и чтобъ оныя были не стары, а именью отъ дватцати пяти до тритцати и до тритцати пяти лѣтъ.

Петръ.

Изъ санктъ питербурха
въ 13 день Ноября 1717 года.

(Эти два (III и IV) акта хранятся у Н. Н. Петрова.)

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ, КАСАЮЩІЯСЯ ЮЖНОРУССКАГО КРАЯ.

I.

ОБЩІЯ

ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

О дозволеніи штабъ и оберъ-офицерамъ всѣхъ родовъ войскъ заниматься частными межевыми работами. Въ видахъ скорѣйшаго приведенія въ исполненіе Высочайше-утвержденнаго 19 февраля 1861 г. положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, для усиленія межевыхъ средствъ въ губерніяхъ, 21 мая разрѣшено штабъ и оберъ-офицерамъ всѣхъ родовъ войскъ, при производствѣ измѣренія и съѣмки земель, принимать участіе въ видѣ частныхъ занятій въ означенныхъ работахъ по взаимному соглашенію съ уѣздными мировыми съѣздами, на основаніяхъ, объявленныхъ въ приказѣ по военному вѣдомству отъ 2 іюня 1861 г.

Въ этомъ приказѣ подробно изложено порядокъ увольненія штабъ и оберъ-офицеровъ для межевыхъ работъ, причемъ увольняемые, считаются во временной командировкѣ, не лишаются ни правъ службы, ни получаемаго отъ военного вѣдомства содержанія; но прогонныхъ денегъ на переѣзды имъ не выдается. (Выс. пов. 21 мая; прик. по воен. вѣд. 2 іюня, въ Сен. Вѣд. 4 іюля 1861 г. № 53).

О предсѣдательствованіи уѣздныхъ предводителей дворянства въ мировыхъ съѣздахъ, учрежденныхъ для нѣсколькихъ уѣздовъ. Въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ будутъ учреждены мировые съѣзды для нѣсколькихъ уѣздовъ, мѣсто предсѣдателя, въ такомъ соединенномъ мировомъ съѣздѣ, долженъ занимать уѣздный предводитель дворянства, каждый по дѣламъ лицъ своего уѣзда (Журн. глав. ком. объ устр. сельск. сост. 1 іюня, въ Сен. Вѣд. 4 іюля 1861 г. № 53).

О закрытіи общества «Сельскій Хозяинъ». 21 іюля обнародовано о закрытіи и ликвидаціи акціонернаго общества «Сельскій Хозяинъ», учрежденнаго въ 1837 году, для приготовленія животныхъ и продовольственныхъ веществъ и торговли ими. (Сен. Вѣд. 21 іюля 1861 г. № 58).

II.

МѢСТНЫЯ

ПОСТАПЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Преобразованія по управленію Кіевской губерніи. Согласно предположеніямъ кіевского военнаго, подоляскаго и волинскаго генералъ-губернатора, князя Васильчикова, по предмету соединенія различныхъ губернскихъ и уѣздныхъ управленій, и объ упрощеніи формъ дѣлопроизводства во вѣтренномъ ему край, комитетъ министровъ, въ мартѣ 1839 года, предоставилъ ему: 1) всѣ состоящія въ Кіевѣ губернскія учрежденія вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ, кромѣ приказа общественнаго приарѣнія и комитета о тюрьмахъ, соединить въ одно общее губернское управленіе, относительно дѣлопроизводства ихъ канцеляріи, съ тѣмъ, чтобы означенныя учрежденія, по своей цѣли, степени и объему ихъ власти и обязанностей, сохранили существующія для нихъ постановленія; 2) освободить кіевское губернское правленіе отъ разсмотрѣнія судебныхъ и другихъ дѣлъ, кромѣ дѣлъ о корчемствѣ, относительно которыхъ сохранить нынѣ существующій порядокъ; 3) измѣнить по своему усмотрѣнію форму дѣлопроизводства въ общемъ губернскомъ управленіи и преобразовать канцелярію кіевского гражданскаго губернатора; 4) кіевскую строительную и дорожную комиссію присоединить къ общему губернскому управленію; 5) соединять, по усмотрѣнію, въ Кіевской губерніи магистраты съ уѣздными судами; 6) разрѣшить уѣзднымъ судамъ Кіевской, Подоляской и Волинской губерніи, совершать крѣпостные акты на сумму до 600 р. сер., и 7) войти въ концѣ года съ представленіемъ объ отпускѣ необходимой суммы, для усиленія средствъ уѣздной полиціи.

Затѣмъ, въ концѣ 1860 года, по всеподданнѣйшему докладу генералъ-губернатора, ему также предоставлено, въ видѣ опыта, соединить городскія и земскія полиціи, въ Кіевской губерніи.

Вслѣдствіе сего, какъ видно изъ доставленныхъ княземъ Васильчиковымъ свидѣній, имъ произведены слѣдующія преобразованія:

1) По губернскому управленію: въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ 1839 г. губернское управленіе, вмѣсто бывшихъ трехъ отдѣленій губернскаго правленія, составлено изъ 6-ти; причѣмъ три новыя отдѣленія: земское, врачебное и строительное, образованы изъ присоединенныхъ къ правленію комиссій: народнаго продовольствія, особаго о земскихъ повинностяхъ присутствія, врачебной управы, комитетовъ народнаго здравія и оспеннаго и бывшей строительной и дорожной комиссіи.

При совершеніи означеннаго преобразованія въ теченіи 1839 и 1860 года, требовались нѣкоторые временныя учрежденія, особые столы и отдѣленія, которые нынѣ, по мѣрѣ возможности, уже закрыты.

2) По городovýmъ магистратамъ: существовавшіе въ 9-ти городахъ Кіевской губерніи магистраты упразднены 1 іюля 1860 года, дѣла ихъ переданы въ мѣстные уѣздные суды, въ которые прибавлено по два засѣдателя отъ городскихъ сословій христіанъ и Евреевъ; канцелярія же уѣздныхъ судовъ усилена, насколько представилось возможнымъ, суммою, отпускавшеюся на быв-

шіе магистраты. Находящаяся въ г. Умані, не вышедшая еще окончательно изъ вѣдомства военного поселенія, городова я ратуша, предположена тоже къ соединенію съ тамошнимъ уѣзднымъ судомъ. Оставленъ одинъ только кіевскій магистратъ, по ходатайству о томъ жителей и во вниманіе къ особымъ правамъ, которыми магистратъ сей пользовался въ прежнее время.

3) По уѣзднымъ полиціямъ: съ 1-го февраля 1861 г., сдѣланы слѣдующія распоряженія: 1) Въ 10-ти городахъ Кіевской губерніи (исключая Кіева и Умані) обѣ полиціи, по соединеніи ихъ, составили общую уѣздную полицію. 2) Уѣздныя полиціи, вмѣсто исправниковъ и за упраздненіемъ городничихъ, вѣрены начальникамъ уѣздныхъ полицій, съ назначеніемъ къ каждому изъ нихъ по одному помощнику; въ Бердичевѣ же, по значительной населенности этого города, двухъ помощниковъ. 3) Помощники при становыхъ приставахъ упразднены, но изъ нихъ при уѣздныхъ полиціяхъ оставлены по два, а при радомысльской полиціи трѣ, для немедленныхъ командировокъ по неотложнымъ дѣламъ и надобностямъ и для замѣщенія вакансій становыхъ приставовъ. 4) Квартальные надзиратели переименованы въ городскихъ надзирателей, съ увеличеніемъ жалованья имъ (кромя Бердичева) до 150 р., вмѣсто отпускавшагося донынѣ по 28 р. 50 к. Увеличеніе окладовъ произведено на счетъ суммы, оставшейся свободною за упраздненіемъ должностей помощниковъ становыхъ приставовъ. 5) Всѣ дѣла, оставшіяся неоконченными до 1-го февраля, отдѣлены отъ дѣлъ новаго вступленія, для того, чтобы, имѣя ихъ на особомъ счету, рѣшались скорѣе, не смѣшивая съ новыми и не затрудняя теченіе сихъ послѣднихъ. 6) Веденіе старыхъ дѣлъ поручено старшему засѣдателю, съ правомъ разрѣшать нѣкоторыя изъ нихъ своею властью, на основаніи данныхъ въ руководство ему правилъ, и для производства ихъ оставлены временныя столы, по закрытіи конхъ, отдѣляемыя для нихъ денежныя средства будутъ принадлежать постоянной канцеляріи уѣздныхъ полицій. Въ дѣлопроизводствѣ же полиціи сохранены прежній порядокъ. 7) Уѣздные города включены въ составъ ближайшаго стана, за исключеніемъ г. Бердичева, изъ котораго образованъ особый станъ, безъ учрежденія, однакожъ, должности становаго пристава, обязанности коего должны исполняться мѣстными частными приставами. 8) Уѣздныя полиціи, для безостановочной, съ самаго начала, дѣятельности ихъ, снабжены книгами, изъ конхъ нѣкоторыя сокращены противъ прежнихъ формъ. 9) Для приведенія въ однообразное съ уѣздными полиціями устройство, земскіе суды, кіевскій и уманьскій, переименованы въ земскія полиціи, а дѣла ихъ точно также раздѣлены на старыя и новыя, для производства по тѣмъ же правиламъ и формамъ, какъ и въ уѣздныхъ полиціяхъ.

Доволя до свѣдѣнія Государя Императора о послѣдствіяхъ, произведенныхъ преобразованіи въ Кіевской губерніи, князь Васильчиковъ испрашивалъ разрѣшенія на введеніе его въ Подольской и Волынской губерніяхъ; вслѣдствіе чего и послѣдовало Высочайшее повелѣніе (объявленное сенату 8 іюня 1861 г.) о приведеніи сего ходатайства въ исполненіе. (Журн. ком. мнн. 3 и 17 марта 1859 г. Высоч. повел. 8 іюня 1861 г. въ Сен. Вѣд. 4 іюля № 53).

Новыя ярмарки въ г. Ольгополѣ. Разрѣшено учредить въ городѣ Ольгополѣ, Подольской губерніи, ярмарки, чрезъ каждыя двѣ недѣли, по четвергамъ, и кромя того три трехдневныя: 1-я, на сырой недѣлѣ во вторникъ, среду и четвергъ; 2-я—съ 9-го по 12-е мая, и 3-я—съ 26-го по 29-е сентября. (Сен. вѣд. 11 іюля 1861 г. № 33).

О передаче города Чугуева въ видѣніе Министерствъ Внутреннихъ Дѣлъ. По полученному нынѣ донесенію начальника Харьковскаго поселенія, городъ Чугуевъ, Харьковской губерніи, состоявшій въ вѣдомствѣ южныхъ поселеній, окончательно переданъ въ вѣдѣніе Министерствъ Внутреннихъ Дѣлъ. (Сен. вѣд. 11 июля 1861 г. № 53).

О дозволеніи на 6 лѣтъ свободной торговли лѣсомъ по рѣкамъ Днѣстру и Пруту ().* 21-го мая 1861 года дозволено какъ росіискимъ подданнымъ всѣмъ состоящимъ, такъ и иностранцамъ и иностраннымъ Евреямъ, производить

(*) Въ первый разъ подобное дозволеніе свободной торговли иностраннымъ лѣсомъ по рѣкѣ Днѣстру послѣдовало 30 апрѣля 1840 года въ видѣ опыта на 3 года, т. е. по 1843 годъ. Въ слѣдующемъ году, 15 апрѣля 1841 года, даровано подобное же дозволеніе свободной торговли лѣсомъ по рѣкѣ Пруту въ видѣ опыта на два года, т. е. также до 1843 года. Послѣ того дозволеніе этой торговли по обѣимъ рѣкамъ было возобновляемо 29 сентября 1842 года на 4 года, т. е. по 1847 г. и, наконецъ, 28 мая 1847 года еще на 6 лѣтъ, т. е. до 1853 г.

При этомъ въ положеніи комитета министровъ 29 сентября 1842 г. были подробно разъяснены правила о свободной торговлѣ иностраннымъ лѣснымъ товаромъ, а именито: горующимъ вмѣсто въ обязанность подавать отъ своего имени въ таможи объявленія, съ платежемъ установленной тарифомъ пошлины, а впускнымъ таможнямъ предписано выдавать промышленникамъ, производящимъ по Днѣстру и Пруту свободную торговлю лѣсомъ, — свидѣтельства о сплавляемомъ ими иностранномъ лѣсѣ.

Такимъ образомъ, свободная торговля иностраннымъ лѣснымъ товаромъ, по этимъ двумъ рѣкамъ, существовала непрерывно въ теченіе десяти лѣтъ, и начавшись въ 1842 и 1843 годахъ, кончилась въ 1852 году, послѣ котораго года мы не нашли въ полномъ собраніи законовъ указаній, чтобы дозволеніе это было возобновляемо.

А между тѣмъ, при чрезвычайномъ недостаткѣ лѣса въ южномъ краѣ, потребность въ возможно-меньшемъ стѣсненіи торговли этимъ матеріаломъ, очевидна.

Кромѣ того, въ настоящее время, при большемъ движеніи капитала въ Россіи, нельзя не выразить надежды, что свободная торговля лѣсомъ по Днѣстру будетъ способствовать скорѣйшему развитію правильнаго по этой рѣкѣ судоходства, которое до сихъ поръ находится въ младенческомъ состояніи. Самое теченіе Днѣстра, вытекающаго изъ юго-западнаго отклона Карпатовъ въ Галиціи, входящаго въ предѣлы Бессарабіи, недалеко отъ г. Хотина, вблизи мѣстечка Жванецъ и на протяженіи 869 верстъ, отъ Хотина до Аккермана, омывающаго съ лѣвой стороны часть Подольской и Херсонской губерній, а съ правой Бессарабію, примыкающую къ нему узлами Хотинскимъ, Сорокскимъ, Оргѣвскимъ, Кишиневскимъ, Бендерскимъ и Аккерманскимъ и ниже пристаня Маякъ, образующаго лиманъ, который двумя протоками или гирлами, Цареградскимъ и Георгіевскимъ, соединяется съ Чернымъ моремъ, — показываетъ огромное ея значеніе для Бессарабіи и Новороссійскаго края, какъ лучшаго торговаго пути для сбыта хлѣба изъ Подольской губерніи и Бессарабіи и сплава лѣса съ южнаго отклона Карпатовъ, тѣмъ болѣе, что сбытъ этихъ произведеній другимъ путемъ почти невозможенъ, по причинѣ отсутствія въ прилегающихъ къ нему мѣстностяхъ желѣзныхъ дорогъ, дороговизнѣ извоза и отдаленности главныхъ торговыхъ рынковъ. При всей однакожъ очевидной потребности, судоходство по Днѣстру, какъ мы уже сказали, находится въ самомъ жалкомъ положеніи: оно начинается въ Буковинѣ, въ 60-ти верстахъ отъ австрійской границы, а въ предѣлахъ Россіи отъ Псаковской таможи Плаваніе производится на судахъ особаго устройства, грубыхъ и неповоротливыхъ, цѣнностью каждое отъ 200 до 300 рублей, совершающихъ иногда съ трудомъ одинъ рейсъ, и по приходѣ въ Маякъ болѣею частью продающихся въ лѣсъ и на дрова. При отсутствіи конкуренціи, усиливающей это галерное судоходство, цѣна за доставку возмншается иногда до того, что берутъ по 1/10 к. сер. съ пуда или 1 коп. съ четверти за версту, а въ общемъ итогѣ до 6 р. сер. съ кило отъ Порогской пристани до Маяка.

свободную торговлю иностраннымъ лѣсными товарамъ, по теченію рѣкъ Днѣстра и Прута, на томъ же основаніи, на какомъ подобное дозволеніе было допущено, по положенію комитета министровъ 8-го апрѣля 1847 года, распубл. икованному 28-го мая того же года.

Положеніемъ комитета министровъ 8-го апрѣля 1847 года, данное въ 1842 году дозволеніе свободной торговли лѣсомъ, по рѣкамъ Днѣстру и Пруту до 1847 года, вновь продолжено на 6 лѣтъ, т. е. по 1853 годъ, на прежнемъ основаніи, т. е. согласно правиламъ положенія комитета министровъ 29 сентября 1842 года. (Донесеніе м-ра финансовъ, 13-го іюня 1861 г. въ Сен. вѣд. 21-го іюля 1861 г. № 38).

Объ освѣщеніи г. Одессы газомъ. Дозволено отставному подпоручику Волохову устроить въ городѣ Одессѣ газовое освѣщеніе, на основаніяхъ, изложенныхъ въ особомъ для сего положеніи. Согласно сему положенію, въ которомъ подробно изложено порядкомъ устройство газоваго освѣщенія, а равно и количество газа, сжигаемаго въ фонаряхъ, г. Волоховъ обязанъ черезъ

Хотя, при быстротѣ теченія, особенно въ верховьяхъ, Днѣстръ образуетъ, по-временамъ, довольно опасныя для судоходства, преимущественно же такого, какое теперь существуетъ, омеши, но это препятствіе легко бы устранилось, при незначительномъ пожертвованіи и болѣе правильномъ судоходствѣ, которое, конечно, не можетъ развиваться безъ очистки русла, надзора за фарватеромъ рѣки, а равно устройствъ пристаней и складочныхъ пунктовъ.

Изъ наблюдений надъ уровнемъ Днѣстра, периодическимъ возвышеніемъ воды въ весенній разливъ и во время таянія снѣговъ въ Карпатахъ, пачиная съ 20 іюня, есть возможность опредѣлить днѣстровское судоходство промежутокъ въ три мѣсяца, а въ дождливое лѣто и больше. При этомъ плаваніе по Днѣстру совершенно возможно для судовъ плоскодонныхъ отъ 1 до 1½ фут. для гребного, паруснаго и даже пароваго судоходства.

Доказательствомъ важности днѣстровскаго судоходства служатъ очевидныя данныя ежегодной отправки груза и лѣсныхъ матеріаловъ, по всему протяженію Днѣстра отъ австрійской границы. Въ настоящее время, при самомъ жалкомъ судоходствѣ, по немъ проходятъ до 2,300 галерей, вѣстительностью каждая отъ 400 до 450 четвертей, следовательно среднимъ числомъ провозится зерна 900,000 четвертей, да разныхъ силавовъ строительнаго матеріала и дровъ не менѣе какъ на 200,000 р. сер. Такимъ образомъ, если уже и теперь цифра оборотовъ по днѣстровскому плаванію доходила до 6,000,000 рублей, то она легко возвысится съ устройствомъ правильнаго судоходства и при буксирныхъ пароходахъ, потому что избытокъ естественныхъ произведеній днѣстровскаго бассейна неистощимъ. При томъ же, недавно въ верховьяхъ Днѣстра, въ Австрійской Буковинѣ, открыты каменноугольныя копи, обещающія въ годъ болѣе милліона пудовъ горячаго матеріала.

Какъ бы въ подтвержденіе того, что Днѣстръ положеніемъ своимъ можетъ служить выгоднымъ, а для некоторыхъ отраслей промышленности, быть можетъ, и единственнымъ торговымъ путемъ, служить еще недавно, во время послѣдней войны, попытка сбыта за границу хлѣба, который былъ отправляемъ въ Триестъ, чрезъ Австрійскія владѣнія, по шоссированнымъ путямъ Галиціи и по теченію рѣкъ Тиссы и Савы, не доходящей до Фіуме лишь нѣсколько мил. Попытка вполнѣ удалась, и хотя движеніе это, послѣ войны, прекратилось, но тѣмъ не менѣе оно показываетъ стремленіе проложить удобный путь къ одному изъ южныхъ портовъ и необходимость обратить вниманіе на Днѣстръ, по которому хлѣбъ Галиціи, Подольской губерніи и Бессарабин можно доставлять въ огромномъ количествѣ и всегда за выгодную цѣну, а удобный сплавъ по Днѣстру и огромный запросъ на горючій матеріалъ въ приморскомъ южномъ краѣ обещають счастливую будущность днѣстровскому судоходству и развитію прибрежныхъ къ нему мѣстъ. Полн. Собр. Закон. Т. XV, 13,433; т. XVI, 14,457; т. XVII, 16,044; т. XXII, 21,084. Бессараб. област. вѣдомости).

два года и 6 мѣсяцевъ освѣтить городъ 1,100 фонарями, съ платою ему отъ городской думы по 18 р. 20 к. сер. въ годъ за фонарь. При этомъ г. Волохову предоставлено исключительное право освѣщать газомъ улицы и зданія въ Одессѣ, въ теченіе 39-ти лѣтъ со дня утвержденія сего положенія. (Мнѣніе госуд. сов. 19 іюля 1861 г., въ Сен. вѣд. 23 іюля, № 39).

Объ установленіи сбора съ вывозимыхъ изъ Одессы товаровъ на устройство мостовыхъ. На устройство мостовыхъ въ г. Одессѣ въ дополненіе къ назначенному на сей предметъ изъ городскихъ суммъ капиталу, 1,200,000, положено: взимать, впредь до окончательной уплаты всей остальной потребной на то суммы, по $\frac{1}{4}$ коп. сер. съ пуда отвозимыхъ изъ Одессы товаровъ и продуктовъ, съ тѣмъ, чтобы таможня въпала этотъ сборъ безъ подробной повѣрки товаровъ, съ того лишь количества, какое показано будетъ въ грузовыхъ документахъ. (Мнѣніе госуд. сов. 26 іюня 1861 г. въ Сен. вѣд. 28 іюля, № 60).

О расходѣ на истребленіе саранчи. Въслѣдствіе холатайства Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора, разрѣшено употреблѣть, по требованіямъ гражданскихъ начальниковъ, въ помощь, при истребленіи саранчи, войска, въблизи мѣстъ расположенія оныхъ; причемъ плату войскамъ за истребленіе саранчи производить въ размѣрѣ одной трети противъ вольнонаемныхъ работъ. Издержки же на этотъ предметъ отнести на счетъ государственнаго земскаго сбора, изъ коего также пополнить и всѣ тѣ расходы, которые съ 1860 г. уже произведены, или впредь будутъ сдѣланы на сей предметъ изъ продовольственныхъ капиталовъ. (Полож. ком. и-ровъ 7 апрѣля 1861 г., Жур. госуд. сов. 22 мая 1861 г., въ Сен. вѣд. 28 іюля, № 60).

Новое Положеніе о винномъ сборѣ и новый Уставъ объ акцизѣ съ табаку. 4-го августа обнародовано положеніе о винномъ сборѣ, Высочайше утвержденное 4-го іюля 1861 г. Въ указѣ Сенату, сказано, что «дѣйствующіе нынѣ способы взиманія въ казну виннаго сбора, составляющаго одинъ изъ главныхъ источниковъ государственнаго дохода, представляютъ многія существенныя неудобства, какъ по разнообразію своему и неравномѣрности распредѣленія въ разныхъ частяхъ имперіи, такъ, и еще болѣе, по существованію почти всюду откупной системы, сопряженной съ крайнимъ для народа тяготеніемъ и стѣсненіемъ частной промышленности.»

Соображенія министра финансовъ о томъ, на какихъ началахъ должна быть установлена система виннаго сбора, наиболѣе удобопримѣнимая къ государству, были рассмотрѣны въ Государственномъ Совѣтѣ, и 26 октября 1860 г. Высочайше-утверждены главныя основанія однообразной, для всей имперіи, акцизной системы взиманія, съ 1863 г., виннаго сбора, съ устраненіемъ вовсе откуповъ, и тогда же повелѣно было учредить особую, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ министра финансовъ, комиссію изъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ и другихъ лицъ, въ томъ числѣ — винокуренныхъ заводчиковъ и техниковъ, для начертанія подробныхъ, на помянутыхъ основаніяхъ, правилъ для взиманія акциза съ винъ.

При указѣ Сенату, вмѣстѣ съ положеніемъ о винномъ сборѣ, обнародованы: росписаніе виннаго сбора съ заведеній для приготовленія винъ и издѣлій изъ вина и спирта, и съ заведеній для продажи винъ, а также размѣра акциза съ вина и съ пиво- и медоваренія, росписаніе должностей и издержекъ акцизнаго управленія, правила о разсрочкахъ въ платежѣ акциза и

правила о переходѣ къ казенному, съ 1-го января 1863 года, завѣдыванію питейнымъ сборомъ.

Одновременно съ питейнымъ положеніемъ, обнародованъ и новый уставъ объ акцизѣ съ табаку, Высочайше-утвержденный также 4-го іюля 1861 года. Поводомъ къ изданію новаго устава (какъ видно изъ указа Сенату) послужили—постоянно распространяющееся, во всѣхъ сословіяхъ, потребление табаку, и невозрастаніе, въ достаточной съ его потребленіемъ, соразмѣрности, дохода казны отъ налога на сей предметъ роскоши. —

Важное значеніе этихъ двухъ новыхъ законоположеній для южнаго края несомнѣнна, и потому въ слѣдующей книжкѣ «Основы» будетъ помѣщено подробное извлеченіе какъ Положенія о питейномъ сборѣ, такъ и Устава объ акцизѣ съ табаку.

ВІСТІ.

ЛІСТЪ ЗЪ ДУДАРІВЪ.

(Юль 1861).

Не гараздъ я таки сміливий писать листи до незнамихъ людей, да якось, здаеця, совісно доброю новиною зъ людьми не поділитись, а якъ ще роздумавсь, що моя новина де-кому й въ примірѣ, може, піїде,—«ну, що буде, тѣ й буде, а напишу,»—та ось вамъ и діло:

Въ Канівськімъ повіті Київскої губерніі, недалеско відъ Дніпра, есть невеличке сельце — *Дударі* на прозвище. Ще, якъ-то казати, по давнѣму (бодай не верталось!) ладу, — землі и душі въ сїмъ сельці поділяні були міжъ двохъ панівъ. На одного приходитця трохи поля, та 31 душа; у другій зновъ маєтності 305 десятиць землі на 116 ревизькихъ душъ. Дідичкою въ цій частині пані G. Семья въ неї чималенька,—такъ вона, для науки дітей, проживає въ Києві, а село припоручала управителямъ, котрі давали їй доходу чистого 1750 руб., да ще де-які вільготи. Земля у насъ, колибъ не гори, була бъ зовсімъ добра, да тільки те, що трохи погорнѣла, якъ звичайне край по-надъ Дніпромъ зъ правого боку; однакъ у Дударяхъ можна добути, ще то якъ на старосвітській ладъ вести хазяйство, до 4000 карбованцівъ, зашитавши й накладъ; а колибъ взятця краще и трохи обновити хазяйський порядокъ, то було бъ и більшъ: Я, бачте, розумію такъ, що можна бъ завести хазяйство въ чотири руки, та на бурякахъ, та на сїні, котре не трудно бъ приховать, насіявши коңичини, да такі й на хлібі святому—можно бъ зробиць де — що. Отожъ, велось тее хазяйство чужими руками, — та ці руки не гараздъ були щирі и для пансі, и для громади, такъ-що, въ останнѣму року, и хазяйство запустилося, и люде стали дуже жалітись. Бачить тоді пані G., що нічого не вдіє—не добре доброго чоловіка на управителя, а сама не зможе Києва покинути,—отъ и стала собі міркувать такъ: «а ну, віддамъ хазяйство на руки самій громаді.» Думка

пішла в слово, а далі й в діло; на цю звістку, приїхали виборні од Дударівської громади до Києва на *контракти* и стали добивать торгу. Далі, такъ уговорились: що якъ громада виробить хазяйнуучи за-для пані вже не 1750, а тільки 1500 карбованцівъ и дасть тіжъ вільготи (100 пудівъ зерна, опорядить дімъ на *вакацію* ⁽¹⁾, обробить по половині її городъ и зімоватиме для неї жъ 2 штуки худоби), то решта достанеться громаді. Накладъ в хазяйстві має бути увесь громадській—худоба, и всі хазяйські причадали, и насінне. У насъ на Україні біда велика зъ тияъ, що немає *д.б.ликівъ* для позички, дежъ можно було у всяку пору, безъ великого клопоту и на меншій процентъ, позичить гроші; а то, звичайне, беруть гроші у жидівъ, котрі не милують, а деруть скільки влізе, — отъ. в примірѣ, якъ и цей разъ. Пані за громаду позичає гроші, а громада, вертаючи самий *стовбъ* (капіталъ), за процентъ вища зъ 2000 пудъ ишениці спустить по 6-ти кошієкъ сребра проти ціни, яка буде коло Покрови (1-го октябрия), — а це виходить 17% відъ 700 карбованцівъ капіталу. На перше хазяйство треба було громаді найменшъ 1500—2000 карб., а жидки хотіли, щобъ зразу по 12 коп. спустили імъ съ цуда, — а тутъ и інші, за уступку хазяйства, підсовують пані свої карбованці.. Ажъ объ поли бьютця виборні! — Одинъ панокъ, то вже зовсімъ бувъ напосівсь, да, на-щасте, довідались виборні, хто в їхъ селі думає прожити и який вінъ чоловікъ, — заразъ внесли те пані — и діло розійшлося, а звернулося такъ, що хазяйство оддано на руки громаді, а насінне сама пані обіццалась позичити у сусідівъ. «Ну, теперъ-же», каже пані, «вже ми скінчили; —помагай же вамъ Боже:—глядіть, берітьца гуртомъ за роботу, щобъ не було переборівъ, бо якъ що не такъ, то я за-для вилучки накладу, хотъ и середъ літа, одберу на себе хазяйство.» Після сего, дідичка поїхала до Дударівъ и тутъ зробила умову зъ цілою вже громадою — и цей-то контрактъ всі святимъ хрестомъ ствердили.

Тутъ громаді потрібно стало чоловіка письменного, разъ за-для того, щобъ вести всякому хазяйському ділу лікъ, — друге, и за-для того, щобъ задовольнить всі канцелярські потреби. Такъ сталось, що громада, за радою самої пані, наняла мене. В остат їхъ дняхъ марта, я покинувъ університетъ и приїхавъ у Дударі, заявився громаді и заразъ-же поговоривъ зъ нею о всійшій громадській праці,

(1) Такъ называють літню пору, коли дідичка приїздить зъ дітьми до-дому.

о повинностях кожного чоловіка в громаді п яснійше розказавъ повинности, які я беру на себе. Съ того часу я живу в селі неначе управитель, а в урядових ділахъ я, справді, якъ управитель:—цебъ-то — поліцейська росправа ніби-то до мене належить; всякий торгъ можна свінчити на мое имя; мое жъ діло давать ладъ и зъ лісомъ. Якъ же що не такъ гараздъ піде в хазяйстві, то моя совітливость мні наказує, якъ чого самъ не порішу, звістити папію. Для громади, в ділахъ хазяйственнихъ, я тільки писаръ: — записую роботу, дохідъ, трату и всякий щотъ. Щотъ ведєця у насъ рідною мовою, и якъ тільки громада запотребує, то я завжди повиненъ подать всі рахуби для перегляду тому, кого громада назначить. Хазяйські діла и всі порядки належать до 8 чоловіка виборнихъ, котрі що-суботи, або що-неділі збіраютця и радять раду—що треба робить: чи то—що продать, чи купить. На цій раді, всі виборні и я маємо рівноправній голосъ; що тамъ урало, — я записую, а потімъ, вже одинъ зъ виборнихъ, котрій за те бере особу плату, — *главний совітникъ* якъ ёго назвали—цей все що урало радою, сповняє. Громада має право, коли схоче—перевірять весь ходъ діла. Окромъ того, на початку хазяйського року (въ марті), и коло Покровп (1 октября), а далі и в кінці року (въ февралі), повинні бути сходи громадські, щобъ розгледітись у всіхъ порядкахъ и урядить все на-даль. Такимъ робомъ, у насъ все йде на добрий ладъ; сумяття, объ якіхъ чуто округи насъ, въ цей переходній часъ, у насъ не бугало, бо насъ всіхъ вяже одно спільне діло. Наші жінкі ще не гараздъ-то зрозуміли діло и трохи вередують, такъ и зъ ними ладъ можна пайти, бо всю роботу одбуваемъ по инвентаряхъ. За цей годъ, хочъ и при добрімъ урожаі, доходу гараздъ не буде, бо багато накладу; а все-таки на долю громаді достанетця насіння, худоба, вся снадобъ хазяйська, харчъ на челядь, та, може, яка сотняга й карбованцівъ. Оттакъ-то ми, добродіі ласкаві, сами собі установились. Нема у насъ для нашого порядку и прозвища, чи, попросту, слова; бо, по вашому, не буде вже *організація*, чи що?—а ми, селяне, такъ безъ окраси робимо якъ знаємо. И багато есть у насъ, по селахъ, такихъ справъ, котрі и голоснихъ прозвищъ не мають, котрімъ тільки добре та тихе серце селянина усміхаєтця часомъ. Любо мні служити нашій сільській громаді; а де — які тутешні панкі, не зрозумівши, або — не хочачи зрозуміти діла и правди, дивуютця зъ моеї служби якъ зъ невидано-го звіру: імъ здаєтця, що тільки простий людъ служать повиненъ—

для їх користи; а на ёго користь служить наче заказано! Такі зь їх чудні люде, зь тих панківъ.

У Дударяхъ ще ё багато требівъ: и дзбанкъ пора зробіть, и школу, и промисель піднять:—даі тільки, Боже, намъ зь хлібомъ благополушно упоратись та збавитьця одъ цієї нечпсті—одъ сарани, (іі—таки намъ трохи страшно), а то все піде до-ладу. Я кажу и всі добрі люде повинні сказати: «Помагай Бігъ!»

Отъ же ще не кінець, ще де-що треба сказати про *новий ладъ*.

Якъ надійшовъ наказъ—порядкувать громаду у общество, зібралась громада уже зь обохъ частей села до купи; я прочитавъ імъ правила обь обществахъ, и громада почала вибори. На-й-самъ-передъ бувъ вибранный я, на *сільського писаря*, а далі почали вибрати *старосту*. То той обізветця зо своїмъ кандидатомъ, то инший—да іі назадъ, а далі хтось и каже: «Ні вже, нікто не буде, якъ не Гаврило Кваша». Гаврило кивнувъ головою: «ні, люде добрі,—нехай хто старііший,» да не було часу одмагаться, якъ всі почали усовіщати: Гаврило замовкъ и согласився. Вибрали далі іі иншихъ:—*добросовістнихъ, помошника* и т. д. Зь-початку кожний одмагастця, а далі іі замовкне—притане. Якъ стали шитать про плату за урядъ, то Гаврило Кваша наче прочувевъ зь задумп, и такъ промовивъ: «А щожъ, панове громадо: це то незвісно, якъ цей порядокъ пііде, а ми вже будемъ и плату брати? це треба!.. а що одбутки, то я такожъ підписувавсь: то, щобъ не сказали, що я зо всіма вкупі не робивъ, то я однаково послатиму жінку на роботу и самъ ходитиму, якъ можна буде». Такъ-то вінъ и не подумавъ. яку добродітель гражданську впаказавъ; ему про те байдуже:—вінъ сказавъ щд ёму серце натякнуло.

Вибори одбулись безъ сунереччя, а просто, по-совісті. Брехня ваша нарікаюці на *людъ простий!* Слава Богу, що вінъ ще досі *простий*, що не зкрививсь на вашъ розумъ. Буває іі у насъ всяко—бо «люде якъ люде», та все воно утихоміряетця по-просту, ссрцемъ.

Прощавайте! якъ що можна, то цей листъ напечатайте — нехай люде почують, нехай всі судять це діло — та не гудять. Прощайте, и насъ, дударцівъ, не забувайте: може ще коли до васъ обізвемось.

Б. Познанський.

ЗЪ ПОДОРОЖИВЪА.

I.

1861 р. Квітня 16. Полтава.

Відъ самісінької Полтави, по стовиновому шляху на Харьківъ, по надъ річечкою Коломакомъ (котра тече підъ самимъ городомъ у Ворсклу) простяглися, низкою, слободи панські, села казенні и хутори козацькі. По-надъ шляхомъ маячать трахтирі и постояльні двори. По правому боці Кюльмаза бованіють гори де-не-де й височенькі, и сипіють ліси: зъ нихъ догляжені и найкращі князя Кочубея — самий дубъ віколичний. Казенні-жъ більшь повирублювані, хоча теперъ-й прийались їхъ доглядати; а про панські нічого й казати, — зоставсь тільки мворость та чагарникъ. Зъ лівого боку тієї річки стелютця болотá, заросли вони очеретами, вільхами и вербами; рідко де побачишь дуба або осяку. Казенні ліси берутьця чистити пани або жиди, пославшись на кільки тамъ сажнівъ хворосту, по три або по чотирі ка бованці відъ сажня, а хмизъ не въ щотъ. Не лучче бъ віддавати селянамъ? селяниниъ свое громадське берегтиме. Верба и вільха швидко ростуть, якъ зъ води йдуть; зъ вільхової кори роблять чорну краску для запасокъ — варють ту кору зъ галуномъ. По левадахъ не побачишь другого дерева опрїчь верби: селяне не заводять лісу, а объ садкахъ—нічого й казати, хїба де є вишнякъ, одно або два дерева грушобъ, або кисличокъ—и то росте собі по волі. Нема того, щобъ ёго гарпенько доглянути, підчистити. А якъ-би то родюче дерево по нашимъ благодатнимъ грунтамъ розросталось! тільки жъ наші змяяки садовиниъ зовсімъ заедбали; откупъ охоту одбивъ.... По горахъ є терникъ, та й тутъ школа, що ніхто не догляда, бо скотинка ламає, або

позаростуть такъ, що й ягідки не знайдешъ. А воно гарна штука для паливки и на *заїаті* (¹), щобъ звірь не переплигувавъ до ове-чатъ. Коломакъ весною дуже грає; відриває часомъ *плавні* зъ вільхами и лозою, и зноситьъ далеко; а літомъ пересихає; тільки зо-стаютьця *плесі* (²). Риби вдоволі: ловитця частійшъ щука и плотва, де-коли линь, карась, а раківъ и вьюнівъ — сила. Сего добра, хочъ цілий мішокъ, панки добувають за колоду засмальцеванихъ картъ. Риба більшъ ловитця зімою; такі міста, що не замерзають — *узь-мені* (³) и *шиловоди* (⁴). (Я наввісли побалакаю объ рибальстві); ё й піску багато по лівому боці Коломака; шкода, що не розводять на ній шелягу, якъ коло Дніпра, а вінъ би згодився; для ого-рожі нема й луччого — щіпé.

Відъ Полтави по стовповому шляху до гриниці Слободскої України ё одно село-Сторожева. За гетьманщини тутъ стояла сторожа відъ татарськихъ наїздівъ; а за Катерини вже стало село и на-лежало до Черняковського дівочого монастиря (що біля Великихъ Будиць). Старі люди кажуть, що тоді лучше жили — вільготнійшъ. Бувъ млинъ водяний и гребля; йшла чумацька дорога, зъ Харь-ківськихъ селъ: Котельви, Мошнівъ, Баромаі и другихъ. По тимъ селамъ готують колеса, осі и друге, везуть на Дніъ и у Кримъ, и збувають за хорошу ціну; та зъ оттой шляхъ, вигідний для Сто-рожевої, пани перевели на свої слободи. Теперъ же Сторожева обід-ніла, — всього одна церква. Обивателівъ щитаєця: 1,700 казеннихъ по-селенъ, та до 1,900 козаківъ. Казенні живуть у самімъ селі; грун-та громадські, розбивають на поділки; платять у казну до пяти рублівъ зъ душі. — Козаки жъ живуть своїми хуторами, а хто не має свого ґрунта, то живе, у сусідавъ, у заможнійшого. Другі козаки мають сельбу коло стовпового шляху; збудували ве-ликі хати и завели постояльні двори. Заїзди безъ перерву; їдуть на ярмарки у Полтаву и Харьковъ. Тільки багато шводять жида, що понаймали панські двори; тай москалі закупили оселі. Жида більшъ того сидить по шинкахъ, щобъ скуповувати у панівъ и ко-

(¹) *Заїати* — такъ зветця терновий колючий хмизъ, котрий накладаєця поверхъ тинівъ, щобъ небуло перелазівъ.

(²) *Плесо* — озеро по течіі річки.

(³) *Узьмічъ* або *озьмічъ* — найглибша и найбистрійша течія води, котра зімою не замерзає.

(⁴) *Шиловоди* — болога, по когоримъ течуть озьмені.

заківъ хлѣбъ та смушки для перепродажі. Наші ще не торгують. Та й ті козаки, що мають постоальні двори або трахтирі, хоч придбали багато худоби, а про те не видають хлѣборобства. Така то вже натура нашого селянина! Отті трахтирі — довга хата на дві половини; въ одній половині дві кімнати, гарно прибрані; одна стіна вся въ образахъ, роботи Хорошевського монастиря и Полтавських малярівъ. — Суздальска робота тільки у самихъ убогихъ. Коло образівъ висять дві або три лампадки, роблені квітки, зъ васильківъ звязані хрести. На другихъ стінахъ московські картинки—або енерали, або таке наляпапо, що й не розберешъ: и червоне тобі и зелене! — столи, дзиглики, замісь стародавней лавикананки, покриті килимами;... біля порогу стоїть шкапъ, а въ німъ чашкі, пляшкі, сребряні ложки, талірки; а въ другій кімнатці постіль зъ горою подушокъ. На другій же половині—одна здорова хата, зъ варистою піччю. Тутъ уся семья обідає и вечеряє. Кругомъ двору повіткі для московськихъ звощиківъ и нашихъ хурщиківъ. Къ слову скажу, що у тихъ и другихъ свій норовъ: звощикъ тільки ввійде въ хату, заразъ гука и лаєтця и більшь бере на—віру, а фурщикъ мовчки жде, поки дадуть що треба и платить чистима грошима.

По сторонамъ роскинулись хутори, гарні якъ въ пісняхъ співають: и ставокъ, и млинокъ, и вишневий садокъ. Козакамъ не вільно жити по селахъ, хіба въ приймахъ. Інколи дозволить громада збудувати и козакові хату у селі, а объ городі и не думай; та проте козаки живуть, на своїхъ власнихъ ґрунтахъ, ягось то вільнійшъ, и на виду здоровші. Знаєте, забретця у свій хутіръ, самъ собі господарь, старшихъ своїхъ не бачить; не лякають ёго ні судові, ні постої; та й одна та думка, що вінъ свій шматокъ землі має, придає ёму якусь тиху красу. А вже казенний по всякий часъ мусить бути готовимъ, що позовуть у волостне; поділки у нихъ невеличкі, або такъ далеко відъ села, що якъ не має волківъ або шкали, то й труденько. Оттіжъ, що не мають поділокъ, пробуваютьця рибальствомъ, або наймаютця у робітники, чи то у своїхъ, чи то у панківъ. Селяне завидують козакамъ и на сміхъ зовуть їхъ «гличниками», а тимъ — и байдуже. Якъ постановлять голову зъ козаківъ, то селяне не дуже раді. — — — И козаки зневажають селянъ. Заможні селяне не ходять и на раду, бо голова и другі старші мають якусь пиху началничу, більшь приказують, ніжъ

радяття. Селяне туляття до своїх заможних людей, котрі їм поміч дають — визволяють изъ біди. Вбожество — не зовсім викоренило у нашихъ селянъ ні вдячності, ні громадського духу. Разъ лучилось мені бачить таке: зібралась рада, голова щось торочивъ; одинъ зъ найбільшъ-шануемихъ селянъ, чоловікъ заможний и розумний, обізвася, що голова не до-діла каже, а той заразъ и гукнувъ: «у чорну ёго» (бо такъ и гóлови звикли—починовнѣму). — — — Якъ громада стала розходитись, я й заговоривъ зъ однимъ чоловікомъ:

— Чого то вашъ голова такъ паномъ вигукує?

— Э! бо дуже розбагативъ; бачете, женився вінъ на дочці господаря, котрий правивъ слободою однієї багатирки—пані.

— Хиба бувъ багатий?

— Та нагарбавъ же зъ її крепаківъ чи-мало грошей, а навпісля й самъ-роспився та й пропавъ.

Подумавъ я собі: такий-то слідъ зоставля по собі кривда и бракъ освѣти. Таке у насъ часто трапляється. Я знову сьавъ питати:

— Такъ все те несправедне добро мабуть перейшло до вашого голови?

— Эге жъ! тільки, що почувъ, що тестъ померъ, такъ и чкурнувъ, та й захонивъ усе.... а далій позакупавъ ґрунта, завівъ постійний, та й паномъ—діло.... А проте скупий—на громадське вінъ и шага не дасть.

— Вінъ мабуть у васъ зъ письменнихъ-таки?

— Який врагъ! тільки що вмѣ підписатись. Громада ёго давно бъ зсадила, такъ колижъ має руку десь вище—бо багатий.

Отті бачця протекціи — корінь усѣму злому, якъ на столиці, такъ и у селі. Якъ міжъ судовими, що начальникъ одного любе, а другого гонить — такъ и гóлови вже позвпкали: одному писареві ввѣритця, а сей набріхує на другихъ. Та до того жъ усі вони и самі не цураютьця горілки, та й селянъ не то щобъ відмовляти, а ще для своєї користи самі на той гріхъ наводять. Одинъ голова такъ-таки безъ сóрому оповістивъ, що вінъ буде бити тихъ, котрі питимуть у другихъ шинкахъ, а не у тїмъ, що любимий ёго писарь держе. Дарма, що указъ обь «обществахъ трезвості» вони получили,—вони обь тїмъ и не повідали парафіянамъ, а сами бенкетують по-прежнѣму зъ старшими — прихильними приятелями. За тежъ, якъ мають нужду яку, то вже сміло до тихъ берутьця.

Хоча законъ вдоволі забезпечує неподлеглостъ сільськихъ громадъ и личнє право кожного, а проте усюди доводитця бачити подорожнєму, що зневажають и те и друге. Наїзди справниківъ, становихъ, и проч., ніколи не обходять безъ гуку, лайки, витребеньківъ; а щобъ їхъ ублагати хоча трохи, тоставлять їмъ закуски, за котрі не діждешъ плати. Та й голови, тагъ — таки безъ приговору, а самохїть, охочі дуже до липасівъ и стусунівъ. Оттимъ-то наші селяне, мовъ не свої, перелякані якісь, передъ чиновнимъ людомъ. Козаки жъ, якъ я казавъ, рідче бачять отту колотнечу беззаконну и безправну тимъ, що живуть по хуторахъ.

II.

Ще объ тій Сторожевій, бо привелось мені пробувати тамъ довгенько Місто глухе; нічого не достанешъ: якъ чого треба, то й посилає ажъ у Полтаву, верстовъ за 30-ть. Та ще якъ трапитця весною — якъ вода розілетця, такъ-що й переправи черезъ Ворскло нема ніякої, — або у-осени по багнюці, то біда, та й тїльки; сиди у тїмъ селі, та куний, коли не маєшъ ніякої роботи. На папері значитця у Сторожевій три годовихъ ярмарки; а на ділі ні одного не бува, — щбъ вже тамъ не робили, щобъ заманити. У такїмъ-то закутку стоїть те село; нудьга та й годі! Разъ сидю я, та й маю де-що-а живъ я у одного полупанка — ажъ ось ввійшовъ Голова (я вже у єго бувавъ) и зъ нимъ козакъ. Подивився Голова на мою роботу, похитавъ головою та й каже:

«Годі вамъ, папе, зъ отимъ возитись; на щбъ воно вамъ здалося? Ходіте-лишень зъ нами на звіря; я усе село зібравъ.»

— «А що... мабутъ не переливки...» —

— «Звірь дуже зобіжда людей,» сказавъ козакъ. —

— «Тай началство загадує робити облаву за звірємъ,» добавивъ Голова. —

Я згадавъ, що й справді положено робити облаву що-вєсни після Великодня, и вь-осени після Чесного Хреста; думаю собі: подивлюсь и я на ту облаву, бо заа молоду й зъ мене бувъ ловець.

— «Добре діло,» кажу: чому не пійти.» —

— «Якъ же недобре!» одказавъ козакъ: «то тутъ, то тамъ, по-підъ самісїнькими хатами, бере чи овеча, чи пороса.» —

Зібралось насъ душъ зъ двадцять верхп, та чоловіка зъ півтори-

сотні піхотою. Чоловіка зь шість зь рушницями. Притягнули ми до байраківъ — підняли наші ловці галасъ та гукъ, мовъ татарва. А верхи до півдня гасали по стену ніби-то за ззірёмъ. Отъ, думаю собі, прийшла погибель на бідного звіря. Якъ понатомились, то й зіішлясь усі на долниці. Дивлюсь: шкода, не зачепили ні одного! за те було чого послухати. Голова роспустивъ де-якихъ до дому, другі жь зосташь могоричи пити по тій користній праці, а до того казаківъ раківъ наварили. Сіли у-коло, випили по чарці. Голова й каже:

— «Стою я надъ стежкою,—чую—щось шумотить у кущахъ. Озпрунувся, ажъ вовкъ такъ прямисінько мені вь вічі й дивитця — а я на ёго. Ну якъ ёго стреляти у пику? Ні! хай далій подастця—а вжежъ ушкварю, думаю,... зиркъ — ажъ ёго кать-ма передъ очима.» —

— А коли хочете, — нашъ Мина (обізвась хтось зь гурту) лучче зробивъ: дивитця — вовкъ на нёго; такъ-таки й простує. За рушницю... а, бісь ёго батькові! п забудь зарядити. Поки що до чого — вовкъ п прошмпгуєвъ; Мина тільки хвість заглядівъ.» —

Мина—чоловічокъ собі зь виду кумедний—гукнувъ мовъ зь сердцівъ: «хай вь мене рушниця була не тее... а онъ Яківъ та Андрій—вовкъ пробігъ таки проміжъ нихъ; вони п стрельнули, та сь переляку улучили вь дуба... памьятатиме, що то за браві стрельці були.» — Усі зареготашь.

«А Харько-жъ... (додавъ лісничий): той дакъ поставивъ рушницю біля дуба, а самъ достає зза халави ріжокъ. Щось заворушилось — дивлюсь, Харько ріжокъ обь землю, та за рушницю;.. пукнувъ—ажъ воно бідне заскавучало... Чую, Панась гукає: тю-тю, скажешні! за що ти мого сірка підстреливъ? Харько мовъ не чує, та тільки: шкода, кабаку розсипавъ.» —

Та оттакъ балакаючи та регочучись, тільки й добра зробили, що барильце повезли до дому порожне. Голова уставъ та й каже:

«Ну, люде добрі, оце жъ ми попрацювали; памьятайте, що вь осени повинна бути друга облава, бо такий приказъ!» —

— «А поки до-того, (обізвася кумедний Мина) хай вовки на нашихъ харчахъ?» —

Отъ така-то облава;.. не такі лови бачивъ я колись по Катеринославськимъ степамъ, зь хортами, зімісю добою! —

Хотілось мені запопасти у Сторожевії старенького діда, щобъ роспитати про давню давнину, або записати яку-небудь старинну пісню; алежъ такі діди переводатця у насъ на Україні. А більше ні

відь кого це почувешъ. Парубки співечать салдаські пісні, а наші рідко коли згадують; дівчата жъ и молодці більшъ держатця своїхъ, — тільки крий Боже, якъ співаючи заглядять якого-небудь панничка — заразь и заведуть: «я въ пустыню удаляюсь...» Не знайшовъ я у Сторожевій ні одного такого діда, якого шукавъ; ажъ ось, трапилося мені зъ однією родичкою поїхати у її хутіръ, підъ містечкомъ Новимъ—Санжарамъ (объ тіль містечці матиму де-чого багато оповідати): — Пізно ми доплентались до того хутора; у хаті душно: я її послався підъ хижкою. Лежу собі та дилуюсь на небо—місяшно; чудовий пахъ такъ тебе и обдає. Згадавъ я про своє житте бурлацьке, думка за думкою... вже ставъ я купяти; ажъ ось зразу якъ гукне щось, та таимъ дикимъ голосомъ... я такъ и схопивсь: оце, бодай тебе! злякавъ, якъ запорожець татарюгу. А воно знову гукнуло, — а далій заспівало. Тоді вже на Сході зачервоіло; де-яка пташка пробуркалась й стала щebetати, на болоті кулики перекликались. Де вже тутъ спати — я й пішовъ у поле. Дивлюсь, — курінь, а біля ёго геть простягся баштанъ; по міжъ зеленою огудиною, кавуни, дині, гарбузи такъ и визирали. А по закраїни щось плентаєтця повагомъ, мовъ та мара. Я її підійшовъ — передо мною старий, старий дідуганъ стоїть зъ ціпкомъ.

— «А це ти, діду, такъ гукаешъ цілу нічъ?» —

— «Та яжъ, пане! —

«А, здорово гукаешъ, діду, хоча й старий...» —

— «Не що будешъ робити: оглядаю баштанъ, бачете, то якъ гукаешъ, то й задаси острахъ, щобъ не дуже ласувались на ті кавуни.» —

— «Чий же се баштанъ?» —

— «Та се москалівъ.» —

— «А вінъ тебе панявъ сторожити?» —

— «Эгежъ! та оттакъ днь и нічъ вештайся, ніколи и спочити; а тільки сімъ карбованцівъ за ціле літо, поки не визірають.» —

— «Не багато!—Хиба тобі, діду, ні при кому жити?» —

— «Та воно є й семья, два сини жонатихъ; я їмъ віддавъ усе хазяйство;—та, знаєте, робити сили немає, а хотілось би, щобъ таки и своя копійчина була про нужду—не всежъ и дітямъ докучати.» —

— «А відкіля ти, діду?» —

— «Недалека. Оттамъ, у Новихъ Санжарахъ, коли чули, біля мосту черезъ Ворскло, стоїть двіръ козака Блохи,—оттожъ и мій.» —

— «Давно жъ ти живешъ у тїмъ містечці?» —

— «Э, давно, пане! мій дїдъ зъ Запорожжя. Та якъ руйіновали Сїчъ, такъ вінъ забрався у ліси Санжарівські, а були вони колїсь дуже великі...» —

— «Ти щось и співавъ дїду—та ще якусь чудову?» —

— «Та то відъ нудьги, бачете; згадавъ якъ колїсь батько мій співавъ, бо мій батько бувъ и у шкинерахъ.» —

Я такъ зрадївъ, мовъ скарбъ патрапивъ. Ставъ я просити дїда, щобъ вінъ заспівавъ. Сїли ми біля курїня; дїдъ почавъ співати, а я до слова записувавъ.

I.

Ой зъ устья зо Дніпра вершпип
Сїмъ сотъ річокъ и чотири
Усі въ Дніпръ упали,
Нї одно Дніпру правди не сказали;
Тїльки одна річка
Сама невеличка
Та й та въ Дніпръ упала,
Дніпру всю правду сказала...
Ой повій, вітре, та низовій
На рямши (¹) та на кедровні,
На паруси та на персовні (²),
Та на демину (³) та на малёвану.
Ой у демині та козакъ сидить;
Демену повертає,
На Чорне море поглядає...
Ой плыве судно
Однимъ—одно;
Ой у тїмъ судні
Турчинъ сидить съ туркенію,
А туркения не гуляє—
Шовкомъ вишиває.

(¹) *Рамш*, — *орхмнос* — вїтвъ, — весло (?) *Ред.*

(²) »Персовніа—надутні.—

(³) »Демлївъа—човенъ. Такъ казавъ дїдъ. *Демано* — плыть внизъ (?) *Ред.*

Ой кѣму сей платокъ буде,
 Чи сотнику, чи півковшику,
 А чи й отаману та вістовому,
 А чи самому Кошовому?

II.

Ой у лузі надъ водою
 Калина цвіте;
 Ой де-то нашъ отаманъ
 Съ козаками пѣе;
 ть же вінъ хоче купує,
 Такъ правди глядить,
 Которие лукавіі,
 Такъ вінъ велить битъ.
 Наступала чорна хмара,
 Ставъ дощъ накрапавъ,
 Ой стали наші козаки
 Въ наміть утікати;
 Которие багатіе
 У наміть пішли;
 Козаченьки нестяженьки
 Не посміли,
 Взяли квартиру,
 Ще й другу зъ жарту,
 На дощи сіли.
 А въ нашого отамана
 Учпився жаль:
 Скинувъ зъ себе голубій жупанъ,
 Та й наміть напхавъ.
 Прийшовъ дука, прийшовъ багачъ,
 Та й у порога ставъ;
 Пізъ нашого отамана
 Сміялися ставъ.
 Якъ крикнувъ нашъ отаманъ
 Та на свое військо,—
 Озьміть дука за чубъ и руку
 Та введіть вонъ!

Одинъ узавъ за чубъ и руку,
 Дуломъ бье:
 Ой не ходи, превражій лука,
 Де голога пье.
 Добра та беседонька,
 Де отаманъ пье,
 А ще й лучче, ще й краще,
 Де отець и матірь е.

III

Ой теперъ наші славні Запорозьці
 Усі ради стали,
 Що поїхавъ Кошовий на Москву,
 Щобъ намъ, братці, землю дали.
 Которий поїхавъ съ Кошовимъ на Москву,
 То й буде панувати.
 Зоберуть въ члени, помежують землі,
 А ми будемъ свині пасти.
 Ой помежували степи запорозькі
 И козацькі славні луки! —
 Писалися запорозьці
 Не зъ роскоші, зъ мўки (¹).

— «Ну, діду, спасибі тобі за такі пісні! приходь же до хати—
 вишьемо по чарці та пообїдаємо.» —

— «Отъ за це дякую, бо москаль, якъ ёму притьмомъ треба
 було сторожа, то й обїцявъ харчъ давати — а потімъ и не тее...
 Знаете: якъ потопіа, то й сокиру обїцяе; а виратуешъ — то й топорища
 не дасть. Принесе хлопья, таки зъ вашого хутора, щербїї (²), то я
 зъ хлїбомъ попоїмъ—отто и вся їжа! — Прийду, прийду»...

Кузьма Шаповаль.

1-го юня 1861 року.
 Полтава.

(Буде далій.)

(¹) Дїль послї добавивъ, що запорозьці: зъ мўки писалися у пикинери.—

(²) «Щербїа» — остання юшка після галушокъ.

ПОГУКОВЩИНА.

Одинъ мой знакомый, около 1846 года, былъ, по дѣламъ, въ Радомысльскомъ уѣздѣ, Кіевской губ. Однажды, возлѣ оконъ дома, гдѣ онъ остановился, собралась многочисленная крестьянская сходка (село было помѣщичье). Зашелъ между крестьянами споръ. Одинъ изъ толпы вызвался съ своимъ мнѣніемъ; но его остановили такими словами: «*ти бѣ мовчавъ, бо і досі не отдавъ погуковщини.*» Эта «погуковщина» возбудила любопытство въ моемъ знакомомъ. Подозвавъ къ себѣ самаго расторопнаго изъ крестьянъ, онъ тогда же спросилъ о значеніи этого слова, и вотъ—что сохранилось въ его памяти:

При введеніи христіанства въ этомъ уединенномъ краю, старались расположить народъ ходить въ новопостроенную тамъ православную церковь. Народъ пошелъ туда сначала изъ любопытства; все, что онъ видѣлъ и слышалъ въ церкви, очень понравилось ему, такъ—что онъ самъ попросилъ у священника позволенія — «*погукать.*» Священникъ, вѣроятно, желая приучить ихъ къ церкви, согласился на эту просьбу. Но такъ—какъ эта прихоть повторялась всякій разъ, то духовенство сочло нужнымъ обложить обычай *погуканья* податью: и каждый изъ прихотливыхъ прихожанъ долженъ былъ давать духовенству ежегодно *пень* (уліи) пчелъ. Впоследствии, когда народъ утвердился въ вѣрѣ и уже пересталъ гукать, обычай этой дани все—таки продолжался.

Съ теченіемъ времени, народъ считалъ ее для себя дорогою и рѣшилъ—вмѣсто *пенька*—давать по рублю съ души; а наконецъ, уже въ послѣднее время, сообразивъ, что эта дань излишняя, сталъ платить ее въ пользу общества, въ мірской капиталъ, на уплату податей за бѣдныхъ и на другія благотворительныя цѣли.

Къ—сожалѣнію, мой знакомый не помнитъ ни названія деревни, ни другихъ подробностей. Желательно было бы, чтобы кто—нибудь изъ жителей Радомысльскаго уѣзда, сообщилъ болѣе точныя свѣдѣнія о погуковщинѣ; тогда, можетъ—быть, гуканіе объяснилось бы какимъ—нибудь языческимъ обрядомъ, народной легендой, или повѣрьемъ.

П. Чубинскій.

БЛАГОРОДНОЕ УПОТРЕБЛЕНІЕ СВОЕГО ИМУЩЕСТВА.

Въ польскомъ обществѣ, слишкомъ часто поражавшемъ и поражающемъ насъ, украинцевъ, исключительностью своихъ сословныхъ, національныхъ и релігіозныхъ взглядовъ, нерѣдко встрѣчался и встрѣчаются благородныя личности, возвышенный умъ и гражданское чувство которыхъ выдѣляетъ ихъ изъ толпы и внушаетъ искреннее сочувствіе въ каждомъ, умѣющемъ цѣнить борьбу съ самимъ-собою и съ общественными предрасудками.

Наряду съ господами, которые желали бы выкопать тѣло Шевченка изъ родной земли и запрятать его такъ, чтобъ ни одинъ его соотечественникъ не могъ поклониться священной могилѣ, которые желали бы здѣлать украинскій языкъ навсегда нѣмымъ, отродно встрѣтитъ такую благородную личность, какъ недавно умершій М. Пв. Конарскій, о завѣщаніи котораго мы прочли въ 134 № «Польской Газеты», этого года. Намъ было бы еще пріятнѣе узнать о честномъ дѣлѣ г. Конарскаго, если бы онъ, въ своей духовной, чѣмъ-нибудь выразилъ участіе къ нуждамъ тѣхъ *подольскихъ крестьянъ*, которыхъ трудъ, быть-можетъ, доставлялъ ему дорогую пшеницу и далъ возможность обогатиться и облагодѣтельствовать въ Одессѣ, а еще больше—въ южнаго края, многихъ, немѣющихъ ничего общаго съ главными виновниками его богатства. Но, какъ говорится—*выше себя не будешь*: поэтому, воздавъ должное памяти почтеннаго человѣка, сдѣлавшаго то, что для него было возможно, приведемъ отчетъ г.г. душеприказчиковъ, Вэрицкаго и Корейвы:

«Скончавшійся, 26 апрѣля текущаго года, въ городѣ Одессѣ, тамошній житель, помѣщикъ Подольской губерши, Михаилъ Ивановичъ Конарскій, оставилъ, послѣ своей смерти, представленное въ Одесскій Коммерческій Судъ, для законнаго утверженія, духовное завѣщаніе, въ которомъ, кромѣ отказовъ въ пользу своего семейства, онъ опредѣлялъ значительныя суммы на общую пользу. Но пока это завѣщаніе приведется въ исполненіе, мы, нижеподписавшіеся душеприказчики покойнаго, спѣшимъ познакомить публику съ пожертвованіями завѣщателя, сообщая редакціи «*Польской Газеты*»—въ чемъ они состоятъ.

Сумму въ 10,000 р. ср. покойный предназначилъ на окончаніе и обведеніе каменной стѣною католической церкви въ Вроцлавѣ, и желалъ, чтобы на остатокъ изъ сказанной суммы основанъ былъ, при той же

церкви, госпиталь его имени, для призрѣнія нѣсколькихъ немущихъ и пожилыхъ лицъ.

Сумму въ 6000 р. ср. дѣлить такимъ образомъ: на церковь католическую въ Одессѣ *тысячу* руб.; на *конфессионалы* въ той же церкви тысячу руб.; на школу при той же церкви двѣ тысячи рубл.; на школу лютеранскую тысячу руб.; и на школу при церкви реформатской тысячу рублей. Всѣ эти школы въ г. Одессѣ.

Земледѣльческому Обществу Южной Россіи завѣщана ви-ла, находящаяся въ Одессѣ, на Молдаванкѣ, съ тѣмъ, чтобы тамъ были основана ферма и земледѣльская школа.

20,000 р. ср. съ процентами, назначено въ Земское Кредитное Общество (Towarzystwo Kredytowe Ziemskie) въ Варшавѣ, съ тѣмъ, чтобы редація журнала «*Библиотеки Варшавской,*» отыскивая самыхъ бѣдныхъ учениковъ въ Варшавскихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ равно и тѣхъ, кто, окончивъ эти заведенія, заслуживаетъ помощи для дальнѣйшаго образованія, доставляла имъ, изъ сказанной суммы, вспомошествованія въ теченіе 10 лѣтъ, со дня смерти завѣщателя.

Принадлежащія завѣщателю два дома съ магазиномъ, находящіяся въ Одессѣ, по Херсонской улицѣ, и оцѣненные имъ въ 60,000 р. ср., предназначены на благотворительныя дѣла въ Царствѣ Польскомъ, въ особенности—для основанія какихъ—либо учебныхъ заведеній, по усмотрѣнію лицъ, пользующихся общественнымъ довѣріемъ. Имущество это поступаетъ въ вѣдѣніе Земскаго Кредитнаго Общества въ Варшавѣ, по распоряженію котораго оно можетъ быть продано, но не раньше, какъ черезъ десять лѣтъ со дня смерти завѣщателя, дабы такимъ образомъ, посредствомъ ежегодно получаемаго дохода, увеличить капиталъ и затѣмъ употребить для вышеозначенной цѣли.

11,000 р. ср., съ процентами, предназначены на окончаніе дома Ученаго Общества въ Краковѣ (Towarzystwo Naukowe), начатаго покойнымъ Францомъ Вэнжикомъ.

5000 р. ср. предоставлены въ распоряженіе того же Общества, съ тѣмъ, чтобы оно, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, снабжало пособіемъ немущихъ студентовъ Ягеллонскаго университета, руководствуясь въ этомъ собственнымъ усмотрѣніемъ.

Польскія и латинскія рукописи, находящіяся въ имѣніи завѣщателя, Вышковцахъ, предназначены также для Краковскаго Ученаго Общества.

Изъ суммы въ 6000 р. ср. получаютъ проживающіе: въ г. Варшавѣ, *Юліанъ Бартошевичъ* и Александръ *Мацьёвскій* (извѣстный

ученый), близъ Кракова—*Карлъ Шайноха* (историкъ) 1500 р.; и въ Силезіи—Осипъ *Лѣмна*—каждый по тысячѣ пяти сотъ рублей ср. Пожертвованія эти оставлены Конарскимъ на память о себѣ и въ пособіе для изданія историческихъ сочиненій.

Въ своемъ завѣщаніи покойный не забылъ о слугахъ и о ходившихъ за нимъ во время его болѣзни.

Всѣ вышеозначенныя суммы не находятся—пока въ наличныхъ деньгахъ, но должны поступить къ душеприказчикамъ по разнымъ документамъ.

«Какая мысль руководила Конарскимъ при жизни,» заключаютъ г.г. душеприказчики,—это видно изъ предсмертныхъ словъ его: «Мнѣ думалось, что я богатъ, а теперь я вижу, что у меня только было мало жизни потребностей, потому—что когда пришло желаніе удовлетворить душевнымъ потребностямъ, бѣдность моя явственна и даже чувствительна.»

Върницікій, Викторъ Корсйва.

ЧЕРТА СОВРЕМЕННЫХЪ НАРОДНЫХЪ ПРАВОВЪ.

Изъ Тирасполя, г. Н. Шашира сообщаетъ въ «Одесскій Вѣстникъ», между—прочимъ, слѣдующій случай:

Въ деревнѣ Салуцкѣ, Тираспольскаго уѣзда, одинъ крестьянинъ вырубилъ тайно изъ изгороди своего помѣщика вербу, которую и нашли у него въ саду. Помѣщикъ, не желая быть судьей въ собственномъ дѣлѣ, увѣдомилъ объ этомъ только—что избраннаго голову. Последний, созвавъ общество, предложилъ нарядить судъ надъ виновнымъ. Но такъ—какъ не было ясной улики о тайной порубкѣ, то крестьянинъ не признавался въ похищеніи дерева, утверждая, что оно неизвѣстно кѣмъ ему подкинута. Прежде, можетъ—быть, крестьяне и не согласились бы выдать своего собрата на правый судъ, но теперь дѣло иное: нашлись свидѣтели, нашлись улики, открылось даже, что крестьянинъ произвелъ эту работу въ праздничный день. Поэтому, общество начало судъ. Виновный вздумалъ—было прибѣгнуть къ средству, которое неразъ способствовало прежде къ прикрытію вины поважище настоящей, и предложилъ своимъ судьямъ ведро водки. Но общество не только не приняло этого обаятельнаго, для простаго человѣка, выкупа,

по даже сочло это большою для себя обидою, и приговорилу вповнаго къ уплатѣ помѣщику за вербу, по ея стоимости, и къ наказанію исправительно-полицейскими мѣрами, а сверхъ-того, къ трехъ-дневной работѣ при мѣстной церкви.

ЛЮБОПЫТНАЯ ВЫХОДКА НѢМЦА.

«Варшавская Газета» (Gazeta Warszawska, № 193) сообщаетъ, что какой-то ученый нѣмецъ только-что издалъ въ Лейпцигѣ разсужденіе, подъ заглавіемъ; «Von einem verschollenen Deutschen Volksstamm». Онъ доказываетъ, что галицкіе русины—нѣмецкое племя, и что они принадлежатъ къ поколѣнію тюррингцевъ, которые въ старинныхъ хроникахъ были извѣстны подъ именами ретовъ, рутовъ, ротовъ, отчего и произошло нынѣшнее названіе *рутеновъ*. По словамъ сочинителя, въ ту пору, когда готы проходили черезъ славянскія земли, рутены, двинувшіеся вмѣстѣ съ ними, по странному стеченію обстоятельствъ, не пошли далѣе, а поселились по обѣимъ сторонамъ Карпатскихъ Горъ. Судьба этой нѣмецкой отрасли была, какъ гласитъ упомянутое разсужденіе, чрезвычайно-печальна: въ-теченіе тысячъ лѣтъ, окрестные славяне до такой степени угнетали рутенскую народность, что рутены принявъ въ свой языкъ половину словъ славянскихъ, но нѣмецкая заставка не истребима и русины до-сихъ-поръ сохраняютъ очень-много германскаго въ своихъ обычаяхъ, правахъ и языкѣ, и, какъ увѣряетъ авторъ, берегутъ въ своихъ сердцахъ симпатію къ нѣмцамъ (?). Мало этого: даже черты лица у галицкихъ русиновъ и ихъ умственные способности—суть чисто-германскія (!!)

«Вслѣдствіе всего этого», говоритъ ученый оргпналъ, «задачей германскихъ народовъ должно быть освобожденіе угнетеннаго германскаго племени рутеновъ изъ-подъ ига славянъ, которые, въ-теченіе слишкомъ десяти вѣковъ, попирали и топтали его ногами.»

Мы, украинцы, не удивляемся нѣмцу, когда нѣкоторые рьяные *славяне* отрицаютъ самобытность русиновъ и называютъ нашу народность *испорченною польскою!*? Чтобы показать нагляднѣе, въ какой степени правы тѣ и другіе, мы скорѣ представимъ, въ *Основѣ*, описаніе старинныхъ свадебныхъ обрядовъ и пѣсенъ, существующихъ и нынѣ въ Галиціи, въ селахъ по рѣкѣ *Збручу*.

ЮЖНЫЕ ЭКСПОНЕНТЫ

НА С. ПЕТЕРБУРГСКОЙ ВЫСТАВКѢ РУССКИХЪ МАНУФАКТУРНЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ 1861 ГОДА.

Изъ 983 экспонентовъ, доставившихъ изъ разныхъ губерній, а преимущественно изъ Петербурга и Москвы, предметы своего производства, южнорусскихъ было всего *сорокъ пять*. Они распредѣлялись по губерніямъ слѣдующимъ образомъ:

Харьковской 15 экспонентовъ, Черниговской 11, Кіевской 6, Херсонской 5, Полтавской 4, Екатеринославской 3, Таврической 1.

Подольская и Вольнская губернии, а также и Бессарабская область, не принимали никакаго участія на выставкѣ.

Изъ 45 экспонентовъ, самое большее число выпадаетъ на долю табачныхъ фабрикантовъ: ихъ было 15; изъ нихъ 7 принадлежатъ городу Харькову. Кромѣ г.г. Кріона изъ Одессы и Капона изъ Харькова, остальные производятъ весьма незначительное количество табаку, или малоизвѣстны. Герзонъ, изъ Кіева снабжаетъ своимъ табакомъ Полтавскую и Черниговскую губерніи, но не пользуется никакою репутаціей.

Харьковскіе фабриканты — Аивазъ, выдѣлывающій табакъ въ разныхъ видахъ на сумму до 20,000 и Богомоловъ, котораго табакъ привозится на украинскія ярмарки, мало извѣстны и не могутъ похвалиться большимъ числомъ своихъ цѣнителей. Самъ знаменитый Кріона, котораго табакъ курить исключительно весь югъ и всѣ малороссіяне живущіе въ великорусскихъ городахъ, со времени увеличенія пошлины, сталъ значительно хуже; особенно первый и второй сорта его табаку стали плохи. Со времени же открытія, въ этомъ году, въ Кіевѣ фабрики Добровольскаго, многіе бросили табакъ Кріона, что особенно замѣтно между курящими малороссіянами въ Петербургѣ.

Нѣжинскихъ табачковъ вовсе не было на выставкѣ, также какъ и значительныхъ одесскихъ фабрикантовъ, напр: Плотлера, изучавшаго табачное производство и фабрикацію сигаръ въ самой Гаваннѣ.

Экспонентовъ сахара было *двадцать*. Изъ кіевскихъ сахароваровъ явилось на выставку только *три*. Г.г. Бобринскій, Яхненко и Сямиренко, Сангушко, Клейнъ, заводы которыхъ производятъ глав-

ную массу сахара, вовсе не были. Удивительно также отсутствіе сахароваровъ Подольской и Волынской губерній, и значительныхъ сахароваровъ Харьковской губерніи, какъ напр., г. Кукель-Яснопольскаго, получившаго золотую медаль на лондонской всемірной выставкѣ. Изъ Полтавской губерніи не было привилегированнаго Сребрянскаго сахаровара, С. М. Трифановскаго, имѣющаго отлично-устроенный паровой рафинадный заводъ.

Изъ старообрядческихъ слободъ Черниговской губерніи было *четыре* экспонента, въ томъ числѣ *три* изъ посада *Клицовъ*, имѣющаго *двадцать два* суконныхъ, шерстяныхъ и льняныхъ фабрики, изъ которыхъ 7 дѣйствуютъ паромъ.

Фарфоръ и фаянсъ Межигорскаго завода и г. Миклашевскаго тоже отсутствовали.

Экспонентовъ шелковой промышленности явилось только *три*, между тѣмъ, какъ на выставкѣ Вольнаго Экономическаго Общества 1860 года ихъ было *десять*.

Московскій комитетъ шелководства, херсонскіе помѣщики гг. Беофани и Чорба и г. Чижовъ, въ Кіевской губерніи, неутомимо дѣйствуютъ для развитія шелководства на югѣ Россіи. Московскій комитетъ шелководства разсылаетъ за весьма умѣренную цѣну дерева, шелковичныя сѣмена и яички шелкопряда своимъ членамъ и другимъ охотникамъ до этой важной отрасли сельской промышленности. Было бы весьма желательно, чтобы эта прибыльная промышленность привилась во всеяъ нашемъ краѣ.

Въ настоящее время занимаются разведеніемъ шелковницы и выкормкой шелкопряда—въ Батурицѣ, Пѣжинѣ, Кролевецѣ, Лубнахъ, Хоролѣ, Воронежѣ, въ Херсонской, Подольской, Кіевской и Екатеринославской губерніяхъ.

Гг. Беофани и Чорба, занимающіеся уже болѣе трехъ лѣтъ шелководствомъ, убѣдились въ важности этой промышленности для южнаго края и, по ходатайству бывшаго предсѣдателя южныхъ поселеній, графа Ламберта, получили въ арендное содержаніе, на 99 лѣтъ, огромныя тутовыя плантаціи (около 2 мил. деревъ) въ городѣ Новогоргиевскѣ, въ посадѣ Новой-Прагѣ (Петриківка) и с. Новомъ-Стародубѣ. Шелкъ ихъ, размотанный на машинѣ колониста Янсена, продается въ Москвѣ и Варшавѣ по 300 р. пудъ.

Единственный опытъ *обширнаго* распространенія у насъ шелководства представляется намъ въ почтенной дѣятельности О. В. Чижова,

имѣющаго шелководное заведеніе въ 3-хъ верстахъ отъ Диѣира, близь мѣстечка Триполя и села Жуковецъ, и въ 8-ми верстахъ отъ этихъ послѣднихъ — шелковичную плантацію у села Чернякова.

Крестьяне этихъ и окрестныхъ селъ малоземельны и хлѣбопашество ихъ не обезпечиваетъ; глубокія и обширныя долины, въ которыхъ расположены эти села, дали имъ возможность развести много садовъ и левадъ. Крестьяне насильственнымъ образомъ познакомились съ шелководствомъ въ то время, когда какой-то французъ арендовалъ тутовья плантаціи, на которыхъ, по условію, крестьяне обязаны были работать въ *прионъ*. Но съ тѣхъ поръ, какъ шелководнымъ заведеніемъ управляетъ О. В. Чижовъ, отсутствіе всякихъ насильственныхъ мѣръ и дружественныя его отношенія къ крестьянамъ сдѣлали то, что они съ такою охотою взялись за эту важную для нихъ статью хозяйства, что въ 1855 году въ селахъ Жуковцѣ и Веремѣ было *тридцать* хозяевъ занимавшихся шелководствомъ, въ 1857 — *восемьдесятъ*, а въ 1860 году — *болѣе ста*.

Кромѣ этихъ двухъ селъ, также м. Триполя и с. Черняковки, шелководствомъ занимаются и въ соседствѣ.

Самымъ-замѣчательнымъ экспонатомъ по новостн и важности представленнаго предмета былъ Михаилъ Васильевичъ Перошковъ (кіевлянинъ), такъ-давно и упорно занимающійся опытами надъ новымъ растеніемъ, способнымъ, современемъ, обогатить нашъ край.

Разныя произведенія, добытыя имъ изъ волокнистаго стебля *ласточника* (*Asclepias syriaca*) и изъ блестящаго пуха, облекающаго зѣрна стручковаго плода этого растенія, были доставлены имъ на выставку.

Волокно этого растенія даетъ пряжу, легко окрашивающуюся, нѣжную вату, войлокъ, оберточную бумагу, коллодіумъ и, въ примѣси къ хлопчатой бумагѣ, даетъ болѣе крѣпкую пряжу.

Г. Перошковъ, объяснявшій посѣтителямъ выставки свое открытіе, снабжалъ ихъ образчиками представленныхъ имъ продуктовъ и едвали найдется теперь человекъ, сомнѣвающійся въ великой заслугѣ г. Перошкова. Быть можетъ и современники воздадутъ ему должное; но нѣтъ сомнѣнія, что потомство поставитъ его очень-высоко между общепользными дѣятелями.

Для успѣшной разработки новаго прядильнаго растенія необходимы живоѣ сочувствіе общества и хозяевъ, и средства, значительнѣе тѣхъ, которыми можетъ располагать г. Перошковъ, для котораго, по настоя-

шее время, существовали одиѣ издержки безъ малѣйшей вещественной выгоды.

При Московскомъ Ремесленномъ Училищѣ производятся опыты надъ *ласточникомъ*, въ размѣрахъ, гораздо больше прежнихъ: г. Перошковымъ доставлено туда нѣсколько десятковъ тысячъ стеблей это растенія.

Носятся слухи, что недавно были сдѣланы изобрѣтателю весьма выгодныя предложенія изъ Англїи. Сѣверо-Американцы, узнавъ, что у насъ обратили наконецъ вниманіе на открытіе г. Перошкова, стали отыскивать ласточникъ у себя и, кажется, нашли въ штатахъ Пенсильванїи и Виргинїи.

Мы ждемъ съ нетерпѣніемъ извѣстій объ опытахъ въ Москвѣ, а также и руководства для разведенія и ухода за ласточникомъ.

Въ непродолжительномъ времени *Основа* надѣется представить обстоятельное описаніе ласточника и исторію открытія, сдѣланнаго г. Перошковымъ.

Изъ числа прочихъ экспонентовъ, помещица Е. К. Закревская (Остерскаго уѣзда) представила замѣчательные образцы пеньки и кудели; г.г. Извѣковъ (Харьковской губ. Изюмскаго уѣзда) и Фундуклей (Херсонской губ. Бобринецкаго уѣзда) представили отличную мытую шерсть.

СПИСОКЪ ЮЖНОРУССКИХЪ ЭКСПОНЕНТОВЪ.

Харьковской губерніи (15).

1. *Ротермундъ*, Адольфъ Васильевичъ, фридрихсгамскїи и московскїи 1-й гильдин купецъ.

Рафинадный заводъ и для выварки свеклосахарнаго песку находится въ Сумскомъ уѣздѣ, въ Великой Бобринѣ. Рабочихъ до 430 чел.; паровая маш. въ 40 силъ, котловъ 7, въ 200 силъ; ежегодно готовится до 200,000 пуд. рафинаду, на 1,700,000 руб. Сверхъ того выварка песку производится на заводахъ, состоящихъ въ Харьковской губ., 1) Лебединскаго у., въ дер. Чернаховкѣ, и 2) Ахтырскаго у., въ с. Грязномъ. На каждомъ изъ сихъ заводовъ по 2 паров. маш., въ 25 с., и по 300 чел. рабочихъ.

Рафинадъ 1-го и 2-го сорта, по 8 и 7 р. 75 к. пуд.
 Зюсъ-меллсъ, 7 р. 50 к. пуд. Сахарн. песокъ, по 5 руб.
 25 коп. пуд.

2. *Шрейдеръ*, Левъ Петровпчъ, генераль-маіоръ.
 Свеклосахарный заводъ находится Ахтырскаго у. въ с. Ян-
 ковомъ Рогѣ; приводится въ дѣйствіе 3-мя паровыми маши-
 нами въ 20 силъ. Годовое производство сахару на 50,000 р.
 Свеклосахарный песокъ.
3. *Кондратьевъ*, Дм. Пв., помѣщикъ.
 Сумскаго у. с. Ульяновка. На заводъ, приводимомъ въ дѣй-
 ствіе 4 пар. машинами, выдѣлывается ежегодно отъ 10 до
 15,000 пуд. сахару, цѣною отъ 9—10 руб. за пудъ.
 Двѣ головы сахару рафинаду изъ свекловицы.
4. *Богомолловъ*, Пв. Пикол. Харьковскій 3-й гил. купецъ.
 Близъ гор. Харькова.
 Лаки спиртовые и политура, отъ 40 до 26½ коп. бут.
 Лаки масляные, ц. отъ 18—80 к. бут. Скоро высыхающія
 краски, ц. отъ 20—12 к. ф.
5. *Рашке*, Осипъ Самойловичъ, Харьков. времен. 3 гил. купецъ.
 Въ гор. Харьковѣ, фабрика скоровысыхающихъ масляныхъ
 красокъ существуетъ съ 1857 г.; рабочихъ 40 челов.; па-
 ровая машина въ 8 силъ.
 Скоро высыхающія краски, отъ 40—5 р. 50 к. за пудъ.
 Вареное конопляное и льняное масло по 8 р. пуд.
6. *Павловъ*, Пикита Акимовичъ, Харьковскій 2-й гильдіи купецъ.
 Въ гор. Харьковѣ, свѣчной заводъ устроенъ въ 1830 году,
 рабочихъ 15 чел.; изъ 19,000 пуд. сала выдѣлывается еже-
 годно до 15,000 пуд. свѣчей, на сумму до 90,000 руб.
 Свѣчи изъ прессованнаго и очищеннаго сала.
7. *Ралле*, Альфонсъ Антоновичъ, московскій 2-й гил. купецъ и
Бодранъ, Эмиль, времен. москов. купецъ.
 Фабрика косметическихъ издѣлій въ гор. Харьковѣ съ 1852
 года. Сумма годоваго производства на обѣихъ фабр. (другая
 въ Москвѣ) простирается до 325,000 руб.
 Разные косметическіе товары.
8. *Извъковъ*, Илья Петровичъ, изюмскій 2-й гил. купецъ.
 Въ городѣ Изюмъ:
 Шесть образцовъ шерсти испанской, мытой.

9. *Болотовъ*, Курит. табакъ въ 72 к. и 2 р. 40 к. ф.
10. *Богомоловъ*, Ив. Ник. Пюхат. т. отъ 90—24 к. ф. сигары 1 р. 75—92 к. сотня.
11. *Саатчи*. Таб. отъ 72 к.—2 р. 40 к. ф. Папиросы по $43\frac{3}{4}$, 23 и $11\frac{1}{2}$ к. за 25 шт.
12. *Кипонъ*. Табак. отъ 2 р.—36 к. ф.
13. *Айвазъ*. Таб. отъ 2 р.—36 к. ф. Папиросы отъ 92—46 к. сотня, сигары изъ русскаго табаку по $92\frac{1}{2}$ коп. за сотню.
- Ежегодно выдѣлываетъ табаку, сигаръ и папиросъ на 20,000 руб.
14. *Ростовцевъ*. Табакъ курит. отъ 36—12 к. ф. Пюхательный по 48 и 24 к. за ф.
- Въ прошломъ году приготовлено табаку на 10,000 р.
15. *Габай*. Кур. таб. отъ 2 р.—36 к. ф. Папиросы отъ $43\frac{3}{4}$ — $11\frac{1}{2}$ за 25 шт.

Табачные фабриканты въ гор. Харьковѣ.

Черниговской губернии (11).

16. *Гребенниковъ*, Гордіи Псакиевичъ, 2 гил. купецъ.
Въ посадѣ Воронкѣ.
Щетина разныхъ сортовъ, отъ 22—117 р. пуд.
17. *Горючкинъ*, Григорій Куприяновичъ. Ейскій 1 гил. купецъ.
Суражскаго у. посадѣ Клиницы. Ежегодно выдѣлывается сафьяновъ до 41,800 шт. на 31,420 руб.
Рабочихъ находится въ заведеніи 40 человекъ.
Сафьяны козловые, отъ 2—1 р. 25 к. шт.
Бронзированные сафьяны, отъ 75—50 к. шт.
Сафьяны бараньи, отъ 1 р. 25 к.—75 к. шт.
18. *Кубаревъ*, Мих. Борис. Ейскій 1 гил. купецъ.
Суражскаго у. въ посадѣ Клиницахъ.
Паровая суконная фабрика; сукна вырабатывается болѣе 100,000 арш.
Чулки шерстяные, отъ 60—90 к. за пару.
Фуфайки, по 1 р. 60 к. и 2 р. 50 к.
Сукна разныхъ цвѣтовъ, отъ 1 р. 35 к. до $2\frac{1}{2}$ р. за арш
19. *Стенунилъ*, Акимъ Васил., 2-й г. купецъ.
Суконная фабрика находится Суражскаго у. въ посадѣ Кли-

цахъ; существуетъ съ 1832 г.; приводится въ дѣйствіе 2-мя паров. маш., въ 30 и 15 с.; машинъ чесальныхъ 18, континю 9, прядильныхъ 6, мюльныхъ 7, ткацкихъ станковъ 140, рабочихъ 765 человекъ. Ежегодно выдѣлывается 145 т. арш. суконъ и другихъ шерстяныхъ тканей, на сумму до 308 т. руб.

20. *Шостенскій пороховой заводъ.*

Глуховскаго у. существуетъ съ 1739 г.

Селитра литрованная, 19¹/₁₀ к. ср.; сѣра, 5 к. ф. уголь, 1¹/₄ к. ф.

21. *Голыцина, княгиня Аглада Павловна.*

Новгородсверскаго у., при с. Костобобрѣ.

Свеклосахарный заводъ имѣетъ четыре паров. маш., съ тремя паровыми котлами; вываривается ежегодно до 4,750 пуд. песку, до 29 т. р.

Образецъ свеклосахарнаго песку, по 5 р. 80 к. пуд.

22. *Кочубей, Александръ и Аркадіи, помѣщики.*

Песокъ свеклосахарный.

23. *Тереценко, А. Я. Глуховской 1-й г. купецъ.*

Глуховскаго у. Михайловскій заводъ.

Песокъ свеклосахарный.

24. *Миклашевскій, Юсивъ Михайловичъ, полковникъ.*

Фабрика суконъ и шерстяныхъ тканей находится Стародубскаго у. въ мѣстечкѣ Понуровкѣ; учрежд. въ 1816 г.; раб. до 230 чел. об. пол. Пар. маш. въ 25 с.; прядильныхъ 4, каждая въ 240 веретень; ежегодно выдѣлывается до 37 т. арш. сукна и др. тканей и до 1 т. шт. одѣяль, на сумму 75 т. р. Сукна раз. цвѣтовъ, отъ 2 р. 75 к.—1 р. 80 к. арш.

Драдедамъ черн. и сѣр., по 1 р. 90 к. и 1 р. 65 к. »

Фланель, по 1 р. арш. Одѣяла, по 8 р. шт.

25. *Псаевъ, Петръ Семеновичъ, съ сыновьями, потом. поч. граж.*

Суражскаго у., въ кол. Новыхъ Мезричахъ; сукон. фабр. устроена въ 1834 г.; раб. 580 чел.; приводится въ дѣйствіе 4 водяными приводами, устроенными въ каналаль, проведенныхъ пзъ двухъ соединенныхъ рѣчекъ, въ случаѣ же недостатка воды паровою маш. въ 26 с.; маш. чесальн. 24, континю 8, мюльныхъ 8, съ 1830 верет.; ежегодно выдѣлывается суконъ на 250 т. руб.

26. *Закревская*, Елисавета Константиновна, помѣщица.
Остерскаго у. въ дер. Барки.
Образцы пеньки нечесаной и кудели чесаной.

Кіевской губерніи (6).

27. *Браницкій*, графъ Владиславъ Владиславлевичъ.
Ольшанскій сахарный и рафинадный заводъ находится въ Звенигородскомъ у., существуетъ съ 1846 г.; приводится въ дѣйствіе 13-ю пар. маш. въ 79 силъ и 10 паров. котл. въ 350 силъ; при 700 раб.; выдѣлывается до 50 т. пуд. сахарнаго песку и до 380 т. пудъ рафинаду.
Три головы сахару, по 8 р. 80 к. пуд.
28. *Гальперинъ*, Іосифъ Израилевичъ, потомст. почет. граж.
Кіевскаго у. въ м. Ржищевѣ, на заводѣ, приводимомъ въ дѣйствіе 5-ю пар. маш. въ 54 с. выдѣлывается ежегодно до 15 т. пуд. песку.
Два пуда свеклосахарнаго песку, по 7 р. 25 к.
29. *Фундуклей*, Ів. Ів., сенаторъ.
Чигиринскаго у. въ с. Старой Осотѣ.
Свеклосахарный песокъ, ц. отъ 6 до 7 р. пуд.
30. *Перошковъ*, Михаилъ Васильевичъ, Кіевской губ.
Образцы растенія ласточкина и издѣлій изъ него, какъ-то: ваты, ц. отъ 5 до 15 коп., оберточной бумаги, отъ 25 до 40 к. пуд., пряжа, коллодіумъ и проч.
31. *Клугъ*, Вильгельмъ Ів. купецъ, въ г. Кіевѣ.
Сапоги, по 7 р. 50 к. и 8 р. пара. Ботинки, изъ лакированной кожи, 7 р.
Примѣчаніе: работа г. Клуга отличается чрезвычайной прочностью, чистотой и красотой отдѣлки.
32. *Герзонъ*, *Бромбергъ* и К^о, Бердичевскіе 3-й г. купцы.
Въ гор. Бердичевѣ. На табачной фабрикѣ, при 66 чел. раб-оч., въ 1860 г. выдѣлано 3969 п. разн. сор. таб. на 83,617 р.
Табакъ курит., отъ 2 р.—36 к. ф. Пашпроты, 2 р.—46 к. сотил.

Херсонской губерніи (5).

33. *Безани*, Аѳиса Васильевна, помѣщица.
Александрійскаго у. въ с-цѣ Еремовкѣ.
Образцы размотаннаго шелка.
34. *Безани*, Павелъ Егоровичъ, капитанъ-лейтенантъ.
Александрійскаго у., въ Новой Прагѣ.
Образцы размотаннаго шелка, коконовъ и шелковой ваты (бур-
дница), съ плантацій бывшаго военнаго поселенія, взятыхъ имъ
въ арендное содержаніе.
35. *Фундуклей*, Пв. Нв. сенаторъ.
Борбинскаго у.
Шерсть шпанская, по 10 р. пуд.
36. *Фельдманъ*, Ицка, 3-й г. купецъ.
Въ г. Одессѣ.
Табакъ бессарабскій въ листьяхъ. Табакъ курительный, отъ
22—72 к. ф.
37. *Кріона Пана Никола*, Николай, потом. поч. гражд.
Въ Одессѣ, фабрика существуетъ съ 1845 г. Въ 1860 г.
производство фабрики простиралось до 573,893 р. Табакъ
разныхъ сортовъ, ц. отъ 3 р. до 72 к. ф.

Полтавской губерніи (4).

38. *Комаровская*, графиня.
Прилуцкаго у.
Образцы шелковъ.
39. *Михайловскій*, Петръ Акимовичъ.
Въ г. Полтавѣ.
Воскъ желтый очищенный, по 30 к. ф. Проволочныя маски
для пчеловодовъ, по 2 р. 50 к.
40. *Дуручи*, Садакъ Бобовичъ, Евпатор. 1-й г. купеч. сынъ.
Табачныя фабрики находятся въ гор. Полтавѣ и Кременчугѣ.
Табакъ курит. разныхъ сортовъ, отъ 2 р. до 72 к. ф.
41. *Бабанинъ*, Георгій Степановичъ, помѣщикъ.
Уѣздовъ: Полтавскаго и Константиноградскаго, въ с. Черня-
ковкѣ и Зеньковкѣ.

Листовой табакъ американскій и турецкій по 15, 12 и 10 руб. пудъ.

Екатеринославской губернии (3).

42. *Джигитъ*, Пля, 3-г. купецъ. Въ г. Екатеринославѣ.
Табакъ курительный.
43. *Асмоловъ*, Вас. Пв. Ростовскій 3-й. г. купецъ.
Въ г. Ростовѣ на Дону.
Въ 1860 г. выдѣлано табаку 592 п. на 13 т. руб.
Табакъ разныхъ сортовъ, отъ 1 р. 80 к. до 36 к. ф.
44. *Буршинъ*, Ростовскій 3-й г. купецъ.
Въ Ростовѣ на Дону, заводъ сущест. съ 1829 г.; рабочихъ 40 чел.; ежегодно выдѣлывается до 10 т. кожъ.
Кожн бѣлыя, по 4 р. шт.

Воронежской губернии (1).

45. *Кушелевъ-Безбородко*, графъ Николай Александровичъ.
Заводъ находится Бобровскаго у. въ с. Пизовой Чиглѣ; устроенъ въ 1836 г.; паровое выпариваніе примѣнено въ 1858 году; высокаго давленія паровиковъ 5—всего 200 силъ; машинъ высокаго давленія 3—44 силы. Ежегодно выдѣлывается отъ 15 — 25 т. пудъ песку.
Свеклосахарный песокъ крупнаго, средняго и мелкаго кристалла, ц. 7 р. пудъ.

Таврической губернии (1).

46. *Фундуклей*, Пв. Пв. сенаторъ.
Вино восьми сортовъ изъ имѣнія его Гурзуфъ, на южномъ берегу Крыма. Въ имѣніи этомъ разведено болѣе 150 т. кустовъ виноградныхъ лозъ; вино продается на мѣстѣ отъ 4 до 5 р. за ведро.

МЕХАНИЧЕСКІЯ ЗАВЕДЕНІЯ И СКЛАДЫ МАШИИЪ И ОРУДІИ ВЪ ЮЖНО-РУССКОМЪ КРАѢ.

При настоящемъ измѣненіи въ способахъ и порядкѣ сельскаго хозяйства, считаемъ весьма полезнымъ сообщить нашимъ южнымъ читателямъ о томъ, въ какія мѣста можно обращаться за разнаго рода машинами и орудіями, облегчающими трудъ и ускоряющими работу. Г. профессоръ Ершовъ, въ статьѣ: «О машиностроительныхъ заведеніяхъ въ Россіи» (*Соврем. Лѣтопись Р. Вѣстника*, № 14), представилъ списокъ механическихъ заведеній за 1859 годъ. Изъ *семидесяти семи*, нечисленныхъ имъ, заведеній, 34 приходится на обѣ столицы (19 въ Москвѣ и 15 въ Петербургѣ), — а 16 принадлежатъ южно — русскому краю. Кромѣ этихъ шестнадцати заведеній, мы упомянемъ здѣсь еще о *пятнадцати* другихъ.

Изъ *тридцати четырехъ*, извѣстныхъ намъ, механическихъ заведеній, дѣйствующихъ нынѣ на югѣ, *пятнадцать* занимаются исключительно, или отчасти, приготовленіемъ земледѣльческихъ орудій. Наибольшее число механическихъ заведеній находится: въ Одессѣ и въ Кіевской губерніи — по *семи* и въ Черниговской — *пять*.

Самое обширное механическое заведеніе принадлежитъ г.г. *Яхненку* и *Симиренку* въ Черкасскомъ уѣздѣ Кіевской губ.; оно производитъ въ годъ разныхъ машинъ и орудій на сумму около *400 тысячъ рублей* и уступаетъ, въ Россіи, по величинѣ своего производства, только двумъ, самымъ большимъ, механическимъ заводамъ: г. Огарева — въ Петербургѣ, и г. Шипова — въ Костромѣ.

Въ Одессѣ и Херсонской губерніи.

1. *Механическое заведеніе Русскаго Общества Пароходства и Торговли*, въ Одессѣ, приготовляетъ части паровыхъ машинъ и судовыя принадлежности, и части земледѣльческихъ машинъ на 100 тысячъ руб.

2. *Фалькъ*, въ Одессѣ: молотильныя машины, вѣялки ручныя и конныя, плуги, рала, соломорѣзки ручныя и конныя; желѣзныя пздѣлія: паровики и котлы, валы, оси и другія; физическіе, математическіе и химическіе инструменты; отливка изъ чугуна и мѣди, всего на 56,639 р.

3. *Ковалевскій*, въ Одессѣ: отливка пзъ чугуна и мѣди, водопроводныя трубы, на 23, 700 р.

4. *Людвигъ Тальяферъ* и К^о въ Одессѣ: пздѣля для паровыхъ мельницъ, на 1,250 р.

5. Слесарный мастеръ *Юсифъ Лакановичъ*, въ Одессѣ, изготовляетъ гогенгеймскіе плуги.

6. Слесарный мастеръ *Ив. Баташевъ*, въ Одессѣ: изготовляетъ Гогенгеймскіе плуги по 25 р.

7. *Робертъ Шнейдеръ и Вилліамъ Тетъ*, въ Одессѣ: большія кузнечныя работы для пароходовъ и парусныхъ судовъ. Доставка машинъ, мельницъ, котловъ и машинныхъ частей.

8. *Хорватъ*, въ Елисаветградѣ: паровыя машины. Заводъ существуетъ съ 1860 года.

9. *Лутковскій*, въ Елисаветградѣ: разныя машины.

При заводѣ предполагено устроить складъ бельгійскихъ машинъ и земледѣльческихъ орудій Брѣльса.

10. *Петръ Ив. Бредихинъ*, Херсонскаго уѣзда, въ с. Вавиловѣ: разное лѣтье.

11. Колонистъ *Лепъ*, Херсонскаго уѣзда, въ с. Старая Хортица: лѣтье мѣдное и чугунное.

Въ Кіевской губерніи.

12. *Яхненко и Симиренко*, въ Черкасскомъ уѣздѣ: паровыя машины разнаго устройства, аппараты для сахарныхъ саводовъ, котлы, пароходы, лѣсопилин, мельницы, на 389,835 р.

13. *Дехтеревъ*, въ Кіевѣ: разныя чугуныя, мѣдныя и желѣзныя пздѣля и паровыя машины, на 98,808 р.

14. *Графъ Браницкій*: молотильныя машины; вѣялки, сѣялки, плуги, бороны, экторпаторы, насосы, мельницы для муки и солода, соломорѣзки и сортировки, на 62,530 р.

15. *Дзедзеловскій*: паровыя котлы разнаго устройства и другія пздѣля, на 7,440 р.

16. *Мордасевичъ*: разныя чугуныя трубы и колеса, молотильныя приборы и полныя машины, мѣльные краны пдр., на 11,776 р.

17. *Ментцель*, въ м. Бѣлой Церкви: земледѣльческія орудія.

18. *Графъ Бобринскій*, въ Смлѣ, Черкаскаго уѣзда: зем-

ледѣльческія машины; приготавлиются въ большомъ количествѣ, но преимущественно для собственной надобности.

Въ Подольской губерніи.

19. *Ломейеръ и Герхнеръ*: машины необходимыя для сахарныхъ заводовъ (1858) на 35 т. р.

20. Фабрика земледѣльческихъ орудій, Ямпольскаго уѣзда *въ с. Боровкѣ*.

Въ Черниговской губерніи.

21. *Князь Долорукій*, Кролевецкаго уѣзда: центробѣжныя машины для пробѣлки сахарнаго песку, газовыя комплектныя аппараты, паровыя машины разныхъ силъ, насосы, газовыя печи съ чугунными трубами, гидравлическія прессы, паровыя котлы, терки, костоломки и разныя подѣлки, на 30 т. руб.

Съ прошедшаго года при заводѣ приготавлиются земледѣльческія орудія.

22. *Малковъ*, Суражскаго уѣзда, въ посадѣ *Кмитцахъ*: паровыя машины, разные приборы для машинъ и разная отливка изъ чугуна и мѣди, на 5,596 р.

23. *Гаммеръ, Дюрэ и К^о* въ Глуховѣ: машины и аппараты для заводовъ: свеклосахарныхъ, винокуренныхъ, пивоваренныхъ и селитряныхъ, а также и лѣтѣ.

24. *Венедиктъ Антоновичъ Тарусьвичъ*, въ Козельцѣ (переведенъ изъ Лубенъ въ этомъ году): вѣялки и молотильныя машины.

25. *Черновъ*, въ Нѣжинѣ: чугунное и мѣдное лѣтѣ.

Въ Полтавской губерніи.

26. *Рихтеръ*, въ Ромнахъ: земледѣльческія орудія, молотильныя машины, конные приводы и аппараты для свеклосахарныхъ заводовъ.

27. *П. А. Потемкинъ*, въ Кременчугѣ (съ 1839 г.): паровыя машины, мельницы, молотильныя машины, вѣялки, соломорѣзки, земледѣльческія орудія, пожарныя инструменты, прессы, терки; чугунное и мѣдное лѣтѣ.

Въ Екатеринославской губерніи.

28. *Шмидтъ*: молотильныя машины съ цилиндрами, 2-хъ, 3-хъ и 4-хъ конныя, ручныя вѣялки и конныя съ приводомъ, соломорѣзки, плуги воловые, конныя грабли, разныя машинныя части и другія принадлежности, на 33,717 р.

29. *П. О. Шуманъ*, Славяносербскаго уѣзда, близъ Луганскаго литейнаго завода, въ Штейндорфѣ: молотильныя машины, части машинныя и плуги.

Въ два послѣдніе года однихъ плуговъ Шумана продано болѣе чѣмъ на 30 т. руб.

Въ Харьковѣ.

30. *Сркыниикъ*: мастерская машинъ.

31. Фабрика земледѣльческихъ орудій при *харьковской земледѣльской фермѣ*.

Склады земледѣльческихъ машинъ и орудій и конторы механическихъ заведеній на югѣ:

Въ Киевѣ:

1. Депо земледѣльческихъ орудій и машинъ Симонса и Гальске. Складъ орудій и машинъ Эккерта изъ Берлина, отличающихся своею дешевизной и прочностью.

2. Тамъ же: Коммисіонерство г. Тарусъвича изъ Козельца: на Подолѣ, по Александровской улицѣ, въ домѣ Черныша, подъ личнымъ управленіемъ Христіана Ив. Брана. Г. Тарусъвичъ намѣренъ современемъ открыть въ разныхъ мѣстахъ смежныхъ губерній агентства для заказовъ и продажи своихъ машинъ.

Въ Одессѣ:

3. Складъ земледѣльческихъ орудій и машинъ коммисіонера Императорскаго Общества Сельскаго Хозяйства южной Россіи братьевъ Стифель.

4. Депо земледѣльческихъ орудій Фендериха и К^о.

5. Депо машинъ и земледѣльческихъ орудій Самюэльсона изъ Англіи при которѣ Тапонье.

Въ Харьковѣ:

6. Депо земледѣльческихъ машинъ при магазинѣ Садѣ и Маттѣ.

7. Коммисіонеръ г. Шумана, Карлъ Карл. Шпоредеръ, на Московской улицѣ, въ домѣ Витковского.

8. Вестбергъ: продажа молотилокъ.

9. Депо земледѣльческихъ орудій и машинъ братьевъ Бутеновъ. Продано въ прошломъ году на 56,477 руб.

Изъ Московскаго депо братьями Бутеновъ продано въ южнорусскія губерніи всего 38 машинъ, изъ 213 штукъ, купленныхъ въ цѣлой Россіи.

Въ Таганрогѣ:

Коммисіонеръ г. Шумана, баронъ Федоръ Карловичъ Ренне, на Большой улицѣ, домъ Шортонга.

Сергій Иван. Мальцовъ, приготовляющій на своемъ Людиновскомъ заводѣ (Калужской губер. Жиздринскаго уѣзда) разныя машины и земледѣльскія орудія, имѣетъ конторы для принятія заказовъ въ слѣдующихъ мѣстахъ: *Въ Кіевѣ*, на Подолѣ, въ собственномъ домѣ. *Въ Харьковѣ*, на Николаевской улицѣ, въ собственномъ домѣ. *Въ Одессѣ*, при заводскихъ складахъ въ домѣ Овчинникова, у коммисіонера г. Мальцова. *Въ Каховкѣ*, Таврической губерніи, а оттуда въ селеніе г. Мальцова, Софиевку—Пассаускую. *Въ Екатеринославль*, близъ Днѣпра, въ собственномъ домѣ, бывшемъ Гусева. *На южномъ берегу Крыма*, близъ Ялты, въ селеніе Симензъ, г. Мальцова. *На рѣкѣ Деснѣ*, Черниговской губерніи, при селеніи Кладьковѣ, на пристани г. Мальцова. *Тоже на рѣкѣ Деснѣ*, близъ Коропова, на пристани г. Мальцова. *Въ Черкасахъ*, близъ лѣсопильной г. Котлярова, на пристани г. Мальцова. *Въ Кременчугѣ*, въ городскихъ магазинахъ на берегу Днѣпра, къ коммисіонеру г. Мальцова. *Въ Ростовѣ на Дону*, къ коммисіонеру. *Въ Полтавѣ* (во время Пльицкой ярмарки) въ магазинѣ г. Мальцова.

«ЯСНАЯ-ПОЛЯНА.»

ДВА СЛОВА

О ПОВОМЪ ЯВЛЕНІИ ВЪ ДѢЛѢ НАРОДНАГО ВОСПИТАВІЯ.

Съ годъ тому назадъ стало извѣстно, что извѣстный повѣстеписатель, графъ *А. Толстой*, завелъ у себя въ имѣніи (Ясной-Поляны) народную школу, самъ ею завѣдуетъ и даже почти исключительно одинъ обучаетъ бывшихъ своихъ крестьянъ. Каждый, кому дорого благо и просвѣщеніе народа, возможное только тогда, когда сознаніе общей пользы и взаимныхъ обязательствъ другъ къ другу соединить всѣ сословія въ одно общество, когда именемъ *народа* перестанутъ называть одни *простой* народъ, — каждый, кто признавалъ справедливымъ, чтобы первый шагъ къ взаимному сближенію раздѣльныхъ сословіи сдѣланъ былъ образованными землевладѣльцами, — съ особенною радостью повторялъ вѣсть о благородномъ дѣлѣ графа Толстого. Но одного этого извѣстія было недостаточно: хотѣлось еще знать, какіе плоды принесло преподаваніе писателя-помощника, въ чемъ оно состояло и не имѣло ли какихъ-либо поучительныхъ особенностей.

Вскорѣ будетъ удовлетворено и это желаніе. «Какъ отголосокъ школы» гр. Толстого, съ 1-го октября 1861 года, въ сельцѣ Ясной-Поляны, Тульской губерніи Крапивненскаго уѣзда, будетъ издаваться ежемѣсячный журналъ, подъ названіемъ *Ясная-Поляна*.

Это изданіе будетъ состоять изъ двухъ отдѣльныхъ выпусковъ: *Школа Ясной-Поляны* и *Книжки Ясной-Поляны*. Школа будетъ заключать въ себѣ статьи педагогическія, Книжка будетъ содержать статьи народныя, то-есть удобопонятныя и занимательныя для народа. «Вотъ вся наша программа,» говоритъ издатель и редакторъ, графъ *А. Толстой*, — «съ тою лишь особенностью, что, по нашему убѣжденію, педагогика есть наука опытная, а не отвлеченная, и что *для народа*, по выраженію Песталотци, *самое лучшее только какъ-разъ въ пору.*»

Сдѣлаемъ еще нѣсколько выписокъ изъ программы графа Толстого.

«Мы убѣдились, что успѣхъ ученія основанъ не на руководствахъ, а на духѣ, организаціи школы, на томъ неуволнимомъ вліяніи учителя, на тѣхъ отступленіяхъ отъ руководства, на тѣхъ ежеминутно-измѣня-

емыхъ въ классѣ приемахъ, которые исчезаютъ безъ слѣда, но которые и составляютъ сущность успѣшнаго ученія. Уловить эти приемы, и найти въ нихъ законы, составить задачу нашей школы и ея отголоска—отдѣла нашего журнала, называемаго *Школой Ясной-Поляны*.

«Не философскимъ откровеніями въ наше время можетъ подвигнуться наука педагогики, но терпѣливыми и упорными повсемѣстными опытами. Не философъ—воспитателемъ и открывателемъ новой педагогической теоріи долженъ быть каждый преподаватель, но добросовѣстнымъ и трудолюбивымъ наблюдателемъ, въ извѣстной степени умѣющимъ сообщать свои наблюденія.

«Для того чтобъ писать книги для народа, нужно болѣе чѣмъ необыкновенный талантъ и кабинетное изученіе народа,—*нужно живое сужденіе самого народа, нужно, чтобы назначаемыя для него книги были имъ—самимъ одобряемы*. Съ этою цѣлію мы намѣрены представлять на судъ народа, собирающагося въ нашей школѣ, всѣ тѣ книги, которыя, по нашему крайнему разумѣнію, ближе подходятъ къ нему, и не стѣсняясь ничѣмъ, печатать въ отдѣлѣ *книжекъ Ясной-Поляны* только тѣ статьи и книги, которыя будутъ одобрены народомъ.

«Сверхъ-того, находясь въ постоянно-близкихъ отношеніяхъ къ народу, имѣя постоянно возможность повѣрять наши мнѣнія на практикѣ, мы намѣрены, въ отдѣлѣ *Школы*, отдавать отчетъ, какъ о всѣхъ народно-педагогическихъ статьяхъ, такъ и о книгахъ, назначаемыхъ для народа. Въ сужденіяхъ этихъ мы будемъ основываться только на опытѣ.»

Судя по этой программѣ, нельзя не признать за «Ясной-Поляной» весьма важнаго значенія. Никто глубже и яснѣе гр. Толстого не взглянулъ на вопросъ о требованіяхъ и способахъ, обусловливающихъ народное обученіе, никто такъ просто и прямо не подошелъ къ народу. Если исполненіе будетъ соответствовать задачѣ, то, безъ сомнѣнія, это почтенное дѣло русскаго писателя поставитъ его выше всѣхъ его сочиненій, какъ они ни прекрасны,—поставитъ его выше на-столько, на сколько *дѣло* выше самого—краспорѣчиваго *слова*.

Мы думаемъ,—всѣ русскіе таланты *обязаны* содѣйствовать гр. Толстому; онъ чуть ли не первый—въ Россіи попалъ на настоящую дорогу, опредѣлительно высказавъ ту вѣрную мысль, что въ дѣлѣ народнаго воспитанія необходимы, кромѣ необыкновеннаго таланта и призванія, еще непосредственная помощь и указанія *самого народа*. Кто сближался съ народомъ, кто вглядывался, съ любовью и уваженіемъ,

въ его жизнь, кто прислушивался къ его мифіямъ, однимъ словомъ—кто уразумѣвалъ его духъ,—тотъ только способенъ оцѣнить всю правду этой мысли. Она одушевляла пѣсни и думы нашего *Кобзаря* и все лучшее въ украинской литературѣ, которая тѣмъ-то такъ и дорога, и незамѣнима, что она вполне народна, что она выросла непосредственно изъ народного духа и жизни, и, слѣдовательно, всегда будетъ заключать въ себѣ воспитательныя стихи для всего народа.

Украинскіе писатели и народолюбцы всѣмъ сердцемъ привѣтствуютъ гр. Толстого. То, что говоритъ онъ въ своей программѣ, не разъ повторялъ нашъ Шевченко, который съ особеннымъ сочувствіемъ принялъ первую вѣсть о народной школѣ въ «Ясной-Полянѣ».

ОБЪ ИЗДАНИИ ГАЗЕТЫ «РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ»

ПОДЪ НОВОЙ РЕДАКЦІЕЙ.

Съ 1-го января 1862 года, «*Русскій Инвалидъ*» будетъ издаваться на коммерческомъ правѣ новою редакціею, которая вступила въ завѣдываніе газетою въ половинѣ августа настоящаго года. Она поставляетъ себѣ задачею слѣдить за всѣми явленіями современной намъ жизни, какъ въ средѣ правительственной и общественной, такъ и въ средѣ наукъ и искусствъ, и намѣрена придать газетѣ по возможности реальное направленіе, во всѣхъ отношеніяхъ. «*Русскій Инвалидъ*» только въ—отношеніи военныхъ статей своихъ составляетъ официальный органъ Военнаго Министерства; во всемъ же остальномъ редакция будетъ дѣйствовать независимо и самостоятельно, согласно современнымъ требованіямъ и собственнымъ убѣжденіямъ.

Программа *Р. Инвалида* также измѣнится и расширится. Кроме обычныхъ другимъ газетамъ рубрикъ, въ ней находятся еще слѣдующія: разсмотрѣніе важнѣйшихъ политическихъ вопросовъ, преимущественно съ исторической стороны; вопросы, относящіеся къ Славянскимъ Землямъ; техника; сельское хозяйство; юридическая хроника; объявленія казенныя и частныя, (дозволенныя однимъ привилегированнымъ газетамъ).

Въ «Русскій Шивалидъ» войдетъ, въ видѣ прибавленій, отдѣлъ «отвѣтовъ и возраженій,» гдѣ будутъ помѣщаться, по желанію авторовъ, различнаго рода статьи, отвѣтственность за которыя редакция не принимаетъ на себя.

Цѣна газеты, въ этомъ году, остается та же: *на помоду*: въ Петербургѣ—6 руб.; съ пересылкою въ города—8 руб.; за доставку на домъ въ Петербургѣ—1 р. 50 коп.

Подписка принимается: для жителей С.-Петербурга—въ редакціи (на Невскомъ проспектѣ въ домѣ Гэмбса, подлѣ Главнаго Штаба); въ конторѣ при магазинѣ Генеральнаго Штаба (на углу Невскаго и Адмиралтейской площади); въ книжномъ магазинѣ Юнгмейстера (на Невскомъ проспектѣ у Полицейскаго моста въ домѣ Котомина), а равно и у другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ обѣихъ столицъ; для иногородныхъ—въ Газетной Экспедиціи С.-Петербургскаго и Московскаго Почтамтовъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ КНИГЪ И ЖУРНАЛЬНЫХЪ СТАТЕЙ, относящихся до ЮЖНО-РУССКАГО КРАЯ.

Съ 1858 — 1860 и.

1) Исторія, археологія и біографія.

1. Поездка на пещища Запорожскихъ Сѣчей (изъ путево. записокъ о Крымѣ и его окрестностяхъ) *Г. П. Спасскаго. Отечество. Записки* 1858; 3, стр. 36 — 43.

Авторъ разсказываетъ о 2-хъ осмотровыхъ имъ пещищахъ по Днѣпру; одно изъ нихъ находится въ 15 верстахъ отъ Никополя, другое въ 8 верстахъ отъ перваго.

2. О важности археологическихъ изслѣдованій на Дону. *Ю. Донскія войсковыя вѣд.* 1860; 2, 2 стр.
3. Кіевскія мозаики. *Кіевскій Телеграфъ.* 1860; 80, 84, 86, 87, 88 и 90.

4. Древности открытыя въ Кіевѣ въ 1858 г. *Журналъ Общеполезныхъ Свѣдѣній*. 1858; 2.
5. Ключъ къ изъясненію нѣкоторыхъ древностей Ольвіи и Херсониса Таврическаго. Соч. П. Беккера. Одесса. Въ город. тип. 1858; въ 4-ю д. л. 26 стр.
6. Городокъ Бѣлозерскъ. Н. Вертильякъ. *Записки Одесскаго Общества Исторіи*. 1858; 1.
7. Старый Крымъ, пзъ путевыхъ замѣтокъ о Крымѣ. Гр. Спаскаго. *Записки Одесскаго Общества Исторіи*. 1858; 1.
8. О найденныхъ въ Новыхъ Млинахъ, Черниговской губерніи, старыхъ пятакахъ. К. Попенченка. *Черниг. губ. вѣд.* 1859; 36, 1 стр.
9. Полтавскіе памятники. Гр. Дамилевскаго. *Иллюстрація*. 1859; 60, 2 стр., съ 6-ю рисунками.
Эти памятники суть: 1) Церковь Спаса, 2) домикъ Котляревскаго, 3) Красный куть, 4) Крестовоздвиженскій монастырь, 5) Шведская могила и 6) бронзовый памятникъ на мѣстѣ, гдѣ отдыхалъ Петръ I.
10. Курганы Таманскаго полуострова. Я. М. Лазаревскій. *Извѣстія И. Археолог. Общ.* Т. II выш. 1 стр. 28—32.
11. Керчь и Таманскій полуостровъ. Ф. Жиль. С. Петербургскія Вѣдом. 1859; 3— $\frac{1}{2}$ ст. и *Извѣстія И. Археол. Общ.*
12. Маркевичевскій архивъ. *Современникъ* 1859; 4, стр. 352 — 356.
Архивъ этотъ находится въ Полтавской губерніи, Прилуцкаго уѣзда въ селѣ Туровкѣ; состоитъ, во 1-хъ, изъ 6,550 дѣлъ, относящихся къ исторіи Южной Россіи, Польши, Крыма, Молдовалахіи и русскаго войска, къ исторіи раскольниковъ, слободъ въ Черниговской губерніи, къ исторіи духовенства и монастырей, во 2-хъ изъ записокъ г. Маркевича, альбома его и 5,000 писемъ къ нему.
13. Грамота Петра В., пожалованная Стародубскому полковнику М. А. Миклашевскому на села и мельницы. *Чернигов. губ. вѣд.* 1860; 25, 3 стр.
14. Универсалъ Гетмана Скоропадскаго Ѳ. Микревскому, 1710 г. Универсалъ еіо же папѣ Алексѣевой, 1711. *Черниг. губ. вѣд.* 1860; 23 и 24.

15. УНИВЕРСАЛЪ ГЕТМАНА Мазепы женѣ М. Миклашевскаго Стародубскаго полковника, 1706 г. *Черниговск. губ. вѣд.* 1860; 22.
16. УКАЗЪ ГЕТМАНА Іоанна Скоропадскаго о починкѣ г. Кіева и крѣпосныхъ валовъ, пожаромъ разрушенныхъ, и о томъ, чтобы посламы, отправляемымъ въ Цареградъ, были выдаваемы поводы безъ замедленія. *Сообщ. Ст. Д. Носѣ. Черниг. губ. вѣд.* 1860; 34, 2 стр. Указъ отъ 1719 р.
17. СТАРИННЫЕ АКТЫ. *Черниг. губ. вѣд.* 1860; 13, 18, 21, 6 стр.
Эти акты суть: 1) Экстрактъ жалованной грамоты Великаго Государя Алексея Михайловича городу Гадячу, 2) грамота жалованная Миргородскому полковнику Гр. Гладкому отъ царя Феодора Алексѣевича, 3) рейментарскій приказъ писаря генеральнаго С. Савича. 1722; 4) универсалъ гетмана Скоропадскаго 1721.
18. СТАРИННЫЕ АКТЫ, касающіеся Малороссіи. *М. Миклашевскій и Ст. Носѣ. Черниг. губ. вѣд.* 1860; 35, 2 стр.
19. ДНЕВНЫЯ ЗАПИСКИ малоросс. Подскарбія генеральнаго, *Якова Марковича*. Изд. А. Марковича. Съ портретомъ автора и гетманши Скоропадской. Москва. Въ типографіи В. Готье. 1859. Въ 8-ю д. л. 2 ч. 535 и 414 стр.
Драгоценная книга, для всякаго, желающаго познакомиться съ бытомъ Малороссіи въ XVIII вѣкѣ, заключающая: а) краткую хронологическую записку о нѣкоторыхъ главныхъ историч. событіяхъ въ 1452 — 1716 г., составлен. славнымъ Полуботкомъ, и б) ежедневный журналъ Марковича, зятя Полуботкова, съ 1723—1737.
20. МАЛОРОССІЙСКОЕ КОЗАЧЕСТВО до Хмельницкаго. *С. Соловьевъ Рус. Вѣстникъ.* 1859; 18, стр. 177—196.
Встрѣчающіяся въ этой статьѣ подробности взяты изъ дѣлъ малороссійскихъ, польскихъ и греческихъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ; изъ Бѣлорусской лѣтописи Синодальной Библіотеки, № 790; изъ польской рукописи Н. Публ. Библіотеки № 94.
21. ЗАМѢЧАНІЕ на ст. г. Соловьева. *Н. Костомаровъ. Современникъ.* 1859; 41, стр. 51—57.
22. ЗАМѢТКА о казацкихъ гетманахъ (письмо къ С. М. Соловьеву).

- М. Максимовичъ. Русскій Вѣстникъ. 1859; 22, стр. 163 — 166.*
23. Вопросъ о козачествѣ. *II. Сокальскій. Одесскій Вѣстникъ. 144; 12— $\frac{1}{2}$ ст.*
Разбирая статью г. Соловьева, г. Сокальскій говоритъ, что г. Соловьевъ невѣрно опредѣлилъ значеніе Козачества и поставилъ его не на своемъ мѣстѣ въ общемъ ряду историческихъ явленій.
24. Споръ г. Костомарова съ Соловьевымъ объ Украинѣ. Ст. *Θ. Падальцы. Кіевскій Телеграфъ. 1860; 38, 39 и 40.*
Переводъ изъ Виленскаго Вѣстника.
25. О козачествѣ. Отвѣтъ «Виленскому Вѣстнику». *II. Костомаровъ. Современникъ. 7; стр. 75—92.*
26. Богданъ Хмельницкій. Соч. *II. Костомарова. Т 1-й и 2-й. Изд. 2-е, дополненное. Спб. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Въ типографіи Н. Глазунова и Комп. Въ 8-ю л. л. Въ 1-й ч. XXI и 459 стр., во 2-й ч. IX и 550 стр.*
Критич. статьи на это сочиненіе помѣщены: 1) въ «Русск. Словѣ». 1859 г. № 9, 44 стр. ст. *А. Зернина* и 2) въ «Современникѣ» того же года № 12, стр. 161 — 214, ст. *Грыцко.*
27. Письма о Богданѣ Хмельницкомъ къ М. П. Погодину. *М. Максимовичъ. Украинецъ. 1, стр. 149 — 174.*
28. Критическія замѣчанія и поправки относящ. къ сочиненію г. Костомарова: «Богданъ Хмельницкій». *М. Максимовичъ.*
29. Объясненіе. *II. Костомаровъ. Спб. Вѣд. 1859; 122, 5— $\frac{1}{2}$ ст.*
30. Въ отвѣтъ на объясненіе г. Костомарова. *М. Максимовичъ, и отвѣтъ г. Максимовичу. II. Костомарова. Спб. Вѣд. 1860; 8, 6— $\frac{1}{2}$ ст.*
31. О приѣздѣ Богдана Хмельницкаго въ Кіевъ изъ Замостья (5-е письмо *М. Максимовича* къ М. П. Погодину). *Рус. Бесѣда. 1859; 6, стр. 93—100.*
Замѣчанія на книгу Н. И. Костомарова «Богданъ Хмельницкій».
32. Очеркъ исторіи козачества на югѣ Россіи. *Я. Прокофьевъ. Одесскій. Вѣстникъ. 1860; 6 п 7, 24— $\frac{1}{2}$ ст.*

33. О КАЗАКАХЪ. Соч. П. Маркевича. Москва. Въ университет. тип. 1859. Въ 8-ю д. л. 42 стр. (Отд. отт. изъ 4-й кн. «Чтеній въ П. Моск. Общ. Ист. и Древн. Рос.»)
34. ГЕТМАНЪ Иванъ Выговскій. С. Соловьевъ. Отеч. Записки. 1859, 11; стр. 43—64.
35. ПОВѢСТЬ о Южной Русн. П. Кулшнъ. Народное Чтеніе. 1859, 3 п 6; стр. 83—120, 32—39 п 1860; стр. 1—38.
36. ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ дѣятельности графа Румянцева—Задунайскаго и его сотрудниковъ: Кн. Прозоровскаго, Суворова и Бригга, съ 1773—1780. П. М. Сиковича. Русская Бельда. 1858; 2, 3, 4; стр. 1—86, 62—154 п 138—258.
37. Адамъ Кисель, Кіевскій воевода. (Отрывокъ изъ біографіи). Ю. Бартошевичъ. Литературное прибавленіе къ 99-му № Кіевск. Телеграфа 1860 г. стр. 95—104.
38. ПѢСКОЛЪКО СЛОВЪ о югозападной Русн по поводу писемъ изъ Польши. Кіевъ, 1860. Ц. 15 к.
39. Уніа, козачество, расколъ. С. Соловьевъ. Атеней. 1859, 8; стр. 393—420.
Разборъ 3-хъ соч.: 1) Литовская церковная уніа, послѣдованіе М. Коляовича. 2) Богданъ Хмельницкій, соч. П. Костомарова, и 3) Русскій расколъ старообрядства, соч. А. Щанова.
40. Выпись изъ градскихъ книгъ Витебскаго воеводства: протестація уніатскаго митрополита, Полоцкаго архіепископа Ант. Селлявы, на полоцкій магистратъ и мѣщанъ, что они почти всѣ отпали отъ уніи въ православіе. 1646 г. марта 21. Витебск. губ. вѣд. 1859.
41. Выпись изъ земскихъ книгъ Полоцкаго воеводства. Жалобы полоцкаго уніатскаго архіепископа А. Селлявы на православнаго епископа Сильвестра Коссова о вѣздѣ его въ Полоцкъ, совершеніи имъ здѣсь богослуженія и возвращеніи многихъ жителей изъ уніи въ православіе. 1636 г. мая 23. Витебск. губ. вѣд. 1859, 1.
Списано съ подлинной выписки, хранящейся въ архивѣ полоцкой духовной консисторіи.
42. ПЕРЕПИСКА между греко-уніатскимъ митрополитомъ Аванасіемъ Шептицкимъ и римско-католическимъ архіепископомъ Львовскимъ Вячесл. Іерон. Сѣраковскимъ. Чтенія въ Об-

ществъ Исторіи и Древн. Россійск. 1859; 3, стр. 45—58.

На польскомъ и латинскомъ языкахъ. Сообщ. Я. О. Головацкій.

43. Письмо литовскаго канцлера Льва Сапѣги къ униатскому митрополиту Юсифу Велямину Рутскому. *Можлев. губерн. вѣд.* 1859; 80, 2 стр.
44. Объ униі Венгерскихъ Русиновъ. *О. В. Русская Бесѣда.* 1859; 4, 50 стр.
45. Голосъ Уніата объ униі. *Воскресное Чтеніе.* 1859; 30, 6 стр.
46. Объ отношеніяхъ западно-русскихъ православныхъ къ литовско-польскимъ протестантамъ во время униі. *Христіанское Чтеніе.* 1860; 9, стр. 225—256.
47. Справа братства церковнаго Виленскаго передъ судомъ трибунальскимъ виленскимъ съ еродіакопомъ Антоніемъ Грековичемъ, передавшимся въ Унію и осужденнымъ на смерть 1603 г. Съ книгъ справъ судовъ головныхъ трибун., отправованныхъ у Вильни. *Чтенія въ Общество Ист. и Древн. Рос.* 1859; 3, стр. 17—28.
48. Свѣдѣнія о началѣ униі, извлеченныя изъ актовъ кievскаго центральнаго архива. *И. Пванишевъ.* Москва. Въ типографіи А. Семена. 1838. Въ 8-ю д. л. 61 стр. (Изъ *Рус. Бесѣды* № 3, 1838).
49. Письмо униатскаго митрополита Ясона Сморгжевскаго къ кн. Любомірскому и отвѣтъ князя Любомірскаго. *Труды Киев. Духовн. Академіи.* 1860; 1, стр. 243—254.
- Письма эти заимствованы изъ старинной копій, имѣющейся при дѣлахъ бывшей смѣлянскіи прототиціи, въ архивѣ звенигородскаго духовнаго правленія.
50. Литовская церковная униа. Изслѣдованія *М. Кояловича.* Т. I-й. Спб. Въ тип. П. Тихменева. 1859. Въ 8-ю д. л. I, V и 315 стр. Ц. 1 р. 50 к.
- Разборы этого сочиненія помѣщены: 1) въ Библиотекѣ для Чтенія 1859 г. № 9, и 2) въ журн. Страникъ 1860 г. № 2.
51. Извѣстія объ униі. *О. Контаровскій. Домашняя Бесѣда.* 1859; (14), 15, 16, 17, (18), 19 и 20.

52. *Голосъ изъ провинціи. П. Лебединцевъ. Домашняя Бесѣда.* 1859; 30, 2 стр.

Нѣкоторыя дополненія къ предыдущей статьѣ.

53. *Историческое свѣдѣніе Войска Донскаго о Верхней Курмоярской станицѣ, составленное изъ сказаній старожиловъ и собственныхъ примѣчаній Евл. Кательникова. 1818 г. дек. 31 дня. Донскія Войск. Вѣд.* 1860; 12, 13, 14, 15 и 18.

Содержаніе: I. Происхожденіе донскихъ козаковъ (пѣснѣя). II. Составленіе Верхне-Курмоярской станицы, построеніе церкви и переселки ея. III. Юрта. IV. Общезжитіе. V. Правленіе и судъ. VI. Религія. VII. Сосѣдніе непріатели. VIII. Царскіе слуги. IX. Одежда. X. Хлѣбонашество и пр. XI. Лѣса и луга. XII. Дикій скотъ и пр.

54. *Историческій очеркъ города Переяслава и образованіе уѣзда. П. Богдановъ. Полтав. губ. вѣд.* 1860; 49, 10 стр.

55. *Для исторіи Кирова. Сообщ. А. Лазаревскій. Чернигов. губ. вѣд.* 1860; 49, 2 стр.

Списано съ современной копіи 1669 г.

56. *Низовые и верховые Донскіе казаки. Донскія войск. вѣд.* 1860, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23 и 23.

57. *Военныя дѣйствія Донцовъ противъ Нагайскихъ Татаръ въ 1777—1783 гг. М. Сепюткинъ. Военный Сборникъ.* 1860; 8, стр. 343—390.

Содержаніе: I. Взглядъ на внутреннее состояніе Донцовъ и Нагайцевъ въ 1773—1781 гг. II. Нападенія Черкесъ и Нагайцевъ на донскіе посты въ 1777 и 1778 гг. III. Вторженіе Черкесъ въ нагайскія орды въ 1779 и 1780 гг. IV. Первое возмущеніе Нагайцевъ и мѣры правительства къ усмиренію ихъ въ 1781 г.

Главн. матеріалами для этой статьи служили оффци. акты войсковаго архива, Донскія войсковыя вѣдомости, за 1833—1838 г. и исторія Антвипа.

58. *Источники малороссійской исторіи, собранные Д. Н. Бантышевымъ-Каменскимъ, и изданные О. Бодянскимъ. Ч. I, II. 1649—1687, 1691—1722. Чтенія въ Общ. Исторіи и Древн. Рос.* 1858; 339 и 340 стр.

Источники эти касаются Мазепы, Кочубея, Орлика, Скоропадскаго и др. Эта часть малороссійскихъ источни-

ковъ заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о козняхъ, ллцеѣрїи и самоуправствѣ Мазепы, о заблужденїяхъ, или, правильнѣе сказать, о неостижимомъ ослѣпленїи Петра Великаго, не смотря на многіе доносы и «пашквили» (въ стихахъ), явно обличавшіе гетмана еще за 17 лѣтъ до Полтавской битвы и т. д. (*Рус. Вѣстникъ*. 13. ст. *Н. Сушкова.*)

59. Бѣдствїя временъ. О бѣдствїяхъ постигшихъ Евреевъ въ 408 и 409 (1648 и 1649) годахъ, (въ Украинѣ, Подолїи, Литвѣ и Бѣлоруссїи) отъ соединенныхъ бунтовщиковъ, подъ начальствомъ Богдана Хмельницкаго. Составлено Егомїею, сыномъ Львовскаго раввина, праведника Давида. (Изъ Замостья). Напечатано въ Венеціи 416 (1636), по повелѣнїю комиссара Виццрампискаго (Peg G. Imberti). Перевед. *М. Берлиномъ. Чтенїя въ Общ. Ист. и Древн. Рос.* 1839; 1 и 13 стр.
60. Письмо самозванца Тимошки Акнидинова къ дворянину Василїю Уиковскому, прїѣхавшему въ Чигиринъ посломъ отъ царя къ гетману Богдану Хмельницкому въ 1630 году. Сообщ. *С. М. Соловьевыиъ. Лѣтописи Русской Литературы.* 1839; 2, 2 стр.
61. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ДОНСКОЙ ИСТОРІИ. *Донскїя войск. вѣд.* 1839; 30, 32, 37, 38, 40, 42, 43, 44, 46, 47 и 49; 25 стр.
- Эти матеріалы заимствуются изъ дѣлъ войсковаго архива, сохранившихся послѣ пожаровъ, бывшихъ въ Старочеркасскѣ въ 1744 г. и въ Новочеркасскѣ въ 1838 г.
62. РЕЕСТРЪ МОНАРШИХЪ ГРАМОТЬ И ГЕТМАНСКИХЪ УНИВЕРСАЛОВЪ, ДАННЫХЪ ТРОИЦКОМУ ИЛЬИНСКОМУ ЧЕРНИГОВСКОМУ МОНАСТЫРЮ НА ЖАЛОВАНЫЯ МАСТИСЕТИ, СОЧИН. 1763 г. *Черниговскїя губ. вѣд.* 1839, 49.
- Сообщ. А. Тищинскїи. 7 грамотъ и 10 универсаловъ.
63. СПИСОКЪ УГОДЬЯМЪ АРХІЕПИСКОПІИ ЧЕРНИГОВСКОЙ И ПОВГОРОДЪ-СЪВЕРСКОЙ, СОСТАВЛ. ПО ЦАРСКИМЪ ЖАЛОВ. ГРАМОТАМЪ. *П. Ефименко. Чернигов. губ. вѣд.* 1839; 34.
64. НАСТАВЛЕНІЕ ВЫБОРНОМУ ОТЪ МАЛОРОС. КОЛЛЕГІИ ВЪ КОМИССІЮ О СОЧИНЕНІИ ПРОЕКТА НОВАГО УЛОЖЕНІЯ, ДМ. ПАТАЛИНУ И ВОЗРАЖЕНІЯ ДЕПУТАТА Гр. ПОЛЕТКИ НА ОНОЕ НАСТАВЛЕНІЕ.

- Москва. Въ универс. типографіи. 1858. (Отд. оттискъ изъ 3-й кн. «Чтеній въ Императ. Моск. Общ. Исторіи и Древн. Рос.» Сообщ. *Гр. Милорадовичемъ*. Въ 8-ю д. л. 54 стр.)
65. Милость Божія, Украину отъ неудобъ—носимыхъ обидъ ляхскихъ, черезъ Б. З. Хмельницкаго, свободившая, репрезентованная въ школахъ кіевскихъ, 1728 лѣта. Москва. Въ 8-ю д. л. IV п 26 стр. (Отд. оттискъ изъ 1-й кн. «Чтенія въ Имп. Моск. Общ. Исторіи и Древн. Рос.» 1858 г.)
66. ДІАРИУШЪ или журналъ, т. е. повседневная записка, случающихся при дворѣ ясновельможнаго его милости пана Іоанна Скоропадскаго оказаній и церемоній... наченшійся 1722 г. и оконч. въ томъ же году *Н. Ханенкомъ*. Москва. Въ унив. тип. 1858. Въ 8-ю д. л. XXI п 74 стр. (Отд. оттискъ изъ 1-й кн. «Чтеній въ Общ. Исторіи и Древн. Рос.»)
67. О владѣніяхъ гетмана Мазепы и переходѣ ихъ въ родъ кн. Бяратинскихъ. *Памятная книжка Курской губ.* на 1860 годъ. Стр. 110—122.
- Эти владѣнія паходятся въ Курской губерніи.
68. ГРАМОТА ИМПЕРАТОРА ПЕТРА I-го къ Антонію, архіепископу Черниговскому. *Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос.* 1858; 3.
69. Письмо М. А. Кутузова къ М. А. Милорадовичу. *Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древностей Рос.* 1858; 2.
70. Хозяйство украинскаго пана XVII ст. *М. Лазаревскій. Черниговскія губ. вѣд.* 1860; 7.
- Здѣсь помѣщена опись недвижимаго имущества бунчуковаго товарища Забѣлы.
71. ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ. *Полтавскія губ. вѣд.* 1860; 8, 10, 9 стр.
- Подъ этимъ заглавіемъ помѣщено здѣсь нѣсколько современныхъ пзвѣстій, относящихся къ Полтавской битвѣ и грамота митрополита Варлаама Яспискаго, данная Густынскому монастырю. Два частные указа гетмановъ Мазепы и Скоропадскаго.
72. ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ. Дума о Мартынѣ Пушкарѣ. *Полтавс. губ. вѣд.* 1860; 13, 4 стр.
73. ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ. *Полтавскія губ. вѣд.* 1860; 14—15, 8 стр.

Думы, относящаяся ко времени битвы Полтавской: 1) Семень Палій, 2) Полтавская битва, 3) Мазена, 4) Смерть Мазепы.

74. ПОСВЯЩЕНІЕ Капеланскихъ церквей Польск. королемъ Станиславомъ Августомъ Понятовскимъ въ 1788 г. *П. Л.—въ. Киевскія губ. вѣд.* 1859; 14, 3 стр.

Извлечено изъ дневника, веденнаго во время пребыванія короля въ Капелъ — Польскимъ историкомъ, латинскимъ епископомъ Нарушевичемъ.

75. УКАЗАТЕЛЬ источниковъ для изученія Малороссійскаго края. Вып. 1-й *А. М. Лазаревскій.* Спб. 1858. Въ 8-ю д. л. 121 стр. Ц. 60 к.

76. ДОПОЛНЕНІЕ къ 1-му вып. «Указателя источниковъ для изученія Малороссійскаго края». *А. Лазаревскаго. П. Ефименко. Черниговскія губ. вѣд.* 1860; 9 и 20, 4 стр.

77. МАТЕРІАЛЫ для исторіи Южной Русіи, издашыя *Гри. Милорадовичемъ* (Отд. оттиски изъ №№ 10 — 12 и 14 — 24. *Черниговск. губ. вѣд.*) Въ 12-ю д. л. 109 стр. Ц. 50 к.)

78. МОЛОЧНЫЯ ВОДЫ. *А. Р. Русскій Миръ.* 1860; 17, 12— $\frac{1}{2}$ ст.

Въ Бердянскомъ и Мелитопольскомъ уѣздахъ. Въ этой статьѣ разсказана исторія Менонитскихъ колоній въ Россіи.

79. Свѣдѣнія о дворянскихъ выборахъ въ Полтавской губ. съ открытія губерніи. *Полтавск. губ. вѣд.* 1859; 38.

80. ОТЧЕТЪ ОДЕССКАГО ОБЩЕСТВА Исторіи и Древностей, съ 14-го ноября 1855 по 14-е ноября 1857. Одесса. Въ городской тип. 1858. Въ 8-ю д. л. 21 стр.

81. ОТЧЕТЪ ОДЕССКАГО ОБЩЕСТВА Исторіи и Древностей, съ 14-го ноября 1858 по 4-е ноября 1859 г. Одесса. Въ город. тип. 1860. Въ 8-ю д. л. 16 стр.

82. ОТЧЕТЪ ОДЕССКАГО ОБЩЕСТВА Ист. и Древн. Рос. съ 14-го ноября 1857 по 14-е ноября 1858. Одесса. Въ городской тип. 1859. Въ 8-ю д. л. 16 стр.

83. УКАЗАНИЕ біографическихъ свѣдѣній о замѣчательныхъ людяхъ Малороссіи. *Гр. Милорадовичъ. Чернигов. губ. вѣд.* 1859; 20, 21, 6 стр.

84. О НѢКОТОРЫХЪ рукописныхъ и рѣдкихъ печатныхъ сочиненіяхъ.

ніяхъ, относящихся до Малороссіи. *С. Соловьевъ. Библиографическія Записки.* 1838; 9.

85. Памятня книжка Кіевскоі губерніи, составл. *И. Чернышевскій*, на 1838 г. Кіевъ. Въ губер. тип. Въ 8-ю д. л. II н. 379 стр., ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Дневникъ веденный въ 1787. А. Полетникоу, 2) Историческія свѣдѣнія о Десятинной церкви, 3) О древнихъ мѣстахъ и урочищахъ Кіевскихъ, 4) Кореунъ, 5) Братская Баргашовка, 6) Макаровъ м., Жлотовъ м., Карастышевъ м., Мошны с., Смилла м. Біографіи: 1) Сковорода, Гр. Сав., 2) Пшхокентій архіеп. Херсонскій, 3) Журавскій, и пр.

86. Записка генерала Неверовскаго о службѣ своей въ 1812 г. Читенія въ *Моск. Общ. Ист. Древ. Рос.* 1839; стр. 77—82.

Генераль Неверовскій род. въ селѣ Прохоровѣхъ, Золотоношскаго уѣзда Полтавскоі губ., въ 1771, умеръ 1813, въ Галле, отъ раны, полученной при взятіи Лейпцига. Записка сообщена *М. А. Максимовичемъ*.

87. Графы А. Г. и Г. А. Кушелевы-Безбородко. *Л. Мей. Лицей князя Безбородко.* 1839; стр. 47—63.

88. Князь А. А. и графъ П. А. Безбородко. *В. Толбинъ. Лицей князя Безбородко.* 1839; стр. 23—47.

89. Горкуша, украинскій разбойникъ. *И. Маркевичъ. Русское Слово.* 1839; 9, стр. 138—144.

Въ своемъ разсказѣ авторъ основывался на допросахъ и показаніяхъ самого Горкуши и его товарищей, на подлинныхъ документахъ съ автографами, печатами, даже съ фальшивыми паспортами, сохранившимися въ архивѣ автора. Разсказъ относится къ 1739—1780 г.

90. О полковникѣ корсунскомъ Андрѣи Кандыбѣ. *Черни. губ. вѣд.* 1839; 30, 3 стр.

Сообщилъ Ст. Носъ. А. Кандыба былъ первоначально сотникомъ въ Ковотоцѣ, потомъ канцеляристомъ Мазепинимъ. Кореунскимъ же полковникомъ назначенъ послѣ 1713 г. Въ настоящей статьѣ помѣщены: юридическій актъ 1703 и 2 пьсьма А. Кандыбы 1714 г.

91. Историческая записка о лицахъ, принадлежащихъ къ

фамиліи Носъ (18-го столѣтія). *Ст. Носъ. Черни. губ.*
вѣд. 1859; 37, 5 стр.

92. **Ж**изнеописание Іоасафа Горленка, епископа Бѣлоградскаго.
Памятная книжка Курской губ. на 1860-й г. стр. 98—
109.

І. Горленко родился, въ 1705 г., въ г. Прлукахъ.

(Продолженіе будетъ)

ОБЪЯСНЕНИЕ КЪ РИСУНКАМЪ «ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ.»

V.

Одна изъ характеристическихъ чертъ живописной Украины—Кіевскіе богомольцы. Они стекаются со всѣхъ кошцевъ Россіи на кіевскій *шляхъ* (столбовая дорога), по которому плетутся нескончаемыми партіями, съ палками въ рукѣ, увѣшанные цвѣтнымъ тряпьемъ, разными мѣшками и лукошками. На пути, все это разнородное общество и разнородный ихъ говоръ — соединяются въ одно цѣлое. Иногда богомалець, или богомолка, идутъ въ одиночку, иногда по-двое; иногда тянется партія въ 10, 15 человекъ. Съ весны до осени украинскіе шляхи наполнены этими странниками. Усталые, они останавливаются возлѣ какой-нибудь придорожной хаты или *шинка*, снимаютъ съ себя свою ношу, крестятся и ложатся отдыхать, каждый по-своему; кто засыпаетъ чуть-приткнувшись въ затишь, у-холодку (въ тѣни), положивъ мѣшокъ подъ голову, палку-спутницу около; иной задеретъ ноги на *призбу* (завалинку), чтобъ кровь отлипла отъ разгоряченной ступни, и въ такомъ положеніи, утомленные, нерѣдко спятъ — не просыпаются подъ жгучими лучами полдневнаго солнца. Я часто засматривался на эти живописныя группы. Рисунокъ—XI-й — представляетъ отдыхъ богомолковъ, и снятъ мною съ натуры въ Полтавской губерніи. Желаящіе ознакомиться ближе съ богомольцами—малороссіянами могутъ прочесть статью «Кіевскіе богомольцы» — П. А. Кулиша въ «Нарядномъ Читеніи», 1860 года.

Рисунокъ XII—*портретъ кобзаря Одрія Шута*. Я наградиворвалъ его съ рисунка П. А. Кулиша, сдѣланнаго имъ съ натуры въ 1845 году.

Я охотно буду помѣщать портреты всѣхъ нашихъ почтенныхъ кобзарей-бандуристовъ и прошу тѣхъ, у кого они есть, или кто можетъ имѣть подобные портреты, высылать ихъ мнѣ. Лица кобзарей—

бандуристовъ должно сохранять для потомства преимущественно предъ другими, въ благодарность за то, что они восприняли поэтическія думы и преданья народа съ такою любовью, сберегли и передали ихъ намъ съ такимъ художническимъ вниманіемъ къ каждому слову.

Адрій Шутъ, какъ личность, занимателенъ для каждого любителя народной поэзіи. Онъ принадлежитъ къ тѣмъ честнымъ бѣднякамъ, которые, несмотря на свою нищету и безграмотность, бодры духомъ, свѣжи чувствомъ и разумомъ, которые трудомъ заработанный грошъ тратятъ не на облегченіе вопіющей своей бѣдности, но отдаютъ его на обученіе грамотѣ кого-нибудь близкаго. Такъ благородно употребилъ свой заработокъ и этотъ нищій, такъ ясно созналъ этотъ безграмотный слѣпецъ необходимость просвѣщенія, и созналъ тогда еще, когда наши *высокоблагородные* и *ученые господа* печатно спорили о пользѣ грамоты, когда и семейныя кружки и гостинныя сходки откровенно сомнѣвались въ этой пользѣ.

Адрій Шутъ—передовой человекъ своего сословія. Распространяя думы, внося просвѣщеніе въ свою семью, онъ имѣлъ благотѣльное вліяніе на всѣхъ своихъ собратій. Онъ живетъ въ Сосницкомъ уѣздѣ, Черниг. губ., въ м. Александровкѣ. Подробности о немъ можно узнать изъ I-го тома «*Записокъ о Южной Руси*», П. А. Кулпша Нѣскольکو, пѣтыхъ Андріемъ, думъ, помѣщены въ *Сборникъ* южнорусскихъ пѣсенъ, издавномъ А. Метлинскимъ.

Рисунокъ XIII—*портретъ бандуриста Остапа*. Съ этою личностью я надѣюсь вскорѣ познакомить читателей «Основы» подробнѣе; пока—скажу о немъ нѣскольکو словъ. *Остапъ Вересай*, уроженецъ Полтавской губ. Прилуцкаго уѣзда, села Калюжионецъ.

Якъ чоловікъ здоровъ, то й усякъ ёго кохае,
А при лихій годині — ёго й рідъ цурае.

Такъ, бывало, пѣлъ мнѣ Остапъ; такъ именно съ нимъ случилось. Пока онъ былъ помоложе, пока дочь его была меньше, онъ жилъ своимъ хозяйствомъ и не терпѣлъ крайняго недостатка; а когда ослабъ, дочь его выросла и вышла замужъ, Остапъ сталъ въ тягость семьѣ свей. Начали его *зневажать, худыми словами называть*, и довели до того, что онъ бросилъ свою же хату. Съ бандурой подъ полой, прикрытый плохой свитой, палкой ощупывая дорогу, побрелъ Остапъ по-міру. Бандура вездѣ выручала бѣдняка: гдѣ доставитъ ему пріютъ, гдѣ *робиш*; онъ пѣлъ, какъ поютъ всѣ бандури-

сты—и на перекресткахъ сельскихъ дорогъ, у креста, и подъ раскидистой вербой на *шляху*, на ярмаркахъ, въ убогой хатѣ, на веселой свадьбѣ; другъ его—бандура кормила его и поила, добывая иногда и чарку горилки, а съ хмѣлемъ—удовольствіе забыть свое горе. Онъ съ грустью вспоминалъ свою дочь, съ досадой—зятя; жилъ отъ нихъ въ 3-хъ верстахъ, но никогда уже не видался съ ними. Бывало, онъ запоетъ «*про вдовине життя*» и всегда прерветъ его рыданиями; обильныя слѣзы текли изъ его незрячихъ очей; хмурое чело становилось суровымъ. Эта дума была слишкомъ близка къ его собственной жизни:

Стали сині до розуму доходити,
Стали собі молоде подружка мати,
Стали свою матір рідненьку, —
Вдову стареньку —
Зневажати, —
Худими словами називати,
Зъ домівки сгоняти.

Остапъ давно уже поселился въ имѣньи Гр. П. Галагана, у крестьянки (тогда еще — крѣпостной) въ с. Сокирищахъ. Недавно онъ женился на ней и учитъ дѣтей ея своему искусству. Остапъ—мой суровый, умный пріятель. Каждый день, бывало, онъ нащупывалъ мою дверь, пролѣзалъ въ нее съ бандурой, и просиживалъ по цѣлымъ часамъ, то бесѣдуя со мной, то расигъвая безцѣпныя народныя думы.

Л. Ж.

ОБЪЯСНЕНИЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 8-й КНИЖКЪ «ОСНОВЫ».

Безкрайї—безконечный, безграничный, безбрежный.

Бути—быть.

Вільгота—льгота; выгода.

Вспільний—общій; обоюдный.

Габаваний—

Галунъ—квасцы.

Головосікъ—на Головосіка—въ праздникъ Усѣкновенія главы Іоанна Крестителя.

Гукотїти—шумѣть; стучать; топать.

Дзбанокъ—банкъ; кредитное учрежденіе.

Дідичка—владѣлица.

Дробцювати—топаться, частить ногами.

Жадїбка—жадоба; желаніе, позывъ къ чему.

За-длїя—длїя.

Зманутїсь—захотѣться; польстїться; влечься къ чему.

Засмальцеваний—замасленный.

Засунути—запереть; задвинуть.

Издаликъ—издалека.

Пржїа—ржа.

Коверзувати—капризничать; интриговать.

Лаштуватїсь—укладываться; собираться въ дорогу.

Лунати (очима)—хлопать (глазами).

Лїпасъ—ударъ ладонью по лицу.

Мовчущий—молчаливый.

Набрїхувати—ябедничать; наговаривать.

Нагарбати—награбить; захватать.

Нагїдки—поготки (*calendula officinalis* L.)

Накладъ—издержка, расходъ.

Напосївсь—насытъ, наставлялъ.

Невроку—чуръ кого.

Обезгладїти—потерять умъ.

Одбукта—исправление работы въ очередь.

Обїцїтїсь—обшаться.

Обчеській—принадлежащій крестьянскому обществу.

Пановїтий—важнїчающій попавськи.

Пахнутї—повѣять.

Перезвїа—приглашеніе свадебныхъ гостей; свадебные гости переходящіе отъ однихъ родственниковъ къ другимъ.

Пожїчка—заѣмъ.

Помїчь—помощь.

Постацїти—снабжать; поставлять.

Приблуда—приблудная скотина; бродяга.

Прїїмїть—прїемнїть.

Прїстанути—устать; изнемогать.

Прицадали—принадлежности.

Рахуба—счесть, отчетъ.

Родючїи—плодущїи.

Сцепїти—стиснуть, сжать.

Стїїтїсь—спохватїться, опомнїться.

Спрїжнїий—настоящїий.

Слухм(и)нїий—послушнїий.

Стїха—Степанида.

Стельнїкъ, **стїлнїкъ** соты.

Скїастїсь—сложїться, случїться.

Сумїяттї—тревога, волненїя, безпокойства.

Суперѣччїа—споръ; ссора.

Т орочити—толковать.	Ч убрій—чубатый.
У рядъ—управленіе, должность.	Ш авлія—шалфей.
Ц арина—въѣздъ въ огорожу, от- дѣляющую село отъ полей, —гдѣ стойтъ сторожевая будка.	Ш ипорить—искакъ, шипрять. Ш накъ—скворецъ.
Ч агарникъ—желкій лѣсной кустар- никъ.	Щ одѣнно—каждодневно. Я руга—(увелич.) оврагъ.

О ДѢТСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

У Малороссіянъ, какъ и у многихъ другихъ народовъ, есть свой дѣтскій языкъ; языкъ этотъ хотя имѣетъ незначительное число словъ, но многія изъ нихъ имѣютъ обширный смыслъ, простираются на многіе предметы и тѣмъ облегчаютъ начинающуюся память ребенка; это не слова съ опредѣленнымъ смысломъ, — это, такъ-сказать, родовыя понятія; впрочемъ, есть и такія слова, значеніе которыхъ выражаетъ одинъ предметъ, но, за исключеніемъ именъ животныхъ, ихъ очень мало. Нѣсколько десятковъ подобныхъ словъ стаётъ ребѣнку для выраженія его желаній и понятій. — Составъ словъ отвѣчаетъ ихъ назначенію: всѣ они двусложны, — а многія состоятъ изъ повторенія одного и того же слога, съ одною и тою же согласной. Кто первый составилъ эти слова — сказать трудно; вѣроятнѣе всего, они сложились сами-собою, вслѣдствіе необходимости: не пачинать же ребѣнку говорить языкомъ взрослыхъ.

Для выраженія дѣтскаго языка требуется гораздо меньше звуковъ и буквъ, чѣмъ обыкновенно: буквы, требующія нѣкоторыхъ усилій для произношенія, въ немъ не встрѣчаются; наприм. *г, ч, ц, ш, р*. На это слѣдовало бы обратить вниманіе, при составленіи дѣтской азбуки, въ учебникахъ. Ребенка сначала слѣдуетъ знакомить съ тѣми буквами, которыя ему легче произносить, и постепенно доходить уже до трудныхъ буквъ. Поговоримъ объ этомъ. При тщерешныхъ звуковыхъ методахъ обученія уже обращено вниманіе на постепенность, но точно какая-то боязнь одолѣла людей, взявшимися за это дѣло: они остановились на срединѣ своихъ желаній и не хотятъ трогать то,

что слѣдуетъ сломать: старое только тогда хорошо, когда нѣтъ ему противурѣчій въ новой жизни. Кирилло-Меѳодіевская азбука, хотя и основана на *живете* и *земль* (*ж*, *з*) и т. д., однакожь, когда она перешла въ гражданскую азбуку, то названіе каждой буквы надо было сократить, для облегченія при преподаваніи.—Такъ и случилось.

Въ настоящее время, при изобрѣтеніи звукопреподаванія, намъ одинаково смѣшно звукъ: *сссс*—называть «слово» или «эсъ»: въ томъ и другомъ нѣтъ смысла. Разумѣется, — дѣло не въ названіи, а въ понятіи, — это уже давно признано; но если понятіе измѣняется — и старое имя противурѣчитъ новому понятію, — бросимъ это имя и дадимъ ему другое соотвѣтственное понятію. Если понятіе разумно, то имя само напрашивается. Намъ случилось, въ послѣднее время, замѣтить оплошность въ преподаваніи грамоты по гражданской азбукѣ: говоря ребенку *эль* (*л*) да *я*, будетъ *ля*, мы остановились надъ тѣмъ, что сказали, и увидѣли свою ошибку. Странно: цѣлыя столѣтія проходили, пока люди замѣтили это. Но пойдемъ дальше.

Увидѣвъ несостоятельность, или вѣрнѣе, безтолковость такого преподаванія, при преподаваніи употребляютъ одинъ только звукъ каждой буквы. Остановимъ вниманіе на этомъ звукѣ, и возвратимся за тѣмъ назадъ.

Азбука Кирилло-Меѳодіевская, должно-быть, имѣетъ какое-то мистическое значеніе, подобно азбукѣ греческой и коптской. Это значеніе брался объяснить г. Пл. Лукашевичъ, въ своемъ трудѣ: «Ключъ къ познанію.» Онъ, дѣйствительно, открываетъ смыслъ въ порядкѣ названія буквъ всѣхъ трехъ азбукъ; но насколько близко къ истинѣ его открытіе и точно ли въ этихъ азбукахъ есть мысль, на это мы не можемъ положительно ничего отвѣтить. Основываясь отчасти на толкованіи г. Лукашевича, но больше на томъ, что нужно же было Кириллу и Меѳодію дать буквамъ азбучный порядокъ, мы относительно находимъ этотъ порядокъ удовлетворительнымъ, и если убѣдились въ мысли азбуки, то, можетъ быть, онъ былъ и необходимъ. Но все на свѣтѣ, а конечно, и эта азбука отъ времени теряетъ свою цѣну, и отживаетъ послѣдніе свои дни. Перейдемъ къ гражданской азбукѣ.

Если предполагаемая таинственная мысль породила именá буквъ и дала имъ извѣстный порядокъ, то ничего подобнаго не встрѣчаемъ мы въ гражданской азбукѣ: ея настоящій порядокъ объясняется порядкомъ славянской азбуки; чтоже касается до именъ буквъ, то они отчасти позаимствованы у латинской азбуки, — а отчасти выдуманы, — еще разъ

повторимъ—по прямой необходимости. При прежнеемъ преподаваніи можно было удовлетворяться какимъ-бы-то или было азбучнымъ порядкомъ, но когда рушилась система прежняго преподаванія и сдѣлалась звуковою,—то нужно ли оставлять въ повѣйшихъ учебникахъ старыи азбучный порядокъ? Это вопросъ большой важности.

Хорошо намъ, научившимся грамотѣ, руководствоваться, при обученіи другихъ, собственнымъ выборомъ буквъ (звуковъ) и въ заключеніе прочесть азбуку по старому порядку; но каково ребенку! вѣдь онъ спутается и, какъ ребенокъ, не хорошо пойметъ, въ чемъ дѣло. Это одно;—другое: не всякій звукъ одинаково легко произнесетъ ребенокъ; слѣдовательно, гдѣ основаніе придерживаться въ этомъ случаѣ стараго порядка?

Теперь мы не можемъ отвѣчать, почему непременно такая-то буква (звукъ) стоитъ предъ такою-то; но если буквы будутъ разсортированы, прогрессивно идя отъ лёгкихъ къ труднымъ, тогда легко будетъ отвѣчать на этотъ вопросъ, и такая азбука будетъ имѣть смыслъ. Мы считали нужнымъ сказать нашу мысль, какъ предисловіе къ дѣтскому словарю, который ясно указываетъ на безосновательность азбучнаго порядка, котораго, къ сожалѣнію, придерживаемся до-сихъ-поръ. Азбука для дѣтей; вслушайтесь же въ ихъ дѣтскій языкъ: при постепенномъ переходѣ отъ звука къ звуку и вамъ (т. е. тому, кто пожелаетъ это сдѣлать) легко будетъ составить правильную азбуку. Съ этимъ мы обращаемся къ великоруссамъ и къ малороссіянамъ: порядокъ азбуки обихихъ языковъ долженъ быть одинъ и тотъ же; исключенія могутъ быть самыя незначительныя.

Предлагаемый словарь далеко не полонъ, но мы имѣемъ право надѣяться, что его дополнятъ читающіе малороссіяне; намъ, впрочемъ, кажется, что языкъ чисто-дѣтскій заключаетъ въ себѣ не болѣе 60 словъ.

Въ этомъ словариѣ встрѣчаются только тѣ уменьшительныя слова, которыя прямо относятся къ ребенку; многія же другія изъ этого языка уже перешли въ языкъ народный и въ немъ получили право гражданства; такія слова (ихъ очень много) здѣсь совершенно лишнія, хотя они и входятъ въ дѣтскую рѣчь, напр. ніжечка, рученька, рученятко, ненечка, бабуся, голівонька, люлечка, и т. д. Малороссійскій языкъ больше всѣхъ другихъ языковъ обилуетъ такими словами. Многія дѣтскія слова употребляются также въ уменьшительномъ видѣ, но мы не будемъ здѣсь упоминать объ нихъ.

- Боля—Богъ, икона, церковь.
Биря—барашекъ, овца.
Биця—рогатая скотина.
Бубухъ—понятіе паденія.
Бусі—упадень.
Буба—бублики; всякое зерно.
Валя—болѣзнь, боль, рана и все, что можетъ причинить боль.
Вола—волкъ и все страшное.
Гуля—голубь.
Дюдя—холодь.
Дядя—всякій мужчина.
Дзень-дзень — выраженіе металлическаго звука.
Истонькі, істкі—ѣсть, кушать.
Жижжа—огонь, горячій уголь и, вообще, все горячее.
Зюзя—букашка и, вообще, все крошечное.
Кака—все нечистое, грязное.
Киця—конка.
Кіть—кіть—понятіе: катить.
Кόко—яйцо.
Кόся—лошадь.
Лёля—рубашка.
- Люля—колыбель.
Люля—спать.
Ляля—кукла, игрушка, дитя.
Мама—магъ.
Мá—пить.
Моля—молоко.
Нёня—мать.
Няня—нянька.
Папа—хлѣбъ.
Паця—поросёнокъ: свинья.
Пісі—мочиться.
Піти—
Нитоньки— } пить.
Сюсі—см. пісі.
Спáтоньки—спáтки—спать.
Тáто—(тятя) отецъ.
Тётя—всякая женщина.
Тютя—всякая птица, а преимущественно—курица.
Тпруті—(пруті) гулять.
Утя—утка.
Ціця—грудь.
Цюці—см. пісі.
Цюця—собака.
Цяця—игрушка.

11 августа 1861 р.

Л. Яценко.

ОДЪ РЕДАКЦІИ.

Въ августовской книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ*, въ отдѣлѣ *Современной Хроники*, г. Громека нашель поѣмѣ—то нужнымъ напечатать, будто бы «редакторъ *Основы публично поссорился съ П. А. Кулишомъ.*» Въ-предупрежденіе недоразумѣнія нашихъ читателей, считаемъ полезнымъ заявить, что г. Громека вовлеченъ былъ въ непростительную ошибку чрезмѣрною своею поспѣшностью, но, повинившись, напечаталъ объ этомъ въ августовскихъ номерахъ *Съверной Пчелы* и *Русскаго Инвалида*.

Високоповажніиъ: С—му, въ г. Колоу, *П. Кр—і*, въ г. Бобринецъ, *Петру Украинцеві* и *М. П—каз—ві*, въ Кіивѣ. Дуже жалкуємо, що не можна дати місця Вашимъ стихамъ увъ *Основі*: не підходящі.—Колн наша рада въ-ладъ зъ Вашою власною думкою, то вчітєсь поэзіи у нашего народу, въ его пісняхъ и думахъ, — вчитуйтєсь, серцемъ и мислю, въ нашихъ и нашихъ правдивіхъ поэтівъ, и тоді вже при ступайте до вищої мови (поэзіи); а до-того — вишодайте лучче сво думки простомовою (прозою).

Ст—ну А—н—чу П—су, въ *Черніговѣ*. Дякуємо Вамъ и високоповажному *М—сію Ст—чу .І—б—скому* за рисунокъ Собору. Вибачте, будьте ласкові, що вани «привієти» одложені до IX книжки: такъ було треба. Объ тїмъ же наша прозьба и до високоповажнихъ *Тиміша Коломацького* и *Василя Тищенка*.

Двомъ Украинцяиъ, въ Варшаву. Рубъ и шість рублівъ, що прислаіи при листахъ безъ імення, передали ми Михайлу Матвіевичу Лазаревському. Щира вамъ дяка за щирє слово и діло.

Д—тру П—чу П—ч—ву, *В—лю Ст—чу К—л—ку* и *К—лі Ш—н—лу*, въ *Полтаву*. За все, про все, наша вічнє дяка. Замагайте насъ и діломъ, и радою, и широкою правдою, а ми до Васъ на все одпишемо.

Олександрю Переходовцеві. Вашъ листъ зъ дороги буде напечатанъ незаборомъ; объ иншихъ речахъ одишемо Вамъ особно. Не судіть насъ до-часу.

П—у П—чу Р—в—кину, въ с. Красне.—Щира Вамъ дяка за «Пасішниківъ.» Дѣ жъ такн—забувь! Ні, добре й досі памьятаю, якъ вчились ми разомъ у школі. Не забувайте й насъ; засялайте вісті объ собі,—объ тімъ, що на-вкругі у васъ діетця.

П. Б—л—аву Рудн—му, на Волинь. Ваша одповідь *Р. Вістникові* не буде напечатана, хоча бъ ми й не того бажали. Не забувайте объ *Основі*; нагадуйте объ Волині.

Карпу Н—чу Ш—р—р—му, въ Харьковѣ. Редакція была бы весьма благодарна Вамъ за доставленіе собранныхъ вами матеріаловъ для изученія Украинскаго языка, и съ удовольствіемъ исполнила бы Ваши порученія.

М—р—ну О—ль—к—чу, въ с. Калиту. Мы были бы весьма благодарны за дальнѣйшее доставленіе народныхъ пѣсенъ, въ-особенности историческихъ и былевыхъ, указаніемъ — гдѣ, кѣмъ и отъ кого онѣ записаны.

Г—ну Езучевскому, въ Кременчугѣ. Благодаримъ Васъ за письмо. Ваше требованіе не было доселѣ исполнено по-ошибкѣ.

Г—ну Харченку, въ Верхнеднѣпровскѣ. С. петербургскій Почтамтъ оффіціально увѣдомилъ редакцію, что въ полученіи 2-ой книжки *Основы* есть собственноручная росписка г-на Харченка и хранитъ въ Газетной Экспедиціи.

Г—ну Аствацурову, въ Тифлисі.—*Основа* Вамъ выслана; слѣдуетъ доставить въ редакцію 10 рублей.

«ОСНОВА»

будеть издаваться и въ 1862 году, по прежней программѣ и при содѣйствіи всѣхъ сотрудниковъ, принимавшихъ участіе въ нашемъ вѣстникѣ съ начала нынѣшняго года. Подробное объявленіе напечатается въ IX книжкѣ.

ПОПРАВКИ.

1) въ VI-ой книжкѣ замѣчены слѣдующія ошпбки:

			<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>	
стр. 123,	—	3-я	—	перво зданными	<i>первозданными</i>
— —	—	9-я	—	соль. Въ иныхъ...	<i>соль; называются они нептуническими. Въ иныхъ..</i>
— —	—	17-я	—	Нептуническая оса- дочная	<i>Нептуническая или оса- дочная.</i>
— 128,	—	29-я	—	раковины. Кромѣ...	<i>раковины: продуктъ иг- лантскій и спириферъ мос- ковскій и коралль ам- лексъ. Кромѣ...</i>
— 129,	—	1-я	—	комочій	<i>колючій.</i>

2) Т. II. Комаровъ, котораго слово на могилѣ Шевченка — напечатано въ VI книжкѣ *Основы* (стр. 27), пожелалъ указать здѣсь такія поправки:

вмѣсто — далеко-далеко,	читать — далеко, за Дніпромъ широкимъ,
— — проволоочивъ	— — протянувъ,
— — до самой могилы	— — до самой труны,
— — стезю	— — стезю ажъ до батьківъ нашихъ,
— — и душа	— — її душа,

выпустить по въ первой строчкѣ.

3) Въ V-й книжкѣ *Основы*, въ статьѣ Гоголь, на стр. 23, вмѣсто *театральной паясы*, напечатано, по недосмотру, *театрального паясы*.

4) Въ статьѣ: *Отвѣтъ на статью Вс. Крестовскаго* (страница 11-я, строка 10-я) вмѣсто — *стремится* обличать — должно быть — *страшится* обличать.

RAL - RG 495
W. Parsch
Buchbinderei
Peiting/München

